ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

По рисунку съ натуры П. А. Каратыгина.

дозв. ценз. 26 іюня 1896 г. спб.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ LXV

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXV

1896

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1896

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЯТАГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1896 года).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

ІЮЛЬ, 1896

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮЛЬ, 1896 г.

Стр.

См. слѣд. стр.

СИЛЬФИДА [1].

(Романъ въ трехъ частяхъ).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

ПРОШЛО ПЯТЬ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ надъ Бентингъ-Полянскимъ стряслась бѣда. Онъ совершенно оправился отъ удара и словно переродился. Тогда онъ, почувствовавъ себя впервые на твердыхъ ногахъ, потребовалъ деньги у Наташи и, захвативъ съ собою двѣсти тысячъ, поѣхалъ въ маленькій домикъ, спрятанный въ тѣни деревьевъ. Это уже не было неотразимое влеченіе страсти, а скорѣе требованіе самолюбія. Поэтому-то онъ такъ легко примирился съ внезапнымъ исчезновеніемъ своего партнера.

Онъ сталъ ровнѣе; его уже болѣе не увлекали безумства ночныхъ кутежей. И это происходило вовсе не отъ того, что состояніе его, благодаря игрѣ, уменьшилось на полтора милліона. Богатство его было такъ значительно, что безъ потрясеній могло выдержать эту убыль. Нѣтъ, тѣ развлеченія, которымъ онъ такъ неудержимо предавался прежде, теперь перестали занимать его.

Вмѣстѣ съ этимъ у него явилось какое-то отвращеніе къ большимъ городамъ. Ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ ему не хотѣлось

---

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIV, стр. 745.

жить. У него явилась наклонность къ бродячей жизни, и онъ переѣзжалъ изъ одного имѣнія въ другое. Обладая чрезвычайно дѣятельной натурой, которая мѣшала ему на чемъ нибудь сосредоточиться, да и къ тому же не имѣя никакихъ опредѣленныхъ вкусовъ, онъ тратилъ время и средства на безчисленныя постройки. То ему казалось, что домъ въ Тверскомъ имѣніи малопомѣстителенъ, и онъ разбиралъ его и на его мѣстѣ строилъ другой; то приходила охота разбить десятиверстный садъ съ клумбами, прудами, каменными бесѣдками; то онъ начиналъ проводить шоссе къ уѣздному городу, которое потомъ, забытое и никѣмъ не возобновляемое, размывалось дождями и погибало. Дорого обошлась ему затѣя въ Архангельской губерніи, гдѣ онъ во что бы то ни стало хотѣлъ акклиматизировать ольху и насадилъ ея чуть не цѣлый лѣсъ.

Можетъ быть, всѣ эти затѣи, требовавшія постояннаго движенія, вызывались состояніемъ его здоровья. Ему нельзя было сидѣть на мѣстѣ. Послѣ удара онъ началъ какъ-то ужъ очень быстро толстѣть. Его полнокровіе безпокоило врачей, и движеніе умѣряло опасныя наклонности его организма.

Раза четыре въ годъ онъ появлялся въ Москвѣ и живалъ тамъ по нѣсколько недѣль.

А Наташа съ дѣтьми, изрядно истомившись въ Петербургѣ, гдѣ она все время была какъ бы въ гостяхъ и не чувствовала себя хозяйкой, съ великой радостью переселилась въ Москву.

Здѣсь она нашла все постарому. Люди, остававшіеся все время безъ дѣла, окончательно излѣнились; но какъ только они почувствовали, что нужны «доброй барынѣ», тотчасъ немного подтянулись и перестали спать безъ просыпу.

Жизнь пошла здѣсь постарому. Съ нею пріѣхала Өекла Григорьевна, принявшая въ свои руки московское хозяйство. Она мастерски усвоила этотъ предметъ въ Петербургѣ, такъ какъ тамъ хозяйство было сложное, надо было угодить многочисленнымъ гостямъ, которые наполняли домъ, да и требованія были строги. Конечно, Өекла Григорьевна не подвергалась казнямъ, которыя висѣли надъ головами всѣхъ другихъ, но она знала, что никакія заслуги не могутъ застраховать отъ этого, что все зависитъ отъ минуты, и въ случаѣ, если бы она не угодила, дѣло могло повернуться такъ, что ее, почтенную, всѣми людьми въ домѣ уважаемую и, какъ особа высшаго званія, носившую чепцы, могли положить подъ розги. Но этого не случилось. Она всегда была на высотѣ призванія. Это призналъ и Андрей Михайловичъ и, разставаясь съ нею, когда покидалъ петербургскій домъ на Англійской набережной, подарилъ ей 100 рублей.

Жизнь Наташи теперь была менѣе тревожна. Она могла только бояться разныхъ случайностей, какія были возможны въ дорогѣ и при постоянныхъ переѣздахъ Андрея Михайловича съ мѣста на

мѣсто, по плохимъ дорогамъ, въ стужу, на бѣшеныхъ лошадяхъ, потому что онъ другихъ не признавалъ.

Но у нея было свое горе. Здоровье ея было расшатано. Много лѣтъ тревожной жизни, полной разочарованій и обидъ, не прошли для нея безслѣдно. У нея постоянно болѣла грудь, и доктора, лѣчившіе ее, подозрительно покачивали головами. Они подозрѣвали чахотку. Не будь этого, она могла бы сказать, что послѣ долгихъ бѣдствій судьба ей улыбнулась и послала ей жизнь безъ тревогъ. Все улеглось, перебродило, у нея не было никакихъ безпокойныхъ заботъ. Ей не приходилось больше тревожиться и болѣть душой за будущность дѣтей. Дѣвочки выростали здоровыми, красивыми. «Иностранки» и множество учителей, посѣщавшихъ ихъ домъ, старались сдѣлать ихъ образованными и готовыми къ «свѣтской жизни», для которой прочилъ ихъ Андрей Михайловичъ. Она безумно любила ихъ, онѣ платили ей тѣмъ же.

Домъ ея былъ полной чашей земныхъ благъ. Все, что было необходимо для домашней жизни, доставлялось въ изобиліи изъ разныхъ деревень. Въ одной производили отмѣнное масло, въ другой выводили птицъ, въ третьей откармливали телятъ; подъ самой Москвой былъ у нихъ свой огородъ, откуда доставлялись овощи. Мастерицы ткали тончайшіе холсты, вязали кружева, вышивали ковры. А ко всему на подмогу—въ шкафу всегда лежала куча золота, которому никто не велъ счета. Старые друзья возобновили свои посѣщенія. Тугаринъ видимо постарѣлъ, и его замѣтно безпокоила отсутствующая нога. Но это не мѣшало ему оставаться весельчакомъ и собирать вокругъ себя молодежь, охочую пошутить и позабавиться. Верховскій быстро пошелъ по службѣ и разсчитывалъ года черезъ три получить полкъ. Сербичъ поотсталъ отъ него, но все же шелъ хорошо и былъ доволенъ. Коромысловъ все еще управлялъ театромъ, но перемѣнилъ свою привязанность. Старая звѣзда послѣ тысячи неудачъ совсѣмъ закатилась и сошла со сцены. Теперь онъ выводилъ въ звѣзды молоденькую Сабинову, которую Наташа помнила въ школѣ невзрачной и забитой. Но она расцвѣла, похорошѣла, и ей везло на сценѣ.

Не стало только Зои Ѳедоровны. Она умерла, и ея мѣсто заняла строгая нѣмка, на которую жаловались воспитанницы. Но Наташа не могла прекратить своихъ связей со школой. Ее постоянно влекло туда, и она посѣщала всѣ ученическіе вечера и праздники. Это напоминало ей былое.

Странно сложились обстоятельства Лизы. Давнишній разговоръ за обѣдомъ, когда Андрей Михайловичъ полушутя выразилъ желаніе выдать ее замужъ, хотя она и отнеслась къ этому, повидимому, равнодушно, тѣмъ не менѣе запалъ ей въ душу. Она была недурна лицомъ, хорошо сложена, обладала добрымъ сердцемъ и мягкимъ уживчивымъ характеромъ; этихъ достоинствъ было совершенно до-

статочно, чтобы выйти замужъ. А если принять во вниманіе, что у нея былъ такой богатый родственникъ, какъ Вентышъ-Полянскій, и слѣдовательно она могла разсчитывать на хорошее приданое, то становилось страннымъ, что у нея не было жениховъ.

Между тѣмъ дѣло было просто. Она жила у сестры, а Наташа нигдѣ не бывала. Кругъ ея знакомыхъ былъ очень ограниченъ и вовсе не расширялся. А у Лизы было еще несчастное свойство—застѣнчивость, которая заставляла ее сидѣть въ своей комнатѣ, когда кто нибудь былъ въ гостиной. Такимъ образомъ Лиза, даже съ Верховскимъ и Сербичемъ, единственными молодыми людьми, посѣщавшими ихъ домъ, не познакомилась какъ слѣдуетъ.

А время шло, она уже стала взрослой дѣвушкой. Оставаться безъ мужа казалось ей и позорнымъ и скучнымъ. И она до извѣстной степени разсчитывала на поѣздку въ Петербургъ. Но думала она объ этомъ тайно, не признаваясь въ этомъ даже Наташѣ. Богъ знаетъ, можетъ быть, тотъ, о комъ говорилъ Андрей Михайловичъ,—хорошій человѣкъ и придется ей по душѣ.

И вотъ они пріѣхали въ Петербургъ. Первое время Андрей Михайловичъ бывалъ съ ними часто, потомъ занялся своей игрой. А о ея замужествѣ какъ-то онъ и не вспоминалъ. Сама Лиза, конечно, не намекнула объ этомъ ни звукомъ, а Наташа не смотрѣла на это серьезно. Ей и въ голову не приходило, что это входитъ въ планы Лизы, и что она объ этомъ отчасти мечтаетъ. Такъ они и изъ Петербурга уѣхали, сперва въ Тускино, потомъ въ Москву, и Лиза не видала человѣка, котораго предназначалъ ей въ мужья Андрей Михайловичъ, а, можетъ быть, и видѣла, да не знала, что это былъ именно онъ.

А человѣкъ этотъ былъ не кто иной, какъ молодой Унтиновъ, который не прочь былъ жениться на свояченицѣ Вентышъ-Полянскаго. Но скоро онъ исчезъ съ горизонта, попавшись въ какихъ-то плутняхъ, ушелъ изъ полка и затерялся въ толпѣ.

А Лизѣ шелъ уже двадцать-пятый годъ, возрастъ—для дѣвицы опасный. И вотъ однажды, когда Андрей Михайловичъ прямо изъ Архангельской губерніи, гдѣ онъ насаждалъ ольховый лѣсъ, примчался въ Москву, и въ домѣ собрались обычные гости, за вечернимъ часмъ, среди веселой бесѣды, онъ сказалъ:

— Не понимаю, почему Сербичъ до сихъ поръ не женится на Лизѣ.

Это было такъ неожиданно, что всѣ въ первую минуту смутились. Лиза, сидѣвшая здѣсь, едва не уронила себѣ на колѣни чашку съ горячимъ чаемъ, а Сербичъ густо покраснѣлъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ...—продолжалъ Андрей Михайловичъ совершенно просто, какъ будто и не видѣлъ общаго смущенія.—Помоему, Лиза—такая прелестная дѣвушка, что можетъ составить счастье всякаго мужчины, и Сербичъ просто зѣвака...

Говоря это, онъ и не замѣтилъ, какъ Лиза, чрезвычайно сконфуженная, тихонько вышла изъ столовой и затѣмъ во весь вечеръ больше не появлялась. Разговоръ былъ замятъ и скоро перешелъ на другія темы.

Но онъ не прошелъ безслѣдно. Сербичъ принадлежалъ къ небогатымъ дворянамъ и всю жизнь мечталъ только о двухъ вещахъ: попасть въ высшее общество и сдѣлаться богатымъ. Кажется, нельзя было отыскать лучшаго случая достигнуть и того и другого. Благодаря знакомству съ Бентышъ-Полянскимъ, у него уже явились кое-какія связи. Но этотъ домъ велся какъ-то странно; въ немъ никого нельзя было встрѣтить. А родство съ этимъ человѣкомъ можетъ сразу возвысить его.

И онъ съ слѣдующаго же дня предпринялъ атаку. Лиза очень удивилась, получивъ утромъ букетъ изъ свѣжихъ розъ. Потомъ онъ сталъ являться чаще, старался разговорить ее и недѣли черезъ три оказался влюбленнымъ. Онъ немного торопился, зная очень хорошо, что Андрей Михайловичъ въ Москвѣ заживаться не любитъ.

Затѣмъ послѣдовало форменное предложеніе, и Лиза стала невѣстой. Противъ Сербича никто ничего не имѣлъ. Все время знакомства онъ велъ себя чрезвычайно скромно и прилично. Къ нему всѣ привыкли. Наташа считала, что онъ для Лизы—хорошая партія, и была очень довольна.

Лиза, конечно, влюбилась въ своего жениха съ той минуты, какъ получила отъ него первый букетъ. А Андрей Михайловичъ отвалилъ ей въ приданое сто тысячъ. Онъ до такой степени жертвовалъ собой, что отложилъ свою поѣздку въ Тускино, гдѣ у него была задумана какая-то грандіозная постройка, на цѣлый мѣсяцъ, и наконецъ произошло вѣнчаніе.

Свадьбы они не устроивали, но обрядъ вѣнчанія былъ произведенъ съ большою торжественностью. Лиза въ подвѣнечномъ платьѣ была красавицей, и Сербичъ, увидѣвъ ее, не пожалѣлъ о своемъ шагѣ. Въ сущности онъ относился къ ней холодно и ждалъ больше всего момента, когда ему вручатъ приданое. Онъ не зналъ, какая это будетъ цифра.

Когда же Андрей Михайловичъ вручилъ ему сто тысячъ, онъ почувствовалъ къ своей женѣ безконечную нѣжность. Теперь ужъ онъ зналъ, что и карьера его пойдетъ быстро, и что онъ, пожалуй, перегонитъ своего ускакавшаго впередъ сверстника, Верховскаго.

Въ придачу къ ста тысячамъ Андрей Михайловичъ подарилъ новобрачнымъ домъ на Моросейкѣ, гдѣ они и поселились.

II.

На этотъ разъ Андрею Михайловичу пришлось засидѣться въ Москвѣ. Покончивъ съ свадьбой Лизы съ Сербичемъ, онъ уже сдѣлалъ приказанія о томъ, чтобы снаряжаться въ дорогу. Ему надо было ѣхать въ Петербургъ и потомъ въ Тускино. Онъ пріобрѣлъ у какого-то прогорѣвшаго коллекціонера цѣлую кучу драгоцѣнныхъ итальянскихъ вещицъ и долженъ былъ водворить ихъ въ своемъ замкѣ. Онъ вовсе не былъ любителемъ, а тѣмъ менѣе знатокомъ картинъ, но просто ему надо было въ чемъ нибудь проявить свою жажду дѣятельности. Впрочемъ, панъ Шипицкій объявлялъ себя великимъ знатокомъ и увѣрялъ, что вся коллекція состоитъ изъ шедевровъ. Откуда онъ получилъ эти знанія, не бывавши ни разу ни въ одномъ музеумѣ? Но дѣло въ томъ, что онъ входилъ въ сношенія съ коллекціонеромъ, и, по всей вѣроятности, вся эта операція не прошла для него безслѣдно, увеличивъ его сбереженія.

Но въ то самое время, какъ Андрей Михайловичъ собрался выѣхать, пріѣхалъ Алексѣй Михайловичъ и, по обыкновенію, остановился на Дмитровкѣ, во флигелѣ, который и существовалъ-то единственно для него.

Андрей Михайловичъ обрадовался ему. — Откуда? — спросилъ онъ:—неужели прямо изъ чужихъ странъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Алексѣй Михайловичъ:—прямо изъ деревни.

— Надѣюсь, подольше погостишь у насъ.

— Не надѣйся. Чѣмъ скорѣе справлюсь, тѣмъ лучше!..

— Что такъ?

— Да такъ. Грустно у васъ тутъ... Ты знаешь, что и всегда мнѣ была не сродни ваша дикая жизнь!..

— Да вѣдь все же она, хоть и дикая, а своя, родная! Не бойся, нѣтъ, нѣтъ, да и потянетъ.

— И даже не тянетъ!.. Я пріѣхалъ по важнымъ дѣламъ, и должно быть, что въ послѣдній разъ...

— Ну? Ужъ и въ послѣдній!.. Что тамъ ни говори, какія мысли ни проповѣдуй, а все же безъ дохода съ имѣній не проживешь, братъ,—замѣтилъ Андрей Михайловичъ слегка иронически.—Вѣдь гуманные принципы не мѣшаютъ вамъ, господа, получать оброкъ и пропивать его за границей.

— Нѣтъ, мѣшаютъ, Андрей, мѣшаютъ! Это и привело меня въ Россію...

— Что же это означаетъ?

— Эхъ, долго разсказывать, братъ! Да и того еще боюсь, что огорчу тебя.

— Ты меня огорчить не можешь...

— Да многихъ уже огорчилъ. Всѣ сосѣдніе помѣщики на меня

взъѣлись. Даже губернатору донесли, что вотъ, молъ, крамольникъ проявился... А какой же я крамольникъ? Хочу жить такъ, какъ считаю справедливымъ, вотъ и все...

Андрей Михайловичъ заинтересовался. Уже съ самаго пріѣзда брата онъ видѣлъ, что братъ не совсѣмъ таковъ, какимъ былъ всегда. Къ его обычной серьезности прибавилась еще какая-то важность, какъ бы сознаніе исполненнаго важнаго долга. Говорилъ онъ не особенно охотно, какъ бы не разсчитывая, что здѣсь его могутъ понять.

— Такъ что же ты такое сдѣлалъ? Чѣмъ взбудоражилъ сосѣдей?— спросилъ Андрей Михайловичъ.

— А вотъ чѣмъ: я выдѣлилъ своимъ крестьянамъ часть земли и далъ имъ свободу...

— Что-о?

— Ну, да, далъ имъ свободу... То-есть, я далъ имъ то, что имъ принадлежитъ по праву человѣка...

Андрей Михайловичъ вскочилъ съ мѣста.

— Прости, братъ... Но ты... ты не въ здоровомъ умѣ... воскликнулъ онъ, и лицо его налилось кровью.

Алексѣй Михайловичъ усмѣхнулся. Слова брата нисколько не обидѣли его. Онъ и не ожидалъ отъ него другихъ словъ, зная очень хорошо его взгляды на это дѣло.

— Такъ сказали и мои сосѣди и, кажется, самъ губернаторъ... промолвилъ онъ.

— Они и не могли иначе сказать... Но что же губернаторъ? Неужели онъ допустилъ?

— Какъ можетъ онъ не допустить? На Руси, конечно, законность не въ большомъ уваженіи находится, но по крайней мѣрѣ право дворянина распоряжаться своей собственностью не подвержено сомнѣнію... Онъ, разумѣется, стращалъ меня всякими ужасами. Написалъ въ Петербургъ, къ министру... Но, къ счастью, россійскіе порядки требуютъ, чтобы казенная бумага шла въ столицу не менѣе мѣсяца, да тамъ лежала мѣсяцъ, да на обратный путь ей полагается мѣсяцъ... А этого времени довольно, чтобы я окончилъ задуманное дѣло...

— Ахъ, братъ, братъ... Твое задуманное дѣло—плохо задумано... Будь я губернаторомъ, я бы своею собственною властью запретилъ бы тебѣ это дѣлать... Помилуй Богъ, ты не одинъ таковъ, въ послѣдніе годы не мало у насъ развелось такихъ гуманныхъ философовъ. Что если всѣ такъ распорядятся съ своими крестьянами, вѣдь сосѣдніе крестьяне не слѣпые же, они это будутъ видѣть, и себѣ захотятъ того же... А вѣдь это пахнетъ бунтомъ...

— Мнѣ нѣтъ до этого дѣла. Никакія соображенія не должны мѣшать мнѣ поступать справедливо...

— Что значитъ — справедливо?

— Справедливо? Это слово одинаково понимаетъ весь міръ, только въ Россіи его понимаютъ иначе. Справедливость въ жизни, Андрей, по моему мнѣнію и по мнѣнію всего міра, это есть обязанность каждому отдавать то, что предоставлено ему самимъ Создателемъ. Человѣкъ созданъ для того, чтобы пользоваться благами земли, всѣ мы—и дворяне и крестьяне—созданы однимъ Богомъ, всѣ происходимъ отъ одного человѣка, а слѣдовательно—мы братья. Такъ неужели справедливо, чтобы братъ давилъ брата, величался передъ нимъ и держалъ его въ рабствѣ? Развѣ это бываетъ, чтобы въ семьѣ одинъ братъ пользовался всѣмъ и лежалъ на боку, а другой въ потѣ лица и безъ отдыха работалъ на него? Да, братъ, весь міръ, кромѣ Россіи, такъ понимаетъ справедливость!

— Постой, постой! Какой же весь міръ? А развѣ ты не знаешь, что въ образованной странѣ, въ Америкѣ, бѣлые люди держатъ въ рабствѣ черныхъ. Вѣдь, потвоему, и черные—братья бѣлымъ...

— Да, держатъ еще въ рабствѣ, но не долго будутъ держать. Лучшіе люди, образованнѣйшіе, гуманнѣйшіе, уже кричатъ тамъ противъ рабства, и число ихъ ростетъ съ каждымъ днемъ. Скоро въ Америкѣ не будетъ рабовъ, и тогда одна только Россія останется позорнымъ пятномъ на земномъ шарѣ.

— Ну, оставимъ этотъ споръ... Тебя не переговоришь,—сказалъ Андрей Михайловичъ, видимо не умѣя возразить этому:—но что же ты сдѣлалъ съ остальной землей?

— Я ее продалъ.

— Какъ? Ты продалъ всю твою землю?

— Да! зачѣмъ же она мнѣ?

— Кому же продалъ ее?

— Разнымъ лицамъ. Въ Ярославской губерніи одинъ богатый промышленникъ, въ Тверской—сосѣдній помѣщикъ.

— И ты рѣшился разстаться съ наслѣдствомъ отцовъ?

— Я рѣшился на большее: я разстаюсь съ родиной.

— Какъ? Ты хочешь совсѣмъ покинуть родину?

— Не могу я жить въ странѣ, гдѣ на каждомъ шагу видишь, какъ оскорбляютъ человѣческое достоинство...

— Гдѣ же будешь жить?

— Не знаю. У меня есть землица въ Швейцаріи, но, можетъ быть, я переѣду въ Англію. Тамъ разумнѣе нравы и разумнѣе свобода! Тамъ цѣнятъ трудъ человѣка и уважаютъ его достоинство!..

На Андрея Михайловича все это произвело удручающее впечатлѣніе. Въ немъ самомъ слишкомъ глубоко сидѣли крѣпостническіе корни, и ему совершенно были недоступны идеи, которыя проповѣдывалъ Алексѣй Михайловичъ. Но онъ страстно любилъ брата, и имъ овладѣвало безпокойство. Очевидно, Алексѣй, всегда отличавшійся мечтательностью и какой-то нетвердостью ума, еще больше прежняго боленъ, и Богъ знаетъ, къ чему это можетъ повести.

Кромѣ того, онъ боялся, что и со стороны властей это не пройдетъ ему даромъ. Бывали примѣры, что людей, проповѣдывавшихъ подобныя идеи, схватывали и прятали въ неизвѣстныя мѣста. Не можетъ быть, чтобы губернаторъ оставилъ это безъ особыхъ мѣропріятій.

И Андрей Михайловичъ безпокоился за судьбу брата... Алексѣй, повидимому, очень держался осторожно. Разсчитывая на медлительность русскихъ канцелярій, онъ, однако, торопился окончить поскорѣе всѣ дѣла. Онъ съ утра до вечера возился съ бумагами, встрѣчался съ дѣловыми людьми и недѣли черезъ двѣ объявилъ, что готовъ къ отъѣзду. Теперь ему надо было только на нѣсколько дней съѣздить въ Петербургъ, а оттуда за границу.

— Ну, Андрей,—сказалъ онъ на прощанье брату:—очень жаль, что ты, обладая такими добрыми качествами души, которыя я уважаю, раздѣляешь заблужденія темныхъ умовъ. Для меня было бы великой радостью когда нибудь узнать, что ты поступилъ съ своими крестьянами справедливо...

— Этого никогда не будетъ! — рѣшительно отвѣтилъ Андрей Михайловичъ, — я считаю; что живу по справедливости, и мнѣ не для чего мѣняться, я — русскій человѣкъ и живу такъ, какъ живутъ въ Россіи всѣ члены моего сословія...

— Ну, не будемъ спорить о словахъ! Вотъ ты ужъ покраснѣлъ, значитъ, сердишься, а я хочу съ тобой разстаться дружески. Вотъ что, братъ: совѣтую тебѣ съѣздить въ Европу. Тамъ на тебя повѣетъ свѣжимъ воздухомъ... У васъ здѣсь воздухъ испорченный, затхлый, оттого вы и живете, какъ дикари... Да, пріѣзжай въ Европу и заѣзжай къ брату. Я тебѣ покажу лучшее, что тамъ есть. А тамъ много есть хорошаго, много такого, что способно перевернуть всѣ взгляды человѣка.

— Не поѣду я въ твою Европу! Мнѣ и здѣсь хорошо! — отвѣчалъ Андрей Михайловичъ.

Алексѣй Михайловичъ простился и уѣхалъ въ Петербургъ. Тамъ онъ долженъ былъ остановиться на Англійской набережной, и Андрей Михайловичъ извѣстилъ пана Шипицкаго, чтобы встрѣтилъ и устроилъ его.

Прошло дня два, и вдругъ отъ Шипицкаго было получено чрезвычайно тревожное извѣстіе. Онъ сообщалъ, что Алексѣя Михайловича арестовали и упрятали въ крѣпость.

Внѣ себя отъ безпокойства, Андрей Михайловичъ тотчасъ же поѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь панъ Шипицкій разсказалъ ему, что случилось это, когда его, Шипицкаго, не было дома, и онъ не знаетъ ни причины, ни обстановки, при которой все произошло. Онъ пробовалъ, было, добиться пріема у одного важнаго лица, которое могло бы разъяснить ему дѣло, но его не захотѣли принять.

Андрей Михайловичъ прежде всего направился къ тетушкѣ-кня-

гинѣ. Она очень замѣтно постарѣла за эти годы, но въ своемъ домѣ держала прежній высокій тонъ. Гостиная ея была полна людьми, принадлежавшими къ высшей администраціи, и вліяніе ея было огромно. Андрея Михайловича она давно простила, и попрежнему онъ былъ ея слабостью.

— Ma tante, спасайте. Мы отъ васъ зависимъ! — началъ онъ прямо, видимо крайне взволнованный.—Вы должны спасти Алексѣя...

— Алексѣй! Я слышала, слышала... Онъ освободилъ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ. Это очень гуманно, но несвоевременно...

— Не правда ли, ma tante? Я почти то же говорилъ ему...

— О, ужъ никакъ не могу этого представить себѣ! Ты не могъ этого говорить. Я знаю твои взгляды... Но я держусь другихъ. Я согласна съ Алексѣемъ и съ другими, что рабство есть великая несправедливость. Но прежде чѣмъ освобождать, надо, чтобы это сознаніе сдѣлалось общимъ. Освободить можно только всѣхъ разомъ... По частямъ нельзя. Это поведетъ къ ужаснымъ столкновеніямъ... Ну, а до общаго сознанія у насъ въ Россіи еще далеко...

— Но, ma tante, вѣдь никакъ нельзя допустить, чтобы Алексѣй сидѣлъ въ крѣпости... Бентышъ-Полянскаго нельзя держать въ крѣпости!

— Если Бентышъ-Полянскій дѣлаетъ глупости, почему же его не подержать въ крѣпости? Я тебѣ скажу откровенно, что въ этомъ случаѣ мало разсчитываю на успѣхъ. Очень ужъ круто смотрятъ у насъ на такія дѣла...

Но вечеромъ того же дня княгиня имѣла долгій разговоръ съ однимъ сановникомъ, который, въ уваженіе къ ея больнымъ ногамъ, поспѣшно явился на ея зовъ. Разговоръ происходилъ въ ея кабинетѣ, при чемъ двери были притворены, и даже казачки, возившіе кресло княгини, были удалены.

Прошло еще два дня. Наконецъ, Алексѣй Михайловичъ, выпущенный на волю, явился къ княгинѣ и съ чувствомъ поцѣловалъ у нея руку въ знакъ благодарности за освобожденіе. Потомъ онъ обнялъ и расцѣловалъ брата, очень сильно оцѣнивъ его заботливость, и въ этотъ же день поспѣшно уѣхалъ за границу.

Андрей Михайловичъ занялся своей коллекціей, перевезъ ее въ Тускино и, установивъ все по надлежащимъ мѣстамъ, пригласилъ княгиню поглядѣть. Но княгиня сослалась на свои ноги и не поѣхала. Очень ужъ мало вѣрила она во вкусъ своего любимаго племянника и не хотѣла огорчать его.

III.

Не смотря на очень твердый тонъ, какимъ Андрей Михайловичъ отвѣчалъ брату, что никогда за границу не поѣдетъ, ему все-таки пришлось поѣхать. Болѣзнь его, подъ шумъ передвиженій съ мѣста

на мѣсто, при дѣятельной жизни, втихомолку развивалась. Начались безсонницы, ночные страхи и всякіе признаки опаснаго нервнаго разстройства. Сперва онъ не обращалъ на это вниманія, потомъ посовѣтовался съ врачами, которые надавали ему всякихъ пилюль и микстуръ, но ни пилюли ни микстуры не помогли.

Тогда Андрей Михайловичъ обезпокоился. Мысль о смерти въ былые годы никогда не приходила ему въ голову; онъ чувствовалъ себя слишкомъ здоровымъ. Но послѣ неожиданнаго удара она стала все чаще и чаще посѣщать его и наводить на него ужасъ.

И вотъ, видя, что средства петербургскихъ врачей не помогаютъ, онъ началъ терять голову. Онъ явился къ княгинѣ чрезвычайно разстроенный. Это было въ мартѣ, когда петербургскій зимній сезонъ подходилъ къ концу.

Онъ нашелъ княгиню расклеенной, съ мигренями, съ болью въ ногахъ.

— Ma tante, кажется, сегодня не расположена быть внимательной?—промолвилъ Андрей Михайловичъ, цѣлуя ея руку.

Княгиня внимательно вглядѣлась въ его лицо и, несмотря на свои головныя боли, тотчасъ же разглядѣла въ его глазахъ что-то похожее на испугъ.

— Да, я вижу, что ты требуешь вниманія, мой бѣдняжка, André!—сказала она:—садись и исповѣдуйся...

— Но вы сами страдаете, ma tante. Я вовсе не хочу надоѣдать вамъ.

— Ну, что тамъ! я страдаю уже двадцать лѣтъ и все же умѣю находить удовольствіе въ жизни!.. Я старуха и скоро умру, и это нисколько не пугаетъ меня. Довольно прожила на своемъ вѣку. Вѣдь мнѣ семьдесятъ четыре!

— Мнѣ гораздо меньше, ma tante, и потому я къ этому вопросу отношусь совсѣмъ иначе.

— А развѣ является этотъ вопросъ?

— Является, ma tante, и... пугаетъ меня!

— То-то, я вижу, что у тебя испугъ въ глазахъ! А вѣдь ты вообще не трусъ... Ты храбро кидался, очертя голову, куда ни попало... Знать она—не свой братъ...

— Не говорите такъ, ma tante, я люблю жизнь, и этого не скрываю... Все остальное составляло жизнь, а это... это вѣдь—черта, за которой начинается что-то другое, чего я не знаю...

— Ты мало вѣруешь, André! Я вотъ вѣрую и потому знаю, что за этой чертой тоже жизнь, и еще лучшая, чистая, возвышенная, безъ нашихъ заботъ и безъ болѣзней. Но что же тамъ у тебя?

— Нервы въ конецъ испортились... Не сплю... Вижу страшное на яву... Аппетита нѣтъ!.. Доктора лѣчили меня и ничего не помогли... Боюсь удара...

— Поѣзжай за границу! Въ Парижъ поѣзжай. Тамъ есть знаменитые врачи...

— О, ma tante... За границу меня не тянетъ!

— Какъ не тянетъ? Да самая-то твоя болѣзнь и тянетъ тебя. Поѣзжай, поѣзжай и поѣзжай... А чтобы ты не артачился, я вотъ что сдѣлаю, я возьму тебя съ собой...

— Какъ? развѣ вы ѣдете?

— Да, надняхъ. Я, впрочемъ, поѣду въ другомъ направленіи, но это ничего. Тебя вѣдь лишь бы вывезти изъ Россіи. Ну, вотъ я тебя и вывезу. Мы вмѣстѣ доѣдемъ до Вѣны. Оттуда я поѣду въ Римъ, а ты въ Парижъ.

— Вы опять въ Римъ? неужели вамъ, ma tante, не надоѣло?

— Римъ? Но развѣ онъ можетъ надоѣсть? Это городъ величайшихъ сокровищъ, какими когда либо обладало человѣчество. Сколько бы ни жили люди на землѣ, какъ бы ни изощрялись въ наукахъ и художествахъ, но никогда не построить имъ другого города, равнаго по красотѣ и интересу Риму. Но ты этого не поймешь, мой милый André... Вѣдь ты варваръ! Ты гораздо больше цѣнишь хорошіе трактиры, чѣмъ музеи... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ,— прибавила она, отмахиваясь обѣими руками: — ты хочешь возразить, что купилъ недавно коллекцію картинъ! Но вѣдь ты купилъ ее не потому, чтобъ онѣ сами по себѣ доставляли тебѣ удовольствіе, а просто, чтобы имѣть богатую коллекцію... Не такъ ли? Ну, не спорь, не спорь... Такъ, значитъ, ты меня сопровождаешь? Видишь ли, я чувствую, что скоро умру, вѣдь мнѣ пора... А я хочу непремѣнно умереть въ Римѣ, чтобы меня тамъ похоронили... Такъ тамъ тепло лежать и такъ величественно!.. Итакъ—ѣдемъ!

Андрей Михайловичъ задумался. Готовый во всякое время мчаться на перекладныхъ изъ Ставинова въ Архангельскую губернію, а оттуда въ Тверь безъ отдыха, онъ становился втупикъ передъ этой поѣздкой. Онъ слишкомъ привыкъ къ роднымъ порядкамъ, гдѣ его чину и званію открывалась широкая дорога ко всему, гдѣ ему все прощалось, гдѣ онъ могъ людьми играть, какъ игрушками. И ему казалось, что едва только онъ переступитъ границу, какъ тотчасъ же почувствуетъ себя связаннымъ по рукамъ и по ногамъ. «Законность», о которой такъ краснорѣчиво говоритъ братъ Алексѣй, представлялась ему въ видѣ какой-то огромной толстой палки съ пудовой булавой, которая угрожаетъ человѣку на каждомъ его шагу.

— Ага! задумался,—сказала княгиня:—то-то вы всѣ дома чувствуете себя маленькими шалунами, куролесите и боитесь, что какъ только переступите границу, васъ сейчасъ же высѣкутъ... А стоитъ, стоитъ. Но не бойся, никто тебя сѣчь не будетъ. У тебя много золота, а тамъ, увы, очень любятъ золото, и тебѣ стоитъ только по-

громче звенѣть имъ, чтобы тебѣ оказали царскія почести. Ѣдемъ, ѣдемъ, Андрей! Нельзя же тебѣ доводить свою болѣзнь до такого положенія, что ужъ и помочь нельзя будетъ...

— Ну, ѣдемъ, ma tante! Ѣдемъ!—порывисто и рѣшительно воскликнулъ Андрей Михайловичъ.—Только дайте мнѣ нѣсколько дней на поѣздку въ Москву. Я долженъ проститься съ Наташей и съ моими дѣвочками...

— Ахъ, твои дѣвочки и Наташа! Какія это прелести! Я ихъ очень давно не видала. Поѣхала бы въ Москву съ тобой, да тяжело мнѣ это. Мнѣ и то уже предстоитъ одно путешествіе. Ты ихъ расцѣлуй и за меня...

Такимъ образомъ Андрей Михайловичъ рѣшилъ и поѣхалъ къ Москву.

Съ тревожно бьющимся сердцемъ простилась съ нимъ Наташа. Чувствовала она что-то недоброе въ этой поѣздкѣ, но что — сказать не могла. Андрей Михайловичъ пробылъ съ ними всего два дня и укатилъ обратно въ Петербургъ. А княгиня за это время собралась, и они поѣхали въ Вѣну. Съ Бентышъ-Полянскимъ поѣхалъ только старый камердинеръ, Андрей Михайловичъ, а княгиня взяла съ собой двухъ казачковъ, безъ которыхъ не могла передвигаться, горничную, лакея и повара, такъ какъ въ Римѣ она нанимала виллу и жила своимъ домомъ.

Изъ Вѣны княгиня поѣхала на югъ, а Андрей Михайловичъ передумалъ ѣхать прямо въ Парижъ. За границей въ первое время онъ чувствовалъ себя связаннымъ. Еще, пока княгиня была съ нимъ, это ощущеніе было не такъ замѣтно, но когда онъ думалъ о томъ, что поѣдетъ одинъ въ такой городъ, какъ Парижъ, который онъ представлялъ себѣ не иначе, какъ Вавилономъ, то ему становилось жутко. Уже Вѣна произвела на него подавляющее впечатлѣніе. И онъ говорилъ княгинѣ:

— Я знаю, что въ Парижѣ, если буду одинъ, просижу я въ отелѣ двѣ недѣли, ничего не увижу, къ врачамъ не обращусь и ни съ чѣмъ уѣду домой. Выйдетъ еще хуже, чѣмъ сидѣть бы дома. А я сперва поѣду къ брату. Ужъ онъ меня до всего доведетъ... Кстати, повидаюсь съ нимъ. Давненько не видались. И погляжу, какъ онъ живетъ. Княгиня одобрила этотъ планъ. Алексѣй Михайловичъ постоянно живалъ за границей и чувствовалъ себя такъ, какъ дома. Конечно, онъ не откажется руководить братомъ, котораго такъ любитъ.

И они поѣхали въ разныя стороны.

Въ Швейцаріи весна была въ полномъ ходу. Повсюду разстилались зеленыя долины, надъ которыми возвышались синія горы, покрытыя лѣсами. Природа, новая для его взора, произвела на Андрея Михайловича въ высшей степени успокоивающее дѣйствіе. Можетъ быть, этому способствовало и то, что онъ ѣхалъ къ брату, у котораго, какъ онъ зналъ навѣрно, встрѣтитъ радушный пріемъ.

И въ самомъ дѣлѣ это такъ и случилось. Но прежде всего пріѣзжій былъ пораженъ, остановившись передъ миніатюрнымъ домикомъ, ничѣмъ не отличавшимся отъ домовъ крестьянъ, среди которыхъ онъ стоялъ. Маленькій садъ примыкалъ къ этому домику. Нѣсколько хозяйственныхъ построекъ дополняли имущество.

— Не ошибся ли я?—подумалъ Андрей Михайловичъ:—подлинно ли мой братъ, Бентышъ-Полянскій, живетъ въ этомъ домѣ? Что можетъ заставлять человѣка, состояніе котораго, не смотря ни на что, все-таки равняется полумилліону рублей — за эту сумму онъ продалъ свои земли въ Россіи,—что можетъ заставлять его жить въ такой жалкой постройкѣ? Ужъ не разорился ли онъ? Не впалъ ли въ бѣдность, вслѣдствіе какихъ нибудь несчастныхъ случайностей? Такъ неужели бы онъ не обратился ко мнѣ и не потребовалъ бы отъ меня помощи? И въ глазахъ своего камердинера онъ прочиталъ то же изумленіе.

Но въ то время, какъ они оба недоумѣвали, не довѣряя, что кучеръ привезъ ихъ въ надлежащее мѣсто, изъ дома показалась высокая фигура въ длинномъ сюртукѣ, въ соломенной шляпѣ съ широкими полями. И ужъ тутъ не могло быть сомнѣнія, что это Алексѣй Михайловичъ. Братья бросились другъ другу въ объятья, и начались общіе разспросы. Хозяинъ озаботился, чтобъ угостить пріѣзжаго и его слугу. Но въ домѣ его, состоявшемъ изъ трехъ небольшихъ комнатъ, не было никого, кому онъ могъ бы приказать. Онъ отправился въ сарай, принесъ оттуда каменнаго угля и растопки и принялся разводить плиту въ кухнѣ. Камердинеръ въ первыя минуты стоялъ пораженный, но затѣмъ бросился къ нему, чтобы сдѣлать эту работу за него.

— Позвольте, Алексѣй Михайловичъ, ужъ я разведу плиту.

— Развѣ ты находишь, что я плохо это дѣлаю?—спросилъ Алексѣй Михайловичъ.

— Помилуйте-съ... Какъ же я смѣю это подумать?.. Только, какъ же можно самимъ?..

— Ну, мой милый, я очень даже часто самъ это дѣлаю... Я люблю ѣсть то, что самъ принесъ и сварилъ. Это кажется вкуснѣе...

— Развѣ у тебя нѣтъ слугъ? — не совсѣмъ рѣшительно спросилъ Андрей Михайловичъ, не зная еще положенія его дѣлъ и боясь попасть въ больное мѣсто.

— Какъ нѣтъ? Есть! У меня двое слугъ...

— Только двое?—съ ужасомъ воскликнулъ Андрей Михайловичъ.

— Но въ большемъ числѣ нѣтъ надобности! У меня здѣсь всего двѣнадцать акровъ земли, и я развожу виноградникъ. Мы втроемъ успѣваемъ исполнять всѣ необходимыя работы... Сейчасъ они оба въ виноградникѣ.

Камердинеръ смотрѣлъ и слушалъ, разинувъ ротъ. Отъ Алексѣя Михайловича онъ давно слышалъ странныя рѣчи въ такомъ родѣ,

но полагалъ, что это не больше, какъ барскія слова. А тутъ увидалъ, что онъ живетъ, какъ говоритъ. Это его поразило.

Андрей Михайловичъ молчалъ. Онъ ждалъ болѣе удобнаго момента поговорить съ братомъ наединѣ. Все-таки онъ еще боялся, что Алексѣй говорилъ все это только изъ самолюбія, а въ сущности къ этой жизни его вынуждаютъ обстоятельства.

Алексѣй Михайловичъ накрылъ столъ чистой скатертью, поставилъ посуду, бутылку вина, сыръ и салатъ, который самъ только что приготовилъ. Камердинеръ получилъ свою порцію и началъ ѣсть въ кухнѣ. Андрей Михайловичъ какъ бы случайно притворилъ дверь и затѣмъ, садясь за столъ, промолвилъ тихо:

— Братъ, скажи откровенно, въ твоей жизни не случилось ничего... трагическаго?

Алексѣй Михайловичъ съ изумленіемъ поднялъ на него глаза.

— Ничего даже похожаго на трагическое! — отвѣтилъ онъ спокойно. — Моя жизнь течетъ такъ же спокойно, какъ вода Роны отъ одного конца этого озера къ другому...

— Но почему же ты такъ скудно живешь? Вѣдь ты по своимъ средствамъ могъ бы жить гораздо лучше...

— Другъ мой, Андрей, я не держусь правила, что человѣкъ долженъ свои вкусы подчинять своимъ средствамъ. Мнѣ нравится жить такъ, и я живу такъ... Почему ты говоришь, что я живу скудно? Потому что у меня нѣтъ лишнихъ слугъ? Потому что я самъ такъ же работаю, какъ мой Жанъ и Франсуаза? Но я чувствую себя хорошо. Я здоровъ отъ этой жизни, совѣсть моя спокойна, потому что на ней нѣтъ сознанія, что я угнетаю ближняго, что я для своего наслажденія заставляю его убиваться надъ работой. Мой завтракъ состоитъ изъ немногихъ блюдъ, но этотъ сыръ — свѣжъ, но вино — настоящее виноградное, этотъ салатъ — здоровая пища, они меня насыщаютъ, и я нахожу ихъ чрезвычайно вкусными, потому что самъ ихъ выработалъ... Я доволенъ своей жизнью, а это вотъ вся цѣль нашего существованія...

— Но твои средства? Даешь же ты имъ какое нибудь употребленіе.

— О, да! Я трачу ихъ не на себя, потому что мнѣ этого не надо, я стараюсь дать имъ полезное употребленіе. Отчасти въ Россіи, среди моихъ бывшихъ крѣпостныхъ, нынѣ свободныхъ людей, я устроиваю больницы, школы, отчасти здѣсь. Вотъ въ десяти километрахъ отсюда есть пріютъ и училище для глухонѣмыхъ — это на мои средства. Ну, есть и другія... Развѣ ты не видишь по мнѣ, по моему лицу, по моимъ глазамъ, что я — счастливый человѣкъ? А если я счастливый человѣкъ, зачѣмъ же я буду искать другого?

Но напрасно Алексѣй Михайловичъ говорилъ все это брату. Тотъ понималъ только слова, но душа его оставалась холодна и равнодушна. Онъ никакъ не могъ перейти умомъ своимъ ту гра-

ницу, гдѣ кончался русскій баринъ, воспитанный на рабствѣ и съ молокомъ матери всосавшій всѣ понятія, взращенныя въ этой сферѣ, и начинается гражданинъ—европеецъ.

IV.

Алексѣй Михайловичъ одобрилъ совѣтъ княгини отправиться въ Парижъ и тамъ искать совѣтовъ у врачей. Но самъ онъ не любилъ этого города, или, лучше сказать, любилъ его издали, но предпочиталъ не заживаться въ немъ подолгу. Тамошній шумъ раздражалъ его и лишалъ того ровнаго, спокойнаго настроенія, которое дѣлало его счастливымъ.

Тѣмъ не менѣе онъ охотно согласился поѣхать туда съ Андреемъ Михайловичемъ. Онъ далъ порученіе Жану и Франсуазѣ и отправился съ братомъ. Парижъ онъ зналъ, какъ свою деревню или свои двѣнадцать гектаровъ на берегу Женевскаго озера. Сюда онъ и пріѣзжалъ часто, еще когда въ душѣ его происходило броженіе, когда недовольство жизнью, которую вели люди его сословія въ Россіи, въ томъ числѣ и онъ, еще не нашло твердаго исхода, когда его взволнованный умъ ощупью искалъ отвѣта на зародившіеся въ немъ вопросы и переходилъ изъ мистицизма съ массонскими ложами, съ ихъ таинственной обстановкой, къ ученью Сенъ-Симона и Фурье, а отъ нихъ, неудовлетворенный, возвращался обратно.

Зная вкусы Андрея Михайловича, онъ остановился съ нимъ въ дорогомъ отелѣ и тотчасъ же поспѣшно сталъ розыскивать врачей, которые были нужны брату. У него сохранилось знакомство, были даже люди, съ которыми онъ былъ въ перепискѣ, и ему это легко было сдѣлать. Андрей Михайловичъ черезъ три дня по пріѣздѣ въ Парижъ уже побывалъ у знаменитаго врача и получилъ успокоительные совѣты.

— Ну, — сказалъ онъ брату:—надѣюсь, что ты меня не покинешь скоро и покажешь, что тутъ есть замѣчательнаго.

Лицо Алексѣя Михайловича, слегка омрачилось, но онъ ничего не возразилъ. Съ первой же минуты, какъ только они появились на улицахъ Парижа, онъ уже началъ чувствовать безпокойство. Это всегда бывало съ нимъ, во всѣ его поѣздки сюда, но теперь въ сильнѣйшей степени, потому что онъ довольно долго оставался на своей землицѣ, въ своемъ маленькомъ домѣ и отвыкъ отъ городскаго шума. Ему приходилось бывать въ Лозаннѣ, которая совсѣмъ не походила на городъ, да въ тихой, мирной Женевѣ, гдѣ граждане ходили и ѣздили по улицамъ словно съ предосторожностями, чтобы не обезпокоить ближняго. А Парижъ — вѣчно шумливый и кричащій, вѣчно кишащій пестрымъ народомъ, вѣчно зазывавшій въ свои безчисленные театры и рестораны, сразу какъ-то

налетѣлъ на него и оглушилъ его. Но онъ не могъ отказать брату и остался на недѣлю.

Вся эта недѣля прошла въ разъѣздахъ. Онъ возилъ Андрея Михайловича въ Версаль и въ ближайшія окрестности, возилъ по музеямъ, показывалъ памятники и совершенно утомилъ его. А черезъ недѣлю сталъ прощаться.

— Что же я тутъ буду дѣлать?—съ грустью спросилъ Андрей Михайловичъ.

— Посѣщай театры, по утрамъ гуляй въ здѣшнихъ лѣсахъ, ѣзди за городъ. А главное — лѣчись и лѣчись. А надоѣстъ тебѣ здѣсь, пріѣзжай ко мнѣ, это—близко. Это не дальше, чѣмъ отъ Петербурга до Москвы...

И затѣмъ, ссылаясь на то, что Жанъ и Франсуаза получили отъ него инструкціи только на короткое время, онъ поспѣшно уѣхалъ.

Въ первое время послѣ его отъѣзда Андрей Михайловичъ чувствовалъ себя растеряннымъ. Онъ ходилъ и въ театры, и въ лѣса, и за городъ, но ему все чего-то не доставало. Ни съ кѣмъ онъ не могъ завести знакомства, все на него производило то же впечатлѣніе, что никому здѣсь до другого нѣтъ дѣла, и потому онъ не рѣшался ни съ кѣмъ заговорить. Единственнымъ его обществомъ былъ камердинеръ. Кромѣ того, его смущало, что вокругъ него нѣтъ также людей, готовыхъ исполнять его капризы. Слуги, хотя и дѣлали все, за что онъ хорошо платилъ, но видъ у нихъ былъ такой, что такъ или иначе, а приходилось уважать ихъ или дѣлать видъ, что уважаешь.

Но мѣсяца черезъ два онъ уже свыкся съ этой жизнью и мало-по-малу началъ чувствовать себя недурно на парижскихъ улицахъ среди парижской толпы. Первыя его знакомства были, конечно, среди женщинъ. Ему стоило только сдѣлать первый шагъ, какъ эти знакомства сами посыпались на него. У него тотчасъ разглядѣли кучу золота, и это сдѣлало его интереснымъ.

Мало-по-малу онъ началъ вести жизнь, какую врачи ему не совѣтовали. Ему ничего не стоило завести лошадей, и ужъ, конечно, такихъ, на которыхъ смотрѣлъ весь Парижъ. Онъ выписалъ ихъ изъ Англіи и заплатилъ за нихъ такъ дорого, какъ до него никто еще не платилъ за лошадей.

Ужъ онъ началъ подумывать о покупкѣ маленькаго отеля, такъ какъ жизнь въ общественномъ отелѣ его стѣсняла. Но въ это время неожиданно получилось извѣстіе изъ Рима о томъ, что княгиня умерла. Прислуга княгини, конечно, растерялась и не знала, что дѣлать. Ему необходимо было мчаться туда. Онъ заѣхалъ въ Лозанну, взялъ съ собою брата, и они вмѣстѣ поѣхали въ Римъ.

Здѣсь Андрей Михайловичъ, помня желаніе княгини быть похороненной въ Римѣ, исполнилъ это, не смотря на то, что ея сынъ, служившій при посольствѣ въ Лондонѣ и за недосугомъ не явившійся на похороны, настаивалъ, чтобъ ее отвезли въ Россію.

Больше братьямъ въ Римѣ нечего было дѣлать. Стояла невыносимая жара, которая и ускорила смерть княгини. У Андрея Михайловича не явилось желанія знакомиться съ вѣчнымъ городомъ при температурѣ въ пятьдесятъ градусовъ, и онъ поѣхалъ обратно въ Парижъ.

Ужъ онъ теперь ѣхалъ туда, какъ домой. У него составился цѣлый кругъ знакомыхъ, по своей пестротѣ очень напоминавшій тотъ, какой у него въ прежнее время былъ въ Петербургѣ. Онъ уже почти рѣшилъ пріобрѣсти отель и остаться въ Парижѣ года на два. Этотъ городъ пришелся ему по вкусу, и ему казалось, что онъ полезенъ и для его болѣзни. По крайней мѣрѣ къ нему вернулись и аппетитъ, и сонъ, и прежняя бодрость.

Въ это время произошла встрѣча, о которой Андрей Михайловичъ никогда не думалъ. Однажды, гуляя пѣшкомъ по одной изъ улицъ, примыкающихъ къ Луврскому дворцу, онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ высокимъ господиномъ чрезвычайно элегантнаго вида. По всей вѣроятности, не узнавъ еще другъ друга, они разомъ остановились. Но вдругъ господинъ, какъ будто раздумалъ или понялъ свою ошибку, и сдѣлалъ шагъ, чтобы продолжать путь дальше.

Въ это время голова Андрея Михайловича озарилась воспоминаніемъ.

— Господинъ Ступичъ? — промолвилъ онъ, обращаясь прямо къ нему.

Онъ остановился. Это былъ Ступичъ. Но прежде, чѣмъ отвѣтить «да», Ступичъ пристально посмотрѣлъ ему въ глаза, какъ бы изучая, какого человѣка онъ передъ собой видитъ, и съ какими намѣреніями остановилъ его Бентышъ-Полянскій.

— Да, это я!—отвѣтилъ онъ наконецъ.

— Вотъ неожиданная встрѣча!

— Да, для меня въ особенности!

— Пойдемте, пообѣдаемъ вмѣстѣ.

Ступичъ опять нѣсколько секундъ колебался. Андрей Михайловичъ замѣтилъ это и сказалъ:

— Послушайте, чтобы не было между нами недоумѣній, я вамъ напередъ скажу: знаю всю исторію, и что вы были богаты и разорились на картахъ, и что на меня смотрѣли, какъ на такого же дурака, какимъ прежде были сами, и какъ на средство вернуть потерянное богатство, и что уѣхали изъ Петербурга не по своей волѣ. Знаю все это и ни о чемъ не жалѣю. Былъ дуракомъ, заплатилъ за это нѣсколько сотенъ тысячъ, не разорился, вотъ и все... А ваше общество было всегда для меня пріятно. Надѣюсь, больше не играете!?

Ступичъ стремительно протянулъ ему руку и съ жаромъ пожалъ его руку.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Боже сохрани! Я съ тѣхъ поръ не поставилъ на карту ни одного франка... Да, это все такъ было, какъ вы го-

ворите,—вдругъ оживленно заговорилъ онъ:—можетъ быть, въ моихъ дѣйствіяхъ было много неблагороднаго, но мое положеніе вынудило меня къ этому. При томъ же со мной точно также поступили...

Они пошли рядомъ. Андрей Михайловичъ сказалъ:—А я тогда, вставъ съ постели, первымъ долгомъ поѣхалъ къ вамъ отыгрываться. Захватилъ съ собою двѣсти тысячъ, пріѣзжаю — домъ уже не вашъ, а купца какого-то. Я вернулся домой и съ тѣхъ поръ даже не вспоминаю о картахъ.

Они долго ходили по парижскимъ улицамъ, и бесѣда ихъ не умолкала. Андрей Михайловичъ узналъ, что Ступичъ, принужденный покинуть Россію, натурализовался здѣсь и сдѣлался французскимъ гражданиномъ, что онъ вращается въ хорошемъ обществѣ и вообще ведетъ жизнь корректную. Ступичъ съ горячимъ любопытствомъ разспрашивалъ его про Россію, но изъ того, что сообщилъ ему Андрей Михайловичъ, ничего новаго не узналъ: тамъ все было такъ, какъ прежде.

Они зашли въ ресторанъ и пообѣдали вмѣстѣ. Съ тѣхъ поръ они видались каждый день и почти все время проводили вмѣстѣ. Ступичъ перезнакомилъ Андрея Михайловича съ своимъ обществомъ, и Андрей Михайловичъ имѣлъ возможность убѣдиться, что оно вполнѣ порядочное. Ему оставалось только радоваться, что потерянныя имъ деньги попали въ руки, которыя, хотя и были въ свое время грязными, но потомъ ихъ тщательно вымыли и держали уже всегда чистыми.

Общество Ступича еще больше привязало Андрея Михайловича къ Парижу.

Камердинеръ Андрея Михайловича въ первое время по пріѣздѣ за границу ничего не понималъ. Онъ видѣлъ только, что люди живутъ совсѣмъ не такъ, какъ у насъ. «Какъ же это оно такъ?—думалъ онъ: — господа, какъ слѣдуетъ быть, а между прочимъ — совсѣмъ иное!»

Особенно поразилъ его Алексѣй Михайловичъ. Хотя онъ и зналъ его «мысли», но все же дома привыкъ видѣть его бариномъ, да и зналъ, что прежде онъ жилъ въ высокихъ палатахъ и красовался въ военномъ мундирѣ, и рысаки у него были отмѣнные, и людей онъ держалъ пропасть. Правда, онъ никогда не обращался съ людьми жестоко, даже тогда, когда жилъ, какъ всѣ, окружая себя роскошью и толпой слугъ. Это было не въ его натурѣ. Но все же это былъ баринъ отъ головы до ногъ.

А тутъ вдругъ—какая-то жалкая хижина, небольшой клочекъ земли, самъ носитъ дрова, самъ жаритъ яичницу. Ужъ это совсѣмъ ни на что не похоже. И думалъ старый камердинеръ въ душѣ:

— «Это въ родѣ какъ бы Алексѣй Михайловичъ въ міру монашество принялъ! Вотъ и женскаго пола у нихъ нѣту, чтобы, значитъ, для себя самихъ...». Въ Швейцаріи ему пришлось быть не-

долго, но все же онъ успѣлъ приглядѣться кое къ чому. Тамошнюю жизнь онъ одобрялъ. Люди живутъ тихо, смирно, каждый самъ по себѣ, и никто никого не обижаетъ. Города—все равно, какъ деревни. Всюду зелень, вода и воздухъ чистый и легкій. Для Андрея Михайловича все, что походило на деревню, было хорошо. Съ давнихъ поръ оторванный отъ деревни, попавъ въ камердинеры, благодаря только тождеству своего имени съ именемъ наслѣдника, онъ никакъ не могъ примириться съ этой потерей. Уже и волосы его окрасились въ бѣлый цвѣтъ, а старые вкусы жили въ душѣ его нетронутые. Никакія впечатлѣнія не могли ихъ измѣнить, ничто не могло вытолкнуть ихъ оттуда. И онъ мечталъ только объ одномъ, чтобы довелось ему хоть кончить жизнь въ деревнѣ.

Парижъ сразу подѣйствовалъ на него ошеломляющимъ образомъ. Слушая этотъ непрестанный шумъ отъ ѣзды экипажей и человѣческаго говора, видя нескончаемое движеніе днемъ и ночью, онъ закрывалъ глаза и уши, и въ его скудномъ картинами воображеніи рисовалось что-то похожее на страшный судъ. Ему именно представлялось, что тогда, въ послѣдніе дни жизни міра, будетъ нѣчто такое, какъ то, что происходитъ на улицахъ Парижа.

— Ну, что, Андрей Михайловичъ, нравится тебѣ Парижъ?—спрашивалъ его Бентышъ-Полянскій.

— Второе пришествіе!—отвѣчалъ камердинеръ.

— Какъ такъ?

— Истинно, второе пришествіе, Андрей Михайловичъ, послѣдніе, значитъ, дни!...

Андрей Михайловичъ въ то время самъ испытывалъ нѣчто подобное. Потомъ его камердинеръ видѣлъ Римъ. Здѣсь его нервы нѣсколько успокоились. Величественныя зданія, полныя красоты и гармоніи, почему-то нашли доступъ къ его душѣ. Въ Римѣ онъ какъ бы отдохнулъ и, можетъ быть, успокоился, увидавъ, что не всѣ города напоминаютъ «послѣдніе дни».

Затѣмъ онъ началъ испытывать новыя опасенія. Андрей Михайловичъ, очевидно, пріобрѣталъ вкусъ къ Парижу и громко высказывалъ желаніе остаться въ немъ надолго.

«Заживется тутъ, — съ сокрушеніемъ думалъ старый камердинеръ, — надолго заживется, и придется мнѣ, старику, свои кости сложить въ чужомъ краю».

А между тѣмъ онъ чрезвычайно заботился о своихъ костяхъ. Ему хотѣлось, чтобы онѣ непремѣнно были зарыты въ родную землю, если ужъ нельзя въ родномъ селѣ, такъ все же на родинѣ. И мысль о томъ, что смерть можетъ застигнуть его здѣсь, ужасала его.

И онъ часто говорилъ своему барину.

— Эхъ, Андрей Михайловичъ, взяли бы вы себѣ кого помоложе, а меня, старика, отпустили бы помирать въ деревню!

Но Андрей Михайловичъ могъ отказаться отъ чего угодно, только не отъ своего стараго камердинера, къ которому привыкъ съ самыхъ пеленокъ и никогда съ нимъ не разставался. И потому желаніе старика было неисполнимо.

— Ты, пожалуй, поѣзжай, коли хочешь,—говорилъ онъ ему,— только я безъ тебя тутъ умру!

На это старикъ качалъ головой.

— Нѣтъ, на такое условіе я не согласенъ!

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

И. Н. Потапенко.

ЗАПИСКИ РАФАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ЗОТОВА [1].

IV.

Ополченецъ въ Псковѣ.—Прибытіе въ Петербургъ.—Плотниковы.—Корсаковы.—Шаховской и Тюфякинъ.—Вступленіе въ масонскую ложу.—Служба при театрѣ.—Первые драматическіе труды.—Женитьба.—Кокошкинъ и Майковъ.—Милорадовичъ.—Театральный комитетъ.—Вражда Долгорукова.—14-ое декабря.

ОБРАТНОЕ НАШЕ шествіе было очень не весело. Дойдя до Кенигсберга, мы были обрадованы извѣстіемъ о взятіи Парижа 19-го марта. Этимъ событіемъ оканчивалась война, и мы были довольны, что исполнили свой долгъ и кровью своею доказали преданность отечеству.

Извѣстіе о взятіи Парижа получилъ герцогъ Виртембергскій не черезъ русскаго фельдъегеря, а черезъ прусскаго. Генералъ, отправленный съ этимъ извѣстіемъ (Голенищевъ-Кутузовъ), ѣхалъ гораздо медленнѣе,—и герцогъ рѣшился послать отъ себя къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ депешу. Выборъ его палъ на офицера нашей дружины Шлодгауэра, который при осадѣ получилъ pour le mérite, и онъ тотчасъ же полетѣлъ обрадовать столицу и Россію.

Разливы рѣкъ принудили насъ простоять у Кенигсберга двѣ недѣли, и мы жили все это время въ замкѣ графа Каленгейма.

Дальнѣйшаго похода назадъ я не описываю, потому что не участвовалъ въ немъ, а изъ Риги пустился въ Псковъ къ своей ма-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIV, стр. 762.

тери и нашелъ ее тамъ же, гдѣ оставилъ въ 1805 году. При ней былъ мой братъ Михаилъ и сестра Ольга. Появленіе ополченца въ городѣ произвело впечатлѣніе. Я долженъ былъ дѣлать всѣмъ визиты, и бывшіе знакомые моего отца предлагали мнѣ не только остаться служить во Псковѣ, но даже хотѣли женить. Я отказался отъ того и отъ другого. Для мужа я былъ еще молодъ: мнѣ было 18-ть лѣтъ, а моя служба и мои 150 рублей жалованья очень мало значили (я ихъ постоянно получалъ по почтѣ).

Я не долго пробылъ въ Псковѣ и долженъ былъ воротиться ко дню вступленія ополченія въ Петербургъ. Оно произошло 13 іюля. 14-го мы были встрѣчены императрицею Маріею Ѳеодоровною и военнымъ министромъ Горчаковымъ. Насъ привели въ Исаакіевскую церковь; мы сдали свои знамена, и тѣмъ все кончилось. Насъ было около 4,000 человѣкъ, а при выступленіи 3-го и 5-го сентября до 14,000. Недоставало десяти тысячъ, но это для Россіи значило очень немного.

Я, разумѣется, явился къ прежнему моему начальнику Альбрехту, который меня принялъ очень ласково, и я вручилъ ему всѣ сбереженныя мною отъ похода деньги 1,800 рублей, боясь, чтобъ ихъ у меня не украли, какъ въ Диршау. Сонинъ потребовалъ свои 825 рублей (съ процентами), и я тотчасъ же отдалъ.

Альбрехтъ сожалѣлъ, что я не перешелъ въ армію, и потому я тотчасъ же явился къ военному министру и, представя ему, что не могъ прежде остаться въ арміи, потому что долженъ былъ сдать роту, выразилъ теперь желаніе перейти въ военную службу. Видя по формуляру, что на мнѣ 10 ранъ, онъ отвѣчалъ, что охотно приметъ меня въ какой угодно полкъ, кромѣ гвардіи.

— А еслибъ я осмѣлился проситься въ гвардію?—спросилъ я.

— Я не имѣю права и представить объ этомъ.

— Могу только сожалѣть,—сказалъ я и откланялся.

Впослѣдствіи я очень хорошо понялъ, что просилъ невозможнаго, но съ 10 ранами возростаютъ всегда претензіи.

Я воротился къ Альбрехту и разсказалъ ему свой разговоръ съ министромъ. Онъ же меня упрекнулъ, что я безпокоилъ его сіятельство, тогда какъ самъ совѣтовалъ сдѣлать это.

— А надобно придумать что нибудь,—сказалъ онъ.—Ты не можешь остаться на службѣ въ театральной конторѣ въ числѣ сверхштатныхъ.

Тѣмъ покуда все и кончилось. Оставалось сидѣть у моря и ждать погоды. Но какой и откуда? Вакантнаго мѣста не было, и со 150 рублями мудрено было ждать его.

Съ прежнимъ товарищемъ Плотниковымъ я не могъ жить, потому что сестру его только что выпустили изъ театральной школы, и она помѣстилась съ братомъ. Объ ней долженъ я разсказать забавную вещь. Черезъ три года она вышла замужъ за какого-то бѣднаго чиновника, и я, какъ уже значительный человѣкъ въ теа-

тральной іерархіи, долженъ былъ присутствовать на этой свадьбѣ. Нѣсколько дней спустя, явилась ко мнѣ эта женщина и требовала со мною тайнаго разговора. Я ввелъ ее въ кабинетъ, и она мнѣ принесла жалобу на своего мужа, съ которымъ такъ недавно была обвѣнчана.

— Чѣмъ же онъ провинился?—спросилъ я.

— Помилуйте, онъ живетъ со мною не по закону.

Я долго не могъ понять этой фразы, но мало-по-малу узналъ, въ чемъ дѣло, успокоилъ ее и сказалъ, что позову ея мужа и вымою ему голову.

Послѣ моего головомытья дальнѣйшихъ жалобъ не было, и все дѣло тѣмъ и кончилось.

Адъютантъ нашей дружины Александръ Корсаковъ, перешедшій въ армію съ чиномъ подпоручика, остался со мною очень друженъ, а братъ его служилъ при театрѣ (Петръ Александровичъ) и занималъ мѣсто помощника члена репертуарной части. Членомъ былъ тогда извѣстный драматургъ князь Шаховской, о которомъ мнѣ придется часто говорить въ своихъ запискахъ. Его не было еще въ Петербургѣ. Движимый патріотизмомъ, онъ тоже пошелъ въ ополченіе, но не въ петербургское, а въ тверское, по своему имѣнію въ Твери. Казалось, тутъ не могло быть и разницы, однако вышла большая. Стоя въ отрядѣ Винценгероде, онъ первый вошелъ въ Москву по отступленіи Наполеона, и это не вмѣнено ему было ни въ какую заслугу. Онъ даже не надѣлъ серебряной медали 1812 года, потому что не былъ въ дѣйствительномъ сраженіи. Когда же ополченіе было распущено, и всѣ мы воротились, то и онъ явился на службу.

Въ это время театрами управлялъ вице-директоръ князь Тюфякинъ, который, будучи въ одномъ чинѣ съ Шаховскимъ (дѣйствительный статскій совѣтникъ), принялъ его довольно холодно. Поприще Шаховскаго, какъ драматурга, началось не раньше, какъ черезъ годъ. До тѣхъ поръ онъ былъ только поэтъ. Съ пріѣздомъ его въ Петербургъ началась и неутомимая дѣятельность его. Опера «Любовная почта», комедіи «Новый Стернъ» и «Полубарскія Затѣи» явились въ полугодичный срокъ, и князь Тюфякинъ понялъ, что такой человѣкъ будетъ много значить въ театральной администраціи.

Шаховской не принадлежалъ никогда къ модной школѣ драматурговъ, которыхъ главная квартира была у Оленина (Алексѣя Николаевича), и гдѣ собирались Крыловъ, Гнѣдичъ, Озеровъ. Хотя онъ съ первою своею поэмою и принятъ былъ въ этотъ кружокъ, но потомъ пересталъ къ нимъ ѣздить, по случаю ссоры съ первою трагическою актрисою Семеновой. Ссора произошла отъ соперничества съ Валберховой, которая была ученица Шаховского. Эта ссора дошла и до Александра I. Однажды въ царскосельскомъ саду государь встрѣтился съ актрисою Семеновою и вступилъ съ нею въ

разговоръ. Она была одна изъ первыхъ современныхъ красавицъ, и предметомъ просьбы ея была жалоба на князя Шаховского, ея начальника по службѣ (онъ былъ членомъ репертуарной части). Государь не могъ вмѣшаться въ это дѣло, но велѣлъ разобрать ея жалобу главному директору, Александру Львовичу Нарышкину, и, разумѣется, тотъ вполнѣ одобрилъ дѣйствія своего подчиненнаго. Но Александръ I не забылъ этой жалобы, и Шаховской во всю свою жизнь не получилъ ни одной награды. Когда Милорадовичъ былъ членомъ театральнаго комитета, то представилъ его къ Аннѣ 1-ой степени и даже испрашивалъ дозволенія носить ему медаль 1812 года на голубой лентѣ. Государь отказалъ во всемъ. Послѣ исторіи съ Семеновой Шаховской отправился въ походъ 1812 года, но и тутъ ничего не получилъ. Воротясь, онъ не нашелъ уже Валберховой на службѣ и тотчасъ же опять опредѣлилъ ее. Въ 1810 году написалъ онъ для нея трагедію «Деббору», тогда какъ Семенова блистала въ пьесахъ Озерова, въ особенности въ «Фингалѣ», гдѣ ея дикція составляла истинную музыку при звучныхъ стихахъ поэта. Соперничество этихъ двухъ актрисъ производило даже уличныя сцены. Приверженцы обѣихъ довели эту вражду до небывалыхъ размѣровъ.

Но когда Шаховской воротился изъ похода и опредѣлилъ опять къ театру Валберхову, то рѣшился прекратить ссору по части трагедіи, а сдѣлалъ Валберхову первымъ сюжетомъ въ комедіяхъ.

По ходу театральныхъ дѣлъ, ему болѣе всего обязаны были сформированіемъ актеровъ, но и какъ драматургъ, онъ много сдѣлалъ для театра, и его пьесы держались на сценѣ почти 25 лѣтъ. Подобнымъ продолжительнымъ успѣхомъ никто не пользовался до того времени.

Но я долженъ возвратиться къ исторіи маленькой своей личности. Я сказалъ, что познакомился съ Петромъ Александровичемъ Корсаковымъ, служившимъ тоже при театрѣ. Это знакомство доставило мнѣ неожиданную работу.

Гречъ, бывшій учителемъ въ Петропавловскомъ училищѣ, и Корсаковъ принадлежали къ масонамъ и вздумали основать первую русскую ложу. А какъ переводъ всѣхъ ритуаловъ ордена требовалъ усидчивой работы, то Корсаковъ и предложилъ для этого меня. Я очень охотно взялся за эту работу, и, разумѣется, начали съ того, что меня сперва приняли въ нѣмецкую ложу «Петра къ истинѣ» (Peter zur Wahrheit).

О принятіи моемъ едва ли нужно распространяться. Въ то время слова: «масонская ложа», представляли что-то таинственное, даже запрещенное. Въ наше время никто не думаетъ о масонствѣ. Мы хотимъ жить въ обществѣ, а не составлять тайныхъ обществъ. Въ то время мы увлекались таинственностью и странными обрядами, а главное хотѣли составить особое братство, котораго члены обя-

заны были помогать другъ другу. Послѣдняя обязанность была умна и благодѣтельна, но и она должна быть общею, а не частною.

На углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади была наша ложа, и пріемъ мой въ 1-ю степень товарищества, или ученичества, происходилъ по всѣмъ обрядамъ. Спрашивали: кто я? зачѣмъ пришелъ? чего ищу? Отвѣты мои были заранѣе подготовлены: «ищу свѣта и добра»,—отвѣчалъ я, и меня ввели.

Нашимъ управляющимъ былъ графъ Өедоръ Петровичъ Толстой (тогда бывшій лейтенантомъ), товарищемъ или помощникомъ былъ Гречъ, а Корсаковъ ораторомъ. Вскорѣ послѣ моего пріема поступилъ къ намъ Өедоръ Николаевичъ Глинка, и я долженъ былъ быть порукою за него передъ обществомъ.

Вскорѣ произошла важная перемѣна въ моей жизни. Альбрехтъ вздумалъ рекомендовать меня князю Тюфякину, чтобы тотъ взялъ меня въ секретари. Князь не имѣлъ человѣка, знающаго языки, и взялъ меня на испытаніе.

Я явился въ общемъ армейскомъ мундирѣ съ золотыми эполетами и шляпою съ султаномъ. Поговоривъ со мною пофранцузски, князь остался доволенъ моими отвѣтами и взялъ меня, прибавивъ тотчасъ же еще 150 рублей жалованья. Когда же очистилась вакансія переводчика въ конторѣ, то далъ и весь окладъ въ 600 рублей.

Альбрехтъ съ своей стороны отвелъ мнѣ квартиру во 2-мъ этажѣ вновонанятаго для дирекціи театровъ дома Голидая, подлѣ репетиціонной залы, такъ что я могъ всегда заходить на репетицію, а вечеромъ, когда былъ дома, ходилъ по пустымъ репетиціоннымъ заламъ и игралъ тамъ на фортепіано.

Съ княземъ Тюфякинымъ жила тогда пѣвица Бендеръ, которую онъ привезъ изъ Вѣны. Она была очень милая особа и скромно пользовалась своимъ вліяніемъ на дѣла дирекціи, получая по 400 рублей за спектакль. Она приняла участіе и въ моемъ опредѣленіи, сдѣлавъ мнѣ предложеніе, а именно: перевести оперу «Nouveau seigneur de village» съ французскаго на нѣмецкій. Она хотѣла играть въ этой оперѣ, а дожидаться вѣнскаго перевода было долго. Я согласился и перевелъ оперу понѣмецки, но вмѣстѣ съ тѣмъ вздумалъ перевести ее и порусски. Этотъ первый мой театральный трудъ доставилъ мнѣ неожиданное счастье.

Въ эту самую минуту умеръ при театрѣ помощникъ управляющаго нѣмецкимъ театромъ, Шмидтъ (настоящаго управляющаго не было со временъ Коцебу), и князь Тюфякинъ, въ награду за переводъ оперы Боэльдье, назначилъ меня на мѣсто Шмидта, оставя вмѣстѣ съ тѣмъ секретаремъ своимъ. Отъ этого жалованіе мое вдругъ возросло до 2,000 рублей.

Съ этой минуты принялся я работать для сцены, и для нѣмцевъ перевелъ Фингала, который данъ былъ въ мою пользу, потомъ, по

заказу той же Бендеръ, перевелъ понѣмецки: «Говорящую картину» (Le tableau parlant), съ русскаго: «Приключеніе въ жидовской корчмѣ» и водевиль «Казакъ стихотворецъ», князя Шаховского, а для русской сцены перевелъ комедію въ стихахъ: «La femme paresseuse». Но тутъ надобно было имѣть дѣло съ княземъ Шаховскимъ, а это было не легко. Онъ мнѣ не прощалъ дурныхъ стиховъ и бѣдныхъ риемъ.

— Помилуй, братецъ,— сказалъ онъ мнѣ однажды.— У тебя эдакъ шляпа и шапка будутъ риемы!

Я долженъ былъ выправить всю піесу, и она была играна. Это была первая моя попытка на русской сценѣ.

Въ это же время получилъ я чинъ коллежскаго секретаря. Не имѣя и чина 14-го класса, я перескочилъ черезъ чинъ и сожалѣлъ, что не взялъ прямо титулярнаго совѣтника. Комитетъ министровъ имѣлъ тогда полную власть утверждать въ чинахъ, и когда я явился благодарить правителя канцеляріи комитета, онъ мнѣ ласково сказалъ, что князь Тюфякинъ могъ бы меня легко представить и въ титулярные.

Въ 1815 году, августа 30-го, князь пожалованъ былъ орденомъ Анны 1-го класса (онъ имѣлъ только купленный Іерусалимскій орденъ), но въ то же время воротился и Нарышкинъ, и съ прискорбіемъ прочелъ рескриптъ князю Тюфякину отъ Александра, благодарившаго его, что въ два года онъ успѣлъ заплатить всѣ прежніе долги дирекціи.

Это дѣйствительно была очень мудреная вещь. Князь Тюфякинъ съ 3,500 рублей возвысилъ всѣ первые оклады до 4,000 рублей, и для того увеличилъ цѣны на ложи и кресла: что стоило 2 рубля 50 коп., дошло теперь до пяти рублей ассигнаціями. За то онъ выписалъ новыхъ танцоровъ, Антонена и Валанжа, а вскорѣ потомъ и знаменитаго балетмейстера Дидло.

Съ пріѣздомъ Нарышкина должна была кончиться главная роль Тюфякина, но, такъ какъ онъ въ отсутствіе государя имѣлъ надъ собою комитетъ, состоящій изъ министра финансовъ, Гурьева, и статсъ-секретаря, Марченко, то они вмѣстѣ съ Тюфякинымъ и предложили Нарышкину, чтобъ онъ часть своей директорской власти уступилъ Тюфякину, довольствуясь главнымъ надзоромъ. Нарышкинъ согласился, и мнѣ поручено было написать инструкцію вице-директору. Можно вообразить себѣ, что я приложилъ все стараніе, чтобъ дать послѣднему какъ можно больше власти.

Инструкція была поднесена государю, и тотъ конфирмовалъ ее; она и теперь хранится въ дѣлахъ театральной дирекціи.

За этотъ подвигъ Тюфякинъ просилъ Нарышкина представить меня къ Аннѣ 3-й степени (тогда этотъ орденъ былъ только-что созданъ), но Нарышкинъ отказалъ. Тюфякинъ разсказалъ объ этомъ отказѣ Марченко.

— Да вѣдь этотъ чиновникъ былъ при васъ еще во время вашего директорства?—спросилъ онъ.

— Разумѣется, и нѣсколько должностей исполнялъ, — отвѣчалъ Тюфякинъ.

— Такъ напишите мнѣ объ этомъ, а я доложу государю.

Такъ и было сдѣлано, и я помимо директора получилъ орденъ. Это было истинное торжество для Тюфякина и для меня.

Инструкція вице-директора была не обширна. Она поручала ему только хозяйственную часть. Но безъ хозяйственной части что могъ дѣлать директоръ? Онъ съ годъ потерпѣлъ и вышелъ въ отставку, а вмѣсто него назначенъ былъ Тюфякинъ, при этомъ ему данъ былъ чинъ гофмейстера.

Такъ совершился важный переворотъ въ дѣлахъ театральной дирекціи и лично въ моихъ. Я былъ уже довольно значительнымъ лицомъ при театрѣ, но мнѣ не нравилось быть нѣмцемъ, и я все думалъ, какъ бы мнѣ попасть къ русскому театру. Судьба и тутъ благопріятствовала мнѣ. Братъ Корсакова женился на княжнѣ Дондуковой, которая, бывъ единственною наслѣдницею княжескаго титула, принесла ему въ приданое не только титулъ, но и значительное имѣніе. Служа по министерству просвѣщенія, онъ назначенъ былъ попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа, а черезъ это и сослуживецъ мой, Петръ Александровичъ, получилъ мѣсто цензора. Въ этомъ званіи оставался онъ всю свою жизнь, и я, какъ писатель, обязанъ отдать ему полную справедливость. Какъ ни трудна была должность цензора, но Корсаковъ былъ самый разсудительный и благонамѣренный цензоръ, лучше котораго нельзя было и желать.

Для меня лично выходъ Корсакова изъ театра былъ очень печаленъ. Я тотчасъ же перепросился у князя Тюфякина въ должность помощника члена репертуарной части, которую и занялъ, и съ тѣхъ поръ не писалъ уже нѣмецкихъ піесъ, кромѣ позднѣйшей «Карлъ XII подъ Полтавой», и то больше для поднесенія пьесы прусскому королю, Фридриху-Вильгельму IV. Съ тѣхъ поръ я рѣшительно занялся русскимъ театромъ, и первымъ трудомъ моимъ въ это время была переводная комедія въ стихахъ «Расточитель».

Въ домашней жизни Тюфякина произошла тогда перемѣна. Онъ разстался съ своею Бендеръ и познакомился съ Асенковой, первой субреткою русскаго театра. Желая дать ей роли французскаго репертуара, онъ заставилъ меня перевести «Расточителя» и назначилъ мнѣ за это 1,200 рублей. Тогда это была значительная сумма, и она дала мнѣ средство жениться.

Мнѣ былъ только 21-й годъ, но я уже сдѣлалъ походъ и четыре года былъ на службѣ. Съ окладомъ въ 600 рублей не смѣлъ я рѣшиться на женитьбу, но съ 2,000 и получивъ 1,200 за переводъ, можно было свататься. Жена моя, дочь чиновника театральной конторы, Тикулина, была не богаче меня, и мы въ будущемъ не могли

упрекать другъ друга. Князь Тюфякинъ былъ моимъ посаженымъ отцомъ, и для брачной церемоніи далъ мнѣ свою карету.

Съ прискорбіемъ долженъ я теперь дополнить, что въ то самое время первый виновникъ моего поприща, Альбрехтъ, былъ уволенъ отъ службы. Кто его спихнулъ съ этого тепленькаго мѣстечка, не знаю, но впослѣдствіи я догадался, что одна изъ бывшихъ пріятельницъ его разсказала князю Тюфякину о сродствахъ, какими Альбрехтъ нажилъ себѣ при конторѣ театровъ огромное состояніе. Мое заступничество не помогло ему. Въ ежедневныхъ моихъ прогулкахъ съ княземъ я спросилъ его о причинѣ увольненія Альбрехта, и то, что онъ мнѣ разсказалъ, было дѣйствительно дурно, но была ли это правда? Это остается на совѣсти обоихъ. Все, что я могъ сдѣлать, было опредѣленіе къ этой должности Матвѣева, съ которымъ я жилъ дружно съ самаго поступленія моего на службу и съ братомъ котораго былъ писцомъ при казначеѣ, когда получалъ 150 рублей.

Другая непріятность произошла вскорѣ по театральной службѣ. Шаховской поссорился съ Тюфякинымъ и былъ уволенъ. Ссора ихъ была публичная, потому что произошла на сценѣ, и они другъ друга осыпали довольно площадными ругательствами. Въ это время Шаховской былъ въ полной мѣрѣ хозяиномъ русской сцены, снабжая ее ежегодно нѣсколькими пьесами. Онъ былъ общимъ учителемъ всѣхъ актеровъ, и Боже сохрани, кто не хотѣлъ у него учиться. А потому, разумѣется, у него было много враговъ. Почти всѣ писатели были противъ него. Онъ никому не давалъ дороги, и Озеровъ былъ въ числѣ гонимыхъ имъ. Теперь мы судимъ иначе, и едва ли Шаховской не былъ правъ, когда настаивалъ, чтобы «Эдипъ въ Аѳинахъ» не имѣлъ такого конца, какой ему навязали Озеровъ и партія Оленина, требовавшая, чтобъ добродѣтель была награждена, а порокъ наказанъ. Шаховской хотѣлъ, чтобъ традиціи древности были сохранены, и былъ правъ. Но партія Гнѣдича и Оленина восторжествовала, и не Эдипъ, а Креонъ погибалъ въ концѣ піесы.

Въ театральныхъ же дѣлахъ только ученики Шаховского пользовались выгодами по службѣ; всѣ прочіе были устраняемы. Пристрастіе было вездѣ и во всемъ, и потому не мудрено, что общественное мнѣніе не возстало противъ увольненія Шаховского, а со стороны двора нечего было и думать ему о покровительствѣ. Императоръ Александръ помнилъ исторію съ Семеновой; она не была ученицею Шаховского, а ей начитывалъ всѣ роли Гнѣдичъ, и она принадлежала къ партіи Оленина.

Лично о себѣ не могу ничего сказать. Я слишкомъ мало значилъ и въ литературѣ, и по службѣ, чтобъ мое мнѣніе имѣло какой нибудь вѣсъ при ссорѣ Тюфякина съ Шаховскимъ. Бывшій главный директоръ Нарышкинъ имѣлъ голосъ при дворѣ, но и онъ не заступился за Шаховского.

Вмѣсто него въ дирекцію поступилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокош-

кинъ, пожалованный при этомъ случаѣ въ камергеры. Онъ былъ въ литературѣ извѣстенъ своимъ переводомъ «Мизантропа» и полною преданностію классицизму. Онъ былъ рекомендованъ княгинею Голицыной (жившей въ Гороховой, на углу Морской), и Тюфякинъ охотно принялъ его. У Кокошкина была очень милая дочь, и я помню, что извѣстный впослѣдствіи Клейнмихель принадлежалъ тогда къ знакомымъ его. Я, разумѣется, тоже близко познакомился съ нимъ и пользовался его расположеніемъ. Онъ жилъ тогда съ московскою актрисою Львовой-Синецкой, которая была душою его общества.

Къ сожалѣнію, дружба князя Тюфякина и Кокошкина была не продолжительна. Они поссорились, и Кокошкинъ вышелъ въ отставку. Вмѣсто него опредѣлился правитель канцеляріи генералъ-губернатора Вязьмитинова, статскій совѣтникъ Александръ Гавриловичъ Волковъ, въ литературномъ мірѣ извѣстный переводомъ «Весталки» (оперы Спонтини), которая тогда игралась еженедѣльно. Недолго прослужилъ и Волковъ. И онъ не могъ выдержать характера Тюфякина, который болѣе всего не любилъ противорѣчій.

Управляющихъ конторою тоже много смѣнилось при мнѣ, и послѣднимъ былъ Константинъ Эмануиловичъ Ватацци, объ увольненіи котораго я больше всего сожалѣлъ, сойдясь съ нимъ самымъ дружескимъ образомъ.

О знакомствѣ моемъ съ Волковымъ долженъ я разсказать довольно щекотливый случай. Онъ произошелъ во время ссоры Шаховского съ Тюфякинымъ. Я вздумалъ описать эту ссору, и хотя назвалъ своихъ дѣйствующихъ лицъ иносказательно, но всякій могъ узнать того и другого. Разумѣется, я держалъ сторону Тюфякина, а Шаховской былъ выставленъ съ неблагопріятной точки зрѣнія. Для напечатанія послалъ я свою статью къ Гречу, издателю «Сына Отечества», и вдругъ получаю приказаніе генералъ-губернатора явиться къ нему. Гречъ послалъ мою статью къ Шаховскому, а тотъ пріѣхалъ къ Вязьмитинову и принесъ на меня жалобу за то, что я въ своей статьѣ описывалъ его связь съ актрисою Ежовой. Волковъ, какъ правитель канцеляріи Вязьмитинова, много помогъ мнѣ въ этомъ случаѣ, но все-таки генералъ-губернаторъ вымылъ мнѣ голову и сказалъ, что «литература не должна мѣшаться въ личныя ссоры, а тѣмъ менѣе описывать пороки личностей». Я обѣщалъ повиноваться, и тѣмъ все кончилось. Князь Тюфякинъ отъ души хохоталъ, читая мою статью, и далъ ее списать своимъ друзьямъ.

Другая полемика произошла у меня съ Корсаковымъ, но такъ какъ она была изъ-за танцора Антонена, то и не могла имѣть послѣдствій.

Наступила минута неожиданнаго переворота въ судьбѣ моей. Князь Тюфякинъ вздумалъ ѣхать въ Парижъ для пополненія французской труппы. Она съ 1812 года уже не существовала; но въ 1816 году два артиста, оставшіеся здѣсь, Дюранъ и Мезьеръ, пред-

ложили князю Тюфякину позволить имъ давать на частномъ театрѣ маленькія французскія піесы. Онъ, разумѣется, съ радостью согласился и поддерживалъ это предпріятіе. Сперва давали эти спектакли у князя Юсупова (тогда еще этотъ домъ не принадлежалъ вѣдомству путей сообщенія). Къ Дюрану и Мезьеру присоединился пѣвецъ Брисъ съ женою; главною поддержкою труппы была дочь Мезьера, Туссенъ-Мезьеръ, и публика настоятельно стала требовать возстановленія французскихъ спектаклей. Тюфякинъ взялся за это и придумалъ умную вещь. Онъ на большомъ театрѣ соединилъ абонементы русскій и французскій, такъ что любители французовъ должны были поневолѣ ѣздить въ русскій театръ и смотрѣть русскіе спектакли. Не говоря уже о финансовыхъ выгодахъ этого предпріятія, русская труппа чрезвычайно выиграла тѣмъ, что на нее смотрѣли всѣ наши аристократы, которые до тѣхъ поръ не ѣздили въ русскій театръ. Кажется, что это соединеніе и было одною изъ главныхъ причинъ ссоры Шаховского съ Тюфякинымъ.

Составился огромный абонементъ (до 1,000 рублей въ день), и Тюфякинъ рѣшился тогда составить хорошую труппу въ Парижѣ, а для этого собранія ѣхать туда. Мысль была не дурна, но для него лично послѣдствія были очень печальны.

Прежде всего онъ потребовалъ, чтобъ я ѣхалъ съ нимъ. Я только что женился и вовсе не намѣренъ былъ оставить домашній кровъ. Онъ мнѣ предлагалъ разныя выгоды по службѣ, но я отказался, а нѣкоторые изъ друзей его убѣдили, чтобъ онъ меня оставилъ въ Петербургѣ для надзора за управленіемъ. Не знаю, что было бы со мною, еслибъ я послушался и уѣхалъ, но, кажется, ничего хорошаго не могло быть.

На время своего отсутствія Тюфякинъ выписалъ изъ Москвы члена тамошней конторы, Аполлона Александровича Майкова, приказавъ ему передать управленіе московскою конторою статскому совѣтнику Сухопрудскому.

Еще прежде я съ Тюфякинымъ ѣздилъ въ Москву, по утвержденіи его въ должности главнаго директора. Это было во время Успенскаго поста, и тутъ я имѣлъ случай познакомиться съ Майковымъ. У меня была въ это время написана оригинальная комедія «Лицемѣръ», и я ее отдалъ на московскій театръ. Майковъ принялъ ее и далъ мнѣ за нее 1,000 рублей.

Самое пребываніе въ Москвѣ не было ничѣмъ замѣчательно. Мы жили на дачѣ отца князя Тюфякина (Ивана Петровича), который тогда еще былъ живъ, и въ домѣ котораго, во время занятія Москвы Наполеономъ, жилъ начальникъ гвардіи, генералъ Роге. Я у него нашелъ цѣлый архивъ бумагъ, оставшихся послѣ Наполеона, и онѣ могли бы убѣдить всѣхъ историографовъ, что Наполеонъ никогда и не думалъ жечь Москву, а напротивъ того самъ много потерпѣлъ отъ этого пожара. Всѣ донесенія, безпрестанно посылаемыя

къ нему, я прочелъ внимательно и вездѣ видѣлъ, что французы разстрѣливали русскихъ, схваченныхъ въ поджигательствѣ.

Любопытна невинная хитрость, употребленная управителемъ дома Тюфякина. Старый князь былъ богатъ и имѣлъ погребъ, наполненный лучшими винами. Управитель, въ день занятія Москвы, вздумалъ заложить кирпичами половину погреба и всѣ лучшія вина перенесъ за эту закладку, снаружи оставивъ только нѣсколько дюжинъ медоку и вендеграву. Роге занялъ этотъ домъ и сохранилъ въ немъ все въ цѣлости. Вино же, бывшее снаружи, разумѣется, было выпито.

За то, когда мы пріѣхали въ 1819 году въ Москву, для насъ разобрали закладку, и князь пригласилъ всѣхъ знакомыхъ москвичей, чтобъ угостить ихъ наслѣдіемъ послѣ Наполеона.

Помню я также обѣдъ въ англійскомъ клубѣ по 25 рублей съ человѣка. Князь взялъ и меня съ собою, хотя я вовсе не пилъ вина. Любопытно, что я и походъ весь сдѣлалъ, не употребляя вина. Только съ 1825 г. вошелъ я во вкусъ вина и сохранилъ его до 1836 года, когда, по совѣтамъ врачей, мнѣ вовсе запрещено было пить всякое вино, потому что оно имѣло вредное вліяніе на мои головныя раны. За то въ день обѣда, даннаго Тюфякинымъ, всѣ прочіе гости употчевались; въ ихъ числѣ былъ и Майковъ.

Возвратясь въ Петербургъ, я, конечно, не предчувствовалъ, что черезъ годъ мнѣ придется разстаться съ Тюфякинымъ—и навсегда. Затѣявъ свою парижскую поѣздку, онъ вызвалъ изъ Москвы Майкова и сдалъ ему управленіе театромъ, а самъ, уѣхавъ, приказалъ мнѣ писать къ нему еженедѣльныя донесенія обо всемъ ходѣ дѣлъ въ подробности.

Майковъ помѣстился въ Большомъ театрѣ, въ двухъ комнатахъ, или уборныхъ. Это былъ его бивакъ. Настоящее же житье было у танцовщицы Азаревичевой, пріѣхавшей для него изъ Москвы. У Азаревичевой были двѣ дочери, воспитывавшіяся въ театральной школѣ. Одна сдѣлалась отличною актрисою, а другая прекрасною танцовщицею. Былъ, кажется, и сынъ, дослужившійся потомъ до полковника; но я не былъ съ нимъ знакомъ. Ей тотчасъ же отведена была лучшая квартира въ домѣ Голидая, гдѣ я занималъ съ тестемъ своимъ верхній этажъ. (Потомъ уже меня перевели въ томъ же домѣ въ Офицерскую улицу). Я продолжалъ ежедневно являться къ Майкову въ Большой театръ. Работы было, конечно, немного, за то письма къ князю брали у меня много времени.

Опозиція Майкова началась съ того, что онъ явился къ Шаховскому, съ которымъ былъ давно знакомъ,—и оба очень дружно начали управлять театромъ. Еще болѣе усилилась опозиція, когда Майковъ нашелъ друга и покровителя въ особѣ петербургскаго генералъ-губернатора, графа Милорадовича.

Это было чрезвычайно любопытное лицо, жизнь и смерть котораго очень интересны для русской исторіи. Я разскажу о немъ

подробнѣе, потому что онъ имѣлъ важное вліяніе на служебную судьбу мою.

Исправляющій должность директора театра Майковъ и генералъ-губернаторъ, прославившійся военными подвигами, не должны были, повидимому, имѣть какихъ либо между собою отношеній, но случилось иначе. У Милорадовича былъ правителемъ канцеляріи извѣстный поэтъ и писатель Хмѣльницкій, который почти ежедневно бывалъ и у Шаховского, собиравшаго около себя всѣхъ писателей своей партіи. А такъ какъ у него продолжали учиться всѣ актеры его школы, которые тоже собирались въ домъ его по вечерамъ, то это былъ очень пріятный кружокъ, украшенный притомъ самыми прелестными артистками. Тутъ были Дюрова, Азаревичевы, Монруа (потомъ Шелехова), танцовщицы Зубова и Телешова (послѣдняя была сродни Ежовой, жившей съ Шаховскимъ). Изъ писателей ѣздили туда: Хмѣльницкій, Грибоѣдовъ, Жандръ и другіе. Милорадовичъ очень любилъ театральный кругъ, и Хмѣльницкій ввелъ въ него своего начальника. Сначала онъ стѣснялъ немного гостей, но вскорѣ всѣ привыкли къ нему, потому что онъ былъ самый любезный и разговорчивый собесѣдникъ, охотно смотрѣвшій и на репетиціи пьесъ. Телешова больше всѣхъ нравилась ему; но дальше обыкновенныхъ фразъ романъ ихъ не пошелъ.

Здѣсь основалъ себѣ главную квартиру Милорадовичъ, и здѣсь же по вечерамъ бывалъ и Майковъ. Знакомство съ директоромъ было очень для него пріятно и, казалось, кромѣ знакомства, не могло быть ничего серьезнаго въ отношеніяхъ между этими двумя людьми. Майковъ, въ разговорахъ, старался осуждать все управленіе Тюфякина, и, разумѣется, Шаховской поддакивалъ ему.

Я не ходилъ къ Шаховскому, зная, какъ онъ былъ огорченъ моею статьею, на которую приносилъ жалобу бывшему генералъ-губернатору; но я хорошо зналъ все, что тамъ дѣлалось и говорилось, и, разумѣется, писалъ объ этомъ Тюфякину; но тотъ не слушалъ моихъ предостереженій. Ему весело было въ Парижѣ.

Вдругъ узналъ я слѣдующее: Майковъ жаловался, что театральная школа содержится отвратительно; что управленіе ею въ чрезвычайно разстроенномъ состояніи. Милорадовичъ, какъ генералъ-губернаторъ, поручилъ Хмѣльницкому составить ему записку по этому предмету и объявилъ, что доложитъ объ этомъ государю, прибавя, что Майковъ обязанъ будетъ подтвердить истину своихъ словъ о состояніи школы. За этимъ дѣло не стало. Милорадовичъ рѣшился сдѣлать свой докладъ и просилъ у государя довѣреннаго человѣка, который бы вмѣстѣ съ нимъ произвелъ осмотръ школы. Тюфякинъ былъ совоспитанникъ императора Александра и князя Александра Николаевича Голицына; но жалоба Милорадовича была такого рода, что требовала слѣдствія, и хотя самъ Милорадовичъ пользовался полнымъ довѣріемъ государя, но изслѣдованіе дѣла было поручено

начальнику штаба, князю Волконскому, бывшему потомъ министромъ двора. Слѣдствіе кончилось тѣмъ, что императоръ Александръ повелѣлъ Тюфякина уволить, а вмѣсто него въ должность директора назначить Майкова. Такова была развязка дѣла.

Я не буду говорить о томъ, какимъ образомъ было произведено слѣдствіе и осмотръ, но для меня лично увольненіе моего главнаго покровителя было громовымъ ударомъ. Я тотчасъ же послалъ эстафету, воображая себѣ, какое дѣйствіе это событіе должно произвести на самого князя. Гофмейстеръ съ двумя звѣздами былъ какъ бы выгнанъ изъ службы.

Разумѣется, онъ уже не пріѣзжалъ болѣе въ Россію, а остался на всю жизнь въ Парижѣ. Ближайшимъ его родственникомъ былъ шталмейстеръ князь Долгоруковъ, и онъ ему передалъ свое имѣніе за пожизненный доходъ въ 100,000 рублей.

Что было бы со мною, еслибъ я поѣхалъ съ княземъ въ Парижъ? Вѣроятно, и я бы не возвратился, а былъ бы причисленъ къ посольству, потому что Тюфякинъ очень друженъ былъ съ графомъ Нессельроде. Теперь мнѣ предстояла трудная забота. Мнѣ надобно было пріискать себѣ мѣсто, а гдѣ дали бы титулярному совѣтнику 2,500 рублей и квартиру?

Я попросилъ Тюфякина написать рекомендательныя письма къ графу Нессельроде и къ князю Голицыну. Онъ ихъ прислалъ; я съ ними явился къ обоимъ, но получилъ одни обѣщанія. Открылся совсѣмъ другой путь.

Я познакомился въ это время съ Александромъ Ѳедоровичемъ Похорскимъ. Онъ былъ типографщикъ и управлялъ передъ тѣмъ типографіею Рыкалова. Этотъ Рыкаловъ былъ извѣстный актеръ и образованный человѣкъ. Помню, что меня самъ Альбрехтъ, узнавъ, что я занимаюсь литературою, послалъ къ нему и велѣлъ представить ему написанную мною піесу. Она была переводная, подъ названіемъ: «Ода, или жена двухъ мужей» (съ нѣмецкаго). Рыкаловъ принялъ меня ласково, но по прочтеніи піесы отозвался, что она не можетъ быть представлена, а совѣтовалъ мнѣ брать сюжеты съ французскаго или итальянскаго. У него-то я имѣлъ случай познакомиться съ Похорскимъ, которому помогъ взять на себя изданіе афишъ. До тѣхъ поръ за печатаніе ихъ брали деньги съ дирекціи. Онъ первый рѣшился на спекуляцію, чтобъ брать деньги съ публики за разноску афишъ по домамъ (по 10 рублей ассигнаціями). Рыкаловъ не хотѣлъ болѣе продолжать этой работы, въ которой, впрочемъ, съ денежной стороны его поддерживалъ извѣстный государственный человѣкъ, Оленинъ. А потому, когда это дѣло поступило къ Похорскому, Оленинъ взялся помогать и ему, выгородивъ и себѣ частичку барыша. Мудрено было найти человѣка болѣе честнаго и безкорыстнаго, какъ этотъ Похорскій. Онъ черезъ Оленина же взялся печатать всѣ новѣйшія произведенія классической

школы: Озерова, Гнѣдича, Крылова, и доставилъ имъ сбыть въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ что вскорѣ успѣлъ нажить себѣ порядочное состояніе. Подружась съ этимъ человѣкомъ, я помогалъ ему, читая корректуры и самыя афиши, а тогда это было мудреное дѣло.

Черезъ Похорскаго познакомился я и съ Оленинымъ. Однажды ему нужны были какіе-то стихи для праздника, назначеннаго въ академіи художествъ, гдѣ онъ былъ президентомъ, и я тотчасъ же написалъ ихъ. Они ему понравились, и я съ тѣхъ поръ сталъ часто ходить къ нему, знакомясь съ тѣмъ литературнымъ кругомъ, который собирался у него.

Вдругъ Тюфякинъ былъ уволенъ, и я полагалъ, что мнѣ необходимо искать себѣ другого мѣста. Похорскій сталъ просить Оленина о моемъ опредѣленіи, и тотъ, позвавъ меня, разспросилъ обо всемъ случившемся. И онъ былъ съ своей стороны не друженъ съ Шаховскимъ, а потому тотчасъ же предложилъ мнѣ мѣсто въ государственной канцеляріи (на 1,500 рублей въ званіи экспедитора), но, такъ какъ этого было мало для меня, получавшаго 2,500 и квартиру, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ мнѣ мѣсто помощника библіотекаря въ императорской библіотекѣ (1,200 рублей). Я очень былъ радъ этому неожиданному счастію и тотчасъ же подалъ ему просьбу.

Очень спокойно явился я на другой день къ Майкову и ожидалъ отъ него упрековъ за свой внезапный переходъ въ другое мѣсто. Но онъ, получивъ отношеніе Оленина, придумалъ совсѣмъ другія мѣры. Во-первыхъ, онъ обратился къ Милорадовичу и, объяснивъ ему мою театральную службу, сказалъ, что я ему необходимъ для нея, а, во-вторыхъ, представилъ, что нужныхъ людей удерживаютъ на службѣ усиленіемъ жалованья, и что я у Оленина буду получать даже меньше нынѣшняго, тогда какъ если предложить мнѣ прибавку въ 600 рублей, то я вѣрно останусь служить въ дирекціи.

Въ это же время Милорадовичъ былъ назначенъ президентомъ театральнаго комитета, а товарищами его: князь Шаховской, шталмейстеръ князь Долгоруковъ и гофмейстеръ графъ Кутайсовъ (сынъ извѣстнаго любимца императора Павла). Этому комитету поручено было преобразовать театральную дирекцію, и участь моя зависѣла уже отъ Милорадовича.

Онъ позвалъ меня къ себѣ и спросилъ, почему я хочу оставить службу при театрѣ.

Я откровенно сознался, что, бывши секретаремъ князя Тюфякина, я, конечно, встрѣчу вездѣ неблаговоленіе.

— Напрасно вы это думаете,— сказалъ графъ (онъ со всѣми говорилъ вы).— Вы очень нужны и полезны для театра. Вы уже много и написали для него. Я бы очень желалъ, чтобъ вы остались

у меня. Предлагаю вамъ прибавку жалованья по 600 рублей. Согласны ли вы?

— Я бы, конечно, не смѣлъ отказаться отъ такой милости,— отвѣчалъ я,— но государственный секретарь обѣщалъ мнѣ, что при первомъ представленіи я получу Владимірскій крестъ, а это въ моемъ чинѣ очень важно.

— Это вы и у меня получите; будьте спокойны.

— Позвольте мнѣ подумать, ваше сіятельство. Я подалъ уже просьбу.

— Это будетъ между нами домашнее дѣло. Подумайте и дайте отвѣтъ Аполлону Александровичу.

Я поклонился и хотѣлъ уйти, но графъ еще удержалъ меня, взявъ за медаль 1812 года.

— Я читалъ вашъ формуляръ. Знаю, что вы получили 10 ранъ, такъ мнѣ бы очень было пріятно сохранить при себѣ такого ветерана.

Я откланялся и ушелъ.

Разумѣется, я тотчасъ же побѣжалъ къ Похорскому, чтобъ онъ все это передалъ Оленину, и тотъ, конечно, предоставилъ на мою волю: служить у него или оставаться въ дирекціи.

Не знаю, что было бы со мною впослѣдствіи, но очевидно, что, согласясь остаться, я терялъ все свое будущее служебное поприще; но долженъ отдать полную справедливость Майкову: онъ сдѣлалъ для меня все, что могъ. Я дѣйствительно тотчасъ же получилъ прибавку въ 600 рублей, а вслѣдъ затѣмъ былъ представленъ въ капитулъ ко Владимірскому кресту, и получилъ его «за литературные успѣхи» (какъ сказано въ грамотѣ). Сверхъ того, я рѣшился держать экзаменъ на чинъ коллежскаго ассесора, и содѣйствіе Майкова даже по этой части принесло мнѣ много пользы. Мнѣ отказали только въ двухъ предметахъ: въ политической экономіи и въ физикѣ, но черезъ три мѣсяца я и въ нихъ получилъ удовлетворительные балы и былъ произведенъ. Наконецъ черезъ годъ я получилъ Анну на шею, а мнѣ еще не было 30-ти лѣтъ.

Главнымъ моимъ шагомъ впередъ на служебномъ поприщѣ было назначеніе меня правителемъ дѣлъ театральнаго комитета. Это прибавило мнѣ еще 2,000 рублей и дѣлало меня вседневнымъ посѣтителемъ всѣхъ членовъ театральнаго комитета. Всѣхъ вліятельнѣе былъ, конечно, Шаховской, который и взялся написать новый штатъ, и которому много помогалъ актеръ Борецкій. Это былъ очень образованный человѣкъ и помѣщикъ, который по страсти къ театру вступилъ на сцену и дебютировалъ въ роли «Эдипа въ Аѳинахъ». Онъ имѣлъ величайшій успѣхъ въ этой роли и замѣнилъ Каменогорскаго (Штейнберга), поступившаго въ актеры тоже изъ чиновниковъ. Борецкій имѣлъ рѣдкую способность разбирать всякую руку, а особенно князя Шаховского, который самъ иногда затруднялся въ прочтеніи своего письма.

Важное опредѣленіе мое въ правители канцеляріи театральнаго комитета, конечно, болѣе всего зависѣло отъ Шаховского, и я многимъ обязанъ въ этомъ случаѣ Майкову, который успѣлъ меня сблизить съ нимъ и убѣдить его простить мнѣ мой пасквиль, выданный ему масонскимъ моимъ братомъ Гречемъ. Когда же потомъ дѣла мои по театральному комитету испортились, и главнымъ моимъ врагомъ сдѣлался князь Долгоруковъ (далѣе объяснено будетъ, по какому случаю это произошло), и когда я въ комитетъ представилъ мою піесу «Аристоменъ», то Шаховской всѣхъ болѣе защищалъ меня. Но большинствомъ управлялъ Долгоруковъ, и піеса была отвергнута, хотя вскорѣ потомъ дана въ бенефисъ и имѣла неожиданный успѣхъ.

Вообще по новой своей должности я сдѣлался очень важнымъ лицомъ при театрѣ, пользуясь полною довѣренностью графа Милорадовича. Всякій день являлся я къ нему ровно въ часъ, когда онъ возвращался отъ государя. Въ два часа оканчивалъ онъ дѣла по званію генералъ-губернатора и вмѣстѣ со мною отправлялся въ Екатерингофъ.

За увольненіе ли Колосовой или за всѣ прежнія продѣлки Шаховского, но въ это самое время толпа молодежи остановила однажды князя, возвращающагося домой, въ Третью Подьяческую, и угостила нагайками, послѣ чего всѣ эти мерзавцы разбѣжались. Вышла очень серьезная исторія. Милорадовичъ хотѣлъ непремѣнно отыскать кого нибудь изъ этихъ лицъ и поручилъ это дѣло полицеймейстеру Лихачеву и мнѣ; я очутился въ очень щекотливомъ положеніи. Князь увѣрялъ, что узналъ одного изъ нападавшихъ. Признать этого человѣка значило обречь его на погибель (а это былъ одинъ изъ лучшихъ сюжетовъ по хореграфіи, который долженъ былъ жениться на дочери актера Рыкалова), и я счелъ долгомъ отстранить этого человѣка, на что согласился и Лихачевъ. Вскорѣ исторія эта была забыта.

Новый случай совершенно рассорилъ меня съ Долгоруковымъ. На первой недѣлѣ великаго поста сгорѣлъ театръ у Чернышева моста. Строилъ его архитекторъ Шустовъ, принадлежащій къ вѣдомству Долгорукова, то-есть конюшенной конторѣ.

Князь тотчасъ же послалъ за мною и объявилъ, что строитель театра Шустовъ никакъ не виновенъ въ пожарѣ, и приказалъ мнѣ сообщить ему о ходѣ этого дѣла, убѣждая меня, чтобъ я въ такомъ направленіи и старался вести дѣло. Я ссылался на то, что оберъ-полицеймейстеръ будетъ тутъ главнымъ лицомъ, но Долгоруковъ повторилъ, что ожидаетъ отъ меня благопріятнаго рѣшенія. Слѣдствіе доказало вовсе другое. Оказалось, что для осушки театра производилась усиленная топка, и что отъ этого треснула одна печь и произвела пожаръ.

Смотритель Гайдуковъ былъ оправданъ, а Шустовъ уволенъ.

Тѣмъ и кончилось дѣло, имѣвшее для меня одного печальныя послѣдствія. Уѣзжая изъ комитета, Долгоруковъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «это все ваша работа, я вамъ припомню это».

Слова эти не имѣли бы, конечно, важнаго значенія, если бы Милорадовичъ остался живъ. Къ несчастію, часъ его смерти былъ уже близокъ. Въ этотъ же годъ произошло извѣстное наводненіе въ Петербургѣ, и я выѣзжалъ на лодкѣ на театральную площадь, желая помочь кому нибудь, но жестокій вѣтеръ прогналъ меня назадъ въ Офицерскую улицу.

Наступила роковая минута отъѣзда государя въ Таганрогъ, затѣмъ вспыхнулъ заговоръ 14-го декабря. Чѣмъ бы онъ кончился, если бы Александръ I-й прожилъ еще нѣсколько лѣтъ? Военное возстаніе, въ родѣ поднятаго Пестелемъ и Муравьевымъ, было бы невозможно, народное — немыслимо. Только перемѣна царствованія и необъявленіе народу заранѣе новаго порядка престолонаслѣдія могли произвести возмущеніе 14-го декабря.

Послѣднимъ театральнымъ дѣйствіемъ Милорадовича было опредѣленіе члена хозяйственной части, титулярнаго совѣтника Гемниха, подъ руководствомъ новаго члена Столыпина.

Для меня лично это былъ очень чувствительный ударъ. Я былъ уже коллежскимъ ассесоромъ, а оставался только помощникомъ члена репертуарной части. Правда, Столыпинъ призывалъ меня и объявилъ, что комитетъ имѣетъ въ виду и мое повышеніе въ чинѣ, но это были только фразы, а Гемнихъ имѣлъ уже окладъ въ 6,000 рублей. Майковъ тоже готовился выйти въ отставку, а вмѣсто него Долгоруковъ и Столыпинъ хлопотали объ опредѣленіи директоромъ поэта Остолопова, чему впрочемъ противился Шаховской, самъ искавшій этого мѣста.

Въ эту-то минуту произошло 14-е декабря. Въ этотъ день Майковъ былъ именинникъ (Аполлонъ) и пригласилъ Милорадовича на завтракъ. Но еще прежде произошелъ извѣстный случай съ присягою императору Николаю. И вотъ какъ я слышалъ все дѣло отъ самого Милорадовича.

Я сидѣлъ у Шаховского, и мы, окончивъ текущія театральныя дѣла, очень спокойно разговаривали съ нимъ о предстоящей перемѣнѣ царствованія. Мы уже 27-го ноября узнали о кончинѣ Александра I-го и, разумѣется, воображали себѣ, что по порядку вступитъ на престолъ Константинъ Павловичъ. О бракѣ его съ княгинею Ловичъ мы тоже уже знали, и князь Шаховской говорилъ, что новая императрица (княгиня Ловичъ) хорошо знаетъ его и, слѣдственно, будетъ покровительствовать ему.

Вдругъ въ комнату вошелъ графъ Милорадовичъ. Онъ былъ во всѣхъ орденахъ и пріѣхалъ прямо изъ дворца. Разсказъ его о случившемся тамъ былъ вполнѣ историческій.

Разсказавъ о привезенномъ извѣстіи о кончинѣ Александра I,

онъ, какъ главнокомандующій столицею и начальникъ всего гвардейскаго корпуса, обратился къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу, чтобъ тотчасъ же присягнуть императору Константину. Николай Павловичъ нѣсколько поколебался и сказалъ, что, по словамъ матери его, императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ государственномъ совѣтѣ, въ сенатѣ и въ московскомъ Успенскомъ соборѣ есть запечатанные пакеты, которые, въ случаѣ смерти Александра, повелѣно было распечатать, прочесть и исполнить прежде всякаго другого распоряженія.

— Все это прекрасно,—сказалъ я (такъ говорилъ графъ Милорадовичъ),—но прежде всего приглашаю ваше императорское высочество исполнить свой долгъ вѣрноподданнаго. По государственному закону преемникомъ престола императоръ Константинъ, и мы сперва исполнимъ свой долгъ, присягнемъ ему въ вѣрности, а потомъ будемъ читать, что благоугодно было повелѣть намъ императору Александру. Сказавъ это, я взялъ великаго князя подъ руку, и мы произнесли присягу, какой отъ насъ требовалъ законъ.

— Но что же могло быть въ этихъ пакетахъ?—спросилъ у Милорадовича князь Шаховской.

— Это намъ тотчасъ же открылось,— отвѣчалъ графъ.— Императоръ Александръ объявлялъ, что составилъ заранѣе фамильный договоръ, по которому Константинъ Павловичъ отрекается отъ короны, и она передается Николаю Павловичу. Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я,—нашъ долгъ прежде всего спросить у государя Константина Павловича: намѣренъ ли онъ сохранить свое отреченіе или откажется отъ него? А до тѣхъ поръ исполнимъ свою обязанность и до полученія отвѣта отъ него сохранимъ свою присягу, внушенную намъ долгомъ.

Князь Шаховской нѣсколько задумался и сказалъ Милорадовичу:

— Послушайте, однако, графъ! Чтò, если Константинъ настоитъ на своемъ отреченіи,—тогда ваша присяга будетъ какъ бы вынужденная. Вы очень смѣло поступили.

Весь этотъ разговоръ происходилъ на французскомъ языкѣ, и Милорадовичъ отвѣчалъ:

— Quand on a soixante mille bayonettes dans sa poche, on peut parler courageusement (имѣя шестьдесятъ тысячъ штыковъ въ карманѣ, можно говорить смѣло),—при этомъ онъ ударилъ себя по карману.

Не знаю, насколько были справедливы слова его, но ручаюсь въ ихъ истинѣ. Впрочемъ, въ самомъ государственномъ совѣтѣ были голоса, утверждавшіе, что «умершіе государи не имѣютъ воли: слѣдственно, надобно подождать отвѣта отъ императора Константина».

Вотъ что сообщилъ намъ графъ Милорадовичъ, и съ той минуты всѣ государственные акты и даже подорожныя, подписываемыя Милорадовичемъ, писались на имя императора Константина. И я

лично получилъ предписаніе отъ него, чтобъ всю театральную дирекцію привести къ присягѣ Константину, что я и исполнилъ.

Съ этого дня и до 14-го декабря прошло слишкомъ двѣ недѣли. Мой знакомецъ Кондратьевъ, служившій въ сенатѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, былъ отправленъ курьеромъ въ Варшаву къ императору Константину. Другія лица тоже поспѣшили туда, сверхъ того, и отъ князя Волконскаго, бывшаго при одрѣ смерти Александра, было донесеніе къ Константину. Извѣстно, что все кончилось подтвержденіемъ отреченія. Слѣдственно, выходка Милорадовича была вовсе не у мѣста. Еслибъ бумаги, оставленныя Александромъ, были прочтены и приняты къ исполненію, то 14-го декабря, вѣроятно, не было бы. И, конечно, императоръ Николай очень хорошо зналъ вліяніе императрицы Маріи Ѳеодоровны, чтобъ усомниться въ подтвержденіи отреченія Константина.

14-го декабря Милорадовичъ поѣхалъ на завтракъ къ Майкову, который въ этотъ день былъ именинникъ; я тоже былъ въ числѣ приглашенныхъ и явился, конечно, раньше. О томъ, что приготовлялось въ городѣ между войсками, никто ничего не зналъ.

Вскорѣ пріѣхалъ и Милорадовичъ, со всѣми поздоровался и сѣлъ за завтракъ. Вдругъ вошелъ въ комнату начальникъ тайной полиціи Фогель и, подойдя къ Милорадовичу, сталъ ему что-то шептать на ухо. Это было извѣстіе, что бунтъ 14-го декабря начался.

Графъ не продолжалъ завтрака, простился съ хозяиномъ и уѣхалъ съ Фогелемъ. Мы не знали, что́ и подумать, но вскорѣ выведены были изъ недоумѣнія. Актеръ Воротниковъ пришелъ съ извѣстіемъ, что солдаты взбунтовались и пошли ко дворцу. Мы всѣ тотчасъ разошлись и отправились на площадь узнать о случившемся.

Я пошелъ на бульваръ и увидѣлъ около дворца толпы народа, а императора Николая, говорившаго толпѣ какую-то рѣчь, которой смыслъ былъ тотъ, что «если не хотятъ меня имѣть царемъ, такъ я откажусь, а если согласны, то буду править по закону и по правдѣ».

Кто-то изъ толпы сказалъ на это: «Да! хорошо ему говорить. У него баталіонъ съ заряженными ружьями». Государь взглянулъ грозно на говорившаго, но тотъ исчезъ. А въ это время подошелъ Якубовичъ, и государь, увидѣвъ его, спросилъ:

— Ты на чьей сторонѣ?

— На законной, ваше величество,—отвѣчалъ заговорщикъ.

— Такъ поди къ своимъ товарищамъ, образумь ихъ и скажи, что теперь еще я ихъ прощу, но позднѣе будетъ имъ худо.

— Слушаю-съ,— отвѣчалъ Якубовичъ, и пошелъ къ бунтовщикамъ.

Познакомившись съ Якубовичемъ на свадьбѣ Воротникова, я было подошелъ къ нему и спросилъ: что у васъ тамъ дѣлается?

Но онъ только махнулъ мнѣ рукою и ничего не отвѣтилъ.

Въ эту самую минуту пріѣхалъ Милорадовичъ. Онъ былъ верхомъ и подскакалъ къ группѣ бунтовщиковъ, стоявшихъ у сената. Онъ сталъ убѣждать солдатъ возвратиться къ долгу и чести, и тѣ, привыкнувъ къ нему издавна, повиновались командѣ: «Налѣво кругомъ! маршъ во дворецъ! съ повинной!».

Вдругъ изъ группы бунтовщиковъ выскочилъ Каховскій и выстрѣлилъ въ Милорадовича почти въ упоръ, и тутъ же подскочили еще два солдата, ранившіе его штыками.

И тотъ, кто въ пятидесяти сраженіяхъ не получилъ ни одной раны, палъ на площади отъ руки убійцы!..

Раненаго Милорадовича перенесли тотчасъ же въ конногвардейскій лазаретъ. Мнѣ надобно было обойти кругомъ, чтобъ добраться до моего начальника, и когда я явился, меня не пустили къ нему. Хорошо, что въ это же самое время пришелъ Майковъ, и я съ нимъ попалъ къ умирающему герою. Тутъ же былъ и извѣстный врачъ Арндтъ, который уже успѣлъ осмотрѣть рану.

— Что, Николай Ѳедоровичъ,—спросилъ Милорадовичъ:—какъ вы думаете? есть надежда?

— На свѣтѣ нѣтъ безнадежныхъ ранъ,—отвѣчалъ Арндтъ.

— Но мнѣ вы должны сказать правду. Ужъ, конечно, я не боюсь смерти.

— Врачъ можетъ и ошибиться!—возразилъ докторъ.

— Вы меня и прежде лѣчили, и не скрывали отъ меня правды. Скажите и теперь.

— Жизнь ваша въ рукахъ Божіихъ, а не моихъ.

— Понимаю васъ и благодарю! Я бы только не желалъ долго страдать.

— Если начнется антоновъ огонь, то вы не будете страдать. Теперь вся боль отъ кишекъ. Вы, вѣрно, завтракали.

— Очень мало. Слышишь, Аполлонъ Александровичъ, какой вопросъ онъ мнѣ сдѣлалъ?—прибавилъ Милорадовичъ, обратясь къ Майкову.

— Мой завтракъ не могъ вамъ сдѣлать вреда.

Арндтъ понялъ, что часть вины падала на Майкова, и замолчалъ.

Тутъ сдѣлалъ Милорадовичъ и мнѣ нѣсколько вопросовъ, но я былъ слишкомъ разстроенъ, чтобы отвѣчать на нихъ.

Въ это время пріѣхалъ отъ государя какой-то генералъ и сказалъ, что онъ посланъ узнать о здоровьѣ графа и о положеніи раны.

— Доложите его величеству,—отвѣчалъ графъ,—что я очень радъ, принеся ему и отечеству на жертву свою жизнь. Это всегда была цѣль моя.

— Развѣ докторъ полагаетъ?..

— Онъ знаетъ, что я не переживу этого дня, а потому попросите покровительства его величества моему доброму Аполлону Александровичу Майкову. Безъ меня ему будетъ плохо.

Генералъ поклонился и ушелъ; я тоже простился съ графомъ и печально побрелъ домой.

Бунтъ былъ подавленъ въ это время. Нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ разогнали возмутившихся. На площади разложены были костры, и весь городъ, конечно, не спалъ въ эту роковую ночь.

Я понялъ, что со смертію графа потерялъ все.

V.

Уничтоженіе театральнаго комитета.—Директорство князя Гагарина.—Я назначенъ начальникомъ репертуарной части.—Кутайсовъ.—Яковлевъ.—Сосницкій.

Князь Долгоруковъ вступилъ въ президентство театральнаго комитета, и первый указъ, который былъ полученъ, состоялъ въ увольненіи князя Шаховского, какъ сказано было: «для лучшаго устройства этого комитета». Если для извѣстнаго драматурга, князя и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, было подобное рѣшеніе, то обо мнѣ нечего и говорить. Мнѣ надобно было терпѣть.

Майковъ получилъ пенсію «за заслуги и по просьбѣ графа Милорадовича» въ восемь тысячъ рублей, а директоромъ назначенъ былъ Остолоповъ.

Я явился къ Остолопову и былъ принятъ довольно ласково. Но странно было видѣть, что у директора былъ только Владиміръ 4-й степени, а у секретаря Анна на шеѣ. Остолоповъ пробылъ только до 1827 года, то-есть до обнародованія новаго штата. Должность его совершенно уничтожилась, а вмѣсто директора назначены были члены театральнаго комитета, каждый по своей части.

Меня, какъ старшаго, не знали, куда дѣвать, и Кутайсовъ сперва назначилъ инспекторомъ русской труппы, съ жалованьемъ по три тысячи рублей, а когда уволенъ былъ Остолоповъ, и конторою сталъ управлять Гемнихъ, я назначенъ былъ начальникомъ отдѣленія, вмѣстѣ съ Шотеномъ (рекомендованнымъ графомъ Віельгорскимъ), и мы получили по 3,500 рублей.

Я думалъ, что князь Долгоруковъ совсѣмъ забылъ обо мнѣ, но вскорѣ представился случай вспомнить прежнюю вражду.

Новый министръ искалъ человѣка, который бы хорошо зналъ театральную часть, и директоръ канцеляріи Ситниковъ, который самъ едва держался на мѣстѣ, по причинѣ разгульнаго поведенія, рекомендовалъ меня на это мѣсто. Объ этомъ узналъ князь Долгоруковъ и прежде всего выставилъ меня какимъ-то интриганомъ, тогда какъ за мною никогда не было подобнаго порока. По его докладу князь Волконскій отвергъ меня. Но въ это же самое время поступилъ въ комитетъ графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій, который тотчасъ

же принялъ меня подъ свое покровительство и представилъ Волконскому записку, вполнѣ оправдывающую меня противъ обвиненій Долгорукова. Я былъ ему благодаренъ за это заступничество; но Віельгорскій вскорѣ уѣхалъ въ чужіе края, а вмѣсто него поступилъ братъ его, графъ Матвѣй Юрьевичъ. Князь Гагаринъ началъ въ это время видимо пріобрѣтать у князя Волконскаго больше и больше силы, по своему безкорыстію, при печальной комиссіи, учрежденной по случаю кончины императрицы Елисаветы Алексѣевны.

Графъ Кутайсовъ, поставившій балетъ «Сумбеку» и аллегорическія картины, по случаю коронаціи императора Николая (для которыхъ я писалъ стихи), былъ очень ласковъ ко мнѣ и, несмотря на вражду князя Долгорукова, всегда защищалъ меня. Даже во времена Гедеонова онъ расположенъ былъ ко мнѣ и, когда я вышелъ въ отставку, онъ предлагалъ мнѣ мѣсто у себя (онъ былъ начальникомъ гофинтендантской конторы); но, разумѣется, князь Волконскій, помня мой поступокъ съ Гедеоновымъ, воспротивился моему опредѣленію.

Одна изъ привычекъ графа Кутайсова состояла въ томъ, что, управляя школою, онъ велѣлъ, чтобъ по вечерамъ въ ложу его ставили одного мальчика изъ воспитанниковъ для посылокъ. Потерять цѣлый день для разсылокъ едва ли было полезно для воспитанія мальчика.

Вообще личность графа была привлекательна. Онъ такъ хорошо умѣлъ одѣваться, что до старости казался молодъ, и мы никогда не могли разобрать: кто изъ нихъ моложе, отецъ или сынъ?

Князь Долгоруковъ былъ тоже очень красивый мужчина. Онъ имѣлъ портретъ императрицы, котораго никто не получалъ, и всегда сопровождалъ ее на всѣхъ прогулкахъ, по должности ея шталмейстера. Управляя французскою труппою, онъ жилъ со многими актрисами, и тогда это не считалось неприличнымъ. Нравы были очень распущены. И эта распущенность распространялась даже на самыхъ молодыхъ дѣвушекъ. Дочь Альфонса Атрюксъ, во время осенняго пребыванія съ труппою въ Гатчинѣ, отличилась небывалою шаловливостью.

Вообще загородныя поѣздки много портили нравы, и одна изъ нихъ (16-го іюня) въ Царское Село мнѣ очень памятна, по участію въ ней самого директора. Но кто же тогда занимался этимъ? Кто смотрѣлъ на домашнюю жизнь театральныхъ особъ? Я бы замаралъ свой разсказъ, еслибъ сталъ помѣщать въ немъ эротическія картины. Съ удовольствіемъ говорилъ я о чистотѣ нравовъ князя Гагарина, не удостоившаго въ три года своего директорства ни одной актрисы или танцорки своимъ вниманіемъ. Но это была рѣдкость, ни прежде его, ни послѣ, не имѣвшая подражателей, и хотя говорятъ, что одна изъ аристократическихъ сосѣдокъ князя, на Камен-

номъ островѣ, была съ нимъ въ большой дружбѣ, но это еще недоказанный фактъ.

Съ этой минуты началось мое настоящее театральное поприще. Если я нечаянно попалъ въ любимцы Милорадовича, за то дальнѣйшая моя служба была слишкомъ незначительна и, доставя мнѣ временное знакомство нѣсколькихъ прекрасныхъ и благородныхъ людей, подвергла меня гоненіямъ того, кто занялъ мѣсто Милорадовича. При вступленіи въ директорство князя Гагарина все могло идти лучшимъ, по возможности, образомъ, и мое участіе въ ходѣ театральныхъ дѣлъ, при всей своей незначительности, давало мнѣ возможность употребить свои небольшія познанія на общую пользу.

Первое мое знакомство до поступленія на службу было съ знаменитымъ трагикомъ Яковлевымъ (Алексѣемъ Семеновичемъ). Когда еще Кожевниковъ обратился съ просьбою о моемъ опредѣленіи къ Альбрехту, одинъ изъ бывшихъ моихъ товарищей, знакомый съ Каратыгиными, просилъ ихъ о моемъ опредѣленіи, и тѣ рекомендовали меня Яковлеву. Я однажды явился къ нему, но, поговоривъ со мною и узнавъ, что я имѣю дорогу къ Альбрехту, онъ объявилъ, что это лучшій путь для меня. Дѣйствительно, такъ и случилось. Впослѣдствіи я часто бывалъ у Яковлева, потому что и тесть мой былъ съ нимъ знакомъ, но страсть Яковлева къ питью дѣлала невозможнымъ болѣе тѣсное съ нимъ знакомство. Только тогда, какъ онъ вздумалъ жениться на воспитанницѣ Ширяевой, я сошелся съ нимъ ближе, но несчастная страсть къ водкѣ довела его до самоубійства, и хоть ему успѣли зашить перерѣзанное горло, но онъ быстро склонялся къ могилѣ. Онъ часто мнѣ читалъ свои стихотворенія, болѣе религіозныя, и въ немъ много было самобытнаго таланта. Когда онъ скончался, я написалъ ему эпитафію и мой стихъ о немъ:

«Завистниковъ имѣлъ, соперниковъ не зналъ»,

имѣлъ въ свое время много успѣха.

Еще позднѣе, когда я служилъ при Милорадовичѣ, и тотъ однажды посѣтилъ моего знакомаго Похорскаго, мы успѣли выпросить ходатайство его о назначеніи дочери Яковлева пенсіи въ тысячу рублей (тогда еще не было позднѣйшихъ правилъ, дающихъ право на эту монаршую милость, исходатайствованную директоромъ Гедеоновымъ).

На сценѣ я ни съ кѣмъ лично не былъ знакомъ до возвращенія моего изъ похода. Помню только, что я, какъ хорошо знающій по-французски, часто бывалъ на балетныхъ репетиціяхъ и служилъ переводчикомъ танцовщицамъ Сенъ-Клеръ и Баптистъ, но такъ какъ это знакомство прекратилось по случаю моего отправленія въ походъ, то оно и не имѣло никакихъ послѣдствій.

По возвращеніи изъ похода первое мое знакомство было съ Иваномъ Ивановичемъ Сосницкимъ; оно сохранилось на всю жизнь. А такъ какъ мы оба одногодки, то между нами былъ вопросъ: кто кого переживетъ. Я долженъ отдать справедливость, что это знакомство было во всѣхъ отношеніяхъ самое пріятное и даже дружеское. Онъ вскорѣ женился на дочери знаменитаго въ свое время пѣвца Воробьева, дебютировавшей въ моей комедіи: «Ревнивая жена»—Дефоржа, въ роли Клементины. Она была вполнѣ прелестна. Бракъ этихъ двухъ первоклассныхъ талантовъ былъ рѣдкимъ сценическимъ событіемъ, и первый выходъ ихъ обоихъ былъ въ комедіи Грибоѣдова «Молодые супруги», гдѣ мужъ имѣлъ полное право сказать: «вы все дурачитесь, а наслаждаюсь я». Никогда не было подобнаго успѣха на сценѣ, и оба вполнѣ заслуживали его.

Вскорѣ Елена Яковлевна обратилась къ оперѣ и въ «Сусанинѣ» Кавоса и Шаховского, въ роли мальчика была прелестна. Оперное ея поприще было довольно продолжительно, такъ что она даже пѣла «Алину», королеву голкондскую; но это было не настоящее ея призваніе, и «Свадьба Фигаро» была вѣнцомъ ея славы, какъ и самого Сосницкаго. Впослѣдствіи русская труппа хотѣла возобновить Фигаро: это была бы пародія и больше ничего. Впрочемъ цензура избавила насъ отъ этого стыда, и мы ей благодарны за это, хотя и любопытно было бы знать: почему Фигаро не позволяютъ играть? но мы такъ свыклись съ мыслью, что это революціонная піеса, что перестали и думать о возобновленіи ея. Если всѣ такъ думаютъ, то мудрено со всѣми спорить. Но правы ли эти всѣ, это другой вопросъ, и мы лично, конечно, не согласны съ этимъ мнѣніемъ. Люди XVIII-го вѣка были не глупѣе насъ, а пьеса эта не испугала французскихъ цензоровъ.

Не буду говорить о періодѣ нашего театра со временъ Елисаветы до Павла I-го. Мы были слишкомъ молоды, чтобъ быть самостоятельными, были слишкомъ пристрастны къ французской школѣ и покорялись великимъ образцамъ—Корнелю, Расину, Мольеру. Мы уже поздно познакомились съ Шекспиромъ и Шиллеромъ, не смѣя еще быть русскими. Только очень недавно попали мы въ эту колею и, кажется, утвердились въ ней.

Въ литературномъ отношеніи нечего говорить объ административныхъ періодахъ. Нарышкинъ былъ знатный баринъ, говорилъ остроты и выше Озерова ничего не слыхалъ. Тюфякинъ былъ отличный финансистъ; Майковъ прославился только тѣмъ, что свергъ его. Вся вереница комитетскаго управленія можетъ похвастать однимъ Шаховскимъ и его разсадникомъ молодыхъ талантовъ; управленіе послѣ смерти Милорадовича отличалось многими хорошими личностями, но для самого театра оно ничего не сдѣлало, кромѣ долговъ. Князь Гагаринъ первый успѣлъ на время соединить пользу литературы съ пользою театра. Я не буду говорить объ администра-

торахъ, оцѣнивать ихъ по личному разумѣнію. Но такъ какъ личности директоровъ (считая тутъ и членовъ комитета) вовсе не касаются до успѣховъ театра въ литературномъ отношеніи, то я прослѣжу событія съ 1812 до 1836 года, потому что лично могъ все видѣть и цѣнить. Мнѣнія мои могутъ быть и ошибочны, но гдѣ же люди безъ ошибокъ [1]).

Р. М. Зотовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Объ этомъ 25-тилѣтнимъ періодѣ Р. М. Зотовъ написалъ отдѣльныя «Театральныя воспоминанія», появившіяся также въ давно прекратившемся драматическомъ журналѣ. Чтобы не прерывать хронологическаго разсказа о жизни автора, мы отнесли эти воспоминанія въ конецъ «Записокъ», исключивъ изъ нихъ и «Воспоминаній» то, что относится къ однимъ и тѣмъ же фактамъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ пришлось оставить и въ «Запискахъ» и въ «Воспоминаніяхъ», чтобы не нарушить тѣсной связи между жизнью автора и исторіею театра. Ред.

РАЗСКАЗЫ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ I.

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ ГОДУ, 25-го іюня, исполнилось 100 лѣтъ со дня рожденія императора Николая Павловича. Теперь еще не наступило время для оцѣнки дѣятельности этого замѣчательнаго государя, такъ какъ, по близости разстоянія и недоступности наиболѣе важныхъ архивныхъ документовъ, мы не можемъ отнестись къ его царствованію съ полной безпристрастностью. Но на современникахъ его лежитъ обязанность собиранія матеріаловъ, для всесторонней обрисовки его личности и дѣятельности.

Съ этою цѣлью я записалъ нѣсколько случаевъ изъ жизни императора, изъ которыхъ однимъ я самъ былъ очевидцемъ, а о другихъ слышалъ отъ людей, мнѣ близкихъ и заслуживающихъ довѣрія.

I.

Бѣлорусскій бунтъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ (1842—1844) въ городѣ Гатчинѣ поднялась большая тревога: разнесся слухъ, что на Петербургъ двигается толпа народа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, изъ Бѣлоруссіи, и находится уже недалеко отъ Гатчины. Жители города, не зная хорошо, въ чемъ дѣло, перепугались не на шутку, обращались къ властямъ за разъясненіемъ, но и отъ нихъ ничего не могли добиться. Слухъ этотъ, между тѣмъ, подтвердился тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ Петербурга направлены были военныя

команды навстрѣчу незванымъ гостямъ, которыя, проходя черезъ Гатчину, въ боевомъ порядкѣ, еще болѣе усилили общее смятеніе.

— Значитъ, дѣло не шуточное,—толковали въ городѣ,—если гвардію отправляютъ на усмиреніе.

Дѣйствительно, верстахъ въ двадцати или тридцати за Гатчиной, войска встрѣтили толпы крестьянъ и, разумѣется, остановили ихъ. Всю эту массу народа оцѣпили войсками и начали производить слѣдствіе.

— Что вы за люди, куда и зачѣмъ идете?

Изъ отвѣтовъ крестьянъ выяснилось нѣчто удивительно странное, показывающее не въ первый разъ, какъ въ темной массѣ народа путаются самыя странныя представленія, сказочныя съ дѣйствительными. Весь этотъ пресловутый бунтъ былъ основанъ единственно на соименности трехъ понятій: Бѣлоруссія, Бѣлый царь и Бѣлое море.

Несчастные бѣлоруссы, угнетенные польской шляхтой и еврействомъ, долго измышляли, какъ бы имъ выйти изъ своего тяжелаго и невыносимаго положенія. Нашлись между ними люди, которые по наивности или изъ какихъ нибудь корыстныхъ побужденій втолковали имъ, что такъ какъ они бѣлоруссы, то у нихъ есть свой, настоящій Бѣлый царь, который, конечно, сидитъ на Бѣломъ морѣ, куда они и должны идти отыскивать его, чтобы онъ водворилъ на землѣ правду. Такъ какъ вся Россія называетъ императора Бѣлымъ царемъ, и къ этому названію каждый россіянинъ привыкаетъ съ дѣтства, то не мудрено, что не хитрые бѣлоруссы повѣрили смутителямъ, послѣ чего отыскивать царя именно на Бѣломъ морѣ было уже вполнѣ естественнымъ. Вотъ они и поднялись всею массою, съ самыми мирными намѣреніями дойти до Бѣлаго моря и отыскать тамъ Бѣлаго царя. Дорогою они не производили никакихъ безчинствъ и ни въ какой продерзости не были замѣчены.

Но это массовое движеніе ихъ было все-таки нарушеніемъ государственнаго порядка, при чемъ тогдашнее полицейское начальство, ради выслуги, постаралось представить дѣло въ болѣе страшномъ видѣ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Простое движеніе темнаго и обманутаго люда было истолковано, какъ бунтъ, не менѣе страшный пугачевскаго, на томъ основаніи, что эти несчастные и забитые бѣлоруссы не признавали будто бы царствовавшаго государя, а хотѣли отыскать какого-то иного.

Исправникомъ, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, въ Гатчинѣ былъ полковникъ Ольдерогге, вѣдѣнію котораго подлежали всѣ окрестные крестьяне. Онъ обращался съ ними крайне жестоко и несправедливо, отягощая всякими поборами въ свою пользу. До какой степени крестьяне-чухны его ненавидѣли, можно судить по тому случаю, что однажды, когда Ольдерогге устроилъ у себя балъ, на расходы по которому предварительно собралъ съ подвластныхъ ему чухонъ обильную дань, они собрались толпою передъ его домомъ и во время

самаго разгара бала бросили въ окна цѣлую тучу каменьевъ и кирпича, ушибивъ многихъ гостей и перебивъ, конечно, стекла въ въ двойныхъ рамахъ, такъ какъ дѣло было зимой. Разумѣется, балъ поневолѣ прекратился, такъ какъ, кромѣ перепуга собравшагося общества, невозможно было продолжать пированье зимою безъ оконъ. Устроивъ такую штуку, чухны, понятно, разбѣжались, но нѣкоторыхъ успѣли догнать. Помнится мнѣ, что вся Гатчина долго толковала объ этомъ случаѣ и о той жестокой расправѣ, которую произвелъ Ольдерогге надъ виноватыми, попавшимися ему въ руки.

Этому-то Ольдерогге, какъ опытному и ретивому управителю, поручено было и слѣдствіе надъ задержанными бѣлоруссами. Легко понять, что онъ не положилъ охулки на руку и вмѣсто того, чтобы разъяснить темнымъ людямъ ихъ заблужденіе и мирно отправить домой, онъ раздулъ это дѣло въ настоящій бунтъ, разсчитывая на достойную награду. Многіе изъ бѣлоруссовъ, признаные болѣе виновными, были наказаны плетьми и сосланы въ Сибирь; остальные подъ сильнымъ конвоемъ были отправлены по домамъ, гдѣ, какъ говорили, ихъ всѣхъ пересѣкли, вѣроятно, для болѣе прочнаго водворенія на мѣстѣ.

Но впослѣдствіи я слышалъ, что кто-то изъ приближенныхъ къ государю рѣшился разъяснить ему настоящій характеръ бѣлорусскаго движенія. Произведено было новое слѣдствіе, и сосланные бѣлоруссы возвращены на родину. Ольдерогге былъ отрѣшенъ отъ должности, къ великой радости подвластныхъ ему чухонъ.

II.

Ученическая исторія.

Я не скажу, чтобы въ такъ называемое доброе старое время педагогія особенно процвѣтала. Существовавшее въ то время крѣпостное право накладывало на всѣ стороны жизни свой отпечатокъ, не оставивъ безъ вниманія и педагогическую дѣятельность.

Главнымъ орудіемъ воспитанія считалась тогда березовая розга. Я почти не знаю примѣра, чтобы ученикъ того времени могъ пройти семь или восемь гимназическихъ классовъ, ни разу не подвергнувшись дѣйствію березы. Понятно, что на учениковъ младшихъ и среднихъ классовъ она производила впечатлѣніе преимущественно физическое. Но ученики высшихъ классовъ, у которыхъ уже были развиты болѣе или менѣе понятія о чести и достоинствѣ человѣка, относились къ розгѣ иначе, и для нихъ такое наказаніе было болѣе нравственнымъ, чѣмъ физическимъ.

Въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ того времени попадались иногда хорошіе преподаватели и воспитатели, но такихъ было не

много, и они составляли безсильное меньшинство. Изъ числа таковыхъ я припоминаю извѣстнаго въ свое время историка Смарагдова, также старика Василія Петровича Шульгина, человѣка высоко-образованнаго и гуманнаго; профессора физики Щеглова, преподавателей юридическихъ наукъ: Преображенскаго и Деппа. Изъ воспитателей оставили добрую память старшій надзиратель Галлеръ, младшій надзиратель Шуманъ.

Большинство же какъ преподавателей, такъ и воспитателей не отличались ни особеннымъ образованіемъ, ни тѣмъ болѣе умѣньемъ заслужить уваженіе воспитанниковъ. Вслѣдствіе этого, не мудрено, что между воспитателями и учениками старшихъ классовъ часто возникали недоразумѣнія.

Одно изъ подобныхъ недоразумѣній, къ несчастію участвовавшихъ въ немъ учениковъ, случилось осенью, не задолго, или почти наканунѣ, переѣзда въ Гатчину императора. Ученики старшаго, выпускнаго класса, юноши около двадцати лѣтъ, въ чемъ-то не поладили съ своимъ воспитателемъ и надѣлали ему дерзостей. Тогдашній директоръ института, Григорій Ивановичъ фонъ-Дервизъ, приказалъ главныхъ виновниковъ наказать розгами, не смотря на протесты другихъ воспитателей. Экзекуція была произведена публично, то-есть въ присутствіи всѣхъ учениковъ двухъ или трехъ старшихъ классовъ. Хотя наказаніе было самое легкое, такъ какъ каждому дали не болѣе двухъ или трехъ ударовъ розгами, но оно было въ высшей степени оскорбительно для взрослыхъ юношей, которые разсчитывали въ скоромъ времени быть самостоятельными людьми и вступить въ общество. По окончаніи экзекуціи, они, понятно, ожесточенные такимъ обращеніемъ съ ними, еще болѣе возмутились и обратили свою месть на фонъ-Дервиза, который, какъ говорили, пострадалъ при этомъ.

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, исторія эта разгоралась болѣе и болѣе.

Почетнымъ опекуномъ института въ то время былъ Сергѣй Степановичъ Ланской, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ и графъ. На время пребыванія государя въ Гатчинѣ онъ также всегда пріѣзжалъ туда, останавливаясь въ особой небольшой квартирѣ, предназначенной исключительно для него, въ самомъ зданіи института. Бывши мальчикомъ, я попросилъ разъ сторожа при этой квартирѣ показать мнѣ ее, когда тутъ жилъ Ланской, но отлучился во дворецъ. Квартира состояла изъ четырехъ небольшихъ комнатъ: спальной, уборной, гостиной и кабинета. Въ уборной меня поразило то, что на одномъ столикѣ я увидѣлъ шесть или семь подставокъ съ париками.

— Зачѣмъ у него такъ много париковъ?—спросилъ я сторожа.

— Это, изволите ли видѣть, для того,—объяснилъ онъ,—что они надѣваютъ парики по очереди: спервоначалу надѣнутъ примѣрно

вотъ этотъ, съ самыми короткими волосами и поносятъ его нѣсколько дней. Потомъ надѣнутъ вотъ этотъ, у котораго волоса чуточку подлиннѣе, и тоже поносятъ его нѣсколько дней. Потомъ вотъ этотъ, еще подлиннѣе, и такъ до послѣдняго. Послѣ того надѣваютъ съ самыми короткими волосами: оно и выходитъ такъ, какъ будто у нихъ собственные волоса ростутъ, и будто они ихъ подстригаютъ.

Но это—между прочимъ. Дѣло же въ томъ, что исторія съ учениками старшаго класса столько нашумѣла, что Ланской долженъ былъ доложить о ней лично государю, изъ предосторожности, чтобы слухъ о ней не дошелъ до него сторонними путями.

Пріѣхавъ въ институтъ, императоръ Николай Павловичъ потребовалъ представить себѣ два старшихъ класса и высказалъ имъ свое крайнее неудовольствіе за случившееся, а въ заключеніе приприказалъ главныхъ виновниковъ сдать въ солдаты.

Такое строгое рѣшеніе испугало Ланского, который видимо не ожидалъ подобнаго исхода дѣла. Не смотря на гнѣвъ государя, онъ осмѣлился робко замѣтить, что главные виновники за все время пребыванія въ институтѣ вели себя хорошо и были лучшими учениками, во имя чего и просилъ пощадить ихъ.

Государь на это ходатайство отвѣтилъ:

— Мнѣ не нужно ученыхъ головъ, мнѣ нужно вѣрноподданныхъ.

Далѣе просить было, конечно, невозможно. Несчастныхъ отдѣлили въ особое помѣщеніе, и они уже готовились надѣть солдатскія шинели, но, къ счастью ихъ, чрезъ нѣсколько времени государь смилостивился, не знаю по собственному ли почину, или вслѣдствіе чьего нибудь ходатайства, только отъ солдатчины они были избавлены и отправлены на службу въ провинціальные города.

Выраженіе государя, приведенное мною, въ высшей степени характерно: оно чрезвычайно выпукло обрисовываетъ его историческую фигуру и объясняетъ большую часть явленій его царствованія. Ни къ чему такъ строго и безпощадно не относился императоръ Николай Павловичъ, какъ ко всякому проявленію неповиновенія или вообще протеста противъ какой бы то ни было власти. Самый венгерскій походъ былъ предпринятъ, въ противность политическимъ интересамъ Россіи, ради все того же принципа. Человѣкъ добрый, любящій, внимательный къ нуждамъ каждаго, очень часто трогательно нѣжный, какъ это увидимъ далѣе, онъ становился суровымъ и безпощаднымъ при малѣйшемъ проявленіи того, что въ тѣ времена называлось либеральнымъ духомъ. Суровую военную дисциплину, съ ея безмолвнымъ повиновеніемъ и безропотнымъ подчиненіемъ младшаго старшему, онъ неукоснительно проводилъ и во весь строй гражданской жизни и въ этой строгой и общей субординаціи видѣлъ главнѣйшій залогъ благосостоянія и могущества имперіи.

III.

Генералъ-губернаторъ Кавелинъ.

Императоръ Николай никогда не оставлялъ своихъ вѣрныхъ слугъ и заботился объ нихъ съ трогательнымъ вниманіемъ. Когда какой нибудь заслуженный генералъ дѣлался отъ старости или болѣзни уже негоднымъ къ дѣйствительной службѣ, государь создавалъ для него какое нибудь почетное мѣсто, чтобы отставкою не оскорбить старика. Такъ однажды въ Гатчинѣ одновременно служили: полицеймейстеръ города, комендантъ города, Люце, и особый комендантъ дворца, старый генералъ, фамиліи котораго не помню. И первымъ-то двумъ въ такомъ маленькомъ городѣ дѣлать было нечего, а послѣдній былъ присланъ государемъ совсѣмъ ужъ сверхкомплектнымъ.

Когда бывшій военный губернаторъ Петербурга, генералъ Кавелинъ, захворалъ психическимъ разстройствомъ, государь, по совѣту докторовъ, прислалъ его въ Гатчину, отвелъ ему помѣщеніе въ самомъ дворцѣ и приказалъ исполнять всѣ его прихоти, какъ бы странны онѣ ни были. Воля государя была свято исполняема всѣми начальствующими лицами.

Помню такіе случаи. Однажды, ночью, къ моему отцу, бывшему въ то время главнымъ надзирателемъ въ Гатчинскомъ институтѣ, прибѣжалъ сторожъ объявить, что въ институтъ пріѣхалъ генералъ Кавелинъ и требуетъ священника. Наскоро одѣвшись, отецъ пошелъ узнать, въ чемъ дѣло, и засталъ Кавелина въ одномъ залѣ, передъ церковью.

— Гдѣ священникъ?—спросилъ Кавелинъ.

— Онъ живетъ въ городѣ, въ частномъ домѣ, ваше высокопревосходительство.

— Пошлите сейчасъ за нимъ, надо служить молебенъ, а я тутъ подожду.

Нечего было дѣлать, отецъ мой послалъ за священникомъ, а Кавелинъ сѣлъ на подоконникъ и терпѣливо ждалъ. Но чрезъ нѣсколько минутъ онъ соскучился.

— Вы кто такой?—спросилъ онъ отца.

— Старшій надзиратель.

— А! Гдѣ же ваши воспитанники?

— Въ спальняхъ, ваше высокопревосходительство; теперь третій часъ ночи.

— Покажите мнѣ спальни!

— Пожалуйте.

Пошли они по спальнямъ. Кавелинъ обходилъ ихъ, осматривалъ, разспрашивалъ и, повидимому, остался доволенъ. Пока они занимались осмотромъ, пришелъ священникъ, о чемъ сторожъ, бѣгавшій за нимъ, не замедлилъ увѣдомить. Кавелинъ вернулся въ церковь

и приказалъ служить молебенъ. Помолившись очень усердно, Кавелинъ поблагодарилъ священника и моего отца и спокойно отправился пѣшкомъ во дворецъ.

Въ другой разъ, также ночью, онъ вышелъ изъ дворца въ одномъ бѣльѣ и направился въ казармы кирасирскаго полка, расположенныя рядомъ съ дворцомъ. Часовому онъ приказалъ позвать трубача, и когда тотъ явился, Кавелинъ велѣлъ ему трубить тревогу.

Весь полкъ долженъ былъ подняться. Дежурный офицеръ подошелъ къ Кавелину спросить, въ какой формѣ онъ прикажетъ явиться.

— Въ какой формѣ! Разумѣется, въ походной,—отвѣчалъ Кавелинъ.

Солдаты одѣлись, осѣдлали лошадей. Разосланы были гонцы по офицерамъ, которые всѣ жили въ разныхъ мѣстахъ города.

Когда, наконецъ, весь полкъ собрался, Кавелинъ велѣлъ подать себѣ лошадь, вывелъ полкъ на поле передъ дворцомъ и началъ производить ученіе. На предложеніе одѣться, чтобы не схватить простуду отъ ночной сырости, будучи въ одномъ бѣльѣ, онъ упорно отказался. Занявшись этимъ около часу времени, онъ отпустилъ солдатъ по казармамъ, а офицеровъ пригласилъ къ себѣ на утренній чай.

Третій случай, который, я помню, носилъ нѣсколько комическій характеръ. Кавелинъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ коменданта Люце, командира кирасирскаго полка Туманскаго и директора института фонъ-Дервиза.

Когда подали супъ, Кавелинъ вывалилъ къ себѣ въ тарелку все содержимое судка: уксусъ, прованское масло, горчицу, перецъ, соль, размѣшалъ все это съ супомъ и началъ предлагать своимъ гостямъ. Тѣ, разумѣется, отказывались попробовать такого кушанья.

— Эхъ, вы, господа!—сказалъ онъ:—ничего-то вы не понимаете въ гастрономіи.

Взявъ ложку, онъ началъ ѣсть, но послѣ двухъ-трехъ ложекъ самъ поморщился и сплюнулъ, запивъ виномъ. Послѣ обѣда онъ предложилъ своимъ собесѣдникамъ выйти на дворцовый плацъ и, построивъ ихъ въ рядъ, заставилъ бѣгать въ перегонку. Понятно, что эти лица, частью по старости, какъ Люце, частью изъ чувства собственнаго достоинства, бѣгали не особенно-то ретиво, такъ что Кавелинъ обогналъ ихъ, чѣмъ остался чрезвычайно доволенъ...

Обо всѣхъ подобныхъ выходкахъ больного доносили государю, по его приказанію. Впрочемъ, Кавелинъ недолго стѣснялъ власти своими причудами, такъ какъ болѣзнь скоро приняла острый характеръ, и онъ скончался, не пріійдя въ себя.

IV.

Наказаніе архитектора.

Однажды ремонтировался или, вѣрнѣе сказать, заново передѣлывался правый флигель Гатчинскаго дворца. Государь выразилъ желаніе, чтобы къ осени, именно ко времени его пріѣзда въ Гатчину, работы были окончены. Передѣлками этими завѣдывалъ архитекторъ К—скій, который, желая отличиться, принялъ очень своеобразный способъ для того, чтобы скорѣе осушить мокрую штукатурку. Для этого, кромѣ топки печей, онъ клалъ на ночлегъ въ комнатахъ рабочихъ, которые своимъ дыханіемъ должны были ускорить осушку. Неизвѣстно, помогло ли это средство осушкѣ стѣнъ, но что среди рабочихъ появилась масса заболѣвшихъ—это было вѣрно.

Вѣроятно, государю еще въ Петербургѣ кто нибудь сообщилъ о варварскомъ распоряженіи архитектора. По крайней мѣрѣ, когда онъ пріѣхалъ въ Гатчину и пошелъ осматривать передѣланную часть дворца, то потребовалъ архитектора, и когда этотъ явился, государь взялъ его за ухо и такимъ способомъ провелъ по всѣмъ тѣмъ комнатамъ, въ которыхъ спали несчастные рабочіе. Можно себѣ вообразить положеніе архитектора, котораго государь велъ за ухо, какъ какого нибудь школьника, въ присутствіи свиты и многихъ служащихъ во дворцѣ.

Разумѣется, архитекторъ, составившій себѣ до того времени довольно извѣстное имя, послѣ этого приключенія совершенно исчезъ съ горизонта петербургской жизни. Самаго архитектора этого я не зналъ лично, но впослѣдствіи встрѣчался въ одномъ домѣ съ его братомъ, техникомъ морскаго вѣдомства, который подтвердилъ мнѣ вѣрность разсказа объ этомъ случаѣ.

V.

Осушеніе звѣринца.

Въ Гатчинѣ, за дворцовымъ садомъ, непосредственно къ нему прилегаетъ такъ называемый звѣринецъ, то-есть огромное мѣсто, по крайней мѣрѣ, въ пять или шесть квадратныхъ верстъ, огороженное сплошнымъ высокимъ частоколомъ. Въ этомъ звѣринцѣ содержались стада ланей, оленей, нѣсколько ословъ и имѣлась дворцовая молочная ферма.

Мѣстность эта представляла почти сплошныя лѣсистыя болота, по которымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вдоль и поперегъ, проложены были не широкія шоссейныя дороги.

Государь пожелалъ привести этотъ звѣринецъ въ нѣкоторый порядокъ и осушить болота. Для этого нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, по окончаніи лагерныхъ сборовъ въ Красномъ Селѣ, именно въ августѣ мѣсяцѣ, въ Гатчину приходилъ гвардейскій саперный баталіонъ, подъ надзоромъ котораго и производились работы крестьянами или пѣхотными солдатиками, отпускавшимися послѣ лагерей на заработки.

Работы осушенія состояли въ томъ, что въ болотѣ прокапывались широкіе каналы, земля или торфъ изъ которыхъ выбрасывались рядомъ, образуя острова. Каждый такой островъ обивался кругомъ не толстыми сваями, на разстояніи другъ отъ друга, которыя переплетались тростникомъ, чтобы берега насыпанныхъ острововъ не расползались и не обваливались.

Для выемки земли машинъ никакихъ не было, и вся эта египетская работа производилась лопатами. Для этого рабочимъ приходилось по нѣсколько часовъ стоять въ водѣ по колѣна, а не то и по поясъ, какъ для выемки земли, такъ и для того, чтобы переплетать сваи.. .

Работы, съ которыми очень спѣшили, производились всю осень, не разбирая никакой погоды, до самыхъ заморозковъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ между рабочими развивались всевозможныя простудныя болѣзни, часто со смертельнымъ исходомъ, и они гибли цѣлыми сотнями, переполняя всѣ гатчинскія больницы. Но въ больницы попадала только малая часть счастливцевъ; наибольшую же массу больныхъ разсылали просто по окрестнымъ деревнямъ, гдѣ и предоставляли умирать, какъ кому угодно.

Понятно, что все это тщательно скрывали отъ государя, иначе онъ не допустилъ бы такого массоваго истребленія народа. Если архитектора, положившаго рабочихъ спать въ сырыхъ комнатахъ дворца, государь выдралъ за ухо, то, конечно, жестоко наказалъ бы такихъ распорядителей по осушкѣ болотъ.

Благодаря осушкѣ и образованію островковъ, звѣринецъ принялъ очень красивый видъ.

Императоръ Николай Павловичъ не былъ страстнымъ любителемъ охоты. Иногда онъ выходилъ съ ружьемъ въ дворцовый паркъ или въ звѣринецъ, подстрѣливалъ пару дикихъ утокъ, да и то рѣдко. Случалось, что въ звѣринцѣ устраивалась охота на оленей, но это дѣлалось исключительно для развлеченія какого нибудь иностраннаго гостя. Устраивалась также охота и на медвѣдей. Для этого пойманныхъ медвѣдей выпускали въ звѣринцѣ, и ихъ надо было непремѣнно убить, иначе они задрали бы потомъ оленей илиословъ.

На одной изъ такихъ охотъ большой медвѣдь сильно поломалъ егеря, хотѣвшаго взять его на рогатину. Случилось это на глазахъ государя. Егерь, послѣ этой схватки съ медвѣдемъ, оказался никуда

негоднымъ инвалидомъ, и государь назначилъ ему такую хорошую пенсію, что онъ могъ жить не только безбѣдно, но и съ большими удобствами. Я знавалъ этого старика и лично отъ него слышалъ разсказъ объ его борьбѣ съ медвѣдемъ.

VI.

Поѣздки императора Николая I.

При Николаѣ I, какъ извѣстно, были выстроены у насъ только двѣ желѣзныя дороги: Царскосельская и Николаевская. Между тѣмъ онъ довольно часто ѣздилъ въ Варшаву и другіе города, сообщеніе съ которыми производилось исключительно на почтовыхъ лошадяхъ. Такъ какъ на подобныя поѣздки поневолѣ тратилось много времени, то не мудрено, что императоръ требовалъ наивозможно быстрой ѣзды. Для этого на всѣхъ станціяхъ по пути отъ Петербурга, напримѣръ, до Варшавы держались для него особыя лошади, такъ называемыя — курьерскія, которыя только и употреблялись для курьеровъ и для государя и болѣе никому, ни за какія деньги и ни подъ какимъ предлогомъ не отпускались. Да ихъ и нельзя было отпускать, такъ какъ электрическихъ телеграфовъ еще не было, и неизвѣстно было, когда можетъ прискакать курьеръ. А сохрани Боже, еслибъ на какой нибудь станціи курьеръ не нашелъ готовыхъ лошадей.

Государь никогда не ѣздилъ въ каретѣ или вообще въ закрытомъ экипажѣ. Лѣтомъ ему подавали крѣпкую рессорную коляску, а зимою широкія пошевни, покрытыя коврами. Если случалось лѣтомъ, что коляска дорогою сломается, то государь пересаживался въ простую почтовую телѣгу и въ ней продолжалъ путь, пока на какой нибудь станціи не найдется болѣе удобный экипажъ, тарантасъ или коляска.

Передъ экипажемъ государя, на полчаса или на часъ впереди его, всегда скакалъ курьеръ, обязанность котораго была предупреждать станціонныхъ смотрителей о пріѣздѣ государя. Свѣжія лошади, вполнѣ снаряженныя и съ готовымъ ямщикомъ, выводились на самую дорогу, и какъ только государь пріѣзжалъ, то одни ямщики мгновенно отстегивали старыхъ лошадей, а другіе пристегивали новыхъ, ямщикъ вскакивалъ на козлы, и государь мчался далѣе. Эта перепряжка лошадей продолжалась едва ли болѣе минуты, а то и менѣе. Каждый станціонный смотритель и всѣ ямщики старались щеголять быстротою перепряжки, зная, какъ государь не любилъ, чтобы его задерживали хоть на одну лишнюю секунду.

Осенью и зимою, въ темное время, кромѣ передового курьера, ѣхалъ впереди государя еще второй курьеръ, всего въ нѣсколькихъ

саженяхъ предъ царскимъ экипажемъ. Обязанность этого второго курьера заключалась въ томъ, чтобы зажженными факелами освѣщать путь. Для этого у него въ саняхъ или въ телѣгѣ, смотря по времени года, лежалъ цѣлый пукъ факеловъ, которые постепенно зажигались, обращенные огнемъ назадъ, къ сторонѣ царскаго экипажа. Такимъ образомъ для проѣзда государя, смотря по времени года, требовалось отъ двухъ до трехъ четверокъ лошадей на каждой станціи.

Нормы для быстроты ѣзды не было никакой. Ямщикъ обязанъ былъ гнать лошадей, на сколько только у нихъ хватало силъ. Подъѣзжать къ станціи, задерживая ходъ лошадей издали и постепенно, также было нельзя. Ямщики осаживали лошадей на всемъ скаку, разомъ у самой станціи. Отъ этого почти на каждой станціи, одна или двѣ лошади, а зачастую и вся четверка, мгновенно падали мертвыми, какъ бы подстрѣленныя или убитыя молніею. Во время одного изъ проѣздовъ государя отъ Варшавы до Петербурга, на всемъ пути, были убиты такимъ образомъ 144 лошади.

Изъ этого можно судить, какія неудобства представляли поѣздки того времени сравнительно съ нынѣшними! Напримѣръ, освѣщеніе дороги факелами передъ самымъ экипажемъ не могло же обходиться безъ того, чтобы запахъ отъ смолистыхъ факеловъ не достигалъ до царскаго экипажа. А чего стоила тряска лѣтомъ или толчки по ухабамъ зимою! Все это кануло въ вѣчность, а было сравнительно такъ еще недавно...

Государь щедро расплачивался съ ямщиками и станціонными смотрителями, во время своихъ поѣздокъ. Ямщикамъ онъ давалъ по десяти, пятнадцати и даже по двадцати пяти рублей на водку, и понятно, что, кромѣ чести провезти государя, ямщики изъ кожи лѣзли провезти его лихо, именно такъ, какъ онъ любилъ, чтобы заслужить щедрую на водку. Многихъ ямщиковъ, угодившихъ ему ѣздою, онъ помнилъ по именамъ и на станціяхъ, гдѣ они жили, требовалъ, чтобы ему давали именно этихъ, замѣченныхъ и отличенныхъ имъ.

За павшихъ лошадей придворная контора уплачивала подрядчикамъ. Однажды государь обратилъ вниманіе на слишкомъ большое число лошадей, показанныхъ павшими во время его поѣздки. Въ слѣдующій разъ онъ далъ себѣ трудъ самому сосчитать загнанныхъ лошадей. За весь путь онъ насчиталъ такихъ десятокъ или около того, а въ счетахъ придворной конторы показано было потомъ почти до двухъ сотенъ. На его вопросъ о причинѣ такой разницы въ цифрахъ дѣйствительной и бумажной опытные люди спокойно отвѣтили, что не всѣ лошади падаютъ непремѣнно при самой остановкѣ, а дышатъ еще нѣсколько времени, но все-таки околѣваютъ черезъ нѣсколько часовъ. Такъ какъ повѣрять такія показанія не было никакой возможности, потому что въ паденіи

лошадей были заинтересованы всѣ прикосновенныя къ этимъ дѣламъ лица и всѣ, разумѣется, поддерживали другъ друга, то поневолѣ пришлось помириться съ этимъ явленіемъ и платить за цѣлыя сотни будто бы павшихъ лошадей.

VII.

Графъ Клейнмихель.

Изъ числа приближенныхъ къ императору Николаю I особенною любовью его пользовался графъ Клейнмихель, занимавшій долгое время высокій постъ управляющаго путями сообщенія и публичныхъ зданій (нынѣ министерство путей сообщенія).

Въ тѣ времена никто изъ начальствующихъ лицъ не отличался особенной мягкостью въ обращеніи съ подчиненными. Крѣпостное право клало свою тяжелую печать повсюду и на всѣхъ. Человѣческая личность не имѣла почти никакого значенія: уважались только сила и власть, да до нѣкоторой степени—деньги. Представителями же денежнаго міра въ тѣ времена были преимущественно откупщики, спаивавшіе сивухой всю Россію.

Поэтому немудрено, что и графъ Клейнмихель, въ своемъ рвеніи всегда быть угоднымъ государю, не щадилъ никого и ничего, лишь бы отличиться и заслужить царскую милость. О его жестокости и бездушіи въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ передавались изъ устъ въ уста, но, конечно, шепоткомъ, тысячи разсказовъ, и его единогласно называли вторымъ Аракчеевымъ, который, кстати сказать, и выдвинулъ Клейнмихеля, какъ говорили, изъ простыхъ писарей.

Однажды, при проѣздѣ Клейнмихеля по варшавскому шоссе, на одной изъ станцій, недалеко за Гатчиной, не оказалось свободныхъ лошадей. Несчастный смотритель послалъ за обывательскими, но и тѣхъ не могъ достать. Поневолѣ пришлось Клейнмихелю прождать на станціи два-три часа, пока вернулись бывшія въ разгонѣ лошади. Крайне взбѣшенный этой задержкой, Клейнмихель сорвалъ со стѣны какую-то карту, съ двумя вальками по верхнему и нижнему краю, и, свернувъ ее, началъ этими вальками бить смотрителя по чемъ попало, пока несчастный не свалился съ ногъ.

Утоливъ свою злобу и дождавшись лошадей, Клейнмихель уѣхалъ, а избитый смотритель дня черезъ два отдалъ Богу свою грѣшную душу.

Понятно, что мѣстное начальство не осмѣлилось возбудить дѣла противъ всевластнаго любимца государя, и убитаго смотрителя похоронили, якобы умершаго отъ излишняго употребленія спиртныхъ напитковъ... Но, не смотря на то, кто-то ухитрился довести этотъ случай до свѣдѣнія государя.

Императоръ призвалъ Клейнмихеля къ себѣ. Что они говорили глазъ на глазъ въ кабинетѣ, разумѣется, осталось никому неизвѣстнымъ, но извѣстнымъ сдѣлалось то, что Клейнмихель долженъ былъ обезпечить семью убитаго имъ смотрителя, конечно, по требованію государя.

Въ другой разъ былъ такой случай. Везъ курьеръ казенныя деньги, принадлежавшія вѣдомству путей сообщенія, и какимъ-то образомъ ухитрился выронить чемоданъ съ этими деньгами, въ суммѣ около трехъ-сотъ тысячъ, изъ саней, на участкѣ между Гатчиной и Лугой. Не смотря на розыски, деньги не находились, и Клейнмихель долженъ былъ доложить о такой потерѣ государю. Чрезъ нѣсколько времени явился въ Петербургъ какой-то крестьянинъ и доставилъ чемоданъ съ деньгами Клейнмихелю, объяснивъ, что онъ нашелъ его уже давно, но долго розыскивалъ хозяина этихъ денегъ, такъ какъ предъявить просто въ полицію не хотѣлъ, чтобы не лишиться вознагражденія.

Клейнмихель выдалъ ему десять рублей, а на просьбы мужика прибавить что нибудь, пригрозилъ розгами за то, что онъ не сразу заявилъ о своей находкѣ. Почесалъ мужикъ затылокъ, да такъ и ушелъ.

Клейнмихель же, такъ какъ доложилъ государю о потерѣ, долженъ былъ, конечно, доложить теперь и о возвращеніи денегъ.

— Что же ты заплатилъ мужику?—спросилъ государь.

— Десять рублей, ваше величество.

Государь разсердился за такое скряжничество и, чтобъ наказать Клейнмихеля, велѣлъ ему выдать мужику вознагражденіе, но не изъ казенныхъ денегъ, а изъ собственныхъ. Какъ велика была назначенная государемъ сумма вознагражденія, я не могу сказать въ точности, кто говорилъ, что—три тысячи, кто говорилъ, что—тридцать тысячъ. Знаю только навѣрное то, что, къ сожалѣнію, деньги эти не пошли мужику въ прокъ: ошеломленный неожиданнымъ богатствомъ, онъ спился.

Не смотря на такіе случаи, бывавшіе съ Клейнмихелемъ нерѣдко, государь его любилъ и жаловалъ, вѣроятно, считая его полезнымъ и необходимымъ своимъ сотрудникомъ.

Извѣстенъ отвѣтъ государя какому-то иностранному послу на вопросъ о стоимости Николаевской желѣзной дороги.

— Объ этомъ знаютъ только двое: Богъ да Клейнмихель,—сказалъ государь.

VIII.

Царскіе поклоны.

Не слѣдуетъ думать, что императоръ Николай Павловичъ относился внимательно къ лицамъ только близкимъ къ себѣ, или, какъ принято ихъ называть, высокопоставленнымъ. Нѣтъ, онъ не пре-

небрегалъ и самыми ничтожными людьми, не только заботясь о нихъ, но и стараясь сдѣлать имъ что нибудь пріятное.

Мой отецъ былъ неважная птица въ администраціи: сначала онъ былъ преподавателемъ географіи, а потомъ старшимъ надзирателемъ въ гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, то-есть завѣдывалъ воспиніемъ отдѣленія изъ трехъ высшихъ классовъ. Отъ прежнихъ занятій географіею у отца остались рельефные глобусъ и карта Швейцаріи, великолѣпно исполненные имъ собственноручно. Въ особенности хороша была Швейцарія, въ которой всѣ горы изображены были по масштабу, съ точнымъ обозначеніемъ снѣговыхъ вершинъ, ледниковъ и озеръ. Города, для большей наглядности, изображались головками мелкихъ золоченыхъ гвоздиковъ.

Когда великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи начали учиться географіи, отецъ мой просилъ позволенія поднести имъ эти глобусъ и рельефъ Швейцаріи. Государь принялъ поднесеніе и приказалъ выдать отцу изъ кабинета перстень или триста рублей деньгами, по желанію. Но дѣло было не въ перстнѣ, а въ томъ, что съ тѣхъ поръ государь не забывалъ отца и всегда относился къ нему доброжелательно.

Однажды, заѣхавъ въ институтъ, государь спросилъ моего отца, есть ли у него дѣти и гдѣ они. Отецъ разсказалъ ему о своемъ семейномъ положеніи, причемъ упомянулъ ему, что я въ это время воспитывался въ главномъ инженерномъ училищѣ, а вторая моя сестра, Клеопатра, въ Смольномъ монастырѣ.

Въ инженерномъ училищѣ существовалъ обычай—не давать вновь поступившимъ погоны до тѣхъ поръ, пока они не выучатся немного фронтовой службѣ, то-есть на столько, чтобы умѣть правильно (по-военному) стоять, ходить, поворачиваться и проч. На эту выучку уходило около мѣсяца или двухъ времени. Желаніе скорѣе получить погоны, разумѣется, заставляло насъ, какъ говорится, изъ кожи лѣзть, чтобы скорѣе сдѣлаться хорошимъ фронтовикомъ.

Когда я поступилъ въ училище, то императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ его ранѣе, чѣмъ дѣлалъ это обыкновенно и засталъ всѣхъ насъ, новичковъ, еще безъ погонъ. Мы были тогда въ столовой.

Поздоровавшись съ дѣтьми, государь началъ обходить столы и у каждаго новичка спрашивалъ фамилію и откуда онъ родомъ. Дошла очередь и до меня.

— Фамилія твоя?—спросилъ государь.

— Эвальдъ, ваше величество.

— Изъ Гатчины?

— Точно такъ, ваше величество.

— Это твой отецъ тамъ служитъ?

— Точно такъ, ваше величество.

Государь кивнулъ головою и прошелъ далѣе. Въ случаѣ этомъ не было ничего особенно замѣчательнаго: императоръ Николай Пав-

ловичъ славился своею памятью на лица и имена, и потому неудивительно, что онъ вспомнилъ моего отца и дѣлалъ мнѣ эти вопросы. Но директоромъ училища былъ генералъ Ломновскій, человѣкъ чрезвычайно мелочной, во всякомъ простомъ дѣйствіи всегда искавшій что нибудь особенное. Тотчасъ послѣ отъѣзда государя онъ прислалъ за мною и, заперевъ дверь своего кабинета, началъ дѣлать мнѣ настоящій инквизиторскій допросъ о нашей семьѣ вообще и о моемъ отцѣ въ особенности. Какія такія тайны онъ хотѣлъ вывѣдать отъ меня, я до сего времени понять не могу.

На слѣдующій годъ случился эпизодъ, еще болѣе поразительный для Ломновскаго. Когда государь, по обычаю, осенью заѣхалъ къ намъ и, осмотрѣвъ училище, проходилъ къ выходу, а мы провожали его толпой, онъ вдругъ остановился и спросилъ:

— А гдѣ Эвальдъ?

Я выступилъ впередъ и назвался.

— Я видѣлъ надняхъ твоего отца,—сказалъ государь:—онъ велѣлъ тебѣ кланяться. У тебя есть сестра въ Смольномъ?

— Есть, ваше величество.

— Какъ ее зовутъ?

— Клеопатрой, ваше величество.

Государь кивнулъ головой и пошелъ далѣе. Въ воскресенье я поѣхалъ въ Смольный навѣстить сестру, и та мнѣ съ удивленіемъ разсказывала, что государь былъ у нихъ и передалъ ей поклоны, какъ отъ отца, такъ и отъ меня...

— Развѣ ты просилъ государя кланяться мнѣ?—спросила она наивно.

— Нѣтъ.

Я разсказалъ ей, какъ было дѣло.

— А онъ,—сообщала мнѣ сестра,—ходилъ по институту, и мы, конечно, бѣжали за нимъ, какъ вдругъ онъ спросилъ: «а которая изъ васъ Клеопатра Эвальдъ?» Меня пропустили впередъ. Государь взялъ меня за подбородокъ и говоритъ: «Вчера я былъ въ инженерномъ училищѣ и видѣлъ твоего брата. Онъ посылаетъ тебѣ поклонъ».

Черезъ нѣсколько дней и я, и сестра получили изъ дома письма, въ которыхъ отецъ сообщалъ намъ, что государь посѣтилъ гатчинскій институтъ и сказалъ ему, что видѣлъ обоихъ дѣтей, и передалъ ему отъ насъ поклоны.

Такая внимательность государя не была обусловлена рѣшительно ничѣмъ, кромѣ его замѣчательной памяти, которую онъ любилъ выказывать, а также его чисто отеческимъ отношеніемъ ко всѣмъ вообще дѣтямъ. Никто изъ насъ въ семействѣ, а также мои училищные товарищи и ближайшіе начальники и не смотрѣли на это иначе.

Но директоръ училища, генералъ Ломновскій, никогда не могъ мнѣ простить такого вниманія государя и преслѣдовалъ меня на каждомъ шагу, что ему особенно легко было дѣлать, такъ какъ

я безпрестанно давалъ ему для того поводы. Я этого не могу объяснить иначе, какъ родительскою завистью, такъ какъ одновременно со мною въ училищѣ воспитывался сынъ Ломновскаго, о которомъ государь не имѣлъ никакого понятія.

IV.

Двѣ буквы.

Однажды, императоръ Николай Павловичъ, не знаю по какому случаю, разослалъ по кадетскимъ корпусамъ нѣсколько картинъ изъ Зимняго дворца. Двѣ изъ этихъ картинъ, изображавшія какіе-то виды, назначены были въ наше инженерное училище. Сортируя картины по заведеніямъ, государь собственноручно сдѣлалъ мѣломъ на каждой надпись, куда ее отправить. Такъ, на картинахъ, присланныхъ къ намъ, на самыхъ облакахъ были начертаны мѣломъ двѣ буквы: И. З., то-есть «Инженерный замокъ».

Когда эти двѣ картины были доставлены въ училище, то въ средѣ начальства возникъ вопросъ: куда ихъ повѣсить? Послѣ долгаго совѣщанія рѣшено было помѣстить ихъ въ залѣ крѣпостныхъ моделей, какъ наиболѣе проходномъ, и гдѣ онѣ, слѣдовательно, скорѣе могутъ быть замѣчены. Но по рѣшеніи этого вопроса возникъ другой: что дѣлать съ буквами, начертанными собственноручно императоромъ? Чтобы понять важность этого вопроса, надо знать, что всякая рукопись императора тщательно сохраняется, и если сдѣлана карандашемъ, то покрывается лакомъ, чтобы не стерлась. Хотя большинство доказывало, что такое правило относительно императорской рукописи не можетъ имѣть приложенія въ настоящемъ случаѣ, и что эти буквы надо стереть, но директоръ Ломновскій, какъ всегда двуличный, велѣлъ ихъ только слегка смахнуть, но такъ, чтобы онѣ все-таки были видны, надѣясь угодить этимъ, какъ говорится, и нашимъ, и вашимъ. Если государь спроситъ: зачѣмъ не стерли?— можно будетъ сказать, что ихъ стирали; если же спроситъ, зачѣмъ стерли?—можно будетъ сказать, что онѣ видны...

Пріѣхавъ въ училище черезъ нѣсколько времени послѣ того, государь вспомнилъ о присланныхъ картинахъ и спросилъ: гдѣ онѣ повѣшены? Его проводили въ модельный залъ. Осмотрѣвъ картины и найдя, что онѣ повѣшены удачно, государь обратился вдругъ къ Ломновскому и недовольнымъ тономъ спросилъ:

— Что же надписи не стерты? Тряпки что ли не нашлось?

Не слышалъ я, что пробормоталъ Ломновскій въ свое оправданіе, но только очевидно было, что его хитрость не удалась, такъ какъ государь довольно сердито прибавилъ:

— Сейчасъ же стереть!

Такимъ образомъ двуличность Ломновскаго не вывезла, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ. Ломновскій не пользовался любовью нашей, такъ какъ поступалъ съ нами, не какъ педагогъ, обязанный развивать хорошія нравственныя качества воспитанниковъ, а напротивъ употреблялъ насъ только, какъ орудіе для достиженія цѣлей своего благосостоянія и милости начальства. Онъ имѣлъ въ училищѣ своихъ шпіоновъ, къ сожалѣнію, и между воспитанниками, но главнымъ его шпіономъ былъ вахтеръ, завѣдывавшій нашею прислугою, бѣльемъ, платьемъ и аммуниціей. Трудно было укрыться отъ глазъ этого ока Ломновскаго, имѣвшаго возможность, подъ предлогомъ исполненія своихъ обязанностей, цѣлый день шнырять между нами. При такихъ отношеніяхъ мы, понятно, всегда бывали очень довольны, когда Ломновскій или вахтеръ попадались на замѣчаніе кого нибудь изъ высшихъ, а тѣмъ болѣе самого государя.

X.

Щипокъ.

Когда императоръ пріѣзжалъ въ училище, то позволялъ намъ, при уходѣ, подать себѣ шинель, а, главное, вынести себя съ подъѣзда въ сани на рукахъ. Шинель онъ носилъ всегда довольно старенькую, со многими заплатами на подкладкѣ и полинявшую сверху.

На площадкѣ наружнаго подъѣзда, ступеней съ десяти, мы подхватывали его и, поднявъ высоко надъ головами, такъ что онъ лежалъ совершенно горизонтально, такимъ образомъ сносили съ лѣстницы въ сани. Однажды, одинъ изъ насъ Б., школьникъ большой руки, похвастался, что когда мы понесемъ государя на рукахъ, то онъ щипнетъ его.

Зная грозный характеръ государя, не щадившаго никого, когда разсердится, многіе совѣтовали Б. не пускаться въ такое слишкомъ опасное предпріятіе. Но добрые совѣты товарищей не подѣйствовали, а перспектива опасности, можетъ быть, еще болѣе подтолкнула его. Дѣло только въ томъ, что когда мы въ этотъ разъ несли государя, онъ громко сказалъ:

— Кто тамъ шалитъ, дѣти?

И потомъ, когда уже сѣлъ въ сани, и мы застегивали полость, онъ погрозилъ пальцемъ и прибавилъ:

— Впередъ будьте осторожнѣе.

Значитъ Б. исполнилъ свое намѣреніе. На его счастье, государь въ этотъ разъ былъ въ добромъ расположеніи духа, а не то Б. рисковалъ бы попасть въ солдаты или поплатиться какъ нибудь еще хуже.

XI.

Въ мастерской Ладюрнера.

Въ Гатчинскомъ институтѣ одно время, въ числѣ другихъ преподавателей французскаго языка, былъ нѣкто Ферри де Пиньи, очень умный и остроумный французъ, бывшій большимъ пріятелемъ моего отца. Этотъ Ферри былъ приглашенъ по контракту, на какихъ-то особыхъ, очень выгодныхъ условіяхъ, которыя дали ему возможность купить очень хорошій деревянный домъ и выстроить другой, каменный. Когда срокъ его контракта окончился, Ферри переѣхалъ въ Петербургъ, такъ какъ изъ двухъ его сыновей старшій, Эрнестъ, былъ въ университетѣ, а младшій, Евгеній, въ академіи художествъ. Я въ это время былъ уже въ инженерномъ училищѣ.

Уѣзжая изъ Гатчины, Ферри предложилъ моему отцу завѣдывать его домами, съ тѣмъ, что въ вознагражденіе за этотъ трудъ я буду ходить по субботамъ на воскресенье въ отпускъ къ Ферри, съ сыновьями котораго, въ особенности младшимъ, я былъ друженъ. Эта сдѣлка всѣхъ устраивала какъ нельзя лучше, и я, во все время моего пребыванія въ училищѣ, постоянно проводилъ воскресные дни въ семьѣ Ферри, уѣзжая домой въ Гатчину только на праздники Рождества и Пасхи, да послѣ лагеря, въ августѣ.

У Ферри въ Петербургѣ былъ большой пріятель, старикъ Ладюрнеръ, придворный живописецъ Николая Павловича, жившій въ самомъ зданіи академіи художествъ.

Этотъ Ладюрнеръ былъ уже старикъ, довольно высокаго роста, очень тучный, веселаго характера, большой шутникъ и человѣкъ совершенно своеобразный въ своихъ привычкахъ. Онъ былъ холостъ и держалъ кухаркой и домоводкой чухонку Христину, такую же толстую, какъ самъ, и которая обращалась съ бариномъ своимъ совсѣмъ подомашнему, то-есть не признавая никакой дисциплины и никакой власти надъ собой. Но она въ то же время не употребляла во зло добродушія Ладюрнера и заботилась о немъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ.

Нужно замѣтить, что чухонка Христина имѣла нѣкоторое право держать себя не такъ, какъ держатъ себя обыкновенно кухарки. Дѣло въ томъ, что она была большой мастерицей въ кулинарномъ дѣлѣ и приготовляла Ладюрнеру такіе завтраки и обѣды, какихъ не смастерятъ и лучшіе повара. Мнѣ случилось раза два или три ѣсть у Ладюрнера, и дѣйствительно я не припомню, чтобы ѣлъ гдѣ нибудь вкуснѣе, чѣмъ у него. Но еще и не въ этомъ была сила Христины, а въ томъ, что ея произведенія удостоилъ пробовать самъ государь, чѣмъ она всегда очень гордилась.

Дѣйствительно, государь, совершая свои прогулки, заѣзжалъ или заходилъ иногда въ мастерскую Ладюрнера посмотрѣть его новыя

работы. Случалось ему заставать Ландюрнера за завтракомъ и за обѣдомъ, и въ такомъ случаѣ государь не только пробовалъ подаваемыя блюда, но вплотную завтракалъ, сидя за столомъ стараго художника, котораго очень любилъ. Я объ этомъ слышалъ не разъ отъ Ферри, а потомъ мнѣ привелось и самому быть свидѣтелемъ подобнаго случая.

Произошло это вотъ по какому обстоятельству.

Государь заказалъ Ладюрнеру написать церемонію присяги великаго князя Константина Николаевича. Случилось, что въ это время Ферри пригласилъ какъ-то Ладюрнера къ себѣ обѣдать въ воскресенье, когда и я тамъ былъ. За обѣдомъ, въ разговорахъ, коснулись вопроса о новой картинѣ. Говоря о ней, Ладюрнеръ обратился между прочимъ ко мнѣ съ просьбою въ слѣдующее воскресенье зайти къ нему въ мастерскую, чтобы списать съ меня обмундировку инженернаго училища, такъ какъ воспитанники военно-учебныхъ заведеній принимали участіе въ церемоніи присяги. Я охотно согласился и въ слѣдующее воскресенье отправился къ нему утромъ, тотчасъ послѣ кофе. Ладюрнеръ написалъ меня на картинѣ, въ строю инженернаго училища и за этою работою провелъ время до своего завтрака.

Только что толстая Христина постлала скатерть на столъ, какъ вдругъ дверь мастерской отворилась, и въ ней показалась величественная фигура императора. Неожиданность его появленія такъ подѣйствовала на меня, что я не нашелся ничего лучшаго сдѣлать, какъ встать за полотно одной картины, стоявшей на полу. Государь не успѣлъ меня замѣтить и прямо подошелъ къ Ладюрнеру.

— Bonjour, mon vieux!—сказалъ онъ.—Comment sa va-t-il?

— Très bien, sir,—отвѣтилъ Ладюрнеръ, поднявшись съ табурета и кланяясь.

— Картина, какъ вижу, подвигается,—продолжалъ государь по-французски же.—Очень хорошо. Теперь ты инженерное училище пишешь?

— Точно такъ, государь.

У меня въ эту минуту захватило духъ: я боялся, что Ладюрнеръ, замѣтивъ мое исчезновеніе, начнетъ искать меня. Потомъ онъ мнѣ сказалъ, что дѣйствительно глазами искалъ меня, но, не увидя, догадался, что я спрятался, и не хотѣлъ меня конфузить передъ государемъ, понимая тотъ страхъ, который Николай Павловичъ всѣмъ внушалъ.

Государь сѣлъ на стулъ и, къ моему ужасу, видимо не торопился уходить. Я боялся, чтобы не чихнуть и не кашлянуть, и стоялъ за картиною такъ неподвижно, какъ, вѣроятно, никогда не стоялъ ни одинъ часовой. Толстая Христина, не стѣсняясь государя, явилась съ посудою въ рукахъ, чтобы продолжать сервировку стола. Ладюрнеръ сказалъ ей, чтобъ она обождала, но госу-

дарь велѣлъ не стѣсняться и продолжать. Думая, я что останусь завтракать, Христина принесла два прибора, а государь, не видя никого другого, принялъ второй приборъ на свой счетъ

— Вотъ кстати,—сказалъ онъ Ладюрнеру:—я позавтракаю съ тобою.

— Кушайте, батюшка,—сказала ему Христина своимъ ломаннымъ языкомъ, или, вѣрнѣе, тремя языками: русскимъ, французскимъ и чухонскимъ.—Опуртюи (aujourd'hui) де котлетъ, какой ни прииипопитайтъ.

— Очень радъ,—сказалъ государь, засмѣявшись.—Правду сказать,—обратился онъ къ Ладюрнеру:—ни одинъ поваръ не сдѣлаетъ такихъ котлетъ, какъ Христина.

Христина подала котлеты, и государь позавтракалъ съ аппетитомъ, слушая анекдоты Ладюрнера, которые онъ умѣлъ мастерски разсказывать. Между прочимъ въ моей памяти остался слѣдующій его разсказъ.

— Иду я надняхъ по Невскому проспекту, день былъ очень жаркій. Дойдя до Аничкова дворца, я совсѣмъ обезсилѣлъ отъ жары и присѣлъ въ тѣнь, на тумбѣ, немного передохнуть, а шляпу снялъ и держу ее въ рукахъ. Костюмъ на мнѣ былъ коломянковый, немного помятый, и шляпа соломенная, не изъ новыхъ. Только проходитъ какая-то сердобольная барыня и, принявши меня за нищаго, бросила мнѣ въ шляпу копейку. Ея примѣръ соблазнилъ другихъ прохожихъ, которые тоже начали мнѣ кидать, кто двѣ, кто три копейки. Чѣмъ больше набиралось у меня въ шляпѣ денегъ, тѣмъ чаще стали мнѣ кидать. А я сидѣлъ себѣ спокойно и только потряхивалъ шляпой, чтобы деньги гремѣли. Посидѣвъ такимъ образомъ съ полчаса и отдохнувъ, я высыпалъ собранныя деньги въ карманъ и, надѣвъ шляпу, вернулся домой. Какъ вы думаете, государь, сколько я собралъ?

— Копеекъ двадцать—тридцать?

— О! гораздо болѣе! Шестьдесятъ семь копеекъ.

— Куда же ты ихъ употребилъ?—спросилъ государь.

— Очень просто куда: такъ какъ деньги эти предназначались жертвователями для бѣднаго человѣка, то я и отдалъ ихъ бѣдняку. Тутъ, недалеко отъ академіи, живетъ одинъ шарманщикъ, имѣющій большое семейство и который, захворавъ, не можетъ ходить теперь. Я и снесъ ему сдѣланный сборъ, добавивъ отъ себя немного, чтобы вышелъ уже цѣлый рубль.

Государь отъ души смѣялся этому разсказу и потомъ въ тотъ же день прислалъ Ладюрнеру двадцать пять рублей для передачи шарманщику.

Пробывъ у Ладюрнера съ полчаса, государь всталъ, еще разъ осмотрѣлъ картину и сдѣлалъ кое-какія замѣчанія.

— Прощай, Христина,— сказалъ онъ чухонкѣ, подавшей ему шинель.—Спасибо за котлеты; очень вкусныя.

— Ошинь рата, каспадинъ сиръ,— отвѣтила Христина, претендовавшая на знаніе французскаго языка.

Государь разсмѣялся на ея смѣшное привѣтствіе и вышелъ. Тогда и я вылѣзъ изъ своей засады.

— Ну, мой бѣдный мальчикъ,—сказалъ Ладюрнеръ,—я думаю, вы провели очень скверные полчаса, ха-ха-ха? А я было не зналъ, что дѣлать съ вами: и оставить васъ тамъ было жалко, да и страшно, чтобы государь не замѣтилъ, да и вызвать-то васъ не рѣшался: Слава Богу, что все обошлось благополучно. А ты, глупая Христина,— обратился онъ къ чухонкѣ: — развѣ можно государю говорить: господинъ сиръ?

— Ви же постоянно гофорите ему — сиръ! — заступилась за себя Христина, убирая тарелки.

— Да вѣдь я говорю пофранцузски, а порусски этого нельзя. Ты должна говорить—ваше величество или государь.

— А я развѣ порусски гофориль? Я пофранцузски гофориль, и ишше лютше, чѣмъ ви: я гофориль — каспадинъ сиръ, а ви просто гофорите — сиръ. Ню, што ви хотете ишше?

И никакими доводами нельзя было убѣдить Христину; она твердо стояла за свое знаніе этикета и французскаго языка. Окончательно она побѣдила Ладюрнера, когда уже изъ дверей кинула ему:

— Самъ государь нишево мнѣ не гофориль, а ишшо смѣялся и благодарилъ за котлеты. Ню, што ви?

Ладюрнеръ только замахалъ руками и велѣлъ подать позавтракать мнѣ.

Я еще нѣсколько разъ заходилъ къ Ладюрнеру, даже когда картина, для которой я служилъ моделью, была окончена. Мнѣ нравилось въ немъ умѣніе разсказывать анекдоты. Самый простой случай, самъ по себѣ не представляющій ничего смѣшного или остроумнаго, онъ умѣлъ передать какъ-то особенно кругло, выпукло, сочно, такъ что невольно разсмѣешься. Эту способность я впослѣдствіи встрѣтилъ только у одного еще человѣка, именно у Николая Алексѣевича Вышнеградскаго, основателя и директора первыхъ женскихъ гимназій въ Петербургѣ.

А. В. Эвальдъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НЕРАЗЪЯСНЕННЫЙ ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА II.

ВЪ ИСТОРІИ ЦАРСТВОВАНІЯ императора Петра II остается до настоящаго времени одно обстоятельство, недостаточно выясненное и передаваемое нашими историками или неопредѣленно, или противорѣчиво. Разумѣемъ повѣствованіе о мѣстѣ и случаѣ, которые послужили причиною простуды, болѣзни и смерти императора. По однимъ — государь 6-го января 1730 года былъ на водоосвященіи на Москвѣ рѣкѣ, гдѣ простудился. По другимъ — онъ какъ будто на водоосвященіи не былъ, а выѣзжалъ на парадъ. Третьи утверждаютъ, что онъ былъ въ этотъ же день и на водоосвященіи и на парадѣ. Чтобы разобраться точно въ этомъ вопросѣ, остановимся сперва на свидѣтельствахъ современниковъ объ упомянутомъ событіи и повѣствованіи нашихъ историковъ, а затѣмъ сопоставимъ все это съ однимъ неизвѣстнымъ доселѣ оффиціальнымъ документомъ, съ которымъ намъ пришлось ознакомиться.

Обращаясь къ первоисточникамъ, мы встрѣчаемъ слѣдующія свидѣтельства по поводу этого факта. Современникъ и очевидецъ событія 6-го января 1730 года, В. А. Нащокинъ, въ своихъ запискахъ говоритъ: «Въ началѣ 1730 года, января 6-го дня, лейбъ-гвардіи полки (Преображенскій и Семеновскій) и корпусъ армейскій (въ составъ котораго входили между прочимъ полки Бутырскій и Московскій) собраны были въ парадъ, и отъ Красныхъ воротъ его императорское величество передъ Преображенскимъ полкомъ въ строе-

вомъ убранствѣ изволилъ идти въ полковничьемъ мѣстѣ. И полки пошли въ Кремль для освященія воды, а государь возвратился во дворецъ, и отъ того дня занемогъ оспою и въ томъ же году его императорское величество въ вѣчное блаженство отыде» [1]). Значить, по свидѣтельству современника и очевидца событія 6-го января 1730 года, государь не былъ на водоосвященіи, такъ какъ онъ хотя и шелъ съ полками «отъ Красныхъ воротъ», но когда «полки пошли въ Кремль для водоосвященія, то государь возвратился во дворецъ». Хотя Нащокинъ и не говоритъ, что былъ очевидцемъ событія, но онъ особенно заботился, какъ видимъ изъ его записокъ, о точности фактовъ, и несомнѣнно, что онъ, какъ военный и бывавшій на предшествовавшихъ придворныхъ церемоніяхъ, «на ординарціи за генералъ-фельдмаршаломъ кн. Долгорукимъ», могъ хорошо знать время и мѣсто присутствія государя среди войскъ. Изъ иностранныхъ свидѣтелей-современниковъ этого событія упоминаетъ объ немъ леди Рондо, жена англійскаго резидента при русскомъ дворѣ, находившаяся въ то время въ Москвѣ и сообщавшая своимъ англійскимъ друзьямъ свѣдѣнія о разныхъ московскихъ событіяхъ. Она по поводу 6-го января писала слѣдующее: «Когда я писала вамъ послѣднее письмо, всѣ (то-есть нашъ кружокъ) готовились къ торжественной свадьбѣ, назначенной на 19-е января. 6-го числа того же мѣсяца здѣсь бываетъ большой праздникъ, и происходитъ церемонія, называемая водосвятіемъ, установленная въ воспоминаніе крещенія, принятаго Спасителемъ отъ Святаго Іоанна. Обычай требуетъ, чтобы государь находился во главѣ войскъ, которыя въ этомъ случаѣ выстраиваются на льду. Бѣдная, хорошенькая невѣста должна была показаться народу въ этотъ день. Она ѣхала мимо моего дома, окруженная конвоемъ и такой пышной свитой, какую только можно себѣ представить. Она сидѣла совершенно одна, въ открытыхъ саняхъ, одѣтая такъ же, какъ и въ день своего обрученія, а императоръ, слѣдуя обычаю страны, стоялъ позади ея саней. Никогда въ жизни я не помню дня болѣе холоднаго. Я боялась ѣхать на обѣдъ во дворецъ, куда всѣ были приглашены и собрались, чтобы встрѣтить молодого государя и будущую государыню при ихъ возвращеніи. Они оставались четыре часа сряду на льду, посреди войскъ. Тотчасъ, когда они вошли въ залу, императоръ сталъ жаловаться на головную боль. Сначала думали, что это вслѣдствіе холода, но такъ какъ онъ продолжалъ жаловаться, то послали за докторомъ, который посовѣтовалъ ему лечь въ постель, найдя его очень нехорошимъ. Это обстоятельство разстроило все собраніе. На другой день у императора появилась оспа» [2]).

---

[1]) Записки В. А. Нащокина, изд. Д. Языкова, 1842 г., Спб., стр. 80—81.

[2]) Записки леди Рондо, жены англійскаго резидента при русскомъ дворѣ, въ царствованіе Анны Іоанновны, изд. подъ ред. и съ прим. С. Н. Шубинскаго, Спб., 1874 года. Письмо V, стр. 21.

Оба эти разсказа послужили основою для послѣдующихъ историковъ, которые, какъ бы не замѣчая нѣкотораго противорѣчія между тѣмъ и другимъ относительно факта пребыванія государя на водоосвященіи, передаютъ большею частію въ положительной формѣ, что Петръ II, бывъ 6-го января 1730 года на водоосвященіи, простудился, заболѣлъ оспою и 19-го января скончался. Напримѣръ, К. Арсеньевъ въ своемъ сочиненіи «Царствованіе Петра II» передаетъ объ этомъ событіи слѣдующее: «со дня обрученія императоръ былъ неразлученъ со своею невѣстою; безпрерывно переѣзжая или въ Лефортовскій дворецъ, гдѣ имѣлъ тогда свое пребываніе Петръ II, или въ Головинскій, гдѣ жительствовала княжна Екатерина Алексѣевна (Долгорукова) съ отцемъ своимъ. Весь народъ московскій каждодневно толпился около сихъ двухъ пунктовъ. Генваря 6-го, государь, стоя на запяткахъ саней своей невѣсты, выѣхалъ большимъ поѣздомъ на водосвятіе; къ сей священной церемоніи собраны были всѣ войска, бывшія тогда въ Москвѣ. Въ жестокій морозъ, находясь предъ фронтомъ долго безъ всякаго движенія и во все время священнодѣйствія стоя съ непокрытою головою, императоръ получилъ сильную простуду. Въ ту же ночь открылись лихорадочные приступы» и т. д. [1]). С. М. Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи» говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Января 6-го было водоосвященіе на Москвѣ рѣкѣ и парадъ; войска ко Іордани велъ фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ Долгорукій; когда они построились въ карре, пріѣхалъ императоръ изъ Слободскаго или Лефортовскаго дворца, гдѣ жилъ въ это время, и занялъ полковничье мѣсто» [2]). Въ напечатанномъ недавно очеркѣ А. Брикнера «Русскій дворъ при Петрѣ II», по поводу причины заболѣванія Петра, приведены вышесказанныя слова изъ письма леди Рондо, и повторяется то же утвержденіе, что Петръ II простудился, бывъ на водоосвященіи 6-го января [3]). То же самое находимъ у В. В. Андреева въ его книгѣ «Представители власти въ Россіи послѣ Петра» (Спб., 1870 года), а именно: «въ день крещенія 1730 года Петръ ѣздилъ съ своею невѣстою на водоосвященіе. Было очень холодно, и молодой императоръ, легко одѣтый, стоялъ сначала на запяткахъ невѣстиныхъ саней, а потомъ присутствовалъ на парадѣ, такъ что всего пробылъ на морозѣ не менѣе четырехъ часовъ. На запяткахъ ѣхать заставила его, быть можетъ, не одна любезность кавалера и жениха. Невѣста его продолжала быть столь же холодною и печальною, какъ и прежде, и, конечно, еще менѣе располагало его очутиться съ нею въ болѣе близкомъ tête-à-tête въ саняхъ».

Наконецъ, во всѣхъ почти учебникахъ повторяется обычная фраза, что Петръ II, бывши 6-го января на водоосвященіи, просту-

---

[1]) Царствованіе Петра II. Сочиненіе К. Арсеньева. Спб., 1889 года.
[2]) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XIX, стр. 1148, новое изд.
[3]) «Вѣстникъ Европы», 1896 года, мартъ, стр. 42.

дился тамъ, захворалъ оспою и скоро скончался. Одинъ только Устряловъ въ своей исторіи говоритъ объ этомъ событіи нѣсколько иначе. По его словамъ: «Долгорукіе запретили являться во дворецъ изъ домовъ, зараженныхъ болѣзнью (оспою), но сами были такъ неосторожны, что одинъ изъ нихъ, князь Сергѣй Григорьевичъ, у котораго дѣти были въ оспѣ, ежедневно посѣщалъ государя. Петръ заболѣлъ, впрочемъ, не опасно; но, еще не совсѣмъ оправясь, поѣхалъ зимою кататься съ своею невѣстою, слегъ снова и уже не вставалъ [1]).

Между тѣмъ, на основаніи самыхъ точныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ, можно съ увѣренностію сказать, что императоръ Петръ II не былъ 6-го января 1730 года ни у обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, ни на іорданской процессіи, которая изъ этого собора совершалась въ тотъ день на Москву рѣку. Въ архивѣ святѣйшаго синода есть дѣло, подъ № 254, начавшееся 7-го января 1730 года и озаглавленное такъ: «По собственному синодальному разсужденію о бытіи сего 1730 года іорданской процессіи, которая отправлена въ неприсутствіи его императорское величества за объявленіемъ иподіакона Андрея Никитина, яко бы его величество къ той процессіи быть не изволитъ». Дѣло это начинается протоколомъ святѣйшаго синода, составленнымъ 7-го января 1730 года и подписаннымъ слѣдующими четырьмя членами святѣйшаго синода: Ѳеофаномъ, архіепископомъ новгородскимъ; Георгіемъ, архіепископомъ ростовскимъ; Ѳеофилактомъ, архіепископомъ тверскимъ, и Игнатіемъ, митрополитомъ коломенскимъ: Содержаніе этого протокола таково: «Преосвященные архіепископы Ѳеофанъ великоновгородскій и великолуцкій, Ѳеофилактъ тверской и кашинскій, разсуждали о бывшей на іордани сего года января 6-го дня процессіи, которая окончилась до прибытія его императорскаго величества, и оный преосвященный Ѳеофилактъ, архіепископъ, который въ служеніи божественныя литургіи въ большомъ Успенскомъ соборѣ и на оной іорданской процессіи былъ, предлагалъ словесно: во время де тоя божественныя литургіи объявлялъ его преосвященству синодальный иподіаконъ Андрей Никитинъ, что къ той процессіи на іордань его императорское величество быть не изволитъ, и чтобы какъ литургію, такъ и процессію іорданскую отправлять, не дожидаясь его императорскаго величества, чего для оное на іордани дѣйство его преосвященство до прибытія его императорскаго величества и отправилъ. Приказали: онаго синодальнаго иподіакона Андрея Никитина, сыскавъ въ святѣйшій синодъ, о вышесказанномъ о всемъ допросить обстоятельно: отъ кого, и гдѣ, и когда, онъ именно о томъ, что его императорское величество на вышереченную іорданскую процессію быть не изволитъ, увѣдомился; и кто именемъ, и какого ранга человѣкъ, и чьимъ

[1]) Устряловъ, «Русская исторія», т. 2, стр. 115.

приказаніемъ или собою о томъ ему объявилъ, и при комъ, и къ кому оный съ тѣмъ приказаніемъ присланъ былъ; и какъ онъ, иподіаконъ, о томъ преосвященному Өеофилакту, архіепископу тверскому и кашинскому, доносилъ. И буде по его иподіаконскому допросу доведутся кто иные синодальной команды допрашивать — и оныхъ допросить же и тѣ допросы предложить къ синодальному разсмотрѣнію немедленно».

Въ силу такого опредѣленія святѣйшаго синода, написаннаго или продиктованнаго опытнымъ въ слѣдственныхъ дѣлахъ человѣкомъ, потому что редакція такого опредѣленія сильно напоминаетъ дѣла преображенскаго приказа, начались призывы, допросы, слѣдствія, не давшія, впрочемъ, никакихъ положительныхъ результатовъ. Именно: иподіаконъ Андрей Никитинъ на допросѣ показалъ, что «какъ сего января 6-го числа въ московскомъ Успенскомъ большомъ соборѣ служилъ божественную литургію преосвященный Өеофилактъ, архіепископъ тверской и кашинскій, и во время того священнослуженія въ херувимскую пѣснь, въ большой выходъ, въ алтарѣ онъ, иподіаконъ Андрей, пришедъ его преосвященству такія слова говорилъ: что его императорское величество въ Успенской большой соборъ къ литургіи и къ прочему надлежащему дѣйству быть не изволитъ и чтобы его величества къ тому не ожидать — для извѣстія о томъ доносилъ. А онъ, иподіаконъ, слышалъ то отъ синодальнаго дому отъ пѣвчихъ Дмитрія Иванова да Өедора Иванова, а они отъ кого извѣстны, о томъ они скажутъ сами; а, кромѣ тѣхъ пѣвчихъ, онъ, иподіаконъ, о томъ ни отъ кого не слыхалъ».

Призвали и допросили синодальнаго дома пѣвчихъ Дмитрія и Өедора Ивановыхъ, которые «допрашиваны порознь», но показали оба одинаково слѣдующее: «генваря 6 дня въ большомъ Успенскомъ соборѣ во время божественныя литургіи, которую отправлялъ преосвященный Өеофилактъ, архіепископъ тверской и кашинскій, съ прочими, въ херувимскую пѣснь иподіакону Андрею Никитину, который съ нами для пѣнія стоялъ на клиросѣ вмѣстѣ, такія слова, что де во оной Успенскій соборъ къ литургіи и къ прочему надлежащему дѣйству его императорское величество быть не изволитъ, и чтобы какъ ту литургію и церемонію іорданскую отправлять, не ожидая его императорскаго величества, — они, Ивановы Дмитрій и Өедоръ, говорили, потому что того числа во время херувимской же пѣсни, передъ выходомъ, о томъ вышеписанномъ, пришедъ къ правому клиросу, говорилъ имъ, Ивановымъ, невѣдомо какой человѣкъ; да тутъ же съ ними стоялъ и тѣ слова отъ того человѣка слышалъ синодальной же иподіаконъ Андрей Андреевъ, понеже они стояли съ краю, а прочіе пѣвчіе, кто слышалъ ли, о томъ они, Ивановы, не извѣстны. А означеннаго неизвѣстнаго человѣка въ лицо, также и какого онъ ранга, и чьей фамиліи, они, Ивановы, не вѣдаютъ. Только видѣли, что тотъ человѣкъ былъ въ красной епанчѣ, ростомъ не-

гораздо великъ. А о вышеписанномъ небытіи его императорскаго величества тотъ человѣкъ объявилъ имъ по приказанію чьему и отъ кого по присылкѣ, или собою, о томъ они, Ивановы, того человѣка имянно не спросили, да и тотъ человѣкъ о томъ подлинно не выговорилъ». Къ этому показанію Ѳедоръ Ивановъ прибавилъ еще отъ себя слѣдующее: «сего января 7 дня, будучи въ синодальномъ домѣ, въ церкви святыхъ 12 апостоловъ у литургіи, синодальный иподіаконъ Андрей Андреевъ говорилъ, что де онъ, Андрей, не токмо вышеобъявленныя отъ вышеозначеннаго проходившаго человѣка слова о небытіи его императорскаго величества въ Успенскій соборъ къ литургіи и къ прочему надлежащему дѣйству вчерашняго 6 числа генваря слышалъ, но и въ лицо того человѣка, ежели гдѣ можетъ его увидѣть, онъ, иподіаконъ Андрей, узнаетъ. А тотъ человѣкъ возростомъ де не великъ былъ, въ красной епанчѣ, безъ парика».

Призвали и допросили иподіакона Андрея Андреева. Послѣдній, подтверждая, что во время херувимской пѣсни дѣйствительно приходилъ какой-то неизвѣстный человѣкъ къ клиросу и говорилъ именно все то, что показывали предшествующіе свидѣтели, совсѣмъ отрицалъ показаніе Ѳедора Иванова о томъ, будто бы онъ, Андреевъ, говорилъ въ церкви 12 апостоловъ, что можетъ узнать того человѣка, если гдѣ нибудь встрѣтитъ, потому что «во время прихода того человѣка въ лицо его онъ не усмотрѣлъ, а видѣлъ только въ тылъ».

Повидимому, дѣло должно было оборваться, такъ какъ главный виновникъ всей этой исторіи совершенно ускользалъ. Но не такое было тогда время, чтобы подобные факты оставались не раскрытыми. Здѣсь же, очевидно, руководителемъ являлось лицо, у котораго были особыя побужденія слѣдить за этимъ дѣломъ. Являются новыя показанія, новые свидѣтели и противорѣчивыя свидѣтельства, которыя могли вовлечь въ это дѣло сотни совершенно ни въ чемъ неповинныхъ людей. Такъ 12 января иподіаконъ Андрей Никитинъ подаетъ въ святѣйшій синодъ новое заявленіе, въ которомъ объясняетъ, что «всѣ эти дни» онъ навѣдывался довольно о присланномъ съ объявленіемъ неизвѣстномъ человѣкѣ и наконецъ увѣдомился чрезъ посланныхъ имъ, Никитинымъ, синодальныхъ подьяковъ Петра Матвѣева и Ѳедора Иванова, что съ онымъ приказаніемъ присланъ былъ въ большой Успенскій соборъ лакей Александръ Хитровъ. А онымъ подьякамъ Матвѣеву и Иванову сказалъ о томъ лакей же Юрій Стефановъ. А вышеписанные лакеи дому его императорскаго величества».

Потребовали, конечно, къ допросу Матвѣева и Иванова. Они оба показали прежде всего, что 8 числа января ихъ посылалъ провѣдывать «въ слободской его величества домъ», кто именно приходилъ 6 числа въ Успенскій соборъ и объявлялъ извѣстное распоряженіе,—не иподіаконъ Никитинъ, а иподіаконъ Андрей Андреевъ. Далѣе они свидѣтельствовали, что встрѣтились у означеннаго дома его

императорскаго величества съ неизвѣстнымъ лакеемъ, и по спросу ихъ о вышеозначенномъ оный лакей имъ объявилъ, что посыланъ де былъ отъ дому его величества лакей Александръ Хитровъ, которому будто бы сказано было, что «литургію пѣть, а крестовъ ждать». А что того лакея звать Юріемъ Стефановымъ, они увѣдомились отъ придворнаго истопника, имени котораго они не знаютъ, но въ лицо могутъ узнать. Къ этому иподіаконъ Петръ Матвѣевъ присовокупилъ, что, будучи 14 сего января въ домѣ его императорскаго величества у вечерни и увидѣвъ помянутаго лакея Александра Хитрова, спрашивалъ его наединѣ: былъ ли онъ посыланъ въ день богоявленія Господня въ Успенскій соборъ и съ какимъ приказомъ? Но на это Хитровъ ему будто бы отвѣтилъ, что де онъ, Хитровъ, въ Успенскій соборъ ни зачѣмъ посыланъ не былъ, «а былъ посыланъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ для очищенія мѣста къ присутствію его императорскаго величества обрученной невѣсты, благовѣрной государыни Екатерины Алексѣевны, а больше того онъ, Петръ Ѳедоровъ, ни о чемъ не свѣдомъ».

Это показаніе иподіаконовъ Петра Матвѣева и Ѳедора Иванова, данное, по всей вѣроятности, не ранѣе 16 января, должно было привлечь къ дѣлу новыхъ лицъ, и дѣло могло разростись до громаднѣйшихъ размѣровъ, обратиться въ цѣлый розыскъ политическаго характера, конецъ котораго трудно и представить, особенно если предположить вѣроятную возможность передачи дѣла въ Преображенскій приказъ и обычнаго «пристрастія» при допросахъ. Но въ это время, или, точнѣе, въ эти дни, въ Московскомъ дворцѣ совершались событія, по своей важности и послѣдствіямъ отодвинувшія на задній планъ начатое дѣло. Государь-отрокъ лежалъ на смертномъ одрѣ; придворныя партіи вели ожесточенную и смертельную борьбу за личное преобладаніе. Скоро на престолѣ явилась новая государыня, и послѣдовали событія, при которыхъ иниціаторъ начатаго дѣла не считалъ, быть можетъ, и нужнымъ и удобнымъ продолжать его. И вотъ оно обрывается на вышеприведенномъ показаніи иподіаконовъ Петра Матвѣева и Ѳедора Иванова и въ свое время сдается въ архивъ съ надписью: «нерѣшенное».

Но и нерѣшенное дѣло и неоконченные допросы даютъ намъ возможность сдѣлать нѣсколько выводовъ. Прежде всего изъ дѣла ясно видно, что императоръ Петръ II въ день богоявленія Господня, 6-го января 1730 г., не былъ ни у литургіи въ Успенскомъ соборѣ, ни на іорданской процессіи, которая совершена была въ этотъ день изъ онаго собора на Москву рѣку преосвященнымъ архіепископомъ тверскимъ Ѳеофилактомъ. Но это отсутствіе совсѣмъ не исключаетъ возможности того, что императоръ былъ, какъ свидѣтельствуютъ и вышеприведенныя показанія современниковъ, или на парадѣ войскъ, или же катался съ своею невѣстою. А сопоставляя свидѣтельства Нащокина и леди Рондо,—не вѣрить которой нѣтъ никакого основа-

нія,—можно съ достовѣрностью предположить, что было и то и другое. По крайней мѣрѣ, выраженіе въ протоколѣ святѣйшаго синода: «чего для оное на іордани дѣйство его преосвященство до прибытія его императорскаго величества и отправилъ»... даетъ мѣсто предположенію, что Петръ могъ прибыть на іордань послѣ водоосвященія. Кажущееся же противорѣчіе въ свидѣтельствахъ Нащокина и Рондо можетъ быть объяснено тѣмъ, что первый, какъ военный, упоминаетъ только о парадѣ и о выѣздѣ Петра къ войскамъ до его катанья съ невѣстою, а вторая — передаетъ о видѣнномъ ею проѣздѣ невѣсты царя, каковой проѣздъ могъ совершиться уже послѣ того, «когда войска отъ Красныхъ воротъ пошли въ Кремль, а царь поѣхалъ во дворецъ»... быть можетъ, во дворецъ за невѣстою, съ которою послѣ и катался. Что же касается до ея свидѣтельства, что царь ѣхалъ съ невѣстою на водоосвященіе, гдѣ будто бы оставался цѣлыхъ 4 часа, то вѣдь она объ этомъ могла говорить только со словъ другихъ, которые могли быть убѣждены, когда видѣли этотъ поѣздъ, что царь съ невѣстою ѣдутъ на водоосвященіе, потому что это было естественно, «по обычаю страны». Леди Рондо, какъ иностранкѣ, объяснили этотъ обычай, и она, не провѣряя его дѣйствительность, т. е. не изслѣдуя того, поспѣлъ ли царь на водоосвященіе и вообще былъ ли тамъ, занесла въ свое письмо переданное предположеніе, какъ фактъ. Во всякомъ случаѣ синодальное дѣло совсѣмъ не исключаетъ возможности выѣзда императора въ этотъ день. Но тогда является вопросъ: случайно онъ не былъ въ соборѣ и на іордани, лишь потому, что какой-то неизвѣстный человѣкъ сказалъ духовнымъ лицамъ, чтобы они не ожидали его величества, и они поэтому окончили службу до прибытія его, — или это былъ вопросъ, заранѣе рѣшенный, или по крайней мѣрѣ извѣстный свѣтскимъ и духовнымъ властямъ? Есть болѣе данныхъ думать послѣднее, и вотъ почему. Литургію и крестный ходъ на іордань, какъ мы видѣли, совершалъ въ тотъ годъ одинъ архіепископъ. На такомъ важномъ церковномъ торжествѣ не было не только всего святѣйшаго синода, но даже и первенствовавшаго тогда члена онаго Ѳеофана Прокоповича, архіепископа новгородскаго. Если бы ожидали непремѣнно прибытія государя къ іорданской церемоніи, то безъ всякаго сомнѣнія Ѳеофанъ, совершавшій предъ тѣмъ лично обрученіе государя, участвовалъ бы въ оной. Къ этому участію его побуждали и обязанность вицепрезидента святѣйшаго синода и первенствующаго члена, и, кромѣ того, у него могли и должны быть нѣкоторыя личныя соображенія, о которыхъ мы скажемъ ниже. Затѣмъ, если бы ожидали прибытія государя, то едва ли бы всѣ такъ легко повѣрили какому-то неизвѣстному человѣку, хотя бы и «въ красной епанчѣ», который кому-то сказалъ, чтобы «государя не ждать». Вѣдь прибытіе государя къ іорданской процессіи требовало присутствія тамъ и извѣстныхъ свѣтскихъ властей, о которыхъ, однако, совсѣмъ не

упоминается въ дѣлѣ. Наконецъ, если бы государя ждали, но окончили по той или другой причинѣ литургію и іорданское дѣйствіе раньше его прибытія, то дѣло объ этомъ—по тому времени—началась бы несомнѣнно не «по разсужденію синодальныхъ членовъ», а или по высочайшему повелѣнію или по требованію верховнаго тайнаго совѣта. И велось бы тогда оно не въ святѣйшемъ синодѣ, а въ другомъ, обычномъ для сихъ дѣлъ мѣстѣ и велось бы съ большею «энергіею и пристрастіемъ». Замѣшанные въ это дѣло члены святѣйшаго синода были бы тогда, быть можетъ, не судьями, а подсудимыми, и дѣло во всякомъ случаѣ доведено было бы до какого нибудь конца, а не осталось бы навсегда нерѣшеннымъ. По всей вѣроятности, дѣло происходило такъ. Государь,—какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе иностранцы-современники,—послѣ обрученія и на святкахъ былъ боленъ и, вѣроятно, не выходилъ, особенно въ виду тѣхъ страшныхъ холодовъ, о которыхъ упоминаетъ леди Рондо. Никто не ожидалъ, чтобы онъ рѣшился въ «небывало холодный день» выѣхать. Но, какъ мы видѣли, онъ выѣхалъ и на парадъ и катался съ невѣстой. Предположеніе это подтверждаетъ и Устряловъ, который въ вышеприведенномъ нами сообщеніи говоритъ о предшествовавшей его послѣднему выѣзду болѣзни, и что этотъ послѣдній выѣздъ, случившійся очевидно 6 января, былъ роковымъ для государя потому, что онъ, «не совсѣмъ оправясь», поѣхалъ. Впрочемъ, и изъ свидѣтельствъ иностранцевъ видно, что государь былъ вообще настолько нездоровъ предъ 6 января, что внушалъ большія опасенія за свою жизнь многимъ европейскимъ посламъ, бывшимъ тогда въ Россіи. По крайней мѣрѣ Брикнеръ приводитъ въ вышепомянутой статьѣ нѣсколько подобныхъ свидѣтельствъ. Такъ, напримѣръ, англійскій консулъ Уардъ еще гораздо ранѣе этого писалъ: «здѣсь въ тайнѣ повторяютъ слухи, будто его величество въ Москвѣ заболѣлъ. Болѣзнь эта, вѣроятно, является послѣдствіемъ безпорядочной жизни, которой молодой монархъ, повидимому, предается со всѣмъ пыломъ юности и безконтрольной власти». Австрійскій посланникъ графъ Вратиславъ еще за годъ доносилъ своему правительству, что Петръ II имѣетъ крайне болѣзненный видъ, и что онъ долго не проживетъ. Гогенгольцъ прямо предсказывалъ, что Петру трудно будетъ перенести осну, такъ какъ силы его совершенно истощены отъ неумѣренной и порочной жизни. Лирія въ своихъ мемуарахъ свидѣтельствуетъ, что «съ самаго дня обрученія съ кн. Долгоруковой Петръ впалъ въ такую задумчивость, что ничто болѣе его не развлекало, и онъ даже говорилъ своимъ приближеннымъ, что умретъ скоро, и что жизнь ему наскучила» [1]).

Если обратить вниманіе и на вышеприведенный разсказъ леди Рондо о событіи 6 января 1730 г., то изъ него можно видѣть, что

---

[1]) А. Брикнеръ. Русскій дворъ въ царствованіе Петра II, «Вѣстн. Евр.», 1896 г., мартъ.

Петръ II, возвратясь во дворецъ, могъ заболѣть въ такой сильной степени, какъ она это описываетъ, только въ томъ случаѣ, если болѣзнь уже таилась въ немъ ранѣе. Не могла же въ самомъ дѣлѣ простуда обнаружиться тотчасъ и при томъ въ такой сильной степени, какъ она объ этомъ свидѣтельствуетъ, въ тотъ же самый моментъ, какъ только онъ возвратился съ прогулки.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ съ большею вѣроятностью можно сдѣлать такую поправку въ нашихъ исторіяхъ относительно случая и мѣста заболѣванія Петра II. Государь-отрокъ, крайне изнуривъ себя неправильною жизнью, заболѣлъ на святкахъ въ Москвѣ. Не оправившись вполнѣ, онъ 6 января 1730 г., во время страшнаго холода, выѣхалъ сперва къ войскамъ, шедшимъ для парада въ Кремль, а затѣмъ, заѣхавъ за своею обрученною невѣстою, отправился съ нею въ торжественномъ поѣздѣ къ іорданской процессіи, которую, впрочемъ, уже не засталъ. Во время этихъ выѣздовъ государь окончательно простудился, сряду же заболѣлъ оспою и въ ночь на 19 января скончался.

Въ заключеніе позволимъ высказать еще одно предположеніе относительно причинъ, по которымъ возникло вышеприведенное синодальное дѣло. Несомнѣнно, что его главнымъ иниціаторомъ—какъ это видно и изъ самаго протокола святѣйшаго синода—былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Но почему онъ началъ дѣло? Намъ кажется, что съ одной стороны, начиная это дѣло, Ѳеофанъ старался сложить съ себя, какъ вице-президента святѣйшаго синода и старшаго члена, обязаннаго особенно заботиться о церковномъ благочиніи, всякую отвѣтственность за случившійся безпорядокъ. Кромѣ того, Ѳеофанъ былъ человѣкъ, всю свою жизнь заботившійся «о вчинаніи разныхъ слѣдственныхъ дѣлъ», потому что къ таковымъ можно было въ то время привлекать людей до безконечности, что Ѳеофану, при его постоянныхъ столкновеніяхъ съ разными лицами, могло всегда пригодиться. Съ другой стороны весьма возможно, что дѣло это началось и вслѣдствіе крайняго недовольства москвичей на то, что такую важную излюбленную ими церемонію совершалъ одинъ архіерей безъ синода и безъ царя. Дѣло въ томъ, что хотя Москва была уже въ это время и развѣнчанная столица, хотя уже 30 лѣтъ прошло, какъ она не видала на своихъ излюбленныхъ религіозныхъ торжествахъ и церемоніяхъ святѣйшаго патріарха, а самого царя и еще болѣе, но она жила постоянными надеждами на то, что новый петербургскій порядокъ и строй жизни долженъ рано или поздно измѣниться на московскій ладъ. Особенно эти надежды воскресли послѣ смерти великаго преобразователя Россіи и преимущественно, когда вступилъ на престолъ сынъ того «сына», который погибъ за несочувствіе къ новшествамъ отца-преобразователя. Такъ, особенно сильно бродила въ это время идея о возстановленіи патріаршества, для чего найденъ былъ и выдвинутъ и кандидатъ, который и самъ, кажется, не только

желалъ, но и вѣрилъ въ возможность сѣсть на патріаршемъ престолѣ. Въ такое-то время ожиданій случилось быть государю и святѣйшему синоду въ Москвѣ. Приближался крещенскій крестный ходъ на іордань. Несомнѣнно, что истые москвичи были крайне заинтересованы тѣмъ, какъ совершають его петербургскія духовныя и свѣтскія власти. Вѣдь еще слишкомъ свѣжи были въ это время преданія въ Москвѣ о томъ, что, когда и какъ совершалъ святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ, и что дѣлалъ, гдѣ и какъ шелъ и кланялся при той или другой церковной церемоніи благочестивѣйшій государь—сынъ его Михаилъ Θеодоровичъ. Были несомнѣнно въ Москвѣ очевидцы и того невиданнаго никогда зрѣлища, какъ въ день Богоявленія 1667 г. три святѣйшіе патріарха: александрійскій Паисій, антіохійскій—Макарій и московскій—Іоасафъ, возстановляя уничтоженный при Никонѣ іорданскій крестный ходъ [1]), шли всѣ трое, торжественно поддерживаемые подъ руки митрополитами, архіепископами и епископами, на Москву рѣку, неся каждый на своей честной главѣ святый и животворящій крестъ Господень, сдѣланный изъ чистаго золота и со вложенными частицами святаго древа Господня. Помнили москвичи и съ умиленіемъ разсказывали своимъ дѣтямъ и внукамъ, какъ смиренно и набожно шелъ за ними тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ, какъ по водоосвященіи всѣ три патріарха по очереди кропили царя, властей и народъ святою водою и какъ потомъ по очереди же подносили царю въ золотыхъ ковшахъ испить богоявленской воды «во освященіе души и здраву быти тѣлу». Помнили все это москвичи и съ нетерпѣніемъ ожидали, какъ же пройдетъ у нихъ день Богоявленія въ этомъ именно году, когда были въ Москвѣ: царь, не тотъ грозный, который не любилъ Москвы и замѣнилъ ея обычаи, обряды и жизнь—заморскими, а его внукъ-отрокъ, отецъ котораго пострадалъ за приверженность къ старинѣ. И если не святѣйшій патріархъ пріѣхалъ теперь съ царемъ, то все же замѣняющій его святѣйшій соборъ архіереевъ. Къ сожалѣнію, не нашлось ни изъ свѣтскихъ, ни изъ духовныхъ особъ такого, кто бы внимательно отнесся къ этимъ ожиданіямъ москвичей. Іорданская церемонія прошла просто, безъ всякой торжественности. Царь даже и не пріѣхалъ ни къ крестному ходу, ни къ водоосвященію. Но онъ ѣздилъ смотрѣть войска и катался съ своею невѣстою... А вмѣсто святѣйшаго синода въ цѣломъ его составѣ вы-

---

[1]) Во времена святѣйшаго патріарха Филарета Никитича крестное хожденіе на іордань совершалось въ самый праздникъ Богоявленія Господня предъ литургіею; патріархъ же Никонъ отправлялъ сію церемонію въ навечеріи Богоявленія, послѣ вечерни, не святя въ соборѣ воду. Въ 175 г. бывшіе въ Москвѣ вселенскіе патріархи: Паисій—папа александрійскій и Макарій—антіохійскій ходили на воду въ самый праздникъ предъ литургіею, а въ навечеріи освящали воду въ соборѣ, что и продолжалось до 191 года (1688 г.), въ которомъ святѣйшій патріархъ Іоакимъ совѣтовалъ соборнѣ, въ которое время пристойнѣе быть крестному на іордань хожденію, указалъ—на самый праздникъ послѣ литургіи—нынѣ и впредь.

(Патріар. чин.; рукоп. арх. святѣйшаго синода).

шелъ на іорданскую процессію одинъ только архіерей... Конечно, истые москвичи, воспитанные на обрядахъ и церемоніяхъ, придававшіе особенное значеніе тому, чтобы все совершалось «по старинѣ», не могли быть довольны случившимся новшествомъ. Вѣроятно, глухой ропотъ москвичей дошелъ до слуха Өеофана Прокоповича, и, быть можетъ, подъ вліяніемъ этого петербургскій духовный сановникъ нашелъ нужнымъ возбудить, на всякій случай, слѣдственное дѣло, желая прикрыть и объяснить возбуждавшее ропотъ москвичей событіе случайнымъ обстоятельствомъ.

А. Н. Львовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРОПАЩАГО ЧЕЛОВѢКА [1].

XIV.

Приходъ на родину.—Бѣдственное положеніе.—Ночлежный пріютъ «Батумъ».—Свѣтлый праздникъ въ пріютѣ.—Письмо отъ К.—Мое переселеніе въ кухню при домѣ мачихи.—Существованіе подачками.—Отсылка рукописи.—Нищенство.—Переселеніе въ «Батумъ».—Его обстановка.

ТЯЖЕЛО было у меня на сердцѣ потому, что дома у меня никого и ничего не было. Некуда было, что называется, головы преклонить. Я зналъ, что мнѣ придется ходить по міру.

Что пришлось мнѣ вынести дорогою, я не буду описывать потому, что это уже описано и напечатано въ «Русской Мысли»,—я впослѣдствіи упомяну, гдѣ и какъ я писалъ о своемъ арестѣ и перенесенныхъ въ дорогѣ испытаніяхъ, и при какихъ условіяхъ удалось мнѣ это пристроить въ печать. Свобода, послѣ мѣсячнаго ареста, послѣ трудностей этапной дороги, меня нисколько не радовала. Въ головѣ вертѣлись только вопросы: что дѣлать? чѣмъ жить?

Хотя у меня въ городѣ и былъ родительскій домъ, но онъ по духовному завѣщанію принадлежалъ мачихѣ.

Не смотря на то, что я съ мачихою до сихъ поръ нахожусь въ очень мирныхъ отношеніяхъ,—въ то время я, все-таки, не хотѣлъ явиться къ ней въ моемъ изорванномъ костюмѣ и въ лап-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1896 г., т. LXIV, стр. 882.

тяхъ, данныхъ мнѣ нашимъ мѣщанскимъ старостой. Я не ея стыдился, а жильцовъ, которые у ней квартировали, и чтобы не срамить родное пепелище, я рѣшился лучше идти въ «Батумъ»—такъ называютъ у насъ ночлежный пріютъ.

Когда я освободился изъ нашей мѣщанской управы, у меня отъ порціонныхъ денегъ оставалось 15 копеекъ. Я сознавалъ, что всѣ мои несчастія происходятъ отъ водки, но мнѣ было такъ грустно-тяжело, что я съ какимъ-то отчаяніемъ, не разсчитывая, что сегодня и завтра мнѣ не на что будетъ купить кусокъ хлѣба, пропилъ свой послѣдній пятиалтынный, какъ будто надѣялся въ этомъ найти забвеніе, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую бодрость. Но, не смотря на то, что я болѣе двухъ мѣсяцевъ не пилъ вина, оно не произвело на меня никакого дѣйствія. Я остался въ томъ же тяжеломъ уныніи, въ какомъ и былъ.

Побродивъ недолго по берегу Волги, я пошелъ въ «Батумъ».

Я пришелъ туда еще очень рано. Тамъ находился только одинъ старикъ. Мы разговорились съ нимъ, и оказалось, что онъ зналъ все наше семейство, и я также зналъ и много слышалъ о немъ еще въ дѣтствѣ.

Старикъ этотъ былъ когда-то хорошій торговецъ-краснорядецъ, торговалъ суровскими, или, какъ у насъ называютъ, красными товарами. Въ молодости своей онъ былъ тоже извѣстенъ всему городу своимъ дебоширствомъ и безобразничаньемъ. Женившись, онъ нисколько не исправился и продолжалъ такую же жизнь. Долго билась съ нимъ жена, но, наконецъ, Богъ ее прибралъ. Дѣтей его (у него были двѣ дочери) взялъ на воспитаніе его братъ; а онъ началъ скитаться. За его буйный характеръ никто его не хотѣлъ держать на квартирѣ, даже родная мать и та не пускала, и потому онъ принужденъ былъ поселиться въ «Батумѣ». Онъ теперь собиралъ милостыню и пропивалъ все, что доставалъ. Но это типъ довольно обыкновенный: такихъ людей, для которыхъ не существуетъ ни стыда, ни раскаянія, встрѣтить можно не только десятками, но даже сотнями, и въ столицахъ и въ провинціи.

Первый и второй день я просидѣлъ буквально голодный. На третій день, въ страстную пятницу, нѣкоторые изъ «батумцевъ» приглашали меня идти съ ними собирать милостыню, говоря, что на праздникъ будетъ хорошій сборъ; но я отказался и предпочелъ лучше помочь сторожихѣ вымыть полы и нары нашего пріюта, за что меня и покормили; кромѣ того, сторожиха сослужила мнѣ еще службу: она снесла отъ меня записку мачихѣ.

«Батумъ», т. е. ночлежный домъ въ нашемъ городѣ, устроенъ не очень давно, именно, съ тѣхъ поръ, какъ началась усиленная высылка изъ столицъ людей неблагонадежныхъ и порочныхъ. Онъ по-

мѣщается въ полуразвалившемся каменномъ зданіи, въ которомъ въ старое время находился кожевенный заводъ. Теперь этотъ заводъ и вся мѣстность, принадлежащая къ нему, за неявкою наслѣдниковъ и за неплатежъ поземельныхъ сборовъ, сдѣлалась достояніемъ города.

«Батумъ» считается у насъ домомъ отверженныхъ. Его занимаютъ только высланные изъ столицъ, находящіеся подъ надзоромъ полиціи, и тѣ, которые по своему поведенію не принимаются уже ни въ семью, ни куда либо на квартиру, и только изрѣдка случается, что въ этотъ пріютъ заходятъ какіе нибудь путники.

Зимою въ немъ проживаетъ человѣкъ по тридцати и болѣе, но лѣтомъ число его обитателей сокращается, потому что одни уходятъ на работу въ Рыбинскъ, а другіе расходятся по деревнямъ пасти скотину; есть и такіе, которые предпочитаютъ ночевать около кирпичныхъ горновъ и въ другихъ, болѣе привольныхъ и менѣе доступныхъ надзору полиціи, мѣстахъ. Но о «Батумѣ» и его обитателяхъ я еще буду упоминать, а теперь хочу кое-что сказать о своемъ положеніи.

На праздникъ Пасхи въ нашемъ городѣ нѣкоторыя лица изъ купечества имѣютъ обыкновеніе разсылать подаянія въ острогъ, въ больницу, въ богадѣльню и т. п. мѣста. Насъ, «батумцевъ», тоже не забыли; къ намъ были присланы подаянія, изъ городской управы, и по два яйца на каждаго ночлежника; отъ купца Сурина—полфунта чаю и нѣсколько фунтовъ сахару; отъ старовѣрки фабрикантши Вижиловой—гречневая крупа, капуста, хлѣбъ и ситный; а отъ купца Дудкина—солонина. Въ большомъ котлѣ, устроенномъ въ сторожкѣ пріюта, сварены были на первый день щи, а на второй — каша; прочее же самими ночлежниками, въ присутствіи сторожа, раздѣлено было на пайки и роздано по рукамъ. Мои товарищи не имѣли большой крайности въ этихъ подаяніяхъ; они на праздникъ почти всѣ ходили собирать милостыню, которая на самомъ дѣлѣ была довольно обильна, а потому у нихъ были и деньги, и вино, и все съѣдобное; но все-таки никто не отказывался отъ своей доли, и каждый старался при дѣлежкѣ захватить пасхи побольше. Для меня же эти подаянія были чрезвычайно дороги потому, что не будь ихъ, то мнѣ въ этотъ великій праздникъ пришлось бы буквально голодать.

На третій день праздника меня посѣтила мачиха. Она принесла мнѣ кое-что поѣсть и немного чаю и сахару, и приглашала къ себѣ; но я опять-таки отказался, считая совершенно неприличнымъ показываться въ своемъ костюмѣ въ городѣ.

Впрочемъ, дня черезъ четыре, я принужденъ былъ сходить въ свой домъ, такъ какъ ожидалъ письмо отъ К., котораго просилъ писать на имя мачихи. Письмо дѣйствительно было получено. Въ немъ К. извѣщалъ меня, что посылаетъ мнѣ съ попутчикомъ посылку, которую доставили мнѣ черезъ день. Она состояла изъ до-

вольно приличнаго костюма, двухъ паръ бѣлья и около сотни мелкихъ книгъ и брошюръ. К. совѣтовалъ мнѣ заняться на родинѣ торговлею книгами, а въ свободное время дописывать начатыя мною еще въ Петербургѣ воспоминанія.

Имѣя мало-мальски приличный костюмъ и рубля на три товару, я не захотѣлъ болѣе оставаться въ «Батумѣ» и принялъ предложеніе мачихи, которая тогда уѣзжала въ городъ Ивановъ-Вознесенскъ, поселиться на все лѣто въ находящейся у насъ въ домѣ отдѣльной кухнѣ.

Кухня была совершенно развалившаяся. Большія щели свѣтили квозь прогнившія стѣны на дворъ; полъ дырявый; окно съ выбитыми стеклами, а сквозь крышу и потолокъ во время дождя вода лилась ручьемъ.

Но тогда только что начиналось лѣто, а потому я и надѣялся, что мнѣ тутъ будетъ все-таки лучше, чѣмъ въ «Батумѣ». Главное же, что меня прельщало, это то, что тутъ я оставался въ уединеніи и могъ кое-что писать.

Присланныя мнѣ К. книги были вполнѣ подходящія и полезныя для торговли въ провинціи. Ихъ легко можно было распродавать въ торговые дни на базарѣ и по трактирамъ, которыхъ въ нашемъ городѣ, за отсутствіемъ другихъ питейныхъ заведеній, болѣе тридцати; но я никакъ не могъ себя къ этому принудить. Мнѣ было совѣстно въ своемъ городѣ заниматься такимъ мелкимъ дѣломъ, а потому, чрезъ нѣсколько дней, я часть изъ нихъ распродалъ разносчикамъ, а остальныя отдалъ за безцѣнокъ въ лавку.

Времени свободнаго у меня оказывалось очень много, и я задумалъ описать свои мытарства со дня моего ареста до освобожденія.

Денегъ, вырученныхъ за книги, при самомъ экономномъ расчетѣ моемъ могло хватить мнѣ не болѣе, какъ на двѣ недѣли. Но я все-таки сначала не унывалъ. Я надѣялся на К., которому описалъ свое положеніе и сообщилъ о своемъ намѣреніи. Между тѣмъ, время проходило, а отвѣта не было, и я, ради пропитанія, принужденъ былъ, штука по штукѣ, продавать присланныя мнѣ вещи.

Не видя въ перспективѣ ничего, кромѣ нищеты и совершенной безвыходности, я началъ падать духомъ и опять выпивать.

Впрочемъ, это продолжалось недолго, и черезъ недѣлю я дошелъ уже до того, что мнѣ нечего было продавать, и я остался буквально безъ куска хлѣба. Къ голодовкѣ присоединилась еще бѣда: надежды мои на теплое лѣто совсѣмъ не осуществились. Лѣто, какъ нарочно, стояло такое, какого никто не запомнилъ. Почти постоянные дожди и холодные вѣтры, со свистомъ и воемъ врывавшіеся въ мою конуру и пронизывавшіе меня, что называется, насквозь.

Мнѣ приходилось очень трудно. Не имѣя впереди никакой надежды, я рѣшился не выходить никуда изъ своего логовища, хотя

бы мнѣ пришлось умереть въ немъ голодною смертью. Я пролежалъ двое сутокъ, не имѣя ничего во рту, кромѣ воды. На третьи сутки, когда я пошелъ къ колодцу напиться, меня увидала жившая у насъ во дворѣ подрядчица.

— Что съ тобой?—спросила она.—Ты никакъ совсѣмъ больной? Не хочешь ли чайку?

Тутъ я не вытерпѣлъ и признался, что двое сутокъ ничего не ѣлъ, и попросилъ у нея кусокъ хлѣба. Чрезъ пять минутъ она подала мнѣ въ окно большую краюху хлѣба и чайникъ съ чаемъ.

И вотъ съ тѣхъ поръ начались мнѣ, какъ собакѣ въ конуру, почти ежедневно подачки. Такъ продолжалось недѣли три. Я въ это время опять принялся за свое сочиненіе. Но, вѣроятно, пословица говоритъ справедливо, что не устанетъ рука принимаючи, а устанетъ даваючи, и потому подачки постепенно начали дѣлаться скуднѣе. Да и въ самомъ дѣлѣ, кому и какая была обязанность кормить совершенно чужаго, здороваго мужика?

Чтобы какъ нибудь достать себѣ на хлѣбъ, я сталъ ходить въ лѣсъ за грибами; но на мое несчастье въ тотъ годъ и грибы совсѣмъ не родились. Я приносилъ ихъ не болѣе, какъ копеекъ на семь или на восемь въ день.

Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ іюля я получилъ отъ К. посылку и письмо. Посылка состояла изъ книгъ: въ ней было около ста экземпляровъ о крещеніи Руси и столько же разныхъ мелкихъ народныхъ брошюръ.

На этотъ разъ я рѣшился самъ заняться распродажею этихъ книжекъ; но торговля моя шла очень туго. Ходя по трактирамъ и въ торговые дни на базаръ, я едва выручалъ по двадцати и тридцати копеекъ въ день, и, конечно, вырученныхъ денегъ мнѣ хватало только на содержаніе. Наконецъ, книги были распроданы, и я остался опять ни съ чѣмъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ я дописалъ свою рукопись и рѣшился послать ее К., но мнѣ положительно негдѣ было взять денегъ на пересылку. Тогда я вспомнилъ, что верстахъ въ семнадцати отъ города находилась деревня, гдѣ проживалъ тотъ мальчуганъ, который привезъ мнѣ первую посылку. Тогда онъ мнѣ говорилъ, что въ концѣ августа намѣренъ былъ опять возвратиться въ Петербургъ. Вотъ я и собрался отнести ему мою рукопись.

Памятно мнѣ это путешествіе!..

Въ то время погода сдѣлалась еще холоднѣе. Шелъ мелкій дождь, сопровождаемый сильнымъ вѣтромъ, и по всей дорогѣ стояла сплошная грязь и лужи воды; а на мнѣ было только нижнее бѣлье, совершенно рваное пальто и фуражка безъ тульи. Но не смотря на грязь, на стужу, на рваную одежду, я босой шелъ съ своею рукописью въ упомянутую деревню, питая надежду, благодаря этой

рукописи, выбраться изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ находился.

Благодаря уваженію, которое питало къ К. семейство этихъ крестьянъ, меня тамъ приняли радушно—напоили деревенскимъ житнымъ кофе, накормили обѣдомъ и обѣщали на слѣдующей же недѣлѣ переслать мою рукопись въ Петербургъ.

Прошли еще двѣ недѣли; холодъ усилился; вѣтеръ еще назойливѣе завывалъ и врывался въ мою конуру; съ потолка текло, и на полу частенько стояли лужи. Чтобы согрѣться, я въ теченіе дня почти постояно шагалъ изъ угла въ уголъ. Но долгія, темныя и холодныя ночи добивали меня въ конецъ. Я даже не могу описать, что испытывалъ въ эти ночи, забившись въ какомъ нибудь сухомъ углу и постоянно поворачиваясь, чтобы согрѣть подъ моими лохмотьями окоченѣвшіе члены.

Да, мнѣ было очень трудно! Но я сознавалъ, что это справедливое наказаніе за мое пьянство и другіе грѣхи, и просилъ Бога, чтобы онъ послалъ мнѣ терпѣніе перенести такое положеніе.

Кромѣ стужи, мнѣ также приходилось терпѣть и голодъ. Я опять перебивался, иной день перекусивъ что либо, а то и совсѣмъ безъ пищи. Но, наконецъ, однажды, проголодавъ болѣе сутокъ, я не выдержалъ и въ праздникъ Рождества Богородицы, рано утромъ, взявъ корзинку, пошелъ по деревнямъ сбирать милостыню. И вотъ тутъ мнѣ вспомнились стихи Никитина:

Надѣваетъ ли сумку неволя,
Не охота ли взяться трудъ,
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ, и пр.

Придя въ первую деревню и получивъ первую милостыню, я не сталъ уже ходить по другимъ домамъ, а, зайдя за овинъ, съѣлъ эту милостыню, чтобы утолить мучившій меня голодъ. Поѣвъ, я долго раздумывалъ—идти ли мнѣ дальше сбирать, или вернуться домой. Вѣдь куда какъ робко и тяжело сначала приниматься за это ремесло!... Наконецъ, я рѣшился обойти еще одну деревню; за второй—обошелъ третью и четвертую и такимъ образомъ насбиралъ хлѣба фунтовъ восемь.

Домой я вернулся тогда, когда совсѣмъ стемнѣло. Я очень былъ радъ, что у меня оставалось хлѣба еще дня на три. Теперь я думалъ только о томъ, какъ бы запастись тепломъ. На другой день, взявъ веревку, я отправился въ рыжичникъ (сосновый лѣсъ, отстоящій отъ нашего города въ полуверстѣ) и, набравъ тамъ большую вязанку хворосту, принесъ ее домой и затопилъ печь. Слѣдующую ночь я блаженствовалъ: я былъ сытъ, и спать мнѣ было тепло.

Такъ перебивался я около мѣсяца, чрезъ день ходя за хворостомъ и дня чрезъ два или три сбирать милостыню.

Добрые крестьяне, не смотря на то, что сами терпятъ много нужды, рѣдко отказываютъ въ милостынѣ просящему Христа ради. Какъ ни былъ стѣснителенъ для меня этотъ способъ пропитанія, но я все-таки разъ-отъ-разу дѣлался смѣлѣе и, стуча въ окна палочкой, рѣзче и жалобнѣе распѣвалъ: «Подайте милостынку, ради Христа Небеснаго, поминаючи родителей вашихъ во царствіи небесномъ»...

Въ октябрѣ стужа меня совсѣмъ одолѣла, и я опять принужденъ былъ переселиться въ «Батумъ».

Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о помѣщеніи, въ которомъ находился пріютъ. Помѣщеніе это состоитъ изъ одной большой комнаты съ тремя окнами, выходящими на площадь, и тремя же во дворъ; со сводами, поддерживаемыми по срединѣ четыреугольнымъ столбомъ. По задней стѣнѣ его устроены сплошныя нары, на которыхъ каждый изъ постоянныхъ обитателей имѣетъ свое мѣсто; около столба находится большая лежанка; въ ней ночлежники варятъ свои незатѣйливыя кушанья; направо отъ двери отгорожена каморка для сторожа, нанимаемаго городскою управою; а подъ окнами, по стѣнамъ, поставлены длинныя скамейки и два стола. Помѣщеніе вообще очень грязно и изобилуетъ множествомъ всевозможныхъ паразитовъ.

На этотъ разъ, считая себя жильцомъ этого пріюта на всю зиму, я постарался поближе познакомиться и съ его обитателями.

Большинство изъ нихъ были еще очень молодые, здоровые люди, но уже пропащіе, не надѣющіеся и не мыслящіе исправиться. Всѣ они какъ будто бы повально были заражены слабостію къ водкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ я уже упоминалъ, въ лѣтнее время уходятъ на работу въ Рыбинскъ, нанимаются на суда, въ настухи или работаютъ поденно въ крючникахъ. Иной разъ, съ этихъ работъ они возвращаются въ «Батумъ» съ маленькими деньжонками, но на первый же или второй день все пропиваютъ съ своими товарищами и остаются раздѣтыми и разутыми. Но есть между ними и такіе, которые и ничего не работаютъ, а если и попадутъ на какую нибудь работу, то непремѣнно черезъ часъ или сами бросаютъ работу, или ихъ прогоняютъ: эти и лѣто и зиму ходятъ по міру.

Въ то время, какъ я находился въ «Батумѣ», изъ числа его обитателей особенно заинтересовали меня четыре человѣка.

Первый изъ нихъ—Вас. Влад. Р—къ, родной племянникъ ярославскаго вицегубернатора, былъ человѣкъ хорошо образованный. Онъ воспитывался въ Москвѣ, въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Окончивъ курсъ, Р—къ женился на актрисѣ и затѣмъ вскорѣ уѣхалъ въ Самару гдѣ получилъ довольно порядочное мѣсто. Съ перваго же времени, по его разсказамъ, онъ жилъ съ женой несчастливо. Актриса заводила связи, а онъ началъ кутить, почему года черезъ два они и разошлись.

Разойдясь съ женою, Р—къ бросилъ службу и возвратился въ Москву. Здѣсь онъ получилъ послѣ родителей тысячъ двѣнадцать рублей наслѣдства, и менѣе чѣмъ черезъ годъ изъ этихъ денегъ у него ничего не осталось; а еще черезъ годъ онъ дошелъ до нищеты. Въ это время онъ узналъ о смерти своей жены, которая умерла тоже въ большой бѣдности.

Года четыре онъ прожилъ въ Москвѣ, безъ всякихъ занятій, скитаясь по разнымъ притонамъ, и, наконецъ, принужденъ былъ отправиться въ Ярославль къ своему дядѣ.

Дядя сперва принялъ его хорошо. Онъ не только помогъ ему всѣмъ необходимымъ, но выхлопоталъ очень приличную должность. Но въ Р—кѣ уже сильно вкоренились привычки къ разнузданности: онъ манкировалъ службою, по нѣскольку дней не являлся въ должность, а иногда, случалось, приходилъ совершенно пьяный и производилъ скандалы.

Изъ уваженія къ его дядѣ Р—ка долго терпѣли; но, наконецъ, его поведеніе перешло уже всякія границы, и ему принуждены были отказать отъ должности.

Тогда Р—къ началъ ходить къ дядѣ, выпрашивая у него денегъ. Дядя и на этотъ разъ не отказывался ему помогать, но требованія Р—ка постепенно дѣлались уже чрезъ мѣру нахальны, и дядя не велѣлъ его принимать. Тогда Р—къ, напившись пьяный, явился въ канцелярію губернатора и тамъ, во время присутствія, обругалъ, какъ только сумѣлъ, своего дядю и даже толкнулъ его въ толстый животъ ногою. Вотъ за эту-то продѣлку его и выслали къ намъ въ Угличъ подъ надзоръ полиціи. Въ Угличѣ, Р—ку, какъ человѣку образованному и имѣющему такое вліятельное родство, сначала тоже сочувствовали. Ему нѣсколько разъ давали пособія и опредѣляли къ мѣсту. Но, видно, ужъ не въ коня и кормъ. Вся эта помощь была дѣйствительна только до первой рюмки; а какъ только онъ брался за рюмку, то уже бросалъ и занятіе и въ одинъ день пропивалъ все, что было у него и что было на немъ.

Тогда Р—къ принужденъ былъ существовать тѣмъ, что писалъ по трактирамъ письма и прошенія; а когда не было этой работы, то сбиралъ по лавкамъ милостыню и все, что доставалъ, въ тотъ же день пропивалъ. Зимой и лѣтомъ онъ ходилъ въ какомъ нибудь рваномъ сюртучишкѣ или, просто, въ деревенскомъ холщевомъ зипунишкѣ и, благодаря этому, нѣсколько разъ лежалъ въ больницѣ и постоянно кашлялъ; у него явно развивалась чахотка.

О будущемъ Р—къ мало заботился: во-первыхъ, онъ сознавалъ, что ему осталось недолго жить — недугъ его былъ очень силенъ; а, во-вторыхъ, онъ говорилъ, что привычка къ водкѣ на столько въ немъ развилась, что вино сдѣлалось какъ будто принадлежностью его натуры.

Между «батумцами» Р—къ вполнѣ освоился, и тѣ съ нимъ ни-

сколько не церемонились. Ему даже не давали мѣста на нарахъ, и онъ валялся гдѣ попало на полу; когда же онъ поднималъ почему нибудь споръ и упоминалъ о своемъ происхожденіи, то его безъ церемоніи колотили.

Другой субъектъ, интересовавшій меня, былъ сынъ двороваго человѣка извѣстнаго нѣкогда ярославскаго губернскаго предводителя дворянства, Н. П. С—на, и можно сказать, что если бы природа дала ему не много побольше роста и дородства, то онъ былъ бы вылитый портретъ своего господина.

Дмитрій Ѳедосѣевъ, такъ его звали, родился въ помѣстьѣ г. С.— селѣ Ал—вѣ; но когда С., получивъ званіе камергера, переѣхалъ въ Петербургъ, то и семейство Ѳедосѣева тоже послѣдовало за нимъ въ столицу. Тутъ его опредѣлили въ ремесленное училище Цесаревича Николая, а по окончаніи курса, по протекціи того же С., онъ поступилъ на какой-то заводъ за Невской заставой техникомъ.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, на томъ заводѣ, гдѣ служилъ Дмитрій, развилась какая-то противозаконная пропаганда, къ которой и онъ былъ отчасти прикосновенъ. Въ скоромъ времени все это раскрылось, и его, какъ участника, административнымъ порядкомъ лишили столицы на пять лѣтъ и выслали въ Угличъ подъ надзоръ полиціи.

Здѣсь, не имѣя опредѣленныхъ занятій, Дмитрій въ первое время хотя и получалъ отъ матери небольшія суммы на содержаніе, но все-таки не могъ устоять и со скуки началъ пьянствовать. Къ чести его нужно сказать, что когда онъ почувствовалъ, что эта слабость въ немъ уже укоренилась, — онъ отказался отъ всякой помощи и принялся за черную работу. Все лѣто онъ постоянно ходилъ въ крючникахъ, а по зимамъ занимался колкою и уборкою дровъ, набивалъ погреба и проч. Но нерѣдко случалось, что и этой работы не было: тогда Дмитрій принужденъ былъ, также какъ и другіе, ходить по лавочкамъ и сбирать милостыню. Когда кончился срокъ его высылки, къ нему пріѣзжала мать, привезла приличную одежу и дала еще пятьдесятъ рублей съ тѣмъ, чтобы онъ оставилъ эту жизнь и отправлялся на мѣсто, которое выхлопоталъ ему тотъ же С. на одной изъ желѣзныхъ дорогъ. Мѣсто было хорошее: ему назначили семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ жалованья. Но недолго Дмитрій тамъ прожилъ. Вкоренившееся пьянство одолѣло его, и онъ скоро вернулся опять въ Угличъ и принялся за крючную работу. Теперь Дмитрій — еще очень молодой человѣкъ (ему не болѣе двадцати семи лѣтъ); онъ такъ же, какъ и Р—къ, вполнѣ освоился съ тою жизнію, не чувствуетъ возможности возстановиться и не заботится объ улучшеніи своей участи.

Третье лицо, занимавшее меня, былъ сынъ священника, Фаворовскій. Онъ воспитывался въ духовномъ училищѣ и затѣмъ перешелъ въ семинарію. Наука ли ему поприскучила или по другому какому побужденію, но только Фаворовскій съ третьяго курса вышелъ изъ семинаріи и поступилъ въ военную службу.

Въ то время наши войска, подъ командою Скобелева, совершали славныя побѣды надъ текинцами. Фаворовскому тоже захотѣлось тамъ подвизаться, и потому онъ былъ посланъ въ Закаспійскую область; но скоро онъ соскучился и здѣсь и опять захотѣлъ вернуться въ Россію. Онъ уволился изъ военной службы и, получивъ документы, отправился пѣшкомъ на родину. Средства у него были очень скудныя, и потому, пройдя нѣсколько сотъ верстъ, ему не на что стало продолжать путь. Тогда онъ, уничтоживъ свои документы и сказавшись безпаспортнымъ, препровожденъ былъ на родину этапомъ.

Родителей у него не было; но у него былъ дядя и два брата священниками, которые въ первое время отнеслись къ нему очень сочувственно. Они вновь выхлопотали ему документы и постарались подыскать подходящую къ его способностямъ должность. Но Фаворовскій почему-то вбилъ себѣ въ голову, что не стоитъ и не слѣдуетъ работать, и считалъ всякій трудъ презрѣннымъ, даже если бы это былъ легкій трудъ, напримѣръ, письменный и т. п. Бросивъ должность, онъ первое время кое-какъ перебивался около дяди и своихъ братьевъ; но и тутъ, имѣя въ головѣ одно, что ему не слѣдуетъ работать, онъ положительно отказывался отъ всякаго дѣла и, черезъ это перессорившись съ своими родными, пошелъ скитаться. Сначала онъ поступалъ въ разные монастыри послушникомъ, но такъ какъ и тамъ заставляли что либо дѣлать, то онъ никогда не могъ ужиться и началъ бродяжничать. Безпечный и безпамятный, онъ опять утерялъ гдѣ-то свои документы и рѣшилъ обходиться безъ нихъ, считая ихъ лишнею формальностью. Скитаясь по разнымъ губерніямъ безъ вида, Фаворовскій нѣсколько разъ попадался подъ арестъ и переправлялся этапомъ, наконецъ, дошелъ до того, что ему не въ чемъ стало совсѣмъ ходить, и вотъ онъ поселился въ «Батумѣ» и проживалъ тамъ уже около года, сбирая въ городѣ и по ближайшимъ деревнямъ милостыню. Не смотря на всѣ свои безалаберныя странности и какую-то ненормальную испорченность, Фаворовскій былъ очень честный и добродушный парень, готовый подѣлиться съ другомъ и недругомъ послѣднею милостынею и не способный, что называется, и мухи обидѣть. Всякая несправедливость, всякая пакость, кѣмъ бы она и противъ кого бы ни была сдѣлана,—вызывала въ немъ сильное негодованіе, за что, конечно, между «батумцами» онъ служилъ не только посмѣшищемъ, но подчасъ дѣло доходило до того, что его же за это и били.

Четвертый, который болѣе другихъ привлекалъ мое вниманіе, былъ еще мальчикъ—солдатскій сынъ.

Петрушка, такъ его звали, родился въ Петербургѣ и, еще въ раннемъ дѣтствѣ лишившись родителей, остался на попеченіи тетки, которая сначала таскала его на рукахъ по міру, а потомъ, когда онъ немного подросъ, посылала уже одного сбирать милостыню. Пущенный на произволъ теткою, которой нужно было только, чтобы онъ приносилъ ей деньги, ничему не обученный, Петрушка лѣтъ восьми еще познакомился съ нѣкоторыми темными личностями и отъ нихъ скоро выучился лазить по чужимъ карманамъ и другимъ кражамъ.

Съ десяти лѣтъ Петрушка узналъ арестантскую жизнь, а въ тринадцать—уже попалъ на высылъ.

Петрушка уже около трехъ лѣтъ проживаетъ въ Угличѣ; ежедневно ходитъ по міру, а когда удается, то и воруетъ, за что, конечно, и здѣсь не разъ побывалъ подъ судомъ и спознался съ угличскою тюрьмою. Въ тюрьмѣ ему, какъ смазливенькому мальчугану, живется тоже недурно...

Въ городѣ Петрушку всѣ знаютъ и близко къ себѣ не подпускаютъ, а когда онъ зайдетъ куда нибудь во дворъ за милостыней, то непремѣнно слѣдятъ за нимъ; но за то на базарѣ не проходитъ ни одинъ торговый день, чтобы онъ не поживился отъ деревенскихъ бабъ и мужиковъ: или кошелекъ изъ кармана вытащитъ, или съ возу что нибудь стянетъ.

Петрушкѣ теперь еще только семнадцать лѣтъ, а выглядитъ онъ совершенно мальчикомъ; но онъ уже вполнѣ усвоилъ себѣ всѣ арестантскія привычки и замашки и, не смотря на свое безсиліе, поражаетъ отчаянностью. Впрочемъ, при всѣхъ его дурныхъ качествахъ и при полной его распущенности, у него все-таки имѣется и извѣстная доля доброты,—той доброты, которая прививается всѣмъ обездоленнымъ людямъ артельною, арестантскою жизнью. Такъ, Петрушка добытыя имъ деньги никогда не истратитъ одинъ, а непремѣнно подѣлится съ своими товарищами, или другими бѣдняками—напоитъ, накормитъ, при хорошихъ фартахъ и одѣнетъ, и никогда не украдетъ у своего брата-нищаго, но случается, что и сбережетъ иного, если тотъ оказывается не въ состояніи собою владѣть [1]).

Кромѣ описанныхъ мною и тѣхъ мѣстныхъ бездомовниковъ, которые составляютъ какъ бы постоянный элементъ «Батума», въ нашу

[1]) Въ бытность мою прошлымъ лѣтомъ въ Угличѣ, мнѣ довелось узнать, что Р—къ въ скоромъ времени послѣ того, какъ я покинулъ «Батумъ», исколоченный своими товарищами, умеръ въ больницѣ; Фаворовскій сошелъ съ ума и отправленъ въ Ярославль въ домъ умалишенныхъ; Петрушка опять въ тюрьмѣ; а Θедосѣевъ, такъ же, какъ и прежде раздѣтый и босой, лѣто работаетъ съ крючниками, а зиму нищенствуетъ.

среду попадали и пришлые люди; это тѣ поднадзорные, которые постоянно мѣняютъ для «полняка» [1]) мѣста своей высылки. Такихъ лицъ, въ теченіе того времени, какъ я находился въ «Батумѣ», перебывало человѣкъ около тридцати. Они почти всѣ были столичные жители, а высылались по большей части за прошеніе милостыни, или за другіе мелкіе проступки. Иные изъ нихъ совершали такія путешествія уже десятки разъ и въ Угличѣ бывали не впервые. Имъ дается право избирать мѣсто жительства (за исключеніемъ губернскихъ и нѣкоторыхъ другихъ болѣе многолюдныхъ городовъ). Но имъ не нужно постояннаго жительства. Имъ нужно только то, чтобы при освобожденіи не отбирали отъ нихъ казенную одежду. Другъ отъ друга они уже знаютъ, гдѣ легче освобождаться; а потому, заявляя желаніе быть высланными въ какой либо городъ и прибывая на мѣсто, сразу же по освобожденіи продаютъ свои «полняки» и затѣмъ берутъ переводку въ другой городъ. У насъ, въ Угличѣ, какъ и во многихъ городахъ, полиція при освобожденіи ихъ не отнимала ничего изъ той одежды, которая давалась имъ при отправкѣ на этапъ, и въ тѣхъ же сѣрыхъ халатахъ или казенныхъ полушубкахъ выпускала ихъ на свободу. Барышники наши отлично это знали и каждый этапъ уже караулили такихъ гостей. Тотчасъ же по освобожденіи они заводили ихъ въ какой нибудь грязный трактиръ и тамъ, рубля за три, за четыре покупали у нихъ полняки; а имъ, чтобы прикрыть ихъ грѣшное тѣло, копеекъ за семьдесятъ—за рубль давали какую нибудь смѣнку. Конечно, освобожденные изъ подъ ареста и избавившіеся отъ своей казенной одежды, переселенцы въ тотъ же день и пропивали вырученныя ими деньги, а на другой или третій день наравнѣ съ прочими «батумцами» просили милостыню. Но они у насъ никогда долго не заживались, и дня черезъ три или чрезъ недѣлю опять шли въ полицейское управленіе за переводкой въ другое мѣсто. И полиція, довольная тѣмъ, что избавлялась отъ надзора за ними, всегда охотно давала имъ переводку, то-есть пропускъ, въ то мѣсто, куда они заявляли желаніе переселиться, а всѣ бумаги, съ которыми они обыкновенно пересылаются съ мѣста своего арестованія, отправляла туда по почтѣ. Впрочемъ, эти люди никогда не приходятъ въ избранное ими мѣсто съ даннымъ пропускомъ. Они идутъ съ нимъ только до того города, гдѣ получше и безпрепятственнѣе даютъ казенную одежу, и тамъ, уничтоживъ свой пропускъ, снова арестуются, снова берутъ одежду и опять отправляются въ избранное мѣсто этапомъ, чтобы, освободясь, также пропить казенную одежду, какъ и въ предшествовавшемъ.

Надо сознаться, что, живя въ «Батумѣ», я получалъ иногда отъ К. рубля по три, а одинъ разъ получилъ и десять рублей; но въ

[1]) Полнякомъ называется вся арестантская одежда, выдаваемая при отправкѣ на этапъ.

этомъ обществѣ присыловъ его мнѣ хватало не надолго потому, что я большую часть изъ нихъ проживалъ или, вѣрнѣе, пропивалъ съ товарищами, которыхъ я, признаться сказать, побаивался, вслѣдствіе чего мнѣ такъ же очень часто приходилось голодать или ходить съ корзинкою по деревнямъ. Положимъ, что я охотнѣе брался за какую нибудь работу; но достать ее было очень трудно. На мою долю выпадало иногда у знакомыхъ расколоть возъ дровъ, набить снѣгомъ погребъ, да и то очень рѣдко. Деревни въ нашемъ уѣздѣ небольшія, но зато очень частыя. Иной день не пройдешь и двадцати верстъ въ окружности, а побываешь болѣе чѣмъ въ десяти деревняхъ. Въ зимнее время за милостыней приходилось входить въ каждую избу, иногда и просто посидѣть, обогрѣться. Народъ въ нашемъ краѣ вообще не дикій—любознательный и разговорчивый. И вотъ, во время этихъ недолгихъ бесѣдъ, крестьяне прежде всего выспрашивали меня: кто я? гдѣ жилъ? и пр., на что я отвѣчалъ всегда откровенно, и затѣмъ въ свою очередь разспрашивалъ ихъ объ ихъ житьѣ и обо всемъ, что меня интересовало. Надо сказать, что крестьяне въ нашемъ уѣздѣ живутъ не особенно богато, но и не бѣдно. Мужчинъ, проживающихъ постоянно дома и занимающихся хлѣбопашествомъ, очень мало. Большая часть изъ нихъ, еще съ дѣтства, уѣзжаетъ въ Петербургъ или въ Москву, гдѣ инымъ и выпадаетъ счастье. Но есть очень много и такихъ, которыхъ чужая сторона только портитъ. Бѣдноты болѣе всего замѣтно въ подгородныхъ деревняхъ. Подгородные крестьяне, а особенно живущіе при большихъ дорогахъ, и у насъ такъ же, какъ и вездѣ, народъ болѣе избалованный. Частое посѣщеніе города не только не приноситъ имъ никакой пользы, но, напротивъ, причиняетъ вредъ въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи. Они не пропустятъ почти ни одного торговаго дня, чтобы не побывать въ городѣ, и по мелочи распродавая все, что имъ дастъ земля и деревенское хозяйство, тутъ же и оставляютъ вырученныя деньги. Кромѣ того, они, спознавшись съ городомъ, успѣваютъ также познакомиться и съ трактиромъ, привыкаютъ къ чарочкѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, усвоиваютъ себѣ замашки трактирныхъ забулдыгъ. Это уже не тѣ робкіе и поклонные крестьяне, которыхъ всегда можно встрѣтить въ отдаленныхъ отъ города деревняхъ; это народъ, по большей части, смѣлый и способный кичиться своей кабацкой опытностью. Такіе бывалые крестьяне уже отвыкаютъ отъ земли, и при всякомъ случаѣ не прочь бросить свои крестьянскія работы, лишь бы достать себѣ на трактирныя удовольствія. Впрочемъ, этого нельзя сказать о всѣхъ вообще, и между ними есть дѣйствительно степенные и трудолюбивые люди; но все же, если сравнить ихъ съ крестьянами дальнихъ деревень, то это сравненіе всегда будетъ говорить въ пользу послѣднихъ.

Говоря такъ о мужчинахъ, грѣшно будетъ сказать то же самое

и о женщинахъ. Наши крестьянки довольно степенныя и трудолюбивыя Ихъ хозяйственныя добродѣтели несомнѣнны, и нерѣдко вся семья держится бабою. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось, что въ тѣхъ домахъ, гдѣ хозяйство лежитъ на бабьей заботѣ, всегда замѣтно было болѣе довольства, чѣмъ тамъ, гдѣ хозяйничаетъ безпечный мужикъ, знакомый съ чаркою. Такъ въ домѣ вдовы, если она только не безземельная бобылка и не обременена кучею малолѣтокъ, я никогда не встрѣчалъ не только нищеты, но и большаго недостатка. Если и есть въ чемъ упрекнуть нашихъ крестьянокъ, такъ это въ пристрастіи подражать городской модѣ, которая ихъ ничуть не красить и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приводитъ къ лишнимъ расходамъ.

Чаще всего я любилъ ходить въ деревню Ратново, отстоящую отъ Углича въ шести верстахъ. Тутъ въ небольшомъ домикѣ жили двѣ вдовы—свекровь и невѣстка. Обѣ женщины, и старая и молодая, были очень скромныя, набожныя и вмѣстѣ съ тѣмъ добрыя. Имѣя маленькій достатокъ, онѣ жили расчетливо, но и не скупо. Исполняя по своимъ силамъ крестьянскія работы, онѣ не пропускали ни одного праздника, чтобы поочередно не посѣтить храмъ Божій, хотя ближайшая отъ ихъ деревни церковь находилась въ городѣ; въ избушкѣ своей онѣ всегда соблюдали такую тщательную чистоту и аккуратность, что никогда не замѣтишь нигдѣ грязнаго пятнышка. Я всегда любовался на эту тихую и скромную жизнь. Въ избѣ у нихъ на первомъ планѣ привлекали взоръ висѣвшія въ переднемъ углу дорогія, старинныя иконы въ окладахъ и въ хорошихъ кіотахъ, передъ которыми постоянно теплились лампады; у перегородки отъ кухни находился порядочный шкафчикъ, всѣ полки котораго заставлены были чайными чашками, стаканами и другою посудою, а на шкафѣ лежало болѣе чѣмъ полсотни книгъ духовнаго содержанія, и всѣ эти книги были въ прочныхъ переплетахъ и содержались въ аккуратности и чистотѣ. Эти двѣ вдовы—свекровь и невѣстка, жили настолько мирно между собою, что я рѣдко встрѣчалъ подобную жизнь. Въ зимнее время, кромѣ обыкновенной работы по своему небольшому хозяйству, младшая, то-есть невѣстка, занималась еще обученіемъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, которыхъ въ то время, какъ я къ нимъ ходилъ, у нея училось шесть мальчиковъ.

Въ другихъ губерніяхъ, особенно въ Тверской и Новгородской, нанимаютъ прихожихъ учителей; но у насъ этого нѣтъ. У насъ чуть не въ каждой деревнѣ можно найти грамотниковъ и грамотницъ. И вотъ вслѣдствіе того, что сельскія школы, да и въ настоящее время устроиваемыя церковно-приходскія, въ иныхъ мѣстахъ находятся на довольно порядочномъ разстояніи, то волей-неволей крестьяне принуждены бываютъ отдавать дѣтей для обу-

этомъ о
что я б
съ товар
ствіе че
дить съ
за каку
долю въ
снѣгомъ
неболь
цати в
деревня
въ каж
нанемъ
И вотъ
выспра
всегда
объ их
что кр
не бѣ
щихся
съ дѣ
и вын
жая с
город
при б
болѣе
носит
матері
ни о
лочи
ство,
спозн
трак
вают
кіе и
отдал
смѣл
быва
чаѣ
себѣ
о в
тру
дал
пол

вольно-
…адковъ.
называемый
…. изъ всѣхъ
постоянныхъ
… него, никто
… менно работой
…ниемъ времени
… самъ отъ нея
… его угостить
… этихъ
… изъ

Въ каморку съ тремя столиками, за однимъ изъ которыхъ я пилъ чай, приходитъ довольно пожилой крестьянинъ и, заказавъ себѣ тоже чаю, спрашиваетъ половаго:

— А что здѣсь ли этотъ самый, что у васъ прошенья-то пишетъ?

— Александръ Григорьевичъ?

— Да. Какъ его зовутъ?

— Александръ Григорьевичъ Сладковъ.

— Ну, вотъ онъ самый и есть.

— Здѣсь онъ?

— Здѣсь.

— Нельзя ли его сюда позвать? У меня до него есть дѣльцо.

— Ладно, скажу. А еще чего надо? Сороковочку надо?

— Нѣтъ. Погодимъ еще сороковочку-то. Опосля.

Половой ушелъ и минутъ черезъ пять вернулся съ чаемъ.

— Сказалъ?—спрашиваетъ мужичекъ.

— Сказалъ. Придетъ.

Еще черезъ пять минутъ является и Сладковъ.

— Ну, кто тутъ меня звалъ?—говоритъ онъ.

— Да вотъ я, батюшка, Александръ Григорьевичъ,—отвѣчаетъ мужикъ.—У меня до васъ есть дѣльцо.

— Дѣльцо есть? Ну, ладно. Да что-жъ у тебя и чай-то на одного заказанъ? А еще о дѣлѣ толковать зовешь. Впрочемъ, я чаю-то не хочу, а вотъ водочки бы купилъ, такъ складнѣе было бы толковать о дѣлѣ-то.

— Да ужь это мы, батюшка, Александръ Григорьевичъ, на счетъ водочки-то такъ послѣ. Мы за этимъ не постоимъ. А теперь вотъ не угодно ли со мной чашечку чайку, да немножечко потолкуемъ.

— Э, да ты, я вижу, мужикъ-то самъ пройдоха. Ну, да ладно. Я такихъ-то люблю. Съ такими скорѣе пиво сваришь. Разсказывай, что у тебя за дѣло, — говорилъ Сладковъ, усаживаясь къ столу.

Крестьянинъ началъ разсказывать ему о своемъ дѣлѣ. У него вышла какая-то неурядица при раздѣлѣ съ братомъ-солдатомъ.

Всю суть дѣла я не могъ слышать, такъ какъ сначала мужичекъ говорилъ очень тихо, но потомъ до меня ясно доносились слѣдующія фразы:

— Вѣдь ты подумай,—толковалъ онъ,—братъ маленькій былъ, а я работалъ. Братъ въ службѣ служилъ, а я все работалъ, все пріобрѣталъ, все строилъ. А міръ-то вонъ какъ говоритъ, все поровну. Развѣ это законъ? Да и волостной-то у насъ такой же. Теперь вотъ и судись, какъ знаешь. Куда теперь обратиться-то?

— Нужно подать прошеніе въ уѣздный земскій судъ, — безапелляціоннымъ тономъ говорилъ Сладковъ.

— Такъ. А я думалъ къ мировому?

— Нѣтъ. Мировой тутъ не причемъ.

— Такъ. Ну, а сколько же, батюшка, ты возьмешь съ меня за это прошеніе?

— Цѣлковый—рубль.

— Цѣлковый? Нѣтъ, ужъ такъ-то очень дорого, Александръ Григорьевичъ. Ты возьми-ка подешевле.

— А сколько же ты дашь? Вѣдь тутъ надо до тонкости дѣло-то разобрать.

— Да оно, такъ-то, такъ, конечно, надо написать порядкомъ,— вытягивая каждое слово, говорилъ мужикъ. — Да это ужъ очень дорого.

— Ну, такъ по-твоему сколько же? Говори! А то меня вонъ въ ту каморку еще звали.

— Да, положимъ, у васъ дѣла есть. Какъ не быть дѣла у такого человѣка. Да только цѣлковый-то, все-таки, дорого. Нельзя ли подешевле?

— Да что же ты не говоришь, сколько дашь? Вѣдь не двугривенный же съ тебя взять.

— Само-собой не двугривенный. Да и такъ-то ужъ дорого.

Произошла пауза. Сладковъ понялъ, что мужикъ кремень.

— Ну, вотъ, что,—началъ онъ,—я вижу, что человѣкъ ты не очень богатый, да при томъ же тебя обижаютъ; а я такихъ-то вотъ какъ жалѣю... Такъ я ужъ хочу тебѣ помочь. Я возьму теперь съ тебя полтинникъ, да сороковку водки разопьемъ. А тамъ, какъ дѣло пойдетъ, такъ ты меня и опять угостишь.

— На этомъ, батюшка мой, спасибо. Дай Богъ вамъ добраго здоровья. А что тамъ на счетъ угощенья, такъ мы во всякое время, лишь бы дѣло-то пошло. А теперь, вотъ, Александръ Григорьевичъ, ты возьми съ меня три гривенничка, да по стаканчику водочки выпьемъ. Вотъ и ладно будетъ.

Сладковъ съ полминуты подумалъ и, вѣроятно, сообразивъ, что отъ мужика больше не вымолотишь, махнулъ рукою и сказалъ:

— Ну, давай. Посылай за бумагой, сейчасъ накатаю.

— Да ты хошь и не торопись, только напиши получше.

— У меня будетъ и скоро и хорошо. Посылай за бумагой, да требуй водки.

Мужикъ постучалъ о чайникъ и велѣлъ половому принесть листъ бумаги и два стакана водки.

Сладковъ всталъ и чрезъ минуту вернулся съ чернильницей и перомъ.

Но эти адвокаты еще не большое зло въ нашемъ городѣ. Гораздо вреднѣе ихъ постоянно ютящіеся въ томъ же Проходномъ трактирѣ маклаки-барышники, торгующіе разнымъ старьемъ; они дѣйстви-

тельно являются какими-то вампирами бѣдноты и особенно тѣхъ, которые пристрастны къ чарочкѣ.

За отсутствіемъ въ нашемъ городѣ ссудныхъ кассъ, бѣднота частенько принуждена бываетъ прибѣгать къ ростовщикамъ, ремесломъ которыхъ у насъ занимаются очень многіе, и не только простые граждане, но и лица благороднаго званія. Но, по крайней мѣрѣ, крупные ростовщики, если и берутъ съ своихъ жертвъ неимовѣрные проценты, то, въ сущности, почти никогда не поступаютъ такъ нахально-безчестно, какъ упомянутые мною маклаки-барышники, которые ведутъ свои дѣла преимущественно съ мастеровыми и рабочими, принимая отъ нихъ разную, иногда послѣднюю, одежду и выдавая имъ копеечныя ссуды. Не говоря уже о томъ, что за выданный подъ какой нибудь залогъ полтинникъ они не возьмутъ меньше двугривеннаго процентовъ за одну недѣлю, они часто совсѣмъ не возвращаютъ вещей, если послѣднія представляютъ стоимость. При этомъ они всегда избѣгаютъ отвѣтственности потому, что принимаютъ вещи и даютъ деньги гдѣ нибудь за угломъ одинъ на одинъ.

Между угличскими торговцами, особенно такъ называемыми холщевниками, скупающими холстъ, пряжу, ленъ и пр. произведенія, съ давнихъ временъ существуетъ особенный разговорный языкъ, называемый «масовскимъ». Хотя этотъ языкъ далеко не полный, но все-таки говорящіе на немъ могутъ объясняться между собою такъ, что ихъ разговоръ для другихъ будетъ не совсѣмъ понятенъ.

Мнѣ еще въ дѣтствѣ очень часто приходилось слышать разговоры на этомъ языкѣ; но я запомнилъ лишь очень немногія слова, да и ихъ на чужбинѣ скоро забывалъ.

На этотъ же разъ мнѣ вздумалось не то, что выучить масовскій языкъ, а записать всѣ существующія въ немъ слова, съ намѣреніемъ доставить это кому нибудь изъ филологовъ, какъ матеріалъ. Но при моемъ положеніи мнѣ трудно было этого добиться. Даромъ со мною заниматься никто не хотѣлъ, а заплатить или, по крайней мѣрѣ, угостить за подобное занятіе у меня не было средствъ.

Наконецъ, случай мнѣ помогъ. Однажды я встрѣтился съ купцомъ И. И. Пивоваровымъ, съ которымъ мой отецъ болѣе двадцати лѣтъ ѣздилъ торговать по ярмаркамъ, и попросилъ его сообщить мнѣ все, что онъ зналъ изъ этого оригинальнаго лексикона. Пивоваровъ отнесся къ моей просьбѣ благосклонно и, не брезгуя мною, приглашалъ иногда съ нимъ попить чаю и тутъ же сообщалъ мнѣ извѣстныя ему масовскія названія. Такимъ образомъ, я собралъ отъ него болѣе четырехъ сотъ словъ, изъ которыхъ чуть не половина относилась къ названіямъ чиселъ и денежныхъ знаковъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, этотъ тощенькій словарь я, при содѣйствіи Ар. Ар. К—ка, доставилъ Я. К. Гроту, который намѣренъ былъ помѣстить его въ областной словарь.

И въ прежнее время, когда мнѣ приходилось проживать на родинѣ, я не много видалъ красныхъ дней; но все же иногда мнѣ случалось бывать въ обществѣ и видѣть кое-какія развлеченія; а на этотъ разъ для меня только и были доступны «Батумъ» да грязные трактиры.

По своему положенію и по костюму, я не могъ бывать ни на церковныхъ торжествахъ, которыя у насъ происходятъ очень часто и всегда привлекаютъ множество богомольцевъ, особенно женщинъ и дѣвицъ, являющихся на эти торжества непремѣнно въ самыхъ модныхъ и новыхъ костюмахъ, ни на гуляньяхъ, устроиваемыхъ въ городскомъ саду и другихъ мѣстахъ. Также мнѣ ни разу не удалось быть въ нашихъ общественныхъ собраніяхъ или какихъ либо учрежденіяхъ, хотя вышеупомянутый Пивоваровъ и предлагалъ мнѣ поинтересоваться, послушать въ городской управѣ разсужденія нашихъ гражданъ о городскихъ дѣлахъ.

Однажды, я только заинтересовался судомъ надъ монахами Алексѣевскаго монастыря и зашелъ въ камеру мирового судьи послушать дѣло о кражѣ денегъ и разныхъ вещей у сборщика-монаха. Тутъ, на судѣ, въ качествѣ свидѣтелей, фигурировало болѣе десятка старыхъ и молодыхъ монаховъ и другихъ духовныхъ лицъ, состоящихъ въ монастырѣ подъ началомъ. Но такъ какъ въ числѣ обвиняемыхъ находился одинъ мальчикъ, сынъ священника, т. е. лицо, принадлежащее къ привилегированному сословію, и мировой судья не могъ его судить въ взводимомъ на него преступленіи, то дѣло окончательно и не разбиралось, а перешло къ судебному слѣдователю.

Въ мартѣ мѣсяцѣ кончался годъ со дня моей высылки изъ Петербурга, и я могъ опять туда явиться; но у меня не было ни денегъ, ни паспорта, ни одежды.

Я обратился опять къ К., прося его помочь мнѣ въ этой нуждѣ, и онъ выслалъ мнѣ шесть рублей. Изъ этихъ шести рублей я, заплативъ въ нашей мѣщанской управѣ числящіяся за мной недоимки и выправивъ годовой паспортъ, на остальныя деньги встрѣтилъ наступившую Пасху.

Прошелъ первый и второй день праздника, а на третій я рѣшилъ отправиться обратно въ Петербургъ.

Костюмъ мой былъ совсѣмъ худъ. Онъ состоялъ изъ нижняго бѣлья, рванаго пальто, такой же фуражки и опорковъ; а въ карманѣ денегъ находилось только одиннадцать копеекъ; но я рѣшилъ, во что бы то ни стало, пуститься въ путь, и во вторникъ на Пасхѣ вышелъ изъ Углича по Ростовской дорогѣ.

Н. Свѣшниковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЭСТОНСКІЕ ПОЛУВѢРЦЫ.

Историко-этнографическій этюдъ.

(Посвящается памяти бывшаго эстляндскаго губернатора князя С. В. Шаховского).

Судьбы русскихъ поселеній въ Прибалтійскомъ краѣ весьма своеобразны. Едва успѣли русскіе обосноваться на балтійскомъ поморьѣ, за Пейпусомъ и Наровой, какъ столкнулись уже съ иноземными рыцарями, явившимися на балтійскую окраину насаждать свою культуру, а вмѣстѣ съ нею и вѣру, сначала по католическому, а потомъ по лютеранскому обряду. Столкновеніе двухъ противоположныхъ другъ другу міровъ — православно-русскаго и лютеранско-нѣмецкаго — породило взаимную борьбу, которая тянется въ теченіе столѣтій и по настоящее время съ неуклонной настойчивостью, свойственной тевтонской рассѣ съ одной стороны и непослѣдовательностью и недостаточной энергіей, присущими славянской натурѣ — съ другой. Балтійскій край онѣмечился изстари и, ставъ неразрывной въ политическомъ отношеніи частью русскаго государства, явился столь успѣшно онѣмеченной окраиной, что даже нѣкоторые искони русскіе въ немъ поселенцы сдѣлались почти совсѣмъ иноземцами—лютеранами, представляя собой въ высшей степени любопытное культурно-этнографическое явленіе.

Мы говоримъ о такъ называемыхъ «полувѣрцахъ» Эстляндской губерніи, о которыхъ врядъ ли имѣютъ точное понятіе наши читатели.

Что же это за «полувѣрцы?».

У нихъ своя исторія, полная трагизма...

Тихо и незамѣтно совершался ростъ нашей земли. Племя славянское, какъ наиболѣе сильное и многочисленное изъ всѣхъ населявшихъ великую равнину Русской земли, двигалось на сѣверъ, на западъ, на востокъ, постепенно одолѣвая громады пространства, заселяя дикія мѣстности и скрѣпляя воедино нашу землю. Встрѣчаясь съ иноземными племенами, славяне селились возлѣ нихъ и частью мирнымъ путемъ, частью оружіемъ, подчиняли ихъ своему господству, такъ что иноземныя племена сливались съ славянскимъ. Съ нѣкоторыми же сводили они тѣсную дружбу и братски сближались. Такъ постепенно росла и крѣпла Россія.

То же происходило и на балтійскомъ поморьѣ. Тѣми же путями совершалось и крѣпло политическое и культурное сростаніе его съ той землей, съ которой эта окраина и безъ того составляла одно географическое цѣлое. Продолжая свое колонизаторское движеніе на сѣверозападъ, русскіе перешли чрезъ Нарову и озеро Пейпусъ и стали селиться рядомъ съ чудью. Вѣрные своему національному типу, съ неизсякаемымъ запасомъ добродушія и терпимости, русскіе не навязывали языческой чуди своей вѣры. И вѣра и культура колонизаторовъ усвоялись язычниками постепенно, незамѣтно для нихъ самихъ, путемъ ассимиляціи и нравственнаго воздѣйствія. Не даромъ эстонскія пѣсни и легенды сохранили воспоминанія о русской вѣрѣ, какъ «вѣрѣ правой», «вѣрѣ мирной», въ противоположность вѣрѣ «господской», то-есть лютеранской...

Но вотъ этотъ мирный процессъ сліянія балтійской окраины съ землей Русской былъ прерванъ пришельцами изъ-за моря.

Это были нѣмецкіе рыцари, явившіеся въ Балтійскій край просвѣщать язычниковъ и насаждать среди нихъ огнемъ и мечомъ христіанство, сначала по католическому, потомъ по лютеранскому обряду.

Насиліе подчиняетъ внѣшнимъ образомъ, но не покоряетъ внутренно. Поработительныя стремленія рыцарей увеличили обаяніе мирныхъ русскихъ сосѣдей. Духовную связь порабощенныхъ нѣмцами эстовъ съ Русью питали и поддерживали тѣ многочисленные русскіе поселки, которые выросли вдоль всего восточнаго края завоеванной нѣмцами земли.

Уже въ XIII вѣкѣ упоминаются въ мѣстахъ, соприкосновенныхъ съ извѣстной въ Эстляндской губерніи (въ Везенбергскомъ уѣздѣ) мѣстностью Пюхтицой, тѣ самыя деревни, какія существуютъ и понынѣ. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, русскіе, селясь рядомъ съ финнами, сохранили древнія названія финскихъ деревень. Такъ и понынѣ по берегамъ Пейпуса и Наровы расположены рус-

скія деревни съ православнымъ населеніемъ (Кургуя, Олешница, Обхонь, Ременникъ, Смольница, Сыренецъ, Ямы, Карель, Князь-Село, Верхнее-Село и пр.). Особенно извѣстны въ Эстляндской губерніи двѣ русскія деревни—Овсово (Agusala) и Пюхтица (Sompa), изъ которыхъ и образовался особый Пюхтицкій приходъ.

Борьба съ русскимъ началомъ въ краѣ со стороны заморскихъ рыцарей-пришельцевъ возникла тотчасъ по ихъ появленіи на балтійскомъ берегу. Съ неустанной настойчивостью, о которой мы упоминали выше, старались они расширить сферу своего нравственнаго вліянія и уничтожить мѣшавшихъ имъ русскихъ насельниковъ. Рыцари дѣлали для этого набѣги на сосѣднюю Псковскую землю, какъ искони православную. Инокъ Псково-Печерскаго монастыря Варлаамъ (въ XVI вѣкѣ) занесъ въ свое повѣствованіе разрушеніе нѣмцами, въ мирное время, православныхъ церквей на о. Межѣ (1459 года) и о. Колпинѣ (1463 года) и жестокое избіеніе русскихъ на берегахъ рѣки Эмбаха (поэстонски Emagögi, то-есть рѣка-мать), во время крещенскаго водосвятія, 6-го января 1472 года [1].

Чѣмъ болѣе тѣснили нѣмцы эстовъ, которымъ навязывали силою сначала католичество, потомъ, въ XVI вѣкѣ, съ присоединеніемъ балтійскихъ рыцарей къ реформатскому движенію, лютеранство, не заботясь о томъ, понимаетъ ли презираемый ими народъ навязываемое ему вѣроученіе, тѣмъ все болѣе росло обаяніе русскихъ, въ особенности съ приливомъ новыхъ поселенцевъ въ завоеванную нѣмцами окраину. Эти піонеры русскаго дѣла, способствовавшіе скрѣпленію балтійской окраины съ землею, были, по большей части, недовольные порядками «на Москвѣ» либералы своей эпохи, а также и раскольники, скрывавшіеся отъ преслѣдованій куда глаза глядятъ. Какъ смотрѣли на все это пришлое населеніе русскихъ колонизаторовъ нѣмцы-завоеватели, видно изъ весьма любопытнаго свидѣтельства, хранящагося въ архивѣ эстляндской консисторіи въ Ревелѣ и приводимаго покойнымъ М. Н. Харузинымъ въ его прекрасной брошюрѣ о Пюхтицѣ. Это одинъ изъ визитаціонныхъ [2]) протоколовъ одного изъ лютеранскихъ пасторовъ за 1608 годъ. Вотъ что, между прочимъ, говорится въ этомъ протоколѣ: «при Изакской капеллѣ (близъ Пюхтицы) есть нѣкоторые крестьяне, говорящіе почти исключительно порусски... Такъ какъ они служатъ большимъ соблазномъ и не безпокоятся тѣмъ, что платятъ 2 рейхсталера штрафа, лишь бы избавиться отъ (лютеранской) молитвы, то я опасаюсь, что многіе другіе могутъ послѣдовать ихъ примѣру... На русской границѣ,—продолжаетъ пасторъ,—есть многія деревни, которыя не принадлежатъ ни къ какой церкви (то-есть ни къ какому лютеранскому приходу) и дерзнули (sic) по-

---

1) М. Н. Харузинъ, «Пюхтица—святое мѣсто», Ревель, 1888 года.
2) То-есть протоколъ объѣзда прихода.

строить русскую часовню, которою завѣдуетъ живущій за границей русскій священникъ. Въ имѣніи Сомпе, въ деревнѣ Каружѣ (при Наровѣ) есть пара семействъ ryskolsky (раскольники?), родомъ русскіе, имѣющіе особую вѣру... Я покорнѣйше прошу,—заключаетъ протоколъ пастора,—дать въ мое распоряженіе средства, коими ихъ можно было бы **искоренить»** (sic).

Этотъ документъ, являющійся отзвукомъ господствовавшихъ въ краѣ отношеній между иноземцами-покорителями и русскими колонистами-поселенцами, на столько характеренъ, на столько краснорѣчивъ и откровененъ, что не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ...

Съ присоединеніемъ, въ прошломъ вѣкѣ, Прибалтійскаго края къ Россіи, можно было ожидать коренныхъ измѣненій въ отношеніи прежнихъ пришлецовъ, русскихъ колонистовъ, относительно бывшихъ хозяевъ балтійскаго поморья: послѣдніе утратили свое первенствующее значеніе, первые должны были сдѣлаться господствующимъ элементомъ въ краѣ.

Этого можно было ожидать, но этого не было. Всѣмъ извѣстенъ длинный періодъ времени, протекавшаго на нашихъ глазахъ къ полному благополучію балтійскихъ нѣмцевъ, поставленныхъ, въ силу господствовавшихъ тогда вѣяній, въ положеніе почти настолько привиллегированное, что перемѣна политической власти въ странѣ не нарушила ихъ первенствующей роли на балтійскомъ поморьѣ. Мѣстные представители баптизма старались попрежнему «искоренять» русскіе элементы въ странѣ, давно ставшей русской, и упорно подавлять все то, что мѣшало ихъ полному господству въ краѣ. Прежніе грубые пріемы борьбы, свойственные эпохѣ, измѣнились и уступили мѣсто болѣе культурнымъ пріемамъ. Бывшіе штрафы, взимаемые съ русскихъ колонистовъ, не желавшихъ посѣщать лютеранское богослуженіе, замѣнились повинностями въ пользу кирки и пасторовъ, отбываемыми русскими наряду съ эстонцами, а «искорененіе» русскаго духа уступило мѣсто обэстониванію русскихъ людей при помощи усиленной лютеранской проповѣди.

Послѣ Сѣверной войны приливъ русскихъ въ мѣстности, сосѣднія съ Пюхтицей, усилился. Изъ-за Чудского озера приходятъ сюда селиться крестьяне—рыболовы и хлѣбопашцы; укрываются здѣсь и бѣглецы отъ рекрутчины и барщины, живя въ лѣсахъ и болотахъ и занимаясь разбоемъ.

На Пюхтицкій край, какъ на главный пунктъ русскаго элемента въ Эстоніи, прибалтійцы обратили свое особое вниманіе. Всячески старались они устранить съ своего пути этотъ непріятный для ихъ цѣлей факторъ. Въ 1738 г. нѣкто Борге, студентъ Галльскаго университета, приглашается пасторомъ въ Іевве и Изакъ, опорные пункты нѣмецкаго вліянія на Пюхтицкій край, съ условіемъ, однако, изучить русскій языкъ. Въ 1741 г. приглашается сюда па-

сторомъ нѣмецъ Гольцъ, которому вмѣняется въ обязанность не оставлять прихода въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду. Въ 1738 г. консисторія проситъ тогдашняго эстляндскаго генералъ-губернатора заставить русскихъ іеввецкаго прихода отбывать повинности наравнѣ съ лютеранами, въ пользу кирки и пастора. Ходатайство это было, увы, уважено.

Такова была новая система борьбы балтійцевъ съ русскимъ элементомъ и православіемъ. Прежніе простые способы борьбы, построенные на грубой силѣ, отжили и уступили болѣе тонкимъ пріемамъ, свойственнымъ эпохѣ.

Эти пріемы продолжались до самаго послѣдняго времени.

Такимъ образомъ русскіе колонисты, переплывъ Чудское озеро, вдругъ попали въ кабалу лютеранскихъ пасторовъ, совершенно незамѣтно для себя. Отсутствіе православной церкви невольно направило ихъ къ киркѣ, гдѣ пасторы ихъ ожидали съ русскою рѣчью на устахъ, дѣлая, такимъ образомъ, переходъ въ лютеранство почти незамѣтнымъ. Чтобы облегчить его еще болѣе, въ Изакѣ конфирмація, вплоть до 1867 г., совершалась исключительно на русскомъ языкѣ.

Не мудрено, если русскіе теряли свою вѣру и національность на балтійскомъ поморьѣ. Борьба была слишкомъ неравна, и силы балтійцевъ, конечно, должны были пересилить силы русскихъ колонистовъ.

Поѣзжайте въ Эстонію и присмотритесь къ Пюхтицкому краю. Здѣсь вы будете поражены тѣмъ явленіемъ, о которомъ мы говорили съ первыхъ строкъ нашего очерка. Здѣсь встрѣтите вы среди мѣстныхъ крестьянъ, эстонцевъ, напоминающихъ собою великорусскій этнографическій типъ. Вы обращаетесь къ этимъ съ виду русскимъ съ русской рѣчью. Они бойко и охотно отвѣчаютъ вамъ порусски же. «Вы русскіе?»—спрашиваете вы у нихъ.—«Нѣтъ, мы не русскіе,—отвѣчаютъ они вамъ,—мы полувѣрцы». Эти «полувѣрцы» отличаютъ себя отъ русскихъ, отъ сосѣднихъ эстонцевъ.

Кто же эти таинственные пришлецы? Откуда они?

Это потомки олютераненныхъ русскихъ колонистовъ прежней эпохи, о которыхъ мы говорили, слѣдя за ихъ появленіемъ на балтійскомъ поморьѣ отъ временъ полулегендарной старины.

Какъ знаменателенъ этотъ фактъ! Какъ онъ оригиналенъ и поучителенъ!

Народность и вѣра — двѣ силы столь другъ другу родственныя, столь неразрывно связанныя другъ съ другомъ, что отпаденіе отъ даннаго исповѣданія влечетъ за собой и потерю даннаго національнаго типа. Возьмите француза, нѣмца, англичанина, убѣдите ихъ перестать преклоняться предъ папствомъ, чтить законъ Лютера и соблюдать догматы «высокой церкви», словомъ отторгните ихъ отъ ихъ церквей, отъ единства съ ихъ братьями по вѣрѣ, и вы увидите, какъ

ихъ дѣти, внуки, потомки потеряютъ мало-по-малу свой національный типъ и станутъ походить этнографически на тѣхъ, чью вѣру будутъ исповѣдывать, взамѣнъ той, отъ которой отреклись.

То же было и съ эстляндскими «полувѣрцами».

Ставъ волею судьбы въ силу необходимости, рокового гнета сильнаго надъ слабымъ, подъ защиту кирки, русскіе Пюхтицкаго края, столь успѣшно боровшіеся противъ навязываемой имъ культуры, утратили вмѣстѣ съ православіемъ и свой національный типъ. Прежде они боролись, во имя православія, съ балтійскими насельниками, боролись упорно и сохраняли свою русскую сущность. Но едва только уступили силѣ, хитрости, ухищреніямъ болѣе культурно ихъ развитаго врага и окончательно погибли для русскаго дѣла, перестали быть русскими.

А какъ сильно было русское населеніе въ Пюхтицкомъ краѣ, видно изъ того, что здѣсь до сихъ поръ встрѣчаются, среди самыхъ чистокровныхъ эстонцевъ лютеранъ, много прозвищъ, гдѣ русское овъ придѣлано къ мѣстному корню.

Вернемся, однако, къ «полувѣрцамъ».

Интересно прежде всего опредѣлить, насколько же они перестали быть русскими.

Съ виду они, какъ мы уже сказали, еще похожи на великоруссовъ (современемъ они, несомнѣнно, окончательно утратятъ свой національный типъ), русской рѣчью они еще хорошо владѣютъ. Старые «полувѣрцы» не всѣ знаютъ эстонскій языкъ; есть даже такіе, которые и вовсе его не знаютъ, но молодое поколѣніе хорошо говоритъ уже поэстонски, хотя и примѣшиваетъ иногда русскія слова. Прозвища «полувѣрцы» носятъ русскія: Андреевъ, Заболотный, Тетеркинъ, Зеленый, Рябина, Бѣляевъ, Писаревъ, Ивановъ и т. п. Домашній ихъ бытъ носитъ русскій отпечатокъ.

Съ вышеуказанныхъ сторонъ «полувѣрцы» во многомъ сохранили свою русскую, присущую имъ по природѣ внѣшность, но по духу, по внутреннему складу, стали лютеранами.

Не будемъ торопиться и осуждать этихъ несчастныхъ отступниковъ отъ родной вѣры! Что могла сдѣлать здѣсь, на балтійскомъ прибрежьѣ, горсть смиренныхъ, темныхъ русскихъ крестьянъ, очутившихся въ странѣ иноплеменной, съ сильной культурой, подъ натискомъ безпощадныхъ пришельцевъ изъ-за моря и умственно развитыхъ пасторовъ? Оторванные отъ родины очутились здѣсь русскіе пришельцы безъ нравственной поддержки, безъ руководительства, въ странѣ съ чуждымъ русскому сердцу складомъ, въ странѣ, гдѣ мало православныхъ храмовъ. Потребность молитвы, потребность таинствъ не могла быть удовлетворяема по православному обряду. Кирка увлекла къ себѣ «заблудшихъ овецъ», оставившихъ далеко-далеко за собою родное стадо, — и вотъ почва, на которой совершился переходъ русскихъ мужиковъ въ лютеранство.

Не ищите здѣсь никакой нравственной борьбы, «жажды истины», «мятущейся совѣсти», обычныхъ аттрибутовъ раскола. О, нѣтъ, не ищите этого, все дѣло здѣсь гораздо проще и тѣмъ трагичнѣе, какъ трагична реальность съ ея ужасающей правдой: «полувѣрцевъ» принудили сдѣлаться лютеранами — и только.

Принужденіе это дѣлалось незамѣтно, нескоро, исподволь... Долго безсильно старались русскіе крестьяне, занесенные въ Остзейскій край велѣніемъ злой судьбы, высвободиться изъ крѣпкихъ, но не дружескихъ объятій душившаго ихъ лютеранства, выказывая свою привязанность къ родной церкви. Но несчастные всюду встрѣчали отпоръ въ ихъ желаніи молиться въ православномъ храмѣ. Такъ, напримѣръ, въ семидесятыхъ годахъ, русскіе крестьяне просили по начальству о сооруженіи православной церкви въ имѣніи Ментокъ. Прошеніе было сначала уважено, сооруженіе церкви началось, но нѣмецкая интрига успѣла помѣшать ея окончанію. Русскихъ стали еще съ большей энергіей загонять въ лютеранскую кирку вмѣстѣ съ эстонцами.

Сдѣлавшись, однако, лютеранами, «полувѣрцы» до сихъ поръ не могутъ освободиться отъ укоренившагося въ православіи почитанія Пресвятой Богородицы и св. иконъ. Въ любой полувѣрческой семьѣ можно встрѣтить иконы, изгнанныя изъ реформатской церкви.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что къ лютеранству «полувѣрцы» вообще не льнутъ и, такъ сказать, держатся его формально. Въ 1884 году, напримѣръ, въ Іевве, главномъ пунктѣ нѣмечества въ Июхтицкомъ краѣ, лютеранская школа закрылась, «за недостаткомъ учениковъ», какъ говорили балтійцы, а между тѣмъ въ основанную въ томъ же Іевве, въ 1887 г., русскую школу былъ такой наплывъ учениковъ изъ «полувѣрцевъ» и даже настоящихъ лютеранъ, что пришлось многимъ отказать въ пріемѣ.

И тѣмъ не менѣе, однако, «полувѣрцы» не считаютъ себя русскими, какъ не считаютъ ихъ русскими и ихъ русскіе сосѣди, живущіе бокъ-о-бокъ съ ними. За смѣшеніе лютеранскихъ догматовъ съ основами православія они называютъ ихъ «полувѣрцами» или «полувѣрниками». Названіе это вошло даже и въ эстонскую рѣчь въ видѣ слова «poluvernikud».

Пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, и «полувѣрцы» станутъ еще менѣе русскими, а чрезъ полстолѣтіе и совсѣмъ—увы!— онѣмечатся. И теперь изакскіе полувѣрцы уже называютъ себя эстонцами, бреютъ по эстонскому обычаю усы, носятъ эстонское платье, и есть между ними такіе, которые совсѣмъ плохо уже говорятъ порусски.

Самая большая часть «полувѣрцевъ», 13,000 чел., живетъ въ Псковскомъ уѣздѣ, на рубежѣ Лифляндіи. Въ юго-восточномъ углу Эстляндской губерніи, въ вышеупомянутомъ Изакскомъ приходѣ, ихъ

насчитывается до 5,000. У эстляндскихъ полувѣрцевъ ихъ вѣра носитъ названіе «старой іеввенской вѣры», въ виду чего можно предполагать, что значительная часть жителей восточной части Эстляндіи, обнимающая лютеранскіе приходы Іеввенскій, Вайварскій и Изакскій, принадлежала къ нимъ.

Къ полувѣрцамъ можно отнести также и 500 эстовъ-лютеранъ, жившихъ въ половинѣ настоящаго столѣтія въ Гдовскомъ уѣздѣ.

Всмотримся внимательнѣе въ полувѣрцевъ Пюхтицкаго края, которыми мы главнымъ образомъ заняты. Когда вы прислушаетесь къ ихъ русской рѣчи, вы удивитесь смѣшенію чисто русскихъ словъ и оборотовъ съ таковыми же эстонскими и чудскими.

Одежда полувѣрцевъ походитъ на одежду ижорянъ. Верхняя называется «рядокъ» или «рядень» (эст. ruib). На головѣ у женщинъ—«повой», кичка, обтянутая полотенцемъ, концы котораго лежатъ на спинѣ.

Жилища полувѣрцевъ по внѣшнему виду напоминаютъ общій типъ сельскихъ строеній Прибалтійскаго края, по внутренности же похожи на русскія избы въ Петербургской и Псковской губерніяхъ: печь съ каменкою, въ переднемъ углу иконы или только полки, предназначенныя для иконъ.

Изакскіе полувѣрцы живутъ въ деревняхъ: Изакъ, Іовкуль, Замошье, Имута, Порсково, Селаку, Симорокъ, Залубочье, Кейбатово, Луга, Койдамышъ и Сомпе (Пюхтица). Въ остальныхъ пунктахъ Изакскаго прихода населеніе смѣшанное—эстонское, полувѣрческое и русское. Мѣстечко Койдамышъ упоминается въ XIII вѣкѣ подъ чисто финскимъ именемъ Kaytamale.

Въ каждой изъ деревень были свои часовни. Слѣды ихъ сохранились до настоящаго времени. Въ Имутѣ часовня во имя св. Николая Чудотворца стояла, по преданію, «за могилами». У могилъ—большіе камни, въ головахъ и ногахъ. Здѣсь хоронили обыкновенно головою къ сѣверо-востоку, на глубинѣ 2—3 футовъ. На рукахъ костяковъ найдены мѣдные браслеты. Другая часовня, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ, была во имя св. Георгія Побѣдоносца. Въ третьей часовнѣ грубо сдѣлана статуя человѣка съ распростертыми руками, изображавшая также св. Георгія и называемая «поклоннымъ камнемъ» (kummardusе kiwi). Часовня была разрушена лѣтъ 50 тому назадъ, но основаніе ея до сихъ поръ существуетъ. Небольшая часовня въ селѣ Порсковѣ была разрушена изакскимъ кистеромъ Мазингомъ. При деревнѣ Іовкулѣ были двѣ часовни. Въ деревнѣ Кейбатовѣ, въ полѣ, стояла «русская часовня» съ маленькой иконой. Въ деревнѣ Рощица была икона во имя св. Георгія Побѣдоносца. При деревнѣ Изакъ, гдѣ во время шведскаго владычества стояла лютеранская капелла, также прежде находилась православная часовня, вблизи нынѣшней изакской кирки. По преданію, въ старой лютеранской капеллѣ помѣщались образа святыхъ апо-

столовъ Петра и Павла, по бокамъ, и образъ Спасителя по срединѣ. Въ новой капеллѣ, сгорѣвшей въ 1892 г., на правой стѣнѣ, ближе къ алтарю, находилась икона съ русской надписью «св. Петръ апостолъ въ темницѣ». Ясно, лютеране пользовались мѣстными православными святынями для привлеченія русскихъ въ лоно кирки.

Общимъ центромъ для молитвы у полувѣрцевъ была Богородицкая или Журавлиная гора, въ Пюхтицѣ, куда 15-го августа, въ Успеньевъ день, на праздникъ «Журавлиной Маріи» (Kurc Maarja püha), стекались всѣ окрестные жители. Особеннымъ почитаніемъ ихъ пользовался «чистый источникъ», у подножія горы. Легенда говоритъ, что изъ этого источника выходили три свѣтлыя дѣвы, въ бѣлыхъ одеждахъ, обходили кругомъ горы, потомъ останавливались все на одномъ и томъ же мѣстѣ и горько плакали. На мѣстѣ этомъ потомъ нашли будто бы икону, для которой богомольцы соорудили впослѣдствіи часовню. Время сооруженія часовни въ точности неизвѣстно. Несомнѣнно, оно совпадаетъ съ эпохой введенія здѣсь христіанства. По завоеваніи Эстоніи Пюхтицкій край перешелъ къ Даніи. До XV вѣка владѣльцы этой мѣстности неизвѣстны. Въ первую половину этого столѣтія окрестныя деревни Лехтепэ, Эдиферъ, Сомпе (Пюхтица) и Имута принадлежали роду Врангелей и Лоде. Въ 1420 г., въ договорѣ между братьями Лоде упоминается въ ихъ владѣніяхъ и церковь въ Marienma, т. е. «на землѣ Маріи», на Богородицкой землѣ, относительно которой они пользовались правомъ патронатства. Можетъ быть, эта церковь «на землѣ Маріи» и есть вышеупомянутая часовня на Богородицкой горѣ.

Въ настоящее время на Богородицкой горѣ возвышается Успенскій женскій общежительный монастырь, недавно основанный исключительно стараніями княгини Е. Д. Шаховской, нынѣ вдовы скончавшагося въ октябрѣ 1894 года эстляндскаго губернатора князя С. В. Шаховского [1]). Волею почившаго государя императора Александра III [2]) вся площадь Богородицкой горы отчуждена изъ частной собственности въ пользу православной церкви, что дало возможность Пюхтицкому монастырю окрѣпнуть и стать опорнымъ пунктомъ православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Если бы читатели знали, сколько борьбы со стороны подпольной нѣмецкой интриги пришлось претерпѣть ранѣе, чѣмъ создать православный монастырь въ центрѣ нѣмечества и лютеранства Эстляндской губерніи, они были бы поражены энергіей покойнаго эстляндскаго губернатора, князя С. В. Шаховского, и пережившей его вдовы, княгини Е. Д. Шаховской, выказавшихъ въ этомъ дѣлѣ рѣдко встрѣчающіяся въ нашемъ современномъ обществѣ качества—вѣрность своимъ націо-

---

[1]) Указы святѣйшаго правительствующаго синода 8-го іюля 1891 года (объ учрежденіи Пюхтицкой Успенской женской общины) и 19-го августа 1892 года (о возведеніи общины въ монастырь).

[2]) Высочайшее повелѣніе 29-го апрѣля 1891 г.

нальнымъ убѣжденіямъ и твердость въ достиженіи разъ намѣченной цѣли. Дѣло основанія монастыря на Богородицкой горѣ могло бы, кстати сказать, служить интересной темой особой монографіи.

У каждой деревни было свое особое кладбище. Такъ, у села Агакверъ тянется на разстояніи $1^1/_2$ верстъ такъ называемая «могильная» гора. Одно мѣсто въ сѣверной части горы называется «русскими воротами»; отсюда проникли русскіе во время борьбы Петра Великаго со шведами. Близъ дер. Іовкуль лежатъ такъ называемыя «военныя могилы»—холмики, разбросанные въ безпорядкѣ на десятинѣ земли, поросшей соснякомъ. Прежде на нѣкоторыхъ могилахъ были кресты. Говорятъ, здѣсь нѣкогда стояли двѣ арміи: одна на Арамейскихъ горахъ, другая близъ могилъ у дер. Іовкуль.

Судя по надписямъ на могильныхъ крестахъ, можно предполагать, что во второй половинѣ XVII вѣка вѣрованія и языкъ полувѣрцевъ еще не успѣли подвергнуться слишкомъ сильному измѣненію. Въ XVIII вѣкѣ, какъ видно по записямъ въ церковныхъ книгахъ, имена эстонскія и русскія употреблялись безразлично, при чемъ одно и то же имя встрѣчалось въ различной формѣ, какъ, напримѣръ, Jaan, Jaani, Janka, Januska и т. п.

Свадебные обряды полувѣрцевъ весьма характерны. Женихъ ѣдетъ со сватомъ, который входитъ въ избу подъ разными предлогами, не имѣющими отношенія до сватовства. Если родители невѣсты готовы исполнить его просьбу (починить колесо, продать теленка и т. п.), то сватъ предлагаетъ имъ вмѣстѣ выпить и зоветъ жениха, дожидающагося за дверью. Отказъ въ угощеніи равносиленъ отказу выдать дочь. Иногда женихъ смягчаетъ родителей дѣвушки деньгами (обыкновенно отъ 1 до 30 р.). По окончаніи угощенія невѣста обматываетъ подвязкой горлышко бутылки въ знакъ того, что сватовство совершилось. Прежде чѣмъ идти къ пастору обручаться, женихъ съ невѣстой должны устроить попойку роднымъ и знакомымъ. Обрученіе совершается обыкновенно въ субботу. Невѣста ѣдетъ на обрученіе съ однимъ сватомъ, женихъ слѣдуетъ за ней съ другимъ. При отъѣздѣ на обрученіе и во время свадебнаго обѣда, послѣ вѣнчанія, присутствующіе поютъ духовныя пѣсни. По окончаніи обѣда подруги невѣсты переодѣваютъ ее въ другое платье и «причитаютъ» на русскомъ языкѣ. На свадебной попойкѣ поются также русскія народныя пѣсни.

При похоронахъ у полувѣрцевъ провожающимъ покойника предлагается вареный горохъ. Тотъ же вареный горохъ вмѣстѣ съ мясомъ, пшеничнымъ хлѣбомъ и водкой подается и на могилѣ. По возвращеніи съ похоронъ домой всѣ моютъ руки въ ведрѣ, въ которое опущено серебряное кольцо: это будто бы предохраняетъ оставшихся въ живыхъ отъ посѣщеній покойника изъ загробнаго міра.

Весьма оригиналенъ также у полувѣрцевъ обычай угощенія умершихъ предковъ. Въ «день душъ», 2-го ноября, домохозяинъ сзы-

ваетъ на обѣдъ родныхъ. Когда всѣ съѣхались и размѣстились за столомъ, домохозяинъ торжественно, обращаясь въ пространство, поименно приглашаетъ къ трапезѣ отошедшихъ въ вѣчность близкихъ, до самаго отдаленнаго по времени родственника. Присутствующіе при этомъ хранятъ глубокое молчанье. Когда, по мнѣнію домохозяина, души достаточно покушали разставленныхъ на столѣ яствъ и отвѣдали питій, онъ беретъ салфетку и, тихонько махая ею въ воздухѣ, какъ бы изгоняетъ изъ избы невидимо витающія здѣсь души. Затѣмъ принимаются за ѣду и питье живые.

Наканунѣ праздника Рождества Христова полувѣрцы приносятъ въ избы солому и бросаютъ ее къ потолку. У кого къ потолку прицѣпится хоть одинъ стебель, тотъ, по убѣжденію полувѣрцевъ, въ будущемъ году умретъ.

Загадки, пѣсни, присловья, заговоры у полувѣрцевъ во многомъ тѣ же, что и у коренныхъ русскихъ.

Таковы эти оригинальные отщепенцы отъ православія, эти русскіе лютеране, отставшіе отъ родной церкви и національности и не успѣвшіе еще окончательно слиться съ нѣмечествомъ балтійскаго поморья.

С. Уманецъ.

ОЧЕРКИ КУРЛЯНДСКОЙ СТАРИНЫ [1].

(По поводу столѣтія присоединенія Курляндіи къ Россіи).

Посвящается X Археологическому съѣзду въ Ригѣ.

II.

Людовикъ XVIII въ Митавѣ.

Положеніе Европы въ 1797 году.—Французскій дворъ въ эпоху революціи.—Выѣздъ графа Прованскаго изъ Франціи.—Скитанія по Европѣ.—Императоръ Павелъ принимаетъ на русскую службу корпусъ французскихъ эмигрантовъ.—Принцъ Кондѐ.—Приглашеніе Людовика XVIII въ Россію.—Дворъ короля въ Митавѣ.—Его образъ жизни.—Рескриптъ императора графу d'Avaray.—Судьба королевской принцессы «Madame Royale».—Суворовъ въ Митавѣ.—Королева Марія-Жозефина.—Прибытіе въ Митаву Madame Royale.—Аббатъ Эджвортъ-де-Фирмонъ, послѣдній духовникъ Людовика XVI-го.—Отъѣздъ Людовика XVIII изъ Россіи.

ИСТЕКАЛЪ 1797 годъ. Пораженная Европа съ ужасомъ смотрѣла на успѣхи революціонной Франціи, побѣды которой являлись угрозой для всеобщаго спокойствія. Совершались неслыханныя событія. Корсиканскій выходецъ, «трехнедѣльный удалецъ», предписывалъ условія римскому императору: въ Кампо-Форміо, небольшомъ городкѣ сѣверной Италіи, генералъ Бонапартъ и австрійскій уполномоченный Кобенцль подписывали условія мирнаго договора, по которому имперія Габсбурговъ теряла Нидерланды, Миланъ, Мантую и уступала Франціи Іоническіе острова съ венеціанскими владѣніями въ Алба-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», LXIV, стр. 860.

ніи. Войска республики занимали Швейцарію, а Пруссія, по настоянію директоріи, требовала у герцога Браунпвейгскаго удаленія изъ его владѣній главы злополучнаго дома Бурбоновъ, графа Прованскаго, поселившагося здѣсь въ замкѣ Бланкенбургъ послѣ долгихъ скитаній по Европѣ.

Людовикъ-Станиславъ-Ксаверій графъ Прованскій, второй внукъ Людовика XV, впослѣдствіи король Людовикъ XVIII, родился въ Версали 17-го ноября 1755 года. Народный голосъ, привѣтствуя возвращеніе своего короля послѣ бурь Наполеоновской эпохи и видя въ немъ возстановителя спокойствія и мира Франціи, прозвалъ его «le désiré»—желаннымъ. Названіе это, быть можетъ, и искреннее, указывало только на настроеніе умовъ Франціи въ эпоху реставраціи; личность этого монарха этимъ совсѣмъ не выяснялась; оно не было характерно. Въ этомъ смыслѣ Людовику XVIII болѣе всего подходило бы названіе «le persévérant», ибо настойчивость и сила воли, съ которыми этотъ физически слабый и безхарактерный въ другихъ отношеніяхъ человѣкъ преслѣдовалъ свою цѣль — вернуться на престолъ Франціи, по истинѣ изумительны. Начиная съ 1791 года и до окончательнаго вступленія своего на престолъ въ 1815 году, то-есть въ теченіе почти 25-ти лѣтъ, онъ ни минуты не терялъ надежды возвратить вырванный у него революціей тронъ брата своего. За эти 25 лѣтъ революціонныхъ войнъ и блестящихъ наполеоновскихъ побѣдъ судьба видимо не благопріятствуетъ изгнаннику. Съ небольшимъ кружкомъ преданныхъ ему людей графъ Прованскій переѣзжаетъ изъ одного государства въ другое, изгоняемый то войсками французской республики, то побѣдами императора французовъ, то внезапной немилостью Павла I, лишившей его послѣдняго убѣжища въ Европѣ. Изъ Митавы онъ удаляется въ герцогство Варшавское, а оттуда въ 1805 году снова поселяется въ Митавѣ по приглашенію императора Александра, оказывающаго ему самое дружеское расположеніе. Но вотъ настаетъ 1807 годъ съ Фридландомъ и Тильзитомъ, и король, снова покинувъ Россію, отправляется сначала въ Швецію и наконецъ въ Англію, гдѣ остается до 1814 года.

Такова въ краткихъ словахъ судьба графа Прованскаго до вступленія его на престолъ Франціи въ 1814 году. Одинъ изъ этихъ эпизодовъ его скитальческой жизни, а именно пребываніе въ Митавскомъ замкѣ въ царствованіе Павла I, и составляетъ предметъ настоящаго очерка.

Со вступленіемъ на престолъ Людовика XVI, графъ Прованскій, какъ старшій братъ короля, носилъ титулъ Monsieur, frère du Roi, а затѣмъ послѣ казни брата своего считался у роялистовъ регентомъ Франціи до 1795 года, когда, со смертью малолѣтняго дофина, онъ сталъ именовать себя королемъ Людовикомъ XVIII—титуломъ, признаннымъ, однако, за нимъ Европою лишь въ 1814 году. Въ пер-

вые годы царствованія Людовика XVI-го онъ принималъ мало участія въ увеселеніяхъ игриваго и шумнаго двора Маріи-Антуанеты и предавался любимымъ своимъ занятіямъ — литературѣ и поэзіи, и, какъ говорятъ, написалъ нѣсколько весьма удачныхъ стихотвореній. Репутація его, какъ поэта, особенно утвердилась при дворѣ послѣ четырехстишія, написаннаго имъ на вѣерѣ, который онъ однажды поднесъ королевѣ, слѣдующаго содержанія:

Au milieu des chaleurs extrêmes,
Heureux d'occuper vos loisirs,
J'aurai soin près de vous d'amener les zéphirs,
Les amours y viendront d'eux-mêmes.

Послѣ этого король называлъ его не иначе, какъ mon frère le poéte. Такого рода легкая поэзія, бывшая въ то время въ большомъ ходу, не мѣшала, однако, графу Прованскому предаваться и болѣе серьезнымъ занятіямъ — изученію исторіи и географіи, которой онъ былъ большимъ знатокомъ. Владѣя въ совершенствѣ англійскимъ языкомъ, онъ перевелъ всю исторію Гиббона и съ успѣхомъ изучилъ древнихъ классиковъ; греческій и особенно латинскій языкъ онъ зналъ настолько хорошо, что, какъ говорятъ, нерѣдко приводилъ въ смущеніе знаменитаго Жанъ-Жака Руссо, указывая ему на неправильность въ его переводахъ Горація и другихъ классиковъ.

Когда въ концѣ 1789 года началась усиленная эмиграція дворянства и вслѣдъ за вторымъ братомъ короля, графомъ Артуа и его сыновьями, покинули Францію принцы Конде и Конти, герцоги Бурбонскій, Энгіенскій и Люксамбургскій, графъ Прованскій не покидалъ брата своего и оставался въ Парижѣ съ своею женою [1]). Но когда насталъ, наконецъ, 1791 годъ, когда все болѣе и болѣе разгоравшіяся революціонныя страсти побудили самого короля искать спасенія въ бѣгствѣ, графъ Прованскій тоже рѣшилъ покинуть отечество. Бѣгство короля, избравшаго путь на Шалонъ и Монмеди, какъ извѣстно, окончилось Варенской катастрофой, графъ же Прованскій, выѣхавшій съ нимъ почти одновременно, но только по другому направленію — на Суассонъ, Мобёжъ и Монсъ, благополучно прибылъ въ Бельгію, а оттуда въ Кобленцъ, главную квартиру роялистовъ. Путешествіе это, однако, едва не окончилось столь же плачевно, какъ и отъѣздъ короля, и только благодаря присутствію духа и энергіи графа д'Аварè, спутника и друга графа Прованскаго, послѣдній успѣлъ спастись отъ преслѣдованій революціонныхъ властей, которыя не преминули бы задержать и старшаго брата короля, и тогда Богъ вѣсть, какая участь могла бы ожидать его въ Парижѣ. Подъѣзжая къ Мобёжу, одному изъ послѣднихъ пунктовъ на фран-

[1]) Онъ былъ женатъ на савойской принцессѣ Маріѣ-Жозефинѣ, дочери сардинскаго короля Виктора-Амедея III.

цузско-бельгійской границѣ, путники узнали съ ужасомъ, что городъ находится на военномъ положеніи, и что по распоряженію мѣстныхъ властей всѣ путешественники, выѣзжающіе въ Бельгію, подвергаются строжайшему осмотру на военной гауптвахтѣ; проѣхать черезъ городъ, не останавливаясь, также было не возможно, такъ какъ въ виду поздняго времени городскія ворота были заперты и бдительно охранялись военнымъ патрулемъ. Оставался лишь одинъ исходъ—миновать городъ и окольными путями ѣхать прямо къ бельгійской границѣ. Когда путешественники заявили о своемъ жела-

Людовикъ XVIII (въ 1790 году).

ніи почталіону, послѣдній наотрѣзъ отказался, говоря, что на тѣхъ же лошадяхъ онъ доѣхать не можетъ, и что надо непремѣнно остановиться въ городѣ для полученія свѣжихъ лошадей. Положеніе становилось критическимъ, тѣмъ болѣе, что большинство офицеровъ мѣстнаго гарнизона знали въ лицо графа Прованскаго и случайно могли увидѣть его въ городѣ. Но здѣсь на помощь явилась находчивость графа д'Аварè: на ломанномъ французскомъ языкѣ [1]), но въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ онъ сталъ упрашивать почталіона, увѣряя его, что они ѣдутъ въ Монсъ за док-

---

¹) Путешественники ѣхали подъ именемъ англичанъ и были снабжены паспортами, выданными имъ въ англійскомъ посольствѣ въ Парижѣ.

торомъ, котораго должны привезти какъ можно скорѣе въ Суассонъ къ трудно больной родственницѣ, обѣщая ему въ заключеніе 10 золотыхъ по пріѣздѣ въ Монсъ. Благодаря всѣмъ этимъ доводамъ, почталіонъ, наконецъ, согласился и благополучно провезъ обоихъ путниковъ окольными путями въ Бельгію. Подробности этого бѣгства описаны много лѣтъ спустя самимъ Людовикомъ XVIII въ изданной имъ въ Лондонѣ, нынѣ весьма рѣдкой, книгѣ подъ заглавіемъ: «Relation d'un voyage à Bruxelles et à Coblence en 1791», на заглавномъ листѣ которой стояло слѣдующее посвященіе автора своему другу д'Аварè: à Antoine-Louis-François d'Avaray, son libérateur,—Louis-Stanislas-Xavier de France, plein de reconnaissance,—Salut.

Изъ Монса графъ Прованскій направился въ Кобленцъ, гдѣ немедленно рѣшилъ стать въ главѣ роялистскаго движенія, вошелъ въ сношеніе съ эмигрантами и поручилъ принцу Конде приступить къ формированію корпуса французскихъ роялистовъ. Здѣсь же въ виду плѣна короля онъ провозгласилъ себя регентомъ Франціи, о чемъ и увѣдомилъ всѣ европейскіе дворы. Въ январѣ 1793 г. послѣ казни короля онъ изъ Вестфаліи переѣзжаетъ къ тестю своему королю Сардинскому, въ Туринъ, гдѣ у него является мысль отправиться въ Тулонъ и стать во главѣ тамошнихъ роялистовъ, но полученное вскорѣ извѣстіе о взятіи этого города республиканцами уничтожаетъ этотъ планъ. Въ началѣ 1794 года мы видимъ его въ Веронѣ, принадлежавшей въ то время къ числу венеціанскихъ владѣній Италіи. Здѣсь въ іюнѣ 1795 года, по полученіи извѣстія о смерти юнаго Людовика XVII, онъ провозглашаетъ себя королемъ Франціи и Наварры подъ именемъ Людовика XVIII. Съ этого времени начинается скитальческая жизнь этого короля безъ владѣній, который при содѣйствіи иностранныхъ дворовъ, денежныхъ субсидій Англіи и Россіи, переѣзжаетъ изъ одного государства въ другое. Такъ въ апрѣлѣ 1795 года онъ снова появляется на берегахъ Рейна, въ рядахъ арміи Конде; затѣмъ живетъ въ Швабіи (въ Диллингенѣ); въ послѣднемъ мѣстѣ, лѣтомъ 1796 года, на жизнь его сдѣлано покушеніе. Стоя у окна своего дома съ герцогами де-Граммонъ и Флёри и неизмѣннымъ спутникомъ своимъ графомъ д'Аварè, король услышалъ выстрѣлъ, который слегка контузилъ его въ голову. На крикъ ужаса своихъ приближенныхъ онъ спокойно отвѣтилъ имъ, что «выстрѣлъ въ голову, который не сшибаетъ съ ногъ, не опасенъ».—«Но, ваше величество,—воскликнулъ д'Аварè,—если бы пуля попала на одну линію ниже».—«Ну, что же,—отвѣчалъ онъ,—тогда король Франціи назывался бы Карломъ X» (Артуà). Неизвѣстный убійца, произведшій выстрѣлъ изъ сосѣдняго дома, такъ и остался не разысканнымъ, не смотря на дѣятельныя мѣры, принятыя мѣстными властями. Оставивъ этотъ не гостепріимный кровъ, Людовикъ XVIII отправился въ Аугсбургъ, гдѣ получилъ

письмо отъ герцога Брауншвейгскаго, приглашавшаго его въ свои владѣнія въ замокъ Бланкенбургъ, въ Гарцѣ. Но и здѣсь, какъ мы уже говорили, пребываніе его вскорѣ сдѣлалось невозможнымъ, благодаря политическимъ обстоятельствамъ, вынуждавшимъ прусскаго короля исполнить желаніе директоріи и требовать отъ герцога Брауншвейгскаго удаленія Людовика XVIII изъ Бланкенбурга. Отъ Австріи, заключившей миръ съ республикой, нечего было ожидать, тѣмъ болѣе, что императоръ Францъ II, содержавшій до сихъ поръ вмѣстѣ съ Англіей корпусъ французскихъ роялистовъ, рѣшилъ прекратить денежную субсидію, считая войско это безполезнымъ для коалиціи. Оставалась Россія, къ которой, по настоянію принца Конде, король и рѣшилъ обратиться, какъ къ единственной державѣ, сохранившей полную свободу дѣйствій по отношенію къ французской республикѣ. Къ этому побуждало его еще и то обстоятельство, что недавно воцарившійся императоръ Павелъ, повидимому, признавалъ его право, какъ монарха, такъ какъ прислалъ ему черезъ бывшаго россійскаго посланника при французскомъ дворѣ Симолина [1]) собственноручное письмо съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи на всероссійскій престолъ. Зная строго монархическій образъ мыслей русскаго государя, король рѣшилъ вступить съ нимъ въ болѣе тѣсныя сношенія и расположить въ свою пользу. Съ этой цѣлью, чтобы подготовить почву, онъ сначала отправилъ въ Петербургъ графа де-Сенъ-При, человѣка довѣреннаго и опытнаго дипломата, извѣстнаго еще при дворѣ Екатеринѣ II и занимавшаго при Людовикѣ XV отвѣтственный постъ французскаго посланника въ Константинополѣ. Миссія де-Сенъ-При увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Императоръ Павелъ принялъ его чрезвычайно милостиво и велѣлъ высказать королю свое искреннее сочувствіе дѣлу Бурбоновъ, которое онъ признавалъ дѣломъ близкимъ всѣмъ государямъ Европы. Тогда Людовикъ XVIII рѣшилъ лично обратиться къ императору и написалъ ему письмо, которое отправилъ въ Петербургъ черезъ барона Ларошфуко. Въ письмѣ этомъ, указывая на бѣдственное положеніе отряда роялистовъ, находившагося подъ командой принца Конде, король умолялъ императора Россіи дать убѣжище этимъ доблестнымъ воинамъ, которые, ради преданности своему королю и дѣлу общему всѣмъ государямъ, покинули все и остались безъ всякой помощи.

Императоръ Павелъ былъ глубоко тронутъ этимъ письмомъ. Посланнику нашему въ Дрезденѣ, Алопеусу, было предписано немедленно же войти въ сношенія съ принцемъ Конде и объявить ему именемъ русскаго государя, что войска его будутъ приняты въ русскую службу и «наравнѣ съ россійскими трактованы будутъ». Вмѣ-

---

[1]) Иванъ Матвѣевичъ Симолинъ (1780—1799) служилъ по вѣдомству иностранной коллегіи болѣе 50 лѣтъ. Въ 1762 году былъ резидентомъ въ Митавѣ; занималъ должность посланника въ Швеціи, Англіи и Франціи (съ 1785 г. по 1792 г.).

стѣ съ этимъ въ распоряженіе Алопеуса ассигнована сумма, необходимая на переходъ французскаго корпуса въ Россію. Въ случаѣ пріѣзда принца въ Петербургъ послѣднему обѣщано, что «онъ и вся фамилія его приняты будутъ со всѣми принадлежащими породѣ и сану ихъ уваженіями» [1]). Кромѣ того, тому же Алопеусу предписывалось снестись съ посломъ нашимъ въ Вѣнѣ, графомъ Разумовскимъ, дабы при слѣдованіи французскаго корпуса черезъ Галицію получено было необходимое разрѣшеніе на переходъ черезъ земли императора римскаго. Вслѣдъ за тѣмъ, въ августѣ того же 1797 года, въ главную квартиру королевскихъ войскъ прибылъ командированный по высочайшему повелѣнію флигель-адъютантъ князь Горчаковъ, который объявилъ прицу Конде условія, на которыхъ его корпусъ принимался въ русскую службу, съ указаніемъ мѣстностей, въ которыхъ имѣли быть расквартированы эти войска. Согласно этимъ условіямъ вся армія роялистовъ, подъ названіемъ «корпуса принца Конде», принималась въ службу его императорскаго величества [2]), при чемъ, какъ командирамъ отдѣльныхъ частей, такъ и всѣмъ офицерамъ сохранены ихъ прежнія должности, чины, права и преимущества.

Всѣмъ чинамъ корпуса присвоены права русской службы съ сохраненіемъ прежняго оклада жалованья; въ порядкѣ же дисциплинарномъ и имъ присвоивалось обмундированіе россійскихъ войскъ.

«Корпусъ принца Конде», численность котораго доходила до 10,000 человѣкъ, состоялъ, какъ видно изъ высочайшаго приказа 27-го ноября 1797 года, изъ слѣдующихъ полковъ:

ПѢХОТА.

1. Дворянскій пѣшій полкъ принца Конде, состоящій изъ двухъ баталіоновъ. Штабъ-квартира въ городѣ Владимірѣ-Волынскомъ.

2. Герцога Бурбона гренадерскій, изъ двухъ баталіоновъ. Штабъ-квартира въ городѣ Луцкѣ.

3. Нѣмецкій пѣхотный принца Гогенлое, состоящій изъ двухъ баталіоновъ и двухъ гренадерскихъ ротъ. Штабъ-квартира въ городѣ Ковелѣ.

КАВАЛЕРІЯ.

1. Дворянскій конный дюка-де-Берри, въ составѣ пяти эскадроновъ. Штабъ-квартира въ городѣ Владимірѣ-Волынскомъ.

2. Кавалерійскій дюка д'Энгіена (duc d'Enghien), въ составѣ пяти эскадроновъ. Штабъ-квартира въ городѣ Луцкѣ.

---

[1]) Рескриптъ Алопеусу отъ 6-го іюня 1792 года.

[2]) Louis-Henri-Joseph, duc de Bourbon, 1756 † 1830, послѣдній изъ рода Condé.

АРТИЛЛЕРІЯ.

Двѣ артиллерійскія роты. Шефъ герцогъ де-ла Рошфуко-Ліанкуръ.

Генералъ-инспекторъ всего корпуса принцъ Конде.

Въ ожиданіи перехода войскъ въ Россію принцъ Конде, въ сопровожденіи сына своего герцога Бурбона и внука герцога Энгіенскаго [1]), съ согласія и одобренія Людовика XVIII, отправился въ Петербургъ, чтобы отъ имени короля благодарить великодушнаго монарха за его милости къ французскимъ роялистамъ. Пріемъ, который встрѣтили въ Петербургѣ изгнанные принцы, превзошелъ всѣ ожиданія: императоръ осыпалъ ихъ милостями, предоставилъ имъ отдѣльное помѣщеніе, а принца Конде пожаловалъ Андреевскимъ кавалеромъ.

Король не успѣвалъ благодарить въ письмахъ императора, какъ послѣдній уже спѣшилъ дать новое доказательство своего расположенія. Узнавъ черезъ Сенъ-При и принца Конде о безвыходномъ положеніи Людовика XVIII, принужденнаго покинуть владѣнія герцога Брауншвейгскаго, императоръ Павелъ написалъ королю письмо, приглашая его въ Россію и предлагая въ его распоряженіе Митавскій дворецъ, бывшій замокъ герцоговъ курляндскихъ. Для содержанія при дворѣ почетнаго караула изъ корпуса Конде сформированъ отрядъ въ 100 человѣкъ, который подъ именемъ королевскихъ тѣлохранителей (gardes-du-corps) былъ отправленъ въ Митаву.

Въ началѣ февраля 1798 года, Людовикъ XVIII въ сопровожденіи двухъ племянниковъ, герцоговъ Ангулемскаго и Берри, и нѣкоторыхъ ближайшихъ лицъ своей свиты, покинулъ Бланкенбургъ и, минуя Берлинъ, направился черезъ Кюстринъ, Бромбергъ и Кенигсбергъ къ границамъ Россіи. Въ дорожной каретѣ короля заняли мѣсто неизмѣнный графъ д'Аваре и присланный изъ Петербурга флигель-адъютантъ императора, графъ Шуваловъ, который долженъ былъ сопровождать высокаго гостя до самой Митавы. Изъ Кенигсберга король и его спутники направились на Ковну и Митаву, въ которую прибыли благополучно 13-го марта 1798 года.

Въѣздъ Людовика XVIII-го въ бывшую столицу герцогства Курляндскаго былъ обставленъ большою торжественностью. У самой заставы король былъ встрѣченъ курляндскимъ губернаторомъ фонъ-Ламсдорфомъ, вице-губернаторомъ Гурко, мѣстнымъ дворянствомъ и военными и гражданскими чинами въ полной парадной формѣ. Тутъ же стояли представители города и ремесленныхъ цеховъ съ своими значками и большая толпа крестьянъ въ праздничныхъ одеждахъ. Вдоль улицы разставленъ былъ шпалерами, квартировавшій

---

[1]) Louis-Antoine-Henri de Bourbon, duc d'Enghien, 1772 † 1804. Разстрѣлянъ Наполеономъ въ Венсеннѣ 21-го марта 1804 года.

въ городѣ Софійскій мушкатерскій полкъ, со знаменемъ и музыкою, командиръ котораго представилъ королю почетный рапортъ. Когда Людовикъ XVIII подъѣхалъ къ Митавскому замку, то здѣсь его ожидало новое вниманіе государя. У главныхъ дворцовыхъ воротъ былъ выстроенъ почетный караулъ изъ вновь сформированнаго отряда gardes-du-corps, одѣтыхъ въ французскіе королевскіе мундиры и привѣтствовавшихъ короля восторженными криками «vive le roi!». Монархъ-изгнанникъ, отвыкшій отъ подобныхъ почестей, былъ тронутъ до слезъ этимъ новымъ знакомъ царскаго вниманія и въ тотъ же день написалъ императору благодарственное письмо.

Герцогъ Ангулемскій.

Митавскій замокъ, незадолго передъ тѣмъ сильно пострадавшій отъ пожара, былъ отстроенъ при вступленіи на престолъ императора Павла, а ко времени пріѣзда короля былъ снова отремонтированъ къ принятію высокаго гостя. Присутственныя мѣста, находившіяся въ замкѣ съ 1796 года, переведены въ городъ (исключая казенной палаты и казначейства), а парадныя комнаты верхняго этажа исправлены и снабжены богатою мебелью, бронзой и зеркалами [1]). Весь верхъ праваго и лѣваго корпуса, заново отремонтированный, былъ предназначенъ для парадныхъ и личныхъ аппартаментовъ короля, королевы, герцога Ангулемскаго и ближайшихъ лицъ придворной свиты. Остальная часть свиты и чины отряда gardes-du-corps распредѣлены были въ городѣ въ особыхъ помѣщеніяхъ. На содержаніе короля и его двора изъ средствъ государственнаго казначейства ассигнована ежегодная сумма въ 200 тысячъ рублей, о чемъ предписано государственному казначею, барону Васильеву, указомъ отъ 6 іюля 1798 года [2]).

Придворный штатъ Людовика XVIII, собравшаго вокругъ себя весь цвѣтъ французскихъ эмигрантовъ, былъ довольно многочислен-

---

[1]) Архивъ строительнаго отдѣленія курляндскаго губернскаго правленія.

[2]) Полное собраніе законовъ, т. XXV, 18, 578.

ный для маленькой митавской резиденціи короля, тѣмъ болѣе, что послѣдній, повидимому желалъ устроить ее на подобіе Версальскаго двора со всѣми его министрами и придворными должностями. Такимъ образомъ въ спискѣ этого персонала мы находимъ министровъ иностранныхъ дѣлъ графа де Сенъ-При (de Saint-Priest), военнаго—comte de la Chapelle; канцлера (marquis de Jancourt), оберъ-церемоніймейстера (marquis de Villequiers); четырехъ шталмейстеровъ: маркиза de Sourdis, кавалера de Montagnac, виконта d'Agoult и кавалера de Bouacheul; двухъ рекетмейстеровъ: de Guilhermy и Courvoisier; двухъ капитановъ королевской гвардіи: графа d'Avaray и de Guiche; четырехъ камеръ-юнкеровъ: герцоговъ d'Aumont, de Fleury, de Duras и принца de Piennes; графа de Cossé-Brissac и до 50 другихъ лицъ, составлявшихъ придворный штатъ короля, королевы, герцога и герцогини Ангулемскихъ. Придворное духовенство подъ главнымъ вѣдѣніемъ кардинала, герцога de Montmorency, носившаго званіе Grand-Aumonier de France, состояло изъ личнаго духовника короля аббата де-Фирмона (Edgeworth de Firmont), аббата Мари (Marie), бывшаго воспитателя герцога Ангулемскаго, и еще двухъ священниковъ королевской капеллы.

Герцогиня Ангулемская.

Сообразно съ этой обстановкой, король распредѣлилъ свой день подобно тому, какъ нѣкогда жилъ въ Парижѣ, посвящая большую часть времени кабинетнымъ занятіемъ и перепискѣ со своими агентами, разсѣянными по всей Европѣ. Вставалъ онъ рано: лѣтомъ въ 6, а зимою въ 7 часовъ и до 10 занимался дѣлами; въ 11 слушалъ обѣдню, послѣ которой въ 12 часовъ подавался завтракъ, къ которому приглашались бывшіе на дежурствѣ придворные чины и графъ д'Аваре. Съ часу до трехъ король принималъ доклады и посѣтителей, послѣ чего дѣлалъ небольшую прогулку, возвращаясь къ обѣду всегда въ строго опредѣленное время. Въ домашней своей жизни онъ вообще отличался строгой пунктуальностью, считая аккурат-

ность необходимымъ условіемъ всякаго общежитія и особенно преслѣдовалъ ее при своемъ дворѣ въ Парижѣ. Извѣстная французская пословица «l'exactitude est la politesse des rois» [1]) приписывается Людовику XVIII. Въ 8 часовъ вечера король удалялся во внутренніе покои, отдыхалъ или занимался чтеніемъ, а въ 10 часовъ снова появлялся въ пріемныхъ залахъ, гдѣ бесѣдовалъ съ приближенными или садился за партію виста, которою и заканчивался день. Партію короля—традиціонное «jeu du roi»—составляли обыкновенно три дамы изъ придворнаго персонала, а иногда и другія почетныя лица изъ пріѣзжавшихъ въ Митаву путешественниковъ, представлявшихся утромъ королю.

Такъ протекла первая половина 1798 года. Не смотря на видимое желаніе Людовика XVIII побывать въ Петербургѣ, изъ послѣдняго не получалось никакихъ извѣстій по этому поводу, и императоръ, устроивъ своего гостя, осыпавъ его милостями, какъ бы позабылъ о его существованіи. Между тѣмъ король возобновилъ въ Митавѣ, прерванную имъ во время путешествія, дипломатическую переписку и тайную корреспонденцію со своими агентами въ Германіи, Англіи и Франціи. Положеніе дѣлъ въ Европѣ за послѣднее время представляло мало утѣшительнаго для приверженцевъ роялизма, тогда какъ юная республика, въ лицѣ Бонапарта, прославившагося новыми побѣдами въ Египтѣ, повидимому, все болѣе и болѣе укрѣплялась. Не смотря на это, король не терялъ надежды: послѣ неудачной попытки произвести переворотъ во Франціи при помощи генерала Пишегрю, попытки, уничтоженной событіемъ 18 фруктидора, Людовикъ XVIII рѣшается вступить въ тайные переговоры съ Барра, однимъ изъ трехъ членовъ французской директоріи, съ которымъ ведетъ изъ Митавы переписку черезъ одного изъ дѣятельнѣйшихъ приверженцевъ роялизма, нѣкоего Фошъ-Бореля и маркиза de la Maisonfort. Оба эти лица въ 1798 году пріѣзжаютъ въ Митаву и излагаютъ королю подробный планъ дѣйствій и переговоровъ съ Барра.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда совершенно неожиданно политическія событія въ Европѣ принимаютъ крайне благопріятный для короля оборотъ. Императоръ Павелъ, возмущенный самовольнымъ захватомъ Мальты французами, заключаетъ союзъ съ Австріей, Англіей, Неаполемъ и Сардиніей и объявляетъ войну республикѣ съ цѣлью изгнанія французовъ изъ Италіи и возстановленія низвергнутыхъ королей. Во главѣ русской арміи долженъ былъ находиться, извѣстный своими побѣдами противъ турокъ и поляковъ, фельдмаршалъ Суворовъ, къ войску котораго присоединился и французскій корпусъ принца Конде.

Первымъ симптомомъ этого новаго въ пользу Бурбоновъ на-

---

[1]) «Аккуратность есть вѣжливость королей».

строенія въ Петербургѣ было письмо императора Павла къ Людовику XVIII, присланное незадолго передъ тѣмъ черезъ флигель-адъютанта, князя Голицына, который вмѣстѣ съ тѣмъ вручилъ королю пожалованные ему знаки ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и св. Анны I степени. При письмѣ государя, какъ знакъ особаго вниманія къ королю, приложенъ былъ и собственноручный рескриптъ на имя друга его, графа д'Аваре, слѣдующаго содержанія [1]): «Monsieur le comte d'Avaray! En vous créant Commandeur de l'Ordre Souverain de Saint-Jean de Jerusalème, j'ai été bien aise de rendre témoignage et d'honorer l'attachement inviolable que vous portez à la personne du roi, votre Maître. C'est en remplissant les devoirs d'un fidèle serviteur que vous avez mis au jour les belles qualités d'âme et de coeur qui forment un pieux et loyale chevalier! Tel je vous connais et tel je vous estime! Que Dieu vous ait en Sa sainte et digne garde. Paul».

Прежде чѣмъ продолжать нашъ разсказъ, необходимо сдѣлать небольшое отступленіе и упомянуть объ эпизодѣ, весьма мало извѣстномъ въ нашей исторической литературѣ и имѣющемъ отношеніе къ пребыванію короля въ Митавѣ — о судьбѣ племянницы Людовика XVIII, дочери казненнаго короля, «madame Royale» [2]). Въ письмѣ, доставленномъ королю княземъ Голицынымъ, императоръ Павелъ, между прочимъ, высказывалъ, что сочтетъ пріятнымъ долгомъ исполнить всякую его просьбу. Людовикъ XVIII, пославшій въ отвѣтъ на это императору орденъ св. Лазаря черезъ графа де-Коссе Бриссака (de Cossé Brissac), рѣшилъ воспользоваться благопріятною минутою и просить содѣйствія государя въ семейномъ дѣлѣ, давно его озабочивавшемъ, какъ старшаго представителя дома Бурбоновъ,— въ дѣлѣ возвращенія изъ Вѣны madame Royale, которую, въ виду своекорыстныхъ цѣлей, австрійскій дворъ удерживалъ въ Вѣнѣ, не смотря на просьбы короля.

Судьба этой многострадальной плѣнницы Тампля была поистинѣ плачевна. Еще въ 1791 году, вскорѣ послѣ паденія Робеспьера, французскій конвентъ рѣшилъ судьбу царственныхъ узниковъ: малолѣтняго Людовика XVII—оставить въ рукахъ республики въ качествѣ политическаго заложника; что же касается сестры его, королевской принцессы, то благодаря салическому закону, лишавшему ее правъ на престолъ, конвентъ согласился отпустить ее изъ Франціи подъ условіемъ обмѣна на нѣкоторыхъ республиканцевъ, находившихся въ рукахъ Австріи. Вѣнскій дворъ, къ которому тотчасъ обратился графъ Прованскій, ведшій тайную переписку съ

[1]) Письмо это, почерпнутое нами изъ рукописныхъ мемуаровъ барона Гейкинга, читавшаго его въ подлинникѣ во время своего пребыванія въ Митавѣ въ 1800 году, мы помѣщаемъ здѣсь, какъ до сихъ поръ не изданное.

[2]) Marie-Therèse-Charlotte de France, Duchesse d'Angoulême, род. 1778 † 1851, дочь Людовика XVI и Маріи-Антуанетты.

членомъ конвента Boissi d'Anglas, сначала крайне холодно отнесся къ этому предложенію и, только благодаря вмѣшательству Екатерины II, наконецъ согласился приступить къ переговорамъ. Но здѣсь новою помѣхою явилась щепетильность Вѣнскаго кабинета, считавшаго всякія тайныя сношенія съ республиканскимъ правительствомъ унизительными для римскаго императора. Наконецъ, послѣ нескончаемыхъ проволочекъ и оговорокъ, во время которыхъ несчастная принцесса томилась въ заключеніи, австрійскіе дипломаты рѣшились начать переговоры черезъ посредство американскаго посольства въ Парижѣ, великодушно предложившаго свои услуги для улаженія этого дѣла. Результатомъ этихъ переговоровъ и было наконецъ освобожденіе королевской принцессы, взамѣнъ которой Австрія возвратила республикѣ захваченныхъ ею въ разное время слѣдующихъ лицъ, преимущественно бывшихъ членовъ конвента: Камюса (Camus), Ламарка (Lamarque), Банкаля (Bancal), Кинета (Quinete), Бернонвиля (Beurnonville), Марѐ (Maret), извѣстнаго впослѣдствіи при Наполеонѣ подъ именемъ герцога Бассано, и наконецъ Друэ (Drouet), того самого, который въ 1791 году задержалъ Людовика XVI, будучи начальникомъ почтовой станціи въ Saint-Ménehould. Покинувъ Францію и вырвавшись изъ рукъ палачей своей семьи, несчастная принцесса встрѣтила въ Австріи новыя испытанія и по собственному ея выраженію «перемѣнила только оковы». Въ Вѣнѣ ожидало ее горькое разочарованіе: не ласка, не привѣтъ и родственное участіе ожидали тамъ дочь Маріи-Антуанеты, а своекорыстная политика Габсбургскаго дома, смотрѣвшаго на нее, какъ на средство расширить свои владѣнія путемъ политическаго брака. Въ умахъ австрійскихъ дипломатовъ созрѣлъ фантастическій проектъ устроить бракъ madame Royale съ эрцъ-герцогомъ Карломъ, результатомъ котораго должно было явиться не менѣе фантастическое пріобрѣтеніе Австріей Прованса, Эльзаса, Лотарингіи и нѣкоторыхъ другихъ провинцій, на которыя французская принцесса имѣла якобы права наслѣдства, какъ на родовыя земли Генриха IV и его матери Жанны Д'Альбре. Говоря объ этихъ пріемахъ австрійской дипломатіи, невольно приходитъ на память изреченіе, столь мѣтко характеризующее традиціонную политику этой державы:

Bella gerant alii — tu, felix Austria, nube,
Namque Mars aliis — dat tibi regina Venus.

Насколько положеніе дочери Людовика XVI было тягостнымъ въ Вѣнѣ, можно заключить уже изъ того, что австрійскій дворъ, въ стремленіи своемъ сдѣлать ее нѣмецкой принцессой и заставить позабыть о своемъ французскомъ происхожденіи, не допускалъ къ ней ни одного француза, не смотря на то, что множество роялистовъ, находившихся тогда въ Вѣнѣ, желали ей представиться. Говорятъ, что одинъ художникъ, писавшій ея портретъ для Людо-

вика XVIII, былъ единственно за это посаженъ въ Ольмюцкую цитадель, изъ которой вышелъ лишь въ 1814 году. Никакія просьбы короля, неоднократно обращавшагося къ императору Францу о возвращеніи племянницы, не имѣли успѣха: подъ разными предлогами принцессу удерживали въ Вѣнѣ, запрещая ей переписку съ родными. Тогда король рѣшилъ обратиться къ императору Павлу. Въ конфиденціальномъ письмѣ, отправленномъ черезъ новаго мальтійскаго кавалера д'Аваре, король излагалъ всѣ обстоятельства дѣла и умолялъ русскаго императора войти въ бѣдственное положеніе принцессы, которую вѣнскій дворъ задерживаетъ у себя вопреки желанію всего королевскаго семейства. Императоръ Павелъ, тронутый судьбою принцессы, съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ просьбѣ короля, которую немедленно же успокоилъ лаконическимъ письмомъ, приведшимъ въ совершенный восторгъ Людовика XVIII.

Любопытное письмо это заключалось всего въ нѣсколькихъ словахъ, вполнѣ характеризовавшихъ настойчивость, съ которой императоръ рѣшилъ взяться за дѣло. Вотъ его дословное содержаніе:

Monsieur mon frère!

Madame Royale vous sera rendue, ou je ne serai plus Paul I-er [1]).

Je suis, de Votre Majesté, etc.

Одновременно съ этимъ графу Разумовскому предписано именемъ государя потребовать отъ австрійскаго кабинета возвращенія королевской принцессы къ ея роднымъ въ Митаву.

Весною 1799 года Митавскій зáмокъ посѣтилъ Суворовъ, прибывшій сюда съ нѣсколькими лицами своей военной свиты проѣздомъ въ дѣйствующую армію. Вотъ какъ Людовикъ XVIII описываетъ Рымникскаго героя въ своихъ мемуарахъ: «этотъ полудикій герой съ рѣзкими пріемами представляетъ оригинальную смѣсь чудака съ дальновидностью тонкаго и проницательнаго ума. Небольшаго роста, худой, невзрачный на видъ, съ хитрыми плутовскими глазами,—Суворовъ подъ этой внѣшностью скрывалъ способности геніальнаго полководца, человѣка съ обширнымъ и глубокимъ умомъ. Войска, которыми онъ предводительствовалъ, боялись и вмѣстѣ съ тѣмъ боготворили его. Это мечъ Россіи, страшилище турокъ, гроза поляковъ. Неустрашимый по природѣ, онъ безъ волненія взиралъ на потоки проливаемой крови, на опустошенные пламенемъ пожаровъ села и города. Суевѣрный какъ Атилла, полный предразсудковъ и вѣры въ примѣты, онъ обладалъ всѣми недостатками своего народа вмѣстѣ съ духомъ героя».

[1]) Государь братъ мой! Королевская принцесса будетъ вамъ возвращена, или я не буду Павелъ I.

Прибывъ въ Митаву на перекладныхъ, онъ въѣхалъ въ городъ вечеромъ во избѣжеnie оффиціальныхъ встрѣчъ и вмѣстѣ съ сопровождавшимъ адъютантомъ направился въ гостиницу, неподалеку отъ зáмка [1]). Здѣсь онъ переночевалъ и на другой день, облачившись въ фельдмаршальскій мундиръ, поѣхалъ во дворецъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Людовикомъ XVIII. Когда королю доложили о прибытіи Суворова, онъ вышелъ ему навстрѣчу изъ кабинета и привѣтствовалъ слѣдующими словами:

— Monsieur le maréchal, votre épée est l'instrument dont la Providence se sert pour châtier les ennemis des Souverains.

Аббатъ Эджевортъ де-Фирмонъ.
(Послѣдній духовникъ Людовика XVI).

— J'espère, Sire,—отвѣтилъ Суворовъ, — ne pas brûler beaucoup de poudre pour les chasser d'Italie, et je prie Votre Majesté de me permettre de Lui donner rendez-vous en France l'année prochaine. Aussi je ne doute de rien, avec l'aide de Saint Nicolas et la protection de Dieu [2]).

Послѣ довольно продолжительной бесѣды, въ которой онъ выяснилъ въ главныхъ чертахъ будущій планъ дѣйствій въ Италіи, Суворовъ простился съ королемъ. Проходя черезъ залу, въ которой выстроены были королевскіе gardes-du-corps, Суворовъ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой восхвалялъ ихъ преданность своему монарху и въ заключеніе сказалъ: Aux fidèles serviteurs du Roi honneur et protection! Aux jacobins point de quartier!—на что французы отвѣчали единодушными кликами: vive le Roi! Vive le maréchal!

---

[1]) «Петербургская гостиница», существующая до настоящаго времени. Въ этой гостиницѣ, между прочимъ, имѣется комната, на дверяхъ которой изображенъ государственный орелъ и вензель $\frac{A}{I}$; въ ней, по преданію, останавливался императоръ Александръ Павловичъ въ 1807 году. Примѣч. автора.

[2]) «Господинъ фельдмаршалъ! Шпага ваша есть орудіе, которымъ Провидѣніе караетъ враговъ монарховъ».

«Надѣюсь, государь, потратить не слишкомъ много пороху для изгнанія ихъ изъ Италіи и прошу ваше величество дозволить мнѣ назначить вамъ свиданіе въ будущемъ году во Франціи. Во всякомъ случаѣ полагаю надежду мою на святителя Николая и покровительство Божіе».

Но возвратимся къ королевской принцессѣ, Madame Royale, которую Людовикъ XVIII съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ въ Митавѣ послѣ письма императора Павла.

Энергическое вмѣшательство русскаго посла въ Вѣнѣ привело это дѣло къ желаемому концу. Австрійскій кабинетъ, которому въ виду союза съ Россіей невыгодно было создавать изъ этого политическій вопросъ, рѣшился, наконецъ, отпустить королевскую принцессу, о чемъ и увѣдомилъ оффиціально «Митавскій дворъ». Такимъ образомъ король могъ осуществить теперь давнишнее свое желаніе — соединить брачными узами дочь Людовика XVI-го съ другимъ своимъ племянникомъ, герцогомъ Ангулемскимъ, котораго, въ виду бездѣтности своей жены, Маріи-Жозефины, онъ прочилъ въ наслѣдники престола съ титуломъ дофина. Получивъ эту радостную вѣсть, онъ призвалъ герцога Ангулемскаго и, обнимая его, сказалъ:

— «Mon neveu, vous allez voir bientôt Madame Royale, l'épouse qui vous est destinée. Elle vous apporte en dote la protection des saints martyrs, ses augustes parens, et des vertus qui vous rallieront tous les coeurs. Espérons maintenant tout de l'avenir» [1]).

День пріѣзда принцессы былъ назначенъ на 4-е іюня 1799 г. [2]). Наканунѣ передъ тѣмъ прибыла изъ Германіи супруга Людовика XVIII, королева Марія-Жозефина, пожелавшая также присутствовать на свадьбѣ королевской принцессы. Это была тучная особа, недалекаго ума, къ которой весьма мало подходилъ титулъ королевы Франціи и Наварры, и весь митавскій дворъ видѣлъ въ ней прежнюю «Madame», Comtesse de Provence, надъ простодушіемъ и наивностью которой не разъ подтрунивали при старомъ версальскомъ дворѣ. Самъ король весьма сдержанно относился къ супругѣ и въ мемуарахъ своихъ весьма мало говоритъ о ней. Естественно, что въ ожиданіи дочери Людовика XVI, окруженной ореоломъ мученичества «сироты Тампля», пріѣздъ королевы прошелъ какъ бы не замѣченнымъ въ городѣ. Она прибыла въ Митаву 3-го іюня 1799 года въ сопровожденіи герцогини de la-Tour-d'Auvergne, герцогини de Narbonne и нѣсколькихъ лицъ своего домашняго персонала, въ числѣ которыхъ находилась нѣкая г-жа Гурбилліонъ (Gourbillon), приближенная камеръ-фрау, сопровождавшая королеву во всѣхъ ея путешествіяхъ. Эта особа, благодаря неуживчивому характеру и страсти къ сплетнямъ, была положительно антипатична добродушному Людовику XVIII, который не разъ изъ-за нея имѣлъ бурныя сцены съ королевой. Незадолго передъ тѣмъ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ королевѣ, Людовикъ XVIII категорически требовалъ отъ супруги

---

[1]) «Вы скоро увидите королевскую принцессу, супругу, вамъ предназначенную. Она приноситъ вамъ въ приданое покровительство святыхъ мучениковъ, августѣйшихъ своихъ родителей, и добродѣтели, которыя привлекутъ къ вамъ всѣ сердца. Будемъ же теперь надѣяться на будущее».

[2]) По новому стилю.

удаленія г-жи Гурбилліонъ, присутствіе которой въ Митавѣ онъ находилъ совершенно нежелательнымъ. Каково же было удивленіе короля, когда въ одной изъ каретъ, стоявшихъ у городскихъ воротъ, куда онъ прибылъ для встрѣчи королевы, онъ увидѣлъ лицо ея камеръ-фрау. Не показывая вида королевѣ, Людовикъ XVIII обратился тогда къ стоявшему неподалеку курляндскому губернатору, сказалъ ему нѣсколько словъ и затѣмъ, подавъ королевѣ руку, пригласилъ ее въ свой экипажъ. Лишь только карета короля скрылась изъ виду, губернаторъ подошелъ къ г-жѣ Гурбилліонъ и сообщилъ ей, что въ силу приказанія короля она должна немедленно выѣхать изъ Митавы. Послѣдней не оставалось ничего иного, какъ подчиниться необходимости: она выѣхала въ Ковну, а оттуда пробралась, однако, въ Петербургъ, гдѣ, найдя доступъ къ одной особѣ, близкой къ Кутайсову, постоянно интриговала противъ короля.

Наконецъ наступило давно ожидаемое 4-е іюня 1799 года—день пріѣзда королевской принцессы. Съ ранняго утра вся Митава пришла въ необычайное движеніе въ ожиданіи пріѣзда высокой гостьи, судьба которой, благодаря жившимъ въ городѣ французамъ-эмигрантамъ, вскорѣ сдѣлалась извѣстной мѣстнымъ жителямъ. Въ зáмкѣ шли дѣятельныя приготовленія къ принятію принцессы, по случаю пріѣзда которой мѣстное начальство получило особыя предписанія изъ Петербурга. Для аппартаментовъ принцессы прислана была богатая мебель, зеркала и бронза, и вся часть праваго флигеля дворца отремонтирована заново.

Около полудня изъ дворцовыхъ воротъ показался отрядъ королевскихъ гвардейцевъ въ парадныхъ мундирахъ, шедшій по направленію къ заставѣ, черезъ которую должна была пріѣхать королевская принцесса. Вскорѣ затѣмъ выѣхала карета короля, а вслѣдъ за нею экипажи придворныхъ дамъ и кавалеровъ, одѣтыхъ въ парадные камзолы, въ орденахъ и лентахъ. Людовикъ XVIII рѣшилъ встрѣтить свою племянницу съ торжественностью, подобающей «дочери Франціи». За нѣсколько дней до ея пріѣзда отправленъ былъ на границу герцогъ Виллекье (Villequiers), привѣтствовавшій принцессу отъ имени короля въ Полангенѣ вмѣстѣ съ русскими пограничными властями; на полъ-пути отъ Митавы ее встрѣтили графъ de Cossé-Brissac и герцогъ de Guiche; наконецъ, на послѣдней остановкѣ, передъ самымъ городомъ, королевскую принцессу ожидали извѣстные своею преданностью покойному отцу ея кавалеры Тюржи [1]) и de Malden [2]).

Людовикъ XVIII съ королевой Маріей-Жозефиной, въ сопровожденіи герцога Ангулемскаго и всего двора, выѣхали за заставу, направляясь по дорогѣ, по которой должна была пріѣхать королевская

---

[1]) Turgy, бывшій камердинеръ Людовика XVI (premier valet de chambre du roi).

[2]) De Malden, одинъ изъ трехъ gardes-du-corps, сопровождавшихъ Людовика XVI во время бѣгства королевскаго семейства изъ Парижа въ 1791 году.

принцесса. День былъ жаркій, безоблачный, и іюньское солнце немилосердно палило надъ головами путниковъ, медленно подвигавшихся впередъ. Давно уже не было дождя, и густыя облака пыли клубились по дорогѣ королевскаго шествія. Взоры всѣхъ были устремлены въ ту сторону, откуда должны были показаться экипажи Madame Royale. Послѣдняя также торопилась въ Митаву, ожидая съ нетерпѣніемъ свиданія съ королемъ, и какъ только ѣхавшій рядомъ съ ея каретою кавалеръ de Malden доложилъ, что вдали показались королевскіе экипажи, принцесса велѣла всѣмъ остановиться. Въ то же время подъѣхавшій къ нимъ кортежъ короля также остановился, и Людовикъ XVIII вышелъ изъ экипажа, имѣя по правую руку герцога Ангулемскаго, а по лѣвую графа д'Аварс. Дворянство съ дамами впереди и королевскіе гвардейцы стали за королемъ, образуя широкій полукругъ и устремивъ взоры на карету, изъ которой должна была выйти многострадальная плѣнница Тампля, Madame Royale, которую многіе изъ присутствующихъ помнили ребенкомъ въ садахъ Версали и Тріанона. Наконецъ, дверца кареты отворилась, и взорамъ всѣхъ предстала королевская принцесса: высокая, стройная, съ чертами, напоминавшими покойную Марію-Антуанетту. Высоко поднявъ голову, съ истинно-царственной походкой, она направилась къ королю и, подобно матери своей, нѣкогда преклонившей колѣна передъ Людовикомъ XV, она опустилась на колѣна передъ королемъ и голосомъ, въ которомъ слышались едва сдерживаемыя рыданія, могла только проговорить:

«Mon père, mon oncle, pardonnez à mon desordre»...

Король, едва сдерживавшій слезы, поспѣшилъ поднять принцессу и принять въ свои объятія, а герцогъ Ангулемскій въ безмолвіи припалъ къ рукѣ своей нареченной невѣсты.

Когда миновали первыя минуты свиданія, и всеобщее волненіе успокоилось, король представилъ принцессѣ придворныхъ дамъ и всѣхъ французскихъ дворянъ, а королевскіе гвардейцы привѣтствовали ее восторженными кликами: vive Madame Royale! Затѣмъ принцесса пересѣла въ карету короля, и весь кортежъ направился къ городу, гдѣ у заставы ее встрѣтилъ губернаторъ съ представителями администраціи и депутація мѣстныхъ дворянъ. Въ замкѣ, у самыхъ дворцовыхъ воротъ стояло придворное духовенство съ кардиналомъ Montmorency, который благословилъ дочь Людовика XVI; здѣсь, увидѣвъ въ числѣ священниковъ аббата de Firmont, принцесса измѣнилась въ лицѣ и отъ охватившаго ее сильнаго внутренняго волненія едва не лишилась чувствъ: лицо достойнаго аббата, напутствовавшаго передъ смертью Людовика XVI, напомнило ей кровавый эшафотъ отца и всѣ ужасы, пережитые ею съ того времени... Но, поборовъ въ себѣ эту минутную слабость и призвавъ

на помощь всю силу воли, которой такъ удивлялся Наполеонъ [1]), принцесса твердыми шагами направилась къ священнику и, протянувъ ему руку, проговорила: «Monsieur a près de moi des titres bien sacrés à ma reconnaissance...» и, обратившись затѣмъ къ королю, просила оставить ее наединѣ съ духовникомъ своего отца. Аббатъ де-Фирмонъ тотчасъ былъ приглашенъ въ аппартаменты принцессы и по ея просьбѣ сообщилъ ей всѣ подробности послѣднихъ минутъ Людовика XVI.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ касательно біографіи этого доблестнаго пастыря, имя котораго столь тѣсно связано съ легендой «короля-мученика».

Аббатъ де-Фирмонъ, родомъ англичанинъ, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода графства Meddlesex, переселившагося во времена Елисаветы въ Ирландію, гдѣ отецъ его пріобрѣлъ имѣніе близъ мѣстечка Edgeworthtown. Полная фамилія аббата была Генрихъ Эссексъ Эджевортъ де-Фирмонъ (Essex Edgeworth de-Firmont). Получивъ воспитаніе въ іезуитской коллегіи въ Тулузѣ, онъ по окончаніи курса поступилъ въ духовное званіе и въ началѣ хотѣлъ посвятить себя миссіонерской дѣятельности на Востокѣ, но затѣмъ по совѣту друзей остался въ Парижѣ, гдѣ вскорѣ заслужилъ репутацію истинно благочестиваго и добраго пастыря. Незадолго до начала революціи онъ случайно былъ представленъ сестрѣ Людовика XVI, madame Elisabeth, извѣстной своею набожностью, которая избрала этого скромнаго пастыря своимъ духовникомъ. Впослѣдствіи, будучи уже въ Тамплѣ и утѣшая въ несчастіи своего брата, она не разъ говорила ему объ аббатѣ де-Фирмонъ, какъ о свѣтлой личности, достойной самаго высокаго уваженія. Когда король сталъ уже догадываться объ ожидающей его участи, онъ вспомнилъ объ аббатѣ де-Фирмонъ и, обратившись къ защитнику своему Мальзербу, сказалъ: «Сестра моя указала мнѣ добраго священника, не присягавшаго конституціи и неизвѣстность котораго спасетъ его отъ преслѣдованій послѣ моей смерти. Вотъ его адресъ: прошу васъ отправиться къ нему и пригласить его ко мнѣ, когда мнѣ разрѣшатъ его видѣть». Затѣмъ, обращаясь къ Мальзербу, король прибавилъ: «Вотъ поистинѣ странное порученіе для философа, ибо я знаю, что вы принадлежите къ ихъ числу; но если бы вамъ пришлось страдать, какъ мнѣ, и предстояло умереть, какъ предстоитъ мнѣ, я пожелалъ бы вамъ имѣть тѣ же убѣжденія, какія имѣю я, ибо онѣ утѣшили бы васъ болѣе, чѣмъ философія».

Между тѣмъ аббатъ де-Фирмонъ, жившій въ это время въ Choisy le Roi, былъ уже предувѣдомленъ объ ожидавшей его грустной миссіи; это видно между прочимъ изъ письма, которое

[1]) Наполеонъ называлъ ее «единственнымъ мужчиной» въ семьѣ Бурбоновъ.

онъ еще въ декабрѣ 1792 года писалъ одному изъ своихъ друзей въ Англію. «Мой несчастный государь,— писалъ аббатъ,— обратилъ на меня свое вниманіе, избравъ меня напутствовать его передъ смертью, если несправедливость людская дойдетъ до этого неслыханнаго преступленія. Я самъ также готовлюсь къ смерти, ибо увѣренъ, что народная ярость не дастъ мнѣ пережить и часу послѣ этого страшнаго злодѣянія. Но я смиряюсь передъ Божественнымъ Промысломъ, потому что моя жизнь ничто, и если бы цѣною этой жизни я могъ спасти нашего вѣнценоснаго страдальца, то охотно принесъ бы эту жертву, зная, что умру не безплодно».

Таковъ нравственный обликъ этого человѣка, котораго Людовикъ XVI избралъ своимъ послѣднимъ духовникомъ. Наканунѣ казни, 20-го января 1793 года, аббатъ де-Фирмонъ былъ вызванъ въ Тюльери, гдѣ предсѣдатель временнаго исполнительнаго совѣта (Conseil Executif), тогдашній министръ юстиціи, Гара (Garat), сказалъ ему: «Людовикъ Капетъ желаетъ васъ видѣть; согласны ли вы отправиться въ Тампль?»

— Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ аббатъ,—желаніе короля для меня приказаніе,— и тотчасъ же отправился съ министромъ въ Тампльскую тюрьму, гдѣ уже не разставался съ королемъ до самой его смерти. Рано утромъ 21-го января онъ отслужилъ королю послѣднюю мессу и, пріобщивъ его св. Таинъ, проводилъ злополучнаго монарха до самаго мѣста казни. Въ моментъ, когда Людовикъ XVI снималъ съ себя платье, чтобы подняться на эшафотъ, аббатъ де-Фирмонъ и сказалъ ему знаменательныя слова:

«...fils de Saint Louis, montez au ciel!..»

Въ тотъ же день послѣ совершенія казни онъ вернулся въ Choisy-le-Roi, гдѣ и оставался до апрѣля 1795 года. Затѣмъ онъ жилъ нѣкоторое время въ Baïeux, а оттуда переѣхалъ въ Англію, къ графу Артуа, и прожилъ здѣсь до 1797 года. По приглашенію Людовика XVIII онъ прибылъ къ нему въ Бланкенбургъ и съ тѣхъ поръ не покидалъ короля до самой своей смерти, въ теченіе десяти лѣтъ слѣдуя за нимъ въ качествѣ его духовника. Онъ умеръ въ Митавѣ, въ 1807 году, заразившись тифомъ въ госпиталѣ, гдѣ съ истинно-христіанскимъ самоотверженіемъ ухаживалъ за раненными, привезенными послѣ Фридландскаго сраженія. Могила его существуетъ до настоящаго времени на римско-католическомъ кладбищѣ въ Митавѣ, что у Анненскихъ воротъ [1]).

10-го іюня 1797 года, въ Митавскомъ замкѣ совершено бракосочетаніе королевской принцессы, дочери Людовика XVI, съ герцо-

[1]) Подробное описаніе этой могилы и надгробнаго памятника съ латинскою эпитафіей, составленной Людовикомъ XVIII, читатели найдутъ въ слѣдующей (послѣдней) главѣ подъ названіемъ: «Достопримѣчательности современной Митавы». Прим. автора.

гомъ Ангулемскимъ. Обрядъ вѣнчанія, происходившій въ большой дворцовой капеллѣ, совершенъ кардиналомъ Монморанси въ сослуженіи съ придворнымъ духовенствомъ, настоятелемъ мѣстной римско-католической церкви и аббатомъ де-Фирмонъ, который сказалъ поученіе и благословилъ новобрачную чету. Къ самому дню свадьбы, императоръ Павелъ Петровичъ, покровительствовавшій этому союзу, прислалъ принцессѣ поздравительное письмо и великолѣпный подарокъ—драгоцѣнное ожерелье, а герцогу—осыпанный брилліантами перстень съ своимъ портретомъ. Людовикъ XVIII, видѣвшій въ этомъ бракѣ осуществленіе своей завѣтной мечты, былъ въ восторгѣ и отпраздновалъ это радостное событіе съ большою торжественностью, пригласивъ на свадебное празднество мѣстныя власти и курляндское дворянство, оказывавшее широкое гостепріимство жившимъ въ Митавѣ французскимъ эмигрантамъ.

Этотъ годъ, начавшійся для Людовика XVIII при столь счастливыхъ предзнаменованіяхъ, повидимому, предвѣщалъ и дальнѣйшія удачи. Знаменитая итальянская кампанія 1799 года, покрывшая Суворова новыми лаврами, началась крайне благопріятно для дѣлъ коалиціи: войска республики были разбиты, и почти вся Италія очищена отъ французовъ. Послѣ побѣды при Нови между Россіей, Австріей и Англіей установлено соглашеніе, и выработанъ общій планъ наступательныхъ дѣйствій противъ Франціи, вслѣдствіе котораго союзныя войска, въ томъ числѣ и корпусъ Конде, подъ главнымъ начальствомъ Суворова, должны были направиться на Франшъ-Контѐ... Король, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившій за ходомъ военныхъ дѣйствій въ Италіи, сталъ серіозно помышлять о возвращеніи въ отечество, разсчитывая вступить въ предѣлы Франціи во главѣ корпуса принца Конде. Съ другой стороны сношенія Митавскаго двора съ Петербургомъ получили за это время болѣе правильный и опредѣленный характеръ: отправленный изъ Митавы графъ Караманъ (de Caraman) принятъ былъ императоромъ Павломъ въ качествѣ оффиціальнаго представителя Людовика XVIII-го и велъ дѣятельную переписку съ королемъ, увѣдомляя его аккуратно объ успѣхахъ русскихъ войскъ въ Италіи.

Лѣтомъ 1799 года король провелъ въ предоставленномъ ему императоромъ Павломъ загородномъ замкѣ Вюрцау (Würzau)—бывшемъ увеселительномъ дворцѣ послѣдняго курляндскаго герцога Петра Бирона [1]), куда переселилась также королева Марія-Жизефина и герцогъ Ангулемскій со своею супругою. Въ числѣ немногихъ лицъ придворнаго персонала, послѣдовавшихъ за королемъ, здѣсь находились неизмѣнный графъ д'Аваре и аббатъ Эджевортъ де-Фир-

---

[1]) Въ настоящее время Вирцава (Krons-Würtzau)—казенное имѣніе Митаво-Бауского уѣзда, Курляндской губерніи, находится въ 18 верстахъ отъ Митавы. Бывшій Вирцавскій замокъ отведенъ подъ казармы.

монъ, на котораго вскорѣ была возложена королемъ особая миссія. Людовикъ XVIII отправилъ его въ Петербургъ для врученія императору Павлу ордена св. Духа. Порученіе это аббатъ исполнилъ съ успѣхомъ, такъ какъ императоръ, глубоко тронутый судьбою достойнаго пастыря, принялъ его чрезвычайно милостиво въ присутствіи всего двора. Будучи затѣмъ нѣсколько разъ приглашаемъ къ столу государя, аббатъ де-Фирмонъ сдѣлался любимымъ собесѣдникомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, по желанію которой долженъ былъ не разъ передавать присутствующимъ трогательную повѣсть о послѣднихъ минутахъ Людовика XVI. Передъ отъѣздомъ аббата въ Митаву императоръ подарилъ ему въ знакъ памяти богатую табакерку съ своимъ портретомъ, осыпаннымъ брилліантами.

Такъ прошелъ 1799 годъ, къ концу котораго значительно измѣнилось положеніе дѣлъ въ Европѣ. Суворовъ, вызванный изъ Италіи для соединенія съ корпусомъ Римскаго-Корсакова, совершилъ свой безпримѣрный въ военныхъ лѣтописяхъ Швейцарскій походъ; перейдя Сенъ-Готардъ и спустившись въ Муттенскую долину, онъ узнаетъ объ уничтоженіи русскаго отряда, преждевременно покинутаго австрійскими войсками эрцгерцога Карла. Окруженный втрое многочисленнѣйшимъ непріятелемъ, лишенный продовольствія и боевыхъ припасовъ, фельдмаршалъ съ 16-ти тысячнымъ русскимъ отрядомъ пробивается сквозь всю французскую армію Массены и обезпечиваетъ себѣ отступленіе въ Баварію, откуда отправляетъ донесеніе къ государю. Возмущенный образомъ дѣйствія Австріи, императоръ Павелъ отзываетъ Суворова въ Россію и выходитъ изъ коалиціи. Между тѣмъ политическія событія въ самой Франціи принимаютъ крайне неблагопріятный для короля оборотъ и, повидимому, отнимаютъ у него окончательно надежду на возвращеніе въ отечество. Переворотъ 18 брюмера, уничтожившій директорію, снова выдвинулъ Бонапарта, который подъ именемъ перваго консула сталъ во главѣ правительства Франціи. Новый диктаторъ ловкимъ дипломатическимъ маневромъ неожиданно пріобрѣлъ расположеніе императора Павла, отославъ ему при любезномъ письмѣ русскихъ плѣнныхъ, находившихся во Франціи. Плѣнные эти, въ числѣ около 5,000 человѣкъ, захваченные французами въ послѣднюю кампанію, должны были пойти на обмѣнъ на плѣнныхъ французовъ, взятыхъ Суворовымъ и находившихся въ Австріи. Австрійское правительство, однако, не соглашалось на этотъ обмѣнъ, и тогда первый консулъ рѣшилъ отослать ихъ русскому императору безъ всякихъ условій: офицерамъ и всѣмъ нижнимъ чинамъ возвращено было оружіе и знамена, причемъ въ письмѣ своемъ Бонапартъ заявлялъ, что дѣлаетъ это «единственно изъ уваженія къ доблести русской арміи, которую французы сумѣли оцѣнить по достоинству на полѣ битвы». Въ этомъ же письмѣ первый консулъ увѣдомлялъ о готовности возвратить островъ Мальту высокому покровителю мальтійскаго ордена.

Императоръ Павелъ былъ въ восторгѣ отъ поступка перваго консула: въ Парижъ былъ командированъ генералъ Шпренгпортенъ, чтобы выразить ему оффиціально благодарность русскаго императора и приступить къ переговорамъ о передачѣ Мальты Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ посланнику нашему въ Берлинѣ, барону Крюднеру, поручено вступить въ сношенія съ французскимъ представителемъ Бернонвилемъ (Beurnonville) и выработать совмѣстно съ нимъ условія мирнаго договора между Россіей и Франціей. Въ Петербургѣ шли новыя вѣянія: при дворѣ только и говорили о великодушномъ поступкѣ перваго консула и о блестящихъ военныхъ способностяхъ героя пирамидъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ Митаву внезапно прибылъ графъ Караманъ, неожиданно высланный изъ Петербурга по повелѣнію императора Павла. На вопросъ короля о причинѣ своей немилости графъ Караманъ отвѣчалъ, что онъ до сихъ поръ находится въ совершенномъ недоумѣніи, такъ какъ объ этомъ желаніи государя ему сообщено было въ самый день его отъѣзда изъ Петербурга. Тогда король рѣшилъ лично обратиться къ государю съ письмомъ, въ которомъ просилъ сообщить ему о причинахъ, вызвавшихъ недовольство его представителемъ въ Петербургѣ, съ тѣмъ чтобы замѣнить его другимъ лицомъ, болѣе подходящимъ. Но письмо это имѣло совершенно обратное дѣйствіе, такъ какъ партія, враждебная королю и стоявшая за союзъ съ республикой, повидимому, получила преобладаніе. Императору постарались истолковать письмо Людовика XVIII въ неблагопріятномъ смыслѣ, и результаты этого не замедлили обнаружиться вскорѣ. Въ началѣ января 1801 года курляндскій комендантъ Ферзенъ получилъ отъ графа Палена письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «сообщите Людовику XVIII, что государь совѣтуетъ ему выѣхать изъ Россіи». Король и всѣ бывшіе съ нимъ были ошеломлены этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ, разразившимся надъ ихъ головами. 22 января Людовикъ XVIII выѣхалъ изъ Митавы и черезъ Полангенъ и Мемель прибылъ въ Кенигсбергъ, откуда написалъ письмо къ прусскому королю, прося разрѣшенія поселиться въ Варшавѣ, гдѣ и пробылъ до 1805 года когда по приглашенію императора Александра снова вернулся въ Митаву.

А. К. Военскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ГОСУДАРЕВО ВЕЛИКОЕ ВЕРХНЕЕ ДѢЛО.

(Очеркъ изъ жизни XVII-го вѣка).

ВЪ МАРТѢ 1642 г. въ высшихъ кругахъ Москвы распространился слухъ, что схваченъ какой-то отставной стрѣлецъ Аѳанасій Науменко, замышлявшій не то «испортить», не то даже «уморить» царицу Евдокію Лукьяновну... Слухъ скоро подтвердился, и загорѣлось «государево великое верхнее дѣло»[1]), какъ назывались тогда дѣла о заговорахъ на жизнь и честь царей и членовъ царской семьи. Такія дѣла часто возникали въ XVII вѣкѣ, и хотя нерѣдко оказывались «ложными извѣтами», но всегда и подолгу держали въ большой тревогѣ царскій «верхъ» (дворецъ) и волновали придворный людъ. Въ этомъ отношеніи дѣло Науменка довольно заурядно, но оно выдается нѣкоторыми характерными особенностями и прежде всего странною личностью Науменка, увѣрявшаго «сыщиковъ», что онъ «съ бѣсами знается», умѣетъ «привораживать женокъ», «портить людей» и т. п. Благодаря этому, въ дѣлѣ сохранилось немало матеріаловъ о «вѣдовствѣ» въ XVII вѣкѣ; любопытны сообщенныя Науменкомъ «призывательныя слова» къ бѣсамъ, обрядъ «отреченія отъ Христа», разные «привороты», пресловутый «Сонъ Богородицы» и проч. Преимущественно съ этой бытовой стороны я и буду разсматривать дѣло Науменка.

---

[1]) Это дѣло сохранилось въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи и недавно цѣликомъ напечатано А. Н. Зерцаловымъ въ III книгѣ «Чтеній московскаго общества исторіи и древностей» 1895 г.

I.

Дѣло Науменка сильно взволновало царя Михаила Өеодоровича. Извѣстно, какъ ему сначала не давалось брачное счастье. Послѣ несчастной исторіи первой царской невѣсты, Маріи Ивановны Хлоповой, слѣдовали два неудачныхъ сватовства къ иностраннымъ принцессамъ (датской и бранденбургской), затѣмъ годичный бракъ съ княжною Маріей Владиміровной Долгоруковой. Послѣ ея смерти царь женится въ 1626 г. на Евдокіи Лукьяновнѣ Стрешневой и только въ этомъ бракѣ находитъ свое полное и прочное счастье. Проходитъ 16 лѣтъ ихъ счастливой жизни, и вдругъ является какой-то невѣдомый стрѣлецъ и замышляетъ порвать это счастье, затѣваетъ «непристойное и злое дѣло»—хочетъ «государыню портить и уморить до смерти...». За что? какое личное отношеніе у жалкаго стрѣльца къ «великому государю» и государынѣ? Конечно, ни малѣйшаго! Очевидно, за его спиною стоитъ кто-то другой, или другіе, люди, близкіе къ «верху» и имѣющіе тѣ или другія причины желать зла царю... Но кто же это?.. въ чьихъ рукахъ Науменко собирался быть подкупленнымъ орудіемъ мести?..

Именно въ эту сторону и былъ направленъ розыскъ, но онъ ничего не далъ, если судить по оффиціальному изложенію дѣла. Много разъ и жестоко сыщики (разслѣдователи) пытали Науменка и на каждой пыткѣ неизмѣнно предлагали самый существенный вопросъ: «кто его, Аөоньку, на такое злое дѣло училъ? и за что ее, государыню, было портить?..» Но измученный пытками Аөонька «оговаривалъ» большею частью такихъ же маленькихъ людей, какимъ онъ самъ былъ, а потомъ сознавался, что «поклепалъ ихъ напрасно, избываючи пытки...».

Долго бились съ нимъ сыщики и ничего не добились, а между тѣмъ въ дѣлѣ есть намеки на то, что Науменко имѣлъ кое-какія связи съ московскою знатью и могъ быть орудіемъ сильныхъ людей, недовольныхъ «верхомъ»... Во-первыхъ, послѣ отставки изъ стрѣльцовъ онъ поступилъ во дворъ родственника царицы, стольника Ивана Өедоровича Стрешнева, былъ его «человѣкомъ». Конечно, ни царь, ни сыщики, и никто въ Москвѣ не могли подозрѣвать стольника въ злыхъ замыслахъ противъ его высокой родственницы благодаря которой онъ проникъ въ московскую знать и прочно усѣлся среди ея (позже онъ достигъ и званія боярина). Но понятно, что «человѣкъ» Стрешнева, близкаго къ «верху» лица, имѣлъ связи съ верховою прислугою и въ этомъ отношеніи былъ очень опасенъ. Недаромъ онъ самъ въ первомъ же допросѣ сознался, что хотѣлъ уморить царицу, положивъ въ ея питье траву «целебокъ», «а положить де было ему ту траву царицѣ въ питье въ тѣ поры, какъ понесутъ про государыню царицу питье вверхъ...». Несомнѣнно

отсюда, что у него было знакомство среди ближайшей прислуги царицы. Завязаться этому знакомству было немудрено, такъ какъ онъ самъ говорилъ, что не разъ «хаживалъ де онъ за бояриномъ своимъ за Иваномъ Стрешневымъ вверхъ къ свѣтлицамъ». Насколько онъ чувствовалъ себя тамъ своимъ человѣкомъ, свободно разгуливавшимъ около самыхъ «свѣтлицъ» царицы, видно изъ слѣдующихъ словъ его: «а только де было ему тое травы царицѣ въ питье положить самому не мочно, а ему де было того докупаться, кѣмъ мочно то дѣло сдѣлать...». Удивительно, что сыщики не обратили вниманія на эти существенныя показанія Науменка и не сдѣлали попытки добиться отъ него, кого именно изъ царицыной прислуги онъ имѣлъ въ виду «докупаться», или вообще съ кѣмъ онъ тамъ водилъ знакомство? кто его могъ допустить къ «питью» царицы?.. Позже онъ оговорилъ въ соучастіи нѣкоего Михаила Иванова, служившаго при дворѣ «у государя въ сытникахъ». Но сыщики ограничились самымъ поверхностнымъ допросомъ его, оправдываясь тѣмъ, что Науменко снялъ потомъ оговоръ съ государева сытника...

Понятно, что при такихъ связяхъ Науменко былъ золотою находкою для людей, злоумышлявшихъ противъ царицы. Его принадлежность къ двору И. Ѳ. Стрешнева только увеличивала его цѣнность, отводя отъ него всякія подозрѣнія. Если Стрешнева и допрашивали сыщики, то только по вопросу о принадлежности Науменка къ его двору. Болѣе ни о чемъ Стрешнева не допрашивали, и это вполнѣ понятно: его ни въ чемъ нельзя было подозрѣвать.

Но зато положительно странными представляются дѣйствія сыщиковъ, когда самъ Науменко заявилъ имъ, что его «научалъ государыню портить и уморить до смерти стрѣлецъ Васька Мещерка тому съ годъ, а сказывалъ ему Васька, что ему о томъ дѣлѣ... били челомъ сверху добрые люди, а кто именемъ, про то ему не сказалъ, а давалъ де ему отъ того десять рублевъ...». Изъ розыска не видно, чтобы сыщики сдѣлали хотя малѣйшую попытку раскрыть этотъ глухой намекъ Науменка на участіе «верха» въ его темномъ дѣлѣ... Надъ мелочами и пустяками сыщики усердно бились и мучили изъ-за нихъ свою жертву, а такое существенное показаніе обошли молчаніемъ, если не считать ихъ попытки отыскать Ваську Мещерку (онъ же Щербинка)...

Еще яснѣе обнаружилась эта наивная или нарочитая слѣпота сыщиковъ при явномъ оговорѣ Науменкомъ окольничаго Ѳедора Борисовича Далматова-Карпова, котораго онъ обвинялъ въ прямомъ соучастіи въ заговорѣ противъ царицы... На одномъ допросѣ Науменко показалъ: «наймовалъ де его царицу портить Ѳедоръ Карповъ..., а говорилъ ему о томъ... дважды..., и послѣ де того онъ, Аѳонька, у Ѳедора Карпова не бывалъ, а присылалъ по него, по Аѳоньку, человѣка своего Сеньку...». Въ другомъ допросѣ Науменко

снова подтвердилъ, что окольничій Карповъ велъ съ нимъ переговоры о порчѣ царицы не только черезъ своего человѣка Сеньку, но и лично: «и самъ Ѳедоръ Карповъ ему, Аѳонькѣ, о томъ зломъ дѣлѣ говорилъ же...». Послѣ этого у сыщиковъ были, кажется, достаточныя основанія, чтобы привлечь къ розыску Ѳ. Карпова и допросить его объ отношеніяхъ къ Науменкѣ. Они и привлекли его, но только для допроса о человѣкѣ его Сенькѣ. Всѣ усилія употребили сыщики, чтобы отыскать Сеньку: перебрали всѣхъ Сенекъ не только на московскомъ дворѣ и въ деревняхъ Ѳ. Б. Карпова, но на дворѣ и въ деревняхъ его родственника также окольничаго Льва Ивановича Далматова-Карпова. Сеньку такъ и не нашли, и намекъ Науменка на соучастіе Ѳ. Б. Карпова остался невыясненнымъ...

Еще хладнокровнѣе отнеслись сыщики къ оговору Науменкомъ въ соучастіи извѣстнаго окольничаго Леонтія Плещеева (убитаго народомъ въ 1648 г. во время московскаго мятежа): «научалъ де его испортить государыню царицу Левонтей Плещеевъ...». Но, «постоявъ немного», Науменко «сказалъ, что Левонтья онъ, Аѳонька, тѣмъ поклепалъ, говоритъ про то внѣ ума, и на себя и на людей въ томъ дѣлѣ говоритъ напрасно...». Точно также и послѣ оговора Ѳ. Карпова Науменко говорилъ, что «въ прежнихъ своихъ рѣчахъ и на пыткахъ все на себя и на людей говорилъ напрасно...». Однако, Ѳ. Карпова сыщики все-таки привлекли хотя къ косвенному допросу о его человѣкѣ Сенькѣ, а о привлеченіи Леонтья Плещеева и не подумали. Пусть Науменко и добровольно снялъ свой оговоръ съ Карпова и Плещеева, но почему же онъ оговорилъ только этихъ двухъ лицъ, хотя несомнѣнно, что онъ зналъ не одинъ десятокъ представителей московской знати? Почему во время пытокъ пришли ему на умъ только эти два лица? слышалъ онъ объ нихъ что нибудь особенное, дававшее поводъ подозрѣвать чистоту ихъ отношеній къ «верху»?... Можетъ быть, и такъ, и тогда замалчиваніе сыщиковъ и выгораживаніе своей братіи становится еще характернѣе... Интимныя отношенія различныхъ тогдашнихъ кружковъ придворной и боярской знати намъ почти неизвѣстны, и разобраться въ нихъ невозможно.

«Сыщики» были назначены самимъ царемъ. Сначала это были: бояринъ князь Борисъ Александровичъ Репнинъ, очень близкое и уважаемое царемъ лице, и дьякъ Гаврило Левонтьевъ, одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ приказныхъ дѣльцовъ Москвы. Но уже послѣ первыхъ допросовъ Науменка, черезъ недѣлю послѣ возникновенія дѣла его, составъ розыскной комиссіи увеличился еще двумя лицами — окольничимъ Василіемъ Ивановичемъ Стрешневымъ и думнымъ дьякомъ Иваномъ Гавреневымъ. Послѣдній привлеченъ, какъ первый приказный дѣлецъ, а Стрешневъ, родственникъ царицы, явился представителемъ двора и въ частности своей

фамиліи, сильно заинтересованной дѣломъ. Именно участіе въ розыскѣ одного изъ Стрешневыхъ намекаетъ, что они придавали дѣлу серьезное значеніе, т. е. не считали его личнымъ дѣломъ ничтожнаго Науменка, а предполагали за его спиною болѣе значительныхъ руководителей изъ своихъ враговъ среди московскаго боярства...

На то же намекаетъ и крайняя продолжительность розыска, и особенно затяжка исполненія приговора боярской думы о казни Науменка. Съ 18-го марта 1642 года розыскъ тянулся до 20-го августа, когда дѣло поднесено боярской думѣ, постановившей еще пытать и допросить Науменка и, если онъ «ничего не прибавитъ», тогда казнить его [1]). Сыщики сдѣлали ему еще два допроса—въ августѣ и ноябрѣ, но ничего новаго не узнали. Оставалось, значитъ, казнить Науменка. Но онъ не былъ казненъ: онъ оставался въ Москвѣ болѣе полгода—и только въ маѣ 1643 года, по царскому указу, вмѣсто казни сосланъ въ Сибирь.

Зачѣмъ же его такъ долго держали въ Москвѣ, когда дѣло считалось уже оконченнымъ? Полагаю, что оно было окончено только оффиціально, но тайный розыскъ по дѣлу продолжался и послѣ ноября 1642 года. Ни царь съ царицей, ни Стрешневы не могли успокоиться на тѣхъ скудныхъ данныхъ, какія добыты были розыскомъ. Они попрежнему не вѣрили, чтобы замыселъ Науменка былъ его личнымъ дѣломъ, и старались добиться отвѣта на волновавшій ихъ вопросъ: «кто его, Аѳоньку, научалъ портить государыню царицу?» Для этого и держали его въ Москвѣ полгода, пока шли эти тайные розыски. Но они не привели ни къ чему, и результатомъ ихъ было только смягченіе участи Науменки...

Дѣло Науменка губительно повліяло на «мягкую природу» царя Михаила Ѳеодоровича и вмѣстѣ съ семейными неудачами послѣднихъ лѣтъ его жизни (смерть царевичей Ивана и Василія, несчастное сватовство датскаго королевича Вольдемара и др.) сыграло свою роль въ развитіи той «меланхоліи, сирѣчь кручины», которая преждевременно свела царя въ могилу.

II.

Допустимъ, однако, ту окраску дѣла Науменка, какую придалъ ему оффиціальный розыскъ, руководимый могучими руками такихъ опытныхъ дѣльцовъ, какъ И. Гавреневъ и Г. Левонтьевъ: признаемъ вмѣстѣ съ ними, что всѣ намеки на соучастіе съ Науменкомъ государева «верха» и оговоры Л. Плещеева и Ѳ. Карпова лишены всякаго основанія. Согласимся, что Науменко затѣялъ свое «злое дѣло» самъ и въ союзѣ съ другими маленькими людьми, дѣйствовавшими самостоятельно, внѣ всякихъ вліяній со стороны высшихъ сферъ

---

[1]) «Боярскій приговоръ» по дѣлу Науменка (см. ниже) принадлежитъ къ числу очень рѣдкихъ, такъ какъ въ немъ переименованы всѣ члены боярской думы, слушавшіе дѣло.

Москвы. Тогда дѣло Науменка пріобрѣтаетъ особенный интересъ и получаетъ крупное общественное значеніе...

Любопытно прежде всего обозначить ту среду, въ которой вращался Науменко въ Москвѣ, и гдѣ, если вѣрить ему и оффиціальному розыску, зародилась мысль о порчѣ царицы. Эту среду вовсе нельзя назвать подонками столицы. Главная масса лицъ, которыхъ Науменко называлъ своими соучастниками, или просто «знакомцами», съ которыми онъ имѣлъ «познать» (знакомство),—это были московскіе пушкари и стрѣльцы, люди съ извѣстнымъ достаткомъ, зажиточные, владѣвшіе дворами въ пушкарской и стрѣлецкихъ слободахъ. Многіе изъ нихъ имѣли разныя ремесленныя заведенія (упоминаются «сапожной мастеръ», «ученикъ паникадильнаго дѣла» и др.) или вели торговлю. Словомъ, это были люди положительные, устроившіеся въ жизни, а не какая либо голытьба, бродячая вольница. Правда, и съ послѣднею Науменко водилъ «познать»—въ дѣлѣ встрѣчаемъ нѣсколькихъ «гулящихъ людей», затѣмъ городовыхъ казаковъ, стрѣльцовъ и т. п. временныхъ обитателей Москвы. Но это исключенія среди его обычнаго круга знакомства, въ которомъ послѣ московскихъ пушкарей и стрѣльцовъ преобладали дворовые люди знатныхъ домовъ (Стрешневыхъ, кн. Дмитрія Михайловича Пожарскаго и др.).

И вотъ, если среди этого не бездомовнаго и не голоднаго люда зарождается «злой умыселъ» Науменка—чѣмъ онъ былъ вызванъ? «за что» было имъ «портить государыню»? Никакихъ личныхъ столкновеній, никакихъ мотивовъ вражды, мести, у нихъ не было и не могло быть, какъ все это бывало у московской знати, когда она принимала участіе въ заговорахъ противъ царя и его семьи. До этихъ низкихъ расчетовъ личной вражды и мести народъ не опускался и, если тѣмъ не менѣе готовъ былъ поднять руку на царя или оскорбить честь «великаго государя» и его ближнихъ, съ чѣмъ много разъ встрѣчаемся въ XVII вѣкѣ [1]), то совсѣмъ по другимъ мотивамъ высшаго порядка... Эти мотивы—протестъ противъ непорядковъ и ненормальностей русской жизни, вину за которые народъ клалъ именно на царя...

Что именно такіе мотивы могли бродить и среди того люда, гдѣ вращался Науменко въ Москвѣ, это доказываетъ одинъ любопытный эпизодъ въ его розыскномъ дѣлѣ, который тамъ стоитъ совершенно отдѣльно и потому можетъ быть разсказанъ здѣсь—въ этомъ предварительномъ обзорѣ дѣла Науменка.

Это—эпизодъ съ «римскимъ письмомъ», найденнымъ у московскаго стрѣльца Григорья Дмитріева Казанца, служившаго въ томъ же стрѣлецкомъ приказѣ В. Жукова, гдѣ раньше служилъ и

---

[1]) Напримѣръ, въ одной Сибири за 70 лѣтъ XVII в. намъ извѣстно до 20 сыскныхъ дѣлъ объ оскорбленіи царской чести, въ чемъ обвинялись и служилые и жилецкіе люди (см. мое «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа», ч. I, сс. 867—869). Но это, конечно, ничтожная доля дошедшихъ до насъ дѣлъ, а въ дѣйствительности ихъ было во много разъ больше...

Науменко. По оговору послѣдняго, дьякъ Гаврило Левонтьевъ произвелъ обыскъ во дворѣ Казанца и отобралъ у жены его Екатерины разныя травы, коренья, кости, раковины и пр. «Да у той же стрѣлецкія жены у Катеринки вынято съ тѣмъ же кореньемъ письмо» очень страннаго содержанія.

«Письмо» состоитъ изъ 3 частей: въ первой разсказывается объ одномъ «проявленьи» надъ «римскимъ цосаремъ»—какъ надъ нимъ леталъ орелъ и потомъ палъ къ его ногамъ мертвымъ, отчего римскіе «бояре и думные люди» пришли «въ сумнѣнье»... Во второй части («изъ города изъ Наполи пишетъ..») говорится о появленіи «новаго пророка» съ «великой Калабреи». Но всего интереснѣе третья часть письма («галанской нѣмчинъ Вилимъ Фандоблокъ сказалъ...»), гдѣ излагается сущность ученія этого «новаго пророка» и его вліяніе на «простыхъ людей»... Вотъ что сообщалъ «галанской нѣмчинъ»: «объявился де въ Калабридской землѣ пророкъ новой, а сказался, что онъ будто съ небесъ сынъ Христовъ: я-де миротворецъ, землю де вашу всю обороню и иныя страны и земли поемлю. И простые де люди ему преклоняются, и онъ де имъ говоритъ, что онъ ихъ ото всего избавитъ, и станете де на семъ свѣтѣ царствовати, и жить безпошлинно, и безъ дани, и ни отъ кого де вамъ обиды не будетъ»...

Стали разспрашивать стрѣльчиху Екатерину, откуда у нея это «письмо». Она объяснила, будто мужъ ея Григорій получилъ письмо отъ «невѣдомо какого человѣка», съ которымъ сошелся на дорогѣ въ Соловки, куда ходилъ на богомолье. Но Григорій Казанецъ объяснилъ дѣло иначе: зашелъ онъ какъ-то въ разрядной приказъ и попросилъ у подьячаго Ѳедора Семенова «бумаги на заряды» и подьячій далъ ему то «письмо съ инымъ письмомъ на заряды». Подьячій подтвердилъ, что давалъ Казанцу «изъ-подъ стола драную бумагу на заряды, а нешто де будетъ то письмо ему далъ въ драной бумагѣ». Прочитавши «письмо», подьячій сказалъ, что въ немъ находятся зарубежныя «вѣсти», сообщенныя въ разрядъ въ «отпискѣ» псковскихъ воеводъ, и что эта отписка цѣла въ разрядѣ.

Очевидно, кто-то изъ разрядныхъ подьячихъ сдѣлалъ для себя выписку изъ заинтересовавшей его вѣстовой отписки, но потомъ бросилъ, а Семеновъ передалъ ее Казанцу въ ворохѣ «драной бумаги». Какъ человѣкъ любознательный, Казанецъ пересмотрѣлъ полученную кучу бумагъ, нашелъ тамъ «письмо, а написано въ немъ— проявился мессія», и, «прочетчи то письмо, подивился» и не употребилъ его на заряды, а сохранилъ... Несомнѣнно, «письмо» не разъ читалось и Казанцомъ, и близкими ему людьми Науменкомъ и др., и всѣ они «дивились» рѣчамъ «новаго пророка», взявшаго на себя миссію—«ото всего избавить», отчего страдаютъ «простые люди». А вѣдь такой миссіи отъ всего сердца должны были сочувствовать «простые люди» Московскаго государства—всѣ эти Науменки, Ка-

занцы и др., которымъ не легко жилось подъ кровомъ «великаго государя»... Рѣчи и планы Калабрійскаго «пророка«, случайнымъ путемъ дошедшія до Москвы, нашли здѣсь сочувственный отголосокъ и пали на благодарную почву. Если московскіе «простые люди» не ждали, конечно, что Калабрійскій пророкъ и ихъ «ото всего избавитъ», то они не могли не мечтать о появленіи своего пророка, для котораго нашлось бы немало работы...

Вообще этотъ маленькій фактъ находки у Казанца «римскаго письма» очень знаменателенъ и даетъ ясный намекъ на подготовку того настроенія московскихъ «простыхъ людей», которое черезъ 6 лѣтъ разразилось извѣстнымъ московскимъ бунтомъ 1648 года, да не разъ сказывалось и впослѣдствіи...

Стоитъ еще присмотрѣться къ личности стрѣльца Григорья Казанца, пустившаго въ ходъ письмо о «новомъ пророкѣ»—защитникѣ «простыхъ людей». Изъ его обстоятельныхъ объясненій по поводу найденныхъ у него травъ, кореньевъ и проч. видно, что это былъ человѣкъ очень толковый, здраво смотрѣвшій на вещи и самостоятельно разсуждавшій о разныхъ явленіяхъ жизни. Въ дѣлѣ приведена «роспись травъ и коренья», и почти всѣ они оказываются, по объясненіямъ Григорья и его жены Катерины, лѣчебными средствами или припасами для домашняго обихода, напримѣръ, «трава Божья—для духу», «корень иръ—кладутъ въ вино для духу», «2 корешка желты—жолтятъ у сапогъ подошвы» и т. п. Словомъ эта коллекція преслѣдовала простыя, житейскія цѣли и не заключала въ себѣ никакихъ «приворотныхъ зелій» и т. п. аттрибутовъ и «вѣдовства». Правда, нашли у него какой-то «косной разводъ», служившій какимъ-то таинственнымъ цѣлямъ, но Казанецъ объяснилъ, что «тотъ косной разводъ держалъ у себя для глумовства (для шутки), а ничего по немъ не угадывалъ и не знаетъ», т. е. не умѣетъ такимъ дѣломъ заниматься.

Любопытна коллекція рѣдкостей Казанца и именно по мотивамъ ея составленія. Такъ, онъ привезъ изъ Соловокъ и Астрахани «раковины морскія — для показанья». Такою же любознательностью отличалась и жена его Катерина: у ней нашли «обломокъ камени», о которомъ «Катеринка сказала: дубъ лежалъ въ водѣ и окаменѣлъ, а она держала у себя для диковины»... Мужъ ея былъ человѣкъ бывалый, исколесившій всю Русь: всѣ эти «диковины», травы и пр. собраны имъ въ разныхъ мѣстахъ—въ Соловкахъ, Казани, Путивлѣ, Валуйкахъ, Астрахани и др.

Есть одинъ пунктъ въ розыскѣ, говорящій съ перваго взгляда о суевѣріи Казанца: именно у него найденъ списокъ извѣстнаго «сна Богородицы». Но и по этому пункту Казанецъ долженъ быть обѣленъ. Онъ откровенно объяснилъ, что сначала дѣйствительно «носилъ то письмо на себѣ для того, что ему сказали: кто то письмо на себѣ носитъ, и того человѣка стрѣльба не возьметъ...».

Но вотъ онъ былъ на государевой службѣ въ Путивлѣ, и тамъ его ранили, «а то письмо было на немъ, и онъ де съ тѣхъ мѣстъ тому письму не почалъ и вѣрить, а держалъ его у себя спроста». Еще болѣе укрѣпилось его невѣріе въ силу «сна» послѣ того, какъ во время припадка «черной немочи» у жены онъ «то письмо клалъ на нее, и отъ того де ей письма помочи ничего не было...».

Вотъ нѣсколько данныхъ для характеристики того скромнаго московскаго стрѣльца XVII вѣка, въ головѣ котораго роились какія-то думы о соціальномъ положеніи московскихъ «простыхъ людей», и который трепетно прислушивался къ вѣстямъ о зарубежномъ «новомъ пророкѣ», ратующемъ за интересы своихъ «простыхъ людей...».

III.

Кто же былъ главный герой нашей исторіи, заварившій все это «государево великое верхнее дѣло», втянувшій въ него нѣсколько десятковъ «простыхъ людей» и самъ всѣхъ болѣе пострадавшій? Судя по даннымъ розыска, Аѳанасій Науменко представлялъ по характеру полную противоположность Григорію Кавапцу. Насколько характеръ послѣдняго былъ простъ, ясенъ и откровененъ, настолько загадочна и туманна личность Науменка.

Уже одно его прошлое неясно. Фамилія его пишется въ дѣлѣ двояко—Науменко и Науменокъ, послѣдняя форма чаще. Первая форма чисто малорусская, а вторая нерѣдко встрѣчается въ XVII вѣкѣ и среди несомнѣнныхъ великороссовъ (Басенокъ, Кузьменокъ и т. п.). Слѣдовательно, считать Науменка малороссомъ нѣтъ основанія, тѣмъ болѣе, что мать его жила въ Москвѣ у стрѣльца Ивана Лукьянова, служившаго въ томъ же приказѣ В. Жукова, въ которомъ служилъ прежде и Науменко. Во время розыска мать его была уже слѣпою старухою и, повидимому, жила милостынею— «ходитъ по дворамъ». Любопытенъ отзывъ о ея сынѣ прежняго его сослуживца Лукьянова: раньше онъ съ нимъ зналcя, а теперь «не знается тому лѣтъ съ пять, какъ онъ, Аѳонька, почалъ воровать, пить и ходить почалъ за воровствомъ...».

Вообще у Науменка были прочныя связи съ московскими стрѣльцами по его прежней службѣ въ приказѣ Жукова. Трудно представить, чтобы малороссъ могъ пробраться въ московскіе стрѣльцы: это были почти исключительно уроженцы Москвы. Съ приказомъ Жукова Науменко былъ на службѣ въ Путивлѣ во время Смоленскаго похода Михаила Шеина и въ другихъ мѣстахъ.

За годъ до возникновенія настоящаго дѣла Науменко былъ отставленъ отъ стрѣлецкой службы «за черную немочь» (падучую). Около полгода онъ «жилъ на волѣ», пока не былъ «пойманъ съ табакомъ» и «вкинутъ въ тюрьму». Изъ тюрьмы «вы-

нулъ» его окольничій И. Ѳ. Стрешневъ, которому Науменко «билъ челомъ во дворъ и кабалу на себя далъ». У Стрешнева онъ «рукодѣлья никакого не дѣлывалъ, приказано ему было быть у лошадей въ конюшнѣ».

Вотъ и всѣ скудныя фактическія данныя о прошломъ Науменка. Изъ нихъ для насъ существенны только тѣ данныя, которыя свидѣтельствуютъ о болѣзненности Науменка: въ послѣдніе годы онъ страдалъ падучею и сталъ пить. Вообще онъ началъ «воровать», то-есть не въ нашемъ смыслѣ похищенія чужого, а въ смыслѣ XVII вѣка, когда «воровствомъ» называлось всякое выходящее изъ обычныхъ рамокъ жизни поведеніе человѣка: «воровать» можно и «хмельнымъ зеліемъ», и «табачною травою», и «блуднымъ воровствомъ», и «измѣною государю», и «вѣдовствомъ» и проч. и проч. А Науменко былъ «воромъ» по всѣмъ этимъ статьямъ...

Его явная болѣзненность, неудачи жизненныя, недовольство скромнымъ положеніемъ «кабальнаго человѣка», познакомившагося съ сытою и безпечальною жизнью боярскихъ семей и самого государева «верха», столь далекаго отъ подневольной и полуголодной жизни «простыхъ людей»,—все это вызывало у Науменка критическое отношеніе къ настоящему, изъ котораго онъ страстно искалъ выхода... Когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за «табачную выемку», у него былъ интересный разговоръ съ другомъ «тюремнымъ сидѣльцомъ»—съ Першкою Власовымъ, «человѣкомъ» боярина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Толковали они о томъ, «чтобъ имъ своей бѣдности пособить...». Першка Власовъ сдѣлалъ тутъ очень характерное замѣчаніе, свидѣтельствующее о томъ, какъ высоко цѣнилась въ XVII вѣкѣ грамотность: Першка «молылъ» (молвилъ), что онъ умѣетъ грамотѣ—сытъ будетъ...». На это Науменко скептически замѣтилъ, «что за нимъ и не такое ремесло, да онъ нынѣ погибаетъ...». Стали къ нему приставать: что это за ремесло? Онъ отвѣтилъ, что «дѣлаетъ серебряное дѣло», что будто бы сдѣлалъ цѣпь для царицы Евдокіи Лукьяновны, что эту цѣпь И. Ѳ. Стрешневъ снесъ на «верхъ» и проч.

На розыскѣ Стрешневъ опровергъ это обстоятельство, да и самъ Науменко сознался, что онъ совсѣмъ не знаетъ серебрянаго дѣла и служилъ у Стрешнева на конюшнѣ, а про цѣпь говорилъ спьяна. Очевидно, что, разсуждая о своей долѣ съ Власовымъ, Науменко имѣлъ въ виду другое свое «ремесло», которое онъ ставилъ выше грамотности... Въ тюрьмѣ онъ молчалъ, но на розыскѣ вынужденъ былъ разговориться и сообщилъ много любопытныхъ данныхъ о своемъ демонизмѣ: это и было то «ремесло» его, на которое онъ раньше возлагалъ всѣ надежды, а теперь сталъ разочаровываться въ немъ...

Науменко разсказывалъ, что искусству «призывать бѣсовъ» онъ научился въ Путивлѣ отъ тамошняго казака Васьки Кулака

и въ Москвѣ отъ стрѣльца Васьки Мещерки (онъ же Щербинка) и отъ гулящаго человѣка Ѳомки Андреева Путимца (родомъ изъ Путивля). Послѣдняго Науменко рисуетъ человѣкомъ, который «всякое вѣдовство знаетъ больши его Аѳоньки, да у него-жъ де Ѳомки есть такая книга, которою призываютъ бѣсовъ...». Такъ какъ притомъ же обоихъ своихъ московскихъ учителей Науменко обвинялъ и въ заговорѣ противъ царицы, то ихъ всѣхъ усердно искали въ Москвѣ и Путивлѣ, по указаніямъ Науменка, но нигдѣ не нашли. Науменко указалъ нѣсколькихъ лицъ, знавшихъ Мещерку и Путимца, но одни отвергали это, другіе ничего существеннаго о нихъ не показали. Только одинъ стрѣлецъ приказа Т. Шепелева показалъ, что Васька Мещерка служилъ въ ихъ приказѣ и «водился» съ Науменкомъ — «прихаживалъ къ нему и не одинова, а для чего приходилъ, того не вѣдаетъ, и какое вѣдовство за Ваською было-ль, того не видалъ. А то де весь приказъ вѣдаетъ, что онъ, Васька, былъ бражникъ и зернщикъ»... Въ прошломъ де году Васька сбѣжалъ изъ приказа. По указаніямъ того же стрѣльца на слѣдъ Васьки было напали—видѣли его въ Зарайскѣ, но когда принялись тамъ искать въ кабакахъ и харчевняхъ — его и слѣдъ простылъ... Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Васька и Ѳомка были дѣйствительныя личности, а не выдуманныя Науменкомъ. Изъ-за Ѳомки Путимца былъ арестованъ и долго сидѣлъ въ тюрьмѣ одинъ придворный служитель — «ловчаго пути пѣшій псарь» Максимъ Алексѣевъ. Хотя онъ отвергалъ знакомство съ Путимцомъ, но его задержали очевидно въ виду его придворной службы. Другіе знакомцы Путимца и Мещерки отданы на поруки.

Чему же научился Науменко отъ своихъ учителей по «вѣдовству?» Прежде всего они «учили его отречися Христа», а для этого велѣли продѣлать слѣдующее: «первое де велѣли ему снять крестъ съ себя и положить подъ пяту, и ступить назадъ трижды и говорить: подите, бѣси, ко мнѣ! я вамъ вѣрую, а вы мнѣ служите, какую службу васъ заставлю...».

Науменко увѣрялъ, что послѣ этого бѣсы стали ему «служить»: кого де онъ, Аѳонька, похочетъ испортить, и онъ наговариваетъ на соль, и призываетъ бѣсовъ народила и сатанаила и иныхъ бѣсовъ и къ тѣмъ людямъ тѣхъ бѣсовъ посылаетъ. И бѣсовъ де онъ, Аѳонька, знаетъ: какъ ихъ призоветъ, и бѣси къ нему приходятъ, старые и молодые, и что имъ велитъ, и они то дѣлаютъ, а онъ, Аѳонька, въ нихъ вѣруетъ»... Такъ де онъ «испортилъ» одного пушкаря, сусальника: «напустилъ на него бѣса, и бѣсъ де его забилъ до смерти»...

Сыщики разузнали, что въ Пушкарской слободѣ былъ одинъ сусальникъ, умершій 6 лѣтъ назадъ отъ «сухотной болѣзни», но «водился ли» онъ съ Аѳонькою, этого не знала даже жена покойнаго, никогда не видавшая Аѳоньки.

Науменко «напускалъ» бѣсовъ на людей такимъ образомъ: слѣдуетъ де «напускать по вѣтру на зорѣ на утренней или на вечерней, съ которой стороны вѣтръ идетъ, съ призывательными словами говорить: народилъ да сатанаилъ! я вамъ вѣрую, сослужите мнѣ мою службу, и отнесите песку, и бросьте на человѣка, на кого ихъ пошлетъ» (то-есть тутъ нужно произнести имя человѣка, противъ котораго призываются бѣсы).

Сыщики очень заинтересовались сношеніями Науменка съ бѣсами и на другомъ допросѣ все добивались, «чтобъ онъ сказалъ про то правду: бѣсовъ онъ призываетъ коимъ обычаемъ?..». Онъ отвѣчалъ, что призываетъ ихъ «съ прежними словами, что говорилъ напередъ сего», но затѣмъ добавилъ, что для призыва бѣсовъ нужна одна «трава, а безъ травы де къ нему бѣси не придутъ, потому что бѣси тое траву любятъ...». Однако, «постоявъ» немного, онъ «молылъ, что и безъ травы де къ нему бѣси придутъ...».

Это такъ заинтересовало сыщиковъ, что они сдѣлали Науменкѣ такое смѣлое предложеніе: «можетъ ли онъ то сдѣлать, чтобъ ему призвать бѣсей нынѣ?..» Но онъ благоразумно уклонился отъ производства опыта: «онъ бѣсей нынѣ призвать не умѣетъ... и самъ себѣ пособить не можетъ...». А вотъ де если бы отыскать «пущаго вора Ѳомку Путимца, и тутъ де все будетъ явно...».

Сыщики сейчасъ же командировали цѣлый отрядъ въ 50 стрѣльцовъ, подъ начальствомъ головы и сотника, которые долго искали Ѳомку по харчевнямъ за Тверскими и Арбатскими воротами, гдѣ водилъ ихъ Науменко, но Ѳомки «не сыскали нигдѣ», и такимъ образомъ опытъ призыванія бѣсовъ не состоялся...

Вообще сыщики очень обстоятельно допрашивали Науменка о проявленіяхъ его вѣдовства, и онъ очень подробно все объяснялъ, напримѣръ, какъ онъ «для воровства (то-есть блуда) женокъ приворачиваетъ»...Для этого—говорилъ онъ—беретъ «лягушку, самца да самку», и кладетъ въ муравейникъ и приговариваетъ: сколь тошно тѣмъ лягушкамъ въ муравейникѣ, столь бы тошно было той женкѣ по немъ, Аѳонькѣ. А поминаетъ той женки въ тотъ часъ имя. И на третій день приходитъ онъ, Аѳонька, къ тому муравейнику, и въ томъ де муравейникѣ тѣхъ лягушекъ останется одинъ крючекъ да вилки (то-есть кости, похожія на эти предметы), и онъ то возьметъ, и тѣмъ крючкомъ которую женку зацѣпитъ—и та женка съ нимъ воровать станетъ. А какъ ему съ тою женкою воровать не похочется, и онъ тое женку вилками отъ себя отпихнетъ, и та женка по немъ тужить перестанетъ»...

Пробовалъ Аѳонька указать и тѣхъ женокъ, которыхъ онъ будто бы приворачивалъ къ себѣ этимъ средствомъ, но ни одно изъ его указаній не подтвердилось. Такъ указалъ онъ на посадскую женку въ Ярославлѣ, Наташку, но ярославскій воевода не нашелъ у себя на посадѣ ни Наташки, ни мужа ея. Назвалъ Науменко дру-

гую женку, Любку, но самъ же прибавилъ, что она «нынѣ съ Москвы сошла безвѣстно». Отыскали только третью женку, съ которою онъ «воровалъ», а какъ затѣмъ «воровать не похотѣлъ», и она грозилась за то его «испортить». Это была московская стрѣльчиха Аниска, которая рѣшительно отвергала обвиненія Аѳоньки. Произвели обыскъ приказомъ Жукова, и 600 стрѣлецкихъ женъ и матерей да 16 стрѣльцовъ (приказъ былъ въ походѣ) единогласно заступились за Аниску и обѣлили ее: «воровства за нею и всякого дурна, и бляднн, и вѣдовства не слыхали... жена де она добрая»...

Не подтвердились и другіе случаи, коими Науменко хотѣлъ доказать свое «вѣдовство»—какъ де онъ въ Москвѣ и другихъ городахъ «многихъ людей порчивалъ, и отъ той его порчи многіе люди померли», или наоборотъ, что у него есть такое коренье, отъ которого «худого ничего нѣтъ, только кому онъ то коренье дастъ, н того станутъ люди любить»... Ссылался онъ на муромца Дмитрія Борисова, будто тотъ просилъ у него такого «коренья, чѣмъ бы ему въ верху прислужиться», и «чтобъ его любили бояре». Но Борисовъ опровергъ это, да и коренья не нашли сыщики, хотя Науменко самъ указалъ то мѣсто во дворѣ И. Ѳ. Стрешнева, гдѣ будто бы было спрятано коренье. Не подтвердилось и другое показаніе Науменка о кореньи, которое онъ будто бы покупалъ у одного пушкаря.

Словомъ своего «вѣдовства» Науменко ничѣмъ не могъ доказать и только путался, оговаривая невинныхъ людей... Въ августѣ, передъ окончаніемъ розыска, онъ наконецъ сознался: «нынѣ де отъ него бѣси отступились и къ нему не приходятъ»... На послѣднемъ допросѣ 2 ноября сыщики спросили его: «нынѣ къ нему бѣси приходятъ ли? и что имъ велитъ дѣлать—и они его въ томъ слушаютъ ли»?.. Науменко отвѣчалъ: «коли де онъ отвергся Христа, и тогда ему бѣси помогали, и во всемъ его слушали, что имъ велитъ дѣлать, а какъ де его пытали впервыя, и съ тѣхъ мѣстъ онъ бѣсей и по ся мѣстъ не видалъ, а вѣруетъ онъ нынѣ въ Господа нашего Исуса Христа, и помочи де ему нынѣ отъ бѣса никакія нѣтъ»... Сыщики могли утѣшать себя, что ихъ пытки даже бѣсовъ испугали и содѣйствовали покаянію Науменка... Нельзя, однако, не замѣтить, что за вѣру въ бѣсовъ онъ долго и упорно держался и отрекся отъ нея подъ конецъ, совсѣмъ измученный пытками: несомнѣнно, что демонизмъ, навѣянный другими «вѣдунами», привился крѣпко къ его нервной, болѣзненной натурѣ... Вообще это была странная личность, которая могла быть послушнымъ орудіемъ въ чьихъ угодно рукахъ и на какое угодно дѣло, а тѣмъ болѣе, конечно, на дѣло, которому самъ Науменко не могъ не сочувствовать...

IV.

Перехожу къ изложенію розыска о замыслѣ Науменка на жизнь царицы Евдокіи Лукьяновны.

Замыселъ его открыть нѣкіимъ полякомъ стараго выѣзда Даниломъ Рябицкимъ, сидѣвшимъ въ тюрьмѣ въ одно время съ Науменкомъ. Рябицкой глухо донесъ, что Науменко сказалъ въ бесѣдѣ съ «тюремными сидѣльцами» какое-то «непригожее слово» про царицу...

Науменка, уже вышедшаго изъ тюрьмы, сейчасъ схватили и начали допрашивать въ розыскной комиссіи кн. Б. А. Репнина. На первыхъ допросахъ и очной ставкѣ съ Рябицкимъ Науменко запирался, но когда его спросили и еще до пытки: «не знаетъ ли онъ какого вѣдовства и еретичества и воровскихъ заговоровъ?»—онъ вдругъ разговорился и сразу выдалъ себя во всемъ—и въ «вѣдовствѣ», и въ замыслѣ на царицу... Какъ будто онъ обрадовался этому вопросу, затронувшему самую интимную сторону его душевной жизни!..

Тутъ-то онъ разсказалъ о своемъ первомъ учителѣ по вѣдовству—о путивльскомъ казакѣ Васькѣ Кулакѣ, какъ онъ научилъ его «приворочивать женокъ», и прочее. Затѣмъ признался, что Рябицкой сказалъ правду: сидя въ тюрьмѣ, Науменко дѣйствительно говорилъ про царицу «непригожее слово—хотѣлъ ее, государыню, уморить до смерти, а давать было ей въ питьѣ траву целобока, а растетъ трава на рѣкѣ Окѣ и на Москвѣ рѣкѣ»...

Тогда же Науменко самъ замѣтилъ, безъ всякихъ понужденій со стороны сыщиковъ, что «научалъ» его на это стрѣлецъ Василій Мещерка, которому де о томъ «били челомъ сверху добрые люди»... Мещерка три раза говорилъ о томъ съ Науменкомъ, давалъ ему 10 рублей и просилъ «тое травы, которою испортить и уморить государыню». Науменко травы ему не далъ, такъ какъ тѣмъ дѣломъ промышлялъ самъ... Мещерка смущалъ Науменка деньгами и говорилъ: «даютъ де ему отъ того много, чего онъ, Аѳонька, не вѣдаетъ»... Онъ же сказалъ однажды: «будетъ де отъ тое травы царица не умретъ, ино бъ де ей какую спону сдѣлать»... Науменко отвѣчалъ: «я де то сдѣлаю, будетъ не умретъ—и она де сама надъ собою то сдѣлаетъ»...

На томъ же допросѣ и также по собственному побужденію Науменко назвалъ и другого своего сообщника — гулящаго человѣка Ѳомку Андреева Путимца: съ нимъ де онъ «говаривалъ и не одинова, какъ бы испортить и уморить государыню»... Ѳома просилъ «дать сроку, а онъ, Ѳомка, о томъ подумаетъ»...

Все это—самыя важныя и существенныя показанія Науменка, данныя имъ свободно, по первому побужденію и совершенно добровольно, безъ пытокъ и угрозъ сыщиковъ. Этимъ откровеннымъ признаніямъ его слѣдуетъ вѣрить...

Итакъ, мы устанавливаемъ несомнѣнность тѣхъ фактовъ, что у Науменка былъ замыселъ противъ царицы, и что у него были сообщники, о которыхъ мы уже знаемъ (см. выше), что это были дѣйствительныя лица, а не выдуманныя Науменкомъ...

Къ дальнѣйшимъ показаніямъ Науменка, уже подъ угрозою и дѣйствіемъ страшныхъ пытокъ, нельзя относиться съ такимъ довѣріемъ: Науменко дальше начинаетъ путаться, оговаривая массу людей, повидимому, невинныхъ, ссылаться частью на миѳическихъ лицъ и т. п. Кое-гдѣ лишь проскальзываютъ въ его рѣчахъ намеки на правду и на истинныхъ соучастниковъ, но разобраться въ нихъ мудрено... Поэтому считаю излишнимъ подробно останавливаться на дальнѣйшемъ ходѣ розыска и отмѣчу только нѣкоторые выдающіеся моменты его и кое-какія характерныя подробности дѣла.

Послѣ первыхъ откровенныхъ признаній Науменко былъ приведенъ къ пыткѣ и «у пытки спрашиванъ накрѣпко и пыткою стращенъ, чтобъ онъ сказалъ про то, никого не боясь: кто ему государыню велѣлъ испортить и уморить до смерти?» Науменко опять сослался на стрѣльца Ваську Мещерку, которому де «про то говорили сверху, а кто имянемъ—про то не сказалъ» Васька.

На этомъ же допросѣ передъ пыткою Науменко назвалъ своими сообщниками двухъ лицъ, жившихъ во дворѣ окольничаго И. Ѳ. Стрешнева,—Истому Темирязева и Михаила Савина, служившаго «у государя въ сытникахъ». Темирязевъ, котораго Науменко считаетъ вѣдуномъ, будто бы сдѣлалъ ему слѣдующій глухой намекъ на сочувствіе ихъ дѣлу жены окольничаго Матрены: Матрена не сможетъ, а надобеть такого человѣка добыть, чтобы испортилъ того, кому мы служимъ».

Но вѣдь «служили» они Стрешневу, значитъ это намекъ на послѣдняго? Возможно, и тѣмъ болѣе, что позже Науменко сознался, что «оговорилъ» Темирязева, Савина и Дм. Борисова (о немъ см. выше) «по недружбѣ—за то, какъ онъ жилъ у Ив. Стрешнева во дворѣ, и по ихъ насеркѣ ему, Аѳонькѣ, отъ боярина его и неодинова (не разъ) поученье (наказанье) было»... Но на первыхъ допросахъ и даже послѣ первой пытки, на которой дано ему 40 ударовъ, Науменко обвинялъ Темирязева и говорилъ, что тотъ давалъ ему за порчу государыни 2 ведра вина и 5 рублей деньгами... Темирязевъ и Савинъ опровергали обвиненія Науменка. Матрену Стрешневу сыщики не трогали.

24 марта розыскная комиссія увеличена прибавкою еще 2 членовъ (Вас. Ив. Стрешнева и Ив. Гавренева) и уже 25 марта, не смотря на такой уважаемый праздникъ, приступила къ новому допросу Науменка, но безъ пытки. Комиссія начала съ того, что подсудимому «прежнія его рѣчи чли», и онъ подтверждалъ, что все записано какъ слѣдуетъ. Члены комиссіи принялись его уговаривать, «чтобъ онъ про то про все разсказалъ правду: кто съ нимъ

въ томъ дѣлѣ товарищи были, и какіе люди, и гдѣ кто живетъ? И принесъ бы онъ въ томъ во всемъ вину свою ко государю чистою душою! Кто не виноватъ, и онъ бы тѣхъ людей не клеветалъ...» и проч. Добивались также сыщики: «кто его ближніе люди знаютъ?.. и дворовые люди есть ли у него знакомцы?»...

Это длинное увѣщаніе, заготовленное, вѣроятно, думнымъ дьякомъ Гавреневымъ, подѣйствовало на подсудимаго, и онъ снялъ свой оговоръ съ Темирязева, Савина и Борисова. Соучастниками же своими онъ попрежнему называлъ Ваську Мещерку (Щербинку) и Ѳомку Путимца, которыхъ просилъ розыскать, и обѣщалъ ихъ уличить.

Какъ мы знаемъ, этихъ лицъ не нашли, не смотря на самые тщательные поиски. Между тѣмъ сыщики упорно добивались на каждомъ новомъ допросѣ, сопровождавшемся пытками, чтобы Науменко открылъ другихъ своихъ сообщниковъ. И Науменко волею-неволею сталъ называть всѣхъ своихъ «знакомцевъ» въ Москвѣ... Между ними, можетъ быть, и были лица, знавшія о замыслахъ Науменка, но на розыскѣ они это рѣшительно отвергали, и правды отъ нихъ нельзя было добиться. Съ нѣкоторыхъ самъ Науменко снялъ свой оговоръ, и они были отпущены, но почти всѣ съ отдачею на поруки. Другіе были заподозрѣны сильнѣе и арестованы, какъ, напримѣръ, придворный служитель «ловчаго пути пѣшій псарь» Михаилъ Алексѣевъ, который, по словамъ Науменка, зналъ Ѳому Путимца, въ чемъ онъ не сознавался.

28-го марта комиссія сдѣлала попытку повернуть розыскъ на новую дорогу, чтобы узнать, въ чьихъ рукахъ Науменко былъ послушнымъ орудіемъ... Члены комиссіи объявили ему, что его указанія на сообщничество стрѣльца Мещерки и гулящаго человѣка Путимца—«дѣло нестаточное: за что такимъ худымъ людямъ на великую государыню царицу такое лихое дѣло умышлять?»...

Науменко понялъ намекъ сыщиковъ и назвалъ своими соучастниками окольничихъ Леонтья Плещеева и Ѳедора Карпова-Далматова... Но мы уже знаемъ, что съ Плещеева онъ сейчасъ же снялъ оговоръ, а Карпова хотя продолжалъ и дальше обвинять, но сами сыщики не придали значенія этимъ оговорамъ и не допрашивали ни Плещеева, ни Карпова. Очевидно, Науменко указалъ такихъ лицъ изъ боярства, которыхъ сами сыщики не подозрѣвали ни въ какихъ замыслахъ и въ недоброжелательствѣ къ государеву «верху», или которыхъ сыщики почему либо хотѣли выгородить отъ всякихъ подозрѣній... Но если бы Науменко назвалъ другія имена, напримѣръ, изъ лицъ, враждебныхъ Стрешневымъ, — очевидно, комиссія тогда жадно схватилась бы за эти указанія и повела бы дѣло иначе... Теперь же она ограничилась чисто формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу—стала искать карповскаго человѣка Сеньку, который будто бы былъ посредникомъ между окольничимъ и Науменкомъ. Изъ-за этого Сеньки даже пытали бѣднаго «водолива» Аѳоньку изъ троицкихъ

бань (въ Троицкой слободкѣ въ Москвѣ), который, по словамъ Науменка, зналъ карповскаго Сеньку, но что тотъ отвергалъ. Пытали и самого Науменка, и послѣ двухъ пытокъ онъ твердилъ о Карповѣ и Сенькѣ тѣ же рѣчи. Но, какъ мы знаемъ, этого Сеньку такъ и не нашли, хотя на розыскѣ перебывала масса Сенекъ, жившихъ тогда въ Москвѣ...

Въ началѣ іюля, уже сильно измученный пытками, Науменко вдругъ сдѣлалъ неожиданное признаніе, опровергавшее всѣ прежнія его показанія... Онъ заявилъ: «въ прежнихъ своихъ рѣчахъ и на пыткахъ все на себя и на людей говорилъ напрасно, а никто его на то, что ему портить государыню царицу, не научалъ, и вѣдовства онъ никакого не знаетъ, а говорилъ де онъ то все въ разспросѣ и съ пытокъ на себя для того, чтобъ его скорѣе велѣлъ государь казнить»...

Этому признанію сыщики нисколько не повѣрили и 4-го іюля снова приступили къ Науменку съ разспросами о соучастникахъ. Науменко просилъ отложить допросъ до другаго дня, когда обѣщалъ открыть всю «правду». Допросъ отложили, но и 5-го іюля Науменко повторилъ предыдущее показаніе: «что его царицу портить никто не научалъ, и самъ онъ того, чѣмъ портятъ, не знаетъ, а говорилъ вчера въ разспросѣ про то (т. е. просилъ объ отсрочкѣ), боясь смерти»...

Очевидно, человѣкъ совсѣмъ запутался: то ищетъ смерти, то боится ея... Ему можно было бы повѣрить, что у него не было никакихъ сообщниковъ, если бы онъ твердо стоялъ на этомъ новомъ показаніи до самаго конца розыска. Однако, уже 6-го іюля онъ сдѣлалъ новый оговоръ и, притомъ, на своего давнишняго знакомца, котораго раньше онъ видимо щадилъ, ниразу о немъ не упомянувши...

V.

На допросѣ 6-го іюля Науменко оговорилъ извѣстнаго намъ московскаго стрѣльца и «сапожнаго мастера» Григорія Дмитріева Казанца, у котораго найдено «римское письмо» о «новомъ пророкѣ», защитникѣ «простыхъ людей»... Науменко показалъ, что Казанецъ приходилъ къ нему передъ масленицею и сказалъ: «такого де онъ человѣка знаетъ, кто научаетъ ихъ (?), чтобъ имъ испортить царицу, а чѣмъ де ее портить, и такое де коренье у него есть»... Затѣмъ онъ прибавилъ, обращаясь къ Науменкѣ, «чтобъ онъ не хлусилъ— про то никому не сказывалъ»...

Науменко добавилъ, что видалъ у Казанца «коренье во дворѣ его, и въ сѣняхъ, и въ коробьи». Въ доказательство же того, что Казанецъ знаетъ «вѣдовство», Науменко разсказывалъ, будто тотъ въ Путивлѣ «заставливалъ по себѣ стрѣлять свою братью стрѣль-

цовъ изъ пищалей, и его де пищали не имутъ», и онъ «похвалялся» предъ всѣмъ приказомъ В. Жукова, «что его стрѣльба не возьметъ, хотя нво ста пищалей»...

Но мы уже знаемъ, что именно въ Путивлѣ Казанецъ былъ раненъ, хотя раньше и не допускалъ возможности быть раненымъ, надѣясь на помощь «Сна Богородицы». Въ своей «похвальбѣ» предъ товарищами онъ основывался на вѣрѣ въ силу этого «Сна», а вовсе не на своемъ «вѣдовствѣ»...

Сыщики отправили съ Науменкомъ дьяка Гаврилу Леонтьева на дворъ Казанца для выемки кореньевъ. Дѣйствительно, коренья были найдены какъ въ сѣняхъ, такъ и въ избѣ въ коробочкѣ. Несомнѣнно отсюда, что Науменко близко былъ знакомъ съ Казанцомъ, не скрывавшимъ отъ него своихъ кореньевъ, травъ и проч. «диковинъ», считавшихся въ то время подозрительными...

Во время обыска на дворѣ Казанца произошелъ любопытный эпизодъ: вертѣвшійся во дворѣ какой-то мальчикъ («маленькой невеликъ») сказалъ дьяку, что онъ видѣлъ «травы» у сосѣдки Казанца—у жены стрѣльца Томилы Тельнова. «По сказкѣ» мальчика Леонтьевъ пошелъ туда и нашелъ въ трехъ узелкахъ «травы разныя». Стрѣльчиха объяснила, что тѣми травами ея мужъ «парилъ горло» своей первой покойной женѣ. Дьякъ успокоился и травъ стрѣльчихи не взялъ, какъ взялъ «въ приказъ» всѣ коренья и «диковины» со двора Казанца. Любопытно, что жена послѣдняго Катерина смѣло заявила дьяку, что всѣ взятыя у ней травы, раковины и проч.—«то де все ее, Катеринкино», т. е. она хотѣла выгородить мужа и все взять на себя... Но когда дьякъ спросилъ: откуда взялись коренья?—она должна была сознаться, что все, взятое у нея, привезъ мужъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи.

Самъ Григорій Казанецъ былъ доставленъ къ розыску только черезъ мѣсяцъ (онъ былъ въ походѣ съ своимъ приказомъ) и на допросѣ сказалъ: «стрѣльца Аооньку Науменка знаетъ, потому былъ съ нимъ въ одномъ приказѣ, а про государыню царицу онъ никакихъ словъ не говаривалъ: тѣмъ де его Науменокъ поклепалъ напрасно»...

На очной ставкѣ Науменко стоялъ на своемъ оговорѣ и ссылался на племянницу Казанца, Любавку, которая будто бы упрекала дядю за рѣчи противъ царицы, «что онъ такія рѣчи говоритъ худо», а Казанецъ за то ее билъ. Но Казанецъ слался на ту же Любавку въ подтвержденье, «что онъ такихъ непристойныхъ злыхъ рѣчей про царицу не говаривалъ». Просилъ онъ еще допросить своего отца духовнаго, попа Прокофья, изъ церкви Софійской («что у Пушечнаго двора»), который де покажетъ, «что за нимъ никакого воровства нѣтъ»... Попа, однако, не допрашивали, а Любку сыскали и «у пытки разспрашивали», но она отвергла ссылку на нее Науменка.

Принялись снова за послѣдняго—пытали его «накрѣпко»: «было ему 57 ударовъ и послѣ того жженъ огнемъ дважды»... Послѣ пытки Науменко снялъ оговоръ съ дворовыхъ людей окольничихъ Карповыхъ-Далматовыхъ и съ стрѣльцовъ (значитъ и съ Григорья Казанца)—«тѣмъ онъ ихъ всѣхъ клепалъ напрасно, никто его портить государыню не училъ, а клепалъ тѣхъ людей напрасно для того, чтобъ ему не вскорѣ умереть, а умышлялъ де онъ портить государыню одинъ, а портить было ему кореньемъ..., а училъ его тому... путивльской казакъ Васька, а съ бѣсы онъ, Аѳонька, знался..., а нынѣ де отъ него бѣси отступились»... и проч.

Замѣчательно, что, мѣняя нѣсколько разъ свои показанія относительно соучастниковъ—называя то однихъ, то другихъ, или совсѣмъ отрицая ихъ и приписывая весь замыселъ одному себѣ, Науменко ни разу не сдѣлалъ попытки сложить съ себя главную отвѣтственность, ни разу не отказался отъ замысла уморить царицу... Несомнѣнно замыселъ былъ, несомнѣнно были и соучастники, а, можетъ быть, и руководители изъ высшихъ сферъ, и если ни одинъ изъ нихъ не всплылъ во время розыска, а изъ соучастниковъ главнѣйшіе не найдены—значитъ, Науменко держалъ себя очень осторожно и, не смотря на страшныя муки, ничего существеннаго не выдалъ.

Въ началѣ августа онъ сдѣлалъ отчаянную попытку спастись бѣгствомъ на Донъ... Науменко содержался на дворѣ какого-то Ѳедора Неѣлова, подъ карауломъ нѣсколькихъ стрѣльцовъ и десятника. Однажды, въ отсутствіе десятника, онъ сталъ уговаривать стрѣльцовъ, «чтобъ они его отпустили на Донъ, а сами они съ нимъ же шли, а какъ де онъ на Дону съ ними будетъ, и имъ де съ нимъ добро будетъ:» однимъ онъ обѣщалъ на Дону «атаманство, а инымъ эсаульство...». Когда просьбы не подѣйствовали, Науменко сталъ грозить стрѣльцамъ: «будетъ де вы меня не отпустите, ино де и вамъ со мною тутъ же отъ кнута оторвать конца!..» Но и это не помогло... Тогда Науменко сдѣлалъ попытку бѣжать со двора Неѣлова: 10-го августа онъ «пошелъ за избу и скинулъ съ себя цѣпь», но его увидѣли люди Неѣлова, задержали несчастнаго—«и цѣпь на него положили и замкнули инымъ замкомъ...».

Эта попытка заставила розыскную комиссію поторопиться окончаніемъ дѣла: 20-го августа оно было представлено въ боярскую думу, выслушано, и въ тотъ же день поставленъ «боярскій приговоръ». Составъ боярской думы, засѣдавшей въ этотъ день въ отсутствіе царя, былъ невеликъ: 6 бояръ и 3 окольничихъ. Во главѣ стоялъ бояринъ кн. Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасской, за нимъ идутъ бояре—Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, кн. Борисъ Александровичъ Репнинъ (сыщикъ по дѣлу Науменка), Иванъ Васильевичъ Морозовъ, Василій Петровичъ Шереметевъ и Михаилъ

Михайловичъ Салтыковъ. Изъ окольничихъ засѣдали въ думѣ: кн. Андрей Ѳедоровичъ Масальской, Ѳедоръ Васильевичъ Волынской и Василій Ивановичъ Стрешневъ (второй сыщикъ по дѣлу).

Боярская дума приговорила: Науменка еще «пытать въ воровствѣ», а если онъ ничего новаго не «прибавитъ», то «казнить—обсѣчь руки и ноги, да будетъ только будетъ живъ—досталь вкинуть въ огонь, а казнить его на Болотѣ, или на площади»...

Мотивомъ такого жестокаго приговора было не только «такое злое дѣло, што хотѣлъ портить государыню царицу», но и то, что Науменко «православныя крестьянскія вѣры отвергся..., съ бѣсы знался, и на людей бѣсовъ по вѣтру воровствомъ напущалъ, и кореньемъ многихъ людей портилъ»... И это послѣ того, какъ розыскъ ничѣмъ не могъ подтвердить «вѣдовства» Науменка!.. Любопытно, однако, что мотивъ о «вѣдовствѣ» Науменка стоитъ въ одной первоначальной редакціи боярскаго приговора 20-го августа, а въ его окончательной редакціи нѣтъ ни слова о вѣдовствѣ, и тамъ говорится только о замыслѣ противъ царицы. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что во время дополнительнаго розыска Науменко отказался отъ вѣры въ бѣсовъ и вернулся къ христіанской вѣрѣ.

Но, кромѣ этого результата, дополнительный розыскъ (послѣ боярскаго приговора) не далъ ничего новаго по главному вопросу—о замыслѣ Науменка противъ царицы. На допросѣ 23-го августа онъ повторилъ «прежнія свои рѣчи: государыню онъ портить хотѣлъ и такое коренье, чѣмъ было ему ее портить—онъ знаетъ, а хотѣлъ ее портить съ малоумья, а никто его на такое дѣло не научивалъ». Стали пытать его — «подозжена ему пята», но онъ, продолжалъ говорить «тѣ жъ рѣчи».

На послѣднемъ допросѣ (2 ноября) сыщики опять настойчиво добивались отъ Науменка: «кто его на такое злое дѣло, чего и помыслить не мочно, научалъ? или онъ то злое дѣло умышлялъ одинъ? и за что было ему государыню портить?»..

Очевидно, сыщики и въ концѣ розыска остались при своемъ первоначальномъ взглядѣ на дѣло, что Науменко былъ не одинъ, и что за нимъ стоятъ другіе, въ чьихъ рукахъ Науменко былъ только послушнымъ орудіемъ... Были, значитъ, у сыщиковъ данныя для такого взгляда на дѣло и помимо извѣстныхъ намъ данныхъ розыска, если даже восьмимѣсячное слѣдствіе не могло поколебать ихъ взгляда на замыселъ Науменка... Намъ остается только присоединиться къ этому взгляду сыщиковъ, такъ какъ его подтверждаютъ, какъ мы уже знаемъ, всѣ данныя и намеки самаго розыска.

На послѣднемъ допросѣ Науменко твердилъ «прежнія свои рѣчи», что «никто его на то дѣло не научалъ, хотѣлъ ее государыню портить ни за что, съ малоумья»... На этомъ же допросѣ Науменко произнесъ отреченіе отъ вѣры въ бѣсовъ и возвращеніе къ христіанской вѣрѣ. Послѣ этого онъ билъ челомъ, чтобы ему дали «сроку»

до 4 ноября, когда онъ «подлинно къ государю вину свою принесть, а теперь де ему того дѣла разсказать не мочно, потому что онъ исторопился (т. е. оторопѣлъ), а се озябъ»...

Но сыщики не обратили вниманія на это заявленіе больного Науменка и продолжали допросъ... Они требовали, чтобы тотъ сейчасъ же «къ государю вину свою принесъ, да и душу свою тѣмъ очистилъ»... Опять посыпались словно озлобленные вопросы: «кто его научалъ?» и проч. и проч. Науменко твердилъ тоже: «никто не научивалъ, а самъ де онъ думалъ... съ малоумья» и проч. Въ концѣ Науменко смѣло заявилъ: «будетъ де государь надъ нимъ не покажетъ милости—велить его, Аѳоньку, еще пытать, и ему де больше того и съ пытки говорить нечего»...

Сыщики «милости не показали» къ больному человѣку — стали пытать: «было 17 ударовъ»... Науменко свое слово сдержалъ: «съ пытки говорилъ тѣ жъ рѣчи»...

Больше ничего сыщики не могли добиться отъ Науменка, и розыскъ былъ законченъ. Оставалось привести въ исполненіе боярскій приговоръ о казни Науменка, но, какъ мы знаемъ, казнь была замѣнена ссылкою въ Сибирь. Еще полгода Науменко пробылъ въ Москвѣ, и только 17-го мая 1643 года состоялся государевъ приговоръ: «государь сего дѣла и разспросныхъ и пыточныхъ рѣчей слушавъ, указалъ—за его воровство велѣлъ его сослать на Красноярской, въ тюрьму, до указу». Но потомъ Красноярскъ былъ замѣненъ Тарою.

20-го мая, Науменка передали въ Сибирскій приказъ, для отсылки на Тару. Въ «памяти» о томъ въ приказъ преступленіе Науменка глухо названо «большимъ воровствомъ»... Память предписываетъ везти Науменка въ Сибирь скованнымъ и «съ большимъ береженьемъ, чтобъ въ дорогѣ и на станахъ не ушелъ и дурна надъ собою какого не учинилъ». И на Тарѣ велѣно держать его съ большими строгостями и предосторожностями, какъ важнаго и секретнаго преступника: держать его въ тюрьмѣ «съ большимъ береженьемъ, чтобъ онъ изъ тюрьмы не ушелъ, и къ тюрьмѣ, гдѣ онъ, Аѳонька, посаженъ будетъ, никакихъ людей припускати и говорити съ нимъ ни о чемъ давати не велѣти-жъ»... На кормъ ему въ дорогѣ и на Тарѣ велѣно отпускать по 2 деньги на день. Этими свѣдѣніями и заканчивается дѣло Науменка.

Н. Оглоблинъ.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО.

НИКОЛАЙ ГЕРАСИМОВИЧЪ ПОМЯЛОВСКІЙ, такъ безвременно сошедшій въ могилу, какъ извѣстно, былъ сынъ діакона Малоохтенской Маріинской церкви, Герасима Помяловскаго. Дѣтство свое онъ провелъ въ домѣ отца, но уже въ 1843 г., еще восьмилѣтнимъ ребенкомъ, онъ отданъ былъ въ приходское Александро-Невское училище, составлявшее съ Александро-Невскимъ духовнымъ училищемъ одно цѣлое и управлявшееся однимъ и тѣмъ же начальствомъ. Понятно, что, попавъ въ бурсу такимъ малолѣтнимъ, при томъ прямо изъ семьи, окружавшей его нѣжными попеченіями и заботами, нашъ будущій писатель долженъ былъ много перенесть, пока хоть немного не привыкъ и не приспособился къ новой обстановкѣ.

Здѣсь не лишне будетъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ училищѣ, гдѣ Николаю Герасимовичу пришлось въ качествѣ ученика пробыть такъ долго, о его начальникахъ и наставникахъ.

Александро-Невское духовное училище, благодаря закрытію Ямбургскаго духовнаго училища (въ мартѣ 1842 г.), было очень богато учениками, такъ что начальство вынуждено было открывать въ высшемъ и низшемъ классахъ параллельныя отдѣленія. Смотрителемъ его и главнымъ слѣдовательно начальникомъ былъ въ это время нѣкто Дмитрій Фортинскій, студентъ Рязанской духовной

семинаріи (выпуска 1828 года). Проходя послѣдовательно должности сначала учителя Рязанскаго же духовнаго училища, а потомъ его инспектора, въ 1841 году онъ былъ назначенъ смотрителемъ Александро-Невскаго духовнаго училища, каковую должность и проходилъ до 1845 года, когда по доносу учителя и эконома Смирнова былъ переведенъ учителемъ въ Петро-Павловское духовное училище «за разные безпорядки и упущенія». Смотрителемъ училища онъ не былъ хорошимъ, и бурса при немъ была распущена совершенно.

Инспекторъ училища, кандидатъ академіи Адріанъ Колоколовъ. (съ 1839 г.) былъ, кажется, не лучше. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые факты свидѣтельствуютъ о немъ, какъ о человѣкѣ въ высшей степени жестокомъ. Въ апрѣлѣ 1842 года,—читаемъ мы въ «Исторіи С.-Петербургской духовной семинаріи» А. Надеждина,—въ семинарское правленіе поступила жалоба отъ дьяконской жены Д—вой на инспектора Александро-Невскаго училища Колоколова за истязаніе ея племянника, усыновленнаго В. Товарищъ племянника Л. показалъ, что В. подучилъ его украсть 50 рублей у матери, бывшей въ гостяхъ у одного чиновника, знакомаго Л. И вотъ племянника рѣшено было пытать: 5 человѣкъ служителей и самъ чиновникъ его сѣкли, а инспекторъ стоялъ ногою на шеѣ; пытка сія продолжалась болѣе двухъ часовъ и, примѣрно, дано ему лозами около 500 ударовъ. Племянникъ сдѣлался боленъ и нуждался въ лѣченіи, хотя оказался невиновнымъ, такъ какъ деньги были найдены у его товарища Л.; въ виду этого, тетка просила «законнаго удовлетворенія». Но этого «законнаго удовлетворенія» она не могла получить ни въ семинарскомъ правленіи, ни въ духовно-учебномъ управленіи. И все дѣло кончилось тѣмъ, что племянника, долго болѣвшаго послѣ «пытки», рѣшили перевести въ Петро-Павловское духовное училище съ угрозой объ исключеніи, если будетъ замѣченъ въ подобныхъ поступкахъ [1]).

Само собой понятно, что бурса при такихъ начальникахъ отличалась особенно грубыми нравами. Наказываемые за всякіе проступки розгами, бурсаки естественно привыкали къ нимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ грубѣли и дичали. Къ лозамъ не стыдились и даже считали полезнымъ прибѣгать и такіе преподаватели, которые только что окончили Петербургскую академію. Въ 1863 году профессоръ академіи Карповъ послѣ ревизіи Александро-Невскаго духовнаго училища доносилъ: «грубость учениковъ и дерзость можно встрѣтить почти на каждомъ шагу, не выражаютъ они должнаго уваженія не только комнатнымъ надзирателямъ, но и наставникамъ; ученики не трогаются отеческими мѣрами и увѣщаніями смотрителя и продолжаютъ курить табакъ, играть въ карты, даже пить водку, буянить

---

[1]) «Исторія С.-Петербургской православной духовной семинаріи», А. Надеждина, 1884 г., стр. 526.

и драться между собою до крови» [1]). Двадцатью годами раньше, въ то время, о которомъ у насъ идетъ собственно рѣчь, нравы бурсы были, очевидно, еще грубѣе.

И вотъ въ это время Помяловскаго опредѣляютъ въ приходское Александро-Невское училище. Въ виду бѣдности его родителей, имѣвшихъ, кромѣ него, еще нѣсколько человѣкъ дѣтей, его принимаютъ на «полубурсачное содержаніе», т. е. иначе — отрываютъ его отъ родной семьи и помѣщаютъ въ общежитіе, гдѣ находятся и всѣ другіе ученики. Попавъ въ бурсу восьмилѣтнимъ ребенкомъ, Помяловскій на первыхъ же порахъ естественно дѣлается предметомъ разныхъ выходокъ грубыхъ своихъ товарищей. Безпрестанно оскорбляемый и обижаемый ими, онъ къ тому-жъ, какъ не могшій справиться еще съ уроками, которые не объяснялись учителями и долбились по обычаю того времени учениками буквально, попадаетъ скоро и на замѣчаніе начальства. Начальство же исправительною мѣрою признавало только однѣ розги. Самъ онъ о себѣ говоритъ, что сѣкли его въ бытность его въ училищѣ 400 разъ, и, нужно думать, не преувеличиваетъ. Проучившись въ приходскомъ училищѣ два года, онъ въ 1845 году переходитъ въ низшее отдѣленіе духовнаго училища. Въ именной вѣдомости за 1845 учебный годъ, составляемой обыкновенно послѣ іюльскихъ испытаній, онъ поставленъ 37 и аттестуется, какъ ученикъ поведенія, прилежанія, успѣховъ и способностей «хорошихъ» [2]).

Въ низшемъ отдѣленіи Помяловскій обучался Закону Божію, ариѳметикѣ, русскому языку и двумъ языкамъ древнимъ. Нужно думать, учился онъ не особенно хорошо. Въ именныхъ вѣдомостяхъ за 1845—1846 учебный годъ онъ аттестуется при поведеніи «хорошемъ» успѣховъ, прилежанія и способностей «порядочныхъ» (50-мъ изъ 84-хъ учениковъ) [3]), а въ такихъ же вѣдомостяхъ за 1846—1847 годъ при такомъ же поведеніи успѣховъ и прилежанія только «не худыхъ» [4]). Это послѣднее имѣло для него немаловажное значеніе. Онъ былъ оставленъ въ томъ же классѣ и принужденъ былъ повторять то же самое еще въ продолженіе двухъ лѣтъ.

Изъ внѣшнихъ событій его жизни въ это время заслуживаетъ вниманія принятіе его на казенное содержаніе, на которомъ онъ и проучился остальныя 10 лѣтъ. Это было, такъ сказать, окончательное прикрѣпощеніе его къ бурсѣ. Въ январѣ 1845 года духовно-учебное управленіе при святѣйшемъ синодѣ, сообщая правленію С.-Петербургской духовной семинаріи, что діаконъ малоохтенской Маріинской церкви Герасимъ Помяловскій въ виду того, что у него

---

[1]) Ibid., стр. 528—529.

[2]) Перечневая и именная вѣдомость за 1845 г., № 82 (Архивъ С.-Петербургской духовной академіи).

[3]) Перечневая и именная вѣдомость за 1845—1846 учебный годъ, № 102.

[4]) Именная вѣдомость за 1846—1847 учебный годъ, № 82.

три сына: Павелъ и Николай Помяловскіе и Владиміръ Комаровъ, обучаются въ Александро-Невскомъ духовномъ училищѣ, и что, кромѣ того, у него еще 5 человѣкъ дѣтей, а онъ не обладаетъ достаточными средствами, проситъ принять кого нибудь изъ сыновей на казенное содержаніе,— сообщая объ этомъ, предлагаетъ семинарскому правленію сообщить, «какихъ успѣховъ и поведенія они (т. е. сыновья Помяловскаго) и свое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ». Правленіе семинаріи (13-го января 1845 года, № 30) обратилось за справками по этому дѣлу къ начальству Александро-Невскаго училища. Послѣднее отвѣтило, что Павелъ Помяловскій и Владиміръ Комаровъ способностей «не худыхъ», успѣховъ «довольно хорошихъ» и поведенія «хорошаго», а Николай Помяловскій способностей и успѣховъ «хорошихъ», а поведенія «скромнаго». Правленіе семинаріи донесло объ этомъ духовно-учебному управленію, и послѣднее 30-го марта сообщило ему, что на казенное содержаніе принятъ Николай Помяловскій. 26-го апрѣля духовно-учебное управленіе прислало въ правленіе семинаріи уже и деньги (въ количествѣ 11 р. 86 к.) на содержаніе его съ 2-го апрѣля до конца учебнаго года, т. е. до 1-го іюля [1]).

Оставшись въ томъ же классѣ, Помяловскій началъ учиться довольно хорошо, что при его способностяхъ, замѣчаемыхъ и начальствомъ, для него было не трудно. Въ именныхъ вѣдомостяхъ за 1847—1848 учебный годъ онъ поставленъ въ спискѣ учениковъ 4-мъ и аттестуется, какъ ученикъ поведенія «довольно хорошаго», а успѣховъ «хорошихъ» [2]). Въ слѣдующемъ году онъ учится еще лучше. Начальство ставитъ его 2-мъ и аттестуетъ: способностей, поведенія и прилежанія «очень хорошихъ» [3]). Въ этомъ же 1849 году онъ переходитъ въ послѣдній, т. е. высшій классъ. Учится здѣсь онъ попрежнему хорошо. Начальство ставитъ его въ первый разрядъ и отмѣчаетъ, какъ ученика «хорошаго» [4]). Нужно думать, что въ это время въ бурсѣ и жить стало лучше. Смотрителемъ вмѣсто Фортинскаго назначенъ былъ протоіерей Андрей Окуневъ, воспитанникъ С.-Петербургской академіи, человѣкъ очень ученый и умный, членъ конференціи академіи и цензурнаго духовнаго комитета; а инспекторомъ въ это время былъ уже П. А. Евдокимовъ, тоже воспитанникъ С.-Петербургской академіи (выпуска 1843 г.), человѣкъ еще молодой. Оба эти начальника пользовались уваженіемъ въ тогдашнемъ духовномъ петербургскомъ обществѣ. «Зналъ всѣхъ воспитателей той эпохи,— говоритъ архіепископъ Никаноръ,—

---

1) Дѣло по отношенію духовно-учебнаго управленія при святѣйшемъ синодѣ о помѣщеніи въ Александро-Невское духовное училище на казенный счетъ сына діакона Помяловскаго — Николая Помяловскаго, № 86, 1845 года.

2) Именная вѣдомость за 1847—1848 учебный годъ, № 86.

3) Такая же вѣдомость за 1848—1849 учебный годъ, № 65.

4) Такая же вѣдомость за 1849—1850 учебный годъ, № 56.

которую изобразилъ Помяловскій. Какой, напримѣръ, почтеннѣйшій человѣкъ былъ извѣстный всему Петербургу отецъ протоіерей Окуневъ, ректоръ этого училища! Какой любезнѣйшій человѣкъ былъ его инспекторъ, П. А. Евдокимовъ!» [1]). Конечно, радикальныхъ перемѣнъ въ жизнь бурсы они внести не могли, но отношенія ихъ къ ученикамъ, навѣрно, были гуманнѣе. Да и вообще порядка было больше. Подтвержденіе этому, пожалуй, можно находить въ одобрительныхъ отзывахъ ревизоровъ Александро-Невскаго училища того времени.

Въ 1851 году для учениковъ высшаго отдѣленія были окончательныя испытанія. Помяловскій, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, выдержалъ ихъ очень хорошо и былъ переведенъ въ низшее отдѣленіе духовной петербургской же семинаріи очень высоко (6 изъ 50) [2]). Въ свидѣтельствѣ, выданномъ ему начальствомъ Александро-Невскаго духовнаго училища, говорится, что «ученикъ Николай Помяловскій, города С.-Петербурга умершаго діакона Малоохтенской Маріинской церкви Герасима Помяловскаго сынъ, имѣющій отъ роду 16 лѣтъ, при способностяхъ «очень хорошихъ», прилежаніи «постоянномъ» и поведеніи «похвальномъ» обучался Закону Божію, Священной Исторіи и ариѳметикѣ «очень хорошо», географіи и нотному пѣнію «хорошо», наконецъ языкамъ латинскому и греческому «очень хорошо». Въ заключеніе свидѣтельство говоритъ: «нынѣ же онъ, Помяловскій, послѣ испытаній, бывшихъ въ іюлѣ 1851 года, назначенъ къ поступленію въ низшее отдѣленіе С.-Петербургской духовной семинаріи, въ чемъ и дано ему сіе свидѣтельство за подписаніемъ училищнаго начальства и съ приложеніемъ печати оныхъ училищъ. 28-го августа 1851 года» [3]).

Этимъ и ограничиваются наши свѣдѣнія относительно восьмилѣтняго пребыванія Н. Г. Помяловскаго въ Александро-Невскомъ духовномъ училищѣ.

Въ семинаріи, куда онъ и поступилъ въ томъ же 1851 году, ему жилось, нужно думать, много лучше, чѣмъ въ духовномъ училищѣ. Петербургская семинарія въ то время была одна изъ лучшихъ. Тогдашній оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, извѣстный графъ Протасовъ, такъ ревностно заботившійся о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній, хотѣлъ сдѣлать ее «образцовой» и отчасти достигъ этого. По составу своихъ преподавателей, по внѣшнему благоустройству, по дисциплинѣ и порядку, господствовавшимъ въ ней, она выгодно выдѣляется изъ ряда заведеній этого типа. «Боже мой, какое прелестное зданіе — эта семинарія! — говоритъ

---

[1]) Наша свѣтская и духовная печать о духовенствѣ. Воспоминанія альта-солиста А. В—ча. Стр. 8—9.

[2]) Именная вѣдомость за 1850—1851 учебный годъ, № 52.

[3]) Дѣло по представленію начальства съ свидѣтельствами о переводимыхъ въ семинарію 1851 г., IV, 48.

архіепископъ Никаноръ, учившійся въ Петербургской семинаріи только 3—4-мя курсами выше Помяловскаго.—Какіе были при насъ тогда почтенные, даровитые, высокодаровитые, трудолюбивые и вліятельные наставники, въ родѣ А. И. Мишина, который не любилъ Помяловскаго, предчувствуя въ немъ зло, и котораго Помяловскій изображаетъ чуть ли не въ видѣ злодѣя, по меньшей мѣрѣ въ видѣ медвѣдя»[1]. А ревизовавшій ее въ 1849 году инспекторъ С.-Петербургской духовной академіи архіепископъ Макарій (послѣ извѣстнѣйшій митрополитъ Московскій) въ своемъ отчетѣ о ревизіи такъ говоритъ: «учебная часть въ С.-Петербургской семинаріи найдена мною въ состояніи очень удовлетворительномъ, за немногими исключеніями». Не въ худшемъ положеніи по нему была и нравственная часть. «Нравственная часть въ семинаріи,—читаемъ въ томъ же отчетѣ,—или поведеніе воспитанниковъ, судя по ежемѣсячнымъ отчетамъ инспектора и по отзывамъ другихъ начальствующихъ и наставниковъ, находится въ очень хорошемъ состояніи, за немногими исключеніями. Духъ повиновенія, скромности, взаимной любви и благородства составляютъ главный характеръ питомцевъ»[2].

Такъ отзываются о семинаріи Петербургской люди, которымъ нельзя не вѣрить. Тѣмъ не менѣе относительно преподаванія, однако, нужно замѣтить, что оно какъ въ этой семинаріи, такъ и въ другихъ, отличалось еще схоластическимъ характеромъ. Особенно это нужно сказать относительно нѣкоторыхъ предметовъ богословскаго характера. Можно думать, что такое направленіе въ преподаваніи этихъ предметовъ часто бывало причиной нѣкотораго равнодушнаго отношенія къ нимъ воспитанниковъ. Да и нравы учениковъ не особенно были облагорожены. Они были много лучше нравовъ бурсы, и то, что замѣчалось въ послѣдней, избѣгалось самими учениками семинаріи; однако, бывали поступки — «немногія исключенія», свидѣтельствующія о неудовлетворительномъ еще состояніи въ семинаріи «нравственной части».

Желая сдѣлать Петербургскую семинарію образцовой, высшее начальство для ея управленія назначало и лицъ, болѣе или менѣе выдающихся. Ректоромъ въ это время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, былъ довольно ученый архимандритъ Іоанникій (Горскій)[3], а инспекторомъ извѣстный въ исторіи семинаріи Александръ Ивановичъ Мишинъ. Послѣдній особенно много потрудился для семинаріи и всегда имѣлъ сильное вліяніе на учениковъ. Окончивъ С.-Петербургскую духовную академію въ 1841 году первымъ ма-

[1] Наша свѣтская и духовная печать о духовенствѣ, стр. 8.

[2] Архивъ С.-Петербургской духовной академіи за 1849 годъ, № 60. Дѣло о назначеніи ревизора для обозрѣнія С.-Петербургской духовной семинаріи (замѣчанія о состояніи С.-Петербургской духовной семинаріи за 1848—1849 учебный годъ).

[3] Умеръ въ санѣ архіепископа херсонскаго въ 1877 году.

гистромъ, Мишинъ былъ оставленъ при ней баккалавромъ. Но въ томъ же году былъ перемѣщенъ инспекторомъ и профессоромъ логики и психологіи въ Петербургскую семинарію, гдѣ и пробылъ 16 лѣтъ—до 1857 года, когда былъ переведенъ ординарнымъ профессоромъ церковнаго законовѣдѣнія въ академію. Скончался въ 1859 году. Отзывы о немъ его воспитанниковъ неодинаковы, даже противорѣчивы. Въ то время, какъ большинство отзывалось о немъ съ глубокимъ уваженіемъ, даже съ восторгомъ, какъ, напримѣръ, архіепископъ Никаноръ [1]) и многіе другіе, нѣкоторые, кажется, имѣвшіе личные счеты съ нимъ, называли его и «деспотомъ, безжалостно давившимъ и гнавшимъ все свѣтлое и самостоятельное» и «формалистомъ до мелочей» и «двоедушнымъ педагогомъ» [2]). Но, какъ бы то ни было, это былъ человѣкъ безспорно большого ума, еще большей силы воли, необыкновенно точный и исполнительный, хорошо понимавшій вапросы своего времени. Въ своихъ отношеніяхъ къ ученикамъ и къ сослуживцамъ онъ доходилъ прямо до грубости и рѣзкости. Какъ инспекторъ, учениковъ держалъ строго, поддерживая дисциплину между ними и порядокъ всѣми мѣрами и механическими и нравственными. Неудивительно, если онъ, такой строгій и исполнительный, поставившій себѣ задачей воспитать юное поколѣніе въ извѣстномъ направленіи, становился въ антагонизмъ съ нѣкоторыми учениками, напримѣръ, болѣе или менѣе свободнаго направленія.

Поступивъ въ эту-то семинарію, управлявшуюся такими лицами, какъ архимандритъ Іоанникій и Мишинъ, въ семинарію, которая по отзывамъ многихъ лицъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ учебномъ отношеніи стояла болѣе или менѣе высоко, въ которой, очевидно, хотя немного, но уважалась личность ученика, и преподаваніе шло болѣе правильнымъ путемъ и болѣе интересныхъ предметовъ для 16-ти лѣтняго юноши, Помяловскій въ началѣ безспорно былъ доволенъ болѣе или менѣе и занимался довольно таки усердно. Въ именной вѣдомости объ ученикахъ С.-Петербургской духовной семинаріи за 1851—1852 учебный годъ, представленной въ правленіе С.-Петербургской духовной академіи, Н. Помяловскій аттестуется способностей «очень хорошихъ», прилежанія «весьма усерднаго», успѣховъ «очень хорошихъ», поведенія «хорошаго» и разряда 1-го (22-й изъ 50) [3]).

Среди предметовъ, преподававшихся въ низшемъ отдѣленіи семинаріи, его всего болѣе интересовала словесность, которую читалъ Михаилъ Владиміровичъ Шавровъ (магистръ Московской академіи), еще молодой учитель и, видимо, если не съ увлеченіемъ, то съ усердіемъ относившійся къ своему дѣлу. Что особенно образовы-

---

[1]) Именная вѣдомость объ ученикахъ С.-Петербургской духовной семинаріи за 1851—1852 учебный годъ. (Архивъ С.-Петербургской духовной семинаріи).

[2]) Названн. сочин., стр. 8.

[3]) Такъ отзывался Благовѣщенскій въ своей біографіи Помяловскаго, Гумилевскій и др.

вающимъ образомъ дѣйствовало на учениковъ, такъ это то, что онъ въ своемъ курсѣ подолгу останавливался на указаніи правилъ для составленія хорошихъ сочиненій и анализированіи образцовыхъ произведеній литературы. Конспектъ его по словесности заслуживаетъ полнаго вниманія [1]). Вотъ его главныя рубрики:

Введеніе въ словесность: «опредѣленіе науки, предметъ ея, частнѣйшія опредѣленія предмета, опредѣленіе художественности сочиненій вообще. а) Естественность изображенія и б) живость изображенія. Польза словесности и раздѣленіе. Общая словесность: раздѣленіе. 1) Условія для успѣха въ сочиненіи: чтеніе книгъ, разборъ внутренняго состава образцовыхъ словесныхъ произведеній, переводы съ иностраннаго на русскій, извлеченія и подражанія. 2) Общія правила для всякаго сочиненія—прозаическаго и поэтическаго: главная мысль и ея развитіе; языкъ и слогъ сочиненія и ихъ достоинства; замѣчанія касательно частей сочиненія. Частная словесность. О родахъ и видахъ сочиненій, о ихъ различныхъ формахъ и законахъ. 1) Проза: краснорѣчіе—письмовное, или епистолярное, историческое: описаніе и повѣствованіе, при чемъ послѣднее Шавровъ подраздѣлялъ на историческій разсказъ, біографію и некрологъ, краснорѣчіе философское (опредѣленіе его и общія правила для всѣхъ сочиненій философскихъ. Частные роды философскихъ сочиненій: а) разсужденіе, бб) размышленія и чувствованія, вв) наука или система, гг) рецензія или критика и антикритика; части критическаго сочиненія: к) анализъ разбираемаго сочиненія, б) приговоръ объ его достоинствѣ и недостаткѣ) и краснорѣчіе ораторское. На этомъ послѣднемъ видѣ прозы Шавровъ останавливался сравнительно долго, что и понятно, такъ какъ здѣсь ему приходилось говорить объ особомъ видѣ ораторскаго краснорѣчія—краснорѣчіи церковномъ. Мы приведемъ конспектъ о краснорѣчіи ораторскомъ по возможности буквально. Краснорѣчіе ораторское. Опредѣленіе его и отличіе отъ другихъ видовъ краснорѣчія. Частныя правила для ораторской рѣчи: аа) касательно тона, бб) касательно содержанія, вв) касательно расположенія рѣчи, гг)—слога и языка и дд) касательно главныхъ частей ея. Главные роды ораторскаго краснорѣчія. I. Краснорѣчіе церковное. Опредѣленіе его и превосходство предъ свѣтскимъ. Общія правила касательно церковнаго краснорѣчія: аа) правила касательно темы церковныхъ поученій, бб)—раскрытія главной мысли церковныхъ поученій. Доказательства отъ св. писанія и св. преданія. Доказательства отъ разума. Способъ доказыванія. Примѣненіе къ жизни. вв) Правила касательно слога церковныхъ поученій и гг) касательно главныхъ частей ихъ. II. Краснорѣчіе свѣтское. Роды свѣтскаго ораторства: аа) краснорѣчіе совѣщательное (военное, академическое, политическое или государственное) и бб) краснорѣчіе изобразительное.

2. Поэзія. Давъ понятіе о поэтическомъ языкѣ или стихосложеніи, о родахъ стихосложенія—метрическомъ, силлабическомъ и тоническомъ, объяснивъ, что послѣдній родъ стихосложенія по преимуществу свойственъ русской рѣчи, Шавровъ довольно подробно излагаетъ слѣдующіе виды поэтическихъ произведеній: а) эпическая поэзія: аа) эпическая описательная поэзія и бб) эпическая повѣствовательная. Роды этой послѣдней: а) поэма героическая, или эпопея, б) романтическая, или рыцарская поэзія, в) романъ и повѣсть, г) баллада, д) сказка. Б. Лирическая поэзія. Виды ея: аа) лирика религіозная, бб) торжественная, вв) пѣсенная, гг) элегическая, дд) сатирическая. В. Драматическая поэзія. Виды ея: трагедія и комедія. Сущность ихъ, происхожденіе, отличительныя черты и цѣль.

[1]) Дѣло о производствѣ испытаній за 1852—1858 учебный годъ, № 178.

Само собой понятно, чтенія по такой пространной и разнообразной программѣ должны были болѣе или менѣе интересовать учениковъ. Ими, безъ сомнѣнія, заинтересовался и Помяловскій, какъ ученикъ съ живымъ умомъ и пылкимъ воображеніемъ. Недаромъ по словесности онъ аттестуется: «способностей и успѣховъ очень хорошихъ». Объ этомъ же увлеченіи свидѣтельствуетъ и его біографъ-товарищъ Благовѣщенскій, отзывъ котораго о преподаваніи словесности въ тогдашней семинаріи вообще заслуживаетъ вниманія. «Словесность,—говоритъ онъ,—молодой учитель сумѣлъ сдѣлать интересной и мало-по-малу завлекать учащихся. Онъ читалъ намъ даже нѣкоторые образчики изящной литературы, старательно, конечно, опуская все, что могло подѣйствовать плохо на нравственность бурсаковъ... Постоянное упражненіе въ сочиненіяхъ тоже давало толчокъ мысли и заставляло ломать голову надъ замѣной однихъ оборотовъ рѣчи другими, надъ разъясненіемъ какого нибудь нравоучительнаго текста» [1]). Отзывъ этотъ впрочемъ, нужно думать, больше касается Архангельскаго, учителя словесности въ первомъ отдѣленіи, гдѣ учился самъ Благовѣщенскій, но Архангельскій временно, до Шаврова, читалъ словесность и въ томъ отдѣленіи, гдѣ учился и Помяловскій. А если такъ, то разнообразныя и содержательныя чтенія Шаврова и знакомство съ литературными образцами подъ руководствомъ Архангельскаго много содѣйствовали развитію эстетическаго вкуса Помяловскаго. Здѣсь, быть можетъ, нужно искать объясненіе тому, что и свои силы на литературномъ поприщѣ онъ началъ пробовать еще въ семинаріи. Вѣдь извѣстно, что онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ изданіи рукописнаго журнала: «Семинарскій Листокъ», гдѣ и помѣщалъ свои юношескіе труды. Другіе предметы этого класса Помяловскаго едва ли особенно интересовали. Схоластическіе ли пріемы преподаванія этихъ предметовъ, самый ли характеръ ихъ—виноваты, но только по нимъ отмѣтки у него гораздо хуже. Такъ въ сохранившихся спискахъ за 1851—1852 и 1852—1853 учебные годы по классу православнаго исповѣданія и ученіе о богослужебныхъ книгахъ онъ аттестуется—при способностяхъ «очень хорошихъ» прилежанія и успѣховъ только «порядочныхъ», а по латинскому языку — способностей и успѣховъ «посредственныхъ» [2]).

Въ 1853 году, послѣ испытаній, выдержанныхъ довольно удовлетворительно, Помяловскій переходитъ въ среднее отдѣленіе (24 изъ 50-ти) [3]). Здѣсь онъ учится много хуже, чѣмъ въ низшемъ отдѣленіи. Въ именныхъ вѣдомостяхъ за 1853—1855 и 1855—1856 учебные годы начальство аттестуетъ его, какъ ученика способностей «очень хорошихъ», «довольно хорошихъ», а успѣховъ только порядочныхъ и ставитъ его то 46-мъ, то 50-мъ (изъ 50-ти). Единственнымъ, пожа-

[1]) Біографія Помяловскаго (при полномъ собраніи его сочиненій), стр. X., Спб., 1893 г.
[2]) Дѣло о производствѣ испытаній, № 174.
[3]) Ibidem.

луй, предметомъ изъ всей серіи предметовъ этого класса, которымъ онъ болѣе или менѣе увлекался или, по крайней мѣрѣ, занимался, можно назвать только логику и соединенную съ нею психологію. Какъ извѣстно, до преобразованія устава духовныхъ семинарій (1843) философія преподавалась въ нихъ на самыхъ широкихъ началахъ. Тогда она дѣлилась на логику, метафизику, нравственную философію и исторію философіи. Преподавалась она большею частью по Баумейстеру (Institutiones philosophiae), причемъ пособіемъ были книги Винклера (Institutiones philosophiae universae, 1762) и Карпѐ (Institutiones philosophiae). Теперь же, съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго устава, она ограничивалась только поименованными науками— логикой и психологіей. Преподавалъ ихъ уже упоминаемый инспекторъ А. И. Мишинъ. И, нужно отдать ему справедливость, прилагалъ всѣ старанія, чтобы сдѣлать ихъ интересными для учениковъ.

По нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что ученики интересовались этими науками. Ревизовавшій въ 1849 году С.-Петербургскую семинарію архимандритъ Макарій (Булгаковъ) доносилъ внѣшнему академическому правленію: «Изъ патристики, логики и психологіи, преподаваемыхъ инспекторомъ семинаріи Александромъ Мишинымъ, всѣ воспитанники отвѣчали весьма хорошо, а нѣкоторые даже превосходно. По всему видно, что наставникъ при здравомъ умѣ отлично знаетъ свое дѣло, владѣетъ искусствомъ передавать свои познанія и имѣетъ на нихъ сильное нравственное вліяніе». Философіей занимался и Помяловскій, и его она интересовала. «Лекціи Мишина,—говоритъ Благовѣщенскій въ своей біографіи Помяловскаго,— заинтересовали Помяловскаго... дали особенный толчокъ мыслямъ его, и разработка вопросовъ о законахъ мышленія и свойствахъ души заняла его съ этихъ поръ надолго» [1]. Извѣстно, что философскіе вопросы онъ пытался разрѣшать уже въ своихъ статьяхъ, помѣщаемыхъ въ тогдашнемъ журналѣ «Семинарскій Листокъ». Его разсужденіе: «Попытка рѣшить нерѣшенный и притомъ философскій вопросъ, имѣютъ ли животныя души», помѣщенное въ первомъ номерѣ «Семинарскаго Листка», нужно думать, было не единственнымъ произведеніемъ въ такомъ родѣ. Философскіе вопросы занимали его и по выходѣ изъ семинаріи. Такое увлеченіе его философіей съ трудомъ мирится съ словами Благовѣщенскаго, что въ лекціяхъ Мишина «все оставалось схоластикой и мистикой». Едва ли Помяловскій могъ заинтересоваться такими лекціями. Скорѣе нужно думать, что при схоластической закваскѣ, если такъ можно выразиться, онѣ все-таки отличались болѣе или менѣе жизненнымъ характеромъ. Извѣстно вѣдь, что этотъ лучшій изъ преподавателей часто заинтерессовывалъ учениковъ тѣмъ, что примѣры бралъ изъ ихъ жизни.

---

[1]) Біографія Помяловскаго, стр. XII—XV.

Что касается другихъ предметовъ этого класса, то ими Помяловскій интересовался гораздо меньше и занимался ими лишь настолько, чтобы безпрепятственно перейти въ слѣдующій классъ. Отмѣтки по нѣкоторымъ предметамъ, сохранившіяся въ спискахъ за 1854—1855 учебный годъ, утверждаютъ насъ въ этомъ [1]).

Поведенія за разсматриваемые годы Н. Помяловскій значится въ инспекторскихъ записяхъ только «хорошаго» [2]). Не замѣшанный въ какихъ нибудь особенно дурныхъ поступкахъ (въ числѣ особенно провинившихся имя его не встрѣчается), онъ, однако, не отличался и «благоповеденіемъ». Нужно думать, что въ это время между либеральнымъ ученикомъ и строгимъ инспекторомъ началъ устанавливаться тотъ антагонизмъ, который отличалъ нашего писателя, по свидѣтельству лицъ, близко знавшихъ его, почти всю жизнь. И инспекторъ, указывая хорошихъ воспитанниковъ по поведенію, ни разу не поставилъ Помяловскаго въ число такихъ, хотя вѣдомости эти составлялись за каждый мѣсяцъ.

Въ 1855 году, въ семинаріи были двухгодичныя испытанія, и Помяловскій перешелъ въ высшее отдѣленіе однимъ изъ послѣднихъ [3]). Предметы этого класса, почти исключительно богословскаго характера, мало подходили къ душевному складу Помяловскаго, и онъ занимался ими не слишкомъ много. Впрочемъ, нужно думать, что такой замѣчательный профессоръ, каковъ былъ архимандритъ Іоаннъ (Соколовъ) [4]), отличавшійся глубиною и ясностію мысли, авторъ извѣстнаго «Курса церковнаго законовѣдѣнія», не могъ не производить и на него сильнаго впечатлѣнія. Подтвержденіе этому отчасти можно находить въ томъ, что по богословію, преподававшемуся этимъ ученымъ мужемъ, у него самыя лучшія отмѣтки [5]). Главное же вниманіе Помяловскаго, какъ утверждаетъ Благовѣщенскій, въ это время было направлено на изданіе журнала «Семинарскій Листокъ». Въ этомъ журналѣ онъ принималъ самое дѣятельное участіе: писалъ самъ статьи, просматривалъ написанныя товарищами. Въ первомъ номерѣ, напримѣръ, было помѣщено подъ псевдонимомъ «Тамбовскій семинаристъ» уже упомянутое его разсужденіе: «Попытка рѣшить нерѣшенный и притомъ философскій вопросъ, имѣютъ ли животныя душу».

---

[1]) Послѣ испытаній Помяловскій имѣлъ слѣдующія отмѣтки (система осьмибальная): по психологіи 7—6, по патристикѣ 7—6, по св. писанію 6—5, по герменевтикѣ 6—5, по русской гражданской исторіи 6, естественной исторіи 6, по греческому языку 6, по французскому языку 5 (дѣло объ испытаніяхъ за 1853—1854 и 1854—1855 учебные года, № 71).

[2]) Именная вѣдомость за 1853—1854 г., № 45, и такая же вѣдомость за 1854—1855 г., № 59.

[3]) Дѣло о производствѣ испытаній за 1853—1854 и 1854—1855 учебные года, № 71.

[4]) Въ 1855 г. назначенъ былъ ректоромъ С.-Петербургской семинаріи изъ профессоровъ С.-Петербургской духовной академіи. Умеръ въ 1866 г. епископомъ смоленскимъ.

[5]) Послѣ полугодичныхъ испытаній имѣлъ слѣдующіе баллы: по сравнительному богословію 8—7, по расколу 7—6, по церковной исторіи и каноническому праву 6, по сельскому хозяйству 6, по медицинѣ 7, св. писанію 8 и по греческому языку 5 (дѣло о производствѣ испытаній за сентябрскую треть 1856 г., № 60).

Занятый постоянно журналомъ, Помяловскій не входилъ совсѣмъ или мало входилъ въ дѣла своихъ товарищей. Начальство замѣтило это и аттестовало его за 1855—1856 учебный годъ, какъ ученика поведенія «скромнаго» [1]), чего раньше никогда не было. Но «Семинарскій Листокъ», къ крайнему прискорбію многихъ издателей его, окончился на седьмомъ выпускѣ. Начальство узнало объ этомъ предпріятіи, приняло свои мѣры, и журналъ прекратился. Помяловскій, отдававшійся интересующему его дѣлу всей душой, не зналъ, что съ собой дѣлать: такъ сильно на него подѣйствовало запрещеніе журнала. Уроками онъ давно уже перестанъ заниматься; не могъ усердно заниматься ими и теперь. А пока онъ сѣтовалъ, его захватилъ товарищескій кружокъ, и онъ весь отдался ему. За этотъ послѣдній годъ, 1856—1857, инспекторъ аттестуетъ его, какъ ученика поведенія только «хорошаго», и ставитъ его послѣднимъ по поведенію въ ряду товарищей [2]).

Въ іюлѣ 1857 года, были послѣдніе выпускные экзамены. Помяловскій, очевидно, занимавшійся передъ экзаменами, выдержалъ ихъ удовлетворительно и кончилъ 36-мъ изъ 50-ти. Сохранившіяся аттестаціи по нѣкоторымъ предметамъ, составленныя, нужно думать, послѣ испытаній этого года, всѣ почти хороши. Такъ, по богословію онъ аттестуется успѣховъ, способностей и прилежанія — «хорошихъ», по расколу — «очень порядочныхъ» такъ же, какъ и по греческому языку, и только по сельскому хозяйству успѣховъ «посредственныхъ» [3]).

Интересно, конечно, было бы познакомиться съ аттестатомъ, выданнымъ нашему писателю по окончаніи курса, но его, къ сожалѣнію, намъ не удалось найти. Восполнить его отчасти можно по той именной вѣдомости, которая представлялась семинаріей академическому правленію о каждомъ ученикѣ по окончаніи курса и которая составлялась на основаніи всего времени ученія. Помяловскій здѣсь аттестуется, какъ ученикъ способностей «очень хорошихъ», прилежанія «достаточнаго», успѣховъ «довольно хорошихъ» и поведенія «очень хорошаго». Здѣсь же сказано, что онъ уволенъ въ «епархіальное вѣдомство» [4]).

Вотъ и все, что мы можемъ сообщить на основаніи оффиціальныхъ данныхъ о пребываніи Помяловскаго въ бурсѣ и въ семинаріи. Прослѣдить по нимъ, какъ развивался онъ, какъ складывался его характеръ, его міровоззрѣніе, конечно, нельзя. Но всетаки ясно, что если бурса съ своими грубыми нравами и оставила тяжелый слѣдъ на Помяловскомъ, то семинарія пріучила его къ

[1]) Именная вѣдомость за 1856—1857 учебный годъ, № 67.

[2]) Дѣло по донесенію инспектора о поведеніи учениковъ семинаріи за 1856—1857 учебный годъ, № 54.

[3]) Дѣло о производствѣ испытаній за 1856—1857 учебный годъ, № 85.

[4]) Именная и перечневая вѣдомость 1857 года, № 55 (октябрь).

строгому мышленію и способствовала развитію его эстетическихъ вкусовъ. И всѣ тѣ обвиненія, какія возводитъ Благовѣщенскій, біографъ Помяловскаго, на семинарію, падаютъ сами собой. Несправедливо, напримѣръ, то, что «начальство считало Помяловскаго за дурака и негодяя», и что «онъ кончилъ курсъ предпослѣднимъ». Послѣднее разбивается о то, что по оффиціальнымъ даннымъ, какъ мы видѣли, онъ кончилъ 36 изъ 50, а первое несправедливо уже въ виду тѣхъ аттестацій о способностяхъ, успѣхахъ, прилежаніи и поведеніи, какія мы приводили. За 1855—1856 учебный годъ онъ названъ поведенія даже «скромнаго». Правда, иногда начальство относилось къ нему недружелюбно и готово было считать его за ученика, могущаго имѣть дурное вліяніе на товарищей, но это объясняется, какъ мы уже упоминали, тѣмъ, что онъ, не мирясь съ семинарской обстановкой, не былъ и усерднымъ ученикомъ, особенно по нѣкоторымъ предметамъ, и могъ быть соблазнительнымъ примѣромъ для другихъ. Но и только.

Несправедливо также и то, что семинарія имѣла на Помяловскаго разлагающее дѣйствіе, что въ ней онъ научился пить, какъ утверждаетъ это Благовѣщенскій. Конечно, нравы семинаріи вообще не отличались особой облагороженностью и особаго благотворнаго дѣйствія не могли производить. Но нужно помнить, что это было уже въ концѣ 50-хъ годовъ, когда нравы значительно смягчились и въ школахъ духовнаго вѣдомства. Относительно Петербургской семинаріи это тѣмъ болѣе нужно сказать, такъ какъ она обращала на себя особенное вниманіе высшаго начальства и въ это время находилась подъ наблюденіемъ такого инспектора, каковъ былъ А. И. Мишинъ. Самъ Помяловскій свою страсть къ вину объясняетъ совсѣмъ иначе. «Первый разъ,—пишетъ онъ Полонскому,—пьянъ я былъ на седьмомъ году. Съ тѣхъ поръ до окончанія курса она (страсть) развивалась кресцендо и диминуендо. Что за причина? Она въ началѣ была чисто моральная, но теперь едва ли не перешла въ болѣзнь тѣла. Я пилъ въ дѣтствѣ, значитъ здѣсь и искать начало порока. При окончаніи курса я былъ почти пьяница» [1]). Быть можетъ, семинарія была даже отчасти и сдерживающимъ началомъ.

По выходѣ изъ семинаріи Н. Г. началъ самостоятельную жизнь, полную невзгодъ и треволненій. Преждевременная смерть слишкомъ рано похитила этого даровитаго, такъ много обѣщавшаго писателя.

В. Л—въ.

---

[1]) Письмо это и другія два тоже къ Полонскому помѣщены въ «Русской Старинѣ» 1884 года, I, 201, есть и при полномъ изданіи сочиненій Помяловскаго (Спб., 1898 г.).

СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ ВЫСШАГО ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ [1].

ПЕРВЫЕ женскіе курсы въ Москвѣ, извѣстные подъ именемъ «Лубянскихъ», были открыты въ 1869 году. Возникли они вслѣдствіе ходатайства кружка интеллигенціи, во главѣ котораго стоялъ Ф. Н. Королевъ, бывшій тогда директоромъ 2-й гимназіи.

Предлагая вниманію читателей слѣдующій очеркъ исторіи этого оригинальнаго, хотя и мало извѣстнаго, учрежденія, я имѣю въ виду сохранить память о немъ будущимъ поколѣніямъ учащихся женщинъ.

Въ концѣ 1860-хъ годовъ, послѣ учрежденія женскихъ гимназій, женское среднее образованіе стало на твердую почву. Дѣвушки, окончившія курсъ въ гимназіяхъ, получили даже право преподаванія въ ихъ младшихъ классахъ, что было, конечно, довольно естественно, но, къ сожалѣнію, онѣ не получили права, которое, казалось бы, было еще болѣе естественнымъ, — права продолжать свое собственное образованіе подъ руководствомъ спеціалистовъ избранныхъ предметовъ, по просту сказать, права на высшее образованіе. Между тѣмъ молодыя учительницы скоро почувствовали большіе пробѣлы въ своемъ образованіи и сознали, что гимназія — только начало, а не конецъ ученья. Естественно, что мысли

---

[1]) Статья эта есть рефератъ (съ нѣкоторыми измѣненіями), написанный по приглашенію женскаго конгресса въ Чикаго. Пользуюсь случаемъ высказать запоздалую благодарность Н. В. Корсаковой, любезно взявшей на себя трудъ перевести его на англійскій языкъ.

учащейся женщины обратились къ университету. Многія рѣшили этотъ вопросъ лично для себя: отправились за границу и вернулись въ Россію съ докторскими дипломами. Но другія хотѣли большаго. Нужно было сдѣлать такъ, чтобы всѣ желающія могли получить высшее образованіе. Слѣдствіемъ этого была подача прошенія въ министерство народнаго просвѣщенія о допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій въ университетѣ. Но министерство, ссылаясь на то, что женское среднее образованіе еще во многомъ ниже мужскаго, не удовлетворило прошенія, а разрѣшило только открытіе для женщинъ публичныхъ курсовъ, съ программой классическихъ гимназій, чтобы пополнить недостатки средняго женскаго образованія. Черезъ два года профессору Герье разрѣшено было открыть высшіе курсы для женщинъ, но въ программу ихъ не были введены естественныя науки, а только словесныя и историческія. Первые же «публичные курсы» должны были, повидимому, оставаться дополнительными къ женской гимназіи; однако, на дѣлѣ вышло не такъ.

Курсы открылись въ зданіи 2-й гимназіи, подъ руководствомъ Ф. Н. Королева; лекціи читались по вечерамъ. Привожу здѣсь основанія, на которыхъ эти курсы были разрѣшены.

1. Доступъ къ поступленію на означенные курсы долженъ быть не вполнѣ свободнымъ, дабы въ оные могли поступать только тѣ лица женскаго пола, кои дѣйствительно желаютъ обучаться.

2. Въ этихъ курсахъ должны быть преподаваемы тѣ же предметы, какіе преподаются въ классическихъ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а именно: 1) Законъ Божій, 2) математика: ариѳметика, алгебра и геометрія, 3) физика, 4) исторія всеобщая и Россіи, 5) географія, и языки: 6) русскій, 7) нѣмецкій, 8) французскій, 9) латинскій, 10) греческій, 11) англійскій, — по программамъ, утвержденнымъ для этихъ гимназій.

3. Желающія участвовать въ слушаніи курсовъ могутъ учиться одному, двумъ или даже и всѣмъ предметамъ по желанію.

4. Курсъ каждаго предмета открывается тогда, когда желающихъ будетъ достаточно для того, чтобы платить издержки, сопряженныя съ слушаніемъ предмета.

5. Всѣ издержки: вознагражденіе преподавателей за чтенія, расходы на освѣщеніе, прибавка къ жалованью прислугѣ, вознагражденіе лицу, которое должно присутствовать для соблюденія порядка (надзиратель или другой изъ лицъ, служащихъ въ гимназіи) и проч., слушательницы принимаютъ на свой счетъ.

6. Для покрытія всѣхъ расходовъ, слушательницы вносятъ, пополугодно впередъ, опредѣленную плату, размѣръ которой будетъ зависѣть отъ числа слушательницъ. За норму можетъ быть принято 7 рублей за годовой урокъ.

7. Деньги за слушаніе (напримѣръ, по 5 рублей за годовой урокъ) вносятся даже и въ томъ случаѣ, когда кто либо изъ преподавателей выразитъ желаніе читать даромъ. Въ этомъ случаѣ тѣ деньги составляютъ запасный фондъ и могутъ быть употреблены, по усмотрѣнію слушательницъ, на уплату за тѣхъ изъ нихъ, которыя не будутъ въ состояніи платить за уроки.

8. Въ началѣ для слушанія курсовъ могутъ поступить всѣ желающія, если только ихъ образъ жизни и поведеніе во время слушанія курсовъ не будутъ тому препятствовать, впослѣдствіи же, если бы то оказалось полезнымъ, могутъ быть учреждены пріемныя испытанія.

9. Въ продолженіе курса ученія преподаватели отъ времени до времени назначаютъ репетиціи для желающихъ, съ тою цѣлію, чтобы удостовѣриться, насколько слушательницами усвоено то, что имъ преподано.

10. Главнымъ распорядителемъ этихъ курсовъ долженъ быть директоръ 2-й Московской гимназіи; ему же ввѣряется храненіе денегъ и завѣдываніе кассою, а также предоставляется право входить въ сношенія съ избранными, съ общаго согласія слушательницъ, преподавателями относительно вознагражденія ихъ за труды по преподаванію и проч.

11. Право избранія для этихъ курсовъ преподавателей, извѣстныхъ своею опытностію въ дѣлѣ преподаванія, предоставляется самимъ слушательницамъ, но никто не можетъ быть ими избранъ окончательно безъ согласія на то директора Московской 2-й гимназіи.

Изъ этихъ правилъ видно, что уставъ курсовъ предоставлялъ учащимся право выбора преподавателей и распоряженія денежными средствами; роль главнаго распорядителя ограничена храненіемъ денегъ, переговорами съ преподавателями, утвержденіемъ ихъ послѣ избранія слушательницами. Пока директоромъ 2-й гимназіи былъ Ф. Н. Королевъ, онъ велъ хозяйство курсовъ самъ и былъ на самомъ дѣлѣ распорядителемъ; но, черезъ годъ по открытіи курсовъ, онъ получилъ другое назначеніе, покинувъ гимназію, а съ нею и курсы. Новый директоръ гимназіи не хотѣлъ принять на себя отвѣтственность за курсы. Тогда Ф. Н. предложилъ общему собранію слушательницъ избрать изъ среды себя двухъ распорядительницъ для завѣдыванія кассою, отчетностью и всѣми оффиціальными сношеніями, чтобы облегчить роль будущаго директора, который остался бы такимъ образомъ лишь хранителемъ денегъ и оффиціальнымъ представителемъ курсовъ (вознагражденія директоръ не получалъ). Послѣ цѣлаго ряда неудачъ слушательницы наконецъ нашли помѣщеніе и директора въ 3-й Московской гимназіи на Лубянкѣ, такъ что въ октябрѣ 1870 года лекціи начались уже въ зданіи 3-й гимназіи, гдѣ курсы и оставались до конца своего существованія.

Съ тѣхъ поръ въ управленіи курсами установился такой порядокъ: директоръ хранилъ деньги, помѣщалъ ихъ въ банкъ, передавалъ распорядительницамъ на расходъ, утверждалъ[1]) избранныхъ слушательницами преподавателей и давалъ разрѣшеніе на созваніе общаго собранія слушательницъ, не вмѣшиваясь во внутреннія распоряженія ихъ. Дѣла курсовъ рѣшались общимъ собраніемъ слушательницъ. Кромѣ выбора лекторовъ и распорядительницъ, обсужденія отчета и смѣты на слѣдующій годъ, тутъ опредѣлялся размѣръ платы слушательницъ и вознагражденія лекторовъ, рѣшалась судьба каждаго преподаваемаго предмета, разбирались недоумѣнія, возникавшія подчасъ между слушательницами и распорядительни-

[1]) Случаи неутвержденія бывали, но крайне рѣдко.

цами, и выработывался мало-по-малу въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ рядъ правилъ, которыя сообщались потомъ поступавшимъ вновь.

Все рѣшалось простымъ большинствомъ; о согласіи заявляли вставаніемъ. Присутствовать на общихъ собраніяхъ могли всѣ слушательницы съ одинаковымъ правомъ голоса, но обыкновенно немногія посѣщали ихъ; только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда предлагался для обсужденія особенно интересный вопросъ, общія собранія бывали многолюдны. Извѣщались слушательницы о днѣ общаго собранія посредствомъ объявленія, висѣвшаго въ корридорѣ впродолженіе недѣли. Вопросы, возникшіе на какомъ нибудь собраніи, обсуждались на слѣдующемъ.

Хозяйство вели распорядительницы. Онѣ принимали подписку, вели переговоры съ преподавателями, подавали директору ежемѣсячные и годовые отчеты, передавали ему собранныя со слушательницъ деньги.

Распорядительницы (сначала 2, потомъ 7) избирались ежегодно изъ среды слушательницъ, но онѣ не мѣнялись ежегодно, какъ это можно бы ожидать; большинство оставалось по нѣскольку лѣтъ. Но переизбираніе производилось непремѣнно каждый годъ, равнымъ образомъ и преподаватели каждый годъ приглашались заново; слушательницы ежегодно вновь записывались, и ежегодно общее собраніе обсуждало, какія каѳедры можно открывать. Иначе было нельзя при томъ необезпеченномъ положеніи, въ которомъ находились курсы, завися почти всецѣло въ своемъ существованіи отъ количества и состава слушательницъ. Все это придавало имъ нѣсколько случайный характеръ, но, какъ мы увидимъ, не помѣшало имъ подняться до степени высшаго учебнаго заведенія, какъ будто курсами руководила опытная рука и твердо вела ихъ къ заранѣе намѣченной цѣли. Лица смѣнялись, но дѣло продолжалось, потому что существовало нѣчто сильнѣе лицъ: это была идея женскаго высшаго образованія, которая составляла общее стремленіе лучшей части женской и мужской интеллигенціи.

Преподаватели курсовъ вначалѣ не принимали оффиціальнаго участія въ дѣлахъ, хотя распорядительницы обыкновенно спрашивали ихъ совѣтовъ относительно приглашенія новыхъ лекторовъ. Впослѣдствіи было окончательно установлено, чтобы всѣ дѣла, касающіяся преподаванія, обсуждались прежде въ конференціи преподавателей, причемъ окончательное рѣшеніе вопроса все-таки предоставлялось общему собранію. Въ управленіи курсовъ, кромѣ введенія конференціи преподавателей, во всѣ 20 лѣтъ не было перемѣнъ, но попытки къ таковымъ тѣмъ не менѣе были.

Получивъ распоряженіе курсами въ свои руки, слушательницы были озабочены тѣмъ, чтобы упорядочить внѣшнія и внутреннія ихъ отношенія и поставить какъ можно лучше общее дѣло, не на-

рушая въ то же время интересовъ отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ, составилось наконецъ нѣчто въ родѣ подробнаго устава, который долженъ былъ служить руководствомъ на будущее время. Но при выработкѣ этого устава образовались двѣ противныя партіи, составившія каждая отдѣльную комиссію и представившія общему собранію два проекта.

Партія молодежи (возрастъ слушательницъ ничѣмъ не былъ ограниченъ, и на курсы записывались иногда и пожилыя особы) желала почти вовсе уничтожить какую бы то ни было разницу между распорядительницами и слушательницами, предоставивъ первымъ лишь болѣе скучную работу: составленіе отчетовъ, пріемъ подписки, разныя мелочи хозяйства, всѣ же болѣе интересныя порученія общаго собранія возлагая безразлично на всѣхъ слушательницъ.

Другая партія находила наоборотъ, что нужно централизовать власть: образовать комитетъ изъ распорядительницъ, съ обязательными собраніями, на которыхъ бы и рѣшались всѣ дѣла, причемъ число распорядительницъ предполагалось значительно увеличить, а число общихъ собраній сократить до 1—2 въ годъ. При такомъ положеніи дѣлъ существованіе общихъ собраній скоро обратилось бы въ пустую формальность, какъ это и бываетъ почти во всѣхъ русскихъ благотворительныхъ обществахъ, и оригинальный характеръ курсовъ исчезъ бы. Въ результатѣ, послѣ долгихъ и жаркихъ споровъ, общее собраніе пришло къ рѣшенію сохранить status quo ante и не приняло предложенныхъ нововведеній. Такъ кончилась первая попытка сузить, хотя бы слегка, самоуправленіе курсовъ.

Такая же неудача постигла и вторую. Временный разладъ съ директоромъ 3-й гимназіи побудилъ слушательницъ приняться за отысканіе новаго директора. На этотъ разъ, повинуясь внушеніямъ уважаемыхъ профессоровъ, слушательницы думали запастись «настоящимъ» директоромъ, который бы управлялъ курсами и заботился о нихъ, привлекая къ нимъ симпатіи общества и... деньги. Выборъ можно было сдѣлать изъ 3-хъ лицъ, такъ какъ слушательницамъ было извѣстно, что профессоръ Г., профессоръ А. Ю. Давыдовъ и одинъ изъ преподавателей курсовъ Ш. болѣе или менѣе охотно взяли бы на себя завѣдываніе курсами. Но, что касается послѣдняго, то, во-первыхъ, слушательницы не хотѣли предоставить одному изъ своихъ преподавателей преимущество надъ другими, во-вторыхъ, у него не было «имени», а вѣдь это и было самое главное! Съ другой стороны слушательницамъ хотѣлось сохранить хоть сколько нибудь самоуправленіе, въ особенности выборъ преподавателей, поэтому нельзя было обратиться къ профессору Г., который считался рѣшительнымъ противникомъ такого самоуправленія. Такимъ образомъ оставалось просить профессора Давыдова. Депутація была принята профессоромъ очень любезно, онъ готовъ

былъ дать курсамъ свое имя, соглашался предоставить слушательницамъ распоряженіе деньгами, но ни за что не хотѣлъ предоставить имъ избраніе преподавателей.

Депутація передала общему собранію результаты переговоровъ, и послѣ недолгихъ разсужденій собраніе снова пришло къ рѣшенію сохранить status quo ante. Высказавъ директору благодарность за прежнія добрыя отношенія, собраніе просило его сохранить ихъ и на будущее время. Согласіе возстановилось, и все пошло постарому.

Третья попытка была сдѣлана въ 1889 году, послѣ распоряженія министерства о прекращенія пріема новыхъ слушательницъ. Чтобы сохранить возможность учиться, курсы готовы были теперь поступиться всѣми своими правами и привиллегіями, почему и просили профессора Б. (А. Ю. Давыдовъ уже умеръ) быть ихъ представителемъ и ходатайствовать передъ правительствомъ о сохраненіи курсовъ, хотя бы и въ измѣненномъ видѣ. Но это не помогло; профессору Б. было отказано, также какъ профессору Г., хлопотавшему о разрѣшеніи другихъ курсовъ. Такъ волей и неволей курсы до конца сохранили свое демократическое устройство.

Но если не мѣнялось управленіе, то программа курсовъ измѣнялась постоянно, при чемъ измѣненія ея привели къ тому, что изъ классической гимназіи курсы преобразовались въ высшее учебное заведеніе съ программой физико-математическаго факультета. Такое преобразованіе не было внезапнымъ, оно не было дѣломъ ни директора, ни преподавателей, ни распорядительницъ: оно совершилось постепенно, подъ вліяніемъ двухъ главныхъ факторовъ. Первымъ было постоянное измѣненіе въ числѣ слушательницъ, записавшихся на тотъ или другой предметъ (смотри 4 § «Основаній»), вслѣдствіе чего одни курсы закрывались (minimum слушательницъ для каждаго предмета считалось 20), другіе, напротивъ, расширялись: открывались два, три курса по одному предмету.

Другимъ факторомъ было желаніе учащихся расширить предѣлы своего образованія, для чего онѣ обращались нѣсколько разъ и вполнѣ успѣшно въ министерство народнаго просвѣщенія съ просьбой разрѣшить чтеніе лекцій по различнымъ предметамъ, кромѣ разрѣшенныхъ вначалѣ.

Такимъ образомъ въ 1869 году были открыты чтенія по слѣдующимъ предметамъ: Законъ Божій (8 слушательницъ), исторія всеобщая (24 слушательницы), русская исторія (31 слушательница), географія (13 слушательницъ), языки: русскій (42 слушательницы), латинскій (10 слушательницъ), англійскій (14 слушательницъ), нѣмецкій (14 слушательницъ), французскій (11 слушательницъ), математика (46 слушательницъ) и физика (65 слушательницъ). Всѣхъ слушательницъ было 190, и съ самаго начала оказалось, что ихъ симпатіи принадлежатъ болѣе всего физикѣ и математикѣ, затѣмъ

русскому языку и исторіи. Въ 1870—1871 учебномъ году были открыты уже по два курса математики (80 слушательницъ) и физики (129 слушательницъ): одинъ для начинающихъ, другой для продолжающихъ. Число слушательницъ исторіи всеобщей (65 слушательницъ) и русской (52 слушательницы) и русскаго языка (75 слушательницъ) тоже увеличилось, хотя менѣе. Въ томъ же году слушательницы просили министерство народнаго просвѣщенія о преподаваніи высшей математики и химіи. Чтенія послѣдней и начались уже въ январѣ 1871 года, а высшей математики—въ слѣдующемъ учебномъ году. Въ то же время иностранные языки прекратили свое существованіе, за недостаткомъ желавшихъ изучать ихъ. (Латинскій языкъ держался долѣе, русскій пережилъ всѣхъ своихъ товарищей, какъ равно и исторію, и продолжался до 1878-го года). Въ 1871—1872 году было открыто 3 курса математики и 2—физики, аналитической механики и астрономіи, которую профессоръ Бредихинъ имѣлъ возможность излагать вполнѣ научно, благодаря серьезной математической подготовкѣ слушательницъ.

Въ 1873—1874 году прекращены чтенія по латинскому языку и географіи, и введены вслѣдствіе новаго прошенія слушательницъ—ботаника и зоологія.

Въ 1875—1876 году было уже 4 курса математики, 2—химіи, физика, ботаника, зоологія, геологія и оставались еще 2 курса русскаго языка и 1—всеобщей исторіи. Но въ 1878 году прекращены чтенія по русскому языку,—исторія прекратилась еще раньше, и на курсахъ остались, благодаря, такъ сказать, «естественному подбору» одни предметы физико-математическаго факультета: математика, физика, химія, ботаника, зоологія и другіе. Все преобразованіе завершилось въ теченіе 8½ лѣтъ.

И это преобразованіе шло глубже, чѣмъ можетъ показаться съ перваго раза. Нужно было сдѣлать удобнымъ и возможнымъ изученіе этихъ предметовъ въ связи, чтобы полученныя свѣдѣнія давали учащимся нѣчто цѣльное. Слѣдовало помочь учащимся выбирать предметы для совмѣстнаго изученія, распредѣлить ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они должны слѣдовать другъ за другомъ, уравнять, такъ сказать, программы отдѣльныхъ предметовъ.

Вопросъ—какъ все это устроить, былъ поднятъ вмѣстѣ съ введеніемъ преподаванія химіи, ботаники и зоологіи, то-есть въ 1874 году, но разрѣшенъ оффиціально только въ 1881 году. Иниціатива и здѣсь исходила отъ общаго собранія слушательницъ, которое поручило распорядительницамъ просить приглашенныхъ читать преподавателей, чтобы они составили общій планъ изученія естественныхъ наукъ и математики, для руководства слушательницъ. По этому поводу преподаватели много разъ совѣщались, какъ одни, такъ и вмѣстѣ съ избранными отъ общаго собранія депутатками.

Планъ былъ составленъ и потомъ не разъ измѣнялся, вслѣдствіе необходимости примѣнить его къ потребностямъ и познаніямъ учащихся. Окончательное же его введеніе затруднялось тѣмъ, что нѣкоторые предметы, долженствовавшіе войти въ общую программу, не были разрѣшены для чтенія на курсахъ. Только въ 1881 году въ отвѣтъ на прошеніе слушательницъ министерство предоставило попечителю учебнаго округа разрѣшеніе этого вопроса, и тогда планъ былъ утвержденъ.

Привожу для сравненія планъ въ первоначальномъ видѣ и въ томъ, въ какомъ онъ былъ утвержденъ.

Первоначальный планъ 1874 года. На 1-й годъ: высшая математика, физика, химія неорганическая, ботаника, зоологія; на 2-й годъ: высшая математика, физика, химія органическая, ботаника, зоологія; на 3-й годъ: аналитическая механика, физика, минералогія, ботаника, зоологія; на 4-й годъ: астрономія, математическая физика, геологія, физіологія растеній, физіологія животныхъ. Каждый предметъ читался по 2 часа въ недѣлю.

Планъ 1881 года, утвержденный г. попечителемъ округа.

I. Отдѣленіе математическое. 1-й годъ: элементарная математика — 5 часовъ въ недѣлю; неорганическая химія — 3 часа; 2-й годъ: высшая математика — 8 часовъ, физика — 3 часа; 3-й годъ: высшая математика — 4 часа, механика — 2 часа, астрономія — 2 часа, физика — 3 часа; 4-й годъ: высшая математика — 4 часа, механика — 3 часа, астрономія — 2 часа, математическая физика — 3 часа.

II. Отдѣленіе естественное. 1-й годъ: элементарная математика — 3 часа въ недѣлю, неорганическая химія — 3 часа, ботаника — 1 часъ, зоологія — 1 часъ; 2-й годъ: энциклопедія математики — 2 часа, зоологія — 3 часа, ботаника — 3 часа, физика — 3 часа; 3-й годъ: зоологія — 3 часа, ботаника — 3 часа, геологія и минералогія — 3 часа, физика — 3 часа; 4-й годъ: физіологія животныхъ — 3 часа, физіологія растеній — 3 часа, геологія и палеонтологія — 3 часа.

Такимъ образомъ, въ 1881 году женскіе публичные курсы, открытые въ 1869 году съ программой классической гимназіи, были оффиціально преобразованы въ высшее учебное заведеніе. Однако же имени высшихъ курсовъ они не получили, хотя въ это время уже давно существовали высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ — профессора Бестужева-Рюмина и въ Москвѣ — профессора Герье.

Очевидно, что при коренной перемѣнѣ въ программѣ курсовъ не могли остаться безъ перемѣны и условія пріема слушательницъ на курсы. По § 6-му «Основаній» слушательницы платили отдѣльно за каждый часъ въ недѣлю отъ 4 до 8 рублей въ годъ, сколько бы предметовъ онѣ ни слушали, и сколько бы часовъ ни читался каждый предметъ. Слушать 1—2 предмета при такихъ условіяхъ обходилось не дорого, но когда, слѣдуя предложенному плану, приходилось записываться на 4—5 предметовъ, причемъ нѣкоторые читались 8 часа, то плата выходила въ общей суммѣ очень высокая.

Желая облегчить записавшихся на всѣ предметы общаго курса, распорядительницы предложили общему собранію ввести единую годовую плату для такихъ слушательницъ въ 50 рублей, оставивъ при этомъ прежнюю плату для тѣхъ, которыя продолжали записываться на отдѣльные предметы. Но такая простая, повидимому, мѣра вначалѣ встрѣчена была несочувственно. Однѣ говорили, что это нарушаетъ полное равенство между слушательницами, другія — что это должно принести курсамъ значительный убытокъ. Однако, одна изъ распорядительницъ, сдѣлавъ простое математическое вычисленіе, доказала, что уменьшеніе платы, которое неизбѣжно повлечетъ за собою увеличеніе числа записавшихся по общему плану, доставитъ курсамъ не убытокъ, а прибыль. Разсчетъ этотъ имѣлъ рѣшающее значеніе, и вопросъ о платѣ прошелъ благополучно. Вслѣдствіе этого слушательницы раздѣлились на дѣйствительныхъ, слушавшихъ всѣ предметы по общему плану, и вольныхъ, слушавшихъ предметы по своему выбору.

Дѣйствительныя слушательницы въ большинствѣ случаевъ приглашали преподавателей экзаменовать себя при переходѣ съ курса на курсъ и при окончаніи курса, а также на годовыя репетиціи.

Когда общій планъ и нормальная плата были установлены, курсы принялись было за детальную разработку программъ. Такъ какъ дѣло, казалось, теперь стояло прочно, то слѣдовало привлечь на курсы большее число слушательницъ, для чего предполагалось, составивъ подробныя программы по всѣмъ предметамъ, напечатать и издать ихъ, чтобы такимъ образомъ во всеуслышаніе объявить о происшедшемъ преобразованіи: оффиціально курсы носили все то же названіе—«Публичныхъ», и ихъ значеніе, какъ высшаго учебнаго заведенія, было мало извѣстно. Но этому плану не пришлось осуществиться, вслѣдствіе послѣдовавшаго вскорѣ распоряженія министра народнаго просвѣщенія о прекращеніи пріема на высшіе женскіе курсы. На этотъ разъ и Лубянскіе курсы попали въ число высшихъ!

Вопросъ о средствахъ былъ, разумѣется, всегда однимъ изъ самыхъ важныхъ и обсуждался обыкновенно осенью и весной, т. е. въ началѣ и въ концѣ учебнаго года. Выше было сказано, что на курсахъ ежегодно обсуждался вопросъ о томъ, какіе предметы открывать, такъ какъ это зависѣло отъ наличныхъ средствъ. Существовало, однако, общее правило, по которому нѣкоторые предметы открывались безъ предварительнаго обсужденія. Вначалѣ, когда всѣ вносили одинаковую плату, каждый предметъ открывался, какъ только запишутся 20 слушательницъ: ихъ взносъ окупалъ расходъ по приглашенію лектора. Если по нѣкоторымъ предметамъ было болѣе 20 слушательницъ, ихъ взносъ составлялъ остатокъ, на который можно было открыть и тѣ предметы, на которые записались менѣе 20-ти лицъ. Но это уже было дѣло общаго собранія. Впо-

слѣдствіи, съ введеніемъ общаго плана, дѣло усложнилось. Съ одной стороны, далеко не всѣ слушательницы записывались на общій курсъ, было много вольныхъ, которыя, конечно, распредѣлялись очень неравномѣрно: одни предметы привлекали больше, чѣмъ другіе. Между тѣмъ нельзя же было открывать одни предметы и не открывать другихъ, если тѣ и другіе были назначены въ общемъ планѣ. Съ другой стороны, первые курсы были гораздо многолюднѣе слѣдующихъ, а нельзя же было, открывая каждый годъ 1-й курсъ, не открывать послѣдующихъ. Также невозможно было дожидаться общаго собранія для открытія всѣхъ курсовъ. Обыкновенно общее собраніе назначалось приблизительно чрезъ мѣсяцъ послѣ начала лекцій. Всѣ предметы общаго плана на 1-мъ курсѣ открывались при 15-ти дѣйствительныхъ слушательницахъ, не считая вольныхъ, на 2-мъ при 10-ти, 3-й и 4-й курсы открывались при какомъ бы ни было числѣ слушательницъ. Но случалось, что на 2-й курсъ не записывалось и 10-ти слушательницъ, тогда уже предоставлялось общему собранію рѣшить ихъ судьбу. Рѣшеніе обыкновенно бывало такое: курсъ открыть, но слушательницы обязываются сдать переходные экзамены. Однако же, удовлетворяя, быть можетъ, справедливость, это рѣшеніе собранія денегъ на этотъ предметъ не прибавляло. Для покрытія дефицита старшихъ курсовъ не хватало того избытка, который оставался отъ 1-го курса. Приходилось брать изъ запаса, образовавшагося еще въ первые года послѣ открытія курсовъ, благодаря нѣкоторымъ пожертвованіямъ, но запасъ этотъ былъ невеликъ. Оставалось найти новые источники дохода, и они находились: принимались пожертвованія, большія и малыя; предпринимались подписки; впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ купеческое общество давало курсамъ субсидію въ 500 рублей. Но главнымъ источникомъ дохода было устройство концертовъ, спектаклей и публичныхъ лекцій, сборъ съ которыхъ назначался въ пользу курсовъ и давалъ иногда до 3,000 рублей въ годъ. Публика охотно посѣщала эти вечера, распорядителями и устроителями которыхъ были все тѣ же слушательницы курсовъ. Участвующіе, конечно, ничего не взимали за свой трудъ.

Такими способами курсамъ удалось, не смотря на увеличивавшіеся постоянно расходы, увеличить даже и запасный капиталъ, который при закрытіи курсовъ составлялъ около 5,000 рублей, хотя часть его была истрачена въ послѣдній годъ.

Приведу для сравненія два годовые отчета курсовъ.

ПРИХОДЪ.

1871 — 1872.

Взносъ слушательницъ	2,332 р. — к.
Подписка въ пользу курсовъ	300 » — »
Прочихъ пожертвованій	337 » — »
Итого. . .	2,969 р. — к.

1884 — 1885.

Взносъ слушательницъ	3,398 р. — к.
Концертъ въ пользу курсовъ	310 » — »
Спектакль	2,248 » 60 »
Публичныя лекціи	640 » 11 »
Прочихъ пожертвованій	408 » 20 »
Итого. . .	8,768 р. 23 к.

РАСХОДЪ.

1871 — 1872.

Плата преподавателямъ	2,244 р. — к.
Освѣщеніе, прислуга и т. п.	516 » — »
Итого. . .	2,760 р. — к.

1884 — 1885.

Плата преподавателямъ	4,975 р. — к.
Освѣщеніе и проч.	855 » 86 »
Библіотека.	72 » 65 »
Учебныя пособія	221 » — »
Итого. . .	6,124 р. 51 к.

Изъ приведенной таблицы видно, что за 13 лѣтъ бюджетъ курсовъ увеличился больше, чѣмъ вдвое.

Былъ проектъ обезпечить курсы въ матеріальномъ отношеніи, освободивъ учащихся отъ вѣчной заботы о добываніи денегъ, устроивъ общество вспомоществованія курсамъ, которое должно было взять на себя работу о ихъ благосостояніи, подобно такому же обществу при петербургскихъ высшихъ курсахъ. Но и этому проекту не суждено было осуществиться.

Упомяну еще объ одномъ тоже неудавшемся проектѣ, исходившемъ опять отъ слушательницъ и смѣло затрогивавшемъ самую суть преподаванія. Предлагалось замѣнить если не вполнѣ, то отчасти, лекціонное преподаваніе семинаріями, бесѣдами, практическими работами, при которыхъ слушательницы надѣялись работать болѣе активно. Но трудно «стряхнуть вѣковую рутину»! Хотя лекторы отнеслись къ проекту съ полнымъ вниманіемъ, а многіе и съ сочувствіемъ, выполненіе его на практикѣ оказалось неудобнымъ какъ для учителей, такъ и для ученицъ, поэтому лекціи продолжались по старому порядку. Въ результатѣ получилось такое рѣшеніе: 1) экзамены или репетиціи считать обязательными; 2) поставить правильнѣе практическія занятія, которыя до того носили болѣе или менѣе случайный характеръ.

Для руководства практическими занятіями по ботаникѣ и зоологіи въ качествѣ ассистентокъ впервые были указаны преподавателями и избраны общимъ собраніемъ 3 изъ бывшихъ слушатель-

ницъ естественнаго отдѣленія [1]). Въ то же время преподаваніе элементарной математики было выдѣлено въ особый приготовительный курсъ, подъ руководствомъ трехъ изъ окончившихъ по математическому отдѣленію [2]).

Въ послѣдніе годы заботы распорядительницъ и общихъ собраній были направлены главнымъ образомъ къ обезпеченію возможности самостоятельныхъ занятій слушательницъ. Курсы стали обзаводиться библіотекой, микроскопами и другими инструментами для практическихъ работъ и учебными пособіями для демонстрацій. Но такъ какъ пособій все же было мало, приходилось обращаться за содѣйствіемъ къ другимъ учрежденіямъ. Чаще всего преподавателямъ приходилось заботиться самимъ о необходимыхъ для лекціи пособіяхъ. Физическій кабинетъ 3-й гимназіи и оптическій магазинъ Швабе часто одолжали курсамъ свои пособія.

Отношенія слушательницъ къ преподавателямъ были въ большинствѣ случаевъ наилучшія. За рѣдкими исключеніями, преподаватели по нѣскольку лѣтъ читали на курсахъ, не только отдавая имъ свое время для лекцій и практическихъ занятій, но и помогая ихъ устройству словомъ и дѣломъ.

Конечно, бывали и неудачи: случалось пригласить преподавателя, который не удовлетворялъ учащихся, такъ что лекціи его переставали посѣщать; тогда въ слѣдующемъ году его больше уже не приглашали. Но въ общемъ можно сказать, что на курсахъ читали лучшіе въ Москвѣ преподаватели и профессора, не стѣсняясь тѣмъ, что ихъ «избирали» и приглашали на курсы учащіяся, напримѣръ: В. О. Ключевскій, О. А. Бредихинъ, Н. А. Умовъ, Ламовскій, К. Э. Линдеманъ, А. А. Колли, В. В. Марковниковъ, В. В. Преображенскій, И. Н. Горожанкинъ, Н. А. Шапошниковъ, В. П. и А. П. Минины, Вс. П. Шереметевскій, В. К. Цераскій, Н. Е. Жуковскій, М. А. Мензбиръ, А. П. Павловъ, Б. К. Млодзѣевскій, В. Д. Соколовъ и друг. Получая умѣренное вознагражденіе за лекціи (5 рублей за часъ), они обыкновенно отказывались отъ платы за практическія занятія, если вели ихъ сами, и, кромѣ совѣтовъ, снабжали учащихся также собственными книгами и пособіями.

Бывшія слушательницы курсовъ также не отказывали въ помощи курсамъ. Такъ, напримѣръ, княгиня О. Н. Мещерская предоставила курсамъ помѣщеніе въ своей гимназіи, въ праздничные дни для практическихъ занятій: въ 3-й гимназіи воскресныя занятія запрещались. До этого занятія происходили на той или на другой квартирѣ у слушательницъ, и преподавателямъ приходилось всякій разъ привозить съ собой весь необходимый матеріалъ и инструменты.

---

[1]) Е. М. Соколова, О. Ѳ. Станкевичъ и А. Н. Шереметевская.

[2]) М. Н. Михина, А. Л. Васанина и Н. А. Лаврова.

Московское общество тоже сочувственно относилось къ курсамъ, выражая свое сочувствіе посѣщеніемъ разныхъ вечеровъ въ пользу курсовъ, а иногда и довольно крупными пожертвованіями.

Резюмируя дѣятельность Лубянскихъ курсовъ, можно сказать, что въ 1885 году преподаваніе было вполнѣ упорядочено: вполнѣ систематическое изложеніе науки шло рука объ руку съ практическими работами; слушательницы держали репетиціи, экзамены и нѣкоторыя получили отъ профессоровъ свидѣтельства, конечно, частнаго характера, такъ что въ это время они отличались отъ другихъ учрежденій подобнаго рода лишь скудостью средствъ да самоуправленіемъ. Сознавая необходимость бóльшихъ средствъ для веденія большого дѣла, курсы принялись за учрежденіе общества вспомоществованія, но, какъ уже сказано, этотъ проектъ не успѣлъ осуществиться. Что же касается до самоуправленія, то оно именно, по мнѣнію многихъ, и мѣшало курсамъ сдѣлаться «женскимъ университетомъ». Насколько справедливо это мнѣніе, пусть судитъ читатель, мнѣ же кажется, что при данныхъ условіяхъ курсы сдѣлали все возможное и изъ зерна, даннаго имъ въ видѣ алгебры, геометріи и физики, выростили цѣлое дерево физико-математическаго факультета, съ двумя отдѣленіями. Не ихъ вина, если дерево было срублено властной рукой, прежде чѣмъ успѣло принести плоды...

Правда, получившихъ свидѣтельства слушательницъ, т. е. такихъ, которыя прошли полный курсъ по установленному плану, было мало. И если бы цѣнить курсы только по числу окончившихъ, то, можетъ быть, пришлось бы признать, что заслуга ихъ не велика. Но нужно вспомнить всѣ неблагопріятныя условія, съ которыми приходилось бороться какъ курсамъ, такъ и самимъ слушательницамъ: при полной необезпеченности, при отсутствіи стипендій, большинству приходилось существовать своимъ заработкомъ, и часто случалось, что, взявъ работу для того, чтобы имѣть возможность посѣщать курсы, слушательница бросала курсы, чтобы имѣть возможность продолжать работу, курсамъ же самимъ постоянно приходилось лавировать между Сциллой и Харибдой: между боязнью извѣстности и неудобствами малоизвѣстности.

Неоцѣнимая же заслуга курсовъ состояла въ томъ, что, благодаря отсутствію стѣсненій при поступленіи (см. § 1 «Основаній») и полной свободѣ въ выборѣ предметовъ, множество молодыхъ и не молодыхъ и даже, случалось, пожилыхъ учительницъ, воспитательницъ, матерей, или же готовящихся къ разнымъ экзаменамъ, могли учиться чему хотѣли или чего требовали обстоятельства; могли посвящать этому столько времени, сколько у нихъ было, оставались иногда по многу лѣтъ въ числѣ слушательницъ. И память о Лубянскихъ курсахъ навѣрно жива во всѣхъ, кто былъ на нихъ хотя бы годъ или два!

Обращу еще вниманіе читателей на слѣдующій интересный фактъ.

Въ то время, когда волненія среди молодежи были особенно часты, самоуправленіе курсовъ избавило слушательницъ отъ участія въ этихъ волненіяхъ. Оно и понятно: между тѣмъ, какъ начальство высшихъ учебныхъ заведеній, считая сходки студентовъ чуть не преступленіемъ, разгоняло ихъ съ помощью войска и наказывало исключеніемъ, также какъ и всякій протестъ противъ того или другого преподавателя, слушательницы Лубянскихъ курсовъ преспокойно собирались въ разрѣшенное ихъ директоромъ общее собраніе и безъ всякой помѣхи, хотя и подъ наблюденіемъ надзирателя, обсуждали свои дѣла и назначали себѣ профессоровъ. У нихъ не было причинъ для враждебныхъ демонстрацій. Я не хочу сказать, чтобы общія собранія проходили всегда тихо и спокойно, какъ засѣданіе ученаго общества. Напротивъ! шумѣли много, потому что несогласія случались нерѣдко. Но эти несогласія касались только и единственно внутренней жизни курсовъ. Ни разу въ 20 лѣтъ не поднимался даже вопросъ о возможности обсуждать что нибудь, не касавшееся прямо курсовъ или интересовъ учащихся. Ни разу! Не было ни одного заявленія, ни одного приглашенія присоединиться къ какой либо демонстраціи молодежи. Или, можетъ быть, самоуправленіе развиваетъ чувство законности? Чувствуя себя хозяевами всего дѣла, слушательницы глубоко сознавали лежавшую на нихъ отвѣтственность, да и такъ много было заботъ о своемъ дѣлѣ, что нечего было думать о другихъ.

Но какъ бы то ни было, въ послѣднюю минуту самоуправленіе не спасло курсовъ отъ смерти, какъ не могло ихъ спасти ничье директорство.

Въ 1886 году было объявлено распоряженіе министра народнаго просвѣщенія о прекращеніи пріема слушательницъ на высшіе курсы, между которыми были упомянуты на этотъ разъ и Лубянскіе.

Настало тяжелое время агоніи. Слушательницы не сложили рукъ: онѣ обращались къ разнымъ лицамъ, отъ которыхъ могли ждать помощи, чтобы сохранить въ Москвѣ женскіе курсы, хотя бы и въ измѣненномъ видѣ, подобно тому, какъ это было разрѣшено въ Петербургѣ. Прежде всего рѣшено было обратиться къ первому директору и основателю курсовъ — Ф. Н. Королеву, но онъ, какъ и другіе, ничего не могъ сдѣлать, хотя и дѣлалъ къ тому попытки. Тогда курсы нашли себѣ директора и представителя въ лицѣ профессора Бредихина, какъ о томъ уже было упомянуто. Но и это оказалось безуспѣшно.

Тогда, позаботившись о сохраненіи будущимъ курсамъ своего небольшого капитала, Лубянскіе курсы покончили свое существованіе почти ровно черезъ 20 лѣтъ послѣ ихъ основанія.

А. Н. Шереметевская.

ПАМЯТИ Е. Е. ЗАМЫСЛОВСКАГО.

Въ ЖИЗНИ каждаго человѣка, когда онъ перейдетъ черезъ завѣтный Рубиконъ — полувѣковой срокъ жизни, наступаетъ весьма грустный и тягостный періодъ воспоминаній о людяхъ дорогихъ и близкихъ, съ которыми когда-то мы дѣлили радости жизни, при вступленіи въ чудный возростъ юности, съ которыми потомъ дѣлили труды и переживали печали и невзгоды зрѣлаго возраста, съ которыми рука-объ-руку встрѣчали наступающую старость, спокойно оглядываясь назадъ на пройденный нами путь жизни и съ невольною тревогою ожидая неизбѣжнаго конца...

Такой именно періодъ воспоминаній приходится переживать и мнѣ, въ послѣдніе годы, когда одинъ за другимъ сходятъ въ могилу люди, съ которыми, почти не разлучаясь, я прожилъ всю жизнь, съ которыми, въ теченіе большей ея части, дѣлился думами, чувствами, горестями, радостями, трудами и планами будущихъ трудовъ,—съ которыми переживалъ первыя осмысленныя впечатлѣнія молодости и первыя болѣзненно-сознательныя ощущенія той поры, когда силы слабѣютъ, а все еще бодрый и бодрствующій духъ начинаетъ сознавать, что «плоть становится немощною» и близится къ разрушенію...

Съ Егоромъ Егоровичемъ Замысловскимъ я сошелся впервые въ сентябрѣ 1857 года, когда я явился на первыя лекціи филологическаго факультета въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Изъ пятой гимназіи, въ тотъ годъ, я поступилъ въ филологи одинъ, слѣдовательно, товарищей по гимназіи я около себя не видѣлъ и поневолѣ сталъ оглядываться и искать себѣ товарищей, съ которыми бы я могъ сблизиться. Большинство филологовъ составляли въ тѣ годы

воспитанники 3-й и 2-й гимназіи, и я, съ первыхъ же дней пребыванія въ университетѣ, какъ-то невольно сталъ тяготѣть къ товарищамъ, окончившимъ курсъ во 2-й гимназіи... Въ первую же недѣлю своего студенчества я высмотрѣлъ въ числѣ этихъ воспитанниковъ 2-й гимназіи одного, который мнѣ особенно приглянулся и пришелся по душѣ: это былъ красивый и стройный юноша, нѣсколько блѣдный, голубоглазый, при темныхъ волосахъ, которые густымъ курчавымъ войлокомъ покрывали его голову, юноша, очень мягкій въ пріемахъ и осторожный въ словахъ, и серьезный, невыносимо-серьезный и сосредоточенный, несмотря на свои 16 лѣтъ... Это и былъ въ ту пору Егоръ Егоровичъ Замысловскій, съ которымъ, можетъ быть, я потому и сошелся очень быстро, что составлялъ совершеннѣйшую противоположность ему, и хотя былъ года на три его старше, но по живости, потребности въ движеніи и горячности, былъ еще почти ребенкомъ. Сошлись мы очень быстро и такъ прочно, что почти ни на одинъ день не разлучались, и очень часто приходили въ университетъ исключительно съ тою цѣлью, чтобы повидаться другъ съ другомъ, походить рука-объ-руку по нескончаемому университетскому корридору и насладиться тою чудною товарищескою бесѣдою, которая въ ту пору текла и журчала, какъ неизсякаемый ручей, и наполняла намъ душу дивною сладостью... Да, только для этой бесѣды и сходились мы въ университетъ и толкались среди весело-шумящей молодой толпы, потому что на лекціяхъ мы — увы! — очень скоро перестали бывать... Мы поняли, что намъ немного пользы принесутъ весьма жалкіе, почти элементарные обрывки знаній, которыми угощали насъ отживающіе могикане печальнаго прошлаго сороковыхъ годовъ — Никитенки, Штейнманы, Лапшины, Касторскіе и Срезневскіе [1]), и всѣ тѣ трескучіе фразёры, которыми нашъ университетъ обогатился въ 60-хъ годахъ, и «ихже имена Ты, Господи, вѣси...». Мы жили въ стѣнахъ университета нашею личною жизнью, а потомъ общею жизнью кружка, въ который мы вступили и съ которымъ шли все время.

Черезъ Егора Егоровича я сошелся съ другими членами быстро слагавшагося нашего кружка, воспитанниками 2-й гимназіи, и въ свою очередь я свелъ ихъ съ моими бывшими товарищами по 4-й (Ларинской) гимназіи. Съ половины перваго года пребыванія въ университетѣ кружокъ образовался уже вполнѣ и сплотился такъ хорошо, что всѣ мы стали жить его жизнью и вносить въ него лучшую часть своей молодой и свѣжей жизни... Но моя тѣсная дружба съ Егоромъ Егоровичемъ была въ такой степени горяча, что мы не хотѣли другъ друга уступать никому, и это очень часто возбуждало,

[1]) Филологическій факультетъ въ періодъ 1857—1861 гг. былъ особенно бѣденъ силами учеными. Изъ общей массы выдѣлялись только И. Срезневскій, М. Куторга и позднѣе Костомаровъ... Но даже и Срезневскій, этотъ умный, талантливый и живой человѣкъ, не больше двухъ-трехъ разъ въ году угощалъ насъ живою, яркою, прекрасно-составленной и прочитанной лекціей; а во все остальное время—увы!—ходилъ на лекціи не приготовляясь и читалъ по какимъ-то старымъ, обтрепаннымъ тетрадкамъ...

по отношенію къ намъ, ревность другихъ членовъ кружка, которые укоряли насъ то въ «товарищескомъ эгоизмѣ», то въ «товарищескомъ деспотизмѣ», и я съ истиннымъ удовольствіемъ вспоминаю теперь эти, въ сущности, совершенно-нелѣпые термины, потому что они живописуютъ мнѣ тогдашнюю жизнь нашего милаго кружка, которому мы всѣ обязаны значительною долею своего нравственнаго роста и развитія... Такъ, рука-объ-руку и душа въ душу, мы прошли съ Егоромъ Егоровичемъ всѣ четыре года тогдашняго университетскаго курса—сначала, какъ студенты, а затѣмъ, какъ вольнослушатели, вмѣстѣ держали экзаменъ на кандидата и вмѣстѣ вступили въ жизнь. Вступили мы въ жизнь по двумъ совершенно различнымъ путямъ: черезъ три мѣсяца по окончаніи курса въ университетѣ я былъ уже женатъ и поступилъ на службу, по которой пошелъ довольно быстро и успѣшно; черезъ три года службы защитилъ магистерскую диссертацію и могъ вскорѣ послѣ того начать свою профессорскую карьеру... А Егоръ Егоровичъ все еще только обдумывалъ свою будущую дорогу, все еще только готовился къ ней и все еще испытывалъ свои силы, все еще собиралъ матеріалы для своей будущей диссертаціи. Чрезвычайно строгій къ себѣ, одаренный сильно-развитымъ критическимъ чутьемъ, онъ и смолоду не былъ зараженъ тою юношескою самонадѣянностью, которая заставляетъ спѣшить многихъ молодыхъ ученыхъ къ печатанью статей, диссертацій и изслѣдованій, иногда весьма незрѣлыхъ... Въ противоположность этому типу, Е. Е. Замысловскій накоплялъ и громоздилъ матеріалъ, жадно увеличивалъ и расширялъ запасъ своихъ свѣдѣній, но нисколько не спѣшилъ начинать свою профессорскую карьеру и, даже вполнѣ уже готовый къ ней, долго еще оставался скромнымъ преподавателемъ исторіи въ какомъ-то женскомъ институтѣ.

Въ періодъ времени между 1861—1871 годами, когда я служилъ въ провинціи и наѣзжалъ въ Петербургъ только урывками, я, при каждомъ свиданіи съ своимъ другомъ, видѣлъ и замѣчалъ его успѣхи, его быстрое поступательное движеніе въ области русской исторической науки и любовался не разъ тою степенною и положительною критическою повадкою, съ которою онъ умѣлъ вступить въ любую область русской исторіи и намѣтить въ ней и задачи для изслѣдованія и путь самаго изслѣдованія... Когда же я вернулся въ Петербургъ и поселился въ немъ, послѣ моей отставки, то видѣлся часто съ Егоромъ Егоровичемъ и, бесѣдуя съ нимъ иногда по цѣлымъ вечерамъ, я увидѣлъ уже передъ собою вполнѣ сложившагося человѣка и готоваго, серьезнаго, ученаго, который работалъ по первоисточникамъ и могъ тягаться съ самыми крупными нашими историческими авторитетами по обилію, разнообразію и положительности своихъ свѣдѣній. Около этого времени, то-есть къ началѣ 1870-хъ годовъ, онъ уже успѣлъ защитить свою магистерскую диссертацію, жениться (по любви) на одной изъ бывшихъ

своихъ учениць и вступить на каѳедру русской исторіи при Филологическомъ институтѣ.

Жизнь практическая давалась ему какъ-то чрезвычайно туго: совершенно неподготовленный къ ней, онъ, однако же, вступалъ въ нее съ своими твердыми и строгими принципами, своими предвзятыми правилами, отъ которыхъ не любилъ отступать... Самостоятельный и устойчивый въ своихъ воззрѣніяхъ, онъ неспособенъ былъ ни къ какимъ уступкамъ, ни къ какому искательству, и потому служебная карьера его въ первыя 10—15 лѣтъ службы была очень незавидна. Всѣ знали о его трудахъ и заслугахъ, всѣ понимали вѣсъ и значеніе Егора Егоровича, но какъ-то обходили его стороною и забывали о немъ тогда именно, когда его слѣдовало продвинуть впередъ, чуя въ немъ весьма непокладливаго и неподатливаго въ мнѣніяхъ «члена совѣта...». Онъ это отлично понималъ и весьма спокойно къ этому относился, зная себѣ цѣну. «Придетъ и наше время»,— говаривалъ онъ мнѣ не разъ въ дружеской бесѣдѣ, разсказывая о своихъ служебныхъ невзгодахъ. И онъ не ошибся: его время пришло, его корабль, наконецъ, тронулся съ мели — онъ занялъ въ университетѣ каѳедру, покинутую К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, и занялъ ее вполнѣ заслуженно, занялъ потому, что никому другому нельзя было эту каѳедру предложить, а за Е. Е. Замысловскимъ была уже весьма крупная извѣстность ученая, не столько по его личнымъ, печатнымъ трудамъ, сколько по его большимъ, серьезнымъ и весьма цѣннымъ работамъ по Археографической комиссіи. Само собою разумѣется, что прежде, нежели онъ выдвинулся и занялъ выдающееся положеніе, ему пришлось пережить очень трудные полтора десятка лѣтъ, и съ матеріальными сторонами жизни ему не легко было справляться... Но эти матеріальныя затрудненія онъ переносилъ съ удивительнымъ стоицизмомъ, опираясь на ту неизмѣнно-преданную подругу жизни, которую ему послала судьба. Я рѣдко встрѣчалъ въ жизни человѣка, который бы строже умѣлъ относиться къ своимъ потребностямъ, строже и тѣснѣе ограничивать кругъ ихъ, и дозволялъ себѣ только одну роскошь: траты на необходимыя книги... И не смотря на эти житейскія затрудненія, не смотря на всякія практическія трудности, онъ не спѣшилъ съ своей докторской диссертаціей, не спѣшилъ и съ выпускомъ своего «Атласа по русской исторіи», хотя и тотъ и другой трудъ должны были значительно улучшить его матеріальное положеніе; онъ стойко и твердо велъ эти труды къ опредѣленному концу и частенько посмѣивался, вспоминая, какъ о совершенно несбыточной фантазіи, о томъ, что у него еще въ виду имѣется полученіе крупнаго наслѣдства, и что ему, слѣдовательно, унывать не приходится. Окончаніе докторской диссертаціи было весьма важнымъ шагомъ въ жизни для Е. Е. Замысловскаго: онъ утвердился на университетской каѳедрѣ и въ то же время, какъ человѣкъ,

извѣстный своими педагогическими заслугами, въ качествѣ руководителя учащейся молодежи, удостоенъ былъ высокой чести приглашенія занять мѣсто преподавателя исторіи при его императорскомъ высочествѣ наслѣдникѣ цесаревичѣ, нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ Императорѣ. Всѣ блага какъ-то вдругъ пришли разомъ: и матеріальное благосостояніе, и почести, и награды... и даже то легендарное наслѣдство, о которомъ мы съ Егоромъ Егоровичемъ мечтали, когда-то посмѣиваясь весьма сомнительно! Явилось полное матеріальное обезпеченіе — зароились и мечты о будущихъ трудахъ, будущихъ работахъ на широкомъ основаніи спокойнаго, свободнаго досуга... Но суровый недугъ, давно уже проявлявшійся у Егора Егоровича довольно загадочными припадками, сторожилъ свою жертву, захватилъ ее въ безпощадные когти — и пять-шесть лѣтъ сряду, медленно и мучительно влачилъ къ печальному, неизбѣжному концу...

Въ лицѣ покойнаго Егора Егоровича русская историческая наука понесла весьма серьезную и тяжелую утрату. Въ теченіе четверти вѣка, по меньшой мѣрѣ, онъ работалъ неутомимо надъ тѣми именно сторонами ея, которыя тщательно обходились всѣми нашими историками. Русская историческая географія и въ особенности картографія были имъ впервые подробно и серьезно разработаны и поставлены на твердую научную основу. Свои обширныя и всестороннія знанія въ этой области науки онъ примѣнилъ и къ изученію драгоцѣнной книги Герберштейна, проливъ яркій свѣтъ на многія весьма темныя страницы этого знаменитаго ученаго и писателя... Одновременно массу труда положилъ онъ и на изученіе быта и матеріальнаго положенія общей массы населенія древней Руси, посвятивъ много лѣтъ жизни на разработку и печатаніе «переписныхъ» книгъ — памятниковъ весьма важныхъ, на которые покойный другъ мой (если не ошибаюсь, первый между русскими учеными) обратилъ серьезное вниманіе. Работалъ онъ постоянно и очень много, не щадя ни силъ, ни энергіи на разработку самыхъ мелочныхъ и, повидимому, самыхъ сухихъ подробностей въ этой области, которую избиралъ для изслѣдованія... Онъ останавливался въ своемъ упорномъ, суровомъ и настойчивомъ трудѣ только тогда, когда у него не оставалось болѣе сомнѣній, и истина становилась для него ясною, какъ день... Такъ училъ онъ работать и то молодое поколѣніе, которое приходило къ нему учиться, и которое онъ руководилъ въ научныхъ начинаніяхъ... Да, такъ умѣютъ работать немногіе, и для блага и процвѣтанія русской исторической науки мы можемъ только пожелать ей, чтобы въ ней побольше было такихъ добросовѣстныхъ и неутомимыхъ тружениковъ, какъ Егоръ Егоровичъ Замысловскій, котораго такъ рано скосила неумолимая смерть... Честь и слава его трудамъ — и миръ его праху.

П. Полевой.

ПАМЯТИ В. П. ЖЕЛИХОВСКОЙ.

НЕДАВНО скончавшаяся писательница В. П. Желиховская принадлежала къ исключительно одаренной семьѣ, давшей Россіи такихъ людей, какъ дядя ея Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ, извѣстный публицистъ, военный писатель, славянофилъ, патріотическія, блестящія по уму произведенія котораго пользовались въ свое время большой извѣстностью [1]). Хотя онъ умеръ всего въ 1883 году, люди, склонные все забывать, забыли и его. А между тѣмъ это былъ одинъ изъ замѣчательныхъ, образованныхъ и умныхъ русскихъ людей.

Вѣра Петровна Желиховская родилась въ 1835 году, въ Одессѣ. Мать ея была въ то время уже извѣстной писательницей, писавшей подъ псевдонимомъ Зинаиды Р—вой. Повѣсти ея были замѣчены и оцѣнены по достоинству Бѣлинскимъ и Сенковскимъ. Ей предсказывали блестящую будущность, но она умерла на 28-мъ году своей жизни въ Одессѣ. Послѣ смерти Елены Андреевны Ганъ осталось трое дѣтей: сынъ и двѣ дочери: старшая—извѣстная писательница и учредительница теософическаго общества Елена Петровна Блаватская, и младшая Вѣра Петровна. Дѣти были взяты на воспитаніе дѣдомъ и бабушкой Фадѣевыми и перевезены въ Саратовъ, гдѣ Андрей Михайловичъ Фадѣевъ въ то время былъ губернаторомъ.

Жизнь свою въ домѣ дѣдушки Вѣра Петровна правдиво и увлекательно описала въ двухъ небольшихъ книжкахъ: «Какъ я была маленькой» и «Мое отрочество», имѣвшихъ большой и заслуженный успѣхъ въ дѣтскомъ мірѣ, переведенныхъ на французскій языкъ

---

[1]) «Вооруженныя силы Россіи», «Русское общество въ настоящемъ и будущемъ», «Письма о современномъ состояніи Россіи», «Нашъ военный вопросъ», «Восточный вопросъ», «Записки о Кавказскихъ дѣлахъ» и мн. другія.

и вышедшихъ недавно въ Парижѣ роскошнымъ изданіемъ съ гравюрами подъ названіемъ: «Memoires d'une petite fille russe».

Вѣра Петровна вышла замужъ 18 лѣтъ за помѣщика Псковской губерніи Яхонтова, родного брата поэта А. Н. Яхонтова. Но, овдовѣвъ черезъ четыре года, снова переѣхала жить съ двумя дѣтьми въ домъ дѣдушки Фадѣева, служившаго въ то время уже на Кавказѣ.

Въ Тифлисѣ, нѣсколько лѣтъ спустя, она вторично вышла замужъ за директора классической гимназіи, а затѣмъ помощника попечителя Кавказскаго учебнаго округа, В. И. Желиховскаго, которому была неутомимой помощницей въ его заботахъ о дѣтяхъ, ему ввѣренныхъ. Мужъ ея принесъ много пользы и добра въ дѣлѣ просвѣщенія и учрежденія школъ и гимназій по всему Кавказу, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо къ нему великой княгини Ольги Θеодоровны, того времени, хранимое въ семьѣ его. Великая княгиня, которой обязано женское населеніе Кавказа своимъ просвѣщеніемъ, отличала В. И. Желиховскаго за его дѣятельную, энергичную и честную службу. А Вѣра Петровна, принимая горячо къ сердцу все, касавшееся дѣтей, подначальныхъ своему мужу, хорошо изучила ихъ со всѣми треволненіями ихъ жизни. Отсюда и правдивость и успѣхъ ея разсказовъ и повѣстей для дѣтей и юношества.

Наслѣдовавъ талантъ своей матери, она начала пробовать свои литературныя силы на небольшихъ дѣтскихъ разсказахъ, которыхъ нигдѣ не помѣщала, а писала исключительно для своихъ дѣтей, но впослѣдствіи продолжительная и тяжелая болѣзнь ея мужа, а затѣмъ его смерть принудили Вѣру Петровну искать въ написанномъ ею ради забавы своихъ дѣтей средствъ къ ихъ содержанію и воспитанію. Она отдала дѣтямъ всю свою жизнь, свои силы и свой талантъ, который не имѣла ни времени, ни физической возможности развить до той степени, которая при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ дала бы ей несомнѣнное право стать на ряду съ выдающимися писательницами не только въ Россіи, но и въ Европѣ.

Вѣра Петровна писала по цѣлымъ днямъ, буквально не разгибая спины. Ей приходилось по необходимости работать по заказу, не разбирая матеріала и разбрасывая свои сочиненія по разнымъ газетамъ и журналамъ. Писала она на скорую руку и романы, и повѣсти, и разсказы для дѣтей, и фельетоны, и корреспонденціи, отлично сознавая, что она такимъ образомъ истощаетъ и раздробляетъ свое большое дарованіе, мучась своею чуткою душой художницы этимъ сознаніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ поневолѣ покоряясь настоятельнымъ требованіямъ жестокой житейской необходимости.

Не смотря на такія суровыя условія, всѣ безъ исключенія произведенія Вѣры Петровны написаны прекраснымъ языкомъ,

просто, правдиво и художественно. А дѣтскія ея вещи выдерживаютъ нѣсколько изданій и тѣмъ краснорѣчиво говорятъ за себя.

Мнѣніе нѣкоторыхъ людей, будто Вѣра Петровна раздѣляла вполнѣ теософическія вѣрованія и убѣжденія своей сестры, Елены Петровны Блаватской, положительно ошибочно. Какъ женщина, склонная по своей натурѣ ко всему загадочному, чудесному, она чрезвычайно интересовалась всѣми необъясненными явленіями природы и умственнымъ движеніемъ, дѣлами и журналами теософовъ. Но, во многомъ не сходясь съ ними, она офиціально никогда не принадлежала къ теософическому обществу, всю свою жизнь соблюдая строго обряды и постановленія православной церкви, которой она принадлежала всей душой. Близкимъ ея приходилось часто слышать отъ нея, что теософія въ своемъ чистомъ, нравственномъ ученіи очень близка къ христіанству, но къ несчастью люди всѣхъ религій и всѣхъ философскихъ ученій всегда сумѣютъ затемнить и запачкать основную идею и сущность и святость истины. «Я бы хотѣла быть теософкой и православной христіанкой, отбросивъ отъ своей религіи и теософіи все л ю д с к о е, оставивъ только с у т ь и х ъ, но я тоже человѣкъ мелкій, и мнѣ трудно разобраться во всемъ этомъ!»—говорила она.

Въ своей глубокой и искренней вѣрѣ Вѣра Петровна находила неизсякаемую силу для постоянной борьбы съ многочисленными невзгодами своей трудовой жизни. Она никогда не падала духомъ, это была ея отличительная черта, какъ и сочувствіе чужимъ бѣдамъ и горестямъ. Не смотря на очень ограниченныя средства, много людей вспомнятъ Вѣру Петровну за ея помощь матеріальную, не говоря уже о поддержкѣ нравственной. Чувствуя приближеніе кончины безъ малѣйшей тревоги и страха, она пожелала исповѣдаться и принять Св. Таинъ, сохраняя сознаніе почти до послѣдней минуты.

Этой осенью она писала своей теткѣ объ твердомъ убѣжденіи, что скоро должна умереть, и письмо это настолько ясно рисуетъ образъ и вѣрованія этой истинно русской женщины, что мы приводимъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ него: «...Тяжело опустилась на міръ десница Божія; кому немного легче, кому совсѣмъ не въ моготу, но всѣмъ трудно, болѣзненно, печально! Только и просвѣту, что дума: вѣдь не даромъ же это?... Вѣдь когда нибудь объяснится р а з у м н о с т ь, с п р а в е д л и в о с т ь всѣхъ нашихъ страданій. Когда нибудь окончатся они, восполнятся пробѣлы нашихъ несбывшихся упованій на милость Божію; вознаградятся горести и долготерпѣніе наше въ непоколебимомъ убѣжденіи Его правоты, мудрости, милосердія!.. Не можетъ быть иначе: не давшіе безумія Творцу найдутъ въ Немъ, наконецъ, Отца благого и справедливаго. Вотъ и ждешь, ко всему готовая. Не знаю, всѣмъ ли такъ, но чѣмъ болѣе я старѣюсь, чѣмъ далѣе прохожу темный, скорбный путь, называемый жизнью, тѣмъ не-

сомнѣннѣе и крѣпче во мнѣ надежда, тѣмъ ярче разгорается за тьмою этой жизни звѣзда будущаго существованія, въ соединеніи со всѣми, кого мы любили и кто насъ любилъ и за кого мы обоюдно здѣсь страдали и мучались. Мы будемъ утѣшены, это помоему такъ вѣрно, что еслибъ не несовершенства и слабости наши, то даже и здѣсь страданія должны были бы терять всякую силу надъ нами. Да они и утрачивали ее надъ людьми, духовно совершенными, надъ святыми. Ну, мы не святые, а слабые люди, оттого и мучимъ себя и другихъ, больше, чѣмъ стоятъ того земныя болѣзни и несчастья; но все же, домучившись, достигнемъ утѣшенія и счастья и пониманія всего. Вотъ въ этомъ концѣ и заключается, помоему, весь смыслъ жизни. По вѣрѣ нашей и дастся намъ,—это несомнѣнно. «Небо и земля прейдутъ, а слова Его не прейдутъ» и не обманутъ уповающихъ на Него. Вотъ, смотрю я на портреты, меня окружающіе, почти никого изъ нихъ, слава Богу, уже здѣсь нѣтъ; но знаю я, вѣрно знаю, что скоро всѣхъ ихъ увижу, и эта увѣренность освѣщаетъ и осмысливаетъ весь мракъ и всю кажущуюся нелѣпость существованія.....».

Вѣра Петровна никогда не писала стиховъ, но въ столѣ ея найдено одно, которое и приводимъ.

МОИ ЧАСЫ.

Часы равномѣрно тикочатъ,
Считаютъ минуты и дни;
Ни горя они не отсрочатъ,
Ни счастія приблизятъ они...
Приводятъ они равнодушно
Рожденье, и смерть, и вѣнецъ
И нашимъ слезамъ малодушнымъ
Не внемлятъ, глаголя: «конецъ!».
Но все же мнѣ ихъ тикотаніе
И бой ихъ звенящій, густой,
Пріятны, какъ друга ворчаніе,
Какъ память о жизни былой!
Ихъ слушая, я вспоминаю
Прожитые, милые дни,
Ушедшихъ друзей поминаю,
Стремлюся туда, гдѣ они...
Да! Стрѣлка идетъ, равнодушно,
Впередъ и впередъ, и вокругъ
Свершаетъ влеченью послушно,
Безъ устали вѣчный свой кругъ.
А маятникъ, знай, отбиваетъ
Секунды, минуты, часы
И насъ за собой увлекаетъ
Въ тѣ области вѣчной красы,
Гдѣ «нѣсть ни болѣзнь, ни печали,
А жизнь безконечная», — та,
Что намъ искони обѣщали
Любовь и страданія Христа!

Вѣру Петровну хоронили въ Одессѣ, на первый день Троицы, праздника зелени и цвѣтовъ, которые покойная такъ страстно любила, какъ и всю природу вообще, такъ мастерски и такими яркими красками описываемую ею во многихъ изъ ея произведеній.

Ее положили рядомъ съ могилами матери ея и сына, прекраснаго юноши, кончавшаго уже почти курсъ института инженеровъ путей сообщенія, на котораго она возлагала всѣ свои несбывшіяся надежды. Этимъ было исполнено послѣднее и чуть ли не единственное, высказанное когда нибудь ею личное желаніе. Она умерла 5-го мая 1896 г. въ Петербургѣ отъ крупознаго воспаленія легкихъ.

Р. Николаевъ.

КАПИТУЛЯЦІЯ ВАРШАВЫ ВЪ 1794 ГОДУ.

(Съ польской рукописи Збышевскаго).

СЪ ИЗВѢСТНЫМЪ уже по памятникамъ XVIII в. описаніямъ послѣднихъ дней существованія столицы Рѣчи Посполитой передъ третьимъ раздѣломъ нелишне присовокупить показаніе очевидца катастрофы, нѣкоего Збышевскаго. Збышевскій, пріѣхавъ изъ Мадрита, находился въ Варшавѣ во время штурма Праги и переговоровъ о капитуляціи.

Неизвѣстный сообщилъ его разсказъ своему другу въ письмѣ, отрывокъ котораго сохраняется въ собраніи Свидзинскаго, въ рукописномъ сборникѣ Acta publ., № 823.

Еще въ воскресенье началась атака шанцевъ, но частый съ нихъ огонь изъ пушекъ заставилъ москалей отступить.

Въ понедѣльникъ Кемпа напротивъ Золиборжа, особенно же Сасская [1]), были атакованы съ необыкновенною яростью, однако москали были вытѣснены съ обѣихъ Кемпъ съ значительною потерею.

---

[1]) Кера — островъ. Золиборжъ, съ французскаго joli-bord, мѣстность на берегу Вислы, на которой, во второй половинѣ XVIII столѣтія, Августинъ Орловскій предполагалъ помѣстить общежитіе для благороднаго юношества (collegium nobilium), мысль его осуществилась лишь въ началѣ настоящаго столѣтія; нынѣ эта мѣстность занята Александровскою цитаделью. Сасская Кемпа—островъ противъ Сольца. Г. В.

Во вторникъ, около 5 часовъ, москали, пользуясь густымъ туманомъ, начали аттаку разомъ на всѣ батареи.

Наши дезертиры выдали пароль. Но все-таки еще мы держались. Окопы у Яблонны, занятые литовскимъ войскомъ, предводимымъ всегда несчастливымъ Ясинскимъ, были защищаемы менѣе часа, послѣ чего лѣвое крыло, все состоявшее изъ литвиновъ, оставивъ батарею и орудія, отступило къ Вислѣ и переправилось черезъ нее вплавь. Многіе въ ней потонули. Были бы счастливѣе, если бы потеряли жизнь въ мужественной оборонѣ. Московскія пушки пробрались изъ-за окоповъ при Вислѣ къ дому Богуцкаго. Поставивши ихъ у Вислы, на Тамкѣ, открыли изъ нихъ по Варшавѣ частый огонь. Однако, наши орудія съ террасы замковой и дворца князя Нассау, особливо кадетскія, тотчасъ принудили ихъ замолчать.

Находившіяся на Прагѣ войска, будучи обойдены съ тылу, должны были пробиваться, большая часть ихъ отступила по мосту въ Варшаву.

Правое крыло держалось долѣе, а затѣмъ, послѣ мужественной обороны, повернуло за Гроховъ, и что тамъ съ нимъ и съ его орудіями сдѣлалось—неизвѣстно.

Заіончекъ уѣхалъ, какъ говорятъ, со своею женою и супругою подскарбія Коссовской.

Президентъ Закржевскій и главнокомандующій Вавржецкій дали доказательство величайшаго присутствія духа и мужества. По первымъ выстрѣламъ изъ пушекъ они устремились на Прагу и побуждали всѣхъ къ бою. Бѣдный Закржевскій положительно надорвалъ себѣ грудь, а тутъ еще, суетясь по Прагѣ то туда, то сюда, упалъ съ лошади и сильно ушибся, едва его спасли отъ непріятельскихъ рукъ.

Вавржецкій почти послѣдній удалился съ Праги, покрытый славою, хотя въ этомъ несчастномъ сраженіи изъ 18.000 войска, находившагося на Прагѣ, въ Варшаву воротилось едва 4.000.

Въ числѣ многихъ знаменитыхъ особъ погибъ и мужественный полковникъ Венгерскій на батареѣ, которой никоимъ образомъ до послѣдняго издыханія не хотѣлъ оставить.

По первому звуку пушекъ вся Варшава какъ бы пробудилась отъ сна. Близость многочисленныхъ выстрѣловъ заставила думать, что москали уже въ самой Варшавѣ. Легко представить себѣ смятеніе и безпокойство. Всѣ бѣгали, какъ шальные, съ улицы на улицу, исполненные отчаянія, съ крикомъ и воплемъ. Нѣкоторые прятались въ замкѣ и у иностранныхъ пословъ, и хотя безчисленное множество пѣшихъ и конныхъ бѣжало за окопы, однако никто ни приказаній, ни какихъ уговоровъ не слушалъ.

Печальное состояніе Варшавы увеличивалъ видъ несчастной Праги. Какъ только вышли изъ нея наши войска, разъяренный москвитянинъ началъ ее жечь и грабить. Были вырѣзаны всѣ

безъ разбора. Даже въ Варшавѣ были слышны вопли избиваемыхъ и роковое московское у р а.

Пожаръ начался отъ соляныхъ магазиновъ, потомъ загорѣлось предмѣстье у Бернардиновъ, наконецъ, запылалъ у моста лѣтній домъ Понинскаго.

Все это, вмѣстѣ съ воплями нашихъ и яростію москалей, представляло ужаснѣйшую картину.

А какъ вѣтеръ былъ со стороны Праги, то дымъ покрывалъ почти всю Варшаву, такъ что казалось будто Рыбаки[1]) и вся Тамка—въ огнѣ.

Были безпощадно умерщвлены, кромѣ тысячей другихъ, мостовые комиссары: Уластовскій, Копцкій, Дроздовскій и проч. Нашлись, однако, нѣкоторые сострадательные московскіе офицеры, которые хотѣли защитить невинныхъ жертвъ, хотѣли остановить пожаръ, но всѣ ихъ усилія не были въ состояніи сладить съ разнузданными солдатами, коимъ былъ позволенъ грабежъ.

Смотрѣла сердобольная Варшава на показанный на Прагѣ страшный измаильскій примѣръ [2]), видна была вся ярость этого варварства.

Въ ярость привело это варшавянъ: изъ Варшавы была открыта пальба изъ всѣхъ орудій на Прагу, и огонь нашей артиллеріи былъ очень дѣйствителенъ, ибо въ 8 часовъ заставилъ замолчать всѣ непріятельскія орудія, которыя передъ тѣмъ не мало причинили Варшавѣ вреда: замокъ подвергли опасности и даже нѣсколько десятковъ печныхъ трубъ на немъ сбили. Король вышелъ на балконъ надъ библіотекой, за нимъ—довольно людей.

Москали, увидѣвъ это, направили на нихъ пушки, и ядра такъ свистали, что ни одной минуты нельзя было оставаться въ безопасности. Одна граната попала къ Риксу и убила передъ его дверями королевскаго музыканта. Лопнула также граната въ самомъ Примасовскомъ дворцѣ, гдѣ въ то самое время собрался совѣтъ (Rada), и у секретаря Поплавскаго оторвала ногу. Въ 8 часовъ пальба совершенно прекратилась. Около полудня донесли, что почти всѣ москали перепились, и что можно бы было добыть пушки, поставленныя на берегу Вислы и со стороны Праги. На это дѣло отважился мужественный Мадалинскій во главѣ нѣсколькихъ сотъ конныхъ. Москали допустили его почти до половины моста и, открывши затѣмъ изъ нѣсколькихъ орудій огонь, доказали тѣмъ свою осторожность.

Воспользовавшись тревогою и смятеніемъ въ Варшавѣ, убѣжалъ Коллонтай. Раздражился народъ, узнавши объ этомъ: утверждали, что онъ увезъ съ собою много золота.

---

[1]) Рыбаки—прибрежная мѣстность въ Варшавѣ между мостами, занятая амбарами, бойнями, а лѣтомъ—пароходными пристанями и купальнями. Г. В.

[2]) Авторъ намекаетъ на штурмъ Измаила (1790 г.). Г. В.

Случилось, что одновременно съ нимъ скрылся Кононка.

За обоими послана погоня со всѣхъ сторонъ. Народъ грозился, что, какъ только ихъ поймаютъ, немедленно повѣсятъ.

Рѣзня на Прагѣ и пожаръ продолжались до вечера. Собрался магистратъ, куда пригласили и Закржевскаго. Тамъ было рѣшено сдать городъ Суворову.

Потомъ отправили къ королю депутата просить, чтобы онъ написалъ Суворову насчетъ города, но король отвѣтилъ, что онъ ничего не думаетъ дѣлать безъ совѣта и что во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ станетъ слѣдовать неукоснительно за совѣтомъ.

Затѣмъ магистратъ—лишь бы не подвергать опасности Варшаву—обратился къ совѣту съ просьбою ходатайствовать передъ королемъ, чтобы онъ написалъ Суворову касательно безопасности варшавскаго населенія и его имущества.

Совѣтъ собрался въ замкѣ на совѣщаніе. Король подписалъ, составленное совѣтомъ, письмо, и съ нимъ депутаты отъ города[1]) отправились на лодкѣ къ Суворову, съ 2 военными трубачами. Лишь только прибыли депутаты на Прагу и затрубили, тотчасъ явилось нѣсколько десятковъ козаковъ и, не обращая вниманія на права народовъ, начали съ опустошенія копельковъ, и хотя прибывшій потомъ казацкій офицеръ запретилъ это своимъ подчиненнымъ, однако самъ снялъ съ руки Макаровича брилліантовый перстень.

Позднѣе прибѣжалъ бригадиръ, командовавшій на Прагѣ, и какъ скоро узналъ, что есть депутаты отъ города, тотчасъ отдалъ приказъ остановить дальнѣйшій грабежъ и пожаръ Праги. Тогда прекратились жестокости, и остатокъ Праги уцѣлѣлъ.

Бригадиръ вмѣстѣ съ депутатами отправился въ лагерь Суворова. Было около 11 часовъ ночи. Суворовъ уже спалъ. Для нашихъ депутатовъ разбили шатеръ вблизи ставки дежурнаго генерала, угостили ихъ чаемъ и пуншемъ и дали время для отдыха.

Вся ночь со вторника на среду прошла въ величайшемъ безбезпокойствѣ и тревогѣ по причинѣ неизвѣстности о результатѣ посольства.

Около 20,000 людей ночевало въ замкѣ и около замка.

Всѣ покои въ замкѣ стояли открытыми.

Въ среду, съ разсвѣтомъ, прибыло къ нашимъ депутатамъ нѣсколько московскихъ штабъ-офицеровъ отъ Суворова съ извиненіемъ, что онъ еще не можетъ видѣться съ нами, вслѣдствіе отъѣзда, прибывшихъ къ нему, прусскихъ офицеровъ.

Затѣмъ, наши депутаты удалились съ офицерами погрѣться въ ближайшій шатеръ Суворова. Сюда снова къ нимъ прибѣжали мо-

---

[1]) То были: Франц. Макаровичъ, Доминикъ Воровскій и Стан. Отржалкевичъ.

сковскіе офицеры съ просьбою не показываться, когда пруссаки будутъ выходить отъ Суворова, такъ какъ много значитъ, чтобы прусскіе офицеры не знали объ ихъ нахожденіи въ лагерѣ.

А когда пруссаки вышли — эти немедленно вошли.

Суворовъ, извинившись, что не встаетъ по причинѣ болѣзни ногъ, просилъ депутатовъ садиться.

На вопросъ: зачѣмъ пріѣхали?—они отдали ему письма отъ короля и совѣта.

Прочитавъ ихъ, былъ очень доволенъ и вскричалъ:

— «Виватъ! виватъ! Вѣчный миръ съ храбрымъ польскимъ народомъ! Мы не рождены для того, чтобы биться другъ съ другомъ. Единственное наше начало. Я уже не стану мочить оружія въ крови народа, дѣйствительно заслуживающаго почтенія и уваженія!»

Говоря это, онъ сорвалъ со своего бока саблю и бросилъ ее въ уголъ.

Потомъ, Суворовъ велѣлъ дать водки. Чокнувшись съ депутатами, выпилъ; выпили и они. Затѣмъ, разломавши хлѣбъ на куски, подѣлился съ ними, говоря:

— «Мы дѣлимся другъ съ другомъ послѣднимъ кускомъ хлѣба, а воевать оставимъ».

Потомъ, обнявшись съ депутатами, освѣдомился: какія условія Варшавы?

Отвѣтили, что они изложены въ письмѣ короля и магистрата, и главнымъ образомъ касаются безопасности варшавскаго населенія и его имущества.

— «Когда ваши условія таковы,—сказалъ Суворовъ,—вы слушайте теперь мои».

Тогда ему были поданы пункты, написанные порусски.

1. Все городское оружіе будетъ немедленно сложено за городомъ, на мѣстѣ, какое выбрано будетъ по обоюдному согласію.

2. Ручаюсь именемъ императрицы, что военные, всѣ безъ изъятія, останутся въ краѣ при своихъ имѣніяхъ, или же могутъ свободно отправиться, куда хотятъ, отыскивать дальнѣйшаго счастья.

3. Съ этого момента императрица торжественно ручается, что оставляетъ въ забвеніи всѣ, сдѣланныя ей, обиды и обезпечиваетъ неприкосновенность жизни и имущества не только всѣхъ жителей Варшавы, но и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя случайно окажутся въ ней.

4. Мостъ навести въ 24 часа. Войска ея величества императрицы войдутъ въ городъ завтра, то-есть въ среду.

5. Почтеніе и должное уваженіе королю, какъ вѣнчанной главѣ, должно быть сохранено.

Подписавъ эти пункты, Суворовъ отдалъ уполномоченнымъ.

Они просили приказать перевести ихъ.

Онъ согласился на это и, пока ихъ переводили, справлялся о здо-

ровьи короля и о томъ, находятся ли въ Варшавѣ Иг. Потоцкій, Закржевскій, Кохановскій и другіе.

Когда депутаты отвѣтили, что находятся, — сказалъ:

— «Честные люди, когда не оставили своихъ собратій среди опасности. А что Коллонтай уѣхалъ?»

— «Сегодня утромъ»,—отвѣтили депутаты.

— «Отъ этого человѣка я всегда того ожидалъ»,—сказалъ онъ.

Когда были принесены переведенные пункты, Суворовъ подписалъ ихъ и спросилъ, соглашаются ли на нихъ депутаты. Они отвѣтили, что не имѣютъ на сіе никакого уполномочія и что удаляются въ магистратъ за отвѣтомъ.

Суворовъ на это согласился, желая только, чтобы отвѣтъ данъ былъ въ 24 часа.

Нѣкоторые московскіе генералы совѣтовали, въ обезпеченіе, взять въ заложники двоихъ депутатовъ, а третьяго отправить.

Но Суворовъ, обиженный этимъ, громко сказалъ:

— «Мнѣ извѣстенъ характеръ благороднаго польскаго народа, и такія предосторожности не нужны. Поляки умѣютъ сдерживать слова».

Депутаты, возвратясь въ Варшаву, донесли магистрату объ исполненіи порученія. Успокоились почти всѣ. Однако, много нашлось такихъ, которые были противъ какой либо капитуляціи. Тѣмъ не менѣе, магистратъ приказалъ тотчасъ навести мостъ, какъ вдругъ прибытіе подъ Варшаву литовскаго войска, въ числѣ 6,000 самой лучшей пѣхоты, измѣнило нѣсколько положеніе вещей.

Храбрый Гедройцъ, удалившись въ ратушу съ офицерами, спрашивалъ магистратъ: на какомъ основаніи онъ отправилъ къ Суворову депутацію, какіе пункты ему предложены и какіе отъ него получены?

Депутаты рапортовали и читали тѣ и другіе пункты. Гедройцъ замѣтилъ, что такъ какъ переговоры еще не кончены, то ихъ не слѣдуетъ пока принимать, нужно остановиться распоряженіемъ наводить мостъ...

Еще прибавилъ: чтобы войско не входило въ переговоры съ Суворовымъ, что городу и неприлично и непристойно рисковать столь скорымъ впускомъ въ Варшаву москалей, что войско не въ состояніи въ теченіе недѣли выйти изъ Варшавы, такъ какъ едва хватитъ недѣльнаго срока на вывозъ аммуниціи, орудій и запасовъ.

Наконецъ, желалъ, дабы городъ относительно 1-го пункта—сложенія оружія—ясно выговорилъ у Суворова, чтобы это отнюдь не касалось войска.

Рѣчь Гедройца была ѣдка: генералъ упрекалъ городъ, что тотъ, имѣя еще возможность защищаться, очень поспѣшилъ пожертвовать капитуляціею...

Городъ узналъ свои ошибки. Предложенныя Гедройцемъ условія

были приняты. Предложено было немедленно пріостановить починку моста и даже уничтожить то, чтò уже было исправлено. Въ среду, вечеромъ, была послана къ Суворову депутація, съ слѣдующими условіями: чтобы вступленіе москалей въ Варшаву было отложено до 12 ноября, чтобы прежде могло выйти безпрепятственно польское войско, со всѣмъ своимъ оружіемъ, аммуниціей, пушками и запасами, наконецъ, чтобы денежный курсъ былъ дозволенъ до заключенія мира.

Депутатамъ приказано вернуться въ теченіе 18 часовъ. Московскіе офицеры пріѣзжали въ Варшаву съ величайшимъ тактомъ; однако въ четвергъ къ назначенному времени депутаты не вернулись.

. . . .

На этомъ кончается отрывокъ рукописи.

Перевелъ и сообщилъ Г. Воробьевъ.

РУССКІЙ КРАСНЫЙ КРЕСТЪ.

БЫЛО ВРЕМЯ, когда знакъ Краснаго Креста являлся для очень многихъ загадочной и совершенно непонятной эмблемой. Теперь онъ пользуется нѣсколько большей извѣстностью. Теперь при видѣ Краснаго Креста почти у всѣхъ невольно возникаетъ представленіе о войнахъ, о раненыхъ, о помощи на полѣ битвы и т. д. Представленіе это, являющееся результатомъ почти тридцатилѣтней дѣятельности общества Краснаго Креста, далеко, однако, не соотвѣтствуетъ широкимъ задачамъ и широкой дѣятельности общества. Мы увѣрены, что очень многіе изъ тѣхъ, которымъ попадетъ въ руки вышедшая надняхъ книга В. Ѳ. Боцяновскаго «Историческій очеркъ дѣятельности Россійскаго общества Краснаго Креста», будутъ удивлены заключающимися въ ней свѣдѣніями о возникновеніи общества, о его задачахъ и дѣятельности.

Свѣдѣнія эти вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы на нихъ обратить вниманіе.

Общество Краснаго Креста—общество международное. Оно возникло въ Женевѣ по инициативѣ совершенно частнаго человѣка Дюнана, который былъ пораженъ ужасными послѣдствіями битвы при Сольферино, гдѣ на пространствѣ пяти миль сражалось болѣе трехсотъ тысячъ людей. Ужасы, свидѣтелемъ которыхъ пришлось быть Дюнану, мучили его неотступно и побудили употребить всѣ усилія для учрежденія правильно организованнаго общества частной помощи жертвамъ войны. Его брошюра «Un souvenir de Solfeniro», а также личные разсказы, произвели на всѣхъ сильное впечатлѣніе, вызвали со стороны многихъ желаніе придти на помощь жертвамъ

войны. Представители всѣхъ европейскихъ государствъ, тронутые проповѣдью Дюнана, собрались въ Женевѣ и 22 августа 1864 года подписали знаменитый актъ, который извѣстенъ подъ именемъ «женевской конвенціи» и который смѣло можетъ быть названъ однимъ изъ лучшихъ завоеваній нашего вѣка. Въ силу этого акта, легшаго въ основаніе общества Краснаго Креста, больные и раненые воины, къ какой бы національности они ни принадлежали, пользуются покровительствомъ и помощью Краснаго Креста. Все, что до этого времени выбрасывалось войной, всѣ эти раненые и больные, оставлявшіеся на произволъ судьбы, во множествѣ погибавшіе на полѣ битвы и, такимъ образомъ, становившіеся очагами заразы, сдѣлались теперь предметомъ заботливаго ухода со стороны Краснаго Креста. Подъ защитой креста медицинскій персоналъ получилъ право совершенно спокойно исполнять свои обязанности даже послѣ занятія территоріи непріятелемъ.

Россія примкнула къ этой конвенціи въ 1867 году, то-есть два года спустя послѣ ея подписанія. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы къ гуманнымъ задачамъ женевской конвенціи у насъ отнеслись несочувственно. Совершенно наоборотъ. Въ Россіи почва была подготовлена гораздо больше, нежели въ какой либо другой странѣ: Не говоря уже о цѣломъ рядѣ мѣръ, принятыхъ для облегченія участи раненыхъ, не говоря уже объ учрежденномъ послѣ войны 1812 года Александровскомъ комитетѣ о раненыхъ, въ Россіи за десять лѣтъ до конвенціи существовала уже Крестовоздвиженская Община сестеръ милосердія, которая преслѣдовала тѣ же задачи, что и учрежденное позже общество Краснаго Креста.

Община эта возникла по иниціативѣ извѣстной своими просвѣщенными взглядами великой княгини Елены Павловны, которая не могла равнодушно относиться къ ужасному положенію, въ которомъ находились жертвы Крымской кампаніи. Грозныя вѣсти, доносившіяся съ театра военныхъ дѣйствій, разсказы объ ужасномъ положеніи сражавшихся и особенно больныхъ солдатъ побудили великую княгиню организовать правильно устроенную женскую помощь больнымъ и раненымъ на полѣ битвы. Извѣстный хирургъ Н. И. Пироговъ охотно взялъ на себя обязанность руководить этой помощью. Отправлявшимся на войну сестрамъ милосердія было разъяснено, что цѣль Общины состоитъ «въ усердномъ на теплой любви къ ближнему и личномъ во имя Господа нашего Іисуса Христа самоотверженіи основанномъ содѣйствіи медицинскому начальству въ военныхъ госпиталяхъ, при уходѣ за ранеными и больными, а также въ облегченіи ихъ страданій посредствомъ христіанскаго утѣшенія» [1]).

---

[1]) Н. И. Пироговъ. Историческій обзоръ дѣйствій Крестовоздвиженской Общины въ Крыму. Спб. 1856 г., стр. 8.

Мысль великой княгини встрѣчена была недовѣрчиво людьми стараго закала. Одни изъ нихъ боялись, что сестры милосердія, присутствуя въ госпиталяхъ, будутъ мѣшать господствовавшему въ то время хищничеству госпитальной администраціи, другіе высказывали ни на чемъ не основанное предположеніе, что женщина внесетъ безнравственный элементъ въ госпиталь. Послѣдніе особенно возмущали Пирогова. «Старикъ Меншиковъ,—разсказываетъ онъ,—когда я ему сказалъ о прибытіи сестеръ въ Симферополь, замѣтилъ мнѣ по этому поводу: «Я опасаюсь, чтобы этотъ институтъ не умножилъ нашихъ сифилитиковъ». Эти старые грѣшники изучили женщину только usque ad portionem vaginalem... [1])».

Всѣ эти скептики должны были, однако, замолчать, лишь только сестры принялись за работу. Онѣ ухаживали за больными, дѣлали имъ перевязки, помогали врачамъ при операціяхъ, заботились объ одеждѣ и пищѣ больныхъ, сопровождали ихъ при перевозкѣ внутрь Россіи. Все это сестры дѣлали безъ малѣйшаго ропота, съ спокойнымъ самоотверженіемъ и покорностью. Всѣ онѣ переболѣли тифозной горячкой, а многія изъ нихъ даже умерли. Не смотря на новизну дѣла, на нѣкоторыя недоразумѣнія чисто личнаго свойства [2]), первый опытъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія, и Пироговъ тогда же высказалъ сбывшуюся впослѣдствіи надежду, что это молодое учрежденіе «введется въ нашихъ госпиталяхъ на вѣчныя времена». Примѣръ русскихъ женщинъ вызвалъ подражаніе со стороны европейскихъ. Почти годъ спустя, на театръ военныхъ дѣйствій прибыли миссъ Нейтингель съ 37 сестрами, «дамами высокой души», которой до самаго послѣдняго времени какъ русскими, такъ въ особенности иностранными писателями приписывалась пальма первенства въ этомъ отношеніи.

Такимъ образомъ, отрядъ сестеръ милосердія съ Пироговымъ во главѣ преслѣдовалъ гуманныя задачи, положенныя въ основу женевской конвенціи уже въ то время, когда о Красномъ Крестѣ въ Европѣ никто еще и не думалъ. Понятно, что когда въ Женевѣ возникло международное общество Краснаго Креста, Россія, давно уже преслѣдовавшая тѣ же задачи, не могла не примкнуть къ нему.

По иниціативѣ лейбъ-медика Ф. Я. Кареля, образовался кружокъ людей, во главѣ котораго стали двѣ замѣчательныя по своей энергіи женщины М. С. Сабинина и баронесса М. П. Фредериксъ. Кружокъ этотъ, положивъ въ основу принципы женевской конвенціи, выработалъ уставъ общества, который получилъ высочайшее утвержденіе 3-го мая 1867 года, а также свою собственную, совершенно самостоятельную организацію.

По уставу общество подраздѣляется на массу почти самостоя-

---

[1]) «Русская Старина», 1885 г., т. 47, стр. 802—808.
[2]) «Кіевская Старина», 1896 г., № 5, стр. 158—159.

тельныхъ мѣстныхъ учрежденій. Учрежденія эти, раскинутыя по всему обширному пространству Россіи, какъ Европейской, такъ и Азіатской, представляютъ собой прочно организованное цѣлое, согласно преслѣдующее однѣ и тѣ же цѣли. Каждое такое учрежденіе организуется по общественному почину, когда сочувствіе къ гуманнымъ задачамъ Краснаго Креста побуждаетъ мѣстныхъ дѣятелей сплотиться для работы во имя помощи страждущему ближнему. Почти безъ всякихъ формальностей они могутъ приступить къ осуществленію намѣченныхъ въ уставѣ общества цѣлей. Въ центрѣ всѣхъ учрежденій стоитъ главное управленіе, находящееся въ С.-Петербургѣ, которое руководитъ дѣятельностью мѣстныхъ учрежденій, нисколько, впрочемъ, не стѣсняя ихъ собственной иниціативы. Каждая отдѣльная единица (окружное управленіе, мѣстное управленіе, мѣстный комитетъ, община) представляетъ собою вполнѣ самостоятельное цѣлое, стремящееся каждое въ своемъ раіонѣ къ достиженію намѣченныхъ въ уставѣ задачъ въ предѣлахъ своихъ средствъ и возможности.

Поставивъ главной своей задачей помощь жертвамъ войны, русское общество Краснаго Креста взглянуло на самую войну гораздо шире, нежели это сдѣлали въ Европѣ. Въ войнѣ оно увидѣло самое ужасное изъ бѣдствій, особенно ужасное потому, что оно заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ отдѣльныхъ бѣдствій (болѣзни, эпидеміи, голодъ, пожаръ и т. д.), встрѣчающихся на каждомъ шагу, но не бросающихся въ глаза только потому, что каждое изъ нихъ происходитъ порознь и уноситъ меньшее количество жертвъ. Исходя изъ такого принципа, русскій Красный Крестъ пришелъ къ тому выводу, что для борьбы съ совокупностью бѣдствій необходимо умѣть бороться съ каждымъ отдѣльнымъ бѣдствіемъ, на борьбу съ повседневными, нерѣдко даже небольшими частными несчастіями взглянулъ, какъ на лучшую школу, лучшую подготовку для дѣятельности въ военное время.

На этомъ основаніи Красный Крестъ включилъ въ число своихъ обязанностей помощь во всякаго рода общественныхъ бѣдствіяхъ, начиная съ войны и кончая какимъ нибудь единичнымъ будничнымъ несчастіемъ. Нѣкоторые находятъ неправильной такую постановку вопроса и требуютъ, чтобы Красный Крестъ имѣлъ въ виду одну только войну, оказывалъ помощь только жертвамъ войны. Такой взглядъ особенно распространенъ въ Европѣ. Несостоятельность его, вытекающая изъ слишкомъ узкой постановки вопроса, начинаетъ уже, однако, чувствоваться и тамъ. Европейскія общества начинаютъ понемногу приходить къ взгляду, установившемуся на этотъ предметъ въ Россіи. Почти надняхъ европейскія газеты привѣтствовали, какъ «иниціативу очень хорошаго дѣла», заявленіе Бельгійскаго общества Краснаго Креста о своемъ желаніи работать во время мира такъ же, какъ на войнѣ, «оказывать помощь

не только военнымъ, но и мирнымъ гражданамъ» [1]). Несомнѣнно, что рано или поздно, а къ этому должны придти и другія общества. Странно въ самомъ дѣлѣ требовать, чтобы общество, поставившее главной своей задачей облегченіе страданій, подраздѣляло несчастныхъ, ищущихъ его помощи, на категоріи, однимъ помогало, а отъ другихъ равнодушно отворачивалось. Развѣ не долженъ былъ, напримѣръ, Красный Крестъ принять участіе въ борьбѣ съ дифтеритомъ или холерой, которые уносили не меньше жертвъ, чѣмъ многія изъ войнъ? Развѣ не прямо вытекало изъ основной человѣколюбивой задачи этого учрежденія прійти на помощь погорѣльцамъ, оставшимся безъ крова и пищи? Могъ ли Красный Крестъ отказать въ своей помощи тѣмъ, которые, нуждаясь въ хлѣбѣ насущномъ, не только голодали, но нерѣдко умирали медленной, мучительной голодной смертью? Само собой понятно—нѣтъ. Не могъ Красный Крестъ пройти мимо этихъ несчастій тѣмъ болѣе, что, помогая этимъ несчастнымъ, онъ не только ничего не терялъ, но даже выигрывалъ. Въ борьбѣ съ этого рода бѣдствіями дѣятели Краснаго Креста не только усвоивали себѣ разнаго рода техническія познанія, не только получали извѣстнаго рода врачебную опытность, но закаляли въ себѣ духъ, пріобрѣтали большія нравственныя силы, превращались въ ту «дѣльную и хорошо устроенную администрацію», которой Пироговъ при лѣченіи раненыхъ придавалъ громадное и даже главное значеніе, которую онъ считалъ болѣе полезной, нежели хирургія и терапія.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего возникновенія, русское общество Краснаго Креста приступило къ работѣ, которою неустанно не только на войнѣ, но и въ мирное время занимается почти тридцать лѣтъ. За этотъ періодъ времени русскій Красный Крестъ принималъ дѣятельное участіе рѣшительно во всѣхъ, какъ европейскихъ, такъ и внѣевропейскихъ войнахъ. Жертвы войны, къ какой бы національности онѣ ни принадлежали, постоянно пользовались какъ матеріальной, такъ и нравственной поддержкой Краснаго Креста. Чуждый какихъ бы то ни было политическихъ симпатій и антипатій, русскій Красный Крестъ постоянно преслѣдовалъ одну цѣль — помощь страждущему человѣчеству. Уменьшить ужасы войны, вырвать изъ рукъ смерти все, что можетъ быть вырвано, избавить страдальцевъ отъ ни для кого уже не нужныхъ страданій — вотъ тотъ общій принципъ, которымъ руководствовался русскій Красный Крестъ во время франко-прусской войны, во время сербской, черногорской, болгарской войнъ съ турками, оказывая помощь испанцамъ во время карлистскаго возстанія, японцамъ въ войнѣ съ Китаемъ и т. д. Никакія посторонція соображенія, никакія самыя настойчивыя требованія со стороны той или другой пар-

[1]) Journal de St. Petersbourg, 1896 г., № 87.

тіи не могли заставить Красный Крестъ измѣнить этому основному принципу своей дѣятельности. Всѣ еще помнятъ, конечно, ту оживленную полемику [1]), которую возбудилъ русскій Красный Крестъ своимъ заявленіемъ, что онъ обязанъ оказать помощь не только абиссинцамъ, но также и врагамъ ихъ итальянцамъ. Полемика эта съ одной стороны показала вполнѣ, насколько даже интеллигентные представители нашего общества мало знакомы съ основными задачами Краснаго Креста и его принципами, а съ другой послужила лучшимъ пробнымъ камнемъ для самого Краснаго Креста. Она доказала, что русскій Красный Крестъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ и не измѣнитъ имъ въ угоду какой либо партіи.

Помощь во время войны со стороны Краснаго Креста выражалась не только въ матеріальной поддержкѣ. Представители его: врачи, сестры милосердія, санитары, отправлялись на театръ военныхъ дѣйствій, устроивали тамъ лазареты, непосредственно слѣдовали за войсками и нерѣдко подъ градомъ пуль уносили съ поля битвы раненыхъ, оказывали имъ необходимую медицинскую помощь. Особеннымъ самоотверженіемъ отличались здѣсь сестры милосердія. Совершенно безкорыстно, руководимыя одной любовью къ ближнему, сестры наблюдали за приготовленіемъ пищи больнымъ, за чистотой ихъ бѣлья, ухаживали за ними, дѣлали имъ перевязки, присутствовали при операціяхъ. Онѣ ничего не могли ждать за свой подвигъ, кромѣ зараженія гангреной, больничнаго тифа, гнилой горячки. Этотъ терновый вѣнецъ онѣ принимали безропотно и, кончая мученичествомъ свою подвижническую жизнь, вслѣдъ за жертвами боя уходили въ общія съ ними могилы, никому не извѣстныя, никѣмъ не оплаканныя...

Оказывая немедленную и своевременную помощь жертвамъ войны на самомъ полѣ битвы, Красный Крестъ не забываетъ этихъ жертвъ и по окончаніи войны. Солдаты, потерявшіе на войнѣ здоровье, искалѣченные, не имѣющіе возможности существовать своимъ личнымъ трудомъ, служатъ постояннымъ предметомъ заботъ Краснаго Креста, который помѣщаетъ ихъ въ особые пріюты, инвалидные дома, лѣчитъ ихъ, выдаетъ денежныя пособія, устроиваетъ для ихъ дѣтей школы.

Параллельно съ этой дѣятельностью съ каждымъ годомъ все больше и больше развивается дѣятельность Краснаго Креста по организаціи помощи въ общественныхъ бѣдствіяхъ. Просмотрѣвъ составленный г. Боцяновскимъ перечень, по его словамъ, далеко неполный, нельзя не прійдти къ убѣжденію, что не было такого бѣдствія, начиная съ самыхъ крупныхъ, стихійныхъ и кончая обыкновеннымъ будничнымъ несчастіемъ, на которое не откликнулся бы Красный Крестъ. Эпидеміи, пожары, наводненія, голодъ, землетря-

---

[1]) Новое Время, 1896 г., № 7,200 и другіе.

сенія постоянно побуждали Красный Крестъ оказывать помощь пострадавшимъ. Не ограничиваясь экстренной помощью въ такого рода крупныхъ общественныхъ бѣдствіяхъ, которыя происходятъ, къ счастью, довольно рѣдко, Красный Крестъ организовалъ постоянную, правильно дѣйствующую помощь при несчастіяхъ менѣе крупныхъ, извѣстныхъ и тяжелыхъ лишь для небольшаго круга пострадавшихъ. Разнаго рода врачебныя учрежденія Краснаго Креста, лазареты, больницы и пріемные покои, разбросанные въ большомъ количествѣ на всемъ пространствѣ Россійской имперіи, являются съ одной стороны мѣстами, въ которыхъ милліоны больныхъ, принадлежащихъ къ бѣднѣйшему классу населенія, получаютъ безплатно или за небольшое вознагражденіе не только совѣтъ, но и медицинскую помощь, а съ другой являются школами, изъ которыхъ выходятъ опытныя, знающія и любящія свое дѣло сестры милосердія.

Такова дѣятельность Краснаго Креста, таковы его задачи. Дѣятельность эта, а также сердечное участіе, которое Красный Крестъ всегда проявлялъ и проявляетъ ко всякаго рода страждущимъ, то стараніе, которое онъ постоянно употребляетъ для удовлетворенія нуждъ этихъ страждущихъ, доставили въ его распоряженіе такую массу людей, сочувствующихъ его задачамъ, такую массу матеріальныхъ средствъ, какими не располагаетъ ни одно изъ европейскихъ обществъ. Чтобы судить о той степени сочувствія и общественнаго содѣйствія, какое встрѣчаетъ въ русскомъ народѣ доброе дѣло Краснаго Креста, достаточно указать, что за короткій періодъ существованія этого общества въ Россіи въ кассы его поступило слишкомъ 54 милліона рублей, изъ которыхъ израсходовано Краснымъ Крестомъ—на помощь во время войнъ и другихъ народныхъ бѣдствій — почти 45 милліоновъ. Начавъ свою дѣятельность безъ всякихъ средствъ и расходуя ежегодно громадныя суммы денегъ, за послѣдніе годы достигающія полутора милліона, Красный Крестъ располагалъ къ январю 1895 года капиталомъ въ 9.571,016 рублей 49 копеекъ. То же самое доказывается и постояннымъ возростаніемъ учрежденій общества. Въ началѣ 1868 года ихъ было 75, въ 1869 году число это увеличилось до 157, а въ настоящее время равняется 457 [1]).

Какъ, однако, ни велики на первый взглядъ могутъ показаться средства Краснаго Креста, но они все-таки должны быть признаны незначительными сравнительно съ его нуждами. Всякаго рода бѣдствія съ каждымъ годомъ увеличиваются, военная наука дѣлаетъ съ каждымъ днемъ все бóльшіе и бóльшіе успѣхи. Война съ без-

---

[1]) Учрежденія эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1 главное управленіе, 7 окружныхъ, 82 мѣстныхъ, 280 комитетовъ, 62 общины, 2 учрежденія для фельдшерицъ, 61 лѣчебница, 2 убѣжища для престарѣлыхъ сестеръ милосердія, 6 пріютовъ для увѣчныхъ воиновъ и 4 пріюта-школы для дѣтей.

дымнымъ порохомъ, пулями, пронизывающими по 16 человѣкъ сразу, и другими приспособленіями для истребленія рода человѣческаго, будетъ чѣмъ-то ужаснымъ. Трудно даже представить себѣ количество жертвъ, какимъ она будетъ сопровождаться, невозможно предвидѣть, какой громадной помощи потребуетъ она со стороны Краснаго Креста. Параллельно съ наукой о разрушеніи должна развиваться также наука о помощи. Европейскія государства напрягаютъ всѣ свои усилія для возможнаго увеличенія своихъ армій. Сообразно съ этимъ и Красный Крестъ долженъ запасаться достаточнымъ количествомъ людей для того, чтобы въ моментъ нужды выступить на помощь вполнѣ подготовленнымъ, чтобы война не застала его врасплохъ.

Не одинъ страхъ передъ войной побуждаетъ «Красный Крестъ» постоянно и энергично работать. Сама жизнь не позволяетъ ему во время мира погрузиться въ летаргическій сонъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя европейскія общества. Огромныя пространства Россійской имперіи, населенныя темнымъ суевѣрнымъ людомъ, крайне нуждаются въ самой широкой медицинской помощи. На послѣднемъ Пироговскомъ съѣздѣ въ Кіевѣ въ числѣ прочихъ вопросовъ дебатировался вопросъ о врачебной помощи въ нашихъ деревняхъ. Картина получилась самая безотрадная. «Нѣкоторые изъ врачей,—читаемъ въ одной газетѣ,—представили хорошо знакомую картину врачебной безпомощности нашей деревни. Недостатокъ врачей, больницъ и лѣкарствъ, знахарство фельдшеровъ, отсутствіе всякой подготовленности въ борьбѣ съ эпидеміями — таковы общія черты врачебнаго дѣла въ уѣздахъ... Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ одинъ врачъ приходится на 140—280 тысячъ населенія» [1]). «Красный Крестъ», раскинувшій сѣть своихъ общинъ, больницъ и пріемныхъ покоевъ по наиболѣе крупнымъ городамъ, оказывающій медицинскую и другую помощь милліонамъ бѣдняковъ городскаго населенія, не можетъ забывать, что не меньшее количество такихъ же несчастныхъ остается безъ всякой помощи въ деревняхъ. Это ужасный, но, къ сожалѣнію, несомнѣнный фактъ. Эти забытые, никому невѣдомые люди ютятся въ глухихъ селахъ и деревняхъ, въ тѣхъ медвѣжьихъ углахъ, куда совершенно не проникаютъ культурные люди, гдѣ царитъ власть тьмы со всѣми своими ужасными послѣдствіями. Полуязычники, полухристіане, пользующіеся услугами разнаго рода знахарокъ и совершенно безсильные противъ всѣхъ, нерѣдко даже самыхъ простыхъ и обычныхъ болѣзней, они производятъ крайне тяжелое впечатлѣніе своей дикостью, своей абсолютной безпомощностью. Не нужно, впрочемъ, думать, что такихъ людей нужно разыскивать гдѣ нибудь среди лѣсовъ, вдали отъ культурныхъ центровъ. Ихъ можно найти всего лишь въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Петербурга. Ознако-

---

[1]) «Биржевыя Вѣдомости», 1896 г., 2-е изд., № 186.

мившійся съ бытомъ олонецкихъ корелъ Н. Θ. Лѣсковъ разсказываетъ, что «туземцы» прибѣгаютъ при родахъ къ самымъ варварскимъ операціямъ, свидѣтельствующимъ о полной безпомощности этого полудикаго народа [1]). Также безпомощны они передъ всякой другой болѣзнью. Заболѣлъ, напримѣръ, ребенокъ оспой. Что дѣлать? Это «божья болячка», которую и лѣчить даже грѣшно. И вотъ больного несутъ въ баню и парятъ тамъ, пока вся болѣзнь не выйдетъ крикомъ, или же пекутъ пироги и съ поклонами, ставъ на колѣни около больного, упрашиваютъ, чтобы дорогая гостья оспа смилостивилась, кротко обошлась съ больнымъ, не портила бы его глазъ, рукъ и не сдѣлала бы навѣкъ калѣкой. Можно ли встрѣтить что нибудь болѣе безотрадное, болѣе безпомощное, чѣмъ сообщаемые этнографами ужасные факты, выхваченные изъ жизни. «Печальная картина полуязыческаго мрака и полной безпомощности олонецкой корелы, столь не далекой отъ Петербурга,—совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу профессоръ В. И. Ламанскій,—должна бы заставить задуматься объ этомъ и общество и администрацію».

«Красный Крестъ», съ каждымъ годомъ расширяющій свою дѣятельность и проникающій нерѣдко въ эти глухія мѣста, къ сожалѣнію, не имѣетъ достаточныхъ средствъ для того, чтобы сразу широко поставить дѣло помощи этимъ несчастнымъ. Между тѣмъ средства эти могли бы быть доставлены въ его расторяженіе, если бы подъ его знаменемъ сплотились всѣ тѣ отдѣльныя благотворительныя учрежденія и лица, которыя совершенно самостоятельно преслѣдуютъ тѣ же гуманныя цѣли, что и «Красный Крестъ». Учрежденія эти, не имѣющія опытности «Краснаго Креста», не имѣющія его широкой организаціи, дѣйствуя самостоятельно, приносятъ пользы гораздо меньше, нежели могли бы принести, работая вмѣстѣ съ «Краснымъ Крестомъ». Мы не думаемъ, чтобы къ такому сепаратизму побуждало ихъ мелкое чувство самолюбія и тщеславія, которое должно замолкнуть при видѣ массы несчастныхъ людей, просящихъ у нихъ помощи. Намъ кажется, что такого рода общества возникаютъ и существуютъ только потому, что многимъ неизвѣстна широкая филантропическая дѣятельность «Краснаго Креста», что очень многіе до сихъ поръ считаютъ «Красный Крестъ» обществомъ, предназначеннымъ спеціально для военныхъ цѣлей. Со временемъ, однако, причина эта будетъ устранена, и тѣ громадныя средства, которыя русское общество тратитъ безъ всякой опредѣленной системы на помощь страждущимъ, будутъ поступать исключительно въ распоряженіе «Краснаго Креста и дадутъ ему возможность облегчить страданія даже тѣхъ несчастныхъ, которые въ настоящее время не только не просятъ о помощи, но даже не думаютъ, чтобы такая помощь была возможна.

Θ. Р.

---

[1]) «Новое Время», 1896 г., № 7015 (приложеніе).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Императоръ Николай I, зиждитель русской школы. Историческій очеркъ М. С. Лалаева. Издано къ столѣтію со дня 25 іюня 1796 года. Спб. 1896.

КНИГА эта является юбилейнымъ изданіемъ и потому, конечно, представляетъ, можетъ быть, нѣсколько односторонній панегирикъ императору Николаю I. Помѣченныя главами книги статьи г. Лалаева представляютъ послѣдовательное воспроизведеніе статей того же автора, печатавшихся въ «Педагогическомъ Сборникѣ», издаваемомъ при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній. Вслѣдствіе этого содержаніе книги гораздо обширнѣе, нежели можно предполагать по ея заглавію. Авторъ говоритъ о Николаѣ I до его воцаренія, затѣмъ разсматриваетъ общій характеръ верховнаго управленія имъ государствомъ и въ заключеніи даетъ еще особую характеристику цензурныхъ учрежденій въ то же царствованіе. Собственно императору Николаю, какъ зиждителю русской школы, посвящены двѣ среднія главы, изъ которыхъ первая главнымъ образомъ характеризуетъ намъ учрежденіе уваровскихъ гимназій и завершающихъ ихъ университетовъ. Вторая же глава очерчиваетъ послѣдовательное развитіе военно-учебныхъ заведеній, достигшихъ въ теченіе именно николаевскаго времени и наибольшей законченности и наибольшей силы. Книга эта, снабженная многими выписками изъ частныхъ писемъ

императора, ссылками на его завѣщаніе, читается съ большимъ интересомъ и дѣйствительно рисуетъ величавый и строго нравственный образъ этого государя чертами теплыми и симпатичными каждому.

Вообще по мѣрѣ удаленія отъ эпохи Николая I и постепеннаго обнародованія его частной переписки, а также и мотивированныхъ резолюцій, образъ этого государя, слишкомъ скоро, рано и односторонне осужденнаго судомъ пристрастныхъ современниковъ, начинаетъ пріобрѣтать яркую окраску. Несомнѣнно, въ немъ Россія, столь имъ горячо любимая, имѣла государя дѣятельнаго и заботливаго о ея насущныхъ интересахъ. И совсѣмъ эти интересы, въ глазахъ царя, не исчерпывались однѣми заботами о ея внѣшнемъ могуществѣ. Напротивъ, можно безошибочно сказать, что послѣ Петра Великаго и Екатерины II едва ли кѣмъ либо изъ государей было сдѣлано для просвѣщенія Россіи столько, сколько сдѣлалъ Николай Павловичъ. Возьмемъ хотя бы только частную цифру, приводимую нашимъ авторомъ на 112-ой страницѣ своей книги, о числѣ обучавшихся въ Петербургскомъ округѣ въ 1828 году и при концѣ царствованія Николая Павловича въ 1854 году. Именно: въ 1828 году было въ округѣ 5 очень плохихъ гимназій, гдѣ обучалось всего 430 человѣкъ, а въ 1854 году округъ имѣлъ уже 13 гимназій съ 3,000 учащихся. Точно также корпуса, дававшіе въ александровское время не болѣе 10% всѣхъ офицеровъ, нужныхъ арміи, при концѣ царствованія императора Николая давали уже 30% и притомъ при значительно большемъ численномъ составѣ самаго офицерскаго корпуса. Наши высшія профессіональныя школы, какъ-то Технологическій институтъ, Строительное училище, Горный и Лѣсной корпусъ и земледѣльческія академіи получили и организацію и громадное развитіе именно при этомъ государѣ. Словомъ, пусть зоилы говорятъ что имъ угодно, но исторически несомнѣнно, что наслѣдникъ императора Николая I получилъ изъ его рукъ государство, гораздо лучше образованное, чѣмъ онъ самъ получилъ его изъ рукъ Александра I. Мы знаемъ также, какимъ разсвѣтомъ литературы приходится считать николаевское царствованіе, гдѣ крупныя имена писателей русскихъ тѣсно сплачивались съ именами большихъ художниковъ, отличныхъ зодчихъ и первоклассныхъ музыкантовъ, успѣвшихъ образоваться и заявить о своемъ дарованіи именно въ это царствованіе. Права литературной собственности и очень широко практиковавшаяся система пенсій извѣстнымъ художникамъ кисти, рѣзца, лиры и слова, давали всякому творчеству извѣстное государственное значеніе и пріучили общество, еще очень слабо грамотное, уважать вообще творческій геній человѣка. Пусть цензурныя стѣсненія, особенно послѣ 1848 года, описываются намъ мрачными красками, однако постановка на сценѣ такихъ пьесъ, какъ Горе отъ Ума и Ревизоръ, по личному приказанію государя, указываетъ на широкую его терпимость въ дѣлѣ критики общественныхъ и даже правительственныхъ нравовъ. Очевидно, самъ государь, хотя нерѣдко жаловавшійся на скудость полученнаго имъ образованія, благодаря жестокости и непониманію своего суроваго воспитателя Ламздорфа, былъ много выше средняго пониманія извѣстныхъ вещей, въ окружавшемъ его обществѣ.

Трудно было бы отрицать, что въ это царствованіе не все было безукоризненно. Да этого не утверждалъ и самъ императоръ, сознававшійся, что многое

онъ хотѣлъ, но не могъ или не сумѣлъ сдѣлать. Однако, дурныя стороны вытекали изъ условій чисто внѣшнихъ, изъ малаго довѣрія государя—по его словамъ, никогда не готовившагося царствовать и вступившаго на престолъ при условіяхъ исключительно неблагопріятныхъ,—къ людямъ, ему недостаточно или вовсе неизвѣстнымъ. Онъ убивалъ свои великодушнѣйшія и многообѣщавшія идеи и желанія излишней централизаціей. Во все входя самъ, самъ желая быть вездѣ, все лично видѣть и все лично направлять, онъ, конечно, не могъ на самомъ дѣлѣ осуществить эту труднѣйшую по времени задачу. Будучи не только милостивымъ монархомъ для лицъ, облеченныхъ его довѣріемъ, но и личнымъ другомъ, онъ къ концу царствованія могъ убѣдиться, что сквернѣйшій изъ всѣхъ пороковъ неблагодарность и коварное неисполненіе его мудрой воли этими выбранными имъ помощниками и личными друзьями много повредили блеску его царствованія и не дали Россіи того, о чемъ думалъ и чего желалъ ея великодушный и мудрый государь. И немудрено, если его послѣднія письма дышатъ такимъ трогательнымъ пессимизмомъ и нелицемѣрнымъ христіанскимъ смиреніемъ. Одна изъ статей его собственноручнаго завѣщанія гласитъ, напримѣръ, такъ:

«Я былъ человѣкъ со всѣми слабостями, коимъ люди подвержены, старался исправиться въ томъ, что зналъ за собой худого, въ иномъ успѣвалъ, въ другомъ нѣтъ, прошу искренно меня простить».

И это же завѣщаніе заканчивается еще такими словами: «Благодарю всѣхъ любившихъ меня, прощаю всѣмъ меня ненавидѣвшимъ, прошу всѣхъ, кого могъ неумышленно огорчить, меня простить».

Конечно, такъ думать и такъ писать могутъ только сердца живыя, души высокія, чуждыя мелочной зависти или тщеславнаго недоброжелательства. Негласная еще исторія литературы того времени полна свѣдѣніями, оправдывавшими извѣстный стихъ Пушкина:

> Тому, кого караетъ явно,
> Онъ въ тайнѣ милости творитъ!

Для убѣжденія въ этомъ достаточно вспомнить исторію съ «Телеграфомъ» Полеваго и послѣдовавшее назначеніе достаточной пенсіи его вдовѣ послѣ кончины опальнаго по внѣшности писателя. Да не то ли же самое говоритъ и отвѣтъ, посланный собственноручной запиской царя, раненому Пушкину:

«Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ мірѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и вмѣстѣ мой совѣтъ—исполнить долгъ христіанскій. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свое попеченіе».

И послѣднее обѣщаніе было широко выполнено. За поэта заплачены большіе долги, превышавшіе сотню тысячъ рублей, выдано до 50 тысячъ на изданіе его сочиненій, а вдовѣ назначена пенсія въ 11 тысячъ рублей.

Въ главѣ, посвященной главнымъ образомъ основанію и процвѣтанію уваровскихъ гимназій, авторомъ книги разсказана также любопытная подробность, рисующая истинное отношеніе императора Николая къ вопросу о правахъ по образованію. Извѣстно, что государь неохотно видѣлъ наполненіе университетовъ и гимназій воспитанниками тѣхъ классовъ общества, которые путемъ образованія, полученнаго выше ихъ общественнаго положенія, попадали въ

условія, дѣлавшіяся болѣе тяжкими, благодаря именно несоотвѣтственному образованію. Крестьянамъ совсѣмъ былъ закрытъ доступъ къ этому образованію иначе, какъ путемъ полнаго освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Можно, конечно, въ наше время осуждать такія ограниченія, но въ тѣ времена все это имѣло въ самомъ дѣлѣ достаточное основаніе. Имѣть университетскій дипломъ и быть рабомъ г-жи Простаковой или Коробочки едва ли кому нибудь могло улыбаться. Однако, несмотря на такія мысли, императоръ Николай сильно сопротивлялся учрежденію сословно привиллегированныхъ училищъ и уступалъ въ этомъ крайне неохотно. Вскорѣ послѣ изданія новаго общаго университетскаго устава, государь приказалъ подавать себѣ списки наиболѣе отличившихся студентовъ, «дабы при опредѣленіи ихъ на службу имъ было оказано нѣкоторое снисхожденіе». Представляя такіе списки въ апрѣлѣ 1838 года, Уваровъ свидѣтельствовалъ, что въ нашихъ университетахъ дѣти многихъ лучшихъ фамилій занимаютъ первыя мѣста въ кругу студентовъ. На всеподданнѣйшемъ о томъ докладѣ Николай Павловичъ положилъ слѣдующую резолюцію: «Въ семъ случаѣ должна быть соблюдаема самая строгая разборчивость и рекомендуемы только достойнѣйшіе, **какихъ бы впрочемъ фамилій они ни были: здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, знатность рода не должна быть принимаема въ соображеніе**».

Не правда ли, что съ такой ясной прибавкой мысль государя о безполезности высшаго образованія для податныхъ классовъ теряетъ всю свою, по внѣшности, несправедливую жгучесть, даже и въ нашихъ глазахъ, которые уже не видятъ болѣе рожденныхъ рабовъ въ Россіи?

За пять лѣтъ до своей кончины, императоръ Николай писалъ своему зятю Фридриху-Вильгельму IV:

«Если потомство признаетъ, что въ мое царствованіе достигнуто какое либо благо моей родины, то я буду щедро вознагражденъ за всѣ тяжкія минуты моей трудовой жизни».

Судя по все болѣе и болѣе выясняющейся личности этого монарха, есть надежда, что историческое потомство оцѣнитъ его гораздо выше и справедливѣе современниковъ, и охотно подпишется подъ слѣдующими строками того же Вильгельма IV, написанными имъ въ частномъ письмѣ тотчасъ по полученіи горестнаго извѣстія о кончинѣ своего зятя:

«Одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, одно изъ прекраснѣйшихъ явленій въ исторіи, одно изъ вѣрнѣйшихъ сердецъ и въ то же время одинъ изъ величественнѣйшихъ государей этого убогаго міра отозванъ отъ вѣры къ созерцанію»...

В. П.

Описаніе путешествія въ Западный Китай. Составлено Г. Е. Грумъ-Гржимайло при участіи М. Е. Грумъ-Гржимайло. Вдоль Восточнаго Тянь-Шаня. Спб. 1896.

Читатели «Историческаго Вѣстника» уже нѣсколько знакомы съ писателемъ и путешественникомъ г. Грумъ-Гржимайло и по его собственнымъ очеркамъ, печатавшимся на страницахъ нашего журнала, а также по статьѣ «Исто-

рія колонизаціи Востока» (1894 г. № 11), основанной на его обширной работѣ «Описаніе Амурской области». Въ настоящее время неутомимый изслѣдователь Азіатской Россіи и странъ съ нею сопредѣльныхъ выпустилъ I-й томъ своего путешествія въ Западный Китай, имѣющій выдающійся научно-литературный интересъ. Теперь, когда вниманіе русскаго общества въ силу извѣстныхъ политическихъ событій приковано къ прошлому и настоящему Поднебесной имперіи, трудъ г. Грумъ-Гржимайло пріобрѣтаетъ особенное значеніе и, безъ сомнѣнія, не останется балластомъ въ кладовыхъ книжныхъ магазиновъ. Успѣху настоящаго «Описанія путешествія» немало посодѣйствуетъ самая манера автора излагать свой предметъ. Въ то время, какъ другіе наши путешественники, за исключеніемъ покойнаго Пржевальскаго, предпочитаютъ придавать своимъ ученымъ отчетамъ сухой академическій характеръ, г. Грумъ-Гржимайло выноситъ свои свѣдѣнія и впечатлѣнія въ массу читателей и при помощи живого изложенія, переходящаго иной разъ въ беллетристику, содѣйствуетъ популяризаціи знанія. Въ такомъ направленіи именно и составлено «Описаніе путешествія въ Китай», гдѣ безъ всякаго ущерба для научной стороны дѣла читатели получаютъ чрезвычайно интересное живое чтеніе. Описанія красотъ природы, справки историческія, экскурсіи въ область археологіи, наблюденія надъ политическими и соціальными явленіями жизни — таковъ тотъ живой матеріалъ, который г. Грумъ-Гржимайло умѣлою рукою распланировываетъ въ изобиліи передъ читателями.

Путешественникъ не силится превознести результаты своихъ изслѣдованій и, отмѣтивъ въ предисловіи ограниченныя средства, бывшія въ распоряженіи его экспедиціи (10,000 р.), скромно заявляетъ: «На свою экспедицію мы смотримъ глазами Н. М. Пржевальскаго, мѣтко называвшаго свои изслѣдованія въ Центральной Азіи — «научными рекогносцировками». До нѣкоторой степени мы пополнили изысканія этого знаменитаго путешественника; но какъ послѣ него, такъ и послѣ насъ осталось много недодѣланнаго въ Средней Азіи. Неизвѣстное тамъ еще слишкомъ необъятно для того, чтобы надѣяться на скорый конецъ «эпическаго» періода изслѣдованій отдѣльныхъ ея частей, и я не думаю, чтобы соединенныя усилія, съ одной стороны піонеровъ науки, съ другой — ея присяжныхъ жрецовъ, успѣли уже такъ скоро (въ настоящемъ вѣкѣ) и притомъ окончательно сорвать съ нихъ скрывающій ихъ донынѣ темный покровъ».

Слѣдуя за Грумъ-Гржимайло отъ города Кульджи въ горы Боро-Хоро по торгоутскимъ кочевьямъ, черезъ гор. Урумчи, въ горы Богдо-Ода, по центральной Джунгаріи, мы, наконецъ, достигаемъ чрезвычайно интересной и мало-изслѣдованной области Турфана, которой отведено въ настоящей книгѣ пять главъ (XII—XVI). Турфану посвящено было до сихъ поръ немало вниманія ученыхъ, какъ русскихъ, такъ и западно-европейскихъ, но, увы! его прошлое такъ и осталось маловыясненнымъ. Нельзя сказать, чтобы и г. Грумъ-Гржимайло, благодаря несочувствію къ его экспедиціи со стороны китайскихъ властей, удалось вполнѣ выяснить вопросъ объ историческомъ прошломъ этой области, но за то онъ представилъ не мало чрезвычайно цѣнныхъ свѣдѣній, касающихся географическаго положенія страны, этнографическихъ, бытовыхъ

и соціальныхъ условій жизни ея населенія. Въ краткой рецензіи трудно передать все то интересное, что изложено въ главѣ о Турфанѣ; отмѣтимъ лишь, что говоритъ авторъ объ управленіи этой области. Во главѣ турфанскихъ властей, повѣствуетъ г. Грумъ-Гржимайло, находится въ настоящее время ванъ, т. е. князь, Магометъ-Султанъ, человѣкъ еще молодой, но уже въ высшей степени негодяй. Происхожденіе его темное... Главными его воспитателями были китайцы. Въ чемъ выразилось вліяніе ихъ на характеръ молодого князя, сказать, безъ сомнѣнія, трудно, но въ настоящее время это не болѣе, какъ развратный до мозга костей тунеядецъ. Управленіе своимъ удѣломъ онъ всецѣло поручилъ нѣкоторымъ изъ окружающихъ его лицъ, самъ же отдался самому необузданному разврату. Оргіи свои онъ справляетъ поочередно въ домахъ своихъ соправителей, гдѣ къ его услугамъ является все: вино, опіумъ, женщины, карты... Отуманенный винными парами, онъ иногда приказываетъ хватать съ улицы молодыхъ дѣвушекъ, чуть не дѣтей, и, опозоривъ, отпускаетъ назадъ. Всѣ жалобы на него китайскимъ властямъ, какъ и слѣдовало ожидать, замипались: не даромъ же въ Китаѣ существуетъ пословица: «безъ денегъ не ходи въ судъ!». Вообще свѣдѣнія о китайцахъ, собранныя въ книгѣ г. Грумъ-Гржимайло, очень разнятся отъ того, что говорятъ о нихъ ихъ современные апологеты, напр., Бадмаевъ, въ «Спб. Вѣдомостяхъ» старающійся всѣми силами реабилитировать жителей и вообще жизнь Поднебесной имперіи. Въ противность г. Бадмаеву, вотъ какую характеристику Китая даетъ нашъ ученый путешественникъ: «Въ Небесной имперіи не существовало, не существуетъ и, вѣроятно, никогда не будетъ существовать либеральнаго управленія, ибо деспотизмъ уже въ характерѣ самого народа; деспотизмъ самый непреклонный и въ семьѣ, и въ управленіи, и рѣшительно во всемъ строѣ ихъ государственной жизни! Развѣ существуютъ люди въ Китаѣ въ томъ, разумѣется, смыслѣ, какъ ихъ понимаютъ въ Европѣ? Развѣ не должны они одѣваться, жить, даже кланяться, ѣсть, пить, спать и думать такъ, какъ это уже разъ навсегда имъ было опредѣлено? Гдѣ, въ какой иной странѣ или государствѣ, обезличеніе народа могло зайти такъ далеко? Китай!?... Да, это вотъ что такое: это громадная страна манекеновъ, гдѣ передъ вами будутъ падать ницъ, когда это будетъ почему либо приказано свыше, или поносить васъ, если въ движеніе приведутъ другую веревочку; говорю все это по опыту, потому что сами мы все это на себѣ испытали рѣзко, разительно!»

Заслуживаютъ также вниманія сообщенія г. Грумъ-Гржимайло о Хамійскомъ оазисѣ, гдѣ онъ вноситъ существенныя поправки и дополненія къ тому, что мы знаемъ объ этой мѣстности изъ путешествій Пржевальскаго и научныхъ изслѣдованій другихъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, Успенскаго.

Интересный трудъ «Описаніе путешествія въ Западный Китай» иллюстрированъ 25 прекрасно выполненными фототипіями и 5 гравюрами, а также снабженъ въ приложеніи картой восточнаго Тянь-Шаня, составленной по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, маршрутнымъ съемкамъ и астрономическимъ опредѣленіямъ, произведеннымъ въ 1889—1890 г. бр. Грумъ-Гржимайло.

Г. Л. И.

Сергѣй Соловьевъ. Историко-литературные этюды. Къ легендамъ объ Іудѣ-предателѣ. Вып. I. Харьковъ. 1896.

Краткость и отрывочность свѣдѣній, сообщаемыхъ въ священномъ писаніи о тѣхъ или другихъ лицахъ и происшествіяхъ, какъ извѣстно, были причиной возникновенія обширной апокрифической литературы и цѣлаго ряда связанныхъ съ нею народныхъ легендъ, стремившихся дополнить то, что казалось недоговореннымъ въ священномъ писаніи. Изъ новозавѣтныхъ дѣятелей очень большой интересъ (хотя, конечно, отрицательнаго характера) представлялъ собою Іуда-предатель, а между тѣмъ евангелія даютъ намъ о немъ очень немного свѣдѣній: мы знаемъ только о его скупости и жадности, въ общихъ чертахъ намъ извѣстна исторія его предательства и, наконецъ, мы имѣемъ свѣдѣніе о его смерти. Очень понятно въ виду этого, что фантазія христіанъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ была занята разнообразными вопросами о жизни Іуды, его дѣтствѣ, его характерѣ, мотивахъ его предательства, обстоятельствахъ его смерти и о загробной его судьбѣ. По поводу всѣхъ этихъ вопросовъ и на Западѣ, и въ Византіи, и у насъ, образовался обширнѣйшій кругъ сказаній, изъ которыхъ иныя записаны уже давно, а нѣкоторыя и до сихъ поръ сохраняются только въ устной передачѣ. Были даже попытки оправдать Іуду, объяснить его предательство высокими побужденіями. Такъ, въ II столѣтіи существовала секта каинитовъ или іудаитовъ, почитавшая Каина, Исава, содомитянъ, а также и Іуду, которому одному, по ея ученію, была открыта тайна творенія человѣка, было извѣстно отношеніе земного міра къ высшему, небесному; по мнѣнію сектантовъ, Іуда зналъ, что царство Іеговы будетъ разрушено смертью Христа, и для предоставленія человѣчеству тѣхъ благъ, которыя должна была ему принести смерть Спасителя, онъ продалъ его смерти. Поэтому сектанты почитали Іуду, какъ человѣка, достойнаго удивленія. Гораздо позже мы встрѣчаемся съ извѣстіемъ о такомъ же отношеніи къ Іудѣ византійскаго императора Михаила, который до того увлекся, что хотѣлъ даже канонизировать предателя. Но такія попытки реабилитаціи Іуды являются исключеніемъ, противорѣчіемъ общему отрицательному отношенію христіанъ къ памяти предателя, которая стала, можетъ быть, еще ненавистнѣе при появленіи защитниковъ. Желаніе отгадать причину измѣны бывшаго апостола, безпредѣльная къ нему ненависть, повели къ созданію легендарной исторіи Іуды, при чемъ исходной точкой являлась та мысль, что измѣна Учителю, преданіе за ничтожную цѣну, не могли зародиться въ сердцѣ человѣка, прошлое котораго не запятнано самыми ужасными преступленіями. Въ легендахъ Іуда представляется съ самаго дѣтства одержимымъ бѣсомъ, подъ вліяніемъ котораго онъ совершаетъ рядъ самыхъ мрачныхъ злодѣяній; самыя страшныя подробности накоплялись въ новыхъ легендахъ, но всего этого казалось мало для благочестивой фантазіи, которая стремилась придать Іудѣ какъ можно болѣе отвратительныхъ чертъ. По этимъ легендамъ, Іуда, подобно Каину, убиваетъ брата и, подобно Эдипу, убиваетъ отца и становится мужемъ своей матери. Такимъ образомъ легенда ввела предателя въ циклъ многочисленныхъ сказаній о кровосмѣсителѣ, къ которымъ примыкаютъ античныя легенды Эдипова цикла. Занимаясь этими послѣдними легендами, г. Со-

ловьевъ натолкнулся и на сходство съ ними легендъ объ Іудѣ, а затѣмъ обратился вообще къ собиранію матеріаловъ для легендарной біографіи предателя. Въ настоящемъ изслѣдованіи, представляющемъ очень добросовѣстный трудъ, хотя и страдающій многими недостатками изложенія, слишкомъ тяжеловѣснаго, г. Соловьевъ даетъ очень много любопытныхъ указаній на отраженія легендъ объ Іудѣ въ памятникахъ народнаго творчества, а также въ памятникахъ древне-христіанскаго и болѣе поздняго искусства. Правда, самъ г. Соловьевъ считаетъ первый вышедшій выпускъ изслѣдованія только этюдомъ, но все же этотъ этюдъ имѣетъ несомнѣнную цѣнность, и, когда работа будетъ закончена, можно ожидать, что она явится серіознымъ вкладомъ въ историко-литературное изученіе легендарныхъ сказаній. А. В—инъ.

Ал. И. Маркевичъ. Григорій Карповичъ Котошихинъ и его сочиненіе о Московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII вѣка. Одесса. 1896.

Несомнѣнно, однимъ изъ важныхъ источниковъ для бытовой исторіи Московскаго государства должны считаться названныя записки о Московіи одного изъ эмигрантовъ XVII вѣка. Тогда какъ трудъ другаго, жившаго почти 100 лѣтъ раньше, знаменитаго русскаго выходца, князя Курбскаго, достаточно уже освѣщенъ въ исторіографической литературѣ,—сочиненіе Котошихина вызвало лишь небольшое количество замѣтокъ въ разныхъ историческихъ трудахъ.

Свѣдѣнія, даваемыя Котошихинымъ, не были еще систематически подвергаемы исторической критикѣ: большинство изслѣдователей останавливались главнымъ образомъ на личности Котошихина, на его біографіи. Эти-то причины и побудили проф. А. И. Маркевича сдѣлать сводъ всѣхъ наличныхъ наблюденій и изученій Котошихина, какъ историка, и присоединить къ этому своду результаты своихъ личныхъ изученій.

Сначала проф. Маркевичъ даетъ обзоръ біографическихъ матеріаловъ о Котошихинѣ, затѣмъ, широко пользуясь трудами предшественниковъ, набрасываетъ самую біографію, удѣляя довольно мѣста и вниманія характеристикѣ этого замѣчательнаго человѣка XVII столѣтія.

По мнѣнію почтеннаго профессора, Котошихинъ былъ обычнымъ типомъ московскаго служилаго человѣка половины XVII столѣтія, но одаренъ онъ былъ отъ природы выдающимися способностями. Не столько его личныя качества, сколько внѣшнія обстоятельства (притѣсненія начальства, соблазнъ получить деньги за измѣну) обусловили дальнѣйшее теченіе его жизни. «Разореніе заставило его искать нечистаго заработка, а разъ онъ ступилъ на такую дорогу—обстоятельства были сильнѣе его воли: они выбросили его за границу, заставили скитаться тамъ безъ толку, завели въ Швецію и наконецъ довели до перемѣны религіи и до эшафота». Мы должны быть благодарны этому талантливому авантюристу за оставленное имъ замѣчательное сочиненіе, котораго онъ навѣрно бы не написалъ, оставаясь на службѣ въ Московскомъ государствѣ. Сочиненіе это писалъ онъ въ 1666 — 1667 г. по порученію шведскаго правительства. Безъ сомнѣнія, эмигрантъ, обездоленный и не желающій вернуться

въ отечество, съ одной стороны, боясь казни за измѣну, съ другой — не желая промѣнять европейскую жизнь на московское прозябаніе, Котошихинъ оставилъ бы, казалось, слѣды своего настроенія въ своемъ трудѣ: трудно было быть объективнымъ въ его положеніи человѣку съ его темпераментомъ, неспокойнымъ и нетерпимымъ. Вотъ тѣ выводы, къ которымъ пришелъ проф. Маркевичъ, изслѣдуя его сочиненіе о Московскомъ государствѣ.

Описывая современное ему состояніе Москвы, Котошихинъ неминуемо долженъ былъ касаться и временъ прошлыхъ, являться историкомъ. Здѣсь онъ, руководясь отчасти воспоминаніями личными, отчасти разсказами, слышанными въ Москвѣ, и тѣмъ, что давала ему хроника Петрея, которую онъ охотно цитируетъ,—является историкомъ плохимъ; зналъ онъ отечественную исторію слабо; черпая свѣдѣнія большей частью изъ толковъ и разсказовъ, «онъ можетъ сказать явный вздоръ, но можетъ сообщить и правду, если она дошла до него путемъ пересказа. Если же Котошихинъ говоритъ о событіяхъ, которыя онъ могъ помнить или о которыхъ могъ лично слышать отъ ихъ современниковъ, тогда вѣрить ему можно, и показанія его имѣютъ цѣну» (стр. 103).

Подобно древнимъ лѣтописцамъ, Котошихинъ главною причиной историческихъ событій считаетъ Божіе попущеніе и діавольское тщаніе и наученіе.

Какъ мемуаристъ, Котошихинъ оказывается, по изслѣдованію проф. Маркевича, вполнѣ добросовѣстнымъ: это доказываетъ его разсказъ о денежномъ бунтѣ, заключающій въ себѣ нѣкоторыя неточности, проистекшія отъ того, что кое-гдѣ автору измѣнила память, кое-гдѣ онъ положился на современные толки.

Провѣряя данныя Котошихина о приказахъ—кто и когда въ нихъ сидѣлъ, проф. Маркевичъ, указавъ немногочисленныя ошибки, отмѣчаетъ ту же добросовѣстность Котошихина. «По главную силу сочиненія Котошихина составляютъ его чисто-бытовыя показанія». Для провѣрки ихъ необходимо произвести большую работу, каковой проф. Маркевичъ не предпринимаетъ: онъ ограничивается на провѣркѣ одной группы извѣстій Котошихина—о мѣстничествѣ-здѣсь, оказывается, нельзя всецѣло принимать того, что сообщаетъ Котошихинъ; онъ высказывается лишь примѣрно, желая дать понятіе иностранцамъ о московскихъ чинахъ и о степени важности каждаго отдѣльно. Это-то обстоятельство — что онъ писалъ для иностранцевъ, которые многаго бы не поняли въ русской жизни, и повлекло за собой замѣченныя проф. Маркевичемъ ошибки: Котошихинъ примѣнялся къ взглядамъ заказчиковъ и, стараясь быть имъ понятнѣе, неизбѣжно впадалъ въ неточности. Въ заключеніе авторъ изслѣдованія о Котошихинѣ и его сочиненіи указываетъ на необходимость болѣе обстоятельнаго изслѣдованія этого замѣчательнаго историческаго матеріала, оканчивая свою работу пожеланіемъ, чтобы на этомъ обширномъ полѣ явились и другіе изслѣдователи.

О. Т—скій.

Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Ч. I. Спб. 1895. Ч. II. Спб. 1896.

Издаваемый въ настоящее время дневникъ епископа Порфирія, помимо научнаго своего значенія, представляетъ большой интересъ и для публики. Авторъ

описываетъ свою поѣздку на Востокъ, совершенную по порученію русскаго правительства. Нелегка была миссія, выпавшая на долю ученому иноку. Не говоря уже о томъ, что тогдашняя Палестина была страной совершенно неустроенной, права духовенства разныхъ исповѣданій совершенно не разграничены,—положеніе преосвященнаго Порфирія было неудобнымъ еще и потому, что ему постоянно приходилось выступать въ роли дипломата, столь несвойственной его прямодушной натурѣ. Русское правительство, желая разузнать ходъ дѣлъ въ православныхъ патріархіяхъ Востока и въ то же время не давать повода одинаково и къ неосновательнымъ опасеніямъ и къ несбыточнымъ надеждамъ, дало епископу Порфирію инструкцію замаскировать цѣль своего посольства, притвориться частнымъ паломникомъ, собирающимъ разныя свѣдѣнія только по любознательности (ч. I, 119—127). Намъ нѣтъ нужды касаться того, насколько успѣшно выполнилъ путешественникъ свою оффиціальную задачу. Интересъ дневника не въ этомъ. На первомъ мѣстѣ должны быть поставлены историко-археологическія свѣдѣнія, которыя въ изобиліи разсыпаны чуть не на каждой страницѣ дневника. Изъѣздивъ православный Востокъ вдоль и поперегъ, проникнувъ въ самыя глухіе его закоулки, преосвященный Порфирій вездѣ первымъ дѣломъ удовлетворялъ присущимъ ему научнымъ интересамъ, собиралъ и записывалъ мѣстныя преданія, описывалъ развалины—остатки древнихъ храмовъ и часовенъ, водоемовъ, городскихъ стѣнъ, списывалъ древнія надписи и т. д. При этомъ онъ всегда провѣрялъ и сличалъ свои наблюденія и открытія съ данными I. Флавія, блаженнаго Іеронима и другихъ древнихъ писателей. Въ результатѣ преосвященному Порфирію удалось собрать драгоцѣннѣйшій матеріалъ, поясняющій ветхозавѣтныя и евангельскія повѣствованія, и смѣло можно утверждать, что записки преосвященнаго Порфирія займутъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ ряду пособій по библейской исторіи и археологіи.

Интересны и поучительны данныя, рисующія положеніе Палестины въ эпоху путешествія епископа Порфирія. «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». Между тѣмъ правдивость рисуемыхъ епископомъ Порфиріемъ поразительныхъ картинъ «мерзости запустѣнія на мѣстѣ святѣ» не можетъ быть заподозрѣна ни малѣйшимъ образомъ. Предъ нами человѣкъ съ возвышеннымъ религіознымъ настроеніемъ; душа его полна священнаго восторга при мысли о лицезрѣніи земли, которая орошена Божественною кровію Спасителя,—но какой жестокій ударъ былъ нанесенъ благоговѣйнымъ мечтамъ епископа Порфирія тою неприкрашенною правдою, которая открылась его очамъ! Читая дневникъ, видишь, какъ постепенно разсѣивалось благоговѣніе путешественника и какъ это чувство замѣнялось другимъ—«ревностью Иліи Пророка», во имя которой возмущенный архипастырь изрекаетъ проклятіе «наемникамъ», устроившимъ торговлю вокругъ обще-христіанской святыни. Что долженъ былъ почувствовать, въ самомъ дѣлѣ, преосвященный Порфирій, какъ не ревность Иліи, когда ему разсказали о христіанскихъ похоронахъ собаки, устроенныхъ священникомъ за хорошую плату, причемъ епископъ сдѣлалъ выговоръ своему подчиненному за то, почему онъ не пригласилъ его, епископа, на это прибыльное торжество (т. I, 372)? Нескончаемою чередою развертываются предъ читателемъ самыя непригладныя картины: храмы Божіи, содержимые приблизительно въ такомъ

же видѣ, какъ помѣщенія для скота (I, 449, 521 и дал., 233, 241 и пр.); вотъ женскій монастырь, въ которомъ устраивались аѳинскіе вечера (I, 306); вотъ другой монастырь, населенный наложницами разныхъ духовныхъ особъ (II, 319); въ видѣ заурядного явленія путешественнику приходилось постоянно встрѣчать героидисъ и коконъ въ роли епископскихъ и архимандричьихъ любовницъ. Духовенство не знаетъ размѣровъ своей алчности и въ видѣ особенно доходной статьи практикуетъ елеосвященіе надъ здоровыми (I, 346). Такова была Палестина, таковы были приставники ея святынь. Вполнѣ естественъ тонъ негодованія, которымъ проникнута каждая фраза дневника: изъ-за печатныхъ строкъ его читателю невольно вырисовывается величавый образъ автора, правдиваго и нелицепріятнаго «гиперборейскаго монаха» (какъ шутливо называетъ себя преосвященный Порфирій) съ гнѣвнымъ блескомъ глазъ и энергическимъ словомъ укора на устахъ. К. Х.

Іеромонахъ Ѳеодосій Олтаржевскій. Палестинское монашество съ IV до VI вѣка (Православный Палестинскій сборникъ, выпускъ 44). Спб. 1896.

Настоящая книга, по мысли автора, должна представить постепенный ростъ палестинской монашеской общины, совершившійся подъ непосредственнымъ руководствомъ великихъ палестинскихъ подвижниковъ IV, V и VI вѣковъ и состоявшій въ ясно-наблюдаемомъ переходѣ отъ простыхъ формъ монашеской жизни къ болѣе сложнымъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указать, какое положеніе занимала палестинская монашеская община по отношенію къ церковно-историческимъ событіямъ въ означенные вѣка (стр. III). Намѣченная задача выполнена слѣдующимъ образомъ. Въ предисловіи къ книгѣ (стр. I—XVIII) авторъ выясняетъ жизненную потребность въ изученіи исторіи палестинскаго монашества IV—VI вѣковъ и указываетъ существующую литературу предмета русскую и иностранную, послужившую для него матеріаломъ и пособіемъ въ работѣ. Здѣсь перечисляются житія различныхъ палестинскихъ подвижниковъ (свв. Иларіона, Харитона, Саввы, Евѳимія, Ѳеодосія и друг.), откуда авторъ преимущественно заимствовалъ свѣдѣнія о палестинскомъ монашествѣ, почему дѣлаетъ о нихъ нѣкоторыя историко-критическія замѣчанія, — церковно-историческіе труды Сократа, Созомена, Ѳеодорита, Евагрія и Никифора Каллиста;—сочиненія Н. С. Казанскаго, еп. Ѳеофана, арх. Сергія и т. д. Самое изслѣдованіе раздѣляется на десять главъ. Въ первой главѣ (стр. 1—49) описывается возникновеніе монашества въ Палестинѣ, что, по мнѣнію автора, произошло въ первые вѣка христіанства и появилось въ формѣ отшельничества или одиночнаго подвижничества,—изображается дѣятельность св. Иларіона Великаго (291—372 г.), основателя Газскаго монастыря, въ которомъ впервые Палестина увидѣла совмѣстное подвижничество;—описывается дѣятельность св. Харитона исповѣдника (IV в.), который продолжалъ дѣло, начатое Иларіономъ, и былъ истиннымъ основателемъ и устроителемъ монашеской палестинской общины, учредивъ въ Палестинѣ нѣсколько лавръ и организовавъ въ нихъ общее житіе; конецъ главы повѣствуетъ о бѣдствіяхъ иноковъ при императорѣ Валентѣ и

о борьбѣ строгихъ отшельниковъ съ обитателями лавръ. Глава вторая (стр. 49—82) посвящена св. Евеимію Великому († 473), который еще болѣе развилъ и усовершенствовалъ начала общежитія, введенныя свв. Иларіономъ и Харитономъ. Въ третьей главѣ (стр. 83—115) изображается дѣятельность св. Саввы Освященнаго (439—532 г.), устроителя и распространителя лавръ, сторонника жизни келліотской и организатора правильныхъ отношеній между лаврами и киновіями, а въ четвертой (стр. 115—131) св. Ѳеодосія Киновіарха, (424—529 г.), который впервые устроилъ въ Палестинѣ пустынную киновію, далъ ей независимое отъ лавры положеніе и вообще придалъ палестинской киновіи правильный и законченный видъ. Изобразивъ постепенный ростъ палестинскаго монашества отъ одиночнаго подвижничества до киновіи, совершившійся подъ вліяніемъ знаменитыхъ палестинскихъ иноковъ, о. Ѳеодосій Олтаржевскій описываетъ дальше внѣшній и внутренній строй иноческой жизни въ Палестинѣ. Въ главѣ пятой (стр. 131—139) онъ говоритъ объ образованіи палестинскаго монашескаго устава. Здѣсь между прочимъ раскрывается, что палестинское монашество не выработало самостоятельнаго, общаго для всѣхъ монастырей устава. Палестинскій монашескій уставъ представляетъ, съ одной стороны, подражаніе выработаннымъ въ другихъ мѣстахъ канонамъ монастырской жизни, съ другой—измѣненіе этихъ каноновъ сообразно съ особыми требованіями быта и жизни палестинскихъ подвижниковъ. Слѣдовательно, нельзя говорить о палестинскомъ монашескомъ уставѣ, какъ о чемъ-то совершенно самостоятельномъ, нельзя ставить его наряду съ уставами Пахомія Великаго и св. Василія. Но если въ Палестинѣ не было особаго всеобщаго иноческаго устава, то были уставы частные, принадлежавшіе Евеимію Великому, Саввѣ Освященному и друг. На основаніи этихъ уставовъ, а также монашескихъ житій, авторъ въ шестой главѣ (стр. 139 — 156) описываетъ устройство палестинской монашеской общины, а въ седьмой (стр. 156—186)—ея жизнь и вліяніе на общество и церковь. Въ частности здѣсь сообщается объ избраніи, правахъ и обязанностяхъ архимандрита палестинскихъ монастырей, его помощника или такъ называемыхъ «вторствующихъ», о назначеніи игуменовъ отдѣльныхъ монастырей, ихъ власти и отношеніи къ инокамъ, объ экономахъ обителей; о поступленіи въ монастырь, обязанностяхъ иноковъ въ различные моменты монастырской жизни, объ отношеніи келліотовъ къ монастырю, о благотворительной и просвѣтительной дѣятельности монаховъ и пр. Послѣднія три (VIII—X) главы разсматриваемой книги (стр. 186—323) трактуютъ объ участіи палестинскихъ монаховъ въ современныхъ церковно-историческихъ событіяхъ. Оно выразилось въ борьбѣ за православіе съ различными еретическими ученіями IV—VI вѣковъ, а именно: несторіанствомъ, монофизитствомъ и оригенизмомъ. Авторъ обстоятельно разсказываетъ о различныхъ моментахъ этой борьбы, въ которой монахи явили себя ревностными поборниками вселенской истины, но не скрываетъ и того, что многіе палестинскіе иноки, чрезмѣрно ревнуя о православіи, иногда становились въ оппозицію къ нему и отпадали отъ него. На послѣднихъ страницахъ книги (325—345) помѣщенъ указатель собственныхъ именъ.

Изъ анализа книги о. Ѳеодосія Олтаржевскаго нельзя не видѣть, что она

довольно интересна по содержанію. Авторъ представилъ довольно удачную картину постепеннаго роста палестинскаго монашества и отмѣтилъ яркими штрихами многія существенныя стороны жизни и быта палестинской монашеской общины. Онъ хорошо изучилъ литературу своего предмета и въ большинствѣ случаевъ правильно пользуется добытыми имъ историческими данными, располагая ихъ по методу научному и освѣщая по началамъ серьезной научной критики. Планъ его книги отличается естественностью, а языкъ простотою и ясностью, почему книга читается съ живымъ интересомъ. Словомъ, изслѣдованіе о. Олтаржевскаго представляетъ замѣтное явленіе въ нашей небогатой церковно-исторической литературѣ, хотя въ немъ имѣются и существенные недостатки. Къ нимъ слѣдуетъ отнести главнымъ образомъ неполноту изслѣдованія основнаго вопроса книги. Авторъ излагаетъ въ ней лишь внѣшній ростъ палестинскаго монашества, но не обращаетъ никакого вниманія на внутреннее его развитіе, именно на постепенное образованіе аскетическаго идеала палестинскаго иночества, его содержаніе и существенныя черты. Вмѣсто того, чтобы весьма подробно излагать житія различныхъ палестинскихъ подвижниковъ и этимъ путемъ выяснять ростъ (и, конечно, внѣшній) палестинскаго монашества, автору слѣдовало бы сосредоточиться на томъ, изъ какихъ побужденій возникъ палестинскій аскетизмъ, что лежало въ его основѣ, каковы были его идеалы, какъ они постепенно осложнялись, и вообще каково было нравственно-аскетическое міровоззрѣніе палестинскаго монашества,—тождественно ли оно было или нѣтъ съ міросозерцаніемъ иночества египетскаго, каппадокійскаго, константинопольскаго и проч. На эти вопросы въ книгѣ іеромонаха Ѳеодосія отвѣтовъ нѣтъ. Недостаточнымъ представляется намъ и то, что находимъ въ книгѣ по вопросу о палестинскомъ монашескомъ уставѣ. Вопросъ этотъ настолько серьезенъ, что рѣшать его такъ категорически и бездоказательно, какъ это дѣлаетъ о. Ѳеодосій, значитъ уклоняться отъ дѣла. Неполнотою отличается и обзоръ литературы предмета, помѣщенный въ предисловіи. Здѣсь мы не встрѣтили такого весьма важнаго для исторіи палестинскаго монашества литературнаго памятника, какъ «Житіе и подвизаніе иже во святыхъ отца нашего Порфирія, епископа газскаго» († 421 г.), которое было издано профессоромъ И. В. Помяловскимъ въ русскомъ переводѣ («Палестинскій Патерикъ», вып. 5, Спб., 1895 г.) съ греческаго оригинала, помѣщеннаго Мор. Гауптомъ въ Трудахъ королевской академіи наукъ въ Берлинѣ (1874 г., стр. 171—215).

О.

Бесѣды по русской исторіи. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Изданіе совѣта при святѣйшимъ синодѣ. Спб. 1896.

Библіотека народной школы за послѣдніе годы обогащается доступными по цѣнѣ изданіями, въ которыхъ популяризуются цѣлые курсы, цѣлыя отрасли знанія. Представители духовно-учебнаго вѣдомства также приняли на себя трудъ по организаціи такого рода изданій. Таковы изданія Шемякина подъ общимъ названіемъ «Приходской библіотеки». Вышеназванная книжка, изданная училищнымъ совѣтомъ при святѣйшемъ синодѣ, показываетъ, что благое и

полезное начинаніе—дать народу разнообразное и разумное чтеніе — нашло себѣ поддержку даже въ оффиціальныхъ учрежденіяхъ, спеціально занятыхъ организаціею и распространеніемъ просвѣщенія. Для первой книжки выбрана наиболѣе интересная и доступная научная область—исторія. Несомнѣнно, что эта книжка привлечетъ къ себѣ вниманіе того круга читателей, для котораго она назначена, и потому считаемъ необходимымъ указать издателямъ «Бесѣдъ по русской исторіи» тѣ промахи перваго изданія, отсутствіе которыхъ желательно въ слѣдующемъ изданіи. Прежде всего тяжелый неуклюжій слогъ съ нерѣдкими періодическими построеніями, съ частымъ употребленіемъ дѣепричастій и сокращенныхъ придаточныхъ предложеній. Книга назначена «для чтенія въ школѣ и дома» т. е., для читателей, вкусившихъ (и даже только вкушающихъ) первоначальнаго образованія. Не говоримъ о томъ, что такимъ читателямъ недоступна теорія сложнаго предложенія, имъ недоступно и пониманіе такихъ затянутыхъ предложеній. Впрочемъ, это еще не большая бѣда: чистый литературный одинаково всѣмъ понятный языкъ есть достояніе немногихъ избранныхъ, и у каждаго писателя—своя стилистическая физіономія. Содержаніе книги представляетъ промахи болѣе крупные. Зачѣмъ, напримѣръ, въ «бесѣды по русской исторіи» внесены событія, относящіяся скорѣе къ всемірной исторіи и принадлежащія лѣтописямъ другихъ государствъ, какъ-то: «Кириллъ и Меѳодій», «Коссовская битва» и «Паденіе Византіи»? Введеніе описанія такихъ событій въ хрестоматію русской исторіи,—событій, даже не стоящихъ въ прямой связи съ русскою исторіей, можетъ произвести путаницу въ головахъ юныхъ или неразвитыхъ читателей, на чье вниманіе только и можетъ претендовать разбираемая книга. Давно извѣстна истина, что «ученаго интересуетъ событіе, ученика—лицо». Между тѣмъ, характеристикѣ историческихъ лицъ въ названной книгѣ отводится самое ничтожное мѣсто, вѣрнѣе сказать, характеристикъ въ ней нѣтъ. Съ другой стороны, по непонятой причинѣ, книга переполнена самыми подробными описаніями битвъ, осадъ, сраженій и нѣкоторыя описанія занимаютъ 3—4 стр. текста. Даже военныя событія аналогичныя описываются въ подробностяхъ, какъ, напримѣръ, взятіе татарами—Рязани, Владиміра, Козельска, Кіева. Между тѣмъ каждый, изучавшій исторію въ среднемъ учебномъ заведеніи, знаетъ, что описанія военныхъ дѣйствій ничего не даютъ для общаго развитія и скучны для воспріятія. Мы думаемъ, каждый знакомый съ курсомъ всеобщей исторіи Иловайскаго согласится, что самыя трудныя и несимпатичныя для учащихся мѣста въ его исторіи войны: Сѣверная, Семилѣтняя, за Испанское наслѣдство, Суворовскіе походы, военныя дѣйствія Наполеона. Понятно, они интересны для спеціалиста по своимъ техническимъ особенностямъ, но не для всякаго читателя: при отсутствіи пониманія ихъ спеціальныхъ техническихъ отличій онѣ являются такъ похожи одна на другую! Странно также и то, почему при такомъ подробномъ описаніи битвъ и сраженій очень важнымъ историческимъ проявленіямъ народнаго генія не отведено никакого мѣста. Такъ, мы не встрѣтили ни одного слова о просвѣтительныхъ движеніяхъ до-петровской Руси — о школахъ Владиміра св., о русскихъ образованыхъ женщинахъ того времени, о первой типографіи и ея значеніи, объ арх. новгор. Геннадіи, о Максимѣ Грекѣ, о современ-

никѣ Грознаго—м. Макаріи, о внутренней политикѣ Годунова умолчано вовсе. Не сказано ничего о домашнемъ бытѣ русскихъ, объ учрежденіяхъ внутренней политики, о состояніи торгово-промышленной жизни. Съ другой стороны біографіи нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей растянуты непропорціонально прочимъ одинаково важнымъ отдѣламъ и въ ущербъ тѣмъ, какіе опущены. Такъ біографія св. Кирилла и Меѳодія 15—29 стр., пр. Сергія Радонежскаго 70—96 стр., св. Стефана Пермскаго 96—108, св. Митрофана Воронежскаго 210—222, св. Димитрія Ростовскаго 222—236 стр. Біографіи св. подвижниковъ и пастырей русской церкви, несомнѣнно, производятъ благотворное воспитательное вліяніе на читателей. Съ другой стороны также несомнѣнно, что церковная исторія Руси составляетъ крупную часть всей русской исторіи. Но такое неравномѣрное отношеніе при раскрытіи отдѣльныхъ пунктовъ, затронутыхъ въ разбираемой книгѣ, можетъ привести къ самому превратному и неправильному пониманію нашей исторической жизни. Если «Бесѣды по русской исторіи» должны сообщить читателямъ церковную исторію, то онѣ слишкомъ бѣдны свѣдѣніями по этой отрасли. Если же, принимая во вниманіе описаніе битвъ и сраженій, онѣ должны дать понятія вообще о ходѣ исторической жизни Русскаго государства, то эта историческая жизнь освѣщена только съ двухъ сторонъ—внѣшней политики и подвижничества; ущербы этой неполноты для самаго ограниченнаго знанія исторіи слишкомъ очевидны. Въ остальномъ изданіе заслуживаетъ одобренія.

И. П—въ.

Православный Палестинскій Сборникъ. 43 вып. Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ съ половины XVI до конца XVIII стол. Н. Каптерева. Изданіе Православнаго Палестинскаго общества. Спб. 1896.

До половины XVI вѣка сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ имѣли случайный характеръ, и краткія отмѣтки въ лѣтописяхъ о нихъ, какъ о фактахъ единичныхъ, очень рѣдки. Совпаденіе многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ для Москвы и для іерусалимской патріаршей каѳедры въ XVI вѣкѣ полагаетъ прочное начало постояннымъ сношеніямъ, которыя укладываются въ правильную систему. Іерусалимскіе патріархи съ переходомъ подъ власть турецкихъ султановъ стали пользоваться большей (относительно) свободой, чѣмъ какой приходилось довольствоваться подъ властью египетскихъ султановъ. На патріаршемъ престолѣ вмѣсто арабовъ появились предпріимчивые греки, и ихъ попытки завязать сношенія встрѣчены были Москвой благосклонно. На первыхъ порахъ патріархи пользовались всякимъ радостнымъ событіемъ въ государствѣ или царскомъ семействѣ, чтобы послать въ Москву поздравительную грамоту съ неизбѣжнымъ моленіемъ о денежной помощи, при чемъ такая грамота наполнялась, въ видѣ аргументаціи просьбы, почти невѣроятными жалобами на угнетенное положеніе патріархіи. Въ этихъ случаяхъ патріархъ иногда дѣйствовалъ съ поспѣшностью, въ которой впослѣдствіи приходилось, конечно, горько раскаиваться. Такъ, едва только пронеслась вѣсть о первомъ самозванцѣ, какъ уже патріархъ Софроній пишетъ ему привѣтствіе такого рода: «Мы съ сильнымъ огорченіемъ узнали о кончинѣ

покойнаго царя Θеодора... но мы забыли всѣ наши бѣдствія, когда увѣдомились объ открытіи, сдѣланномъ въ особѣ вашего царскаго величества. Сіе извѣстіе исполнило радостію и веселіемъ весь Палестинскій край. Вельможи и простолюдины, мужчины и женщины, всѣ поспѣшили возсылать благодарственныя мольбы къ Всевышнему... Мы и всѣ архіепископы, равно какъ и все духовенство, находящееся съ нами, и наша паства, возсылаемъ къ небу мольбы, дабы ваше величество въ скоромъ времени наслѣдовало престолъ своего родителя, и дабы домъ вашихъ предковъ царствовалъ на престолѣ царей во вѣки вѣковъ» (стр. 24).

Съ теченіемъ времени выяснилась взаимная выгода, которую могли доставлять другъ другу московское правительство и іерусалимскій патріархатъ. Представитель послѣдняго въ силу своего положенія могъ оказывать важныя политическія услуги московскому правительству. Это понимали въ Москвѣ, и потому правительство откровенно просило патріарховъ служить ему «въ государевыхъ дѣлехъ», сообщать вѣсти «о турецкихъ поведеніяхъ», т. е. принять на себя роль тайныхъ политическихъ агентовъ, что патріархи въ большинствѣ случаевъ (исключая Нектарія) и исполняли (220 стр.). Въ благодарность за это Москва «благовременно и безвременно» посылала дары патріарху и его приближеннымъ — вообще расплачивалась за ихъ службу щедро.

Чрезвычайно любопытную страницу въ исторіи трактуемыхъ сношеній представляютъ личныя посѣщенія патріарховъ (Θеофана, Паисія, Нектарія) Москвы. Достаточно припомнить, что то была эпоха Никона. Весьма любопытны также данныя для исторіи сношеній съ Россіей патр. Досиѳея, захватившихъ преобразовательную эпоху.

Сказаннымъ достаточно опредѣляется интересъ темы, разработанной г. Каптеревымъ въ настоящемъ изслѣдованіи. Громадное количество выдержекъ изъ документовъ, доселѣ неизданныхъ или мало извѣстныхъ, дѣлаютъ эту книгу особенно цѣннымъ пособіемъ по русской исторіи. Немалы и чисто-научныя достоинства этого труда г. Каптерева: выводы автора опираются всегда на строго провѣренныхъ фактахъ, далеки отъ какой бы то ни было натяжки, изложеніе спокойное и безпристрастное. Къ числу внѣшнихъ достоинствъ изданія слѣдуетъ отнести приложенный въ концѣ книги алфавитный указатель собственныхъ именъ. К. Х.

П. И. Рычковъ. Исторія Оренбургская (1730—1750). Изданіе Оренбургскаго губернскаго статистическаго комитета подъ редакціей и съ примѣчаніями Н. М. Гутьяра, секретаря комитета. Оренбургъ. 1896.

«Исторія Оренбургская» Рычкова по имѣющимся въ ней весьма важнымъ документамъ относительно принятія киргизами русскаго подданства до сихъ поръ составляетъ первое и почти единственное историческое сочиненіе объ Оренбургскомъ краѣ. Въ ней есть такіе документы, которыхъ не находится въ «Полномъ Собраніи Законовъ».

Въ первый разъ она была напечатана въ журналѣ академика Миллера — «Сочиненія и переводы ежемѣсячные, къ пользѣ и увеселенію служащіе» за

1759 г., и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени представляла собой трудно находимую библіографическую рѣдкость, которой не пользовались для своихъ сочиненій ни Карамзинъ, ни Соловьевъ, ни позднѣйшій изслѣдователь Оренбургскаго края, В. Н. Витевскій. Хотя послѣдній въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей монографіи—«Неплюевъ и Оренбургскій край»—и дѣлаетъ на нее частыя ссылки, но, очевидно, по указаніямъ другихъ источниковъ, и поэтому текстъ и данныя его сочиненія во многомъ расходятся съ сочиненіемъ Рычкова.

Текстъ нынѣшняго изданія «Исторіи» до § 123 напечатанъ съ подлинной рукописи прошлаго столѣтія, значительно исправленной противъ первоначальной редакціи самимъ авторомъ. Рукопись эта была пріобрѣтена бывшимъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ В. А. Перовскимъ, отъ дворянъ Демидовыхъ, купившихъ ее съ аукціона [1]), и въ настоящее время хранится въ Оренбургской городской (публичной) библіотекѣ. Другая часть рукописи перепечатана изъ журнала Миллера за 1759 г., но тщательно провѣрена по подлинной рукописи съ показаніемъ (въ выноскахъ) разницы между первой и второй (исправленной) редакціей.

Изданная въ такомъ видѣ «Исторія Оренбургская» представляетъ теперь бóльшую цѣнность, чѣмъ первоначальное произведеніе, не только для изслѣдованія Оренбургскаго края, но и для другихъ сопредѣльныхъ съ нимъ областей. Жаль только, что редактировавшій ее г. Гутьяръ въ своихъ примѣчаніяхъ допустилъ много несообразностей и совсѣмъ ненужныхъ сравненій съ другими печатными источниками, отчего скорѣе затемняется смыслъ изданнаго сочиненія, чѣмъ увеличивается его цѣнность и интересъ. Такъ, напримѣръ, при описаніи Рычковымъ похода въ Хиву князя Бековича-Черкасскаго, г. Гутьяръ, ни на чемъ не основываясь, на стр. 3 въ вып. 1-й добавляетъ, что «кн. Александръ Бековичъ Черкасскій съ 1500 казаковъ погибъ въ походѣ изъ Астрахани въ Хиву въ 1717 году». Между тѣмъ точно извѣстно [2]); что Бековичу дано было 4 тысячи регулярныхъ войскъ, 2 тысячи казаковъ и 100 драгунъ. Выступилъ онъ въ походъ изъ Гурьева городка и погибъ съ отрядомъ въ самой Хивѣ, благодаря своей оплошности и вѣроломству хивинцевъ.

Кромѣ того, въ книгѣ встрѣчается ужъ слишкомъ много корректурныхъ ошибокъ не только въ буквахъ и словахъ, въ числахъ и годахъ, но даже перепутаны цѣлыя строки. Находятся еще и такія ошибки, которыя ясно показываютъ плохое знакомство г. Гутьяра съ мѣстной исторіей и неумѣніе разбирать старинныя рукописи. Такъ, вмѣсто рѣки «Рубежъ», пограничной на сѣверѣ Уральскаго войска съ Оренбургской губерніей, въ книгѣ напечатано «Кубежъ».

Есть много и другихъ ошибокъ, но перечислять ихъ всѣ заняло бы слишкомъ много мѣста. Необходимо отмѣтить еще недостатки самой «Исторіи», хотя бы главные, и сравнить ихъ съ другими данными Рычковскихъ сочиненій.

---

[1]) Рукопись эта переплетена въ старинный кожаный переплетъ съ досками, на одной изъ кототорыхъ надпись: «Дворянина Евдокима Иванова Демидова. Куплена съ аукціоннаго торга». На первомъ листѣ ея печать канцеляріи оренбургскаго генералъ-губернатора.

[2]) Пол. Соб. зак., т. V, №№ 2098 и 2994; Поповъ, «Сношенія Россіи съ Хивой и Бухарой» (Зап. имп. русск. географ. общ., IX, 257) и «Оренб. Губернск. Вѣдомости», 1854, № 14.

Прежде всего рѣзко бросается въ глаза сказаніе Рычкова о первомъ появленіи казаковъ на Яикѣ (нынѣшній Уралъ). Въ § 70 «Исторіи» онъ говоритъ, что «начало сего Яицкаго войска по извѣстіямъ отъ яицкихъ старшинъ произошло... около 1474 года» [1]). Между тѣмъ въ «Топографіи Оренбургской губерніи», сочиненной имъ послѣ «Исторіи», по сказаніямъ яицкихъ атамановъ, онъ относитъ «начало сего войска» во времена Тамерлана, хотя всякому извѣстно, что въ это время не существовало не только яицкихъ, но и донскихъ казаковъ, прародителей первыхъ, и въ первый разъ о казакахъ лѣтописи упоминаютъ только въ 1499 году [2]), слѣдовательно болѣе, чѣмъ за сто лѣтъ до нашествія Тамерлана (1395 г.). Наконецъ, если довѣрять «Исторіи» Рычкова, то и тутъ выйдетъ неточность: въ 1474 г. не было еще донскихъ казаковъ. Они появились лишь въ половинѣ XVI столѣтія. На самомъ же дѣлѣ, какъ изслѣдовано за послѣднее время, яицкіе казаки появились въ устьяхъ Урала лишь въ 1576 году [3]).

Въ слѣдующемъ 71 § «Исторіи» Рычковъ также неправильно указываетъ основаніе Сакмарскаго городка въ 1720 году «сходцами изъ Сибири», тогда какъ въ «Полномъ Собраніи Законовъ, т. VII, №№ 4685 и 4686 точно устанавливается основаніе этой крѣпости на рѣкѣ Сакмарѣ по грамотѣ, данной 19-го іюня 1725 г., атаману Меркульеву «и всему войску Яицкому». Неправильно еще указано (стр. 80) заселеніе Каргалинской (татарской) слободы въ 1745 году, когда изъ грамоты императрицы Елизаветы Петровны, отъ 8-го августа 1844 г., видно, что заселеніе это могло произойти не ранѣе конца 1745 года. Не вѣрны также свѣдѣнія у Рычкова о раздѣленіи киргизскихъ ордъ на роды или аймаки, на отдѣленія и подотдѣленія; невѣрны данныя о посылкѣ перваго русскаго торговаго каравана въ Ташкентъ въ 1738 году (§ 83); очень мало данныхъ о башкирахъ, и нѣтъ такихъ важныхъ документовъ, какъ грамоты царей Ѳеодора, Іоанна и Петра Алексѣевичей 1681 и 1698 гг. по поводу захвата башкирскихъ земель и имуществъ Яицкими казаками, и манифеста императора Петра II, 31-го іюня 1728 года относительно свободнаго пріѣзда башкирамъ въ Москву съ жалобами на злоупотребленія воеводъ. Если чему возможно безусловно довѣрять въ «Исторіи» Рычкова, то только описаніямъ тѣхъ событій, коимъ онъ былъ самъ свидѣтель и которымъ могъ найти необходимые документы въ Оренбургской губернской канцеляріи, гдѣ онъ служилъ, и лишь за періодъ съ 1730 г. по 1744 г.

П. Ю.

---

[1]) Г. Витевскій въ своей монографіи (стр. 220), основываясь также на данныхъ будто бы «Исторіи» Рычкова, первое появленіе казаковъ на Яикѣ относитъ къ 1584 году.

[2]) Карамзинъ, «Истор. Государ. Россійскаго», т. VI, прим. 495.

[3]) «Оренб. Губ. Вѣд.» 1859 г., № 8; «Новое Слово» 1894 г., VI, 184, и «Записки преосвященнаго оренбург. и уфимск. Антонія I», въ Оренбург. центральн. архивѣ за 1859 г., л. 59.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Англійская общественная жизнь въ старину. Съ нѣкоторыхъ поръ въ англійской исторической литературѣ замѣтно все больше и больше преобладаніе изслѣдованій о внутренней жизни народа въ прошедшія времена, и это направленіе замѣтно не только въ особыхъ трудахъ, посвященныхъ означенному предмету, но въ общихъ историческихъ монографіяхъ и въ спеціальныхъ изданіяхъ архивнаго матеріала. Такимъ образомъ за послѣднее время вышло нѣсколько выдающихся книгъ по указаннымъ тремъ видамъ историческихъ изученій, и въ каждой изъ нихъ главный интересъ сосредоточивается на картинахъ англійской общественной жизни въ старину. Первое мѣсто между этими любопытными трудами занимаютъ четвертый и пятый томы «Соціальной Англіи», сборника статей различныхъ авторовъ подъ редакціей Г. Трэля [1]), но на ряду съ ними слѣдуетъ упомянуть о третьемъ томѣ «Исторіи Англіи при Генрихѣ IV» [2]), Джемса Вайли, и о девятомъ томѣ, историческихъ рукописей, издаваемыхъ особой комиссіей ученыхъ [3]). Послѣдняя

---

[1]) Social England. By varions Writers, edited by H. Trail, vol. IV—From the accession of James I to the death of Anne.—Vol V—Fromteh accession of George I, to the leatlle of Waterloo. London. 1896.

[2]) History of England under Henry IV, by James Wylie, vol. III. 1407—10. London. 1896.

[3]) Historical Manuscript Commission. Part. 9. The Manuscripts of the carl of Buckinehamshire, the carl of Lindsly, the carl ot Onslow, Lord Emly, Th. Hare and J. Bound-London. 1896.

комиссія задалась цѣлью описать семейные архивы, существующіе въ Англіи и пропадающіе для изслѣдователя старины, благодаря ихъ недоступности: легко понять, какія диковины попадаются въ этомъ впервые обнародованномъ сыромъ историческомъ матеріалѣ, съ помощью котораго можно живо воспроизвести нравы и обычаи прошедшихъ поколѣній. Насколько богаты, разнообразны, драгоцѣнны и любопытны отыскиваемые комиссіей историческіе документы, можетъ служить примѣромъ настоящій томъ ея трудовъ: тутъ мы встрѣчаемъ, извлеченные изъ семейныхъ архивовъ лордовъ Букингама, Линдсея, Онсло и Кили, а также у сквауеровъ Гэра и Раунда: подлинную квитанцію знаменитаго Варвика, создателя королей, въ полученіи слѣдуемыхъ съ его фермеровъ денегъ; приказъ короля Якова I, запрещающій всѣмъ и каждому истреблять какимъ бы то ни было образомъ фазановъ, разведенныхъ для королевской забавы въ помѣстьѣ Фицральфа Чамберлена, сосѣдняго съ королевскимъ замкомъ Ристонъ въ Норфолкѣ; переписку Генри Пелама, сэра Роберта Вальполя, лорда Чатама, французскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Торси и т. д.; счетъ плантатора на островѣ Борбадосѣ Роджера Пунета купцу Едварду Нейтингелю отъ 8 октября 1653 г. въ продажѣ ему «негритянки, по имени Фебы съ ребенкомъ по имени Черри и племенной свиньи за 3,335 фунтовъ хорошаго Мусковадскаго сахара»; описаніе Нью-Джерсея губернаторомъ колоніи Бельчеромъ въ 1748 г.; разсказы современниковъ о походахъ Марльборо на континентѣ, о возстаніи 1745 года и т. д. Обширная монографія Джемса Вайли объ исторіи Англіи при Генрихѣ IV сначала должна была состоять изъ трехъ томовъ, но только что вышедшій третій томъ обнимаетъ только три года его царствованія, и автору остается разсказать еще не меньшій періодъ времени. Конечно, читатель не посѣтуетъ на ученаго историка за подобное распространеніе его труда, такъ какъ онъ изобилуетъ новыми, любопытными матеріалами, преимущественно не по офиціальной исторіи, но по изслѣдованію общественной жизни въ Англіи XV вѣка. Такъ самыя любопытныя главы только что вышедшаго тома посвящены средневѣковой комерческой организаціи Англіи съ ея корпораціями, различнымъ фазамъ тогдашняго общественнаго строя, положенію духовенства и внутренней жизни Оксфордскаго университета, имѣвшаго въ свои славнѣйшіе дни до 30,000 студентовъ. Но, конечно, наибольшее историческое значеніе изъ указанныхъ книгъ имѣетъ сборникъ Г. Трэля, въ которомъ цѣлая фаланга компетентныхъ спеціалистовъ описываетъ постепенно изъ вѣка въ вѣкъ положеніе Англіи съ древнѣйшихъ временъ съ точки зрѣнія: политической, дипломатической, военной, морской, колоніальной, педагогической, общественной, санитарной, земледѣльческой, коммерческой, промышленной, литературной, художественной и т. д. Однимъ словомъ это цѣлая историческая энциклопедія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, и когда выйдетъ послѣдній томъ «Сборника», чего можно ожидать въ будущемъ году, то наконецъ получится настоящая исторія англійскаго народа, о какой и не мечтали такіе историки, какъ Гринъ, который собственно въ своей исторіи англійскаго народа только представилъ краткій абрисъ подобной исторіи и, такъ сказать, разставилъ вѣхи, по которымъ уже направляютъ свой путь составители «Соціальной Англіи». Если этотъ капитальный историческій трудъ справедливо упрекаютъ въ недо-

статкѣ единства и въ разношерстности направленій его различныхъ авторовъ, которые рядомъ и совершенно свободно высказываютъ свои противоположные взгляды на религіозные, политическіе и экономическіе вопросы, то съ другой стороны эта широта рамокъ придаетъ общей картинѣ болѣе живой, болѣе вѣрный съ дѣйствительностью, характеръ, давая полную возможность читателю составлять себѣ справедливое, безпристрастное заключеніе о прошедшихъ судьбахъ англійскаго народа. Чтобы судить о томъ громадномъ матеріалѣ полезныхъ и любопытныхъ свѣдѣній, которые представляютъ четвертый и пятый томы этого почтеннаго изданія, обнимающіе двѣ важныя эпохи англійской исторіи: отъ восшествія на престолъ Якова I до смерти Анны и отъ Георга I до Ватерло, достаточно указать на важнѣйшія ихъ главы, изъ которыхъ каждая составляетъ цѣльный, округленный очеркъ. Такъ въ первомъ изъ этихъ томовъ профессоръ Сейнтсбюри даетъ мастерской очеркъ постепеннаго образованія современной англійской прозы въ теченіе XVII вѣка; Гуттонъ и Браунъ представляютъ блестящіе этюды борьбы англиканцевъ и пуританъ при Стюартахъ и Кромвелѣ; Гюгсъ обстоятельно трактуетъ объ архитектурѣ и художествахъ; докторъ Крейтонъ рисуетъ санитарное положеніе страны, а миссъ Бэтсонъ живо воспроизводитъ разнообразныя фазы общественной жизни той бурной эпохи. Если мы перейдемъ къ послѣднему тому, то интересъ еще болѣе возростаетъ: передъ нами безконечный рядъ самыхъ любопытныхъ статей, напримѣръ, Б. Протеро—о положеніи земледѣлія и земледѣльческаго класса въ началѣ нынѣшняго столѣтія; ТоунзэндаВарнера—о развитіи промышленности; Артура Грифита—о реформѣ тюремъ; А. Поуэра—объ успѣхахъ медицины; профессора Саймса—о распространеніи пауперизма и т. д. Быть можетъ, всего интереснѣе въ этихъ двухъ томахъ небольшой очеркъ Бэтсона о роли пуританъ въ развитіи общественнаго строя Англіи. Не смотря на всѣ насмѣшки, которыя постоянно сыпались на ихъ суровый ригоризмъ, пуритане съ Кромвелемъ во главѣ составляютъ красугольный камень современной Англіи. Какъ бы узки и односторонни ни были ихъ религіозныя идеи, но онѣ были соединены съ живой демократической силой, которая пересоздала страну, приходившую въ разложеніе отъ гнилой, развратной стюартовской закваски. Въ продолженіе шестнадцати лѣтъ кромвелевской республики, эти серьезные, искренніе, но мрачные, суровые пуритане положили всѣ зачатки основныхъ функцій современной общественной жизни. Они создали избирательную систему и механизмъ политическихъ агитацій; они дали развитіе прессѣ и завели 170 газетъ; закрывъ театръ изъ религіознаго фанатизма, они основали кофейни и клубы; наконецъ подвергая преслѣдованію блестящія аристократическія колымаги, они завели наемные экипажи и дилижансы. Все это были проявленія живаго демократизма, благотворная струя котораго наводнила феодальную Англію и подготовила современный расцвѣтъ ея общественной жизни.

— **Агентъ Кромвеля во Франціи.** Англійскій историкъ Фирцъ, спеціально посвятившій себя изученію кромвелевской эпохи, издалъ неизвѣстный до сихъ поръ дневникъ Іоахима Гэна, посланнаго протекторомъ во Францію съ дипломатическими порученіями [1]) въ 1653 г. Рукопись этихъ любопытныхъ

[1]) The journal of Ioachim Hane. Edited by G. H. Firth. London. 1896.

мемуаровъ находится въ библіотекѣ Вурстерской коллегіи Оксфордскаго университета, а авторъ ея былъ нѣмецкимъ инженеромъ, который занимался своей профессіей при арміи Кромвеля во время шотландской кампаніи. Неожиданно онъ былъ отозванъ отъ исполненія своихъ обязанностей и принялъ участіе въ одномъ изъ малоизвѣстныхъ эпизодовъ внѣшней политики протектора. Отношенія между Франціей и Англіей въ первые годы республики находились въ очень неопредѣленномъ положеніи, и оставался открытымъ вопросъ, заключитъ ли Англія союзъ съ Франціей противъ Испаніи, или съ Испаніей противъ Франціи. Карлъ II былъ пенсіонеромъ французскаго двора и обѣ страны вели другъ съ другомъ коммерческую борьбу, путемъ запрещенія ввоза извѣстныхъ товаровъ и каперства. Въ то время во Франціи свирѣпствовала фронда, и изъ Бордо, главной квартиры принца Конде, стоявшаго во главѣ возстанія, посылались агенты къ Кромвелю съ просьбой, чтобъ англійская республика помогла деньгами и кораблями свободной общинѣ этого города возстановить свои старинныя вольности. Одинъ изъ этихъ агентовъ прямо говорилъ въ Лондонѣ: «Какую честь составило бы для англійской республики, установившей такъ счастливо и славно царство свободы у себя дома, еслибъ она протянула руку съ той же цѣлью своимъ сосѣдямъ, которые выказали бы вѣчно и неограниченно свою благодарность». Эти слова доказываютъ, по мнѣнію Фирца, что установленіе въ Англіи республики вліяло на весь континентъ, гдѣ ожидали, что эта республика будетъ оказывать содѣйствіе къ распространенію повсюду республиканскихъ учрежденій. Въ этомъ духѣ сначала и высказывались вожаки англійской республики, Скотъ и Вэнъ, но какъ только Кромвель забралъ въ свои руки всю власть, то исчезъ всякій слѣдъ подобнаго направленія англійской политики. Что касается Франціи, то онъ заботился только о распространеніи тамъ протестантства и если посылалъ туда нѣсколькихъ агентовъ, то лишь для удостовѣренія, какую роль играли гугеноты относительно фронды, при чемъ оказалось, что они нимало не сочувствовали Конде. Тайное посольство Гэна состоялось вскорѣ послѣ сдачи Бордо королевской арміи и окончанія междоусобицы въ Гвіенѣ осенью 1653 г. Задачей его было, повидимому, войти въ сношенія съ французскими протестантами, но самъ Гэнъ въ своемъ дневникѣ оставляетъ этотъ вопросъ во мракѣ, и главный интересъ этого дневника заключается въ разсказѣ объ его личныхъ приключеніяхъ, которыя бросаютъ любопытный свѣтъ на тогдашнюю Францію. Онъ такъ хорошо научился говорить поанглійски и такъ вполнѣ усвоилъ себѣ пуританскую фразеологію, что этого природнаго нѣмца вездѣ принимали за англичанина, и французскія власти смотрѣли на него, какъ на очень опаснаго человѣка. Три раза его подвергали аресту, и три раза онъ самымъ ловкимъ образомъ возвращалъ себѣ свободу и снова подвергался безконечнымъ преслѣдованіямъ. Первый его арестъ былъ произведенъ, благодаря указанію одного шотландца, который видѣлъ его въ рядахъ англійской арміи въ Единбургѣ, и Гэнъ очень подробно описываетъ, какимъ непріятностямъ онъ подвергался въ лодкѣ, въ которой его везли по Гароннѣ въ Бордо. «Между прочимъ, разсказываетъ онъ, они разыгрывали передо мной не то комедію, не то трагедію ожидавшихъ меня пытокъ и казни, при чемъ устроили на баржѣ двѣ висѣлицы». Однако это предвкушеніе смерти не осуществилось, и Гэнъ бѣжалъ изъ Бордо.

Описаніе какъ этого бѣгства, такъ и двухъ другихъ освобожденій изъ-подъ ареста, а также длиннаго ряда его приключеній изобилуетъ такими удивительными подробностями, что невольно скептическій читатель заподозрѣваетъ автора въ прикраскѣ и преувеличеніи своихъ подвиговъ. Напримѣръ, онъ провелъ нѣсколько дней въ кадкѣ для вина, тогда какъ его тщетно искали повсюду вокругъ. Наконецъ, послѣ длиннаго ряда самыхъ невѣроятныхъ эпизодовъ, Гэнъ добрался до Руана, сѣлъ на англійскій корабль и вернулся въ Англію.

— **Маргарита Наварская и неизданныя ея стихотворенія.** Послѣ долгаго ожиданія и многочисленныхъ рекламъ, Абель Лефранъ наконецъ издалъ по порученію общества исторіи французской литературы невѣдомыя доселѣ поэтическія произведенія знаменитой королевы Наварской [1]). Всего замѣчательнѣе, быть можетъ, въ этой находкѣ десяти тысячъ новыхъ строфъ «Маргаритки Принцессъ», какъ называли сестру Франциска I, то непонятное обстоятельство, что они не были воспроизведены ранѣе, такъ какъ эта рукопись не скрывалась въ какомъ нибудь тайникѣ, а открыто находилась въ Парижской Національной библіотекѣ и занесена въ каталогъ подъ своимъ настоящимъ заглавіемъ: «Послѣднія произведенія королевы Наварской, еще не напечатанныя». И все-таки на нее не напалъ ни одинъ изъ многочисленныхъ изслѣдователей исторіи и литературныхъ заслугъ Маргариты Наварской за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ: только Лефрану посчастливилось обратить вниманіе на презираемую доселѣ рукопись, и вотъ онъ является издателемъ литературной диковины. Впрочемъ всѣ тѣ ученые, которые прозѣвали эту находку, могутъ легко утѣшиться: несмотря на ея грандіозность, она ничего не даетъ новаго для исторической и литературной характеристики державной поэтессы. Десять тысячъ новыхъ стиховъ не вплетаютъ ни одного лишняго цвѣтка въ поэтическій вѣнокъ автора «Гептамерона». Но за то послѣднія поэтическія изліянія «Жемчужины дома Валуа» представляютъ богатый матеріалъ для правильнаго пониманія этой замѣчательной личности, которая долго находилась подъ гнетомъ несправедливыхъ обвиненій и злобныхъ клеветъ. Дѣло въ томъ, что о Маргаритѣ Наварской, благодаря ея «Гептамерону», сборнику самыхъ скабрезныхъ разсказовъ, и въ особенности злобнымъ навѣтамъ католическихъ клерикаловъ, ненавидѣвшихъ ее за покровительство протестантамъ, составилась общепринятая легенда, рисующая ее безнравственной женщиной и порнографической поэтессой. Въ сущности же, какъ доказывалъ Лефранъ и критики «Journal des Debats» — Варено-де-Нюисстъ, «Revue des Deux Mondes» — Ренэ Думикъ и «Academy» — Ж. Мансонъ, подтверждая свое мнѣніе ссылками на ея прежнія и новыя произведенія, она была благородной, высокообразованной женщиной, сочувствовавшей прогрессу во всемъ, вѣрной своимъ двумъ мужьямъ, измѣнявшимъ ей на каждомъ шагу, высоконравственной, покорной судьбѣ и философски настроенной. Если же она позволяла себѣ легкомысленныя выходки какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ, то это вполнѣ объясняется тогдашними разнузданными

[1]) Les dernières poésies de Marguerite de Navarre, publiées pour la première fois avec une introduction et des notes par Abel Lefranc. Paris. 1896.

нравами. Стоя на рубежѣ XVI столѣтія, она воплощала въ себѣ всѣ противоположныя теченія того времени: она принадлежала къ среднимъ вѣкамъ рыцарской нѣжностью своихъ чувствъ и мистической набожностью, къ эпохѣ возрожденія—блескомъ и граціей своего ума, а къ періоду реформаціи—серьезностью своихъ идей. Она инстинктивно оказала человѣческой мысли большую услугу, содѣйствуя въ самомъ зачаткѣ ея современному освобожденію. Вотъ какъ теперь смотрятъ лучшіе представители французской и англійской критики на ту, которую еще недавно клеймили названіемъ свѣтской развратницы, обвиняли въ связи съ поэтомъ Маро и ся собственнымъ братомъ, Францискомъ I, и считали представительницей порнографической поэзіи. Чему же она обязана этимъ обѣленіемъ своей памяти? Только исторической правдѣ, вытекающей изъ основательнаго изученія ея личности цѣлымъ рядомъ добросовѣстныхъ изслѣдователей, также изъ правильнаго пониманія ея произведеній, которыя хотя и заключаютъ въ себѣ много скабрезныхъ разсказовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ изобилуютъ возвышенными философскими мыслями. По несчастью для доброй славы «Маргаритки изъ Принцессъ», на послѣднюю сторону ея поэзіи никто не обращалъ вниманія, а порнографическому элементу, вводимому ею лишь съ цѣлью обличенія тогдашнихъ нравовъ, придавали господствующій характеръ и забывали, что имѣютъ дѣло съ писательницей не настоящаго времени, а развращеннаго XVI вѣка. Достаточно взглянуть на послѣднія ея сочиненія, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ ошибались прежніе взгляды на Маргариту Наварскую, и какъ основательно, какъ вѣрно смотрятъ на нее современные критики. Такъ называемаго порнографическаго элемента въ нихъ нѣтъ и слѣда, а всѣ они, какъ мелкія стихотворенія: пѣсни, элегіи, лирическія изліянія, діалоги, посланія въ стихахъ, такъ двѣ пастушескія пьесы, которыя Маргарита сама разыгрывала въ своемъ дворцѣ въ По, и двѣ большія поэмы «Корабль» и «Тюрьмы королевы Наварской» отличаются возвышенными, хотя нѣсколько мистическими идеями. Послѣднія двѣ поэмы написаны послѣ смерти Франциска I, котораго она пламенно любила, и дышатъ набожнымъ настроеніемъ: въ «Кораблѣ» авторъ изображаетъ себя на бурномъ житейскомъ морѣ въ дали отъ истинной гавани, а въ послѣднемъ подъ «тюрьмами королевы Наварской» разумѣются любовь, свѣтское самолюбіе и человѣческія знанія, отъ плѣна которыхъ ее освобождаетъ только вѣра. Однако эта вѣра, хотя и католическая, такъ какъ Маргарита всегда оставалась вѣрной католицизму, отличалась замѣчательной терпимостью и ея любимымъ девизомъ было: «Ubi spiritus, ibi libertas».

— Кольцо Франгипани. Очень любопытную исторію о кольцѣ, потерянномъ триста восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ и случайно попавшемъ въ руки нѣмецкаго ученаго, который путемъ старательныхъ изысканій возстановилъ все его прошедшее, разсказываетъ германскій историкъ Гейнрихъ Тоде, извѣстный своимъ громаднымъ трудомъ о св. Францискѣ Ассизскомъ[1]). Конечно, нѣмецкимъ ученымъ, случайно пріобрѣвшимъ историческое кольцо, былъ самъ почтенный профессоръ Тоде, и произошло это очень просто. Однажды онъ сидѣлъ въ

---

[1]) Die Ring. des Frangipani. Ein Ergebniss, von Heinrich Thode.—Frankfurt-am-Mein. 1896.

одной изъ Венеціанскихъ библіотекъ и читалъ исторію Венеціи Романини съ цѣлью собранія матеріаловъ по предпринятому имъ большому труду по исторіи Венеціи и Венеціанскаго искусства, какъ неожиданно ему предложили купить кольцо, принесенное поселяниномъ и найденное въ землѣ среди развалинъ замка Прата, близъ Порденоны. Кольцо было золотое, гладкое, повидимому, Аугсбургской работы XVI столѣтія въ готическо-германскомъ стилѣ и съ надписью старинными нѣмецкими буквами: «Myt wyllen din eigin, т. е. Mit Willen den eigen (съ охотой только твоя). Профессоръ очень заинтересовался этимъ трехъ вѣковымъ залогомъ любви, тотчасъ купилъ его и, надѣвъ его на палецъ, долго думалъ о томъ, какъ это нѣмецкое кольцо попало къ нему; даже когда онъ снова принялся за чтеніе Романини, то очень разсѣянно усвоивалъ себѣ подробности о нападеніи на Венецію въ 1513 г. арміи императора Максимиліана подъ начальствомъ страшнаго кроатскаго вожака, графа Христофора Франгипани. Но вдругъ онъ остановился какъ бы пораженный свѣтлой мыслью. Если Франгипани съ своими кроатами занялъ, по словамъ Романини, Удину, осадилъ Азоно и пошелъ далѣе, то онъ могъ достигнуть Порденоны, и это кольцо могло принадлежать одному изъ нѣмецкихъ офицеровъ. Не найдя отвѣта на свой вопросъ у Романини, Тоде сталъ рыться въ другихъ источникахъ и вскорѣ напалъ на «Diario di Pardenone», въ которомъ подробно описаны занятіе германцами Порденоны и послѣдовавшее затѣмъ изгнаніе ихъ оттуда венеціанцами въ мартѣ 1514 г. Такимъ образомъ профессоръ убѣдился, что нѣмцы занимали не только Порденону, но и сосѣдній замокъ Прата, но ему этого было мало, и онъ перешелъ къ королю старинныхъ лѣтописцевъ Сануто, у котораго нашелъ не только подробности о всемъ, что произошло въ Порденонѣ, но и письмо нѣмецкаго офицера Риццана, который попалъ въ плѣнъ къ венеціанцамъ. Въ этомъ письмѣ профессоръ прочелъ къ величайшей своей радости, что у графа Франчипани при стычкѣ подъ Азоно убили лошадь, и что падая, онъ потерялъ драгоцѣнное кольцо, которое онъ считалъ талисманомъ, и послѣ потери котораго дѣйствительно, по свидѣтельству Риццано, ему не повезло. Венеціанцы его разбили на голову, взяли много нѣмцевъ въ плѣнъ, а самъ Франгипани былъ тяжело раненъ. Попавъ такимъ образомъ на слѣдъ собственника кольца, профессоръ продолжалъ свои поиски въ мѣстныхъ итальянскихъ архивахъ и мало-по-малу распуталъ всѣ нити романа этаго кольца. Оказалось, что какъ только Франгипани, за которымъ ухаживала прискакавшая къ нему молодая жена, оправился, то онъ снова бросился въ бой, но счастье отъ него окончательно отвернулось, и венеціанцы, взявъ его въ плѣнъ, заточили въ Торцеллѣ, т. е. тюрьмѣ герцогскаго дворца, въ іюнѣ 1514 г. Такъ какъ Франгипани былъ стариннымъ врагомъ Венеціи, и даже его предки постоянно воевали съ республикой, то профессору было легко найти въ венеціанскомъ государственномъ архивѣ всѣ подробности о заточеніи Франгипани. Мало того, онъ нашелъ переписку графа съ его молодой женой. Она была извѣстная красавица, Аполонія Лангъ, сестра кардинала Матіаса Ланга, любимаго совѣтника императора Максимиліана. Ходили слухи, что онъ былъ обязанъ своею силой скорѣе красотѣ сестры, чѣмъ своимъ достоинствамъ, но во всякомъ случаѣ она было фрейлиной при дворѣ Максимиліана, пока не вышла замужъ сначала за

графа Лодрона, а послѣ его смерти за графа Франгипани. У молодой четы еще не прошелъ медовый мѣсяцъ, какъ Франгипани отправился въ походъ, окончившійся такъ несчастливо. Во время заточенія мужа въ Венеціи, красавица Аполонія писала ему самыя нѣжныя письма, и въ одномъ изъ нихъ отъ 21 марта 1515 г. профессоръ Tоде прочелъ съ восторгомъ слѣдующія строчки: «Что касается до кольца, то, мой милый дорогой мужъ, я думала бы поручить Цуану Стефано Мага сдѣлать его немного меньше стараго, но съ той же надписью, такъ какъ эти слова служатъ отвѣтомъ на слова, находящіяся на другомъ кольцѣ, присланномъ вами мнѣ и которое я всегда храню. Я прислала бы его вамъ съ удовольствіемъ, но здѣсь (она тогда жила въ Градискѣ) нѣтъ хорошаго золотыхъ дѣлъ мастера, а потому дѣлайте, какъ знаете, и закажите себѣ кольцо въ Венеціи». Такимъ образомъ не могло быть сомнѣнія, что кольцо, данное Франгипани его женой съ знаменательной надписью, попало случайно въ руки нѣмецкаго профессора, спустя три вѣка съ половиной. Такой же случайностью былъ тотъ фактъ, что Торцелла, тюрьма Франгипани, находилась на верху небольшой башни, подъ той самой Марсіанской библіотекой, гдѣ занимался Тоде, когда ему принесли кольцо. Добившись главнаго, т. е. опредѣленія, кому принадлежало это кольцо, ученый профессоръ продолжалъ розыскивать въ венеціанскомъ государственномъ архивѣ свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ Кроатскаго графа и его красавицы жены, и ему удалось прослѣдить безконечные переговоры съ синьоріей объ освобожденіи Франгипани не только со стороны императора, но и королей французскаго и испанскаго. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ къ бѣгству и временного пребыванія въ его темницѣ прелестной Аполлоніи, которая обманомъ туда проникла и только силой была оттуда удалена, Франгипани былъ выпущенъ 6 января 1519 г., но не на свободу, а только изъ Терцеллы, гдѣ онъ провелъ 1813 дней. Его выдали французскому правительству, которое снова заточило его въ Миланѣ, куда послѣдовала за нимъ его преданная жена. Повидимому, ей дозволили на этотъ разъ раздѣлить съ нимъ заточеніе, но они жили вмѣстѣ не долго, и Аполлонія умерла 14 сентября того же года. Что касается до Франгипани, то онъ бѣжалъ изъ Милана и, вернувшись на родину, игралъ значительную роль въ тогдашнихъ междоусобіяхъ, раздиравшихъ Венгрію, при чемъ какъ истый кроатъ, не всегда держалъ сторону своего короля и даже радовался успѣхамъ турокъ, такъ какъ, по его словамъ, пораженія венгровъ полезно сбавляли ихъ надменность. Онъ былъ убитъ въ 1527 г. при осадѣ Варадина, наканунѣ второго брака съ очень богатой и знатной невѣстой.

— **Сношенія Англіи съ Ганзой при королевѣ Елизаветѣ.** Исторія Ганзы въ зенитѣ ея средневѣковаго процвѣтанія основательно изучена многими нѣмецкими учеными, а установленіе коммерческаго господства Англіи въ XV и XVI столѣтіяхъ выяснено въ документальномъ трудѣ Шантца «Englische Handelspolitik». Недавно вышедшая книжка Р. Эренберга «Гамбургъ и Англія при королевѣ Елизаветѣ» [1]) можетъ служить продолженіемъ сочиненія Шантца

---

[1]) Hamburgh und England in Zeitalter der Königin Elisabeth, von Dr. R. Ehrenberg. Jena. 1896.

въ отношеніи торговли Лондона съ Гамбургомъ. Естественно подобное изслѣдованіе должно вмѣщать въ себѣ общій взглядъ на соціальное и политическое положеніе обѣихъ странъ, такъ какъ торговыя отношенія имѣютъ международный характеръ, а потому Эренбергъ предпосылаетъ своей научной монографіи, очеркъ экономическаго положенія Германіи и Англіи въ первой половинѣ XVI столѣтія. Что же касается до торговыхъ отношеній между Лондономъ и Гамбургомъ, то они изучены съ спеціальнымъ знаніемъ и добросовѣстной основательностью нѣмецкихъ ученыхъ; къ книгѣ приложены обширная библіографія, статистическія таблицы и перечень главныхъ предметовъ англійскаго вывоза въ данную эпоху. Все это основано на подлинныхъ документахъ, хранящихся въ государственномъ архивѣ Гамбурга. Борьба англійскихъ торговцевъ съ Ганзой въ царствованіе Эдуарда VI и Маріи старательно изслѣдована нѣмецкимъ ученымъ, и также указано имъ громадное вліяніе сэра Томаса Грешама на коммерческую политику Генриха VIII, правильное пониманіе которой только можетъ выяснить настоящую причину быстраго развитія англійской предпріимчивости въ первыя двадцать лѣтъ правленія Елизаветы. Съ другой стороны Эренбергъ рисуетъ картину Ганзы и ея положенія въ Гамбургѣ, а также основаніе тамъ англійской колоніи для распространенія торговли съ тѣми иноземными краями, куда въ виду тогдашняго кризиса въ Нидерландахъ нельзя было достигнуть черезъ Антверпенъ. Сначала все шло спокойно и мирно, такъ какъ имѣлась въ виду общая выгода, но мало-по-малу энергія англійскихъ торговцевъ возбудила реакціонное движеніе въ Ганзѣ, а въ 1587 г. борьба приняла общій характеръ, и другіе нѣмецкіе города ополчились противъ Англіи, слѣдуя примѣру Гамбурга. Но, какъ ясно доказываетъ Эренбергъ, эта борьба повела только къ установленію торговаго господства Англіи, благодаря единодушной, патріотической политикѣ правительства, поддерживаемаго всей страной, относительно распространенія колоніальнаго могущества, а вмѣстѣ къ паденію на долгія времена коммерческаго значенія Германіи, не выказавшей ни малѣйшихъ признаковъ патріотическаго единенія въ этомъ отношеніи. Основательное и безпристрастное выясненіе причинъ этихъ важныхъ международныхъ явленій въ книгѣ Эренберга какъ нельзя болѣе кстати теперь, когда снова Лондонъ и Гамбургъ стали соперничать относительно открытія новыхъ путей для своей колоніальной торговли.

— Предшественникъ Ломброзо въ XVII столѣтіи. Только двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Цезарь Ломброзо положилъ начало позитивистской школѣ уголовнаго права, изучающей преступленіе, какъ естественное явленіе, и посвящающей все свое вниманіе на физическое и психическое изученіе преступника, но въ сущности уголовная антропологія имѣетъ гораздо бо́льшую давность, и ея зачатки можно усмотрѣть у Гомера, Аристотеля, Плинія, Авиценны, Кардана и Порты, въ сочиненіяхъ которыхъ встрѣчается много указаній на соотношеніе физическихъ и нравственныхъ симптомовъ вырожденія. Въ болѣе близкія къ намъ времена Камперъ, Галлъ и Лафатеръ старались привести въ систему собранныя ими свѣдѣнія по краніологіи и физіономики, тѣмъ открывая путь къ современнымъ успѣхамъ уголовной антропологіи. Наконецъ недавно итальянскій археологъ и профессоръ исторіи въ техническомъ

институтѣ въ Бергамо Г. Мантовани познакомилъ читателей журнала, издающагося въ Бергамо, «Emporium» [1]), съ чрезвычайно рѣдкой старинной книжкой, находящейся въ его библіотекѣ и не упоминаемой ни въ одномъ каталогѣ, ни въ одномъ научномъ сочиненіи, тогда какъ въ ней собрано много наблюденій о симптоматологическомъ и діагностическомъ значеніи лба и глазъ для узнанія характера и интеллектуальныхъ способностей человѣка. Эта небольшая книжка, снабженная любопытными графическими изображеніями типовъ человѣческаго совершенства и вырожденія, написана на латинскомъ языкѣ въ XVI вѣкѣ Самуиломъ Фуксіемъ, посвящена герцогу штетинскому Филиппу II и озаглавлена: «Samuelis Fychsy ciis lino pomerani metoposcopia et ophthalmoscopia argentinae excudebat Theodosius Gluserus sumptibus Pauli Lederts. MDC XV». Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ поставилъ себѣ задачей если не совершенно, то насколько это зависитъ отъ него, «изложить сущность человѣческой физіономіи»: если многіе оплакиваютъ плачевную судьбу Катона и Цезаря,—замѣчаетъ онъ:—то не лучше ли заняться изслѣдованіемъ судебъ человѣческаго рода и дойти въ нѣкоторой степени до божественнаго предвидѣнія о количествѣ честности и безчестія, которое находится въ каждомъ человѣкѣ, а потому, печатая теперь часть моего труда о физіономіи, именно метопоскопію и офталмоскопію, я прошу людей, знающихъ и одаренныхъ возвышеннымъ умомъ, не сердиться на меня, а помочь моему невѣжеству, если я случайно сдѣлаю ошибку». Сочиненіе Фуксія отличается самой строгой методой и разбито на 34 главы, изъ которыхъ 15 посвящены метопоскопіи (изученію лба) и 19 офталмоскопіи (изученію глазъ), а каждая глава раздѣлена на параграфы, въ концѣ которыхъ приведены историческіе ссылки и тексты изъ различныхъ писателей, подтверждающіе аргументы автора. Стиль его часто темный и всегда гиперболическій, согласно модѣ XVI вѣка, но хотя онъ не могъ освободиться отъ вліянія схоластики и постоянно говоритъ объ астрологіи, магіи, алхиміи, кабалистикѣ, хиромантіи и т. д., но многія его замѣчанія обнаруживаютъ удивительную наблюдательность и какъ бы предугадываютъ труды Ломброзо, Ферри и другихъ представителей уголовной антропологіи. Такъ, напримѣръ, задолго до Ломброзо онъ указываетъ на пользу изученія произведеній скульптуры и живописи для развитія метопоскопіи; прежде Ферри и Маро, онъ замѣтилъ, что люди съ низкими лбами идіоты и преступники, и ранѣе всѣхъ современныхъ ученыхъ мечталъ о типѣ преступника, говоря «чудовище по лбу становится и чудовищемъ по душѣ». Переходя къ офталмоскопіи, Фуксій доказываетъ, что глаза, еще болѣе, чѣмъ лобъ, могутъ обнаруживать степень ума и оттѣнковъ чувствъ человѣка. И тутъ онъ является достойнымъ предшественникомъ Ломброзо; такъ послѣдній указываетъ, что 10% преступниковъ отличаются косоглазіемъ, а Фуксій двѣсти восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ писалъ: «косые глаза доказываютъ преступныхъ людей, подозрительные нравы и подозрительные поступки». Но еще замѣчательнѣе предвидѣніе Фуксіемъ, столь блестяще доказанной только въ наши дни, тождественности эпилепсіи съ преступностью; но

---

[1]) Precursore di Lombroso in XVI secolo, per G. Montovani. Emporium. 1896 Maggio.

этому важному вопросу онъ прямо говоритъ въ 15 главѣ своего труда: «Глаза, смотрящіе на верхъ, обнаруживаютъ часто склонность къ пьянству и къ священному недугу (падучей болѣзни): тѣ же, которые поднимаютъ кверху дрожащіе взгляды еще вѣрнѣе предвѣщаютъ себѣ этотъ недугъ и принадлежатъ къ числу людей безчеловѣчныхъ и завистливыхъ, къ числу убійцъ». Не преувеличивая значенія Самуила Фуксія, критикъ «Revue des Revues», докторъ Невель, замѣчаетъ, что во всякомъ случаѣ его трудъ, появившійся въ XVII вѣкѣ, доказываетъ, что ничто не ново подъ луной, и что современные антропологи-криминалисты только пошли далѣе по пути, указанному этимъ скромнымъ изслѣдователемъ истины за триста лѣтъ тому назадъ.

— **Г-жа Роланъ въ ея перепискѣ съ мужемъ, въ литературѣ и на сценѣ.** Жирондистская героиня находится въ настоящее время въ большой модѣ: о ней издаютъ книги и пишутъ статьи на французскомъ и англійскомъ языкахъ; ея письма отыскиваютъ въ семейныхъ архивахъ и печатаютъ отдѣльными сборниками; наконецъ ее выводятъ на сценѣ въ эффектныхъ драмахъ. Такимъ образомъ недавно вышли во Франціи: собраніе писемъ г-жи Роланъ къ ея мужу подъ заглавіемъ: «Бракъ г-жи Роланъ» [1]), монографія Армана Дюко: «Три жирондистки и жирондисты» [2]), а въ Америкѣ ея обширная біографія, написанная Идой Тарбель [3]), наконецъ въ Парижѣ на театрѣ Французской Комедіи давалась съ успѣхомъ драма—«Г-жа Роланъ», Эмиля Бержера и Камиля Сентъ-Круа. Что касается до книгъ Иды Тарбель и Армана Дюко, то онѣ не представляютъ ничего новаго, хотя американская писательница и черпала матеріалы своего труда въ архивныхъ источникахъ, и оба эти автора одинаково прославляютъ свою героиню, не прибавляя ни одной невѣдомой досолѣ черты къ ея характеристикѣ. Въ особенности сочиненіе Дюко, написанное по случаю недавняго открытія въ Бордо памятника жирондистамъ, отличается узкимъ, пристрастнымъ характеромъ. Внукъ одного изъ казненныхъ жирондистовъ—Дюко, не только поетъ безконечные диѳирамбы героинямъ жиронды: г-жѣ Роланъ, Шарлотѣ Кордэ и г-жѣ Букэ, но возноситъ до небесъ самихъ жирондистовъ и осыпаетъ проклятьями Робеспьера, Марата, Дантона и т. д. Въ томъ же духѣ написана и драма въ стихахъ, дававшаяся на театрѣ Французской Комедіи. Тамъ г-жа Роланъ уже является вполнѣ романтичной, идеальной фигурой, имѣющей мало общаго съ исторіей. Чувствуя, что ея любовь къ красивому молодому жирондисту Бюзо кончится позорной измѣной старому мужу, она предпочитаетъ подвергнуть смерти всѣхъ трехъ, погубить свою партію и подвергнуть Францію междоусобной борьбѣ. Эта нелѣпая, но эффектная драматическая развязка придумана авторами пьесы какъ будто для вящшей славы своей героини, которая на сценѣ уговариваетъ Бюзо не подписывать акта союза съ Дантономъ, что было бы спасеніемъ для жирондистовъ, но въ сущности она не только противорѣчитъ исторіи, но и служила бы не къ чести г-жи Роланъ, еслибъ она дѣйствительно принесла въ жертву своей платонической любви къ

---

[1]) Le mariage de madame Roland. Trois années de correspondance amoureuse. Avec une introduction et des notes par A. Join-Lambert. Paris. 1896,

[2]) Les trois girondines et les girondins, par Armand Ducos. Paris. 1893.

[3]) Madame Roland, by Ida Tarbell. New-York. 1896.

Бюзо, какъ этого пламеннаго юношу, такъ и горячо любившаго ея мужа, всю свою партію и спокойное процвѣтаніе республики. Въ сущности же жирондисты погибли, и Франція была раздираема кровавой рѣзней, не потому, чтобы одна романтичная красавица не желала увѣнчать естественнымъ эпилогомъ свою платоническую любовь, а напротивъ существуютъ письма г-жи Роланъ къ Бюзо и его портретъ съ ея знаменитой надписью, которые доказываютъ, что ихъ любовь была далеко не такой платонической, такой идеальной, какъ продолжаютъ увѣрять рыцарскіе защитники жирондистской эгеріи, какъ въ литературѣ, такъ и на сценѣ. Кромѣ того, вся ея жизнь, ея подлинные мемуары и даже теперь впервые напечатанная переписка ея съ мужемъ до свадьбы ясно доказываютъ, что у нея была пламенная страстная натура, и что ее не могли остановить на пути любви сентиментальныя преграды. Особенно яркій свѣтъ на эту сторону ея характера бросаютъ письма, которыя она, еще будучи Маріей Филипонъ, писала къ своему будущему мужу Ролану-де-Платьеру, и которыя теперь изданы Жуэномъ-Ламберомъ. Хотя эта переписка и названа любовной, и въ ней много, даже почти исключительно только говорится о любви, но въ сущности въ ней нѣтъ и слѣда искренней любви, а во всѣхъ ея сентиментальныхъ разглагольствованіяхъ въ стилѣ Жанъ-Жака Руссо слышится одна нота—твердой рѣшимости обойти влюбленнаго, но постоянно колеблющагося, пожилого поклонника. Четыре года она переписывалась съ нимъ, не оставляя его въ покоѣ въ различныхъ уголкахъ Европы, четыре года тянула амурную канитель, ловко окружала его своей сѣтью, то прикидывалась жертвой пламенной къ нему любви, то предлагала ему одну дружбу, то выставляла своего отца упорнымъ противникомъ ихъ брака, то увѣряла, что добилась его согласія, то наконецъ скрывалась въ монастырѣ, будто бы отыскивая тамъ убѣжище отъ преслѣдованій. Наконецъ скромный, серьезный философъ и ученый самаго буржуазнаго пошиба былъ побѣжденъ, и Марія Филипонъ, сдѣлавшись г-жей Роланъ, увлекла его за собой въ политическій водоворотъ, который хотя и доставилъ ему славу и министерскій портфель, но вмѣстѣ съ тѣмъ побудилъ его въ концѣ концовъ наложить на себя руки, послѣ ея геройской смерти на плахѣ съ знаменитыми словами на устахъ: «О свобода, сколько преступленій совершаютъ твоимъ именемъ».

— **Роялистскій заговорщикъ во время террора.** Одинъ изъ старательныхъ изслѣдователей французской революціи, хотя не сочувствующій ея героямъ и далеко не безпристрастный, г. Ленотръ, посвятилъ новый свой трудъ таинственной личности барона Жана де-Батца [1]), который игралъ первенствующую роль въ роялистскихъ интригахъ во время террора. Многочисленные историки этой эпохи вовсе не упоминаютъ имени этого таинственнаго заговорщика, а рѣдкіе писатели, указывающіе на его подпольную дѣятельность, представляютъ о немъ самыя смутныя и невѣрныя свѣдѣнія, такъ, напримѣръ, Эдуаръ Флери въ своей «Исторіи Сенъ-Жюста» называетъ де-Батца «маленькимъ нѣмецкимъ бbarономъ», тогда какъ онъ былъ истымъ гасконцемъ и принадлежалъ къ старинной аристократической французской семьѣ. Оффиціальныя

---

[1]) Un conspirateur royaliste pendant la Terreur: Le baron de Batz. 1792 — 1795 Par G. Lenotre. Paris. 1896.

свѣдѣнія о немъ въ архивныхъ документахъ очень скудны, именно Ленотръ только нашелъ въ военномъ министерствѣ отрывочные матеріалы объ его военной службѣ и отмѣтки, очевидно, составленныя во время реставраціи, о томъ, что «баронъ де-Батцъ до 1800 года представлялъ постоянно доказательства своей преданности Бурбонамъ; исполняя опасныя порученія внутри страны и нѣсколько разъ приговоренный къ смерти, а также объявленный внѣ закона, онъ всегда счастливо и ловко спасался». Написанная имъ самимъ и теперь очень рѣдкая брошюра, подъ заглавіемъ: «Заговоръ де-Батца, или день шестидесяти», представляетъ невѣрный и неискренній разсказъ объ его интригахъ, имѣющій цѣлью, конечно, обѣлить себя и смѣшать съ грязью всѣхъ дѣятелей революціи, а его дневникъ, захваченный комитетомъ общественной безопасности и долго хранившійся въ парижской префектурѣ, по всей вѣроятности, сгорѣлъ во время коммуны. Но, все-таки, Ленотру удалось найти въ различныхъ архивахъ, семейныхъ бумагахъ и печатныхъ источникахъ, избѣгнувшихъ вниманія прежнихъ историковъ, значительный запасъ совершенно новыхъ свѣдѣній объ этой таинственной личности, которой политическіе дѣятели террора приписывали громадную роль; такъ Эли Лакостъ въ своемъ докладѣ о заграничномъ заговорѣ говоритъ: «всѣ пружины, долженствовавшія низвергнуть республику, приводились въ движеніе этимъ однимъ человѣкомъ, который дѣйствовалъ по порученію коалиціи тирановъ», а Робеспьеръ въ своихъ рѣчахъ указывалъ, что иностранцы тайно подбиваютъ патріотовъ другъ на друга, и въ запискѣ, найденной въ его бумагахъ послѣ его смерти, прямо пишетъ: «во главѣ преступнаго заговора, уже предвидящаго возможность окунуться въ крови вѣрныхъ представителей народа, стоитъ баронъ де-Батцъ». Хотя Ленотръ прямо не утверждаетъ, что этотъ роялистскій заговорщикъ игралъ первую роль въ трагическихъ эпизодахъ террора, и считаетъ подобное утвержденіе историческимъ парадоксомъ, но всѣ сообщаемыя имъ свѣдѣнія такъ расположены и весь его разсказъ о дѣйствіяхъ де-Батца такъ веденъ, что читатель невольно заподозрѣваетъ автора въ желаніи доказать не высказываемый определенно, но всегда подразумѣваемый тезисъ, что его герой былъ политическимъ Мефистофелемъ и осью, на которой повернулась судьба французской революціи. Составивъ сначала два заговора объ освобожденіи Людовика XVI отъ казни и королевской семьи отъ заточенія и видя ихъ неудачу, этотъ преданный роялистъ задумалъ совершенно иной планъ возстановленія монархіи, именно погубить конвентъ междоусобной враждой его членовъ, забросать его грязью и залить кровью до такой степени, чтобъ наконецъ вся страна, придя въ ужасъ и отвращеніе, призвала назадъ королей. Вся книга Ленотра собственно написана съ цѣлью доказать, что его герой исполнилъ свою колоссальную задачу и если не успѣлъ въ своей конечной цѣли, т. е. въ монархической реставраціи, то лишь потому, что въ минуту своего торжества надъ Конвентомъ онъ встрѣтилъ могучаго соперника Наполеона, который эскамотировалъ его успѣхъ въ свою пользу. Конечно, болѣе чѣмъ рискованно приписывать такую громадную, рѣшающую роль одному, невѣдомому человѣку, какъ Де-Батцъ, и вѣрить неизбѣжному логическому выводу изъ всего разсказа Ленотра, что всѣ дѣятели Конвента, за исключеніемъ Дантона и Робеспьера, были продажными пѣшками, ко-

торыхъ покупалъ этотъ роялистскій заговорщикъ и заставлялъ дѣлать желаемые шаги на шахматной доскѣ исторіи, но во всякомъ случаѣ разоблаченія Ленотра чрезвычайно любопытны и рисуютъ если не полную политическую несостоятельность, подкупность и безчестность дѣятелей революціи, какъ бы онъ, повидимому, желалъ, то во всякомъ случаѣ безшабашность и преступность роялистскихъ интригъ. Что цѣли этихъ интригъ были эгоистичныя и корыстныя, а не идеальныя стремленія водворить въ отечествѣ золотой вѣкъ возвращеніемъ Бурбоновъ, доказывается той сатурналіей, которой они предались въ эпоху своего конечнаго торжества при реставраціи. Де-Батцъ въ этомъ отношеніи не представилъ исключенія, и конецъ его жизни былъ вполнѣ достойнымъ увѣнчаніемъ безконечныхъ политическихъ интригъ, составлявшихъ всю суть его шестидесятилѣтняго существованія. Родившись въ 1761 г., прослужа свои юные годы въ королевской арміи и проведя короткое время въ учредительномъ собраніи до эмиграціи, въ рядахъ которой онъ отличался въ качествѣ адъютанта герцога Насаускаго, баронъ де-Батцъ отъ 1792 г. до 1800 велъ въ Парижѣ бурную жизнь роялистскаго заговорщика, а затѣмъ онъ пропадаетъ изъ вида даже для такого старательнаго біографа, какъ Ленотръ. Только реставрація возвращаетъ ему чины, почести, состояніе, какъ преданному слугѣ монархіи, но, назначенный управлять департаментомъ Канталя, онъ вскорѣ удаленъ вовсе отъ службы, «какъ человѣкъ невѣрный, способный, подобно флюгаркѣ, вертѣться во всѣ стороны», и проведя нѣсколько лѣтъ въ своемъ помѣстьѣ, Шадье, купленномъ на чужое имя еще во времена террора, онъ умеръ скоропостижно 16 января 1822 г. Несмотря на видимое сочувствіе къ своему герою, Ленотръ не считаетъ, однако, возможнымъ скрыть, что на счетъ его смерти сосѣди, которые находились въ близкихъ отношеніяхъ съ вдовой де-Батца, умершей только въ 1855 г., разсказывали ему очень мрачныя подробности. Именно де-Батцъ считался въ околоткѣ грубымъ, безнравственнымъ искателемъ приключеній, жестоко обращавшимся съ своими поселянами, которые его называли воромъ; мало того, онъ совершилъ подлогъ, и Людовикъ XVIII въ виду его заслугъ монархіи приказалъ до преданія его суду назначить ему двадцатичетырехъ-часовой срокъ для самоубійства, что имъ и было совершено. Ленотръ называетъ это объясненіе скоропостижной смерти своего героя народной легендой, не подтвержденной ни однимъ историческимъ документомъ, но не споритъ противъ того факта, что его похоронили не на кладбищѣ, а на краю большой дороги въ неосвященной землѣ, откуда, уже спустя тридцать лѣтъ, его останки перенесли на сосѣднее кладбище. Такимъ образомъ въ этой легендѣ есть подкладка правды, да и Ленотръ не привелъ бы ея со словъ компетентныхъ, по его словамъ, свидѣтелей, еслибъ въ ней не было ничего справедливаго, а такъ, какъ политическая роль де-Батца представляется и послѣ любопытнаго труда Ленотра вполнѣ легендарной, то и легендарный разсказъ объ его смерти является вполнѣ подходящимъ эпилогомъ исторіи этого таинственнаго роялистскаго заговорщика.

— Марсо и Мюратъ. Ровно сто лѣтъ тому назадъ умеръ одинъ изъ «идеальныхъ героевъ французской революціи», по словамъ Виктора Гюго,— Франсуа Марсо, и ровно сто лѣтъ тому назадъ началась блестящая карьера

одного изъ сподвижниковъ Наполеона, блестящаго, храбраго Мюрата, который изъ простого солдата, сына трактирщика, сдѣлался маршаломъ и королемъ. Какъ нельзя болѣе кстати поэтому появились съ одной стороны біографія Марсо на англійскомъ языкѣ [1]), а съ другой любопытный трудъ маркиза де Сассенэ о послѣднихъ мѣсяцахъ жизни Мюрата [2]), который дорого заплатилъ за все свое величіе и умеръ подъ пулями взвода солдатъ, разстрѣлявшихъ его, какъ измѣнника, на Неаполитанскомъ берегу, гдѣ онъ былъ королемъ незадолго передъ тѣмъ. Хотя оба они были плодомъ революціи и оба прославились на полѣ брани, но между ними существовало рѣзкое отличіе: Марсо былъ дѣйствительно идеальнымъ героемъ, отличавшимся столько же глубокой человѣчностью, рыцарскимъ благородствомъ и безкорыстной честностью, какъ смѣлой удалью и замѣчательными способностями главнокомандующаго, благодаря чему его одинаково уважали друзья и враги, французы и нѣмцы, а Мюратъ былъ лихимъ кавалерійскимъ генераломъ и болѣе ничего, а, какъ человѣкъ, онъ поражалъ легкомысліемъ, нерѣшительностью, безтактностью, мелкимъ самолюбіемъ и отсутствіемъ всякихъ принциповъ, помогалъ Наполеону въ преступномъ 18 брюмерѣ, былъ его покорнымъ слугой во время его величія и эгоистично отвернулся отъ него въ минуту его паденія. «Солдатъ въ шестнадцать лѣтъ, а генералъ въ двадцать три, онъ умеръ двадцати семи лѣтъ»,—вотъ что написано на памятникѣ Марсо въ Шартрѣ, и въ этой фразѣ исчерпана вся жизнь этого рыцаря безъ страха и упрека, біографію котораго англійскій авторъ набросалъ въ своей книгѣ широкими, симпатичными чертами, сдѣлавъ фигуру Марсо центромъ общей картины первыхъ семи лѣтъ французской революціи. Самая интересная часть его труда представляетъ графическій очеркъ Вандейской борьбы, въ которой Марсо выказалъ столько гуманности, справедливости и человѣколюбія, мужественно сопротивляясь жестокимъ распоряженіямъ Конвента и стараясь не залить кровью несчастную провинцію, а водворить миръ и спокойствіе съ возможно меньшимъ числомъ жертвъ. Въ войнѣ на германской границѣ, онъ держался тѣхъ же гуманныхъ принциповъ, и Джонсонъ приводитъ его приказъ къ офицерамъ и солдатамъ, въ которомъ онъ гнѣвно возстаетъ противъ деморализаціи тогдашней арміи и царствовавшаго обычая безмилосердно грабить мирныхъ жителей. Не только словами, но и дѣломъ, Марсо старался положить этому конецъ, а понимая, что главной причиной этихъ позорныхъ поступковъ было безпорядочное комиссаріатское устройство, онъ всячески клеймилъ «разбойничью и мошенническую военную администрацію». Особенно блестящихъ побѣдъ Марсо не успѣлъ одержать, такъ какъ умеръ отъ тяжелыхъ ранъ, полученныхъ въ то самое время, когда онъ получилъ возможность впервые доказать свои способности главнокомандующаго. Но какъ французы, такъ и нѣмцы были вполнѣ убѣждены въ его блестящемъ будущемъ, и въ похоронахъ его участвовали одинаково представители обѣихъ армій, причемъ эрцгерцогъ Карлъ счелъ своимъ долгомъ лично поклониться праху своего противника. Такимъ образомъ, на горе Франціи и на счастье Наполеона, онъ при самомъ началѣ

---

[1]) François Severin Marceau, 1769—1796, by captain T. G. Johnson. London. 1896.
[2]) Les derniers mois de Murat, par le marquis de Sassenay. Paris. 1896.

своей удивительной карьеры освободился отъ возможнаго соперника въ лицѣ этого Баярда революціи, родившагося, по волѣ судьбы, въ одинъ годъ съ нимъ. Если мы перейдемъ къ одному изъ блестящихъ сподвижниковъ Наполеона, которые только возвышали его славу, но не могли его ни сдержать, ни соперничать съ нимъ, къ Мюрату, то увидимъ, что весь интересъ книги маркиза де Сассенэ о послѣднихъ мѣсяцахъ жизни Неаполитанскаго короля заключается въ новыхъ матеріалахъ, отчасти напечатанныхъ, отчасти рукописныхъ, найденныхъ авторомъ въ Лондонскомъ, Вѣнскомъ и Неаполитанскомъ архивахъ, благодаря которымъ впервые предпріятіе Мюрата возвратить себѣ королевство съ горстью приверженцевъ представляется въ настоящемъ его свѣтѣ. До сихъ поръ всѣ историки и біографы Мюрата: Тьеръ, Генри Мартенъ, Волабель и баронъ Гельфертъ, считали эту экспедицію безумной выходкой. Дѣйствительно человѣку, отличительной чертой котораго была нерѣшительность въ политическихъ дѣлахъ и который, измѣнивъ Наполеону, вошелъ въ соглашеніе съ союзниками, для сохраненія своего престола,—неожиданно рѣшиться на такой отчаянный шагъ можно было только при условіи совершеннаго или временнаго сумасшествія. Но теперь, благодаря новымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ маркизомъ де Сассенэ, и главное письмамъ барона Коллера, командовавшаго оккупаціонной австрійской арміей въ Неаполѣ, оказывается, что Мюратъ былъ пойманъ въ ловушку министрами короля Фердинанда IV. Боясь, чтобъ побѣжденный соперникъ короля, находившійся въ изгнаніи и жившій недалеко въ Корсикѣ, не поднялъ рано или поздно возстанія въ своемъ бывшемъ королевствѣ, гдѣ ему могли оказать содѣйствіе его прежняя армія, въ которой осталось много сторонниковъ Мюрата, и вообще всѣ люди, недовольные новыми реакціонными порядками, министры Фердинанда, преимущественно Медичи, составили коварный планъ заманить его въ Калабрію ложными увѣреніями измѣнниковъ-друзей, что все готово для возстанія и тамъ, арестовавъ, подвергнуть смерти. Смѣлый, храбрый, но легкомысленный Мюратъ поддался въ ловушку, отправился въ путь съ горстью сторонниковъ, въ числѣ которыхъ былъ предатель Барбара, купленный неаполитанскимъ правительствомъ. Высадившись въ Пиццо, онъ былъ немедленно арестованъ, подвергнутъ военному суду и разстрѣлянъ. Умеръ Мюратъ геройски, съ улыбкой на устахъ; онъ самъ скомандовалъ солдатамъ «пли» и предварительно просилъ ихъ: исполняя свой долгъ, цѣлить въ сердце, а не въ лицо. Коварная политика совѣтниковъ Фердинанда увѣнчалась успѣхомъ, и союзные кабинеты, по словамъ Сассенэ, поздравили неаполитанскаго короля съ трагедіей, разыгравшейся въ Пиццо, хотя генералъ Воданкуръ въ своихъ мемуарахъ подъ заглавіемъ «Quinze années d'un proscrit», увѣряетъ, что онъ читалъ письмо русскаго посланника въ Неаполѣ, князя Суворова, къ адмиралу Чичагову, въ которомъ сообщается, что всѣ посланники были приглашены на совѣтъ министрами для разрѣшенія вопроса о судьбѣ Мюрата, при чемъ испанскій подалъ голосъ за смерть, французскій отвелъ себя, австрійскій, прусскій и русскій склонялись за сохраненіе жизни бывшаго короля, а представитель Англіи, Вильямъ О'Коргъ прекратилъ всѣ разсужденія, воскликнувъ: «Убейте его, я беру все на себя».

— **Мемуары Рошфора.** Хотя воспоминанія знаменитаго автора «Фо-

наря» и носятъ названіе «Приключенія моей жизни» [1]), но они представляютъ не только разсказъ о шестидесятилѣтней его жизни, полной столькими перипетіями, и картину тѣхъ событій, въ которыхъ онъ принималъ участіе, но и собраніе самыхъ разнообразныхъ историческихъ свѣдѣній, общественныхъ картинокъ, любопытныхъ анекдотовъ и вообще всего интереснаго, что ему удалось слышать, или узнать съ дѣтства до настоящаго времени. Появляются эти оригинальные, блестящіе, хотя чисто фельетонные, мемуары сначала въ газетѣ «Le Jour», а потомъ отдѣльными томами. Первый изъ нихъ обнимаетъ дѣтство, молодость и литературную дѣятельность Рошфора до запрещенія въ Парижѣ «Фонаря» и его бѣгства въ Брюссель. Кромѣ личныхъ воспоминаній о своей семьѣ, о воспитаніи въ коллегіи св. Людовика, окончившемся дипломомъ бакалавра въ 1849 году, о службѣ мелкимъ чиновникомъ въ парижской ратушѣ, до назначенія его помощникомъ инспектора изящныхъ искусствъ города Парижа, когда онъ счелъ нужнымъ подать въ отставку, не желая быть слугой декабрской имперіи, о трудныхъ дебютахъ въ журналистикѣ, о блестящемъ успѣхѣ его хроникъ въ «Фигаро», объ его дѣятельности въ театральномъ мірѣ въ качествѣ водевилиста и въ художественномъ въ качествѣ знатока эксперта, наконецъ о возникновеніи знаменитаго «Фонаря», — Рошфоръ приводитъ очень интересныя и часто новыя данныя о старыхъ и современныхъ ему историческихъ событіяхъ. Въ сущности эти страницы и подробная исторія «Фонаря» возбуждаютъ наибольшій интересъ въ первомъ томѣ его мемуаровъ, которые конечно станутъ любопытнѣе и пріобрѣтутъ бо́льшее значеніе, когда они коснутся дальнѣйшей эпохи въ его жизни: его открытой борьбы съ декабрьской имперіей, участія въ правительствѣ національной обороны, ссылки, бѣгства, изгнанія и т. д. Начиная свои записки съ бѣглыхъ замѣтокъ о своихъ аристократическихъ предкахъ—графахъ и маркизахъ Рошфоръ-Люсэ, авторъ «Фонаря» съ гордостью указываетъ, что въ самыя мрачныя феодальныя времена въ его семьѣ бывали проблески либерализма, такъ Гюи-де-Рошфоръ, канцлеръ Франціи, открывая созданный имъ Большой Совѣтъ, потомъ преобразовавшійся въ государственный совѣтъ, сказалъ между прочимъ: «помните, что короли созданы для народовъ, а не народы для королей». Его дѣдъ былъ пламеннымъ роялистомъ, ярымъ игрокомъ и кутилой; его обширныя помѣстья въ Берри подверглись передъ революціей непріятнымъ послѣдствіямъ народныхъ возстаній, причиненныхъ голодомъ, и которыя Людовикъ XVI приказывалъ «безжалостно усмирять, такъ какъ нѣтъ опаснѣе мятежей, какъ мятежи голода», а его попытка предупредить готовившіяся событія продажей этихъ помѣстій за десять милліоновъ окончилась совершеннымъ разореніемъ всей семьи, такъ какъ эти милліоны уплоченные бумажными деньгами превратились въ 50,000 франковъ, и послѣ реставраціи онъ не имѣлъ никакого права на вознагражденіе, какъ добровольно отчудившій свою собственность. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, Рошфоръ началъ жизнь въ очень скромной, даже бѣдной обстановкѣ. Однако, не всѣ его родственники были роялистами, и хотя дѣдъ принималъ участіе въ эмиграціи, а бабка сидѣла нѣкоторое время въ тюрьмѣ

[1]) Les aventures de ma vie, par Henri Rochefort. Paris. 1896. I vol.

съ знаменитой Дю-Барри и Маріей-Антуанетой, но зато братъ дѣда, Филиберъ Рошфоръ, усвоилъ себѣ революціонныя идеи и былъ искреннимъ республиканцемъ. По поводу заточенія бабки, которая сохранила свою жизнь только благодаря забывчивости революціоннаго трибунала, Рошфоръ разсказываетъ много интереснаго о Дю-Барри и Маріи-Антуанетѣ. Первая, по его словамъ, часто бесѣдовала съ его бабкой и сообщила ей драгоцѣнныя свѣдѣнія объ ея постоянныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Маріей-Антуанетой до послѣднихъ дней монархіи, такъ что королева не только допускала ее, бывшую куртизанку, на оффиціальные пріемы, но пользовалась ея совѣтами и часто устраивала для нея обѣды, на которыхъ присутствовалъ и король. Такимъ образомъ вражда съ Дю-Барри, ознаменовавшая первые годы пребыванія Маріи-Антуанеты во Франціи, исчезла безслѣдно и, конечно, это обстоятельство не дѣлаетъ чести дочери Маріи-Терезіи. Вообще Рошфоръ очень рѣзко отзывается о Маріи-Антуанетѣ на основаніи разсказовъ друга его дѣда, маркиза Отишана, который былъ однимъ изъ ея первыхъ фаворитовъ, но ненавидѣлъ ее и прямо приписывалъ ея легкомысленному поведенію и интригамъ паденіе королевской власти во Франціи. Этотъ Отишанъ игралъ видную роль въ знаменитой исторіи ожерелья и увѣрялъ, что Марія-Антуанета была во всемъ виновата, что она дѣйствительно получила ожерелье отъ кардинала Рогана за свои милости къ нему, и что г-жа Ламоттъ пострадала совершенно невинно. Если вѣрить Рошфору, то всѣ разсказы о героизмѣ Маріи-Антуанеты въ тюрьмѣ и на плахѣ не имѣютъ никакого основанія, и точно также онъ развѣнчиваетъ и Наполеона, лишая его ореола гордаго, достойнаго мученичества на о. св. Елены. Отецъ Рошфора, управлявшій во время реставраціи островомъ Бурбономъ, бывалъ на островѣ св. Елены и едва не присутствовалъ при смерти Наполеона; на основаніи разсказовъ этого очевидца оказывается, что воспѣтый столькими поэтами, узникъ велъ себя самымъ недостойнымъ образомъ и поздравлялъ въ самыхъ подобострастныхъ выраженіяхъ Людовика XVIII съ рожденіемъ наслѣдника престола, даже болѣе того, выражалъ сожалѣніе по поводу смерти герцога Беррійскаго, забывая, что онъ нѣкогда приказалъ казнить герцога Ангіенскаго. Относительно Жозефины, Рошфоръ приводитъ любопытную записку, найденную имъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ послѣ сентябрьскаго переворота 1870 г. среди секретныхъ бумагъ Наполеона III, и которая доказываетъ, что, выйдя замужъ за Наполеона, будущая императрица сохранила свои отношенія къ Барра; эта записка написана секретарю Барра и состоитъ изъ слѣдующихъ словъ: «Скажите Барра, что не могу ужинать съ нимъ сегодня вечеромъ; Бонапартъ возвращается ночью». Повторяемъ, подобныя историческія диковины составляютъ самыя любопытныя страницы въ первомъ томѣ мемуаровъ Рошфора, хотя, конечно, наибольшій интересъ представляетъ исторія «Фонаря». Мало-по-малу перейдя изъ бульварнаго хроникера въ рѣзкаго сатирика, безпощадно клеймившаго подъ призрачными масками декабрьскую имперію на страницахъ «Figaro», Рошфоръ дошелъ наконецъ до того, что правительство поставило издателю газеты Вильмесану дилемму: или удалить Рошфора, или закрыть «Figaro». Конечно, онъ избралъ первое, но не желая потерять коммерческую выгоду, приносимую

блестящими нападками Рошфора на шатающуюся имперію, Вильмесанъ придумалъ этимъ нападкамъ новую форму, именно форму періодическихъ брошюръ. Такъ былъ созданъ «Фонарь», который расходился въ ста тысячахъ номерахъ и, принеся славу его автору, а богатство тайному издателю Вильмесану, подготовилъ паденіе Наполеона III. На одиннадцатомъ номерѣ, однако, правительство рѣшилось положить конецъ этой открытой борьбѣ одного человѣка съ могучей имперіей, и брошюра была арестована. Рошфоръ бѣжалъ въ Брюссель и тамъ продолжалъ изданіе страшнаго «Фонаря».

— **Смерть Жюля Симона.** Въ лицѣ Жюля Симона, почтеннаго академика, честнаго политическаго дѣятеля и плодовитаго литератора, окончился циклъ такъ называемыхъ либеральныхъ доктринеровъ. Они сдѣлали многое для Франціи и своими трудами, какъ теоретическими, такъ и практическими, они подготовили многія современныя реформы и оказали неисчислимыя услуги Франціи, выведя ее на путь прогрессивнаго демократическаго развитія. Но одному изъ ихъ самыхъ блестящихъ представителей, Жюлю Симону, пришлось на закатѣ своихъ дней пережить себя, то-есть на столько отстать отъ своихъ современниковъ, что, не смотря на сохраненіе вполнѣ своихъ умственныхъ и физическихъ силъ, онъ уже въ послѣдніе годы сошелъ съ арены практической дѣятельности, хотя продолжалъ писать въ журналахъ и говорить въ общественныхъ собраніяхъ до послѣдняго дня. Восьмидесятидвухлѣтній старикъ, авторъ тридцати пяти сочиненій, сотрудникъ длиннаго ряда журналовъ и газетъ, этотъ маститый писатель, ученый и философъ, продолжалъ до конца сочувствовать тѣмъ либеральнымъ идеямъ, которыя онъ проводилъ въ своихъ знаменитыхъ книгахъ: «Свобода», «Работница», «Школа», «Трудъ», «Смертная казнь», «Свобода мысли», «Свобода торговли», «Осьмилѣтній работникъ» и т. д., но незамѣтно онъ отсталъ отъ своихъ современниковъ, которые ушли впередъ, и его защита старыхъ идей, хотя хорошихъ, но застывшихъ въ неподвижности, тогда какъ все вокругъ сдѣлало гигантскіе шаги впередъ, казалось уже анахронизмомъ. Вотъ почему и смерть этого выдающагося дѣятеля Франціи во второй половинѣ XIX вѣка не произвела большаго впечатлѣнія: съ уваженіемъ его похоронили, но никто не почувствовалъ не вознаградимой потери. Онъ уже давно не былъ живой величиной въ общественномъ и политическомъ мірахъ, хотя въ литературѣ и журналистикѣ сохранилъ до сихъ поръ свою крупную роль. Но если бросить взглядъ на его долгую, полезную жизнь, то нельзя не преклониться передъ этой культурной, свѣтлой и чистой личностью. Полубретонецъ и полуеврей по происхожденію, Жюль Сюисъ, впослѣдствіи перемѣнившій свою фамилію на Симона, получилъ воспитаніе въ Лаіанской коллегіи и въ Нормальной школѣ, потомъ былъ профессоромъ философіи въ Сорбоннѣ, депутатомъ и членомъ либеральной группы законодательнаго корпуса во время декабрьской имперіи, входилъ въ составъ правительства національной обороны, былъ министромъ народнаго просвѣщенія и первымъ министромъ третьей республики, наконецъ засѣдалъ въ палатѣ представителей, сенатѣ, академіи и безчисленныхъ обществахъ. Всюду онъ былъ стойкимъ выразителемъ умѣреннаго, доктринернаго, буржуазнаго либера-

лизма, но честно и безкорыстно служилъ родинѣ и никогда не обнаруживалъ мелкаго эгоизма, или личнаго расчета; благодаря его литературной и общественной дѣятельности, проведено много полезныхъ реформъ въ дѣлѣ воспитанія и улучшенія быта рабочихъ, а главное его книги настолько служили орудіемъ къ культурному развитію нѣсколькихъ поколѣній, что въ концѣ концовъ современная Франція поняла, что уже нельзя довольствоваться его розовымъ либерализмомъ, а по его же стопамъ надо идти дальше. Впрочемъ все это нисколько не умаляетъ историческаго значенія Жюля Симона.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Царскій смотръ.

СЕНТЯБРЯ 12-го, 1845 года, императоръ Николай Павловичъ произвелъ смотръ войскамъ резервнаго кавалерійскаго корпуса [1]) на Малиновомъ полѣ, близъ Чугуева. По окончаніи церемоніальнаго марша, находившимся въ строю юнкерамъ было объявлено, что его величество будетъ смотрѣть ихъ на дворцовой площади въ г. Чугуевѣ, въ шесть часовъ вечера того же дня; а какъ до того оставалось времени не много, то и велѣно всѣмъ имъ прямо съ поля отправиться на царскій смотръ; не дали имъ времени даже очиститься отъ пыли, которая во время церемоніальнаго марша густымъ слоемъ покрыла лица и одежду юнкеровъ, —особенно кирасиры, въ своихъ буро-бѣлыхъ колетахъ, казались некрасивыми...

Общая численность всѣхъ юнкеровъ, имѣвшихъ представиться на царскій смотръ государя императора, была около ста восьмидесяти человѣкъ.

Ровно въ 6 часовъ пополудни государь Николай Павловичъ въ сопровожденіи своей свиты вышелъ изъ дворца и прямо направился къ юнкерамъ, выстроеннымъ на Чугуевскомъ плацу въ одну длинную линію. Его величество былъ въ конногвардейскомъ сюртукѣ, безъ эполетъ, и бѣлой фуражкѣ. Подойдя къ правому флангу и провѣривъ равненіе, государь поздоровался съ юнкерами.

---

[1]) Резервный кавалерійскій корпусъ былъ тогда расположенъ въ Чугуевскомъ военномъ поселеніи и состоялъ изъ двухъ дивизій: кирасирской и уланской; къ этому же корпусу была прикомандирована 6-я легкая кавалерійская дивизія въ составѣ двухъ полковъ улановъ и двухъ— гусаръ, только предъ царскимъ смотромъ прибывшихъ въ Чугуевъ. Е. Г.

Громкое и единодушное: «Здравія желаемъ, ваше императорское величество!» было дружнымъ откликомъ юнкеровъ на царское привѣтствіе... Послѣ этого государь направился вдоль фронта, пронизывая своимъ орлинымъ взоромъ каждаго юнкера... Проходя мимо кирасиръ, стоявшихъ на правомъ флангѣ, его величество остановился предъ однимъ кирасирскимъ юнкеромъ, который бѣлизною мундира и отмѣнной чистотою одежды, сравнительно съ другими юнкерами, обратилъ на себя вниманіе государя.

— Какъ твоя фамилія?—спросилъ его государь.

— Романовъ, ваше императорское величество! — смѣло отвѣтилъ юнкеръ.

— Романовъ останься, а всѣ прочіе кирасирскіе юнкера-замарашки — вонъ!—строго произнесъ государь [1]).

Продолжая идти по фронту, его величество дошелъ до юнкера борисоглѣбскаго уланскаго полка Смирнитскаго и, остановившись предъ нимъ, спросилъ его:

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Девятнадцать лѣтъ, ваше императорское величество!—отвѣтилъ Смирнитскій.

— Неправда, молодъ, осади!—сказалъ государь и легкимъ прикосновеніемъ руки осадилъ его за фронтъ [2]).

Потомъ государь, обойдя всѣхъ юнкеровъ, вышелъ впередъ и, ставъ предъ срединою фронта, своимъ звучнымъ, звонкимъ, голосомъ отрывисто произнесъ: «господа, слушать моей команды!»—а, оборотясь къ стоявшимъ позади его генераламъ, добавилъ: «за мною никому не повторять!»...—и началъ командовать ружейные пріемы.

Всѣ ружейные пріемы, подъ личную команду государя Николая Павловича, были продѣланы юнкерами чрезвычайно отчетливо. Его величество видимо былъ доволенъ. Поблагодаривъ юнкеровъ царскимъ «спасибо», государь скомандовалъ: «шеренга впередъ, дирекція направо, тихимъ шагомъ-маршъ!»— и длинная вереница юнкеровъ [3]), затаивъ дыханіе, двинулась по командѣ государя, какъ одинъ... Переведя тихій шагъ на скорый, государь остановилъ юнкеровъ и, сказавъ имъ свое «спасибо» и за отличную маршировку, скомандовалъ: «господа къ конямъ!».

Не прошло и пяти минутъ, какъ юнкера уже сидѣли на лошадяхъ (тѣхъ самыхъ, которыя были подъ ними на церемоніальномъ маршѣ), и подъ команду: «справа поодному, на двѣ лошади дистанціи»,—въѣхали на ту же дворцовую площадь, окаймленную массой публики... Государь снова изволилъ лично командовать. Но и во время верховой ѣзды не обошлось для двухъ юнкеровъ безъ приключеній: у одного—штрипка оторвалась, а у другого кожаная

---

[1]) Юнкеръ Романовъ въ тотъ же день не былъ почему-то на церемоніальномъ маршѣ; поэтому явился на царскій смотръ въ бѣломъ, какъ снѣгъ, кирасирскомъ колетѣ и вообще одѣтымъ щеголевато. К. Г.

[2]) Смирнитскій былъ изъ числа лучшихъ юнкеровъ, но по наружному виду походилъ болѣе на шестнадцатилѣтнюю дѣвушку и выглядывалъ на столько моложавымъ, что ему дѣйствительно трудно было дать девятнадцать лѣтъ. К. Г.

[3]) За исключеніемъ кирасиръ, юнкеровъ осталось во фронтѣ 120 чел. К. Г.

лядунка, соскочивъ съ крючка, болталась при ѣздѣ рысью, за что оба они были удалены государемъ съ плаца.

Продѣлавъ верховую ѣзду всѣми аллюрами и оставшись ею также доволенъ, государь приказалъ юнкерамъ остановиться и построиться во фронтъ. Послѣ чего, обратившись къ инспектору резервной кавалеріи, графу Алексѣю Петровичу Никитину, спросилъ его:

— А, что, дѣдушка, какого поведенія твои юнкера,—не шалятъ ли они?..

Получивъ одобрительный отзывъ графа, его величество тогда громко произнесъ:

— Господа, поздравляю васъ офицерами!..

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше императорское величество!—и дружное, русское «ура!» было отвѣтомъ на милостивое поздравленіе монарха пришедшей въ неописанный восторгъ молодежи, которая, по роспускѣ, не помня себя отъ радости, во весь карьеръ понеслась съ плаца по своимъ квартирамъ [1])...

Въ тотъ же день, вечеромъ, состоялся высочайшій приказъ о производствѣ всѣхъ юнкеровъ, бывшихъ на царскомъ смотру, въ числѣ которыхъ былъ и пишущій эти воспоминанія [2]). А тѣ несчастливцы, не удостоившіеся производства въ офицеры, прослужили юнкерами нѣсколько лѣтъ лишнихъ и были уже произведены въ 1845 году, на вторичномъ смотру государя Николая Павловича, происходившемъ опять въ г. Чугуевѣ.

Е. Г. Гвоздиковъ.

[1]) Уланскій юнкеръ Потоцкій, не заѣзжая на квартиру, поскакалъ прямо въ Харьковъ къ роднымъ. Харьковъ отъ Чугуева—86 в. Е. Г.

[2]) Я произведенъ въ тотъ же серпуховскій уланскій полкъ, въ которомъ началъ военную службу юнкеромъ. Е. Г.

СМѢСЬ.

Столѣтіе со дня рожденія М. А. Дмитріева исполнилось 23 мая. По этому поводу «Московскія Вѣдомости» (№ 140, 23 мая) напоминають главнѣйшія черты біографіи этого «забытаго писателя». Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ, родной племянникъ извѣстнаго поэта-баснописца и сынъ Александра Ивановича Дмитріева, также писателя-переводчика и друга Карамзина, родился 23 мая 1796 года въ Москвѣ и еще въ раннемъ дѣтствѣ потерялъ отца. Благодаря заботамъ дяди, И. И. Дмитріева, онъ, послѣ первоначальной подготовки, поступилъ въ Московскій Благородный Университетскій пансіонъ и тамъ закончилъ свое образованіе въ 1813 году. Съ той поры ему пришлось почти тридцать пять лѣтъ прослужить въ Москвѣ, сначала въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ въ должности судьи и совѣтника московской палаты уголовнаго суда, наконецъ, въ званіи оберъ-прокурора и завѣдующаго дѣлами московскихъ департаментовъ сената. Выйдя въ отставку (съ 25 февраля 1847 года), онъ уѣхалъ въ свое сызранское имѣніе—село Богородское, но и въ отдаленіи не порывалъ связей съ московскими друзьями, особенно съ Погодинымъ, до дня своей кончины—5 сентября 1866 года. Свою литературную дѣятельность М. А. Дмитріевъ началъ очень рано стихами, которые появлялись въ альманахахъ и журналахъ, особенно въ «Москвитянинѣ», а потомъ вышли двумя изданіями, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія» (М., 1860 и 1865 гг., двѣ части) и «Московскія элегіи» (М., 1858). Въ эти собранія, однако, не попали нѣкото-

рыя сатирическія его произведенія, напримѣръ, искусная пародія на Полеваго— «Новая Свѣтлана», позже напечатанная въ «Русскомъ Архивѣ» (1885 г., кн. 5). Кромѣ оригинальныхъ стихотвореній, Дмитріевъ издалъ рядъ переводовъ, изъ которыхъ слѣдуетъ назвать: «Наука поэзіи или посланіе къ Пизонамъ» (М., 1853 г.) и «Сатиры» (М., 1858 г.) Горація. Наконецъ, сверхъ критическихъ статей, М. А. Дмитріевъ оставилъ трудъ, который особенно сдѣлалъ извѣстнымъ его имя: какъ человѣкъ, много видѣвшій на своемъ долгомъ вѣку и знавшій почти всѣхъ выдающихся писателей прежняго времени, онъ задумалъ подъ конецъ жизни подѣлиться своими литературными воспоминаніями и съ этою цѣлью издалъ книгу подъ заглавіемъ «Мелочи изъ запаса моей памяти» (М., 1854 г.), которая въ болѣе полномъ и исправномъ видѣ появилась уже послѣ смерти автора (М., 1869 г., 297 стр.), и до настоящей поры не потеряла своего значенія, какъ сборникъ любопытныхъ преданій о прежней русской литературѣ.

50-лѣтіе со дня смерти М. Е. Лобанова исполнилось 5 іюня. Михаилъ Евстафьевичъ Лобановъ, полузабытый теперь ученый и писатель, родился 8 ноября 1787 года и воспитывался въ частныхъ петербургскихъ пансіонахъ. Со дня открытія въ Петербургѣ Императорской Публичной библіотеки онъ служилъ въ ней помощникомъ библіотекаря до своей кончины—5 іюня 1846 года. Кромѣ служебной дѣятельности, М. Е. Лобановъ извѣстенъ своими литературными трудами. Имъ въ молодости былъ напечатанъ рядъ «одъ» и «торжественныхъ пѣсенъ» на разныя событія, особенно во время Отечественной войны, доставившій извѣстность автору и значительную сумму денегъ «въ пользу инвалидовъ». Затѣмъ покойному принадлежалъ переводъ двухъ трагедій Расина: «Ифигенія въ Авлидѣ» (Спб., 1815 г.) и «Федра» (Спб., 1823 г.), а также оригинальная трагедія подъ заглавіемъ «Борисъ Годуновъ» (Спб., 1835 г.). Первыя двѣ пьесы, нѣсколько разъ ставились на русской сценѣ и имѣли большой успѣхъ. Но особенно цѣнною даже теперь считается брошюра М. Е. Лобанова подъ названіемъ «Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова» (Спб., 1847 г., 84 стр.),—интересная біографія, живо написанная имъ, какъ близкимъ другомъ баснописца. Гораздо позже была напечатана другая любопытная статья покойнаго: «Черты изъ жизни Екатерины II» («Древняя и Новая Россія», 1879 г., кн. 1 и 2). За свои труды М. Е. Лобановъ былъ избранъ въ члены Россійской академіи и позже въ ординарные академики Императорской академіи наукъ («Моск. Вѣд.», № 152, 5 іюня).

50-лѣтіе служебной дѣятельности К. П. Побѣдоносцева исполнилось 12 іюня. Имѣя въ виду ознакомить читателей «Историческаго Вѣстника» нѣсколько подробнѣе съ общимъ характеромъ этой дѣятельности, мы приводимъ покамѣстъ краткія біографическія свѣдѣнія о маститомъ юбилярѣ. К. П. Побѣдоносцевъ родился въ Москвѣ въ 1827 г. Окончивъ въ 1846 г. курсъ въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, онъ поступилъ 30 мая 1846 г. на службу въ канцелярію 8 департамента правительствующаго сената; въ мартѣ слѣдующаго года онъ былъ перемѣщенъ въ 7 департаментъ, въ сентябрѣ того же года назначенъ и. д. оберъ-секретаря, въ 1853 г. оберъ-секретаремъ общаго собранія московскихъ департаментовъ сената. Въ то же время К. П. усиленно за-

нимался наукою права, печатая свои труды въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Въ 1861 г. К. П. Побѣдоносцевъ былъ командированъ въ распоряженіе государственнаго секретаря «для временныхъ работъ по устройству и преобразованію судебной части»; здѣсь онъ занимался до 1863 г., когда послѣдовало его назначеніе оберъ-прокуроромъ 8 департамента сената. Въ этомъ же году онъ сопровождалъ наслѣдника цесаревича Николая Александровича въ его путешествіи по Россіи, которое подробно описано имъ впослѣдствіи въ изданной имъ книгѣ «Письма о путешествіи Наслѣдника Цесаревича по Россіи отъ Петербурга до Крыма». К. П. оставался до 1865 г. въ Москвѣ, причемъ онъ, кромѣ своихъ занятій въ сенатѣ, занималъ также каѳедру гражданскаго права, а съ 1860 года преподавалъ законовѣдѣніе великому князю Владиміру Александровичу и въ Бозѣ почившимъ императору Александру III и цесаревичу Николаю Александровичу. Въ 1865 году К. П. переѣхалъ въ Петербургъ, такъ какъ былъ назначенъ членомъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной. 19-го февраля 1868 г. онъ былъ назначенъ къ присутствованію въ 2-мъ департаментѣ правительствующаго сената; въ ноябрѣ того же года перемѣщенъ въ гражданскій кассаціонный департаментъ; 1-го января 1872 году ему было всемилостивѣйше повелѣно быть членомъ государственнаго совѣта съ присутствованіемъ въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. Въ 1875—1878 гг. онъ состоялъ членомъ коммиссіи для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ отчетовъ по министерству народнаго просвѣщенія; въ 1877 г.—членомъ комиссіи для разсмотрѣнія дѣла о преобразованіи тюремной части и о пересмотрѣ второй главы перваго отдѣла уложенія о наказаніяхъ, въ 1879 г.—членомъ совѣта по тюремнымъ дѣламъ. 24-го апрѣля 1880 г. К. П. Побѣдоносцевъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ св. синода, а въ октябрѣ того же года онъ, кромѣ того, былъ также назначенъ членомъ комитета министровъ. Это назначеніе обратило на себя въ свое время всеобщее вниманіе. Дѣло въ томъ, что до того времени оберъ-прокуроръ св. синода, хотя, по своему значенію въ управленіи дѣлами православнаго вѣдомства, занималъ постъ, почти равный министерскому, не считался членомъ комитета министровъ. Предшественникъ К. П. Побѣдоносцева, графъ Д. А. Толстой, былъ членомъ комитета министровъ лишь по званію министра народнаго просвѣщенія, между тѣмъ какъ К. П. Побѣдоносцевъ былъ сдѣланъ членомъ комитета министровъ лично. Въ 1886 году К. П. принималъ участіе въ трудахъ особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ его императорскаго высочества великаго князя Владиміра Александровича, для составленія проекта новаго положенія объ императорской фамиліи. Въ качествѣ оберъ-прокурора св. синода, К. П. Побѣдоносцевъ много заботился и заботится о религіозно-нравственномъ развитіи православнаго населенія имперіи, о распространеніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, вагоновъ-церквей въ раіонѣ строящейся сибирской желѣзной дороги, объ открытіи самостоятельныхъ приходовъ и т. п. Изъ произведеній К. П. Побѣдоносцева особенно извѣстенъ «Курсъ гражданскаго права», который выдержалъ нѣсколько изданій и въ нынѣшнемъ году вышелъ въ четырехъ томахъ. Въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ были напечатаны слѣдующія юридическія статьи: «Нѣкоторые вопросы, возникающіе по духовнымъ завѣщаніямъ», «Пріобрѣтеніе собственности и потомственныя книги»,

«Вещный кредитъ и закладное право», «Имѣніе родовое и благопріобрѣтенное», «Однодворческія земли и начало спеціальнаго межеванія въ Россіи», «Юридическія замѣтки и вопросы по наслѣдственному и завѣщательному правамъ», «О чрезполосномъ владѣніи», «Судебное руководство», «Матеріалы для исторіи приказнаго судопроизводства въ Россіи». Изданы отдѣльными книгами слѣдующія сочиненія и переводы: «Христіанскія начала семейной жизни, сочиненіе Тирша» (переводъ), «Историческія изслѣдованія и статьи», «Исторія православной церкви до начала раздѣленія церквей» (въ 1895 г. вышло третье изданіе), «Доброе слово по поводу нынѣшнихъ страшныхъ событій» (1881 г.), «Ле-Пле» (отдѣльный оттискъ изъ «Русскаго Обозрѣнія 1893 г.»), «О подражаніи Христу, Ѳомы Кемпійскаго, переводъ съ латинскаго» (вышло въ 1896 г. шестое изданіе), «Сѣверные цвѣты»—выборныя стихотворенія А. С. Пушкина, «Побѣда, побѣдившая міръ» (вышло четвертымъ изданіемъ), «Праздники Господни» (два изданія), «Вѣчная память» (воспоминанія о почившихъ) и поступившій недавно въ продажу «Московскій Сборникъ», заключающій въ себѣ рядъ статей о церкви, государствѣ, законѣ, народномъ просвѣщеніи и др. За свои научные труды и общественную дѣятельность К. П. Побѣдоносцевъ избранъ въ почетные члены Императорской академіи наукъ, Московскаго, С.-Петербургскаго, Казанскаго университетовъ и университета св. Владиміра въ Кіевѣ, многихъ духовныхъ академій и другихъ ученыхъ учрежденій. Онъ состоитъ, кромѣ того, предсѣдателемъ Николаевскаго православнаго братства. Въ день священнаго коронованія юбиляру пожалованъ орденъ св. Владиміра 1-й степени при высочайшемъ рескриптѣ, заканчивающемся слѣдующими словами: «Въ виду предстоящаго наступленія пятидесятилѣтія достохвальнаго служенія вашего, отъ имени возлюбленнаго Родителя и отъ Себя, въ знакъ глубокой признательности, жалую васъ кавалеромъ ордена святаго равноапостольнаго князя Владиміра первой степени. Сердечно желаю, чтобъ Мнѣ дано было еще на много лѣтъ сохранить васъ въ числѣ ближайшихъ Моихъ совѣтниковъ». Между прочимъ Кн. Мещерскій («Гражданинъ», № 49, 20 іюня), говоря о юбилеѣ К. П. Побѣдоносцева, напоминаетъ, что самое крупное событіе въ жизни юбиляра относится къ первымъ днямъ царствованія Александра III. «Лорисъ-Меликовъ, — разсказываетъ издатель «Гражданина»,—остается у власти первые дни новаго царствованія послѣ 1-го марта и, не взирая на потрясающій своимъ урокомъ смыслъ 1-го марта, продолжаетъ думать, что главнымъ спасеніемъ Россіи отъ крамолы и безпорядка должно быть такое дѣйствіе правительства, изъ котораго можно было бы увидѣть, что оно не прочь идти на компромисы съ к ѣ м ъ - т о на счетъ свойствъ и силы своей власти и прибѣгнуть для управленія страною къ совѣщательному ея голосу въ лицѣ экспертовъ по выбору. Мысль эту наканунѣ смерти своей покорился принять Александръ II; эту же мысль, ссылаясь на покорное согласіе его родителя, Лорисъ-Меликовъ признавалъ естественнымъ навязать, какъ святое наслѣдіе, и молодому государю. Минута, казалось, выходила благопріятная, ибо замыселъ Лорисъ-Меликова имѣлъ за себя неопытность новаго монарха и его душевное настроеніе послѣ 1-го марта. Вотъ этотъ-то замыселъ въ минуту, когда онъ казался столь легко осуществимымъ, разрушили ко благу Россіи два человѣка. Катковъ прибылъ изъ Москвы и, прямо

пріѣхавъ къ К. П. Побѣдоносцеву, отъ имени Россіи напомнилъ ему его долгъ все забыть и все посмѣть, чтобы разрушить замыселъ, коего успѣхъ неизбѣжно долженъ былъ предвѣщать ослабленіе принципа власти. Катковъ нашелъ въ Побѣдоносцевѣ отзывчивость души его молодыхъ дней,—почва его тогдашней души не нуждалась въ подготовленіи,—и въ тотъ же день Побѣдоносцевъ отправляется въ Аничковъ дворецъ и даетъ свой первый патріотическій совѣтъ молодому государю. Этотъ совѣтъ имѣлъ два важнѣйшихъ послѣдствія: 1) манифестъ 27-го апрѣля 1881 года и 2) освобожденіе личности молодого самодержца отъ тѣхъ нравственно-либеральныхъ путъ, которыми думали на первыхъ же порахъ царствованія до неизвѣстной степени умѣрить державную иниціативу. Передъ этою громадною услугою Россіи, оказанною Побѣдоносцевымъ, все остальное въ его жизни отступаетъ на второй планъ».

50-ти-лѣтній юбилей С. В. Пахмана исполнился 27-го мая текущаго года. Почтенный юбиляръ является однимъ изъ наиболѣе выдающихся русскихъ юристовъ, примыкая по характеру своихъ научныхъ воззрѣній къ основанной у насъ знаменитымъ Д. И. Мейеромъ школѣ догматиковъ цивилистовъ. Однако же Семенъ Викентьевичъ Пахманъ, будучи яркимъ представителемъ типа строгаго ученаго, совершенно чуждаго узкихъ тенденцій политической жизни, ознаменовалъ свою дѣятельность въ значительно большей мѣрѣ участіемъ въ многочисленныхъ законодательныхъ работахъ и судебной практикѣ, нежели трудами отвлеченно научнаго свойства. Литературная дѣятельность его сравнительно весьма невелика, и лучшее его произведеніе—превосходный курсъ гражданскаго права—донынѣ распространено только въ видѣ литографированныхъ лекцій. Равнымъ образомъ въ числѣ его учениковъ считается очень много выдающихся государственныхъ дѣятелей и весьма немного ученыхъ, профессоровъ и писателей. Оттого заслуги юбиляра далеко не такъ общепризнаны и извѣстны, какъ заслуги юристовъ гораздо низшаго порядка, не скрывающихъ своихъ именъ анонимностью законодательныхъ работъ и судебныхъ рѣшеній, и постоянно напоминаемыхъ устами своихъ учениковъ университетской каѳедры подростающимъ поколѣніямъ. Но тѣмъ большею благодарностью должно встрѣтить полувѣковой юбилей этой скромной, но зато непосредственно вліявшей на ходъ нашей правовой жизни, дѣятельности. Полезно поэтому напомнить въ общихъ чертахъ curriculum vitae маститаго ученаго. С. В., сынъ профессора римскаго права въ бывшемъ Ришельевскомъ лицеѣ, родился въ Одессѣ 27-го апрѣля 1825 года. Окончивъ 15-ти лѣтъ отъ роду курсъ состоявшей при лицеѣ гимназіи, онъ поступилъ на юридическое отдѣленіе лицея, гдѣ и кончилъ въ 1843 году полный курсъ наукъ, послѣ чего поступилъ въ томъ же году на юридическій факультетъ Московскаго университета, который въ 1845 году и удостоилъ его степени кандидата правъ. Годъ спустя, 28-го мая 1846 года, С. В. выступилъ на поприще педагогической дѣятельности, будучи назначенъ старшимъ учителемъ Тульской гимназіи «для чтенія лекцій правовѣдѣнія и практическаго судопроизводства въ гимназіи и публичныхъ лекцій правовѣдѣнія для чиновниковъ Тулы». Одновременно съ этимъ, онъ преподавалъ латинскій языкъ въ мѣстной гимназіи въ продолженіе почти 2 лѣтъ. Въ 1848 году С. В. былъ переведенъ въ Одессу адъюнктомъ Ришельевскаго лицея по каѳедрѣ энциклопедіи и исторіи

права. Выдержавъ въ 1851 г. при Московскомъ университетѣ магистерскій экзаменъ, С. В. въ томъ же году былъ удостоенъ ученой степени магистра гражданскаго права за сочиненіе: «О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи». Научныя достоинства названнаго сочиненія (удостоеннаго почетнаго отзыва Императорской Академіи Наукъ) обратили на молодого ученаго вниманіе Д. И. Мейера, по настоянію котораго С. В. въ 1852 году перешелъ въ Казанскій университетъ на вакантную каѳедру законовъ государственнаго благоустройства (полицейскаго права). Получивъ въ томъ же году степень доктора правъ за сочиненіе: «De dominio privato nec non publico apud Romanos historica commentatio», С. В. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ полицейскаго права; съ 1854 года онъ перешелъ на каѳедру энциклопедіи законовѣдѣнія, продолжая одновременно чтеніе лекцій по исторіи русскаго права и международному праву. Въ 1856 году С. В. былъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора и перемѣщенъ на оставшуюся, за переходомъ Д. И. Мейера въ С.-Петербургъ, вакантной каѳедру гражданскаго права и судопроизводства. Два года спустя, покинувъ Казанскій университетъ, С. В. перенесъ свою педагогическую дѣятельность въ Харьковъ, гдѣ въ качествѣ ординарнаго профессора читалъ лекціи полицейскаго, а съ 1862 года и гражданскаго права. 17-го мая 1866 года, будучи избранъ совѣтомъ С.-Петербургскаго университета на каѳедру гражданскаго права и судопроизводства, С. В. покинулъ Харьковскій университетъ и поселился окончательно въ С.-Петербургѣ. Кромѣ университета, С. В. въ качествѣ профессора гражданскаго права читалъ лекціи въ Александровскомъ лицеѣ и училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ занимаетъ каѳедру и по настоящее время. Профессорская дѣятельность С. В. въ С.-Петербургскомъ университетѣ продолжалась около 10 лѣтъ, причемъ онъ въ 1873 году былъ избранъ деканомъ юридическаго факультета. Въ 1876 года С. В., за выслугою 30 лѣтъ, былъ уволенъ отъ службы при университетѣ, со званіемъ заслуженнаго профессора. Впрочемъ связь почтеннаго юбиляра съ университетомъ не прерывалась и послѣ того, какъ онъ прекратилъ въ немъ чтеніе лекцій. Когда въ 1877 году при С.-Петербургскомъ университетѣ было учреждено юридическое общество, оно избрало С. В. товарищемъ предсѣдателя. 2 года спустя, будучи юридическимъ факультетомъ удостоенъ за сочиненіе «Обычное гражданское право въ Россіи» полной преміи графа Сперанскаго, С. В. пожертвовалъ 6,000 рублей на учрежденіе стипендіи его имени для выдачи студентамъ, «заявившимъ особенные успѣхи по гражданскому праву». Въ 1881 году онъ былъ избранъ въ почетные члены С.-Петербургскаго университета, а въ настоящее время состоитъ, кромѣ того, почетнымъ членомъ Казанскаго и Харьковскаго университетовъ и университета св. Владиміра. Кромѣ того, по поводу исполнившагося 50-ти-лѣтія его дѣятельности онъ надняхъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Новороссійскаго университета. Не ограничиваясь чтеніемъ обязательныхъ лекцій (такъ въ 1881 и 1882 годахъ имъ былъ читанъ курсъ гражданскихъ правъ на высшихъ женскихъ курсахъ), С. В. въ теченіе своей полувѣковой ученой дѣятельности выступалъ нерѣдко съ публичными лекціями, носившими всегда научный характеръ и имѣвшими не малое

общественное значеніе. Кромѣ вышеупомянутыхъ лекцій «правовѣдѣнія для чиновниковъ Тулы», С. В. въ 1856 году прочелъ въ Казани рядъ публичныхъ лекцій въ пользу сиротъ павшихъ въ Крымской кампаніи воиновъ, на тему «О юридическомъ бытѣ инородцевъ Казанской губерніи». Въ Харьковѣ прочтенный С. В. рядъ лекцій имѣлъ также благотворительныя цѣли. Особенный интересъ представляютъ произнесенныя С. В. три университетскія актовыя рѣчи: въ Казани «О заслугахъ графа Сперанскаго въ области законодательства» (1854 года), въ Харьковѣ «О задачахъ предстоящей реформы акціонернаго законодательства» (1861 года) и въ С.-Петербургѣ «О задачахъ гражданскаго уложенія», произнесенная имъ въ залѣ дворянскаго собранія въ 1869 г. Въ юридическомъ обществѣ С. В. также выступалъ съ нѣсколькими цѣнными докладами, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ рефератъ «О современномъ движеніи въ наукѣ права» (1882 года). Кромѣ упомянутыхъ выше научныхъ трудовъ С. В., нельзя не отмѣтить его «Исторію кодификаціи гражданскаго права», статьи: «О значеніи личности въ гражданскомъ правѣ» («Журналъ гражданскаго и уголовнаго права», 1883 года, № 1), «О значеніи и постепенномъ развитіи сельско-хозяйственныхъ обществъ въ Россіи» («Записки императорскаго Казанскаго экономическаго общества», 1885 года), изданный имъ «Учебникъ пандектнаго права», Виндштейда (1874 года, т. 1-й). Въ 1886 году С. В. былъ избранъ въ предсѣдатели состоящаго при императорскомъ географическомъ обществѣ отдѣленія этнографіи, гдѣ при его непосредственномъ участіи была въ 1889 году выработана и издана особая программа для собиранія юридическихъ обычаевъ. Обширныя и разностороннія познанія С. В., какъ сказано, не остались безъ вліянія и въ области законодательства, въ разработкѣ котораго онъ принималъ непрерывное участіе въ качествѣ члена многихъ законодательныхъ комиссій. Въ 1861 года онъ участвовалъ въ трудахъ комиссіи по пересмотру университетскаго устава, въ 1869 году принималъ участіе въ двухъ комиссіяхъ: «для перевода польскаго гражданскаго кодекса» и «о пересмотрѣ законовъ о духовныхъ завѣщаніяхъ»; въ 1870 и 1871 годахъ участвовалъ въ учрежденной при святѣйшемъ синодѣ комиссіи о преобразованіи духовно-судебной части. Поступивъ въ 1873 году на службу во II отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи, С. В. участвовалъ въ разработкѣ цѣлаго ряда законодательныхъ вопросовъ: объ усыновленіи личными дворянами, о пересмотрѣ вексельнаго устава и др. Съ 1881 года С. В. состоялъ членомъ комиссіи для составленія общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, а въ слѣдующемъ, 1882 г. былъ назначенъ членомъ комиссіи для составленія проекта гражданскаго уложенія. Будучи тогда же возведенъ въ званіе сенатора, С. В. въ 1884 году принималъ участіе въ трудахъ, образованной подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи, комиссіи по вопросу объ измѣненіи и дополненіи законовъ о пожизненномъ владѣніи, въ 1889—1890 годахъ—комиссіи для разсмотрѣнія проекта межеваго устава и въ мартѣ текущаго года года назначенъ членомъ комиссіи для новаго пересмотра вексельнаго устава. Съ 1884 года С. В. присутствуетъ въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ правительствующаго сената, а съ нынѣшняго года въ общемъ собраніи сената, при чемъ въ настоящее время состоитъ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

С.-Петербургское археологическое общество.—I. Въ четвергъ, 9-го мая, состоялось засѣданіе восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена. Сообщенія сдѣлали А. К. Марковъ («О нѣкоторыхъ монетахъ Газанъ-Махмуда»), Н. Я. Марръ («О грузинскомъ изводѣ повѣсти о Варлаамѣ») и А. О. Ивановскій («О молитвенныхъ знаменахъ»). А. К. Марковъ представилъ на разсмотрѣніе собранія шесть серебряныхъ монетъ, поступившихъ въ Императорскій Эрмитажъ, и одну мѣдную изъ колекціи К. Н. Лишина. Всѣ эти монеты относятся ко времени владычества въ Персіи монгольской династіи Гулагаидовъ, первый представитель которой вступилъ на престолъ въ 1256 году по Р. Хр. Одинъ изъ представителей той же династіи, Аргунъ, въ 1288 году объявилъ своимъ наслѣдникомъ, вопреки обычаю, не старшаго въ родѣ, а сына своего Газанъ-Махмуда и, чтобы закрѣпить этотъ свой актъ въ сознаніи народа, велѣлъ выбить монеты, на которыхъ было и его имя, и имя Газана. Таковы шесть монетъ, поступившія въ Эрмитажъ и представляющія чрезвычайную нумизматическую рѣдкость. Таковая же единственная въ своемъ родѣ монета К. Н. Лишина, выбитая въ 703 годъ геждры, послѣдній годъ царствованія того же Газанъ-Махмуда. Н. Я. Марръ познакомилъ собраніе съ вышедшимъ въ свѣтъ изданіемъ грузинскаго извода повѣсти о Варлаамѣ. Изданіе сдѣлано, по шести рукописямъ, Е. С. Такай-Швили. Вмѣстѣ съ тѣмъ Н. Я. Марръ сообщилъ, что въ эчміадзинской библіотекѣ, въ рукописи XIII вѣка, найденъ армянскій изводъ той же повѣсти. Сообщеніе А. О. Ивановскаго вызвано просьбой туркестанскаго кружка любителей археологіи разсмотрѣть и опредѣлить присланное кружкомъ знамя съ изображеніемъ воздушной лошади и различными надписями. Это одно изъ тѣхъ молитвенныхъ знаменъ ламаистовъ Тибета въ Монголіи, которыя вывѣшиваются надъ домами для предотвращенія опасности.—II. Въ пятницу, 10-го мая, состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. За отъѣздомъ изъ Петербурга управляющаго отдѣленіемъ, предсѣдательствовалъ членъ совѣта А. Н. Щукаревъ. Произведены выборы управляющаго отдѣленіемъ на новое трехлѣтіе. Избранъ вновь И. В. Помяловскій. Сообщенія А. Н. Щукарева и С. А. Жебелева были посвящены крупнымъ новостямъ эпиграфической литературы за 1895 годъ. А. Н. Щукаревъ представилъ обзоръ изданнаго Берлинской академіей наукъ свода греческихъ надписей острова Родоса, Халки, Карпата съ Саросомъ и Каза (Inscriptiones Graecae Insularum Maris Aegaei). Сводъ этотъ вышелъ подъ редакціею Фр. фонъ-Гертрингена. Въ это изданіе вошло свыше 1,000 надписей, въ томъ числѣ надписи на вазахъ, а также надписи на ручкахъ амфоръ. Среди надписей есть рѣшающія нѣкоторые вопросы исторіи искусства. Такъ, напримѣръ, возникновеніе знаменитой группы Лаокоона должно быть отнесено къ началу I вѣка до Р. Хр. Кромѣ того, А. Н. Щукаревъ познакомилъ собраніе съ наиболѣе интересными надписями изъ II тома Прибавленій къ своду аттическихъ надписей (Corpus Inscriptionum Atticarum) и обратилъ вниманіе на обширныя надписи 323 и 318 гг. до Р. Хр., проливающія новый свѣтъ на событія Ламійской войны и вообще борьбы Аѳинъ съ македонцами. С. А. Жебелевъ далъ обзоръ другого изданія того же рода: это пер-

гамскія надписи («Die Inscriptionen von Pergamon»), въ количествѣ 1,093. Книга эта составляетъ 2-ю часть VIII тома издаваемыхъ прусскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія пергамскихъ древностей (Alterthümer Pergamon). Въ томъ же засѣданіи К. Н. Лишинъ сообщилъ нѣкоторыя подробности о вновь открытомъ греческомъ евангеліи VI—VII вѣка. Нашъ археологъ Я. И. Смирновъ, во время своей поѣздки по Малой Азіи, нашелъ это евангеліе въ г. Сармусаклы, въ Ангорскомъ вилайетѣ. Древне-греческое названіе этого города Скордіоонъ; по значенію это слово (чеснокъ) совпадаетъ съ его нынѣшнимъ турецкимъ переводомъ, и городокъ этотъ находится близъ развалинъ Кесаріи Кападокійской. Евангеліе писано серебряными буквами на пергаментѣ, окрашенномъ въ пурпуръ. Оно сохранилось въ количествѣ 184 листовъ, остальные же утрачены, при чемъ оказывается, что листы такого рода имѣются въ Вѣнской государственной библіотекѣ, въ Британскомъ музеѣ, въ Ватиканѣ. Нашъ посолъ въ Константинополѣ озаботился доставленіемъ этого замѣчательнаго памятника въ Константинополь и, по ознакомленіи съ нимъ русскаго археологическаго института въ Константинополѣ, Императорской Публичной библіотеки и Императорской Академіи Наукъ, евангеліе пріобрѣтено русскимъ правительствомъ за 10,000 рублей.

Рукописи Островскаго. Въ концѣ мая мѣсяца рукописное собраніе Московскаго публичнаго музея обогатилось весьма цѣннымъ приношеніемъ П. И. Шаповалова, пожертвовавшаго въ музей пятнадцать собственноручныхъ тетрадей А. Н. Островскаго. Произведенія, заключающіяся въ этихъ тетрадяхъ, относятся къ первой порѣ литературной дѣятельности драматурга. Здѣсь находятся оригиналы слѣдующихъ пьесъ: «Бѣдность не порокъ» (1853), «Въ чужомъ пиру похмелье» (1856), «Не сошлись характерами» (1857), «Праздничный сонъ до обѣда» (1857), «Кошкѣ игрушки, мышкѣ слезки», въ печати: «Воспитанница» (1859), «Гроза» (1859), «Мининъ» (1861), «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» (1861), «Тяжелые дни» (1863), «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», (1863) «Воевода» (1865), «На бойкомъ мѣстѣ» (1865), «Пучина» (1866), «Тушино» (1866) и переводъ комедіи Шекспира «Усмиреніе своенравной» (1865). При многихъ пьесахъ обозначено время, когда онѣ были задуманы, начаты и окончены.

Экспедиціи географическаго общества. Императорское русское географическое общество на лѣто 1896 года снарядило цѣлый рядъ экспедицій съ весьма разнообразными географическими задачами. Прежде всего, слѣдуетъ выдѣлить вновь снаряженную экспедицію, въ составѣ дѣйствительнаго члена Ѳ. М. Истомина и г. Некрасова, для собиранія памятниковъ народнаго пѣсеннаго творчества, средства на которую высочайше дарованы августѣйшимъ покровителемъ общества государемъ императоромъ по ходатайству предсѣдателя пѣсенной комиссіи общества Т. И. Филиппова. Предстоящее полное солнечное затменіе, видимое въ предѣлахъ Россійской имперіи, побудило общество принять участіе въ наблюденіяхъ столь важнаго явленія математической географіи. Для этой цѣли командируются: дѣйствительный членъ А. В. Вознесенскій—на рѣку Олекму, Якутской области; профессоръ Капустинъ изъ Томска—на устья Енисея, въ поселеніе Гольчиху; г. Сикора изъ Харькова—въ Лапландію; дѣйстви-

тельный членъ А. В. Григорьевъ—въ Норвегію. Для производства наблюденій надъ качаніями маятника, съ цѣлью опредѣленія величины ускоренія силы тяжести, дѣйствительный членъ Θ. Θ. Витрамъ отправляется на низовья рѣки Амура. Въ центральную Россію для изслѣдованія значительной магнитной аномаліи, имѣющейся въ этихъ мѣстахъ, командированъ г. Муро, директоръ магнитной обсерваторіи около Парижа. Для наблюденій надъ ледниками и производства фото-географическихъ изслѣдованій посылаются дѣйствительные члены: Л. С. Барщевскій и В. И. Липскій на Гиссарскій хребетъ въ бухарскихъ владѣніяхъ; Н. В. Поггенполь и членъ-сотрудникъ Россиковъ на Кавказъ, первый—на верховья Кубани, второй—въ центральную часть хребта Кавказскихъ горъ; членъ-сотрудникъ Бушъ — на верховья рѣки Тиберды, притока Кубани. Съ цѣлью геологическою дѣйствительный членъ Л. Н. Звѣринцевъ командируется въ Олонецкую губернію для изученія явленій ледниковаго періода. Вообще съ естественно-историческою цѣлью командированы: г. Пацукевичъ—въ Абиссинію, г. Калачевъ—на Алтай, дѣйствительный членъ Комаровъ и горный инженеръ Анертъ—въ бассейнъ рѣки Амура. Этнографическія изслѣдованія будутъ произведены по порученію общества: г. Кузнецовымъ—въ Болгаріи, дѣйствительнымъ членомъ Кривошапкинымъ—на Волыни, членомъ сотрудникомъ Рыбаковымъ—въ Пріуральѣ, г. Покровскимъ—въ средней Россіи. Кромѣ того, снабжены отъ общества инструментами экспедиціи горныхъ инженеровъ Брусницына на рѣку Алданъ, Якутской области, и Фейгина на рѣку Амгунь, Приморской области, а также примѣрная партія для изслѣдованія Байкала.

Конкурсъ на премія митрополита Макарія. Учебный комитетъ при святѣйшемъ синодѣ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что, согласно положенію о конкурсахъ на премія покойнаго московскаго митрополита Макарія за сочиненія по предметамъ богословскихъ наукъ и вообще духовнаго образованія, съ 1 мая 1896 г. открытъ восьмой конкурсъ для соисканія таковыхъ премій. Преміи митрополита Макарія состоятъ: полныя изъ 1,500 рублей каждая и неполныя изъ 1,000 рублей каждая; при этомъ въ одинъ конкурсъ можетъ быть присуждаемо не болѣе двухъ полныхъ и трехъ неполныхъ премій. Присужденіе премій за сочиненія по богословскимъ наукамъ и вообще духовнаго содержанія происходитъ чрезъ каждые два года, начиная съ 1884 г., а именно: въ 1886, въ 1888, въ 1890, въ 1892, въ 1894, въ 1896, въ 1898 и т. д. годахъ. Всякій конкурсъ на преміи преосвященнаго Макарія начинается 1 мая въ четные годы. Срокъ для представленія сочиненій на преміи назначается съ 1 мая (со времени открытія конкурса) по 1 марта слѣдующаго года. Послѣ этого послѣдняго срока пріемъ сочиненій отъ авторовъ прекращается.

Библіотека Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ. Недавно вышелъ въ свѣтъ «Путеводитель по библіотекѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ» (М., 1896), изданіе, совершенно новое для публики, пользуясь которымъ мы отмѣтимъ все изъ библіотечныхъ богатствъ, заслуживающее особеннаго вниманія посѣтителей. Въ Петербургѣ существовала библіотека канцлера графа Н. П. Румянцева, заключавшая въ себѣ обильные матеріалы по русской исторіи и драгоцѣнное собраніе рукописей. Съ кончиной графа Румянцева (1826 г.) въ библіотеку эту прекратился притокъ книгъ и рукописей, и съ

теченіемъ времени библіотека точно заглохла. Тогда, по мысли попечителя Московскаго учебнаго округа, впослѣдствіи министра народнаго просвѣщенія, Е. П. Ковалевскаго, приведенной въ исполненіе попечителемъ Московскаго университета Н. В. Исаковымъ, возбуждено было ходатайство о перемѣщеніи Румянцевской библіотеки въ Москву. Послѣ высочайшаго соизволенія началось въ 1861 году это перемѣщеніе, и черезъ 11 мѣсяцевъ библіотека была открыта въ Москвѣ для обозрѣнія и занятій. Съ того времени московское книгохранилище достигло огромныхъ размѣровъ и теперь заключаетъ въ себѣ до полумилліона томовъ. Входъ въ библіотеку, со Знаменки, украшенъ большими картинами, изображающими: въѣздъ Екатерины II въ завоеванныя у Турціи земли (аллегорическая) и изображеніе маневровъ, сдѣланныхъ королемъ прусскимъ Фридрихомъ II для фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, съ намѣреніемъ представить Кагульскую битву. Вверху площадки лѣстницы—бронзовая статуя Актеона, работы Мартоса. Такъ называемая «Румянцевская зала» посвящена воспоминаніямъ о семьѣ Румянцевыхъ, въ видѣ портретовъ и четырехъ эскизовъ: Екатерина II даритъ Румянцеву шляпу, увѣнчанную лаврами, больной Румянцевъ принимаетъ доклады въ постели, онъ же читаетъ бумаги, и картина на миръ съ Турціей. Статуя мира, работы Кановы, возвышается на пьедесталѣ, а противъ нея бюстъ фельдмаршала Румянцева-Задунайскаго; по сторонамъ его—бюсты адмираловъ Крузенштерна и Лисянскаго, совершившихъ на средства графа Н. П. Румянцева первое русское кругосвѣтное путешествіе. Этнографическая коллекція, составляющая собственно Румянцевскій музей, служитъ памятникомъ этого путешествія. Въ большой Румянцевской залѣ, вмѣщающей библіотеку Румянцева (по исторіи Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, Византіи и христіанской церкви и по изящнымъ искусствамъ) и собраніе книгъ сенатора К. М. Бороздина, также находятся мраморная статуя фельдмаршала и портретъ основателя библіотеки, во весь ростъ. Въ этой залѣ — рѣдкое собраніе инкунабуловъ, книгъ, отпечатанныхъ въ первое время по изобрѣтеніи книгопечатанія, до 1500 года. Изъ другихъ жертвованныхъ библіотекъ слѣдуетъ отмѣтить библіотеки М. П. Погодина, библіографа С. Д. Полторацкаго, А. С. Норова, Липранди, Чаадаева, Неустроева и масонское собраніе профессора С. В. Ешевскаго. Масонское собраніе представляетъ обрядовыя принадлежности, дипломы, портреты, предсѣдательское кресло послѣдняго великаго мастера, убранства ложъ и пр. Въ замѣчательной библіотекѣ Норова много чрезвычайныхъ рѣдкостей, какъ, напримѣръ, первое изданіе греческой библіи Альда (1518), первое изданіе Новаго Завѣта Эразма Роттердамскаго, рѣдчайшія описанія путешествій по Святой Землѣ, собраніе оригинальныхъ сочиненій Джордано Бруно Ноланскаго, а также замѣчательное собраніе «Эльзевировъ»,—книгъ, изданныхъ въ Лейденѣ и Амстердамѣ фирмой знаменитыхъ книгопродавцевъ Эльзевировъ. Слѣдуетъ обратить также вниманіе на драгоцѣнное собраніе книгъ и эстамповъ, составлявшихъ библіотеку въ Бозѣ почившей императрицы Александры Ѳеодоровны, большею частью на французскомъ, итальянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ по отдѣлу исторіи, живописныхъ путешествій и состоянія художествъ эпохи 50—60 годовъ текущаго столѣтія. Коллекція эстамповъ разнообразная и богатая. Въ залѣ, гдѣ помѣщена эта библіо-

тека, находится мраморный бюстъ императора Николая Павловича, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, работы ваятеля Бьенеме. Въ воспоминаніе постоянныхъ заботъ императрицы о воспитаніи юношества тутъ же помѣщена превосходная коллекція фребелевскихъ игръ. Библіотека князя В. Ѳ. Одоевскаго отличается замѣчательнымъ разнообразіемъ, свидѣтельствующимъ о многосторонности занятій покойнаго писателя. Богата также и библіотека Ѳ. В. Чижова. Библіотека графа В. Н. Панина, расположенная въ читальномъ залѣ, богата рѣдкими книгами по исторіи Россіи. Въ библіотекѣ, бывшей графа Гурьева, принесенной въ даръ почетнымъ гражданиномъ Н. А. Глушковымъ, много рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ изданій по исторіи архитектуры, живописи и скульптуры. Въ библіотекѣ, пожертвованной дочерью графа М. Ю. Віельгорскаго, богаты отдѣлы философіи, исторіи, археологіи и, такъ называемыхъ, «тайныхъ наукъ»—алхиміи, магіи и пр. Отъ иркутскаго купца А. Л. Родіонова получено богатѣйшее собраніе китайскихъ и манчжурскихъ книгъ. Не останавливаясь на перечисленіи другихъ библіотекъ и заключающихся въ нихъ рѣдкостей, замѣтимъ, что наиболѣе выдающіяся изъ нихъ выставлены для обозрѣнія публики. Хранилище рукописей,—съ каменными сводами и поломъ, съ желѣзными дверями и ставнями,—чрезвычайно богато по содержанію и справедливо считается самою драгоцѣнною частью музеевъ. Здѣсь устроены выставки славяно-русскихъ и иностранныхъ рукописей, а также автографовъ русскихъ и иностранныхъ историческихъ дѣятелей. Изъ этого бѣглаго очерка видно, какія сокровища хранитъ въ себѣ Московская Публичная библіотека. Благодаря состоявшемуся недавно принятію музеевъ подъ высочайшее его императорскаго величества покровительство,—говорится въ «Путеводителѣ»,—дальнѣйшую судьбу учрежденія можно считать обезпеченной, и есть всѣ основанія предполагать, что библіотека и всѣ прочіе отдѣлы музеевъ въ самомъ недалекомъ будущемъ получатъ еще большее развитіе въ своей полезной дѣятельности, по завѣщанію незабвеннаго канцлера, на благое просвѣщеніе. (Московскія Вѣдомости» № 146, 21 мая).

† **А. Г. Столѣтовъ.** 15-го мая, въ 3 часа утра, въ Москвѣ внезапно скончался заслуженный профессоръ физики Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ. Покойный происходилъ изъ купцовъ Владимірской губерніи и родился 29 іюля 1839 г. По окончаніи курса во владимірской гимназіи, съ золотою медалью, онъ поступилъ на математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета Московскаго университета и окончилъ на немъ курсъ со степенью кандидата въ 1860 г. Въ 1862 г. онъ былъ командированъ на два года для ученыхъ занятій заграницу, съ содержаніемъ по 1,000 р. въ годъ, изъ суммы, пожертвованной университету профессорами Рачинскими. Заграничная командировка была продолжена еще на полгода и затѣмъ еще на годъ. Въ продолженіе этого времени покойный слушалъ спеціальные курсы въ Гейдельбергскомъ, Геттингенскомъ и Берлинскомъ университетахъ и занимался теоретической и экспериментальной физикой въ лабораторіяхъ Кирхгофа и Вебера. Въ 1866 г., по возвращеніи въ Москву, А. Г. былъ назначенъ стороннимъ преподавателемъ по предмету математической физики и физической географіи. Въ 1869 г., по выдержаніи испытанія и защитѣ диссертаціи: «Общая задача

электростатики и ея приведеніе къ простѣйшему случаю», А. Г. былъ утвержденъ въ званіи магистра физики и назначенъ доцентомъ по этой каѳедрѣ. Въ 1872 г. имъ была представлена и защищена диссертація на степень доктора физики, подъ заглавіемъ: «Изслѣдованіе о функціи намагниченія желѣза». Вскорѣ послѣ того онъ былъ утвержденъ экстраординарнымъ, а въ 1873 г. и ординарнымъ профессоромъ. Съ тѣхъ поръ онъ продолжалъ читать лекціи и руководить занятіями по физикѣ до самой своей кончины. Въ 1888 г., по выслугѣ 25 лѣтъ, онъ былъ оставленъ на службѣ еще на пять лѣтъ, въ 1891 г. утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора, въ 1893 г. оставленъ еще на пять лѣтъ при университетѣ. Ученая и профессорская дѣятельность покойнаго пріобрѣла ему значительную извѣстность какъ въ Россіи, такъ и за границей; ученики его занимаютъ каѳедры физики въ нѣсколькихъ русскихъ университетахъ; въ 1884 г. кіевскій университетъ св. Владиміра избралъ его въ свои почетные члены; кромѣ того, покойный состоялъ членомъ Московскаго математическаго общества, общества любителей естествознанія, Русскаго физико-химическаго общества, Французскаго физическаго общества, Лондонскаго общества инженеровъ-электриковъ, многихъ другихъ обществъ и кавалеромъ офицерскаго ордена Почетнаго Легіона. Свои научныя занятія А. В. продолжалъ до самаго послѣдняго времени; не далѣе какъ года полтора тому назадъ вышло изъ печати его обширное «Введеніе въ акустику и оптику» (М., 1895, 323 стр., съ 285 чертежами въ текстѣ). Кромѣ многихъ спеціальныхъ работъ и многолѣтней плодотворной профессорской дѣятельности, покойный заявилъ себя въ 70-хъ и 80-хъ годахъ энергичнымъ руководителемъ состоявшаго подъ его предсѣдательствомъ отдѣленія физическихъ наукъ императорскаго общества любителей естествознанія, которое въ 1886 г. избрало его въ свои почетные члены. Труды покойнаго помѣщались въ «Математическомъ Сборникѣ», «Журналѣ физико-химическаго общества», сборникѣ «Природа», въ «Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou», «Philosophical Magazine», «Journal de Physique», «Comptes Rendus» Парижской академіи наукъ и др. Изъ статей его можно назвать: «Обратный выводъ основнаго электро-динамическаго закона» («Математ. Сборникъ», 1872 г.), «Конгрессъ электриковъ въ Парижѣ» («Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія» 1882 г.), «Энергія солнца» («Русск. Мысль», 1882 г.), «Жизнь и личность Ньютона» (1888 г., кн. 2), «Германъ фонъ-Гельмгольцъ» («Вѣстникъ Европы», 1891 г., кн. 6), «Гельмгольцъ и современная физика» («Русская Мысль», 1894, кн. 12). Отдѣльно же имъ изданы, кромѣ упомянутыхъ работъ и диссертацій: «Очеркъ развитія нашихъ свѣдѣній о газахъ», актовая рѣчь (М., 1879, 159 стр.), «О происхожденіи химическихъ элементовъ», переводъ съ англійскаго рѣчи Крукса (М., 1886), «Основы ученія объ электричествѣ», переводъ книги Жубера, два изданія (М., 1889 и 1892) и «Германъ фонъ-Гельмгольцъ», публичныя лекціи профессоровъ Московскаго университета (М., 1892). Сверхъ того, А. Г. редактировалъ физико-математическій отдѣлъ «Ученыхъ Записокъ Московскаго университета» и «Труды отдѣленія физическихъ наукъ Императорскаго Московскаго общества любителей естествознанія». Покойный оставилъ по себѣ извѣстность и какъ талантливый популяризаторъ; его рѣчи, сообщенія, публичныя лекціи, боль-

шею частью прекрасно обставленныя въ экспериментальномъ отношеніи, всегда привлекали массы слушателей. Припомнимъ его рѣчи о жизни и заслугахъ Ньютона, его рѣчь (на VIII съѣздѣ естествоиспытателей) «Эѳиръ и электричество», публичную лекцію о фонографѣ Эдиссона (1891 г.), біографическій очеркъ С. В. Ковалевской, сообщенія о научной дѣятельности фонъ-Гельмгольца, рефератъ «Леонардо да Винчи, какъ естествоиспытатель» (1895 г.) и др. («Русскія Вѣдомости» № 134, 16 мая, «Новое Время» № 7261, 17 мая; «Московскія Вѣдомости» № 134, 17 мая: «Новости» № 135, 17 мая; «Русское Слово» № 132, 18 мая).

† **Н. И. Суворовъ.** 11-го мая въ Вологдѣ скончался на 81 году отъ рожденія одинъ замѣчательнѣйшихъ провинціальныхъ тружениковъ въ области исторіи и археологіи мѣстнаго края, основатель и редакторъ «Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Суворовъ. Получивъ высшее богословское образованіе въ Московской духовной академіи, покойный черезъ годъ по окончаніи академическаго курса поступилъ преподавателемъ въ вологодскую духовную семинарію и былъ въ ней на службѣ болѣе 41 года. Съ 1856 года началась его ученая дѣятельность, вскорѣ обратившая на тебя вниманіе ученаго міра; въ 1860 году онъ былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ императорскаго русскаго археологическаго общества; въ 1881 г.—членомъ сотрудникомъ императорскаго географическаго общества и отъ отдѣленія этнографіи этого общества получилъ за труды въ томъ же году бронзовую медаль. Въ 1864 году онъ, съ разрѣшенія святѣйшаго синода, основалъ «Вологодскія Епархіальныя Вѣдомости» и былъ ихъ редакторомъ болѣе 31 года до самой смерти. Въ 1880 году онъ былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ императорскаго общества любителей древней письменности, въ 1885 г.—членомъ музея церковныхъ древностей въ Ростовѣ-Ярославскомъ. До основанія «Епархіальныхъ Вѣдомостей» Н. Н. помѣщалъ свои историческія изслѣдованія и сообщенія въ разныхъ спеціальныхъ изданіяхъ археологическаго общества, «Архивѣ» Н. В. Калачова и др.; съ 1864 года онъ сосредоточилъ свою дѣятельность въ «Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и сдѣлалъ изъ нихъ такое изданіе по массѣ крупныхъ и мелкихъ своихъ статей, безъ справки съ которымъ не долженъ обходиться ни одинъ писатель по русской церковной исторіи и церковной археологіи. Главные его труды до 1864 г.: «Вологда въ началѣ XVIII столѣтія» (топографическій и статистическій очеркъ); «Описаніе вологолодскаго каѳедральнаго собора» (М., 1863 г., стр. 194); «Описаніе вологодской Спасообыденной церкви», съ приложеніемъ къ этому описанію приговора вологжанъ 1654 года относительно содержанія этой церкви; приговоръ этотъ нынѣшнимъ городскимъ управленіемъ уже не исполняется. Въ 1864 году Н. И. издалъ монографію «Устюгъ Великій въ концѣ XVII столѣтія». Въ «Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» покойнымъ былъ помѣщенъ цѣлый рядъ монографій объ образованіи духовенства въ вологодскомъ краѣ и о состояніи монастырей и церквей этого же края. («Новости», № 146, 29 мая; «Русское Слово», № 144, 30 мая; «Московскія Вѣдомости», № 149, 2 іюня; «Новое Время», № 7279, 4 іюня).

† **Л. Н. Модзалевскій.** Въ ночь на 12 мая въ С.-Петербургѣ скончался директоръ училища глухонѣмыхъ д. с. с. Левъ Николаевичъ Модзалевскій. Покойный родился 14-го февраля 1837 года въ С.-Петербургской губерніи, Гдовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Гари. По окончаніи курса въ третьей гимназіи, онъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, изъ котораго былъ выпущенъ съ дипломомъ кандидата историко-филологическихъ наукъ и оставленъ въ 1859 г. при университетѣ на педагогическихъ курсахъ. Въ то же время онъ преподавалъ въ Смольномъ институтѣ, третьей гимназіи, въ Василеостровской женской гимназіи и въ училищѣ правовѣдѣнія педагогику, русскій языкъ и словесность. Въ 1862 году онъ былъ командированъ за границу на два года министерствомъ народнаго просвѣщенія для изученія устройства учительскихъ семинарій, а по возвращеніи въ Россію былъ назначенъ инспекторомъ-учителемъ первыхъ въ Россіи педагогическихъ курсовъ по подготовленію учителей городскихъ училищъ. Военное вѣдомство также не обошлось безъ услугъ покойнаго. Левъ Николаевичъ былъ преподавателемъ педагогики на педагогическихъ курсахъ военно-учебнаго вѣдомства. Въ это время покойный составилъ и издалъ брошюру «О студентахъ въ Германіи». Когда К. Д. Ушинскій редактировалъ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», Л. Н. явился однимъ изъ сотрудниковъ этого журнала. Идеи Ушинскаго нашли въ покойномъ одного изъ горячихъ поборниковъ. Приглашенный въ качествѣ преподавателя русскаго языка къ августѣйшимъ дѣтямъ великаго князя Михаила Николаевича: къ ихъ императорскимъ высочествамъ Михаилу Михаиловичу, Анастасіи Михаиловнѣ (нынѣ великая герцогиня Мекленбургъ-Шверинская) и Георгію Михаиловичу, Л. Н. поселился на Кавказѣ, гдѣ въ продолженіе 1870-хъ годовъ сначала былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при попечителѣ Кавказскаго учебнаго округа, утвержденъ въ должности инспектора Ольгинской женской гимназіи (въ Тифлисѣ), а затѣмъ назначенъ директоромъ этой гимназіи и въ то же время окружнымъ инспекторомъ Кавказскаго учебнаго округа. Въ 1876—1877 годахъ Л. Н. былъ предсѣдателемъ тифлисскаго цензурнаго комитета и членомъ санитарной кавказской комиссіи. Въ 1884 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, состоялъ въ особой комиссіи по разбору отчетовъ инспекторовъ народныхъ училищъ. До 1889 г. покойный проживалъ въ деревнѣ, но въ этомъ году былъ назначенъ и. д. инспектора и членомъ совѣта Маріинскаго института, а въ 1895 г. послѣ смерти В. Д. Сиповскаго—директоромъ училища глухонѣмыхъ. Покойный сотрудничалъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», въ «Голосѣ», «Кавказѣ», «Учителѣ», «Русской Школѣ», «Образованіи», «Русскомъ Начальномъ Учителѣ», «Книжномъ Вѣстникѣ», «Воспитаніи и обученіи», «Педагогическомъ Вѣстникѣ» и др. Изъ отдѣльныхъ трудовъ его наиболѣе крупнымъ является «Очеркъ исторіи воспитанія и обученія», вышедшій 3-мъ изданіемъ въ 1892 г. Покойный былъ членомъ обществъ: славянскаго благотворительнаго, содѣйствія физическому воспитанію, взаимной помощи педагоговъ, основателемъ и предсѣдателемъ: «Отдѣла въ память Амоса Коменскаго» и «Союза ревнителей русскаго слова» и предсѣдателемъ собранія пе-

дагоговъ. («Новое Время», № 7258, 14 мая; «Биржевыя Вѣдомости», № 132, 14 мая; «Новости», № 131, 14 мая; «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 134, 18 мая; «Московскія Вѣдомости», № 137, 20 мая; «Русскія Вѣдомости», № 137, 20 мая; «Русское Слово», № 134, 20 мая).

† **П. В. Алабинъ.** 10 мая скончался въ Самарѣ д. с. с. Петръ Владиміровичъ Алабинъ, извѣстный севастопольскій ветеранъ и участникъ послѣдней русско-турецкой войны. Покойный родился 29-го августа 1824 года въ Подольскѣ, уѣздномъ городѣ Московской губерніи, гдѣ тогда служилъ его отецъ, рязанскій дворянинъ, потомъ перешедшій въ таможенное вѣдомство и переѣхавшій въ Бѣлостокъ. Послѣ домашней подготовки П. В. Алабинъ учился въ Бѣлостокской гимназіи и Петербургскомъ коммерческомъ училищѣ. Предъ окончаніемъ курса въ 1842 году, при посѣщеніи коммерческаго училища императоромъ Николаемъ Павловичемъ, онъ рѣшился обратиться къ государю съ просьбой о принятіи его на военную службу, и по высочайшему повелѣнію былъ опредѣленъ унтеръ-офицеромъ въ Тульскій егерскій полкъ (1843 г.), откуда перешелъ въ Камчатскій полкъ, съ которымъ, въ чинѣ офицера и въ званіи полковаго адъютанта, участвовалъ въ Венгерской кампаніи (1849 г.), и наконецъ, переведенный въ Охотскій егерскій полкъ, принялъ живое участіе въ войнѣ съ Турціей (1853—1854 г.) и при защитѣ Севастополя (1854—1856 г.), особенно отличившись въ Ольтеницкомъ и Инкерманскомъ сраженіяхъ. Въ 1857 году П. В. вышелъ въ отставку и вскорѣ былъ назначенъ на должность управляющаго вятской удѣльной конторой. Въ это время покойный устроилъ въ Вяткѣ публичную библіотеку, основаніе которой положилъ А. И. Герценъ, и публичный музей. За это П. В. былъ избранъ въ почетные граждане Вятки, и портретъ его помѣщенъ въ публичной библіотекѣ. Съ 1866 года по 1877 годъ онъ управлялъ самарской палатой государственныхъ имуществъ. Вспыхнувшая русско-турецкая война снова побудила его отправиться на мѣсто военныхъ дѣйствій, чтобы отвезти великому князю Николаю Николаевичу старшему знамя для болгарскаго народа отъ самарскихъ дамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ послужить дѣлу освобожденія славянъ. Вскорѣ онъ былъ назначенъ уполномоченнымъ общества «Краснаго Креста» въ Румыніи и завѣдующимъ двумя госпиталями въ Зимницѣ, затѣмъ главнымъ агентомъ Московскаго и Петербургскаго славянскихъ обществъ, съ декабря же 1877 года—губернаторомъ въ городѣ Софіи, гдѣ, какъ и во всемъ софійскомъ округѣ, ввелъ гражданское управленіе. Вернувшись изъ Болгаріи въ Самару, П. В. около пяти лѣтъ находился вдали отъ службы: лишь въ послѣднія десять лѣтъ (1885—1896 гг.) онъ занималъ должность городскаго головы въ Самарѣ и затѣмъ состоялъ предсѣдателемъ тамошней губернской управы. Кромѣ служебной дѣятельности, покойный былъ извѣстенъ своими учено-литературными трудами, которые появились въ нѣсколькихъ журналахъ и газетахъ, особенно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Русской Старинѣ» и «Русскомъ Архивѣ». Изъ отдѣльно же изданныхъ имъ произведеній наиболѣе важны: «Походныя записки въ войну 1853—1856 годовъ» (Вятка, 1861 г., два тома), «Двадцатипятилѣтіе Самары, какъ губернскаго города» (Самара, 1874 г.), «Словарь растеній» (Самара, 1875 г.), «Трехвѣковая годовщина города Самары» (Самара,

1881 г.) и послѣдній трудъ, подъ заглавіемъ: «Четыре войны», походныя записки 1849, 1853, 1855—1856, 1877—1878 годовъ (Спб., 1888—1893 годовъ, три части). («Московскія Вѣдомости, № 136, 19 мая; «Новое Время», № 7265, 21 мая; «Русское Слово», № 138, 24 мая).

† **I. М. Лихтенштадтъ.** 19-го мая, въ седьмомъ часу утра, въ С.-Петербургѣ въ Маріинской больницѣ скончался членъ новгородскаго окружнаго суда Іосифъ Моисеевичъ Лихтенштадтъ. Покойный родился въ Одессѣ 1842 году и, по окончаніи курса одесской второй гимназіи, въ 1860 году поступилъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ, откуда перевелся на тотъ же факультетъ въ Петербургскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата правъ. Въ 1861 году I. М. поступилъ на службу кандидатомъ на судебную должность при одесскомъ окружномъ судѣ и вскорѣ былъ назначенъ исправляющимъ должность судебнаго слѣдователя. Затѣмъ, оставивъ службу, былъ избранъ въ присяжные повѣренные одесскаго округа судебной палаты; въ 1875 году снова поступилъ на государственную службу секретаремъ къ прокурору петербургскаго окружнаго суда. Черезъ три года I. М. былъ назначенъ членомъ сумскаго окружнаго суда, откуда въ 1885 году переведенъ на ту же должность въ новгородскій окружной судъ, гдѣ и состоялъ до конца жизни. Помимо спеціальнаго юридическаго I. М. обладалъ серьезнымъ общимъ образованіемъ, какъ философскимъ, такъ и литературнымъ. Первымъ его литературнымъ опытомъ была изданная имъ въ шестидесятыхъ годахъ брошюра, озаглавленная «Реалистическія противорѣчія», вызванная протестомъ противъ односторонняго воззрѣнія Писарева на основные вопросы эстетики. Съ начала 70-хъ годовъ I. М. сталъ помѣщать свои юридическія статьи и замѣтки по различнымъ вопросамъ въ юридическихъ журналахъ и газетахъ, въ послѣдніе же годы печаталъ статьи по различнымъ общественнымъ вопросамъ и по философіи въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Богатствѣ», въ «Вѣстникѣ Иностранной Литературы», «Новостяхъ» и др. («Новое Время», № 7266, 22-го мая; «Новости», № 139, 22-го мая; «Биржевыя Вѣдомости», № 141, 23-го мая).

† **А. I. Имшенецкій.** Въ двадцатыхъ числахъ мая скончался генералъ-лейтенантъ Александръ Іосифовичъ Имшенецкій. Покойный родился въ 1787 г. и началъ службу въ началѣ царствованія императора Александра I. Во время отечественной войны онъ опредѣлился юнкеромъ въ гусарскій полкъ и въ 1814 г. былъ произведенъ въ корнеты. Въ концѣ царствованія императора Александра Павловича покойный былъ уже хорошо извѣстенъ въ военномъ мірѣ, какъ старшій адъютантъ графа Аракчеева, бывшаго тогда военнымъ министромъ. Въ царствованіе императора Николая I А. I. Имшенецкій принималъ дѣятельное участіе въ первой турецкой войнѣ и за храбрость при штурмѣ Эривани получилъ георгіевскій крестъ 4-й степени. Въ 70-хъ годахъ онъ служилъ въ государственномъ коннозаводствѣ. Покойный любилъ вспоминать старину, при чемъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, особенно хорошо помнилъ подробности царствованія императоровъ Александра I, Николая I и Александра II. Нѣкоторыя изъ его интересныхъ воспоминаній были напечатаны въ «Русской Старинѣ». («Новое Время», № 7269, 25-го мая; «Русское Слово», № 141, 27-го мая).

† **В. П. Крейтанъ.** 29-го мая скончался классный художникъ 1-й степени Василій Петровичъ Крейтанъ, хорошо извѣстный своими скульптурными работами. Покойный около тридцати лѣтъ преподавалъ рисованіе во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ (бывшей второй военной гимназіи). Родился онъ въ Фридрихсгамѣ, Выборгской губерніи, въ 1832 году, учился въ академіи художествъ въ 50-хъ годахъ въ скульптурномъ классѣ и получилъ нѣсколько наградъ за успѣхи въ лѣпкѣ, въ томъ числѣ малую серебряную медаль за барельефъ «Потопъ», и малую золотую—за крупную статую «Сѣятель», пріобрѣтенную академіей художествъ для своего музея. Въ 1861 году на академической выставкѣ находился барельефъ «Муцій Сцевола» работы покойнаго. Въ 1863 году онъ вмѣстѣ съ 13-ю живописцами (съ гг. Крамскимъ, Корзухинымъ и др.) отказался отъ конкурса на первую золотую медаль и вышелъ изъ Академіи со званіемъ классенаго художника второй степени. Черезъ шесть лѣтъ онъ получилъ званіе классенаго художника первой степени за бюстъ-портретъ N. Изъ послѣдующихъ художественныхъ работъ покойнаго назовемъ: «Амуръ» (гипсъ), эскизъ памятника профессору А. Т. Маркову и памятникъ В. А. Жуковскому, поставленный въ Александровскомъ скверѣ. («Новое Время», № 7277, 2-го іюня).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Отвѣтъ г. Кузовникову[1]).

Изъ перваго возраженія г. Кузовникова на мою статью о загадочномъ старцѣ Ѳедорѣ Кузьминѣ для меня было ясно, что онъ не столько заботился о выясненіи личности старца, сколько о томъ, чтобы охранить отъ сомнѣнія тѣ свѣдѣнія, которыя имѣются о бродягахъ въ архивѣ тюменскаго приказа о ссыльныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ двухъ своихъ замѣткахъ о Ѳедорѣ Кузьминѣ, г. Кузовниковъ сообщилъ мало новаго, а повторялъ однѣ и тѣ же скудныя и *отчасти сомнительныя свѣдѣнія*, имѣющіяся въ упомянутомъ архивѣ, и которыя въ краткихъ извлеченіяхъ были напечатаны въ «Русской Старинѣ» и въ другихъ изданіяхъ гораздо ранѣе г. Кузовникова.

Г. Кузовниковъ въ своихъ возраженіяхъ не дѣлаетъ точныхъ ссылокъ на мою статью и не цитируетъ моихъ фразъ, а передаетъ ихъ *своими словами*, вслѣдствіе чего, конечно, открывается большой просторъ для произвольнаго толкованія. Такъ, напримѣръ, онъ *выдумалъ*, что я отвергаю оффиціальныя свѣдѣнія о ссылкѣ старца въ Сибирь; ничего подобнаго въ своей статьѣ и въ своемъ отвѣтѣ г. Кузовникову я не утверждалъ и *оффиціальныхъ свѣдѣній* о задержаніи, судѣ и ссылкѣ старца, какъ фактовъ, давно извѣстныхъ, *вовсе не касался*[2]), и если приводилъ въ статьѣ разсказы

---

[1]) Въ этой статьѣ всѣ курсивы мои. Кузнецовъ-Красноярскій.

[2]) См. мою статью въ «Историческомъ Вѣстникѣ», май, стр. 550—554, и мой отвѣтъ въ томъ же журналѣ за мартъ 1896 г., стр. 1063—1064.

старца, то не для того, разумѣется, чтобы выдавать ихъ за болѣе достовѣрные, какъ это мнѣ навязываетъ г. Кузовниковъ. Изъ моей статьи, кажется, ясно видно, что я описывалъ личность Ѳедора Кузьмина, какъ самозванца, и старался выяснить, по возможности, какимъ путемъ убѣжденіе о тождествѣ старца съ императоромъ Александромъ I-мъ проникло и укоренилось среди сибирскаго населенія. Съ этой точки зрѣнія я считаю какъ «записки Хромова», такъ и «свѣдѣнія, забранныя о старцѣ Ѳедорѣ», цѣннымъ матеріаломъ для изслѣдованія самозванства въ Сибири.

Далѣе, придравшись къ слову «документы», которымъ я назвалъ въ «отвѣтѣ» имѣющіяся у меня письменныя свѣдѣнія о старцѣ, г. Кузовниковъ говоритъ: «мнѣ остается только указать на тѣ источники, которыми руководился г. Кузнецовъ-Красноярскій при составленіи статьи о старцѣ Ѳедорѣ Кузьминѣ» [1], и перечисляетъ однѣ только рукописи, а выдержки изъ «Русской Старины» и другихъ изданій забываетъ. Не обладая, должно быть, хорошею памятью, г. Кузовниковъ забываетъ также, что въ моей статьѣ (см. въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1895 г., май, стр. 551, строка 1-я снизу, и стр. 552, строка 1-я сверху) эти рукописные источники названы мною «матеріалами для біографіи старца».

«И этимъ-то рукописямъ и запискамъ,— продолжаетъ г. Кузовниковъ,— г. Кузнецовъ-Красноярскій придаетъ громкое названіе документовъ, то-есть такихъ актовъ, которые обладаютъ полною достовѣрностью» [2]). Произвольно толкуя, какъ я уже замѣтилъ выше, мои слова, г. Кузовниковъ опять выдумываетъ, что будто бы я рукописнымъ свѣдѣніямъ о старцѣ придаю значеніе «такихъ актовъ, которые обладаютъ полною достовѣрностью». Ничего подобнаго я въ своей статьѣ и отвѣтѣ не утверждалъ, а напротивъ— въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1895 г. на страницѣ 551-й, строка 19 — 21 сверху, говорю: невѣрностью сообщаемыхъ свѣдѣній особенно отличается брошюрка «Сказаніе о жизни и подвигахъ Ѳедора Кузьмича». Въ томъ-то и дѣло, что составители этой апологической книжки пользовались, какъ матеріаломъ, между прочимъ, «записками Хромова», которыя не что иное, какъ жизнеописаніе старца, но въ которыхъ дѣйствительность перемѣшана съ вымысломъ.

Г. Кузовниковъ полемику завелъ, а съ печатнымъ матеріаломъ о старцѣ познакомиться какъ слѣдуетъ не постарался, понадѣясь, вѣроятно, на то, что читатели «Историческаго Вѣстника» будутъ вѣрить ему на слово, безъ всякихъ ссылокъ и цитатъ, а я на его возраженія промолчу.

На сколько, однако, достовѣрны утвержденія самого г. Кузовникова, что въ сообщенныхъ имъ оффиціальныхъ документахъ о старцѣ заключаются «свѣдѣнія, не подлежащія никакому сомнѣнію» [3])?

---

[1]) См. возраженіе г. Кузовникова въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за май 1896 г., стр. 748.

[2]) Отвѣтъ г. Кузовникова въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за май 1896 г., стр. 748.

[3]) См. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за іюль 1895 г. статью г. Кузовникова, на стр. 246, стр. 25 — 26 сверху, гдѣ онъ говоритъ: «изложенныя выше свѣдѣнія, какъ оффиціальныя и не подлежащія никакому сомнѣнію».

«При допросѣ въ Красноуфимскомъ земскомъ судѣ,—сообщаетъ г. Кузовниковъ,—старецъ показалъ, что онъ Ѳедоръ Козьминъ, сынъ Козьминъ же, 70 лѣтъ, неграмотенъ, исповѣдыванія греко-россійскаго; холостъ, непомнющій своего родопроисхожденія съ младенчества своего, пропитывался у разныхъ людей, напослѣдокъ вознамѣрился отправиться въ Сибирь, но дорогой въ Кленовской волости крестьянами былъ задержанъ» («Историческій Вѣстникъ», 1895 г., іюль, стр. 245).

Красноуфимскому земскому суду старецъ «показалъ», что онъ «неграмотенъ, а лица, видѣвшія старца, вотъ что сообщаютъ о немъ по этому поводу: г. Смирновъ, бывшій съ ректоромъ Томской семинаріи въ 1859 г. у старца, въ окрестностяхъ села Краснорѣченскаго, передаетъ, что Ѳедоръ Козьминъ на ихъ вопросы отвѣчалъ имъ «на странномъ нарѣчіи изъ смѣси церковно-славянскаго языка съ латинскимъ и фразами мистическими и даже апокалипсическими» («Русская Старина», 1887 г., ноябрь, стр. 529). Епископъ Петръ сообщаетъ, что поселенный по распоряженію томской экспедиціи о ссыльныхъ въ деревнѣ Зерцалахъ старецъ иногда уходилъ на жительство въ сосѣднія деревни и занимался тамъ обученіемъ дѣтей грамотѣ. Книги у него (въ кельѣ) были: евангеліе, псалтирь, акаѳистъ Пресвятой Богородицы, кіевскій молитвословъ и другія («Русская Старина», 1891 г., октябрь, стр. 234).

Фактъ, что Ѳедоръ Козьминъ былъ не «греко-россійскаго вѣроисповѣдыванія», какъ это онъ «показалъ» Красноуфимскому земскому суду, а сектантъ, т. е. избѣгалъ посѣщенія православныхъ храмовъ и уклонялся отъ исповѣди и св. причастія, удостовѣряется разными лицами. Томскій житель В. А. Долгоруковъ передаетъ въ своей статьѣ, что старецъ «церквей не посѣщалъ ни разу, во все время пребыванія у Хромова, до своей смерти не былъ у исповѣди и св. причастія». «Тогдашніе епископы томскіе посылали къ нему священниковъ уговорить его быть въ церкви и говѣть, но онъ упорно отказывался и такъ и умеръ безъ исповѣди и причастія» («Русская Старина», 1892 г., май, стр. 455). «Изъ разспросныхъ свѣдѣній у мѣстныхъ жителей,—говоритъ г. Смирновъ,—оказалось, что старецъ въ церковь не ходилъ; на совѣты о. ректора посѣщать церковь и пріобщаться св. таинъ отвѣчалъ на странномъ нарѣчіи» и т. д. («Русская Старина», 1887 г., ноябрь, стр. 529). Преосвященный Петръ сообщаетъ въ своей статьѣ, что старецъ, сдѣлавшись однажды очень боленъ, «пріобщиться св. таинъ не согласился» («Русская Старина», октябрь, 1891 г., стр. 236). Но всего важнѣе, разумѣется, то обстоятельство, что факты эти не могли замолчать апологеты старца—Хромовъ въ своихъ запискахъ и гг. Захаровы въ своихъ изданіяхъ [1]).

«По двукратному свидѣтельству бродяги Ѳедора Козьмина,—продолжаетъ излагать г. Кузовниковъ свои свѣдѣнія, не подлежащія никакому сомнѣнію,—произведенному въ Красноуфимскомъ земскомъ и уѣздномъ судахъ, у него оказались слѣдующія примѣты: ростъ 2 аршина 6½ вершковъ,

---

[1]) См. 1-е изд. «Сказаніе о жизни и подвигахъ старца Ѳеодора Кузьмича», Спб., 1891 г., стр. 9—10, и 2-е изд.—Спб., 1892 г., стр. 28—29.

волосы на головѣ и бородѣ свѣтло-русые съ просѣдью, носъ и ротъ посредственные, глаза сѣрые, подбородокъ кругловатый, отъ роду имѣетъ не болѣе 65 лѣтъ, на спинѣ есть знаки наказанія кнутомъ или плетью» (см. статью г. Кузовникова въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за іюль 1895 г., стр. 245—246).

Кому же вѣрить?—старцу, который на судѣ «показалъ», что ему «70 лѣтъ», или искуснымъ красноуфимскимъ приказнымъ, отыскавшимъ въ числѣ «примѣтъ» у старца, что ему было «не болѣе 65 лѣтъ»?

Кузнецовъ-Красноярскій.

Томскъ, 1896 г., 27 мая.

Маржерэ взглянулъ на виднѣвшіеся еще хвосты лошадей на хребтѣ отдаленнаго возвышенія и тихо произнесъ:

— Это онъ остановилъ меня.

— Идемте,—умолялъ Верди,—не упрямьтесь, не обижайтесь за одно слово! Идемте! Остановка равносильна смерти.

— Вы думаете?.. — переспросилъ Маржерэ, вдругъ пораженный какой-то новой мыслью, и прибавилъ задумчиво: — но смерть вѣдь покой.

Эта мысль, проникнувъ въ его сознаніе, возмутила все его существо; онъ поднялъ голову, надъ которой повисла роковая угроза, и собрался съ силами, чтобы идти, но одна изъ его ногъ отказалась ему служить.

— Мнѣ кажется, что у меня отмерзла нога, — замѣтилъ онъ, — та самая, которую я уже разъ отморозилъ.

Онъ сталъ на колѣни, ощупалъ ее и уже не могъ болѣе приподняться.

— Вставайте!—въ отчаяніи воскликнулъ Верди и, взявъ его подмышки, изо всѣхъ силъ потянулъ кверху.—Вставайте! Вы говорили, что надо всегда сохранять желаніе жить.

Маржерэ протянулъ свою холодную руку, улыбнулся, какъ при ихъ первой встрѣчѣ, и тихо сказалъ:

— Я и теперь хочу жить, но уже не могу...

Дѣйствительно, не имѣя болѣе силы бороться съ самимъ собою, видя, что его члены, одинъ за другимъ, отказывались служить ему, онъ тщетно пытался упереться на землю и встать на колѣно; онъ могъ приподнять одну лишь голову, остальное тѣло было неподвижно. Но, усѣвшись въ снѣгу, онъ еще не сдавался; его шевелящіяся, умоляющія губы тянулись къ небу, точно онъ ожидалъ свыше какой нибудь сверхъестественной помощи. Затѣмъ его ротъ освѣтился улыбкой; онъ тяжело переводилъ дыханіе; слезы, катившіяся по его щекамъ и застывавшія на бородѣ, доказывали, что онъ умиралъ съ глубокимъ отчаяніемъ. Онъ уже казался спящимъ, когда вдругъ послѣднее усиліе воли заставило его приподняться; его руки безпорядочно блуждали около пуговицъ.

— На французскую почту... — проговорилъ онъ, — письмо... письмо...

И онъ снова упалъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ переходилъ отъ агоніи къ смерти, какое-то странное радостное чувство—смѣсь любви, надежды, прощенія — разливалось по его лицу. Отпечатокъ боли исчезъ, остались лишь слѣды страданій, освѣщенные благородствомъ его души.

Между тѣмъ, живой товарищъ отдалъ умершему послѣдній долгъ. Снявъ у него съ плеча котомку и котелокъ, онъ разстегнулъ ему одежду и своими окоченѣвшими безчувственными пальцами ощупывалъ его грудь, удивляясь, что въ ней еще сохранилось столько те-

плоты. Сердце перестало биться, но лицо еще болѣе свѣтилось душевной красотою. Въ карманѣ оказались кошелекъ, записная книжка, говорившая объ особой заботливости капитана о своихъ солдатахъ, такъ какъ для каждаго рядового была отведена особая страничка. Верди снялъ крестъ Почетнаго Легіона, пришитый къ борту сюртука покойнаго, отшпилилъ три миніатюры, прикрѣпленныя къ внутренней сторонѣ жилета. Это были портреты: полковника королевской арміи, въ полной парадной формѣ, съ лентой св. Людовика, проглядывавшей изъ-подъ мундира, старой, напудренной дамы и очень молодой, очень красивой женщины, державшей на рукахъ маленькаго мальчика. Всѣ эти лица казались счастливыми, свѣтлыми, такъ какъ, безъ сомнѣнія, художникъ писалъ ихъ въ теплой комнатѣ или на залитой солнцемъ террасѣ замка, принадлежавшаго Маржерэ на берегу Луары.

Пока Верди сжималъ свои пальцы, чтобы удержать эти вещи, позади него остановился какой-то отсталый, весь въ лохмотьяхъ; жалкій, жадный, онъ угрюмо смотрѣлъ на него, ожидая поживы.

— Убирайся вонъ!—крикнулъ Верди, но, боясь, что бродяга потомъ вернется съ цѣлью ограбить трупъ и совершенно раздѣть его, онъ кинулъ ему котомку и котелокъ, какъ бросаютъ собакѣ кость. Тотъ поднялъ, осмотрѣлъ ихъ, колебался нѣкоторое время, но синица въ рукахъ показалась ему вѣрнѣе журавля въ небѣ, и онъ отправился въ дальнѣйшій путь.

Нѣсколько писемъ, связанныхъ между собою тесемками, наполняли котомку, въ бумажникѣ еще нашлось письмо, уже приготовленное къ отправкѣ. На немъ находился слѣдующій адресъ: «Г-жѣ де-Маржерэ, въ замокъ Сэнъ-Сатюръ, департаментъ Шеры».

Вѣроятно, объ этомъ письмѣ говорилъ Маржерэ въ послѣднюю минуту своей жизни, но Верди подумалъ, что, прежде чѣмъ писать о смерти друга его роднымъ, ему слѣдовало узнать, кто эти родные, и поэтому онъ, вскрывъ письмо, прочелъ его:

«Орша, 21-го ноября, 1812 г.

«Дорогая жена, наше движеніе совершается какъ нельзя лучше среди въ высшей степени величественной природы; мы идемъ вдоль Борисоена, чудной рѣки, напоминающей Луару, но болѣе грандіозной. Когда солнце озаряетъ эти ледяныя равнины, восхищенному взгляду представляется зрѣлище, которымъ онъ не можетъ достаточно насладиться.

«Послѣ роковаго сраженія, лишившаго меня большей части моихъ людей, я иду съ третьимъ корпусомъ, состоящимъ подъ командой маршала Нея. Энергія этого генерала поразительна, и мы находимся въ прекрасныхъ рукахъ. Я не старался достать новой лошади, такъ какъ, отморозивъ себѣ ногу, мнѣ лучше идти пѣшкомъ. Не подумай, однако, что здѣсь суровый климатъ: напротивъ, послѣ

Смоленска онъ очень смягчился. Въ арміи все въ порядкѣ: продовольствіе, помѣщеніе, одежда, обувь—все заготовлено своевременно; однимъ словомъ, мы ни въ чемъ не чувствуемъ недостатка.

«Не вздумай тревожиться, дорогая жена, читая бюллетени изъ арміи: императоръ нарочно представляетъ все въ худшемъ видѣ, чтобы обмануть русскихъ. Въ дѣйствительности же мы находимся очень близко отъ нашихъ зимнихъ квартиръ и тамъ, восполнивъ наши потери, снова возобновимъ кампанію, покончимъ съ этими дикарями и вернемся домой обнять нашихъ женъ. Пиши мнѣ по слѣдующему адресу: «въ зимнія квартиры великой арміи». Разскажи мнѣ о нашемъ сынѣ. Надѣюсь, что теперь онъ уже можетъ читать мои письма. Говори съ нимъ объ его отцѣ, объ этой игрѣ въ войну, въ которой играютъ настоящими лошадьми и настоящими пушками; наконецъ, внуши ему, что и онъ, маленькій Эдгаръ, въ свою очередь станетъ солдатомъ и будетъ служить своей родинѣ. О, мой единственный другъ, мысль, что ты хорошо воспитываешь нашего ребенка, является для меня утѣшеніемъ въ горѣ — быть въ разлукѣ съ тобою... Но я не хочу жаловаться; нѣтъ, у меня нѣтъ повода къ жалобамъ»...

Письмо продолжалось въ томъ же родѣ, полное лжи, которую только можетъ продиктовать высшая любовь къ женщинѣ, также полное любви, надеждъ и, опять-таки, лжи, той лжи, которая скрашиваетъ жизнь. Верди залился слезами и не могъ кончить письма. Онъ въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на воина-мученика, убитаго императоромъ, и придалъ приличную позу для покойника человѣку, который сдохъ, какъ собака. Когда ему не удалось ни сомкнуть ему вѣкъ, ни закрыть его рта, такъ какъ русская зима окончательно ихъ заледенила, то онъ, по крайней мѣрѣ, уложилъ его на спину, чтобы онъ могъ созерцать небо, и скрестилъ ему на груди руки.

— Прощайте, капитанъ,— проговорилъ онъ, отдавая ему воинскую честь,—я понялъ и исполню ваше послѣднее приказаніе.

Взявъ съ собою дорогіе для покойнаго предметы, онъ пошелъ, борясь одновременно и съ усталостью, и съ горемъ. Теперь онъ былъ одинъ передъ лицомъ столькихъ невзгодъ!.. Вокругъ него ничего не измѣнилось, только темнота усилилась; въ вечернихъ сумеркахъ попрежнему виднѣлись тѣ же удалявшіеся всадники съ ихъ мрачными, грустными силуэтами, увѣнчанными блестящими касками. Тогда страшное, роковое величіе тѣхъ событій, жертвой которыхъ онъ сдѣлался, предстало предъ глазами Верди, просвѣтленными недавно пролитыми слезами. Онъ почувствовалъ безмѣрность своей слабости, безполезность быть храбрымъ и тщетность всѣхъ надеждъ...

— Нужно быть дикимъ звѣремъ, чтобы выбраться отсюда,—подумалъ онъ,—и я буду такимъ звѣремъ.

VIII.

Безспорно, нѣтъ ничего труднѣе для человѣка, какъ добровольно превратиться въ животное, и Верди, неустанно отмѣривая версты, тщетно пытался погрузиться въ забвеніе: на каждомъ шагу онъ сталкивался со всѣмъ ужасомъ своего положенія. Онъ благодарилъ бы Бога, если бы дѣйствительно чувствовалъ себя совершенно одинокимъ, какъ въ ту ночь, когда начались его несчастія. Но теперь это было одиночество на людяхъ, одиночество, полное жизни и движенія, но безъ припасовъ, безъ оружія, безъ пониманія происходящаго вокругъ. Затерянный среди безсвязной массы, отступавшей чуть не на край свѣта и сознававшей одно бѣгство, онъ испытывалъ то смутное отчаяніе, противъ котораго безсознательно борется заснувшій человѣкъ, когда вдругъ чувствуетъ, что онъ падаетъ и ни за что не можетъ удержаться. Затѣмъ, когда избытокъ тяжелыхъ впечатлѣній встряхивалъ его, онъ точно выпрямлялся въ своемъ собственномъ сознаніи и, видя всеобщій позоръ, сознавалъ себя солдатомъ, клялся, что пойдетъ въ бой и заставитъ враговъ убить себя; овладѣвшее имъ отвращеніе ко всему пробуждало въ немъ желаніе поскорѣе выйти изъ этого положенія, отважиться на что нибудь, спасти себя какимъ нибудь смѣлымъ поступкомъ. Однако, какъ спастись при общемъ лозунгѣ: «бѣги»?!!. Въ его воображеніи вырисовалось лицо маршала такое, какимъ онъ видѣлъ его въ послѣдній разъ, въ сумеркахъ, подъ сѣнью лѣса. «Передайте мой приказъ генералу д'Энену соединиться со мною во что бы то ни стало», казалось, еще и теперь говорили эти повелительныя губы. Да, во что бы то ни стало онъ соединится съ нимъ, хотя добраться до него пѣшкомъ во сто разъ труднѣе, чѣмъ нагнать его верхомъ! А найдя его, онъ послѣдуетъ за нимъ на лошади, въ которой маршалъ не можетъ отказать человѣку, погибшему, исполняя его приказанія...

Онъ остановился у городскихъ воротъ Бобра и, повернувшись къ нимъ спиною, устремилъ свои глаза на дорогу; никакое обѣщаніе, никакая угроза, ни даже насиліе не могли бы заставить его покинуть этотъ постъ: прошелъ часъ, два... Медленное прохожденіе третьяго корпуса кончилось. Появился Ней: онъ слѣдовалъ за своими войсками или, лучше сказать, по обыкновенію, толкалъ ихъ впередъ.

— Маршалъ!.. осмѣлился проговорить Верди, побѣдивъ въ себѣ ложный стыдъ, чтобы показать свою рѣшимость говорить именно съ маршаломъ, а не съ кѣмъ либо другимъ; онъ безцеремонно сталъ посреди шоссе.

— Ну, что такое? — спросилъ Ней, котораго окликъ Верди вывелъ изъ охватившей его полудремоты.

— Имѣю честь явиться.

Хотя, благодаря цѣлой недѣлѣ страданій, щеки Верди провали-

лись, глаза покраснѣли, борода отросла, маршалъ узналъ въ немъ красиваго гусара, котораго недѣлю тому назадъ онъ замѣтилъ среди своего штаба.

— Напомните мнѣ вашу фамилію, мой другъ,—разсѣянно замѣтилъ онъ, не останавливая своей лошади.

— Верди,—господинъ маршалъ.—Это я...

— Да, да... Вы заблудились, какъ другіе. Ну, что же я могу вамъ сдѣлать?

«Одолжить мнѣ лошадь»,—хотѣлъ бы отвѣтить Верди, но, смущенный холодностью маршала, онъ не былъ въ состояніи произнести ни слова.

— Я ничего не могу сдѣлать,—рѣзко прибавилъ маршалъ.—Постарайтесь попасть въ одинъ изъ почетныхъ эскадроновъ, формируемыхъ герцогомъ Абрантесъ. Явитесь къ нему отъ моего имени. Ступайте, юноша: вы—одна изъ жертвъ войны.

Ускоривъ шагъ своей лошади и отвернувъ голову, Ней далъ понять, что покончилъ съ просителемъ, и тотъ, съ улыбкою на губахъ, но съ бѣшенствомъ въ сердцѣ, посторонился, чтобы пропустить свиту. Онъ вѣжливо отдалъ честь генералу Гурэ и молча смотрѣлъ, какъ весь штабъ проѣхалъ мимо него.

— Гдѣ Роберти? гдѣ Боннэ?—спросилъ онъ у подпоручика, замыкавшаго шествіе.

— Исчезли...—лаконически отвѣчалъ тотъ и, какъ остальные, удалился, направляясь къ той роковой Березинѣ, воды которой готовились поглотить весь этотъ человѣческій потокъ.

— Вотъ жертвуй собою для людей!—съ озлобленіемъ воскликнулъ Верди и, чувствуя себя погибшимъ, уничтоженнымъ, какъ будто всѣ эти всадники переѣхали черезъ его тѣло, онъ осмотрѣлъ себя съ головы до ногъ, пытаясь объяснить, вслѣдствіе какого недостатка въ костюмѣ онъ заслужилъ такое всеобщее пренебреженіе.

Видъ заржавѣвшихъ шпоръ оживилъ его бѣшенство.

— Шпоры? Къ чему мнѣ шпоры?—проговорилъ онъ и, отвязавъ ихъ отъ каблуковъ, швырнулъ на дорогу.

На улицахъ Бобра, покинутыхъ населеніемъ и, тѣмъ не менѣе, кишѣвшихъ народомъ, сновала странная толпа отсталыхъ, которые кутались въ занавѣси, юбки, церковныя ризы. Верди съ презрѣніемъ пробрался сквозь эту своеобразную маскарадную толпу. Онъ теперь полагалъ, что лучше всего поскорѣе добраться до Березины и, дождавшись тамъ авангарда, достать себѣ лошадь. Пока онъ еще колебался, на западѣ загремѣла артиллерійская пальба.

«Это дѣйствуетъ герцогъ Реджіо»,—подумалъ онъ и рѣшилъ отправиться въ Начу.

Выходя изъ Бобра, онъ догналъ и опередилъ какое-то странное низенькое существо, обратившееся къ нему пискливымъ голосомъ:

— Мы еще далеко отъ Вильны?—спросилъ его не человѣкъ, а какой-то обрывокъ человѣка.

Нагнувшись, Верди разсмотрѣлъ этого несчастнаго; онъ двигается на колѣняхъ, опираясь на маленькую палку, длиною не болѣе полуфута: его отмороженныя ноги волочились позади него.

— Нѣтъ, братецъ, очень близко,—отвѣчалъ изъ человѣколюбія офицеръ и прошелъ дальше, счастливый тѣмъ, что у него оставались еще двѣ ноги, которыя могли двигаться.

Его обгоняли верховые. Въ Начѣ курьеръ попросилъ его указать, гдѣ находится главная квартира, и взамѣнъ сообщилъ ему извѣстіе о взятіи Борисова французами, которые отбросили непріятеля на другой берегъ.

— Да здравствуетъ императоръ!—воскликнулъ Верди и, не переводя дыханія, пробѣжалъ цѣлыхъ четыреста саженъ.

Въ Лошницѣ онъ прошелъ сквозь аванпосты 9-го корпуса и не могъ понять, какимъ образомъ тутъ очутился маршалъ Викторъ, когда онъ долженъ былъ находиться на дорогѣ къ Петербургу. Онъ не зналъ, что Викторъ, разбитый на сѣверѣ, примкнулъ къ великой арміи, которая была теперь стиснута желѣзнымъ поясомъ.

IX.

24-го ноября, подъ вечеръ, онъ входилъ въ Борисовъ, гдѣ стояла кавалерія Удино. Разсѣявшись небольшими группами по дворамъ, солдаты спокойно убирали лошадей и оружіе.

«Въ добрый часъ!—подумалъ Верди:—вотъ полки... Ну, не было ли глупо съ моей стороны такъ волноваться'»

Охваченный новыми для него чувствами спокойствія и безопасности, онъ прежде всего подумалъ привести въ порядокъ свою внѣшность. Онъ остановился у какого-то жида, который выбрилъ его, вычистилъ ему одежду, смазалъ сапоги и продалъ ему перемѣну бѣлья, перчатки и пару громадныхъ позолоченныхъ шпоръ.

Все это придало ему новый видъ, хотя въ сущности за него говорило лишь одно его красивое лицо, которое уже не разъ сослужило ему хорошую службу, и на которое онъ разсчитывалъ теперь, задавшись мыслью достать себѣ лошадь.

Корпусъ Удино, овладѣвъ городомъ, захватилъ часть обоза арміи Чичагова, и каждый полкъ, сохранивъ свою часть добычи, былъ обремененъ повозками, лошадьми. Этимъ-то благопріятнымъ для него обстоятельствомъ Верди и рѣшилъ воспользоваться. Съ непринужденной улыбкой, онъ обратился къ первому встрѣтившемуся ему командиру эскадрона, съ краснымъ лицомъ, и объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

— Вы говорите,—повторилъ послѣдній,—что являетесь отъ имени герцога Эльхингенскаго, чтобы достать себѣ лошадь, и не имѣете письменнаго предписанія? Гм!..

Онъ колебался, борясь между нежеланіемъ исполнить нѣчто невполнѣ законное и боязнью вызвать недовольство штабнаго офицера.

— Слѣдовало бы поговорить съ полковникомъ,—прибавилъ онъ.— Я прекрасно знаю, что теперь его нѣтъ здѣсь... Но я вѣдь ничѣмъ не командую...

— По крайней мѣрѣ, вы командуете вашимъ эскадрономъ... и даже очень хорошо, если судить по выправкѣ людей.

— Да, я командую эскадрономъ...—продолжалъ офицеръ съ еще большею нерѣшительностью:—но лошади принадлежатъ моему эскадрону.

Раздался сигналъ къ выступленію; нѣсколько солдатъ, держа лошадей подъ уздцы, выстроились позади командира; денщикъ принесъ ему саблю и латы; всѣ стояли, выжидая, когда ему заблагоразсудится прервать свой разговоръ.

— Я заплачу за лошадь,—вкрадчиво промолвилъ Верди.

— Двадцать луидоровъ?—возразилъ тотъ, плутовато прищуривъ глаза.

— Двадцать луидоровъ...

— Ну, чтобы доставить вамъ удовольствіе, я уступлю вамъ лошадь... Въ концѣ-концовъ намъ надоѣдаютъ всѣ эти одры и рыдваны. Теперь нельзя идти рысью: тащишься, точно въ обозѣ...

«Я нашелъ его Ахиллесову пяту»,—подумалъ Верди и, улыбаясь, крутилъ свой усъ, пока эскадронный командиръ, надѣвъ латы и вскочивъ въ сѣдло, сталъ медленно писать у себя на колѣнѣ крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ «приказъ адъютанту, завѣдывающему лошадьми второго эскадрона».

— Вотъ,—проговорилъ онъ, рѣзкимъ движеніемъ опуская руку.— Вы заплатите адъютанту. Имѣю честь кланяться, г. де-Верди.

И онъ прибавилъ, чтобы лучше оттѣнить свое превосходство надъ герцогомъ Эльхингенскимъ:

— Что касается меня, то я отдаю лишь письменныя приказанія.

Однако, онъ пропустилъ кое-что въ этомъ письменномъ приказѣ: онъ забылъ переименовать подробно, что слѣдовало дать вмѣстѣ съ лошадью, и Верди воспользовался этимъ промахомъ, чтобы заставить адъютанта выдать ему совершенно осѣдланную и взнузданную лошадь. Потомъ онъ надѣлъ русскую саблю, за которую заплатилъ только одинъ золотой, и совершенно выросъ въ собственномъ мнѣніи. Теперь онъ уже смѣло обмѣнивался взглядами съ офицерами удалявшагося кирасирскаго эскадрона подъ звуки трубъ.

«Русскіе теперь попляшутъ, и я имъ задамъ»... подумалъ онъ, спускаясь къ рѣкѣ, чтобы развѣдать на счетъ переправы.

Онъ проѣхалъ на удачу черезъ весь городъ, перерѣзанный подъ прямыми углами сѣтью узенькихъ улицъ. Повсюду искрилась легкая изморозь, но на темныхъ предметахъ по обѣимъ сторонамъ улицы отдыхали глаза, утомленные безконечнымъ миражемъ степи.

Онъ остановился передъ узкимъ деревяннымъ мостомъ, переки-нутымъ на другой берегъ; съ боку моста можно было замѣтить боль-шую черную брешь, очевидно, пробитую артиллеріей. Прямо на про-тивоположной сторонѣ окопы, вооруженные орудіями, господство-вали надъ французскимъ берегомъ.

«Русская позиція сильна, — подумалъ Верди и повернулъ об-ратно, вполнѣ увѣренный, что попытка перейти рѣку будетъ сдѣ-лана въ другомъ мѣстѣ.—«О! о! да ты никакъ патріотка!»—приба-вилъ онъ, замѣтивъ, что лошадь, удаляясь отъ русскаго лагеря, за-медлила шагъ, и сильно пришпорилъ ее.

Лошадь пошла рысью, встряхивая и приводя въ восторгъ сво-его всадника.

«Она изъ рѣзвыхъ»,—подумалъ онъ и, рѣшивъ, что слѣдуетъ поберечь ее, снова пустилъ ее шагомъ.

Обернувшись къ городу, онъ натолкнулся на группу отсталыхъ, разспрашивавшихъ, гдѣ переправа, и подумавъ, что онъ одинъ най-детъ мѣсто переправы, свернулъ въ сторону и двигался точно на рекогносцировкѣ, держась правой руки.

Вокругъ него лѣсъ, одѣтый инеемъ, протягивалъ высоко къ небу свои сплетшіяся въ фантастическій узоръ вершины. Подвигаясь за-медленнымъ шагомъ, гусаръ пронизывалъ глазами эту подвижную занавѣсь изъ боязни, чтобы подозрительныя черныя точки не по-явились вдругъ на свѣтломъ фонѣ.

Дорога была вымощена точно сросшимися между собою кругля-ками; мѣстами они образовали выбоины и защемляли между собою копыта лошади; сгнившія фашины заполняли рытвины; опасные импровизированные мосты были перекинуты черезъ попадавшіеся по пути рвы. По этой аллеѣ уже проѣхала кавалерія и, къ тому же, многочисленная, такъ какъ затвердѣвшая и покрытая отпечат-ками копытъ грязь, казалось, вся была изрыта подковами. Но ни-гдѣ не было замѣтно слѣдовъ человѣческихъ ногъ; слѣдовательно, впереди не было пѣхоты, если только она не прошла послѣ замо-розковъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь не могла пройти артиллерія; эта дорога не была создана для нея.

«Однимъ словомъ, я не на пути къ переправѣ»,—рѣшилъ онъ и уже подумывалъ о возвращеніи, какъ впереди прогремѣлъ пушеч-ный выстрѣлъ.

— Орудія могли пройти другой дорогой,—замѣтилъ онъ и, вспо-мнивъ, что наканунѣ стрѣляли въ этомъ же направленіи, не коле-бался болѣе и поѣхалъ быстрѣе.

При выходѣ изъ лѣса дорога свернула вправо; лошадь, почуявъ близость Березины, заржала и пошла бодрѣе. По сторонамъ стояло нѣсколько избъ, полузакрытыхъ деревьями; надъ ихъ дымящимися трубами, говорившими о мирной, тихой жизни, вырисовывались очер-танія возвышенности, темной линіей разрѣзавшей небо. Ближайшій

высокій берегъ разстилался горизонтально, прикрывая собою болѣе низкій, противоположный берегъ. Лишь голубоватый прозрачный туманъ выдавалъ присутствіе въ этомъ мѣстѣ рѣки.

Два орудія, не видимыя, какъ и воды рѣки, повременамъ стрѣляли картечью, производя трескъ въ кустарникахъ противоположнаго берега; вблизи маленькій отрядъ французскихъ солдатъ окружалъ груду толстыхъ досокъ, сложенныхъ посреди поля. Завидя ихъ, Верди взялъ правѣе и поскакалъ по полю.

Два офицера, одинъ артиллеристъ, другой саперъ, поспѣшили къ нему на встрѣчу. Но они еще менѣе его были знакомы съ мѣстностью, и всѣ вмѣстѣ отправились на берегъ рѣки.

— У меня ничего нѣтъ ни въ зарядныхъ ящикахъ... ни въ моемъ чемоданѣ... — сказалъ по дорогѣ артиллеристъ, хлопая себя по животу и громко смѣясь. — Я здѣсь долго не останусь.

Вмѣсто всякаго отвѣта саперъ — низенькій, желтый, непріятный на взглядъ — пожалъ плечами и произнесъ какъ бы про себя:

— У меня есть доски и гвозди... Я могу построить клѣтку для куръ, но не мостъ...

— Чего ты жалуешься? Ты можешь снести всѣ сосѣдніе дома для матеріала...

— Мнѣ кажется, русскимъ будетъ не трудно выдвинуть тамъ артиллерію, — замѣтилъ Верди, указавъ пальцемъ на противоположный берегъ.

Саперъ снова пожалъ плечами.

— Хорошо ли вы увѣрены, что переправа состоится здѣсь? — настаивалъ Верди.

Оба офицера стали увѣрять, что это не подлежало сомнѣнію, и, усѣвшись на берегу рѣки, закурили трубки. Тоненькая струйка воды бѣжала, извиваясь, среди льда. Вскорѣ на противоположномъ берегу показался рядъ орудій, скрывавшійся мгновеніями позади деревьевъ; а черезъ нѣсколько времени русскіе выстроили батарею въ 6 пушекъ, но не стрѣляли.

Безпрерывный приливъ отсталыхъ поддерживалъ офицеровъ въ ихъ заблужденіи, и они терпѣливо ждали прибытія войскъ, запоздавшихъ только, какъ они думали, вслѣдствіе препятствій, встрѣченныхъ въ лѣсу. Около трехъ часовъ они услышали нѣсколько залповъ въ сѣверномъ направленіи. «Это очень далеко», замѣтили они и успокоились, такъ какъ въ раздробленной и далеко разбросанной арміи не стоило обращать вниманія на всѣ выстрѣлы, произведенные тою или другою стороною. Между тѣмъ Верди тщательно осматривалъ свою лошадь. «Славный драгунскій конь!» — проговорилъ онъ и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что она была подкована на шипы.

— Совсѣмъ было бы другое дѣло, еслибъ въ нашей арміи всѣ лошади были подкованы позимнему, — проговорилъ онъ, опуская ногу лошади.

Саперъ задумчиво кивнулъ головою.

— Да,— отвѣчалъ онъ, прищуривъ глаза.—Что дѣлать! Иногда императоръ забываетъ объ очень важныхъ вещахъ...

Приближеніе ночи сильнѣе встревожило ихъ. Отсталые, очень равнодушно относившіеся къ вопросу о переправѣ и думавшіе лишь о пищѣ, мало-по-малу исчезли. Въ сторонѣ Борисова и на востокѣ виднѣлись полосы свѣта, но таинственный пологъ лѣса задерживалъ всѣ звуки, поддерживалъ вокругъ офицеровъ безмолвную тишину.

— Можетъ быть, войска съ трудомъ прокладываютъ себѣ дорогу,--замѣтилъ наконецъ артиллеристъ.

— Мы бы слышали стукъ,—возразилъ саперъ.

Непреодолимое желаніе спать овладѣло Верди и отвратило его отъ этихъ важныхъ вопросовъ. Онъ направился къ опустѣвшимъ хижинамъ вдоль дороги и, найдя сарай, полный сѣномъ, забрался туда и, растянувшись, вскорѣ заснулъ. Когда онъ проснулся, то не понялъ сначала, гдѣ находился.

— А вотъ я гдѣ... — подумалъ онъ, увидѣвъ рѣку, на которой двигался ледъ: — это Березина...

Небо было чисто; гонимыя вѣтромъ льдины тихо скользили по теченію, унося съ собою колеса, повозки, доски, всевозможные обломки. Наконецъ, приблизилось что-то продолговатое, напоминавшее чурбанъ: это былъ трупъ. Вслѣдствіе какого-то столкновенія, онъ повернулся и поплылъ по рѣкѣ ногами впередъ. Такимъ образомъ, это человѣческое тѣло указывало Верди на опасность, призывало его къ сознанію истиннаго положенія вещей.

— Такъ значитъ... переправляются выше!—воскликнулъ онъ и нѣсколько мгновеній оставался неподвиженъ, собираясь съ мыслями, борясь съ самимъ собою.

«Быть можетъ, мнѣ уже отрѣзанъ путь къ отступленію»,—подумалъ онъ въ концѣ концовъ, и такъ какъ каждая лишняя минута усиливала опасность, то онъ бросился сѣдлать лошадь, окоченѣвшую, усталую.

Хотя онъ ничего не зналъ о своей арміи, но чувствовалъ, что она на сѣверѣ, и потому ему слѣдовало вернуться назадъ. Онъ пустилъ лошадь рысью и предоставилъ ее своему инстинкту, только пришпоривая ее по временамъ.

Неожиданно на небѣ появился странный метеоръ; это была звѣзда, направлявшаяся отъ зенита къ сѣверу, оставляя позади себя золотистый слѣдъ.

Выѣхавъ на шоссе, онъ наткнулся на французскій аванпостъ. Онъ не зналъ лозунга и его арестовали...

Препровожденный подъ конвоемъ къ командиру отряда, онъ еще издали узналъ его по высокой фигурѣ и сѣдымъ волосамъ, развѣвавшимся вокругъ ушей. Это былъ генералъ Партуно.

— Ну-съ, поручикъ, вы привезли мнѣ приказанія?—спросилъ онъ, нѣсколько выпрямляясь.

— Нѣтъ, генералъ, напротивъ, я являюсь за приказаніями.

— Хорошо, хорошо, оставайтесь со мною,—возразилъ старикъ.— Мнѣ не хватаетъ офицеровъ, имѣющихъ лошадей...

Онъ снова принялъ свою прежнюю позу и погрузился въ легкую дремоту.

Роль, предоставленная въ Березинской катастрофѣ дивизіи Партуно, какъ извѣстно, была самая роковая. Находясь въ двухъ миляхъ отъ мѣста, выбраннаго для переправы черезъ Березину, она обращала на себя всѣ усилія русскихъ войскъ, продолжавшихъ смыкаться вокругъ французскихъ колоннъ; она являлась точкой соединенія трехъ боевыхъ массъ, состоявшихъ подъ командой Чичагова, Витгенштейна и Кутузова. Уже великая армія, пользуясь двумя жалкими мостами, перекинутыми 26 ноября у Студянки, выбралась изъ роковыхъ тисковъ, но позади нея эти тиски, все суживаясь, грозили сдавить въ смертельное объятіе четыре тысячи людей, скученныхъ на этомъ бивуакѣ.

X.

Что касается Верди, то этотъ историческій день не могъ быть для него ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ обыденныхъ служебныхъ дней въ боевой жизни солдата, ознаменованныхъ усталостью, скукою, голодомъ.

Около шести часовъ утра генералъ Партуно послалъ его съ приказаніями въ арьергардъ.

— Поручикъ, отправьтесь-ка къ генералу Бламону. Передайте ему, что пора сжечь мостъ черезъ Сху и мельницу.

— Слушаю, генералъ. Прикажете остаться при генералѣ Бламонѣ?

— Да, останьтесь... Ясно скажите ему: сжечь мостъ и мельницу... Я всю ночь продумалъ объ этомъ.

Луна только что зашла, и хотя заря была уже близко, но появленіе дня возвѣщалось удвоенной темнотою. Изъ благоразумія Верди пошелъ рядомъ со своею лошадью, часто нащупывая землю носкомъ ноги, и, только свыкшись съ окружавшей его мглой, вскочилъ въ сѣдло.

Онъ достигъ своей цѣли, когда звѣзды уже начали блѣднѣть. Позади него слышались голоса, производившіе перекличку, заглушаемые барабаннымъ боемъ. Обѣ первыя бригады шли къ рѣкѣ, а третья, съ генераломъ Бламономъ, оставалась на бивуакѣ. Около восьми часовъ въ сторонѣ города послышалась ружейная стрѣльба, а на сѣверѣ загрохотали пушки: это Чичаговъ дѣйствовалъ противъ Партуно въ Борисовѣ и Витгенштейнъ—противъ Виктора въ Студянкѣ. Верди не только не прислушивался къ этимъ звукамъ, онъ

даже не слышалъ ихъ; онъ просто присутствовалъ при исполненіи привезеннаго имъ приказанія. Маленькая мельница постепенно разрушалась въ пламени; ледъ вокругъ таялъ, ледяныя сосульки, повисшія у ковшовъ, превращались въ воду, падавшую сильнымъ дождемъ; вдругъ освобожденное колесо повернулось подъ костромъ, точно приготовляясь молоть. Что касается моста, который тоже слѣдовало разрушить, то Бламонъ еще колебался: онъ все не рѣшался окончательно отрѣзать отъ арміи отсталыхъ, прдолжавшихъ двигаться безпрерывнымъ потокомъ; наконецъ, въ полдень онъ исполнилъ приказаніе и, оставивъ позади себя горѣвшій мостъ, вошелъ въ Борисовъ, чтобы смѣнить Партуно, который только что оставилъ его и направился къ Студянкѣ, думая, что послѣ такого жаркаго и кроваваго утра Чичаговъ совершенно устраненъ. Однако, мостъ, сожженный 23-го числа, былъ вновь возстановленъ, и русскіе массами переходили черезъ него, по мѣрѣ того, какъ Партуно отступалъ. Улицы города не замедлили закипѣть новымъ боемъ, который Бламонъ поддерживалъ до самой ночи.

Онъ, въ свою очередь, выступилъ изъ города и съ полмили прошелъ по слѣдамъ дивизіи Партуно; но потомъ, чувствуя за собою погоню казаковъ, остановился и выбралъ себѣ позицію вправо отъ дороги, на возвышенности. Онъ расположилъ батальонъ майора Жуайе фронтомъ къ Борисову; а главныя силы бригады стали тыломъ къ городу, имѣя передъ собой Студянку. Вдали ясно было видно, какъ Партуно схватился съ аванпостами Витгенштейна; артиллеріи удалось укрѣпиться на возвышенности, и оттуда нѣсколько орудій стрѣляли въ густые ряды русскихъ войскъ, сливавшіеся съ сплошною массою лѣсовъ.

Партуно видимо стремился къ востоку; онъ хотѣлъ подняться на возвышенность, чтобы быть на одномъ уровнѣ со своимъ противникомъ. Хотя онъ зналъ, что маршалъ Викторъ стоитъ передъ мостами для прикрытія арьергарда и хвоста арміи, но думалъ, что прямая дорога къ нему была преграждена, а потому слѣдовало искать выхода на правомъ флангѣ. Въ этой-то сторонѣ онъ и рѣшился попытать счастья съ удивительной смѣлостью, но тяжелой неудачей.

Верди былъ возлѣ генерала Бламона. Оба, насквозь прохваченные холодомъ, топали ногами и похлопывали въ ладоши. Вдругъ ординарецъ, котораго они видѣли нѣсколько мгновеній мелькавшимъ среди сумерекъ, приблизился къ нимъ и крикнулъ, что генералъ Партуно приказалъ послать батальонъ «впередъ на правый флангъ». Затѣмъ онъ повернулъ лошадь и ускакалъ, ничего не прибавивъ, ничего не выслушавъ.

— Какъ такъ, на правый флангъ? Зачѣмъ туда? — сказалъ съ неудовольствіемъ Бламонъ и просто приказалъ Верди двинуть впередъ батальонъ майора Жуайе.

Этотъ отрядъ одинъ уцѣлѣлъ изъ всѣхъ войскъ, находившихся

подъ командой Бламона, такъ какъ, дойдя до поворота въ Старый Борисовъ, Жуайе вздумалъ взять влѣво, попалъ въ лѣсъ, проблуждалъ всю ночь и, выбравшись изъ него утромъ, наткнулся на войска Виктора.

Спустя полчаса, Бламонъ, по собственному почину, двинулся съ мѣста. Когда онъ выходилъ на покрытую рытвинами, ничѣмъ не защищенную дорогу, его быстро обогналъ эскадронъ саксонскихъ гусаръ, забытыхъ приказами объ отступленіи. На перепутьи двухъ дорогъ стояло одно орудье съ направленнымъ на Борисовъ жерломъ; имъ командовалъ поручикъ, сильно встревоженный и не имѣвшій никакихъ свѣдѣній о ходѣ дѣлъ.

— Дорога вправо, навѣрно, ведетъ къ рѣкѣ,— замѣтилъ Верди, прислушиваясь къ доносившемуся оттуда шуму отъ катящихся повозокъ.

— У насъ нѣтъ выбора, — отвѣчалъ генералъ и, не колеблясь, свернулъ вправо, въ ту сторону, гдѣ кипѣла битва.

Пройдя съ четверть мили, они наткнулись на дивизію Партуно, скученную въ оврагѣ, надъ которымъ господствовала русская артиллерія, и изъ котораго она не могла выбраться. Въ это самое время Партуно, полагая попрежнему, что спасеніе направо, карабкался на возвышенность съ нѣсколькими сотнями людей и прямо шелъ на гибель. Позади его оставалась масса отсталыхъ, которые безсмысленно, лежа на землѣ, умирали огуломъ отъ непріятельскаго огня и мороза. Такимъ образомъ Бламонъ привелъ своихъ солдатъ не для борьбы, а лишь для увеличенія безжалостной, безсмысленной рѣзни.

Офицеры одни стояли среди этихъ распростертыхъ на землѣ солдатъ и въ полголоса говорили между собою о капитуляціи. Какой-то капитанъ, прискакавшій верхомъ, увеличилъ еще общую панику, объявивъ, что оба моста у Студянки горятъ, и что отступленіе немыслимо. Верди вызвался, чтобы провѣрить это извѣстіе.

Ослѣпленный поднявшейся вьюгой и пригнувшись къ шеѣ своей лошади, онъ выбрался изъ оврага и кое-какъ достигъ до края возвышенности. Оттуда онъ увидѣлъ на западѣ красноватый отблескъ, слѣды пожара, уничтожавшаго мосты. Въ той же сторонѣ слышалась артиллерійская стрѣльба; ближе, подъ деревьями, мелькали отдѣльные огоньки, до того неожиданные по своимъ вспышкамъ, что можно было бы принять ихъ за свѣтъ одного и того же факела, незамѣтно переносимаго съ мѣста на мѣсто.

Онъ вернулся обратно. По дорогѣ что-то тяжелое пронеслось у него надъ головою, съ силою разрѣзавъ воздухъ; онъ понялъ, что это ядро, и «поклонился», словно новобранецъ. Ясно было, что по ту сторону рѣки расположена русская батарея, неустанно стрѣлявшая по остаткамъ отряда, скученнаго въ оврагѣ. Онъ обернулся, чтобы разглядѣть ее, но ничего не замѣтилъ и только на небѣ увидѣлъ широкое зарево — отблескъ бивуачныхъ огней.

— Это армія,—проговорилъ онъ.—Куда только идетъ она — на Вильну или на Минскъ?

Этотъ вопросъ, однако, не представлялъ особеннаго интереса, и онъ вернулся къ роковому оврагу, поразившему его своимъ безмолвіемъ. Бламонъ приказалъ развести на краю дороги небольшой костеръ и тщательно сжигалъ на немъ орлы шести полковъ. Это было вызвано прибытіемъ парламентора, объявившаго, что Партуно взятъ въ плѣнъ, и что на возвышенности стоятъ три соединенныя русскія арміи. Наступила минута сдачи.

Верди подошелъ къ генералу и попросилъ предоставить ему свободу дѣйствія.

— Предоставить вамъ свободу?... — иронически повторилъ Бламонъ. — Ступайте, но хорошенько берегите вашу свободу...

Оставался еще одинъ исходъ—переправиться черезъ Березину вплавь. Верди сталъ спускаться по уклонамъ, осторожно, остерегаясь ямъ. Онъ ничѣмъ не оріентировался, задавшись лишь одною мыслью—спускаться и спускаться, увѣренный, что тамъ, внизу, онъ найдетъ рѣку. Вѣтеръ крѣпчалъ. Быть можетъ, рѣка снова станетъ, и весь сложный вопросъ о переправѣ будетъ рѣшенъ простымъ пониженіемъ температуры. Но онъ наткнулся на болото, по ту сторону котораго свѣтились и катились воды рѣки. Достаточно было этого одного препятствія, чтобы охладить его энергію. Онъ снова впалъ въ то пассивное отчаяніе, которому такъ часто поддавался со времени смерти «Консула».

Однако, онъ вдругъ вспомнилъ о Маржерэ и его совѣтахъ всегда «надѣяться» и снова двинулся впередъ.

Вскорѣ онъ наѣхалъ на расположившихся бивуакомъ отсталыхъ, въ которыхъ призналъ артиллеристовъ. Онъ спросилъ ихъ, гдѣ ихъ полки, но они отказались отвѣчать. Впрочемъ, они казались не опасными и неспособными напасть на вооруженнаго офицера; лошадь тоже не могла соблазнять ихъ, такъ какъ они были сыты и тащили за собою цѣлыя туши жаренаго мяса. Руководствуясь этими соображеніями, Верди разсѣдлалъ лошадь и привязалъ къ дереву. Затѣмъ, оттолкнувъ одного изъ спящихъ, онъ силою занялъ мѣсто у костра и тотчасъ заснулъ.

На разсвѣтѣ шумъ битвы разбудилъ его.

— Какимъ образомъ еще могутъ сражаться на этомъ берегу?— спросилъ онъ самого себя и, тотчасъ же поддавшись надеждѣ, что, быть можетъ, еще не вся армія перешла на тотъ берегъ, поспѣшно выбрался изъ лѣса и достигъ возвышенности.

По мѣрѣ того, какъ онъ поднимался, онъ все шире окидывалъ взглядомъ долину Березины; передъ нимъ открывались постепенно противоположныя возвышенности съ залитыми солнцемъ гребнями, низкій берегъ, наконецъ, рѣка — блѣдная извилистая лента — и на ней два черныя загражденія, близкія одно къ другому, наполненныя двигавшимися черными точками.

— Мосты!—крикнулъ онъ во весь голосъ,—мосты не сожжены!

Онъ рванулся впередъ, опьянѣвъ отъ радости и надежды. Однако многочисленные непріятельскіе патрули объѣзжали окрестности, и повсюду казацкія пики придавали кустамъ щетинистый видъ. Деревня Студянка, едва видимая изъ-за густыхъ облаковъ дыма, была очевидно центромъ жаркаго боя, а Верди необходимо было держать путь на Студянку. Онъ не думалъ ни о чемъ и продолжалъ нестись галопомъ. Вдругъ его лошадь поскользнулась всѣми четырьмя ногами, и онъ едва удержался въ сѣдлѣ.

— Гопъ! Консулъ! Гопъ! Мосты не сожжены!

И двумя ударами шпоръ онъ снова пустилъ лошадь прежнимъ аллюромъ. Вдругъ онъ замѣтилъ, что скачетъ позади отряда казаковъ, растянувшагося на большое разстояніе и тоже направлявшагося къ Студянкѣ; нѣсколько далѣе ручей, протекавшій справа налѣво, перерѣзалъ ихъ общую дорогу. Черезъ ручей былъ перекинутъ маленькій мостикъ, доступъ къ которому былъ прегражденъ сильною ружейною стрѣльбою. Не давая себѣ яснаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и видя только, что казаки бросились въ атаку, онъ пригнулся къ лукѣ, обнажилъ саблю и полетѣлъ впередъ, прокладывая себѣ дорогу чрезъ толпу враговъ. Онъ уже думалъ, что обогналъ ихъ, какъ вдругъ сильный ударъ въ плечо заставилъ его нагнуться; сабля выпала у него изъ рукъ, и онъ, ошеломленный, упалъ на шею лошади. Не понимая еще, что съ нимъ случилось, но вполнѣ чувствуя опасность, онъ выпрямился, выхватилъ пистолетъ и хотѣлъ выстрѣлить въ растрепанную голову, показавшуюся возлѣ него съ правой стороны.

Онъ спустилъ курокъ, но выстрѣла не послѣдовало.

— Осѣчка! — подумалъ онъ,— я погибъ...

Въ ту же минуту лошадь, сразу остановленная на всемъ скаку, снова заставила его упасть къ ней на шею.

Мохнатый рукавъ протянулся къ его поводьямъ; костлявое лицо, обрамленное бородою и сѣдыми волосами, улыбалось ему широкою улыбкою, обнаруживавшею подъ приподнятою верхнею губою острые, неровные зубы.

Былъ ли пистолетъ Верди силою выхваченъ у него, или же онъ самъ, по слабости, выронилъ его, но только это безполезное оружіе очутилось на землѣ; въ то же время онъ почувствовалъ въ плечѣ жгучую боль, постепенно распространявшуюся внизъ по рукѣ, и кровь заструилась вдоль его пальцевъ.

— Вотъ ты и въ плѣну, братъ-мусью,— сказалъ казакъ и, вытащивъ изъ кармана веревку, крѣпко привязалъ захваченную лошадь къ своему собственному сѣдлу.

— Взятъ и раненъ, понимаю—думалъ Верди, оправляясь постепенно отъ изумленія. — Плѣнный... значитъ, я не перейду черезъ рѣку... Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что этотъ дикарь не перерубилъ мнѣ артеріи...

Онъ посмотрѣлъ прежде на горячія капли крови, убѣгавшія за ободки ногтей, а потомъ на окровавленное остріе пики. Казакъ уловилъ этотъ взглядъ и, перевернувъ пику, съ явнымъ выраженіемъ отвращенія, торопливо вытеръ ее о снѣгъ. Между тѣмъ толпа его товарищей удалялась и исчезала, смѣшавшись съ другими частями передвигавшихся войскъ. Слѣдуя въ ихъ хвостѣ и доѣхавъ до мостика, казакъ пустилъ обѣихъ лошадей галопомъ. Далѣе они обогнули Студянку, и Верди пришлось увидѣть постепенно три русскія колонны, выстроившіяся передъ войсками Виктора, которыя, стоя тыломъ къ деревнѣ и развернувшись полукругомъ, не были въ силахъ удержать всю позицію и тяготѣли къ сѣверу, не имѣя никакой точки опоры. Русская батарея наблюдала за свободнымъ пространствомъ, остававшимся между лѣвымъ французскимъ флангомъ и рѣкою; рядомъ съ этою батареею, по собственному почину, занялъ мѣсто казацкій отрядъ, въ хвостѣ котораго скакалъ Верди. Увлекаемый лошадью, несшеюся на привязи, онъ догналъ казаковъ, въѣхалъ въ ихъ ряды и затерялся среди нихъ. Тогда-то онъ снова увидѣлъ рѣку, и передъ его глазами разыгралась самая ужасная сцена роковой драмы, именно ея страшная развязка: конецъ перехода черезъ Березину.

На всемъ пространствѣ отъ деревни до берега обширная равнина кишѣла человѣческими существами. Отсталые, дезертиры, женщины, повозки, животныя — вся эта масса въ безпорядкѣ неслась къ мостамъ и, находя доступъ къ нимъ прегражденнымъ, поворачивала, хотѣла вернуться обратно, взять въ сторону, уйти куда нибудь; но на нее напирали новыя толпы, и общее смятеніе усиливалось. Такимъ образомъ, пока регулярныя войска направлялись къ Франціи по доскамъ, перекинутымъ черезъ рѣку генераломъ Эбле, пока этотъ человѣческій потокъ преодолѣвалъ препятствіе, воздвигнутое ему стихіей, подонки арміи останавливались у встрѣченной преграды и бродили въ своемъ соку. Вся эта масса была до того плотно скучена, что общій видъ ея, самъ по себѣ, не заключалъ въ себѣ ничего ужаснаго, и только стоны и вопли, дрожавшіе въ воздухѣ, выдавали всю силу ея страданій. Однако многіе пытались спастись во что бы то ни стало: одни — шли на проломъ, не смотря на усилія часовыхъ; другіе бросались въ рѣку совершенно нагіе, и ихъ красныя тѣла боролись съ водою, напоминавшею по цвѣту чернила; третьи взбирались на льдины и, упавъ съ нихъ, барахтались въ водѣ. Березина, переполненная трупами, казалась адскимъ котломъ, въ которомъ варятся грѣшники. Но если кто нибудь и достигалъ послѣ сверхъестественныхъ усилій праваго берега, то тамъ заграждали дорогу оставшіяся безъ всадниковъ и сѣдоковъ лошади; въ упряжи, безъ упряжи, съ волочащимися позади нихъ оглоблями, онѣ тѣсно прижимались другъ къ другу, образуя непроницаемую преграду. Прогоняемые людьми, не пропускаемые животными, несчастные рѣшались

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

АВГУСТЪ, 1896

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1896 г.

См. слѣд. стр.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ СЕСЛАВИНЪ.

Съ гравюры Ческаго, сдѣланной съ портрета Витберга.

Дозв. ценз. 23-го іюля 1896 г. СПБ.

СИЛЬФИДА[1].

(Романъ въ трехъ частяхъ).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА крайне недовѣрчиво относилась къ заграничной поѣздкѣ Андрея Михайловича. Она знала, что всѣ его привычки, всѣ свойства его натуры, требуютъ непремѣнно домашней обстановки, что тамъ онъ будетъ страдать отъ непривычной жизни и еще больше разстроится. А если бы ему тамошняя жизнь пришлась по душѣ, то, можетъ, это еще хуже. Вѣдь онъ не можетъ жить безъ какой нибудь страсти, которая поглощала бы его всего. А Богъ знаетъ, какая страсть овладѣетъ имъ.

То, что она слышала про заграничную жизнь, не особенно утѣшало ее. Про Парижъ она думала не иначе, какъ о городѣ порока. То, что говорилъ ей про Европу Алексѣй Михайловичъ, можетъ быть, гдѣ нибудь и было, да только Андрею Михайловичу того не найти. Ужъ онъ такъ созданъ, что непремѣнно натолкнется на что нибудь дурное, что будетъ стоить ему много денегъ и здоровья.

Андрей Михайловичъ каждую недѣлю присылалъ ей письмо, въ которомъ старался успокоить ее. Онъ писалъ, что лѣченье дѣй-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXV, стр. 5.

ствуетъ на его болѣзнь благопріятно, что комната хороша, и что онъ ведетъ здоровую жизнь. Успокоительныя вещи получила она и отъ Алексѣя Михайловича, который, зная, что она безпокоится, счелъ своимъ долгомъ написать ей насколько могъ. Онъ писалъ:

«Безъ сомнѣнія, какъ вы знаете, брату трудно будетъ уложить свои привычки въ рамки европейской жизни. Здѣсь нѣтъ людей, которые съ трепетомъ смотрѣли бы ему въ глаза и мчались, сломя голову, хоть въ пропасть, лишь бы исполнить его желаніе. Европейцу, слава Богу, уже не свойственъ великій подвигъ рабства, когда люди отдавали другому свою волю, свои силы и свою жизнь. Но съ другой стороны разумная жизнь, которую онъ здѣсь встрѣтилъ вездѣ, справедливыя отношенія между людьми и опредѣленный смыслъ въ жизни, пронизывающій каждое движеніе европейца,— должны неминуемо повліять на его душу и освѣжить ее».

Наташа, въ виду всѣхъ такихъ извѣстій, начала было успокоиваться, но вдругъ получила извѣстіе о кончинѣ княгини въ Римѣ.

Это извѣстіе повліяло на нее крайне удручающимъ образомъ— въ головѣ ея промелькнули странныя сопоставленія. Хотя княгиня была стара, больна, но все же, пока оставалась на своемъ прирожденномъ мѣстѣ, у себя дома, жила помаленьку. А какъ только вздумала перемѣнить мѣсто, сейчасъ же и смерть пришла. Хотя тамъ, въ этомъ Римѣ, и воздухъ хорошъ, и тепла много, и небо голубое, а вотъ для русскаго человѣка все это не въ прокъ.

И она, сопоставляя такимъ образомъ, прилагала эти выводы къ Андрею Михайловичу и боялась, что и для него перемѣна обстановки окажется пагубной.

Она испытывала чрезвычайно опредѣленное чувство страха. Это не была боязнь неизвѣстной опасности, тревожное состояніе неизвѣстности, нѣтъ, это было нѣчто гораздо болѣе худое. Иногда среди разговора, или на улицѣ, или въ церкви, или даже въ театрѣ, когда она сидѣла съ Таней и Надей въ ложѣ и, глядя на сцену, казалось, забывала обо всемъ земномъ и переносилась въ міръ иной, вдругъ ее охватитъ томительное мрачное ощущеніе смерти, и сейчасъ же нарисуется въ душѣ образъ Андрея Михайловича... Она не говорила никому, даже себѣ самой не могла дать объясненія этому, но въ глубинѣ души у нея все выростало опасеніе, даже почти увѣренность, что онъ тамъ, за границей, умретъ.

Откуда приходятъ въ человѣческую душу такія опредѣленныя предчувствія, Богъ знаетъ. Они часто касаются людей дорогихъ, людей, съ жизнью которыхъ мы слили нашу жизнь. Тогда ихъ можно объяснить чуткостью къ самому себѣ, къ своей жизни. Но этотъ человѣкъ сдѣлалъ ей столько зла, такъ глубоко и безповоротно испортилъ ея жизнь, столько горя нанесъ ей...

Но въ томъ-то и дѣло, что, не смотря ни на что, образъ его никогда не переставалъ свѣтиться въ ея сердцѣ, и этотъ человѣкъ

всегда былъ ей дорогъ. Наташа принадлежала къ тѣмъ цѣльнымъ женскимъ натурамъ, для которыхъ любовь—не наслажденіе, а несчастье. Онѣ могутъ отдавать душу только одному, и пусть потомъ онъ окажется недостойнымъ обидчикомъ, мучителемъ, они уже не могутъ взять ее обратно. Онѣ будутъ тихо или бурно страдать, но никогда ихъ сердце не перестанетъ биться для него, никогда другой образъ не смутитъ ихъ.

Наташа долго сопротивлялась, но полюбила его въ тѣ часы, когда онъ былъ безпомощенъ и могъ умереть изъ-за нея. Съ той минуты она всегда и вся только ему одному принадлежала.

Новое извѣстіе еще больше встревожило ее. Андрей Михайловичъ, старый камердинеръ, прислалъ письмо кому-то изъ дворни, и, понятно, объ этомъ письмѣ говорили всѣ, и содержаніе его дошло до Натальи Александровны. Старый камердинеръ описывалъ свою жизнь и прибавлялъ: «и встрѣтили мы тутъ господина Ступича, который въ Питерѣ барина нашего на большія деньги обыгралъ. И баринъ встрѣтилъ его безъ сердца, и теперь онъ у насъ часто бываетъ и самый первый пріятель барину сталъ»...

Это извѣстіе поразило Наташу. Какъ? Тамъ эта встрѣча? Тамъ у него нѣтъ знакомыхъ и некому повліять на него? Отъ скуки онъ, конечно, станетъ играть и увлечется игрой. И тогда погибнетъ все его лѣченье, и Богъ знаетъ, быть можетъ, и состояніе.

И опять ей представилось, что дѣвочкамъ грозитъ нищенство. А онѣ подростаютъ. Танѣ уже стало четырнадцать лѣтъ. По понятіямъ, да и по виду—она еще совсѣмъ ребенокъ, но года имѣютъ свои права, и скоро ей придется, можетъ быть, вступить въ свѣтъ. Вѣдь онъ, Андрей Михайловичъ, такъ желалъ этого. Что же будетъ, если онѣ останутся безъ средствъ, если онъ вдругъ подъ вліяніемъ вновь проснувшейся въ немъ страсти опять ринется въ пропасть, отъ которой его спасла уже однажды только несчастная болѣзнь?

И ее почти не успокоило письмо, которое она получила отъ Андрея Михайловича. Въ немъ онъ просто разсказывалъ о своей встрѣчѣ съ Ступичемъ. Онъ писалъ:

«Вотъ, Наташа, никакъ не догадаешься, кого я здѣсь встрѣтилъ. Помнишь Ступича, который такъ искусно переложилъ изъ моего кармана въ свой полъ-милліона? Встрѣтилъ я его на улицѣ Ривали, когда однажды прогуливался передъ обѣдомъ. Вотъ такъ встрѣча! Онъ, должно быть, узналъ меня сразу, потому что такъ и пригвоздился къ мѣсту. Надо полагать, думалъ, что я кинусь на него и вцѣплюсь ему въ горло... Не зналъ онъ меня, слѣдовательно. Онъ думалъ, что я изсохъ по этимъ деньгамъ, а я не только не изсохъ, а даже растолстѣлъ. Вотъ вижу, онъ улепетнуть хочетъ, тогда я ему прямо: вы — Ступичъ? Ну, тутъ ужъ ему никакъ невозможно было отвертѣться. Я, говоритъ, самый и

есть. Но вижу—поблѣднѣлъ и неловкость чувствуетъ. Тогда я ему прямо: пожалуйста, говорю, не думайте, что вы меня разорили, и что я помню про эти деньги; я о нихъ никогда и не думаю. А вы, говорю, мнѣ всегда были пріятны, ну, такъ давайте водить компанію! И пошли обѣдать. И ты, Наташа, не бойся этой встрѣчи. Я уже игрой увлечься не могу. Игра для меня—ничто. Да и Ступичъ съ тѣхъ поръ, какъ поправилъ свои дѣла, ни разу картъ въ руки не бралъ. Значитъ, и соблазнить ему меня не расчетъ. Онъ говоритъ: если бы и, говоритъ, я вздумалъ играть, то никогда не сталъ бы играть съ человѣкомъ, который проигралъ такой кушъ. По себѣ, говоритъ, знаю, какъ это научаетъ благоразумію и осторожности. И вотъ мы съ нимъ каждый день видимся и прекрасно проводимъ время. Онъ сталъ парижаниномъ; все знаетъ здѣсь, какъ у себя дома; общество у него—отличное, и я пріятно провожу время въ этомъ обществѣ».

Такъ писалъ Андрей Михайловичъ, а Наташа все не довѣрялась этимъ успокоеніямъ. Вѣдь и тогда, какъ послѣ она узнала отъ самого Андрея Михайловича, Ступичъ сначала изображалъ изъ себя человѣка, который въ руки не беретъ картъ, а затѣмъ оказалось, что онъ опасный игрокъ.

И она со дня на день ждала извѣстія о томъ, что Андрей Михайловичъ началъ играть и, конечно, проигрывать.

Безпокойство ея дошло до того, что она рѣшилась написать въ Петербургъ пану Шипицкому, съ которымъ никогда не переписывалась. Она сообщила ему новость о встрѣчѣ Андрея Михайловича съ Ступичемъ и просила сообщить, не требовалъ ли Андрей Михайловичъ въ Парижъ высылки чрезвычайной суммы денегъ.

Панъ Шипицкій, которому всегда доставляло удовольствіе, когда Наташа обращалась къ нему за какой нибудь услугой, поспѣшно отвѣтилъ ей успокоительно. Андрей Михайловичъ никакихъ чрезвычайныхъ суммъ не требовалъ. Но тутъ же панъ Шипицкій и отравилъ свои собственныя успокоенія. Онъ сообщилъ:

«Быть можетъ, однако, въ скоромъ времени большая сумма генералу потребуется. Долгомъ считаю освѣдомить васъ, что онъ уже мѣсяца съ три подумываетъ о пріобрѣтеніи въ Парижѣ какого либо дома въ свою собственность для удобства постояннаго жительства».

Это извѣстіе страшно обезпокоило Наташу. Домъ въ Парижѣ, это значитъ, что онъ разсчитываетъ пробыть тамъ долго. А она, пока онъ такъ далеко, на чужбинѣ, всего боялась. Не избалованная его частымъ присутствіемъ въ одномъ домѣ съ нею, она тѣмъ не менѣе чувствовала себя не безопасной, когда онъ былъ слишкомъ далеко. Тяжело жилось Наташѣ въ это время. Нравственной помощи ей нельзя было ждать ни отъ кого. Пока была жива княгиня, Наташа изрѣдка, когда становилось ужъ очень тяжело, обращалась къ ней за утѣшеніемъ, и княгиня всегда находила для нея нѣсколько

добрыхъ словъ и разумныхъ совѣтовъ. Кромѣ того, она вліяла и на Андрея Михайловича очень сильно и благородно. Онъ рѣдко не исполнялъ ея желанія. Развѣ ужъ какая нибудь страсть совсѣмъ ослѣпила его, какъ было это съ картами. Но княгиня умерла, и у нея никого не осталось.

Тетушка зарылась въ своей деревенькѣ и только и дѣлала, что отмаливала свои грѣхи, которыхъ у нея и было-то немного. Она уже ничѣмъ не интересовалась, и когда Наташа писала ей о своихъ горестяхъ и просила совѣта, она отвѣчала коротко: «Молись, Наташа, Богу, и я за тебя буду молиться». Наташа и то довольно молилась. Чуть что тревожное происходило въ ея жизни, тотчасъ она брала дѣвочекъ и ѣхала къ Иверской Богоматери. Она говорила дѣтямъ:

— Молитесь за отца, чтобы Богъ его сохранилъ намъ надолго.— И дѣти тогда начинали смутно чувствовать тревогу, какъ бы заражаясь отъ нея. И въ домѣ становилось неладно. «Иностранки», которыя отъ долговременнаго пребыванія въ домѣ, сдѣлались въ немъ своими, сжились съ ними, чувствовали то же самое, какъ будто и въ ихъ жизни совершается что-то роковое и тяжелое.

Единственный человѣкъ, ободрявшій ее своими здоровыми мыслями и совѣтами, это былъ генералъ Тугаринъ, но онъ теперь рѣдко выходилъ изъ дому и еще рѣже появлялся на Дмитровкѣ. Старыя раны открылись и страшно досаждали ему, а нога не давала покою. Онъ похудѣлъ, осунулся, глядѣлъ хилымъ и дряхлымъ старикомъ и не могъ уже ходить безъ посторонней помощи. Чаще и чаще онъ говорилъ о смерти, и смерть уже была не далеко отъ него. Но онъ какъ-то необыкновенно стоически относился къ ней. Онъ говорилъ:

— Я свое прожилъ! И взялъ отъ жизни все, что мнѣ было надо. Я сдѣлалъ довольно и добра и зла. Если на томъ свѣтѣ и будутъ ихъ взвѣшивать, то они другъ за друга станутъ. Жилъ я не спѣша, никогда ни за что жадно не хватался. Ну, и умру тоже не спѣша.

Его друзья Оступишины не покидали его. Когда онъ постарѣлъ и одряхлѣлъ, они еще больше привязались къ нему, постоянно сидѣли у него въ домѣ, старались развлечь его и успокоить. Это была чрезвычайно трогательная привязанность. Въ сущности она была совершенно безкорыстна. Въ прежнее время Оступишины могли питать къ Тугарину благодарность за то, что онъ имъ покровительствовалъ и помогъ познакомиться съ свѣтскими людьми, которые, благодаря его вліянію, привыкли признавать ихъ своими, не смотря на то, что они принадлежали къ «низкому званію». Но теперь это уже не имѣло значенія. Оступишины благополучно проникли въ гостиныя, обладали репутаціей «милыхъ молодыхъ людей», хотя каждому изъ нихъ было лѣтъ подъ сорокъ, а въ покровительствѣ Тугарина не нуждались. Да онъ, разбитый и больной, уже и не могъ

оказывать имъ покровительства. Онъ нигдѣ не бывалъ, болѣзнь заставила его прервать всѣ прежнія связи, но Оступишины не покидали его. Они привязались къ нему, просто какъ къ человѣку. Ихъ приводилъ въ восторгъ его рыцарскій нравъ, оставшійся неизмѣннымъ, не смотря на старость и болѣзнь. Они были его вѣрными друзьями и готовы были во всякую минуту сдѣлаться его слугами.

Но дни его были сочтены, и братья съ грустью иногда даже поговаривали о томъ, что конецъ можетъ наступить со дня на день, и ждали его внезапно.

Былъ еще одинъ человѣкъ у Наташи, отъ котораго она могла ждать поддержки: Лиза. Но ея жизнь устроилась такъ, что она сама нуждалась въ поддержкѣ и часто искала ее у Наташи.

III.

После того, какъ Лиза съ мужемъ переѣхала жить въ собственный домъ на Маросейкѣ, очень скоро она стала догадываться, что любовь къ ней мужа, зародившаяся такъ внезапно, совсѣмъ не то, что она искала. Конечно, и она влюбилась въ него неожиданно именно въ тотъ день, когда объ немъ заговорили, и когда онъ прислалъ ей первый букетъ. Но она влюбилась уже навсегда. У нея была такая же натура, какъ и у Наташи. Полюбивъ она шла въ рабство.

Сербичъ мѣсяца два былъ довольно нѣженъ къ ней. Въ сущности она ему нравилась. Молодая, хорошенькая и влюбленная, она волновала его кровь. Но интересъ навѣрно скоро прошелъ и, не имѣя глубокаго основанія въ чувствѣ, онъ, видимо, охладѣлъ къ ней.

Но, и охладѣвъ, онъ считалъ своимъ долгомъ удѣлять ей нѣжности и имѣть видъ влюбленнаго. Вѣдь онъ чувствовалъ себя обязаннымъ ей своимъ благосостояніемъ. Не случись оно, не было бы у него дома и капитала и такой значительной родни. Не случись это, дослужилъ бы онъ до конца, а тамъ вышелъ бы въ отставку и поѣхалъ бы въ свою деревеньку заниматься хозяйствомъ. А теперь съ самаго начала было видно, что служба его пойдетъ иначе.

Сербичъ служилъ исправно и даже обладалъ нѣкоторыми выдающимися способностями. Но, ничѣмъ не подчеркнутый, онъ старался напрасно. Ни его усердія, ни способностей не хотѣли замѣчать.

Теперь, когда стало извѣстно, что онъ породнился съ Бентышъ-Полянскимъ, блестящую службу котораго еще помнили, да къ тому-жъ, что онъ сталъ богатъ, какъ-то невольно обратили вниманіе на его службу и замѣтили то, что было всегда. И уже въ первый годъ онъ получилъ повышеніе не въ очередь, а обращеніе начальства изъ холоднаго и формальнаго превратилось въ столь предупредительно-любезное, что можно было ожидать благопріятнаго движенія и въ будущемъ.

Такимъ образомъ Сербичъ имѣлъ основаніе думать, что бракъ съ Лизой принесъ ему много благъ. И не это одно заставляло его быть нѣжнымъ съ Лизой и изображать влюбленнаго, а и то, чтобы сохранить хорошія отношенія съ Бентышъ-Полянскимъ. Малѣйшее недоразумѣніе въ ихъ семьѣ, конечно, тотчасъ отразится на этихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ гнѣвъ Андрея Михайловича, который считалъ себя виновникомъ этого брака, могъ тяжело отозваться на его карьерѣ. Денегъ отнять у него не могли, но зато могли не увеличить его благосостоянія. А вѣдь Бентышъ-Полянскій далеко не вѣченъ. Его смерть можетъ вызвать наслѣдство, въ которомъ, быть можетъ, и имъ что нибудь перепадетъ.

Но Лиза смутно чувствовала въ его ласкахъ что-то неискренное, и это заставляло ее испытывать постоянную душевную тревогу. Она пріѣзжала къ Наташѣ вся въ слезахъ и жаловалась, но такъ, что Наташа не могла понять, чѣмъ собственно она недовольна.

— Не любитъ онъ меня! Не любитъ, Наташа! Женился онъ не на мнѣ, а на деньгахъ, — говорила она.

— Да изъ чего же ты это видишь?

— Не знаю! А только это такъ!

— Что же, обидѣлъ онъ тебя? Грубо обращается?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего этого не было... Онъ со мною нѣженъ, даже слишкомъ, слишкомъ нѣженъ.

— Ну, такъ что же?

— А то, что я чувствую... чувствую неправду!.. И въ глазахъ его вижу... Ахъ, Наташа!.. А я-то какъ влюбилась!.. Нѣтъ, лучше бы мнѣ было совсѣмъ не выходить замужъ!..

Наташа старалась успокоить ее, но ей это давалось трудно, потому что въ это время у самой кошки скребли на душѣ. Увы, она слишкомъ хорошо по себѣ знала, что можно это чувствовать и тогда, когда все кругомъ идетъ, повидимому, хорошо. Теперь она начала думать, что Сербичъ въ самомъ дѣлѣ женился на Лизѣ по расчету. Она тогда не приняла во вниманіе всѣхъ обстоятельствъ. Она не придала значенія тому, что онъ, бывая нѣсколько лѣтъ въ домѣ, никогда не обмолвился передъ Лизой ни однимъ словомъ, которое было бы любезнѣе обычныхъ разговоровъ, и затѣмъ вдругъ стремительно началъ всячески выражать свою любовь. Конечно, то же самое было съ Лизой, но дѣвушка совсѣмъ иначе устроена. Могла же она, Наташа, только по тому, что человѣкъ дрался изъ-за нея на дуэли, и жизни его грозила опасность, могла же она отдать всю свою душу безъ остатка человѣку, который насиліемъ взялъ ее, оторвалъ отъ любимаго искусства, разбилъ всѣ ея планы и перемѣнилъ ея судьбу.

И сердце Наташи, изболѣвшее отъ своего собственнаго горя, еще больше начинало болѣть за Лизу. Она прилагала старанія утѣшить ее, но слезы у самой навертывались на глаза, и она, забывая о своей роли утѣшительницы, говорила:

— Такая уже наша судьба, Лиза! Такая судьба!

А это, разумѣется, заставляло Лизу еще больше плакать.

Сербичъ подолгу отсутствовалъ изъ дому и въ это время встрѣчался съ прежними пріятелями. Въ ресторанѣ, гдѣ прежде онъ игралъ чрезвычайно скромную роль, теперь ему оказывали особое почтеніе. Традиціи въ этомъ учрежденіи всегда почитались священными, а имя Бентышъ-Полянскаго здѣсь еще помнили, и потому его зять имѣлъ всѣ права на исключительное вниманіе. Самъ Сербичъ не проявлялъ наклонности къ расточительности, но все же онъ значительно повысилъ марку вина, которое пилъ, и счеты его стали крупнѣе.

Но онъ тщательно скрывалъ отъ Лизы свои сношенія съ этимъ міромъ. Вообще онъ хотѣлъ считаться въ высшей степени корректнымъ мужемъ, его самолюбіе и расчеты требовали, чтобы Лизу считали счастливой. Но Лиза, хотя и не знала о его посѣщеніи ресторана, все же счастливой себя не считала.

Былъ еще одинъ расположенный человѣкъ у Наташи, это—Верховскій. Онъ и ободрялъ ее, насколько могъ, но у него было слишкомъ много своей заботы. Онъ пережилъ цѣлую драму, которая и сблизила его съ Наташей.

Дѣло въ томъ, что, вращаясь постоянно въ обществѣ, Верховскій, прямотой натуры доброй, простой, отзывчивой, какую далъ ему Богъ, пріобрѣлъ себѣ другую: холодную и отчасти расчетливую. Самъ онъ, по своему положенію мелкопомѣстнаго дворянина, не имѣлъ въ этомъ обществѣ связей, онѣ завелись у него, только благодаря дружбѣ Тугарина и Бентышъ-Полянскаго. Ему приходилось всего добиваться, а добиваться было необходимо, этого требовало его самолюбіе.

И вотъ, идя по этому пути, однажды онъ пришелъ къ заключенію, что ему необходимо закрѣпить свои связи съ обществомъ женитьбой. Онъ намѣтилъ невѣсту, у которой были и деньги и значительная родня, и, не дѣлая формальнаго предложенія, сталъ ухаживать, чтобъ такимъ образомъ подготовить почву. Ему легко было вызвать сочувствіе, такъ какъ онъ былъ красивъ и ловокъ, и онъ это замѣтилъ.

Все пошло бы хорошо, но въ это же время онъ переживалъ муки. Другая сторона его натуры, именно та, которую далъ ему Богъ, возмущалась предстоящимъ бракомъ и напоминала ему объ обязанности по отношенію къ Дашѣ. Вѣдь Дашу онъ любилъ искренно, а она была привязана къ нему буквально, какъ вѣрная собака. Она жила только его волей, которую хотѣла бы вѣчно исполнять; вся ея жизнь была въ немъ. Тысячу разъ онъ клялся ей, что никогда ни на комъ не женится, а будетъ принадлежать только ей.

И вотъ соображеніе, самолюбіе и расчетъ заставляютъ его измѣнить этимъ клятвамъ. Вспомнилъ онъ и тотъ эпизодъ, уже однажды

такъ потрясшій его душу, когда онъ поставилъ Дашу на пари съ Оступишинымъ и выигралъ крѣпостныхъ молодцевъ. Тогда онъ сдѣлалъ это по легкомыслію, тщеславіе помѣшало ему поступить справедливо и отказаться отъ этого постыднаго пари. И судьба же захотѣла дать ему ужасный урокъ. Поставленная на карту, Даша выиграла ему двѣнадцать душъ, оказавшихся ему полезными.

И когда это случилось, когда онъ послѣ нѣсколькихъ ужасныхъ ночей, лишенныхъ сна, вдругъ узналъ, что выигралъ пари, вѣдь онъ торжественно поклялся жениться на Дашѣ.

Теперь онъ переживалъ двойную муку. У него не хватало силы отказаться отъ выгодъ, какія сулила ему предстоящая женитьба. И его видѣли нѣсколько дней блуждающимъ, какъ тѣнь. Онъ измѣнился, похудѣлъ и пожелтѣлъ. Напрасно Даша любовно спрашивала его, что съ нимъ, отчего онъ такъ измѣнился, онъ не могъ дать ей объясненія, онъ только съ безконечной грустью смотрѣлъ ей въ глаза и чувствовалъ, какъ онъ ее любитъ и какое счастье добровольно теряетъ.

Въ это время онъ вовсе не заходилъ на Дмитровку и также ни разу не былъ у Тугарина. Ему какъ будто было стыдно показываться къ людямъ, которыхъ онъ уважалъ.

Борьба привела къ тому, что онъ, наконецъ, рѣшился сказать все Дашѣ и сказалъ. Что онъ пережилъ въ эти минуты, о томъ впослѣдствіи ему было вспоминать страшно. Онъ сказалъ Дашѣ все, какъ есть, и ждалъ ея отвѣта.

Даша потемнѣла, и глаза ея какъ-то потускнѣли и погасли. Она, вся дрожа, помолчала съ минуту, потомъ сказала какимъ-то сильнымъ, рѣшительнымъ голосомъ.

— Я что сдѣлаю? Я... я утоплюсь въ Москвѣ рѣкѣ!

— Что ты говоришь, Даша? — съ ужасомъ воскликнулъ Верховскій.

— Я сдѣлаю. Какъ сказала, такъ и сдѣлаю,—еще тверже прежняго повторила Даша.—Мнѣ другого хода нѣту.

И Верховскій видѣлъ, что она способна сдѣлать это.

Онъ растерялся и не зналъ, что предпринять. Прежнія колебанія возобновились съ новой силой. Дашу онъ сталъ успокаивать, говорилъ, что этого онъ еще не рѣшилъ, что это на него нашло, что отъ слова до дѣла еще очень далеко, и что объ этомъ онъ еще ни съ кѣмъ не говорилъ и никакихъ предложеній не дѣлалъ.

Даша продолжала смотрѣть на него прежнимъ стальнымъ взглядомъ. Она только прибавила:

— Такъ уже, когда рѣшите, мнѣ скажите... Я тогда и сдѣлаю!..

Полный глубокого отчаянія, онъ вышелъ изъ дому, самъ еще не зная, куда направиться. Ему нужна была чья нибудь помощь, во что бы то ни стало кто нибудь долженъ былъ выслушать новость о его мученіяхъ. Онъ переживалъ какое-то фантастическое

состояніе и говорилъ себѣ: и я поступлю такъ, какъ скажетъ тотъ, кто меня выслушаетъ. Я непремѣнно такъ поступлю, потому что мой собственный умъ отказывается служить мнѣ.

И вдругъ его, неизвѣстно почему, осѣнила мысль пойти къ Натальѣ Александровнѣ и исповѣдоваться ей. Онъ самъ не понималъ, почему ему такъ казалось, что она болѣе, чѣмъ кто либо другой, способна почувствовать правду въ его положеніи.

И онъ, не раздумывая долго, пошелъ на Дмитровку. Наташа была поражена его видомъ. Словно его приговорили къ смерти.

— Что съ вами? Садитесь. Давно не были, — промолвила она, пожимая его холодную, дрожащую руку.

Онъ просто, безъ предисловій, разсказалъ ей все и затѣмъ прибавилъ:

— И вотъ дивитесь этому, сколько хотите: отъ васъ зависитъ рѣшеніе моей судьбы. Какъ вы скажете, такъ и будетъ!

Наташа не задумалась ни на одно мгновеніе.

— Это ясно, какъ Божій день. Вамъ надо сегодня, сейчасъ же жениться на вашей Дашенькѣ,—сказала она съ глубокимъ убѣжденіемъ.

Онъ всталъ.

— Вы это находите.

— Я говорю вамъ это отъ всего сердца!

Верховскій какъ-то просіялъ и крѣпко пожалъ ея руку.

— Ну, вотъ, вотъ. Я зналъ, что вы почувствуете правду. Теперь я вижу это ясно... Ахъ, какъ ясно. Спасибо, спасибо вамъ... Никогда не забуду. Помогите же мнѣ въ остальномъ...

— Все, что могу, все сдѣлаю,—отвѣчала Наташа.

— Дашенька теперь въ отчаяніи. Если я скажу ей это, она не повѣритъ... Скажите, ваша церковь... вашъ священникъ свободенъ?

— Вы хотите сегодня, сейчасъ?

— Да, да, да. Непремѣнно сейчасъ... Вотъ только какъ подвѣнечное платье...

— У меня есть мое, помните? Оно сохранилось. Оно мнѣ было не по мѣркѣ... Ну, и вашей Дашенькѣ будетъ не въ пору. Это ничего, вѣдь... Такъ идите домой и привозите ее. Да кого нибудь изъ мужчинъ... А я позабочусь о батюшкѣ.

Верховскій, точно подъ вліяніемъ какого-то внушенія, поклонился и вышелъ. Онъ забѣжалъ къ Тугарину и настойчиво попросилъ Оступишиныхъ быть сейчасъ у него шаферами.

— А-а! — воскликнулъ Тугаринъ, придерживая свою больную ногу, — наконецъ-то! Надѣюсь, съ Дашенькой?

— Съ нею, генералъ.

— Ну, идите сюда, я васъ поцѣлую! Вы прекрасный молодой человѣкъ. Вы рыцарь, Верховскій.

Верховскій поцѣловался съ нимъ, но не разсказалъ ему подробности. Оступишины дали слово и обѣщали привезти еще двоихъ.

Верховскій помчался домой, но по дорогѣ зашелъ на биржу (своихъ лошадей у него не было) и, взявъ карету, поѣхалъ въ ней домой.

Даша сидѣла на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ ее оставилъ, какъ бы окаменѣвшая.

— Даша!—сказалъ онъ:—надѣвай шубенку! ѣдемъ со мной!

Даша вздрогнула и очнулась.—Куда?

— Не спрашивай. Ѣдемъ. Узнаешь.

— На хорошее или на лихое?

— На хорошее, Даша! Не теряй времени! Ѣдемъ!

Даша всегда готова была подчиняться его волѣ. Не говоря больше ни слова, она накинула шубенку, и они вышли.

— Ну, живо вези на Дмитровку,—крикнулъ Верховскій возницѣ. Тотъ погналъ, и черезъ три минуты они были у подъѣзда дома Бентышъ-Полянской. Даша съ недоумѣніемъ осматривала высокій подъѣздъ, обширную переднюю, широкую лѣстницу. Они поднялись наверхъ. Наташа встрѣтила ихъ на порогѣ, взяла Дашу за руку и сказала:

— Пойдемте со мною, Даша!

И увлекла ее въ свою комнату.

Минутъ черезъ десять въ церкви собрались Оступишины, какой-то молоденькій офицеръ и самъ генералъ Тугаринъ, который, не смотря на свои болѣзни, все-таки не могъ отказать себѣ въ удовольствіи вѣнчать Дашу съ Верховскимъ.

Даша стала красавицей. Платье пришлось какъ разъ по ней. «И вотъ для кого оно предназначалось,—подумала Наташа:—ей оно больше принесетъ счастья, чѣмъ мнѣ».

Даша была удивительно серьезна во время обряда. Ни смущенія, ни робости не было въ ея лицѣ. Она принимала бракъ съ торжественной важностью, какъ должное.

Послѣ вѣнчанья Наташа пригласила всѣхъ къ столу. Явилось шипучее, и пошли рѣчи. А затѣмъ, когда Верховскій увезъ Дашу къ себѣ домой въ томъ же подвѣнечномъ платьѣ, она, обезумѣвъ отъ душившей ее радости, бросилась ему на шею, страстно прижалась къ нему и воскликнула голосомъ, полнымъ глубокой рѣшимости:

— Ахъ, еслибъ мнѣ Богъ судилъ номереть за тебя! Съ какой бы радостью я пошла на смерть!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Короткая парижская зима минула быстро и незамѣтно. Андрей Михайловичъ, благодаря содѣйствію Ступича, провелъ ее недурно. Онъ пріобрѣлъ нѣкоторыя привычки истаго парижанина. Въ особенности ему пришлись по вкусу театры, онъ посѣщалъ ихъ каждый день и находилъ въ этомъ великое удовольствіе. Дома онъ не признавалъ никакихъ спектаклей, кромѣ балетныхъ, да и то потому, что въ балетъ было принято ѣздить въ высшемъ обществѣ. Здѣсь онъ полюбилъ драму и особенно легкую комедію, которая ставилась въ небольшихъ театрахъ.

Одинъ разъ за все время своей жизни въ Парижѣ онъ съѣздилъ къ брату. Онъ нашелъ его также мирно обрабатывающимъ «свой вертоградъ», какъ въ первый разъ. Очевидно, убѣжденія Алексѣя Михайловича уже твердо и разъ навсегда установились, и невозможны были никакія перемѣны. Онъ провелъ у брата три дня. Но мирная деревенская жизнь была ему не по вкусу. Онъ настолько уже свыкся съ шумомъ міроваго города, что его сейчасъ же потянуло туда.

— Значитъ, тебѣ по вкусу европейская жизнь? — спросилъ его Алексѣй Михайловичъ.

— Какъ видишь! Очень даже не по вкусу!

— Что же тебѣ въ ней нравится?

— А ужъ этого не могу тебѣ объяснить. Полагаю, что — простота и легкость, съ которой люди умѣютъ услаждать свою жизнь. У насъ, чтобы достать самое простое удовольствіе, надобно перевернуть весь городъ...

— Это одна сторона дѣла,—замѣтилъ Алексѣй Михайловичъ.— Но вѣдь ты писалъ мнѣ, что за границей чувствуешь себя спокойнѣй.

— Да, гораздо спокойнѣй!

— Не оттого ли это, что здѣсь ты имѣешь дѣло съ человѣкомъ, уважающимъ тебя, себя и свой трудъ, а тамъ ни тебя не уважаютъ, потому что страшатся, ни себя, потому что сознаютъ себя твоей вещью, ни свой трудъ, потому что онъ дѣлается изъ-подъ палки.

— Можетъ быть, и такъ!

— Но почему же ты не хочешь согласиться, что и у насъ лучше бы жилось, если бы на мѣсто рабовъ были свободные граждане?

— Да просто: потому что скоты не могутъ быть гражданами!..— отвѣтилъ Андрей Михайловичъ.

Лицо Алексѣя покрылось тѣнью.—Андрей! Европа тебѣ понравалась, но не просвѣтила тебя. Скоты не могутъ быть христіанами, скоты не могутъ плакать, обнаруживать преданность и вѣрность!.. Какъ глубоко засѣли въ тебѣ темныя и жестокія предубѣжденія!

Но Андрей Михайловичъ для этого рода доводовъ былъ недоступенъ. Его нельзя было переубѣдить, и Алексѣй Михайловичъ всякій разъ послѣ такого разговора жалѣлъ о томъ, что онъ былъ началъ. Но очень ужъ больно было ему сознавать, что братъ его, котораго онъ любилъ, такъ глубоко и безнадежно погрязъ въ варварствѣ.

Изъ Швейцаріи Андрей Михайловичъ вернулся въ самый разгаръ весны. Лучшее время для театровъ, выставокъ и загородныхъ прогулокъ. Можетъ быть, на этотъ разъ онъ излишне предавался всему этому, слишкомъ мало отдыхалъ, и это было причиной происшедшей катастрофы. А, можетъ быть, все улучшеніе его здоровья было только кажущимся, недугъ развивался втихомолку, маскируемый нервнымъ возбужденіемъ, вслѣдствіе неизвѣданной новой обстановки, и катастрофа была въ немъ совершенно готова.

Случилось это въ чудный апрѣльскій день. Андрей Михайловичъ вмѣстѣ съ Ступичемъ ѣхали въ экипажѣ за городъ. Было воскресенье. Отовсюду изъ города валили толпы народа. Прокатавшись часа два, они рѣшили вернуться, такъ какъ всѣ уголки были запружены гуляющими парижанами, было слишкомъ шумно отъ говора и ѣзды.

Посидѣвъ минутъ десять въ паркѣ, на скамейкѣ, у продавщицы молока, и выпивъ по стакану холоднаго молока, они направились къ экипажу, чтобы сѣсть въ него. Андрей Михайловичъ поднялся съ какою-то тяжестью въ головѣ, и ноги его ступали невѣрно.

— Что это съ вами?—спросилъ его Ступичъ.

— Нѣтъ, ничего! Это отъ жары!.. Сегодня слишкомъ много солнца,—какъ-то угрюмо промолвилъ Андрей Михайловичъ. У него самого шевельнулось дурное предчувствіе.

Ступичъ помогъ ему забраться въ экипажъ, они поѣхали.

— Нельзя ли поднять верхъ?—спросилъ, немного погодя, Андрей Михайловичъ:—мнѣ кажется, что солнце мнѣ вредитъ...

— Что это вы сегодня нападаете на солнце?—сказалъ Ступичъ.— Я думаю напротивъ, въ закрытой коляскѣ вамъ будетъ недоставать свѣжаго воздуха...

— Можетъ быть, вы и правы...

Но всю дорогу Андрей Михайловичъ былъ какъ-то сумраченъ, что не гармонировало съ веселымъ колоритомъ счастливаго апрѣльскаго дня.

— Ну, какъ вамъ? лучше?

— Ничего... Это скоро совсѣмъ пройдетъ!

Черезъ минуту онъ заговорилъ. — Я почему-то думаю о своей женѣ, Наташѣ, и о моихъ дѣвочкахъ—Танюшѣ и Надюшѣ... я ихъ вижу, какъ будто онѣ стоятъ передо мною... И мнѣ кажется, что онѣ зачѣмъ-то плачутъ...

И при этихъ словахъ у него на глазахъ выступили слезы.

— У васъ чрезвычайно ослаблены нервы,—сказалъ Ступичъ и самъ началъ тревожиться. Онъ никогда не видалъ Андрея Михайловича такимъ. Онъ началъ торопить кучера. Вотъ показались улицы Парижа; они ѣхали быстро.

— Какъ вы себя чувствуете?—каждую минуту спрашивалъ Андрея Михайловича Ступичъ.

Тотъ отвѣчалъ, что ничего, но всякій разъ ему что нибудь мѣшало; то что-то сдавливало горло, то воздухъ не выходилъ изъ легкихъ, и дыханіе прерывалось, то темнѣло въ глазахъ, то кружилась голова.

— Живѣй, живѣй!—кричалъ Ступичъ кучеру:—скорѣй бы домой пріѣхать; мы примемъ мѣры...

Но вотъ, наконецъ, они остановились у подъѣзда отеля, гдѣ жилъ Андрей Михайловичъ. Ступичъ выскочилъ изъ экипажа, чтобы помочь ему выйти. Андрей Михайловичъ уже ступилъ одной ногой на мостовую, но въ это время вскрикнулъ и безъ движенія повалился на руки Ступичу. Стоявшій у подъѣзда лакей подбѣжалъ къ нимъ и помогъ Ступичу поддержать его. Явились еще люди и общими усиліями внесли его въ вестибюль, потомъ подняли въ бель-этажъ и уложили на диванѣ.

Прибѣжалъ старый камердинеръ и, совершенно растерявшись, началъ громко плакать.

Андрей Михайловичъ былъ недвижимъ. Минуть черезъ пять явился докторъ и, осмотрѣвъ его, объявилъ, что, хотя дыханіе еще существуетъ, но жизни уже нѣтъ, и въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько минутъ дыханіе прекратилось, и все было кончено. Андрея Михайловича Бентышъ-Полянскаго не стало.

Ступичъ не растерялся. Онъ принялъ всѣ необходимыя мѣры, и главнымъ образомъ — тотчасъ извѣстилъ скорѣйшимъ путемъ въ Петербургѣ пана Шипицкаго и послалъ извѣстіе также Алексѣю Михайловичу.

Алексѣй Михайловичъ явился тотчасъ же, а панъ Шипицкій началъ съ того, что заболѣлъ какими-то нервными припадками, но скоро оправился и началъ принимать мѣры и съ своей стороны.

Онъ извѣстилъ Наташу и, согласно инструкціямъ, полученнымъ отъ Алексѣя Михайловича, тотчасъ снарядилъ цѣлый поѣздъ къ границѣ, гдѣ долженъ быть встрѣтить и взять тѣло своего патрона. Алексѣй Михайловичъ вмѣстѣ съ старымъ камердинеромъ, который въ такой неожиданной и печальной формѣ получилъ, наконецъ, освобожденіе, провожали его.

Наташа получила страшное извѣстіе въ то время, когда менѣе всего ожидала его. Надняхъ только пришло отъ Андрея Михайловича письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что весна въ Парижѣ дѣйствуетъ на него превосходно, и онъ чувствуетъ себя бодрымъ и здоровымъ.

И извѣстіе, присланное паномъ Шипицкимъ, подѣйствовало на нее, какъ ударъ грома. Она не плакала, не стонала, а только ходила растерянная и спрашивала: «что теперь будетъ съ моими дѣвочками? Что съ ними сдѣлаютъ? Кто ихъ защититъ теперь?»

И, говоря это, она прижимала къ сердцу своихъ дѣвочекъ, какъ будто ихъ хотѣли отнять у нея.

Она представляла себѣ все предстоящее въ самомъ ужасномъ видѣ. Андрей Михайловичъ скончался внезапно, это ясно, такъ какъ онъ надняхъ еще чувствовалъ себя хорошо. Конечно, онъ не думалъ умирать, а расчитывалъ прожить еще долго и потому не принялъ никакихъ мѣръ. Знай онъ объ ожидавшей его участи, онъ позаботился бы о дѣвочкахъ и не далъ бы ихъ въ обиду. А теперь онѣ будутъ на послѣднемъ планѣ. Что онѣ представляютъ? Ихъ бракъ былъ совершенъ при странныхъ обстоятельствахъ. Очень немногіе и до сихъ поръ о немъ знаютъ, а всѣ считаютъ, что она съ нимъ жила такъ себѣ... Дѣвочки записаны въ бумагахъ, но вѣдь тѣ, кому выгодно сомнѣваться въ ихъ законности, найдутъ уловки, чтобы доказать все въ свою пользу. Она чувствовала себя совершенно безпомощной, а на дѣвочекъ смотрѣла, какъ на погибшихъ.

По Москвѣ очень скоро разнеслась вѣсть о кончинѣ Бентышъ-Полянскаго. Но къ ней никто не явился выразить соболѣзнованіе и утѣшить. Только Тугаринъ и Верховскій сидѣли у нея цѣлый день и всю ночь и говорили ей: не бойтесь, Наталья Александровна. Мы не дадимъ васъ въ обиду. Мы передъ цѣлымъ міромъ объявимъ, что были свидѣтелями вашего брака.

Даша Верховская, сдѣлавшаяся обожательницей Наташи, была тутъ и безмолвно смотрѣла ей въ глаза, не будучи въ состояніи утѣшить ее. Лиза плакала, Надя тоже рыдала, только у Танюши былъ какой-то сосредоточенный и воинственный видъ, какъ будто она рѣшилась защищать себя, Наташу и Надю до послѣдней капли крови. Ей было уже пятнадцать лѣтъ, и изъ ея короткаго платья начинала уже проглядывать женщина.

Но во время всеобщаго плача надо было также собираться въ дорогу. На другой день сборы были кончены, и Наташа съ дѣтьми, съ гувернантками, съ Сербичемъ и съ Лизой выѣхала въ Петербургъ.

Первое, что увидала она тамъ, было блѣдное, испуганное лицо пана Шипицкаго, который упавшимъ голосомъ и какъ-то заикаясь сообщилъ Наташѣ:

— Я осмѣлился приготовить вамъ помѣщеніе... въ гостиницѣ...

Наташа въ первую минуту даже не поняла этого.

— Что это значитъ? Почему въ гостиницѣ... а не дома?

— Не отъ меня это, ей-Богу, не отъ меня,—началъ униженно извиняться панъ Шипицкій.—Пріѣхали, опечатали и заперли все и строгій наказъ дали все охранять и никого не впускать...

Глаза у Наташи сдѣлались больше. У нея закружилась голова; она чуть не упала въ обморокъ.

— Но дѣти... Вѣдь это дѣти Андрея Михайловича... Неужели они не имѣютъ права остановиться въ его домѣ?—воскликнула она.

— Но, ей-Богу же, я тутъ не виноватъ...—твердилъ Шипицкій:— я ужъ и такъ старался... Ужъ я имъ всѣ уши прокричалъ и это самое говорилъ... Ничего и слушать не хочетъ... Князь Шатуновъ пріѣхалъ и, извините, прямо послалъ меня къ дьяволу. Даже, знаете, обидно. Это, говоритъ, не ваше дѣло. Законъ разсудитъ.

— Какой князь Шатуновъ?

— Есть такой... Онъ троюроднымъ братомъ Андрею Михайловичу приходится. И никогда почти они не видались. Терпѣть не могъ его покойникъ... Не выносилъ... Должно быть, наслѣдовать разсчитывалъ.

Наташа почувствовала, что у нея внутри все какъ будто окаменѣло, и ни о чемъ ей не хотѣлось больше ни думать, ни скорбѣть. Все равно вѣдь—если захотятъ обидѣть, такъ обидятъ, она со своими дѣвочками слабѣе всѣхъ.

Сербичъ какъ-то держался отъ всего этого въ сторонѣ, какъ бы еще присматриваясь, какую ему повести политику. Къ глубокому огорченію Лизы, онъ отдѣлилъ свой багажъ и поѣхалъ въ другую гостиницу.

— Тамъ будетъ тѣсно. Мы не должны стѣснять Наталью Александровну,—объяснилъ онъ, но Лизѣ разрѣшилъ ѣхать вмѣстѣ съ сестрой.

— Ну, везите же насъ куда нибудь,—сказала Наташа пану Шипицкому:—не могу же я оставаться съ дѣтьми здѣсь...

Панъ Шипицкій, однако, оказался предупредительнымъ. Онъ заранѣе нанялъ нѣсколько каретъ, усадилъ въ нихъ всѣхъ и повезъ въ приготовленное помѣщеніе въ гостиницѣ.

Панъ Шипицкій близко стоялъ къ Андрею Михайловичу, и, должно быть, у него были основанія такъ заботливо относиться къ Наташѣ. Едва ли онъ, если бы почуялъ другое направленіе вѣтра, не повернулъ бы свои корабли въ ту сторону. Панъ Шипицкій былъ любезный человѣкъ, но ему надо было заботиться и о своей особѣ, и онъ не былъ способенъ на самопожертвованіе.

Устроивая пріѣхавшихъ въ гостиницѣ, онъ постоянно повторялъ:

— Вотъ увидите, мы ихъ позорно выгонимъ, все ваше будетъ; вотъ увидите, все ваше будетъ... Вотъ тогда вспомните пана Шипицкаго.

Но Наташа теперь никакимъ словамъ и увѣреніямъ не вѣрила, ее сразило извѣстіе о томъ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, она не имѣетъ права помѣстить дѣтей въ домѣ ихъ отца. Чего же съ ней не могутъ сдѣлать? Они могутъ придти завтра и сказать: у васъ нѣтъ никакихъ правъ, вы ничего не имѣете.

И тогда она должна отпустить всѣхъ гувернантокъ, проститься съ людьми и идти съ дѣвочками на улицу — просить хлѣба для нихъ. «Вотъ она судьба!»—думала она, вспоминая первые дни своего знакомства съ Андреемъ Михайловичемъ, когда она такъ много говорила о судьбѣ и такъ много вѣрила въ нее.

Дѣти спрашивали ее, почему ихъ помѣстили здѣсь, а «не дома».

— Потому, мои дѣвочки, что у васъ хотятъ отнять все... папинъ домъ уже не вашъ домъ... васъ туда не пускаютъ!—отвѣчала Наташа.

Дѣвочки никакъ не могли понять этого. Живя замкнутою жизнью въ предѣлахъ дома, на Дмитровкѣ, онѣ не имѣли понятія объ условіяхъ людскихъ отношеній. Все у нихъ было, никогда ни въ чемъ не чувствовали онѣ нужды и не задумывались надъ вопросомъ, откуда берутся для нихъ всѣ блага. Отецъ былъ для нихъ источникомъ всего, что было у нихъ хорошаго. И вотъ отца не стало... неужели же и все хорошее съ нимъ исчезло?..

У «иностранокъ» были испуганныя лица. Все, что происходило вокругъ нихъ, было имъ непонятно. Казалось чудовищнымъ, что жена и дѣти могутъ быть грубо отстранены отъ пользованія добромъ умершаго мужа и отца. Имъ приходили въ голову мрачныя мысли: если въ этой странѣ могутъ такъ произвольно поступать, то и съ ними могутъ дѣлать все, что угодно.

Это были самые мрачные дни въ ихъ жизни у Бентышъ-Полянскихъ.

II.

Между тѣмъ панъ Шипицкій, встрѣтивъ и устроивъ Наталью Александровну, помчался на границу, чтобы принять тѣло Андрея Михайловича. Онъ долженъ былъ догнать посланныя впередъ кареты. Алексѣй Михайловичъ сообщилъ ему, что онъ доѣдетъ только до границы. «Мое присутствіе въ Петербургѣ,—писалъ онъ,—никому не принесло бы пользы, такъ какъ я не имѣю тамъ вліянія, пожалуй, даже—вредъ; а мнѣ доставило бы множество мученій. Надѣюсь, что вы, который при жизни покойнаго брата такъ близко къ нему стояли и вели всѣ его дѣла, устроите все какъ слѣдуетъ и позаботитесь, чтобы не были обижены его вдова и дѣти».

Черезъ недѣлю послѣ этого кареты вернулись. Ихъ направили прямо на Англійскую набережную, гдѣ огромный залъ внизу былъ весь обтянутъ чернымъ крепомъ. Объ этомъ позаботился тотъ самый князь Шатуновъ, который такъ заботливо охранялъ домъ и имущество умершаго родственника. Ему помогали еще нѣкій штатскій генералъ Скомскій, который тоже состоялъ въ дальнемъ родствѣ съ Бентышъ-Полянскимъ, и какая-то дама, объявившая съ своей стороны права на наслѣдство, ссылаясь на родство съ умершей княгиней.

Начались панихиды. Траурный залъ посѣщался многочисленной публикой, а Наташа въ это время вмѣстѣ съ дѣтьми проливала слезы въ гостиницѣ. Ея никто не приглашалъ. Въ отчаяніи она написала письмо, полное жалобъ, Тугарину. Къ ея изумленію, Тугаринъ, поддерживаемый братьями Оступишиными, явился въ Петербургъ, надѣлъ свой мундиръ генерала въ отставкѣ, навѣсивъ всѣ ордена, какіе заслужилъ за свою жизнь.

— Ну, вотъ и давно бы такъ. Написали бы сначала!—сказалъ онъ.—Ну, что? Были тамъ? Нѣтъ? Не зовутъ? А мы и безъ позволенія сами... Наплюемъ на нихъ. Одѣвайтесь. Трауръ нашили? Ну, конечно. Одѣвайте дѣтей. Ѣдемъ.

Наташа, оживленная его присутствіемъ и подбадривающимъ тономъ, не разсуждая и не колеблясь, быстро одѣлась и одѣла дѣтей; они вчетверомъ сѣли въ карету и поѣхали на Англійскую набережную...

У подъѣзда стояли два гайдука и охраняли входъ. Тугаринъ вышелъ изъ кареты, за нимъ вышла Наташа съ дѣтьми, и они всѣ направились къ входу. Тутъ ихъ остановили гайдуки.

— Пожалуйте билеты, ваше превосходительство!—сказали ему.

— Какіе билеты?

— Тутъ иначе, какъ съ билетами, не пускаютъ... Приглашенія были...

— Отойди!—грозно крикнулъ Тугаринъ и хотѣлъ было идти дальше, но изъ-за спины гайдуковъ выросли два другихъ и заступили ему дорогу.

— Кто здѣсь распоряжается?—спросилъ Тугаринъ, грозно нахмуривъ брови.

— Князь Шатуновъ, ваше превосходительство!

— Позови мнѣ этого князя. Сію минуту, скажи, что я — генералъ Тугаринъ, и что если онъ, твой князь, не придетъ, то ему будетъ худо...

Гайдукъ побѣжалъ. Очевидно, грозный тонъ, какимъ говорилъ Тугаринъ, подѣйствовалъ на него внушительно. Наташа и дѣти ожидали молча. Тугаринъ тоже не сказалъ имъ ни слова.

Но вотъ гайдукъ вернулся, и вслѣдъ за нимъ явился господинъ небольшаго роста, лѣтъ за пятьдесятъ, съ бритымъ подбородкомъ, съ изрядною плѣшью на головѣ.

— Это вы, князь Шатуновъ?—рѣзко спросилъ его Тугаринъ.

— Это я, съ кѣмъ имѣю честь?.. промолвилъ князь, слегка шепелявя.

— Это пока все равно. Вотъ — жена и дѣти Андрея Михайловича... Онѣ, конечно, по ошибкѣ не получили приглашенія...

— Извините... Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о существованіи у покойнаго жены и дѣтей... проговорилъ князь съ тонкой усмѣшкой.

— Вы ихъ будете имѣть впослѣдствіи... А пока — я вамъ даю ихъ, я—другъ покойнаго, генералъ Тугаринъ...

— Извините,—началъ, было, князь опять, но Тугаринъ грозно посмотрѣлъ на него и перебилъ его:

— Я во все не намѣренъ васъ извинять, потому что вы поступаете неизвинительно. Прошу васъ посторониться, если вы не желаете, чтобы я громко произнесъ то слово, какого вы заслуживаете...

— Милостивый государь!—воскликнулъ князь вскипятившись.

— Подите прочь!—произнесъ совершенно взбѣшенный Тугаринъ и сильнымъ движеніемъ руки столкнулъ его съ дороги. — Прошу васъ, пойдемте!—обратился онъ къ Наташѣ, которая, взявъ дѣтей за руки, поспѣшно прошла мимо гайдуковъ. А гайдуки, точно окаменѣлые, не сдвинулись съ мѣста. Когда Тугаринъ оглянулся, то увидѣлъ, что князь куда-то исчезъ.'

Это былъ день, когда назначенъ былъ выносъ. Наташа и дѣти стали у гроба. Ихъ печальныя лица съ заплаканными глазами обратили на себя общее вниманіе. Всѣ оглядывались и смотрѣли на нихъ. Шопотомъ спрашивали другъ у друга, кто онѣ, и объясняли. Уже изъ устъ въ уста передавалась сцена, происшедшая у входа, и на Тугарина всѣ смотрѣли, какъ на героя. Хозяйничаніе князя Шатунова давно уже вызвало общее негодованіе. Всѣ слышали, что у Бентышъ-Полянскаго была жена, которую онъ не показывалъ свѣту,—и вотъ теперь это подтвердилось.

Въ этотъ день князь Шатуновъ не показывался въ залѣ. Распоряжаться принялся панъ Шипицкій, и всѣ находили, что это ему и подобаетъ.

Наташа и дѣти шли за гробомъ на кладбище. Только на половинѣ дорогѣ Надя утомилась, и пришлось сѣсть имъ въ карету.

Тугаринъ все время ѣхалъ, и карета, въ которой онъ сидѣлъ, вызывала особенное вниманіе со стороны публики.

Андрея Михайловича похоронили въ Александро-Невской лаврѣ.

— Ну, теперь сидите смирно!—сказалъ Тугаринъ Наташѣ, привезя ее домой съ кладбища, — а я начну походъ. Надо про завѣщаніе разузнать.

И онъ принялся дѣятельно собирать свѣдѣнія, не оставилъ ли Полянскій духовнаго завѣщанія. Для этого ему пришлось войти въ соглашеніе съ паномъ Шипицкимъ.—«Ужъ этотъ панъ непремѣнно что нибудь знаетъ, — говорилъ онъ: — у него такіе глаза, что онъ долженъ много знать. Онъ только не знаетъ еще одного: кто больше дастъ».

И онъ поѣхалъ къ пану Шипицкому, засѣлъ съ нимъ наединѣ и сказалъ прямо:

— Милый панъ, пора бы открыть завѣщаніе, а?

Шипицкій посмотрѣлъ на него испытующе. А Тугаринъ продолжалъ:

— Вѣдь мнѣ извѣстно, гдѣ оно... А вотъ вамъ еще лучше извѣстно... Андрей Михайловичъ мнѣ передъ иконой поклялся, что отказалъ въ немъ все Натальѣ Александровнѣ съ дѣтьми, а завѣщаніе лежитъ въ его кабинетѣ, въ лѣвомъ ящикѣ стола, въ самомъ низу...

— Ну, такъ ежели вы знаете, то и возьмите!..—нѣсколько небрежно сказалъ на это панъ Шипицкій.

— Ахъ, милый мой панъ! Такъ если бы же я думалъ, что вы дуракъ, а то я знаю, что вы умный и даже очень умный человѣкъ... Вѣдь вы же знали, что этотъ плюгавый князь все опечатаетъ, а посему, какъ умный человѣкъ, вы заблаговременно ящикъ отперли и завѣщаніе вынули и положили его въ свой карманъ... Вѣдь правда?

— Охъ, ты, Боже мой!

— Ну, коли вы Богу помолитесь, то, значитъ, правда. Такъ вотъ же, панъ, милый мой панъ,—не будемъ говорить о сиротахъ, вы хотя и добрый человѣкъ, но этимъ васъ не тронешь... А скажемъ прямо: сотня тысячъ довольно?

— Что же, даже очень довольно!—вдругъ оживившись, воскликнулъ панъ Шипицкій.

— Вотъ и хорошо. А слову моему честному вы вѣрите?

— О, все равно, что царской грамотѣ!

— Ну, такъ сто тысячъ получите! Вынимайте же завѣщаніе и ѣдемъ, куда слѣдуетъ...

Панъ Шипицкій не говоря болѣе ни слова, вынулъ изъ кармана толстый пакетъ, запечатанный сюргучемъ и положилъ его на столъ.

— Оно?—спросилъ Тугаринъ, взявъ пакетъ и переселяя его въ свой карманъ.

— Оно самое!—отвѣчалъ Шипицкій, съ грустью смотря на это переселеніе, какъ будто сожалѣлъ, что разстается съ такимъ сокровищемъ.

— Ну, ѣдемъ, панъ!

Панъ Шипицкій взялъ шляпу. Они вышли, сѣли въ карету и поѣхали предъявить властямъ завѣщаніе.

— Только, генералъ, ужъ вы будьте поласковѣе, госпожѣ Бентышъ-Полянской не говорите, что оно было у меня... — попросилъ панъ Шипицкій.

— Но зачѣмъ же? Вѣдь вы, панъ, еще долго будете управлять его дѣлами! Вотъ оно у васъ было въ карманѣ, а вы и не знали...

— Что такое, генералъ? — съ живостью спросилъ панъ Шипицкій.

— А то, Андрей Михайловичъ завѣщаніе мнѣ полностью читалъ, и я знаю все, что тамъ написано...

— Мнѣ не читалъ, а только говорилъ, что все, что у него есть, оставляетъ женѣ и дѣтямъ.

— А управляющимъ дѣлами назначается панъ Шипицкій.

— Да ну-те?

— Вѣрно, милый панъ! За это вы сбавьте мнѣ тысячъ пятьдесятъ...

— Да если только такъ, то я ничего не возьму!—съ прежнею радостью воскликнулъ Шипицкій.

— Развѣ такъ выгодно?

— А я думаю,—при многомилліонномъ дѣлѣ!..

— Такъ, значитъ, мы квиты?

— Квиты... Ежели это такъ...

— Вижу, что вы честный человѣкъ, панъ Шипицкій. А это такъ, какъ я говорю!..

— Какой же я могъ выйти дуракъ!—промолвилъ съ укоромъ самому себѣ панъ.

— Да. Если бы уступили пакетъ плюгавому князю. Съ того начать, что онъ васъ непремѣнно надулъ бы и ничего не далъ бы. А ужъ управленіе дѣлами, какъ своихъ ушей, не видать бы... А какъ вы думаете, панъ, этотъ князь вызоветъ меня на дуэль за то, что я его съ ногъ сшибъ?

— Да никогда!

— Я то же самое думаю! А если вызоветъ, такъ я не пойду. Никогда еще въ жизни съ негодяями не дрался. А онъ такой негодяй, что поискать...

Они употребили на дѣла часа четыре, но за то пріѣхали домой съ очень опредѣленными свѣдѣніями.

— Ну, поздравляю,—торжественно сказалъ Тугаринъ Натальѣ Александровнѣ,—съ Божьей помощью завѣщаніе нашлось!

— Завѣщаніе?

— Да, голубушка моя... Не сомнѣвайтесь болѣе. Покойный Андрей Михайловичъ былъ со многими слабостями, но свой долгъ исполнять умѣлъ. За это я его и любилъ. А то за что бы больше? Завѣщаніе есть. Все вамъ отказалъ, все до капли!..

Наташа схватила дѣвочекъ, которыя стояли около нея, и горячо прижала ихъ къ груди своей.

— Вотъ видите,—сказалъ панъ Шипицкій,—я говорилъ, что все ваше будетъ, я чувствовалъ!

— Да, онъ чувствовалъ!—иронически замѣтилъ Тугаринъ:—онъ у насъ чувствительный. А по завѣщанію—онъ, панъ Шипицкій, управлять всѣми дѣлами будетъ...

— Только опекуновъ назначатъ...

— Кто назначитъ?—спросила Наташа.

— Судъ.

— Охъ, только бы не этого князя!

— О, пусть только его назначатъ, я подниму цѣлую бурю!—проворчалъ Тугаринъ.—Ужъ коли я здѣсь, такъ вамъ нечего пе-

чалиться. Это я только такъ скромничаю въ Москвѣ, потому что мнѣ ничего не нужно. А ежели я тряхну стариной, — то у меня въ Питерѣ отыщутся такія связи, что этому князю останется только уносить свою шкуру.

Въ отелѣ наступило успокоеніе. Всѣ начали отдыхать отъ нервнаго утомленія, испытаннаго въ продолженіе нѣскольких дней.

Оступишины сдѣлались постоянными гостями Наташи. Но любопытнѣе всего, что Сербичъ вдругъ нашелъ свою гостиницу неудобной и переселился въ тотъ отель, гдѣ помѣщалась Наташа.

Когда Тугаринъ встрѣтилъ его, то прямо въ лицо сказалъ ему:

— А я ожидалъ отъ Сербича другихъ дѣйствій.

— Чѣмъ же вы недовольны, генералъ?

— Да это не я недоволенъ, а Сербичъ. А казалось бы, ему можно быть довольнымъ... Нѣтъ, не того ожидалъ я отъ Сербича.

Сербичъ смутился и затѣмъ старался загладить свое вѣроломство чрезмѣрнымъ вниманіемъ къ Наташѣ. Но это было еще хуже, и никто такъ не былъ подавленъ его образомъ дѣйствій, какъ бѣдняжка Лиза. Наступилъ день, когда было объявлено содержаніе духовнаго завѣщанія. Тамъ было все такъ, какъ сказалъ Тугаринъ. Андрей Михайловичъ дѣйствительно показывалъ ему эту бумагу въ Москвѣ въ послѣдній свой пріѣздъ. Но пока пакетъ былъ запечатанъ, Тугаринъ все еще сомнѣвался, не составилъ ли покойный нѣсколько позже другого завѣщанія.

Но Наташу ожидали еще многія огорченія.

III.

Князя Шатунова не назначили опекуномъ, а назначили барона Катчера, о которомъ Наташа такъ же, какъ и о Шатуновѣ, до сихъ поръ ничего не слышала. Но онъ былъ не одинъ. Другимъ опекуномъ былъ—панъ Шипицкій, а третьимъ—князь Облонскій.

Облонскій былъ очень извѣстная личность, занимавшая въ прежнее время высокое гусударственное положеніе. Теперь онъ уже былъ не у дѣлъ и жилъ большею частью за границей.

Что же касается пана Шипицкаго, то онъ былъ назначенъ, какъ лицо, упоминаемое въ самомъ завѣщаніи.

Тугаринъ, узнавъ объ этихъ назначеніяхъ, подумалъ, что все идетъ ладно, простился и уѣхалъ, сказавъ на прощаніе:

— А ежели васъ обижать станутъ, извѣстите меня. Старый Тугаринъ явится передъ вами, какъ листъ передъ травой.

И Оступишины бережно увезли свой кумиръ въ Москву.

Начались новыя отношенія. Первымъ, послѣ назначенія опекуновъ, пріѣхалъ къ Наташѣ Шипицкій. Но онъ былъ совсѣмъ не тѣмъ, какимъ пріѣзжалъ до этого. Это былъ панъ, настоящій панъ. Онъ

держалъ голову высоко, говорилъ слегка сквозь зубы и старался расходовать, какъ можно меньше словъ.

— Надѣюсь, что теперь мы можемъ переѣхать въ нашъ домъ!— спросила его Наташа.

Панъ Шипицкій многозначительно поднялъ брови, какъ будто ему приходилось разрѣшать государственную тайну.

— Какъ сказать? Многія еще формальности надобно соблюсти!— отвѣчалъ онъ чрезвычайно важно.

— Какія же еще формальности? Завѣщаніе утверждено. Когда нибудь же наслѣдники начинаютъ владѣть...

— Безъ сомнѣнія, начинаютъ! На то они и наслѣдники. Но первое—я не главный опекунъ. Я только въ помощь пану барону Катчеру, какъ человѣкъ, знающій дѣло. А второе—мы не можемъ такихъ важныхъ вопросовъ рѣшать безъ князя Облонскаго...

— Но князя Облонскаго нѣтъ здѣсь, и когда онъ пріѣдетъ, неизвѣстно!

— То-то и оно, что неизвѣстно!—подтвердилъ панъ Шипицкій.

— Но не можемъ же мы, имѣя свой домъ, постоянно жить въ гостиницѣ!..

— А развѣ вамъ не хорошо? Такъ вы мнѣ скажите, я сейчасъ ихъ пугну... Они должны служить вамъ хорошо, потому что большія деньги имъ платятся...

— Не въ томъ дѣло... А это неловко для дѣвочекъ... Почему ихъ гонять изъ собственнаго дома?

— Ну, это пустое! Когда приходится дѣйствовать по закону, такія соображенія не суть важны...

Очевидно, у пана Шипицкаго и языкъ перемѣнился. Онъ чувствовалъ себя очень прочнымъ на своемъ мѣстѣ. Князь Облонскій могъ уйти, Катчера могли отставить, назначивъ на его мѣсто другого, но панъ Шипицкій назначенъ самимъ завѣщателемъ. Пусть его отставятъ отъ опекунства, онъ будетъ управлять всѣми дѣлами. Этого не могутъ отнять у него. Развѣ за какое нибудь уголовное преступленіе. Но панъ Шипицкій ведетъ свои дѣла чисто, и къ нему нельзя придраться.

Наташа очень хорошо видѣла, что панъ Шипицкій чувствуетъ себя сильнымъ и потому кичится и ломается. Можетъ быть, онъ хочетъ, чтобы она обратилась къ нему съ покорнѣйшей просьбой? Но она какъ-то не умѣла этого сдѣлать.

А панъ именно этого хотѣлъ. Прояви Наташа хоть немного унизительной покорности, скажи она ему: «Дорогой Викентій Генриховичъ. Я понимаю, что теперь многое отъ васъ зависитъ. Снизойдите къ моей вдовьей судьбѣ! Я вамъ буду всю жизнь признательна!»—или что нибудь въ такомъ родѣ,—и панъ Шипицкій, можетъ быть, былъ бы весь къ ея услугамъ.

Въ томъ-то и дѣло, что Викентій Генриховичъ, всю жизнь не

могшій добиться расположенія Натальи Александровны, не забылъ этого. Инстинктивное недовѣріе, какое она всегда питала къ нему, въ глубинѣ души наносило его самолюбію рану. Онъ всегда чувствовалъ эту рану, но по своему положенію человѣка зависимаго долженъ былъ говорить съ почтительной улыбкой и изображать готоваго къ услугамъ.

Теперь, почувствовавъ, что Наташа безпомощна, и многое отъ него зависитъ, онъ мстилъ ей за прежнее недовѣріе.

Баронъ Катчеръ, по всей вѣроятности, ждалъ, что Наташа сама къ нему явится, но, не дождавшись, пріѣхалъ къ ней. Однако, это произошло только черезъ двѣ недѣли послѣ послѣ похоронъ Андрея Михайловича.

Это былъ спеціалистъ по опекунскимъ дѣламъ. Онъ не занималъ никакой опредѣленной должности, но никогда не переставалъ быть опекуномъ какихъ нибудь богатыхъ наслѣдниковъ. Назначивъ однажды, его потомъ, уже какъ человѣка опытнаго въ дѣлѣ, всегда назначали. Люди богатые, пользующіеся хорошимъ самостоятельнымъ положеніемъ, избѣгали этихъ тоскливыхъ обязанностей. Возиться съ сиротами, считать чужіе доходы, это скучно. Баронъ же Катчеръ давно пропустилъ свое состояніе, и спеціальность опекуна давала ему возможность питаться насчетъ другихъ и питаться весьма недурно.

Ему было уже лѣтъ подъ пятьдесятъ. Наружность его была ничтожна, но онъ старался придать ей важность посредствомъ осанки и величественнаго держанія головы. Кромѣ того, онъ за какіе-то государственные подвиги получилъ звѣзду и носилъ ее всюду и всегда, днемъ и ночью, не выходя на улицу безъ этой вещицы, усиливавшей его значеніе.

Оставшись внизу, онъ прислалъ свою карточку и ждалъ приглашенія. Наташа попросила его войти. Она была настроена къ нему недружелюбно. Это двухнедѣльное сидѣніе въ отелѣ, тогда какъ имѣлся собственный домъ, это обращеніе съ ними, какъ съ какими-то навязчивыми пришельцами, тогда какъ они—самые близкіе люди къ покойному Андрею Михайловичу, даже и ея кроткую душу настроили злобно; по ей было мучительно смотрѣть на дѣвочекъ, жизнь которыхъ, вмѣсто блестящаго появленія въ свѣтѣ, какъ всегда мечталъ ихъ отецъ, начинается такими униженіями.

Наконецъ, нервы ея были такъ истерзаны за послѣдніе дни, что у нея ни для кого не осталось вѣжливой улыбки и мягкаго тона, и она довольно сурово сказала вошедшему барону, жестомъ пригласивъ садиться:

— Я не знаю, чей вы опекунъ, баронъ!

— Имѣю честь представиться!—изысканно и неестественно отвѣтилъ баронъ.—Я опекунъ надъ имуществомъ покойнаго генерала Бентыпгъ-Полянскаго.

— Но, кромѣ имущества, существуютъ дѣти!

— Вотъ именно въ ихъ интересахъ я и назначенъ опекуномъ.

— Если бы это было такъ, вы не заставили бы себя ждать двѣ недѣли...

— Я полагалъ, что вамъ угодно будетъ освѣдомить меня, когда и при какихъ условіяхъ я могъ бы съ вами повидаться. При томъ я каждый день нахожусь въ домѣ на набережной, гдѣ мы, совмѣстно съ другимъ опекуномъ, господиномъ Шипицкимъ, приводимъ въ ясное состояніе дѣла покойнаго...

— Вы знаете, что изъ этого дома насъ выгнали!.. Насъ не хотѣли даже допустить къ гробу покойнаго Андрея Михайловича...

— Это было до моего назначенія, сударыня...

— Но когда же, когда же, наконецъ, мы перестанемъ жить по гостиницамъ и переѣдемъ въ свой домъ?

— Сударыня, въ подобныхъ дѣлахъ все должно дѣлаться по строгой законной формѣ. Мы обязаны прежде всего выяснить положеніе дѣлъ покойнаго генерала Бентышъ-Полянскаго... Вообразите, что у него остались долги, которые превышаютъ стоимость имущества...

— Долги у Андрея Михайловича?—съ ужасомъ спросила Наташа, и сердце ея забилось тревожно.

— Позвольте, сударыня, я этого не сказалъ. Я не сказалъ, что есть долги, я сказалъ: вообразите, что они есть и превышаютъ стоимость имущества... Въ такомъ случаѣ тотчасъ же явилась претензія на имущество и въ семъ числѣ на домъ. И такимъ образомъ мы, впустивъ васъ въ этотъ домъ, поступили бы незаконно...

— Этого быть не можетъ! У Андрея Михайловича не было и не могло быть долговъ!—воскликнула Наташа.

— Я также думаю, но ничего не можемъ мы утвердить, пока не выяснятся дѣла... Прошу васъ, сударыня, имѣть терпѣніе...

— О, я его имѣю слишкомъ много, но и его не хватаетъ! Покойный Андрей Михайловичъ не допустилъ бы, чтобы его дѣти жили въ гостиницѣ!..

— Покойники все допускаютъ, сударыня!—возразилъ баронъ, какъ истый опекунъ.

— Да, и люди пользуются этимъ и притѣсняютъ оставшихся безпомощными. Но позвольте намъ по крайней мѣрѣ переѣхать въ Тускино!

— И этого мы не имѣемъ права допустить. Тускино, какъ и все другое имущество, опечатано и подлежитъ отчету...

— Но когда же, когда?

— Очень скоро, сударыня! Я надѣюсь, что еще двѣ недѣли понадобится, не болѣе! Прошу васъ объяснить мнѣ, вполнѣ ли хорошо служатъ вамъ въ этомъ отелѣ, и имѣть въ виду, что малѣйшая неисправность будетъ съ нихъ взыскана!..

— А затѣмъ,—прибавилъ онъ, не получивъ отвѣта на свой вопросъ: — затѣмъ имѣю честь раскланяться. Надняхъ мы ждемъ сюда князя Облонскаго, который также приметъ участіе въ нашихъ трудахъ...

Онъ всталъ, раскланялся и вышелъ, оставивъ Наташу въ крайне удрученномъ состояніи.

Она собственно ни въ чемъ не разочаровалась, такъ какъ ничего не ждала отъ этого барона, выдерживавшаго себя въ теченіе двухъ недѣль. Но этотъ разговоръ о долгахъ—онъ совершенно потрясъ ее. Что это значитъ? Съ какой стати они ведутъ рѣчь о долгахъ Андрея Михайловича? Развѣ не всѣмъ извѣстно, что при его большомъ состояніи, которому даже онъ самъ счета не зналъ, ему не было надобности дѣлать долги?

Или онъ велъ какія нибудь дѣла, о которыхъ она не знала? Нѣтъ, этого не можетъ быть! Онъ имѣлъ привычку скрывать отъ нея свои дѣла до извѣстнаго времени, боясь огорчить ее, но скоро на него находило покаянное настроеніе, и онъ выкладывалъ ей все.

Но развѣ они не могутъ сдѣлать долговъ, какіе ему и не приходили въ голову? Она теперь вѣритъ во всякое зло со стороны людей, совершенно такъ, какъ въ прежніе годы, когда не знала ни жизни, ни людей, вѣрила, что люди всѣ добры, а зло существуетъ какъ-то отдѣльно и посылается человѣку въ видѣ наказанія.

Еще была у нея надежда на князя Облонскаго. Человѣкъ онъ почтенный, самъ очень богатъ и не нуждается въ чужихъ деньгахъ. Быть можетъ, онъ, пріѣхавъ, вмѣшается въ дѣла и заставитъ этихъ поступать справедливо. Но эти мысли отравлялись другими, которыя тотчасъ вслѣдъ за ними приходили въ голову. Какое ему дѣло до нихъ? Вѣдь вотъ же сидитъ онъ тамъ, зная, конечно, зная, что здѣсь сироты Бентынгъ-Полянскаго находятся въ рукахъ недобросовѣстныхъ людей...

Какъ-то заѣхалъ панъ Шипицкій. Онъ и ѣздилъ теперь иначе, чѣмъ прежде. При покойникѣ ему запрягали одну лошадь и давали только кучера. Теперь онъ ѣздилъ парой и при томъ выбралъ изъ конюшни самыхъ красивыхъ лошадей, да нарядилъ лакея въ самую парадную ливрею и посадилъ на козлы.

Словомъ, времена перемѣнились. Наташа, въ рѣдкихъ случаяхъ, когда ей надо было выѣхать, пользовалась услугами извозчичьей кареты. Дѣтямъ Бентынгъ-Полянскаго нельзя было пользоваться его имуществомъ, потому что дѣла еще не приведены въ ясность. А управляющій пользовался лучшимъ, что у него есть.

Само по себѣ это Наташу не интересовало. Ей было рѣшительно все равно, на чемъ ѣздитъ панъ Шипицкій. Но для нея это было важно, какъ указаніе, вотъ какъ, значитъ, теперь все пойдетъ!

Наташа спросила пана Шипицкаго:

— Скажите, о какихъ долгахъ Андрея Михайловича говорилъ мнѣ баронъ Катчеръ? Развѣ вамъ извѣстно, что Андрей Михайловичъ дѣлалъ долги?—У пана Шипицкаго промелькнулъ въ глазахъ какой-то невѣрный огонекъ.

— Мнѣ неизвѣстно ничего такого!—отвѣтилъ онъ.

— Но вы, какъ близко знавшій его дѣла, должны же заявить, что никакихъ долговъ у него не было и быть не могло. Что у него своихъ средствъ было настолько достаточно, что не нужны были чужія...

— Что же изъ того, что я заявилъ бы это?—спросилъ Шипицкій.

— Какъ что изъ того? Вѣдь въ этомъ сомнѣваются...

— Если и сомнѣваются, то отъ моего заявленія не перестанутъ... Покойный генералъ былъ человѣкъ своенравный и любилъ все дѣлать посвоему. Можетъ, ему пришелъ капризъ сдѣлать долговое обязательство. Этого никто не можетъ знать! А послѣдній годъ генералъ жилъ вдали отъ насъ. Никто не знаетъ, что онъ дѣлалъ тамъ, въ Парижѣ... Можетъ быть, въ Парижѣ ему понадобились деньги на такія дѣла, что онъ не хотѣлъ, чтобы мы знали, и вмѣсто того, чтобы потребовать отъ меня, просто взялъ да и далъ обязательство...

— Такъ вы, значитъ, допускаете это?

— Я ничего не допускаю, Наталья Александровна! Я только говорю, что тутъ все возможно, и нѣтъ такой вещи, которая могла бы оказаться неожиданной.

Наташа замолчала. Она видѣла, что говорить объ этомъ съ нимъ безполезно. Но тревога ея отъ этого разговора еще болѣе усилилась. Панъ Шипицкій ничего не говорилъ напрасно, а въ особенности теперь, когда онъ такъ цѣнилъ свои слова.

И она увидѣла себя окруженной какими-то тонкими кознями. Ей показалось, что, въ то время, какъ она изнываетъ здѣсь, въ гостиницѣ, въ ожиданіи исхода этихъ «приведеній въ ясность», тамъ, на Англійской набережной, въ домѣ, принадлежащемъ ея дѣтямъ, придумываютъ всевозможные способы, какъ бы лишить ихъ всего и выбросить на улицу.

— Что же вы-то ни во что не вмѣшиваетесь?—обращалась она къ Сербичу:—вѣдь вы мужчина! Если бы я была мужчиной, я не потерпѣла бы всего этого!

— Что же я могу сдѣлать, Наталья Александровна! Вѣдь я, сами знаете, посторонній этому дѣлу человѣкъ!—отвѣчалъ Сербичъ:—если бы это было мое, тогда я, конечно, зналъ бы, что дѣлать... При томъ же мой отпускъ истекаетъ, и я долженъ отбыть въ Москву.

И онъ въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ въ Москву, оставивъ Лизу у Наташи. Три недѣли просидѣлъ онъ въ Петербургѣ, высматривая, куда дуетъ вѣтеръ, и убѣдившись, что пока — вѣтеръ противный, предпочелъ спрятаться за срокъ своего отпуска.

А Лиза была ему не очень нужна, и когда она заговорила о томъ, чтобы остаться съ сестрой, онъ не возразилъ ни слова и вполнѣ охотно согласился.

И. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ РАФАИЛА МИХАИЛОВИЧА ЗОТОВА [1].

VI.

Театры при Александрѣ I. — Кавосъ. — Балетъ и Дидло. — Историческая бесѣда. — Озеровъ. — Предразсудки и актеры. — Два доктора и два Өедорова. — Кирѣевъ, Ротчевъ, и Мундтъ. — Холера. — Дебютъ Асенковой. — Смерть Самойлова. — С. С. Гагаринъ.

Театровъ было всего два: Большой и Малый (на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Александринскій), построенный итальянскимъ импрессаріо Казасси, котораго Павелъ I произвелъ въ титулярные совѣтники. Этотъ театръ былъ лучше всѣхъ нынѣшнихъ театровъ, потому что отовсюду было видно и слышно, и потому что онъ имѣлъ партеръ, въ которомъ помѣщались 1,200 человѣкъ. Другой театръ, гдѣ играли нѣмцы и русская молодая труппа (такъ называли труппу воспитанниковъ), хотя въ числѣ ихъ были и вольноопредѣляющіеся, какъ, напримѣръ, Брянской, — былъ въ зданіи нынѣшняго главнаго штаба и вмѣщалъ въ себѣ не болѣе 800 зрителей. При Милорадовичѣ построенъ былъ еще театръ тамъ, гдѣ теперь зданіе министерства просвѣщенія, но, открытый на масляницѣ 1823 года, онъ, при закрытіи театра, то-есть, черезъ недѣлю, сгорѣлъ. Послѣ того, построенъ былъ у Симеоновскаго моста циркъ для пріѣзжихъ волтижеровъ и вскорѣ потомъ сданъ въ распоряженіе дирекціи. Въ 1818 году стали строить вмѣсто Малаго театра ны-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1896 г., т. LXV, стр. 26.

нѣшній Александринскій, и открытъ былъ Большой театръ, сгорѣвшій въ 1810 году. Не упоминаю о Каменноостровскомъ театрѣ. Онъ былъ построенъ Кутайсовымъ и до сихъ поръ существуетъ, хотя и безъ пользы, потому что самый Каменный островъ перестаетъ быть любимымъ гуляньемъ аристократической публики.

Изъ первоначальныхъ основателей русской труппы я засталъ въ живыхъ только одного Дмитревскаго, который въ 1812 году и вышелъ еще разъ на сцену въ пьесѣ «Всеобщее ополченіе» и тѣмъ окончилъ знаменитое свое поприще.

Я помню еще, какъ играли «Димитрія Самозванца» Сумарокова, мѣсто котораго занялъ Княжнинъ, а его смѣнилъ Озеровъ. Фонвизина и въ мое время уже рѣдко играли, а отъ временъ Павла I осталась одна «Ябеда» Капниста. Послѣ этого періода завладѣлъ сценою князь Шаховской, начавъ съ «Казака-стихотворца» и заключивъ свое поприще «Аристофаномъ». Репертуаръ его пьесъ уже не играется, а между тѣмъ онъ держался болѣе 25-ти лѣтъ, и русская драматургія многимъ ему обязана. Въ его время русскіе актеры по крайней мѣрѣ учились. Теперь это почитается излишнимъ.

Оперный репертуаръ тѣхъ временъ былъ очень бѣдный. Итальянцы внесли къ намъ «Діанино древо», «Рѣдкую вещь» (Cosa rara), «Деревенскихъ пѣвицъ», потомъ мы пристрастились къ «Русалкамъ», которыхъ и поставили четыре части. Итальянецъ Кавосъ первый началъ писать русскія оперы. Его «Невидимка», «Илья Богатырь» и «Сусанинъ» впервые дали намъ понятіе о русской оперѣ. Сусанина тогда не смѣли убивать подъ конецъ пьесы, а спасали, тоже надо было сдѣлать и съ «Эдипомъ въ Аѳинахъ». Дальнѣйшія произведенія Кавоса подверглись незаслуженнымъ гоненіямъ. Въ наше время явились Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ; мы съ удовольствіемъ встрѣтили ихъ, но старыхъ заслугъ не забываемъ.

Странно говорить о балетахъ, но хореграфическое искусство до сихъ поръ считается въ числѣ изящныхъ. Личное мое мнѣніе всегда было противъ этого печальнаго искусства, которое Людовикъ XIV ввелъ въ область изящныхъ искусствъ, и которое, заставляя человѣка прыгать, вертѣться, перегибаться, дѣлаетъ изъ него что-то въ родѣ куклы или манекена на пружинахъ; но если мы уже живемъ въ такомъ вѣкѣ и съ такими людьми, для которыхъ всѣ эти эволюціи такъ пріятны, то почему же не вспомнить о цѣломъ поколѣніи хореграфовъ, которые насъ забавляли и даже восхищали.

Въ 1809 году пріѣхалъ въ Петербургъ знаменитый балетмейстеръ Дидло и поставилъ «Амура и Психею». Это было лучшее произведеніе хореграфіи. Это была истинная поэзія, основанная не на одномъ подниманіи ногъ и юбокъ, а на поэтическомъ вымыслѣ греческаго миѳологическаго міра. Даже по части машинъ мы далеко отстали отъ тѣхъ временъ. Такъ въ сценѣ ада одинъ демонъ прилеталъ изъ самой глубины сцены, то-есть, отъ 12-й кулисы до рампы

и надъ зрителями потрясалъ факеломъ. Въ наше время подобный полетъ не повторялся. Теперь летаютъ только вдоль сцены изъ одной кулисы въ противоположную; полетъ изъ глубины сцены до рампы считается невозможнымъ.

Главными лицами балета былъ знаменитый танцоръ Дюпоръ и наша воспитанница Данилова (которую и уморили слишкомъ частымъ повтореніемъ балета).

Дюпоръ получалъ 10,000 рублей жалованья, а Данилова 2,500 рублей. О прочихъ персонажахъ балета нечего и говорить: они были такіе же, какъ и нынѣшніе, только не поднимали такъ высоко ногъ и не получали такъ много жалованья. И старинный балетъ былъ удивительно хорошъ. Къ сожалѣнію, Данилова умерла, а Дюпоръ уѣхалъ.

Для хореграфіи всего прискорбнѣе было, что и Дидло уѣхалъ. Его замѣнилъ нашъ доморощенный балетмейстеръ Валберхъ (русскій подданный, котораго дирекція пожаловала въ нѣмцы). Ему помогалъ танцоръ Огюстъ (братъ знаменитой, въ свое время, любимицы Павла I, Шевалье).

Самое удачное время для балета былъ 1812 годъ, потому что въ этомъ году всякій вздоръ съ патріотическимъ названіемъ приносилъ много денегъ.

Возрожденіе балета началось опять съ вторичнаго пріѣзда Дидло, и такъ какъ Большого театра уже не было (онъ сгорѣлъ въ 1810 г.), то балеты стали давать на Маломъ, и первый балетъ «Ацисъ и Галатея» былъ въ одномъ дѣйствіи. Но это дѣйствіе продолжалось полтора часа и оканчивалось тѣмъ, что вся лѣвая сторона театра, не имѣя кулисъ, подвигалась на авансцену и, представляя Олимпъ, сверху до низу была уставлена хорошенькими танцорками.

Картина была великолѣпна. Этотъ балетъ повторили и въ Эрмитажѣ, а при Александрѣ I-мъ тамъ играли чрезвычайно рѣдко. Это случилось въ послѣдній годъ директорства князя Тюфякина, и такъ какъ я тогда игралъ довольно важную роль въ дирекціи, то, по случаю эрмитажнаго спектакля, имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми придворными лицами. Я ихъ угощалъ даровыми спектаклями, сажая каждаго на свое кресло, а они меня—всѣми лакомствами царскаго стола. Подружась съ этими людьми и разспрашивая ихъ о недавно прошедшемъ времени 1812 года, я узналъ много интереснаго, заслуживающаго быть упомянутымъ въ исторіи. Вотъ одинъ изъ этихъ разсказовъ, который сохранился въ моей памяти.

Послѣ взятія и пожара Москвы, императоръ Александръ I былъ всегда не въ духѣ и проводилъ всю осень на Каменномъ островѣ. Тамъ онъ гулялъ по тѣнистымъ и отдаленнымъ аллеямъ тамошняго сада. Извѣстно, что отъ камердинеровъ нѣтъ ничего скрытнаго. Однажды императрица Марія Θеодоровна прислала камердинера спросить у государя: «можетъ ли она его видѣть?» Почтительнѣе сына,

какъ государь, не было, и онъ, разумѣется, велѣлъ сказать, что если императрицѣ угодно, то онъ самъ явится къ ней. Она прислала опять доложить, что сейчасъ придетъ.

Камердинеръ съ удивленіемъ увидѣлъ, что вмѣстѣ съ нею пришелъ и Аракчеевъ, о которомъ онъ ничего не докладывалъ, но такъ какъ это было уже не его дѣло, то онъ и оставилъ этихъ трехъ лицъ наединѣ. А такъ какъ на свѣтѣ нѣтъ дверей, въ которыя нельзя было бы подслушать, то и тутъ произошла сцена, которой справедливость остается на совѣсти разсказчика.

Она состояла въ томъ, что государь удивился приходу Аракчеева и спросилъ:

— Ты, вѣрно, по приглашенію императрицы?

— Точно такъ, ваше величество,—отвѣчалъ Аракчеевъ.

И хотя государь всегда разговаривалъ съ императрицею пофранцузски, но такъ какъ Аракчеевъ очень дурно говорилъ на этомъ языкѣ, то разговоръ продолжался порусски.

— Графъ сообщилъ мнѣ о какихъ-то слухахъ, будто бы ваше величество намѣрены вести переговоры о мирѣ, — сказала императрица.—И хотя, конечно, не мое дѣло мѣшаться въ политику, но вопросъ этотъ такъ близокъ къ моему сердцу, такъ дорогъ для чести и славы Россіи, что я почитаю необходимымъ спросить у вашего величества: есть ли какое основаніе въ этихъ слухахъ?

— Откуда ты это слышалъ?—спросилъ государь у Аракчеева.

— Изъ главной квартиры, ваше величество. Но всѣ сомнѣваются въ справедливости этихъ слуховъ. И армія, и народъ желаютъ продолженія войны...

— Эти желанія мнѣ очень пріятны,—прервалъ государь,—и я постараюсь ихъ выполнить. Но война не можетъ быть вѣчною. Наступитъ минута, когда она должна прекратиться. Проливать человѣческую кровь нельзя вѣчно, и если Наполеонъ предложитъ мнѣ честныя условія, я не вижу причинъ, чтобъ не прекратить войны.

— Мой долгъ былъ донести ея императорскому величеству объ этихъ слухахъ: самъ я, конечно, при всей моей преданности къ особѣ вашего величества, никогда-бъ не смѣлъ подумать подавать совѣты...

— Напротивъ, хорошіе совѣты всегда полезны, я вполнѣ цѣню твои совѣты; но въ чемъ же дѣло? Воля ея величества для меня всегда священна. Мнѣ предлагаютъ заключить миръ, и все зависитъ отъ условій, какія будутъ предложены. Я при началѣ войны уже объявилъ Россіи, что «не положу меча, пока хоть одинъ непріятельскій воинъ останется на Русской землѣ». Но война приняла самый печальный оборотъ. Моя любимая столица предана огню: всѣ мои провинціи, отъ Нѣмана до Оки, разорены; я не въ силахъ бороться со всею Европою, и если мнѣ предложатъ такія условія, которыя можно принять...

— Ваше величество! — сказалъ Аракчеевъ: — не мое дѣло подавать непрошенные совѣты, но я бы осмѣлился предложить только промедлить заключеніемъ мира до зимы. Можетъ быть, эта вѣрная союзница спасетъ насъ вмѣстѣ съ всеобщими ополченіями. Пусть Кутузовъ выиграетъ время только до зимы, и можно надѣяться, что съ Божіею помощію враги познаютъ всю силу Россіи и ея зимы.

— Да вѣдь отъ меня и не требуютъ отвѣта къ сроку. Всякіе переговоры тянутся по цѣлымъ мѣсяцамъ, и пребываніе Наполеона въ Москвѣ не обѣщаетъ для него большихъ выгодъ. Да и самый миръ, заключенный сегодня, можетъ быть нарушенъ завтра. Все зависитъ отъ воли Божіей. Жизнь одного человѣка можетъ перевернуть всю Европу, и что сегодня отдается, то съ выгодою можетъ возвращено быть завтра.

— Смѣю повторить вашему величеству,— сказалъ Аракчеевъ,— что еслибъ я осмѣлился высказать свое мнѣніе по такому важному вопросу, то оно только въ томъ и состоитъ, чтобъ подождать зимы.

— Это и мое мнѣніе, ваше величество,—прибавила Марія Θеодоровна. — Вы знаете мои личныя чувства къ этому человѣку, который осмѣлился напасть на Россію. Убійца герцога Энгіенскаго, можетъ быть, поплатится за пролитую имъ кровь.

— Оставимъ въ сторонѣ эти вопросы,—сказалъ государь:—вашему величеству угодно, чтобъ я протянулъ дѣло до зимы, и я согласенъ на это. Воля ваша будетъ выполнена.

Онъ поцѣловалъ руку императрицы, и разговоръ кончился.

Насколько вѣренъ этотъ разсказъ, сказать трудно; но онъ для исторіи очень важенъ. Во-первыхъ, мы видимъ, что императоръ Александръ не прочь былъ отъ мысли заключенія мира осенью 1812 года, а, во-вторыхъ, понимаемъ, сколько Аракчеевъ могъ выиграть у Александра I отъ неожиданнаго переворота всей кампаніи.

Но обращусь опять къ театру. Дидло былъ рѣдкій балетмейстеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый своенравный человѣкъ. Я помню, однажды, когда въ Павловскѣ давали праздникъ для встрѣчи императора Александра послѣ похода. Дидло былъ главнымъ распорядителемъ. День былъ жаркій, и приготовленія происходили у «розоваго павильона». Самойловъ пѣлъ тогда куплеты: «Ты возвратился, благодатный, подъ сѣнью отческихъ знаменъ» (стихи Корсакова), а Дидло устроивалъ танцы и группы. Онъ спросилъ себѣ стаканъ воды, но спросилъ у близъ стоявшаго царедворца, и тотъ не думалъ исполнить его требованіе. Тутъ Дидло сѣлъ на лѣсенку павильона и отказался продолжать репетицію. Марія Θеодоровна, бывшая въ павильонѣ, подошла къ нему и спросила:

— Что же не продолжаютъ репетиціи?

— Да вотъ прошу, чтобы мнѣ дали стаканъ воды, и не могу допроситься.

Сама императрица велѣла принести ему стаканъ. Можно вообразить себѣ, съ какимъ усердіемъ онъ продолжалъ работу. Вообще праздникъ этотъ имѣлъ большой успѣхъ, какъ по пѣнію, такъ и по танцамъ.

Дидло выдержалъ всѣ театральныя администраціи съ 1814 до 1835 года и при лучшемъ директорѣ, князѣ Гагаринѣ, былъ уволенъ.

Изъ литературныхъ знаменитостей, бывшихъ въ мое время, зналъ я очень хорошо Озерова и всегда соболѣзновалъ о враждѣ его съ Шаховскимъ. Его «Поликсена» болѣе всѣхъ подверглась гоненіямъ и выдержала немного представленій. Хмѣльницкаго пьесы имѣли большой успѣхъ по гладкости стиховъ и по знакомству съ Шаховскимъ. Грибоѣдовъ не имѣлъ сначала большого успѣха; знаменитое его «Горе отъ ума» ходило по рукамъ только въ рукописи. Цензура рѣшительно не позволила ея, и императоръ Николай I разрѣшилъ сначала играть только первый актъ. Долго спустя, позволенъ былъ второй, но вся пьеса явилась вполнѣ только нѣсколько лѣтъ спустя. Теперь мы, слава Богу, знаемъ ее наизусть и отъ этого, конечно, сдѣлались не хуже. Личности, съ которыхъ Грибоѣдовъ писалъ свои портреты, давно уже не существуютъ, а пьеса осталась образцовою. Вообще этотъ періодъ былъ самый тяжкій для литературы, и имена цензоровъ, кастрировавшихъ «Горе отъ ума», навсегда останутся грустнымъ памятникомъ въ исторіи нашей литературы.

Ходъ сценическаго искусства въ до-гагаринскій періодъ былъ довольно блистателенъ. В. Каратыгинъ и жена его были главными поддержками нашей сцены. Каратыгинъ былъ сынъ актера, оставившаго намъ типъ петиметровъ. Онъ въ 1820 году вышелъ въ роли Фингала, и не былъ ученикомъ Шаховского, а Брянской принадлежалъ къ его школѣ. Колосова-Каратыгина была тоже не ученицею Шаховского, а преемницею Семеновой, съ которою играла нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ. Каратыгинъ всего лучше былъ въ трагедіяхъ; въ комедіяхъ онъ никогда не первенствовалъ, а въ уродливыхъ мелодрамахъ былъ всего слабѣе. Жена его была хороша въ комедіяхъ, а въ трагическихъ роляхъ гораздо слабѣе.

У насъ до сихъ поръ существуетъ важный общественный предразсудокъ, по которому актеровъ считаютъ какъ бы внѣ порядочнаго общества. А между тѣмъ въ самомъ дѣлѣ большинство нашихъ актеровъ (конечно, не танцоровъ и танцовщицъ) состоитъ изъ образованныхъ людей, которые вездѣ могутъ быть приняты, и, конечно, выше большинства чиновничьяго міра. Почему, напримѣръ, обѣ Самойловы не могли остаться на сценѣ, выйдя за офицеровъ,—это непонятно. Примѣръ Жулевой доказалъ, что можно быть и прекрасною женою и хорошею актрисою. Если въ обществѣ артистовъ были легкомысленныя жены, то въ какомъ разрядѣ общества ихъ нѣтъ? Знатныя барыни также часто заботятся объ украшеніи лбовъ своихъ супруговъ, какъ и актрисы, только у нихъ все за ширмами,

а не явно. Супружеская жизнь Василья Михайловича и Софьи Васильевны Самойловыхъ была примѣрная, и подобныхъ примѣровъ было много. Поведеніе Марьи Ивановны Валберховой и Настасьи Николаевны Новицкой (первая танцовщица своего времени) было тоже образцовое. За что же полузнатное общество отвергаетъ знакомство съ актерами?

Это старинный и ничѣмъ не оправдываемый предразсудокъ. Если въ нынѣшнее время упала образованность театральнаго круга, въ этомъ виновато само общество. У насъ все хотятъ подпоить актера, а никакъ не сходиться съ нимъ на дружеской ногѣ.

Много бы можно написать любопытнаго изъ жизни актеровъ. Это особенная каста, которой главный недостатокъ и несчастіе состоитъ въ непомѣрномъ самолюбіи. Но развѣ и прочіе члены общества не заражены тѣмъ же порокомъ? Вся жизнь человѣчества на этомъ основана. Актеръ представляетъ изъ себя лицо, въ которомъ сосредоточены всѣ слабости и все величіе человѣческаго духа: какъ же не одушевляться этими переходами? Какъ не входить въ свои роли? Кто изъ людей не самолюбивъ? Я не буду описывать біографій актеровъ, а поговорю только о тѣхъ, съ которыми былъ близко знакомъ. Я уже говорилъ о главныхъ начальникахъ театра этого періода, начиная съ Нарышкина и до Гагарина, и если жаловался на князя Долгорукова, то принужденъ сознаться, что и онъ, съ своей стороны, имѣлъ полное право сердиться на меня за то, что я былъ преданъ Милорадовичу, а не ему, хотя больше бы выигралъ въ служебномъ отношеніи, если бы принялъ сторону Долгорукова.

Изъ актеровъ я былъ близокъ съ Яковлевымъ, Рыкаловымъ, Борецкимъ, Сосницкимъ, Самойловыми. Разскажу нѣкоторыя черты и другихъ лицъ. Въ числѣ ихъ считаю долгомъ упомянуть о двухъ врачахъ театральной дирекціи, съ которыми былъ очень друженъ: первый изъ нихъ былъ Ѳедоръ Ивановичъ Мауне, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Обуховскомъ госпиталѣ. Съ этимъ докторомъ былъ любопытный случай однажды съ актрисою Сандуновой. Это было 5-го сентября (какого—года не помню), Сандунова играла «Калипсу», оперу Боэльдьё. Это была первая пѣвица своего времени, и я часто посѣщалъ ее. Въ этотъ день она была именинница и пріѣхала въ театръ въ свое время. Опера началась, и первый актъ прошелъ хорошо. Во второмъ пришли мнѣ сказать, что Сандунова больна и едва ли будетъ въ состояніи окончить оперу; я тотчасъ послалъ къ ней въ уборную доктора, и тотъ очень спокойно воротился ко мнѣ съ донесеніемъ: «sie ist besoffen». Тутъ я вспомнилъ, какой это день былъ, и просилъ его употребить всѣ средства, чтобы дать ей доиграть. Онъ облилъ ее холодною водою, и когда она освѣжилась, то въ состояніи была допѣть и доиграть.

Другой театральный врачъ былъ Марокети. Это была очень любопытная личность; онъ нѣкогда служилъ въ арміи Наполеона и много разсказывалъ объ этомъ времени. Послѣ паденія имперіи попалъ онъ въ Россію, гдѣ поступилъ въ число врачей. Задолго до Распайля лѣчилъ онъ всѣхъ своихъ больныхъ одною камфарою. Онъ состоялъ при театральной школѣ, и воспитанницы его терпѣть не могли за камфару. Онъ женился уже въ Россіи, и супруга его была прелестна.

Впослѣдствіи была у него и дочь-красавица, и онъ скончался въ глубокой старости, доказавъ, что съ камфарою можно дожить до 90 лѣтъ. Онъ дѣлалъ много любопытныхъ изобрѣтеній и приготовлялъ разные духи изъ клоповъ.

Изъ прочихъ своихъ сослуживцевъ могу съ искреннею похвалою отозваться о Евгеніи Макаровичѣ Семеновѣ, служившемъ секретаремъ при трехъ директорахъ. Это былъ человѣкъ рѣдкой честности и доброты. Несмотря на гоненіе, которому я впослѣдствіи подвергался, онъ одинъ не забывалъ дружеской связи нашихъ молодыхъ лѣтъ и сохранялъ ко мнѣ постоянную дружбу. Онъ женатъ былъ на сестрѣ трагика Каратыгина, вышедшей за него противъ желанія своего семейства. Потомъ эта же семья была рада, что пріобрѣла такого полезнаго родственника. Онъ умеръ на своемъ секретарскомъ мѣстѣ.

Другой сослуживецъ былъ Дмитрій Николаевичъ Ѳедоровъ, инспекторъ театральной школы. Онъ женился на воспитанницѣ Монготье, которая долго обворожала всѣхъ своею красотою, и сдѣлалъ много полезнаго для школы, которая послѣ него пришла въ совершенный упадокъ, особенно при управленіи другого Ѳедорова, Павла Степановича.

Наконецъ долженъ я упомянуть и объ Александрѣ Дмитріевичѣ Кирѣевѣ. Онъ перевелъ французскую піесу Бомарше: «Преступная мать», и потому подлежалъ моему суду. Я не могъ ее одобрить; но лично съ нимъ очень хорошо познакомился и часто бывалъ у него съ Ротчевымъ, служившимъ переводчикомъ при театрѣ. Образъ мыслей его и правила мнѣ очень нравились, и когда онъ выпросилъ себѣ мѣсто губернскаго прокурора (кажется, въ Казани), я съ большимъ сожалѣніемъ разстался съ нимъ. Но въ это же время управляющій конторою Гемнихъ не могъ служить съ новымъ директоромъ и получилъ мѣсто въ военномъ министерствѣ, а на его мѣсто сталъ проситься нѣкто Халченскій, изъ канцеляріи великаго князя Михаила Павловича. Мнѣ тогда пришла мысль упросить князя Гагарина, опредѣлить на это мѣсто только-что уѣхавшаго Кирѣева, и такъ какъ для князя было все равно, то онъ согласился на мою просьбу, чтобы имѣть около себя такихъ людей, которые дружны между собою, а не ссорятся безпрестанно.

Получивъ это согласіе, я тотчасъ послалъ Кирѣеву письмо и

просилъ его пріѣхать скорѣе, чтобы князь не передумалъ. Кирѣевъ не замедлилъ, написалъ мнѣ благодарственное письмо, и князь остался вѣренъ своему слову. Кирѣевъ былъ опредѣленъ, хотя и былъ моложе меня въ чинѣ. Съ А. Г. Ротчевымъ и Н. П. Мундтомъ, которыхъ я также успѣлъ опредѣлить къ князю, прозвали меня трилистникомъ, а съ Кирѣевымъ надобно уже было называть четырехлистникомъ. Ротчевъ перевелъ знаменитую піесу Виктора Гюго «Гернани», и я, конечно, употребилъ все стараніе, чтобы она могла идти, но ее запретила цензура, и Ротчевъ перевелъ «Вильгельма Теля» Шиллера. Тутъ еще меньше было надежды, но піеса прошла и была дана. Надо только прибавить, что ее тотчасъ же потомъ запретили, послѣ перваго представленія, и что министръ двора, князь Волконскій, сдѣлалъ выговоръ за переводы подобныхъ піесъ.

Ротчевъ часто бывалъ у актера Брянскаго, гдѣ и я съ нимъ сходился. Однажды Анна Матвѣевна Брянская стала просить меня опредѣлить Ротчева къ театру. Я отвѣчалъ, что очень буду радъ, если только дадутъ мнѣ возможность исполнить ея желаніе. Дѣйствительно, дѣло было трудное. Ротчевъ нигдѣ не кончилъ курса, и хотя литературныя способности его были неоспоримы, но все его достоинство состояло въ томъ, что онъ въ Москвѣ женился на увезенной имъ княжнѣ, противъ воли родителей, и теперь, кромѣ поэзіи, не имѣлъ никакихъ средствъ къ жизни. А потому опредѣленіе его въ переводчики театральной дирекціи было очень трудно. Мѣсто это было въ 9-мъ классѣ, а онъ не имѣлъ никакого чина. Я представилъ все это князю Гагарину, и тотъ, зная литературныя заслуги Ротчева, согласился принять его въ «должности переводчика».

Дальнѣйшая его служба была очень замѣчательна. Изъ театральной дирекціи онъ помѣнялся должностями съ Прокофьевымъ, котораго отецъ былъ директоромъ американской компаніи, и поѣхалъ въ Калифорнію, въ званіи губернатора (оно, однако, вовсе не означало того, что мы привыкли понимать подъ этимъ словомъ), и зажилъ тамъ очень хорошо. Къ сожалѣнію, компанія продала эту область американцамъ, и вслѣдъ затѣмъ открылись тамъ золотыя розсыпи. Ротчевъ воротился и вступилъ въ военное министерство. Карьера его кончилась тѣмъ, что онъ отправился въ Ташкентъ.

Опредѣлить Н. П. Мундта было тоже очень трудно. Онъ былъ сынъ извѣстнаго врача и первоначально служилъ въ Семеновскомъ полку. Но, когда по случаю исторіи Шварца полкъ этотъ былъ раскасированъ, Гемнихъ, къ которому обратился отецъ Мундта, принялъ сына въ число конторскихъ чиновниковъ, въ должность архиваріуса, когда директоромъ назначенъ былъ Гагаринъ. Онъ и принялъ участіе въ судьбѣ его. Мундтъ въ это время перевелъ французскій романъ: «Вѣчный жидъ», и я, вступивъ въ званіе начальника

репертуарной части, прикомандировалъ его къ себѣ, велѣлъ ему ходить ежедневно въ канцелярію князя и заниматься текущими дѣлами. Я предлагалъ и князю взять его себѣ въ секретари; но не знаю, почему-то онъ искалъ себѣ болѣе свѣтскаго человѣка и болѣе ученаго. Мало-по-малу, однако, князь привыкъ его видѣть и согласился наконецъ опредѣлить секретаремъ. Потомъ за что-то не взлюбилъ его Гедеоновъ, и онъ перешелъ въ военное министерство; затѣмъ былъ предсѣдателемъ казенной палаты.

Такимъ образомъ, составился мой служебный кругъ. Эти три года директорства князя Гагарина почитаю я лучшими въ своей жизни и въ своемъ служебномъ поприщѣ. Князь дѣлалъ всевозможное для лучшаго хода театральныхъ дѣлъ, и могу сказать, что и я содѣйствовалъ ему въ этомъ. Я, конечно, соболѣзновалъ объ увольненіи знаменитаго Дидло, но мудрено было согласить между собою этихъ двухъ своенравныхъ людей, изъ которыхъ одинъ имѣлъ на своей сторонѣ всю власть, а другой — талантъ.

Въ первый годъ этого директорства появилась въ Петербургѣ холера, и я помню ужасъ, какой навела на всѣхъ эта болѣзнь. Послѣдній спектакль, данный на Маломъ театрѣ, ознаменовался печальнымъ случаемъ. Въ антрактѣ кто-то изъ публики упалъ въ коридорѣ, почернѣлъ, и тутъ же умеръ.

Рѣшено было, по высочайшей волѣ, закрыть театры на все время свирѣпствованія холеры. Я былъ свидѣтелемъ сценъ народнаго бунта и разбитія госпиталя на Сѣнной. Разбитый домъ былъ именно тотъ, въ которомъ я провелъ почти полгода на службѣ у частнаго пристава Шипулинскаго, который былъ такъ друженъ съ моимъ отцомъ.

Печальный періодъ холеры былъ не продолжителенъ.

Князь Гагаринъ жилъ на своей дачѣ, на Каменномъ островѣ, а я на дачѣ барона Раля, на Петергофской дорогѣ. Но мы ежедневно переписывались по дѣламъ. Эта переписка была очень любопытна. Она происходила не иначе, какъ посредствомъ истыканныхъ иглою писемъ, которыя предварительно окуривались.

Я, съ своей стороны, не соблюдалъ этихъ карантинныхъ законовъ, и во все время холеры продолжалъ купаться, пить молоко, ѣсть ягоды и воспользовался этимъ трехмѣсячнымъ бездѣйствіемъ, чтобъ написать первый свой романъ: «Леонидъ». Второй романъ: «Таинственный монахъ», былъ поднесенъ княземъ Гагаринымъ императору Николаю I, который вообще любилъ князя. Дѣйствительно это былъ вполнѣ рѣдкій человѣкъ, потому что безкорыстіе и неприкосновенность казенныхъ денегъ были главными качествами этого истиннаго аристократа, который самъ имѣлъ село въ 14,000 душъ съ 6-ю церквами, и, слѣдственно, не нуждался въ акциденціяхъ.

Могу, по счастію, похвалиться, что и я слѣдовалъ той же системѣ, только результатъ былъ не одинаковъ.

Помню, что за холернымъ годомъ послѣдовало самое жаркое лѣто, и въ этотъ годъ данъ былъ балетъ «Кіа-Кингъ» въ Петергофѣ, на открытомъ воздухѣ, на площадкѣ противъ Самсона. Зрѣлище было великолѣпное,— и государь былъ вполнѣ доволенъ, такъ что хотѣлъ наградить князя Бѣлымъ Орломъ. Но министръ нашелъ, что это слишкомъ рано.

На другой день послѣ «Кіа-Кинга» я на пристани Монплезира купался въ 8 часовъ утра, съ нѣкоторыми изъ театральныхъ лицъ, и въ эту самую минуту подошелъ неожиданно государь; но, взглянувъ на насъ и узнавъ, кто купается, не велѣлъ безпокоить насъ.

Мы прожили почти двѣ недѣли въ Монплезирѣ и ежедневно забавляли государя спектаклями, зная, что онъ очень не взыскателенъ въ литературномъ отношеніи. Напримѣръ, ему больше всего нравился тогдашній водевиль: «Филатка и Мирошка», гдѣ Воротниковъ своею игрою доставлялъ ему истинное удовольствіе.

Много бы можно было разсказать о театральномъ мірѣ, но я ограничусь только нѣкоторыми чертами.

Помню первый дебютъ актрисы Асенковой (Варвары) въ «Трехъ султаншахъ». Государь, разумѣется, пріѣхалъ, и послѣ перваго акта пришелъ на сцену. Я первый ему попался, когда онъ сходилъ съ лѣстницы, ведущей изъ царской ложи на сцену.

— Вызови мнѣ Асенкову,— сказалъ онъ.

— Слушаю, ваше величество,—сказалъ я, и такъ какъ у нея для переодѣванья былъ устроенъ тутъ же кабинетъ, то я и закричалъ ей: «Варенька, выходи сюда поскорѣе».

— О! да ты подомашнему говоришь съ дебютанткою!—замѣтилъ государь.

— Я ее зналъ съ пеленокъ, ваше величество,— отвѣчалъ я.— Мать была субреткою при князѣ Тюфякинѣ...

Въ эту минуту Асенкова вышла. Государь началъ говорить ей комплименты за превосходный дебютъ, спросилъ, у кого она училась, и очень радъ былъ, узнавъ, что у Сосницкаго, котораго онъ въ особенности любилъ.

О самомъ Сосницкомъ должно упомянуть, что въ службѣ его была минута, когда разнобоярщинный комитетъ рѣшилъ уволить его за то, что онъ просилъ прибавки, и онъ нѣсколько мѣсяцевъ только считался на службѣ, не являясь на сценѣ. По счастію, графъ Бенкендорфъ взялся за это дѣло, и Сосницкому дали желаемую прибавку. Почти то же повторилось по истеченіи пятидесятилѣтія его службы. Контора почему-то вздумала оспоривать у него цѣлый годъ службы, тогда какъ при выпускѣ его изъ театральной школы (при Нарышкинѣ) имъ объявили выпускъ, но сказали, что денегъ въ конторѣ нѣтъ, и что хотя служба будетъ считаться съ выпуска, но жалованье назначится, когда деньги будутъ. Этотъ споръ былъ скоро прекращенъ.

Сосницкій получилъ золотую медаль на шею и на голубой лентѣ. Я написалъ тогда его біографію, въ которой разсказалъ всю жизнь этого великаго артиста. Расходы по изданію принялъ на себя генералъ Сивербрюкъ, одинъ изъ близкихъ пріятелей артиста, сынъ извѣстнаго фехтовальнаго учителя, бывшій недолгое время директоромъ корпуса путей сообщенія.

Я говорилъ уже о моихъ дружескихъ отношеніяхъ къ знаменитому пѣвцу Самойлову. Не могу не разсказать и о печальной кончинѣ его. Онъ страстно любилъ кататься по водѣ даже въ вѣтеръ. 11-го іюля (день св. Ольги) былъ въ Петергофѣ праздникъ для великой княгини Ольги Николаевны (она еще не была виртембергскою королевою), и я отправился туда съ утра, чтобъ навѣстить младшаго сына, попавшаго уже не въ лицей, а на флотъ, и находившагося въ этотъ день тамъ на учебной эскадрѣ. Опредѣленіе это было любопытно: требовалось, чтобъ вступающій былъ непремѣнно 6-го разряда дворянства, а я былъ только 2-го. Но отъ меня была принята просьба, и ей данъ былъ ходъ за условленное вознагражденіе.

Въ полдень отправился я на пароходъ «Невка», состоявшій подъ командою знакомаго капитанъ-лейтенанта, у котораго я долженъ былъ обѣдать, и котораго просилъ послать двойку за моимъ сыномъ. Мы и не замѣтили, какъ въ это время собралась гроза, и Подушкинъ (такъ звали капитана) только что успѣлъ принять всѣ морскія предосторожности противъ шквала, какъ вдругъ буря разразилась. Сынъ мой спокойно въ это время ѣхалъ на своей лодченкѣ и, войдя къ намъ, очень удивился, что мы о немъ безпокоились.

— Да никакой бури нѣтъ,— сказалъ онъ. А между тѣмъ въ эту-то минуту Самойловъ утонулъ на взморьѣ около Сергія. Съ нимъ былъ одинъ матросъ, и когда на лодку ихъ налетѣлъ шквалъ, то опрокинулъ ее, потому что она шла подъ парусомъ. Самойловъ сидѣлъ на рулѣ и обвертѣлъ руку веревкою, это и погубило его. Матросъ спасся, но артистъ пошелъ ко дну.

Впрочемъ въ этотъ день произошло много бѣдствій. На петергофское гулянье ѣхали большими партіями, и море взяло много жертвъ. Семейство Самойлова и всѣ знакомые искали трупа его по всѣмъ отмелямъ на Лахтѣ, куда были принесены и другіе, и уже черезъ нѣсколько дней нашли его. Можно вообразить себѣ отчаяніе семейства. Замѣчательно, что актеръ былъ въ большой дружбѣ со всѣми монахами Сергіевскаго монастыря, потому что часто пѣвалъ съ ними на клиросѣ и угощалъ въ дни пріѣзда ихъ въ Петербургъ.

Впрочемъ, даже я имѣлъ въ монашескомъ кругу нѣсколько пріятелей, читавшихъ мои романы. Самойлова похоронили тутъ же у Сергія, и одна изъ дочерей (Любовь), славившаяся искусствомъ живописи, написала образъ св. Сергія и выставила на могилѣ его. И

все это совершилось въ день 11-го іюля, когда въ Петергофѣ былъ великолѣпный праздникъ.

Въ это самое время установилъ князь Гагаринъ при театрѣ поспектакльную плату, существующую, къ сожалѣнію, до сихъ поръ. Много было недовольныхъ этою мѣрою; въ сущности она принесла пользу только въ одномъ случаѣ: подъ предлогомъ болѣзни многіе артисты часто отказывались играть. Теперь же поспектакльная плата побуждала каждаго къ усердію, и капризы сдѣлались гораздо рѣже.

Впослѣдствіи совершенно ошибочно приписали эту мѣру мнѣ, хотя она вполнѣ принадлежитъ Гагарину. Онъ же ввелъ между чиновниками театра дежурство.

Трое старшихъ всегда дежурили и вписывали въ книгу всѣ случаи, бывающіе во время спектакля. Жаль, что обычай этотъ и эти документы не сохранились. Потомъ стали наряжать на дежурство второстепенныхъ лицъ,— и это учрежденіе упало. Всякій дежурный подписывалъ всѣ дневные расходы и имѣлъ право допускать ихъ до 50 рублей.

Во второй годъ этого прекраснаго періода познакомился я у князя съ Сенявинымъ, который въ это время опредѣленъ былъ въ кабинетъ; я никакъ не предвидѣлъ, что онъ будетъ впослѣдствіи моимъ начальникомъ, а еще менѣе, что кончитъ жизнь самоубійствомъ.

Рѣдкій примѣръ въ исторіи театра представляетъ Гагаринъ еще въ одномъ отношеніи. Всѣ директоры театровъ отличались волокитствомъ, и если не явно и открыто жили съ актрисами и танцорками, то не слишкомъ заботились о томъ, чтобы скрывать свои связи. Даже второстепенные чины дирекціи любили похвастать своими связями. Гагаринъ первый, изъ гордости и по искренней любви къ своей женѣ (урожденной Валевской), не захотѣлъ покориться этой грязной привычкѣ. Въ продолженіе трехлѣтняго управленія онъ не иначе принималъ актрисъ и танцовщицъ, какъ совершенно одѣтый, и не иначе, какъ стоя. Онъ не приглашалъ ихъ садиться и выслушивалъ только ихъ просьбы.

Сама княгиня была добрѣйшая и благороднѣйшая женщина, готовая на всякую помощь и всякое добро. У нея были три дочери, и я съ удовольствіемъ взялся быть ихъ экзаменаторомъ, чтобы слѣдить за системою ихъ преподавателей. Старшая дочь вышла за здѣшняго датскаго посланника Плессена; о судьбѣ другихъ я ничего не знаю, хотя по самую смерть князя былъ часто у него, и онъ имѣлъ даже нѣкоторое вліяніе на дальнѣйшую судьбу мою.

VII.

Увольненіе Гагарина и опредѣленіе Гедеонова.—Палерояль.—Храповицкіе.— Вызовъ на дуэль и отставка.

Послѣ втораго года своего директорства князь Гагаринъ увидѣлъ, что онъ не въ состояніи продолжать управлять театрами безъ прибавки бюджета отъ казны, и представилъ объ этомъ министру двора. Тотъ начисто отказалъ, говоря, что сама казна слишкомъ бѣдна, чтобы разоряться на театры.

Князь не настаивалъ до поста, и когда общій балансъ былъ составленъ, оказалось въ дефицитѣ до 100,000 р. (ассигнаціями). Онъ вновь повторилъ свое представленіе и получилъ тотъ же неутѣшительный отвѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ ищите другого директора,—сказалъ князь и, пріѣхавъ домой, объявилъ всѣмъ служащимъ свою рѣшимость выйти въ отставку.

Всѣ мы были поражены, зная очень хорошо, что онъ легко обойдется безъ дирекціи театровъ, но дирекціи едва ли будетъ хорошо безъ него.

Въ это самое время пріѣхалъ изъ Москвы членъ оружейной палаты, состоящей тоже подъ начальствомъ министра двора, церемоніймейстеръ Гедеоновъ. Онъ одно время содержалъ въ Москвѣ итальянскую труппу. Князь Волконскій тотчасъ же разсказалъ ему о своемъ затруднительномъ положеніи, то-есть, о необходимости пріискать директора театровъ (тогда московскій и петербургскій театры не составляли одной дирекціи: они раздѣлились при Милорадовичѣ, и въ Москву назначенъ былъ Загоскинъ, тоже подъ начальствомъ генералъ-губернатора, князя Дмитрія Владиміровича Голицына, который вмѣстѣ съ тѣмъ числился и членомъ театральнаго комитета). Пріѣзжій москвичъ отвѣчалъ, что на такое мѣсто, какъ князя Гагарина, найдутся всегда десятки кандидатовъ и предложилъ себя на эту вакансію.

— Если хочешь, я доложу государю,—сказалъ министръ.—Ты вѣдь тоже знаешь это дѣло?

— Да, слава Богу, знаю и, конечно, радъ буду служить вамъ. Дѣло было въ тотъ же день слажено. Волконскій доложилъ и представилъ требованія, сдѣланныя Гагаринымъ. Въ тотъ же день указъ былъ подписанъ, и прежде, нежели мы узнали что нибудь, Гедеоновъ пріѣхалъ въ театръ и сѣлъ въ директорскую ложу.

Если вспомнить увольненіе Тюфякина и Шаховскаго, то увольненіе Гагарина не представляло ничего особеннаго въ общемъ административномъ порядкѣ. Онъ требовалъ прибавки къ театральному бюджету, на которую министръ не согласился: слѣдственно, вопросъ

былъ простъ. Самая же личность директора и замѣнившаго его мѣсто не подлежали общественному суду.

Явясь на сцену, Гедеоновъ самъ рекомендовался намъ всѣмъ, и послѣ того не было никакихъ торжественныхъ пріемовъ.

Потеря Гагарина была невозградима для театра, потому что добрѣе, безкорыстнѣе и безпристрастнѣе начальника мудрено было найти, и я со слезами на глазахъ простился съ нимъ. Все должно было измѣниться при театрѣ, и дѣйствительно все вскорѣ измѣнилось.

Театральная школа занимала зданіе со временъ Екатерины II, на Екатерининскомъ каналѣ, а другой фасъ зданія выходилъ въ Офицерскую улицу (гдѣ былъ Hôtel du Nord). Для школы же нанимали домъ Голидая, какъ по каналѣ, такъ и по Офицерской, на три фаса. Гедеоновъ придумалъ другую комбинацію. Онъ рѣшился купить такъ называемый Палерояль, то-есть, зданіе, вновь отстроенное министерствомъ удѣловъ, между Александринскимъ театромъ и Чернышевымъ переулкомъ. Подобная покупка должна была дорого стоить. Зданіе было огромное, и сюда хотѣли перевести школу, контору и раздать квартиры служащимъ. Кромѣ того, нанятъ былъ небольшой домъ въ Подьяческой, для помѣщенія тамъ декорацій. Всѣ эти обороты поручены были Кирѣеву, котораго дѣятельность и услужливость очень понравились Гедеонову.

Что до меня касается, я осмѣлился представить, что мы за наемъ новаго зданія должны будемъ платить дороже, нежели сколько получили съ капитализаціи за продажу дома школы; но Гедеоновъ отвѣчалъ мнѣ, что какъ скоро нечѣмъ будетъ платить министерству удѣловъ за наемъ, то намъ и безденежно отдадутъ весь домъ; этого я, конечно, не ожидалъ отъ такого бережливаго хозяина, какимъ былъ князь Волконскій, и однако предсказаніе Гедеонова вскорѣ сбылось, и домъ этотъ поступилъ въ безвозмездное вѣдѣніе дирекціи.

Даже по репертуарной части Гедеоновъ не слѣдовалъ прежнимъ правиламъ. Въ дирекціи былъ законъ, чтобы больше 4,000 рублей, никому изъ актеровъ не давать жалованья. Въ эту минуту окончился срокъ контракта актера Брянскаго; онъ требовалъ прибавки въ 1,000 рублей, и я не смѣлъ сдѣлать представленія, нарушающаго законъ. Но Гедеоновъ отвѣчалъ, что беретъ на себя это нарушеніе, и далъ требуемую прибавку.

Скоро понялъ я, что мое управленіе репертуаромъ не нравится директору.

Въ это время служилъ въ дирекціи Александръ Ивановичъ Храповицкій, опредѣленный по рекомендаціи Гемниха. Онъ былъ старше меня въ чинѣ (коллежскій совѣтникъ, а я только надворный, хотя при князѣ Гагаринѣ и награжденъ былъ орденомъ св. Анны съ короною и получилъ два перстня) и еще полковникомъ сражался подъ Аустерлицомъ и служилъ въ гвардіи. У него была страсть къ сценѣ,

и онъ даже не разъ игралъ на домашнихъ театрахъ вмѣстѣ съ знаменитою Семеновой.

Пользуясь видимымъ переворотомъ, совершившимся при театрѣ, онъ вздумалъ занять мое мѣсто, а мнѣ отдать свое (онъ былъ инспекторомъ русской труппы). Съ этимъ предложеніемъ явился онъ къ Гедеонову и, какъ старшій по чину, думалъ, что это перемѣщеніе легко устроить, то-есть, съ 4,500 рублей (ассигнаціями) перемѣстить меня на 3,000.

По счастію Гедеоновъ вспомнилъ, что возвратившійся изъ чужихъ краевъ гофмейстеръ, графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій, былъ прежде моимъ начальникомъ и обратился къ нему съ вопросомъ: кто достойнѣе занимать это мѣсто? Тотъ рѣшилъ въ мою пользу, говоря, что Храповицкій «только даромъ въ дирекціи хлѣбъ ѣстъ». Я ничего не зналъ объ этихъ продѣлкахъ и, по обыкновенію, явился въ театръ.

Вдругъ Гедеоновъ потребовалъ меня къ себѣ въ ложу и началъ разспрашивать о всей прежней моей службѣ.

Какъ ни далеки мы были между собою по чинамъ, но оказалось, что мы съ нимъ знакомы были еще подъ Данцигомъ. Онъ былъ тогда капитаномъ Ямбургскаго драгунскаго полка, а я прапорщикомъ Петербургскаго ополченія, хотя и ротнымъ начальникомъ. Онъ подъ Данцигомъ прославился смѣлою кавалерійскою атакою на мызу Шальмюль, а я извѣстенъ былъ въ осадномъ корпусѣ своими ранами. Съ этой минуты знакомство наше было сдѣлано, хотя я и не зналъ, что обязанъ этимъ графу Віельгорскому. Любопытнѣе всего при этомъ было то, что Храповицкій, тоже не знавшій еще ничего о свиданіи съ Віельгорскимъ, съ любопытствомъ смотрѣлъ изъ-за кулисъ, какъ я сидѣлъ вмѣстѣ съ директоромъ и разговаривалъ съ нимъ очень фамильярно.

На другое утро Гедеоновъ позвалъ его и объявилъ, что я останусь на своемъ мѣстѣ. Вообще рекомендація Віельгорскаго послужила мнѣ въ большую пользу, и, узнавъ объ этомъ, я, разумѣется, явился благодарить за оказанное мнѣ добро.

Со своей стороны Гедеоновъ оказалъ мнѣ въ это время особое покровительство.

По его ходатайству принята была старшая дочь моя Филицата въ Патріотическій институтъ, изъ котораго и вышла съ первымъ золотымъ шифромъ, послѣ чего поступила и вторая дочь, хотя это впрочемъ случилось уже послѣ моего увольненія изъ дирекціи.

О сынѣ моемъ я въ то же время сталъ хлопотать для опредѣленія его въ лицей. Кирѣевъ много помогъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Онъ знакомъ былъ съ начальникомъ штаба великаго князя Михаила Павловича, полковникомъ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ (прославившимся потомъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ). Онъ привезъ его ко мнѣ (я тогда уже жилъ въ Палероялѣ), и мы сошлись

на очень дружеской ногѣ (я произведенъ былъ въ это время за выслугу въ коллежскіе совѣтники). Онъ принялъ мою просьбу о сынѣ въ лицей и опредѣлилъ его пенсіонеромъ государя.

Съ этого времени служба моя при дирекціи пошла хорошо. Гедеоновъ былъ весьма добръ ко мнѣ и при первомъ же представленіи наградилъ меня орденомъ св. Станислава на шею, хотя у меня была уже св. Анна съ короною, а на Владиміра 3-й степени мнѣ нельзя было претендовать.

У Гедеонова было двое сыновей, только что окончившихъ университетскій курсъ и пожалованныхъ въ камеръ-юнкеры.

Со старшимъ я болѣе сошелся и далъ ему работу въ переводѣ «Роберта», Мейербера, и «Вильгельма Теля», Россини. Сверхъ того, онъ написалъ романъ «Стенька Разинъ».

Я тоже въ это время напечаталъ своего «Фрадіаволо», который и былъ удачно проданъ. Однимъ словомъ, трехлѣтіе съ 1833 по 1836 годъ было весьма удачно для меня по службѣ. Я не мѣшался въ хозяйственную часть, въ которой дѣйствовалъ Кирѣевъ. Гедеоновъ былъ женатъ, и бракъ этотъ далъ ему дорогу въ обществѣ и при дворѣ. Жена его славилась своею свѣтскостью и любезностью, была очень хорошая пѣвица и вообще очень добрая и милая женщина. Сестра ея, Марья Павловна, была еще добрѣе. Но въ Петербургѣ онѣ не имѣли большаго знакомства и обѣ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, болѣе всего заботились измѣнить привычки прежней московской жизни.

Поживя въ Петербургѣ, Гедеоновъ самъ понялъ, что частое посѣщеніе театра государемъ обязывало его совсѣмъ къ другому образу жизни, нежели къ московскому, и всѣ эти привычки прекратились. Къ сожалѣнію, супруга Гедеонова скоро умерла.

Въ 1835 году было открытіе Александровской колонны, и я, какъ соучастникъ этой великой эпохи, отправился вмѣстѣ съ Гедеоновымъ въ Зимній дворецъ и принесъ свое поздравленіе министру Волконскому, котораго пожаловали въ этотъ день свѣтлостію. Однако меня не пустили на балконъ смотрѣть на церемонію, потому что я былъ не въ мундирѣ. Я утѣшился и пошелъ домой.

Хоть я и сказалъ выше, что не мѣшался въ хозяйственныя дѣла, но, такъ какъ безвыходно былъ въ канцеляріи, и отъ меня не было секретовъ, то въ 1834 году увидѣлъ я, какъ Гедеонову контора представила смѣту въ 50,000 рублей для поправки Большого театра. Я пробѣжалъ ее мимоходомъ и замѣтилъ, что въ ней много лишняго. Гедеоновъ просилъ меня заняться этимъ дѣломъ, и я, исполняя волю его, просилъ съ своей стороны, чтобъ мнѣ дали въ товарищи архитектора (Кавоса, сына капельмейстера). Мы съ нимъ разсмотрѣли всѣ статьи этой смѣты. Оказалось, что на 11,000 рублей можно было убавить ее; директоръ, разумѣется, согласился на эту убавку. Но это дѣло увеличило число моихъ враговъ. Обиженные всегда жалуются.

Въ то же время вышелъ манифестъ о распредѣленіи должностей по разрядамъ. Я, старшій и въ чинѣ и по должности, былъ помѣщенъ въ 8-й разрядъ, тогда какъ коллежскій ассесоръ Кирѣевъ въ 6-й. Все это показалось мнѣ чрезвычайно запутаннымъ, и я представилъ Гедеонову, что онъ несправедливо допустилъ помѣстить меня въ 8-й разрядъ.

— Ну, это какъ нибудь обдѣлается впослѣдствіи, — отвѣчалъ онъ,—а теперь нельзя и думать о томъ, чтобъ безпокоить государя перемѣною должностей при театрѣ.

Но я былъ уже коллежскимъ совѣтникомъ: слѣдственно не могъ оставаться на службѣ, потому что можно было быть: или двумя чинами ниже, или однимъ выше, а я былъ двумя выше и на будущее время не могъ уже надѣяться ни на какое производство. Гедеоновъ отвѣчалъ мнѣ, что спроситъ обо этомъ у министра, но просилъ не настаивать на своемъ требованіи.

День спустя, директоръ объявилъ мнѣ, что имѣлъ по этому предмету разговоръ съ министромъ и могъ добиться отъ него только отзыва, что, не смотря на новый законъ классификаціи чиновъ, онъ мнѣ «позволитъ» продолжать службу, не измѣняя самаго закона.

— А впрочемъ,—сказалъ онъ,—ты знаешь русскую поговорку: «мѣсто свято не будетъ пусто».

Я поклонился и ушелъ. Для личнаго моего самолюбія было очень грустно, что мнѣ только «позволили» служить. Я вообразилъ, что безъ меня не обойдется дирекція. Это была очень печальная ошибка, за которую я дорого поплатился.

Надобно вспомнить при этомъ, что императоръ Николай почти ежедневно посѣщалъ театры и говорилъ со всѣми. Меня, какъ стараго солдата, онъ давно лично зналъ,—и между нами были два замѣчательные въ театральной исторіи разговора. Одинъ изъ нихъ былъ по случаю танцорки Маринеты-Бертранъ, маленькаго, вертляваго существа, которое, кажется, имѣло виды на благосклонность одного высокопоставленнаго лица.

Въ балетѣ «Возстаніе въ Сералѣ» приходили на сцену въ антрактѣ всѣ первыя танцовщицы, имѣя на себѣ только прозрачныя пудермантели и трико. Въ этомъ видѣ прокрадывались онѣ мимо государя въ балетѣ, гдѣ должны были представлять купальщицъ.

Государь замѣтилъ однажды, что Маринеты-Бертранъ нѣтъ между ними.

— А гдѣ Маринета?—спросилъ онъ.

Танцорка Круазетъ (которая тоже хлопотала о привлеченіи къ себѣ благосклонности того же лица) отвѣчала, стоя уже въ бассейнѣ:

— Здѣсь, ваше величество,—но она все прячется.

— Покажитесь намъ, мамзель Маринета, — сказалъ государь.— Вѣдь всѣ зрители будутъ же васъ видѣть.

— О! ваше величество,— отвѣчала Маринета,— отъ нихъ мы умѣемъ скрывать все, а на сценѣ—это дѣло другое.

— А если я васъ попрошу выйти изъ бассейна?

— Я никогда не рѣшусь на это, государь. Мой костюмъ не очень приличенъ.

— Но моей просьбы нельзя не исполнить,—возразилъ государь.

— Виновата, ваше величество; вы не балетмейстеръ. Одинъ Титюсъ имѣетъ право приказать мнѣ выйти.

Я стоялъ въ это время у бассейна и, обращаясь къ Маринетѣ, сказалъ:

— Вы забыли, что, кромѣ Титюса, и я могу вызвать васъ сюда, и прошу сейчасъ же явиться.

Она, повиновалась,—и я подвелъ ее къ государю.

— Это что значитъ? — спросилъ онъ со смѣхомъ, взявъ ее за руку.—Развѣ для васъ Зотовъ больше меня значитъ?

— Онъ мой ближайшій начальникъ, государь, «et vous n'êtes que l'empereur».

Государь разразился гомерическимъ смѣхомъ.

— Вотъ это мило! Слышишь, Волконскій, что она говоритъ: что я только императоръ!..

Волконскій пожалъ плечами и отошелъ, а государь осмотрѣлъ въ подробности ея костюмъ, отпустилъ ее и сказалъ, чтобъ она впередъ не противилась его приказаніямъ.

Этотъ эпизодъ тѣмъ и кончился бы, но на другой день шла опера «Семирамида», и государь опять пріѣхалъ по окончаніи перваго акта; я по давнишнему знакомству съ пѣвицею, игравшею главную роль, вошелъ въ ея уборную и, развалясь на кушеткѣ, объяснилъ ей, что она должна была пѣть pianissimo и даже повторилъ ей самый мотивъ.

Вдругъ растворилась дверь, и въ уборную вошелъ государь. Я, разумѣется, вскочилъ.

— Ничего, — сказалъ государь и, вспомня вчерашнюю сцену, прибавилъ: «вѣдь это только я».

Я спѣшилъ уйти.

Въ балетѣ «Возстаніе въ Сералѣ» всѣ танцовщицы кордебалета должны производить военныя экзерциціи, и я, по старой памяти, вмѣстѣ съ Гедеоновымъ, взялся ихъ учить маршировкѣ и эволюціямъ. Государь и великій князь Михаилъ Павловичъ часто присутствовали при этихъ экзерциціяхъ и даже поправляли насъ.

Однажды послѣ представленія «Фенеллы» великій князь позвалъ меня въ свою ложу и сказалъ:

— Зачѣмъ ты позволилъ бунтовщикамъ имѣть кинжалы? Дай имъ ножи, эти канальи больше не стоятъ. Всякій пойметъ, что одинъ ударъ хорошей пѣхоты уничтожитъ ихъ.

Разумѣется, я долженъ былъ перемѣнить оружіе.

Другой разъ, я помню, государь, подозвавъ меня, сталъ разспрашивать о механизмѣ театральнаго изверженія Везувія (въ 5-мъ актѣ той же оперы). Я ему подробно объяснилъ постепенность потоковъ лавы, и онъ былъ доволенъ моими объясненіями.

Послѣ всего этого мнѣ, по моему самолюбію, казалось, что я необходимый человѣкъ при дирекціи, и что позволеніе служить было вовсе не наградою за 25-ти-лѣтнюю службу и за десять ранъ 1812 года. Это была очень печальная ошибка.

Одна изъ актрисъ была подъ моимъ личнымъ покровительствомъ, потому что была племянницею Похорскаго, которому я такъ много былъ обязанъ. Она вышла замужъ за отличнаго человѣка по части хореграфіи, Марселя, и я имъ выпросилъ у Гедеонова квартиру въ Палероялѣ. Гедеоновъ часто подшучивалъ надъ моими отношеніями къ этой актрисѣ, но я спокойно объяснилъ ему эти отношенія.

Вдругъ эта квартира понадобилась красильщику, опредѣленному на службу и состоявшему подъ покровительствомъ Гедеоновой (Натальи Павловны). Любопытно, что этотъ красильщикъ былъ поручикомъ и имѣлъ георгіевскій крестъ за польскую кампанію.

Нечего и говорить, что директоръ имѣлъ полное право распоряжаться квартирами, но я лично обидѣлся тѣмъ, что онъ мнѣ ни слова не сказалъ объ этой перемѣнѣ. Поэтому я рѣшился проситься въ отставку и послалъ форменную объ этомъ просьбу. Въ тотъ же день Кирѣевъ принесъ ее мнѣ съ надписью: «уволить», тогда какъ въ сущности директоръ не имѣлъ права увольнять самъ начальника репертуарной части, а обязанъ былъ представлять объ этомъ увольненіи министру.

Это было послѣднею каплею, переполнившею сосудъ моего терпѣнія.

Я написалъ къ Гедеонову самое дерзкое письмо пофранцузски и, основываясь на прежней нашей военной службѣ, вызвалъ его на дуэль, прибавя впрочемъ, что онъ, конечно, можетъ воспользоваться этимъ письмомъ для того, чтобы нравственно погубить меня, но что это будетъ «une lâcheté».

Не знаю, гдѣ была моя голова въ эту минуту, но послѣдствія моей выходки были самыя печальныя. Гедеоновъ отвезъ роковое письмо къ князю Волконскому, а тотъ представилъ его государю.

Не мудрено угадать послѣдствія. Государь позвалъ къ себѣ оберъ-полицеймейстера Кокошкина и приказалъ ему отвезти меня къ Гедеонову и заставить меня просить у него прощенія за неслыханное оскорбленіе начальника.

Но прежде, нежели это сдѣлалось, я уже успѣлъ опомниться. Ко мнѣ пришелъ старшій сынъ Гедеонова (Михаилъ Александровичъ) и убѣждалъ идти къ отцу и просить прощеніе, обѣщая, что послѣдствія будутъ самыя благопріятныя для меня, и что отецъ сдѣлаетъ меня вице-директоромъ.

Я отказался, потому что въ свою очередь послалъ брата жены моей, служившаго въ государственной канцеляріи, къ министру, съ просьбою о прощеніи. Волконскій спросилъ у него «о состояніи моего здоровья». Онъ ожидалъ, что я сошлюсь на головныя раны и на дѣйствіе ихъ. Но я не сдѣлалъ этого, и министръ объявилъ, что за мною пріѣдетъ оберъ-полицеймейстеръ и отвезетъ къ Гедеонову. Я предупредилъ это, и явился самъ. Гедеоновъ принялъ меня ласково и сказалъ, что послалъ уже отъ себя просить генерала Кокошкина не безпокоиться, потому что примиреніе уже совершилось, и онъ простилъ мою выходку.

Послѣ этого онъ поѣхалъ еще разъ къ министру и просилъ донести государю, что «мы помирились», и что такъ такъ я уже уволенъ отъ службы, то чтобъ было дозволено мнѣ пріискать себѣ другое мѣсто.

На этотъ докладъ государь отвѣчалъ:

— Пожалуй, пусть служитъ; только я посмотрю, кто его возьметъ.

Говорилъ ли когда государь эту грозную фразу, и въ какихъ именно выраженіяхъ, я, конечно, не могу въ этомъ убѣдиться, но Гедеоновъ подтвердилъ ее всѣмъ, кто бы могъ меня взять въ свое вѣдомство.

Р. М. Зотовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

РАЗСКАЗЫ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ I[1].

XII.

Царскіе смотры.

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ Николая I всѣ военноучебныя заведенія Петербурга стояли каждое лѣто лагеремъ въ Петергофѣ, образуя самостоятельный отрядъ, подъ общимъ начальствомъ (въ мое время) директора школы подпрапорщиковъ и юнкеровъ, генерала Сутгофа.

Это былъ человѣкъ небольшаго роста, съ рыжими волосами, выстриженными подъ гребенку, не носившій ни усовъ, ни бакенбардъ. Голосъ онъ имѣлъ непріятный, какой-то особенно рѣзкій, скрипучій, а манерами напоминалъ скорѣе свѣтскаго фата, чѣмъ генерала-воспитателя. Мы, инженеры, терпѣть его не могли и не упускали ни одного случая сдѣлать ему какую нибудь непріятность. Этого Сутгофа кадеты прозвали — Капфикъ. Что это было за слово — я не знаю, но оно привилось, и въ разговорахъ никто изъ насъ иначе не называлъ его. Помню по этому поводу слѣдующій случай: въ одной изъ газетъ было напечатано объявленіе такого содержанія: «пропалъ рыжій кобель, кличка Капфикъ, съ краснымъ ошейникомъ. Доставившему его въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, въ квартиру директора, дано будетъ щедрое вознагражденіе».

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXV, стр. 51.

Основываясь на этомъ объявленіи, собачники начали приводить Суттгофу разныхъ собакъ, называя ихъ Капфиками. Суттофъ, конечно, зналъ о прозвищѣ, данномъ ему кадетами, и понялъ, что это продѣлка съ объявленіемъ — дѣло ихъ рукъ. А такъ какъ болѣе всего ему досаждали инженеры, то онъ и сообщилъ свое подозрѣніе на насъ директору нашему генералу Ломновскому. Начались у насъ допросы, сначала секретные, потомъ уже и явные. Самъ Ломновскій призывалъ многихъ изъ насъ къ себѣ въ кабинетъ, то ласкою, то обѣщаніями, то угрозами выпытывая признаніе. Почему-то и я попалъ въ число тѣхъ, кого онъ считалъ необходимымъ допросить лично. Помню, что онъ пыталъ меня добрыхъ полчаса, но, конечно, ничего не выпыталъ, такъ какъ я дѣйствительно не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, кто могъ быть авторомъ этого объявленія, и даже сомнѣваюсь, чтобы оно вышло изъ нашего училища. Вѣрнѣе предположить, что это объявленіе было дѣломъ мести кого нибудь изъ школы подпрапорщиковъ, обиженнаго Суттофомъ.

Съ нами онъ не имѣлъ прямыхъ отношеній, и если мы не любили его, то болѣе, такъ сказать, теоретически, чѣмъ за что нибудь существенное. Намъ только нравилось дразнить его на ученьяхъ небрежнымъ исполненіемъ фронтовой службы и доставляло большое удовольствіе, когда онъ горячился и выходилъ изъ себя. Въ особенности мы выводили его изъ терпѣнія, когда онъ затѣвалъ дѣлать репетиціи передъ царскими смотрами.

Однажды, наканунѣ царскаго смотра, когда намъ давали обыкновенно отдыхъ и пускали гулять по Петергофу, я зашелъ съ двумятремя товарищами на Ольгинъ островъ, гдѣ на дворцовой башнѣ помѣщалась на подставкѣ большая зрительная труба. Мы начали ее наводить на разные отдаленные предметы, стараясь, между прочимъ, прочитать надписи на судахъ, стоявшихъ въ Кронштадтѣ. Сторожъ башни, отставной старикъ солдатъ, подошелъ къ намъ побесѣдовать.

— Вотъ,—говоритъ онъ,—вы забавляетесь этой трубой, господа, а того и не знаете, что вчера государь въ эту самую трубу на васъ глядѣлъ...

— Правда?

— Я-жъ вамъ говорю! Ученье у васъ было на военномъ полѣ, а государь сидѣлъ тутъ и смотрѣлъ въ трубу. Ужъ и ругалъ же онъ васъ, господа!

— Кого это?

— Да васъ, анжинеровъ. Я вотъ такъ стою недалечко, примѣромъ хоть бы тутъ, на эфтомъ вотъ мѣстѣ, и дыхнуть не смѣю, и смотрю только, какъ бы мнѣ наготовѣ быть, коли что спроситъ; а онъ глядитъ въ трубу, да и ворчитъ про себя: ужъ эти, говоритъ, анжинеры шалуны, фронта не держатъ, равненія то-ись; а ружьято, говоритъ, у нихъ, какъ частоколъ какой. Ужотко, говоритъ, я

имъ задамъ на смотру! А когда у васъ, господа, царскій-то смотръ будетъ?

— Завтра; оттого насъ сегодня и распустили.

— А! Вотъ оттого-то государь и зашелъ вчерась сюда посмотрѣть, какъ вы готовитесь къ смотру... Ну, смотрите, будетъ вамъ завтра на орѣхи!

— Развѣ государь очень сердился?—спросили мы.

— Да ужъ такъ-то ворчалъ, такъ ворчалъ, и все на анжинеровъ... Плохо у васъ дѣло...

Мы не разувѣряли старика и оставили его въ страхѣ за нашъ завтрашній смотръ. Дѣйствительно, на послѣдней генеральной репетиціи, мы особенно зло дурачились надъ Суттофомъ, дѣлая рѣшительно все наперекоръ ему. Если онъ замѣтитъ, что средина фронта слишкомъ выдалась впередъ, то она осадитъ назадъ, но такъ, что выйдетъ еще хуже. Если онъ крикнетъ, что лѣвый флангъ отстаетъ, то онъ выдвинется впередъ, а правый отстанетъ и такъ далѣе. Подъ конецъ ученья Суттофъ подскакалъ курцъ-галопомъ къ нашему ротному командиру, полковнику Скалону, и, отчаянно махнувъ рукою, сказалъ ему:

— Полковникъ Скалонъ! Пропадете вы завтра съ вашими инженерами!

Полковникъ Скалонъ только молча приложился къ козырьку и, подъѣхавъ къ намъ, сказалъ своимъ добрымъ, отеческимъ голосомъ:

— Господа! Ну, зачѣмъ вы такъ шалите?

Онъ зналъ очень хорошо подкладку дѣла, такъ какъ на его домашнихъ ученьяхъ мы вели себя образцово, и потому былъ совершенно спокоенъ за царскій смотръ.

На этомъ смотру продолжалась та же исторія. Суттофъ, до пріѣзда государя, старался насъ выровнять, но это никакъ ему не удавалось. Разъ десять онъ подъѣзжалъ насъ ровнять и всякій разъ уѣзжалъ, съ отчаяніемъ говоря Скалону, что онъ съ нами пропадетъ. И удивительный, право, былъ этотъ человѣкъ, Суттофъ! Каждый годъ повторялось одно и то же, а онъ все-таки не могъ понять, что ему не слѣдовало насъ трогать! Если бы онъ меньше оказывалъ рвенія, мы давно перестали бы дѣлать ему на зло.

По правдѣ сказать, я ожидалъ, что государь сдѣлаетъ намъ какое нибудь замѣчаніе за то, что на ученьи Суттофа мы дурачились. Но, повидимому, государь зналъ, или, по крайней мѣрѣ, догадывался, о нашихъ отношеніяхъ къ Суттофу, и, вѣроятно, его сочувствіе лежало на нашей сторонѣ, такъ какъ, проѣзжая по фронту и здороваясь со всѣми корпусами, подъѣхавъ къ намъ, онъ не поздоровался, а сказалъ: «хорошо, инженеры!». Можно вообразить себѣ удивленіе и досаду Суттофа.

Затѣмъ, во все продолженіе смотра, мы не только не получали никакого замѣчанія, но, наоборотъ, за каждый ружейный пріемъ,

за каждое движеніе, только и слышали то «хорошо, инженеры», то «спасибо, инженеры». Государь хвалилъ и благодарилъ насъ не въ счетъ гораздо больше и чаще, чѣмъ всѣ другіе корпуса, тогда какъ, говоря по справедливости, мы далеко не были лучшими фронтовиками и, конечно, въ этомъ отношеніи уступали всѣмъ кадетскимъ корпусамъ уже по тому только, что на обученіе фронту имѣли гораздо менѣе времени, чѣмъ они. Это обстоятельство и заставляетъ меня думать, что, расхваливая насъ, государь хотѣлъ дать Сутгофу урокъ, какъ надо съ нами обращаться.

Но Сутгофъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые понимаютъ подобные намеки.

Въ число нашихъ лагерныхъ упражненій входила, между прочимъ, наводка понтоннаго моста. Въ тѣ времена въ нашихъ войскахъ употреблялись понтоны двухъ родовъ: въ конно-піонерныхъ дивизіонахъ понтоны, или лодки, были готовые, возившіеся на длинныхъ роспускахъ; въ саперныхъ же батальонахъ понтоны были складные, то-есть состояли изъ рамъ, которыя извѣстнымъ образомъ складывались и обтягивались непромокаемой парусиной во время самой наводки моста. Въ нашемъ училищѣ были складные понтоны. Это маленькое объясненіе я считаю нужнымъ сдѣлать, чтобы понятнѣе былъ слѣдующій разсказъ.

Государь, помимо общихъ фронтовыхъ смотровъ всѣмъ кадетскимъ корпусамъ, производилъ каждое лѣто особый смотръ нашему училищу, въ искусствѣ наводить понтонный мостъ. Одно лѣто въ Петергофѣ гостилъ нѣсколько дней не помню какой-то прусскій принцъ. Какъ разъ во время его присутствія государь и назначилъ сдѣлать намъ смотръ наводки моста. Когда мы явились къ тому мѣсту рѣчки (протекавшей недалеко отъ лагеря), гдѣ назначено было перекинуть мостъ, наши фуры съ понтонами были уже тамъ, и мы, въ полной парадной формѣ, съ ружьями, выстроились фронтомъ къ рѣчкѣ. Скоро начали прибывать одинъ за другимъ разные высокопоставленныя особы: свиты государя, прусскаго принца и весь дипломатическій корпусъ. Собраніе было очень многочисленное и блестящее: эполеты, ордена, звѣзды, ленты, шитье на мундирахъ, султаны касокъ, перья на шляпахъ—все это пестрѣло и блестѣло очень живописно на густой зелени парка. Мы съ любопытствомъ разсматривали невиданные мундиры иностранцевъ и перешептывались между собою. Нашъ полковникъ Скалонъ спокойно ходилъ передъ фронтомъ, разговаривалъ съ офицерами или подходилъ къ намъ съ какимъ нибудь замѣчаніемъ. Онъ никогда не волновался передъ пріѣздомъ государя, зная, что мы постараемся и, какъ говорится, не выдадимъ его. Поэтому, выстроивъ насъ, онъ скомандовалъ: вольно! и больше ни о чемъ не заботился.

Но вотъ прибѣжалъ Сутгофъ. Ему, въ сущности, на этомъ чисто инженерномъ смотру, ровно нечего было дѣлать и хотя на этотъ

разъ онъ могъ бы оставить насъ въ покоѣ. Но какъ ему было не порисоваться передъ такимъ блестящимъ собраніемъ иностранцевъ и какъ не показать имъ, что вотъ и онъ, маленькій генералъ Суттофъ, играетъ тутъ нѣкоторую роль. И вотъ онъ, ни съ того, ни съ сего, началъ насъ дрессировать.

— Смирно! На пле-чо!

Разумѣется, мы вскинули ружья кое-какъ.

— Что это значитъ?—кричалъ онъ.—Полковникъ Скалонъ! Да какъ же вы представите такую роту государю? Что это за пріемы? На краулъ!

Мы отшлепали еще хуже.

— Да это невозможно! — волнуется Суттофъ. — Помилуйте! Рекруты, только что приведенные изъ деревни, сдѣлаютъ лучше. А какое равненіе?

Онъ подбѣжалъ къ лѣвому флангу и началъ оттуда равнять.

— Третій съ праваго фланга—грудь впередъ. Второй взводъ—подайся назадъ. Равненіе направо. Какъ вы ружья держите, господа? Да это ужасно что такое! Бабы, идя на сѣнокосъ, ровнѣе грабли держатъ, чѣмъ вы ружья.

Но чѣмъ болѣе онъ горячился, тѣмъ мы дѣлали хуже и хуже. Онъ подбѣгалъ то къ намъ, то къ Скалону, то къ зрителямъ изъ свиты, которымъ, видимо, жаловался на насъ; снималъ каску, вытиралъ потъ съ лица, опять подбѣгалъ къ намъ, опять къ свитѣ и хлопоталъ однимъ словомъ такъ, какъ муха въ баснѣ хлопотала съ упавшимъ возомъ.

Но вотъ махальный далъ знакъ, что ѣдетъ государь.

Скалонъ спокойно вышелъ на середину, передъ фронтомъ, и своимъ ровнымъ, увѣреннымъ голосомъ скомандовалъ: смирно! Я взглянулъ при этомъ на свиту и замѣтилъ, что всѣ присутствовавшіе улыбнулись и очень оживленно заговорили между собою. О чемъ они могли такъ говорить въ эту минуту? Разумѣется, о томъ, что генералъ Суттофъ, не смотря на всѣ свои хлопоты и крики, ничего не могъ съ нами подѣлать, а одного слова Скалона достаточно было, чтобы мы замерли и вытянулись въ математическую линію. Я увѣренъ, что даже иностранцамъ въ эту минуту сдѣлались понятными наши отношенія къ Суттофу, который, между прочимъ, не оставлялъ что-то горячо объяснять, переходя отъ однихъ къ другимъ. Онъ, повидимому, не понималъ комическаго положенія, въ которое мы его ставили своимъ пассивнымъ сопротивленіемъ.

Государь пріѣхалъ на дрожкахъ, которые остановились не вдалекѣ, со стороны праваго фланга. Еще не выходя изъ экипажа, когда кучеръ только что задержалъ лошадь, государь крикнулъ намъ издали:

— Хорошо, инженеры!

Это онъ, для начала, похвалилъ наше равненіе. Затѣмъ, скинувъ

шинель, онъ подошелъ къ принцу, раскланялся со свитой и обратился къ намъ:

— Здравствуйте, дѣти!

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество!

Государь самъ началъ командовать нѣкоторые ружейные пріемы, и что ни пріемъ, то похвала отъ него: хорошо, дѣти! спасибо, инженеры! Послѣ ружейныхъ пріемовъ онъ скомандовалъ нѣсколько построеній и движеній, и точно также за каждое или хвалилъ, или благодарилъ насъ. Мнѣ, конечно, въ это время было не до Сутгофа, и я не могъ замѣтить, какъ на него дѣйствовали расточаемыя государемъ похвалы намъ, но полагаю, что не всякій въ это время согласился бы быть въ его шкурѣ.

Окончивъ фронтовой смотръ, государь приказалъ намъ составить ружья и приготовиться къ наводкѣ моста. Для этой операціи мы должны были переодѣться: снять каски, портупеи, мундиры и надѣть полотняныя рубахи и фуражки. Все это было исполнено въ одну минуту, и мы уже стояли, каждый номеръ на своемъ мѣстѣ, у понтонныхъ фуръ.

Когда послѣдовала команда наводить мостъ, я замѣтилъ, что многіе въ свитѣ вынули часы, чтобы опредѣлить время, въ какое мы окончимъ работу. Живо мы разобрали содержимое фуръ, составили рамы, связали ихъ, обтянули полотномъ и стащили къ берегу; въ понтоны сѣли гребцы и начали въѣзжать, одинъ за другимъ, въ линію моста. По мѣрѣ того какъ понтоны выстраивались, на нихъ накидывались продольные брусья и застилались сверху, поперегъ, широкими досками. Затѣмъ поставлены были стойки для перилъ, и чрезъ нихъ протянуты веревки. Мостъ былъ готовъ.

— Сколько времени? — спросилъ кого-то государь.

— Семнадцать минутъ, ваше величество,—отвѣтили ему.

Государь обратился тогда одновременно и къ своей свитѣ и къ намъ.

— Вчера, — сказалъ онъ, — я смотрѣлъ наводку моста гвардейскимъ коннопіонернымъ дивизіономъ. Они навели въ двадцать три минуты, а эти дѣти въ семнадцать минутъ. Спасибо, дѣти! Благодарю, полковникъ Скалонъ!

Государь пошелъ по мосту на другой берегъ рѣки и вся свита, человѣкъ по крайней мѣрѣ въ двѣсти, послѣдовала за нимъ. Когда они переправились, государь приказалъ провести по мосту баталіонъ пѣхоты (бывшаго дворянскаго полка) и батарею артиллерійскаго училища, которые собственно для этого были уже приготовлены. Баталіонъ прошелъ повзводно, въ ногу, производя этимъ равномѣрную качку понтоновъ. Но когда поѣхала артиллерія, то у одного изъ ѣздовыхъ лошадь заупрямилась и придвинулась слишкомъ близко къ периламъ. Протянутая веревка, разумѣется, не могла ее удержать. Лошадь наступила на самый край настилки, доска

опрокинулась, и лошадь провалилась въ понтонъ, къ счастью, не задавивъ и даже не задѣвъ сидѣвшаго въ немъ гребца. Понтонъ, прорванный ногами лошади, погрузился на дно. Сидѣвшіе по концамъ его гребцы поплыли къ берегу. Вся часть моста надъ этимъ понтономъ провалилась, и вода, встрѣтивъ препятствіе, клокотала тутъ, какъ въ шлюзѣ. Я, въ числѣ другихъ товарищей, былъ въ это время на берегу. Какъ только катастрофа совершилась, одни изъ насъ побѣжали на мостъ, а другіе, въ томъ числѣ и я, бросились въ воду, отстегнуть отъ постромокъ провалившуюся пару лошадей и вывезти ихъ на берегъ. Лошади путались въ веревкахъ, связывавшихъ понтонъ, пугались отъ этого, брыкались, и большаго труда стоило кое-какъ сладить съ ними. Лошадь, съ которой я возился, лягнула меня въ борьбѣ, но такъ какъ это происходило въ водѣ, то ударъ былъ не силенъ и послѣдствій не оставилъ. Выпутавъ ее, я вплавь притащилъ ее за уздечку на берегъ и передалъ артиллеристамъ.

Государь любилъ подобныя приключенія, испытывая на нихъ находчивость и смѣлость молодежи. Такъ и въ этомъ случаѣ: какъ только провалъ части моста случился, государь пошелъ по мосту обратно. Это значило, что къ тому моменту, когда онъ подойдетъ къ провалу, переходъ черезъ него долженъ быть готовъ. Мы очень хорошо знали всѣ привычки и требованія государя. Сложить запасный понтонъ, ввести его на мѣсто и возстановить разрушенную часть моста—не было никакой возможности въ такое короткое время, пока государь сдѣлаетъ не болѣе сотни шаговъ. Поэтому товарищи мои, которые прибѣжали на мостъ, догадались положить черезъ мѣсто правала рядомъ три или четыре настилки, образовавъ, такимъ образомъ, довольно широкій помостъ. Ничѣмъ нельзя было угодить государю лучше, какъ подобною быстротою и сообразительностью. Его не задержали ни секунды, и, дойдя до провала, онъ не останавливаясь прошелъ по настланнымъ доскамъ.

— Спасибо, инженеры!—крикнулъ онъ, вступивъ на этотъ берегъ.

Но прусскій принцъ, дойдя до провала, не сразу рѣшился вступить на импровизированный помостъ: пробовалъ ногами его прочность, пошелъ очень медленно и балансируя на шатавшихся досках. Его нѣмецкая свита продѣлывала то же самое, сильно замедляя переправу остальныхъ. Тогда государь, не любившій никакой мѣшкотности, крикнулъ нѣмцамъ:

— Plus vite, messieurs, plus vite!

Они поневолѣ поторопились, а за ними переправились дипломатическій корпусъ и вся остальная свита. Но на томъ берегу оставался еще баталіонъ пѣхоты и артиллерія, которую нельзя было переправить по тремъ дощечкамъ. Поэтому, какъ только послѣдній членъ свиты перешелъ, мы вытащили изъ разрушеннаго мѣста погибшій понтонъ, ввели взамѣнъ его запасный и возстановили мостъ

въ прежнемъ видѣ. Баталіонъ и батарея прошли на этотъ разъ обратно безъ приключеній.

Разборка моста и укладка его на фуры произведена была точно такъ же быстро и отчетливо, какъ и наводка. Когда всѣ работы были кончены, мы снова надѣли мундиры, аммуницію, взяли ружья и выстроились во фронтъ.

Государь подошелъ къ намъ и еще нѣсколько разъ хвалилъ и благодарилъ за образцовое исполненіе всѣхъ маневровъ съ мостомъ, причемъ, въ знакъ особаго своего благоволенія, протянулъ Скалону руку, которую тотъ, конечно, поцѣловалъ. Когда государь и его приближенные уѣхали, Суттофъ почелъ нужнымъ подойти къ намъ и сказалъ:

— Ну, я очень радъ, господа, что смотръ кончился благополучно. Я не ожидалъ этого и очень боялся за васъ (ему-то чего было бояться?). Поздравляю васъ съ успѣхомъ.

Весело вскинувъ ружья на плечи, мы съ торжествомъ вернулись въ лагерь, точно побѣдили, гордые сознаніемъ своей нравственной силы, которую педагоги, въ родѣ Суттофа, не умѣли внушить своимъ воспитанникамъ. Да, мы были очень счастливы, что нашимъ воспитателемъ былъ такой человѣкъ, какъ Скалонъ.

Говоря о царскихъ смотрахъ, не лишнимъ считаю упомянуть еще объ одномъ случаѣ, который показываетъ, какъ императоръ Николай I старался пріучать насъ къ перенесенію всякихъ военныхъ трудностей и невзгодъ, а также испытывалъ нашу находчивость и дисциплину.

Однажды, наканунѣ назначеннаго имъ смотра, начался проливной дождь, не перестававшій всю ночь и прекратившійся только къ утру. Нашъ лагерь былъ буквально залитъ, а военное поле, на которомъ производились смотры, сплошь покрылось лужами, изъ которыхъ иныя доходили глубиною до полуаршина, а шириною до нѣсколькихъ саженъ. Одѣваясь утромъ въ мокрыхъ шатрахъ, мы были увѣрены, что смотръ отложится. Но государь думалъ иначе и въ назначенное время явился на военное поле, со всей своей многочисленной свитой, верхами. Не стану описывать всѣ трудности этого смотра, когда ноги вязли до щиколотки въ размокшей землѣ, или приходилось шлепать по огромнымъ лужамъ. Дѣло въ томъ, что смотръ кончился благополучно, и государь скомандовалъ построеніе для церемоніальнаго марша. Пока насъ перестраивали въ баталіонныя колонны, государь, оставивъ свиту, поѣхалъ шагомъ по военному полю. Мы, конечно, слѣдили за нимъ глазами и замѣтили, что онъ постоянно мѣнялъ направленіе, какъ будто отыскивая что-нибудь на полѣ. Это продолжалось довольно долго. Наконецъ, онъ остановился довольно далеко отъ насъ, знакомъ руки пригласилъ свиту подъѣхать къ нему и потомъ скомандовалъ намъ перемѣну фронта, такъ чтобы мы проходили церемоніальнымъ маршемъ тамъ, гдѣ онъ

остановился. Насъ передвинули по его указанію, выстроили, выравняли, и церемоніальный маршъ начался.

Когда, во время марша, мы приближались къ государю, то тутъ только поняли, чего онъ искалъ, именно передъ нимъ намъ приходилось маршировать по самой широкой и глубокой лужѣ. Ничтоже сумняся мы должны были отхватывать по глубокой водѣ, которая отъ шлепанья цѣлой шеренги брызгала сплошнымъ каскадомъ, обливая насъ сверху и снизу. Государь былъ очень доволенъ, благодарилъ каждый проходившій взводъ и отпустилъ насъ со смотра такими мокрыми и грязными чумичками, какими мы никогда еще не возвращались въ лагерь, даже послѣ большихъ маневровъ.

XIII.

Зонтики.

Во время лагерныхъ сборовъ кадетъ въ Петергофѣ, государь разрѣшалъ иногда, послѣ какого нибудь смотра или ради какого нибудь особаго праздника, отпускать насъ въ Александрійскій паркъ. Не знаю, почему на эти прогулки находилось всегда мало охотниковъ, но я любилъ туда ходить и не пропускалъ ни одного случая.

Однажды, во время такой прогулки по Александрійскому парку, я случайно подошелъ ко дворцу, въ то время, когда къ подъѣзду была подана плетеная коляска, запряженная парою вороныхъ лошадей.

Александрійскій дворецъ сравнительно очень не великъ и выстроенъ по подобію богатаго англійскаго коттэджа.

Я подошелъ къ подъѣзду и спросилъ стоявшаго тутъ придворнаго лакея, для кого это поданъ экипажъ.

— Императрица ѣдетъ кататься съ великой княгиней Александрой Іосифовной,—отвѣтилъ онъ.

Разумѣется, я остался тутъ посмотрѣть, какъ онѣ будутъ усаживаться. Черезъ нѣсколько минутъ выбѣжалъ другой лакей и далъ знакъ кучеру подавать. Коляска осторожно подвинулась къ самому подъѣзду, и одинъ конюхъ, одѣтый такъ же, какъ кучеръ, въ англійской ливреѣ, сталъ передъ лошадьми, держа ихъ за уздцы, чтобы онѣ не дернули въ то время, когда императрица и великая княгиня будутъ садиться.

Вслѣдъ затѣмъ на крыльцѣ показались дамы. Обѣ онѣ были одѣты почти одинаково, во все бѣлое, начиная съ шляпокъ. Я, конечно, снялъ фуражку и поклонился имъ, на что обѣ онѣ отвѣтили мнѣ также поклонами. Одинъ изъ лакеевъ перебѣжалъ по другую сторону коляски, чтобы оправить съ той стороны платье императрицы, когда она сядетъ, а другой, державшій въ рукѣ нѣсколько

зонтиковъ, разнаго цвѣта и разныхъ фасоновъ, положилъ ихъ на парапетъ подъѣзда и помогалъ сѣсть въ экипажъ, поддерживая подъ руку сначала императрицу, а потомъ великую княгиню. Когда онѣ усѣлись, и платья были оправлены, императрица спросила зонтики.

Зонтики эти лежали рядомъ со мною, а лакей, принесшій ихъ и помогавшій садиться, вѣроятно, забылъ о нихъ и, кончивъ свое дѣло, сталъ по другую сторону крыльца. Заслышавъ требованіе императрицы, я схватилъ весь пукъ зонтиковъ и поднесъ ей. Меня поразило при этомъ то, что она не только не поблагодарила, а еще сурово взглянула на меня и молча, перебравъ нѣсколько рукоятокъ, взяла одинъ изъ зонтиковъ. Тогда я представилъ весь пукъ великой княгинѣ. Она выдернула первый попавшійся зонтикъ и, ласково улыбнувшись, сказала: merçi.

Когда коляска отъѣхала, а я еще стоялъ на мѣстѣ, глядя ей въ слѣдъ, ко мнѣ подошелъ лакей, обязанность котораго я исполнилъ.

— Вы, сударь, это напрасно сдѣлали,—сказалъ онъ, принимая изъ моихъ рукъ оставшіеся зонтики.

— Отчего?—спросилъ я.

— Не полагается это по закону. Государынѣ и великимъ княгинямъ никто не долженъ прислуживать, кромѣ насъ. На то мы и приставлены. Государыня это очень не любитъ.

— А-а! Теперь я понимаю, отчего она на меня взглянула сердито. Но я не зналъ вашихъ порядковъ и просто хотѣлъ услужить.

— Да, сударь, впередъ знайте и на всякій случай передайте товарищамъ вашимъ.

— А вотъ великая княгиня поблагодарила же меня...

— Такъ то великая княгиня, онѣ еще молоденькія, не такъ строги до этикету, а императрица смерть не любитъ, когда если кто сдѣлаетъ не по порядку. У насъ на это очень строго. Былъ такой случай, что одинъ флигель-адъютантъ, недавно назначенный и тогда еще не привыкшій ко двору, вотъ какъ и вы теперь, вздумалъ услужить императрицѣ не по своей части, а по нашей, такъ государь ему очень строго выговаривалъ. При мнѣ это тоже было. Хорошо еще, что государя тутъ не было, а то бы и вамъ досталось...

— Ну, нѣтъ!—перебилъ я его.—Государь добрый и любитъ насъ, а меня даже лично знаетъ.

— Это все равно-съ, а ужъ онъ не пропуститъ даромъ. Если кто ему самому не угодитъ, это еще полъ-бѣды, а что касается до царицы, такъ онъ очень строгъ! Очень ее бережетъ.

— А вотъ скажите, отчего это,—спросилъ я,—императрица долго выбирала зонтики, пока не нашла того, который взяла, а великая княгиня выдернула изъ пучка первый попавшійся. Отчего она тоже не выбирала?

— Очень просто, сударь, такъ тоже слѣдуетъ по этикету. Вѣдь она если бы выбирала, такъ задержала бы отъѣздъ, а этого не полагается. Государя и государыню никто не долженъ задерживать.

— Вотъ что-о!—протянулъ я.—Ну, спасибо, что научили, впередъ буду знать.

XIV.

Инвалиды изъ Нерчинска.

Императоръ Николай Павловичъ, проживая лѣтомъ въ Петергофѣ, а осенью въ Гатчинѣ, часто прогуливался въ садахъ и паркахъ, совершенно одинъ, въ сюртукѣ, иногда даже безъ эполетъ, съ хлыстомъ или тросточкой въ рукѣ. При этихъ прогулкахъ ему случалось иногда встрѣчаться съ лицами, которыя относились къ нему съ какими нибудь вопросами, не подозрѣвая, что говорятъ съ императоромъ. Государь не только не избѣгалъ подобныхъ встрѣчъ, но даже любилъ, повидимому, быть иногда неузнаваемымъ и всегда въ такихъ случаяхъ былъ крайне вѣжливъ и внимателенъ съ обращавшимися къ нему.

Однажды, гуляя въ Петергофскомъ дворцовомъ саду, онъ встрѣтилъ двухъ отставныхъ солдатъ, небритыхъ, оборванныхъ и по всѣмъ признакамъ совершившихъ далекій путь.

— Батюшка! — остановили они государя. — Ты вѣрно здѣшній. Научи насъ, гдѣ бы намъ повидать царя.

— Зачѣмъ вы желаете его видѣть?—спросилъ государь.

— Да какъ же, родимый ты нашъ. Мы вотъ прослужили ему слишкомъ сорокъ лѣтъ, въ нерчинской гарнизонной командѣ, а понятіевъ не имѣемъ, какой такой это бѣлый царь. Теперь, пойди, помирать скоро будемъ, такъ прежде, чѣмъ лечь въ сырую землю, пошли мы это въ Питеръ, поглядѣть на бѣлаго царя. Сотвори божескую милость, покажи намъ его. Въ Питерѣ-то сказывали, что онъ здѣсь теперь.

— Да, онъ здѣсь. Ступайте за мной. Я проведу васъ къ человѣку, который устроитъ вамъ это дѣло.

Государь довелъ стариковъ до дворца и передалъ ихъ дежурному офицеру, приказавъ ему, что надо сдѣлать.

На другой день было первое августа, когда, по издавна заведенному обычаю, на дворцовой площадкѣ производилась церемонія освѣщенія знаменъ. Я въ то время былъ въ ротѣ главнаго инженернаго училища и долженъ былъ находиться въ строю, на парадѣ. Поэтому слѣдующее видѣлъ самъ.

Передъ самымъ выходомъ государя съ семействомъ и свитою изъ дворца, какой-то офицеръ торопливо протолкался чрезъ наши ряды, водя за собою двухъ стариковъ, оборванныхъ, грязныхъ, небритыхъ, и поставилъ ихъ почти посреди площадки, передъ фрон-

томъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ. Понятно, что такое странное зрѣлище возбудило общее любопытство, и по рядамъ прошелъ глухой говоръ. Что это за люди? Зачѣмъ привели ихъ? Что съ ними будутъ дѣлать? Откуда ихъ выкопали? Подобные вопросы сыпались со всѣхъ сторонъ, но отвѣта никто не могъ дать.

Но вотъ, раздалась команда: смирно! Значитъ, государь сейчасъ выйдетъ. Другая команда: ровняйсь? Офицеры забѣгали по рядамъ, наблюдая за равненіемъ. Опять: смирно! Потомъ: на плечо! Затѣмъ— на краулъ!

Государь показался изъ подъѣзда; за нимъ императрица, великіе князья и княгини, и большая свита, блестѣвшая на солнцѣ шитыми мундирами и орденами. Чрезвычайно странно было видѣть среди этой блестящей обстановки, двухъ несчастныхъ, грязныхъ и оборванныхъ солдатъ, стоявшихъ неподвижно, съ шапками въ рукахъ. Завидя ихъ, государь остановился, взялъ императрицу за руку и, подозвавъ инвалидовъ къ себѣ, что-то говорилъ то имъ, то императрицѣ. Вѣроятно, онъ объяснялъ ей, кто они такіе и какъ попали сюда, а имъ открылся, что они вчера у него же спрашивали о бѣломъ царѣ. Мы видѣли только, что солдатики упали на колѣни, поклонились до земли, а потомъ государь и императрица осчастливили ихъ, давъ поцѣловать свои руки. Затѣмъ офицеръ, приведшій этихъ солдатъ, повелъ ихъ куда-то во дворецъ, а государь началъ обычнымъ порядкомъ производить смотръ.

Послѣ я узналъ, что государь предлагалъ этимъ солдатамъ помѣстить ихъ въ Петербургѣ, но они отказались, испросивъ позволеніе вернуться на родину, гдѣ хотѣли сложить свои кости. Государь велѣлъ одѣть ихъ и дать имъ на дорогу денегъ, чтобы они могли доѣхать спокойно, а не идти пѣшкомъ.

XV.

Ложный доносъ.

Въ 1853 году, въ младшій офицерскій классъ военнаго инженернаго училища, во время лекціи, вошелъ директоръ училища генералъ Ломновскій, въ сопровожденіи жандармскаго офицера.

При входѣ директора, ученики офицеры, разумѣется, встали и съ удивленіемъ взглянули на необычайнаго его спутника. Генералъ былъ взволнованъ и разстроенъ.

— Такой-то! — назвалъ онъ дрожащимъ голосомъ одного изъ офицеровъ,—выйдите сюда.

Офицеръ вышелъ изъ-за своего столика и подошелъ. Жандармъ подробно разспросилъ его объ имени, отчествѣ, откуда родомъ и прочее и свѣрилъ его отвѣты по бумагѣ, которую держалъ въ рукахъ.

— Такой-то!—вызвалъ Ломновскій другого офицера.

Допросилъ жандармъ и этого.

— Такой-то,—вызвалъ генералъ третьяго.

И съ этимъ повторилось то же.

— Вы, господа,—обратился къ нимъ Ломновскій,—послѣдуете за капитаномъ (жандармскимъ), а вы, господа,—сказалъ онъ всѣмъ остальнымъ,—продолжайте ваши занятія.

Вызваннымъ не дали даже времени прибрать свои принадлежности занятій, и жандармъ повелъ ихъ изъ замка чрезъ Цѣпной мостъ, въ Третье отдѣленіе...

Понятно, что такое неожиданное и никогда не бывалое въ училищѣ событіе, какъ арестъ трехъ офицеровъ, сильно взволновало всѣхъ, начиная отъ директора и кончая послѣднимъ сторожемъ. Нѣсколько дней не было во всемъ училищѣ другихъ толковъ и разговоровъ, какъ объ этихъ арестованныхъ. Всѣ они трое были поляки, и потому общія заключенія сводились къ тому, что не участвуютъ ли они въ какомъ нибудь заговорѣ, хотя товарищи, знавшіе ихъ хорошо, горячо отвергали такое предположеніе. На вопросы, обращенные къ директору, генералу Ломновскому, онъ отвѣчалъ, что самъ ничего не знаетъ, такъ какъ получилъ только лаконическое предписаніе отъ шефа жандармовъ, передать требуемыхъ офицеровъ въ распоряженіе присланнаго жандарма.

Такъ, во всеобщемъ недоумѣніи и тревогѣ, прошло около двухъ недѣль, когда всѣ трое арестованныхъ явились на лекціи, веселыми, здоровыми, вовсе не похожими на людей, которые выдержали суровое тюремное заключеніе.

— Что было съ вами?—спрашивали ихъ товерищи.

— А вотъ что,—разсказывали они.—Привелъ насъ жандармъ въ какой-то залъ, въ которомъ, за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣли разные чины жандармскаго управленія. Каждаго изъ насъ допросили подробно о происхожденіи, о родствѣ и знакомствахъ и прочее.

— При этомъ, господа, отличился Карево.

— А что?

— Его подзываютъ къ столу. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и остановился. Подойдите же поближе!—говорятъ ему. Онъ подвинулся еще на шагъ и опять остановился.—Да подойдите же ближе! Вѣдь такъ издали неудобно съ вами говорить!—Ничего,—отвѣчаетъ онъ судьямъ:—я васъ хорошо слышу, а самъ буду громче говорить.

— Подойдите сюда, къ самому столу!—уже строгимъ голосомъ приказалъ предсѣдатель.

Нечего дѣлать, Карево подошелъ къ столу, но крайне осторожно, пробуя ногою и внимательно оглядывая каждую квадратину паркета. Тутъ все присутствіе невольно расхохоталось, понявъ, въ чемъ дѣло. А дѣло въ томъ, что про Третье отдѣленіе были распу-

щены слухи, будто бы тамъ, въ одной изъ комнатъ, есть спускной люкъ, устроенный такъ, что стоящій на немъ провалится на половину: внизу его будто бы сѣкутъ, а на верху подъ розгами допрашиваютъ. Вотъ Карево и вообразилъ, что его сейчасъ же начнутъ сѣчь...

По окончаніи этого перваго допроса, ихъ развели по арестантскимъ камерамъ и заперли каждаго отдѣльно. Камеры эти нисколько не напоминали тюрьмы. Это были свѣтлыя и чистыя комнаты, очень хорошо меблированныя, съ мягкими постелями, чистымъ бѣльемъ, съ умывальниками и всѣми необходимыми принадлежностями.

Содержали арестованныхъ не только хорошо, но даже роскошно. Утромъ подавали кофе или чай, по желанію. На завтракъ два блюда, на обѣдъ четыре, при чемъ подавался дессертъ изъ фруктовъ, полъ-бутылки столоваго вина и даже хорошія сигары. Вечеромъ опять чай, съ бѣлымъ хлѣбомъ.

Причина же ихъ ареста заключалась въ слѣдующемъ. Эти три офицера жили на одной квартирѣ, при чемъ каждый имѣлъ своего денщика. Одинъ изъ этихъ денщиковъ оказался негодяемъ большой руки: пьянствовалъ и воровалъ самымъ нахальнымъ образомъ. Офицеръ, которому онъ служилъ, пробовалъ его и усовѣщевать, и бранить, и даже поколачивать подъ конецъ, но ничего не помогало. Дошло дѣло до того, что однажды онъ обокралъ своего барина, да и товарищей его, на очень порядочную сумму. Выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія, офицеръ отправилъ его въ команду, изъ которой отпускались денщики офицерамъ, и просилъ выпороть его хорошенько, что и было исполнено.

Тогда озлобленный этимъ денщикъ, воспользовавшись тѣмъ, что всѣ трое сожителей-офицеровъ были поляки, донесъ на нихъ въ Третье отдѣленіе, будто бы они составляютъ заговоръ, что у нихъ происходятъ сборища разныхъ подозрительныхъ лицъ и тому подобное.

Разумѣется, по разслѣдованіи дѣла, все это оказалось вздоромъ. Денщика за ложный доносъ прогнали сквозь строй и сослали, а офицеровъ не медля освободили.

Императоръ былъ крайне возмущенъ этимъ случаемъ и поручилъ наслѣднику цесаревичу (впослѣдствіи императору Александру II) извиниться предъ невинно пострадавшими офицерами.

Наслѣдникъ пригласилъ ихъ къ себѣ и отъ имени государя просилъ забыть сдѣланную имъ непріятность.

— Государь,—прибавилъ онъ въ заключеніе,—гораздо болѣе васъ, господа, огорченъ этимъ несчастнымъ случаемъ. Вы знаете, какъ онъ всегда любитъ васъ, и все время, пока дѣло не разъяснилось, онъ скорбѣлъ о томъ, что подобный случай могъ поколебать его доброе чувство къ вамъ. Но, слава Богу, туча прошла мимо. Не имѣете ли вы какой нибудь претензіи на содержаніе ваше въ Третьемъ отдѣленіи?

— Никакихъ, ваше императорское высочество.

При этомъ чудакъ Карево опять отличился.

— Я жалѣю только объ одномъ, ваше императорское высочество,— сказалъ онъ,— что насъ продержали тамъ очень мало...

— Это почему?—съ удивленіемъ спросилъ наслѣдникъ.

— Да потому, что насъ тамъ угощали такъ хорошо, что, вѣроятно, никогда въ жизни больше не удастся такъ вкусно ѣсть и пить. Да и сигары очень хорошія давали.

Наслѣдникъ расхохотался и отпустилъ ихъ, пожелавъ всего лучшаго на свѣтѣ.

XVI.

Извозчикъ.

Однажды, бывши офицеромъ, я ѣхалъ зимою съ Литейной на Васильевскій островъ. Извозчикъ попался мнѣ старикъ, очень добродушный и словоохотливый. Худенькая лошаденка его трусила такъ непріятно, что каждый шагъ ея отзывался толчкомъ, и старикъ все время подстегивалъ ее кнутомъ, съ разными причитаньями и наставленіями, въ родѣ тѣхъ, съ которыми кучеръ Чичикова, Селифанъ, обращался къ чубарому.

Въ одномъ мѣстѣ, на Невскомъ проспектѣ, насъ обогналъ какой-то полковникъ, который, кивнувъ головою моему извозчику, сказалъ ему:

— Здравствуй, братъ! Что давно не былъ? Не забывай, заходи!

Извозчикъ мой поклонился, снявъ шапку, и отвѣтилъ вслѣдъ:

— Зайду, родимый, зайду какъ нибудь.

— Кто это такой?—спросилъ я.

Извозчикъ повернулся ко мнѣ бокомъ и, радостно улыбаясь, сказалъ:

— Братъ мой родной, вотъ кто это!

— Вре-ешь!

— Чего, сударь, врать? Вотъ-те Христосъ — родной братъ...

— Да какъ же такъ: онъ — полковникъ, а ты — мужикъ?

— Что-жъ, баринъ, такое ужъ ему счастье на роду! Онъ сданъ былъ въ некруты, годовъ, почитай, тридцать назадъ, и вотъ Господь сподобилъ его дослужиться до полковницкаго чина, а скоро, говоритъ, и генераломъ будетъ.

Такіе случаи бывали встарину, хотя и очень рѣдко, а потому я болѣе не спорилъ и повѣрилъ старику.

— И онъ, какъ видно, не зазнался предъ родней?—спросилъ я.

— Нѣтъ, сударь, грѣхъ сказать, не зазнался, дай Богъ ему здоровья и счастья. Отца и мать, пока были живы, очень почиталъ, помогалъ имъ, и мною, какъ видишь, не брезгуетъ.

— Ты бываешь у него?

— Бываю, сами слышали, сударь, что зоветъ къ себѣ.

— Да, слышалъ, какъ же онъ тебя принимаетъ?

— Очень хорошо, сударь. Извѣстно, ужъ я ему теперь не товарищъ, я мужикъ, а онъ человѣкъ полированный, межъ нами равности уже нѣтъ, а все же, какъ прійдешь къ нему, такъ обласкаетъ, попоштуетъ и завсегда, на прощанье, что ни на есть подаритъ.

— Это дѣлаетъ ему большую честь,— сказалъ я.

— Да ужъ такую честь, сударь, что и сказать нельзя.

— Хорошо онъ живетъ? Богато?

— Очинно богато, сударь. У него казенная хватера подъ Смольнымъ. Никакъ комнатъ десять будетъ.

— Гдѣ же онъ тебя принимаетъ: въ комнатахъ?

— Нѣтъ, сударь, туда я самъ не иду. Гдѣ же намъ, мужикамъ сиволапымъ, въ барскія хоромы залѣзать! Тамъ и ковры, и зеркала, и всякая мебель, того и гляди, что нибудь попортишь или запачкаешь. Разъ, правда, онъ мнѣ показалъ свою хватеру, такъ вотъ я подивился, сударь, чего-то нѣтъ только у васъ, у господъ-то! Иная штука такая, что и не придумаешь, на что она годится, а стоитъ себѣ и мѣсто занимаетъ. А я, какъ прихожу, такъ на кухню, либо въ людскую, гдѣ у него денщики живутъ. Тамъ онъ меня и принимаетъ: денщиковъ выплетъ вонъ и велитъ подать что есть въ печи, самъ присядетъ со мной и бесѣдуетъ. Хорошій человѣкъ, дай Богъ ему здоровья.

— Такъ вотъ ты какой родней обзавелся. Съ тобой не шути теперь.

Извозчикъ улыбнулся.

— А вѣдь я и самъ не простакъ, что вы думаете?—сказалъ онъ, снова обернувшись ко мнѣ.

— Ой-ли? А чѣмъ же ты отличился?

— Да ужъ такъ, сударь, отличился, что и брату моему, даромъ что онъ полковникъ, почитай, не отличиться такъ... Знаете ли, что я самого царя возилъ?

— Ну, что-жъ тутъ мудренаго? Вѣроятно, въ ямщикахъ былъ?

— Вотъ то-то и есть, что въ ямщикахъ никогда не былъ, а царя возилъ. Вы какъ это разсудите?

— Не знаю, братъ; разскажи.

— А вотъ слушайте, какъ было дѣло. Пріостановился я одново на самомъ углу Невскаго, у Адмиралтейской площади. Стою это и жду сѣдока. Только слышу сзади себя шумъ. Оглянулся назадъ, и что жъ бы вы думали? Ѣхалъ царь, Николай Павловичъ, въ санкахъ, объ одну лошадь, сѣрая такая, въ яблокахъ. Только зазѣвался, должно быть, евоный кучеръ, сцѣпился съ кѣмъ-то, да на грѣхъ и сломи оглоблю. Какъ тутъ быть? Дальше ѣхать нельзя. Подбѣжали полицейскіе и народъ, помогать, значитъ, а чего тутъ помогать, когда оглобли нѣтъ! Гляжу я, царь-то вышелъ изъ санокъ, сказалъ что-то

кучеру, и прямо идетъ ко мнѣ. Я, извѣстно, шапку снялъ и гляжу на батюшку нашего. Никакъ мнѣ не въ домекъ, зачѣмъ онъ идетъ въ мою сторону. Только онъ подошелъ ко мнѣ вплоть и говоритъ:

— Давай, старичина, вези во дворецъ!

Слышу я и ушамъ своимъ не вѣрю! Такъ ошалѣлъ, что и понять не могу, что мнѣ дѣлать. Къ счастью, подбѣжалъ тутъ квартальный, отстегнулъ это полость, помогъ государю сѣсть и крикнулъ мнѣ: пошелъ!

Держу я въ одной рукѣ шапку и вожжи, а другою стегаю своего меринка и въ хвостъ и въ гриву. Государь уже самъ приказалъ мнѣ:

— Накройся, — говоритъ, — шапкою, да возьми вожжи въ обѣ руки.

Вижу, правду онъ говоритъ, одною рукою не управиться. Накрылся я, и какъ стали подъѣзжать ко дворцу, не знаю, куда направить, а спросить не смѣю: такъ весь духъ во мнѣ сперло... Только батюшка царь самъ уже сказалъ мнѣ подъѣздъ. Остановился я, вновь снялъ шапку, а самъ и глаза боюсь поднять. Подбѣжали тутъ квартальный да лакеи, отстегнули полость, помогли царю выйти. Всталъ онъ это изъ саней и говоритъ мнѣ:

— Спасибо, старикъ. Обожди, говоритъ, немного.

Ни живъ, ни мертвъ, хотѣлъ было я стегнуть своего меринка да удрать безъ грѣха, только квартальный не пущаетъ.

— Слышалъ, говоритъ, что государь велѣлъ тебѣ ждать!

Нечего дѣлать, приткнулся я съ санями къ панели и жду. Чтожъ бы вы думали, сударь? Не прошло много времени, выходитъ изъ подъѣзда лакей и выноситъ мнѣ двадцать пять рублей.

— Вотъ видишь ли, чего же ты боялся?

— Да какъ же, сударь, не бояться? Вѣдь не кто какой, а самъ царь! Вы подумайте только! Лошаденка-то у меня плохонькая, сами видите; санки старыя, полость облѣзлая, грязная и вдругъ — самъ царь ко мнѣ садится! Отродясь не думалъ дожить до такого счастья, и вотъ сподобилъ Господь!

— Куда же ты дѣвалъ эти двадцать пять рублей? Пропилъ, небось, съ радости?

— И-и! Что вы, сударь, какъ можно! Я, слава Богу, живу ничего себѣ, все у меня есть, два сына работаютъ, зимой вотъ ѣзжу здѣсь, живемъ, помаленьку; такъ эти царскія-то деньги я въ церкву, нашу деревенскую отдалъ, чтобы, значитъ, образъ святому Николаю Угоднику справили. Хорошій образъ сдѣлали, въ серебряной ризѣ, молимся теперь ему за батюшку царя. Такъ-то вотъ...

XVII.

Памятникъ венгерской кампаніи.

Въ одномъ изъ армейскихъ саперныхъ батальоновъ служилъ офицеромъ нѣкто Смирновъ, человѣкъ въ высшей степени своеобразный. Онъ былъ средняго роста, широкоплечій, слегка сутуловатый, носилъ длинные усы, опущенные книзу скобками, и смотрѣлъ звѣремъ изъ-подъ густыхъ, нависшихъ надъ глазами, бровей.

Къ числу многихъ странностей надо отнести то, что онъ никогда не употреблялъ мѣстоименія «вы» и даже къ высшему начальству обращался съ такими словами:

— Ты, ваше превосходительство, напрасно изволишь гнѣваться, или:

— Ты, ваше превосходительство, совсѣмъ не дѣло говоришь и т. п.

Однажды, какой-то изъ высшихъ начальниковъ, дѣлавшій смотръ батальону, въ которомъ служилъ Смирновъ, призвалъ его зачѣмъ-то къ себѣ на квартиру и, между прочимъ, сдѣлалъ ему замѣчаніе о неумѣстномъ употребленіи слова: ты.

Смирновъ показалъ рукою на висѣвшій въ углу образъ и невозмутимо отвѣтилъ:

— Вотъ самый старшій генералъ надъ всѣми нами, а и ему я говорю: помилуй мя, Господи!

Когда, по полученіи капитанскаго чина, онъ былъ назначенъ командиромъ саперной роты, то, прежде всего, призвалъ къ себѣ фельдфебеля и вступилъ съ нимъ въ такого рода бесѣду:

— Ну, шельма, какъ-то мы съ тобой будемъ служить?

— Буду стараться, ваше ск—родіе! — отвѣтилъ фельдфебель.

— Стараться, братъ, особенно нечего, дѣло простое: чтобы въ солдатскій котелъ класть все, что слѣдуетъ по положенію. Понялъ?

— Слушаю, ваше ск—родіе!

— Тебѣ и унтеръ-офицерамъ артель положитъ прибавку, а болѣе чтобы ни-ни! Солдатъ долженъ быть сытъ.

— Точно такъ, ваше ск—родіе.

— Больше ничего. Ступай. Я сейчасъ приду въ казарму.

Фельдфебель распорядился, для встрѣчи капитана, выстроить роту фронтомъ. Поздоровавшись съ командою, капитанъ обошелъ ряды, внимательно вглядываясь въ каждаго солдата, а потомъ, ставъ передъ ротой, спокойно, но увѣренно, объявилъ:

— У меня, ребята, розогъ не будетъ, и кулакамъ я тоже воли не даю. Служите по совѣсти, какъ Богъ велитъ. Но и потачки я не дамъ. Помните это.

Если принять во вниманіе, что это было сказано въ тѣ нико-

лаевскія времена, когда розги и кулаки служили общепринятымъ орудіемъ солдатскаго образованія, то можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела на солдатъ такая рѣчь ихъ капитана. Одни, вѣроятно, даже не поняли его, а другіе не повѣрили ему. Но капитанъ Смирновъ крѣпко держалъ данное слово.

Провинится какой нибудь солдатъ, онъ его назначитъ стоять на часахъ въ своей квартирѣ, въ полной аммуниціи, а иногда, смотря по винѣ, и съ ранцемъ, наполненнымъ пескомъ. Солдатъ стоитъ у дверей, а капитанъ занимается какимъ нибудь дѣломъ у стола и по временамъ бесѣдуетъ съ часовымъ.

— Угораздило, братецъ, тебя на такую штуку: у товарища рубль украсть! Хорошее дѣло, нечего сказать! Какой же ты товарищъ, а? Лучше бы у меня укралъ, а то у солдата! Самъ знаешь, какъ солдату трудно достается копейка. Нехорошее, братъ, дѣло, совсѣмъ нехорошее!

Виноватый, стоя у дверей, слушаетъ и думаетъ: что-то будетъ дальше? Вспоретъ меня капитанъ, какъ ни на есть—вспоретъ!

Капитанъ помолчитъ, занявшись какимъ нибудь дѣломъ, а потомъ сызнова заговоритъ.

— Вкусенъ ли былъ краденый-то рубль, а? Эхе-хе! Грѣхи наши тяжкіе. И не стыдно тебѣ будетъ на товарищей глядѣть теперь? Какъ тебя звать-то?

— Өедоръ Михайловъ, ваше ск—родіе!

— То-то вотъ и есть, Өедоръ Михайлычъ. Не чортъ ли твою руку подтолкнулъ! Вѣдь доброму солдату до такой штуки безъ чорта не додуматься. Видитъ нечистый, что у капитана Смирнова рота молодецъ къ молодцу, какъ бисеръ нанизанный, вотъ и взяла его зависть, проклятаго. Дай, думаетъ, подучу Өедора Михайлыча рубль украсть, а Өедоръ Михайлычъ, какъ баба какая, уши и распустилъ. У самого, вишь, разсудка не хватило, такъ стараго лѣшаго послушалъ.

Солдатъ смотритъ на капитана и недоумѣваетъ. А капитанъ усядется за работу къ столу и какъ будто забылъ о виновномъ. Черезъ полчаса времени, однако, онъ встаетъ, подходитъ къ Өедору Михайлову и, глядя въ упоръ своими грозными глазами, спроситъ:

— Ну, такъ какъ же, братъ? Будешь воровать напредки?

— Никакъ нѣтъ, ваше ск—родіе.

— Ой-ли? Закаешься?

— Точно такъ, ваше ск—родіе!

— И чорта слушать не будешь?

— Не буду, ваше ск—родіе!

— И не слушай его: какъ онъ станетъ тебя снова мутить, ты перекрестись, да приди прямо ко мнѣ сказать. Вдвоемъ-то съ тобой мы съ нимъ управимся, знаешь какъ! А теперь ступай въ роту.

— Покорнѣйше благодарю, ваше ск—родіе!

Солдатъ уходитъ отъ капитана, совершенно озадаченный, не понимая, что съ нимъ сдѣлалось. Его не выпороли, ему не разбили зубы, его даже не выругали, а что-то съ нимъ сдѣлали, чего онъ никакъ не могъ въ толкъ взять. А сдѣлали то, что солдатъ, склонный къ воровству, сталъ бояться этой слабости пуще всякаго грѣха. Какъ потянетъ его руку къ чужой собственности, онъ, вспомнивъ слова капитана, начнетъ креститься и отмаливаться. И помогало! Не надо даже и къ капитану идти за помощью: чортъ убѣгалъ при первыхъ двухъ-трехъ крестахъ!

Солдаты его любили.

— Намъ што! — говорили они. — Намъ у него хорошо! Живемъ, какъ у Христа за пазухой. И самъ не обидитъ и никому въ обиду не дастъ!

И онъ дѣйствительно никому не позволялъ обижать своихъ солдатъ. Былъ такой случай. Передъ венгерской кампаніей пріѣхалъ начальникъ штаба сдѣлать смотръ батальону, въ которомъ служилъ Смирновъ. Во время ружейныхъ пріемовъ одинъ солдатъ какъ-то неловко вскинулъ ружьемъ, что тотчасъ было замѣчено генераломъ.

— Выпороть его, каналью!—крикнулъ онъ, обращаясь къ капитану Смирнову.

— У меня розогъ нѣтъ,—спокойно отвѣтилъ старый капитанъ, прикладываясь къ козырьку.

Начальникъ штаба недоумѣло взглянулъ на него.

— Какъ?!—закричалъ онъ. Это что значитъ?

— А то значитъ, ваше превосходительство, что я восемь лѣтъ командую ротой и розогъ не заводилъ. Такъ теперь, передъ походомъ, совсѣмъ уже не время этимъ заниматься. Намъ теперь надо штыки оттачивать.

Генералъ совсѣмъ былъ озадаченъ такимъ небывалымъ сопротивленіемъ и сгоряча приказалъ батальонному командиру отправить строптиваго капитана на гауптвахту.

— Поздно мнѣ сидѣть на гауптвахтѣ,—возразилъ и на это капитанъ—.Сколько лѣтъ я служилъ и такого позора не заслуживалъ. А ты, ваше превосходительство, если не доволенъ мною, такъ отдай меня подъ судъ.

Неизвѣстно чѣмъ бы кончилась эта исторія, еслибъ не вмѣшался батальонный командиръ, объяснившій генералу, что Смирновъ всегда былъ такой, что къ его чудачеству всѣ привыкли, что онъ все-таки лучшій офицеръ въ батальонѣ, и что, наконецъ, теперь, передъ походомъ, неудобно смѣнять ротнаго командира, къ которому солдаты привыкли.

Послѣ смотра начальникъ штаба потребовалъ капитана Смирнова къ себѣ для объясненій. Разумѣется, онъ опять упрекалъ, грозилъ, кричалъ и такъ далѣе. Капитанъ терпѣливо выслушалъ и, окинувъ грознаго начальника своимъ глубокимъ взглядомъ, сказалъ:

— Послушай меня, ваше превосходительство. Ты, вотъ, говорилъ, что можешь отдать меня подъ судъ за нарушеніе дисциплины. Что-жъ, отдавай, только хорошо ли это будетъ? Чѣмъ я нарушилъ дисциплину? Что не далъ тебѣ обидѣть честнаго солдата? Такъ вѣдь на то я и капитанъ его, чтобъ стоять за него горой. Посуди самъ, что бы было хорошаго: сегодня ты его велишь выпороть, завтра—бригадный командиръ, послѣзавтра—начальникъ дивизіи, дальше—корпусный командиръ, дальше—главнокомандующій... и всѣ-то будутъ его драть и драть, не зная его, видя его въ первый разъ, ни за что, ни про что! При чемъ же я-то буду? Какъ я его пошлю на бой послѣ всѣхъ этихъ пороковъ? Развѣ солдатъ не спроситъ меня тогда: а гдѣ ты былъ, командиръ, когда господа генералы меня пороли?

Эта необычная рѣчь совсѣмъ смутила начальника штаба, и онъ оставилъ капитана Смирнова въ покоѣ, но...

Во время венгерской кампаніи какъ-то такъ выходило, что рота капитана Смирнова, случайно или нѣтъ, употреблялась всегда на самыя трудныя и опасныя предпріятія. Гдѣ надо было совершить что нибудь почти невозможное, туда всегда назначали капитана Смирнова съ его ротой. Видимо начальникъ штаба не забывалъ его и желалъ, вѣроятно, доставить ему случай отличиться.

Капитанъ Смирновъ не роптал на это и исполнялъ всѣ порученія съ тѣмъ же спокойнымъ хладнокровіемъ, съ которымъ проходилъ всю свою службу.

Послѣ каждаго дѣла, повѣряя ряды своей роты и не досчитываясь въ ней многихъ, онъ тяжело вздыхалъ и записывалъ въ памятную книжку имена убитыхъ, за которыхъ потомъ читалъ молитвы предъ оставшимися въ живыхъ. Каждый вечеръ, послѣ обычной молитвы «Отче нашъ», отдѣленные унтеръ-офицеры должны были прочитывать, каждый предъ своимъ отдѣленіемъ, списки убитыхъ, заканчивая этотъ перечень молитвою: «Помяни ихъ, Господи, во царствіи Твоемъ».

Между тѣмъ списки эти дѣлались все длиннѣе и длиннѣе, по мѣрѣ хода войны. Рота капитана Смирнова таяла, какъ свѣчка, и онъ уже разсчитывалъ, что если война продлится еще столько же времени, то онъ вернется въ Россію съ однимъ барабанщикомъ. Не смотря на то, при представленіяхъ къ наградамъ, штабные писаря всегда забывали внести роту капитана Смирнова въ списокъ отличившихся.

Вступая въ Венгрію, капитанъ ввелъ подъ своей командой ровно триста человѣкъ саперъ, а привелъ обратно всего сто двѣнадцать. Двѣ трети его роты усѣяли своими костями венгерскія равнины. Капитанъ сдѣлался угрюмъ.

— Мнѣ ничего не надо, — говорилъ онъ иногда своимъ офицерамъ.—Но мнѣ обидно то, что за всю кампанію на нашу роту не дали даже одного георгіевскаго креста. А вѣдь мы его крѣпко заслужили.

Года черезъ три послѣ венгерской кампаніи капитанъ Смирновъ долженъ былъ участвовать съ своей ротой въ красносельскомъ лагерномъ сборѣ. Рота его была, конечно, пополнена, но всѣ герои, совершившіе съ нимъ походъ, были на лицо.

Капитанъ насыпалъ передъ своей палаткой небольшой курганъ, обдѣлалъ его дерномъ и на верху поставилъ небольшую бронзовую статуетку, изображавшую какого-то испанца, со шпагой въ рукѣ. Эта статуэтка была единственнымъ трофеемъ, вынесеннымъ имъ изъ венгерскаго похода. Онъ очень дорожилъ ею, всегда держалъ на своемъ письменномъ столѣ, а тутъ почему-то вздумалъ поставить на видномъ мѣстѣ, рискуя даже, что ее могутъ украсть. Когда его спрашивали, для чего онъ это сдѣлалъ, и что изображаетъ этотъ курганъ, онъ отвѣчалъ, что это памятникъ его солдатамъ, погибшимъ въ венгерской кампаніи.

Слухъ объ этомъ игрушечномъ памятникѣ и объ авторѣ его, разумѣется, разошелся по лагерю, и въ свободное время многіе офицеры гвардейскихъ полковъ заходили, во время прогулки, посмотрѣть на него, при чемъ заговаривали съ капитаномъ Смирновымъ, часто сидѣвшимъ на стулѣ, у своей палатки, съ неизмѣнной трубкой въ рукахъ. Такъ какъ въ гвардейскихъ полкахъ служатъ многіе наши аристократы, близкіе ко двору, то не мудрено, что разсказъ о чудакѣ капитанѣ какъ нибудь дошелъ до слуха императора.

Однажды, вечеромъ, капитанъ сидѣлъ въ своей палаткѣ за самоваромъ, какъ заслышалъ крикъ дежурныхъ: «всѣмъ на линію!». Это значитъ, что лагерь обходитъ кто нибудь изъ начальствующихъ лицъ. Быстро одѣвшись въ сюртукъ, капитанъ Смирновъ вышелъ изъ палатки и началъ осматривать сбѣжавшихся солдатъ.

— Съ котораго фланга?—спросилъ онъ дежурнаго.

— Съ лѣваго, ваше ск—родіе.

Капитанъ взглянулъ по указанному направленію и легко узналъ вдали внушительную фигуру императора Николая Павловича, который шелъ пѣшкомъ, съ небольшою свитой, но которая постепенно увеличивалась, по мѣрѣ того, какъ государь подвигался далѣе. Экипажъ его слѣдовалъ сзади.

— Государь идетъ!—сказалъ капитанъ своей ротѣ.—Подтянитесь, ребята! Смотрите веселѣе! Выровняйтесь хорошенько. Глаза налѣво!

Государь между тѣмъ приближался. Онъ шелъ, почти не останавливаясь, здороваясь съ выстроенными частями войскъ, и въ скоромъ времени приблизился къ мѣсту расположенія роты капитана Смирнова.

— Здорово, ребята!

— Здравія желаемъ вашему императорскому величеству!—дружно отвѣтили саперы.

Палатка капитана Смирнова приходилась какъ разъ у праваго фланга выстроившейся роты, такъ что курганъ со статуеткой на-

ходился на самомъ пути государя. Императоръ, разумѣется, замѣтилъ его.

— Что это такое? — спросилъ онъ капитана, державшаго руку подъ козырекъ.

— Это, ваше величество, памятникъ венгерской кампаніи!— громко отвѣтилъ капитанъ.

Государь сначала улыбнулся, но потомъ лицо его быстро приняло свое обычное серьезное выраженіе. Какъ наружность капитана, угрюмаго, закаленнаго въ бояхъ воина, такъ и твердый, увѣренный голосъ, которымъ онъ отвѣтилъ, невольно обратили на себя вниманіе императора.

— Ты былъ въ Венгріи?—спросилъ онъ.

— Вмѣстѣ со своей ротой, ваше величество! — отвѣтилъ капитанъ, показавъ на солдатъ, о которыхъ всегда думалъ больше, чѣмъ о себѣ.

Государь внимательно оглянулъ саперъ. Капитанъ понялъ этотъ взглядъ.

— Тутъ теперь полторы сотни новичковъ, ваше величество,— сказалъ онъ.

— А гдѣ же кавалеры твои? Я ни одного не вижу!

— Мои кавалеры, ваше величество, остались въ Венгріи. Домой я привелъ людей, должно быть, никуда негодныхъ,—смѣло отвѣтилъ капитанъ.

Императоръ нахмурился. Онъ, очевидно, началъ угадывать смыслъ отвѣтовъ капитана.

— Вызови бывшихъ съ тобою въ походѣ,—приказалъ онъ.

Капитанъ сталъ передъ ротой и скомандовалъ.

— Венгерцы впередъ! Стройся! Глаза направо.

Сотня, съ небольшимъ, солдатъ вышли изъ фронта впередъ, живо выстроились и выровнялись. Императоръ осмотрѣлъ ихъ и еще болѣе нахмурился.

— Всѣ, ваше величество! Сто восемьдесятъ восемь человѣкъ мы похоронили въ Венгріи и каждый день молимся за упокой ихъ душъ.

Государь взялъ за руку одного стараго генерала, сопутствовавшаго ему (имени и положенія котораго капитанъ Смирновъ не зналъ), и, отойдя съ нимъ въ сторону, что-то долго и горячо говорилъ ему. Генералъ, слушая государя, безпрестанно кланялся. Затѣмъ, вернувшись назадъ, государь взялъ капитана Смирнова за плечо и, выйдя съ нимъ передъ фронтомъ, сказалъ:

— Ты получишь на роту десять георгіевскихъ крестовъ; всѣмъ остальнымъ медали и по пяти рублей на человѣка. Ты самъ что получилъ за кампанію?

— Счастіе говорить сегодня съ тобою, государь!—отвѣтилъ капитанъ, прослезившійся отъ радости, что наконецъ-то его солдаты,

которыхъ онъ такъ любилъ, были оцѣнены по достоинству и притомъ самимъ царемъ.

Императоръ притянулъ къ себѣ капитана и поцѣловалъ его въ щеку.

— Поздравляю тебя полковникомъ и георгіевскимъ кавалеромъ,— сказалъ онъ.— Спасибо, ребята, за славную службу!—крикнулъ онъ солдатамъ.

— Ура-а!—отвѣтили они и, въ порывѣ восторга, забывъ всякую дисциплину, окружили государя и капитана, цѣлуя полы ихъ сюртуковъ и руки и продолжая кричать:—ура-а! рады стараться, ура-а!

Когда, по приказанію государя, они снова выстроились, государь еще разъ обратился къ полковнику Смирнову и сказалъ ему:

— Составь рапортъ о всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ участвовалъ, и представь по начальству на мое имя, а этотъ свой памятникъ убери.

— Слушаю, ваше величество!—отвѣтилъ новопроизведенный полковникъ.

По уходѣ императора, полковникъ Смирновъ велѣлъ саперамъ не медля же срыть курганъ, а бронзоваго испанца со шпагой въ рукѣ перенесъ на свой письменный столъ.

— Вѣдь болванъ,— говорилъ онъ потомъ, щелкая испанца ногтями,— а сумѣлъ доложить государю о моихъ саперахъ лучше всякаго штабнаго писаря...

По чину полковника Смирновъ уже не могъ оставаться командиромъ роты и вскорѣ получилъ одинъ изъ саперныхъ баталіоновъ, расположенныхъ на югѣ Россіи.

XVIII.

Императоръ Николай I, какъ супругъ.

Императоръ Николай I былъ человѣкъ очень неприхотливый на счетъ жизненныхъ удобствъ. Спалъ онъ на простой желѣзной кровати, съ жесткимъ волосянымъ тюфякомъ и покрывался не одѣяломъ, а старою шинелью. Точно также онъ не былъ охотникъ до хитрой французской кухни, а предпочиталъ простыя русскія кушанья, въ особенности щи да гречневую кашу, которая если не ежедневно, то очень часто подавалась ему въ особомъ горшечкѣ. Шелковая подкладка на его старой шинели была покрыта такимъ количествомъ заплатъ, какое рѣдко было встрѣтить и у бѣднаго армейскаго офицера.

Но на сколько онъ былъ простъ относительно себя, на столько же онъ былъ расточителенъ, когда дѣло касалось императрицы Александры Ѳеодоровны. Онъ не жалѣлъ никакихъ расходовъ, чтобы доставить ей малѣйшее удобство.

Послѣдніе годы ея жизни доктора предписали ей пребываніе въ Ниццѣ, куда она и ѣздила два или три раза. Нечего и говорить, что въ Ниццѣ былъ для нея купленъ богатый домъ, на берегу моря, который былъ отдѣланъ со всевозможной роскошью.

Но однажды, по маршруту, ей приходилось переночевать въ Вильнѣ. Для этой остановки всего на однѣ сутки былъ купленъ домъ за сто тысячъ и заново отдѣланъ и меблированъ отъ подваловъ до чердака.

Проживая въ Ниццѣ, императрица устроивала иногда народные обѣды. Для этого на эспланадѣ передъ дворцомъ накрывались столы на нѣсколько сотъ, а не то и тысячъ человѣкъ, и каждый обѣдавшій, уходя, имѣлъ право взять съ собою весь приборъ, а въ числѣ прибора находился между прочимъ серебряный стаканчикъ, съ вырѣзаннымъ на немъ вензелемъ императрицы. Если о богатствѣ Россіи долгое время ходили въ Европѣ баснословные разсказы, то этимъ разсказамъ, конечно, много содѣйствовала роскошь, которою императоръ окружалъ свою боготворимую спутницу жизни. Слухи о ея расточительности за границей доходили, конечно, и въ Россію и не мало льстили патріотическому самолюбію.

Такъ какъ императрицѣ не нравилась мѣстная вода, то изъ Петербурга каждый день особые курьеры привозили боченки невской воды, уложенные въ особые ящики, наполненные льдомъ. Зная это, многіе жители Ниццы старались добыть разными путями хоть рюмку невской воды, чтобы имѣть понятіе о такой рѣдкости. Опытные курьеры прихватывали съ собою лишній боченокъ и распродавали его воду, стаканами или рюмками, чуть не на вѣсъ золота.

Мнѣ случилось въ 1861 году проѣзжать въ дилижансѣ изъ Тулона въ Ниццу, и такъ какъ, для избѣжанія духоты, я сидѣлъ на переднемъ, открытомъ, мѣстѣ, то со мною рядомъ помѣщался кондукторъ. Онъ мнѣ разсказывалъ дорогою, что ему привелось два раза обѣдать на счетъ русской императрицы, и онъ хранитъ полученные на этихъ обѣдахъ два серебряные стаканчика.

Когда же я возвращался изъ-за границы, то въ поѣздѣ изъ Берлина въ Петербургъ ѣхалъ со мною курьеръ, который былъ посланъ съ какими-то вещами къ королевѣ Виртембергской Ольгѣ Николаевнѣ. Оказалось, что онъ былъ изъ числа тѣхъ курьеровъ, которые возили воду для императрицы Александры Ѳеодоровны изъ Петербурга въ Ниццу.

— Это было хорошее время для насъ,— говорилъ онъ.— Кромѣ продажи воды въ Ниццѣ, мы наживались еще контрабандою.

— Какимъ же образомъ?

— Да очень просто: вѣдь насъ, императорскихъ курьеровъ, ни на какой таможнѣ не осматриваютъ. Поэтому мы свободно провозимъ что угодно, лишь бы не бросалось въ глаза. Я и теперь коечто везу.

— А что именно?

Но курьеръ улыбнулся и, махнувъ рукою, ничего не отвѣтилъ. Я же почелъ неудобнымъ допытываться настойчивѣе.

XIX.

Комендантъ Фельдманъ.

Въ началѣ февраля 1855 года, сидѣли мы, офицеры инженернаго училища, въ классѣ и мирно слушали лекцію долговременной фортификаціи, которую читалъ намъ капитанъ Квистъ, какъ вдругъ двери изъ сосѣдняго, старшаго офицерскаго класса съ шумомъ растворились на обѣ половины, и прибѣжавшій быстро сторожъ впопыхахъ объявилъ: государь идетъ!

Чтобъ понять наше удивленіе, надо замѣтить, что государь заѣзжалъ къ намъ въ училище всегда осенью, а въ эти мѣсяцы, послѣ Новаго года, никогда не заглядывалъ. Мы всѣ знали, что дѣла въ Севастополѣ идутъ очень плохо, и потому понятно, что всѣхъ охватила одна и та же мысль, что случилось что нибудь особенное, что заставило государя измѣнить своимъ обычаямъ.

Не успѣли мы кое-какъ оправиться, застегнуть разстегнутыя пуговицы и привести въ болѣе приличный видъ разбросанные на столахъ чертежи, книги и бумаги, какъ заслышали такъ знакомый намъ громкій и звонкій голосъ государя въ старшемъ офицерскомъ классѣ, сердито кричавшаго:

— Гдѣ же Фельдманъ? Послать за нимъ немедля!

И съ этими словами онъ вошелъ въ нашъ классъ. Лицо его было красно отъ гнѣва, глаза метали молніи, онъ шелъ скорымъ шагомъ и, не поздоровавшись съ нами и какъ бы даже не замѣчая насъ, подходилъ уже къ противоположнымъ дверямъ, какъ въ эту минуту изъ-за нихъ показался Фельдманъ.

Тутъ нужно сдѣлать маленькое отступленіе.

Генералъ Фельдманъ считался комендантомъ Инженернаго замка. Это былъ старый, почтенный генералъ, для котораго это мѣсто коменданта было создано императоромъ, чтобы, не оскорбляя его отставкой, дать подъ старость лѣтъ почетное и нехитрое занятіе. Императоръ Николай очень часто создавалъ подобныя мѣста для старыхъ служакъ.

Въ одномъ изъ залъ Инженернаго замка, вслѣдъ за старшимъ офицерскимъ классомъ, помѣщались большія модели нѣкоторыхъ нашихъ главныхъ крѣпостей и въ томъ числѣ Севастополя. Модели эти были такъ велики, что на нихъ были сдѣланы маленькія мѣдныя пушки, съ лафетами и другими принадлежностями крѣпостной артиллеріи, и каждая модель занимала четыре или пять квадратныхъ саженъ. Модели эти хранились въ величайшей тайнѣ, и даже насъ,

инженеровъ, пускали ихъ осматривать только одинъ разъ, передъ самымъ окончаніемъ курса. Ключи отъ этого модельнаго зала хранились у Фельдмана, и безъ его разрѣшенія никто туда попасть не могъ.

Случилось, что Фельдманъ поддался на чьи-то просьбы, не знаю хорошенько—своихъ ли добрыхъ знакомыхъ или кого нибудь изъ высокопоставленныхъ лицъ, и дозволилъ имъ осмотрѣть модель Севастополя. Сторожъ, на обязанности котораго было содержать этотъ залъ и модели въ порядкѣ, замѣтилъ, что, кромѣ группы лицъ, допущенныхъ Фельдманомъ, по модельной ходятъ еще какихъ-то два господина, которые держатся особнякомъ и дѣлаютъ какія-то отмѣтки въ своихъ записныхъ книжкахъ. Онъ сказалъ объ этомъ офицеру, провожавшему гостей Фельдмана и объяснявшему имъ на модели Севастополя сущность происходившихъ тамъ событій. Офицеръ подошелъ къ двумъ непрошеннымъ гостямъ и попросилъ ихъ немедля удалиться, что они, конечно, и сдѣлали. Кто они были, я не могъ узнать достовѣрно, но, по слухамъ, это были какіе-то два иностранца.

Объ этомъ маленькомъ приключеніи кто-то донесъ государю, и вотъ онъ пріѣхалъ къ намъ въ замокъ, грозный, какъ буря. Никогда еще прежде не случалось мнѣ видѣть его въ такомъ сильномъ припадкѣ гнѣва, какъ въ этотъ разъ.

Чуть не столкнувшись съ государемъ, Фельдманъ остановился и отвѣсилъ глубокій поклонъ. Онъ былъ небольшого роста, плечистый и съ большой лысой головой. Государю онъ приходился почти по поясъ.

— Какъ ты осмѣлился, старый дуракъ,—кричалъ на него государь, грозя пальцемъ,—нарушать мое строжайшее приказаніе о моделяхъ? Какъ ты осмѣлился пускать туда постороннихъ, когда и инженерамъ я не довѣряю эти вещи? До такой небрежности довести, что съ улицы могли забраться лица, совершенно неизвѣстныя? Для того ли я поставилъ тебя здѣсь комендантомъ? Что ты продать меня, что ли, хочешь? Не комендантомъ тебѣ быть этого зáмка, а самому сидѣть въ казематѣ подъ тремя запорами! Я не пощажу твоей глупой лысой головы, а отправлю туда, гдѣ солнце никогда не восходитъ! Если тебѣ я не могу довѣриться, то кому же, послѣ того, мнѣ вѣрить?

Я не припомню въ точности всего, что говорилъ государь несчастному коменданту, и привожу эти фразы только приблизительно вѣрно и въ гораздо болѣе мягкой формѣ, чѣмъ говорилъ государь, который въ своемъ неудержимомъ гнѣвѣ рѣшительно не стѣснялся никакими выраженіями. Фельдманъ не осмѣливался, да и не имѣлъ возможности что нибудь сказать въ свое оправданіе. Во все время грозной рѣчи государя онъ только молча кланялся и былъ красенъ, какъ ракъ. Я думалъ, глядя на него, что съ нимъ тутъ же сдѣ-

лается ударъ, и онъ упадетъ замертво. Государь говорилъ, то-есть, вѣрнѣе сказать, кричалъ долго и много, все время сильно жестикулируя и безпрестанно грозя пальцемъ.

Мы, офицеры, и все наше начальство, понемногу и потихоньку собравшееся въ нашемъ классѣ, стояли ни живы, ни мертвы, каждую минуту ожидая, что, покончивъ съ Фельдманомъ, государь обратится къ намъ и, замѣтивъ какой нибудь безпорядокъ, задастъ и намъ трепку. Но ему видимо было не до насъ.

Выливъ свой гнѣвъ на Фельдмана, онъ прошелъ дальше, не простившись съ нами, какъ вошелъ не поздоровавшись.

И это было послѣдній разъ, что мы его видѣли. Такъ его фигура и запечатлѣлась во мнѣ на всю жизнь, въ своемъ грозномъ величіи, заглушая тотъ симпатичный его образъ, когда онъ являлся не юпитеромъ громовержцемъ, а добрымъ любящимъ отцемъ своихъ многочисленныхъ дѣтей.

XX.

Кончина императора Николая I.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ печальнаго происшествія съ комендантомъ Фельдманомъ, а именно 18-го февраля, мы также сидѣли въ классахъ и слушали лекціи, какъ вдругъ по всему училищу разнеслась вѣсть о томъ, что государь — умеръ! Первое впечатлѣніе было такое, что никто ему не повѣрилъ. Да и какъ было намъ повѣрить, когда всего какихъ нибудь пять-шесть дней назадъ онъ былъ у насъ, и всѣ мы видѣли его совершенно крѣпкимъ и здоровымъ, а допустить, что у него случился ударъ, было невозможно, такъ какъ онъ далеко не былъ такого сложенія, при которомъ ударъ является естественнымъ концемъ.

Понятно, что лекціи были забыты, начались разговоры, толки и пересуды, и всѣ ждали, что съ минуты на минуту прійдетъ болѣе достовѣрное извѣстіе, которое опровергнетъ ложный слухъ о смерти, представлявшейся совершенно невозможною.

Но не прошло и полчаса съ минуты перваго переполоха, какъ въ классы къ намъ явился директоръ училища, генералъ Ломновскій, въ полной парадной формѣ, немедля собравшій всѣхъ въ рекреаціонный залъ, гдѣ уже стоялъ аналой и священникъ, ожидавшій насъ.

— Господа!—объявилъ намъ Ломновскій дрожащимъ голосомъ и со слезами на глазахъ. — Я только что изъ Зимняго дворца, куда ѣздилъ, чтобы провѣрить дошедшій до меня слухъ, казавшійся мнѣ невѣроятнымъ, о кончинѣ нашего обожаемаго монарха... Увы! къ сожалѣнію, слухъ оказался справедливымъ, и я сейчасъ поклонялся праху въ Бозѣ почившаго императора. Надо примириться съ этимъ

печальнымъ и ужаснымъ событіемъ! Приглашаю васъ, господа, прежде всего, принести присягу вновь вступившему на престолъ государю императору Александру Николаевичу, а затѣмъ помолиться за упокой души нашего общаго отца и благодѣтеля, въ Бозѣ почившаго императора Николая Павловича. Батюшка, приступите,— обратился онъ къ священнику.

Священникъ Розовъ взялъ присяжный листъ и, перекрестившись, началъ читать, а мы всѣ, поднявши руки, повторяли за нимъ слова присяги. Приложившись затѣмъ къ кресту и евангелію и подписавшись на присяжномъ листѣ, мы прослушали панихиду, причемъ на многихъ лицахъ я замѣтилъ непритворныя слезы. Говорю «непритворныя», потому что Николая Павловича дѣйствительно любили, не смотря на всю его суровость...

По окончаніи панихиды Ламновскій объявилъ, чток лассныя занятія будутъ прекращены на нѣсколько дней, впредь до объявленія, и мы свободны разойтись по домамъ.

Ко мнѣ подошелъ одинъ изъ товарищей, Будкинъ.

— Ты куда пойдешь отсюда? — спросилъ онъ меня.

— Домой, а что?

— Не поѣхать ли намъ во дворецъ?—предложилъ онъ.—Не случилось бы чего опять? Ты помнишь 14 декабря 1825 года?

— Теперь ничего подобнаго не можетъ быть, — возразилъ я.— А во дворецъ, пожалуй, поѣдемъ. Посмотримъ, что тамъ дѣлается. Только, во всякомъ случаѣ, надо прежде заѣхать домой, надѣть мундиръ.

— Конечно. Такъ гдѣ же мы сойдемся?

— Да чего сходиться. Пріѣзжай прямо во дворецъ, тамъ увидимся.

— Ладно.

Такъ мы и сдѣлали. Пріѣхавъ домой, я сообщилъ о печальной новости отцу и матери, съ которыми жилъ. Оба они долго не могли повѣрить моему извѣстію и были поражены, какъ громомъ. Слезы показались на глазахъ отца, а мать положительно разрыдалась. Для нихъ покойный императоръ не былъ только государемъ, а человѣкомъ болѣе близкимъ, который обоихъ ихъ зналъ лично, обоимъ благодѣтельствовалъ, котораго они часто видали бывало въ Гатчинѣ, и который, наконецъ, отечески нѣжно относился къ ихъ дѣтямъ, чтò ихъ родительскія сердца, конечно, глубоко чувствовали и цѣнили.

Одѣвшись въ парадную форму, но еще безъ траура, я поѣхалъ во дворецъ. На площади происходила суета. Безпрерывно подъѣзжали и отъѣзжали всевозможные экипажи, и толпами собирался народъ который, разбившись на небольшія кучки, обсуждалъ совершившееся событіе.

Войдя въ подъѣздъ (самый главный, если глядѣть со стороны

Главнаго штаба) и отдавъ шинель швейцару, я направился по лѣстницѣ во второй этажъ и тутъ пошелъ по заламъ, придерживаясь общаго теченія публики, то-есть военныхъ и придворныхъ, изъ которыхъ одни входили вмѣстѣ со мною, а другіе уже выходили на встрѣчу намъ. Всѣ были разстроены и встревожены; знакомые едва кланялись между собою; всѣ спѣшили кто туда, кто назадъ, и, видимо, всѣ были поражены неожиданной катастрофой.

Пройдя большое число залъ и гостиныхъ, я долженъ былъ, наконецъ, остановиться, такъ какъ дверь въ слѣдующую комнату была закрыта, и ее охранялъ старикъ сторожъ, съ цѣлой образницей медалей и крестовъ на груди и съ золотыми шевронами на лѣвомъ рукавѣ, доходившими отъ плеча почти до самаго обшлага. Я подошелъ къ нему.

— Покойнаго государя нельзя видѣть? — спросилъ я его.

— Немного запоздали вы, сударь,—отвѣтилъ онъ.—Теперь никого не велѣно пущать къ покойному. Придется вамъ обождать.

Нечего дѣлать. Въ этой же комнатѣ и въ сосѣдней стояло множество военныхъ и придворныхъ, всевозможныхъ чиновъ, всѣ въ полной парадной формѣ, которые, подобно мнѣ, опоздали и должны были ждать очереди, чтобы поклониться праху усопшаго. Ни на комъ я еще не замѣтилъ траура.

Только взводъ золотой роты, стоявшій тутъ, былъ уже въ трауръ, вполнѣ готовый содержать караулъ при тѣлѣ.

Старые воины императора Николая, облагодѣтельствованные и пригрѣтые имъ у себя, въ своихъ классическихъ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ наполеоновскихъ гренадеръ, всѣ увѣшанные множествомъ медалей и крестовъ, стояли фронтомъ, съ ружьями въ рукахъ, имѣя у своего праваго фланга двухъ маленькихъ барабанщика и флейтиста, дѣтей около двѣнадцати лѣтъ, одѣтыхъ въ такую же форму и съ такими же шапками на головахъ.

Это была одна изъ очень поэтическихъ фантазій покойнаго императора,—назначать барабанщиками и флейтистами маленькихъ дѣтей, внучатъ, а иногда и правнучатъ, тѣхъ почти столѣтнихъ стариковъ, изъ которыхъ составлялась дворцовая золотая рота.

Командиръ этой роты, тоже старый солдатъ, дослужившійся изъ ея рядовъ до чина полковника, ходилъ медленными старческими шагами передъ фронтомъ и все время ворчалъ на своихъ подчиненныхъ сослуживцевъ. Въ его глазахъ они были очень виноваты. Какъ же иначе? Эдакіе старые, закаленные въ бояхъ служаки, которые всѣмъ другимъ должны подавать примѣръ безукоризненной дисциплины, нарушаютъ ее теперь самымъ непростительнымъ образомъ и, стоя во фронтѣ, плачутъ, безпрестанно вынимаютъ платки и вытираютъ ими глаза!

— Архиповъ! — говорилъ полковникъ, обращаясь къ одному.— Ужъ отъ тебя-то я не ожидалъ этого. Спрячь платокъ! Какъ это вы всѣ

распустились! Давно я васъ не муштровалъ! А ты, Осиповъ? Что ревешь, какъ старая баба! Смотри, носъ даже покраснѣлъ, точно во хмелю сколько дней болтался. Срамники вы! Увидалъ бы батюшка, покойный, такъ онъ бы васъ...

Но тутъ полковникъ не договорилъ, что бы съ ними сдѣлалъ покойный государь, такъ какъ самъ разрыдался и, выхвативъ изъ кармана платокъ, приткнулся лицемъ къ стѣнѣ, и только глухія всхлипыванія показывали, что дисциплина сердца и у него взяла верхъ надъ дисциплиною военной службы...

До этой минуты я преодолѣвалъ себя, но видъ плачущихъ старыхъ гренадеръ поднялъ и во мнѣ невольныя слезы, и я отошелъ въ задній уголъ комнаты, чтобы скрыть отъ другихъ свое волненіе, Молодое фатовство заставляло меня скрывать свои чистыя, душевныя движенія, и я старался казаться болѣе бодрымъ, чѣмъ то дозволяли разстроенные нервы...

Прошло болѣе часа времени, а закрытыя двери не растворялись. Наконецъ, изъ нихъ вышелъ какой-то генералъ-адъютантъ, около котораго сейчасъ же столпились бывшіе тутъ военные генералы и высшіе придворные чины, засыпавъ вопросами о томъ, что дѣлается въ покояхъ почившаго императора.

— Вы напрасно будете ждать, господа,—сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ.—Сейчасъ будетъ панихида, въ присутствіи вдовствующей императрицы, которая изъявила желаніе, чтобы при этомъ, кромѣ членовъ императорскаго семейства, никого не было, а послѣ того приступлено будетъ къ бальзамированію тѣла, что продлится, вѣроятно, до вечерней панихиды. Поэтому желающихъ прошу пожаловать вечеромъ. А теперь, по приказанію министра двора, прошу васъ послѣдовать за мною, для принесенія присяги государю императору Александру Николаевичу.

Я уже присягалъ въ училищѣ, но мнѣ показалось неловкимъ уходить здѣсь отъ присяги, на виду у всѣхъ, а объяснять, что я уже присягалъ, было бы еще неудобнѣе. Да и кому бы я сталъ объяснять? Всѣ были такъ возбуждены, что никому до меня не было дѣла. Поэтому я рѣшилъ, что вѣдь бѣды никакой не будетъ, если присягну второй разъ, а потому и остался, чтобъ не обращать на себя вниманія ни своимъ уходомъ, ни заявленіемъ о присягѣ.

Эта присяга совершилась въ одномъ изъ залъ обычнымъ порядкомъ, и по окончаніи ея отправился я домой. Товарища своего, Будкина, я не встрѣтилъ, какъ оказалось послѣ, потому, что онъ опоздалъ и явился во дворецъ, когда уже никого не пускали.

Во дворецъ я болѣе не ѣздилъ, но поѣхалъ въ соборъ Петропавловской крѣпости, когда тѣло почившаго императора было перенесено туда. Его высокая грудь сильно возвышалась въ гробу, и только здѣсь, когда все тѣло опустилось, и только кости сохраняли свое обычное положеніе, я понялъ, почему онъ обладалъ такимъ мо-

гущественнымъ голосомъ, который гремѣлъ, бывало, какъ труба, отъ одного конца Царицына луга до другаго. Грудь его была необычайнаго объема и при здоровыхъ легкихъ, конечно, сообщала ему голосъ, который приравнивался къ большой и звонкой трубѣ. Не смотря на то, что лицо его въ гробу было прикрыто сложенной въ нѣсколько разъ кисеей, видно было, что оно покрыто большими темными пятнами, которые произошли, какъ говорили, вслѣдствіе не совсѣмъ удачной бальзамировки...

Заканчивая эти замѣтки, мнѣ очень бы хотѣлось высказать свой взглядъ на характеръ всей дѣятельности императора Николая Павловича, но я долженъ отказать себѣ въ этомъ естественномъ желаніи, такъ какъ при оцѣнкѣ его пришлось бы коснуться политическихъ событій его времени и той роли, которую онъ въ нихъ игралъ, а для этого не наступила еще давность историческаго времени.

Ар. Эвальдъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРОПАЩАГО ЧЕЛОВѢКА [1].

XVI.

Дорога въ Москву.—Помѣщикъ графъ Хвостовъ.—Пребываніе въ Москвѣ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Хлопоты съ моими записками.- Литераторъ Н. С. Лѣсковъ.—Напечатаніе въ «Русской Мысли» отрывка изъ моихъ записокъ.—Мое переселеніе въ Вяземскій домъ.—Литераторъ Г. И. Успенскій.—Моя квартира въ Вяземскомъ домѣ.—Ея хозяинъ и жильцы.—Желаніе сдѣлаться книгоношей.—Отъѣздъ въ Угличъ.—Празднества по случаю обновленія дворца Димитрія царевича.—Село Никольское.—Пожаръ въ Никольскомъ и его послѣдствія.—Эпитафіи.—Трактирщикъ Маз—въ.—Угличскій музей.—Новый типъ барышниковъ.—Село Ильинское.—Трактирщикъ Г—въ.—Крестьянинъ-собственникъ М—нъ и богачъ Соколовъ.—Село Губачево.—Торговецъ Щер—въ.—Заключеніе.

БЛИЖАЙШІЙ путь изъ Углича въ Петербургъ лежитъ чрезъ Родіоновскую станцію Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги и отъ Бологова по Николаевской дорогѣ. Но мнѣ хотѣлось побывать въ Москвѣ, такъ какъ К. писалъ, что рукопись мою, которую я ему послалъ изъ Углича, онъ отправилъ къ А. Н. Ч—ву и потому совѣтовалъ зайти къ нему и справиться, можетъ ли она, по его мнѣнію, быть пригодна или нѣтъ. Дорога на Москву для меня составляла большой крюкъ, но вѣдь я отъ этого ничего не терялъ: тутъ и тамъ мнѣ все равно приходилось идти Христа-ради. До Москвы отъ насъ считается двѣсти верстъ; но здѣсь дорога проселочная и весною во время разлива рѣкъ бы-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXV, стр. 84

ваетъ неудобо проходима, а потому я рѣшился сдѣлать еще верстъ семьдесятъ крюку и идти большою дорогою на Ростовъ. Труденъ былъ для меня этотъ путь: натерпѣлся я и голода, и холода, но подробно его описывать не буду, потому что, спустя три года, мнѣ опять пришлось пройти этимъ путемъ и еще болѣе съ нимъ ознакомиться, и я постараюсь тогда передать все то, что мнѣ казалось стоящимъ вниманія. А теперь приведу только слышанный мною разсказъ про графа Хвостова. На одномъ ночлегѣ, близъ города Переяславля, въ с. Выползовѣ, пришлось мнѣ разговориться съ однимъ старичкомъ. Послѣ обычныхъ разспросовъ о теперешнемъ житьѣ-бытьѣ, объ урожаѣ и т. п. я спросилъ его:

— А прежде, дѣдушка, вы были вольные или господскіе?

— Господскіе, батюшка, господскіе. Богатаго господина, графа Хвостова.

— Графа Хвостова?

— Да, батюшка. Насъ тутъ въ четырехъ деревняхъ у него было 750 душъ. А вотъ здѣсь, съ полверсты отсюда, была его усадьба.

— Онъ тутъ и жилъ?

— Нѣтъ, батюшка, онъ жилъ все въ Питерѣ, а больше, говорятъ, проживалъ въ Парижѣ; здѣсь у него управляющій былъ, изъ своихъ же крестьянъ.

— А каково вамъ тогда жить-то было?

— Нечего Бога гнѣвить, мы и тогда большой обиды не видали. Барщиной насъ особенно не мучили, и было время справляться и съ своей работой.

— А графъ пріѣзжалъ къ вамъ когда нибудь въ усадьбу?

— Пріѣзжалъ; но рѣдко,—годовъ черезъ семь, да и то недѣли на три, не больше. За то, когда пріѣдетъ, для насъ наступало приволье. Онъ пріѣзжалъ не одинъ, а, бывало, привезетъ съ собой штукъ семь барышень и все француженокъ, не умѣютъ и говорить порусски. И вотъ пойдутъ у него пиры да веселье. Самъ почти каждый день разъѣзжалъ съ француженками по озерамъ, то на Переяславское, то вотъ тутъ не далеко есть еще небольшое озеро; откупитъ тамъ у рыбаковъ лодки, наберутъ съ собой разныхъ напитковъ, кушаньевъ, самоваровъ, кофейниковъ и катаются. А какъ чуть только на недѣлѣ зазвонятъ къ вечернѣ, онъ сейчасъ призываетъ управляющаго и спрашиваетъ:

— А, что, Семенъ, завтра праздникъ, что ли?

— Должно быть, праздникъ, ваше сіятельство,—говоритъ управляющій.

— Такъ ты скажи крестьянамъ, чтобы завтра на работу не выходили, а собирались бы на барскій дворъ, да прикажи повару, чтобы завтра для нихъ обѣдъ приготовилъ.

И соберутся всѣ, и мужики, и бабы. На дворѣ столы разставятъ, вина притащатъ ведра четыре, и пойдетъ угощеніе. А онъ съ

своими француженками ходитъ кругомъ и смѣется,—онѣ, какъ собачки, около него прыгаютъ, скачутъ и все посвоему лепечутъ. Напьются, бывало, мужики допьяна—и ничего; а если который свалится». ни за что не позволитъ тащить домой.—«Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ, вы его изломаете, а, вонъ, отнесите его на балконъ, пускай онъ тамъ проспится. Вотъ какой онъ былъ у насъ чудакъ. Когда стали поговаривать о волѣ, такъ онъ все упрашивалъ, чтобы подписались, что не хотятъ на волю, да мужики не хотѣли подписаться. А если бы подписались, то дѣло-то, говорятъ, лучше бы было. Онъ, говорятъ, хотѣлъ похвастаться передъ государемъ: сказать, что вотъ крестьяне и не хотятъ отъ меня на волю, а я самъ ихъ отпускаю со всею землею и со всѣмъ, что мнѣ принадлежитъ. Это онъ хотѣлъ какъ будто подарокъ сдѣлать государю. А вотъ мы не подписались, такъ теперь и пользуемся только казеннымъ надѣломъ, а громадный лѣсъ и богатѣйшій покосъ, который былъ у насъ, отошелъ къ графу.

На одиннадцатыя сутки я пришелъ въ Москву и засталъ тамъ Ч—ва, который не смотря на то, что я былъ не въ одеждѣ, а въ лохмотьяхъ, принялъ меня болѣе, чѣмъ ласково. Рукопись мою онъ нашелъ не безполезною и не безъинтересною, но исправить ее и дать ей ходъ отказался, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что онъ лично описываемой мною жизни не знаетъ и никогда ея не наблюдалъ, а потому и не считаетъ себя компетентнымъ въ моемъ описаніи.

Благодаря Ч—ву, остальную дорогу до Петербурга я прошелъ безъ горя. Мнѣ такъ хотѣлось поскорѣе добраться до столицы, что я шелъ и день и ночь и 18-го мая, рано утромъ, вступилъ въ Петербургъ. Въ первый же день я побывалъ въ рынкѣ у товарищей-букинистовъ, у родныхъ, у К. и наконецъ пріютился у Н—вой. Не много я, кажется, дѣлалъ добра въ своей жизни, но все-таки я былъ принятъ всѣми радушно и на другой же день при помощи добрыхъ людей смѣнилъ свой дорожный, страннический костюмъ. Но все-таки мнѣ предстояли еще заботы: надо было пріискать квартиру, отдать адресныя пошлины и заняться дѣломъ. Я разсчитывалъ на мои записки. Начатыя мною воспоминанія, передъ отправкою на родину, были оставлены у К. и, переходя отъ одного писателя къ другому, наконецъ, попали къ Г. И. Успенскому. Мнѣ желательно было узнать, считаетъ ли онъ мои воспоминанія сколько нибудь стоящими или нѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ показать ему свою послѣднюю рукопись; но въ это время его уже не было въ Петербургѣ: онъ уѣхалъ въ имѣніе. Необходимость имѣть какія нибудь средства заставила меня прибѣгнуть къ Н. С. Лѣскову. И вотъ я принесъ ему мою рукопись. Почитавъ ее съ четверть часа, Н. С. мнѣ сказалъ:

— Ну, вотъ, изъ этого можно что нибудь сдѣлать. Есть нѣкоторые тощенькіе журнальцы, просятъ прислать какую нибудь ста-

тейку. Я исправлю вашу рукопись и постараюсь помѣстить. А что вы хотите за это?

— Н. С.,—говорю я,—я не литераторъ и не могу цѣнить своего произведенія. Но, если бы оно погодилось куда либо, то я бы съ удовольствіемъ его продалъ потому, что теперь нахожусь въ такомъ положеніи, что, сколько бы мнѣ за это ни предложили, я готовъ отдать.

— Да нѣтъ, однако, сколько же вы бы хотѣли? Ну, скажите?— настаивалъ г. Л—въ.

— Мнѣ, въ данную минуту, необходимо рублей тридцать, — говорю я.—И вотъ за это я бы согласился продать свою рукопись.

— Ну, это еще возможно. Я просмотрю ее, а вы зайдите ко мнѣ черезъ недѣльку.

— Но я сейчасъ-то крайне нуждаюсь. Мнѣ необходимо отдать за квартиру и заплатить адресныя пошлины.

— Сейчасъ я вамъ не могу всѣхъ отдать, а на адресныя я вамъ дамъ.

И онъ вынесъ мнѣ три рубля.

— Такъ черезъ недѣльку, или деньковъ черезъ десятокъ, понавѣдайтесь. Если можно будетъ это пристроить, то я и заплачу,— добавилъ онъ, подавая деньги.

Маловато, крайне маловато было этихъ денегъ; но, такъ какъ я былъ совершенно безъ копейки, то пришлось взять, что дали. Впрочемъ, Богъ не безъ милости, а свѣтъ не безъ добрыхъ людей,— говоритъ пословица. И дѣйствительно, нашлись и еще добрые люди— помогли, и я, въ сообществѣ съ Н—ми, снялъ на Пескахъ маленькую квартирку и устроился посемейному.

Я принялся опять за книжную торговлю; но дѣла мои шли очень туго; да, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ сознаться, что я и опять сталъ забывать свои испытанія и опять началъ попивать пивцо. Лѣто я все-таки держался и хотя не вполнѣ достаточно, но кормилъ себя и Н—ву. Въ теченіе этого времени Лѣсковъ, исправивъ мою статью и давъ ей довольно оригинальное названіе, помѣстилъ ее въ журналѣ «Русская Мысль», а со мною разсчитался частію деньгами, частію своими изданіями.

Въ нѣкоторыхъ газетахъ объ этой статьѣ напечатаны были отзывы, очень польстившіе моему самолюбію. Особенно же вскружило мнѣ голову, когда я пришелъ къ Г. И. Успенскому за своими воспоминаніями и за совѣтомъ, стоитъ ли продолжать ихъ, или оставить.

— Какъ же не стоитъ,—сказалъ мнѣ онъ. — У васъ такой матеріалъ, какого никогда другому писателю не придется наблюдать. Да при томъ же у васъ есть и способность писать. Вѣдь посмотрите, Лѣсковъ не Богъ вѣсть что прибавилъ своего въ вашей статьѣ, а о ней почти всѣ газеты говорили.

Отъ этихъ словъ извѣстнаго писателя я былъ, что называется,

внѣ себя отъ удовольствія. Не разсчитывая быть писателемъ, сознавая, что это мнѣ уже не по годамъ и не по образованію, я всетаки мечталъ, что своими воспоминаніями буду не безполезенъ, да и себѣ заработаю кусокъ хлѣба, даже лучшаго хлѣба, чѣмъ я заработывалъ отъ торговли; а потому я бросилъ торговлю и засѣлъ опять писать. Но я плохо разсчиталъ свое положеніе. Просидѣвъ недѣлю, я остался совсѣмъ безъ средствъ, и вслѣдствіе этого у меня пошли непріятности по квартирѣ. Мнѣ начали дѣлать замѣчанія, что я занимаюсь пустяками. Я не вытерпѣлъ этихъ замѣчаній и, не имѣя возможности продолжать принятыя на себя обязательства хозяина, въ одинъ прекрасный день ушелъ съ квартиры и болѣе въ нее не возвращался. Я опять поселился въ Вяземскомъ домѣ и, конечно, снова пустился въ самое безшабашное пьянство.

Впрочемъ, дня черезъ три я образумился, но уже считалъ себя на столько виноватымъ, что не смѣлъ возвратиться на свою квартиру.

Я рѣшился написать письмо Успенскому и идти къ нему просить помощи.

— Да неужели вы въ Вяземскомъ домѣ? — сказалъ Г. Ив., и съ этими словами отступилъ отъ меня на шагъ. Но въ этомъ отступленіи и въ его словахъ мнѣ показалось не отвращеніе и не упрекъ, а глубокое сожалѣніе.

Онъ быстро вынулъ изъ кармана своего жилета три рубля и далъ мнѣ.

— Придите ко мнѣ дня черезъ три,—сказалъ онъ,—я еще вамъ дамъ, а теперь у меня больше нѣтъ.

Черезъ три дня я опять пришелъ къ нему, и онъ опять далъ мнѣ не много денегъ.

Когда же я сталъ просить его, не можетъ ли онъ взять на себя трудъ исправить мои записки и дать имъ ходъ, то онъ мнѣ сказалъ:

— Теперь я не могу; я очень занятъ своею работою. Лѣтомъ я много путешествовалъ, и мнѣ нужно все это обработать; а поступить такъ, какъ Лѣсковъ, я не соглашусь. Вѣдь онъ за вашу статью, знаете ли, сколько получилъ...

Но Г. И. не досказалъ и продолжалъ:

— А вы пишите, что знаете, что тамъ есть у васъ интереснаго, и приносите ко мнѣ; я буду вамъ платить по пяти копеекъ за строчку, такъ же, какъ газеты платятъ.

Это было мое послѣднее свиданіе съ Успенскимъ, хотя послѣ этого я нѣсколько разъ самъ приносилъ и присылалъ ему небольшія статейки о трущобной жизни и получалъ за это рубля по три и по пяти.

Три года я опять прожилъ въ Петербургѣ, и большую часть этого времени мнѣ пришлось находиться въ Вяземскомъ домѣ.

Иногда я писалъ свои воспоминанія, а иногда принимался за книжную торговлю.

Хотя объ этомъ домѣ я въ своихъ запискахъ упоминалъ уже не одинъ разъ, но это относилось ко временамъ давно прошедшимъ; а теперь я считаю нелишнимъ сдѣлать краткое описаніе той квартиры, въ которой мнѣ довелось жить въ послѣдній разъ.

Квартира эта находилась во флигелѣ надъ банями, въ третьемъ этажѣ. Она состояла изъ двухъ небольшихъ и низенькихъ комнатъ, каждая—по два окна; кромѣ того, комнаты раздѣлены еще перегородками. Въ первой изъ нихъ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и кухня, отдѣлена маленькая коморка, гдѣ помѣщался самъ хозяинъ съ своимъ семействомъ; во второй комнатѣ также отдѣлена коморка, и въ ней стояло шесть коекъ для жильцовъ; затѣмъ, все остальное пространство было занято нарами, надъ которыми по стѣнкамъ прибиты полки, и на нихъ поставлена незатѣйливая посуда жильцовъ, состоявшая большею частью изъ изуродованныхъ и полуразбитыхъ чайниковъ, жестяныхъ котелковъ и чашекъ, а въ углахъ прибиты закоптѣлыя, почернѣвшія иконы, передъ которыми имѣются простенькія лампадки. Подъ полками, во всѣхъ щеляхъ, гнѣздились неизбѣжные обитатели всѣхъ общихъ квартиръ—клопы и тараканы, а выходящія наружу стѣны, въ зимнее время, постоянно были покрыты склизкою, зеленою плѣсенью. На нарахъ кое-гдѣ валялось разное лохмотье, грязные, засаленные донельзя тюфяки и подушки, набитыя мочалою, а въ иномъ мѣстѣ въ головахъ лежало простое полѣно.

Вся мебель нашей квартиры, исключая наръ и коекъ, заключалась въ двухъ скамейкахъ и нѣсколькихъ турышкахъ, замѣняющихъ стулья. Объ опрятности квартиры можно судить потому, что полы и нары мылись не болѣе одного раза въ мѣсяцъ; о чистотѣ же воздуха нечего и говорить: въ ночное время зловоніе доходило до того, что захватывало дыханіе. Этотъ воздухъ могли выносить только люди, свыкшіеся съ нимъ, съ загрубѣвшими легкими, а приходящіе посторонніе долго имъ дышать были не въ состояніи.

Всѣхъ жильцовъ въ нашей квартирѣ, исключая хозяйскаго семейства, считалось около сорока человѣкъ. Большая часть изъ нихъ отставные солдаты, живущіе пенсіей, прошеніемъ милостыни и разными пособіями; затѣмъ разные мастеровые, крючешники, собирающіе тряпки и кости по помойнымъ ямамъ, отставные служители придворнаго конюшеннаго вѣдомства и около десятка наборщиковъ, или, какъ они себя величали, литературныхъ кузнецовъ.

Но прежде, чѣмъ говорить о жильцахъ, нужно кое-что сказать о самомъ хозяинѣ квартиры и его семействѣ.

Хозяинъ—отставной рядовой Петръ Степановъ Коршуновъ, или, какъ его попросту называли, Степанычъ. Онъ уже около тридцати лѣтъ держалъ одну и ту же квартиру.

Степанычъ—уроженецъ Калужской губерніи, до солдатства былъ крѣпостнымъ крестьяниномъ и въ деревнѣ жилъ очень бѣдно. Сданный почти юношей въ солдаты, онъ года два пробылъ подъ ружьемъ, а остальное время, до отставки, прожилъ денщикомъ у полковаго квартирмейстера. Во время крымской кампаніи Степанычъ десять мѣсяцевъ находился въ Севастополѣ, гдѣ ему зачислили мѣсяцъ службы за годъ, вслѣдствіе чего онъ на двѣнадцатомъ году службы получилъ уже чистую отставку.

Степанычъ началъ сколачивать деньгу еще на службѣ. Онъ не стѣснялся разсказывать, что и тамъ мухъ не ловилъ и наживалъ копейку всюду, гдѣ только представлялся случай, и къ отставкѣ сколотилъ сотъ шесть, семь рублей.

Съ этими деньгами онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь повелъ дѣло съ аккуратностью. Первое время онъ поступилъ въ услуженіе къ какому-то путейскому маіору за маленькое жалованье, а затѣмъ уже, пооглядѣвшись и ознакомившись съ петербургской жизнью, принялся маклачить-барышничать на Сѣнной.

Сѣнная въ старые годы была, какъ извѣстно, самымъ удобнымъ и безнадзорнымъ мѣстомъ для всякихъ темныхъ промышленниковъ, и маклакамъ это приходилось вполнѣ на руку.

— Э-х-хъ,—вспоминалъ иногда Степанычъ,—Сѣнная въ прежнее время была мать-кормилица. Сколько тутъ кормилось разнаго народу, и чѣмъ, чѣмъ только тутъ не промышляли. Особенно для нашего брата какъ было привольно. Бывало, выйдешь рано утромъ, а тебя ужъ ждутъ: либо смѣнку кому нужно, либо темненькій товарецъ предлагаютъ.

Поосвоившись окончательно съ Петербургомъ, спустя еще годъ, Степанычъ выписалъ изъ деревни жену, снялъ въ верхнемъ этажѣ стекляннаго корридора боковую квартиру и пріютилъ здѣсь нѣсколькихъ фортовыхъ, которые доставляли ему большую выгоду.

— Вотъ житье-то было въ Вяземскомъ домѣ,—разсказывалъ онъ.—Платилъ я за боковушку только восемь рублей въ мѣсяцъ, а ночевало у меня постоянно человѣкъ тридцать. На нарахъ укладывалось человѣкъ пятнадцать, да подъ нарами клалъ столько же. Прописныхъ, настоящихъ жильцовъ было не больше, какъ человѣка три, четыре, а то такъ, кто съ паспортомъ, кто и безъ паспорта—всѣ ложись. А ребята-то были все ловкіе, денежные; бывало, какъ вечеръ, такъ четверти три да четыре вина выйдетъ. И вино-то въ то время было дешевое — за четверть только восемьдесятъ пять копеекъ платили. По три копейки за ночлегъ брали, а выгоднѣе теперешнихъ пятачковъ.

Лѣтъ черезъ пять Степанычъ перемѣнилъ квартиру и перебрался на Забалканскій проспектъ въ лицевой флигель. Но тамъ ему почему-то не понравилось, онъ взялъ квартиру надъ банями и проживалъ въ ней, какъ я уже сказалъ, около двадцати лѣтъ. Въ этой

квартирѣ онъ похоронилъ первую жену и, года полтора спустя, опять женился.

— Здѣсь тоже сначала-то хорошо было,—говорилъ мнѣ Степанычъ.—По первому-то разу я здѣсь платилъ только двадцать два рубля въ мѣсяцъ, а жильцовъ-то было не столько, какъ теперь.

Николай Ивановичъ Свѣшниковъ.

Бывало, какъ выйдешь ночью, да посмотришь, такъ сердце радуется: и на нарахъ, и подъ нарами, и на печкѣ, вездѣ полно. А теперь вотъ всего тридцать человѣкъ, и дѣла-то ужъ совсѣмъ не тѣ. Теперь вотъ и пустилъ бы другого, да боишься. Отсидѣлъ я за два непрописныхъ паспорта четыре дня, такъ теперь ужъ и сла-

битъ. Сидѣть-то еще ничего, а вотъ какъ вдругъ лишатъ столицы, такъ и узнаешь кузькину мать.

Десять, пятнадцать лѣтъ тому назадъ Степанычъ былъ ловкій и смѣлый мужчина, не робѣлъ вести дѣла съ разными темными личностями, о чемъ теперь говоритъ съ похвальбою. Но онъ велъ эти дѣла съ аккуратностью и никогда не попадалъ впросакъ. Не зная совсѣмъ грамоты, онъ имѣлъ хорошую смекалку, понималъ судебные и полицейскіе порядки и за словомъ въ карманъ не лѣзъ.

Съ уничтоженіемъ на Сѣнной хлѣбныхъ и обжорныхъ ларей уничтожились и барышники, и Степанычъ занялся исключительно отдачей въ наймы угловъ.

Хотя квартира его была и сыра, и грязна, но она все-таки считалась одною изъ лучшихъ въ этомъ домѣ и постоянно была полна жильцами. Въ ней, какъ я уже упоминалъ, почти всегда находилось до сорока человѣкъ жильцовъ. За квартиру съ нихъ Степанычъ бралъ недорого, по рублю двадцать копеекъ въ мѣсяцъ съ человѣка, а когда случались приходящіе ночлежники, то по пяти копеекъ за ночь.

Конечно, одними сборами за квартиру Степанычу было бы не выгодно жить съ его семействомъ, и онъ, по примѣру прочихъ квартирохозяевъ, производилъ у себя распивочную торговлю водкою, которой у него выходило отъ двадцати до двадцати-пяти ведеръ въ мѣсяцъ, и ссужалъ нуждающихся деньжонками подъ залогъ разныхъ вещей за проценты, далеко превосходящіе тѣ, какіе прежде брали жиды въ покупкахъ и продажахъ.

Степанычъ горько жаловался на существующіе въ настоящее время порядки, и хотя его жалобы были несправедливы, но имѣли свои причины. Прежде дѣла его дѣйствительно шли лучше: кромѣ торговли водкою и ссуды подъ залогъ, онъ покупалъ и темненькій товарецъ и держалъ иногда у себя безпаспортныхъ, отъ которыхъ ему всегда была хорошая выгода.

А теперь Степанычъ, какъ человѣкъ осторожный, не принималъ уже ничего подозрительнаго и оставлялъ ночевать у себя безъ прописки только извѣстныхъ ему людей. Онъ не столько боялся мировыхъ судей, сколько полиціи, которая очень многихъ хозяевъ этого дома лишила столицы. Между прочими сѣнновскими привычками у него осталась привычка безпрестанно браниться площадными словами, не смотря на присутствіе жены и дѣтей, и надсмѣхаться надъ другими, особенно надъ пропившимися у него же жильцами.

Но къ чести его нужно сказать, что онъ былъ во многомъ лучше другихъ хозяевъ этого дома. Онъ не затаивалъ, не захватывалъ ввѣреннаго ему на храненіе или подъ залогъ, не спаивалъ и не обиралъ самъ своихъ жильцовъ, хотя и не мѣшалъ другимъ это дѣлать, при томъ же онъ пропившихся у него жильцовъ снабжалъ кое-какою одеждою на работу и давалъ по пятаку на обѣдъ и на ужинъ.

Степанычъ считался богачемъ, утверждали, что у него хорошій капиталъ—не одинъ десятокъ тысячъ рублей, но онъ былъ крѣпокъ, и никто не зналъ въ точности его средствъ. Всѣ видѣли только, что Степанычъ никогда не нуждается, за квартиру платитъ исправно, никому ничего не долженъ; его четыре большихъ сундука въ квартирѣ и отгороженная имъ большая кладовая на чердакѣ биткомъ набиты разною покупною и закладною одеждою, а въ долгахъ, за одними жильцами, исключая постороннихъ, у него постоянно ходитъ до трехъ сотъ рублей. Въ квартирѣ нѣтъ ни одного жильца, который не былъ бы долженъ Степанычу, а нѣкоторымъ онъ довѣрялъ иногда красненькую и двѣ. Но, конечно, такое довѣріе онъ дѣлалъ тѣмъ, у кого есть заработокъ или кто получаетъ пенсію. Подъ пенсіонныя книжки онъ довѣрялъ не только своимъ жильцамъ, но и постороннимъ. За то, когда бывали получки, онъ самъ провожалъ своихъ должниковъ за пенсіей въ казначейство, опасаясь, чтобы они дорогою не загуляли, и тамъ, изъ рукъ въ руки, получалъ свои долги. Случалось нерѣдко, что получающему отъ пенсіи не оставалось ни копейки; тогда Степанычъ давалъ ему рубль или два впередъ, какъ онъ выражался, поздравить царя.

Степанычъ свыкся съ живущимъ у него народомъ, зналъ, когда и какъ съ кѣмъ нужно обойтись; какъ удержать каждаго въ своихъ рукахъ, и сразу видѣлъ, кому до какихъ предѣловъ можно повѣрить.

Хотя Степанычъ постарѣлъ, не такъ уже предпріимчивъ, но страсть къ стяжанію и скупость его все болѣе усиливалась. У Степаныча не пропадала даромъ ни косточка, ни тряпочка, не могли сгорѣть ни одинъ лишній прутикъ, ни одна капля керосина. За провизіею на Сѣнную онъ ходилъ постоянно самъ, и денной расходъ его, какъ онъ говорилъ, никогда не превышалъ полтинника въ день на все семейство. Дѣтей своихъ онъ баловалъ, частенько давалъ по копейкѣ на гостинцы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, водилъ ихъ въ отребьяхъ, и если требовалось купить что нибудь изъ одежды, или обуви, или книгу для ученья, онъ день ото дня откладывалъ эту покупку. Но охотникъ былъ онъ также покупать себѣ или женѣ что либо новенькое и старался обойтись какими нибудь передѣлочками или употребить въ дѣло закладныя вещи; посуда же и прочіе хозяйственные предметы постоянно имъ пріобрѣтались случайно. Когда же онъ собирался что нибудь купить, то обходилъ весь рынокъ, выторговывая каждую копейку и упрашивая торговцевъ уступить небогатому человѣку. Страсть къ стяжанію у Степаныча доходила до того, что онъ при своемъ капиталѣ не стѣснялся поводить за полтинникъ нищаго, прикидывающагося слѣпымъ или параличнымъ.

Не смотря на его шестьдесятъ четыре года, Степанычъ былъ еще довольно силенъ и бодръ; какъ я уже упоминалъ, онъ рѣдко

прибѣгалъ къ силѣ, и если ему необходимо было иногда угомонить не въ мѣру расходившагося жильца, онъ поручалъ это жившему у него племяннику, о которомъ я буду говорить позже.

Изъ жильцовъ своихъ Степанычъ болѣе всѣхъ былъ расположенъ къ старикамъ-пенсіонерамъ, къ нищимъ и къ простымъ мужичкамъ, но не долюбливалъ мастеровыхъ и особенно наборщиковъ.

— Охъ, ужъ эти мнѣ безкишечные голопузы,—говорилъ онъ,— они спотворились очень водку пить, да любятъ, чтобы имъ кто нибудь приспѣлъ, а я-то самъ себѣ приспѣвалъ, я не для нихъ.

И дѣйствительно, если бы онъ побольше довѣрялъ своимъ жильцамъ—наборщикамъ, то они бы постоянно пили и никогда не пошли бы на работу.

Напрасно было бы описывать всѣхъ жильцовъ Степаныча, но о нѣкоторыхъ изъ нихъ нельзя не упомянуть.

Въ углу задней коморки, то-есть въ отдѣленіи для сожительствующихъ, помѣщался отставной канониръ Петръ Ѳедоровъ Собакинъ съ своей возлюбленной Марьею Хомовой.

Послѣдняя, вдова городоваго, женщина довольно пожилая, имѣла троихъ дѣтей, которыя были помѣщены въ какомъ-то благотворительномъ заведеніи. Она отлично умѣла «подстрѣливать», т. е. просить милостыню на умирающаго мужа и полунагихъ и голодныхъ дѣтей... Она стрѣляла на улицѣ, на ходу и по квартирамъ, и каждый разъ приносила домой какое нибудь мужское, женское или дѣтское бѣлье и рубля полтора или два денегъ. Часть денегъ они пропивали вмѣстѣ съ Собакинымъ, а остальную онъ или отнималъ у нея насильно, или кралъ у сонной.

Собакинъ—уроженецъ Тверской губерніи, Ржевскаго уѣзда. Въ солдаты онъ былъ сданъ въ семьдесятъ второмъ году, и изъ его формулярнаго списка видно, что онъ, неизвѣстно почему, безпрестанно былъ переводимъ изъ бригады въ бригаду, изъ батареи въ батарею, пока, наконецъ, не попалъ въ Бобруйскую крѣпость въ исправительныя роты за то, какъ онъ говорилъ, что съ компаніей пьяныхъ товарищей сбросилъ офицера въ рѣку.

Побывъ полтора года въ исправительныхъ ротахъ, Собакинъ былъ освобожденъ и зачисленъ опять на службу; но тутъ онъ заболѣлъ и попалъ въ кіевскій военный госпиталь.

Въ госпиталѣ ему пришла мысль совсѣмъ отдѣлаться отъ службы. Онъ началъ развивать въ себѣ болѣзни и притворяться и, наконецъ, пролежавъ слишкомъ полгода, признанъ былъ неизлѣчимо больнымъ и уволенъ въ отставку.

Получивъ увольненіе отъ службы, Собакинъ на казенный счетъ былъ отправленъ на родину, гдѣ въ скоромъ времени оправился и удачно женился. Но онъ недолго прожилъ въ семьѣ, началъ пьянствовать, издѣваться надъ женою, тащить у своего тестя сначала

понемногу, затѣмъ побольше и, наконецъ, будучи посланъ на мельницу съ двумя возами ржи, продалъ рожь и деньги пропилъ. Тогда тесть, выйдя изъ терпѣнія, выгналъ его вонъ изъ дому, и онъ явился въ Петербургъ.

Сначала онъ поступилъ здѣсь на какой-то заводъ, но, проработавъ съ мѣсяцъ и получивъ расчетъ, попалъ на Сѣнную, а съ Сѣнной въ Вяземскій домъ, гдѣ, пропивъ не только имѣвшіяся деньги, но и одежду, принялся «стрѣлять»—просить милостыню.

Въ то время только что кончилась турецкая война, и помощь пострадавшимъ воинамъ сыпалась со всѣхъ сторонъ. Собакинъ, прикидываясь, смотря по обстоятельствамъ, гдѣ параличнымъ, гдѣ хромымъ, гдѣ раненымъ, для чего надѣвалъ чужую кавалерію, являлся во всѣ попечительства, благотворительныя учрежденія, придворныя канцеляріи, къ лицамъ высокопоставленнымъ и къ частнымъ благотворителямъ и всюду получалъ вспомоществованіе. Кромѣ того, онъ, какъ числящійся неизлѣчимо больнымъ, выхлопоталъ себѣ ежемѣсячное трехрублевое пособіе, которое получалъ каждую треть года.

Едва ли можно было найти еще другаго такого человѣка, который сумѣлъ бы такъ искусно притворяться и обманывать самый опытный глазъ, но еслибъ и нашелся, то у рѣдкаго хватило бы силы и терпѣнія такъ долго выдерживать напущенную на себя болѣзнь или юродство. Собакинъ иногда падалъ на землю, бился, трясся, начиналъ тяжело вздыхать и стонать до того, что у него выступалъ потъ, или, прикинувшись слѣпымъ, уставлялъ на какой нибудь предметъ свои оловянные глаза и стоялъ сколько угодно времени не сморгнувъ. Онъ такъ ловко умѣлъ вводить въ обманъ, что доктора не разъ, признавая его больнымъ, выдавали ему и очки, и костыли, и всякія лѣкарства.

Собакинъ въ трезвомъ видѣ былъ тихъ и робокъ: его на квартирѣ почти не было слышно, и онъ рѣдко ходилъ со двора. Если ему не удавалось выпить, то онъ частенько ѣлъ одинъ хлѣбъ съ водою, а не шелъ просить; но какъ только выпьетъ стакана два, три водки, то готовъ идти куда угодно. Иногда онъ бралъ кого нибудь въ провожатые и ходилъ подъ видомъ слѣпого по рынкамъ, магазинамъ и къ разнымъ лицамъ, извѣстнымъ своею добротою, а иногда вооружался костылями и двигался волоча ноги. Но какъ только, настрѣлявъ, подходилъ къ воротамъ Вяземскаго дома, то бросалъ костыли и съ пѣснями, крикомъ и отборною бранью, тряся надъ головою набраннымъ имъ подаяніемъ, плясалъ и скакалъ по двору.

Когда же ему приходилось получить порядочное вспомоществованіе, то онъ бралъ извозчика и также съ пѣснями и крикомъ пріѣзжалъ въ Вяземскій домъ, гдѣ, у Степаныча, и въ другихъ квартирахъ, нерѣдко въ тотъ же день пропивалъ свою получку.

Пьяный онъ кричалъ, ругался, озорничалъ до нахальства и не давалъ покою никому въ квартирѣ не только днемъ, но и ночью. Сколько ему ни говорили, сколько ни упрашивали, ни усовѣщивали, онъ не слушалъ, а еще болѣе озорничалъ. Его можно было унять только силою, но онъ былъ очень хитеръ, и если видѣлъ, что до него хотятъ добраться серьезно, сейчасъ начиналъ шутить, смѣяться, плакать такъ, что поневолѣ на него махали рукой.

Собакинъ за прошеніе милостыни былъ высланъ по этапу и лишенъ столицы на три года. Тогда онъ приходилъ сюда только на нѣсколько дней, чтобы получить пенсію; остальное же время бродилъ по окрестностямъ Петербурга, начиная отъ Царскаго Села до Чудова, а когда поспѣвали грибы, уходилъ въ лѣсъ за Охту, гдѣ проживалъ до осени въ шалашѣ, собирая грибы и продавая ихъ на Пороховыхъ или на Охтѣ. Теперь его срокъ кончился, и онъ свободно прописался на квартирѣ у Степаныча.

Не смотря на всѣ причиняемыя имъ безпокойства, не смотря на его безграничное озорство, Степанычъ относился къ нему очень снисходительно, потому что Собакинъ болѣе другихъ оставлялъ денегъ въ его каморкѣ.

У самыхъ дверей, на отдѣльной скамейкѣ, занимала мѣсто Саша Столѣтова, по прозванію Пробка.

Сколько лѣтъ Пробкѣ, никто не зналъ, да она сама этого не знала. Ей можно было дать и сорокъ, и шестьдесятъ лѣтъ, потому что лицо ея на столько было обезображено, что даже самое время отказалось сдѣлать на немъ какой либо отпечатокъ. Пробка помнила только, что когда-то она была солдатскою дочерью и затѣмъ, давнымъ давно, уже приписана мѣщанкою въ Шлиссельбургѣ.

Пробка пала еще въ ранней молодости и долго находилась въ извѣстномъ тогда на Сѣнной «Малинникѣ», а когда поустарѣла, то хозяйка выгнала ее, и она скиталась въ Таировомъ переулкѣ, въ которомъ существовали заведенія еще грязнѣе, чѣмъ въ «Малинникѣ». Наконецъ, она стала уже негодна и для этихъ заведеній.

И вотъ она перешла въ Вяземскій домъ. Дни она стояла, какъ и теперь еще стоятъ подобныя ей женщины — въ кабакѣ; но ее и здѣсь уже стали обѣгать. Тогда она завела себѣ любовника, безногаго георгіевскаго кавалера, который заставилъ ее добывать ему деньги на пропой. Съ тѣхъ поръ Пробка начала «стрѣлять», но она не заходила дальше Сѣнной. Ея благотворители были исключительно сѣнновскіе торговцы, мясники, рыбаки, зеленщики, селедочники и другіе.

Пока былъ живъ ея кавалеръ, онъ изъ своего пенсіона платилъ по третямъ за квартиру за себя и за нее, а она обязана была приносить ему каждый день торбу хлѣба, говядины для щей и шесть гривенъ денегъ. Когда ей случалось не принести положенной контрибуціи, онъ ее билъ немилосердно и такимъ образомъ выбилъ ей

лѣвый глазъ, всѣ зубы и переломилъ переносье. А сколько доставалось ея бокамъ, спинѣ и т. п. — нечего и говорить: я думаю, ни одна ломовая лошадь подъ кнутомъ пьянаго извозчика не вынесла того, что выпало на долю Пробки. Но она оставалась жива: отъ нея, какъ будто, отскакивали побои, и, вѣроятно, поэтому она и получила названіе Пробки.

Лѣтъ семь назадъ, Пробка попала въ комитетъ для призрѣнія нищихъ. Ее назначили къ высылкѣ, и она, по совѣту своего возлюбленнаго, пожелала отправиться на его родину, въ Ростовскій уѣздъ, Ярославской губерніи, куда и онъ обѣщался пріѣхать; но вскорѣ послѣ ея высылки заболѣлъ и съ пьянства умеръ.

Пробка, потерявъ возлюбленнаго, недолго нажила на мѣстѣ высылки и возвратилась, именемъ Христовымъ, опять въ Петербургъ. Но ей плохо везло. Ее разъ восемь уже возвращали въ Ростовъ, такъ какъ, напившись, она буянила и попадала въ полицію.

Рваная, грязная, безобразная, съ растрепанными волосами, Пробка, шатаясь по корпусамъ сѣнновскихъ торговцевъ, кричала, пѣла пѣсни и не хуже любого мужика ругалась. Мясники, зеленщики и молодые ребята, ради развлеченія, навѣшивали на нее разныя украшенія въ родѣ бараньяго хвоста, свиного уха и т. п., обливали водой, пачкали лицо грязью, а иногда украшали лентами, цвѣтами.

Пробка ходила на Сѣнную разъ пять въ день и каждый разъ приносила корзину мелкихъ обрубковъ говядины, рыбы, зелени, рваныхъ селедокъ и проч. Все набранное она тотчасъ же распродавала въ Вяземскомъ домѣ, а деньги пропивала.

Степанычъ, отчасти изъ жалости, а болѣе изъ-за того, что Пробка немало пропивала у него въ каморкѣ и каждый день исправно платила пятаки за ночлегъ, держалъ ее безъ прописки, а когда бывали обходы, то высылалъ ее въ коридоръ, гдѣ она забивалась за мусорныя корзины, или пряталъ её подъ нары, застанавливая сундуками.

Я уже упоминалъ, что въ нашей квартирѣ проживали по большей части стрѣлки-нищіе, тряпичники и разные мастеровые. Но положительно можно сказать, что во всей нашей квартирѣ, исключая хозяина, не было ни одного безусловно трезваго человѣка. Иной, бывало, и не пьетъ мѣсяца полтора и два, но потомъ какъ зарядитъ, то ужъ не выходится до тѣхъ поръ, пока не пропьетъ съ себя все, и пока хозяинъ не перестанетъ вѣрить.

Рѣдко случалось, чтобы у насъ въ квартирѣ было тихо; особенно при получкахъ и во время праздниковъ происходилъ такой содомъ, что описать трудно.

Исключая своихъ жильцовъ, къ Степанычу ходило много посторонняго народа, то выпить, то съ закладами, а потому, въ праздники, въ квартирѣ у насъ народъ толпился точно въ кабакѣ на ярмаркѣ, съ тою только разницею, что тамъ хотя и шумно, но нѣтъ такого безобразія и наглаго цинизма.

Особенно отличались у насъ выходящимъ изъ ряда безобразіемъ дни Пасхи и Рождества Христова.

Уже наканунѣ этихъ праздниковъ не было ни одного трезваго человѣка, а въ самые праздники попойки начинались съ ранняго утра. Гдѣ ни посмотришь — на столѣ, на нарахъ, вездѣ стоятъ сороковки; квартиранты въ самомъ неприглядномъ дезабилье ораторствуютъ, поютъ пѣсни, пляшутъ. По мѣрѣ того, какъ хмель начинаетъ кружить головы, собесѣдники дѣлаются, судя по характеру, или дружелюбнѣе, или ожесточеннѣе, — въ одномъ углу цѣлуются, а въ другомъ—уже схватились драться, при чемъ какъ тѣ, такъ и другіе орутъ во всю мочь.

Ни одинъ праздникъ не проходилъ безъ большого скандала, нерѣдко бывали довольно крупныя драки, при чемъ противники не щадили другъ друга: бѣлье и одежда летѣли клочьями, носы разбивались въ кровь, подъ глазами навѣшивались фонари; но эти наружныя украшенія являлись только придатками къ тому, что попадало въ грудь и въ бока. Бабы, большею частью, старались вцѣпляться въ бороды. Иногда эти драки отзывались тяжелыми послѣдствіями для здоровья участниковъ, которыхъ приходилось отправлять въ больницу.

Но не только въ праздники у насъ бывали побоища, и не одни пьяные затѣвали драки. Самъ хозяинъ на свою руку охулки тоже не клалъ, особенно когда страдали его интересы. Вотъ одинъ изъ примѣровъ его расправы съ виноватымъ предъ нимъ человѣкомъ.

Одинъ изъ корзинщиковъ Вяземскаго дома заложилъ Степанычу за рубль и за сороковку сапоги, съ условіемъ при выкупѣ заплатить двадцать копеекъ процентовъ. Не имѣя чѣмъ выкупить, онъ захотѣлъ ихъ продать и для этой цѣли привелъ съ собою двухъ барышниковъ, надѣясь выкупить сапоги и дополучить съ нихъ на похмелье. Дѣло не сладилось: съ барышниками онъ не сторговался, и сапоги остались у Степаныча. Въ это время Степанычъ и хозяйка куда-то отвернулись, а корзинщикъ, видя, что за нимъ никто не смотритъ, схватилъ сапоги и удралъ. Хватились сапоговъ и побѣжали розыскивать. Корзинщика поймали на дворѣ, но сапоговъ при немъ уже не было — онъ успѣлъ ихъ кому-то передать. Тогда Степанычъ съ женою притащили корзинщика въ квартиру.

— Гдѣ сапоги?

— Я не знаю,—отвѣчалъ корзинщикъ.— Я не бралъ. Утащили, должно быть, барышники.

— Какъ барышники? Ты, такой, сякой, утащилъ! Снимай пальто! — кричалъ Степанычъ.

Овладѣвъ пальто, Степанычъ схватилъ корзинщика за волосы, повалилъ на нары и началъ бить сперва кулаками, а потомъ сбросилъ его на полъ и продолжалъ топтать ногами. Тутъ только я вспомнилъ его слова: «Я бить не буду по рылу. А я сдѣлаю тепленькимъ и мякенькимъ; будетъ помнить, какъ начнетъ кашлять».

Степанычъ билъ несчастнаго воришку въ грудь каблуками. Тотъ просилъ прощенія, плакалъ, обѣщался заплатить, но Степанычъ не унимался и билъ до тѣхъ поръ, пока измучился.

Мѣсто его заступила хозяйка. Хотя она и очень здоровая баба, но скоро устала и отбила себѣ руки. Тогда она схватила желѣзный прутъ и, не смотря ни на просьбы, ни на моленья, ни на стоны несчастнаго, била его этимъ прутомъ, пока совсѣмъ не измучилась.

Болѣе получаса продолжалось истязаніе. Хозяинъ и хозяйка по нѣсколько разъ принимались бить корзинщика и до того остервенѣлись, что страшно было на нихъ смотрѣть.

Болѣе полувѣка я прожилъ, видалъ много злыхъ, безжалостныхъ людей; видалъ, какъ бьютъ мазурики; видалъ, какъ бьютъ арестанты, но никогда не приходилось мнѣ видѣть, чтобы женщина могла до такой степени разсвирѣпѣть.

Но на что всего прискорбнѣе и возмутительнѣе было смотрѣть, такъ это на одиннадцатилѣтняго сына этихъ достойныхъ родителей. Все время, пока продолжалось истязаніе несчастнаго, мальчишка стоялъ съ толстымъ наметельникомъ и безпрестанно совалъ его то отцу, то матери въ руки.

— Вотъ папа, вотъ мама,—кричалъ мальчишка,—вотъ чѣмъ его надо бить, мазурика! Вотъ этимъ его лучше проберешь; а то руками-то его бить только измучишься.

На что зачерствѣлыя сердца были у нашихъ жильцовъ, но и изъ нихъ многіе уходили, отвертывались, зажимали уши, чтобы не видѣть и не слышать этого побоища. Никто изъ насъ не осмѣлился въ это время сказать ни единаго слова разъяреннымъ хозяевамъ, потому что большая половина квартирантовъ находилась въ полной зависимости отъ нихъ, а независимые — слабосильны и боятся за свою шкуру.

Наконецъ, несчастнаго выбросили за дверь въ одной рубашкѣ. Какъ онъ добрался къ себѣ, я не знаю.

— Ну, ужъ досталось же ему,—говорилъ Степанычъ,—не пропадай мое даромъ. Теперь сытъ будетъ. Пожалуй, и не миновать больницы. Вотъ такъ-то лучше, а то, что тутъ, веди въ участокъ, да послѣ путайся съ нимъ, ходи къ мировымъ; а ноньче судъ-то каковъ... и онъ только махнулъ рукой.

Впрочемъ, подобныя побоища въ этомъ домѣ были не рѣдкость, и въ нашей квартирѣ они случались не въ первый разъ; бывало, иной послѣ драки уходилъ въ больницу и уже болѣе не возвращался.

Это послѣднее время моего пребыванія въ Вяземскомъ домѣ я велъ себя также очень слабо, какъ и прежде: случалось такъ, что недѣли по двѣ и болѣе я пьянствовалъ и пропивалъ съ себя все до послѣдней нитки. Но, благодаря Бога, я еще не погрязъ совсѣмъ, и мнѣ крайне надоѣла эта безпутная жизнь. Я постоянно искалъ

случая вырваться изъ трущобы и измѣнить свое положеніе. Конечно, это легко можно было сдѣлать: это зависѣло отъ меня самого; но я, при всемъ желаніи, не могъ совладать съ своею слабостью и взять себя въ руки.

Я давно имѣлъ мысль сдѣлаться книгоношею — торговать мелкими книгами въ провинціи. И мнѣ хотѣлось торговать не тѣми книгами, которыми обыкновенно торгуютъ владимірскіе офени. Я желалъ разносить изданія святѣйшаго синода, общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія, комитета грамотности, и другія популярныя, но полезныя книги. Я сознавалъ, что отъ этой торговли не можетъ быть большой выгоды; но мнѣ хотѣлось попробовать провести это полезное, по моему понятію, дѣло въ провинціи.

Я многимъ высказывалъ объ этомъ моемъ желаніи, и всѣ его одобряли. Но у меня не было средствъ осуществить мою мысль, а мои знакомые опасались помочь мнѣ въ этомъ предпріятіи. Да оно и понятно: люди, знавшіе всю мою жизнь, знавшіе мою слабость, хотя и вѣрили въ искренность моего желанія, но все-таки должны были предполагать, что я и на этомъ дѣлѣ не устою твердо. Да я и самъ за себя крѣпко ручаться не могъ; мнѣ только думалось, что при этомъ занятіи я былъ бы вдали отъ тѣхъ случайностей, которыя такъ часто заставляли меня искать утѣшенія въ чаркѣ.

Наконецъ, для меня случайно мелькнула надежда осуществить мое желаніе. Наканунѣ праздника Пасхи меня посѣтили въ Вяземскомъ домѣ три господина: П—ко, С—ко и М—кій. Они меня раньше не знали, обо мнѣ имъ сообщилъ К., и интересовались они совсѣмъ не мною, а тою трущобою, въ которой я жилъ. Но все-таки они знали о моемъ положеніи и на праздникъ принесли мнѣ довольно приличный костюмъ, который я и носилъ все лѣто.

Изъ этихъ господъ дружелюбнѣе другихъ отнесся ко мнѣ С—ко. Я, между прочимъ, высказалъ ему о своемъ желаніи бросить трущобу и идти въ провинцію торговать книгами. Онъ принялъ это, повидимому, къ сердцу и пообѣщалъ помочь выполнить мое желаніе. Чрезъ недѣлю С—ко сообщилъ мнѣ, что моему предпріятію сочувствуетъ и П—ко, и даже предлагаетъ чрезъ его посредство снабдить меня нужнымъ для этого товаромъ изъ склада «Посредникъ». Это было совершенно вѣрно. П—ко, по словамъ С—ко, въ день своего отъѣзда за границу, написалъ письмо Э—лю и просилъ его выдать мнѣ квитанцію на полученіе товара изъ склада.

Но я не дождался этой квитанціи и въ концѣ мая уѣхалъ въ Угличъ, попросивъ моего племянника получить назначенную мнѣ квитанцію, набрать по ней народнаго товару и выслать мнѣ на родину.

Но этому не суждено было осуществиться: впослѣдствіи оказалось, что никакой квитанціи на мое имя не было.

Я поспѣшилъ въ Угличъ потому, что мнѣ хотѣлось посмотрѣть тамъ на торжество освященія вновь реставрированнаго дворца царевича Димитрія.

Я пріѣхалъ туда за день до торжества и былъ пораженъ чистотою города и какою-то суетливою дѣятельностью нашихъ гражданъ. Къ этому дню ожидали прибытія великаго князя Сергія Александровича, ярославскаго губернатора, архіепископа и другихъ почетныхъ гостей.

Можно сказать, что съ самаго начала своего существованія Угличъ никогда такъ не украшался и не чистился, какъ украсился къ этому дню. Постоянно мусорный и въ послѣдніе десятки лѣтъ какой-то полуразрушенный, онъ на этотъ разъ былъ неузнаваемъ. Всѣ церкви, торговые ряды, дома и заборы были починены и выкрашены; тротуары исправлены, улицы выметены и вездѣ насыпанъ былъ песокъ. Работа всюду такъ и кипѣла, и положительно не хватало рукъ, хотя на это время разныхъ мастеровъ, какъ-то: штукатуровъ, маляровъ и прочихъ, понаѣхало болѣе чѣмъ вдвое противъ другихъ годовъ. За городскимъ рыжичникомъ оборвали почти всѣ кусты черники и брусники, чтобы надѣлать вѣнковъ и гирляндъ для украшенія домовъ. Всѣ домовладѣльцы запаслись флагами, болѣе богатые — выписали ихъ изъ Петербурга, а бѣднякамъ ихъ выдала городская управа. Ученики городскихъ училищъ въ первый разъ еще облечены были въ форму и въ фуражки съ вензелями. Дѣвочки и пріютскія дѣти также были одѣты въ новые костюмы.

Цѣлыхъ три дня происходили репетиціи. По лѣстницѣ, отъ пароходной пристани, устроенной на этотъ разъ противъ дворца, разставляли дѣтей — учили ихъ привѣтствовать высокихъ гостей, бросать имъ подъ ноги цвѣты и пѣть гимны. На площади между соборомъ и городскою управой выѣзжали экипажи, которые должны были участвовать въ церемоніи. Тутъ были коляски, кареты и пролетки, запряженныя одною, двумя и тремя лошадьми. Около этихъ экипажей на рѣзвомъ иноходцѣ гарцовалъ г. Т — въ. Это былъ очень ловкій и красивый господинъ изъ военныхъ, въ Турецкую кампанію служившій подъ начальствомъ Скобелева, а теперь занимавшій должность акцизнаго чиновника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоявшій въ нашемъ городѣ устроителемъ и распорядителемъ всѣхъ церемоній, спектаклей и т. п. Т — въ по нумерамъ выкрикивалъ кучеровъ и указывалъ каждому, гдѣ онъ долженъ занять мѣсто во время церемоніи. Затѣмъ онъ нѣсколько разъ быстрою рысью пропускалъ экипажи, а собравшуюся толпу заставлялъ махать шапками и какъ можно громче кричать ура. Тутъ же на площади разставляли охрану, состоявшую изъ гражданъ Углича, волостныхъ

старшинъ и крестьянъ: послѣдніе раздѣлялись на двѣ категоріи — одни были почетные, т. е. тѣ почтенные, зажиточные мужички, которые шли въ охрану безплатно, а другіе назывались рублевые, такъ какъ нанимались отъ земства по рублю.

Однимъ словомъ, угличане выбивались изъ силъ какъ бы роскошнѣе и торжественнѣе встрѣтить высокихъ гостей и провести этотъ многозначительный для нихъ день.

Я не буду описывать самаго торжества потому, что объ немъ уже писали во многихъ газетахъ наѣзжавшіе тогда корреспонденты, и даже вся церемонія воспроизведена была въ рисункахъ. Но все-таки слѣдуетъ сказать, что торжество было вполнѣ удачно, даже величественно. Не знаю, какое впечатлѣніе вынесли посторонніе люди, пріѣхавшіе на этотъ праздникъ, что же касается угличанъ, то они были, что называется, въ восторгѣ отъ своего праздника.

Теперь я перейду къ тому, какъ я провелъ это лѣто на родинѣ, и что мнѣ удалось узнать и увидать въ провинціи.

Я уже говорилъ, что у меня на родинѣ не было никого близкихъ, кромѣ мачихи и ея зятя вдовца. Но послѣдняго я до этого года совершенно не зналъ, потому что въ то время, когда я жилъ въ упомянутомъ выше «Батумѣ», мнѣ было совѣстно заявлять ему о своей личности. На этотъ же разъ, когда я пріѣхалъ, какъ настоящій питерякъ, въ приличномъ костюмѣ, я не преминулъ ему отрекомендоваться, и мы съ нимъ скоро сошлись, даже побратались.

Этотъ мой зять живописецъ: онъ держитъ нѣсколько человѣкъ мастеровыхъ и занимается преимущественно работами по церквамъ. Въ это время работы у него производились въ уѣздѣ, тамъ же находилась и моя мачиха, исправляя у него должность хозяйки.

На день торжества она также пріѣзжала въ Угличъ, а на другой день пригласила меня погостить къ нимъ въ село Никольское, чему, конечно, я былъ очень радъ, потому что на самомъ дѣлѣ мнѣ въ Угличѣ проживать было негдѣ.

Село Никольское, или, какъ его иначе называютъ, Николы Мокраго, находится въ двадцати верстахъ отъ Углича, въ сторонѣ отъ большой Ярославской дороги. Оно расположено не въ особенно благопріятной мѣстности — кругомъ его мѣста лѣсистыя и болотистыя. Но мнѣ, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ столицѣ, гдѣ я жилъ преимущественно въ грязныхъ и вонючихъ квартирахъ, здѣсь очень понравилось.

Въ первые дни я много гулялъ по полямъ и ходилъ на рѣчку купаться, но затѣмъ мнѣ вздумалось ознакомиться и съ самымъ селомъ.

Село Никольское прежде принадлежало къ Юхотской вотчинѣ графа Шереметева. Оно не особенно большое, въ немъ считается съ небольшимъ 30 дворовъ крестьянскихъ, и въ прежнее время,

не смотря на то, что у крестьянъ было несравненно болѣе земли, а графскій оброкъ не доходилъ и до 6-ти рублей съ души, село это, по словамъ стариковъ, только и славилось одною церковію, крестьяне же жили такъ себѣ, посредственно; не было такихъ богачей, какіе были въ другихъ селахъ и деревняхъ этой волости.

Въ настоящее время село это процвѣтаетъ. Въ немъ находятся канцелярія и квартира становаго пристава, почтовое отдѣленіе, волостное правленіе и волостной судъ и довольно большое двухклассное училище. Въ немъ есть два трактира и четыре лавки. Но торговый народъ преимущественно пришлый, и можно сказать, что только этотъ торговый народъ и богатѣетъ, остальные же крестьяне и теперь живутъ вообще небогато. Съ приливомъ народа хотя цивилизація и коснулась нѣсколько этого села, но выразилось это только подражаніемъ модѣ. Никольское можно теперь считать какъ бы уголкомъ провинціальнаго города. Въ немъ уже не встрѣтишь сѣраго мужичка: всѣ ходятъ въ пиджакахъ и въ пальто, а женщины еще болѣе подражаютъ городской модѣ.

Годъ тому назадъ въ Никольскомъ былъ большой пожаръ. Сгорѣло болѣе тридцати домовъ. Пожаръ этотъ случился отъ поджога, который учинилъ свой же односельчанинъ за то, что общество за прежнія его—далеко неблаговидныя и вредныя—продѣлки грозило выслать его на поселеніе. Впрочемъ, когда я тамъ жилъ, со времени пожара хотя и истекало пять мѣсяцевъ, но дѣло это еще не разбиралось, и судъ не установилъ виновности поджигателя,— онъ содержался еще подъ предварительнымъ арестомъ.

Не смотря на то, что, по разсказамъ очевидцевъ, пожаръ былъ ужасный,— у многихъ сгорѣло не только все имущество и вся домашняя птица и скотъ, но были и человѣческія жертвы: сгорѣли четыре человѣка,—все-таки пожаръ этотъ, какъ крестьянамъ, такъ и другимъ погорѣльцамъ, не принесъ большаго убытка. Помимо того, что погорѣльцы получили страховыя и пособіе отъ казны по 15 рублей на домъ, къ нимъ еще со всѣхъ сторонъ стекались частныя пожертвованія, какъ деньгами, такъ и имуществомъ.

Надо сказать, что въ старые годы Юхотская Шереметевская вотчина славилась богачами, преимущественно торговцами въ Петербургѣ и въ Москвѣ (да и теперь еще очень многіе изъ нихъ имѣютъ тамъ большія заведенія), и потому погорѣльцы, главнымъ образомъ, и направили свои просьбы къ землякамъ. Подаянія были щедрыя. Присылали не только деньгами, но и одеждой и разнымъ домашнимъ скарбомъ. Всѣ погорѣльцы повыстроили дома гораздо лучше тѣхъ, которые у нихъ сгорѣли. Но, кромѣ того, мужички сами признавались, что на тѣ же подаянныя деньги они почти все лѣто гуляли.

Эти пожертвованія, быть можетъ, и еще бы увеличились, если бы мужички вели себя поскромнѣе — поменьше гуляли на пожертво-

ванныя деньги, а другія лица не пересаливали бы въ своихъ просьбахъ.

Не имѣя въ Никольскомъ никакихъ занятій, я также часто заходилъ на кладбище,—перечитывалъ и записывалъ интересовавшія меня надписи на памятникахъ. Всѣ эти надписи, какъ я могъ замѣтить, воспроизводились въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, какъ будто въ то время на нихъ существовала мода, а раньше и позже этого времени некому было ихъ писать. Для примѣра приведу нѣкоторыя изъ записанныхъ мною эпитафій:

1) Сей камѣнь Вѣчной,
надъ могилой положенъ
Отъ Жалости Сердечной
Родныхъ и Всехъ друзѣй.

Дѣвица Колкунова 87 лѣтъ скон. 66 г.

---

2) Супруга іерея Александра.
се памятникъ печальн
сокрыта здѣсь въ землѣ
Екатерина его достойная
жена ума и сердца въ ней
доброты сполна сілно
угоденъ Богу тотъ кто
жилъ такъ какъ она.
Постой заплачь дитя
се Катенька лежитъ
чувствительный супругъ
здѣсь прахъ ея сокрылъ,
съ надеждою отрадъ въ ней
на вѣки схоронилъ
и съ смертію ея къ нему
смерть его бѣжитъ.
Увы! прочтя сіе
кто трогаться не станетъ
чье сердце не вздохнетъ
и чья слеза не канетъ.

Ты Катя оставя супруга и дѣтей на 50 году на небо переселилась къ создателю твоему природы всей проживъ со мною 32 лѣта на вѣкъ сокрылась въ 27 день августа 1858 года.

3) Здѣсь лежитъ дрожайшая дѣтямъ мать
которую намъ до общаго воскресенія не видать.
ставимъ памятникъ сей не для сего украшенья
и просимъ Бога о душѣ ея прощенья
почто же и мы сей участи смертной не страшимся
по времени и сами въ той же гробѣ вселимся.
сей памятникъ воздвигнутъ любящими дѣтьми ея.

Акилина Табунный скон. въ 1852 г.
(Орѳографія подлинниковъ).

У меня записано и еще нѣсколько подобныхъ эпитафій, но полагаю, что для примѣра и этихъ довольно.

Хотя въ Никольскомъ есть и достаточно образованные люди, какъ, напримѣръ, становой приставъ, почтмейстеръ, два учителя, два молодыхъ священника и два діакона, но мнѣ съ ними не пришлось хорошо познакомиться и сойтись. Да я и вообще мало съ кѣмъ сходился, мало бывалъ и въ компаніи, но не могу умолчать, что въ этомъ селѣ привлекъ мое вниманіе простой мужикъ-трактирщикъ Ѳ. С. М—въ.

Моз—въ уроженецъ не тамошній, онъ тоже заѣзжій человѣкъ въ этомъ селѣ, какъ и прочіе торговцы; но онъ проживаетъ здѣсь болѣе тридцати лѣтъ и давно уже сдѣлался общественникомъ этого села.

Не смотря на то, что весь свой вѣкъ онъ провелъ за стойкой и этимъ составилъ себѣ капиталъ, все-таки онъ сохранилъ въ себѣ на столько доброты и честности, что заслужилъ уваженіе и почетъ почти всей волости и всѣхъ знающихъ его людей. Хотя торговля водкою и составляетъ его промыселъ, но онъ не только никогда и никого не втравлялъ въ пьянство, а даже удерживалъ крестьянъ отъ него. Нерѣдко случалось, что онъ отъ загулявшаго мужика отбиралъ имѣвшіяся у него деньги и тутъ же посылалъ за его бабой, которой и передавалъ ихъ. Кромѣ того, къ Маз—ву прибѣгаетъ почти вся бѣднота за одолженіемъ, и онъ, почти никогда не отказывая, ссужаетъ подъ обезпеченіе или просто на слово, и не беретъ ни съ кого никакихъ процентовъ. Человѣкъ онъ не образованный, но грамотный и любитель просвѣщенія: все свободное время онъ проводитъ за книгами или за газетами, а дѣтей своихъ обучаетъ въ гимназіи. Это единственный кулакъ, котораго мнѣ пришлось встрѣтить, сохранившій въ себѣ совѣсть и добрую душу. И я объ немъ вывожу не собственное свое мнѣніе, а общій голосъ, именно то, что слышалъ отъ всѣхъ знающихъ его людей.

Мой зять по своимъ дѣламъ часто ѣздилъ въ Угличъ и по другимъ селамъ нашего уѣзда. Я почти постоянно сопровождалъ его въ этихъ поѣздкахъ, и онѣ мнѣ доставляли большое развлеченіе потому, что я могъ видѣть новыя мѣста, новыхъ людей и хотя отчасти знакомиться съ ними.

Въ Угличъ мы пріѣзжали обыкновенно не надолго—только за покупками матеріаловъ или по другой какой надобности; а потому о своемъ родномъ городѣ мнѣ теперь писать нечего. Въ жизни его, по окончаніи торжествъ, мало что измѣнилось: пошла такая же спячка, какъ и прежде; только ожиданіе странной азіатской гостьи заставило угличанъ еще нѣсколько почиститься. Къ торжеству они чистились снаружи, а теперь пришлось очищать и внутри.

Нѣкоторымъ нашимъ гражданамъ, привыкшимъ уже къ родной грязи, это казалось излишнимъ. «Это доктора все выдумываютъ,—

говорили они, — имъ дѣлать нечего, много ужъ ихъ больно, а служить-то негдѣ, вотъ они и выдумали холеру. А понашему, ежели Богъ не попуститъ, такъ никогда ничего не будетъ, а ежели посылаетъ Господь что за грѣхи наши, такъ ужъ никакой санитаріей не убережешься». Но, благодаря Бога, немного было у насъ людей съ такими понятіями,—большинство признавало пользу санитаріи и других убѣждало ея придерживаться.

Но здѣсь, можетъ быть, нелишнимъ будетъ упомянуть, что у насъ, въ Угличѣ, во вновь реставрированномъ дворцѣ царевича Димитрія устроивается, по примѣру Ростова, музей церковныхъ и историческихъ древностей, и это обстоятельство породило новый типъ барышниковъ. Я знаю человѣкъ пять и болѣе, которые оставили свои прежнія торговыя занятія и принялись исключительно отыскивать антики. Эти античники скупаютъ все, начиная съ древнихъ иконъ, рукописей и кончая битыми изразцами и поломанными старыми прялками. Нѣкоторые изъ нихъ не ограничиваются одною нашею мѣстностію, но разъѣзжаютъ отыскивать старинныя вещи и по другимъ городамъ. И дѣйствительно имъ попадаются иногда довольно рѣдкіе предметы; но вмѣстѣ съ тѣмъ они зачастую пріобрѣтаютъ и такой хламъ, какой въ Петербургѣ на развалкѣ ни во что не цѣнится. Впрочемъ, у нихъ на все находятся покупатели — часть своихъ товаровъ они продаютъ тутъ же для музея, а прочее сбываютъ въ Ростовъ или въ Москву.

Средства нашего музея еще очень скудны, а потому коллекція находящихся въ немъ предметовъ не велика и не богата, если и можно въ немъ встрѣтить цѣнныя и рѣдкія вещички, то всѣ онѣ дарственныя.

Въ уѣздѣ намъ чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, приходилось бывать въ селѣ Большомъ Ильинскомъ.

Село это находится на большой дорогѣ, идущей изъ Углича въ Ростовъ. Оно хотя и называется большимъ, но на самомъ дѣлѣ очень не велико: въ немъ считается только 22 двора. Но въ немъ есть почтовое отдѣленіе, волостное правленіе, двухклассное училище и богатая церковь, при которой три священника. Въ немъ есть также нѣсколько трактировъ и другихъ торговыхъ заведеній, а по воскресеньямъ бываетъ порядочный базаръ.

Село это, не смотря на малочисленность его коренныхъ обывателей, довольно богатое, какъ по постройкамъ, такъ и потому, что изъ числа его крестьянъ есть не только люди состоятельные, но и капиталисты.

Впрочемъ, не одно это село, но и вся Ильинская волость считается богатою, и народъ въ ней такъ же, какъ и въ Юхотчинѣ, достаточно просвѣщенный. Крестьяне этой волости живутъ преимущественно на сторонѣ, кто въ Москвѣ, кто въ Петербургѣ, и почти исключительно торговцы—овощенники, мелочники, мясники и зеленщики.

Въ Ильинскомъ мы постоянно останавливались у трактирщика Р. К. Г — ва, о которомъ я уже упоминалъ въ описаніи моего этапа. На этотъ разъ мнѣ пришлось поближе познакомиться съ этимъ дѣловымъ и предпріимчивымъ человѣкомъ.

Г—въ уроженецъ не этого села, а изъ деревни, отстоящей отъ него верстахъ въ трехъ. Въ молодости своей онъ жилъ въ Петербургѣ въ овошенной лавкѣ и скопилъ тамъ небольшія деньжонки. Пріѣхавъ на родину въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, т. е. въ то самое время, когда кончилась откупная система, онъ открылъ въ Ильинскомъ питейное заведеніе. Въ то время патенты на торговлю питіями были дешевые, да и водка—также; къ тому же и торговля ею велась совершенно безконтрольно; а потому въ скоромъ времени Г—въ порядкомъ разбогатѣлъ отъ этой торговли.

Чрезъ нѣсколько времени онъ приписался въ Ильинское общество и взялъ себѣ надѣлъ земли. Но не надѣлъ его прельщалъ; ему хотѣлось имѣть голосъ въ селѣ и сдѣлаться въ немъ и во всей волости заправилою. Дѣйствительно, въ скоромъ времени его стали избирать на разныя общественныя должности, и, наконецъ, онъ попалъ въ волостные старшины. Въ старшинахъ онъ прослужилъ, какъ самъ мнѣ разсказывалъ, тринадцать лѣтъ; да, можетъ быть, служилъ бы и сейчасъ, если бы не новое положеніе, по которому торгующіе питіями теперь не могутъ быть избираемы на общественныя должности.

Въ Ильинскомъ, около самаго церковнаго погоста, было очень топкое мѣсто — настоящее болото. Г—въ, какъ семейный мужикъ, облюбовалъ это мѣсто и выпросилъ его у общества въ свою собственность, въ обмѣнъ того надѣла, который онъ имѣлъ. Крестьяне были рады, что онъ имъ отдастъ свою удобную пахотную и сѣнокосную землю и беретъ отъ нихъ болото. Но Г—въ хорошо зналъ, что дѣлалъ. Онъ прежде всего выкопалъ большой прудъ и спустилъ въ него разлившуюся по всей мѣстности воду, а эту мѣстность сталъ заваливать щебнемъ и разнымъ мусоромъ съ пескомъ, и въ скоромъ времени здѣсь образовалась очень большая и ровная площадь. Такъ какъ это мѣсто прилегаетъ почти къ самой церковной оградѣ, у которой въ базарные дни располагались всѣ торговцы, то Г—въ на своемъ мѣстѣ устроилъ питейное заведеніе и трактиръ, а затѣмъ открылъ и лавку, въ которой продаются всевозможные товары; въ проѣздѣ же, противъ церковной ограды, Г—въ выстроилъ торговые ряды въ видѣ крѣпкихъ и просторныхъ помѣщеній. Купцы, наѣзжающіе изъ Углича въ Ильинское торговать, наняли у него эти помѣщенія, потому что они въ самомъ дѣлѣ лучше и удобнѣе тѣхъ деревянныхъ навѣсовъ, которые они прежде нанимали отъ церкви. Тутъ можно помѣстить товару несравненно больше, а иной тяжелый товаръ, какъ, напримѣръ, соль и т. п., можно оставлять до слѣдующаго базара.

Черезъ это удобство базары въ Ильинскомъ стали улучшаться, да и самое село стало процвѣтать. Г—въ нажилъ солидный капиталъ. Ему валились деньги отовсюду — и отъ общественныхъ должностей, которыя онъ занималъ, и отъ аренды за свои помѣщенія, и отъ собственной торговли. Теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ было болото, у Г—ва красуется очень большой двухэтажный домъ, въ которомъ помѣщаются овошенная и мелочная лавка, нисколько не уступающая столичнымъ, довольно просторный и негрязный трактиръ съ садомъ, а далѣе понастроены флигеля, въ одномъ изъ которыхъ находится этапный домъ,— и разныя службы, а между всѣми этими постройками, вокругъ того пруда, въ который онъ спустилъ воду изъ болота, разведенъ очень не дурный садъ, въ упомянутомъ же проѣздѣ, противъ церковной ограды, онъ теперь возводитъ уже каменные торговые ряды.

Впрочемъ, не смотря на умъ и предпріимчивость, въ Г—вѣ всетаки виденъ кулакъ: онъ при всякомъ удобномъ случаѣ готовъ пользоваться обстоятельствами и, не выходя изъ границъ законности, способенъ прижать всякаго. Если ему и приходится дѣлать что либо полезное и доброе для другихъ, то и это онъ старается сдѣлать съ задпею мыслію — или изъ тщеславія, или изъ-за того, чтобы впослѣдствіи получить пользу.

Рядомъ съ селомъ Ильинскимъ, чрезъ небольшой ручей, находится земля крестьянина-собственника М—на.

М—нъ родился въ нищетѣ: мальчишкою онъ нанимался на лѣто въ подпаски, зимою ходилъ по міру, а въ молодости былъ что-то въ родѣ прислужника при Ильинской церкви и, понаучившись отъ кого-то серебренію ризъ на иконы, занимался и этими подѣлками. Мастеръ онъ, говорятъ, былъ очень плохой, но за то обладалъ способностію угодить и прислужиться каждому человѣку.

Лѣтъ пятнадцать и болѣе назадъ, по Ильинской волости славился, какъ своимъ богатствомъ, такъ и вліяніемъ крестьянинъ села Воскресенскаго-Порѣчья, извѣстный въ Петербургѣ придворный поставщикъ — царекъ, какъ его называли, всѣхъ мелочниковъ [1]) — Филимонъ Кирсановичъ Соколовъ. Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ удалось М—ну подвернуться на глаза этому богачу, я достовѣрно не знаю, но только Соколовъ замѣтилъ въ немъ способности не мастероваго, а ловкаго торговца и, взявъ къ себѣ въ Петербургъ, поставилъ буфетчикомъ въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ заведеній.

Но не всегда бываетъ способенъ въ столицѣ тотъ, кто въ деревнѣ считается дѣловымъ человѣкомъ: тутъ мало одной ловкости и услужливости, а нужно быть еще и спеціалистомъ—имѣть опытъ

---

[1]) Имѣвшій въ столицѣ болѣе шестидесяти мелочныхъ лавокъ, кабаковъ и другихъ торговыхъ заведеній.

въ дѣлѣ. Такъ случилось и съ М-нымъ. Онъ, не смотря на свою расторопность, не могъ исправлять возложеннаго на него дѣла. Но все-таки онъ не потерялъ ни довѣрія, ни расположенія своего хозяина, и послѣдній могъ ему только сказать: «ты, братъ, здѣсь не годишься, а поѣзжай-ка опять въ деревню, я у себя въ селѣ открою тебѣ кабакъ».

Опытный Соколовъ не ошибся. М—нъ въ деревнѣ дѣйствительно сдѣлался на столько ловкимъ торговцемъ, что сумѣлъ опутать и своего хозяина. Торговалъ онъ въ селѣ довольно порядочно, но такъ, что хозяинъ для себя пользы не видѣлъ, а потому и предложилъ ему пріобрѣсти открытое имъ заведеніе, съ условною выплатою, въ собственность. М-ну только это и нужно было. Но его средства были не велики, притомъ же ему слѣдовало платить по условію; а между тѣмъ, во что бы ни стало, ему хотѣлось быть капиталистомъ. Для достиженія своей цѣли М—нъ не былъ разборчивъ на средства и прежде всего поддѣлался къ одной пожилой вдовѣ, у которой было тысячи три рублей, и женился на ней. Имѣя въ своихъ рукахъ женины деньги, онъ, зная по опыту, что въ Ильинскомъ на большой дорогѣ дѣло вести будетъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ въ Воскресенскомъ, купилъ себѣ рядомъ съ селомъ пустую и неудобную землю и выстроилъ на ней большой домъ, въ которомъ, по примѣру Г—ва, открылъ трактиръ и лавку.

Первое время онъ жилъ съ женою хорошо, былъ очень ласковъ и уважителенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сошелся также и съ ея братомъ, у котораго тоже былъ капиталецъ въ тысячи двѣ рублей. Онъ задумалъ воспользоваться и его капиталомъ и для этого предложилъ ему сдѣлаться компаніономъ въ своихъ предпріятіяхъ, конечно, породственному — на слово, безъ всякихъ формальныхъ условій. Родственникъ былъ не дальновиденъ и, повѣривъ М—ну, какъ близкому человѣку, вручилъ ему весь имѣвшійся у него капиталъ.

Забравъ отъ жены и отъ шурина деньги и укрѣпивъ все имѣніе за собою, М—нъ не сразу, а постепенно началъ къ нимъ охладѣвать и придираться, а затѣмъ чрезъ нѣсколько времени совершенно отстранилъ ихъ отъ всякаго вмѣшательства въ свое хозяйство.

Наконецъ, онъ довелъ дѣло до того, что шурина совсѣмъ не сталъ принимать къ себѣ, жену выжилъ изъ дома, давъ ей небольшую избушку на задворкахъ, а самъ завелъ любовницу.

Теперь М—нъ ведетъ свои дѣла отлично. Въ трактирѣ и въ лавкѣ онъ торгуетъ недурно и, кромѣ того, черезъ дорогу, противъ своего дома, на имѣющейся у него тамъ землѣ, выстроилъ еще большой домъ, который приноситъ ему также хорошій доходъ, потому что въ немъ находится почтовое отдѣленіе и квартиры почтмейстера и земскаго врача.

Какъ торговецъ, онъ замѣчательно поддѣлистый человѣкъ, —

знаетъ, какъ кому уважить, какъ съ кѣмъ обращаться; даже нищихъ и тѣхъ онъ умѣетъ завлекать къ себѣ.

Въ началѣ іюля мой зять отправилъ часть своихъ мастеровъ на работу въ село Губачево и просилъ меня ѣхать съ ними для присмотра. Губачево находится въ сорока верстахъ отъ Углича и немного въ сторонѣ отъ большой Ростовской дороги. Село это довольно порядочное, въ немъ 60 дворовъ, и расположены они на четыре посада вокругъ церковнаго погоста. Всѣ строенія, хотя и не отличаются красотою, но за то просторны и прочны: здѣсь я не видалъ ни одной обветшалой или покосившейся избушки. Мѣстность вокругъ села очень красивая и здоровая, высокая, гористая и лѣсистая. Жители села мнѣ тоже очень понравились: здѣсь еще сохранилась старинная русская патріархальность и простота. Крестьяне отъ стараго до малаго вообще почтительны, скромны и добродушны. Съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ я всегда смотрѣлъ на дѣтей, которыя при встрѣчѣ съ взрослыми, хотя бы и совершенно незнакомыми, непремѣнно снимутъ шапку и поклонятся. Это мнѣ напоминало то старое время, когда я былъ маленькимъ, и у насъ въ Угличѣ заставляли дѣтей отдавать почтеніе старшимъ.

Въ двухъ или въ трехъ верстахъ отъ Губачева, за большою дорогою, есть деревня Кожлево, и въ этой деревнѣ находится довольно богатая лавка купца-крестьянина В. М. Щер—ва. Мнѣ не разъ приходилось тамъ бывать за разными покупками и, между прочимъ, познакомиться съ дѣятельностью этого предпріимчиваго и смѣтливаго человѣка.

Щер—въ сначала занимался тѣмъ, что скупалъ по деревнямъ яйца и перепродавалъ ихъ раньше въ Угличѣ, а потомъ возилъ въ Москву и въ Петербургъ. Какъ человѣкъ дѣятельный и аккуратный, онъ при этой торговлѣ скопилъ деньжонки и открылъ лавку въ торговомъ селѣ Высоковѣ, отстоящемъ отъ его деревни въ восьми верстахъ, и затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ торговля его стала расширяться, онъ и въ своей деревнѣ тоже устроилъ лавку.

Но не эта торговля доставила ему громкую извѣстность по окрестности, а то, что Щер—въ при своей торговлѣ открылъ что-то въ родѣ почтоваго отдѣленія: онъ началъ принимать письма для отправленія и получать ихъ съ почты для передачи окрестнымъ крестьянамъ. Всегда точный и аккуратный, онъ никогда не задерживалъ корреспонденціи и безотлагательно отправлялъ данныя ему письма и передавалъ по назначенію получаемыя, чѣмъ и заслужилъ расположеніе своихъ земляковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличилъ обороты своей торговли.

Письма, денежные пакеты и посылки, отправляемыя на Щер—ва, всегда попадаютъ въ руки настоящаго получателя скорѣе, чѣмъ если бы были посланы прямо на имя послѣдняго, потому, что Щер—въ не пропускаетъ ни одного почтоваго дня и всегда аккуратно, въ день

прихода и отправленія почты, является въ почтовое отдѣленіе въ Борисоглѣбскую слободу, отстоящую отъ его деревни верстахъ въ тридцати. Отправитель простаго письма, принеся ему оное и заплативъ за марку 8 копеекъ, какъ и вездѣ за нихъ платится въ частной продажѣ, можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что его письмо не залежится и съ первою почтою будетъ отправлено; такой же порядокъ ведется и съ денежными пакетами и съ посылками, но только тогда взимаются проценты за отправленіе.

При получкѣ же простыхъ писемъ адресатъ платитъ Щер—ву по 3 коп. за каждое, а при получкѣ денежныхъ пакетовъ и цѣнныхъ посылокъ получатель обязанъ платить ему также процентъ съ рубля, а если корреспонденція на большую сумму, то берется и ½ процента.

Крестьяне, производящіе свою переписку чрезъ Щер—ва, находятъ это очень удобнымъ и выгоднымъ по крайней мѣрѣ потому, что имъ не приходится тратить время на проѣздъ въ почтовое отдѣленіе. А Щер—ву это дѣло и еще болѣе выгодно, такъ какъ количество получаемыхъ имъ съ почты простыхъ писемъ почти постоянно бываетъ около трехъ сотъ штукъ въ недѣлю, денежныхъ пакетовъ въ недѣлю получается до сотни, а посылокъ нѣсколько десятковъ. Отправленіе же простыхъ писемъ бываетъ и болѣе трехъ сотъ въ недѣлю, но денежныхъ пакетовъ и посылокъ менѣе, чѣмъ получается.

Такое дѣло, какъ мнѣ разсказывалъ его сынъ, особенно если оно ведется въ порядочныхъ размѣрахъ, выгодно еще и потому, что, кромѣ извѣстнаго процента, который оно приноситъ за отправку и пріемку корреспонденціи, каждый адресатъ невольно дѣлается и ихъ покупателемъ.

Большинству крестьянъ, для которыхъ Щер—въ получаетъ деньги, приходится и кредитоваться у него же; но онъ никогда изъ получаемыхъ съ почты денегъ не удерживаетъ своего долга,— развѣ только при передачѣ пакета напомнитъ о немъ. Впрочемъ, онъ самъ ежегодно передъ Нижегородскою и Ростовскою ярмарками уѣзжаетъ собирать долги въ Москву и въ Петербургъ къ тѣмъ должникамъ, которые живутъ при какомъ либо дѣлѣ, а семейства ихъ у него кредитуются.

У Щер—ва пять сыновей. Троихъ старшихъ онъ съ дѣтства отвозилъ въ Петербургъ для обученія торговлѣ, и каждаго изъ нихъ отдавалъ въ разныя торговыя заведенія: такъ старшій у него отданъ былъ въ овощенную и зеленную лавку, второй—въ желѣзную и скобяную, а третій — въ кожевенную. По мѣрѣ того, какъ они дѣлались способными понимать то дѣло, къ которому пріучались, онъ бралъ ихъ домой и тамъ вручалъ торговлю каждому по его спеціальности. Но послѣднихъ двухъ сыновей онъ уже пріучаетъ къ дѣлу около ихъ братьевъ. Теперь у Щер—ва, кромѣ

Высокова и Кожлева, имѣется еще торговля въ селѣ Давыдовѣ Ростовскаго уѣзда, и во всѣхъ трехъ мѣстахъ принимается и выдается корреспонденція. Годичные обороты по торговлѣ у него доходятъ до восьмидесяти тысячъ въ годъ. Но все-таки русскій торговецъ не можетъ вести дѣло безусловно честно. Такъ и Щер—въ. Имѣя въ своихъ рукахъ постоянно тысячи чужихъ денегъ, онъ не утянетъ, не задержитъ ихъ, не станетъ порочить своего имени; но при торговлѣ не прочь обсчитать или обвѣсить, и если видитъ, что заборщикъ не можетъ обойтись безъ его кредита, то съ такимъ уже мало церемонится. Такому заборщику сойдетъ и залежалый и даже попорченный товаръ, да и цѣну онъ возьметъ дороже, чѣмъ за хорошій. Конечно, самъ Щер—въ этими мелкими отпусками мало занимается: у него по горло и болѣе нужнаго дѣла, но это продѣлываютъ его дѣти и, безъ сомнѣнія, съ его вѣдома.

Этимъ я закончу свои воспоминанія. Довольно. Теперь мнѣ и въ самомъ дѣлѣ надо подумать, какъ вѣкъ доживать.

Н. Свѣшниковъ.

ВЪ ВАГОНѢ ТРЕТЬЯГО КЛАССА.

НА ОДНОЙ изъ станцій N—ской желѣзной дороги въ 12 часовъ ночи я сѣла въ вагонъ 3-го класса. Народу было много, преимущественно сѣренькаго. Бабы-кружевницы, мастеровые, рабочіе, тѣснились съ своими узлами; нѣкоторые, жалуясь на тѣсноту, перебранивались: другіе же, смѣясь, пробирались куда попало. Было холодно. Рѣзкій зимній вѣтеръ врывался каждый разъ, какъ отворялась дверь вагона, и пронизывалъ до костей. Я жалась въ своемъ углу и съ нетерпѣніемъ ждала отхода поѣзда. Наконецъ раздался послѣдній звонокъ, локомотивъ засвистѣлъ, и мы тронулись. Въ вагонѣ стало душно и шумно: кричали, спорили, ругались... Однако, погодя немного, вся эта движущаяся масса начала успокоиваться и скоро совсѣмъ затихла, угомонилась... Настала тишина. Мнѣ взгрустнулось: вспомнилась сестра, единственный дорогой и близкій мнѣ человѣкъ во всемъ Божьемъ мірѣ! Наша разлука, чужіе, неизвѣстные люди, къ которымъ я ѣхала служить... Сердце сжалось, и тревожныя, неотвязчивыя мысли тѣснились въ головѣ моей. Вдругъ шепотъ двухъ пассажировъ, сидѣвшихъ противъ меня, привлекъ мое вниманіе. Одинъ изъ нихъ, повидимому, былъ крестьянинъ, въ лаптяхъ, оборванный, въ холодномъ засаленномъ зипунѣ. На испитомъ, но выразительномъ и симпатичномъ лицѣ его лежалъ отпечатокъ забитости и горя. Другой, сосѣдъ его, былъ старенькій, маленькій, отставной солдатъ. Крошечное, скомканное лицо его, казалось, ничего не выражало, кромѣ заботы объ его узлѣ, который, какъ посылка, былъ наглухо зашитъ. Онъ то

и дѣло ощупывалъ его, помѣстивъ рядомъ съ собою; самъ онъ кое-какъ приткнулся на лавкѣ, обхвативъ свое сокровище руками. Я невольно стала наблюдать за ними и прислушиваться къ ихъ разговору.

Лапотникъ жаловался на свое бездолье солдатику, который лаконически отвѣчалъ ему: «ишь ты! поди-жъ ты!» и при этомъ снималъ стараго образца военную фуражку и поглаживалъ ладонью свои стриженые, гладко приставшіе къ темени, волоса. Лапотникъ говорилъ:

— Пойми ты, служивый, вѣдь я тоже Божій человѣкъ, а для чего люди меня гонятъ, пьяницей корятъ? Рази я виноватъ? Я не самъ,— жена довела, до всего она, паскудница, довела меня.

Солдатикъ икнулъ и равнодушно сказалъ:— Ишь ты! жена, баба — поди-жъ ты!

— Вотъ ты, служивый, и разсуди. Дѣло было такъ: служилъ я на фабрикѣ, неподалеку отъ нашей деревни, и кажинный, то-есть, праздникъ должоиъ былъ пріѣзжать домой, отдавать отцу заработокъ; такое, значитъ, у насъ положеніе было. Ничего. Только разъ отецъ потребовалъ меня до срока, и не успѣлъ я, то-есть, въ избу ввалиться, какъ онъ напустился на меня:— «Будетъ тебѣ байбы бить, хочу оженить тебя».— Я такъ и взвылъ:— Смилуйся, говорю, батька, какой же я, то-есть, мужъ?—Мнѣ въ тѣ поры еле семнадцать сравнялось. Былъ я парень тихій, смирный. Баловства тамъ, либо чего другого—ни, ни! А бабы — этого самаго, прямо тебѣ сказать, боялся. И говорю я ему: оставь, молъ, батюшка, эти самые разговоры; я, то-есть, во вѣкъ не оженюсь, и баста.— «Да какъ ты смѣешь разговаривать-то»?—крикнулъ батька.—«Да кто, молъ, родилъ-то тебя? Кто кормилъ? Да виданное ли дѣло, чтобъ съ твово дурачества изба безъ бабы оставалась? Жена умерла, старшій сынъ безъ мово родительскаго благословенья въ Питерѣ оженился, а мнѣ тута некому ни рубахи выстирать, ни обѣда состряпать! По чужимъ что-ль избамъ скитаться? Пора, молъ, вамъ поспокоить меня. Отецъ я вамъ али нѣтъ?»—И не успѣлъ я рта разинуть, какъ онъ заоретъ: «Еще разговаривать?»—да лясь меня въ щеку. «Ахъ, ты, ублюдокъ, да я тебя тутъ распластаю, коли ты ослушаешься моей воли!» Тяжелъ былъ нашъ батька-то, золъ, а такимъ-то разъяреннымъ я его еще николи не видывалъ!

— Поди-жъ ты, приказалъ! Ну и что-жъ ты?—спросилъ солдатикъ.

— Что? Извѣстно что! Рази — говорю — смѣю, молъ, перечить твому отцовскому приказу? Молъ, радъ всѣмъ сердцемъ угодить тебѣ, да только врядъ ли дѣвку-то найду: мнѣ, молъ, не токмо что свататься, а и глядѣть-то на нихъ жутко! Тутъ батька усмѣхнулся: «Ненадоть, молъ, тебѣ приглядывать-отъ дѣвку-то,— самъ нашелъ! Знатная, дебелая, здоровая; работница отмѣнная! и по лѣтамъ

подходить: 20-й сравнялся!» — «Ладно, говорю, да только какъ же дѣло-то фабричное я брошу?» — «Для че, баитъ, бросать? Оженишься и опять на фабрику пойдешь!» Вижу — не увернуть. Отецъ никакихъ, то-есть, резоновъ въ толкъ не беретъ. А жениться мнѣ, и Боже, какъ не хотѣлось! Да што подѣлаешь—сила! Чай, ндравъ-отъ отца мнѣ хорошо былъ извѣстенъ! Ему, братъ ты мой, коли что влетитъ въ башку — шабашъ! Что дѣлать? почесалъ я затылокъ, махнулъ рукой и порѣшилъ.

— Ишь ты — порѣшилъ!—ввернулъ солдатикъ.

— Да, братъ, порѣшилъ! Въ вечеру того-жъ дня и къ невѣстѣ отецъ повелъ меня. И надоть тобѣ сказать, служивый, шелъ я туда, какъ на плаху. Ничего, то-есть, въ толкъ не возьму, какъ, значитъ, съ ней, съ невѣстой-то быть? Въ глазахъ рябитъ, по спинѣ мурашки...

— Ишь ты! Страшно было?—сказалъ солдатикъ.

— Страшно было, братъ! Да только ничего: опосля пообошелся. Невѣста была дѣвка красивая, высокая, что солдатъ въ юбкѣ! Мать тожъ — старуха обходительная. Ну, ничего. Сѣли вечерять. Пирогъ съ горохомъ на столъ поставили, водку. Невѣста такъ это вальяжно меня угощаетъ, водку подставила. Въ тѣ поры я, вишь, непьющій былъ — ну, извѣстно, выпилъ чарку, двѣ... откуда смѣлость взялась? Разговорились, ну, и пошелъ, и пошелъ... Таково это распрекрасно, весело. Старики тожъ промежъ собой разболтались. Только мнѣ ужъ больно жарко стало, я и уйди въ сѣни, а она, невѣста-то, за мной, заигрываетъ, трется подлѣ... А меня, другъ ты мой, еще пуще въ жаръ бросаетъ... Никакъ вся кровь поднялась! И самъ не знаю, что со мной сотворилось... я возьми, да и хвати ее кулачищемъ по спинѣ-то: она только крякнула. Ну, извѣстно, сталъ щикотать... визжитъ... смѣется, да ближе жмется ко мнѣ... Тутъ ужъ я не взвидѣлъ свѣта, кровь въ голову ударила; не выдержалъ, обнялъ и сталъ цѣловать ее. Никакъ, что новое почуялъ... Прижимаю ее крѣпче, крѣпче, да шепчу: свадьбу бы скорѣе играть, свадьбу... не могу, молъ, люблю тебя, касатка...

Солдатикъ снялъ картузъ и еще усерднѣе сталъ приглаживать волосы.

— Черезъ недѣлю, то-есть,—продолжалъ лапотникъ,—и свадьбу сыграли. Узналъ я тогды, понялъ, что эфто за распрекрасное житье, то-есть, съ бабой! И лучше-то ничего на свѣтѣ нѣтъ! и ненадоть тобѣ ни золота, ни царства, окромя жены разлюбимой... Эхъ, да недолго пришлось намъ баловаться-то! Приказалъ батька ѣхать въ обратный, на фабрику. Ни жива, то-есть, ни мертва въ тѣ поры жена ходила да молила меня: «Ванюша, голубчикъ, возьми меня съ собой, не бросай ты меня тутова! Свекра боюсь я?» — «Для че, говорю я, бояться? Батько добрый, ты лишь угоди ему — обижать не станетъ! Самъ, вишь, устроилъ наше житье при-

вольное! Безъ него, то-есть, чурбанъ чурбаномъ остался бы — все онъ навелъ!» А жена знай свое... заливается слезами, и баста! Христомъ Богомъ молитъ взять съ собой. — Ну, куда я, молъ, возьму тебя? Самъ тамъ угла людскова не имѣю! Опять тоже избу безъ хозяйки оставлять не приходится... Аль нанимать стать стряпуху, когда своя, молъ, дома есть? — Говорю это, а самому жалко ее оставить, и, Боже, какъ жалко! Изнываетъ баба, и все тутъ... на ногахъ не стоитъ... Вижу—плохо дѣло. Хотѣлъ къ отцу идти,— глядь, а онъ самъ шасть въ избу, да какъ крикнетъ-то: — «Эй, Ванька, забылъ, что ли, што нынче въ обратный ѣдешь? Ишь не въ пору-то раскалякался. Тащи узелъ, я ужъ лошадь заложилъ, да поворачивайся живѣе-то: у самого есть дѣло спѣшное!» Гляжу— грозенъ батька. Ну, я и не посмѣлъ ему перечить. Живо собрался, простился наскоро съ женой и вышелъ. Тронули... Ничего. Только замѣчаю я, — мы въ сторону беремъ... Я и говорю: батюшка, забылъ, что ли, дорогу-то на фабрику? — не туда воротишь! — «Да я, баитъ, не на фабрику, а на чугунку тебя везу». — «Для че?» — спрашиваю. — «Такъ невыгодно. Съ эфтой самой фабрикой я ужъ порѣшилъ, нашелъ тобѣ лучше мѣсто въ Москву, на сахарный заводъ. Ужъ и уговоръ подписалъ — на вотъ»,—и сунулъ мнѣ свертокъ за пазуху. «Тамъ, баитъ, все найдешь: куда и къ кому явиться; тожъ паспортъ и деньги на дорогу». Я вспомнилъ жену, да такъ и замеръ. А онъ никакъ догадался. «За жену, говоритъ, не бойся, я буду блюсти. Черезъ годъ воротишься, заработаешь, такъ, пожалуй, и совсѣмъ дома останешься». Да хлыстъ лошадь. «Слышь, баитъ, никакъ машина свиститъ? Надотъ поспѣшать!» Хотѣлось мнѣ сказать ему, что было на душѣ, да не успѣлъ: живо подкатили къ станціи, билетъ заторопились брать, а тутъ ужъ второй звонокъ. Некогда было и попрощаться; кондукторъ впихнулъ меня въ вагонъ, и машина двинулась.

Отставной солдатъ снялъ фуражку, погладилъ голову, крякнулъ и сказалъ: «Ишь ты, на годъ! поди-жъ ты!».

— Не на годъ, другъ ты мой, а на цѣлыхъ три угодилъ онъ меня!—съ отчаяніемъ въ голосѣ сказалъ лапотникъ.

Солдатикъ опять погладилъ темя, но ничего не сказалъ, только вынулъ тавлинку, замѣнявшую ему табакерку, щелкнулъ двумя пальцами по крышкѣ, открылъ, взялъ щепотку табаку, напихалъ имъ носъ и предложилъ то же сдѣлать сосѣду, но тотъ отказался...

Настало молчаніе. Лапотникъ пощупалъ за пазухой, вынулъ небольшой штофъ, отпилъ прямо изъ горлышка и осторожно спряталъ его обратно; потомъ мотнулъ отчаянно головой и продолжалъ:

— Эхъ! старичекъ ты мой! Что только она, эта самая жена моя, мнѣ сдѣлала!—убить ее мало!

Солдатикъ засовался на мѣстѣ, снялъ пылинку съ рукава и началъ откашливаться въ руку.

— Пойми ты, служивый: жилъ я въ Москвѣ скромно... А вѣдь могъ бы: тамъ соблазну не мало! Да все то я грѣхомъ почиталъ! Вся, то-есть, забота моя была деньгу скопить, семью соблюсти, по чести да по совѣсти прожить! И надоть тобѣ знать—возвращался я съ большимъ заработкомъ. Думалъ: вотъ когда мы заживемъ привольно-то! Вѣришь ли: сердце такъ и прыгало отъ радости повидаться съ ней, съ женой-то!.. А она, паскудница!.. Нѣтъ, и таперь, вишь, духъ-то занимается, какъ вспомню... Одно слово,—засталъ я дома двухъ ребятишекъ пригульныхъ... и жену тяжелую!

Солдатикъ крякнулъ и отвернулся.

— Не стерпѣлъ я, — продолжалъ свою повѣсть лапотникъ,—не стерпѣлъ и кинулся бить ее, мерзавку. Тутъ отецъ вступился, отнялъ: «Что, молъ, подлецъ ты этакій, буянить что-ль сюда пріѣхалъ? Такъ я не позволю; живо тебя сокращу и бабу тиранить не дамъ. Вишь ты—обидѣлся!.. Да не самъ ли ты причина этому? Не самъ ли три года пропадалъ? Извѣстно, она—баба молодая... Не въ монастырь, чай, записалась, чтобъ терпѣть-то!». Тутъ я ему ввернулъ: «не по своей, молъ, охотѣ пропадалъ, на то твоя воля была! Пришли молъ вѣсточку, что жена загуляла—все бы бросилъ, чтобъ только отъ эфтого срама-то уйти!». Говорю, а слезы у меня такъ съ глазъ и льются... «И полно, Ванька, не плачь, не будь бабой!» ужъ съ добрымъ сердцемъ говоритъ мнѣ батька. «Не велика, вишь, потеря-то! Не ты первый, не ты и послѣдній! Стерпи... прости ее»!... и вышелъ вонъ. Тутъ я къ женѣ подступилъ: «скажи, молъ, съ кѣмъ гуляла, чтобъ знать, на комъ зло выместить?». Говорю это, а самого лихоманка трясетъ... въ глазахъ круги пошли... Кажись, все нипочемъ! А она молчитъ да плачетъ. «Что ты каменная что-ль? Говори, шельма, съ кѣмъ байстрюковъ-то пригуляла? Ну же, признавайся, паскудница!» да какъ пхну ее со всей силы — она такъ и треснулась объ уголъ головой, заревѣла, повалилась мнѣ въ ноги и шепчетъ: «Не спрашивай, касатикъ! Не спрашивай! Не могу, видь, сказать-то, не смѣю!». Непереносно, то-есть, стало мнѣ ея запирательство, не стерпѣлъ я: схватилъ ее за косы и сталъ таскать. Ребята заревѣли; я вышвырнулъ ихъ. Казалось мнѣ въ тѣ поры, что, коли узнаю, легче станетъ. Къ женѣ, то-есть, никакой жалости. Одно слово, злодѣйка она мнѣ, и все тутъ. А она все молчитъ. «Что, потаскуха, говорю ей, отмолчаться хочешь?». И захотѣлось мнѣ хоть на ней сердце-то сорвать... Вотъ, очертя голову, я и накинулся на нее. Ужъ я ее тиранилъ, билъ чѣмъ попадя, о земь ударилъ и сталъ ногами топтать. А она какъ застонетъ, жалостно такъ, ажно сердце во мнѣ упало. Вмигъ я опомнился и говорю ей ласково: «Слушай, жена, коли ты безъ утайки мнѣ скажешь правду, кто мой злодѣй, все прощу тебѣ, а коли солжешь—убью, какъ собаку, и покаяться не дамъ!». Знать, былъ я въ тѣ поры страшенный: какъ глянула она на меня, такъ и взвыла: «охъ, говоритъ, что съ тобой, мой ба-

тюшка? На тебѣ лица нѣтъ, трясешься весь, да бѣлый, какъ мертвецъ!»... А я шепчу: «скорѣй, скорѣй говори!». «Извѣстно, баитъ, скажу, смѣю ли тебѣ перечить, рази сердце мое стерпитъ молчать, коли ты желаешь? Пусть тотъ меня убьетъ: ничего — скажу! Все одно грѣха не замолить-то!»... Говоритъ она, а я все тороплю ее: «скорѣй, скорѣй, молъ, развяжи ты мою душу, говори, кто мой злодѣй?». «Такъ знай же, Ванюша,—рыдая молвила мнѣ она,—тотъ ворогъ, что душу грѣхомъ мнѣ опаскудилъ, тотъ злодѣй, что разбилъ наше счастье и стыдомъ тебя покрылъ,—мой свекоръ, а твой отецъ!». Какъ услыхалъ я это — такъ на меня столбнякъ нашелъ, и руки опустились... «Врешь!» говорю. — «Христомъ Богомъ клянусь!»—побожилась она. «Эхъ, Ванюша, знать для своей потѣхи онъ повѣнчалъ-то насъ! Тебя услалъ, чтобъ всякую защиту у тебя отнять, да на свободѣ тѣшиться надо мною!.. Ему что?.. Ему лишь блажи бы угодить, а Богъ да совѣсть—нипочемъ! Охъ, чуяло тогды мое сердечко! Вѣдь съ того съ самаго дня, какъ ты уѣхалъ, онъ покоя мнѣ не давалъ!.. Сначала ласкою да съ подарками сталъ подъѣзжать, а тамъ придираться началъ... попрекать... бить... я все терпѣла, все ждала тебя... Прошло полгода; нѣтъ ни тебя, ни вѣсточки, а свекоръ проходу мнѣ не даетъ; извелась я, измучилась въ конецъ! Только разъ какъ-то приходитъ онъ и говоритъ: «Вотъ ты стараешься вѣрной женой быть Ванькѣ-то, а онъ мнѣ отписалъ, что знать тебя не хочетъ, что нашелъ въ Москвѣ мамзель, молъ, получше тебя мужички». Я сначала не повѣрила, да онъ вынулъ цидулку и сказалъ: «На, вотъ, дай кому ни на есть почитать-то... авось тогда и повѣришь!». Я, не помня себя, схватила цидулку и опрометью бросилась къ дьячку. Онъ почиталъ, и вышло все, какъ есть справедливо. Сначала я ревѣла, да кляла тебя, а тамъ ужъ и не знаю, какъ и что со мною подѣлалось... затменье ли нашло, свекоръ ли попреками заѣлъ, да побоями память-то отшибъ... не знаю... только жисть такая стала мнѣ не въ терпежъ! Жалко себя стало! За что, думаю, покинулъ меня мужъ? чѣмъ заслужила я такую мученическую долю? Досада взяла!.. пусть же, думаю, и я ему въ отместку—все одно, вѣдь отъ свекора мнѣ житья нѣтъ!.. Ну, и сдалась... да ужъ послѣ отъ людей узнала, что все то наговоръ лишь былъ! Что ты радѣлъ по мнѣ, что не по своей-то волѣ жилъ въ Москвѣ—ну, что-жъ, ужъ поздно было! Вотъ, Ванюша, вся тебѣ правда, какъ передъ Господомъ Богомъ, казни меня, коли на то твоя воля!.. Только я ничего не утаила!»... И снова повалилась мнѣ въ ноги. Слушаю я ее, а у самого звонъ въ ушахъ! Никакъ все это во снѣ! Ничего, то-есть, въ толкъ не возьму, сообразить не могу. Сердце замерло... не бьется... Слова сказать не могу... Точно, кто языкъ вырвалъ... точно, это не я, а кто иной, чужой мнѣ, непонятный человѣкъ. Что мнѣ сказать—не знаю... все забылъ. Вдругъ въ избу вошелъ отецъ. Я какъ взглянулъ на него, такъ мой разумъ и вовсе затмился... Злоба загорѣ-

лась, кровь забушевала... Не помня себя, схватилъ я полѣно, да какъ тресну имъ батьку поперекъ башки, разъ, другой—онъ и повалился замертво!

Солдатикъ весело потеръ руки, какъ будто что нибудь пріятное услышалъ, и съ улыбкой сказалъ:

— Ишь ты! замертво! Ну, ничего... поди-жъ ты! заслужилъ!—и сталъ гладить темя.

— Да просто таки убилъ я его! — продолжалъ лапотникъ. — А послѣ самъ на себя и въ судъ донесъ!

— Донесъ?!—переспросилъ солдатикъ,—ишь ты! ну, ничего, на совѣсти такъ-то покойнѣе!..

— Да, донесъ... въ тюрьмѣ сидѣлъ, съ конвоемъ по судамъ таскали... судили... ну, и присудили на каторгу въ Сибирь!

— Не оправдали? поди-жъ ты! Чудно! Вѣдь не намѣренное... снисхожденіе слѣдуетъ,—какъ бы самъ съ собой разсуждалъ солдатикъ.

— Ну, ничего,—продолжалъ лапотникъ,—срокъ отбылъ... выпустили на волю... да что мнѣ нонѣ въ волѣ-то этой? На что она мнѣ пригодна-то? Жена противѣла, землякамъ стыдно на глаза показаться... ну, и скитаюсь по бѣлу свѣту бездомнымъ сиротой! Эхъ, лучше-бъ тамъ навсегда... въ Сибири бы... покойнѣе жить съ такими же, какъ самъ... попрековъ меньше! Вѣдь прежняго не воротишь! А такъ-то, что за охота небо-то коптить? ну, на что я годенъ? Эхъ ма!.. и онъ вновь вытащилъ штофъ изъ-за пазухи, опрокинулъ его надъ ртомъ и долго такъ глоталъ; потомъ отнялъ, поглядѣлъ, покрутилъ головой и со вздохомъ сказалъ: «Э, да ужъ на днѣ... Ну, что-жъ? надо вновь раздобыть... да вотъ только, гдѣ денегъ-то найти? Ужъ весь-то заработокъ пропилъ!»

— Пропилъ? ишь ты!—сказалъ солдатикъ.

— Извѣстно пропилъ,—съ досадою молвилъ лапотникъ,—для че и работаю, какъ не для выпивки!.. Мнѣ нонѣ вся въ ней отрада!

Раздался свистокъ. Локомотивъ остановился. Я поспѣшила выйти на свѣжій воздухъ; мнѣ поскорѣй хотѣлось освѣжиться... разсѣяться... Когда я вновь возвратилась, лапотника въ вагонѣ уже не было, а солдатикъ усердно зашивалъ свой узелъ. Лицо его было смущено и грустно. Мнѣ стало жаль его, и я съ участіемъ спросила о причинѣ его горя. Но онъ упорно молчалъ. Въ это время подошелъ какой-то парень и объяснилъ мнѣ, что во время стоянки, когда солдатикъ выходилъ на станцію, его обокрали. Возвратясь, онъ нашелъ свой узелъ распоротымъ, и немъ недоставало какихъ-то вещей, но какихъ именно—солдатикъ не зналъ, и на всѣ предложенія осмотрѣть узелъ упрямо отказывался, говоря:

— Э, да что съ того? Вѣдь не найдешь!..

— Да что у тебя тамъ было?—вновь спросилъ его парень.

— Ишь ты! Многое было,—со вздохомъ сказалъ солдатикъ,—и

рубахи, и портянки, и сертукъ, подушка, и... поди-жъ ты, всего не перескажешь!

— Да все-жъ, братъ, надоть узнать, что именно взято-то у тебя?

— На что знать-то? Поди-жъ ты! все нужно, все мое!

— Да, може, у тебя ничего и не украдено, а такъ только, лишь ради шутки кто распоролъ его?—приставалъ парень.

— Ишь ты!—вскрикнулъ солдатикъ:—а отъ чего-жъ узелъ-то потоньшалъ? Поди-жъ ты! Рази я мѣру-то не помню!.. Э, да что тутъ!

— И кто бы могъ его обокрасть?—обратилась я къ парню, и въ головѣ моей блеснула мысль—лапотникъ.

— Да кто-жъ больше, какъ не сосѣдъ его?—сказалъ парень, какъ бы отвѣчая на мою мысль.—Я хорошо его знаю: вмѣстѣ въ артели работали... онъ и меня разъ обокралъ, да я живо все нашелъ; потому — въ артели это строго наблюдаютъ. Ну, попался — извѣстно сичасъ мы гуртомъ съ нимъ расправились... такую дерку задали, что и... хозяинъ разсчитать хотѣлъ, да мы упросили... что-жъ, съ одного вола, вишь, двухъ шкуръ не дерутъ. Отъ той поры закаялся во вѣкъ въ артели-то воровать... и точно, опосля николи нитки не тронулъ!

Тутъ многіе начали спорить, высказывать разныя предположенія; нѣкоторые совѣтовали солдатику дать знать на станцію, чтобы вора задержали и обыскали.

— Нѣтъ, нѣтъ!—встревожился солдатикъ:—ненадоть его задерживать... зачѣмъ? Не хочу!.. Ишь ты! На что? Ну, укралъ: ему грѣхъ, а тебѣ вдвое! Поди-жъ ты! На всякаго грѣшишь, а, може, то и не онъ.

— Какъ же не онъ?—обидѣлся парень—вѣдь онъ въ артели-то закаялся воровать-отъ, а такъ-то кто-жъ ему мѣшаетъ? Что онъ обокралъ тебя, служивый, такъ эфто вѣрно. Намъ извѣстно, что онъ—убивецъ, воръ, каторжникомъ былъ.

Тутъ солдатикъ вспыхнулъ и горячо сталъ защищать лапотника.

— И не грѣхъ тобѣ чернить человѣка-то!—упрекалъ онъ парня,—ишь ты: воръ, каторжникъ! Да ты, парень, поразсмотри, приглядь поближе, многіе ли изъ насъ-то честнѣе его? Молодъ ты, поживешь—узнаешь! Да иной-то каторжникъ почестнѣе будетъ другого почетнаго-отъ гражданина, либо тамъ начальника какого! Эхъ, всѣ мы на видъ-то честны, а копни—въ грязь замараешься! Поди-жъ ты!

— Какъ ужъ тамъ ни верти,—сказалъ парень,—а все-жъ онъ—убивецъ, отца порѣшилъ, аль не слыхалъ эфтого?

— Ну, такъ что-жъ? Поди-жъ ты, онъ наказаніе за это понесъ! Другой хуже его дѣлаетъ-то! Кажись, явно и не рѣшитъ человѣка жисти, а за то подкопами да издѣвкою, какъ змѣя, каждодневно его гложетъ, снущается надъ неповиннымъ, тайною злобой подточитъ, да прежде времени и сведетъ его въ гробъ! Поди-жъ ты! тожъ вѣдь убивство, да только тайное, безъ свидѣтелевъ, безъ суда,

безъ наказанія! А судъ, поди-жъ ты, лучше: онъ присудитъ, накажетъ... на совѣсти легче; а тутъ со грѣхомъ, со намѣреннымъ убивствомъ всю жисть человѣкъ живетъ. Внутри ему совѣсть сосетъ, душа изнываетъ... да поздно,—потому извелъ уже человѣка! Ну, и пусть терпитъ! А онъ въ горячахъ злодѣю возмездіе явно воздалъ, потому—довели его!..

— Что и говорить!—угрюмо отвѣтилъ парень:—всяко бываетъ!— и отошелъ къ товарищамъ.

Солдатикъ взглянулъ въ окно и сказалъ: «Ишь ты! Ивановку видно! Скоро и наше село!» потомъ ощупалъ узелъ, вздохнулъ и прошепталъ: «Обидѣли бѣдняка-то!»

Чтобъ нѣсколько утѣшить старика, я вынула изъ моей скудной кассы 30 копеекъ и подала ему.

— Спасибо, барышня,—улыбнувшись, сказалъ онъ мнѣ... въ баньку схожу... у насъ дешево... люблю баньку-то. Добрая вы душа: пожалѣли... Ишь ты! вѣдь узелъ-то для тѣхъ берегу, для махонькихъ-то!...

— У васъ дѣти есть или внучата?—спросила я его.

Солдатикъ какъ будто сконфузился и проговорилъ скороговоркой: «Куда тамъ!.. Хоть и не свои, а все-жъ какъ свои... И, барышня, всѣ мы подъ Богомъ-то!—снялъ картузъ и началъ усердно гладить темя.—Что дѣлать... та умерла... дѣти остались, поди-жъ ты! Внучата пошли... неповинны вѣдь, надо пригрѣть... глупы, ишь ты: дѣдомъ зовутъ. Ну, дѣдъ, такъ дѣдъ! Всѣмъ по дѣламъ воздается!

— А сами вы не были женаты?—спросила я, да послѣ ужъ и не рада была, что спросила. Солдатикъ вздрогнулъ и, почти злобно на меня взглянувъ, проговорилъ сквозь зубы:

— Да что вы, барышня, допытываете меня, словно священникъ на духу?

Потомъ съ досадой схватилъ свой узелъ и подошелъ къ двери, но сейчасъ же, какъ бы спохватясь, перемѣнилъ тонъ и мягко сказалъ:

— Надоть на полустанкѣ вылазить; свиститъ: сейчасъ машина остановится. Прощайте, барышня, спасибо вамъ!

И не успѣлъ локомотивъ остановиться, какъ онъ, открывъ проворно дверь, быстро, почти на лету, соскочилъ на платформу и побѣжалъ къ выходу старческими, мелкими шажками, ощупывая и поддерживая свой милый узелъ.

Безсонная ночь, разлука ли съ сестрою, лапотникъ, солдатикъ ли — не знаю, какая была причина, но мнѣ стало невыносимо тяжело!

М. Кирьякова.

ПАРТИЗАНЪ СЕСЛАВИНЪ.

(Біографическій очеркъ).

НАША историческая литература въ достаточной степени разработала матеріалы объ Отечественной войнѣ 1812, 1813 и 1814 годовъ.

Кому не извѣстно, что дѣйствія партизанскихъ отрядовъ, ихъ отважные неожиданные набѣги не мало способствовали успѣшному ходу этой истинно народной войны. Имена партизановъ Давыдова, Фигнера и Сеславина покрыты неувядаемою славою, которая будетъ безсмертно жить въ потомствѣ.

О первыхъ двухъ партизанахъ мы имѣемъ достаточно много свѣдѣній: ихъ подробныя біографіи дополняются рядомъ разсказовъ, характеризующихъ съ той или съ другой стороны этихъ героевъ славной эпохи 1812 года.

О партизанѣ Сеславинѣ, къ сожалѣнію, весь матеріалъ исчерпывается лишь самыми краткими чисто формулярными замѣтками, да двумя-тремя собственноручными его письмами, кое-гдѣ разбросанными въ историческихъ журналахъ и сообщенными его родственниками.

Между тѣмъ, партизану Сеславину принадлежитъ выдающаяся роль въ благополучномъ исходѣ всей кампаніи, и потому онъ болѣе, чѣмъ кто либо, имѣетъ право назваться доблестнымъ народнымъ героемъ отечественной войны.

Именно эта скудость біографическаго матеріала о Сеславинѣ и заставила меня, его двоюроднаго внука (прямого потомства парти-

занъ не оставилъ, такъ какъ онъ былъ холостъ), обобщить все то, что было уже говорено о немъ въ краткихъ замѣткахъ. Кромѣ того, нѣсколько собственноручныхъ писемъ партизана къ его родственникамъ, любезно предоставленныхъ въ мое распоряженіе роднымъ племянникомъ партизана, Константиномъ Николаевичемъ Сеславинымъ, надѣюсь, до извѣстной степени дополнятъ характеръ этой выдающейся личности.

Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что исторію партизанскихъ дѣйствій Сеславина по волѣ императора Николая I изъявляли желаніе писать многіе военные писатели, какъ, напримѣръ, Данилевскій, графъ Медемъ, Ратчъ и другіе, которые и обращались лично къ Сеславину, прося матеріала, но всѣ бумаги и документы, относящіеся къ этой войнѣ, были переданы Сеславинымъ своему бывшему адъютанту, который долженъ былъ, приведя ихъ въ порядокъ, выслать Сеславину въ Лондонъ, гдѣ онъ въ то время находился.

Этихъ цѣнныхъ и важныхъ бумагъ, «изъ которыхъ,— по словамъ Сеславина,— узнаютъ виновника движенія всѣхъ европейскихъ войскъ на Парижъ и голода до полутора милліона жителей и войскъ, тамъ находившихся», Сеславинъ не дождался, и онѣ были получены генеральнымъ консульствомъ уже по отъѣздѣ его въ Россію [1]).

Находятся ли эти бумаги въ настоящее время въ архивѣ консульства—неизвѣстно; если онѣ утрачены, то это весьма печально, такъ какъ, безъ сомнѣнія, онѣ пролили бы яркій свѣтъ не только на исторію партизанскихъ дѣйствій 1812 года, но и вообще на исторію всей кампаніи.

Партизанъ Александръ Никитичъ Сеславинъ принадлежалъ къ древнему дворянскому роду; предки его служили при дворѣ царя Василія III, и одинъ изъ нихъ былъ извѣстенъ, какъ лихой наѣздникъ и мѣткій стрѣлокъ, почему родовой гербъ Сеславиныхъ изображаетъ щитъ, по срединѣ котораго находится подкова, стрѣла и звѣзда.

Отецъ партизана жилъ въ г. Ржевѣ, Тверской губерніи, гдѣ занималъ должность городничаго.

Годъ рожденія партизана въ біографіяхъ указанъ не совсѣмъ точно; Александръ Никитичъ родился не въ 1781, а въ 1785 году, что видно изъ формулярнаго его списка, собственноручно имъ составленнаго для представленія на разсмотрѣніе государя императора предъ увольненіемъ его въ 1820 году отъ службы за ранами.

Первоначальное военное воспитаніе Сеславинъ получилъ въ артиллерійскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда и былъ произведенъ 18-го февраля 1798 года подпоручикомъ въ лейбъ-гвардіи артиллерійскій баталіонъ. Молодому подпоручику въ то время едва исполнилось тринадцать лѣтъ.

---

[1]) Русская Старина, 1878 года, сентябрь.

Выпускомъ въ гвардейскую артиллерію Сеславинъ былъ обязанъ счастливому случаю, а именно посѣщенію корпуса императоромъ Павломъ I.

Почти черезъ пятьдесятъ лѣтъ, въ письмѣ къ своему зятю, генералу Огареву, Александръ Никитичъ вспоминаетъ этотъ фактъ и пишетъ слѣдующее:

«Этотъ день для меня памятенъ тѣмъ, что онъ есть начало моего счастія въ первую половину кипящей дѣятельностью моей жизни. Надо все разсказать. Блаженной памяти государь, Павелъ Петровичъ, нѣсколько дней спустя послѣ рожденія его высочества Михаила [1]), пожаловалъ къ намъ въ корпусъ. Это было во второмъ часу, послѣ обѣда, когда кадеты играли на дворѣ и катались на конькахъ. Штабъ и оберъ-офицеры разъѣхались по домамъ обѣдать. Узнавъ о прибытіи государя, всѣ кадеты разбѣжались. Всегда смѣлый, я подошелъ къ государю и поцѣловалъ руку. Мнѣ было тогда 18 лѣтъ; я былъ прекрасенъ, какъ херувимчикъ. Поцѣловавъ меня, государь объявилъ, что онъ прибылъ поздравить кадетъ съ новымъ фельдцехмейстеромъ, и узнавъ, что я племянникъ того Сеславина, который служилъ у него въ Гатчинѣ, спросилъ меня, не желаю ли я служить у него гвардіи. Я отвѣчалъ, что желаю, но только съ братомъ, что нынѣ вашъ тесть» [2]).

Вслѣдъ затѣмъ въ томъ же письмѣ, прося Огарева «принять на себя трудъ поздравить его императорское высочество Михаила Павловича съ днемъ рожденія отъ него, какъ отъ перваго адъютанта, отъ котораго великій князь получилъ первый въ его жизни рапортъ», Сеславинъ разсказываетъ объ этомъ случаѣ слѣдующее:

«Черезъ нѣсколько дней мы были уже офицеры въ гвардейской артиллеріи. По повелѣнію его величества, я съ двумя орудіями, находясь всегда при лейбъ-баталіонѣ, ходилъ въ Гатчину, Павловскъ, Петергофъ. Вскорѣ потомъ меня назначили адъютантомъ, и на маневрахъ мнѣ пришлось придти въ палатку его величества съ рапортомъ къ фельдцехмейстеру. Увидя меня, мой шефъ спряталъ личико на грудь августѣйшей своей матери. Много стоило труда августѣйшему родителю уговорить упрямаго фельдцехмейстера, который плакалъ, кричалъ и барахталъ ножками, чтобы принялъ отъ меня рапортъ, и то не иначе, какъ отворотясь отъ меня и протянувъ назадъ ручку, въ которую я и вложилъ рапортъ».

Далѣе Сеславинъ прибавляетъ:

«Оставаясь навсегда съ благоговѣніемъ къ памяти въ Бозѣ почивающаго августѣйшаго моего благодѣтеля, который до конца своей жизни не преставалъ меня ласкать, я сохраняю мою приверженность къ августѣйшему его сыну, какъ къ виновнику моего

---

[1]) Великій князь Михаилъ Павловичъ родился въ 1798 году.
[2]) Николай Никитичъ Сеславинъ.

счастія въ юности моей. И если благоугодно будетъ его высочеству узнать обо мнѣ, прошу сказать, что я бодръ, здоровъ и свѣжъ; въ груди моей пылаетъ неугасимое пламя юныхъ лѣтъ».

Боевая дѣятельность Сеславина началась рано. Въ 1805—1807 годахъ онъ, состоя въ молдавской арміи подъ начальствомъ графа Каменскаго, ознаменовалъ себя рядомъ блистательныхъ подвиговъ, но въ концѣ 1807 года въ одномъ изъ сраженій, «будучи раздавленъ непріятелемъ», какъ сказано въ его формулярномъ спискѣ, долженъ былъ выйти въ отставку.

Въ 1810 году возгорѣлась война съ турками, и молодой герой вновь вступаетъ на службу въ лейбъ-гвардіи конную артиллерію и съ отрядами Уварова, Сабанѣева, Бахметьева и др. участвуетъ въ дѣлахъ при Силистріи, Разградѣ, Шумлѣ, Гаушкіой и наконецъ при штурмѣ Рущука.

Эта турецкая кампанія, которую императоръ Александръ I поспѣшилъ окончить, въ виду неминуемой войны съ Наполеономъ, снова покрываетъ славою имя Сеславина. Высочайшія благоволенія и прочія награды, въ числѣ которыхъ необходимо упомянуть и орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, доказываютъ, что личная отвага и храбрость его были оцѣнены по заслугамъ.

При штурмѣ крѣпости Рущука, Сеславинъ, ведя колонну Уварова, первый взошелъ на крѣпостной валъ, гдѣ и получилъ пулею рану на вылетъ въ сгибъ праваго плеча. Эта турецкая съ крестомъ пуля была подарена Сеславинымъ на память его другу Льву Александровичу Нарышкину.

Но вотъ наступаетъ 1812 годъ... Полный энергіи и мужества, Сеславинъ, будучи адъютантомъ князя Барклая де-Толли, всюду слѣдуетъ въ передовыхъ отрядахъ его арміи и принимаетъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ сраженіяхъ до Бородинскаго боя включительно.

Здѣсь, подъ Бородинымъ, непріятельская пуля тяжело ранила Сеславина, но, не смотря на рану, онъ не только не ушелъ съ поля сраженія, но черезъ два дня, а именно 26-го августа, подъ жестокимъ непріятельскимъ огнемъ, исполняя приказаніе главнокомандующаго, перемѣстилъ артиллерію и отнялъ у французовъ центральную батарею, причемъ первый бросился въ атаку[1]).

Чинъ полковника и крестъ св. Георгія 4-й степени былъ наградою герою за его безпримѣрную храбрость.

Когда вслѣдъ за симъ началась партизанская война, Сеславину, по предложенію князя М. И. Голенищева-Кутузова, было поручено сформировать отрядъ для самостоятельнаго дѣйствія.

Молодой партизанъ болѣе чѣмъ оправдалъ довѣріе Кутузова; своими смѣлыми и рѣшительными дѣйствіями онъ покрылъ без-

---

[1]) Высочайшая грамота на пожалованіе ордена св. Георгія 4-й степени. Приведена въ статьѣ М. И. Семевскаго «Партизанъ Сеславинъ», «Отеч. Зап.», 1860 г., № 4.

смертною славою свое имя въ такое время, когда вообще подвиги были не рѣдкость, и послѣдній ратникъ ополченія становился героемъ.

Чтобы болѣе ясно указать заслуги Сеславина въ партизанской войнѣ, необходимо въ краткихъ чертахъ ознакомиться ближе съ дѣйствіями и намѣреніями нашихъ войскъ послѣ Тарутинскаго боя, когда главнокомандовавшій арміями, фельдмаршалъ князь Кутузовъ, собралъ войска въ лагерь подъ Тарутино.

Счастье измѣнило Наполеону. Проигранное сраженіе и пораженіе авангарда подъ начальствомъ Мюрата заставили великаго полководца отдать приказъ объ отступленіи.

Кутузовъ, собравъ главныя силы подъ Тарутинымъ, отказался отъ преслѣдованія врага; онъ отлично понималъ, что въ данное время обстоятельства складывались противъ Наполеона, и что отступленіе было для него неизбѣжно. Кутузовъ зналъ о приготовленіи Наполеона къ выступленію изъ Москвы, и потому ему, какъ великому стратегу, предстояло рѣшить весьма немаловажный вопросъ, а именно: какой путь изберетъ Наполеонъ для своего отступленія. Само собою разумѣется, что фельдмаршалъ всѣми силами долженъ былъ стараться заставить армію Наполеона отступить по той самой дорогѣ, по которой онъ шелъ на Москву, то-есть, чрезъ Можайскъ къ Смоленску. Дорога эта была окончательно разорена и опустошена и потому для отступленія представляла самый невыгодный путь.

Наполеонъ понималъ это хорошо и потому предписалъ своимъ войскамъ отступать на Калугу, куда отъ Москвы шли подъ острымъ угломъ двѣ дороги — старая и новая. На старой калужской дорогѣ находился укрѣпленный тарутинскій лагерь. Сначала Наполеонъ двинулся по этой дорогѣ, но когда его разъѣзды донесли ему, что Кутузовъ возвратилъ свои войска въ Тарутинъ, то приказалъ своей арміи свернуть на новую калужскую дорогу. Этимъ движеніемъ Наполеонъ намѣревался обойти русскія войска и, избѣгнувъ рѣшительнаго сраженія, выйти на новую, неопустошенную дорогу.

Чтобы еще болѣе усыпить бдительность Кутузова, Наполеонъ употребилъ хитрость, а именно: отдалъ приказаніе маршалу Бертье отправить изъ селенія Ѳоминскаго, при поворотѣ на новую калужскую дорогу, письмо Кутузову о рѣшительномъ отвѣтѣ на мирныя предложенія Лористона. Письмомъ этимъ, отправленнымъ будто бы изъ Москвы, Наполеонъ разсчитывалъ обмануть Кутузова, оставивъ его въ невѣдѣніи о движеніи своей арміи, и тѣмъ выиграть время, чтобы выбраться на сытую, не разоренную дорогу.

Вотъ эти-то планы великаго полководца и разрушилъ Сеславинъ...

Находясь въ Тарутинѣ, Кутузовъ выжидалъ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Наполеона и лишь съ цѣлью развѣдокъ отправилъ на новую калужскую дорогу генерала Дорохова и партизановъ Сеславина и Фигнера,

Надо думать, что Кутузовъ не ожидалъ столь быстраго и рѣшительнаго отступленія арміи Наполеона, такъ какъ, получивъ отъ Дорохова донесеніе о появленіи близъ селенія Ѳоминскаго значительнаго непріятельскаго отряда, фельдмаршалъ отправилъ Дорохову въ подкрѣпленіе сначала два пѣхотныхъ полка, но потомъ, предполагая, что замѣченное Дороховымъ движеніе непріятельскаго отряда могло быть предварительнымъ всей арміи Наполеона, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы къ селу Ѳоминскому двинулась дивизія гвардейской конницы съ ротою конной артиллеріи и весь шестой корпусъ Дохтурова.

Всегда проницательный и осторожный въ дѣйствіяхъ, Кутузовъ отлично понималъ всю невыгоду своего положенія, если Наполеонъ двинется на Калугу по новой дорогѣ и избѣгнетъ рѣшительнаго сраженія, которое фельдмаршалъ былъ готовъ ему дать.

Вотъ почему А. П. Ермоловъ писалъ Дохтурову: «Его свѣтлость желаетъ, чтобы предпріятіе сіе покрыто было непроницаемою тайною».

Къ вечеру 10 октября корпусъ Дохтурова подошелъ и остановился у села Аристова, между тѣмъ, какъ отрядъ Дорохова находился близъ большой дороги въ Боровскъ у села Катова.

Узнавъ о приближеніи корпуса Дохтурова, Дороховъ пріѣхалъ немедленно къ нему на встрѣчу въ село Аристово, чтобы доложить, что дальнѣйшее движеніе невозможно, такъ какъ на Боровской дорогѣ находится болѣе 2,000 человѣкъ пѣхоты, а въ Катовѣ сосредоточено отъ восьми до десяти баталіоновъ кавалеріи. Кромѣ того, за рѣкою Нарою, близъ села Ѳоминскаго имъ замѣчены весьма значительныя силы непріятеля, но точно опредѣлить ихъ количество невозможно, такъ какъ онѣ укрыты лѣсной чащей.

Получивъ отъ Дорохова вышеприведенныя свѣдѣнія, Дохтуровъ немедленно, въ 7 часовъ вечера отправилъ фельдмаршалу слѣдующее донесеніе:

«Если только не узнаю о силахъ непріятеля, въ Ѳоминскомъ стоящихъ и которыя уже сверхъ восьми или девяти тысячъ, примѣченныхъ генераломъ Дороховымъ, тогда по точному воли вашей свѣтлости смыслу, не вдаваясь въ сраженіе, могущее много стоить и между тѣмъ невѣрное, воздержусь отъ атаки» [1]).

Не прошло и часа времени послѣ отправленія этого донесенія въ тарутинскій лагерь фельдмаршалу, какъ пріѣхалъ въ Аристово Сеславинъ и доложилъ начальнику штаба 1-го армейскаго корпуса генералу А. П. Ермолову, что онъ, скрываясь въ лѣсу, въ четырехъ верстахъ отъ села Ѳоминскаго, видѣлъ, какъ мимо него прошелъ Наполеонъ и его свита съ гвардіею и другими войсками.

---

[1]) «Отечественная война 1812 г.», изслѣдованіе Н. А. Попова. «Русск. Стар.», 1877 г., т. XVIII.

Ермоловъ поспѣшилъ доложить Дохтурову, который къ этому донесенію отнесся очень недовѣрчиво; Сеславинъ, будучи оскорбленъ подобнымъ недовѣріемъ Дохтурова и понимая, что отъ своевременнаго извѣщенія объ этомъ фельдмаршала зависитъ судьба Россіи, сказалъ, что позволитъ надѣть на себя «бѣлую рубашку» (т. е., позволитъ себя разстрѣлять), если его донесеніе ложно. Дохтуровъ продолжалъ медлить. Тогда Сеславинъ сгоряча и досады бросился вторично на французскіе бивуаки, расположенные около Боровска, схватилъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, а одного изъ нихъ—офицера наполеоновской гвардіи, перекинулъ черезъ сѣдло и всѣхъ ихъ представилъ Дохтурову для допроса и подтвержденія своихъ словъ.

Объ этомъ фактѣ сохранился разсказъ партизана, который онъ собственноручно написалъ много лѣтъ уже спустя, будучи въ отставкѣ, на поляхъ III-го тома сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго «Отечественная война 1812 года».

«Я стоялъ,—разсказываетъ Сеславинъ,—на деревѣ, когда открылъ движеніе французской арміи, которая тянулась у ногъ моихъ, гдѣ находился и самъ Наполеонъ въ каретѣ. Нѣсколько человѣкъ отдѣлилось отъ опушки лѣса и дороги, были схвачены и доставлены свѣтлѣйшему въ удостовѣреніе въ такомъ важномъ для Россіи открытіи, рѣшающемъ судьбу отечества, Европы и самого Наполеона.

«Всѣ, и англійскій комиссаръ де-Вильсонъ, привѣтствовали меня, а послѣдній отдавалъ свою постель (охабку соломы) мнѣ, изнеможенному до крайности отъ неестественныхъ трудовъ, усталости и голода.

«Я нашелъ генерала Дохтурова въ Аристовѣ случайно, вовсе не знавъ о пребываніи его тамъ—я мчался къ Кутузову въ Тарутино. Сдавши плѣнныхъ для представленія свѣтлѣйшему, я отправился снова къ отряду, чтобъ ближе наблюдать за движеніями арміи Наполеона.

«По окончаніи войны графъ Шереметевъ далъ мнѣ роскошный обѣдъ. Во всю стѣну передо мною была картина, гдѣ я изображенъ въ ростъ на деревѣ въ минуту открытія движенія Наполеона на Малый Ярославецъ. Теперь у нѣкоторыхъ вельможъ есть копіи съ этой картины» [1]).

Объ этомъ же обѣдѣ и картинѣ партизанъ пишетъ и своему брату Өедору Никитичу, причемъ добавляетъ:

«Я хочу приказать вылить фигуру съ этой картины на заводѣ его императорскаго высочества герцога Лейхтенбергскаго, у Калинкина моста, или заказать барону Клодту фонъ-Юргенсбургу, если онъ возьмется сдѣлать мнѣ эту честь, конечно, не безъ вознагражденія» [2]).

---

[1]) «Отеч. Зап.», 1860 г., № 4.

[2]) «Русская Старина», 1878 г., сентябрь.

Разумѣется, Дохтуровъ не преминулъ подробно допросить представленныхъ Сеславинымъ плѣнныхъ, которые показали, что уже четыре дня, какъ французы оставили Москву. Тяжелая артиллерія и кавалерія утратили лошадей. Всѣ излишнія тяжести отправлены по Можайской дорогѣ, подъ прикрытіемъ польскихъ войскъ князя Понятовскаго. Императоръ намѣренъ завтра быть въ Боровскѣ, гдѣ и будетъ разбита его главная квартира. Дальнѣйшее слѣдованіе войскъ предположено черезъ Боровскъ на Малоярославецъ.

Сознавая всю важность этихъ извѣстій, Дохтуровъ въ 9½ часовъ вечера отправилъ дежурнаго штабъ-офицера, маіора Бологовскаго, въ Тарутино къ фельдмаршалу. Относительно же своего корпуса, стоящаго въ Аристовѣ, не дѣлалъ никакихъ распоряженій.

Генералъ Ермоловъ, видя нерѣшительность и нѣкоторое замѣшательство со стороны Дохтурова, именемъ главнокомандующаго приказалъ ему немедленно выступить въ походъ и спѣшить къ Малоярославцу, говоря, что онъ лично будетъ отвѣчать передъ фельдмаршаломъ за это распоряженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приказалъ маіору Бологовскому лично объяснить Кутузову причины, побудившія его измѣнить направленіе войскъ, и убѣдительно просить его свѣтлость поспѣшить прибытіемъ съ арміей въ Малоярославецъ.

Кутузовъ, очевидно, не былъ подготовленъ къ такому обороту дѣла, и извѣстіе о томъ, что партизанъ Сеславинъ лично видѣлъ отступающаго Наполеона и его армію близъ села Ѳоминскаго по новой калужской дорогѣ къ Боровску, насколько поразило своею неожиданностью, настолько и обрадовало фельдмаршала.

Выслушавъ донесеніе Коновницына, Кутузовъ приказалъ позвать маіора Бологовскаго.

— Разскажи, мой другъ,— обратился къ нему главнокомандующій,— что такое за событіе, о которомъ ты привезъ мнѣ вѣсть? Неужели въ самомъ дѣлѣ Наполеонъ оставилъ Москву и отступаетъ? Говори скорѣй, не томи сердца, оно дрожитъ!...

Кутузовъ желалъ дополнить и оживить подробности письменнаго донесенія разсказомъ очевидца. Выслушавъ разсказъ маіора Бологовскаго, фельдмаршалъ заплакалъ и, обратясь къ иконѣ Спасителя, сказалъ:

— Боже, Создатель мой!.. Наконецъ Ты внялъ молитвѣ нашей, и съ этой минуты Россія спасена!.. [1]).

Не медля ни минуты, князь Кутузовъ отдалъ соотвѣтствующія распоряженія, которыя клонились къ тому, чтобы русскія войска предупредили появленіе арміи Наполеона подъ Малоярославцемъ. Только этимъ путемъ и было возможно остановить отступленіе французскихъ войскъ чрезъ наши неразоренныя войною губерніи.

---

[1]) Записки сенатора Бологовскаго. Рукопись Императорской Публичной библіотеки.

Въ одинъ день, 11-го октября, главнокомандующій отдалъ шестнадцать письменныхъ приказовъ, не считая словесныхъ распоряженій, о приготовленіи войскъ къ походу. Онъ отлично сознавалъ, что отъ этихъ рѣшительныхъ распоряженій, отъ быстроты ихъ исполненія зависѣлъ въ данное время весь успѣхъ войны. Упустить хотя бы одну минуту—значило потерять все. Занять безъ боя Малоярославецъ была основная мысль отступленія Наполеона. Помѣшать великому полководцу осуществить эту мысль и, предупредивъ его подъ Малоярославцемъ, отбросить на путь голоднаго отступленія по смоленской дорогѣ — вотъ къ чему стремился Кутузовъ въ своихъ распоряженіяхъ.

Его армія, дѣлая чудовищные переходы по 40 — 50 верстъ по невозможнымъ дорогамъ, къ вечеру слѣдующаго дня была уже сосредоточена подъ Малоярославцемъ.

На другое утро предназначалось генеральное сраженіе.

«Сей день,— значится въ военномъ журналѣ Толя,— есть одинъ изъ знаменитѣйшихъ въ войнѣ 1812 года; ибо потерянное сраженіе при Малоярославцѣ повлекло бы за собою пагубнѣйшія слѣдствія и открыло бы путь непріятелю чрезъ богатѣйшія наши губерніи».

«По моему мнѣнію,— говоритъ другой военный историкъ, Н. А. Окуневъ,— самая Бородинская битва не была такъ нужна для Наполеона, какъ битва при Малоярославцѣ. Правда, что первая открыла ему входъ въ Москву, но не принесла ничего, кромѣ безплоднаго трофея и гибельныхъ послѣдствій, между тѣмъ какъ спасеніе всей его арміи зависѣло отъ послѣдней».

«Подъ Малоярославцемъ остановилось завоеваніе вселенной, здѣсь исчезли плоды двадцатилѣтнихъ побѣдъ, и началось страшное разрушеніе всего, что думалъ создать Наполеонъ»,— говоритъ графъ Сегюръ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Битва подъ Малоярославцемъ заставила Наполеона отступить именно на Смоленскъ, что и имѣло послѣдствіемъ гибель всей его славной арміи. Этой битвѣ, имѣвшей столь важное и рѣшающее значеніе въ исторіи отечественной войны, Кутузовъ былъ обязанъ главнымъ образомъ донесенію партизана Сеславина.

Опоздай это донесеніе на нѣсколько часовъ, не прими генералъ Ермоловъ столь рѣшительныхъ мѣръ, и Малоярославецъ былъ бы въ рукахъ французовъ, такъ какъ, когда князь Кутузовъ подошелъ къ Малоярославцу, къ нему подъѣхалъ генералъ Дохтуровъ и, разсказывая про ходъ битвы, сказалъ: «въ то самое время, когда мои передовыя войска входили въ городъ съ одной стороны, съ другой входилъ непріятель».

Всѣ эти сопоставленія ясно доказываютъ, какъ велика была заслуга, оказанная отечеству партизаномъ Сеславинымъ.

Д. В. Давыдовъ въ своей статьѣ «Морозъ ли сгубилъ французскую армію» (т. I) въ немногихъ, но весьма выразительныхъ стро-

кахъ доказываетъ, что причиною гибели французской арміи былъ не морозъ, а дѣятельность партизана Сеславина.

Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу:

«Уже снабженная на двадцать дней провіантомъ, скрытно обогнувшая оконечность лѣваго фланга нашихъ войскъ, занимавшихъ тарутинскую позицію, французская армія достигла почти той точки, отъ которой можно было ей отступить, не будучи никѣмъ тревожима и имѣя все въ изобиліи. Вдругъ партизанъ Сеславинъ выхватываетъ солдата изъ колоннъ главной французской арміи, даетъ о томъ знать Ермолову, находившемуся съ корпусомъ Дохтурова въ Аристовѣ; тотъ немедленно извѣщаетъ Кутузова и самъ спѣшитъ занять Малоярославецъ до его прибытія; Кутузовъ со всею арміею летитъ отъ Тарутина туда же и заслоняетъ Наполеону калужскій путь и такимъ образомъ, не допустивъ его до изобильнаго края, по которому онъ намѣревался слѣдовать, принуждаетъ его предпринять отступленіе по пути, уже опустошенному».

Чинъ полковника и назначеніе командиромъ Сумскаго гусарскаго полка были пожалованы въ награду молодому партизану, предавшему всю французскую армію во власть Кутузова.

Дальнѣйшая боевая дѣятельность Сеславина такъ же, какъ и вся предыдущая, ознаменовывается рядомъ блестящихъ подвиговъ.

Вотъ, напримѣръ, что пишетъ самъ Сеславинъ на поляхъ того же III тома сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго (стр. 375 и 376) о взятіи имъ вмѣстѣ съ Булычевымъ города Вязьмы:

«Во время довольно продолжительной остановки дѣйствій нашихъ войскъ, въ жаркомъ спорѣ у меня съ генераломъ Васильчиковымъ (послѣ князь и предсѣдатель государственнаго совѣта), онъ, выхвативъ мою турецкую булатную саблю изъ ноженъ, прокололъ мнѣ бокъ. Безоружный, я взялъ у моего ординарца казака пику и хотѣлъ его проколоть, но онъ обратился и ускакалъ. Вскорѣ его шуринъ и адъютантъ Пашковъ привезъ мнѣ саблю и вызовъ на смертный бой послѣ генеральнаго боя между нашими и французскими войсками. Желая скораго окончанія сраженія, чтобы начать и окончить частный бой мой съ Васильчиковымъ, я поѣхалъ въ Вязьму, занятую непріятелемъ. Опрокинутыя фуры, зарядные ящики препятствовали отступленію пѣхоты и артиллеріи; суматоха была большая; я ѣхалъ верхомъ на встрѣчу, и никто не обратилъ на меня вниманія. Выѣзжая изъ города, я нашелъ пѣхоту и артиллерію стоявшими еще въ грозномъ видѣ, занимая высоты. Я пришпорилъ моего черкеса и, проскакавъ между колоннами и батареями, остановился внѣ ружейныхъ выстрѣловъ. Затѣмъ снялъ фуражку и сталъ махать ею съ бѣлымъ платкомъ нашимъ войскамъ, державшимъ ружья у ноги; наконецъ повернулся лицомъ къ непріятелю и продолжалъ махать бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько пуль, выпущенныхъ изъ колоннъ непріятелемъ, мнѣ не сдѣлали вреда. Безъ

повелѣнія и команды всѣ войска взяли ружья на перевѣсъ и двинулись прямо ко мнѣ. Дошедши до меня, кричали: «Вотъ нашъ Георгій Храбрый на бѣломъ конѣ!» Непріятель дрогнулъ, и перновцы (Перновскій полкъ), въ головѣ которыхъ былъ я и Булычевъ, настигли непріятеля на улицѣ, остановленнаго опрокинутыми фурами. Наши шли впередъ по трупамъ непріятелей. Я поѣхалъ въ назначенное мѣсто, чтобъ окончить нашъ бой съ Васильчиковымъ. Намъ объявлено, что свѣтлѣйшій не хочетъ потерять и одного изъ храбрыхъ защитниковъ отечества, а потому воспрещаетъ дуэль. Васильчиковъ подалъ мнѣ руку, и мы обнялись.

«Виновникомъ движенія войскъ нашихъ и занятія на ночь Вязьмы — былъ я.

«Булычевъ, указалъ мнѣ на кровь, которая струилась изъ моей раны по боку моей лошади, я этого не чувствовалъ — такъ-то я былъ озабоченъ» [1]).

Преслѣдуя со своимъ лихимъ отрядомъ въ 500 человѣкъ отступающія войска Наполеона, Сеславинъ 16-го ноября взялъ приступомъ городъ Борисовъ, гдѣ захватилъ три тысячи плѣнныхъ. Недѣлю спустя, онъ дѣлаетъ отважное нападеніе на Забрежъ, беретъ его съ боя и на другой день едва не захватываетъ въ плѣнъ самого Наполеона.

Наконецъ, геройскою атакою города Вильно Сеславинъ заканчиваетъ блистательные свои подвиги партизана.

«Чтобы изобразить геройскій подвигъ Сеславина, — пишетъ Д. В. Давыдовъ въ своемъ дневникѣ партизанскихъ дѣйствій 1812 года,— я представляю на судъ читателя его донесеніе, и пусть всякій благомыслящій отдастъ должную справедливость высокой душѣ сего честнаго и вполнѣ знаменитаго россіянина, который въ описаніи своихъ сотрудниковъ едва упомянулъ о жестокой ранѣ, имъ полученной.

«Вотъ его донесеніе:

«Генералу Коновницыну:

«Съ Божіею помощью я хотѣлъ атаковать Вильну, но встрѣтилъ на дорогѣ идущаго туда непріятеля. Орудія мои разсѣяли толпившуюся колонну близъ воротъ города. Въ сію минуту непріятель выставилъ противъ меня нѣсколько эскадроновъ; мы предупредили атаку сію своею и вогнали кавалерію его въ улицы; пѣхота поддержала конницу и посунула насъ назадъ, тогда я послалъ парламентера съ предложеніемъ о сдачѣ Вильны и, по полученіи отрицательнаго отвѣта, предпринялъ вторичный натискъ, который доставилъ мнѣ шесть орудій и одного орла.

«Между тѣмъ подошелъ ко мнѣ генералъ-маіоръ Ланской, съ коимъ мы тѣснили непріятеля до самыхъ городскихъ стѣнъ. Пѣхота

[1]) Отечественныя Записки, 1860 г., № 4.

французская, засѣвшая въ домахъ, стрѣляла изъ оконъ и дверей и сдерживала насъ на каждомъ шагу. Я отважился на послѣднюю атаку, кою не могъ привести къ окончанію, бывъ жестоко раненъ въ лѣвую руку; пуля раздробила кость и прошла навылетъ. Сумскаго гусарскаго полка поручикъ Орловъ также раненъ въ руку на вылетъ.

«Генералъ Ланской былъ свидѣтелемъ этого дѣла. Спросите у него, самъ боюсь расхвастаться, но вамъ и его свѣтлости рекомендую весь мой отрядъ, который во всѣхъ дѣлахъ отъ Москвы до Вильны окрылялся рвеніемъ къ общей пользѣ и не жалѣлъ крови за отечество. «Полковникъ Сеславинъ».

«Ноября 27».

За подвиги свои въ 1812 году Сеславинъ удостоился назначенія флигель-адъютантомъ къ его императорскому величеству и, кромѣ того, получилъ золотую саблю.

Въ 1813 году, состоя въ корпусѣ графа Витгенштейна, онъ принималъ участіе во многихъ дѣлахъ до Лейпцигскаго сраженія включительно, за которое былъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Въ 1814 году Сеславинъ снова отличается во главѣ собственнаго своего отряда партизанскими дѣлами: при переходѣ союзныхъ войскъ черезъ Рейнъ онъ сохраняетъ, благодаря своей отвагѣ и мужеству, безпрерывное сообщеніе главной арміи съ Силезіею и участвуетъ во многихъ аванпостныхъ дѣлахъ и сраженіяхъ во Франціи. Перечислить всѣ сраженія и дѣла, въ которыхъ принималъ участіе Сеславинъ, почти невозможно. Достаточно сказать, что, кромѣ мелкихъ сравнительно партизанскихъ набѣговъ, онъ участвовалъ въ 74 большихъ сраженіяхъ, въ которыхъ получилъ девять тяжелыхъ ранъ.

Описывая дѣятельность этого храбраго воина, Н. Невѣдомскій характеризуетъ ее слѣдующими словами: «Партизанъ Сеславинъ сражался въ окрестностяхъ Москвы и день, и ночь, какъ будто у его сабли не было ноженъ; его ноги знали землю только въ то время, когда онъ перемѣнялъ уставшаго коня. Далекій путь отъ села Оминскаго въ глубь Франціи Сеславинъ прошелъ съ такою же честью, съ какою совершило этотъ путь знамя храбрѣйшихъ изъ русскихъ полковъ: древко надрублено саблями, гербъ проколотъ штыкомъ, но прикосновеніе непріятельскихъ пальцевъ не осквернило ни древка, ни герба!» [1]).

Послѣ отечественной войны Сеславинъ, покрытый ранами и громкою неувядаемою славою, отправился для лѣченія за границу.

Въ одномъ изъ писемъ къ своему брату, Николаю Никитичу, онъ разсказываетъ о своемъ свиданіи съ императоромъ предъ отъѣздомъ за границу слѣдующее:

---

[1]) «Журн. для чтенія воспит. военно-учебн. заведеній», 1847 г., томъ LXIV.

«При отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, государь позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и благодарилъ за службу, обнялъ меня, цѣловалъ, и когда я, будучи растроганъ сею его благосклонностью, сказалъ ему, что нѣтъ жертвы, которую ему бы не посвятилъ, онъ прослезился и, прижавъ меня къ груди своей, сказалъ, чтобы я требовалъ отъ него, чего мнѣ надо. Я отвѣчалъ государю, что не имѣю ни въ чемъ нужды».

Сеславинъ отправился сначала во Францію, гдѣ остановился въ Баррежѣ и пользовался ваннами. Однако его живой и любознательный характеръ не могъ долго удержать его на одномъ мѣстѣ. Какъ только здоровье партизана нѣсколько окрѣпло, онъ тотчасъ же отправился путешествовать по Франціи, съ цѣлью осмотра и ближайшаго ознакомленія съ состояніемъ французскихъ крѣпостей. Изъ Франціи Сеславинъ направился въ Швейцарію, гдѣ на первыхъ порахъ поселился въ Лозаннѣ. Раны довольно часто безпокоили заслуженнаго героя отечественной войны, но лишь только онъ чувствовалъ малѣйшее облегченіе, то снова пускался въ путь.

Въ Швейцаріи Сеславинъ не преминулъ между прочимъ удовлетворить свое страстное любопытство, которое давно уже не давало ему покоя. Онъ лично осмотрѣлъ тѣ три пути, которые проходили Бонапартъ чрезъ Большой С. Бернардъ, Аннибалъ — черезъ Малый С. Бернардъ и, наконецъ, Суворовъ — этотъ русскій Аннибалъ — чрезъ С. Готардъ.

Эти путешествія по горамъ Швейцаріи, не смотря на незажившія еще раны, которыя перевязывалъ ему проводникъ, Сеславинъ совершалъ съ такой быстротой, что сами швейцарцы удивлялись и съ немалымъ любопытствомъ выходили на встрѣчу неутомимому русскому путешественнику. На обратномъ пути отъ Чертова моста партизанъ едва не погибъ въ снѣжныхъ горахъ; его спасъ проводникъ, рискуя собственною жизнью, за что по окончаніи путешествія Сеславинъ щедро наградилъ своего гида и всю его семью.

Далѣе Сеславинъ предпринялъ путешествіе по Италіи, съ цѣлью осмотра и итальянскихъ крѣпостей. Исколесивъ вдоль и поперекъ всю Италію, партизанъ на пути по Средиземному морю изъ Ливорно въ Тулонъ едва не сдѣлался жертвою неосторожности капитана судна, который во время сильнаго шторма чуть было не потопилъ всѣхъ пассажировъ.

Изъ Тулона Сеславинъ проѣхалъ въ Марсель. Здѣсь онъ долженъ былъ остановиться на нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ снова открылась рана въ плечѣ, а появившееся кровохарканье угрожало даже жизни.

«Проѣхавъ Европу,—писалъ онъ отсюда своей невѣсткѣ,—смѣю васъ увѣрить, что нѣтъ лучше народа русскаго, нѣтъ лучше мѣста, какъ Ессмово и Ѳедоровское» [1]).

---

[1]) Родовыя имѣнія партизана.

Изъ Марселя онъ написалъ прошеніе на имя государя, въ которомъ просилъ разрѣшенія отправиться подъ другимъ именемъ въ Калькутту и оттуда черезъ Дели, Агру, Аллага-Багу, Лагоръ, Кабулъ, Балкъ, Великую Бухарію, Самаркандъ, Хиву, Грегъ, Киргизскія степи въ Оренбургъ.

«Путешествіе сіе,—писалъ Сеславинъ,—могло бы, можетъ быть, рѣшить вопросъ европейскихъ политиковъ: можетъ ли Россія внести оружіе свое въ остъ-индскія англійскія владѣнія, можетъ ли она повсюду находить себѣ нужное продовольствіе и уничтожить владычество англичанъ въ Индіи?» [1]).

Эта просьба Сеславина, поданная въ 1819 году, почему-то была оставлена даже безъ отвѣта.

Въ началѣ 1820 года Сеславинъ, съ разрѣшенія государя, оставилъ Францію и чрезъ Германію отправился въ Англію, гдѣ, пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ, возвратился въ Россію, единственно для того, чтобы подать прошеніе объ отставкѣ, получивъ которую онъ уѣхалъ во Францію, гдѣ жилъ долгое время въ Парижѣ.

Можно предполагать, на основаніи письма партизана къ графу П. А. Толстому изъ Парижа отъ 21 ноября 1821 года (помѣщеннаго въ «Русской Старинѣ» за 1889 г., № 12), что самая просьба Сеславина объ отставкѣ была слѣдствіемъ его болѣзненнаго честолюбія. Не смотря на то, что заслуги его были въ достаточной степени оцѣнены какъ государемъ, такъ и современниками, онъ все-таки считалъ себя обиженнымъ, недостаточно вознагражденнымъ.

Въ этомъ письмѣ къ графу Толстому, перечисляя свои просьбы къ государю, съ которыми онъ обращался во время пребыванія своего за границей и которыя оставались безъ отвѣта, Сеславинъ, предполагая, что враги успѣли очернить его передъ государемъ, просилъ графа Толстого «увѣрить его величество въ любви и приверженности», съ которыми онъ, Сеславинъ, пребывалъ и пребываетъ къ престолу и отечеству.

Характерно въ высшей степени одно мѣсто этого письма, въ которомъ партизанъ, сознавая цѣну своихъ заслугъ, говоритъ языкомъ свободнаго и доблестнаго воина.

«Въ февралѣ 1820 года,—пишетъ Сеславинъ,—я увѣдомлялъ государя, что графу Ливену и генеральному консулу Дубачевскому, который имѣлъ дѣло мое на своихъ рукахъ, извѣстно было, что коляска моя съ сундуками, которая находилась на палубѣ корабля, брошена была въ море въ минуту бѣдствія, и я, будучи доведенъ до величайшей крайности, остался въ одной, такъ сказать, рубашкѣ и зашелъ въ неоплатные долги. Государю извѣстно, что 20 тысячъ едва достаточно генералу, чтобы поддержать званіе.

«Увѣдомляя, что жалованья моего и аренды недостаточно уплачивать проценты долговъ моихъ, сумма коихъ простирается до 40

---

[1]) «Русская Стар.», 1889 г., декабрь.

тысячъ, я просилъ его величество приказать выплатить оные и спасти чрезъ то честь генерала, которому онъ нѣкоторымъ образомъ обязанъ (ежели вспомнитъ Малой-Ярославецъ и послѣдствія онаго), и котораго кровь для чести отечества истекала изъ восьми ранъ. А дабы устроить однимъ разомъ и навсегда мое состояніе, просилъ также пожаловать мнѣ нѣкоторую сумму денегъ на 20 лѣтъ и такую аренду, которой достаточно было бы для прожитія по званію моему и на многіе годы, по примѣру другихъ.

«Нельзя сказать, что ребенокъ молчитъ, а мать не разумѣетъ.

«Никакого отвѣта.

«Я отправился въ С.Петербургъ въ намѣреніи лично объяснить все государю и, не заставъ его императорское величество, оставилъ службу и удалился.

«Вы спросите меня, что за причина такому невниманію государя, что и самое слово честь не могло преклонить на просьбы мои. Богомъ вамъ клянусь, что не знаю».

Порвавъ своею отставкою связь съ дворомъ, Сеславинъ не долго еще пожилъ за границею и изъ Парижа удалился въ свое родовое помѣстье Есемово, находившееся въ Тверской губерніи, въ Ржевскомъ уѣздѣ, на берегу рѣки Сишки. Здѣсь онъ зажилъ совершенно своеобразною жизнью: приказалъ окопать свое имѣніе рвомъ, при въѣздѣ поставилъ караульную будку съ часовымъ и почти никуда не выѣзжалъ и не принималъ никого къ себѣ. Исключеніе, впрочемъ, составлялъ только его двоюродный дядя, ржевскій предводитель дворянства, Николай Герасимовичъ Сеславинъ, жившій въ своемъ имѣніи «Авдоткино», которое находилось верстахъ въ семнадцати отъ Есемова. Партизанъ довольно часто навѣщалъ дядю и принималъ его къ себѣ. Съ нимъ онъ любилъ вспоминать свои былые подвиги, дѣлился впечатлѣніями войны и въ особенности своихъ личныхъ, партизанскихъ дѣйствій.

Въ первое время пребыванія своего въ Есемовѣ Сеславинъ ѣздилъ по праздникамъ въ сельскую церковь. Молодой и красивый генералъ, столь популярный въ народѣ герой всѣмъ еще памятной отечественной войны, невольно становился предметомъ общаго вниманія среди прихожанъ. Это заставило его вскорѣ прекратить посѣщенія церкви. Съ сосѣдями-помѣщиками Сеславинъ не заводилъ знакомствъ, хотя при встрѣчахъ молча, но весьма любезно раскланивался.

Въ высшей степени своеобразная, отшельническая жизнь партизана въ имѣніи, разумѣется, породила не мало самыхъ разнообразныхъ толковъ не только по уѣзду, но и по всей губерніи. Сеславинъ не обращалъ вниманія на эти толки и продолжалъ свою одинокую, однообразную жизнь.

До сихъ поръ еще на Сишкѣ между его бывшими крѣпостными крестьянами сохранились разсказы о партизанѣ...

Говорятъ, напримѣръ, что генералъ каждый день гулялъ по своему лѣсу и если ему случалось поймать въ лѣсу какую нибудь бабу, собирающую грибы, то онъ заставлялъ тутъ же, въ своемъ присутствіи, съѣдать сырьемъ собранные грибы. Немудрено, поэтому, что крестьянки, завидя генерала, бросались въ разсыпную.

Мнѣ не разъ случалось слышать отъ крестьянъ Ржевскаго уѣзда слѣдующій анекдотъ о партизанѣ.

Однажды Сеславинъ встрѣтилъ на дорогѣ мужика сосѣдняго Бѣльскаго уѣзда, который везъ во Ржевъ на ярмарку бочку дегтя.

— Что везешь?—остановилъ его партизанъ.

— Деготь.

— На продажу?

— Такъ точно...

— Что стоитъ вся бочка?

Мужикъ назначилъ цѣну. Партизанъ уплатилъ деньги и, приказавъ мужику выпустить весь деготь на дорогу, поѣхалъ дальше.

Мужикъ исполнилъ приказаніе, но едва скрылся генералъ, какъ сталъ шапкою собирать деготь обратно въ бочку.

Партизанъ возвращался обратно, а мужикъ все еще собиралъ деготь...

— Какъ ты смѣешь воровать мой деготь!—накинулся на оторопѣвшаго мужика генералъ.—Вѣдь я купилъ у тебя деготь и деньги тебѣ за него отдалъ!..

— Виноватъ!.. Лукавый попуталъ! — сталъ оправдываться мужикъ.

— Полѣзай сквозь бочку за наказаніе!—приказалъ генералъ.

Нечего было дѣлать, пришлось мужику, исполняя волю партизана, пролѣзть сквозь бочку.

Въ другой разъ, разсказываютъ крестьяне, поймалъ генералъ въ своемъ лѣсу мужика, рубившаго дерево. Тотъ бросился въ ноги, моля о прощеніи.

— Полѣзай на дерево... на самый верхъ!—скомандовалъ генералъ.

Мужикъ влѣзъ.

Партизанъ взялъ топоръ и собственноручно подрубилъ дерево. Разумѣется, дерево упало, и сидѣвшій на немъ мужикъ больно расшибся, но за то болѣе не осмѣливался тайно рубить господскій лѣсъ.

Въ 1831 году ожидалась война съ Франціей. Сеславинъ воспрянулъ духомъ.

— Наконецъ-то вспомнили о старомъ воякѣ!—сказалъ онъ, показывая Николаю Герасимовичу письмо начальника главнаго штаба графа Толстого, которымъ партизана приглашали пожаловать въ Петербургъ. Желаніе послужить отечеству на полѣ брани заставило Сеславина немедленно отправиться къ графу Толстому. Послѣдній передалъ партизану волю государя, чтобы онъ въ случаѣ войны

отправился въ армію. Это предложеніе польстило старому герою, и онъ изъявилъ полную готовность служить царю и отечеству.

Однако дипломатія уладила наши обостренныя отношенія съ Франціей, и война не состоялась. Опечаленный такимъ оборотомъ дѣла, Сеславинъ снова отправился въ Есемово, гдѣ сталъ изыскивать для себя иную дѣятельность.

Въ его бумагахъ сохранилось черновое прошеніе на имя государя, въ которомъ онъ проситъ назначить его сенаторомъ съ сохраненіемъ военнаго мундира. Прошеніе это Сеславинъ предполагалъ подать лично государю на открытіи памятника императору Александру I, но, вѣроятно, впослѣдствіи раздумалъ, хотя на торжествѣ открытія памятника присутствовалъ, въ числѣ другихъ приглашенныхъ героевъ отечественной войны.

Вообще Сеславинъ пользовался большимъ вниманіемъ какъ императора Николая I, такъ и другихъ членовъ императорской фамиліи. Не разъ, будучи по личнымъ своимъ дѣламъ въ Петербургѣ, онъ получалъ приглашенія къ высочайшему столу.

Въ 1839 году на открытіи памятника въ честь славнаго Бородинскаго боя Сеславинъ, какъ старый ветеранъ, пользовался особеннымъ почетомъ и вниманіемъ государя, который долго бесѣдовалъ съ нимъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ, взявъ подъ руку Сеславина, обходилъ съ нимъ войска и милостиво разговаривалъ, вспоминая эпизоды изъ этой народной войны. Во время церемоніальнаго марша его пригласили за рѣшетку, гдѣ собрались всѣ высокопоставленные гости. Партизану почему-то показалось мало оказанной ему чести, онъ обидѣлся и, сильно взволнованный, не дождавшись парааднаго обѣда, уѣхалъ съ торжества и уже безвыѣздно поселился въ своемъ Есемовѣ, гдѣ скоро земледѣліе стало его любимымъ занятіемъ [1]).

Кромѣ того, съ дѣтства любившій чтеніе, Сеславинъ часы своего отдыха посвящалъ литературѣ исключительно военной. Особенно волновался онъ, читая сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго объ отечественной войнѣ; третій томъ этого изданія, находившійся въ рукахъ партизана, обильно испещренъ замѣтками на поляхъ. Близко знакомый съ фактами, Сеславинъ во многихъ мѣстахъ опровергаетъ разсказъ Данилевскаго.

Покойный редакторъ-издатель журнала «Русская Старина», М. И. Семевскій, получивъ этотъ цѣнный томъ отъ Григорія Николаевича Сеславина, въ статьѣ своей «Партизанъ Сеславинъ» («Отечественныя Записки», 1860 года, № 4), приводитъ нѣкоторыя замѣчанія партизана дословно.

Такъ, напримѣръ, Данилевскій въ одномъ мѣстѣ упрекаетъ, что партизаны не покорили ни одного города, занятаго французскими

---

[1]) «Отечественныя Записки», 1860 г., № 4.

войсками между Смоленскомъ и Москвою. На это Сеславинъ замѣчаетъ на поляхъ:

«За двумя зайцами не гоняться было: не поймаешь ни одного — не то время было, чтобы брать города и скрывать этапы; важные пункты заняты были корпусами. Мы зоркими глазами наблюдали непріятеля; погонись за этапомъ, я пропустилъ бы непріятеля въ южныя губерніи и погубилъ бы любезное наше отечество. Однако, Дороховъ взялъ Верею, а мнѣ съ Фигнеромъ сдался съ корпусомъ своимъ изъ двухъ тысячъ Ожеро. Во Франціи съ такою же партіею, что и въ Россіи, я заставилъ голодать Парижъ съ двумя милліонами жителей. Вскорѣ я получилъ отъ Б—го лицемѣрный рескриптъ: «стараться не наносить вреда мирнымъ жителямъ». Но сердце его трепетало отъ радости. Мнѣ сказывалъ очевидецъ, Толь, начальникъ главнаго штаба россійской арміи».

Въ другихъ мѣстахъ Михайловскій-Данилевскій говоритъ, что Сеславину было приказано присоединиться къ отряду Дохтурова.

Обиженнымъ тономъ партизанъ замѣчаетъ:

«Я не получалъ приказаній присоединяться къ Дохтурову. Я дѣйствовалъ независимо ни отъ кого и самъ открылъ движеніе Наполеона и тѣмъ способствовалъ спасенію Россіи кипучею моею дѣятельностью и самоотверженіемъ».

Не лишена также интереса и записка Сеславина къ Кутузову, которую, какъ онъ замѣчаетъ на поляхъ того же III-го тома: «я не дозволилъ Данилевскому помѣстить, потому что эта записка наносила тѣнь на славу полководца».

Эта записка слѣдующаго содержанія:

«27-го октября.

«Богъ вамъ судья! Подъ Краснымъ то же бездѣйствіе, та же нерѣшительность, что и въ Вязьмѣ. Поспѣшайте, Бога ради, на Красное: непріятель тянется отъ Смоленска... Мы отрѣжемъ нѣсколько корпусовъ».

Записка эта была вызвана слѣдующимъ письмомъ Кутузова къ Сеславину:

«27-го октября.

«Желаю только, чтобы Наполеонъ хоть на нѣкоторое время остановился въ Смоленскѣ, чѣмъ дастъ намъ способъ его отрѣзать».

Не подлежитъ сомнѣнію, что Сеславинъ не разъ задумывалъ писать объ отечественной войнѣ, но что мѣшало ему спеціально заняться этой работой — неизвѣстно. По всей вѣроятности, болѣзнь глазъ, которой страдалъ онъ въ послѣднее время, лишала его возможности изложить свои личныя воспоминанія. Въ бумагахъ Сеславина сохранилось нѣсколько набросковъ, но всѣ они слишкомъ незначительны, чтобы ими могъ воспользоваться историкъ.

Въ той же статьѣ «Партизанъ Сеславинъ» («Отечественныя Записки», 1860 года, № 4) М. И. Семевскій приводитъ и эти наброски, которые дѣлалъ Сеславинъ на листѣ сѣрой бумаги.

Наиболѣе интересные изъ нихъ слѣдующіе:

«Великодушіе. Барклай въ 1812 году! Онъ первый ввелъ въ Россіи систему оборонительной войны, дотолѣ неизвѣстной. Задолго до 1812 года уже рѣшено было, въ случаѣ наступленія непріятеля, отступать, уступая ему всю Россію до тѣхъ поръ, пока арміи не сосредоточатся, не сблизятся съ своими источниками, милиція не сформируется и образуетъ...[1]) и, завлекая такимъ образомъ внутрь Россіи, вынудить его растягивать операціонную свою линію, а чрезъ то ослабѣвать, теряя отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ людей и лошадей.

«Наполеонъ, ожидая долгое время отъ Россіи наступательной войны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрной погибели арміи и рабства любезнаго нашего отечества, самъ наступилъ съ перваго шага отступленія нашей арміи. Близорукіе требовали сраженія; Барклай былъ непреклоненъ; армія вознроптала.

«Главнокомандующій подвергнутъ былъ ежедневнымъ насмѣшкамъ и ругательствамъ отъ подчиненныхъ, а у двора — клеветѣ. Какъ гранитная скала съ презрѣніемъ смотритъ на ярость волнъ, разбивающихся о подошвы ея, такъ и Барклай, презирая незаслуженный имъ ропотъ, былъ, какъ и она, непоколебимъ въ достиженіи предположенной имъ великой цѣли...

«Въ одну ночь прибылъ изъ арьергарда адъютантъ его, Сеславинъ, впослѣдствіи партизанъ, котораго онъ любилъ и употреблялъ также по квартирмейстерской части, и которому онъ приказывалъ доносить ему лично обо всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ.

«Выслушавъ донесенія, главнокомандующій спросилъ: «Что, какой духъ въ войскахъ и какъ дерутся? и что говорятъ?» — «Ропщутъ на васъ, бранятъ васъ, до тѣхъ поръ пока громы пушекъ и свистъ пуль не заглушатъ ихъ ропотъ; вступивъ же въ дѣло, все забываютъ и дерутся, какъ львы!» Онъ отвѣчалъ: «Я своими ушами слышалъ брань и ее не уважаю; я смотрю на пользу отечества; потомство смотритъ на меня!.. Все, что я ни дѣлаю и буду дѣлать, есть послѣдствіе обдуманнаго плана и величайшихъ соображеній, есть плодъ многолѣтнихъ трудовъ. Теперь всѣ хотятъ быть главными... и тотъ, который долженствовалъ быть мнѣ правою рукою, отличась только подъ Прейсишъ-Эйлау въ полковницкомъ чинѣ, происками у двора ищетъ моего мѣста, а дабы удобнѣе того достигнуть, возмущаетъ моихъ подчиненныхъ!..

«Блаженной памяти государь императоръ Александръ, уступая гласу народа, назначилъ главнокомандующимъ фельдмаршала Кутузова. Съ сего времени злоба не имѣла предѣловъ: Барклай былъ въ уничиженіи, терпѣлъ оскорбленія всякаго рода. Настало Бородинское сраженіе. Произведя чудеса храбрости, неослабнаго му-

[1]) Неразборчиво въ подлинникѣ.

жества и восторжествовать надъ многочисленнымъ непріятелемъ, Барклай не хотѣлъ жить: онъ искалъ смерти. Но судьба вела его къ величію. Бауценъ, Кульмъ, Лейпцигъ, Парижъ обезсмертили имя его и привели въ храмъ славы...

«Кутузовъ, слѣдуя первоначальнымъ планамъ Барклая, имѣлъ случай спасти отечество. Неестественная дѣятельность, успѣхи и самоотверженіе партизана Сеславина ускорили сей случай. Онъ (Сеславинъ) открылъ лично движеніе Наполеона на Калугу, для отступленія; онъ находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятеля... взялъ въ плѣнъ нѣсколькихъ офицеровъ и представилъ ихъ фельдмаршалу къ удостовѣренію, что дѣйствительно Наполеонъ оставилъ Москву и идетъ на Калугу; предлагалъ двинуть армію на Малый Ярославецъ и надѣть на него, на Сеславина, бѣлую рубашку, въ случаѣ невѣрнаго донесенія (то-есть, разстрѣлять). Въ ночь посланъ былъ на Малый Ярославецъ авангардъ, подъ командою генерала Дохтурова; армія двинулась также для преграждснія пути. Французы были предупреждены въ Маломъ Ярославцѣ, который нѣсколько разъ переходилъ въ руки непріятелей, и французовъ били русскіе. Наконецъ, армія остановилась въ грозномъ видѣ позади Малаго Ярославца...

«Мужественный, извѣстный Сеславинъ, открывъ движеніе непріятеля на Калугу, способствовалъ такимъ образомъ весьма много къ предупрежденію непріятеля подъ Малымъ Ярославцемъ, которое (то-есть, предупрежденіе) имѣло слѣдствіемъ постыдную и гибельную ретираду для французской арміи, а вмѣстѣ съ тѣмъ 1812, 1813 и 1814 годы и всѣ счастливыя послѣдствія до настоящаго времени...

«Великіе люди нерѣдко отрекаются, такъ сказать, отъ самихъ себя, заранѣе переносятся мыслью въ вѣчность, зрятъ славу, награждающую ихъ великодушіе и постоянное терпѣніе, внемлютъ гласу потомства, именующаго ихъ друзьями отечества и благодѣтелями человѣчества... Одни лишь превосходные смертные могутъ быть способны къ сему бытію...».

Сеславинъ былъ холостъ, хотя въ молодости сильно мечталъ о женитьбѣ.

«Чувствую необходимость имѣть друга,—писалъ онъ своей невѣсткѣ,—и всегдашняго товарища. Повсюду отдаютъ должную справедливость моимъ заслугамъ, правда—это льститъ моему самолюбію, но ощущаю всегда пустоту въ себѣ. Чтобъ не истребилась память дѣлъ моихъ, надо жениться, родить сына, которому передавъ мои дѣла я не умру, я буду жить въ немъ».

Однако, осуществить эту мечту партизану не пришлось. Въ Есемовѣ онъ сошелся съ своей крѣпостной, отъ которой имѣлъ незаконнорожденную дочь Вѣру, которой была присвоена фамилія Славина.

Скончался Сеславинъ 25-го апрѣля 1857 года въ своемъ имѣніи, гдѣ и похороненъ на погостѣ, хотя онъ не разъ высказывалъ надежду, подобно князю Багратіону, тѣло котораго покоится подъ колонною въ Бородинѣ, быть похороненнымъ или въ храмѣ Спасителя, или подъ колонною въ Маломъ Ярославцѣ.

Родные племянники Сеславина поставили на могилѣ покойнаго въ 1873 году памятникъ.

Въ настоящее время всѣ имѣнія партизана перешли въ постороннія руки, а отъ дома, гдѣ жилъ и умеръ славный герой отечественной войны, не осталось и слѣда.

Вотъ тѣ слишкомъ незначительныя свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось собрать о жизни и дѣятельности моего двоюроднаго дѣда, Александра Никитича Сеславина.

Быть можетъ, эти страницы послужатъ для кого нибудь указаніемъ, гдѣ и какъ искать болѣе полные матеріалы не только для біографіи знаменитаго партизана, но и для исторіи его партизанскихъ дѣйствій; тогда я буду вполнѣ счастливъ сознаніемъ, что мой трудъ не пропалъ безслѣдно.

Д. Н. Сеславинъ.

ИЗЪ ЭПОХИ ПРИСОЕДИНЕНІЯ ПРІАМУРСКАГО КРАЯ.

I.

ВЪ 1853 ГОДУ, незадолго до окончанія курса военно-инженерной академіи, я познакомился съ генералъ-губернаторомъ восточной Сибири Н. Н. Муравьевымъ (впослѣдствіи графомъ Амурскимъ) и получилъ отъ него приглашеніе, по выходѣ изъ академіи, ѣхать на службу въ Сибирь. Предложеніе Н. Н. Муравьева я принялъ съ радостью: помимо желанія служить подъ начальствомъ такого извѣстнаго дѣятеля, какъ Н. Н., мнѣ открывалась перспектива совмѣстной жизни съ горячо любимымъ старшимъ братомъ, окончившимъ академію тремя годами раньше меня и служившимъ у графа чиновникомъ особыхъ порученій. Но въ то время мнѣ не суждено было попасть въ Сибирь; Н. Н. Муравьевъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга за границу въ продолжительный отпускъ, а я, по окончаніи выпускныхъ экзаменовъ, былъ назначенъ въ Динабургскую крѣпость (нынѣ Двинскую) и попалъ туда въ самый разгаръ инженерныхъ работъ. Началась крымская война; меня экстренно командировали въ Ригу для участія въ спѣшныхъ и усиленныхъ работахъ по укрѣпленію города и устройству приморскихъ батарей. Мнѣ поручены были работы въ городѣ, по берегу рѣки Двины. Нужно было ремонтировать старые полуразрушившіеся крѣпостные верки, устроить временные

казематы, возвести бастіонъ, очистить берегъ отъ частныхъ торговыхъ построекъ, вырыть вдоль береговыхъ верковъ крѣпостной ровъ и пр. Бывали дни, что на моей дистанціи работало до пяти тысячъ человѣкъ. При такихъ обстоятельствахъ нечего было думать о перемѣщеніи. Только по окончаніи крымской кампаніи я могъ оставить инженерную службу. Въ январѣ 1857 года я выѣхалъ въ Сибирь, а въ концѣ февраля прибылъ въ Иркутскъ и явился къ Н. Н. Муравьеву. Меня назначили чиновникомъ особыхъ порученій въ его штабъ, съ зачисленіемъ въ конное Забайкальское казачье войско. Въ маѣ мѣсяцѣ я впервые былъ командированъ на Амуръ, гдѣ тогда находился и начальникъ края.

Въ то время Амурскій край представлялся чѣмъ-то загадочнымъ, рѣка Амуръ—главнѣйшій водный путь на восточной окраинѣ Азіи, была мало изслѣдована. Командировка на Амуръ заинтересовала меня, и я съ радостнымъ чувствомъ и съ любопытствомъ отправился въ дальній путь. Впервые тогда я увидѣлъ величественные берега озера Байкала. Въ чудное майское утро, при восходѣ солнца, подъѣзжая къ пристани озера, я былъ пораженъ красотою и величіемъ окружающей природы. Высокіе скалистые берега у впаденія въ озеро быстрой рѣки Ангары представились моимъ взорамъ; надъ озеромъ, едва замѣтно клубясь, поднимались водяные пары, сгущались вверху, образуя облака, которыя ползли все выше и выше по цвѣтнымъ гранитнымъ утесамъ; обширная спокойная поверхность воды отливала синеватымъ цвѣтомъ; вдали сверкали снѣговыя горныя вершины, озаренныя лучами восходящаго солнца. Все это являло такое очаровательное величіе природы, что я до сихъ поръ помню трепетъ молодой души, невольно вызвавшій на глазахъ слезы, а на устахъ молитву къ Всевышнему Творцу земныхъ чудесъ. Впослѣдствіи, каждый разъ, когда мнѣ приходилось подъѣзжать къ берегамъ Байкала со стороны Иркутска, я испытывалъ глубокое, необъяснимое чувство, которое возбуждается у насъ при видѣ прекраснаго. Не даромъ туземцы называютъ Байкалъ Святымъ моремъ!

Я проѣхалъ длинную Забайкальскую степь, подъемъ и спускъ съ высокаго хребта Яблоновыхъ горъ до станціи «Срѣтенскъ», гдѣ оканчивается путь на лошадяхъ. Съ этого пункта дальнѣйшее мое путешествіе продолжалось на лодкѣ по теченію рѣки Шилки. Устроивъ на лодкѣ будку для защиты отъ зноя и непогоды, запасшись провизіей, состоявшей изъ сухарей, сушеной говядины и живыхъ куръ, я въ сопровожденіи нѣсколькихъ гребцовъ изъ солдатъ мѣстнаго линейнаго баталіона пустился въ путь въ дальнія невѣдомыя для меня страны. Съ быстрымъ теченіемъ рѣки Шилки мы подвигались очень скоро. Впервые я путешествовалъ по водѣ, поэтому даже пустынные и мѣстами некрасивые берега Шилки производили на меня неиспытанное впечатлѣніе. Благополучно доѣхали мы до такъ называемой «Стрѣлки», гдѣ сливаются двѣ быстрыя горныя рѣки Шилка и Аргунь, образуя рѣку Амуръ.

До 1857 года на рѣкѣ Амурѣ еще не было русскихъ поселеній; только весною въ этомъ году было отправлено небольшое число семействъ забайкальскихъ казаковъ и одинъ линейный баталіонъ, которому было поручено основаніе города Благовѣщенска. Такимъ образомъ, я плылъ вдоль совершенно безлюдныхъ и пустынныхъ береговъ Амура, изрѣдка только встрѣчая на пути одинокого кочующаго орочона на утлой лодочкѣ изъ бересты. Мы быстро подвигались впередъ; передъ глазами моими мелькала чудная панорама дикихъ береговъ Амура, украшенныхъ высокими скалами и величественными лѣсами.

Въ половинѣ іюня, на разсвѣтѣ, я прибылъ къ стоянкѣ генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева, расположенной въ 7-ми верстахъ отъ нынѣшняго города Благовѣщенска (на этомъ мѣстѣ теперь находится памятникъ графу Амурскому). Стоянка состояла изъ ряда лагерныхъ холщевыхъ палатокъ. Въ тотъ же день я былъ посланъ Н. Н. Муравьевымъ въ Благовѣщенскъ для осмотра строящихся первыхъ 20 бараковъ для войскъ и для установки артиллерійскихъ орудій на берегу рѣки Амура. На другой же день былъ командированъ въ нынѣшнюю станицу Иннокентіевскую, въ 17-ти верстахъ ниже впаденія рѣки Буреи въ Амуръ, для завѣдыванія работами по постройкѣ бараковъ изъ хвороста и глины. Тамъ я засталъ команду солдатъ линейнаго баталіона, посланныхъ для постройки жилищъ для будущихъ переселенцевъ-казаковъ Забайкальскаго войска. Строительнаго матеріала не имѣлось на мѣстѣ, только колья и хворостъ можно было достать вблизи, на берегу рѣки. Пришлось строить стѣны изъ двухъ рядовъ плетня, промежутокъ между которыми набивался глиной; ею же обмазывались стѣны съ обѣихъ сторонъ. Разбивъ планъ будущихъ станичныхъ построекъ въ одну линію, я приступилъ къ устройству 25 домовъ и пробылъ на работахъ двѣ недѣли. Въ теченіе этого времени не мало мученій пришлось испытать отъ мошекъ и овода. Не имѣя головныхъ предохранительныхъ сѣтокъ и живя подъ открытымъ небомъ на берегу рѣки, я ни днемъ, ни ночью не имѣлъ покоя. Лицо и руки распухли; безсонныя ночи, боль и зудъ нерѣдко доводили меня до отчаянія. Солдаты, утомленные тяжелою дневною работою, на ночь обкладывали себя дымящимися обрубками полугнилаго хвороста и спали въ дыму, который избавлялъ ихъ отъ назойливыхъ насѣкомыхъ. Я же не рѣшался прибѣгнуть къ этому средству и всѣ ночи проводилъ на ногахъ; только на зарѣ, когда поднявшійся свѣжій вѣтерокъ разгонялъ мошекъ, я засыпалъ въ полномъ изнеможеніи, не обращая вниманія на ползущихъ водяныхъ ужей. Но отдыхъ мой продолжался обыкновенно не болѣе двухъ-трехъ часовъ; солнце пробуждало оводовъ (попростонародному — паутовъ), большихъ мухъ, кусающихся до крови. Оводъ положительно доводитъ до бѣшенства скотъ, который спасается отъ него, погружаясь по горло въ воду. До сихъ поръ не

могу забыть перенесенныхъ мною испытаній; помню, съ какою радостью я получилъ приказъ Н. Н. Муравьева возвратиться въ Иркутскъ.

Насколько пріятно и удобно было плаваніе внизъ по теченію рѣки, при быстро смѣняющихся очаровательныхъ скалистыхъ и лѣсистыхъ берегахъ Амура, настолько движеніе вверхъ, совершенное мною съ помощью бечевы, было медленно и затруднительно. Трудно представить, не испытавъ на практикѣ, мученіе людей, которымъ приходилось тянуть лодку бечевой противъ теченія такой быстрой рѣки, какъ Амуръ. Положеніе сравнительно благопріятное, если берегъ открытый и удобопроходимый; но въ мѣстахъ обрывистыхъ или скалистыхъ оно дѣлалось крайне мучительнымъ и опаснымъ для людей, которые тянули лодку. «Бечевой», какъ ихъ называютъ, держитъ въ такихъ случаяхъ веревку въ зубахъ, чтобы руки оставались свободными, ползетъ по скаламъ, иногда обрывистымъ, цѣпляясь за выдающіеся уступы, и шагъ за шагомъ медленно подвигается впередъ. При малѣйшей неосторожности или невниманіи можно оборваться нерѣдко съ значительной высоты, и тогда гибель неизбѣжна, такъ какъ въ трудно проходимыхъ мѣстахъ берега очень глубоки. Въ моемъ распоряженіи было 12 гребцовъ, раздѣленныхъ на три смѣны, по четыре человѣка въ каждой: первая смѣна шла бечевой, вторая — помогала имъ веслами, шестами и на рулѣ, а третья—отдыхала.

При такихъ условіяхъ, очень медленно подвигаясь впередъ вдоль пустынныхъ, безлюдныхъ береговъ, я провелъ въ первую мою поѣздку на Амуръ два мѣсяца. Къ испытаннымъ непріятностямъ этого тягостнаго пути присоединялось опасеніе, что мы не успѣемъ до зимы добраться до жилыхъ мѣстъ на рѣкѣ Шилкѣ; при недостаткѣ продовольствія и при отсутствіи теплой одежды, подобный случай грозилъ бы намъ неизбѣжной гибелью. Мои мучительныя сомнѣнія усиливались подъ вліяніемъ разсказовъ двухъ моихъ гребцовъ, которые осенью 1856 года въ составѣ большой команды линейнаго баталіона подъ начальствомъ полковника Облеухова возвращались съ Амура въ Нерчинскій край, въ мѣста расположенія баталіона. На пути слѣдованія команды, запоздавшей возвращеніемъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ оставлены были продовольственные запасы, разсчитанные на двухъ или трехнедѣльный переходъ. Зима въ томъ году наступила ранняя; при появившихся довольно сильныхъ заморозкахъ, движеніе на лодкахъ сдѣлалось невозможнымъ, пришлось ихъ бросить. Между тѣмъ и пѣшее движеніе сильно замедлялось переправами черезъ поздно замерзавшіе быстрые горные притоки Амура. Вслѣдствіе этого команда употребила на прохожденіе отъ одного изъ продовольственныхъ пунктовъ до слѣдующаго около двухъ мѣсяцевъ, имѣя запасъ провизіи, котораго могло хватить только на три недѣли. Трудно передать простые, но потрясающіе разсказы моихъ гребцовъ объ ужасахъ голода, пережитыхъ коман-

дою въ суровую зиму, въ безлюдныхъ пустынныхъ мѣстахъ. Когда были съѣдены не только послѣднія крохи сухарей и сушоной говядины, но и вьючныя лошади, люди бросились истреблять ранцы и другія вещи изъ кожи, разваривая ихъ въ котлахъ. Дѣло доходило даже до человѣческаго мяса. Въ одномъ мѣстѣ на берегу, гдѣ мнѣ указали на валявшіяся человѣческія кости, будто бы былъ убитъ и съѣденъ молодой юнкеръ. Нѣкоторые бросались на еще не остывшіе трупы умершихъ отъ голода,—приходилось штыками отгонять обезумѣвшихъ людей. По словамъ моихъ гребцовъ, всѣ, питавшіеся трупами, умирали вскорѣ въ бурномъ помѣшательствѣ. Болѣе выносливые, хотя и не ожидали спасенія, но дали товарищескую клятву не оставлять другъ друга до послѣдняго издыханія, и дѣйствительно самыхъ слабыхъ, не бывшихъ въ состояніи двигаться далѣе, они чередуясь, везли на салазкахъ, на которыхъ помѣщались вещи. Среди этихъ ужасныхъ испытаній, погибла большая половина команды, когда солдаты неожиданно наткнулись на баржу съ мукой, принадлежавшую къ лѣтнему сплаву по рѣкѣ Амуру и оставленную, за невозможностью снять ее съ мели. Люди, какъ дикіе звѣри, бросились пожирать сырую муку, и тутъ же нѣкоторые умирали въ страшныхъ мученіяхъ; болѣе благоразумные силою старались удерживать несчастныхъ, обезумѣвшихъ отъ голода людей, благодаря чему многіе изъ нихъ, питаясь осторожно и умѣренно вареной мучной похлебкой, избавились отъ мучительной смерти. Случайный виновникъ этого спасенія, поручикъ Поротовъ, посадившій баржу на мель, взамѣнъ ожидавшей его отвѣтственности за утрату казеннаго имущества, получилъ въ награду орденъ св. Станислава 3-й степени.

Измученный физически и нравственно, я къ концу августа, послѣ шестидесяти-суточнаго пути бечевой, прибылъ къ Шилкинскому заводу, откуда, послѣ кратковременнаго отдыха, отправился далѣе на лошадяхъ и въ началѣ сентября пріѣхалъ въ Иркутскъ.

Въ Иркутскѣ мнѣ недолго пришлось пользоваться отдыхомъ въ семьѣ моего брата; черезъ двѣ недѣли я мчался на курьерскихъ въ Забайкальскія степи, имѣя порученіе изслѣдовать причины уменьшающейся съ каждымъ годомъ добычи соли въ Борзенскомъ озерѣ и устроить приспособленія къ болѣе выгодному извлеченію изъ него соли, а также розыскать въ Агинской степи соляное озеро, скрываемое бурятами, такъ какъ всѣ соляные источники составляли собственность казны.

Послѣднее порученіе особенно безпокоило меня. Счастливая мысль привела меня въ одинъ изъ большихъ ламайскихъ монастырей (даданъ). Туда я попалъ на какой-то ламайскій праздникъ, на который съѣхалось множество ламъ изъ сосѣднихъ монастырей; всѣ они были въ желтыхъ тогахъ, только настоятель монастыря носилъ одѣяніе краснаго цвѣта. Отрекомендовавшись чиновникомъ гене-

ралъ-губернатора, я обратился къ нему съ просьбой оказать содѣйствіе къ исполненію даннаго мнѣ порученія. Сультимъ Бадмаевъ (такъ звали настоятеля), почтенный старикъ, весьма уважаемый бурятами, очень гостепріимно принялъ меня и обѣщалъ, по окончаніи праздниковъ, лично сопутствовать мнѣ и довести до озера, которое я розыскивалъ. На слѣдующій день я выѣхалъ съ Бадмаевымъ изъ дацана въ сопровожденіи 20 человѣкъ конныхъ бурятъ, которые придавали нѣсколько парадный видъ нашей поѣздкѣ. Въ пути, который продолжался три дня, мнѣ пришлось ночевать въ отвратительныхъ вонючихъ юртахъ, и еще хуже того—пить чай изъ грязной, покрытой жиромъ посуды, о которой и теперь не могу вспомнить безъ отвращенія. Удовлетворивъ свое служебное любопытство осмотромъ и измѣреніемъ озера, которое, хотя и оказалось соленымъ, но, по своей незначительной величинѣ, не заслуживало вниманія и правильнѣе могло быть названо лужей, я распростился здѣсь съ Бадмаевымъ, поблагодаривъ его за любезность и радушіе, и затѣмъ направился на Борзенское озеро, расположенное въ Тарейской степи.

Съ Бадмаевымъ мнѣ пришлось увидѣться въ С.-Петербургѣ въ 1861 году, по возвращеніи моемъ изъ Сибири. Неожиданно встрѣчаю его тогда на Невскомъ проспектѣ; оказывается, что Бадмаевъ, оставивъ свои степи, прибылъ въ С.-Петербургъ, гдѣ принялъ святое крещеніе. Съ высочайшаго разрѣшенія, ему было позволено лѣчить тибетскими травами и для примѣненія своего способа ему отведена была особая палата въ 1-мъ сухопутномъ госпиталѣ. За свое удачное лѣченіе Бадмаевъ получилъ чинъ титулярнаго совѣтника, медаль (кажется, за спасеніе погибающихъ) и званіе врача. Его способъ лѣченія въ свое время надѣлалъ много шума и завоевалъ ему такую извѣстность, что Бадмаева нерѣдко приглашали въ лучшіе аристократическіе дома. Но, не будучи сребролюбцемъ и оказывая часто помощь больнымъ безмездно, онъ не оставилъ послѣ себя никакихъ средствъ послѣ недолгой своей жизни въ Петербургѣ. Нынѣ извѣстный П. А. Бадмаевъ—племянникъ покойнаго бывшаго ламы.

Возвращаюсь къ своей поѣздкѣ на Борзенское озеро, которое, какъ я упомянулъ, находится въ Тарейской степи, вблизи пограничной съ Китаемъ казачьей станицы. Это озеро очень интересно по своей природѣ. Элипсообразная котловина его, длиною до 400 и шириною до 280 саженъ, наполнена на весьма значительную глубину топкимъ иломъ. Весною, въ мартѣ мѣсяцѣ, когда солнце начинаетъ пригрѣвать, по всему озеру появляются бугры, которые вскорѣ трескаются и наполняютъ озеро разсоломъ. При этомъ горькія соли осаждаются въ видѣ скорлупы на иловатомъ днѣ, а чистый разсолъ, содержащій одну поваренную соль, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, постепенно концентрируется, образуя по временамъ мѣстами бѣлые, мѣстами свѣтло-розовые кристаллы. Когда послѣдніе достаточно сгустѣютъ, ихъ извлекаютъ на берегъ и окончательно просу-

шиваютъ въ буртахъ. Для извлеченія соли, рабочіе ходили по озеру на лыжахъ; замѣтивъ, что подъ тяжестью ихъ нерѣдко проламывалась нижняя кора, охраняющая чистую соль отъ разсола горькихъ солей, вслѣдствіе чего портились кристаллы соли, и добыча ея уменьшалась, я устроилъ легкія настилки, по которымъ можно было, не ломая коры, доходить до средины озера. Это приспособленіе оказалось настолько удачнымъ, что добыча соли въ то лѣто достигла 200,000 пудовъ, противъ 50 тысячъ предыдущаго года. Окончивъ мою командировку заготовкой матеріаловъ для постройки магазиновъ, я въ началѣ ноября возвратился въ Иркутскъ, успѣвъ проѣхать на послѣднемъ пароходѣ по Байкалу отъ станціи Посольской до находящейся въ 65 верстахъ отъ Иркутска станціи Лиственничной.

Н. Н. Муравьевъ въ это время былъ въ С.-Петербургѣ, и обязанности генералъ-губернатора исправлялъ иркутскій военный губернаторъ Венцель, пользовавшійся всеобщею любовью и уваженіемъ. Мнѣ, какъ чиновнику особыхъ порученій, приходилось и при немъ дежурить; въ одно изъ моихъ дежурствъ при Венцелѣ, въ Иркутскъ былъ привезенъ съ фельдъегеремъ юрецъ-сванетъ князь Дадешкиліанъ, съ которымъ впослѣдствіи я былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Воспоминанія невольно останавливаются на этомъ человѣкѣ и на обстоятельствахъ, сопровождавшихъ первую мою встрѣчу съ нимъ. Ссылка его въ Иркутскъ была вызвана грустными и не лишенными интереса событіями въ его семьѣ.

Вслѣдствіе какихъ-то интригъ владѣтельный князь Константинъ Дадешкиліанъ долженъ былъ, по приказанію намѣстника Кавказа, князя Барятинскаго, оставить Сванетію. Вызванный въ Кутаисъ, гдѣ ему было сообщено объ этомъ приказѣ, Дадешкаліанъ отказался подчиниться требованію властей. Когда же генералъ-губернаторъ князь Гагаринъ заявилъ ему въ довольно рѣзкой и грубой формѣ, что его силой заставятъ исполнить распоряженіе намѣстника, оскорбленный Дадешкиліанъ пришелъ въ такое изступленіе, что бросился на князя Гагарина и ударами кинжала уложилъ на мѣстѣ его и двухъ чиновниковъ, поспѣшившихъ на помощь къ своему начальнику. Исходомъ этой исторіи было разстрѣляніе самого Константина Дадешкиліана и ссылка его братьевъ: Александра въ Иркутскъ, съ зачисленіемъ въ казаки Забайкальскаго войска, а трехъ младшихъ въ Варшаву, въ конвой намѣстника царства Польскаго. О высылкѣ князя Александра Дадешкиліана въ нашемъ штабѣ было получено предварительное увѣдомленіе, въ которомъ военный министръ Сухозанетъ рекомендовалъ быть осторожнымъ въ обращеніи съ Дадешкиліаномъ, такъ какъ вся семья Дадешкиліановъ была извѣстна своею жестокостью и мстительностью. Вслѣдствіе этого предостереженія мы съ любопытствомъ ожидали его прибытія. Мнѣ первому пришлось познакомиться съ этою интересной личностью: я былъ на дежурствѣ у генерала Венцеля, когда фельдъегерь привезъ Дадешкиліана. Я

доложилъ о немъ, и, къ моему крайнему удивленію, Карлъ Карловичъ Венцель, человѣкъ въ высшей степени вѣжливый и добрый, прозванный молодежью «Карломъ Святымъ», очень сухо принялъ Дадешкиліана, заставилъ его долго прождать въ пріемной, а затѣмъ, выйдя, не подалъ руки и, объявивъ ему строгимъ начальническимъ тономъ о зачисленіи въ Забайкальское казачье войско, приказалъ замѣнить свой національный костюмъ (бѣлую черкеску) казацкой формой. Я замѣтилъ, какъ при этихъ словахъ у Дадешкиліана задрожали губы, и, опасаясь какой либо рѣзкой выходки съ его стороны, обратился къ Венцелю съ словами, не найдетъ ли онъ удобнымъ предоставить рѣшеніе дальнѣйшей участи Дадешкиліана на усмотрѣніе генералъ-губернатора, который вскорѣ долженъ былъ возвратиться изъ С.-Петербурга. Венцель согласился, и я, отпросившись съ дежурства, увелъ Дадешкиліана къ своему брату, жившему вмѣстѣ съ родителями своей жены, Клейменовыми. Дадешкиліанъ съ перваго дня знакомства привязался къ моему брату и къ достойнѣйшей семьѣ Клейменовыхъ и въ ихъ кругу разгонялъ свою тоску по родинѣ, встрѣтивъ здѣсь самый радушный пріемъ, а въ лицѣ Н. Т. Клейменовой — природной грузинки — своего сородича.

Вскорѣ вернулся изъ С.-Петербурга Н. Н. Муравьевъ и въ день, назначенный для общаго представленія властей, приказалъ явиться и Дадешкиліану. Привѣтствовавъ собравшихся, генералъ-губернаторъ произнесъ рѣчь, которая, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, была очень интересна, такъ какъ содержала въ себѣ много любопытныхъ разоблаченій интригъ и доносовъ, посылаемыхъ на него въ С.-Петербургъ. Въ серединѣ рѣчи въ залу вошелъ Дадешкиліанъ, и его стройная высокая фигура въ бѣлой черкескѣ невольно обратила на него всеобщее вниманіе, а генералъ-губернаторъ, оборвавъ свою рѣчь, быстро подошелъ къ нему и, пожимая его руку, сказалъ: «я былъ другомъ вашего отца, который скончался на моихъ рукахъ; очень радъ видѣть сына этого доблестнаго человѣка. Сдѣлайте мнѣ честь и примите должность моего адъютанта». Это неожиданное и ласковое обращеніе до слезъ тронуло Дадешкиліана; онъ отъ волненія не могъ произнести ни слова и пожалъ лишь протянутую руку графа. Впослѣдствіи Дадешкиліанъ искренно и горячо полюбилъ Н. Н. Муравьева, который подобнымъ сердечнымъ и добрымъ обхожденіемъ привязывалъ къ себѣ всѣхъ подчиненныхъ. Дадешкиліану разрѣшено было носить черкеску, къ которой онъ придѣлалъ только эполеты и аксельбанты, и съ этимъ костюмомъ онъ не разставался за все время своей службы въ Сибири. Состоя сначала въ чинѣ поручика, онъ года черезъ 4 дослужился до полковника; освобожденный, по ходатайству Н. Н. Муравьева, отъ ссылки, онъ впослѣдствіи получилъ отъ правительства большое имѣніе въ Таврической губерніи въ вознагражденіе за потерянное имъ Сванетское княжество.

По возвращеніи генералъ-губернатора въ Иркутскъ, служебная

жизнь закипѣла. Самъ Н. Н. Муравьевъ былъ въ высшей степени дѣятеленъ. Съ 6 часовъ утра онъ сидѣлъ уже за бумагами въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Зиму онъ проводилъ за письменною работою, а весну и лѣто до поздней осени—на Амурѣ.

На этотъ разъ меня назначили состоять дежурнымъ штабъ-офицеромъ при атаманѣ М. С. Карсаковѣ, подъ начальствомъ котораго снаряжалась экспедиція на Амуръ. Въ концѣ февраля 1858 года я выѣхалъ въ Читу; весь почти мартъ провелъ за письменной работой, а въ концѣ мѣсяца былъ командированъ вмѣстѣ съ есауломъ Пузино въ казачьи станицы для выбора переселенцевъ на Амуръ. Пришлось объѣхать всѣ 12 баталіоновъ пѣшаго Забайкальскаго войска, поэтому я только черезъ двѣ недѣли возвратился въ Читу. Оттуда я вскорѣ съ атаманомъ Карсаковымъ отбылъ въ Бянкино, а затѣмъ въ Срѣтенскъ, изъ котораго наша экспедиція должна была отплыть на Амуръ. Немного спустя, въ Срѣтенскъ прибылъ Н. Н. Муравьевъ, а въ его свитѣ и князь Дадешкиліанъ. Въ ожиданіи вскрытія рѣки мы весело проводили время на общей квартирѣ съ Дадешкиліаномъ, Карповымъ, Э. К. Венцелемъ, братомъ иркутскаго губернатора, и А. Д. Шелиховымъ, котораго за его кругленькую фигурку мы называли Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ. Утро и вечеръ мы проводили въ шумной бесѣдѣ, и мнѣ нерѣдко приходилось, за неимѣніемъ другого мѣста, писать служебныя бумаги на походной кровати; а въ свободное отъ занятій время совершали прогулки по горамъ. Обѣдали мы у Муравьева, въ обществѣ котораго наша бесѣда нерѣдко затягивалась на нѣсколько часовъ. Припоминаю здѣсь случай, свидѣтельствующій о добротѣ нашего главнаго начальника. Однажды, конвойные атамана Карсакова, осматривавшаго въ одной изъ станицъ квартиры линейнаго баталіона, поймали въ горахъ убѣжавшаго съ Карійскихъ рудниковъ каторжника, по фамиліи Лахтина, и привели его въ Срѣтенскъ. Мнѣ было поручено посадить его въ арестантскую, а затѣмъ обратно отправить въ рудники. Видъ этого несчастнаго, истомленнаго бѣглеца произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе, и я, узнавъ, что онъ 6-ой день безъ пищи, приказалъ его накормить. Но еще сильнѣе подѣйствовалъ на меня его разсказъ. Лахтинъ попалъ на каторгу за отцеубійство, которое было совершено имъ въ припадкѣ ревности: возвратившись въ избу изъ лѣсу, гдѣ онъ рубилъ дрова, Лахтинъ наткнулся на возмутительную сцену, жертвою которой была горячо любимая имъ жена; не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ тѣмъ топоромъ, который былъ у него за поясомъ, убилъ отца—виновника своего позора. Теперь за побѣгъ его ожидало наказаніе плетьми и новое водвореніе на Карійскихъ рудникахъ, начальство которыхъ славилось своею жестокостью. Подъ вліяніемъ этого разсказа я пришелъ въ квартиру генералъ-губернатора (было уже обѣденное время) въ самомъ угнетенномъ состояніи духа

которое не скрылось отъ Муравьева. Сообщивъ ему печальную повѣсть, я спросилъ, нельзя ли спасти Лахтина. «Ну, что же? Если хотите помочь ему, запишите его переселенцемъ на островъ Сахалинъ; тамъ теперь предполагается устроить колоніи для ссыльно-каторжныхъ, и вашъ протеже будетъ первымъ колонистомъ». Помню, съ какою радостью поспѣшилъ я сдѣлать распоряженіе объ отправкѣ Лахтина съ первымъ транспортомъ на Сахалинъ. Съ Лахтинымъ мнѣ пришлось встрѣтиться еще два раза: въ станицѣ Иннокентіевской по пути слѣдованія его на баржѣ, а въ слѣдующемъ году на Сахалинѣ, гдѣ онъ успѣлъ выстроить себѣ домикъ, первую постройку на островѣ, и развести небольшой садъ.

Ледъ на Шилкѣ тронулся 26-го апрѣля, и Н. Н. Муравьевъ тотчасъ же отправился вслѣдъ за льдомъ на Амуръ. Мой братъ, неожиданно пріѣхавшій въ Срѣтенскъ по дѣлу снаряженія Амурской экспедиціи, засталъ меня еще въ Срѣтенскѣ. Съ Карсаковымъ мы выѣхали 6-го мая и, такъ какъ по пути намъ приходилось осматривать основанныя въ прошломъ году первыя казачьи станицы, то прибыли въ Благовѣщенскъ лишь 18-го мая, на другой день по заключеніи Айгунскаго договора. Никто не ожидалъ столь скораго и успѣшнаго исхода переговоровъ между Н. Н. Муравьевымъ и княземъ И—шаномъ, уполномоченнымъ китайскаго правительства; въ этомъ дѣлѣ сказалась обычная энергія и настойчивость Муравьева и его умѣніе пользоваться благопріятными обстоятельствами.

Узнавъ, что въ городѣ Айгунѣ (въ 30-ти верстахъ ниже Благовѣщенска) находится китайскій уполномоченный князь И—шанъ, Муравьевъ, не дожидаясь идущихъ вслѣдъ за нимъ войскъ, поплылъ на канонерскихъ лодкахъ съ двумя ротами 14-го линейнаго баталіона, съ горстью казаковъ и съ двумя пушками и, расположившись лагеремъ на островѣ, лежащемъ противъ Айгуна, потребовалъ отъ князя И—шана немедленнаго открытія переговоровъ. Китайцы пытались уклониться отъ нихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что у князя И—шана нѣтъ государственной печати, но Муравьевъ заявилъ категорически, что если они въ теченіе трехъ дней не покончатъ съ нимъ дѣла добровольно, то онъ станетъ бомбардировать городъ. Китайскіе представители подъ вліяніемъ этихъ угрозъ, а также слуховъ, что сверху сплавляется много русскихъ войскъ, не располагая къ тому же достаточными силами, согласились наконецъ подписать этотъ первый съ Россійской имперіей договоръ, по которому за Россіей признаны были земли, лежащія по лѣвому берегу р. Амура и по правому — р. Уссури. Впослѣдствіи китайское правительство оспоривало значеніе этого договора, какъ не скрѣпленнаго государственною печатью, но въ 1860 году графу Н. П. Игнатьеву удалось включить текстъ его въ Пекинскій договоръ, который явился такимъ образомъ санкціей Айгунскаго соглашенія, бывшаго плодомъ восьмилѣтнихъ трудовъ Н. Н. Муравьева.

Въ день нашего пріѣзда въ Благовѣщенскъ происходилъ обмѣнъ подарковъ: Муравьеву былъ поднесенъ почетный, по понятіямъ китайцевъ, подарокъ — живая свинья, принесенная торжественно китайскими чиновниками. Этотъ подарокъ вызвалъ среди насъ не мало смѣха и остротъ. Намъ же присланы были разныя сладости и дешевыя шелковыя матеріи. Китайскіе сановники получили въ подарокъ сабли, кинжалы, украшенные драгоцѣнными камнями, часы и другія довольно цѣнныя вещи.

На другой день, 18-го мая, Н. Н. Муравьевъ, въ сопровожденіи архіепископа камчатскаго Иннокентія (впослѣдствіи митрополита московскаго), со всѣмъ своимъ штабомъ и властями г. Благовѣщенска поплылъ на катерахъ въ г. Айгунъ. Блестящая флотилія, разукрашенная флагами, звуки военной музыки, вызвали на берегъ массу народа, которому изъ катеровъ мы бросали горстями мелкую серебряную монету, припасенную для этого случая въ нѣсколькихъ мѣшкахъ. Генералъ-губернаторъ вмѣстѣ съ атаманомъ Карсаковымъ сошли съ катера и отправились къ князю И—шану съ прощальнымъ визитомъ, послѣ чего Н. Н. Муравьевъ и архіепископъ Иннокентій отбыли въ Николаевскъ къ устью Амура, а я съ атаманомъ Карсаковымъ вернулся въ Благовѣщенскъ, гдѣ была главная квартира Карсакова, какъ начальника Амурской экспедиціи. Вскорѣ затѣмъ я былъ командированъ на Улусъ-Самодонъ, вблизи бывшаго манджурскаго военнаго поста, для основанія станицы, получившей названіе Карсаковской, а по исполненіи этого порученія — въ станицу Низменную для основанія большаго селенія. Осмотрѣвъ окрестности Низменной, я убѣдился, что мѣстность эта совершенно непригодна для селенія, такъ какъ во время половодья затоплялась водой; я рѣшилъ искать другую и въ этихъ видахъ собралъ лучшихъ хозяевъ-казаковъ, пригласилъ начальника станицы сотника Перфильева, и на разсвѣтѣ отправился съ ними верхомъ, берегомъ, по теченію Амура. Къ вечеру намъ посчастливилось найти великолѣпную мѣстность, немного, правда, удаленную отъ берега рѣки, но за то представляющую всѣ удобства для хозяйства и расположенную на возвышенности, посреди красивой рощи изъ черной березы. Казакамъ она такъ понравилась, что они просили меня перевести сюда если не всю, то хотя бы часть станицы Низменной. Имѣя полномочіе распоряжаться въ этомъ вопросѣ по своему усмотрѣнію, я исполнилъ ихъ просьбу, и теперь это — одно изъ лучшихъ селеній на Амурѣ; оно названо Н. Н. Муравьевымъ станицею Константиновскою, въ честь великаго князя Константина Николаевича, постояннаго покровителя дѣятельности Муравьева. Избравъ мѣсто для церкви и разбивъ площадь на участки подъ постройки домовъ, я возвратился въ Благовѣщенскъ, откуда вскорѣ съ М. С. Карсаковымъ отправился опять для осмотра новыхъ поселеній и для встрѣчи начальника края, возвращающагося изъ Николаевска.

Въ такъ называемыхъ Хинганскихъ щекахъ,— узкое мѣсто р. Амура, пересѣкающее цѣпь Хинганскихъ горъ,— мы встрѣтили пароходъ «Амуръ», на которомъ слѣдовалъ Муравьевъ, и перебрались на него, по приглашенію графа. У станицы Иннокентіевской начальникъ края сошелъ на берегъ, желая осмотрѣть казачье селеніе. Я остался на пароходѣ, но вскорѣ былъ вытребованъ Муравьевымъ; спѣша въ станицу, я встрѣтилъ возвращающихся Муравьева и Карсакова; меня поразилъ возбужденный видъ графа, котораго Карсаковъ старался успокоить; за ними слѣдовала группа казаковъ. Вдругъ мнѣ послышались рѣзко произнесенныя слова Муравьева:

— Нѣтъ, для примѣра нужно предать ихъ военному суду и разстрѣлять!

Не зная, въ чемъ дѣло, и къ кому относятся эти слова, я съ безпокойствомъ шелъ къ берегу и затѣмъ получилъ отъ Карсакова приказъ арестовать и взять на пароходъ 7 человѣкъ казаковъ, приведенныхъ изъ станицы, а также произвести надъ ними дознаніе. Выяснилось слѣдующее. Въ 1857 году команда казаковъ подъ начальствомъ хорунжаго и урядника возвращалась съ Амура домой въ Забайкалье; шли они спѣшно, ведя бечевой лодки съ провизіей; ихъ пугало позднее время года, а потому они торопились, чтобы до морозовъ пройти Амуръ и избѣжать повторенія несчастнаго похода предыдущей зимы. Въ такомъ форсированномъ маршѣ ихъ нагналъ военный пароходъ подъ начальствомъ капитана-лейтенанта Саханскаго, который приказалъ командѣ прицѣпить лодки къ пароходу и продолжать путь вмѣстѣ съ нимъ. Пароходъ оказался слабосильнымъ, двигался очень медленно и, во избѣжаніе возможности попасть на мель, принужденъ былъ ночью становиться на якорь. Казаки, опасаясь, что такимъ путемъ они до морозовъ не пройдутъ Амура, неоднократно обращались къ Саханскому съ просьбой разрѣшить имъ идти, какъ прежде, бечевой. Но Саханскій не отпустилъ солдатъ; тогда казаки, не имѣвшіе даже зимняго платья, рѣшились ослушаться приказанія начальника и ночью, пользуясь осеннею темью, тайкомъ отцѣпились отъ парохода, ушли впередъ и достигли во время населенныхъ мѣстъ. Саханскій донесъ объ этомъ ослушаніи солдатъ высшему начальству, представивъ весь эпизодъ, какъ военный бунтъ, обвиняя, сверхъ того, ихъ въ нанесеніи раны какому-то гольду, обратившемуся къ нему съ жалобой, но не объяснившему, кто и при какихъ обстоятельствахъ его ранилъ. Вотъ суть дѣла, изъ-за котораго должны были идти подъ военный судъ арестованные казаки-поселенцы Иннокентіевской станицы. Муравьевъ требовалъ строгой дисциплины, необходимой въ краѣ, считавшемся на военномъ положеніи, а потому принялъ близко къ сердцу донесеніе Саханскаго. Онъ потребовалъ выдачи зачинщиковъ, и перепуганные солдаты указали на первыхъ попавшихся 7 человѣкъ. Разобравъ дѣло, я отправился къ графу съ

докладомъ въ удобную, конечно, минуту; графъ согласился со мною, что о бунтѣ не можетъ быть и рѣчи, и, по моему предложенію, поручилъ мнѣ, какъ временному командиру 6-й сотни, къ которой принадлежали обвиняемые, покончить этотъ вопросъ административнымъ порядкомъ и наказать домашнимъ образомъ наиболѣе виновныхъ, самъ же Муравьевъ разжаловалъ въ казаки хорунжаго и урядника. Въ 15 верстахъ отъ Иннокентіевской, у станицы при р. Буреѣ, гдѣ оканчивались мѣста расположенія 6-й сотни, я долженъ былъ оставить пароходъ. Прощаясь со мною, Муравьевъ сказалъ:

— Не увлекайтесь только и не будьте съ казаками строги. Богъ съ ними, если признаете нужнымъ наказать, то накажите снисходительно.

Не мало было подобныхъ же случаевъ, когда проявлялись доброта и снисходительность къ людямъ у незабвеннаго Н. Н. Муравьева.

Покончивъ свои занятія въ Иннокентіевской станицѣ и сдавъ казачью сотню прибывшему командиру, я еще разъ спустился по Амуру до «Хинганскихъ щекъ», осмотрѣлъ работы по постройкѣ новыхъ станицъ, а затѣмъ 20-го іюля направился бечевой обратно въ Иркутскъ. Тяжелый путь противъ теченія Амура, не смотря на сильное половодье, затруднявшее тягу, на этотъ разъ я совершилъ довольно счастливо. Къ 15 сентября мы доплыли до ст. «Срѣтенскъ», отсюда я двинулся дальше на лошадяхъ и, проскакавъ въ нѣсколько дней Забайкальскую степь, дѣлая, при быстрой почтовой ѣздѣ въ Сибири, по 400 верстъ въ сутки, попалъ въ Иркутскъ въ самый разгаръ празднествъ по случаю заключенія Айгунскаго договора.

Только мѣсяцъ провелъ я въ отдыхѣ въ кругу родныхъ; въ половинѣ октября мнѣ была дана командировка въ Нерчинскій край, гдѣ я долженъ былъ выбрать тысячу казачьихъ семействъ для переселенія на рѣку Уссури. Тяжелое было это порученіе. Переселеніе было принудительное и являлось для казаковъ какъ бы вѣчною ссылкою. Къ тому же на рѣкѣ Уссури можно было ожидать нападеній и грабежей со стороны манзъ и разныхъ бродягъ. Въ виду невзгодъ, которымъ всегда подвергались первыя партіи поселенцевъ, мнѣ велѣно было выбрать казаковъ малосемейныхъ или холостыхъ. Я объѣхалъ все Забайкальское войско, расположенное въ Нерчинскомъ краѣ; въ особо росписанныхъ пунктахъ были собраны казаки, попавшіе по жребію въ число поселенцевъ на Амуръ и Уссури. Почти три мѣсяца провелъ я въ переѣздахъ съ одного сборнаго пункта въ другой, выбиралъ людей, списывалъ наличные запасы хлѣба и скота и вычислялъ, что потребуется для обезпеченія переселенцевъ продовольствіемъ на первые два года. Труднѣе всего было съ выборомъ людей: немного находилось добровольцевъ, большая часть отказывалась по семейнымъ и другимъ причинамъ. Нерѣдко происходили крайне тяжелыя сцены, являлись жены и ма-

тери, и у меня не хватало духу записывать не желавшихъ. Я предоставилъ самому обществу указывать кандидатовъ, болѣе бѣдныхъ склонялъ къ согласію обѣщаніемъ устройства имъ на мѣстѣ полнаго хозяйства и крупныхъ вспомоществованій отъ казны. Зная, какъ близко къ сердцу принималъ Муравьевъ нужды переселенцевъ, я могъ смѣло обѣщать казакамъ сверхъ смѣты еще до 45 тысячъ рублей пособій и этимъ сманилъ ихъ идти въ первую очередь со мною, такъ какъ мнѣ, помимо снаряженія экспедиціи, былъ порученъ и приводъ переселенцевъ въ Хабаровку не позже 1-го іюня, чтобы успѣть до зимы занять берега Уссури. Покончивъ съ выборомъ людей и заготовивъ нужный матеріалъ для предстоящаго сплава, я въ концѣ декабря отправился обратно въ Иркутскъ. Пароходное сообщеніе черезъ Байкалъ было прекращено, зимній путь по льду еще не установился, и мнѣ поневолѣ пришлось объѣзжать Байкалъ верхомъ по горнымъ тропинкамъ (такъ называемаго кругоморскаго пути тогда еще не существовало). По дорогѣ я заѣхалъ въ Кяхту, гдѣ градоначальникомъ въ то время былъ А. И. Деспотъ-Зеновичъ, очень энергичный администраторъ, водворившій въ этомъ пограничномъ городѣ отличный порядокъ. Въ Кяхтѣ я побывалъ у своихъ знакомыхъ, а также посѣтилъ китайскій городъ Маймачинъ; здѣсь я былъ принятъ съ большимъ радушіемъ китайскими купцами и имѣлъ случай познакомиться съ китайской кухней. 23-го декабря я выѣхалъ верхомъ въ Иркутскъ; стояли сильные морозы до 40°, дорога была очень тяжелая, — приходилось проѣзжать по узкимъ обледенѣвшимъ тропинкамъ, надъ глубокимъ пропастями. Четверо сутокъ провелъ и въ этомъ адскомъ путешествіи безъ отдыха и едва 27-го декабря прибылъ въ Иркутскъ. Здѣсь узналъ я пріятную новость: любимый мой начальникъ за Айгунскій договоръ получилъ титулъ графа Амурскаго съ производствомъ въ полные генералы и пожизненною пенсіей въ 15 тысячъ рублей. И меня—новичка въ дѣлахъ Амурскихъ, не обошли наградой: я получилъ орденъ св. Анны 3-й степени. Н. Н. Муравьевъ остался очень доволенъ результатами моей поѣздки въ Нерчинскій край и, не колеблясь, согласился на усиленіе пособій переселенцамъ. Разрѣшивъ мнѣ пробыть для отдыха два мѣсяца въ Иркутскѣ, графъ приказалъ мнѣ довести навербованныхъ переселенцевъ до Хабаровки, а затѣмъ заняться постройкой на Амурѣ семи церквей, планы и смѣты которыхъ я долженъ былъ изготовить до своего отъѣзда изъ Иркутска. Строительный матеріалъ для этихъ церквей предположено было сплавить по рѣкѣ, самую же работу производить солдатами линейныхъ баталіоновъ, которые, занимаясь постройкой барокъ и лодокъ для сплава, достаточно были знакомы съ плотничествомъ. Для техническаго надзора мнѣ было предоставлено выбрать нѣсколько десятковъ мастеровъ изъ ссыльно-каторжныхъ; я побывалъ съ этою цѣлью на нѣкоторыхъ рудникахъ и, хотя съ трудомъ, но досталъ себѣ нуж-

ное количество разныхъ ремесленниковъ. Меня крайне удивляло, что каторжники неохотно разставались съ мѣстами своего заключенія, и то лишь соблазняясь обѣщанными имъ льготами и скорымъ возвращеніемъ на мѣсто.

27-го февраля 1859 года я выѣхалъ за Байкалъ, не предчувствуя, что болѣе Иркутска не увижу. Пріѣхавъ въ Читу, я обратился къ исправлявшему, за отсутствіемъ атамана Карсакова, должность начальника забайкальскаго войска — полковнику Соколовскому, съ просьбой откомандировать въ мое распоряженіе нѣсколькихъ офицеровъ въ помощь при снаряженіи сплава; почтенный старикъ не рѣшился, однако, удовлетворить мое желаніе до прибытія Карсакова, ссылаясь на то, что онъ не имѣетъ такихъ полномочій. Дѣлать было нечего: возвращеніе атамана Карсакова изъ С.-Петербурга ожидалось только въ апрѣлѣ, а потому мнѣ пришлось снаряжать экспедицію одному. Мартъ и апрѣль провелъ въ горячей работѣ; оставленный безъ помощниковъ, я едва справлялся съ дѣломъ и въ концѣ концовъ рѣшилъ выбрать изъ переселенцевъ болѣе зажиточныхъ и надежныхъ хозяевъ. Однимъ изъ такихъ выборныхъ я сдавалъ подъ ихъ отвѣтственность по баржѣ съ 10 казаками на каждой и съ провизіей, другимъ — плотъ съ лошадьми и коровами, самъ же подъ личный свой присмотръ принялъ болѣе цѣнный грузъ: спиртъ, хозяйственный инвентарь переселенцевъ, деньги, назначенныя имъ въ пособіе, двухмѣсячные запасы продовольствія — чай, соль, сухари, сушеную говядину и прочее. Не мало было возни съ пріемкой провизіи: приходилось убѣждаться въ ея доброкачественности и принимать все по вѣсу. Особенно озабочивали меня лодки; онѣ строились, за недостаткомъ времени крайне спѣшно и небрежно и притомъ неумѣлыми руками, между тѣмъ на нихъ предстояло совершить до 2-хъ тысячъ верстъ. Послѣ долгой суеты, выдержавъ цѣлую войну съ мѣстнымъ начальствомъ, я 1-го мая, вслѣдъ за льдами, которые тронулись 30-го апрѣля, двинулся съ передовымъ отрядомъ по теченію рѣки Аргуни. Передъ самымъ отплытіемъ мнѣ навязали партію штрафованныхъ солдатъ въ 150 человѣкъ, которые были высланы изъ Россіи для разселенія ихъ среди казаковъ, переселяющихся на Амуръ и Уссури. Этотъ пришлый элементъ, какъ обнаружилось впослѣдствіи, служилъ большимъ бременемъ для семей, къ которымъ былъ приписанъ; народъ избалованный, развращенный, прошедшій черезъ всевозможныя наказанія, попавъ въ семью тихаго хозяина, нарушалъ ея спокойствіе, дѣлался дармоѣдомъ, отъ котораго не знали, какъ избавиться. Изъ этихъ штрафованныхъ я взялъ къ себѣ на лодку 12 человѣкъ для гребли; не могу пожаловаться, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца пути не было ни одного случая ослушанія; правда, высшимъ начальствомъ имъ было объявлено, что мнѣ дано право виновныхъ въ нарушеніи дисциплины отсылать въ рудники для

зачисленія въ разрядъ каторжныхъ. Къ счастью, мнѣ не пришлось воспользоваться этимъ правомъ. Теперь, иногда удивляюсь, какъ удалось мнѣ провести мою команду: одинъ, безъ конвоя, съ 20-тью тысячами рублей казенныхъ денегъ, съ тремя лодками спирта, съ партіей штрафованныхъ солдатъ и каторжниковъ-мастеровъ, взятыхъ для строительныхъ на Амурѣ работъ, при строгихъ требованіяхъ форсированнаго движенія, и не смотря на все это—ни грубостей, ни ослушанія.

Путь сопровождался большими трудностями. Въ первый же день плаванія не обошлось безъ несчастія; вечеромъ, въ страшную темень, мы попали на мелкій перекатъ, лодки стали сталкиваться и застряли на мели; къ довершенію несчастія, сверху сорвался паромъ и, налетѣвъ на лодки, сѣвшія на мель, разбилъ и затопилъ нѣкоторыя. Надо было спасать женщинъ, дѣтей и скарбъ ихъ. На берегу были разведены костры, чтобы отогрѣть промокшихъ и озябшихъ людей, въ особенности же дѣтей, чтобы просушить одежду и имущество, перенесенное изъ разбитыхъ лодокъ. За этой работой, за перемѣщеніемъ груза въ другія лодки и за исправленіемъ лодокъ мы провозились до утра. Трудно забыть эту ужасную первую ночь нашего путешествія.

Наконецъ, мы утромъ двинулись въ путь; часу 10 въ нагналъ насъ верховой изъ станицы Аргунскъ, съ увѣдомленіемъ, что пріѣхалъ атаманъ Карсаковъ и желаетъ меня видѣть. Я поскакалъ на приведенной мнѣ лошади обратно въ станицу. Карсакову я доложилъ о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ и просилъ его освободить меня отъ завѣдыванія сплавомъ дальнѣйшихъ переселенческихъ отрядовъ, чтобы двигаться скорѣе съ передовымъ. Атаманъ одобрилъ мои распоряженія и исполнилъ мою просьбу, взявъ на себя наблюденіе за сплавомъ остальныхъ баржъ. Вернувшись верхомъ черезъ горы къ своей экспедиціи, я съ легкимъ сердцемъ сѣлъ въ лодку, съ одною заботою только о своемъ отрядѣ.

Движеніе по рѣкѣ Аргуни сопровождалось тяжелыми сценами: вопреки запрету, переселенцы приставали у каждой деревни прощаться съ родными мѣстами и родственниками; всѣ жители выбѣгали имъ на встрѣчу; воздухъ оглашался плачемъ разстававшихся и причитаніями женщинъ; мои молодые нервы не выдерживали этихъ сценъ, и я нерѣдко съ глазами, полными слезъ, едва находилъ силы напоминать людямъ о необходимости вернуться въ лодки. Поэтому въ первые дни мы подвигались крайне медленно, между тѣмъ мнѣ хотѣлось прибыть на стрѣлку, у соединенія Аргуни съ Шилкою, до отъѣзда графа Муравьева, который собирался отбыть на Амуръ, на ожидавшемъ его на стрѣлкѣ, единственномъ въ то время пароходикѣ. Выйдя 11-го мая изъ Аргуни, я, къ радости моей, еще издали замѣтилъ трубу парохода; сдѣлавъ при станціи Покровской, въ 4 верстахъ отъ Усть-Стрѣлки, небольшую

остановку, чтобы привести въ порядокъ транспортъ и людей, я 12-го мая двинулся дальше по теченію Амура, слѣдуя уже позади моей флотиліи.

Въ половинѣ мая наступили жары; среди переселенцевъ, особенно между дѣтьми, отъ употребленія сырой воды, начали распространяться эпидемическія болѣзни, главнымъ образомъ, кровавый поносъ; больныхъ было много, почти на каждой лодкѣ. Въ моемъ отрядѣ не было ни доктора, ни фельдшера; пришлось заняться лѣченіемъ, давать гигіеническіе совѣты и указанія. Имѣя небольшую домашнюю аптечку и лѣчебникъ, я при помощи опія остановилъ появившуюся эпидемію. Смертныхъ случаевъ было два, и то въ первые дни плаванія по рѣкѣ Аргуни: умерла одна старуха, выѣхавшая съ мѣста уже больной, и молодая женщина отъ родильной горячки. Съ тяжелымъ чувствомъ пришлось хоронить ихъ безъ христіанскаго обряда.

Съ плаваніемъ по Амуру прекратились остановки, которыя не требовались даже для варки пищи, такъ какъ на каждой лодкѣ былъ устроенъ на носовой части очагъ; поэтому мы быстро подвигались впередъ. Подойдя къ вновь основанному Благовѣщенску и распорядившись, чтобы моя флотилія двигалась въ должномъ порядкѣ, я выѣхалъ впередъ представиться губернатору Амурской области генералу Буссе. Въ 8 часовъ утра я прибылъ въ Благовѣщенскъ и засталъ на берегу генерала Буссе и начальника артиллеріи генерала Кондратьева (извѣстнаго героя Крымской кампаніи въ сраженіи подъ Альмою). Отрапортовавъ генералу Буссе, я сталъ вмѣстѣ съ ними выжидать появленія переселенческаго отряда. Вскорѣ показалась моя флотилія; старшины исполнили всѣ мои распоряженія; пріятное впечатлѣніе производили лодки, украшенныя флагами и мачтами, стройной цѣпью и на равныхъ разстояніяхъ одна отъ другой, движущіяся ближе къ китайскому берегу. Въ такомъ порядкѣ прошли мы, не останавливаясь въ Благовѣщенскѣ, мимо китайскихъ селеній и города Айгуна; народъ выбѣгалъ намъ на встрѣчу, оглашая воздухъ криками; не знаю, были ли это привѣтствія или ругательства,—на послѣднія, впрочемъ, манджуры большіе мастера и не скупятся. 21-го мая на полпути между Благовѣщенскомъ и Хабаровкой насъ нагналъ пароходъ, на которомъ былъ графъ. Послѣдній не могъ видѣть моихъ лодокъ, такъ какъ онѣ шли по одному руслу, а пароходъ по другому. Замѣтивъ издали дымъ парохода, я выѣхалъ на встрѣчу и былъ принятъ Н. Н. Муравьевымъ очень сердечно: графъ обнялъ меня и благодарилъ за отличное выполненіе его предначертаній, облегчающее его заботы. Мнѣ были переданы письма отъ брата и родныхъ и мѣшокъ серебряной монеты; послѣ завтрака, напутствуемый сердечными пожеланіями графа и лицъ его свиты, въ числѣ которыхъ былъ мой другъ, князь Дадешкиліанъ, я направился къ своему отряду. Про-

щаясь, Муравьевъ обѣщалъ мнѣ, по окончаніи моей дѣятельности на Амурѣ, продолжительный отпускъ въ С.-Петербургъ; но, увы, этотъ отдыхъ былъ еще далекъ отъ меня.

Дальнѣйшее наше плаваніе было не столь удачно; наступили сильные вѣтры, и наша утлая флотилія не разъ подвергалась большой опасности; лодки заливало водой, то и дѣло приходилось приставать къ берегу. 26-е мая было злополучнымъ для насъ днемъ; шли мы проливами, и лодки разбрелись на значительныя разстоянія одна отъ другой. Когда мы вышли на болѣе открытое мѣсто, поднялась сильнѣйшая буря; я подалъ сигналъ приставать къ берегу и едва собралъ свой транспортъ; большая часть лодокъ до половины была залита водой; мою лодку чуть не опрокинуло, я рисковалъ погибнуть въ волнахъ и былъ спасенъ, благодаря находчивости моего человѣка и помощи войсковаго старшины Пузино, сопровождавшаго меня въ этомъ плаваніи. Приставъ къ берегу, мы полъ-дня сушились, затѣмъ къ вечеру двинулись далѣе, но часа черезъ три буря возобновилась, наступила страшная темень, и намъ поневолѣ пришлось снова пристать къ берегу для ночлега. Это было около нынѣшней станицы «Добрая»; берегъ здѣсь оказался крутымъ, такъ что наши лодки подошли къ нему вплотную. Развели костры, люди стали готовить ужинъ, мои гребцы расположились на берегу, и только одинъ изъ нихъ остался спать на кормовой части лодки. Я засѣлъ съ Пузино въ будкѣ, и такъ какъ онъ оказался любителемъ шахматной игры, то мы начали партію. Вдругъ слышу тутъ же на моей лодкѣ ужасный крикъ: «держи веревку». Оказалось, что одинъ изъ моихъ гребцовъ, изъ числа штрафованныхъ солдатъ, по фамиліи Игнатій Коцусь, идя по борту лодки, чтобы достать веревку, оступился и упалъ въ воду; крикъ его услыхали товарищи, подхватили веревку, но утопающій выпустилъ ее изъ рукъ и пошелъ ко дну. Хотя мы стояли у самаго берега, но глубина въ этомъ мѣстѣ была очень значительная и, не смотря на всѣ наши усилія, намъ не удалось спасти несчастнаго. Неожиданная гибель человѣка у самаго берега, на глазахъ всѣхъ, сильно поразила меня и моихъ людей; всю ночь мы не спали; мои нервы до того разстроились, что я сталъ бояться воды, и малѣйшій вѣтерокъ вызывалъ во мнѣ тревогу. Къ счастію, наше плаваніе приходило къ концу; 31 мая вечеромъ мы прибыли къ устью рѣки Уссури и остановились близъ станицы Казакевичъ (немного выше Хабаровки). Наши лодки пришли въ такое плачевное состояніе, что моя, напримѣръ, за ночь, во время стоянки у берега, наполнилась водою въ уровень со скамейкой, на которой я спалъ. Помню, какъ горячо благодарилъ я Всевышняго за окончаніе плаванія и за успѣшное исполненіе порученія привести переселенцевъ къ 1 іюня.

Не мы одни терпѣли крушенія; на третій день стоянки нашей у станицы Казакевича на купеческомъ катерѣ былъ привезенъ ка-

толическій священникъ Шверницкій, найденный случайно на пустынномъ островѣ; объѣзжая свою паству, священникъ въ 40 верстахъ отъ Хабаровки былъ застигнутъ бурей, лодку разбило, часть вещей унесло водою, а ему съ людьми удалось спастись на берегъ, гдѣ онъ три дня просидѣлъ безъ пищи, пока не былъ замѣченъ плывущимъ мимо катеромъ.

На берегу мы были приняты съ полнымъ радушіемъ маіоромъ Киселевымъ, командиромъ уссурійскаго баталіона; цѣлую недѣлю провелъ я у него, пока не окончилъ сдачи переселенческаго отряда мѣстнымъ властямъ для разселенія его по берегамъ р. Уссури. Согласно данной мнѣ инструкціи, я выдалъ здѣсь поселенцамъ назначенное казною пособіе, домашнюю утварь и хозяйственный инвентарь. Вся эта работа требовала моего личнаго участія, сдачу производилъ я подъ росписки владѣльцевъ и былъ, по крайней мѣрѣ, спокоенъ, что все дошло по назначенію.

9 іюня я отправился въ Хабаровку въ штабъ 13-го линейнаго баталіона, а 12 іюня, простившись со священникомъ Шверницкимъ, которому предстоялъ еще путь на лодкѣ до Николаевска, затѣмъ до Камчатки, оттуда черезъ Аянъ въ Якутскъ и наконецъ въ Иркутскъ, мѣсто его жительства,—отправился самъ обратно въ Благовѣщенскъ, гдѣ меня ожидали работы по постройкѣ церквей какъ въ Благовѣщенскѣ, такъ и по всему Амуру.

На третій день скучнаго и утомительнаго плаванія бечевой противъ теченія насъ нагналъ небольшой американскій пароходъ «Лена». Пересѣвъ на него, я 25 іюня прибылъ въ Благовѣщенскъ. Здѣсь я немедленно приступилъ къ закладкѣ соборной церкви и къ постройкѣ архіерейскаго дома съ небольшой при немъ церковью на устьѣ р. Зеи, на мѣстѣ, выбранномъ лично преосвященнымъ Иннокентіемъ (впослѣдствіи митрополитомъ московскимъ). Всѣ церкви, заложенныя мною по Амуру и въ Хабаровскѣ, строились изъ дерева, за неимѣніемъ иного матеріала. Закладку церквей въ г. Благовѣщенскѣ, по порученію преосвященнаго, освятилъ отецъ Александръ, любимѣйшій его ученикъ въ якутской семинаріи, пользовавшійся всеобщею любовью и уваженіемъ за свою сердечность, простоту и безкорыстное служеніе долгу.

Обезпечивъ правильный ходъ работъ въ Благовѣщенскѣ, я поручилъ своему помощнику, инженеръ-прапорщику Юрасову (бывшему ссыльно-каторжному), постройку церквей въ станицахъ Кумарской и Албазинѣ, самъ же съ тою же цѣлью отправился въ станицы Иннокентіевскую, Екатерино-Никольскую, Михайло-Семеновскую и въ Хабаровку.

Не могу обойти молчаніемъ единственнаго помощника своего въ строительномъ дѣлѣ г. Юрасова. Воспользовавшись предоставленнымъ мнѣ Н. Н. Муравьевымъ правомъ набирать для строительныхъ работъ нужныхъ мастеровъ изъ числа ссыльно каторжныхъ, я въ

Нерчинскихъ рудникахъ обратилъ, между прочимъ, вниманіе на бывшаго полевого инженеръ-прапорщика Юрасова, судьба котораго очень заинтересовала меня. Какъ мнѣ передали, онъ палъ жертвой какой-то романической исторіи, въ которой, по его словамъ, ни онъ, ни товарищъ его Власовъ, служившій вмѣстѣ съ нимъ въ Севастополѣ, не были виновны. Послѣдствіемъ этой исторіи была жалоба, дошедшая до трона, и Юрасовъ былъ сосланъ въ каторгу, а Власовъ, разжалованный въ солдаты,—въ Оренбургскія степи. Н. Н. Муравьевъ, узнавъ подробности, касающіяся Юрасова, помѣстилъ послѣдняго въ наградный списокъ по случаю заключенія Айгунскаго договора, и послѣдовавшимъ затѣмъ высочайшимъ повелѣніемъ Юрасовъ былъ освобожденъ отъ каторжныхъ работъ и снова зачисленъ въ инженеръ-прапорщики. Помню и другаго ссыльно-каторжнаго, бывшаго штурманскаго офицера Соколова, взятаго мною изъ рудниковъ вмѣстѣ съ Юрасовымъ. Соколовъ попалъ въ каторгу за убійство своего товарища, отказавшагося отъ дуэли съ нимъ. Впослѣдствіи ему исходатайствовано было помилованіе, и онъ былъ зачисленъ въ матросы.

Въ станицахъ Иннокентіевской, Екатерино-Никольской и Михайло-Семеновской мною были заложены церкви и возведены части стѣнъ; поручивъ затѣмъ дальнѣйшее наблюденіе за работами мастеру и начальнику команды солдатъ-плотниковъ, я отправился въ Хабаровку. Въ упомянутыхъ станицахъ мнѣ приходилось слышать не мало разсказовъ о дерзкихъ нападеніяхъ водившихся въ тѣхъ мѣстахъ тигровъ и медвѣдей. Такъ, наканунѣ моего пріѣзда въ Екатерино-Никольскую станицу тамъ появился тигръ, схватилъ казацкую лошадь и на виду у всѣхъ унесъ ее; въ другой станицѣ медвѣдь растерзалъ ночнаго сторожа. Казаки—вообще отличные стрѣлки—нерѣдко убивали тигровъ, съ большимъ искусствомъ поражая ихъ изъ своихъ неуклюжихъ промысловыхъ винтовокъ. Какъ примѣръ мѣткости ихъ выстрѣловъ, привожу слѣдующій случай. Двое казаковъ, плывя на небольшомъ плотикѣ съ почтой, остановились у берега, чтобы сварить обѣдъ. Сидя у огня, они замѣтили плывущаго вдали съ противоположнаго берега звѣря. Одинъ изъ казаковъ, отойдя въ сторону и выждавъ, когда тигръ прыгнулъ на берегъ, выстрѣлилъ, при чемъ такъ удачно, что тигръ замертво свалился въ траву: оказалось, что пуля попала ему въ високъ.

Приближаясь къ Хабаровкѣ, я нагналъ транспортъ баржъ подъ командою своего товарища Василія Клейменова, тоже чиновника особыхъ порученій по казачьимъ войскамъ, и вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ Хабаровку. Закончивъ здѣсь работы по закладкѣ церкви, я 1-го сентября собрался было обратно для осмотра возводимыхъ мною построекъ, какъ вдругъ солдаты, прибывшіе съ верховьевъ Уссури, сообщили мнѣ, что будто бы приведенные мною переселенцы мрутъ съ голода, такъ какъ ни одна изъ 34-хъ баржъ, пред-

назначенныхъ для уссурійскихъ переселенцевъ, не прибыла, наличные же продовольственные запасы, разсчитанные на два мѣсяца, истощились. Пораженный печальными разсказами очевидцевъ, я, долго не размышляя, захватилъ изъ магазина линейнаго баталіона, сколько нашлось, сухарей и чая кирпичнаго, нагрузилъ шесть лодокъ и немедленно отправился вверхъ по Уссури. По пути я встрѣтилъ командира 13-го линейнаго баталіона, который еще до моего пріѣзда въ Хабаровку, получивъ первыя свѣдѣнія о голодѣ, отправился тоже вверхъ, но съ пустыми руками, съ цѣлью лишь удостовѣриться въ справедливости этихъ слуховъ. Между нами возникъ крупный споръ по поводу провіанта, взятаго мною изъ магазина 13-го баталіона. Командиръ послѣдняго приказалъ сопровождавшимъ меня солдатамъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ обратно; я принужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозамъ и заявить, что письменно потребую отъ имени начальника края оставить провіантъ въ моемъ распоряженіи, и что за свой произволъ я отвѣчу. Послѣ долгихъ переговоровъ онъ, наконецъ, согласился на дальнѣйшее слѣдованіе со мною транспорта, взявъ съ меня форменный рапортъ, что я дѣйствую отъ имени Н. Н. Муравьева.

Слухи о голодѣ были сильно преувеличены; собственно пострадали болѣе другихъ три послѣднія станицы, но и тѣмъ помогъ одинъ плантаторъ-китаецъ, занимавшійся искусственнымъ разведеніемъ корня рѣдко встрѣчающагося растенія жень-шеня, употребляемаго въ Китаѣ, какъ лѣкарство. Узнавъ отъ казаковъ, что китаецъ предоставилъ имъ свои запасы картофеля и проса, я отправился къ нему, чтобы поблагодарить за великодушную помощь, оказанную переселенцамъ, и уплатить за припасы, которыхъ было забрано на 150 рублей. Когда я прибылъ на плантацію, находившуюся на рѣкѣ Сунгачанѣ, въ 30-ти верстахъ отъ крайней станицы, китаецъ былъ крайне удивленъ, узнавъ о причинѣ моего посѣщенія, и въ началѣ не соглашался принять денегъ. «Если бы я былъ въ несчастіи,— сказалъ онъ черезъ переводчика,—и голодалъ, то и ваши, надѣюсь, не отказали бы мнѣ въ кускѣ хлѣба». Съ трудомъ удалось вразумить его, что деньги даны мнѣ нашими властями для надобностей переселенцевъ, и что я уплачиваю ему не отъ себя, а отъ правительства. Китаецъ, наконецъ, принялъ деньги, но всего 45 рублей. По его приглашенію, я остался ночевать на фермѣ; онъ угостилъ меня обѣдомъ изъ картофеля, пирожковъ на какомъ-то растительномъ маслѣ и свинины, приготовленной съ очень вкуснымъ соусомъ. Послѣ продолжительнаго употребленія во время моихъ поѣздокъ по пустынямъ сухарей и сушеной говядины, я съ удовольствіемъ пообѣдалъ и затѣмъ осматривалъ плантацію жень-шеня. Искусственное разведеніе послѣдняго требуетъ умѣлаго и самаго кропотливаго и тщательнаго ухода, на который такъ способны трудолюбивые китайцы. Хотя и за искусственно выращенный корень

платятъ довольно дорого, но особенно высоко цѣнится натуральный крупный корень, растущій въ глубокихъ горныхъ ущельяхъ и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ добыча его сопряжена съ большими трудностями. Я собрался отдохнуть, когда подплыла къ берегу лодка съ больнымъ солдатомъ, у котораго отъ пораненія на ладони рука распухла до самаго плеча. Плантаторъ предложилъ свою врачебную помощь, принесъ небольшую миску съ густою темно-желтою жидкостью, которою покрылъ въ видѣ лака больную руку. Эту операцію онъ повторилъ нѣсколько разъ и затѣмъ напоилъ солдата настоемъ изъ листьевъ жень-шеня. На другой день больной, бывшій все время въ сильномъ бреду, очнулся, опухоль совсѣмъ исчезла, только на мѣстѣ пораненія осталось возвышеніе, на которомъ, видимо, долженъ былъ образоваться нарывъ. На прощанье китаецъ весьма любезно снабдилъ меня этой жидкостью, которая представляла густо разведенную желчь медвѣдя, а также вываренною изъ корней жень-шеня смолой, корнями и листьями жень-шня, вообще цѣлою аптекой, которою я впослѣдствіи не разъ пользовался, по даннымъ мнѣ китайцемъ указаніямъ, съ большимъ успѣхомъ, особенно смолой, быстро затягивавшей раны.

На обратномъ пути я осмотрѣлъ всѣ новыя станицы, собралъ подробныя свѣдѣнія о наиболѣе насущныхъ нуждахъ переселенцевъ и обѣщалъ имъ вскорѣ выслать изъ Хабаровки изъ запасовъ мѣстнаго батальона муку, соль, чай и пр., пока не прибудутъ баржи съ ихъ хлѣбомъ.

Б. К. Кукель.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОЧЕРКИ КУРЛЯНДСКОЙ СТАРИНЫ [1].

(По поводу столѣтія присоединенія Курляндіи къ Россіи).

Посвящается X Археологическому съѣзду въ Ригѣ.

Достопамятности современной Митавы.

III.

Современный Митавскій замокъ. — «Царскія» комнаты. — Ручная работа герцогини Биронъ. — Замковая Преображенская церковь. — Фамильный склепъ герцоговъ курляндскихъ.—Останки Бирона.—Курляндскій герцогскій архивъ.—Православный Симеоно-Аннинскій соборъ.—Колоколъ графини Бестужевой. — Достопамятный иконостасъ. — Штандартъ митавской «Павловской» гвардіи.—Плотничья работа Петра Великаго.—Лютеранская церковь Св. Троицы.—Городской музей.—Орденъ «Благодарности».—Карманные часы Людовика XVI.—Могила аббата Эджворта де-Фирмонъ.

По НАРУЖНОМУ своему фасаду Митавскій замокъ сохранилъ до настоящаго времени тотъ же видъ, который онъ имѣлъ въ прошломъ вѣкѣ при перестройкѣ его Бирономъ по плану архитектора **Растрелли**, съ незначительными, впрочемъ, измѣненіями, сдѣланными въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія послѣ двухъ большихъ пожаровъ 1805 и 1816 годовъ, сильно повредившихъ правый флигель этого грандіознаго зданія. Послѣ окончанія Отечественной войны, во время которой Митавскій дворецъ былъ временно обращенъ въ военный лаза-

---

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXV, стр. 114.

ретъ, онъ былъ почти заново отдѣланъ по повелѣнію императора Александра I, причемъ былъ срытъ окружавшій его валъ, и мѣстность, имъ занимаемая, обсажена двумя рядами тополей, и разведенъ обширный паркъ, существующій и донынѣ. Въ 1828 году, старинная «Голландская» крыша замѣнена плоскою, желѣзною, а въ слѣдующемъ 1829 году устроена плотина, соединяющая зáмокъ съ городомъ посредствомъ моста [1]).

Какъ уже было сказано выше, Митавскій замокъ представляетъ огромный четырехугольникъ, три фасада котораго непосредственно соединены между собою, а четвертый, обращенный къ городу, въ настоящее время застроенъ службами и небольшими деревянными постройками, такъ какъ мѣсто это, остающееся открытымъ, по первоначальной мысли строителя должно было быть застроено и соединяться съ городомъ постояннымъ мостомъ черезъ протокъ Дриксе; съ этой же стороны, долженствовавшей представлять главный въѣздъ въ замокъ, должны были находиться большія чугунныя ворота. Но по возвращеніи Бирона изъ ссылки, вслѣдствіе ли недостатка средствъ или по другой какой либо причинѣ, планъ этотъ такъ и остался невыполненнымъ, и въ настоящее время эта сторона осталась недоконченной. Впрочемъ, общее впечатлѣніе отъ этого не страдаетъ, такъ какъ съ этой стороны находится пространство, лѣтомъ сплошь покрытое растительностью и густою зеленью, что только придаетъ еще болѣе оживленія общему колориту этого грандіознаго сооруженія. Чтобы судить о величинѣ и вмѣстительности Митавскаго замка, достаточно сказать, что въ настоящее время въ немъ, кромѣ обширнаго помѣщенія губернатора и сосѣднихъ съ нимъ такъ называемыхъ парадныхъ или «царскихъ» комнатъ съ домовою церковью,— сосредоточены всѣ присутственныя мѣста Курляндской губерніи какъ административныя, такъ и судебныя [2]).

Переходя къ достопримѣчательностямъ Митавскаго замка, прежде всего необходимо сказать о названныхъ уже, такъ называемыхъ, «царскихъ» комнатахъ, къ посѣщенію которыхъ въ воскресные дни допускается и публика. Комнаты эти, числомъ болѣе двадцати, представляютъ обширные и прекрасно устроенные аппартаменты, съ давнихъ поръ предназначенные для принятія высочайшихъ особъ [3]),

---

[1]) Въ 1892 году выстроенъ новый желѣзный мостъ, поддерживающій постоянное сообщеніе между городомъ и замкомъ. Прежде, весною, во время ледохода бывали случаи, что деревянный мостъ сносило водою, отчего сообщеніе иногда прекращалось на нѣсколько дней.

[2]) Въ настоящее время въ Митавскомъ зáмкѣ помѣщаются: 1) канцелярія губернатора, 2) губернское правленіе съ многочисленными его архивами, 3) губернская типографія, 4) статистическій комитетъ съ его музеемъ, 5) казенная палата, 6) губернское казначейство, 7) приказъ общественнаго призрѣнія, 8) коммиссія по крестьянскимъ дѣламъ, 9) воинское присутствіе, 10) полицейское управленіе, 11) евангелическо-лютеранская духовная консисторія и 12) митавскій окружный судъ. Въ общемъ въ зáмкѣ насчитывается болѣе 300 комнатъ, причемъ до 200 обитателей имѣютъ въ немъ постоянное помѣщеніе.

[3]) Такъ въ 1886 году здѣсь помѣщался великій князь Владиміръ Александровичъ съ августѣйшею супругою во время путешествія ихъ императорскихъ высочествъ по Прибалтійскому краю.

а также и другихъ высокихъ посѣтителей, пріѣзжающихъ въ Митаву. Здѣсь же обыкновенно отводится помѣщеніе для архіепископа рижскаго и митавскаго во время посѣщенія Митавской епархіи. Среди этихъ комнатъ, убранство которыхъ отчасти напоминаетъ XVIII вѣкъ, благодаря современнымъ расписнымъ плафонамъ, старинным люстрамъ, бронзѣ и нѣкоторымъ предметамъ изъ мебели, вниманіе посѣтителей особенно привлекаютъ двѣ комнаты, стѣны которыхъ покрыты штофными обоями, на которыхъ шелками вышиты фигуры оленей, лисицъ и другихъ животныхъ, а также охотниковъ, одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры, съ луками и стрѣлами въ рукахъ. Обои эти, которымъ уже болѣе 100 лѣтъ, составляютъ своего рода достопримѣчательность «царскихъ комнатъ». Они вышиты шелками и представляютъ собственноручную работу бывшей герцогини курляндской Бенигны Биронъ, жены временщика, и ея дочери принцесы Гедвиги-Елисаветы[1]) во время ихъ пребыванія въ ссылкѣ и представляютъ изображенія окружавшихъ ихъ въ Сибири инородцевъ и ихъ промысловъ. По возвращеніи Бирона и его семейства послѣ 22-хъ-лѣтней ссылки въ Митаву въ 1762 году, старая герцогиня Бенигна-Готлибъ, какъ говорятъ, велѣла сохранить эту работу и обить ею свою комнату въ воспоминаніе о постигшихъ ея семейство превратностяхъ судьбы.

Въ томъ же корпусѣ помѣщается и домовая церковь Митавскаго дворца, извѣстная за послѣднее время подъ именемъ Замковой Преображенской церкви, основаніе которой, какъ перваго православнаго храма въ Митавѣ, связано съ прибытіемъ въ Курляндію племянницы Петра Великаго, царевны Анны Іоанновны, вступившей въ 1710 году въ супружество съ герцогомъ курляндскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Отправляя свою племянницу въ чуждую ей по религіи страну, Петръ прежде всего озаботился о томъ, чтобы русской царевнѣ предоставлена была возможность оставаться въ лонѣ православной церкви и свободно исповѣдывать вѣру своихъ предковъ. Въ виду этого въ одной изъ первыхъ статей брачнаго договора, заключеннаго 10-го іюля 1710 года въ Петербургѣ между русскими и курляндскими уполномоченными, послѣдніе должны были включить слѣдующее обязательство: «обѣщаемъ мы, свѣтлѣйшаго герцога полномочные, именемъ нашего высокаго принципала, что ея высочество пресвѣтлѣйшая супруга его, купно со всѣми домовыми, служителями, свою божественную службу греческія вѣры свободно и безъ помѣшательства отправлять можетъ въ удобномъ мѣстѣ въ замкѣ въ Митавѣ, и для того будетъ одна церковь по греческому украшенію устроена» [2]).

---

[1]) Принявшей православіе подъ именемъ Екатерины Ивановны, впослѣдствіи баронессы Черкасовой.

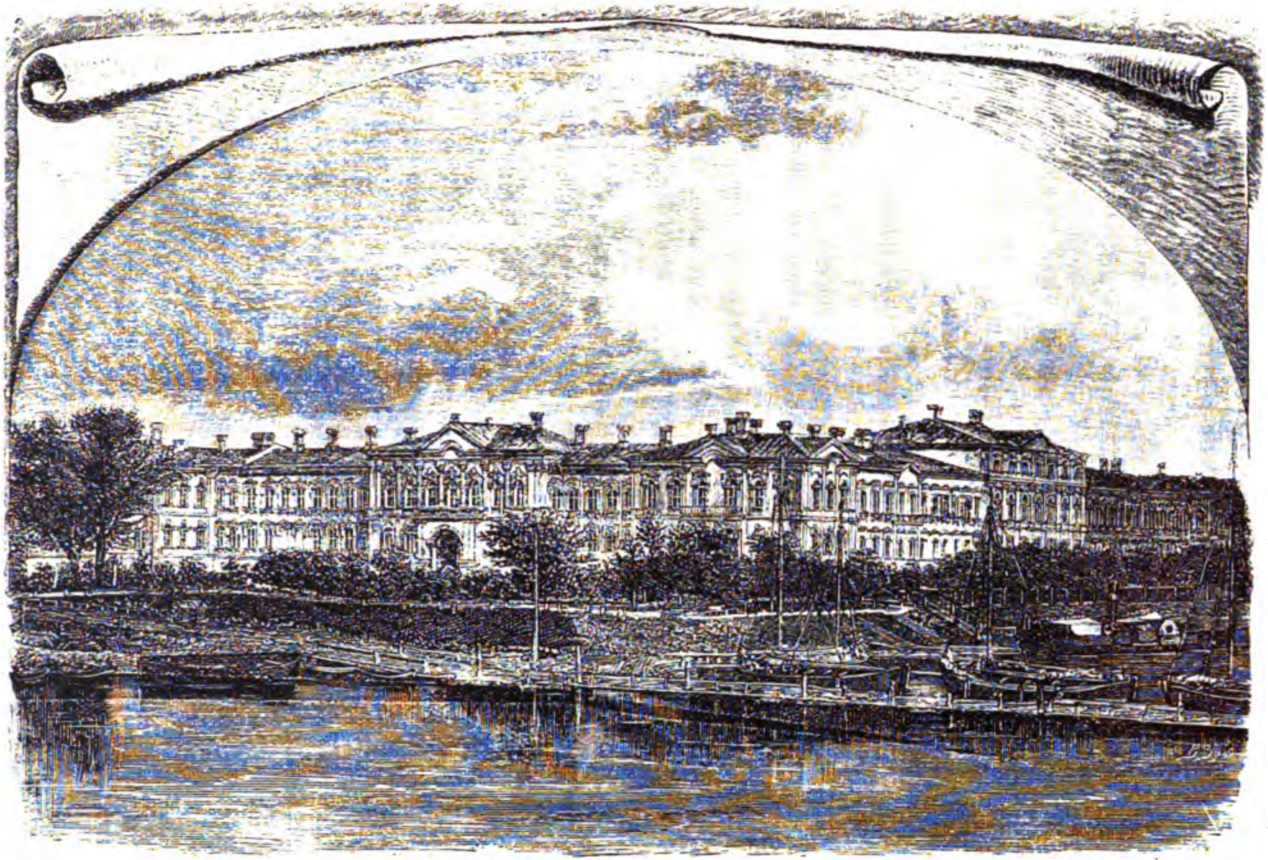
[2]) Полн. Собр. Законовъ т. IV ст. изд. 2272, 1830

Самъ царь составилъ подробную роспись богослужебнымъ книгамъ, которыя отправлялись для первой православной церкви въ Митавѣ. По приказанію государя, канцлеръ Головкинъ увѣдомлялъ объ этомъ начальника монастырскаго приказа въ Москвѣ, Мусина-Пушкина, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Великій государь указалъ послать нынѣ съ царевной Анной Ивановной въ Курляндію богослужебныя книги; того ради изволь ваша милость тѣ книги изъ спасской да изъ воскресенской ризницъ взять, а чего противъ сей росписи тамо не сыщется, то изволь дополнить съ печатнаго двора и отправить сюда немедленно». Къ письму приложенъ и самый списокъ, составленный царемъ:

«Роспись, что надобно прислать съ Москвы печатныхъ книгъ съ печатнаго двора.

«1) Уставъ. 2) Двѣнадцать миней мѣсячныхъ да четьихъ. 3) Житія святыхъ годъ. 4) Два пролога московской печати. 5) Обѣдъ и вечеря духовные. 6) Торжественникъ. 7) Книга Ефрема Сирина. 8) Книга кормчая. 9) Книга исповѣданія вѣры. 10) Библія. 11) Маргаритъ. 12) Сборникъ. 13) Бесѣды апостольскія. 14) Служебникъ. 15) Требникъ малой. 16) Новый Завѣтъ. 17) Минея общая праздничная. 18) Минея общая со службами святыхъ. 19) Псалтирь со возслѣдованіемъ. 20) Шестодневъ. 21) Псалтирь учебная. 22) Часословецъ малой. 23) Тріодь постная. 24) Тріодь цвѣтная. 25) Ирмолой постной кіевской полной».

Церковь эта, какъ домовая, первоначально помѣщалась во дворцѣ вдовствующей герцогини Анны Іоанновны въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находится классическая гимназія. Когда же въ 1730 году Анна Іоанновна выѣхала изъ Митавы, чтобы принять титулъ императрицы всероссійской, домовая церковь ея попрежнему оставалась въ томъ же зданіи подъ именемъ «церкви дому ея императорскаго величества въ Курляндіи». Когда затѣмъ въ 1738 году началась перестройка стараго Митавскаго замка архитекторомъ Растрелли, то по окончаніи внутреннихъ работъ придворная церковь была переведена изъ малаго дворца герцогини въ Митавскій замокъ въ особое помѣщеніе, устроенное на фронтовой сторонѣ, гдѣ и находилась до конца прошлаго вѣка, состоя въ исключительномъ вѣдѣніи императорскаго двора. Вскорѣ затѣмъ вслѣдствіе происшедшихъ въ замкѣ пожаровъ и частыхъ перестроекъ, во время которыхъ замокъ то оставался безъ обитателей, то отводился подъ казармы (въ 1796 году), Преображенская церковь временно была разобрана, при чемъ иконостасъ сложенъ въ особое помѣщеніе. Въ 1797 году, поселившійся въ Митавѣ король Людовикъ XVIII устроилъ на этомъ мѣстѣ для себя католическую капеллу, которая оставалась здѣсь за все время его пребыванія въ замкѣ, а послѣ



Видъ Митавскаго замка въ настоящее время

окончательнаго отъѣзда Людовика XVIII изъ Россіи въ 1807 году, капелла короля была также разобрана, но Преображенская церковь по неизвѣстнымъ причинамъ не была возстановлена, и самая память о возникшемъ здѣсь когда-то, благодаря заботамъ Петра, православномъ храмѣ, повидимому, была забыта... Такъ было до 1890 года. Въ это время только приступлено было къ перестройкѣ пришедшей въ ветхость приходской Симеоно-Аннинской православной церкви въ Митавѣ. По мысли тогдашняго курляндскаго губернатора Д. С. Сипягина [1]), иконостасъ Симеоно-Аннинской церкви перенесенъ былъ въ замокъ, въ которомъ устроена была временная домовая церковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ прошломъ вѣкѣ находилась Преображенская церковь, въ помѣщеніи, прилегающемъ къ царскимъ комнатамъ, гдѣ она находится и донынѣ. Когда затѣмъ въ ноябрѣ 1892 года за окончаніемъ перестройки Симеоно-Аннинской церкви въ послѣднюю возвращены образа для иконостаса и церковная утварь, Преображенская церковь окончательно возстановлена въ Митавскомъ замкѣ и торжественно освящена въ присутствіи архіепископа рижскаго и митавскаго, высокопреосвященнаго Арсенія, 2-го января 1893 года. Когда послѣ литургіи высокопреосвященный обратился къ присутствующимъ на торжествѣ съ поученіемъ, владыко между прочимъ сообщилъ умилительный фактъ: когда епископъ 29-го мая 1887 года въ первый разъ посѣтилъ Митаву, и губернаторъ провелъ его въ назначенные для него покои въ царской половинѣ замка, то, помолившись на образъ, онъ замѣтилъ губернатору: «гдѣ помолился православный архіерей, быть тамъ когда нибудь православному храму Божьему»...— «И вотъ нынѣ, — прибавилъ владыко,—стою я, братіе, въ той же комнатѣ, гдѣ 29-го мая 1887 года молился я передъ образомъ Заступницы Небесной, и комната эта превратилась въ храмъ... Не дивны ли пути Всевышняго надъ нами промысла!».. Ко дню освященія дворцовая Преображенская церковь была совсѣмъ заново отдѣлана и вся блистала новизной церковной утвари, исключительно составленной изъ частныхъ пожертвованій какъ мѣстныхъ, такъ и присланныхъ изъ Петербурга, Москвы и др. городовъ Россіи. Иконостасъ весь бѣлый съ позолотою, царскія врата изображаютъ православный крестъ, окруженный сіяніемъ, а иконы, писанныя въ древне-русскомъ стилѣ, замѣчательно художественной работы. Въ числѣ послѣднихъ имѣется икона преподобнаго Сергія, присланная къ этому времени въ даръ московской Троице-Сергіевской лаврой.

Одновременно съ перестройкой замка въ 1738 году, на лѣвомъ концѣ жилаго корпуса (въ западной сторонѣ), въ подвальномъ этажѣ былъ устроенъ могильный склепъ [2]) — усыпальница герцоговъ

---

[1]) Нынѣ главноуправляющій собственной его императорскаго величества канцеляріей по принятію прошеній. [2]) См. планъ.

курляндскихъ, въ которомъ покоятся останки герцоговъ Кетлерова дома и нѣкоторыхъ членовъ семейства Бироновъ — всего 30 гробовъ.

Когда войдемъ черезъ небольшую, обитую желѣзомъ, дверь, передъ нами открывается довольно большое помѣщеніе, установленное двумя рядами гробовъ, частью деревянныхъ, частью мѣдныхъ, составляющихъ по срединѣ широкій проходъ, идущій влѣво отъ входной двери. Потолокъ низкій, сводчатый, три окна съ рѣзными рѣшетками довольно хорошо освѣщаютъ внутренность помѣщенія. Въ этихъ 30 гробахъ, разставленныхъ, начиная отъ лѣвой стѣны, въ хронологическомъ порядкѣ, покоятся останки слѣдующихъ герцоговъ и ихъ семействъ:

1) Готгардтъ-Кетлеръ — послѣдній гросмейстеръ Ливонскаго ордена и первый герцогъ курляндскій, родоначальникъ курляндской династіи Кетлеровъ, родившійся 2-го февраля 1517 года, † 17-го мая 1587 года.

2) Герцогиня Анна—супруга Готтардта, дочь Альберта, герцога мекленбургскаго. Родилась въ 1533 году, † въ 1602 году.

3) Принцъ Сигизмундъ-Альбрехтъ. Родился въ 1567 году, † въ 1569 году.

4) Принцъ Готгардтъ. Род. 1568 г., † 1570 г. } Дѣти герцога Готгардта и герцогини Анны.
5) Принцъ Георгій. Род. 1569 г., † 1570 г.

6) Герцогъ Фридрихъ, сынъ герцога Готгардта. Родился 23-го ноября 1559 года, † 16-го августа 1642 года.

7) Елисавета-Магдалина, супруга герцога Фридриха, урожденная принцесса померанская. Родилась въ 1580 году, † въ 1649 г.

8) Герцогъ Вильгельмъ, второй сынъ Готтардта. Родился 20-го іюля 1574 года, † 7-го апрѣля 1640 года.

9) Софія, супруга герцога Вильгельма, дочь маркграфа Альбрехта прусскаго. Родилась въ 1582 году, † въ 1610 году.

10) Герцогъ Яковъ, сынъ Вильгельма. Родился 28-го октября 1610 года, † 31-го декабря 1681 года. Былъ герцогомъ курляндскимъ съ 1642 по 1682 годъ.

11) Луиза-Шарлотта, супруга герцога Якова, дочь курфюрста бранденбургскаго Георгія-Вильгельма. Родилась въ 1617 г., † въ 1676 г.

12) Принцъ Карлъ-Яковъ, сынъ герцога Якова. Командиръ полка соединенныхъ Нидерландовъ, съ которымъ совершилъ походъ подъ начальствомъ принца Оранскаго. Родился 20-го октября 1654 г. † въ Берлинѣ 29-го ноября 1676 года.

13) Принцъ Александръ, сынъ герцога Якова. Родился 18-го октября 1658 года. Былъ полковникомъ Курбранденбургскаго пѣхотнаго полка и † въ Вѣнѣ 16-го августа 1686 года отъ ранъ, полученныхъ при осадѣ Офена.

14) Ге погъ Фридрихъ-Казимиръ, сынъ герцога Якова. Родился 6-го іюля 1650 года, † 22-го января 1698 года. Былъ герцогомъ курляндскимъ съ 1682 по 1698 годъ.

15) Софія-Амалія, первая супруга[1]) герцога Фридриха-Казимира, урожденная принцесса нассау-зигенская. Родилась въ 1650 г., † въ 1688 году.

16) Герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ, сынъ герцога Фридриха-Казимира отъ втораго брака. Родился 19-го іюля 1692 года. 15-го ноября 1710 года вступилъ въ супружество съ племянницей Петра Великаго, царевной Анной Іоанновной (впослѣдствіи императрицей всероссійской). Скончался на 19-мъ году отъ роду недалеко отъ Петербурга 21-го января 1711 года.

17) Герцогъ Фердинандъ, сынъ герцога Якова. Родился 2-го ноября 1655 года, † въ Данцигѣ 4-го мая 1737 года. Послѣдній герцогъ изъ рода Кетлеровъ.

18) Сынъ герцога Петра (Бирона), отъ первой его супруги Каролины, принцессы вальдекской. † 9-го ноября 1766 года.

19) Наслѣдный принцъ, сынъ герцога Петра отъ третьей супруги Доротеи, урожденной графини Медемъ. Родился въ 1787 г., † въ 1790 году.

20) Шарлотта-Фридерика, дочь герцога Петра и его супруги Доротеи, урожденной графини Медемъ. Родилась въ 1789 году, † въ 1791 году.

21) Герцогъ Эрнестъ-Іоаннъ Биронъ. Родился 23-го ноября 1690 года. Въ 1738 году по смерти послѣдняго герцога изъ рода Кетлеровъ—Фердинанда, избранъ герцогомъ курляндскимъ. Въ 1740 году сдѣланъ регентомъ всероссійскаго престола. Въ 1741 году сосланъ съ семействомъ въ Сибирь въ г. Пелымъ, Тобольской губерніи. Въ томъ же году переведенъ въ Ярославль, гдѣ оставался до 1762 года. Въ 1762 году снова возвращенъ въ Митаву герцогомъ курляндскимъ. Въ 1769 году добровольно передалъ управленіе герцогствомъ старшему своему сыну Петру. Скончался 27-го декабря 1772 года на 82-мъ году отъ роду.

Въ головахъ на передней сторонѣ гроба изображенъ бронзовый герцогскій гербъ съ арматурой, среди котораго видна слѣдующая латинская надпись:

Exuviae
Sacra Celsissimi
Quondam Principis Domini
Ernesti Ioannis
in Livonia Curlandia et Semgallia Ducis
Bralinis Goschitzi etc.
Nati die XXIII Novembr: MDCXC
Denati in Mitavia die XXVII Dec. MDCCLXXII.

---

[1]) Вторая супруга его была бранденбургская принцесса Софія-Амалія, умершая и похороненная въ Германіи. Сдѣлавшись вдовою послѣ † герцога Фридриха-Казимира, она вступила во второй бракъ съ маркграфомъ бейрейтскимъ Христіаномъ-Эрнестомъ.

Прим. автора.

Тѣло Эрнеста-Іоанна Бирона положено въ гробъ послѣ набальзамированія [1]), вслѣдствіе чего оно до сихъ поръ сравнительно хорошо сохранилось. Какъ видно изъ прилагаемаго рисунка (снятаго фотографіей на мѣстѣ въ 1891 году), Биронъ положенъ въ гробъ въ парикѣ и парадномъ бархатномъ камзолѣ коричневаго цвѣта, съ Андреевской звѣздой на груди. Послѣдняя, какъ говорятъ, была вышита рукою императрицы Анны. Останки нѣкогда грознаго временщика покоятся въ деревянномъ дубовомъ гробѣ, который въ свою очередь вставленъ въ металлическій саркофагъ. Первоначально гробъ этотъ не былъ заколоченъ наглухо, и долгое время тѣло Бирона показывалось публикѣ и путешественникамъ въ числѣ достопримѣчательностей Митавскаго зáмка. Но въ 1891 году, по распоряженію администраціи, гробъ Бирона и его супруги были окончательно запаяны, и входъ въ герцогскій склепъ закрытъ для публики.

22) Бенигна-Готлибъ, герцогиня курляндская, супруга Бирона, урожденная фонъ-Тротта-Трейденъ (von Trotta genannt Treyden). Родилась 15-го октября 1703 года, † 5-го ноября 1782 года. Останки герцогини также положены въ деревянномъ гробѣ, стоящемъ рядомъ съ саркофагомъ Эрнеста-Іоанна Бирона, и до 1891 года также показывались посѣтителямъ герцогскаго склепа. Одѣта герцогиня въ желтое шелковое платье съ богатой отдѣлкой старинныхъ кружевъ point d'Alençon. Тѣло ея сохранилось значительно хуже. На гробѣ ея читаемъ слѣдующую нѣмецкую надпись:

Hier Ruhet in Gott
Beweint von Allen die Sie Kannten
Benigna-Gottlieb
verwittwete Herzogin von Kurland.
Geb. den 15 Oct. 1703. Gestorb. den 5 Nov. 1782.

23) Леопольдъ-Карлъ, сынъ герцога Фридриха-Казимира, отъ втораго брака. Родился въ 1693 году, † въ 1697 году.
24) Христіана-Софія. Род. 1688 г. † 1694 г.
25) Іоаннъ-Фридрихъ. Род. 1681 г. † 1683 г.
26) Сынъ герцога Фридриха-Казимира, родившійся мертвымъ.
} Дѣти герцога Фридриха-Казимира.

27) и 28) Неизвѣстныя родившіяся мертвыми дѣти герцоговъ курляндскихъ.

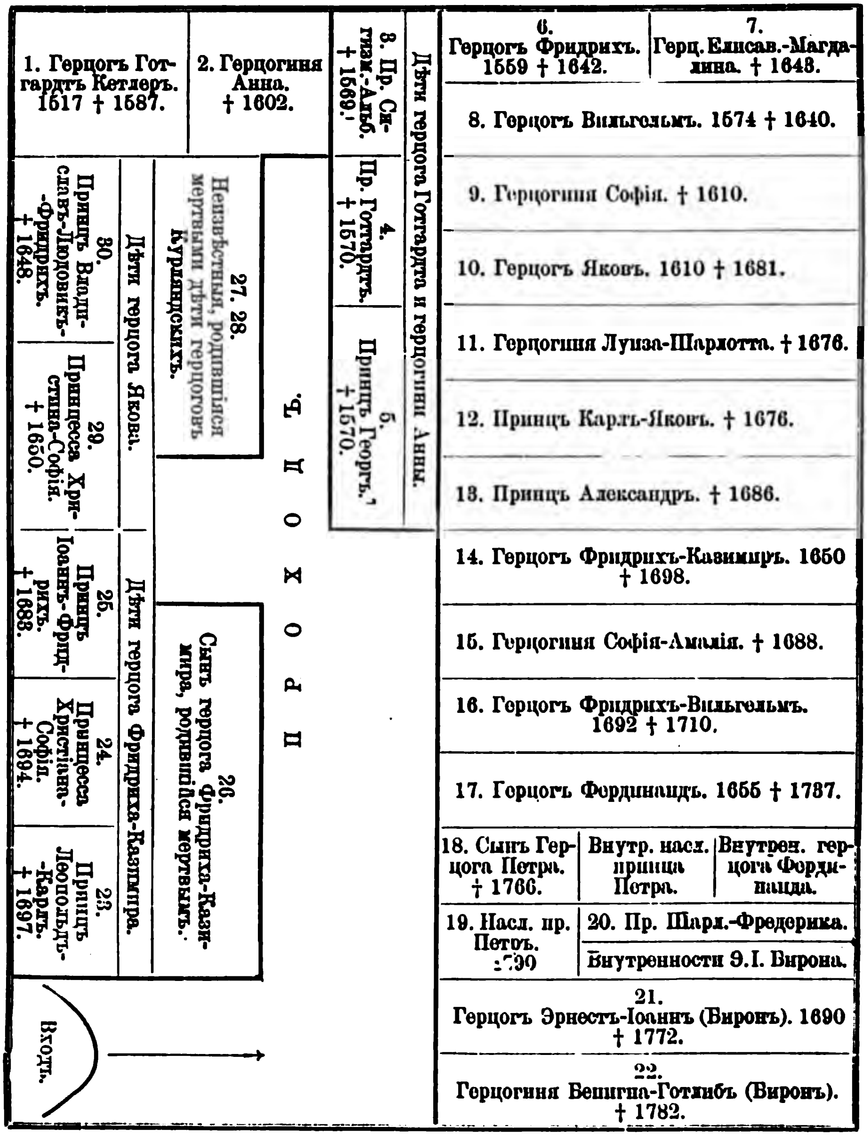
29) Христина-Софія. Родилась въ 1649 г., † въ 1650 году.
30) Владиславъ-Людовикъ-Фридрихъ. Родился въ 1647 году, † въ 1648 году.
} Дѣти герцога Якова.

[1]) Сосудъ съ внутренностями герцога находится въ томъ же склепѣ.

ПЛАНЪ

расположенія гробовъ съ тѣлами герцоговъ курляндскихъ въ склепѣ

Митавскаго замка.



Чрезвычайный интересъ для будущихъ изслѣдователей нашей Балтійской окраины, несомнѣнно, долженъ представить находящійся также въ Митавскомъ замкѣ, при мѣстномъ губернскомъ правленіи, такъ называемый Курляндскій герцогскій архивъ—богатѣйшее собраніе историческихъ актовъ и документовъ, обнимающихъ періодъ времени съ первой половины XVI столѣтія вплоть до 1796 года, то-есть до отреченія послѣдняго герцога Петра (Бирона) и присоединенія Курляндіи въ составъ Россійской имперіи. Я говорю о «будущихъ» изслѣдователяхъ, такъ какъ архивъ этотъ, матеріалами котораго пользовались исключительно мѣстные и даже иностранные историки, до сихъ поръ почти неизвѣстенъ русскимъ изслѣдователямъ, несмотря на то, что въ немъ, безъ сомнѣнія, имѣется масса документовъ первостепенной важности для изученія этой послѣдней изъ присоединенныхъ къ Россіи областей древней Ливоніи и особенно ея отношеній къ нашему отечеству въ теченіе XVIII вѣка, двѣ знаменательныя эпохи котораго — Великая Сѣверная война и правленіе Бироновъ, несомнѣнно, должны себѣ найти новое освѣщеніе въ документахъ Курляндскаго герцогскаго архива. Надо надѣяться, что имѣющій собраться настоящимъ лѣтомъ въ городѣ Ригѣ X-й Археологическій съѣздъ обратитъ вниманіе на это драгоцѣнное хранилище и, кстати сказать, возбудитъ вопросъ, крайне важный для болѣе основательнаго ознакомленія съ исторіей этого края,—вопросъ объ учрежденіи Митавской ученой архивной комиссіи, долженствующей сослужить немалую службу историкамъ-писателямъ этой окраины.

Православный Симеоно-Аннинскій соборъ, заново перестроенный въ 1892 году на личныя средства блаженной памяти императора Александра III, является одною изъ красивѣйшихъ построекъ современной «русской» Митавы. Расположенный на главной улицѣ, ведущей отъ желѣзнодорожнаго вокзала къ центру города, храмъ этотъ, какъ наружнымъ своимъ видомъ, такъ и внутреннею своею отдѣлкою производитъ отрадное впечатлѣніе на русскаго человѣка, посѣщающаго эту окраину, еще такъ недавно чуждую Россіи и всему русскому. При взглядѣ на этотъ храмъ, съ теплымъ, сердечнымъ чувствомъ благодарности помянетъ онъ почившаго царя, благодаря личнымъ заботамъ котораго снова зажглась въ этомъ краѣ померкшая было надолго свѣча православія. Чувство это особенно должны испытывать тѣ русскіе люди, на памяти которыхъ еще недавно, на мѣстѣ нынѣшняго благолѣпнаго храма, стояла старая, полуразвалившаяся церковь, грозившая разрушеніемъ, несмотря на то, что церковь эта была здѣсь какъ бы каѳедральнымъ соборомъ, такъ какъ мѣстный епископъ рижскій именуется и митавскимъ.

Происхожденіе этой первой въ Митавѣ приходской православной церкви также относится ко времени пребыванія въ Курляндіи на-

ревны Анны Іоанновны. Въ 1726 году, когда съ прибытіемъ ея въ Митаву число русскихъ людей стало постепенно увеличиваться, была выстроена неподалеку отъ дворца небольшая, деревянная церковь для народа, которая въ 1750 году за ветхостью была разобрана, и на мѣстѣ ея начата постройка другой, нѣсколько большей, фахверковой церкви. Эта новая церковь, освященная 19 марта 1755 года, просуществовала около 25 лѣтъ. Затѣмъ въ 1774 году, по повелѣнію императрицы Екатерины II-й, посѣтившей не задолго передъ тѣмъ Митаву, приступлено къ постройкѣ новой, каменной, однопрестольной церкви во имя святыхъ Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы. Въ 1778 году постройка эта окончена, а затѣмъ черезъ два года, 4 мая 1780 года, произошло торжественное освященіе новой церкви въ присутствіи «россійскаго министра барона Криднера и многихъ инославныхъ особъ». Хотя по внѣшнему своему виду церковь не была вполнѣ русскаго церковнаго стиля, такъ какъ купола вовсе не имѣла, и потолокъ въ ней былъ ровный, безъ сводовъ, но все же въ сравненіи съ прежнею деревянною она была несравненно лучше и вмѣстительнѣе. На колокольнѣ, нижній ярусъ которой сохранился и до настоящаго времени, поставлены были башенные часы, подарокъ одной изъ мѣстныхъ православныхъ прихожанокъ — графини Екатерины Петровны Бестужевой-Рюминой [1]). Ею же пожертвованъ для Симеоно-Аннинской церкви колоколъ, вылитый мѣстнымъ мастеромъ въ Митавѣ. На колоколѣ сдѣланы слѣдующія надписи на русскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ:

«Сей колоколъ подарила ея сіятельство графиня Екатерина Петровна Бестужева-Рюмина. Въ Митавѣ, 1775 года, 29 іюля.

Съ другой стороны понѣмецки:

Es ist ja zu beklagen dasz unzere Stifterin todt
Das war Ihro Grätliche Excellenz Catharina von Bestusoff
Die mich nebst dieser Uhr und durch Ihr eignes Geldt
Dem wahren Gott zur Ehr an diesen Ort gestellt.
Nun schwebe Ich allhier! Gott schenke Ihr das ewige Leben
In meiner Stimme musz auch Ihr Gedächtnisz schweben.

Нѣсколько ниже имя литейщика:

Durch Gottes Huelfe goss mich Ernst-Friedriech Fechter in Mitau.

Вокругъ по краямъ:

Ich rufe die Lebendigen zur Busse und die Todten zur Ruhe.
Deo sit Gloria in excelsis, Pax in terra hominibusque salus.

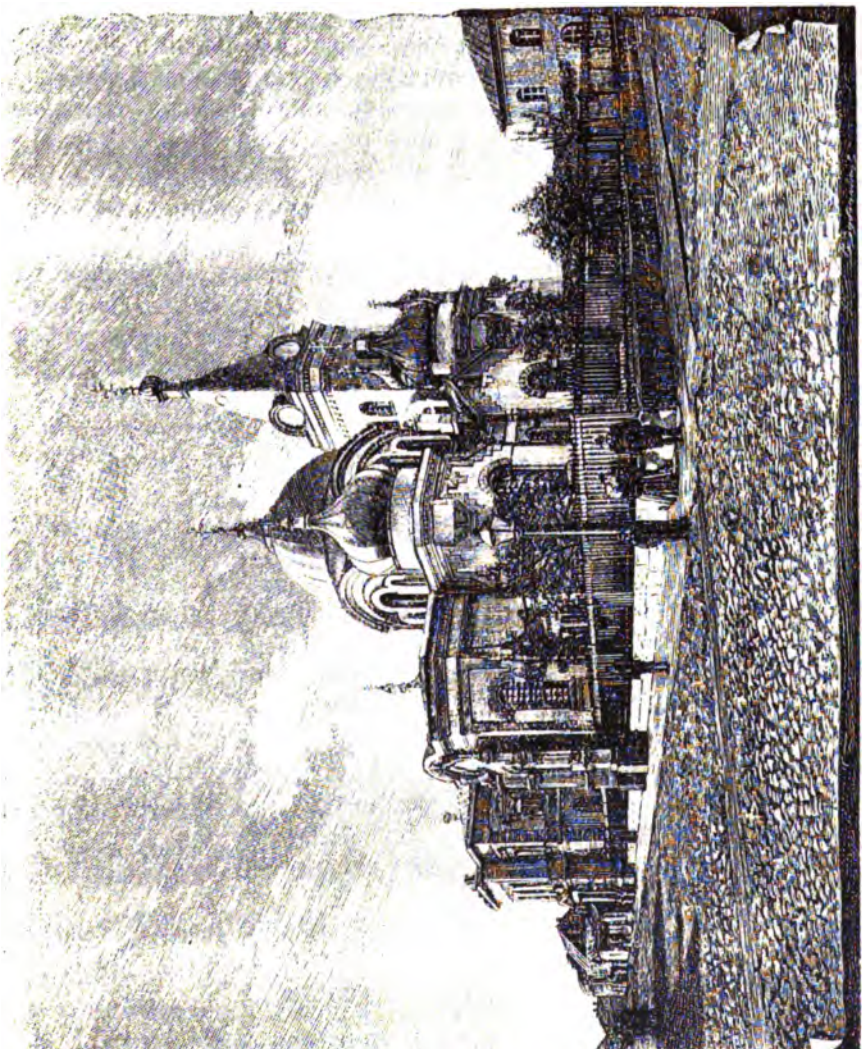
Самая жертвовательница, хотя и вышедшая замужъ за иновѣрца [2]), осталась православною и похоронена подъ этою же цер-

---

[1]) Дочь бывшаго гофмейстера при курляндскомъ дворѣ Анны Іоанновны, Петра Михайловича Бестужева-Рюмина, у котораго было два сына, въ числѣ которыхъ Алексѣй Петровичъ — знаменитый канцлеръ при Елисаветѣ Петровнѣ. Примѣч. автора.

[2]) Графа Тиля (Thiel).

ковью. Гробъ ея найденъ во время перестройки фундамента Симеоно-Аннинской церкви въ февралѣ 1890 года. На бронзовой доскѣ, прибитой къ передней сторонѣ гроба, выгравирована славянскою вязью слѣдующая надпись:



Православный Симеоно-Аннинскій соборъ въ Митавѣ.

«Ея сіятельство Екатерина Петровна Бестужева-Рюмина, родилась 1695 года, іюля 1 дня, преставилась 1775 года, мая 22 дня по полуночи. Житія ей было всего 80 лѣтъ».

Въ 1795 году, послѣ третьяго раздѣла Польши, въ Курляндіи, ставшей русской губерніей, введены общія губернскія учрежденія,

вслѣдствіе чего сталъ увеличиваться и русскій элементъ въ краѣ. Изъ данныхъ мѣстной церковно-приходской статистики видно, что число православныхъ въ Митавѣ съ 1795 года стало увеличиваться въ слѣдующей пропорціи[1]): въ 1795 году ихъ было 113 человѣкъ; въ 1797 году — 197 человѣкъ; въ 1807 году — 321 человѣкъ; въ 1821 году — 769 человѣкъ; въ 1840 году — 1558 человѣкъ; въ 1852 году—1933 человѣка и въ 1887—2054 чел. Такимъ образомъ, особенно со второй половины настоящаго столѣтія, стала ощущаться настоятельная необходимость въ расширеніи Митавской православной церкви.

Первымъ принявшимъ близко къ сердцу нужды православія въ этомъ краѣ былъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ. Такъ, въ 1869 году, онъ изъ личныхъ своихъ средствъ назначилъ сумму въ 5,000 рублей на улучшеніе православныхъ церквей въ Курляндской губерніи, изъ каковыхъ денегъ обновленъ иконостасъ и сдѣланъ значительный ремонтъ всѣмъ церковнымъ зданіямъ Симеоно-Аннинской церкви. Затѣмъ, въ 1886 году, узнавъ о скудости церковнаго инвентаря Митавской церкви, государь императоръ Александръ III присылаетъ въ даръ той же церкви богатыя шитыя золотомъ и серебромъ по малиновому бархату ризы, епитрахили, набедренники, пояса, воздухи, покровы и т. п. — всего 24 предмета. Наконецъ, когда въ томъ же 1886 году курляндскій губернаторъ К. И. Пащенко во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ отмѣтилъ печальное состояніе Митавскаго храма, государь императоръ поставилъ на отчетѣ слѣдующую собственноручную помѣтку: «я желалъ бы видѣть проектъ и планы перестройки церкви, а средства я могу дать отъ себя». Государю вскорѣ представленъ былъ выработанный академикомъ архитекторомъ Н. М. Чагинымъ (строителемъ Рижскаго каѳедральнаго собора) проектъ, который былъ высочайше одобренъ, и въ ноябрѣ 1887 года тогдашній управляющій собственною его императорскаго величества канцеляріею, статсъ-секретарь Танѣевъ, препроводилъ отъ имени государя 30,000 рублей къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода на перестройку Митавской церкви.

Въ февралѣ 1890 года начата была постройка церкви, во время которой подъ фундаментомъ ея найдена металлическая доска со слѣдующею, вполнѣ сохранившеюся надписью:

Во время благополучнаго царствованія
побѣдоносной государыни императрицы и самодержицы всероссійской
ЕКАТЕРИНЫ II-й
заложено сіе зданіе лѣта Христова 1774-го іюня 23-го числа.

---

[1]) «Курляндскія Губернскія Вѣдомости», 14-го ноября 1892 года.

Invictissimae
et Magnae Imperatricis et Autocratissae omnium Russiarum
CATHARINAE SECUNDAE
Felicissimo sub Regimine lapis hic primarius positus est.
Anno Domini MDCCLXXIV Die XXIII Iunii.

Третьяго іюня того же года совершена торжественная закладка новой церкви, во время которой, въ фундаментъ, вмѣстѣ со старой, вложена другая доска съ слѣдующею надписью:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

«Храмъ сей во имя Свв. Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы заложенъ при императрицѣ Екатеринѣ II іюня 23 дня 1774 года, заново перестроенъ въ благополучное царствованіе императора Александра III Александровича на личныя средства его величества при Арсеніи епископѣ рижскомъ и митавскомъ[1]), оберъ-прокурорѣ святѣйшаго синода д. т. с. Константинѣ Петровичѣ Побѣдоносцевѣ, курляндскомъ губернаторѣ камергерѣ Д. С. Сипягинѣ и настоятелѣ протоіереѣ Георгіи Руженцовѣ, по плану академика Н. М. Чагина. Закладка была 3 іюня 1890 года. Аминь».

Такимъ образомъ, благодаря сердечнымъ заботамъ государя, близилась къ осуществленію давнишняя мечта православныхъ прихожанъ Митавы: имѣть въ своемъ городѣ просторный, благолѣпный храмъ, въ которомъ уже столько лѣтъ чувствовалась необходимость. Охватившее въ это время всѣхъ русскихъ людей горячее чувство признательности къ царю нашло себѣ выраженіе въ оригинальной, прекрасной мысли тогдашняго курляндскаго губернатора, Дмитрія Сергѣевича Сипягина — ознаменовать на вѣки отеческія попеченія государя императора о мѣстномъ православномъ приходѣ тѣмъ, «чтобы сами прихожане собственными руками создали для этой «царской» церкви достойный и соотвѣтствующій ея значенію иконостасъ». (См. рис.).

Руководительство въ этомъ крайне не легкомъ дѣлѣ, требовавшемъ, помимо основательнаго знакомства съ мотивами нашего церковнаго стиля и орнамента, еще главнымъ образомъ и художественнаго вкуса, — приняла на себя сестра тогдашняго курляндскаго губернатора, Александра Сергѣевна Дубасова[2]), которая вмѣстѣ съ живымъ религіознымъ чувствомъ соединяла въ себѣ и столь необходимую въ такой коллективной работѣ энергію для объединенія и направленія работающихъ къ одной цѣли. Въ Петербургѣ, при совѣщаніи съ спеціалистами, ею выработанъ былъ

---

[1]) Нынѣ архіепископъ.

[2]) Супруга извѣстнаго дѣятеля минувшей Турецкой кампаніи, нынѣ контръ-адмирала Ф. В. Дубасова.

проектъ рисунка новаго иконостаса, который долженъ былъ быть въ древне-русскомъ вкусѣ, въ три яруса, дубовый, покрытый позолотою, съ тѣмъ, чтобы по этому фону вся орнаментовка была выжжена по дереву особымъ способомъ, руками православныхъ прихожанъ г. Митавы. Какъ особенность этой неутомимой, преисполненной любви къ предпринятому труду, дѣятельности А. С. Дубасовой, необходимо отмѣтить и то обстоятельство, что въ выжиганіи рисунковъ принимали участіе около 40 лицъ тогдашняго русскаго митавскаго общества[1]), люди, въ большинствѣ, безъ спеціальной подготовки, одушевленные главнымъ образомъ желаніемъ окончить по возможности скорѣе и лучше это святое дѣло. Благодаря какой либо незначительной ошибкѣ, работающимъ зачастую приходилось передѣлывать сначала все уже разъ сдѣланное, и не смотря на это, они превозмогли всѣ затрудненія и послѣ двухъ лѣтнихъ настойчивыхъ занятій окончили съ честью предпринятый ими трудъ. Въ августѣ 1892 года всѣ работы были закончены, иконостасъ собранъ и временно поставленъ въ царскихъ покояхъ Митавскаго замка, привлекая вниманіе мѣстной публики и путешественниковъ, пріѣзжавшихъ осматривать достопримѣчательности города. Вскорѣ затѣмъ иконостасъ перенесенъ былъ въ Симеоно-Анниинскую церковь, и въ него вставлены полученныя изъ Петербурга иконы — работы художника Р. С. Левицкаго. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, не задолго до освященія, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцевъ прислалъ Митавской церкви въ даръ драгоцѣнныя облаченія, паникадило и хоругви.

Въ числѣ предметовъ обращаетъ вниманіе поставленное у одной изъ колоннъ новаго храма бѣлое шитое золотомъ знамя-штандартъ такъ называемой «Митавской Павловской гвардіи» (Mitausche Kaiserliche Pauls-Bürgergarde). Гвардія эта, какъ показываетъ самое ея названіе «Bürgergarde», была составлена изъ мѣщанъ-охотниковъ и учреждена въ 1780 году во время управленія последняго герцога курляндскаго Петра Бирона. Въ 1799 году императоръ Павелъ I, вслѣдствіе ходатайства членовъ «достохвальной Петровской гвардіи» впредь именоваться митавскою «Павловскою» изъ граждан гвардіей, утвердилъ ихъ полу-военное устройство и даровалъ этой гвардіи штандартъ.

---

[1]) Полагаемъ вполнѣ умѣстнымъ сообщить здѣсь имена лицъ, трудами которыхъ по выжиганію рисунковъ сооруженъ этотъ иконостасъ: А. С. Дубасова, К. М. Дунинъ-Барковская, Е. П. Машевская, О. М. Федоренко, О. В. Машевская, А. Н. Клугенъ, П. А. Хрулева, Н. Н. Тунцельманъ, В. Я. Дунинъ-Барковская, О. А. Щепотьева, Н. В. Одинцова, О. Д. Доливо-Добровольская, княжна М. Н. Урусова, Е. К. Биргеръ, баронесса М. В. Клюхцнеръ, М. А. Геведке, М. С. Кронгельмъ, Е. К. Воффемель, Д. С. Сипягинъ, В. М. Машевскій, А. К. Щепотьевъ, В. Ф. Лихутинъ, Г. Г. Наіолъ, Н. А. Долинъ-Добровольскій, В. Д. Олышевъ, В. Н. Арисговъ, А. Н. Лубенцовъ, Н. А. Дамичъ, В. Н. Михайловъ, Ф. Ф. Ерофѣевъ, баронъ А. А. Остенъ-Сакенъ, Я. Н. Лудмеръ, Ѳ. О. Маурингъ, Н. Г. Матюнинъ и А. Н. Замараевъ.

Иконостасъ Митавскаго Симеоно-Аннинскаго собора.

Когда въ 1887 году на основаніи положенія комитета министровъ права лицъ такъ называемыхъ городскихъ гвардій Прибалтійскаго края (въ Ригѣ, Ревелѣ, Митавѣ и другихъ городахъ) были отмѣнены, послѣдніе оставшіеся члены митавской гвардіи въ 1892 году сдѣлали постановленіе о передачѣ печатей и документовъ ея въ герцогскій архивъ, а самый штандартъ [1]) поставить въ право-

[1]) Старый штандартъ 1799 года сгорѣлъ во время пожара въ 1888 году, а въ 1885 году, согласно высочайшему разрѣшенію, сдѣланъ былъ новый, одинаковаго рисунка съ первымъ, и освященъ 15-го мая 1886 года въ Симеоно-Аннинской церкви. Прим. авт.

славную митавскую Симеоно-Аннинскую церковь. На доскѣ, прибитой подъ штандартомъ, сдѣлана слѣдующая надпись:

«Сей высочайше пожалованный штандартъ митавской Павловской изъ мѣстныхъ гражданъ гвардіи, какъ освященный предметъ по чиноположенію православной церкви, по желанію и прошенію членовъ оной, передана для храненія и воспоминанія въ митавскую св. Симеоно-Аннинскую церковь. Августа 30-го 1892 года».

Штандартъ этотъ имѣетъ слѣдующій видъ: на бѣломъ атласномъ фонѣ, обшитомъ золотою каймою, изображенъ двуглавый россійскій орелъ, на груди котораго помѣщенъ гербъ Курляндіи. На другой сторонѣ знамени, подъ императорскою короною вензель П I въ зеленомъ лавровомъ вѣнкѣ, подъ которымъ вышитъ годъ основанія гвардіи—1799.

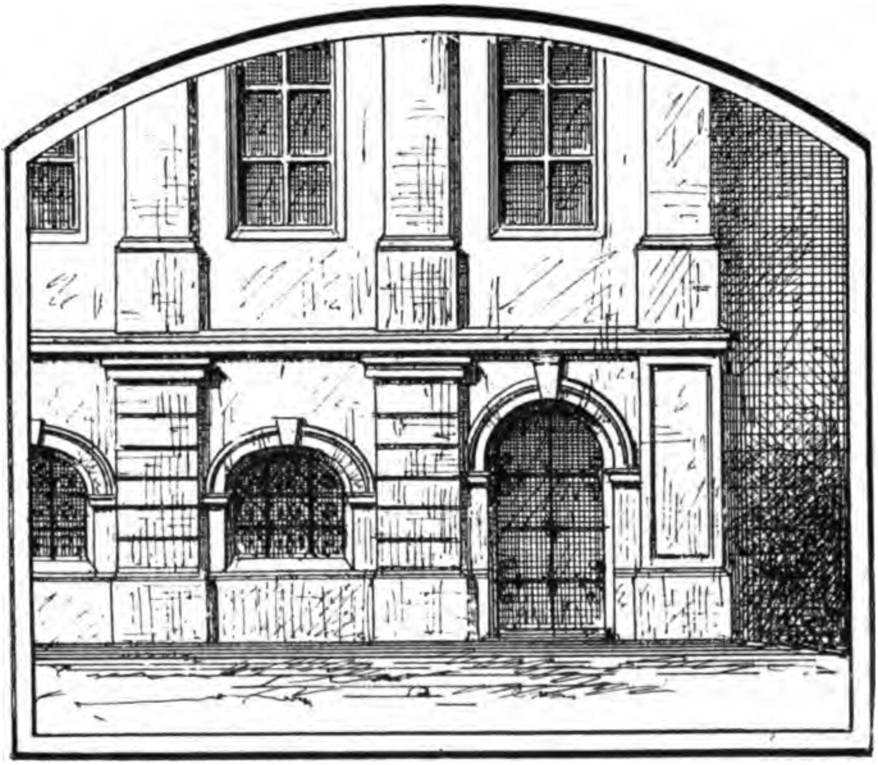
Торжественное освященіе Симеоно-Аннинской церкви, вскорѣ затѣмъ получившей, по указу святѣйшаго синода, именованіе собора, состоялось 14-го ноября 1892 года при участіи преосвященнаго Арсенія, епископа рижскаго и митавскаго [1]), въ присутствіи курляндскаго и лифляндскаго губернаторовъ, дворянства, мѣстной администраціи, войскъ и всѣхъ православныхъ жителей Митавы.

Соборъ этотъ останется вѣчнымъ памятникомъ Царю-Миротворцу, великому печальнику о нуждахъ православія въ Прибалтійскомъ краѣ.

Въ началѣ нашихъ очерковъ мы упоминали о троекратномъ посѣщеніи Митавы Петромъ Великимъ въ 1696, 1699 и 1705 годахъ. Первыя два посѣщенія относятся къ эпохѣ знаменитаго путешествія Петра за границу и обратно, когда подъ скромнымъ именемъ Петра Михайлова юный московскій царь, подавая примѣръ своимъ подданнымъ, въ качествѣ простаго плотника, работалъ на верфяхъ Амстердама и Саардама, вызывая восторгъ и удивленіе чужеземцевъ. Къ этой-то эпохѣ, то-есть, вѣроятно, къ апрѣлю 1697 года, относится имѣющаяся и въ Митавѣ собственноручная плотничная работа Петра Великаго, подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о происхожденіи которой до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не имѣется, но о существованіи которой до настоящаго времени хранится воспоминаніе въ памяти мѣстныхъ старожиловъ и любителей старины. Работа эта представляетъ большой 11-ти саженный поперечный брусъ въ одномъ изъ домовъ на Грюнгофской улицѣ въ Митавѣ. Изъ городскихъ ипотечныхъ книгъ, восходящихъ только къ 1708 году, видно, что домъ этотъ первоначально принадлежалъ нѣкой г-жѣ Грюнбергъ, а затѣмъ черезъ нѣсколько рукъ перешелъ въ 1795 году къ барону Эрнесту Драхенфельсу, владѣльцу имѣнія

[1]) Нынѣ архіепископа.

Грауденъ. Брусъ этотъ въ память царской работы обшитъ былъ зеленымъ сукномъ, и въ домѣ этомъ, повидимому, сохранялся рукописный документъ, содержавшій описаніе о происхожденіи этой работы, но съ теченіемъ времени все это затерялось, хотя, по словамъ барона Клопмана [1]), сынъ барона Драхенфельса, купившаго въ 1795 году этотъ домъ, помнитъ, что въ дѣтствѣ его документъ этотъ иногда торжественно прочитывался въ его семейномъ кругу.



Входъ въ усыпальницу герцоговъ Курляндскихъ въ Митавскомъ замкѣ.

Быть можетъ, приведеніе въ порядокъ старинныхъ городскихъ архивовъ, лежащихъ въ ратушѣ, и дастъ болѣе подробныя свѣдѣнія какъ о домѣ, такъ и о происхожденіи этой работы великаго царя.

Самая старинная изъ существующихъ въ настоящее время въ Митавѣ церквей — это лютеранская церковь Св. Троицы (St. Trinitatis-Kirche), заложенная въ 1592 году вдовствующей герцогиней курляндской Анной, супругой перваго герцога Готтардта Кет-

---

[1]) Курляндскія Губ. Вѣд. 1894 г.

лера. Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ мѣстный исторіографъ и поэтъ Христіанъ Борнеманъ, ректоръ митавской латинской городской школы въ XVII столѣтіи, въ своемъ стихотвореніи «Mitau», изданномъ въ 1686 году [1]):

«Fürstin Anna hat mit Fleiss dieses Gottes-Hausz erbauet
«Wie man Ihres Nahmens Preiss noch am hohen Altar schauet».

Изъ архивовъ мѣстной лютеранской консисторіи, на основаніи старыхъ церковныхъ счетовъ видно, что церковь эта была окончена постройкою около 1604 года и освящена не позже 1610 года, о чемъ свидѣтельствуетъ надгробная плита, находящаяся въ церкви съ помѣтою этого года. Въ церкви этой много старинныхъ предметовъ, утвари, надгробныхъ надписей и нѣсколько картинъ, относящихся преимущественно къ XVII вѣку. Къ этому же времени относится и существующій до настоящаго времени главный алтарь изъ стариннаго рѣзнаго дуба — подарокъ, сдѣланный церкви въ 1641 году герцогиней Елисаветой-Магдалиной (супругой герцога Фридриха), что видно по двумъ рѣзнымъ гербамъ — курляндскому и померанскому, находящимся по обѣимъ сторонамъ престола. Весьма возможно, что въ одной изъ церквей Стокгольма или другаго какого нибудь города Швеціи до сихъ поръ сохраняется подобный же алтарь, заказанный герцогиней въ 1620 году въ Ригѣ для той же митавской церкви, такъ какъ извѣстно, что въ этомъ году онъ вмѣстѣ съ другими вещами былъ захваченъ войсками Густава-Адольфа и увезенъ въ Швецію. Изъ предметовъ живописи, находящихся въ церкви Св. Троицы, можно упомянуть о двухъ картинахъ, не имѣющихъ, правда, особенной цѣнности съ точки зрѣнія искусства, но достойныхъ вниманія, какъ предметы мѣстной старины. Одна изъ этихъ картинъ находится близъ ризницы и изображаетъ двѣ колѣнопреклоненныя фигуры мужчины и женщины, въ современныхъ костюмахъ XVII вѣка. Внизу надпись:

Anno 1640 hat der wohledle ehrenfeste Alexander von Korff von Kreuzburg und Preckuln, Fürstlich-Kurländischer Rath und Hofmeister, Oberhauptmann zu Mitau, nebst seiner lieben Gattin, Frau Sophia, geboren von Behr von Edwahlen, dieses Epitaphium zum Gedächtnisz dieser Kirche gegeben, und noch bei seinem Leben, damit er sirh seiner Sterblichkeit erinnere und den Ort und Ruhestatte immer vor Augen habe und ersehen möge und über seinem Grabe aufsetzen lassen.

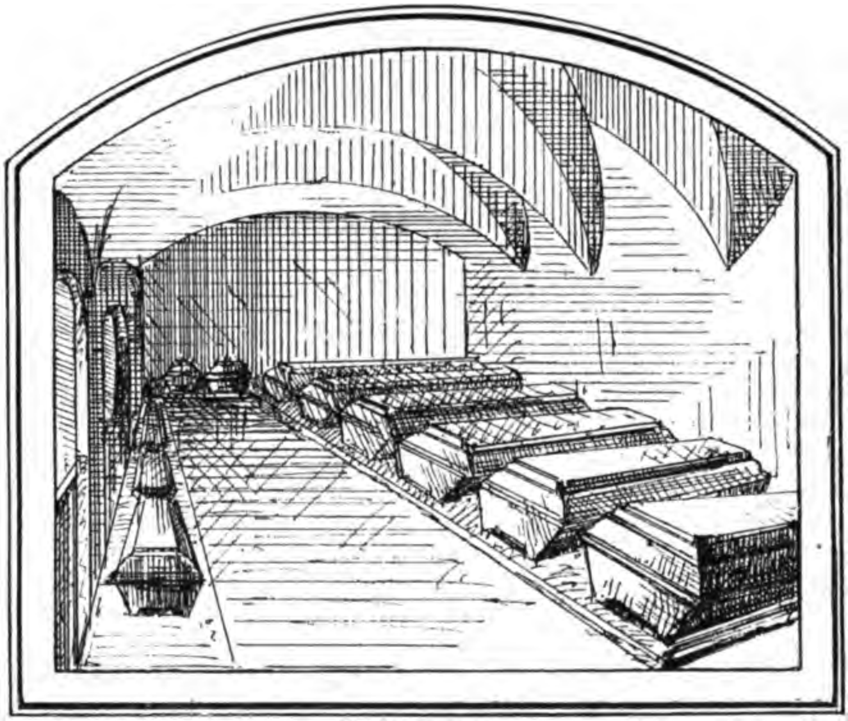
Въ самой ризницѣ другая картина, изображающая дитя въ бѣломъ платьѣ, стоящее на колѣняхъ передъ Распятіемъ. Вдали виденъ городъ съ замкомъ и церковь, которые должны изображать

---

[1]) Sitzungs-Berichte der Kurl. Gesellschaft für Literatur und Kunst aus der Jahren 1864 bis 1871.

тогдашній Митавскій замокъ, городъ и церковь св. Троицы. Картина писана въ 1644 году.

Однимъ изъ красивѣйшихъ зданій города является классическая гимназія, бывшій дворецъ Анны Іоанновны, перестроенный въ 1775 году герцогомъ Петромъ Бирономъ и приспособленный для академической гимназіи, получившей названіе въ честь своего осно-



Внутренность усыпальницы герцоговъ Курляндскихъ въ Митавскомъ замкѣ.

вателя Academia Petrina. Планъ составленъ также знаменитымъ гр. Растрелли.

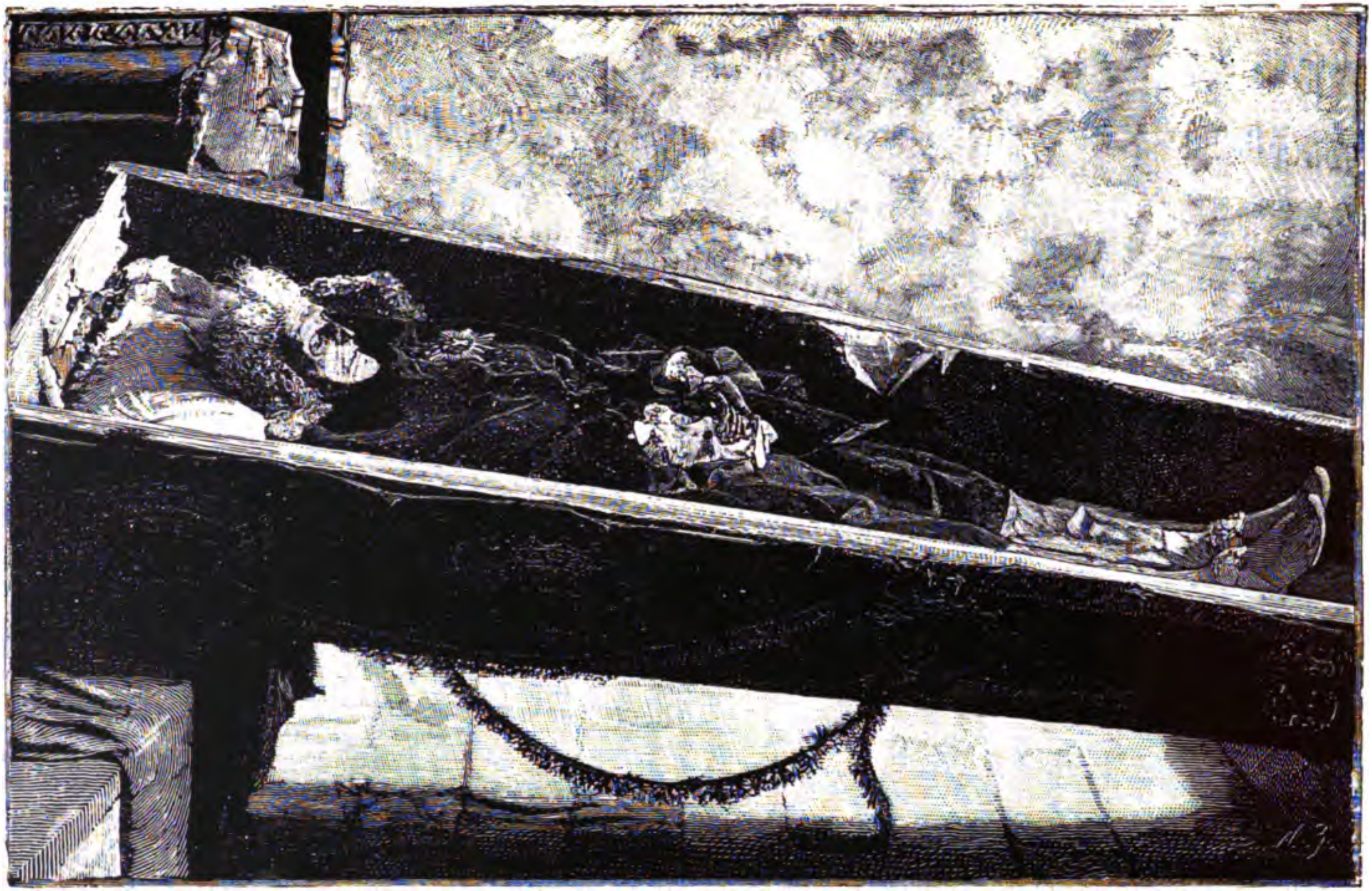
Съ начала настоящаго столѣтія (1818) въ Митавѣ существуетъ музей (Kurländisches Provincial Museum), основанный по иниціативѣ курляндскаго общества литературы и художествъ и обладающій богатою библіотекою, этнографической коллекціей, собраніемъ картинъ, рукописей, монетъ и др. предметовъ, относящихся къ исторіи и археологіи края, а также коллекціей всевозможныхъ рѣдкостей, какъ мѣстныхъ, такъ и случайно доставшихся музею пу-

темъ пожертвованій. Въ числѣ картинъ, кромѣ современныхъ портретовъ всѣхъ герцоговъ курляндскихъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ картины. Первая—это поясной портретъ извѣстнаго Паткуля, довольно хорошей работы и, какъ предполагаютъ, единственный въ своемъ родѣ оригиналъ. Портретъ этотъ подаренъ музею въ началѣ настоящаго столѣтія нѣкоей баронессой Клейстъ. Другая, довольно большая, батальная картина изображаетъ эпизодъ изъ Венгерской кампаніи 1849 года; она завѣщана музею покойнымъ генералъ-адъютантомъ графомъ Ридигеромъ, однимъ изъ главныхъ участниковъ этого похода. Картина эта написана въ 1850 году ученикомъ Петербургской академіи художествъ Смоковскимъ и представляетъ моментъ, когда венгерскій диктаторъ Гёргей 1-го (13-го) августа 1849 года близъ мѣстечка Виллагоша сдался побѣдоносной русской арміи и въ частности войскамъ 3-го армейскаго корпуса генерала Ридигера, чѣмъ, какъ извѣстно, и закончилась кампанія 1849 года. Картина писана съ наброска, сдѣланнаго на мѣстѣ очевидцемъ, генеральнаго штаба капитаномъ Витковскимъ, причемъ фигуры Гёргея, генерала Ридигера и главнѣйшихъ лицъ ихъ свиты представляютъ подлинные портреты.

Картина изображаетъ песчаную, окаймленную холмами равнину, на которой произошла встрѣча обѣихъ армій. По срединѣ, на главномъ планѣ, окруженный блестящимъ штабомъ и конвоемъ изъ улановъ и казаковъ, ѣдетъ генералъ Ридигеръ; на встрѣчу ему, во главѣ пестрой толпы венгерскихъ наѣздниковъ, несется всадникъ, одѣтый въ полу-военный костюмъ, съ бумагой въ правой рукѣ. Это—самъ Гёргей съ актомъ капитуляціи, который онъ собирается передать русскому начальнику отряда. За русскимъ штабомъ, вправо, видны стройные ряды гусарскихъ и уланскихъ эскадроновъ, среди которыхъ живописно выдѣляются отдѣльныя группы всадниковъ; немного поодаль стоятъ снятыя съ передковъ орудія съ артиллерійскою прислугою, за ними ряды пѣхоты. За свитой Гёргея виднѣется длинная линія 30-ти-тысячной венгерской арміи, идущая до самыхъ холмовъ.

По размѣрамъ полотна картина эта настолько велика, что, къ сожалѣнію, дисгармонируетъ съ низенькой комнатой, въ которой она помѣщена, занимая почти всю ея стѣну отъ полу, такъ что имѣетъ видъ какъ будто она не повѣшена, а прислонена къ стѣнѣ, чѣмъ значительно нарушается общее ея впечатлѣніе, что очень жаль, ибо по художественности исполненія она могла бы занять достойное мѣсто даже въ богатой военной галлереѣ Зимняго дворца.

Въ одной изъ залъ музея, подъ витриною, среди массы въ безпорядкѣ разбросанныхъ предметовъ, можно видѣть небольшой, изъ бѣлой эмали, восьмиконечный крестъ, на красной окаймленной серебромъ ленточкѣ. По первому взгляду его можно принять за



Тѣло Бирона въ гробу, въ склепѣ Митавскаго дворца.

Мальтійскій орденъ, быть можетъ, по волѣ царственнаго его магистра, доставшійся одному изъ мѣстныхъ дворянъ прошлаго вѣка; но, если вглядѣться въ него ближе, въ щитѣ его можно видѣть съ одной стороны гербъ Курляндіи, а съ другой латинскія буквы F. W. На зубцахъ креста читается оригинальная французская надпись:

«Pour les honnêtes gens».

Крестъ этотъ составляетъ одну изъ достопримѣчательностей маленькаго музея, какъ вещь безусловно рѣдкая и едва ли не единственная въ своемъ родѣ, если не считать немногихъ экземпляровъ, быть можетъ, сохранившихся въ рукахъ частныхъ лицъ, потомковъ немногочисленныхъ кавалеровъ этого ордена, просуществовавшаго всего одинъ годъ.

Исторія этого ордена слѣдующая. Во время Великой Сѣверной войны вдовствующая герцогиня курляндская Елизавета-Софія, передавъ регентство Фердинанду, покинула Митаву и съ малолѣтнимъ герцогомъ выѣхала въ Германію. Здѣсь она вступила во вторичный бракъ съ маркграфомъ бейрейтскимъ Христіаномъ-Эрнестомъ: будущій герцогъ курляндскій воспитывался такимъ образомъ при бейрейтскомъ дворѣ, гдѣ получилъ прекрасное по тому времени образованіе [1]).

Пробывъ здѣсь около 10-ти лѣтъ и достигнувъ совершеннолѣтія, 18-ти-лѣтній Фридрихъ-Вильгельмъ вернулся въ отечество въ качествѣ герцога курляндскаго и 13-го мая 1710 года моремъ прибылъ въ Либаву.

Въ этотъ самый день въ память благополучнаго вступленія на родную почву онъ учредилъ помянутый «Орденъ Благодарности».

Въ актѣ учрежденія, между прочимъ, говорится: «вознося изъ глубины признательнаго сердца нашего благодаренія Всемогущему Богу, въ ознаменованіе вновь пріобрѣтеннаго герцогства Курляндскаго (in memoriam recuperatæ Curlandiæ), памятуя его невзгоды и долговременное отсутствіе наше изъ родины, рѣшили мы, тотчасъ по возвращеніи въ оную, учредить сей орденъ, коему и присвоили мы названіе «Ordre de la Reconnaissance».

Согласно статуту, кавалерами вновь учрежденнаго ордена должны быть лица, ознаменовавшія свою дѣятельность «честнымъ и преданнымъ служеніемъ отечеству, герцогу и его дому, а также человѣколюбивыми подвигами, благочестіемъ и доброю нравственностью». Желая выразить признательность свою лицамъ, которымъ ввѣрено было воспитаніе его за границею, юный герцогъ упоминаетъ о нихъ въ самомъ актѣ учрежденія, благодаря «за добрую и усердную службу всѣхъ иностранныхъ кавалеровъ», бывшихъ при немъ, при

[1]) Латинскій языкъ онъ зналъ, повидимому, въ совершенствѣ, такъ какъ на рѣчь либавскаго пастора, привѣтствовавшаго его въ 1710 году полатыни, онъ отвѣчалъ рѣчью на томъ же языкѣ, безъ всякой подготовки.

чемъ изъ среды послѣднихъ онъ назначилъ предсѣдателя орденскаго капитула.

Одною изъ побудительныхъ причинъ къ учрежденію новаго ордена являлось также желаніе привлечь на свою сторону мѣстное дворянство, за послѣднее время не видавшее своего герцога и сильно тяготѣвшее къ Польшѣ.

Вотъ имена первыхъ кавалеровъ «Ордена Благодарности» въ Курляндіи: Беръ, фонъ-деръ-Бринкенъ, фонъ-деръ-Брюггенъ, Фирксъ, Кейзерлингъ, Корфъ, фонъ-деръ-Рекке, Шлиппенбахъ, фонъ-Ренне, фонъ-Типпельскирхъ, фонъ-Мирбахъ, фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ.

Новому ордену, однако, не суждено было долгое существованіе: онъ угасъ незамѣтно вмѣстѣ съ своимъ основателемъ, бывшимъ всего годъ герцогомъ курляндскимъ. Извѣстно, что юный Фридрихъ-Вильгельмъ, вскорѣ по вступленіи въ бракъ съ русской царевной Анной, племянницей Петра Великаго, преждевременно сошелъ въ могилу. Онъ умеръ въ декабрѣ 1711 года въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга, возвращаясь послѣ свадьбы съ супругою своею, на пути въ Митаву. Тѣло его похоронено въ Митавскомъ замкѣ, въ герцогскомъ склепѣ.

Подъ тою же витриною сохраняется еще одна достопримѣчательность музея—карманные часы Людовика XVI, которые злополучный король носилъ при себѣ до самой своей смерти 21-го января 1793 года. Часы эти пожертвованы Митавскому музею въ 1863 г. тогдашнимъ директоромъ училищъ, графомъ Рачинскимъ, которому они достались въ наслѣдство отъ отца, графа Викентія Рачинскаго, бывшаго командоромъ Мальтійскаго ордена въ эпоху гросмейстерства императора Павла I. Вмѣстѣ съ часами передана музею и собственноручная записка командора гр. Рачинскаго, въ которой послѣдній подробно объясняетъ, какимъ образомъ эта замѣчательная вещь перешла въ его собственность. Передаемъ здѣсь содержаніе этого любопытнаго документа [1]) словами самого автора.

«Когда король Людовикъ XVI взошелъ на эшафотъ, часы эти находились въ его карманѣ (dans son gousset). Палачъ Сансонъ [2]) воспользовался этими часами и продалъ ихъ за 200 луидоровъ принцу Рогану, который пріобрѣлъ ихъ для своего дяди, принца Эммануила Рогана, тогдашняго гросмейстера мальтійскаго ордена.

---

[1]) «Notions sur la fameuse montre de Louis XVI et comment elle se trouve en ma possession». Par le Commandeur Comte Raczynsky.

[2]) Извѣстно, что въ день казни 21-го января, помимо предметовъ, переданныхъ революціоннымъ властямъ въ Тамплѣ, король до послѣдняго момента имѣлъ при себѣ нѣкоторыя мелкія вещи (булавку, запонки и т. п.), которыми завладѣлъ палачъ и вмѣстѣ съ галстухомъ и прядями волосъ Людовика XVI впослѣдствіи продалъ за большія деньги. («Moniteur», 25 janv. 1793).

Въ іюлѣ 1797 года гросмейстеръ Роганъ скончался, и часы эти, о происхожденіи которыхъ въ то время знала вся Мальта, завѣщалъ своему родственнику и секретарю, нѣкоему кавалеру де-ла-Гуссей (Chevalier de-la-Houssay), отъ котораго они затѣмъ достались мнѣ слѣдующимъ образомъ. Когда цесаревичъ Павелъ Петровичъ, подъ именемъ графа Сѣвернаго, посѣтилъ съ супругою своею Францію, онъ провелъ нѣсколько дней въ замкѣ de la Houssay, принадлежавшемъ отцу помянутаго мальтійскаго кавалера. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, цесаревичъ Павелъ сталъ императоромъ всероссійскимъ и, вскорѣ по вступленіи на престолъ, получилъ поздравительное письмо отъ кавалера de la Houssay, жившаго въ то время на Мальтѣ. Тогда императоръ послалъ ему черезъ генерала Плещеева письмо, въ которомъ, вспоминая о времени, проведенномъ въ замкѣ de la Houssay, приглашалъ кавалера вступить на русскую службу и пріѣхать въ Петербургъ. Около этого же времени, тогдашній гросмейстеръ, баронъ Гомпешъ, командировалъ меня въ Петербургъ съ бумагами о ратификаціи договора объ учрежденіи россійскаго пріорства ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. До Тріеста ѣхали мы вмѣстѣ съ кавалеромъ de la Houssay, затѣмъ я свернулъ на Вѣну, а спутникъ мой прямо направился на Петербургъ. Во время дороги отъ Мальты до Тріеста увидѣлъ я у него знаменитые часы, полученные имъ отъ принца Рогана, и настолько ими заинтересовался, что просилъ кавалера уступить ихъ мнѣ, въ случаѣ, если онъ когда нибудь рѣшитъ съ ними разстаться. Между тѣмъ кавалеръ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ ему вскорѣ обѣщано было мѣсто завѣдующаго одесскимъ карантиномъ. Въ то же время генералъ Плещеевъ, писавшій ему отъ имени государя, едва не испортилъ всего дѣла. Думая угодить кавалеру, онъ отъ имени его однажды доложилъ императору о желаніи де-ла-Гуссей получить назначеніе посланника при орденѣ на мѣсто О'Гара (O'Hara) (съ которымъ генералъ былъ лично въ дурныхъ отношеніяхъ). Государь вспылилъ и тутъ же велѣлъ передать кавалеру, что если онъ недоволенъ своимъ положеніемъ, то можетъ уѣзжать обратно. Несчастный de la Houssay, не ожидавшій подобной безтактности Плещеева, былъ поставленъ въ самое безвыходное положеніе: небольшія средства его истощились, и онъ пришелъ въ совершенное отчаяніе. Въ это время я уже прибылъ въ Петербургъ и, встрѣтившись съ нимъ, ссудилъ ему изъ имѣвшихся у меня въ то время 1,000 рублей— половину, съ тѣмъ, что онъ возвратитъ мнѣ эти деньги при удобномъ случаѣ. Между тѣмъ черезъ посла ордена, Литта, государь узналъ наконецъ истинную подкладку всего дѣла, и кавалеръ вскорѣ получилъ назначеніе въ Одессу. Передъ отъѣздомъ, прощаясь со мною, онъ просилъ меня въ знакъ признательности принять эти часы. Вотъ какимъ образомъ мнѣ досталась эта вещь». Часы золотые, въ золотомъ футлярѣ со стеклами, изъ которыхъ съ обѣихъ

сторонъ видны эмальированные циферблаты. На одной сторонѣ обозначены часы и минуты, на другой—мѣсяцы, дни, числа и фазисы луны. Въ центрѣ надпись: Grondal fils. A Spa. Система часовъ: цилиндръ съ репетиціей [1]).

Почти на самомъ краю города, у такъ называемыхъ «Аннинскихъ» воротъ, на Митавскомъ римско-католическомъ кладбищѣ, стоитъ небольшая часовня изъ краснаго неоштукатуреннаго кирпича, которая, благодаря незатѣйливости своей архитектуры, не привлекаетъ вниманія случайныхъ посѣтителей кладбища. Внутренность часовни, служащей для отпѣванія покойниковъ, очень проста и даже бѣдна: посрединѣ стоитъ небольшой катафалкъ, на которомъ устанавливается гробъ; на переднемъ планѣ устроенъ алтарь для совершенія службы; на стѣнахъ два-три образа въ потускнѣвшихъ рамахъ—вотъ и все убранство этого убогаго жилища смерти. А между тѣмъ подъ этой часовней схороненъ прахъ человѣка, имя котораго исторія занесла на свои страницы, какъ образецъ самоотверженнаго исполненія долга и преданности своему монарху — аббатъ Эджевортъ де-Фирмонъ, послѣдній духовникъ, другъ и утѣшитель короля Людовика XVI. Онъ умеръ въ Митавѣ въ послѣдній годъ (1807) пребыванія въ Курляндіи Людовика XVIII. Похоронивъ здѣсь останки преданнаго слуги своего брата, король велѣлъ вырѣзать на надгробномъ камнѣ составленную имъ самимъ латинскую эпитафію, въ которой перечисляетъ заслуги этого доблестнаго пастыря, друга людей и «утѣшителя страждущихъ». При постройкѣ часовни, основаніе которой относится къ позднѣйшему времени (1860—1870 гг.), надгробная мраморная плита, покрывавшая могилу, была снята и вдѣлана въ стѣну часовни, гдѣ она находится и до настоящаго времени. Съ этой плиты мы и приводимъ въ подлинникѣ списанную нами въ 1892 году латинскую надпись, составленную, какъ видно, самимъ Людовикомъ XVIII.

D. O. M.
Hic jacet
Reverendissimus vir Henricus Essex Edgeworth de Firmon,
Sanctae Dei Ecclesiae Sacerdos,
Vicarius Generalis Diocesis Parisiensis,
Qui
Redemptoris nostri vestigia tenens,
Oculus caeco,
Pes claudo,
Pater pauperum,

---

[1]) Въ засѣданіи курляндскаго общества литературы и художествъ, 18-го декабря 1868 г., постоянный секретарь общества г. Announcement Зеземанъ сообщилъ подробный рефератъ объ этихъ часахъ, въ которомъ, на основаніи многочисленныхъ источниковъ, доказываетъ, что принадлежность ихъ Людовику XVI внѣ всякаго сомнѣнія.

Maerentium consolator
Fuit.
Ludovicum XVI,
Ab impiis rebellibusque subditis morti deditum
Ad ultimum certamen roboravit
Strenuoque martyri coelos apertos ostendit.
E manibus regicidarum
Mira Dei protectione ereptus,
Ludovico XVIII,
Eum ad se vocanti,
Ultro occurrens,
Ei per X annos
Regiaeque Ejus Familiae
Nec non et fidelibus sodalibus
Exemplar virtutum,
Levamen malorum,
Sese praebuit.
Per multas et varias regiones
Temporum calamitate
Actus,
Illi Quem Solum colebat
Semper similis,
Pertransit benefaciendo.
Plenus tandem bonis operibus
Obiit
Die XXII Mensis Maii,
Anno Domini MDCCCVII,
Aetatis vero suae LXII.
R. I. P.
Ludovicus XVIII benemerenti
Scripsit.

Вотъ дословный переводъ этой эпитафіи:

Здѣсь покоится достопочтенный мужъ Генрихъ Эссексъ Эджвортъ де-Фирмонъ, священникъ святой Божіей церкви, генеральный викарій парижскаго прихода, который, слѣдуя по стопамъ Искупителя нашего, былъ окомъ для слѣпыхъ, опорою хромыхъ, отцомъ бѣдныхъ, утѣшителемъ страждущихъ. Людовика XVI, преданнаго смерти нечестивыми и возмутившимися подданными, онъ подкрѣплялъ въ послѣднюю минуту испытаній и указалъ мужественному страдальцу отверстыя небеса. Вырванный изъ рукъ цареубійцъ чудеснымъ покровительствомъ Божіимъ и откликнувшись на зовъ Людовика XVIII, онъ въ теченіе 10-ти лѣтъ являлся для короля, его царственной семьи и вѣрныхъ спутниковъ образцомъ добродѣтелей и утѣшителемъ въ скорбяхъ. Скитаясь въ то злополучное время по многимъ государствамъ, онъ усыпалъ свой путь благо-

дѣяніями, всегда уподобляясь Тому, Кого Единаго почиталъ. Онъ скончался, преисполненный добрыхъ дѣлъ, 22-го мая 1807 года на 62 году своей жизни. Да почіетъ онъ въ мірѣ. Въ воздаяніе его заслугъ Людовикъ XVIII и начерталъ эту надпись.

Часовня надъ могилой аббата, какъ говорятъ, была сооружена и поддерживалась долгое время на средства французскихъ роялистовъ. Послѣдній представитель старшей линіи бурбоновъ, покойный графъ Шамборъ (Генрихъ V), давалъ неоднократно денежныя субсидіи на поддержаніе этой часовни, въ которой покоится этотъ преданный слуга французскаго королевскаго дома.

К. Военскій.

ШАЦКАЯ ПРОВИНЦІЯ ВЪ 30-ХЪ ГОДАХЪ ПРОШЛАГО ВѢКА [1].

ТРИДЦАТЫЕ годы прошлаго вѣка представляютъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ и смутныхъ эпохъ русской исторіи. Тайная канцелярія работала въ тѣ поры во всю мочь. Команды разъѣзжали по всей Россіи и выбирали недоимки. Безстыдное шпіонство и предательство вошли въ полную силу. Нищета, не смотря на обиліе угодій и слабую численность населенія, была всюду. Всякія беззаконія и разбои творились безъ удержу. Чего-чего не было у насъ въ то печальное время!... Даже самозванцы объявлялись, и именно у насъ въ Тамбовскомъ краѣ, въ селѣ Чуевѣ...

Въ дополненіе къ тому, что уже давно извѣстно въ вышеуказанномъ отношеніи, я привожу нѣсколько новыхъ историческихъ подробностей, и именно относительно Шацкой провинціи.

Описываемое время было у насъ эпохою всеобщаго оскудѣнія. Вмѣсто прежняго Шацкаго приволья всюду сказывалась нищета. Обыватели скудно ютились въ своихъ углахъ, питались впроголодь, изо дня въ день нудились босотой и наготой и ненормально жили подъ безпрерывнымъ страхомъ... Слово и дѣло наводило ужасъ на всѣхъ и развязывало языки и руки всѣмъ мѣстнымъ прихвостнямъ и беззаконникамъ...

Лѣтомъ 1737 года пришла къ намъ и иная бѣда. Донской атаманъ Фроловъ и калмыцкій ханъ Дундукъ-Омба сообщили кому слѣ-

---

[1]) Статья эта составлена по архивнымъ источникамъ.

дуеть, чтобы Шацкая украйна имѣла отъ непріятельскаго приходу крѣпкую предосторожность, ибо кубанскіе татары, въ числѣ многихъ тысячъ, собираются идти на украинные городки и селитьбы... Всполошился нашъ Шацкій край и по силѣ возможности сталъ готовиться къ отпору... А между тѣмъ всюду ходили у насъ самые тревожные слухи: тамъ то кубанцы городокъ сожгли и людей порубили и въ полонъ побрали и все безъ остатка разорили; тамъ то церкви Божіи осквернили и пожгли, и скотину угнали, а хлѣбъ потолочили...

Въ эту тревожную эпоху прежде всего всполошились мѣстныя канцеляріи. Изъ Шацка поскакали въ подначальные города гонцы съ указами, чтобъ отъ внезапнаго нападенія кубанцевъ вездѣ предприняты были разъѣзды, чтобъ воеводы и управители имѣли между собою немедленное сношеніе и каждую недѣлю писали съ нарочными въ Воронежскую губернскую канцелярію о томъ, что и гдѣ будетъ сдѣлано для обороны...

Регулярнаго войска въ Шацкомъ краѣ въ то время вовсе не было. При мѣстныхъ воеводахъ состояло по нѣскольку старыхъ солдатъ, которые были очень храбры съ обывателями и вовсе не годились для боя съ непріятелемъ. То были дѣды и отцы тѣхъ срамцовъ, которыхъ такъ рѣзко и вѣрно отмѣтилъ извѣстный екатерининецъ—Бибиковъ... При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, шацкій воевода маіоръ Любовниковъ откомандировалъ въ свою провинцію отставнаго капитана Свищова и отставнаго поручика Антонова съ тѣмъ, чтобъ они изъ всѣхъ селъ и деревень Залѣсскаго стана собрали по реестру оберъ и унтеръ-офицеровъ, урядниковъ и рядовыхъ и взяли ихъ въ свою команду... И съ ними, пріѣхавъ въ села и деревни, расположенныя по Хопру и Воронѣ, сдѣлали бъ крѣпкій разъѣздъ и поискъ непріятелей, а на переправахъ и мостахъ поставили бъ крѣпкія рогатки и имѣли неусыпное наблюденіе за непріятелемъ.

Послѣ этого распоряженія шацкій воевода донесъ губернской канцеляріи о самомъ Шацкѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «оный городъ къ оборонѣ отъ непріятеля не состоятеленъ. Онъ огороженъ острогомъ, но острогъ развалился, и починить его нечѣмъ. Около слободъ, прилегающихъ къ городу, также былъ острогъ, который весь сгнилъ; остался токмо ровъ, но и оный обвалился. На валу стояли башни, но и онѣ весьма обветшали и повалились на бокъ... къ тому еще въ Шацкомъ нѣтъ годныхъ къ оборонѣ пушекъ, ружей, пороху, ядеръ и солдатъ... А которые солдаты есть, имѣющіеся для карауловъ и посылокъ, и тѣ солдаты такъ стары, что не только не могутъ дать отпоръ непріятелю, но и въ посылкахъ и на караулахъ при денежной казнѣ съ немалою нуждою бываютъ».

Шацкая безпомощность противъ непріятельскаго нашествія увеличивалась еще отъ множества мѣстныхъ разбойничьихъ шаекъ, или

бродившихъ по краю и внезапно нападавшихъ даже на города (напримѣръ, Козловъ), или же укрывавшихся въ мѣстныхъ захолустьяхъ на страхъ коннымъ и пѣшимъ обывателямъ... По этому поводу воевода Любовниковъ писалъ такъ: «Близъ самаго Шацка ѣздятъ большія разбойничьи шайки и разбиваютъ обывательскіе дома, а переловить ихъ и искоренить некѣмъ... И нельзя не опасаться, что эти многолюдныя партіи могутъ вторгнуться внезапно въ городъ, разбить денежную казну и распустить изъ тюремной избы колодниковъ»...

А тревожные слухи все росли и росли. 12-го августа пріѣхалъ въ Шацкъ изъ Богучара одинъ подьячій духовныхъ дѣлъ съ самыми свѣжими новостями. Онъ разсказывалъ, что въ Богучарѣ били всполохъ, и что всѣ богучарскіе жители убѣжали въ лѣсъ съ имѣющимися у нихъ малыми орудіями и съ большою пушкою... Скоро послѣ того въ Шацкѣ объявились бѣглые изъ Кубанскаго полону. Всѣ они увѣряли, что орда собирается на Хоперскіе и другіе украинные городки для разоренія и вырубленія жителей...

Въ это время наличныя боевыя силы Шацкой провинціи выражались въ капитанѣ Свищовѣ съ его командой. Въ той командѣ было 102 человѣка, собранныхъ въ селахъ и деревняхъ Залѣсскаго стана. Но храбрый капитанъ не унывалъ. Онъ увѣдомилъ шацкую воеводскую канцелярію, что имъ устроены прочныя рогатки на мостахъ и перевозахъ, и что куда слѣдуетъ отправлены команды для поиска непріятелей...

Въ своемъ донесеніи Свищовъ выражалъ только одно неудовольствіе. Онъ жаловался, что солдаты весь свой запасъ съѣли, а обыватели ни имъ не даютъ хлѣба, ни лошадямъ ихъ сѣна; и оттого оные солдаты терпятъ великую нужду, и многіе разбѣжались...

Слава Богу, кубанцы не приходили къ намъ, а то бѣда была бы неминучая, и нашъ беззащитный край подвергся бы жестокому разгрому. Не смотря на совершенную необходимость быстрыхъ правительственныхъ оборонительныхъ мѣропріятій, власти дѣйствовали съ замѣчательною медленностью и преимущественно въ канцелярскомъ направленіи. Только 8 декабря 1737 года сенатъ надумался и приказалъ городъ Шацкъ исправить починкою, городскими и сельскими обывателями, и для этой цѣли ассигновалъ для главнаго провинціальнаго города 200 рублей изъ мѣстныхъ нештатныхъ доходовъ. Что касается пороха и разныхъ боевыхъ снарядовъ, то относительно ихъ воеводамъ велѣно было требовать указовъ отъ военной коллегіи и артиллерійской конторы...

Но оказалось, что вышеозначенною суммою исправиться было нельзя. Воевода Любовниковъ донесъ сенату, что не только къ починкѣ, но и къ строенію вновь города Шацка нужно не малое число работныхъ людей, потому что городъ весьма развалился. А въ Шацкѣ и уѣздѣ, кромѣ обывателей, положенныхъ въ подушный окладъ, другихъ нѣтъ...

Артиллерійская оборона города Шацка въ описываемое время была вполнѣ ничтожна. Въ немъ было 6 чугунныхъ пушекъ, и всѣ онѣ къ надлежащему дѣйствію весьма были ненадежны.

Какъ бы то ни было, въ Москву отправленъ былъ изъ Шацка за порохомъ добрый и неподозрительный купчина. Ждали, ждали его съ порохомъ, такъ и не дождались: онъ вернулся одинъ безъ пороха, потому что оказался неграмотнымъ и не могъ расписаться въ полученіи... Опять пошла волокита. Принялись искать другаго купчину, который умѣлъ бы грамотѣ, и съ трудомъ розыскали таковаго въ Касимовѣ, такъ какъ въ Шацкѣ купеческаго грамотея не оказалось...

Между тѣмъ, 19 февраля 1738 года въ Шацкѣ получено было новое тревожное извѣстіе, именно о вторженіи кубанцевъ въ русскія границы. Управитель слободы Алексѣевки И. Матасинъ писалъ: «Непріятель обступилъ великою силою Старый и Новый Ойдары, и тамъ проѣзду нѣтъ. И многіе люди, которые сѣно возили въ резервную команду, въ полонъ взяты».

Вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ и изъ сената пришелъ указъ о вступленіи непріятелей въ предѣлы Воронежской и Бѣлгородской губерній. Въ указѣ строго подтверждалось, чтобы шацкія власти имѣли крѣпкую предосторожность и не допускали бы непріятеля не только до разоренія подданныхъ ея величества, но и всѣми способами старались бы непріятеля сбить и совершенно искоренить... А что̀ гдѣ чиниться будетъ, и о томъ давать знать непрестанно и писать почасту въ сенатъ и контору его, въ военную коллегію и контору ея...

Такимъ образомъ канцелярская машина пущена была полнымъ ходомъ. Гонцы за гонцами летѣли во всѣ стороны съ пакетами, въ которыхъ заключались строжайшія инструкціи и крѣпкія предписанія. Одного только не доставало у насъ: войска не было, оружія не было, провіанта не было, денегъ не было... Край предоставленъ былъ милости Божіей, и ей только онъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ.

Въ концѣ февраля 1738 года смущенные шацкіе обыватели узнали, что, кромѣ кубанцевъ, на русскую сторону перебрались еще и каракалпаки въ количествѣ 20,000 человѣкъ. Каракалпаки перешли съ луговаго берега Волги на горный, и учинили разореніе и побили многое число людей въ окрестностяхъ Саратова и Царицына.

А изъ подначальныхъ Шацку городовъ, не смотря на крѣпкіе указы, въ это время въ провинціальную воеводскую канцелярію шли однѣ и тѣ же жалобы. Общій смыслъ ихъ таковъ: обороняться отъ непріятеля нечѣмъ и некѣмъ.

Керенскій воевода доносилъ, что въ казенномъ амбарѣ города Керенска есть 10 фузей и тѣ негодныя, и ложи у нихъ переломаны, и замки перепорчены; да еще есть 10 штыковъ, 10 сумъ патронныхъ—въ нихъ лядунки изломаны, 7 тесаковъ, свинцу 3 свинки

и негоднаго пороху 2 пуда.. Есть и пушка желѣзная, но оная безъ станка и лежитъ подъ башней на землѣ... А казенный пороховой погребъ весь обвалился... Обвалились или же огнили также и башни крѣпостныя... Въ ожиданіи помощи изъ Шацка, который самъ былъ совершенно безпомощенъ, керенскій воевода принялся было вооружать свою единственную пушку и сдѣлалъ для нея деревянный станокъ, но на оковку того станка взять желѣза было неоткуда...

Такому крѣпостному вооруженію вполнѣ соотвѣтствовали наличныя боевыя силы. Всѣ керенскіе солдаты были старые и увѣчные и караулы при канцеляріи и тюрьмѣ содержали съ великою нуждою. «А чтобъ непріятель не сдѣлалъ внезапнаго нападенія на Керенскій уѣздъ (все-таки храбрился воевода), мною посланъ въ степь отставной подштурманъ Дураковъ, которому вмѣнено въ обязанность имѣть разъѣзды и крѣпкую предосторожность... А если ему, Дуракову, уѣздными обывателями исправиться нельзя, то брать ему приказчиковъ и отставныхъ солдатъ»... Вскорѣ Дураковъ донесъ канцеляріи, что онъ уже разставилъ по степи маяки и караулы.

Донесенія изъ другихъ уѣздовъ были въ родѣ Керенскаго. Канцелярія Троицкаго острога доносила въ Шацкъ, что оный острогъ весьма ветхъ и къ починкѣ не годенъ, да и починить его некѣмъ и не на что... Есть въ Троицкомъ уѣздѣ не малое число дворцовыхъ крестьянъ, но оныхъ троицкая канцелярія нарядить къ работамъ опасна... А артиллеріи, и ружей, и пороху, и свинцу въ Троицкѣ не имѣется; и ежели случится какое несчастіе отъ непріятеля, чтобъ не причлось то воеводской канцеляріи въ штрафъ.

Столь же неутѣшительны были извѣстія и изъ Темникова. Темниковскій воевода доносилъ шацкой канцеляріи, что въ Темниковѣ былъ порохъ, но издержанъ на викторіяхъ; былъ свинецъ, но въ пожарное время пропалъ безъ вѣсти; были 3 фузеи, но отняты воровскими людьми, какъ оные воровскіе люди ѣхали по Мокшѣ мимо Темникова, и въ то число темниковскихъ солдатъ били едва не до смерти, а иные пріѣхали и померли... Рапортъ темниковскаго воеводы заключался слѣдующими словами: «Городъ Темниковъ гораздо починить надобенъ»...

Дѣлать нечего, приходилось на всякій случай оборониться коекакъ. Въ городахъ начали ставить по улицамъ крѣпкія рогатки и при нихъ обывательскіе караулы. По этому поводу наровчатскій воевода написалъ дворцовому управителю Носову, чтобы для строенія въ Наровчатѣ рогатокъ, извѣстной мѣры, выслалъ онъ въ городъ 10 человѣкъ дворцовыхъ крестьянъ. Но управитель вступилъ съ воеводой въ канцелярское препирательство и не безъ ироніи отвѣчалъ ему: «въ указахъ велѣно имѣть отъ непріятелей крѣпкую предосторожность и разъѣзды, но чтобъ надлежало наровчатскимъ дворцовымъ крестьянамъ сдѣлать рогатки, десяти человѣкамъ по

одной рогаткѣ, мѣрою въ 2 сажени, указнаго повелѣнія о томъ не было»... Такъ и остался Наровчатъ безъ рогатокъ, на волю Божію.

Уже въ концѣ апрѣля 1738 года въ нѣкоторыхъ нашихъ городахъ приступили къ работамъ, и прежде всего въ Шацкѣ. На оборонныя работы наряжено было 1,000 человѣкъ городскихъ и уѣздныхъ обывателей; изъ нихъ 500 съ лошадьми. Всѣ рабочіе обязаны были явиться на мѣсто съ своими топорами. Все лѣто и всю осень проработали наши тяглецы, покинувъ дома и домашнія работы, и къ началу ноября работу покончили. Городъ возстановленъ былъ по старому основанію 1552 года.

Стали подумывать и объ исправленіи артиллеріи въ мѣстныхъ городахъ. Съ этою цѣлію въ іюнѣ 1738 года прибылъ въ Тамбовъ сержантъ Мигатинъ. Въ команду къ нему нарядили мѣстныхъ кузнецовъ, плотниковъ и точильщиковъ. Вслѣдъ затѣмъ и съ тою же цѣлью прибылъ въ Шацкъ штыкъ-юнкеръ Столовъ. Осматривая шацкое оружіе, онъ выразился въ своемъ донесеніи, что оное оружіе ни къ какому дѣйствію не годно...

Въ описываемое время весь Шацкій край въ культурномъ отношеніи вообще поражаетъ своею отсталостію и косностію. Шацкъ былъ главнымъ городомъ цѣлой обширной провинціи, такой провинціи, которая изстари славилась своими угодьями, привольемъ, разнообразными естественными богатствами и богатѣйшими боярскими вотчинами. И вотъ этотъ самый городъ въ 1737—1738 годахъ представляется намъ жалкою деревнею. Школъ въ немъ не было, да и грамотные обыватели были въ немъ наперечетъ. Промысловъ и торговли тоже не было. Были только воеводская канцелярія да нѣсколько ветхихъ казенныхъ амбаровъ... Скудость во всѣхъ отношеніяхъ, непорядливость, захудалость и заброшенность—вотъ господствующія явленія описываемой шацкой эпохи. Когда осенью 1738 г. прибылъ въ Шацкъ изъ Тамбова сержантъ Мигатинъ для исправленія артиллеріи, и ему на окраску пушечныхъ станковъ понадобились: чернядь, вохра и бѣлила, то и этого дешеваго и необходимаго товара во всемъ Шацкѣ не оказалось. Пришлось посылать за нимъ въ Раненбургъ на ярмарку... При новой шацкой артиллеріи сформирована была изъ разночинцевъ и подьяческихъ дѣтей пушкарская команда въ 68 человѣкъ, но всѣ эти пушкари, не смотря на безотлучно-безсмѣнную службу и безпрестанныя посылки по уѣздамъ, жалованья не получали и терпѣли не малую нужду въ пропитаніи. Сильно горевали и голодали сами пушкари, а ихъ семействамъ было и того хуже: за неплатежъ подушныхъ и другихъ сборовъ ихъ сажали въ тюрьмы подъ караулъ...

Не смотря на всю эту смуту и безпомощность, воронежская губернская канцелярія все-таки строжайше предписывала шацкимъ властямъ, чтобы онѣ бездоимочно собирали со всѣхъ уѣздовъ провіантъ и съ мѣстными гребцами сплавляли его въ Азовъ безъ вся-

каго замедленія, дабы въ водяномъ ходу не упустить удобнаго времени. Истомленный и обѣднѣвшій край не могъ исполнить этой натуральной повинности. Въ сплавѣ провіанта сдѣлалась остановка. Тогда послѣдовали новые губернскіе указы, чтобы работныхъ людей выслать въ Азовъ безрочно, въ самой крайней скорости. А пока всѣ высланы будутъ, прибавляла канцелярія, провинціальныхъ воеводъ съ ихъ товарищами содержать въ канцеляріяхъ безъ выпуску; секретарей же и подьячихъ сковать, не смотря ни на какія ихъ отговорки... Если же и за симъ работные люди высланы тотчасъ не будутъ, въ томъ отвѣтъ можетъ дать не иной кто, какъ шацкій воевода головою своею...

Перепугался шацкій воевода маіоръ Любовниковъ и съ своей стороны началъ донимать и допекать своихъ подчиненныхъ воеводъ, всячески имъ угрожая. А дѣло все-таки не особенно двигалось впередъ, потому что край былъ сильно истощенъ, и явилось множество бѣглыхъ, которыхъ ловить было некѣмъ...

Въ это время вообще очень нудно жилось въ нашихъ мѣстахъ. Всѣхъ мѣстныхъ церковниковъ, отъ 15 до 40 лѣтъ, усиленно забирали въ солдаты на неисходную маяту солдатскую. Проводы этихъ живыхъ покойниковъ, большею частію на вѣкъ покидавшихъ родныя семьи, вымучивали ихъ отцовъ матерей и родственниковъ едва ли не больше, чѣмъ настоящія похороны... Кромѣ того, брали въ солдаты всѣхъ непонятныхъ въ наукахъ, глупыхъ и лѣнивыхъ... А таковыхъ всегда набиралось множество.

Однако маіору Любовникову не пришлось отвѣчать за все про все своей головой. Это такъ только писалось, чтобы всѣ приказы исполнялись тотчасъ, нимало не медля, со всевозможнымъ поспѣшеніемъ и безъ всякія понаровки, а на самомъ дѣлѣ и у насъ, какъ вездѣ, шла обычная приказная волокита... Пока шла переписка, миновалъ 1739 годъ, и наступилъ 1740 годъ. Въ этомъ году былъ заключенъ миръ съ турками, всѣ пограничныя опасности благополучно прошли, и наступили всероссійскія торжества. Стали торжествовать и въ Шацкѣ. 20-го марта 1740 года Любовниковъ вмѣстѣ съ гражданами слушалъ въ шацкомъ Воскресенскомъ соборѣ благодарственное молебствіе, послѣ котораго была пушечная пальба изъ 9 пушекъ, при чемъ израсходовано было 3 пуда пушечнаго пороха. Въ томъ же году, именно 2-го сентября, въ честь новорожденнаго внука ея величества принца Іоанна, въ Шацкѣ снова ликовали и палили. За этими радостями все прошлое было предано забвенію, и мѣстныя тревоги до извѣстной степени поулеглись... Но жить-то все-таки было далеко не весело...

Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ прошлаго вѣка продолжали у насъ собирать многочисленныя недоимки, накопившіяся съ 1718 года. Невольныхъ неплательщиковъ, въ конецъ оскудѣвшихъ, толпами и безъ выпуску содержали подъ карауломъ и нещадно били, выму-

чивая то, чего и нельзя было вымучить. Не легки были для шацкихъ обывателей и подвиги печальной памяти тайной канцеляріи. Сыщики забирали нашихъ предковъ въ застѣнокъ за всякую малость: за непригожія слова, за какую нибудь описку въ оффиціальной бумагѣ, а иногда просто по недоразумѣнію. А что разныя повинности, сверхъ безчисленныхъ недоимокъ и даней, были выше могуты — это давно ужъ извѣстно. Въ описываемое время между прочимъ собирали у насъ съ 18 душъ по одной съ подводами, инструментами и провіантомъ въ судовую донскую экспедицію. Эта повинность совершалась подъ страхомъ жесточайшаго истязанія и въ самокрайней скорости. Въ работу, за обезлюдіемъ края, брали даже стариковъ, больныхъ и увѣчныхъ; провожали ихъ до мѣста, какъ колодниковъ, военныя команды и часто изнуряли голодомъ и побоями. И всѣхъ этихъ горемычныхъ работниковъ, старыхъ и малыхъ, отрываючи ихъ отъ семействъ на великую государственную страду, высылали къ Азовскому морю денно и нощно съ великимъ поспѣшеніемъ, партіями человѣкъ въ тысячу и болѣе. Но ужаснѣе всего для населенія была все-таки рекрутчина. Новобранцевъ заковывали въ кандалы и держали за крѣпкимъ карауломъ. Протестъ противъ этого лишенія свободы нерѣдко, къ несчастію, выражался въ открытомъ сопротивленіи рекрутскаго контингента провинціальнымъ властямъ. Многіе отчаянно и чѣмъ попало отбивались отъ вербовщиковъ и уходили въ дремучіе лѣса и степи. Иные же, избываючи рекрутской неволи, уродовали себя и шли за это подъ судъ, подъ кнутъ и плети... Великое горе-гореваньице утвердилось тогда на землѣ нашей, и некому было пожалѣть русскаго безотвѣтнаго страдальца. Лишь на вѣкъ покидаемыя матери рекрутскія, да жены рекрутскія, да дѣти оставленныя-безпризорныя надрывающимъ душу воплемъ смущали чуткія къ человѣческому горю сердца.

Въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка во всѣхъ уѣздахъ Шацкой провинціи укрываючись проживало множество недорослей, спеціально отлынивавшихъ отъ ученія и службы. Все это были болѣе или менѣе грубые и избалованные даровымъ достаткомъ люди, и всѣ они пользовались въ своихъ захолустьяхъ владѣльческими правами во всю мочь. Правительство весьма основательно стремилось ихъ эксплоатировать въ государственныхъ интересахъ, но постоянно встрѣчало при этомъ рѣшительное противодѣйствіе. Тогда составили особую экспедицію для поимки недорослей, и было ихъ поймано не мало. Почти всѣ шацкіе недоросли были не грамотные и уже не молодые, отъ 35 до 50 лѣтъ. Грамотѣ пришлось учиться въ Семеновскомъ полку, куда всѣхъ ихъ опредѣлили въ солдаты. Такимъ образомъ мѣстные безполезные люди, по указанію правительства, хоть какъ нибудь пристроены были къ дѣлу.

Города и другія поселенія шацкой провинціи въ описываемое время отличались замѣчательнымъ убожествомъ. Въ самомъ Шацкѣ

даже воеводскій казенный дворъ былъ весьма ветхъ и сгнилъ, и жить въ немъ было невозможно. При этомъ нищета присутственныхъ мѣстъ доходила до того, что въ нихъ часто не доставало дровъ, свѣчъ, чернилъ, бумаги и сургуча. А приказные чины по нѣсколько лѣтъ не получали жалованья и питались отъ приказныхъ трудовъ... Вслѣдствіе этого шацкіе приказные нерѣдко обращались съ прошеніями къ властямъ, примѣрно въ такомъ родѣ: «отъ неусыпнаго письменнаго затрудненія претерпѣваемъ мы не малую нужду, и помираемъ, и домишки наши развалились»... Но всѣ подобныя прошенія большею частію оставлялись безъ вниманія, и это обстоятельство не могло не быть поводомъ къ широкому развитію извѣстныхъ былыхъ приказныхъ порядковъ. Поэтому на канцелярскую службу весьма нерѣдко шли крайне сомнительные люди, и многіе изъ нихъ были подозрительны даже относительно грамотности, и въ такомъ случаѣ воеводами переводились изъ канцелярскаго званія въ сторожа.

Какъ извѣстно, въ описываемое время крайне тяжелы были для нашего населенія разныя повинности, имущественныя и личныя. Личное тягло было таково, что многимъ служильцамъ оно было не въ моготу, и мѣстные страдники такъ, напримѣръ, плакались на свою долю. «Отъ тѣхъ твоихъ государевыхъ службъ, писалъ одинъ шацкій тяглецъ, я, холопъ твой, сталъ скорбенъ и животомъ отягченъ, и отъ той животной болѣзни и отъ тягости оморокъ меня ошибаетъ и духъ занимаетъ».

Но, кажется, всего тяжелѣе для населенія были тогдашнія безправье и неурядица. Въ совершенно мирное время, когда ни одинъ внѣшній врагъ не грозилъ намъ, у насъ возможны были такіе случаи.

Въ Шацкомъ уѣздѣ въ описываемое время было многолюдное село Пеньки, и съ этимъ селомъ нежданно-негаданно стряслась великая бѣда. Точно во времена Батыя, пришли на село сосѣдніе татары въ числѣ 200 человѣкъ и изъ ружья огненнаго стрѣляли и изъ сайдаковъ, и разбили жителей и разогнали и вогнали въ рѣку Мокшу, и въ водѣ били цѣпами и рубили и убили иныхъ до смерти.

Да, не веселое было у насъ житье въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка! То иноземное вліяніе, которое извѣстно въ русской исторіи подъ именемъ Бироновщины, слишкомъ мучительно отозвалось и у насъ. Наши лѣсныя дебри и степныя пустоши не спасали обывателей ни отъ одной муки-мученической, нѣмцемъ Бирономъ придуманной. Чужому человѣку, неправославному и невоспитанному въ исконныхъ началахъ роднаго самодержавія и народности, не жаль было Русской земли. Русскій потъ, русская кровь—все это было только матеріаломъ для эгоистической наживы ловкаго чужеземнаго проходимца... Описи подвергали рѣшительно все имущество обывателей. У кого продавали послѣдняго гуся съ гусятами, у другаго—пѣтуха съ курами, съ третьяго снимали единственную шапку; а у иныхъ отымали избы со всею дворовою ветошью и пускали нищія семьи въ холодъ и слякоть на всѣ четыре стороны.

«По многимъ посылкамъ, писали сборщики податей, обыватели не платятъ, и деревни ихъ описаны, и часто будетъ уплата». Неплательщиковъ били и еще били, и все-таки получался такой выводъ: «оныя недоимки ко взысканію не надежны». Тогда неплательщиковъ съ ихъ семьями волочили въ тюрьмы, а они отговаривались: «тоé недоимки мы не заплатили за совершенною скудостію, а по неимѣнію у себя дворовъ едва имѣемъ дневное пропитаніе; за содержаніемъ же подъ карауломъ претерпѣваемъ не малыя болѣзни».

Въ 1730-хъ годахъ въ теченіе шести лѣтъ на однихъ посадскихъ маленькаго городка Темникова накопилось казеннаго долгу 10,500 р., и уплатить имъ было не чѣмъ. Тогда сыщики арестовали всѣхъ неисправныхъ темниковскихъ посадскихъ и наполнили ими до крайней тѣсноты городскую тюрьму. Вмѣстѣ съ арестантами посажены были ихъ жены и дѣти. Когда недостало мѣста въ тюрьмѣ, отвели городскую ратушу, и тамъ, въ сырыхъ и смрадныхъ подклѣтяхъ, долго-долго сидѣли и маялись безъ выпуску старые и малые темниковцы... Съ ними заедино горе мыкали городской бургомистръ и иныя темниковскія власти по обвиненію въ томъ, что недоимки произошли по ихъ слабости и нерадѣнію...

То было время по истинѣ невыносимое для мѣстнаго большинства. Многія крестьянскія поля стояли впустѣ и заростали бурьяномъ; крестьянскія избы, покривившіяся и неогороженныя, были безъ крышъ, съѣденныхъ голоднымъ скотомъ или безпризорно развѣянныхъ буйнымъ вѣтромъ, и безъ стеколъ; и такимъ образомъ цѣлыя многочисленныя села представлялись совершенною пустошью. При такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ сборщики податей по неволѣ оставляли разоренныхъ обывателей въ покоѣ и такъ писали про нихъ въ шацкую провинціальную канцелярію: «За пустотою взыскать въ тѣхъ деревняхъ подати не съ кого». Подобные безнадежные отзывы писались не про однихъ крестьянъ. Въ спискахъ шацкихъ владѣльческихъ имѣній намъ не разъ попадались такія отмѣтки: «владѣлецъ за укрывательствомъ податей не платитъ».

Собираніемъ недоимокъ занимались у насъ воинскія команды. Имъ предписано было, чтобы онѣ не чинили въ народѣ слабыхъ поступковъ, и потому команды позволяли себѣ иногда такое дерзкое самоуправство, которое напоминало времена бесерменскихъ купцовъ, баскаковъ и иныхъ дѣльцовъ ордынскаго выхода. Многіе командиры чинили обывателямъ многія обиды и разоренія, фуражъ безденежно брали, а женъ и дочерей ихъ насиловали. И это было не гдѣ нибудь въ захолустьи, среди безотвѣтныхъ и маломочныхъ людей, а въ вотчинахъ знатнаго сенатора Нарышкина [1]). Въ другихъ мѣстахъ команды поступали еще хуже. Такъ въ 1738 году въ Темниковскій

---

[1]) Архивъ шацкой провинціальной канцеляріи, № 2044

и Спасскій уѣзды для разсѣянія воровскихъ шаекъ прибылъ донской полкъ Ребрикова. Какъ этотъ полкъ разсѣивалъ воровскія шайки, мы не знаемъ. Въ документахъ объ этомъ ни слова. Но что тѣ донскіе казаки дѣлали озорничества, познобляли народъ на морозѣ и забивали многихъ плетьми и саблями до смерти—на это есть прямое указаніе [1]). При такихъ истязаніяхъ истязуемые нерѣдко были привязываемы къ столбамъ и висѣли тамъ по цѣлымъ днямъ.

Странно теперь и подумать объ этомъ, а въ старые описываемые годы и въ солдаты, на почетную царскую службу, брали, какъ въ плѣнъ. Вѣрныхъ государевыхъ слугъ, точно лютыхъ вороговъ-иноплеменниковъ, какъ извѣстно, заковывали всѣхъ въ кандалы и держали за крѣпкимъ карауломъ... Поэтому, избѣгая тяжелой солдатчины, многіе наши обыватели отчаянно защищались отъ вербовщиковъ, въ виду своихъ женъ и дѣтей.

Въ селѣ Залетчинѣ былъ такой случай. На мірскомъ сходѣ рѣшено было отдать въ рекруты крестьянина Василія Христофорова. И вотъ ночью, передъ свѣтомъ, мірскіе выборные вошли въ его избу взять его и сковать.

— Пойдемъ на сходъ,—сказалъ староста Рвачовъ не спавшему и ожидавшему непрошенныхъ гостей Христофорову.

— Куда мнѣ идти?—отвѣчалъ тотъ упавшимъ голосомъ:—я и тутъ, если приказъ какой есть, слушать буду.

Въ это время Христофоровъ плелъ лапти, и въ рукахъ у него былъ ножъ.

— Берите его,—скомандовалъ Рвачовъ, при чемъ ударилъ Христофорова палкой по головѣ и навалился на него всѣмъ тѣломъ. Началась отчаянная борьба. Христофоровъ бросилъ лапти и ударилъ Рвачова ножомъ въ спину. Тутъ же въ избѣ староста и умеръ...

Такимъ образомъ Христофоровъ сталъ преступникомъ, убійцей. Онъ сталъ вполнѣ заслуженнымъ кандидатомъ на каторгу, и ничего нельзя сказать въ его оправданіе. А между тѣмъ Христофоровъ всегда слылъ въ своемъ селѣ за человѣка смирнаго, степеннаго, законнаго; и только непобѣдимый страхъ передъ ненавистной рекрутчиной помутилъ его помыслы и натолкнулъ на негаданное преступленіе...

Замѣчательна та нравственная забитость, которая проявлялась у насъ въ описываемое время. Сознанія собственнаго человѣческаго достоинства, повидимому, ни у кого изъ нашихъ обывателей не было. Ихъ обирали до послѣдней нитки, ихъ нещадно били плетьми и кнутами, а они оправдывались безпамятствомъ и дуростію [2]).

Любопытны также и тѣ случаи, по поводу которыхъ начинались у насъ въ былое время криминальныя слѣдствія съ ихъ ужасающими послѣдствіями.

---

[1]) Тоже. [2]) Архивъ шацкой провинціальной канцеляріи, № 167.

Провинціальный инквизиторъ, священникъ Василій Пихтелевъ, въ одной своей промеморіи сдѣлалъ описку: вмѣсто того, чтобы написать по указу ея императорскаго величества самодержавицы всероссійской, онъ написалъ просто—по указу ея императорскаго величества. Нашелся добрый человѣкъ, поповскій староста Иванъ Кирилловъ, и донесъ объ этомъ куда слѣдуетъ. Неосторожнаго инквизитора потребовали въ шацкую канцелярію; но онъ убѣжалъ въ лѣсъ и скрывался тамъ нѣсколько дней, пока не попалъ въ руки сыщиковъ. Привели Пихтелева къ шацкому воеводѣ Аѳанасію Дубасову, и тотъ объявилъ слѣдующее рѣшеніе: «Понеже оный попъ учинилъ ту погрѣшность спростà и безъ умыслу, того ради наказать его на торгу плетьми». Приговоръ привели въ исполненіе, и радъ былъ злополучный священникъ, что такъ дешево отдѣлался отъ грозившей ему опасности.

Подобные инциденты бывали у насъ не только съ людьми маломочными, но и съ крупными помѣщиками.

Самымъ выдающимся мѣстнымъ мученикомъ Бироновской эпохи былъ у насъ Ѳ. И. Соймоновъ, извѣстный составитель карты Каспійскаго моря, одинъ изъ сподвижниковъ Петра I-го и ревнитель просвѣщенія. Какъ другъ Волынскаго, онъ былъ битъ плетьми и сосланъ въ Сибирь.

До какой степени неосновательны были причины, вызывавшія грозныя судныя дѣла по тайной канцеляріи, видно изъ слѣдующаго.

Однажды въ селѣ Спасскомъ былъ большой мірской сходъ. Въ толпѣ сначала пошумѣли, а потомъ подрались. При этомъ особенно много досталось крестьянину Филиппу Сидорову. Тогда онъ, въ видахъ спасенія отъ деревенскихъ гàлмановъ, сказалъ за собою слово и дѣло. Мужицкая толпа шарахнулась въ стороны, но дѣло было уже сдѣлано. Донесли обо всемъ воеводѣ, и пошла переборка: чуть не весь сходъ забрали въ шацкую тайную контору. Когда же дѣло выяснилось, то въ Воронежскую губернскую канцелярію повезли только главныхъ подсудимыхъ, числомъ 40 человѣкъ. Изъ Воронежа переправили ихъ всѣхъ въ тайную канцелярію въ Петербургъ, гдѣ и пробыли они ровно два года. Какъ пробыли и всѣ ли остались цѣлыми и невредимыми—это другой вопросъ. Но дѣло въ томъ, что тѣ Спасскіе колодники признаны были къ слову и дѣлу непричастными и возвращены домой. Значитъ, вся передряга шла попустому.

Специальное кляузничество и безумный доносный рискъ въ свою и чужую голову были у насъ явленіями весьма не рѣдкими. На этомъ постыдномъ поприщѣ особенно отличались мѣстные подьячіе. Къ такимъ лицамъ принадлежитъ, напримѣръ, бывшій тамбовскій канцеляристъ Василій Михайловъ. Этотъ доносчикъ, конечно, рисковалъ и собственною шкурою, и другихъ подводилъ подъ грозную и неисходную бѣду... Разумѣется, онъ не имѣлъ ничего общаго съ

такъ называемымъ гражданскимъ мужествомъ, и не государственно-общественные интересы руководили его дѣйствіями. То былъ человѣкъ безпокойный, кляузный, злостный, тупой и только хитрый.

30 января 1737 года онъ написалъ въ московскую сенатскую контору доносъ о разныхъ непорядочныхъ поступкахъ тамбовскихъ воеводъ, бывшихъ въ Тамбовской провинціи въ прошлыхъ годахъ. Въ доносѣ бывшіе тамбовскіе воеводы Денисьевъ и князь Несвицкій съ ихъ подручными секретарями Перепеченымъ и Струковымъ обвинялись въ крайнемъ злоупотребленіи винными и провіантскими подрядами и въ поддѣлкѣ и иной фальсификаціи оправдательныхъ документовъ. Безъ всякаго сомнѣнія, дѣйствія названныхъ тамбовскихъ воеводъ были не безупречны. Но Михайловъ сильно ихъ преувеличилъ и воодушевлялся въ своемъ доносѣ исключительно личнымъ недоброжелательствомъ и тѣмъ обстоятельствамъ, что не онъ наживался...

Канцеляристъ Михайловъ, одинъ изъ представителей того печальнаго отжившаго типа, который въ народѣ слылъ подъ именемъ крапивнаго сѣмени и крючкодѣевъ, былъ человѣкъ настойчивый и задумалъ свое кляузное дѣло не на шутку. Вслѣдъ за доносомъ уѣхалъ въ Москву и онъ самъ. За нимъ послана была погоня, но настигла его уже въ Москвѣ. Тщетно козловецъ Тимоѳей Анцыферовъ кричалъ на Михайлова: караулъ! Правда, Михайлова взяли въ тюрьму; но онъ и тамъ не унимался и всецѣло посвятилъ себя писанію пунктовъ въ кабинетъ ея величества. Въ мѣру и безъ мѣры испыталъ онъ батожья всякаго, но пунктовъ не покидалъ. 29 мая 1737 года всѣ пункты Михайлова во время московскаго пожара сгорѣли. Тогда началась новая переписка по его дѣлу. Накоплялись бумажныя кипы за кипами. Строилось обширное слѣдственное дѣло, производились внезапные аресты и тайно-канцелярскіе эксперименты... Михайловскій доносъ выразился въ слѣдующемъ: имущество оговоренныхъ воеводъ было описано, недоимки съ нихъ взысканы, съ откупщиковъ взяли по тысячѣ рублей и убытки вдвое. Однако, дѣло обнаружилось криминальнымъ далеко не въ такой степени, какъ доносилъ Михайловъ, и московскіе судьи вынуждены были оказать снисходительность къ подсудимымъ тамбовскимъ воеводамъ. Ихъ оставили при ихъ чинахъ и опредѣлили къ дѣламъ, кромѣ Тамбова [1]).

Такова-то была жизнь нашего захолустья въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка. И многіе наши обыватели, при всей своей покорливости, не мирились и не могли мириться съ такою жизнью. Босые и почти нагіе они одни, или же съ семьями, бросали на вѣкъ свои дома и брели врозь. Бѣжали старики и дѣти, пренебрегая немощами своего возраста; бѣжали сами священники, спасаясь отъ мірской неправды въ разныхъ скитахъ; бѣжали даже дворяне-недоросли, укрываясь

[1]) Московскій архивъ министерства юстиціи, № 246.

отъ повинностей и школьнаго ученія. Иные бѣглые кое-какъ устроивались на чужой сторонѣ, но большинство ихъ пропадало безслѣдно, и гдѣ они горе свое неизбывное мыкали, про то слабая тогдашняя полиція не знала. А мыкали они бѣду свою по степямъ и дебрямъ россійскимъ, въ самыхъ что ни на есть пустошахъ, помирая отъ нищеты и звѣря, или на большихъ торговыхъ трактахъ: и жутко приходилось отъ нихъ, бездомныхъ и обездоленныхъ странниковъ, мирнымъ русскимъ людямъ—проѣзжимъ и прохожимъ...

Между нашими бѣглыми попадались и такіе, какъ дворовая помѣщика Перепечина Анисья Акимова, которой въ годъ ея побѣга съ барской усадьбы было 80 лѣтъ.

Какъ велико было у насъ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны количество бѣглыхъ, это видно изъ того, что одних ъработныхъ людей Донской судовой экспедиціи бѣжало 5380 человѣкъ. Въ то же время изъ одного села Тарадѣй Шацкаго уѣзда убѣжало безвѣстно 600 человѣкъ.

Но все же находились у насъ люди, которымъ жить было въ самую пору, и эти печальные дѣльцы печальной эпохи тѣмъ именно отличались въ мѣстномъ быту, что умѣли, по русской пословицѣ, ловить рыбу въ мутной водѣ. Къ такимъ лицамъ нельзя не отнести тульскаго купца П. И. Баташева. Водворившись въ нашихъ сѣверныхъ лѣсныхъ уѣздахъ, Баташевъ сумѣлъ законтрактовать весь дремучій Темниковско-Спасскій край на 20 лѣтъ, съ 25 рублевою платою въ годъ. Заручившись всѣми мѣстными канцелярскими протекціями, тульскій ловкачъ, искусный ловецъ человѣковъ, приступилъ къ своему обширному наживному дѣлу. И это дѣло какъ нельзя лучше для него уладилось. Пошлинъ въ казну онъ не платилъ. Сразу выстроилъ два обширныхъ и доходныхъ завода: желѣзный и пильный, Это стоило ему очень не дорого, потому что весь лѣсъ строевой, дровяной и для уголья оказался въ полной хозяйской его власти. И началъ Баташевъ (какъ жаловался на него впослѣдствіи секундъ-маіоръ Ершовъ) истреблять лѣса безъ всякой пощады... и сырой на корняхъ стоячій, и корабельный, и мачтовый. Всѣ свои обширныя заводскія зданія Баташевъ выстроилъ изъ дароваго лѣсу и отапливалъ ихъ даромъ. Безъ мѣры валилъ лѣсъ на уголья. Не довольствуясь этимъ, онъ завелъ въ лѣсахъ громадныя порубки и началъ обширную лѣсную торговлю на многія тысячи. И все это за 25 рублей въ годъ!.. Конечно, многіе простецы умилялись по поводу практическаго ума тульскаго ловкача. Если взять во вниманіе одно то, что у Баташева отъ неосторожнаго сженія угля происходили превеликіе пожары, и отъ этихъ пожаровъ зря выгорѣло самаго лучшаго лѣса болѣе какъ на 30,000 десятинахъ, то и одно это обстоятельство достаточно уяснитъ степень культурности тульскаго колонизатора для нашего края... Баташевское хозяйство было въ высшей степени алчное. Лѣсъ рубили не только на всякое за-

водское дѣло или для продажи, но и такъ, на всякій случай. Поэтому во многихъ лѣсныхъ трущобахъ, представлявшихъ мѣстную драгоцѣнность для многихъ поколѣній, валялись многія тысячи неприбранныхъ и сгнившихъ бревенъ. При такихъ условіяхъ наши сѣверные лѣса начали ежегодно и быстро погибать. Пройдетъ годъ, и вдругъ нѣтъ строеваго лѣсу верстъ на 15. На другой и на третій годъ и т. д. то же... И все это хищеніе велось изъ году въ годъ совершенно безнаказанно, въ сущую понаровку Баташеву [1]).

Такія-то дѣла творились въ былые годы въ нашемъ богатомъ и захудаломъ краѣ.

И какъ сравнить это былое съ настоящимъ, то невольно убѣдишься, что Богъ не безъ милости... Про бѣглыхъ и разбойниковъ теперь и слыхомъ не слыхать. Иди куда хочешь, никто тебя не тронетъ. Про эти наряды съ великимъ поспѣшеніемъ, съ разореніемъ и оставленіемъ семействъ тоже не слышно, и нельзя слышать. Порядокъ и законъ вошли въ свою силу; широкая и славная будущность ожидаетъ впереди Россію, тщательно охраняемую и направляемую вѣнценосными ея вождями...

И. Дубасовъ.

---

[1]) Сенатское дѣло 1797 года, № 2.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТУПНИКЪ Н. БОБРИЩЕВЪ-ПУШКИНЪ ВЪ МОНАСТЫРЯХЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

ВЪ ЯНВАРЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ помѣщена замѣтка г. Д. Лазарева подъ заглавіемъ: «Политическіе ссыльные въ Туруханскомъ краѣ». Въ этой замѣткѣ авторъ, на основаніи данныхъ, имѣющихся въ сибирскихъ архивахъ, сообщаетъ между прочимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о переведенномъ въ мартѣ 1827 г. изъ Якутска въ Туруханскъ государственномъ преступникѣ Бобрищевѣ-Пушкинѣ, именно, что онъ, Бобрищевъ, страдалъ здѣсь умопомѣшательствомъ, что въ мартѣ 1828 г. онъ поступилъ въ Туруханскій Троицкій монастырь, но въ іюнѣ того же года за «безчеловѣчный поступокъ» съ игуменомъ того монастыря, Аполлосомъ, былъ переведенъ въ Енисейскій Спасскій монастырь. Что съ нимъ сталось далѣе,—замѣчаетъ г. Лазаревъ,—изъ дѣлъ архивовъ Туруханскаго края, почти совершенно сгорѣвшихъ въ началѣ 80-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, не видно.

Но въ Петербургскихъ архивахъ нашлись дѣла, которыя могутъ и восполнить, и исправить сообщенныя г. Лазаревымъ свѣдѣнія о государственномъ преступникѣ Бобрищевѣ-Пушкинѣ за указанный періодъ. Мало того, по этимъ дѣламъ мы можемъ съ подробностью и ясностью возстановить картину той внутренней драмы, которая совершалась и развивалась въ душѣ этого несчастнаго человѣка, заброшеннаго и оторваннаго отъ всѣхъ своихъ сотоварищей. Сооб-

щаемыя нами свѣдѣнія не появлялись досслѣ въ печати. Ихъ нѣтъ ни въ воспоминаніяхъ декабристовъ, ни въ только что вышедшемъ трудѣ г. Дмитріева-Мамонова: «Декабристы въ Западной Сибири», хотя изслѣдованіе это и составлено по оффиціальнымъ документамъ [1]).

Николай Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й, имѣвшій отъ роду 25 лѣтъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Павломъ состояли поручиками квартирмейстерской части и оба принадлежали къ южному обществу. Верховнымъ уголовнымъ судомъ Николай признанъ былъ виновнымъ въ умыслѣ бунта и въ принятіи на сохраненіе бумагъ Пестеля, за что отнесенъ былъ къ восьмому разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ вѣчно на поселеніе, каковой приговоръ высочайшею милостію ограниченъ былъ, впрочемъ, двадцатью годами ссылки на поселеніе. Братъ же его, Павелъ, какъ признанный, кромѣ вышесказаннаго, виновнымъ въ знаніи объ умыслѣ на цареубійство и въ привлеченіи въ тайное общество одного члена, отнесенъ былъ верховнымъ уголовнымъ судомъ къ четвертому разряду государственныхъ преступниковъ съ осужденіемъ въ каторжныя работы вѣчно, но приговоръ этотъ былъ смягченъ государемъ, и каторга Павлу ограничена восемью годами, а затѣмъ слѣдовала ссылка на поселеніе.

Послѣ объявленія приговора верховнаго уголовнаго суда, Н. Бобрищевъ-Пушкинъ, по словамъ г. Дмитріева-Мамонова, прямо былъ отправленъ на поселеніе въ г. Туруханскъ, гдѣ,—продолжаетъ авторъ изслѣдованія по оффиціальнымъ источникамъ,—онъ, находясь при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, совершенно одинокимъ, претерпѣвая постоянную нужду въ матеріальныхъ средствахъ, не вынесъ этой дальней суровой ссылки и сошелъ съ ума. Изъ имѣющихся же у насъ оффиціальныхъ документовъ [2]) видно, что Н. Бобрищевъ-Пушкинъ, живя лѣтомъ 1827 г. въ г. Туруханскѣ, обратился съ прошеніемъ къ енисейскому гражданскому губернатору о томъ, чтобы ему дозволено было поступить въ монастырь, находящійся на берегу р. Енисея, въ 30-ти верстахъ отъ Туруханска. Прошеніе это было доложено государю, который и соизволилъ «разрѣшить сему преступнику вступленіе въ монастырь, буде точно онъ имѣетъ къ тому побужденіе и желаніе, но съ тѣмъ, однако, что сіе не должно изъять его отъ надзора полицейскаго». Это высочайшее

---

[1]) Причиною этого было, конечно, то обстоятельство, что несчастный страдалецъ со времени своей ссылки въ Туруханскъ въ 1827 г. до помѣщенія его въ красноярскую больницу душевно-больныхъ въ 1831 г. былъ совершенно оторванъ отъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Когда же къ нему прибылъ «для совмѣстнаго житья» его братъ, то Н. С. Бобрищевъ-Пушкинъ находился уже въ той степени душевнаго разстройства, при которой онъ, вѣроятно, не въ состояніи былъ подробно и вѣрно повѣдать о своемъ пребываніи въ Туруханскихъ монастыряхъ.

[2]) Дѣла архива святѣйшаго синода и канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода.

повелѣніе 4-го ноября 1827 г. было сообщено чрезъ главный штабъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода князю П. С. Мещерскому, который и предложилъ оное для зависящихъ распоряженій святѣйшему синоду. Послѣдній, заслушавъ высочайшую волю, предписалъ иркутскому епархіальному начальству, въ вѣдѣніи коего находился тогда Туруханскій монастырь, что когда означенный государственный преступникъ Н. Бобрищевъ-Пушкинъ препровожденъ будетъ въ Туруханскій Троицкій монастырь, то, «испытавъ его чрезъ кого удобнѣе и надежнѣе, искреннее ли онъ имѣетъ побужденіе и желаніе къ монастырской жизни, содержать его въономъ сообразно тѣмъ распоряженіямъ, какія приняты будутъ отъ гражданскаго начальства къ наблюденію за нимъ, Пушкинымъ, во время пребыванія его въ монастырѣ, и о поведеніи его, Пушкина, рапортовать святѣйшему синоду пополугодно. Но ежели по испытаніи его, Пушкина, не представится въ немъ искренняго побужденія и желанія къ пребыванію въ монастырѣ, въ такомъ случаѣ немедленно донести о томъ святѣйшему синоду».

Прежде чѣмъ выяснить, въ какомъ душевномъ состояніи Н. Бобрищевъ-Пушкинъ подалъ свое прошеніе о помѣщеніи его въ монастырь, и имѣлъ ли онъ искреннее побужденіе и желаніе къ пребыванію въ ономъ, остановимся нѣсколько на томъ, что представлялъ собою Туруханскій Троицкій монастырь въ описываемое время, и какіе были тамъ люди, съ которыми пришлось Бобрищеву-Пушкину имѣть дѣло.

Туруханскій Троицкій-Мангазейскій монастырь основанъ былъ инокомъ Тихономъ въ 1660 г. и находился на правомъ берегу р. Енисея, близъ устья Нижней Тунгузки, въ 30 верстахъ выше г. Туруханска, въ пустынной мѣстности, такъ какъ при немъ находилось одно только село Монастырское. А затѣмъ до города Енисейска, лежащаго отъ монастыря на разстояніи 1.054 в., не было жилья. Въ монастырѣ подъ спудомъ почиваютъ мощи мученика Василія Мангазейскаго, принесенныя сюда изъ Мангазеи въ 1670 г. Въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія онъ не имѣлъ ни ограды, ни сносныхъ келлій, ни достаточнаго количества братіи, число которой иногда доходило до 3 человѣкъ, а съ послушниками не превышало 10 человѣкъ. Бѣдность и скудость во всемъ монастырѣ были ужасающія. Братія жаловалась въ 1828 г. своему епархіальному начальству, что кельи крайне ветхи, неоконопачены, въ страшной пыли и грязи, такъ что жить въ нихъ не только зимою, но и лѣтомъ не представляется возможнымъ, и вообще, по ея словамъ, весь монастырь находился въ крайнемъ упадкѣ и запущеніи. Ко всему этому нужно еще прибавить, что настоятелемъ монастыря въ описываемое время былъ игуменъ Аполлосъ—человѣкъ необразованный, грубый, корыстный и порочный. Изъ дѣлъ Иркутской духовной консисторіи видно, что хотя игуменъ Аполлосъ происходилъ изъ духовнаго званія, но

въ школахъ нигдѣ не обучался и сперва былъ причетникомъ, но, овдовѣвъ, принялъ монашество и, переходя въ теченіе 18 лѣтъ изъ одного сибирскаго монастыря въ другой,—сдѣланъ былъ наконецъ въ 1822 г. игуменомъ Туруханскаго монастыря. Не смотря на то, что ему въ описываемое время было уже подъ 70 лѣтъ, онъ обвинялся во многихъ несвойственныхъ ни его монашескому званію, ни высокому сану, ни преклоннымъ лѣтамъ поступкахъ и дѣяніяхъ. Такъ въ его формулярѣ значится, что онъ билъ жену служителя Пономарева въ кельѣ до крови и сажалъ ее въ ножныя цѣпи; сѣкъ лозами и билъ нещадно служителей; обругалъ вдоваго священника А. Пляскина и благочиннаго протоіерея А. Петрова канальей, бестіей и «еще всячески» съ угрозами и замахиваніемъ кулаками. Да, кромѣ того, надъ нимъ производилось слѣдствіе по обвиненію его въ присвоеніи монастырскаго имущества и братскихъ доходовъ; обвинялся онъ въ постоянномъ пьянствѣ «въ полѣ и у знакомыхъ», площадной при этомъ брани и дракѣ съ разными лицами; въ хожденіи по ночамъ къ крестьянамъ для игры въ пѣшки (шашки) и карты и наконецъ въ томъ, что къ нему «каждодневно, неизвѣстно для какой нужды, ходила одна крестьянская женка и оставалась у него въ кельѣ подолгу». «За таковую жестокость нрава, алчбу корыстолюбія, неумѣренность винопитія, принятіе въ келью свою женщины, за играніе ночью съ мужиками въ пѣшки и карты, за площадное ругательство, за поводъ къ соблазну и самый соблазнъ многихъ и за другіе гнусные поступки не только санъ настоятеля, но и священства опорочившаго и не только къ управленію монастыремъ сдѣлавшагося не способнымъ, но и для братіи онаго, и служителей, и міранъ, знающихъ его подлое поведеніе отвратительнымъ»,—за все это епархіальное начальство въ 1829 г. признало его, игумена Аполлоса, на основаніи дѣйствующихъ духовныхъ и свѣтскихъ законовъ, подлежащимъ лишенію священства и изгнанію изъ монастыря съ отсылкою въ свѣтское вѣдомство на его разсмотрѣніе. Но, по уваженію прежняго его долговременнаго безпорочнаго служенія и старости, нашло возможнымъ ограничиться только низведеніемъ его со степени игумена въ степень іеромонаха, съ запрещеніемъ и подпискою именоваться впредь игуменомъ, употреблять при священнослуженіи жезлъ и набедренникъ, оставивъ его въ числѣ братства Туруханскаго монастыря.

Вотъ въ какую обитель и къ какому настоятелю попалъ Н. С. Бобрищевъ-Пушкинъ, страдавшій еще предъ поступленіемъ въ монастырь, какъ сейчасъ мы это увидимъ, и психическимъ разстройствомъ и не желавшій оставаться навсегда въ монастырѣ.

7-го февраля 1828 г., въ святѣйшимъ синодѣ было получено отъ архіепископа иркутскаго Михаила донесеніе, въ которомъ онъ сообщалъ, что во исполненіе вышеизложеннаго указа святѣйшаго синода онъ, архіепископъ, предписалъ отъ 31 декабря 1827 г. на-

стоятелю Троицкаго Туруханскаго монастыря игумену Аполлосу съ братіею и казначею іеромонаху Роману,—первому о принятіи означеннаго Бобрищева-Пушкина въ свой монастырь и о содержаніи его тамъ сообразно тѣмъ распоряженіямъ, какія приняты будутъ отъ гражданскаго начальства, а второму—въ особенности о испытаніи его, Пушкина, искреннее ли онъ имѣетъ побужденіе и желаніе къ монастырской жизни. Изъ этого распоряженія преосвященнаго Михаила видно, что онъ зналъ игумена Аполлоса, и, поручая ему, какъ настоятелю монастыря, надзоръ за ссыльнымъ, не могъ и не рѣшился поручить ему духовное общеніе съ нимъ, какъ бы предчувствуя, что всякое общеніе между ними можетъ окончиться чѣмъ нибудь недобрымъ, какъ это дѣйствительно скоро и случилось.

Пока шла переписка между Петербургомъ и Иркутскомъ, въ Туруханскомъ монастырѣ обнаружились совершенно новыя обстоятельства, значительно осложнившія и измѣнившія ходъ дѣла. 22 февраля 1828 г. главный штабъ снова увѣдомилъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода о томъ, что енисейскій гражданскій губернаторъ донесъ его величеству, что государственный преступникъ Бобрищевъ-Пушкинъ, изъявившій желаніе поступить въ Троицкій Туруханскій монастырь, бываетъ подверженъ припадкамъ сумасшествія, и что по сей причинѣ нѣтъ возможности имѣть за нимъ полицейскій присмотръ въ обители Троицкой, которая, находясь въ пустынномъ мѣстѣ, за 30 верстъ отъ Туруханска, не имѣетъ ни достаточной ограды, ни значительнаго числа монашествующихъ, кромѣ одного игумена и трехъ человѣкъ братіи, ни удобной кельи для заключенія преступника во время бывающихъ съ нимъ припадковъ сумасшествія. Но,—продолжалъ далѣе главный штабъ въ своемъ отношеніи,—государь императоръ, находя, что въ монастырѣ болѣе можетъ быть средствъ къ присмотру за Бобрищевымъ-Пушкинымъ во время припадковъ его помѣшательства, нежели въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ нынѣ находится, высочайше повелѣть соизволилъ, если Троицкая обитель для сего неудобна, то помѣстить Бобрищева-Пушкина въ другомъ монастырѣ, по близости Туруханска, по назначенію духовнаго начальства. Вслѣдствіе этого святѣйшій синодъ, которому по обычаю было опять предложено оберъ-прокуроромъ это дѣло, опредѣлилъ отъ 13 марта того же года: означеннаго государственнаго преступника Бобрищева-Пушкина отослать въ состоящій Иркутской епархіи Енисейскій третьеклассный Спасскій монастырь, яко ближайшій отъ Туруханска, куда отправить его чрезъ посредство гражданскаго правительства, а по доставленіи въ оный содержать его, Пушкина, тамъ на основаніи послѣдовавшаго о немъ изъ святѣйшаго синода отъ 22 декабря 1827 г. указа.

5-го іюля 1828 года, главный штабъ снова увѣдомилъ синодальнаго оберъ-прокурора, что по сообщенію енисейскаго гражданскаго губернатора припадки сумасшествія Бобрищева-Пушкина прекрати-

лись, и онъ ведетъ себя благопристойно, и что по сообщенію того же губернатора отъ 7-го марта Бобрищевъ-Пушкинъ поступилъ по желанію своему въ означенный Троицкій монастырь, при чемъ губернаторъ представилъ въ главный штабъ и собственноручную подписку Пушкина о непремѣнномъ намѣреніи его быть въ семъ монастырѣ.

Въ виду такого донесенія енисейскаго гражданскаго губернатора въ Петербургѣ не знали, гдѣ же собственно находился въ означенное время Бобрищевъ-Пушкинъ—въ Троицкомъ ли Туруханскомъ монастырѣ, какъ сообщалось въ послѣднемъ донесеніи губернатора, или уже былъ переведенъ въ Енисейскій Спасскій, согласно предшествовавшему опредѣленію святѣйшаго синода и высочайшей волѣ. Поэтому святѣйшій синодъ отъ 23-го іюля 1828 года постановилъ: такъ какъ государственному преступнику Бобрищеву-Пушкину святѣйшимъ синодомъ первоначально назначенъ былъ для пребыванія Туруханскій Троицкій монастырь, но впослѣдствіи вмѣсто онаго назначенъ — въ силу высочайшаго повелѣнія — Енисейскій Спасскій; изъ послѣдняго же отношенія главнаго штаба видно, что помянутый преступникъ вступилъ въ Туруханскій монастырь, то святѣйшій синодъ, заключая, что таковое поступленіе онаго преступника послѣдовало по первому опредѣленію святѣйшаго синода, предоставляетъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода снестись съ начальникомъ главнаго штаба о увѣдомленіи: не приведено ли впослѣдствіи и второе опредѣленіе святѣйшаго синода относительно помѣщенія его, Бобрищева-Пушкина, въ Енисейскій Спасскій монастырь, и гдѣ именно онъ нынѣ находится. Вслѣдствіе этого опредѣленія сдѣлано было съ главнымъ штабомъ надлежащее сношеніе, изъ котораго выяснилось только, что, по сообщенію генералъ-губернатора Лавинскаго и гражданскаго енисейскаго губернатора отъ 23-го іюня и 4-го іюля, распоряженіе о переводѣ Бобрищева-Пушкина изъ Туруханскаго Троицкаго въ Енисейскій Спасскій монастырь своевременно и надлежаще сдѣлано было, но гдѣ нынѣ находится означенный преступникъ—въ Туруханскомъ или Енисейскомъ монастырѣ, неизвѣстно. Впрочемъ это скоро разъяснилось. 20-го сентября 1828 года въ святѣйшемъ синодѣ было получено донесеніе иркутскаго архіепископа Михаила, въ которомъ онъ сообщалъ, что, по донесеніямъ Туруханскаго Троицкаго монастыря іеромонаха Романа, государственный преступникъ Бобрищевъ-Пушкинъ поступилъ въ означенный монастырь 4-го февраля 1828 года и во время четырехмѣсячнаго его пребыванія въ семъ монастырѣ не оказалъ ни безропотнаго послушанія, ни скромнаго обращенія въ общежитіи, ни благоговѣнія въ церкви. Настоятель же монастыря, игуменъ Аполлосъ, отъ 5-го іюля доносилъ архіепископу, что 26-го іюня послѣ утрени, когда онъ, игуменъ, зашедши въ келью его, Бобрищева-Пушкина, просилъ «повѣстить къ себѣ монастырскаго служителя», Пуш-

кинъ, сказавши игумену: я тебя не слушаю, сперва ударилъ его чугуннымъ пестомъ въ голову и прошибъ оную до крови, а потомъ тѣмъ же пестомъ ударилъ игумена и въ лѣвую руку, сдѣлавъ на ней синее пятно. Пестъ сей игуменъ могъ вырвать изъ рукъ его съ великимъ усиліемъ. Такъ какъ игуменъ усмотрѣлъ Бобрищева-Пушкина въ припадкѣ умопомѣшательства, то во избѣжаніе опаснѣйшихъ для монастыря послѣдствій счелъ своимъ долгомъ отправить его подъ надзоръ земской полиціи.

Святѣйшій синодъ по выслушаніи этого донесенія 21-го сентября опредѣлилъ: о всемъ вышеозначенномъ увѣдомить г. управляющаго военнымъ министерствомъ.

Далѣе изъ дѣлъ не видно, когда и кѣмъ произведено было слѣдствіе о происшествіи 26-го іюня въ Троицкомъ Туруханскомъ монастырѣ, и что на немъ въ дѣйствительности выяснилось. Но изъ одного дѣла объ игуменѣ Аполлосѣ явствуетъ, что слѣдствіе своевременно производилось, и что игуменъ былъ по окончаніи слѣдствія обвиненъ «во взаимной дракѣ съ государственнымъ преступникомъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ», и что послѣдній во время своего пребыванія въ монастырѣ въ теченіе 5 мѣсяцевъ и 5 дней довольствовался, по распоряженію игумена Аполлоса, братственною провизіею. Деньги же, отпускавшіяся казною въ количествѣ 57 р. 14³/₄ к. сер. на содержаніе государственныхъ преступниковъ, не имѣвшихъ никакихъ собственныхъ и стороннихъ средствъ, къ категоріи каковыхъ принадлежали оба Бобрищевы-Пушкины, остались, вѣроятно, въ пользу игумена Аполлоса, котораго братія обвиняла въ томъ, что онъ держитъ нахлѣбниковъ «на братственномъ коштѣ», указывая при этомъ между другими и на государственнаго преступника Бобрищева-Пушкина.

Если справедливо указаніе братіи, что Бобрищевъ-Пушкинъ содержался въ Туруханскомъ монастырѣ въ теченіе 5 мѣсяцевъ и 5 дней на братственномъ коштѣ, то, считая съ 4-го февраля, дня его прибытія въ монастырь, выходитъ, что онъ оставался здѣсь приблизительно до 10-го іюля. Во всякомъ случаѣ переводъ Бобрищева-Пушкина изъ Туруханскаго въ Енисейскій Спасскій монастырь обусловливался, какъ мы видѣли, причинами, не имѣющими ничего общаго съ помянутымъ событіемъ 26-го іюня,—какъ это утверждаетъ г. Лазаревъ,—и рѣшенъ былъ гораздо ранѣе.

Что касается до Енисейскаго Спасскаго монастыря, то онъ представлялъ для несчастнаго больнаго и измученнаго человѣка, какимъ несомнѣнно въ это время былъ Н. Бобрищевъ-Пушкинъ, болѣе благопріятныя условія, чѣмъ Туруханскій монастырь. Монастырь этотъ основанъ около 1642 года и по своему положенію въ городѣ и средствамъ занималъ выдающееся положеніе. Архимандритъ его, Матѳій, въ 1679 году пожалованъ былъ бѣлою шапкою, а архимандритъ Ксенофонтъ въ 1823 году мантіею со скрижалями. Но самое глав-

ное то, что здѣсь былъ въ означенное время настоятелемъ архимандритъ Ксенофонтъ по своимъ качествамъ и характеру совершенно иной инокъ, чѣмъ игуменъ Аполлосъ. Это былъ человѣкъ 45—46 лѣтъ, по происхожденію великороссіянинъ, обучался въ тобольской семинаріи латинскому языку, ариѳметикѣ, священной исторіи, географіи, всеобщей и русской исторіи, поэзіи, русской и латинской риторикѣ, философскимъ и богословскимъ наукамъ. Поступивъ по окончаніи курса въ семинаріи діакономъ на приходъ, онъ, въ 1808 году, по вдовству, принялъ монашество и былъ сперва въ томской духовной гимназіи учителемъ высшей грамматики, а съ 1812 состоялъ казначеемъ Тобольскаго Знаменскаго монастыря и учителемъ семинаріи средняго и высшаго грамматическаго классовъ. Въ 1818 году отецъ Ксенофонтъ произведенъ во игумена Троицкаго Туруханскаго монастыря, а въ слѣдующемъ году назначенъ святѣйшимъ синодомъ архимандритомъ Енисейскаго Спасскаго монастыря и смотрителемъ Енисейскаго духовнаго училища. Мѣстные преосвященные всегда рекомендовали его такъ: «способностей отличныхъ, поведенія похвальнаго, прилежанія неусыпнаго». Естественно, что такой человѣкъ могъ вполнѣ понять душевное состояніе и страданія несчастнаго ссыльнаго и отнестись къ нему вполнѣ почеловѣчески. Такое именно отношеніе къ Бобрищеву-Пушкину и проглядываетъ во всѣхъ донесеніяхъ отца архимандрита Ксенофонта о находившемся въ его монастырѣ государственномъ преступникѣ. Въ этихъ оффиціальныхъ бумагахъ проглядываетъ живое, теплое участіе и состраданіе къ несчастному человѣку и его тяжелому положенію. Это участіе и состраданіе простирается настолько, что, какъ сейчасъ увидимъ, всѣ поступки Бобрищева-Пушкина, не исключая даже и его политическаго образа мыслей, отецъ архимандритъ Ксефонтъ всегда объяснялъ его психическимъ разстройствомъ. Положимъ, что онъ въ этомъ случаѣ констатировалъ только дѣйствительный фактъ. Но если взять во вниманіе, что всякій политическій ссыльный, а особенно такой ненормальный человѣкъ, какъ Бобрищевъ-Пушкинъ, представлялъ только одно бремя для монастыря и особенно для настоятеля, и что послѣдній легко могъ навлечь на себя массу разныхъ хлопотъ, неудовольствій и отвѣтственности за всякое даже случайное обстоятельство, допущенное политическимъ ссыльнымъ, почему естественно было всякому настоятелю монастыря скорѣе стремиться избавиться отъ такого невольнаго гостя, то, въ виду всего этого, гуманное отношеніе отца архимандрита Ксенофонта къ безправному и беззащитному государственному преступнику представляется въ высшей степени фактомъ отраднымъ и симпатичнымъ.

4-го февраля 1829 года, Енисейскаго Спасскаго монастыря архимандритъ Ксенофонтъ доносилъ иркутскому архіепископу (а сей послѣдній съ его словъ святѣйшему синоду), что государственный

преступникъ Бобрищевъ-Пушкинъ съ начала поступленія его въ монастырь жилъ весьма честно, мирно и при строгомъ соблюденіи христіанскихъ правилъ къ церкви былъ весьма прилеженъ, кромѣ того, что иногда бывалъ въ глубокой задумчивости и смѣялся одинъ себѣ, безъ видимой причины; впрочемъ, не казался вреднымъ монастырю. Впослѣдствіи же задумчивость его увеличилась. Съ 1-го февраля 1829 года дошелъ онъ до совершеннаго изступленія ума, такъ что 3-го числа того мѣсяца непримѣтно обнаружилась гнѣздящаяся въ сердцѣ его, Пушкина, та ужасная и мятежная мысль, которая была причиною заслуженной имъ ссылки въ Сибирь. Дабы въ семъ положеніи не могло случиться отъ него какого либо вреда братіи монастыря, или не нанесъ бы онъ какого либо вреда себѣ, 3-го февраля онъ, архимандритъ, вынужденъ былъ довести о всемъ семъ до свѣдѣнія г. енисейскаго городничаго, которымъ и взятъ тотъ Пушкинъ, въ силу имѣющагося у него на такой случай предписанія отъ начальства, въ городскую больницу.

За симъ Бобрищевъ-Пушкинъ скоро опять очутился въ томъ же монастырѣ, потому что архимандритъ Ксенофонтъ отъ 18-го мая 1829 года опять доносилъ иркутскому архіепископу слѣдующее. Находящійся въ томъ монастырѣ государственный преступникъ Бобрищевъ-Пушкинъ живетъ, какъ и прежде жилъ, честно и тихомирно, только ревность его къ хожденію въ церковь почти совершенно въ немъ погасла, такъ что и во всю недѣлю святой пасхи приходилъ въ оную не болѣе 4-хъ разъ, а нынѣ и совсѣмъ не ходитъ, а занимается днемъ и ночью единственно писаніемъ чего-то, какъ самъ говоритъ, самонужнѣйшаго къ государю императору. Между тѣмъ онъ проситъ убѣдительно уволить его изъ монастыря, говоря, что просился онъ въ монастырь на временное только богомолье, по причинѣ тогдашняго разстройства его въ душевныхъ и тѣлесныхъ своихъ способностяхъ. А чтобы быть въ монастырѣ навсегда, того онъ никогда и въ мысли не имѣлъ, и что тогда, когда выходитъ за монастырь, онъ чувствуетъ въ душѣ своей большее утѣшеніе, нежели пребывая внутри онаго.

Святѣйшій синодъ, заслушавши 8-го іюля 1829 года вышеприведенное донесеніе архіепископа иркутскаго, пришелъ къ слѣдующему заключенію. Поелику высочайшимъ повелѣніемъ государственному преступнику Бобрищеву-Пушкину вступленіе въ монастырь разрѣшено съ тѣмъ, буде точно онъ имѣетъ къ тому побужденіе и желаніе, а изъ настоящаго доношенія преосвященнаго и изъ самаго прошенія Бобрищева-Пушкина видно, что онъ не только побужденія и желанія быть навсегда въ монастырѣ не имѣетъ, но, по изъясненію его, никогда того и въ мысли не имѣлъ, а просился якобы на временное богомолье; сверхъ того, изъ прошенія его открывается, что онъ находится въ разстроенномъ разсудкѣ, то обстоятельства сіи, вмѣстѣ съ прошеніемъ его, Пушкина, предоста-

вить къ разсмотрѣнію г. начальника главнаго штаба его императорскаго величества, такъ какъ означенное высочайшее повелѣніе о немъ, Пушкинѣ, объявлено чрезъ него. При этомъ увѣдомить г. начальника штаба, что сей преступникъ, какъ не желающій быть въ монастырѣ, да и не способный къ тому, долженъ быть, по мнѣнію святѣйшаго синода, удаленъ изъ монастыря куда слѣдуетъ.

Но 26-го августа 1829 года оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода сообщилъ сему послѣднему, что дежурный генералъ главнаго штаба, которому было препровождено вышеизложенное опредѣленіе синода, увѣдомилъ его, оберъ-прокурора, что по всеподданнѣйшему докладу о семъ государю императору на просьбу Бобрищева-Пушкина объ увольненіи его изъ монастыря высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

Святѣйшій синодъ, заслушавъ это сообщеніе 26-го августа, сряду же послалъ указъ архіепископу иркутскому о неувольненіи Бобрищева-Пушкина изъ монастыря и 18-го ноября того же года получилъ донесеніе изъ Иркутска объ исполненіи указа.

Затѣмъ отъ 4-го октября 1830 года иркутская консисторія представила святѣйшему синоду свѣдѣнія о жизни и состояніи государственнаго преступника Бобрищева-Пушкина, заимствованныя ею изъ донесеній архимандрита Ксенофонта. Послѣдній сообщалъ отъ 3-го февраля того года, что Бобрищевъ-Пушкинъ въ церковь ходитъ очень рѣдко, а за монастырь отлучается безъ вѣдома настоятеля ежедневно раза по два и болѣе и возвращается иногда уже въ поздній вечеръ. За всѣмъ тѣмъ частые плачъ и рыданія особенно ночью обнаруживаютъ лютую душевную скорбь его. Отъ 1-го марта, игуменъ доносилъ, что въ теченіе февраля мѣсяца изрѣдка бывалъ въ церкви при богослуженіяхъ, а за монастыремъ ежедневно и иногда довольно долго. Впрочемъ, при тихомирной жизни бывалъ иногда и веселымъ отчасти, а иногда весьма мрачнымъ до слезъ и рыданій. Отъ 31-го марта архимандритъ Ксенофонтъ доносилъ, что въ теченіе сего мѣсяца къ церковному богослуженію ходилъ довольно часто, и въ домашнемъ быту замѣченъ болѣе спокойнымъ и веселымъ, нежели какъ прежде былъ опущенъ и мраченъ. Отъ 5-го мая—въ теченіе апрѣля мѣсяца ходилъ къ богослуженію неопустительно къ каждой службѣ, а за монастыремъ не бывалъ ни разу; дома занимается болѣе чтеніемъ и письмомъ отчасти и потому замѣчается противъ прежняго покойнѣе и веселѣе. Отъ 2-го іюля — въ теченіе мая въ церкви бывалъ рѣдко, дома занимается письмомъ, впрочемъ живетъ тихо-мирно. Въ іюнѣ и іюлѣ—приходилъ къ богослуженію изрѣдка; живетъ тихо-мирно, дома занимается только письмомъ. Заслушавъ это донесеніе, святѣйшій синодъ между прочимъ постановилъ: «предписать преосвященному иркутскому, чтобы онъ поручилъ настоятелю Енисейскаго монастыря увѣщевать сего преступника съ кротостію, дѣлая ему благоразумныя наставленія, дабы онъ, принося

Господу Богу чистосердечное раскаяніе въ своемъ тяжкомъ прегрѣшеніи и приходя въ церковь во всякое время на молитвословіе, умилостивлялъ Бога о вмѣненіи ему нынѣшняго наказанія во время будущаго страшнаго суда.

Далѣе, 13-го іюня 1831 года, иркутскій архіепископъ доносилъ святѣйшему синоду, что государственный преступникъ Николай Бобрищевъ-Пушкинъ съ 30-го числа апрѣля до 26-го мая находился подъ стражею въ 1-й городской части, а за симъ былъ опять возвращенъ въ монастырь при отношеніи г. городничаго, съ изъясненіемъ въ ономъ предписанія енисейскаго гражданскаго губернатора къ Енисейскому окружному начальнику о томъ, чтобы къ монастырской кельѣ Бобрищева-Пушкина, по причинѣ помѣшательства его въ умѣ, приставить надежный караулъ отъ енисейскихъ городовыхъ казаковъ и ни подъ какимъ видомъ не позволять ему выходить изъ оной впредь до разрѣшенія его, г. губернатора, подъ каковымъ надзоромъ онъ, Пушкинъ, нынѣ и находится. А затѣмъ отъ 18-го іюля тотъ же архіепископъ — на основаніи рапортовъ архимандрита Ксенофонта — доносилъ святѣйшему синоду, что Бобрищевъ-Пушкинъ, находясь съ 26-го мая подъ непосредственнымъ присмотромъ казачьимъ, за монастырь нынѣ вовсе не выходитъ, но внутри онаго по оградѣ иногда прохаживается. Въ церковь же ходить по причинѣ приключившихся болѣзненныхъ припадковъ не можетъ. Впрочемъ живетъ мирно. Только безвременнымъ смѣхомъ и плачемъ, съ жаркимъ иногда бормотаніемъ или нелѣпымъ пѣніемъ чего либо, наипаче въ разное время показываетъ себя совершенно сумасшедшимъ. Наконецъ, 9-го января 1832 года, иркутскій архіепископъ донесъ послѣдній разъ, что Бобрищевъ-Пушкинъ, во исполненіе высочайшей воли, изъясненной въ отношеніи городской управы отъ 23-го сентября 1831 года, со всѣмъ бывшимъ при немъ имуществомъ 24-го сентября взятъ и отправленъ въ Красноярскъ для помѣщенія въ домѣ умалишенныхъ.

Дальнѣйшая судьба Н. С. Бобрищева-Пушкина, на основаніи сообщенія г. Дмитріева-Мамонова, была такова. Въ 1833 году окончился срокъ содержанія каторжныхъ работъ брата его Павла, который сначала поселенъ былъ въ Иркутской губерніи, а затѣмъ переведенъ тоже въ г. Красноярскъ для совмѣстнаго житья съ своимъ старшимъ роднымъ братомъ. Въ концѣ 1839 года послѣдовало высочайшее соизволеніе о переводѣ обоихъ братьевъ въ Тобольскъ. Здѣсь они сперва жили вмѣстѣ, а затѣмъ, въ виду проявлявшейся иногда буйности у Николая, его пришлось помѣстить на отдѣльной квартирѣ подъ бдительнымъ присмотромъ ухаживавшей за нимъ прислуги. Но буйные припадки у него смѣнялись тихимъ меланхолическимъ состояніемъ и тихой мономаніей. Находясь все время пребыванія своего въ Сибири подъ надзоромъ полиціи, Н. Бобрищевъ-Пушкинъ аттестовался такъ: «поведенія хорошаго, сколько

помѣшательство ума дозволяетъ», или же: «находится въ помѣшательствѣ ума».

16-го января 1856 года министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири Гасфорда, что по всеподданнѣйшему докладу генералъ-адъютанта графа Орлова о находящихся въ Тобольскѣ государственныхъ преступникахъ Н. и П. Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ, изъ которыхъ первый страдаетъ разстройствомъ разсудка, а послѣдній, при болѣзненномъ состояніи вообще, лишенъ еще почти совсѣмъ и зрѣнія,— государь императоръ соизволилъ всемилостивѣйше разрѣшить имъ возвратиться, согласно просьбѣ сестры ихъ, помѣщицы Тульской губерніи, Маріи Бобрищевой-Пушкиной, къ ней на родину, съ тѣмъ, однако, чтобы оба брата Бобрищевы-Пушкины подвергнуты были въ Тульской губерніи строгому надзору мѣстнаго начальства. Вслѣдствіе этого оба брата 1-го марта 1856 года высланы были изъ Тобольска на мѣсто родины подъ конвоемъ двухъ казаковъ, при чемъ всѣ путевыя издержки возложены были первоначально на сестру ихъ Марью, но затѣмъ по высочайшему повелѣнію она была освобождена отъ уплаты оныхъ.

А. Н. Львовъ.

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

Недавно, въ Краковѣ, напечатаны, сперва въ польскомъ журналѣ «Swiat», а затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ, отрывки изъ мемуаровъ шляхтича Адама Юноши Росцишевскаго, обнимающіе періодъ времени съ послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка по первые годы XIX вѣка. Авторъ мемуаровъ, русскій ополяченный шляхтичъ, землевладѣлецъ Овручскаго уѣзда, род. въ 1774 году и воспитывался во Львовѣ. Любитель литературы и библіоманъ, онъ растратилъ все свое состояніе на пріобрѣтеніе книгъ, раздарилъ ихъ впослѣдствіи въ разныя польскія и чешскія библіотеки и послѣдніе годы жизни провелъ въ нуждѣ.

Въ изданныхъ отрывкахъ его мемуаровъ описывается современное состояніе Волыни и Кіева. Первая часть записокъ представляетъ слишкомъ мѣстный интересъ, но во второй есть нѣсколько не безынтересныхъ подробностей объ императорѣ Павлѣ I. Эту вторую часть съ нѣкоторыми сокращеніями мы и предлагаемъ здѣсь въ переводѣ.

Въ 1797 году, бóльшая часть Кіевскаго воеводства была присоединена къ губернскому городу Кіеву. Губернія Изяславская была переименована въ Волынскую, а мѣстечки Радомысль, Махновка, Сквира, Пятигоры и нѣкоторыя другія присоединены къ Кіевской губерніи, при чемъ назначены были выборы губернскихъ чиновниковъ. Имѣнія моего отца находились въ новооткрытой Кіевской губерніи. Многимъ изъ шляхтичей, имѣвшимъ здѣсь земли,

хотѣлось остаться при губерніи Волынской, но это оказалось невозможнымъ.

Наступилъ октябрь, и землевладѣльцы должны были съѣхаться для выборовъ.

Отца моего опять предложили въ предсѣдатели гражданской и уголовной палаты. Онъ былъ выбранъ предсѣдателемъ гражданской палаты, кандидатомъ къ нему былъ избранъ Моршковскій, имѣвшій сторонниковъ житомирцевъ.

Отецъ мой не присутствовалъ при началѣ выборовъ, но когда ему сообщили объ ихъ результатѣ, онъ быстро собрался въ путь, взялъ и меня съ собою. Въ Кіевѣ мы остановились на Мало-Никольской улицѣ у маіора гарнизонной стражи Судейкина. Отецъ мой отказался отъ должности предсѣдателя палаты; вмѣсто этого онъ былъ избранъ кіевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства; предводителемъ Радомысльскаго уѣзда былъ избранъ Потоцкій, Звенигородскаго — Скибицкій, Липовецкаго — Прилусскій, Сквирскаго и Пятигорскаго — Залѣсскіе.

Кіевскій генералъ-губернаторъ Беклешовъ былъ очень доволенъ выборомъ Моршковскаго. Въ кандидаты къ нему выбрали Мѣлевскаго, человѣка весьма почтеннаго, но малообщительнаго и горячо-привязаннаго къ деревенской жизни. Такой кандидатъ былъ, конечно, очень на руку Моршковскому. Сближеніе Моршковскаго и Беклешова удивило всѣхъ. Едва только насъ присоединили къ Кіевской губерніи, какъ между обоими завязались самыя тѣсныя отношенія. Беклешовъ былъ очень доволенъ отказомъ отца отъ должности предсѣдателя палаты. На мѣстѣ прежняго предсѣдателя, Алферова, засѣлъ теперь Моршковскій съ депутатами Мельхіоромъ, Третьякомъ и Леономъ Харленскимъ.

Прошли три года, и назначены были новые выборы. Недовольные Моршковскимъ требовали избранія другого лица на его мѣсто.

Шляхтичи Радомысльскаго уѣзда привезли на выборы множество околичной шляхты — Меленевскихъ, Скуратовскихъ, Выховскихъ. Ихъ явилось болѣе сотни человѣкъ въ Кіевъ съ своимъ предводителемъ Максиміліаномъ Потоцкимъ и другими шляхтичами. Моршковскій зналъ, что они подадутъ голоса противъ него, такъ какъ ему доносилъ обо всемъ его сторонникъ, радомысльскій шляхтичъ, Богдановичъ.

Беклешова уже не было въ Кіевѣ; гражданскимъ губернаторомъ былъ Милашевичъ, на первый взглядъ человѣкъ очень обходительный и даже говорившій попольски; однако, какъ пріятель Моршковскаго, онъ не допустилъ шляхту подавать голоса противъ него. По этому поводу возникли горячіе споры съ предводителями.

Мой отецъ, какъ кіевскій предводитель, предсѣдательствовалъ въ собраніи предводителей и настаивалъ на законности голосованія, губернаторъ съ нимъ не соглашался. Обѣ стороны послали

курьеровъ къ министру. Въ Петербургѣ находился Беклешовъ, стоявшій на сторонѣ Моршковскаго, а между тѣмъ и мѣстные сторонники послѣдняго не теряли времени. Всѣ ждали отвѣта изъ Петербурга, какъ вдругъ по истеченіи трехъ недѣль собраніе было закрыто, и прочитанъ приказъ министра не допускать къ голосованію мелкой шляхты. Право голоса признавалось только за тѣми шляхтичами, которые имѣли съ земли по сту злотыхъ годичной ренты. Это извѣстіе очень непріятно поразило шляхтичей, крѣпко стоявшихъ за свои привиллегіи.

Моршковскій съ своимъ кандидатомъ былъ опять избранъ. Я былъ избранъ въ тотъ же судъ депутатомъ на этотъ годъ.

Отецъ мой съ вышепереименованными товарищами отказался отъ всякихъ выборныхъ должностей. На его мѣсто кіевскимъ предводителемъ былъ избранъ Доминикъ Шимановскій.

Генералъ-губернаторомъ въ Кіевъ былъ назначенъ Беклешовъ, братъ того, о которомъ была рѣчь выше. Моршковскій, благодаря своимъ связямъ, игралъ все болѣе видную роль.

Пришло распоряженіе, чтобы, кромѣ уѣздныхъ предводителей, избирать еще предводителей губернскихъ. На эту должность былъ выбранъ генералъ Козловскій, завѣдывавшій нѣкогда полкомъ драгуновъ имени королевы Ядвиги. Это былъ уже человѣкъ не молодой, но еще красивый, прославившійся дуэлью съ писаремъ коронnымъ Ржевусскимъ. Козловскій немедленно вошелъ въ близкія отношенія къ Моршковскому и сталъ руководиться его совѣтами.

На одномъ собраніи, гдѣ, кромѣ уѣздныхъ предводителей, присутствовали и другіе чиновники и множество шляхтичей, губернскій предводитель произнесъ энергическую рѣчь (хотя, какъ мнѣ кажется, онъ не имѣлъ ораторскихъ способностей) и въ концѣ ея обратился къ Моршковскому, выхваляя его добродѣтели и заслуги; окончилъ онъ такими словами: «Позволь мнѣ, чтимый мужъ, обнять тебя отъ имени всѣхъ обывателей», и при этомъ обнялъ и поцѣловалъ его съ чувствомъ, котораго, однако, далеко не раздѣляло большинство присутствовавшихъ.

Въ царствованіе императора Павла правительственные чиновники смѣнялись часто. По неизвѣстной причинѣ гражданскій губернаторъ Миланевичъ впалъ въ немилость. Онъ былъ отрѣшенъ отъ должности, а на его мѣсто присланъ Тепловъ, человѣкъ очень богатый и приближенный ко двору; прибылъ онъ къ намъ настоящимъ магнатомъ, съ цѣлой дворней, множествомъ лошадей и собственнымъ оркестромъ. Немедленно начались балы, вечера, обѣды, пикники.

Для ревизіи губерніи были присланы два сенатора. Ихъ принимали и угощали на славу, а вмѣстѣ съ ними пировали и угощались и мы.

Прошло съ полгода со времени пріѣзда Теплова, сенаторы уже

уѣхали; губернскій маршалъ Козловскій давалъ обѣдъ, на которомъ присутствовали и мы, какъ чиновники; были тамъ и военныя и гражданскія власти: губернаторъ, вице-губернаторъ и другіе; какъ вдругъ, въ срединѣ обѣда, когда мы безмятежно ѣли и пили, подъѣзжаетъ къ дому предводителя какой-то офицеръ на почтовыхъ лошадяхъ съ колокольчикомъ; въ залу вошелъ обрызганный грязью фельдъегерь и спросивъ, гдѣ здѣсь предводитель, передалъ Козловскому пакетъ.

У всѣхъ присутствовавшихъ прошелъ морозъ по кожѣ,—никто не зналъ, что въ этомъ пакетѣ, и откуда онъ.

Прочитавъ бумагу, Козловскій поблѣднѣлъ и передалъ ее Моршковскому.

Всѣ встали изъ-за стола и очистили мѣсто прибывшему офицеру, вѣроятно, не ѣвшему ничего съ самаго выѣзда изъ Петербурга, судя по аппетиту, съ которымъ онъ набросился на предложенныя ему мясныя и рыбныя кушанья. Въ залѣ царила мертвая тишина; наконецъ Моршковскій обратился къ губернатору Теплову:

— Государь вызываетъ къ себѣ нашего губернскаго предводителя...

Тепловъ смѣшался и могъ только сказать:

— Не знаю, не знаю...

При общемъ смущеніи фельдъегерь сказалъ Козловскому: «Мы, ваше превосходительство, еще нынче должны изъ Кіева выѣхать».

— Хорошо, хорошо,—отвѣтилъ за своего пріятеля Моршковскій и тотчасъ послалъ за своимъ легкимъ возкомъ и тысячью червонныхъ злотыхъ на дорогу предводителю.

Въ десятомъ часу, при свѣтѣ мѣсяца, генералъ Козловскій въ сопровожденіи жандарма переправлялся черезъ Днѣпръ. Нѣкоторые изъ насъ провожали ветерана, такъ внезапно вырваннаго изъ нашей среды. Старикъ со слезами на глазахъ простился съ нами и съ сыномъ Михаиломъ, служившимъ въ гвардіи въ Петербургѣ и пріѣхавшимъ въ Кіевъ для свиданія съ отцомъ. Ему было приказано не выѣзжать изъ Кіева до возвращенія отца. Мы старались развлекать его, тѣмъ болѣе, что военные стали сторониться отъ него со времени ареста отца. Такъ какъ у генерала Козловскаго были какія-то важныя дѣла съ генераломъ Тржецѣсскимъ, то Моршковскій разослалъ во всѣ земства dilationes pro maiori, то-есть, приказаніе отложить рѣшеніе дѣлъ до его возвращенія.

Спустя четыре недѣли послѣ описаннаго случая, Моршковскій получилъ отъ предводителя Козловскаго изъ Петербурга письмо съ подробнымъ разсказомъ о причинахъ его ареста и послѣдствіяхъ аудіенціи у императора.

Вотъ что писалъ генералъ:

«Около восьми часовъ утра мы въѣхали въ Петербургъ, совершивъ довольно благополучно наше путешествіе; меня прямо повезли

въ ордонансгаузъ. Лишь только я немного оправился и одѣлся, явился генералъ Уваровъ и заявилъ мнѣ, что императоръ хочетъ меня видѣть немедленно. Этотъ же генералъ отвелъ меня въ царскіе покои. Здѣсь онъ велѣлъ мнѣ обождать посреди цѣлой толпы военныхъ, одѣтыхъ въ самые разнообразные костюмы. Я точно находился въ исторической галлереѣ; никого изъ присутствовавшихъ я не зналъ, и мы холодно смотрѣли другъ на друга.

«Вдругъ двери съ шумомъ растворились, все вздрогнуло въ залѣ. «Царь»—произнесъ тихій голосъ.

«Моя невинность ободряла меня. Царь велѣлъ мнѣ подойти къ себѣ и, когда я поклонился, сказалъ мнѣ милостиво:

— «Генералъ Козловскій?

— «Такъ точно, ваше величество.

— «Ты не якобинецъ?

— «Нѣтъ, ваше величество.

— «За мной,— сказалъ царь и, повернувшись, ушелъ въ комнату, изъ которой вышелъ.

«Генералъ Уваровъ велѣлъ мнѣ идти вслѣдъ за царемъ. Я вошелъ, и за мною затворились пышныя двери. Мы остались одни.

«Увидавъ меня подлѣ себя, царь милостиво сказалъ:

— «Губернаторъ мнѣ донесъ, что между вами якобинскій духъ, и что вы ему о томъ говорили...

«Я снова поклонился и разъяснилъ, о чемъ у насъ шелъ разговоръ съ Тепловымъ; я доказывалъ ему, что нельзя притѣснять и преслѣдовать шляхту, ибо теперь время якобинцевъ, въ Европѣ царитъ духъ свободомыслія и республиканства.

«Когда я кончилъ, царь ударилъ меня по плечу:

— «Ты старикъ умный,—сказалъ онъ,—поздравляю тебя сенаторомъ, а сына твоего капитаномъ. Хочешь, останься здѣсь, побудь въ столицѣ...

«Царь вышелъ въ залу, я за нимъ. Онъ обратился къ генералу Уварову съ словами:

— «Онъ свободенъ, нашъ сенаторъ, а сынъ его капитанъ гвардіи...

«И, сказавъ мнѣ еще «прощай», пошелъ по рядамъ военныхъ, а меня генералъ Уваровъ отвезъ въ ордонансгаузъ, откуда я поѣхалъ къ сенатору Ильинскому, а на слѣдующій день прочелъ царскій указъ, что я пожалованъ въ сенаторы и, сверхъ того, мнѣ и моимъ сыновьямъ на семьдесятъ пять лѣтъ со всѣми доходами предоставлено было Брацловское староство».

Этотъ фактъ былъ настоящимъ тріумфомъ генерала надъ его недоброжелателями, а военные, узнавъ о царской милости Козловскимъ, стали окружать особеннымъ вниманіемъ молодого Козловскаго.

Губернаторъ Тепловъ получилъ приказаніе оставить должность и выѣхать въ свое помѣстье, что̀ онъ и исполнилъ, хотя и съ ве-

селымъ лицомъ, но съ болью въ сердцѣ. На его мѣсто былъ присланъ генералъ Коробьинъ, человѣкъ, можетъ быть, и почтенный, но весьма ограниченный и безъ всякихъ административныхъ способностей. Нашъ предводитель, сенаторъ, вернулся въ свои помѣстья. Прибытіе его сопровождалось пышными празднествами. Въ томъ же году насъ снова испугалъ пріѣздъ царскаго жандарма.

Моршковскій, укрѣпившись на своемъ мѣстѣ, переводилъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ литовскіе копы грошей на современную монету и обнародовалъ это въ бердичевскомъ календарѣ. Увѣдомленный объ этомъ мѣстною властью, императоръ прислалъ жандарма узнать, на какомъ основаніи онъ печатно огласилъ свою эвалюацію.

Мы думали, что все это обрушится и на наши головы, но предсѣдатель усмѣхался на этотъ запросъ. Жандарму велѣно было насчетъ Моршковскаго оставаться и ждать отвѣта, составленіе котораго заняло двѣ недѣли. Въ составленіи его участвовалъ и я, такъ какъ долженъ былъ розыскивать разныя конституціи о монетахъ, переводѣ монетъ польской валюты на литовскую, причемъ употребилъ въ дѣло и литовскій статутъ, кишащій копами грошей. Я измучился этими розысканіями больше, чѣмъ Моршковскій обдумываніемъ и составленіемъ отвѣта; прочитавъ все и велѣвъ переписать начисто, Моршковскій отправилъ отвѣтъ съ жандармомъ, подаривъ ему двѣсти дукатовъ.

Не прошло и шести недѣль, какъ государь прислалъ ему благодарность и орденъ Анны второй степени, а его эвалюаціи подтвердилъ указомъ.

На мѣсто Коробьина былъ присланъ губернаторомъ Панкратьевъ. Это былъ человѣкъ порядочный и безпристрастный; съ Моршковскимъ онъ былъ не особенно близокъ.

Такъ прошла зима.

Еще по снѣгу въ городъ вступило нѣсколько полковъ гусаръ, шедшихъ по царскому приказу въ Петербургъ; между этими полками знатоки особенно выхваляли полки Бауэра и Милицина; но не успѣли они перейти за Козелецъ, какъ ихъ вернули на прежнія стоянки.

Вѣсть о смерти императора Павла быстро распространилась, а погребальный перезвонъ въ лаврѣ долго разносилъ эти вѣсть.

Въ остальной части отрывка изъ записокъ Росцишевскаго (стр. 21—28 по печатному изданію) сообщается о женитьбѣ Моршковскаго на дочери сенатора Ворцеля и о двухъ-трехъ судебныхъ дѣлахъ, въ рѣшеніи которыхъ принималъ участіе авторъ. Отрывокъ доведенъ до сентября 1802 года.

И. А. Линниченко.

НОВЫЙ БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

ПОЯВЛЕНІЕ перваго тома «Русскаго біографическаго словаря» составляетъ въ нашей исторической литературѣ событіе безспорной важности. Со временъ Бантыша-Каменскаго и его «Словаря достопамятныхъ людей» въ этой области у насъ почти ничего не сдѣлано; существующіе энциклопедическіе словари мало помогаютъ лицамъ, нуждающимся въ біографическихъ и библіографическихъ справкахъ для своихъ работъ по изученію исторіи русскаго общества. Равнымъ образомъ не могутъ таковыхъ лицъ удовлетворить спеціальные словари, черпающіе свой матеріалъ изъ жизни и дѣятельности представителей науки и литературы и, главнымъ образомъ, потому, что эти почтенныя справочныя пособія обнимаютъ собою лишь очень ограниченное число начальныхъ буквъ: библіографическій словарь Геннади прекратилъ свое существованіе на серединѣ дѣла, а наиболѣе полный и достойный вниманія «Критико-біографическій словарь» неутомимаго С. А. Венгерова вотъ уже много лѣтъ не можетъ сдвинуться далѣе двухъ первоначальныхъ буквъ А и Б. Такимъ образомъ, представители науки и литературы въ своихъ занятіяхъ вынуждены для каждаго спеціальнаго случая рыться въ массѣ архивнаго и сырого матеріала, чтобы, наконецъ, обрѣсти тамъ данныя, необходимыя для задуманной работы. Отсюда понятна та часто встрѣчающаяся неполнота и даже фактическая невѣрность этихъ данныхъ. Вотъ почему, когда во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія стало извѣстно въ печати, что тогдашній наслѣдникъ престола, нынѣ въ

Возѣ почившій императоръ Александръ Александровичъ, изъявилъ желаніе въ годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, чтобы былъ изданъ біографическій словарь отечественныхъ дѣятелей на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ труда и жизни,—извѣстіе о задуманномъ словарѣ было встрѣчено сочувственно всѣми, кому дороги успѣхи просвѣщенія нашего отечества. Первымъ шагомъ къ осуществленію желанія августѣйшаго предсѣдателя Общества было появленіе двухъ томовъ «Сборника», заключающихъ въ себѣ шестьдесятъ тысячъ именъ, достойныхъ помѣщенія въ будущій «Словарь». Уже «Сборникъ» вполнѣ убѣдительно доказалъ, что предпріятіе задумано въ очень широкихъ размѣрахъ, и оставалось только надѣяться, что богатое матеріальными средствами и научными силами «Историческое Общество» сумѣетъ выполнить свою задачу блестяще и съ должной научной полнотой.

И вотъ въ настоящее время мы имѣемъ дѣло съ совершившимся фактомъ: вышелъ 1-й томъ столь долго ожидаемаго «Словаря», обнимающій собою имена Ааронъ—Императоръ Александръ II. Въ предисловіи къ означенному тому сказано: «представляя нынѣ русскому обществу первый томъ біографическаго словаря дѣятелей, заслужившихъ право на память въ потомствѣ, редакція, по мѣрѣ силъ своихъ преодолѣвающая встрѣчаемыя ею трудности и препятствія, сознаетъ неизбѣжныя несовершенства и недостатки своего изданія; она надѣется, тѣмъ не менѣе, что тѣ, коимъ дороги успѣхи отечественной исторіи, сердцу коихъ близка наша государственная и народная слава, снисходительно отнесутся къ настоящему тому и, ознакомясь съ нимъ, оцѣнятъ искреннее трудолюбіе осуществителей пожеланія на пользу Россіи пламенно любившаго ее царя».

Сопричисляя себя къ числу лицъ, для коихъ дѣйствительно близка именно «наша государственная и народная слава», я тѣмъ не менѣе, высоко цѣня «трудолюбіе осуществителей», не могу отнестись къ «Словарю» исключительно снисходительно (?), но по обязанностямъ своей профессіи вынужденъ взглянуть на «Словарь», какъ на явленіе общественнаго характера, и отмѣтить въ этомъ явленіи его свѣтлыя и темныя стороны. Надѣюсь, что почтенная редакція не ждетъ отъ рецензентовъ и критиковъ исключительно диѳирамбовъ и голословныхъ похвалъ, но сумѣетъ воспользоваться для послѣдующихъ выпусковъ «Словаря» или для повторнаго изданія 1-го его тома посильными указаніями на недочеты, которыя ей будутъ сдѣланы въ интересахъ самого дѣла. Полагая, что «послѣ ужина горчица» всегда бываетъ непріятна, я предпочитаю начать свою небольшую замѣтку о словарѣ именно съ указанія тѣхъ погрѣшностей, которыя въ немъ встрѣчаются, и тѣхъ недоразумѣній, кои онъ вызываетъ, и затѣмъ уже перейти къ его достоинствамъ и свѣтлымъ сторонамъ.

На заглавномъ листѣ «Словаря» сказано, что онъ «изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Историческаго Общества

А. А. Половцева», но эти слова не объясняютъ намъ, кто же были редакторы его, кто шагъ за шагомъ слѣдилъ за работою сотрудниковъ и кто непосредственно отвѣтственъ за полноту отдѣловъ. Подъ статьями и очерками «Словаря» встрѣчается не мало извѣстныхъ, малоизвѣстныхъ и совсѣмъ неизвѣстныхъ именъ, такъ что является нѣкоторое недоумѣніе о подборѣ сотрудниковъ и о тѣхъ требованіяхъ, которыя были имъ предъявлены. Будь «Словарь» предпріятіемъ совершенно частнымъ, въ родѣ, напримѣръ, «Словаря Ефрона и Брокгауза», то тогда, конечно, вопросъ о сотрудникахъ не могъ бы быть поднятъ; даже здѣсь послѣ смерти И. Е. Андреевскаго тщательно разграничено редакторство отдѣловъ, и читатели заранѣе знаютъ, къ кому главнымъ образомъ имъ надлежитъ предъявлять требованія. Иное дѣло—«словарь», о коемъ я веду рѣчь: это изданіе оффиціальное, оффиціозное (зовите какъ угодно!), а потому могшее привлечь къ сотрудничеству лучшія наши литературныя и научныя силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при незнакомствѣ съ редакторами, читатель вдобавокъ встрѣчается еще въ большинствѣ случаевъ съ «прекрасными незнакомцами» или загадочными литерами, что никоимъ образомъ не содѣйствуетъ вѣрѣ въ текстъ словаря. Отсюда же проистекаетъ и несоразмѣрность частей: каждый точно далъ, «кто чѣмъ богатъ», ему же никѣмъ не были опредѣлены и отмѣчены рамки работы. Аксакову Константину, напримѣръ, отведено пять столбцовъ, а Августину, до постриженія Алексѣю Васильевичу Виноградскому, цѣлыхъ — восемь. Можно, конечно, порадоваться полнотѣ свѣдѣній о почтенномъ дѣятелѣ церкви, но остается пожалѣть, что такой выдающійся представитель нашихъ «общественныхъ движеній», какъ глава славянофильской школы, остался какъ бы въ тѣни; извѣстному сатирику и драматургу Аблесимову удѣлено всего два столбца, а Өедору Адашеву, брату извѣстнаго Адашева, приближеннаго Грознаго,—четыре. Наибольшее недоразумѣніе вызываетъ библіографическій отдѣлъ словаря: тутъ рѣшительно не знаешь, что преслѣдовалось составителями очерковъ — полнота ли библіографическихъ указаній, или качественность перечисленныхъ трудовъ. Этотъ вопросъ и его научная постановка, повидимому, совершенно не были ясны редакторамъ отдѣловъ, почему библіографическая сторона дѣла оставляетъ желать очень многаго. Объ этомъ можно пожалѣть, такъ какъ для настоящаго тома на букву А почти все уже сдѣлано г. Венгеровымъ, критико-біографическимъ словаремъ котораго составители «Русскаго біографическаго словаря» широко пользовались. Можно было воспользоваться всѣмъ библіографическимъ матеріаломъ г. Венгерова, добавивъ сюда лишь то, что могло быть почерпнуто изъ послѣдующихъ сочиненій, вышедшихъ со времени выпуска его тома на букву А. Самое отношеніе къ словарю г. Венгерова нѣсколько странное: въ большинствѣ случаевъ имъ пользуются, и на него дѣлаются ссылки, но вдругъ кому нибудь придетъ въ голову прене-

беречь этимъ пособіемъ, и трудъ г. Венгерова замалчивается, какъ, напримѣръ, въ очеркѣ объ Азаріи (стр. 87), объ Александрѣ, дьякѣ московскомъ (стр. 132), и тамъ же объ Александрѣ, епископѣ вятскомъ. Почему въ однихъ случаяхъ милость, а въ другихъ немилость? А просто потому, что сотрудникамъ было предоставлено, очевидно, право работать, кто во что гораздъ, а единая отвѣтственная редакція отсутствовала: не было установлено ни настоящаго метода работы и не выяснено, что отъ сотрудниковъ требуется. Это особенно очевидно наблюдается въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: въ одномъ случаѣ выписываются сочиненія автора по томамъ (Ив. Аксаковъ), а въ другихъ случаяхъ это не повторяется. Почему это случилось? Да такъ; очевидно, захотѣлось автору очерка блеснуть своими познаніями—онъ и вытащилъ на свѣтъ Божій то, что хранилось въ письменномъ столѣ, а редакція просмотрѣла эту пестроту и разношерстность отдѣла. Мы уже видѣли, что съ ссылками на словарь С. Венгерова не все обстоитъ благополучно; та же участь постигаетъ полноту и другихъ библіографическихъ указаній. Укажу для примѣра только нѣкоторыя. Въ статьѣ объ Аблесимовѣ пропущено указаніе на статью г. Тупикова въ изданіи «Русская поэзія»; въ статьѣ объ Аввакумѣ не упомянуты источники: г. Мякотинъ «Библіотека Павленкова», «Матеріалы для исторіи раскола» г. Бороздина въ «Христіанскомъ Чтеніи»; въ статьѣ объ Авдѣевѣ, авторѣ «Подводнаго камня»,—не указана большая статья г. Скабичевскаго въ его «Сочиненіяхъ»; въ статьѣ объ Авраамiи (стр. 14) пропущена «Лѣтопись занятій археографической комиссіи», т. V и VII; въ статьѣ о Мих. Петр. Аврамовѣ нѣтъ ссылокъ на Геннадія, Филарета, Посошкова, а въ статьѣ объ Акакіи—на Максима Грека. Въ перечисленіи сочиненій Ив. Аксакова пропущены его «стихотворенія» и составленная имъ біографія Тютчева; воспоминанія объ Аксаковѣ въ «Ярославлѣ» приписаны А. К. Бороздину, когда они принадлежатъ К. А. Бороздину, а также не упомянута статья послѣдняго въ «Историческомъ Вѣстникѣ», какъ равно не обозначена біографія Константина Аксакова въ «Библіотекѣ Павленкова». Въ очеркѣ объ П. Аландскомъ ничего не сказано о его публицистической дѣятельности въ «Кіевлянинѣ», гдѣ онъ велъ политическій отдѣлъ; равнымъ образомъ въ той же біографіи встрѣчается упоминаніе о диспутѣ Н. Грота; диспутъ, о коемъ идетъ рѣчь, былъ диспутъ А. Козлова, подарившій намъ обширную полемическую литературу. Въ статьѣ объ Авраамiи Палицынѣ не упомянуто его имѣющееся въ печати сочиненіе. Совершенно опущены въ «Словарѣ» имена Егора Акимова и Акашева и провинціальнаго публициста Авдіева (работалъ въ Одесскихъ изданіяхъ).

Этими дефектными сторонами I-го тома «Словаря» я и ограничусь въ надеждѣ, что мои скромныя и посильныя замѣчанія дойдутъ до назначенія, и кое-что изъ сказаннаго выше будетъ принято

во вниманіе, и во всякомъ случаѣ «sine ira». Я прекрасно понимаю, что критиковать легче, чѣмъ создавать, но увѣренъ также, что создатели лишь тогда могутъ плодотворно работать, если они «не одни въ полѣ воины», а имъ на подмогу выходятъ и прочія силы русскаго общества. Въ этомъ союзѣ критики и литературно-научнаго творчества и производства залогъ будущихъ успѣховъ и освобожденія отъ невольныхъ промаховъ и ошибокъ. Покончивъ съ этой нѣсколько тяжелой и непріятной частью моей статьи, я охотно обращаюсь къ другой—доминирующей, которая бросаетъ на весь «Словарь» столько симпатичнаго и яркаго свѣта. Здѣсь надлежитъ отмѣтить двѣ обширныя біографическія работы Н. К. Шильдера объ Александрѣ I и С. С. Татищева объ Александрѣ II, которыя и занимаютъ собою почти весь I-й томъ (изъ 852 стр. 717) и которыя являются истиннымъ украшеніемъ изданія.

Статья г. Шильдера является какъ бы предвѣстникомъ его обширнаго труда о государѣ Александрѣ Павловичѣ, имѣющемъ появиться въ недалекомъ будущемъ въ изданіи А. С. Суворина. Изданіе это, къ печатанію котораго уже приступлено подъ наблюденіемъ С. Н. Шубинскаго, представитъ собою, какъ это автору настоящаго очерка доподлинно извѣстно, верхъ роскоши и изящества. Масса драгоцѣнныхъ портретовъ, и гравюръ, его иллюстрирующихъ, почерпнутыхъ главнымъ образомъ изъ сокровищницы П. Я. Дашкова, множество хромолитографій, фототипій, автографовъ и. т. п., обратятъ вниманіе на это изданіе, внѣ сомнѣнія, всѣхъ тѣхъ, кому дороги и близки успѣхи нашего печатнаго и гравировальнаго искусства. О содержаніи работы, объ отношеніи автора къ своей задачѣ, «Историческій Вѣстникъ» въ свое время повѣдаетъ читателямъ; тѣмъ не менѣе считаю долгомъ хоть въ самыхъ краткихъ чертахъ высказать свое мнѣніе и о появившейся въ «Словарѣ» статьѣ г. Шильдера. Авторъ въ отношеніи своей темы былъ въ значительно лучшихъ условіяхъ, нежели г. Татищевъ. Царствованіе Александра I отдалено отъ насъ большимъ промежуткомъ времени; объ этомъ царствованіи обнародовано уже множество документовъ, и ему посвящено не мало научно-литературныхъ работъ. И самъ императоръ, и его сподвижники отошли отъ насъ въ даль исторіи, и мы, люди конца XIX вѣка, не чувствуемъ на себѣ горячаго дыханія той эпохи, не соприкасаемся съ ней какой либо живой стороной дѣйствительности. Поэтому и бытописатель, исторіографъ того дальняго времени, успѣвшаго уже сдѣлаться достояніемъ строго-научныхъ работъ, становится въ отношеніи своей задачи въ болѣе счастливое положеніе, нежели изслѣдователь времени позднѣйшаго. Онъ можетъ достаточно свободно говорить и судить объ изображаемой эпохѣ и выведенныхъ лицахъ, не боясь задѣть самолюбія и тщеславія современниковъ; свобода его, конечно, по условіямъ русской жизни будетъ далеко не абсолютная,

но во всякомъ случаѣ полнѣе той, которая достанется въ удѣлъ историографу послѣдующихъ лѣтъ. Вотъ это-то обстоятельство и помогло почтенному г. Шильдеру представить даже въ такомъ оффиціальномъ изданіи, каковъ «Русскій біографическій словарь», чрезвычайно обстоятельную, объективно-написанную исторію Алексантра I. Авторъ въ настоящей статьѣ, какъ и въ другихъ своихъ подобныхъ историко-литературныхъ работахъ, выказалъ во всей силѣ главное присущее ему свойство—писать дѣловито, не пускаясь въ область гаданій и предположеній. Онъ не охотникъ до широкихъ обобщеній и выводовъ и стремится преимущественно къ сжатой фактической полнотѣ; тѣмъ большую цѣну пріобрѣтаютъ въ его работѣ тѣ мѣста, гдѣ онъ, накопивъ обширное количество научно-провѣренныхъ фактовъ, дѣлаетъ экскурсію въ область характеристикъ и осторожныхъ выводовъ. Въ настоящей статьѣ отмѣчу лишь сдѣланную г. Шильдеромъ характеристику Александра Павловича и его разъясненіе причинъ немилости къ Сперанскому.

Слѣдя внимательно за дѣйствіями государя, отмѣчая перемѣны въ настроеніяхъ его духа и давая имъ посильное толкованіе, авторъ біографіи концентрируетъ свою генеральную, такъ сказать, характеристику въ концѣ очерка. «...Императоръ Александръ, принимавшій столь славное и выдающееся участіе въ достопамятныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ его царствованіе, — говоритъ г. Шильдеръ (стр. 382), — оставилъ по себѣ великое имя и положилъ неизгладимую печать свою на европейскую лѣтопись начала XIX вѣка. Обширныя земельныя пріобрѣтенія, приблизившія Россію къ ея естественнымъ границамъ и совершившіяся подъ его правленіемъ, пожаръ Москвы и страшное пораженіе французской арміи въ 1812 году, освобожденіе Германіи и паденіе Наполеона—все это даетъ характеръ поражающаго величія и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекательнаго интереса его царствованію. Александръ научился государственной мудрости и политической твердости въ наиболѣе надежной для всякаго человѣка школѣ — школѣ бѣдствій. Если онъ сначала увлекся, быть можетъ, слишкомъ легко обаяніемъ генія Наполеона и подчинился его могуществу, передъ которымъ трепетала вся Европа, то впослѣдствіи, рѣшившись поднять противъ него оружіе, съ изумительною твердостью отстоялъ цѣлость Россіи и свергъ съ престола своего геніальнаго противника. Безъ твердости и рѣшимости Александра коалиція не разъ разстроилась бы и распалась на части... Но если немного героевъ превзошли его блескомъ своихъ побѣдъ, то никто не сравнился съ нимъ въ безпримѣрной умѣренности, съ какою онъ воспользовался своею властью, и никто не превзошелъ его въ милосердіи, съ какимъ онъ въ минуту торжества удерживалъ подъятый мечъ правосудія. Онъ среди европейскихъ державъ явился представителемъ новаго могущества, доселѣ не встрѣчавшагося въ лѣтописяхъ міра—могущества, предписавшаго себѣ законъ: не раз-

рушать, но спасать и хранить. Уступая Наполеону въ геніи, Александръ превосходилъ его въ великодушіи; тотъ и другой покорили міръ, но одинъ Александръ умѣлъ побѣждать самого себя».

Обращаясь къ вопросу объ управленіи Александромъ Павловичемъ государствомъ, авторъ біографіи дѣлаетъ слѣдующее заключеніе. «Императоръ Александръ положилъ основаніе тѣмъ государственнымъ совѣщательнымъ учрежденіямъ, кои въ исторіи законодательства и управленія Россіи въ XIX столѣтіи занимаютъ видное мѣсто. Многія его просвѣщенныя, всегда на любви къ человѣчеству основанныя, предположенія не достигли желаемаго осуществленія. Убѣдившись, что грубые нравы, невѣжество, административныя неурядицы не могутъ быть переработаны такъ скоро, какъ бы ему того хотѣлось, согласно его широкимъ, но подчасъ мечтательнымъ планамъ, онъ отказался отъ нѣкоторыхъ реформъ, которыя передъ тѣмъ признавалъ необходимыми для преуспѣянія Россіи,—отказался, быть можетъ, отчасти потому, что,—какъ пишетъ современникъ,— «онѣ требовали систематической твердости политики, не смущающейся ни трудностями, ни первоначальными неудачами». Что касается до оцѣнки нравственнаго характера императора Александра, то г. Шильдеръ даетъ этому характеру слѣдующее освѣщеніе. «Люди, подвергавшіе оцѣнкѣ нравственный характеръ императора Александра, нерѣдко обвиняли его въ двуличіи. Но если принять въ соображеніе, что почти вся жизнь его прошла въ борьбѣ стремленій, вложенныхъ въ него XVIII столѣтіемъ, съ тяготѣвшими надъ Европою ужасами революціи и обычныхъ ея послѣдствій, военнаго деспотизма и усиленной реакціи, то сдѣлается весьма понятною, особливо для людей, недовольно оцѣнивающихъ затруднительныя обстоятельства, среди которыхъ приходилось дѣйствовать императору Александру, нѣкоторая двойственность въ проявленіи имъ своей воли. Несомнѣнно то, что во всякомъ проявленіи этой воли всегда замѣчалась безмѣрная доброта, искреннее, истинно человѣческое чувство, не омраченное личнымъ самолюбіемъ, тщеславіемъ, гордынею, отъ коихъ такъ рѣдко оберегаются люди, поставленные даже въ наивысшія положенія. Вотъ почему при полученіи извѣстія о смерти императора такъ единодушно раздался возгласъ: «нашъ ангелъ на небесахъ». Нельзя было противиться очарованію его неизмѣнно любезнаго обхожденія; свойственная ему привлекательная застѣнчивость соединилась въ немъ съ глубокимъ монархическимъ самосознаніемъ, которое не препятствовало ему, однако, воспринимать съ увлеченіемъ великія идеи, потрясавшія собою въ то время міръ... Весьма понятно, что послѣ тягостныхъ и трагическихъ событій, пережитыхъ императоромъ Александромъ въ послѣдніе годы его царствованія, нравственное его состояніе во многомъ измѣнилось, и настроеніе это выразилось и въ ходѣ политической его дѣятельности... Въ послѣдніе годы царствованія Александра I...

отступленіе его личности на второй планъ, повторялось и въ сферѣ внутренняго управленія, но здѣсь выступалъ не дипломатическій ареопагъ, а тусклая фигура суроваго временщика, заслонившаго собою усталаго и разочарованнаго царственнаго труженика. Эта предсмертная тѣнь, наброшенная на привлекательный обликъ Александра, исчезла въ моментъ его смерти».

«Тусклая фигура суроваго временщика» искусно проведена г. Шильдеромъ зловѣщей тѣнью на протяженіи всей біографіи и черезъ всѣ событія, и читатель воистину можетъ убѣдиться, какъ эта фигура силою рока и слабостью характера государя мало-помалу отодвинула послѣдняго на второй планъ. Чрезвычайно любопытно также освѣщаетъ авторъ другаго сподвижника Александра I-го, Сперанскаго, и на основаніи матеріаловъ, почерпнутыхъ изъ государственнаго архива, даетъ объясненіе неудовольствія на него императора. «Сперанскій былъ, къ несчастію, невоздержанъ въ своихъ отзывахъ объ императорѣ Александрѣ, не только въ разговорахъ, но и въ перепискѣ, говоритъ г. Шильдеръ. Въ часы, сколько нибудь свободные отъ работы, Сперанскій любилъ поговорить о дѣлахъ государственныхъ, его тогда преимущественно занимавшихъ, любилъ выставлять на показъ свои великія познанія, свои виды и нерѣдко въ разговорахъ своихъ не щадилъ государя, какъ разъ въ то самое время, когда онъ удостоивалъ его полной своей довѣренности и даже пріязни. Въ разговорахъ этихъ Сперанскій старался унижать и характеръ, и умъ, и заслуги Александра; онъ выставлялъ его человѣкомъ ограниченнымъ, равнодушнымъ къ добру отечества, беззаботнымъ, красовавшимся своей фигурой, свиставшимъ у окна, когда ему докладывали дѣла. Сперанскій не пренебрегалъ даже шутками и насмѣшливыми прозвищами, заимствованными, между прочимъ, изъ сказокъ Вольтера. Доносились, напримѣръ, и такіе разговоры Сперанскаго: «Пора намъ сдѣлаться русскими»,— сказалъ Сперанскій. Ему отвѣчали: «что же, не тебя ли уже въ цари русскіе», а онъ какъ бы въ шутку прибавилъ: «а хотя бы и меня, не меня одного, и васъ, мало ли русскихъ, кромѣ нѣмцевъ»,—намекая тѣмъ, какъ говорится въ доносѣ, на республиканское правленіе. Александру все это сдѣлалось извѣстнымъ и не могло не имѣть прискорбнаго отголоска въ чувствахъ государя, который никогда не простилъ Сперанскому учиненной имъ дружеской измѣны. Нѣсколько мнительный и при всей своей кротости самолюбивый и злопамятный Александръ чувствовалъ себя нравственно и лично оскорбленнымъ въ этомъ тайномъ неуваженіи къ нему Сперанскаго. Въ подобныхъ дѣйствіяхъ государственнаго секретаря онъ могъ видѣть даже предательство и, во всякомъ случаѣ, имѣлъ полное основаніе признать это неблагодарностью. Такимъ образомъ, прежняя неограниченная довѣренность и сердечное расположеніе обращались мало-по-малу въ охлажденіе, охлажденіе въ мнительность, мнитель-

ность въ сильное подозрѣніе, если не въ убѣжденіе въ виновности прежняго любимца». Безъ сомнѣнія все это будетъ разработано г. Шильдеромъ въ изданіи г. Суворина, и потому перехожу теперь къ капитальной работѣ г. Татищева, посвященной біографіи Александра II.

Какъ уже выше было указано, положенія двухъ исторіографовъ царствованій Александра I и Александра II значительно рознятся между собою, и не въ пользу біографа царя-освободителя. Задача послѣдняго изслѣдователя была по многимъ обстоятельствамъ гораздо сложнѣе; изъ этихъ обстоятельствъ главнѣйшую роль играютъ: близость къ намъ освободительной эпохи, наличность и до сей поры на многихъ общественныхъ поприщахъ современниковъ покойнаго государя и, наконецъ, то болѣе, чѣмъ странное отношеніе къ Александру II, которое выражаетъ нѣкоторая, слишкомъ хорошо извѣстная, часть нашей печати. Ни для кого не секретъ, какъ старательно и послѣдовательно отодвигаетъ въ дальній уголъ эта печать все то, что хоть нѣсколько напоминаетъ намъ о славныхъ годахъ царствованія Александра II. И онъ самъ, какъ человѣкъ и какъ правитель Россіи, и его сподвижники и всѣ его дѣянія на благо нашей родины и всего человѣчества усиленно затушевываются густой краской. Двадцатипятилѣтіе исторической жизни Россіи съ 1855 г. по 1881 г. нѣкоторые громкіе голоса пытаются объявить вреднымъ и чуть ли недостойнымъ великой націи періодомъ: все отъ начала до конца подвергается здѣсь осужденію и насмѣшкѣ. Къ величайшему удивленію, голоса эти дѣйствуютъ достаточно успѣшно, и гипнотизація общества въ опредѣленномъ направленіи совершается, судя по внѣшнимъ признакамъ, довольно быстро и умѣло. Вотъ при этихъ-то обстоятельствахъ создать правдивую и болѣе или менѣе объективную характеристику Александра II и его времени представляется чрезвычайно труднымъ. Я увѣренъ, что найдутся многіе поспѣшные и, пожалуй, легкомысленные читатели, которые предъявятъ къ біографу невѣроятныя требованія и бросятъ въ него по политической и общественной близорукости камень осужденія за нѣкоторые откровенно имъ высказанные отзывы. Но эти люди не поступятъ умно: въ своемъ желаніи порисоваться смѣлостью сужденій и оригинальностью они забываютъ, что біографія Александра II, составленная г. Татищевымъ, является до сихъ поръ первой серьезной попыткой въ этомъ родѣ, исходящей изъ сферъ оффиціальныхъ. Вотъ почему и работа біографа должна встрѣтить сочувствіе и поддержку, если только она написана не въ духѣ пристрастныхъ голосовъ нашей печати, о коихъ сказано выше. Посмотримъ же, что дастъ намъ въ своемъ пространномъ очеркѣ г. Татищевъ, и тогда пусть уже читатель судитъ самъ, безъ моего указанія, слѣдуетъ ли быть признательнымъ автору, и насколько успѣшно ему удалось проплыть между подводныхъ камней и миновать Сциллу и Харибду.

Подобно г. Шильдеру, и г. Татищевъ даетъ въ концѣ своей біографіи краткую характеристику царя-освободителя. «Сѣмена правды и добра, вложенныя въ его отзывчивую душу людьми, призванными на дѣло его воспитанія, въ особенности Жуковскимъ, разрослись въ немъ пышнымъ цвѣтомъ. Возвышенному идеалу человѣчности Александръ II остался вѣренъ до конца. Имъ одушевлены были его помыслы и дѣйствія, и если не всѣ его начинанія принесли ожидаемые плоды, то причина тому—присущее человѣческой природѣ несовершенство, неподготовленность русскаго общества, наконецъ, ошибки и увлеченія, заблужденія и страсти ближайшихъ совѣтниковъ и сотрудниковъ императора, слишкомъ полагавшагося на нѣкоторыхъ изъ нихъ по избытку, свойственнаго душамъ возвышеннымъ, довѣрія, чуждаясь всеугнетающей, всеубивающей подозрительности. Вотъ чѣмъ болѣе всего объясняются недочеты и внутренней и внѣшней политики этого продолжительнаго царствованія, самый его трагическій исходъ. Несомнѣнно то, что Александръ II всегда и во всемъ желалъ добра, желалъ искренно... «видѣть народъ свой счастливымъ, просвѣщеннымъ свѣтомъ христіанской истины и охраняемымъ въ своемъ развитіи твердыми законами и ненарушимымъ правосудіемъ». «Чуткій ко всему, что касалось чести и достоинства Богомъ ввѣренной ему державы, государь Александръ Николаевичъ обнаруживалъ непоколебимую стойкость въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось давать отпоръ враждебнымъ посягательствамъ на это высшее достояніе Россіи. За то, во всемъ прочемъ, онъ, быть можетъ, слишкомъ часто внушеніе разума подчинялъ влеченію чувства. Исторія не вмѣнитъ ему этого въ вину, потому что нѣтъ въ мірѣ большаго величія, какъ величіе нравственное. Самъ государь палъ жертвою своего доброжелательства, своего довѣрія къ людямъ, своего человѣколюбія и кротости».

Этотъ теплый отзывъ біографа прекрасно имъ иллюстрированъ обширнымъ (500 стр. въ два столбца) изслѣдованіемъ о царствованіи Александра II, гдѣ почти на каждой страницѣ мы встрѣчаемся со свѣтлымъ образомъ государя и имѣемъ дѣйствительную возможность наблюдать, насколько нравственная его личность благотворно вліяла на все окружающее, какъ во внутреннемъ управленіи государствомъ, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ съ друзьями и недругами.

Очертивъ чрезвычайно обстоятельно дѣтскіе и юношескіе годы Александра Николаевича, мастерскою кистью обрисовавъ передъ читателями прекрасные образы воспитателей великаго князя, Жуковскаго, Мердера, и отмѣтивъ благотворное вліяніе, ими оказываемое на своего царственнаго воспитанника, авторъ черезъ рядъ интересныхъ и правдивыхъ страницъ и главъ подводитъ насъ къ знаменательному моменту вступленія наслѣдника на прародительскій престолъ. Повѣствуя о разныхъ обстоятельствахъ жизни царской семьи, авторъ не прибѣгаетъ къ шаржированнымъ восхваленіямъ

державнаго родителя, а равнымъ образомъ находитъ въ себѣ достаточнаго мужества, чтобъ отмѣтить и слабыя стороны характера своего главнаго дѣйствующаго лица. Осада Севастополя, миръ, коронація и внѣшнія отношенія къ сосѣдямъ въ первые годы царствованія императора изложены г. Татищевымъ просто, сжато и въ большинствѣ случаевъ на основаніи достаточно уже извѣстныхъ печатныхъ матеріаловъ. Съ VII главы, посвященной освобожденію крестьянъ, читатель начинаетъ уже затягиваться интересомъ чтенія, и быстрый ростъ русской жизни, пробужденіе нашего общества къ новой эрѣ начинаетъ раскрываться передъ читателями въ прекрасно освѣщенной панорамѣ. Г. Татищевъ умѣло воспользовался обширнымъ трудомъ Н. П. Семенова по исторіи освобожденія крестьянъ, какъ равно и другими главнѣйшими источниками по этому вопросу, и сумѣлъ изобразить величайшій актъ нашей внутренней жизни чрезвычайно объективно и обстоятельно, не вдаваясь въ мелочи и детали. Можно только пожалѣть, что онъ миновалъ работы В. Семевскаго по крестьянскому вопросу, вслѣдствіе чего отношеніе общества и печати къ дѣлу освобожденія осталось недостаточно выясненнымъ, а вѣдь печать, какъ это вполнѣ выяснено, имѣла на рѣшеніе вопроса не малое вліяніе. Что въ трудѣ г. Семенова въ виду его обширности нѣсколько ускальзываетъ отъ вниманія, въ работѣ г. Татищева выдвинуто на первый планъ—я разумѣю здѣсь рѣшающую роль самого Александра II въ благополучномъ окончаніи вопроса объ освобожденіи. Авторъ правдиво повѣствуетъ о тѣхъ препятствіяхъ, которыя встрѣчалъ государь на своемъ пути, и приводитъ, между прочимъ, любопытную его рѣчь московскому дворянству: «Мнѣ, господа, пріятно, когда я имѣю возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду и, къ сожалѣнію, благодарить васъ теперь не могу. Вы помните, когда я, два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ измѣненію крѣпостного права и что надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того, я объ этомъ долго думалъ и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда, вслѣдствіе вызова Петербургской и литовскихъ губерній, даны мной рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется, но отозвалось нижегородское, а Московская губернія — ни первая, ни вторая, даже не третья. Это мнѣ было прискорбно, потому что я горжусь тѣмъ, что я родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ, когда былъ наслѣдникомъ, люблю и теперь, какъ родную. Я далъ вамъ начала, и отъ нихъ не отступлюсь». Разсказавъ о ходѣ работъ по освобожденію крестьянъ и о сношеніяхъ по этому предмету съ разными сословными группами, г. Татищевъ сжато передаетъ содержаніе манифеста объ освобожденіи, ничего, однако,

не сообщая о томъ, какъ и кѣмъ онъ былъ написанъ, хотя по этому предмету въ литературѣ имѣются любопытныя указанія. Слѣдующая глава обнимаетъ собою мелкіе эпизоды русской жизни, въ числѣ которыхъ значатся и студенческіе безпорядки, которые переданы авторомъ сдержанно, безъ достаточнаго, однако, на этотъ разъ необходимаго анализа. Болѣе обстоятельно имъ представлена «Польская смута» (1861—1863), гдѣ къ чести автора онъ не позволяетъ себѣ никакихъ шовинистскихъ выходокъ противъ западно-славянской народности. Обрисовывая правдиво и сдержанно развитіе и рѣшеніе польскаго вопроса, г. Татищевъ, по моему мнѣнію, недостаточно подчеркнулъ неустойчивость поведенія въ этомъ вопросѣ мѣстной административной власти, переходившей, какъ извѣстно, отъ мѣръ крайней строгости къ средствамъ заигрыванья. Отношеніе автора къ Каткову, хотя и чрезвычайно почтительное и любовное, однако, не переходитъ въ непомѣрное славословіе, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые современные публицисты, и онъ далекъ, повидимому, отъ поднесенія ему титула «спасителя отечества». Очертивъ внутреннія преобразованія за періодъ 1864—1866 года (реформа земская, судебная и др.), г. Татищевъ переходитъ къ внутреннимъ дѣламъ слѣдующаго пятилѣтія, гдѣ на первомъ мѣстѣ отмѣчаетъ покушеніе Димитрія Каракозова и даетъ подробное его повѣствованіе въ связи съ общественными теченіями того времени. «Слѣдствіе обнаружило, говоритъ онъ, неудовлетворительное состояніе бо̀льшей части учебныхъ заведеній, высшихъ и среднихъ, неблагонадежность преподавателей, духъ непокорства и своеволія студентовъ и даже гимназистовъ, увлекавшихся ученіемъ безвѣрія и матеріализма, съ одной стороны, самаго крайняго соціализма—съ другой, открыто проповѣдуемыхъ въ журналахъ, такъ называемаго, передового направленія. Изданіе двухъ главныхъ органовъ этого направленія, «Современника» и «Русскаго Слова», прекращено по высочайшему повелѣнію, и во главѣ министерства народнаго просвѣщенія постановленъ, вмѣсто уволеннаго Головнина, незадолго до того назначенный оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, графъ Д. А. Толстой».

Дѣятельности графа Толстого, какъ министра народнаго просвѣщенія, г. Татищевъ по всей справедливости удѣляетъ не мало мѣста въ своей біографіи, при чемъ рѣшается говорить о ней совершенно безпристрастно. Такъ какъ съ системой, установленной графомъ Толстымъ, намъ приходится считаться и о сю пору, то полагаю не лишнимъ остановиться на этой части труда г. Татищева нѣсколько подробнѣе. Обрисовавъ въ главѣ XIX правдиво и сочувственно дѣятельность министровъ просвѣщенія, Ковалевскаго и Головнина, авторъ переходитъ къ особому мнѣнію графа Толстого по поводу народныхъ училищъ въ Юго-Западномъ краѣ. «Въ «особомъ» мнѣніи графъ Толстой, говоритъ г. Татищевъ, выходилъ

далеко за предѣлы обсуждавшагося въ комитетѣ министровъ частнаго вопроса, который подъ перомъ его разростался въ общій государственный вопросъ: объ отношеніяхъ церкви къ государству и объ участіи ея въ направленіи и руководствѣ народнымъ образованіемъ во всей имперіи. Заявлено оно было въ засѣданіи комитета министровъ 5-го апрѣля 1866 года, то-есть на другой день послѣ покушенія Каракозова на жизнь государя императора. Подъ живымъ впечатлѣніемъ этого событія и обнаруженнаго дознаніемъ печальнаго настроенія умовъ въ средѣ учащейся молодежи, въ значительномъ большинствѣ зараженной ученіями невѣрія, грубаго матеріализма и самаго крайняго революціоннаго анархизма, мысли, высказанныя графомъ Толстымъ, вызвали императора Александра на глубокія размышленія. Онъ рѣшился поручить ему возстановить то единство въ направленіи между православнымъ духовенствомъ и учебнымъ вѣдомствомъ, пользу и необходимость котораго, во имя высшихъ потребностей государства, графъ такъ убѣдительно доказывалъ, и назначилъ его министромъ народнаго просвѣщенія съ сохраненіемъ званія синодальнаго оберъ-прокурора... Обѣ эти должности графъ Толстой занималъ почти до самаго конца царствованія и, въ продолженіе шестнадцати лѣтъ, несомнѣнно пользуясь расположеніемъ и полнымъ довѣріемъ государя, произвелъ существенныя и многочисленныя преобразованія и перемѣны во всѣхъ отрасляхъ учебнаго дѣла». Такимъ образомъ, совпаденіе Каракововскаго выстрѣла и записки графа Толстого послужило для послѣдняго счастливымъ моментомъ сближенія съ государемъ и довѣрія, ему выраженнаго, которое настолько укрѣпилось въ сердцѣ Александра II, что всякое мнѣніе министра по вопросамъ просвѣщенія въ государственномъ совѣтѣ одерживало верхъ надъ большинствомъ голосовъ. Г. Татищевъ даетъ интересное описаніе оппозиціи, которую гр. Толстой встрѣтилъ въ Строгановской комиссіи и государственномъ совѣтѣ по вопросу о классическомъ образованіи. Заслуживаетъ вниманія записка шести членовъ особаго присутствія, обсуждавшаго вопросъ о предположенной реформѣ средней школы, записка, подписанная графомъ Литке, Панинымъ, Чевкинымъ, Милютинымъ, Головнинымъ и Гротомъ, не потерявшая значенія и для нашихъ дней.

«Если смотрѣть безъ предубѣжденія, сказано здѣсь, то общеобразовательныя реальныя училища оказываются крайнею настоятельною необходимостью и имѣютъ за себя самую сильную опору, не въ умозрѣніи нѣкоторыхъ ученыхъ и педагоговъ, а въ самыхъ точныхъ и положительныхъ указаніяхъ опыта. Съ другой стороны, обращаясь къ тому, съ какою осмотрительностью необходимо для Россіи слѣдовать примѣрамъ Западной Европы, нельзя не прійти еще къ слѣдующимъ соображеніямъ. Западная Европа имѣетъ повсюду распространенное элементарное образованіе, огромное коли-

ностно гимназій, реальныхъ училищъ, низшихъ промышленныхъ школъ, учительскихъ институтовъ для приготовленія преподавателей. При такой постановкѣ образованія и при существующемъ уже замѣщеніи различныхъ поприщъ образованными дѣятелями, прусское правительство не только не отвергаетъ пользы общаго реальнаго образованія и не беретъ на себя рѣшать споръ между классическимъ и реальнымъ образованіемъ, но обращается къ своимъ университетамъ съ вопросомъ: слѣдуетъ ли допустить къ слушанію университетскихъ лекцій учениковъ реальныхъ училищъ, и на основаніи отвѣтовъ шести университетовъ изъ девяти и представленій различныхъ прусскихъ обществъ, допускаетъ ихъ, хотя и съ ограниченіемъ. Таково ли положеніе нашего отечества? Наше элементарное образованіе еще находится въ проектѣ, профессіональныхъ школъ—совершенно нѣтъ, реальныхъ гимназій — только девять, классическихъ—по одной на 380 тысячъ душъ мужского населенія. При томъ на двухъ изъ главнѣйшихъ практическихъ поприщъ, учительскомъ и медицинскомъ, замѣчается крайній недостатокъ въ дѣятеляхъ. Имѣемъ ли мы право при такихъ данныхъ въ настоящую минуту отвергнуть одинъ изъ двухъ путей общаго образованія, признаваемыхъ всею Западною Европою, и избрать исключительно другой, труднѣйшій? А вмѣстѣ съ тѣмъ, при характерѣ нашихъ университетовъ, имѣющихъ только наружную форму германскихъ университетовъ, а внутренній строй—вполнѣ схожій съ французскими спеціальными школами, можемъ ли мы заявлять тѣ же исключительныя требованія относительно подготовленія въ нашихъ обще-образовательныхъ заведеніяхъ къ факультетскимъ занятіямъ?». Указавъ далѣе на существующій у насъ спросъ на спеціалистовъ и утверждая, что существующія среднія учебныя заведенія не могутъ пополнить спеціальныхъ школъ, составители записки продолжаютъ: «Можемъ ли мы, въ виду такихъ насущныхъ потребностей, еще неудовлетворенныхъ, затруднять полученіе высшаго образованія, вслѣдствіе только спора между приверженцами классицизма и реализма,—спора, который не берутъ на себя рѣшать и государства, богатыя по образованію, и право на рѣшеніе котораго у насъ связано съ предварительнымъ распространеніемъ и упроченіемъ тѣхъ образовательныхъ учрежденій по всѣмъ категоріямъ, какія видимъ въ западныхъ странахъ, съ такимъ избыткомъ уже пользующихся ими и однако же не отвергающихъ тотъ путь, отъ котораго мы, при нашей скудости во всѣхъ степеняхъ образованія, такъ легко хотимъ отказаться».

Не смотря на оппозицію, графу Толстому удалось, однако, провести въ русскую жизнь свои излюбленныя положенія о высшемъ, а главнѣйше о среднемъ образованіи. Какого результата добился онъ? Въ главѣ, посвященной «Крамолѣ» (XXIV), г. Татищевъ даетъ слѣдующій сводъ результатамъ, достигнутымъ министромъ

народнаго просвѣщенія: «Вниманіе графа Толстого обращено было исключительно на поддержаніе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ внѣшняго порядка и благоустройства. Усугубленныя суровыя мѣры противъ студенческихъ сходокъ въ стѣнахъ университета и внѣ его; студенты лишены права распоряжаться кассою взаимопомощи, устраивать въ пользу ея спектакли и концерты, собирать пожертвованія для неимущихъ товарищей, завѣдывать собственною библіотекою. Распоряженія эти вызывали въ университетской молодежи крайнее раздраженіе, выражавшееся въ непрерывныхъ волненіяхъ и попыткахъ сопротивленія ближайшему начальству. Весною 1869 года волненія эти приняли обширные размѣры. Безпорядки начались въ С.-Петербургскомъ университетѣ и быстро распространились на прочія высшія учебныя заведенія столицы: медико-хирургическую академію, институты технологическій и земледѣльческій, а вслѣдъ затѣмъ и на провинціальные университеты. Послѣдствіемъ ихъ было массовое увольненіе студентовъ изъ заведеній, высылка ихъ изъ столицъ и университетскихъ городовъ и водвореніе, въ качествѣ поднадзорныхъ, въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи. Въ гимназіяхъ, введенная въ 1871 году, такъ называемая, классическая реформа дала не менѣе горькіе плоды. Всѣ усилія педагоговъ были исключительно направлены на обученіе юношества двумъ древнимъ языкамъ въ ущербъ прочимъ предметамъ преподаванія, и также, какъ и въ университетахъ, совершенно упущено изъ виду воспитательное воздѣйствіе на развитіе образа мыслей и чувствъ, на утвержденіе въ преданіяхъ родной исторіи, въ началахъ вѣры и нравственности подростающихъ поколѣній. Послѣдствія такой образовательной системы не замедлили сказаться, и въ десятилѣтіе съ 1866 по 1876 годъ, невѣріе въ области религіи, матеріализмъ въ наукѣ, соціализмъ въ политикѣ—окончательно овладѣли незрѣлыми умами русской учащейся молодежи. Результату этому не могло воспрепятствовать запрещеніе внутри Россіи изданій, распространявшихъ эти пагубныя лжеученія. Не находя ихъ на родинѣ, юные соціалисты обращались за ними за границу, откуда имъ безпрепятственно доставляли ихъ русскіе эмигранты, водворившіеся въ Англіи и Швейцаріи. Женева и въ особенности Цюрихъ сдѣлались мѣстами паломничества большаго числа юношей и дѣвицъ, студентовъ и студентокъ. Слушая лекціи въ тамошнихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, они болѣе или менѣе почерпали крайнія анархическія ученія у самаго источника, въ юрской секціи интернаціонала, создателемъ и руководителемъ которой былъ Бакунинъ. Когда въ 1871 году правительство рѣшилось на энергическую мѣру и подъ угрозою лишенія правъ русскаго подданства вызвало обратно русскихъ женщинъ, изучавшихъ естественныя науки въ Цюрихскомъ университетѣ, большинство хотя и повиновалось, но вернулось на родину съ твердо усвоенными соціалистическими убѣжденіями, ко-

торыя и принялись усердно распространять среди соотечественниковъ».

Такимъ образомъ, согласно указаніямъ г. Татищева, воспитательная система графа Толстого принесла совершенно противные результаты, нежели отъ нея ожидали ея поклонники: она повела къ дезорганизаціи нашего учащагося юношества и значительно содѣйствовала развитію у насъ революціоннаго движенія, которое авторъ біографіи Александра II подробно обрисовываетъ въ главахъ: «Крамола» и «Послѣдній годъ царствованія». Въ нашей литературѣ до г. Татищева не имѣлось такого пространнаго описанія бурныхъ событій во внутренней жизни Россіи, каковое удалось ему представить. Онъ внимательно слѣдитъ шагъ за шагомъ за развитіемъ у насъ революціоннаго движенія, перечисляетъ его главнѣйшіе острые моменты, называетъ лицъ, въ немъ участвовавшихъ, обрисовываетъ организацію кружковъ и комитетовъ, а также попутно указываетъ мѣры борьбы противъ этого движенія, употребленныя правительствомъ. Здѣсь же мы знакомимся съ фигурой графа Лорисъ-Меликова, къ которому г. Татищевъ вовсе не склоненъ относиться такъ огульно-отрицательно и несочувственно, какъ то обыкновенно дѣлается на страницахъ журнала, гдѣ авторъ является постояннымъ сотрудникомъ по вопросамъ внѣшней политики. Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были личныя симпатіи и политическіе взгляды перваго біографа Александра II, нужно отдать ему полную справедливость, что онъ сумѣлъ въ большинствѣ случаевъ удержать за собою точку объективнаго зрѣнія и не пересолилъ ни въ сторону излишнихъ комплиментовъ, ни въ направленіи осужденій и брани. Въ его положеніи это было очень трудно сдѣлать, и тѣмъ большая ему честь, что онъ предпочелъ амплуа сдержаннаго біографа званію постояннаго сотрудника «Русскаго Вѣстника», гдѣ принято говорить о тѣхъ же предметахъ совершенно инымъ языкомъ. Можно пожалѣть только, что авторъ, отмѣчая отрицательную дѣятельность печати, совершенно упускаетъ изъ виду положительные результаты, достигнутые литературою и повседневною прессою за тотъ же періодъ времени. Равнымъ образомъ имъ не указанъ расцвѣтъ научныхъ силъ нашего отечества, оставленъ безъ вниманія духовный ростъ провинціи и нашихъ окраинъ.

Біографія г. Татищева представляетъ собою, какъ уже сказано выше, пріятное явленіе въ нашей литературѣ и вó время воскрешаетъ передъ нами свѣтлый образъ царя-освободителя и его время, столь близкіе каждому, кому дорого истинное благополучіе нашего отечества и его хорошее историческое прошлое.

Б. Глинскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Ѳедоръ Дыдынскій, заслуженный профессоръ императорскаго Варшавскаго университета. Императоръ Адріанъ. Историко-юридическое изслѣдованіе. Съ портретомъ (императора Адріана) и картою (Римской имперіи примѣнительно къ путешествіямъ императора Адріана). Варшава. 1896.

ВЪ ОБРАБОТКѢ современныхъ юристовъ римское право представляется какъ бы конусомъ, вершиной котораго являются законы XII таблицъ и основаніемъ законодательство Юстиніана. Изложеніе исторіи римскаго права производится какъ бы геометрическимъ вычисленіемъ параллельныхъ основанію сѣченій этого конуса, — такъ называемой періодизаціей,— причемъ каждое такое (болѣе или менѣе произвольное) сѣченіе, періодъ, разграфляется систематически на отдѣльныя учрежденія, и затѣмъ каждая отдѣльная графа каждаго сѣченія сопоставляется съ соотвѣтственно болѣе широкою графой сѣченія, болѣе близкаго къ основанію, и съ болѣе узкою графой сѣченія, болѣе близкаго къ вершинѣ. Иногда же этихъ сѣченій не дѣлается (періодизаціи не производится), а просто разграфляется систематически основаніе, и изъ центра каждой графы возстановляется перпендикуляръ до поверхности конуса. Таковы общепринятые способы изложенія исторіи каждаго права вообще—періодическій и синхронистическій. При первомъ изъ нихъ вмѣсто конуса получается рядъ концентрическихъ окружностей, при второмъ—группа неравныхъ конусовъ, изъ которыхъ въ сущности ни одинъ не доходитъ до вершины. Единство цѣлаго въ обоихъ случаяхъ исчезаетъ, и систематика убиваетъ исторію; тѣла пропадаютъ, остаются только—плоскости. Вмѣсто картины жизни, т. е. развитія, дается

скелетъ. Романисты всѣ какъ бы уподобляются Альбрехту Дюреру, на гравюрахъ котораго изъ-за цвѣтущихъ силой, жизнью и энергіей фигуръ вырисовывается неясными очертаніями угловатый костякъ смерти. Дѣло въ томъ, что ни жизнь права, ни духъ его неуловимы систематикой, какъ красота линій и тоновъ мозаикой. Жизнь права становится понятной и ощутительной только въ прагматическомъ изложеніи его исторіи, только въ постепенномъ прохожденіи изслѣдователемъ всего «лѣса законовъ»,—silva legum,—который всякая система охватываетъ исключительно, какъ неподвижный пейзажъ, или даже безжизненная карта, а не какъ живой и безконечно разнообразный міръ. Не даромъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся русскихъ юристовъ совѣтуетъ молодымъ ученымъ начинать изученіе русскаго гражданскаго права съ чтенія полнаго собранія законовъ, листъ за листомъ. И на самомъ дѣлѣ трудно отрицать, что только такія прагматическія прогулки могутъ научить насъ сразу оріентироваться и, даже начавъ плутать, все-же выбираться на прямую дорогу изъ трущобъ и дебрей законодательства.

Прямымъ послѣдствіемъ этого неправильнаго метода историческаго изслѣдованія являются крупные пробѣлы въ исторіи римскаго права и груда обширнѣйшаго матеріала, совершенно не разработаннаго. Такъ, напримѣръ, исторія римской юриспруденціи занимаетъ обыкновенно въ курсахъ исторіи права всего одну небольшую главу, дающую намъ лишь краткій комментарій на извѣстный отрывокъ Помпонія, тогда какъ при дѣйствительно историческомъ методѣ изслѣдованія необходимо было бы весь матеріалъ дигестъ разработать по схемѣ Помпонія и указать, въ какой мѣрѣ тотъ или иной юристъ подвинулъ впередъ свой предметъ, въ какой мѣрѣ онъ зависѣлъ отъ своихъ предшественниковъ, въ какой мѣрѣ повліялъ на послѣдователей. Равнымъ образомъ законодательная дѣятельность сената и императоровъ упоминается обыкновенно только вскользь, чисто догматически, и обширная панорама безчисленныхъ сенатусконсультовъ и конституцій сплющивается въ догматическую схему, въ которой все есть, кромѣ историческаго метода. Сколько мнѣ извѣстно, одинъ Рудорфъ въ своей исторіи римскаго права отступилъ отъ общепринятаго образца; но и онъ отступилъ не весьма счастливо, такъ что вызвалъ однѣ рѣзкія, но во многомъ справедливыя, нападки Іеринга. Пернице поставилъ себѣ въ своемъ изслѣдованіи о Лабеонѣ какъ будто болѣе живую, болѣе историческую задачу; но при ея выполненіи и онъ немедленно сбился на догматизированіе совершенно не историческаго свойства. Наконецъ самый печальный примѣръ не историческаго превращенія исторіи въ догматику представляетъ «Гражданское право древняго Рима» г. Муромцева, подъ учеными усиліями котораго ничего не осталось ни отъ стройной догмы, ни отъ послѣдовательной исторіи римскаго права, а получилась безсвязная груда матеріаловъ, въ которой трудно разобраться даже спеціалисту.

На эти общія соображенія и разсужденія невольно наводитъ читателя только что появившееся изслѣдованіе почтеннаго профессора Дыдынскаго. Не то, чтобы оно было совершенно чуждо систематикѣ и вообще догматической мозаикѣ; но въ немъ во всякомъ случаѣ несомнѣнно вѣяніе чисто историческаго духа изслѣдованія. Авторъ даетъ не систему государственнаго устрой-

ства Римской имперіи и не догму гражданскаго права въ эпоху Адріана, а подвергаетъ общему обзору административную и законодательную дѣятельность императора, даетъ точную и полную картину его политической біографіи, которую разсматриваетъ, выражаясь современными понятіями, не по своду законовъ въ послѣдній годъ его царствованія, а по собранію узаконеній и распоряженій правительства за 21 годъ правленія Адріана. Само собою разумѣется, что этотъ обзоръ приводитъ автора къ необходимости опредѣлить основную политическую идею всего царствованія, и эта идея въ свою очередь бросаетъ очень оригинальный и яркій свѣтъ на обще-историческое значеніе Адріана, разъясняя многое сомнительное и противорѣчивое въ показаніяхъ историковъ о самой его личности. Съ другой стороны читатель-юристъ, благодаря книгѣ профессора Дыдынскаго, воочію видитъ на примѣрѣ отдѣльной эпохи тѣсную близость и связь исторіи права съ общей исторіей народа и вмѣсто механической смѣны понятій, нормъ и учрежденій наблюдаетъ самое теченіе широкаго потока законодательства; онъ чувствуетъ, что право не само собою ростетъ и образуется внѣ связи и соприкосновенія съ жизнью, а что напротивъ оно является ея непосредственнѣйшимъ продуктомъ и выраженіемъ; онъ убѣждается, что съ исторической точки зрѣнія всякая система—только внѣшняя, искусственная татуировка живаго организма права, и что не въ ней выражается духъ и жизнь законодательства, т. е. его исторія. Для историка важны не самыя понятія, но то, какъ они прорѣзаются въ политическомъ сознаніи народа, какъ они становятся регуляторами правовой жизни, доводятся ею практически до крайнихъ выводовъ и затѣмъ вымираютъ или наоборотъ порождаютъ косвеннымъ образомъ дальнѣйшія новообразованія. Ни одну систему нельзя считать историческимъ выводомъ; всякая догма, всякое уложеніе всегда является продуктомъ единоличной воли (хотя и не всегда единоличнаго выполненія), не столько событіемъ, сколько дѣяніемъ. И вотъ въ изслѣдованіи профессора Дыдынскаго передъ глазами читателя вырисовывается первоначальное зарожденіе важныхъ учрежденій (императорскаго совѣта, императорскихъ чиновниковъ), расширяется личный составъ римскаго гражданства и даются намеки на сущность просасыванія иноземныхъ, мѣстныхъ понятій и учрежденій въ сферу римскаго права, словомъ, по выраженію Миттейса, проникновенія «народнаго права» въ «право имперское». Читатель видитъ, какъ пріостанавливается кристаллизація римскаго права и какъ начинается собираніе и систематизированіе его положеній, т. е. кодификація съ ея первымъ представителемъ, Сальвіемъ Юліаномъ. Читатель распознаетъ совершившійся въ царствованіе Адріана кризисъ государственной жизни и ясно представляетъ себѣ его, какъ переломъ отъ Августа къ Деоклетіану, т. е. отъ принципата къ самодержавію. Онъ наблюдаетъ, какъ «многочастнѣ и многообразнѣ» начинаетъ съ эпохи Адріана претворяться въ право единая воля императора, какъ свободная римская юриспруденція превращается въ дѣятельность законодательной канцеляріи при его особѣ, и какъ творчество великихъ юристовъ вырождается въ византійское императорское законописаніе. Нечего и говорить объ огромномъ значеніи всѣхъ этихъ впечатлѣній для проникновенія въ ходъ и смыслъ исторіи римскаго

права и о томъ исключительномъ интересѣ, съ которымъ въ силу этого читается книга профессора Дыдынскаго.

Но она замѣчательна не только со стороны метода и выдержанности историческаго духа изслѣдованія: выполненіе автора ничуть не уступаетъ той задачѣ, которую онъ преслѣдуетъ. По прочтеніи его книги получается цѣльная и стройная картина, и въ воображеніи отчетливо вырисовывается обаятельный образъ императора Адріана. Замѣчательно то, что авторъ имѣетъ его въ виду только, какъ администратора и законодателя, а между тѣмъ даетъ законченный и цѣльный характеръ. Притомъ же интересу книги содѣйствуетъ и еще одно весьма любопытное совпаденіе, невольно напрашивающаяся параллель. Вотъ какими чертами обрисовываетъ авторъ императора Адріана.

«Существованіе готоваго къ бою войска и спокойныхъ, обезпеченныхъ границъ, постоянное пополненіе казны и почти расточительная щедрость для матеріальныхъ и духовныхъ цѣлей, державное правленіе внутри и мирное развитіе всѣхъ національныхъ силъ для блага единаго великаго государства — все это оказалось возможнымъ безъ блеска громкой военной славы, безъ внутреннихъ потрясеній». «Императоръ устранилъ многочисленныя затрудненія, вытекавшія изъ тогдашней системы управленія, установилъ равновѣсіе между расходами и доходами и привелъ такимъ образомъ въ порядокъ государственный бюджетъ». «Благодаря его реформамъ, римское войско упрочило за государствомъ на продолжительное время то достояніе, котораго оно желало, именно — миръ». «Онъ отказался отъ завоевательныхъ плановъ своего предшественника, превративъ армію въ дѣйствительную опору мирной политики. Онъ велъ войны только въ случаѣ крайней необходимости, если того требовали государственные интересы, и тогда выступалъ въ образѣ настоящаго римлянина, становясь лишь хладнокровнымъ блюстителемъ неумолимаго правосудія». «Удерживать въ своихъ рукахъ оспариваемую власть, не вызывая въ то же время сопротивленія, отказаться отъ завоевательной политики, не причиняя ущерба ни собственному достоинству, ни достоинству государства, могъ только человѣкъ, сумѣвшій внушить къ себѣ истинное уваженіе. Натурѣ его было чуждо влеченіе къ военному величію; его стремленія были направлены къ развитію внутренняго процвѣтанія огромнаго государства безъ войнъ и завоеваній». «Прежде всего, однако, заслуга его заключается въ рѣшительности, съ какою онъ, впервые между императорами, сталъ думать о томъ, чтобы управлять міромъ, какъ единымъ, однороднымъ государствомъ». «Его реформы абозначаютъ эпоху или ступень на пути къ образованію абсолютной монархіи». «Вездѣ сказывается кроткій нравъ этого законодателя; онъ упорядочилъ различныя юридическія отношенія и мирилъ враждующія партіи». «Съ его именемъ связано множество важныхъ реформъ во всѣхъ областяхъ государственнаго, административнаго, гражданскаго права и судопроизводства, цѣлый рядъ заботъ о поднятіи матеріальныхъ и соціальныхъ условій жизни, ревностное попеченіе о высшихъ духовныхъ интересахъ. Всѣ эти задачи онъ взялъ на себя и преслѣдовалъ ихъ съ не меньшей настойчивостью и покорностью своему долгу, чѣмъ его предшественникъ».

Не правда ли, какъ напоминаетъ эта прекрасная характеристика другой,

болѣе къ намъ близкій и болѣе намъ знакомый обаятельный царственный образъ? Параллель такъ ясна и выдержана, что не хочется вѣрить въ случайность выбора авторомъ царствованія Адріана предметомъ своего изслѣдованія; но если выборъ и былъ сдѣланъ случайно, то тѣмъ болѣе живой и глубокій интересъ возбуждаетъ въ насъ чтеніе этой книги, при всей научности содержанія отличающейся чрезвычайной живостью и общедоступностью изложенія. Огромная ученость автора ничуть не загромождаетъ его мыслей, а дѣйствительно является какъ бы одухотворяемымъ ими надежнымъ и устойчивымъ пьедесталомъ. Такимъ образомъ, резюмируя наши впечатлѣнія, можно сказать: русская наука обогатилась выдающимся сочиненіемъ, замѣчательнымъ оригинальностью метода, новизною пріемовъ и постановки вопроса, оживленнымъ и увлекательнымъ изложеніемъ, богатѣйшимъ знаніемъ и удивительно счастливымъ выборомъ темы. **В. Никольскій.**

Вл. Череванскій. Подъ боевымъ огнемъ. Историческая хроника. Иллюстраціи Л. Ф. Лагоріо, Н. Н. Каразина и др. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1896.

«Историческая хроника» г. Череванскаго представляетъ собою очень интересную новинку въ настоящее время, когда мы такъ обѣднѣли хорошими беллетристическими произведеніями съ сюжетами изъ русской исторіи. Авторъ, повидимому, лично испыталъ всѣ перипетіи нашего похода въ Среднюю Азію, былъ очевидцемъ взятія Геокъ-Тепе, близко соприкасался съ главными героями похода—отсюда неослабный интересъ къ изображаемымъ имъ явленіямъ и нарисованнымъ фигурамъ на протяженіи всей книги. Въ одномъ изъ эпиграфовъ своей «хроники» онъ говоритъ: «языкъ мой — трость скорописца»; эти слова очень мѣтко характеризуютъ манеру его изложенія: оно страдаетъ неотдѣланностью, нѣкоторою поспѣшностью, шероховатостью. Въ книгѣ часто попадаются оборванныя на серединѣ фразы, не доконченныя въ техническомъ отношеніи главы. Самая фабула разсказа — любовный романъ героя хроники, Можайскаго, съ княжной Ириной, довольно неудачно придѣлана къ исторической дѣйствительности, хотя нималѣйшимъ образомъ ея не искажаетъ. Этотъ романъ носитъ на себѣ характеръ какъ будто истиннаго происшествія и, весьма возможно, представляетъ значительный интересъ для тѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ описываемыхъ событій въ серединной Азіи, кто узнаетъ анонимныхъ лицъ, тутъ изображенныхъ, но для массы читателей онъ не представляетъ захватывающаго интереса, и они остаются нѣсколько неудовлетворенными авторомъ, какъ романистомъ. Иное дѣло - тотъ историческій фонъ, на коемъ разыгрывается романъ Можайскаго. Онъ представленъ въ такомъ яркомъ освѣщеніи, такъ хорошо расположенными группами дѣйствующихъ лицъ, съ такимъ обиліемъ крупныхъ событій и мелкихъ эпизодовъ, что выдвигаетъ трудъ г. Череванскаго передъ всѣми другими, черпавшими свое содержаніе изъ исторіи взятія Скобелевымъ Геокъ-Тепе. Авторъ глубоко изучилъ тотъ край, который является театромъ дѣйствія его хроники, изучилъ топографически, исторически, но что главное—этнографически. Въ этомъ отноше-

ніи имѣетъ особенную цѣну вторая часть, гдѣ отведено много мѣста нашей политикѣ въ Средней Азіи (къ Персіи и Индіи), а также бытовой жизни, воззрѣніямъ религіознымъ и политическимъ мусульманскихъ народностей, съ которыми такъ долго и упорно вели борьбу. Ритуалы жителей текинскаго оазиса, отношенія здѣсь начальствующихъ лицъ къ подчиненнымъ, отношенія племенъ другъ къ другу, внутренніе распорядки, взглядъ на русскихъ и англичанъ, вліяніе лицъ духовныхъ на жителей, мужчинъ и женщинъ, все это представлено въ хроникѣ «Подъ боевымъ огнемъ» мастерски—обстоятельно, картинно и съ громаднымъ знаніемъ дѣла. Лица, научно изучающія востокъ, найдутъ въ книгѣ г. Череванскаго массу драгоцѣннаго матеріала; просмотрите хотя бы главы, гдѣ идетъ рѣчь о духовенствѣ Мешеда и общежитіи софтъ (XLV), о вліяніи этого духовенства на сыновъ Азіи (LI), о роли женщины въ жизни мусульманскихъ племенъ (LV), объ отношеніяхъ дикихъ племенъ другъ къ другу (LIX), и вы воочію убѣдитесь, съ какимъ богатымъ и прекрасно разработаннымъ историческо-научнымъ матеріаломъ намъ приходится имѣть дѣло. Такимъ образомъ, если работа г. Череванскаго нѣсколько грѣшитъ противъ беллетристики, за то она вноситъ много цѣннаго въ наше знаніе и изученіе востока.

Имѣетъ «хроника» и еще другое значеніе: она ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ закулисной стороной военной жизни, съ ея изнанкой и тѣми дѣйствующими внутренними пружинами, которыя недоступны поверхностному наблюдателю. Г. Череванскій выдвигаетъ вопросъ о хозяйствѣ (денежномъ, вещевомъ) походной жизни и на рядѣ примѣровъ показываетъ, какую громадную силу и значеніе имѣетъ оно во время войны. Передъ читателями проходитъ цѣлая портретная галлерея интендантовъ, подрядчиковъ, поставщиковъ, причемъ тутъ же указаны тѣ средства, къ которымъ эти почтенные господа прибѣгаютъ во вредъ казнѣ и бѣдному солдатику. Эта сторона книги черезвычайно поучительна, такъ какъ тутъ не только устанавливаются факты и событія, но и указываются средства для борьбы съ этимъ вѣчнымъ зломъ военной жизни. Почемъ знать,—можетъ быть, эти страницы, если онѣ будутъ прочитаны кѣмъ слѣдуетъ, сослужатъ когда нибудь добрую службу! Отъ души желаемъ этому случиться, и тогда книга «Подъ боевымъ огнемъ» получитъ значеніе не только интереснаго и умнаго чтенія, но и добраго дѣла гражданскаго свойства.

Не лишены значительнаго интереса тѣ мѣста «хроники», которыя посвящены дѣйствіямъ и дипломатическимъ пріемамъ нашихъ вѣчныхъ антагонистовъ на востокѣ—сыновъ Альбіона. Типы англійскихъ корреспондентовъ и агитаторовъ, Голлидэя и О'Донована, нарисованы г. Череванскимъ превосходно и заставляютъ читателей порою весело смѣяться, порою вздрагивать отъ отвращенія. Хорошо обрисована также оригинальная фигура Скобелева со всѣми его достоинствами и недостатками. Умѣнье автора относиться объективно даже къ излюбленнымъ имъ лицамъ располагаетъ къ нему читателей и заставляетъ ихъ желать почаще встрѣчаться съ г. Череванскимъ въ литературѣ, какъ съ правдивымъ сказателемъ видѣнныхъ и пережитыхъ историческихъ событій.

Г—скій.

Бернгардъ Куглеръ. Исторія крестовыхъ походовъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ рисунками, карт. и план. Изд. Л. Пантелѣева Спб. 1896.

Эпоха крестовыхъ походовъ составляла донынѣ пробѣлъ въ русской исторической литературѣ: за исключеніемъ перевода значительно уже устарѣвшаго многотомнаго труда Мишле «Histoire des croisades» да нѣсколькихъ небольшихъ монографій и журнальныхъ статей по исторіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ походовъ, на русскомъ языкѣ не появлялось ни одного ни оригинальнаго, ни переводнаго сочиненія, гдѣ бы на основаніи всѣхъ новѣйшихъ научныхъ данныхъ была полностью изложена вся исторія крестоноснаго движенія, составлявшаго центральный пунктъ всей жизни европейскихъ народовъ въ продолженіе почти двухъ столѣтій. Этотъ замѣтный пробѣлъ въ отечественной литературѣ хотѣлъ, очевидно, восполнить г. Пантелѣевъ изданіемъ вышеуказанной книги профессора Тюбингенскаго университета Бернгарда Куглера, явившейся первымъ изданіемъ въ 1880 году, въ видѣ составной части извѣстнаго сборника Онкена: «Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen». Въ своей «Исторіи крестовыхъ походовъ» Куглеръ представилъ намъ въ сжатомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полномъ очеркѣ результаты всѣхъ до него производившихся научныхъ изслѣдованій по данному вопросу. Въ предисловіи къ первому изданію онъ такъ опредѣляетъ тѣ цѣли, къ которымъ стремился, выпуская въ свѣтъ свой трудъ: «Имѣлось въ виду дать читателю изъ обширнаго круга публики занимательное и поучительное чтеніе, лицу, принимающемуся за спеціальное изученіе исторіи, и преподавателю — картину современнаго состоянія нашихъ знаній въ данной области и руководство для дальнѣйшихъ самостоятельныхъ въ ней работъ». Къ сожалѣнію, не взирая на крайне добросовѣстное изученіе вопроса, авторъ не сумѣлъ удержаться въ границахъ безпристрастія, необходимаго во всякомъ строго научномъ изслѣдованіи. На всемъ пространствѣ своей книги онъ постоянно старается выставить виновниками всякой неудачи крестоносцевъ не ихъ самихъ, а грековъ, которые яко бы усиленно призывали къ себѣ на помощь крестоносныя войска, а когда послѣднія къ нимъ являлись, сами же старались вредить имъ. Что греческая политика есть, по мнѣнію автора, наиважнѣйшая причина неудачи крестоноснаго движенія, дѣлается яснымъ для всякаго читателя его книги, хотя въ «заключительномъ обзорѣ» эта причина и поставлена на второмъ мѣстѣ (стр. 449). Приводя въ «дополненіи» великолѣпно мотивированное мнѣніе извѣстнаго французскаго ученаго, знатока исторіи крестовыхъ походовъ, графа Ріана о подложности письма, яко бы посланнаго графу Роберту I Фландрскому императоромъ Алексѣемъ Комненомъ, въ коемъ послѣдній звалъ къ себѣ на помощь крестоносцевъ для борьбы противъ турокъ-сельджуковъ, Куглеръ высказываетъ недовѣріе къ этому мнѣнію,— недовѣріе, ни на чемъ не основанное и не имѣющее никакой другой причины, кромѣ той, что данное мнѣніе противорѣчитъ вообще всему духу и направленію книги самого Куглера (стр. 456). Тенденціозность автора проявляется еще въ томъ мѣстѣ его труда, гдѣ онъ перечисляетъ благодѣтельныя послѣдствія крестовыхъ походовъ для всей Европы.

«Однимъ изъ хорошихъ результатовъ крестовыхъ походовъ,—говоритъ онъ,—было то, что они различнымъ образомъ оживительно вліяли на распространеніе христіанства и культуры въ славянскомъ мірѣ. Напримѣръ, скандинавскіе князья употребили въ этомъ направленіи доходы крестовой десятины и въ особенности нѣмецкій орденъ нашелъ на Балтійскомъ морѣ мѣсто своей плодотворнѣйшей дѣятельности. Но подробности объ этомъ не входятъ въ задачу этой книги» (стр. 452, примѣчаніе). Эта выходка самодовольнаго нѣмецкаго культуртрегерства, неумѣстная въ научномъ трудѣ и лишняя въ оригиналѣ, прямо непонятна въ переводѣ книги, предназначенномъ для русскихъ читателей.

Не смотря на указанные недостатки, книга Куглера обладаетъ весьма многими неоспоримыми достоинствами: въ нѣмецкомъ подлинникѣ она легко читается, будучи написана живымъ и увлекательнымъ языкомъ; сверхъ того, въ ней авторъ обнаруживаетъ глубокую эрудицію, добытую, очевидно, многолѣтними и серьезными трудами по разбираемому вопросу. Въ опредѣленіи причинъ неудачи крестовыхъ походовъ авторъ не пользуется общепринятыми взглядами, а высказываетъ свои, изъ коихъ нельзя согласиться только съ вышеуказаннымъ— о преимущественномъ вліяніи греческой политики на дурной исходъ крестоноснаго движенія. Какъ уже упомянуто выше, эту причину авторъ въ своемъ заключительномъ обзорѣ ставитъ на второмъ мѣстѣ. Первой же и главнѣйшей причиной онъ признаетъ «недостаточную массивность западнаго переселенія въ Сирію» (стр. 448). Раздоры между папою и государями, между государями и народами, не давшіе возможности всѣмъ дѣйствовать сообща, Куглеръ считаетъ также весьма важной причиной неудачъ крестоносцевъ. Собственную же ихъ нравственную распущенность онъ признаетъ вредной лишь съ того времени, когда крестоносное движеніе уже ослабѣло, потеряло свое религіозное основаніе, когда «какъ бы не предстояло уже рѣшать никакой великой жизненной задачи» (стр. 451).

Красота, яркость и живость языка, составляющія достоинство нѣмецкаго подлинника, совершенно уничтожились въ русскомъ переводѣ. Переводчикъ главнымъ образомъ старался сохранить буквальный смыслъ отдѣльныхъ словъ, забывая очевидно, что то, что считается заслугою въ подстрочныхъ ученическихъ переводахъ, можетъ вызвать лишь порицаніе въ переводѣ научнаго труда, и что часто одну и ту же мысль нельзя выразить на двухъ различныхъ языкахъ одинаковыми словами. Поэтому въ переводѣ книги Куглера мы сплошь и рядомъ наталкиваемся на удивительнѣйшіе курьезы. Приведемъ на удачу нѣсколькихъ выдержекъ изъ различныхъ мѣстъ книги. Такъ, на страницѣ VI предисловія читаемъ: «Если мы распредѣлимъ остальные крестовые походы въ томъ же смыслѣ (Geist), въ какомъ сдѣланы эти перечисленія, то всѣ событія отъ 1212 до 1230 года, которыя относятся къ нашей области, слѣдовало бы собрать подъ общимъ названіемъ пятаго крестового похода». На стр. 37-й: «въ его сердцѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда предыдущихъ дурныхъ дѣйствій императора» (Nachwirkung der vorausgegangenen bösen Handel übrig blieb). На стр. 120-й: «Съ тѣхъ поръ орденъ состоялъ попреимуществу прежде всего изъ испытанныхъ рыцарей, какъ необходимо должно было быть

по его происхожденію». Такихъ примѣровъ можно привести множество: мы не ошибемся, если скажемъ, что добрая четверть всей книги есть прямой протестъ противъ правильной русской рѣчи, протестъ, происшедшій отъ очевидной неопытности переводчика и малаго съ его стороны знакомства съ сравнительными особенностями русской и нѣмецкой рѣчи. Поэтому читать книгу Куглера въ русскомъ переводѣ очень тяжело, и цѣли служить занимательнымъ чтеніемъ для обширнаго круга читающей публики, первѣйшей изъ цѣлей, къ коимъ стремился авторъ, этотъ переводъ не достигаетъ. Не достигаетъ онъ также и второй изъ поставленныхъ себѣ авторомъ цѣлей — дать спеціалистамъ сводъ всѣхъ выводовъ, достигнутыхъ донынѣ наукою по данному вопросу, такъ какъ переводчикъ повидимому пользовался первымъ нѣмецкимъ изданіемъ, вышедшимъ 16 лѣтъ тому назадъ, между тѣмъ какъ наука съ тѣхъ поръ ушла далеко впередъ, — и Куглеръ въ 1890 году выпустилъ второе изданіе своего труда, съ котораго бы и слѣдовало дѣлать переводъ.

К. Л — ій.

Дѣла и люди вѣка. П. К. Мартьянова. Т. 3-й. Спб. 1896.

Новая книга г. Мартьянова о «дѣлахъ и людяхъ» нашего вѣка содержитъ, между прочимъ, нѣсколько статей, о которыхъ мы не будемъ говорить, такъ какъ онѣ печатались ранѣе въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и знакомы читателямъ: это — «Мартыновскія бумаги», «Слуга поэта Лермонтова Христофоръ Саникодзе и его разсказы о немъ», «Какъ погребенъ поэтъ М. Ю. Лермонтовъ» и «Въ переломѣ вѣка»: 1) Гардемарины и 2) Морячки. Изъ новыхъ работъ г. Мартьянова нельзя не отмѣтить изслѣдованіе «Висковатовскаго» списка поэмы Лермонтова «Демонъ», сильно подрывающее довѣріе къ подлинности этого «списка» и самому постановленію Академіи Наукъ, признавшей безъ достаточныхъ основаній и мотивовъ этотъ списокъ за собственноручную «послѣднюю передѣлку» поэтомъ своей поэмы. Авторъ изслѣдованія настаиваетъ на образованіи новой комиссіи экспертовъ для возстановленія подлиннаго и достовѣрнаго текста лучшаго произведенія Лермонтова. Другая статья г. Мартьянова: «Кто виноватъ: В. В. Крестовскій, Д. Д. Минаевъ или Н. С. Лѣсковъ», — сама нуждается въ строгомъ разборѣ, не смотря на то, что посвящена розыску виновныхъ лицъ въ томъ, кто первый пустилъ клевету о присвоеніи Крестовскимъ чужой рукописи и напечатаніи ея имъ подъ заглавіемъ «Петербургскія трущобы». Узнавъ изъ сообщенія интервьюера одной ничтожной газетки, что незадолго до своей смерти Н. С Лѣсковъ приписывалъ сплетню о плагіатѣ Д. Минаеву, г. Мартьяновъ силится убѣдить читателя, что это была со стороны Лѣскова месть и клевета на Минаева изъ-за личныхъ съ нимъ счетовъ; но въ то же время г. Мартьяновъ приводитъ изъ жизни Минаева такіе пристрастные и недоброжелательные его отзывы о Крестовскомъ, что легко можно повѣрить и свидѣтельству Лѣскова о враждѣ Минаева къ Крестовскому со всѣми ея послѣдствіями. Обѣляя Минаева, г. Мартьяновъ, не подозрѣвая самъ, свидѣтельствуетъ противъ него такіе факты, съ которыми легко можетъ уживаться любая клевета. А между тѣмъ возможно, что Ми-

наевъ въ данномъ случаѣ не былъ виновенъ; что самъ г. Лѣсковъ ошибался, приписывая ему распространеніе клеветы на Крестовскаго и т. д. Но именно это-то нисколько и не доказано у г. Мартьянова, а главное — изъ его разслѣдованія совсѣмъ не вытекаетъ сдѣланный имъ выводъ о томъ, что Лѣсковъ приписывалъ клевету о Крестовскомъ г. Минаеву изъ личной ненависти къ послѣднему. Не задолго до своей смерти, въ обществѣ моемъ, полковника З. А. Макшеева съ женой, собственнаго сына Лѣскова съ женой и г-жи Л. Б. Лорбергъ, Н. С. Лѣсковъ неоднократно говорилъ по поводу сплетни про Крестовскаго и его «Петербургскихъ трущобъ», но о Минаевѣ не упоминалъ ни слова. Во всякомъ случаѣ, статейка Мартьянова изъ исторіи литературныхъ нравовъ весьма любопытна, какъ бы кто ни освѣщалъ ее. Остальной матеріалъ въ книгѣ состоитъ изъ отзывовъ объ академическихъ выставкахъ картинъ и описанія мелкихъ случаевъ изъ жизни историческихъ лицъ, записанныхъ авторомъ съ чужихъ словъ и по памяти.

А. Фаресовъ.

Кіевская академія во второй половинѣ XVII вѣка. Профессора Н. И. Петрова. Кіевъ. 1896.

Исторія Кіевской академіи, особенно въ XVII вѣкѣ, имѣетъ первостепенное значеніе для исторіи русскаго просвѣщенія вообще, такъ какъ академія долгое время была единственнымъ центромъ высшаго просвѣщенія въ Россіи, такимъ учрежденіемъ, которое дало намъ цѣлый рядъ не только замѣчательныхъ іерарховъ, но и видныхъ дѣятелей на поприщѣ науки и литературы. Поэтому весьма естественно, что исторія ея необходимо входила и въ общіе обзоры нашей литературы и просвѣщенія, и вызвала нѣсколько спеціальныхъ изслѣдованій. Изъ послѣднихъ нѣкоторыя, какъ сочиненія митрополита Макарія и Аскоченскаго, уже устарѣли, хотя не вполнѣ утратили свою цѣнность, другія же, какъ работы г. Голубева и Мухина, касаясь академіи какъ бы мимоходомъ, не могутъ претендовать на значеніе полной ея исторіи, а между тѣмъ въ прошломъ академіи есть такіе періоды, которые представляютъ очень много неяснаго и запутаннаго, благодаря скудости и неразработанности источниковъ. Такимъ временемъ оказывается въ особенности вторая половина XVII вѣка, которой и посвящено настоящее сочиненіе проф. Н. И. Петрова. Пользуясь въ своемъ изслѣдованіи какъ печатными, такъ и обильными рукописными источниками, находящимися въ разныхъ кіевскихъ собраніяхъ, г. Петровъ возстановляетъ прежде всего внѣшнюю исторію академіи въ указанный періодъ, даетъ точное опредѣленіе перемѣнъ въ личномъ составѣ администраторовъ и профессоровъ академіи, причемъ исправляетъ многія ошибки, вкравшіяся въ труды прежнихъ изслѣдователей. Разбирая внутреннюю исторію учрежденія, характеризуя постановку преподаванія и воспитанія, авторъ не ограничивается рамками избраннаго имъ періода, но, гдѣ возможно и нужно, касается и предшествующей и послѣдующей эпохи. Какъ показываетъ детальное разсмотрѣніе программъ обученія и пріемовъ воспитанія, Кіевская академія болѣе всего приближалась къ коллегіямъ іезуитскимъ и піарскимъ, такъ что сопоставленіе ея съ Краковской академіей, проявляющееся въ трудахъ прежнихъ ученыхъ, оказывается

лишеннымъ основанія. При этомъ очень важно отмѣтить, какъ это дѣлаетъ г. Петровъ, что академія во время польскаго владычества не могла, въ силу требованій правительства, сравняться съ своими католическими образцами, такъ какъ богословіе было исключено изъ ея программы, и этому предмету воспитанникамъ академіи приходилось учиться въ католическихъ и уніатскихъ коллегіяхъ, пока наконецъ, послѣ присоединенія Кіева къ Московскому государству, программа академіи не достигла необходимой полноты.

А. В—инъ.

Фр. Іодль. Исторія этики. Переводъ подъ ред. Вл. Соловьева. Т. I. Москва. 1896.

Нельзя не признать появленія этой книги вполнѣ своевременнымъ. Спросъ на нравственные идеалы очень усилился за послѣднее время въ нашемъ обществѣ, и, конечно, читатель съ интересомъ познакомится съ картиною постепеннаго ихъ нарожденія и развитія. Предлагаемый трудъ пражскаго профессора философіи полной картины исторіи этики, однако, не даетъ. Она начинается у него собственно только съ Бэкона. Двѣ вводныя главы, впрочемъ, знакомятъ насъ вкратцѣ съ греко-римской и христіанской, т. е. съ средневѣковой этикой. Вышедшій на русскомъ языкѣ первый томъ труда проф. Іодля доводитъ исторію этики только до Лейбница. Новѣйшія этическія системы такимъ образомъ составятъ содержаніе второго тома, пока еще не появившагося въ печати. О достоинствахъ труда пражскаго ученаго мы можемъ сказать, что главное изъ нихъ это—добросовѣстность и, насколько позволяетъ объемъ труда, полнота. Мы вполнѣ соглашаемся съ редакторомъ перевода, что между существующими на иностранныхъ языкахъ исторіями этики избранная имъ наиболѣе объективна и доступна. Слѣдовательно, выборъ сдѣланъ удачно. Съ другой стороны мы должны, однако, замѣтить, что г. Іодль не принадлежитъ къ числу ученыхъ съ блестящими дарованіями, какъ читатели могли въ этомъ убѣдиться изъ нашего разбора другого, менѣе значительнаго его труда («Историч. Вѣстн.», май, 1895 г.). Поэтому, пока онъ резюмируетъ чужія мнѣнія, онъ справляется съ своею задачею очень удовлетворительно. Но когда онъ высказываетъ собственныя сужденія, то они по большей части спорны или даже невѣрны. Значеніе той или другой системы имъ также оцѣнивается далеко не правильно, и вслѣдствіе этого получается совершенно искаженная перспектива. Достаточно, напримѣръ, сказать, что изъ 300 страницъ энциклопедистамъ, имѣвшимъ такое громадное вліяніе на этическія понятія всѣхъ современныхъ народовъ, отведены неполныя двѣ страницы. Какъ бы то ни было, можно только порадоваться какъ появленію книги г. Іодля, такъ и возвращенію г. Вл. Соловьева послѣ недавнихъ неудачныхъ его экскурсій въ область публицистики къ серьезнымъ философскимъ трудамъ.

Р. О.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

РАСА ПАРІЕВЪ ВЪ БРЕТАНИ. Во второмъ іюльскомъ номерѣ «Revue des Revues» помѣщена любопытная статья неизвѣстнаго автора о существованіи во Франціи XIX вѣка особой расы паріевъ [1]), которой чуждается остальное населеніе. Этотъ остатокъ старины, являющійся поразительнымъ анахронизмомъ въ наше время, можно встрѣтить въ Бретани, и онъ заключается въ потомкахъ средневѣковыхъ прокаженныхъ, которые носятъ мѣстное названіе кахусовъ. Возвратившіеся съ Востока крестоносцы принесли съ собой проказу, которая до того распространилась между ними, что въ 1119 году у воротъ Іерусалима былъ основанъ военный орденъ страннопріимныхъ братьевъ святаго Лазаря, съ цѣлью ухаживанія за прокаженными: впослѣдствіи это братство учредило и во Франціи проказные лазареты, вокругъ которыхъ стали селиться прокаженные сначала для лѣченія, а потомъ въ силу узаконеній, предписывавшихъ имъ строгое одиночество. Дѣйствительно страхъ заразы былъ такъ силенъ, что надъ этими несчастными тяготѣлъ грозный остракизмъ: всякаго заподозрѣннаго въ проказѣ прямо вели къ патеру, который подвергалъ его извѣстному искусу, въ томъ числѣ вліянію особыхъ водъ, и произносилъ надъ нимъ роковой приговоръ, отлучавшій его впредь отъ общества людей. Признанный такимъ образомъ прокаженнымъ долженъ былъ жить отдѣльно близъ проказнаго лазарета, если таковой существовалъ въ окрестности и ему выдавали въ видѣ приданаго: одежду, состоявшую изъ двухъ рубашекъ, рясы, туники съ капишономъ и кожаннаго пояса, а также необходимый домашній скарбъ, деревянную чашку, маленькій боченокъ, ножъ, воронку,

---

1) Les Parias de Bretagne. Revue des Revus, 15 juillet, 1896.

желѣзный прутъ и колокольчикъ. Ему было воспрещено являться публично иначе, какъ въ своемъ костюмѣ, ходить босикомъ, входить въ церкви, пекарни, мельницы и частные дома, пить или мыться въ общественныхъ фонтанахъ или въ источникахъ, изъ которыхъ они должны были черпать воду отдѣльными сосудами, дотрогиваться до покупаемыхъ на рынкахъ съѣстныхъ припасовъ, иначе какъ своимъ желѣзнымъ прутомъ, принимать руками что либо отъ здоровыхъ людей, которые опускали вещи и деньги въ его боченочекъ, наконецъ не быть вмѣстѣ съ здоровыми людьми. Кромѣ того, онъ былъ обязанъ предупреждать о своемъ приближеніи звономъ колокольчика, а разговаривая стоять подъ вѣтромъ такъ, чтобъ его дыханіе и запахъ его тѣла не тревожили никого. Въ XII вѣкѣ въ Бретани было столько прокаженныхъ, что были заведены для нихъ особые патеры, церкви и кладбища. Но уже въ XV столѣтіи такъ ослабли преслѣдованія противъ прокаженныхъ, что епископъ въ Трегье, Рауль Ролланъ, издалъ синодальное посланіе, которымъ подтверждались всѣ изданныя противъ нихъ узаконенія и воспрещалось имъ стоять въ церквахъ иначе, какъ у самой двери, а также прикасаться къ священнымъ сосудамъ, подъ угрозой большей пени. Другимъ епископскимъ посланіемъ, относившимся къ концу того же вѣка, не дозволялось прокаженнымъ заниматься другимъ ремесломъ, кромѣ канатчика, а всѣмъ обывателямъ предписывалось продавать имъ только пряжу и ленъ; наконецъ прокаженные должны были носить сверхъ своей одежды кусокъ красной ткани, чтобъ ихъ можно было узнать издали. Въ этихъ епископскихъ посланіяхъ они прямо называются cacous (какусы), и хотя названіе объясняется различно, такъ одни выводятъ его отъ греческаго слова «какосъ», то-есть дурной, а другіе отъ «Caos Goths», то-есть «сабаки Гиты»; но всего вѣроятнѣе, что оно происходитъ отъ латинскаго слова «coquus», то-есть боченочекъ. Епископъ Сенъ-Брикскій доносилъ королю въ 1690 году, что въ двадцати приходахъ его епархіи жили какусы, исключительно занимавшіеся канатнымъ ремесломъ. Старинные проказные участки въ Ганебо, Племанѣ и Сенъ-Дени близъ Плерменя, а равно въ Керохѣ близъ Генебона до сихъ поръ населены канатчиками, которые, вѣроятно, тамъ обитаютъ съ XVI столѣтія. Мало-по-малу народъ сталъ смѣшивать понятіе о канатчикахъ и прокаженныхъ, такъ что никто добровольно не брался за это ремесло, если его не вынуждало къ тому роковое происхожденіе. Общее къ нимъ презрѣніе однако не мѣшало церкви и королевской казнѣ подвергать какусовъ тяжелымъ налогамъ. Такъ епископъ Ванскій прямо заявляетъ, что въ его епархіи какусы въ продолженіе двухъ столѣтій были вассалами епископа, въ качествѣ канатчиковъ, и должны были при его посѣщеніяхъ подносить ему каждый по хорошему льняному поводу для его лошади или заплатить пеню. Какусы въ Сарзанской епархіи были обязаны, кромѣ того, поставлять веревки для колоколенъ всѣхъ мѣстныхъ церквей и часовенъ. Какусы Сенъ-Брикской епархіи считались рабами церкви и платили епископу десятинный налогъ. Только въ XVII вѣкѣ послышался первый протестъ противъ такого порядка вещей, и канатчики отказались признавать себя прокаженными, за что епископы велѣли конфисковать имущество, а Бретонскій парламентъ, куда несчастные жаловались, конечно, принялъ сторону прелатовъ. Въ метрическихъ свидѣтельствахъ какусовъ постоянно отмѣчалось,

что ихъ родители были, а потому и они будутъ отверженной расой; они могли жениться только на подобныхъ себѣ и вести дѣла лишь съ лицами своей расы. Конечно, отъ времени до времени производились попытки освободить бѣдныхъ изверженцевъ отъ тяготѣвшаго надъ ними проклятія, напримѣръ, ученый юрисконсультъ Пьеръ Говенъ добился въ 1681 году постановленія Бретонскаго парламента о предоставленіи какусамъ въ Керрахѣ всѣхъ гражданскихъ правъ, которыми пользовались другіе обитатели околотка, но предразсудки противъ нихъ долго сохранялись, не только въ народѣ, но и среди интеллигентныхъ лицъ; такъ патеръ Рожэ въ Плухинекѣ въ концѣ XVII столѣтія велѣлъ сжечь цѣлую деревню, купленную на его же деньги для того, чтобъ изгнать оттуда какусовъ, которые, по его мнѣнію, приносили несчастіе всей окрестной странѣ. Въ народныхъ пѣсняхъ Бретани до сихъ поръ эти несчастные называются дикой проклятой рассой, заражающей всѣ города и деревни; мало того, въ настоящее время они продолжаютъ быть предметомъ общаго отвращенія и живутъ особнякомъ, преимущественно занимаясь, какъ и прежде, канатнымъ ремесломъ. На полуостровѣ Рюисъ между Сарто и мысомъ св. Гильда существуетъ селеніе Сенъ-Жакъ, почти исключительное населенное какусами, съ которыми другіе жители и сосѣди не имѣютъ ничего общаго, презирая ихъ также сильно, какъ ихъ предки въ средніе вѣка. Эти несчастные сами проникнуты сознаніемъ, что они паріи, и авторъ статьи въ «Revue des Revues», составленной преимущественно по даннымъ доклада по этому предмету Газенцвейга Филоматическому обществу города Ванна, приводитъ разговоръ въ настоящемъ году между одной почтенной дамой этого города и молодымъ поселяниномъ, который на вопросъ, зачѣмъ онъ не женится, отвѣчалъ, что это невозможно, такъ какъ дѣвушка, которую онъ любитъ, какусска, а отецъ ея канатчикъ. Еще замѣчательно, что эти паріи вовсе не всѣ происходятъ изъ средневѣковыхъ виленовъ, а предки многихъ изъ нихъ благородные рыцари, такъ какъ передъ грозной проказой всѣ были равны, и рыцарь, даже епископы одинаково съ виленами запирались въ проказные лазареты, или селились вокругъ нихъ.

— **Французскіе изслѣдователи среднихъ вѣковъ.** Новое изданіе «Средневѣковыхъ легендъ и вѣрованій» Альфреда Мори [1]) и выборъ Гастона Пари въ члены французской академіи обратили общее вниманіе на этихъ двухъ почтенныхъ ученыхъ, столько потрудившихся надъ изученіемъ среднихъ вѣковъ. Въ числѣ журнальныхъ и газетныхъ статей, посвященныхъ имъ, слѣдуетъ указать на характеристику Мори критикомъ «Journal des Debats», Раулемъ Жалифье [2]) и этюды о Гастонѣ Пари въ томъ же «Journal des Debats», Шантавуана [3]), въ «Revue Encyclopedique», Лео Кларти [4]) и въ «Revue Bleue», Эмиля Фагэ [5]). Хотя новое изданіе двухъ извѣстныхъ трудовъ Альфреда Мори снабжено замѣтками автора, найденными въ оставшихся послѣ его смерти бумагахъ,

---

[1]) Alfred Maury: Croyances et legendes du Moyen âge. Seconde edition, publiée d'après les notes de l'auteur par M. Breal, A. Longnon et G. Bonnet Maury. Paris. 1896.
[2]) Revue Historique: Alfred Maury, par R. Jalliffier. «Journal des Debats». 16 juin.
[3]) Gaston Paris, par Henri Chantavoine. «Journal des Debats». 30 mai.
[4]) La vie et les moeurs, par Leo Claretie. «Revue Encyclopedique». 6 juin.
[5]) Portraits d'academiciens: Gaston Paris, par E. Faguet. «Revue Bleue». 6 juin.

и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ само по себѣ значительный историческій интересъ, но весь интересъ книги заключается въ двухъ предисловіяхъ. Въ одномъ изъ нихъ Ланьонъ, занимающій теперь каѳедру Мори въ французской коллегіи, очень интересно разсказываетъ оя исторію. Эта исторія ясно доказываетъ, какъ университетскія каѳедры во Франціи свободны отъ обычной рутинной замкнутости alma mater и постоянно видоизмѣняются согласно ихъ замѣстителямъ и требованіямъ времени. Каѳедра, о которой идетъ рѣчь, основана Франциском I, посвящена изученію еврейскаго языка, и первый ее занималъ Поль Паради, другъ Маргариты Наварской; затѣмъ въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ не прекращалась линія профессоровъ еврейскаго языка, за исключеніемъ одного наставника Генриха IV, Пальма-Кайэ, который былъ болѣе историкомъ и памфлетистомъ, чѣмъ лингвистомъ. Въ XVIII вѣкѣ обученіе еврейскому языку было введено въ Сорбоннѣ, куда и хлынули студенты, а каѳедра французской коллегіи при аббатѣ Гарньо превратилась въ историческую, а его преемникъ, аббатъ Плюкэ, расширилъ ее, придавъ ей названіе «Каѳедры исторіи и нравственности». Революція замѣстила его спеціальнымъ историкомъ Левекомъ, который хотя и былъ извѣстенъ сочиненіями о Россіи и первыхъ пяти французскихъ короляхъ дома Валуа, но посвятилъ свои курсы исключительно Греціи, а его преемникъ, эллинистъ, Клавье еще болѣе сузилъ рамки и довольствовался комментаріями Павзанія. Напротивъ, Дану вернулся къ общимъ задачамъ исторіи, Латронъ снова водворилъ на каѳедрѣ спеціальную науку, а Мишлэ сдѣлалъ ее трибуной. Послѣ закрытія его курса по случаю декабрьскаго переворота, Гиньянъ сталъ преподавать тутъ объ отношеніяхъ политеизма къ учрежденіямъ, обычаямъ и искусству древности. Въ 1860 г. его замѣнилъ Альфредъ Мори и тридцать лѣтъ въ своихъ лекціяхъ слѣдовалъ самой широкой исторической программѣ, говоря о лѣсахъ древней Галліи, о религіяхъ Греціи, о магіи, объ астрологіи, но преимущественно занимаясь своимъ любимымъ предметомъ, легендарнымъ міромъ среднихъ вѣковъ. Наконецъ, при его преемникѣ Ланьонѣ, эта каѳедра посвящена съ 1892 г. совершенно новому, но важному предмету—исторической географіи Франціи. Во второмъ предисловіи Мишель Бреаль указываетъ сжато, но рельефно на ученыя заслуги человѣка, который подготовилъ почву и, такъ сказать, былъ предтечей Ренана и Тэна, что вполнѣ доказывается вновь изданными его трудами о средневѣковыхъ феяхъ и средневѣковыхъ духовныхъ легендахъ, которые оба написаны въ 1843 г., когда ему было 26 лѣтъ. Конечно, съ тѣхъ поръ наука пошла впередъ, но въ этихъ сочиненіяхъ Мори первый во Франціи вступилъ на указанный Германіей путь изученія сравнительной миѳологіи и сравнительной религіи, а потому характеристичное опредѣленіе Бреалемъ его историческаго значенія вполнѣ справедливо. Если мы перейдемъ къ Гастону Пари, недавно попавшему въ безсмертные, то увидимъ, что онъ такъ же, какъ Мори, профессоръ въ французской коллегіи и рьяный изслѣдователь среднихъ вѣковъ. Сынъ извѣстнаго Полена Пари, одного изъ столбовъ французской филологіи, онъ пошелъ далѣе отца и придалъ сухому изученію среднихъ вѣковъ философскій и поэтическій характеръ. Его книги, плодъ долгихъ лѣтъ профессорскаго преподаванія: «Поэзія среднихъ вѣковъ» и «Исторія французской литературы среднихъ вѣковъ», читаются такъ же легко,

какъ романъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ послѣднее слово науки и пролили новый свѣтъ на темную, долго никѣмъ не понимаемую эпоху, которую онъ сдѣлалъ любимымъ полемъ своихъ неустанныхъ трудовъ. Благодаря преимущественно его неустанной работѣ, французская старина вошла въ моду, и, по мѣткому выраженію Лео Кларти, съ нимъ появятся въ академію «феи, гномы и весь легендарный міръ среднихъ вѣковъ». Но зорко подмѣчая остатки кельтической культуры въ народныхъ преданіяхъ и съ удивительнымъ чутьемъ разбираясь въ лабиринтѣ разнообразныхъ варіантовъ той или другой легенды, Гастонъ Пари не только занимается розыскиваніемъ источниковъ, классификаціей ихъ и учеными комментаріями того или другого найденнаго имъ и доселѣ неизвѣстнаго текста, но и представляетъ общіе выводы изъ своихъ спеціальныхъ трудовъ, освѣщаетъ яркимъ свѣтомъ цѣлую историческую эпоху и приходитъ къ замѣчательно вѣрнымъ заключеніямъ насчетъ очень важныхъ литературныхъ вопросовъ. Напримѣръ, онъ блестяще разрѣшаетъ вопросъ о литературномъ космополитизмѣ и фактически доказываетъ, что это одно изъ условій жизненности всякой литературы. «Если мы углубимся въ самыя отдаленныя времена нашей литературы, говоритъ онъ, то увидимъ вмѣсто изолированнаго саморазвитія необыкновенное обиліе иностранныхъ зачатковъ, привитыхъ, асимилированныхъ, видоизмѣненныхъ. Когда же Франція переставала черпать въ иностранныхъ источникахъ, то она создавала чахлую поэзію XIV столѣтія и захирѣвшую будущую поэзію XV... Чтобъ набраться новыхъ силъ, ей пришлось окунуться въ итальянскую древность XVI вѣка, въ Испанію XVII и Англію XVIII.... Въ средніе вѣка разсказывали сказку, которую Лютеръ любилъ повторять, а Гете переложилъ стихами. Одинъ паломникъ вернулся послѣ долгихъ странствій въ обитель, которая нѣкогда процвѣтала и радушно предлагала ему пріютъ; но теперь она оказалась въ упадкѣ, въ бѣдности. На его вопросъ, чѣмъ объяснить такую перемѣну, старый монахъ, переживій славу своей обители, отвѣтилъ: «Мы обязаны были своимъ процвѣтаніемъ двумъ братьямъ, которыхъ мы пріютили съ самаго начала обители: одного звали «Даю вамъ», а другого «Дайте намъ». Намъ надоѣлъ первый, и мы его прогнали, но вслѣдъ за нимъ ушелъ и другой. Мы перестали давать и намъ перестали давать». Нѣсколько иначе надо формулировать законъ развитія и взаимнаго вліянія литературъ, «Любите и васъ будутъ любить, откройте другимъ ваши объятія и другіе сдѣлаютъ то же, однимъ словомъ, какъ прекрасно доказываетъ Панургъ: заимствуйте у другихъ, чтобъ другіе заимствовали у васъ».

— Первый изъ миннезингеровъ. Вальтеръ Филипсъ кратко, но ярко очерчиваетъ, въ іюльской книжкѣ «Nineteenth Century», силуэтъ Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде, величайшаго изъ миннезингеровъ [1]). Внѣ Германіи его имя, быть можетъ, извѣстно только по стихотворенію Лонгфелло, который передалъ стихами легенду о завѣщаніи нѣмецкаго барда, по которому онъ оставилъ сумму денегъ, чтобъ ежедневно кормили на его могилѣ птицъ, его учителей въ пѣніи пѣсенъ, и по второму акту «Тангейзера», Вагнера, гдѣ на поэтическомъ

---

[1]) Walter von der Vogelweide, the mounesenger, by W. Phillips. «Nineteenth Century», july.

состязаніи въ Вартбургѣ онъ играетъ выдающуюся роль, но даже на его родинѣ онъ былъ совершенно забытъ въ продолженіе многихъ вѣковъ, и только съ 1870 г. вошелъ въ моду и сдѣлался любимцемъ германскаго народа, а его сочиненія на древнемъ средневѣковомъ нѣмецкомъ нарѣчіи, или въ переводѣ Симрока, стали настольной книгой нѣмецкихъ патріотовъ. Это нимало не удивительно, такъ какъ его пламенная, патріотическая поэзія XIII вѣка совершенно подходитъ къ подъему національнаго духа въ Германіи за послѣднія тридцать лѣтъ и породила цѣлый рядъ подражателей въ концѣ XVIII вѣка, двухъ величайшихъ нѣмецкихъ поэтовъ котораго обвиняютъ соотечественники: Гете въ недостаткѣ національнаго чувства, а Гейне въ французскихъ симпатіяхъ. Однако, по словамъ англійскаго публициста, Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде наиболѣе достоинъ вниманія, не какъ поэтъ или патріотъ, а какъ симпатичная типичная фигура глубоко интересной исторической эпохи и замѣчательный, для того отдаленнаго времени, выразитель человѣчныхъ идей. Родившись около 1170 г. отъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, онъ провелъ свою долговременную и полную перипетій жизнь въ эпоху, славную великими людьми и великими идеями, что не мѣшало этому скромному барду играть замѣтную роль среди такихъ величавыхъ фигуръ, какъ Иннокентій III и Фридрихъ Барбаросса. О семьѣ и мѣстѣ рожденія Вальтера ничего неизвѣстно; повидимому, его отецъ былъ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ бѣдныхъ дворянъ, которые тѣснились въ свитѣ знатныхъ феодальныхъ владѣльцевъ, а что касается до селенья, въ которомъ онъ родился и изъ котораго заимствовалъ свою фамилію, то лишь недавно и то приблизительно оно найдено въ уединенной тирольской долинѣ, среди дремучихъ лѣсовъ, гдѣ давно исчезъ всякій слѣдъ человѣческой жизни. Принужденный искать себѣ пропитанія и чувствуя въ себѣ поэтическій талантъ, юный Вальтеръ вступилъ въ число трубадуровъ, которые переполняли дворы нѣмецкихъ принцевъ, такъ какъ въ то время по почину Франціи проникла и въ Германію рыцарская поэзія любви. Онъ вскорѣ устроился при герцогѣ Леопольдѣ VI австрійскомъ, развилъ свой природный талантъ, пользуясь примѣромъ, если не уроками поэта Рейнмара и достигъ славы. Его тогдашніе стихи дышали исключительно любовью и культомъ женщины, а по своему искреннему одушевленію и прелестной формѣ заслужили ему титулъ величайшаго изъ миннезингеровъ. По всей вѣроятности, онъ такъ и остался бы пѣвцомъ рыцарской любви, еслибъ общественный и религіозный переворотъ, совершившійся въ концѣ XII вѣка, не придалъ его лирѣ серьезныя, патріотичныя и главное человѣчныя струны, не заставилъ бы жизнерадостнаго пѣвца женской красоты восклицать: «Къ чему слагать нѣжный стихъ? Къ чему пѣть? Какая польза въ богатствѣ или въ женской красотѣ, когда свѣтъ бросаетъ всѣ радости, творитъ зло и терпитъ зло, когда честь, доброта, вѣра и самоуваженіе пришли въ упадокъ». Со смертью императора Генриха VI и вступленіемъ на папскій престолъ Иннокентія III, началась въ Германіи междоусобица, и Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде, принявъ сторону Филиппа Швабскаго въ его борьбѣ съ своимъ соперникомъ Оттономъ Брауншвейгскимъ за императорскую корону, впервые сталъ писать патріотическія поэмы и воззванія въ стихахъ, побуждая нѣмцевъ бросить свои внутреннія распри, не имѣть множества государей, а сомкнуться вокругъ

императора Филиппа среди общаго мира. Когда папа, поддерживавшій Оттона, отлучилъ отъ церкви Филиппа, то Вальтеръ возсталъ съ гнѣвнымъ паѳосомъ противъ Ватикана, взваливая на него вину печальнаго положенія государства и церкви, тѣла и души въ Германіи. Настолько его патріотизмъ былъ безличный, что послѣ убійства Филиппа и коронованія Оттона, единственнаго возможнаго кандидата въ императоры, онъ перешелъ на его сторону и при отлученіи папой также Оттона снова разразился громоносным протестомъ своей музы. То же онъ сдѣлалъ и относительно Фридриха II, котораго папа поддерживалъ противъ Оттона, а при вступленіи на престолъ одинаково подвергъ отлученію. Эта позорная игра воодушевила патріотическаго миннезингера, и въ рѣзкихъ жгучихъ стихахъ онъ заклеймилъ эгоизмъ и корысть папы, «предававшаго на смѣхъ христіанскую вѣру и заставлявшаго гибнуть да голодать нѣмецкій народъ, чтобъ наполнять его богатствами свои сундуки, чтобы его патеры пили и ѣли въ сласть». Однако, обличая злоупотребленія своей властью папъ и духовенство, Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде оставался рьянымъ католикомъ, не поддавался вліянію уже носившихся въ воздухѣ зачатковъ реформаціи и во многихъ своихъ стихотвореніяхъ высказывалъ набожныя, чисто католическія чувства, прямо признавая намѣстника св. Петра божественнымъ пастыремъ христіанскаго міра, хотя и называя лицо, занимавшее папскій престолъ, волкомъ, забравшимся въ стадо, и Іудой искаріотскимъ. Однако преданность католицизму не мѣшала ему обнаруживать рѣдкую въ тѣ времена вѣротерпимость, и въ маленькой, спеціально написанной на этотъ предметъ поэмѣ, онъ прямо говоритъ, что въ поклоненіи Богу всѣ согласны между собой: христіане, евреи и язычники. Нѣтъ сомнѣнія, что его политическая и религіозная поэзія производила глубокое и широко распространенное вліяніе на современниковъ, тѣмъ болѣе, что она породила многихъ подражателей въ средѣ такихъ же миннезингеровъ, какъ онъ. Эти странствующіе поэты были въ средніе вѣка тѣмъ же, чѣмъ служатъ журналисты и политическіе агитаторы въ наше время; они не только были представителями общественнаго мнѣнія, но въ значительной мѣрѣ создавали его, и враги Вальтера часто обвиняли его въ томъ, что своими поэмами онъ развращаетъ тысячи людей. О частной его жизни очень мало извѣстно. Со смертью его патрона Фридриха I австрійскаго, въ 1198 г., окончился первый, счастливый и беззаботный періодъ его жизни, и онъ принужденъ былъ скитаться по дворамъ различныхъ принцевъ; только императоръ Фридрихъ II обезпечилъ его отъ обычнаго удѣла поэтовъ—бѣдности, даровавъ ему небольшое помѣстье и сдѣлавъ его воспитателемъ своего сына Генриха VII. Онъ умеръ въ 1230 г. въ Вюрцбургѣ, гдѣ до сихъ поръ существуетъ его могила, и въ числѣ многочисленныхъ эпитафій, написанныхъ послѣ его кончины глубоко почитавшими его учениками, были двѣ строфы Гюга фонъ-Тримберга: «Сожалѣю я того, кто забудетъ Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде».

Великій расколъ въ наслѣдіи св. Петра. Ноэль Валуа выпустилъ въ свѣтъ два первые тома исторіи авиньонскихъ папъ [1]), которые обнимаютъ только время перваго изъ нихъ, Климента VII, тогда какъ ихъ всего было семь, но

[1]) La France et le Grand Schisme d'Occident, par Noel Valois. Paris. 1896. I—II vol.

обширность этого замѣчательнаго труда при его основательности, безпристрастіи и ясномъ, порою художественномъ изложеніи только увеличиваетъ его значеніе. Лучшіе французскіе критики, какъ, напримѣръ, Мано въ Revue Historique, Делабордъ въ Revue des Deux Mondes и Жалифье въ Journal des Debats, признаютъ эту книгу однимъ изъ лучшихъ историческихъ сочиненій, которыми можетъ гордиться современная французская литература. Старательно изучивъ въ продолженіе многихъ лѣтъ по печатнымъ и рукописнымъ источникамъ все, что касается до исторіи авиньонскихъ папъ, конечно, обращая преимущественное вниманіе на ихъ отношенія къ Франціи, почтенный ученый даетъ возможность наконецъ разобраться въ сложномъ вопросѣ о великомъ расколѣ въ наслѣдіи св. Петра, который въ свое время возстановлялъ не только другъ противъ друга враждебныхъ папъ, но святыхъ, какъ Екатерину Ассизскую, державшую сторону Урбана VI, и Петра Люксембургскаго, поддерживавшаго Климента VII, государей, университеты, цѣлыя страны, какъ Францію и Италію, но потомъ въ продолженіе пяти вѣковъ до нашихъ дней возбуждалъ безконечную распрю между историками, отстаивавшими изъ національныхъ предразсудковъ сторону авиньонскихъ или римскихъ папъ, смотря потому—французы они или итальянцы. Наконецъ, благодаря добросовѣстному труду Валуа, пролитъ справедливый, вѣрный свѣтъ на эту темную, но глубоко интересную эпоху свѣтскаго владычества папъ, такъ какъ великій расколъ не имѣлъ никакого догматическаго характера, а возбужденъ и поддерживался личными, корыстными интересами католическихъ прелатовъ, а также узкими національными, а еще болѣе эгоистическими стремленіями сильныхъ міра сего. Самыя интересныя страницы вышедшихъ томовъ посвящены живому, блестящему разсказу о бурномъ конклавѣ, на которомъ былъ избранъ Урбанъ VI подъ давленіемъ народной толпы, которая произвела мятежъ и вломилась въ помѣщеніе конклава при крикахъ: «мы хотимъ римлянина, или по крайней мѣрѣ итальянца». Ея требованіе было исполнено, и Вартелемій Приньяно, архіепископъ Барійскій, вступилъ на престолъ св. Петра при содѣйствіи французскихъ кардиналовъ, даже будущаго его соперника, епископа перуанскаго, Роберта женевскаго, сына Амедея III, графа женевскаго и потомка капетинговъ. Но черезъ нѣсколько недѣль все вдругъ измѣнилось; кардиналы не только французскіе, но и итальянскіе, за исключеніемъ одного старика Тибольдески, удалились изъ Рима въ Фанда, созвали тамъ новый конклавъ и объявили выборъ Урбана незаконнымъ и избрали новаго папу Робера женевскаго, подъ именемъ Климента VII. Великій западный расколъ совершился, и Климентъ, поселившись въ Авиньонѣ, началъ долгую борьбу съ Урбаномъ, оставшимся въ Римѣ, а весь міръ раздѣлился на два лагеря. До сихъ поръ итальянскіе и германскіе ученые, въ томъ числѣ Делингеръ, доказывали, что причиной этого раздвоенія папской власти были національныя стремленія Франціи, желавшей подчинить себѣ папскій престолъ, но теперь Ноэль Валуа документально доказалъ, что уничтоженіе выбора Урбана и избраніе новаго папы не имѣло ничего общаго съ національными стремленіями той или другой страны, а объясняется единственно личными интересами кардиналовъ, которые быстро разочаровались въ Урбанѣ, обнаруживавшемъ съ самаго начала строптивый, деспотическій характеръ. Что выборомъ

Климента вовсе не имѣлось въ виду вернуть папъ во Францію, доказывается тѣмъ, что онъ и его сторонники употребили всѣ средства для овладѣнія Римомъ, и только послѣ пораженія при Марино Климентъ рѣшился избрать Авиньонъ своимъ мѣстопребываніемъ. Конечно, когда Климентъ явился во Францію, то король Карлъ V призналъ его папой и всячески поддерживалъ его, но мирными средствами и дипломатическими переговорами старался привлечь на его сторону другія европейскія державы, что ему однако не удалось, и Германія, сѣверныя страны, Англія и Фландрія примкнули къ Урбану. Только при восшествіи на французскій престолъ Карла VI французская политика по этому вопросу приняла воинственный характеръ, и началась безконечная борьба съ Италіей въ защиту Климента, но еще болѣе съ цѣлью удовлетворить ненасытное честолюбіе царственныхъ и другихъ искателей приключеній, какъ Людовика анжуйскаго, его сына Людовика II, графа Арманьяка, герцога орлеанскаго и т. д. Но всѣ эти кровавыя и безполезныя войны, поддерживаемыя неутомимымъ, воинственнымъ Климентомъ, наконецъ надоѣли всѣмъ, и когда на папскій престолъ въ Римѣ вступилъ болѣе мягкій и сговорчивый Бонифацій IX, то Карлъ VI вернулся къ мирной политикѣ своего предшественника. Онъ даже пошелъ далѣе, и при содѣйствіи Парижскаго университета, отвернувшагося отъ Климента, сталъ искать средства покончить съ столь дорого стоившимъ Франціи церковнымъ расколомъ. Когда же умеръ Климентъ въ 1094 году, то окончательно прекратился политическій союзъ французской королевской власти съ авиньонскими папами, хотя они продолжали еще долго существовать, и только констанцскій соборъ положилъ конецъ великому западному расколу.

— **Обѣленіе Лукреціи Борджіа, какъ нравственной женщины и вѣрной жены.** Процессъ обѣленія историческихъ личностей, пользующихся самой дурной славой, вошелъ въ послѣдніе годы въ большую моду: извѣстно, какъ энергично защищалъ Фрудъ Генриха VIII, а въ настоящее время германскіе ученые стараются доказать, что Тиверій не былъ тѣмъ извергомъ, какимъ его рисуетъ Тацитъ, и Лукреція Барджія несправедливо обвинялась въ самыхъ чудовищныхъ злодѣяніяхъ и порокахъ. Новыя историческія изысканія относительно Лукреціи резюмированы въ небольшой анонимной статьѣ въ «Revue des Revues» отъ 1 іюля[1]), и если они не совершенно обѣляютъ мрачнаго образа Лукреціи, то все-таки доказываютъ, что не все было черно въ этой пресловутой итальянкѣ XV столѣтія. Реймонтъ и Грегоровіусъ, провѣривъ документы, на которыхъ основаны взведенныя противъ нея обвиненія, пришли къ почти одинаковымъ заключеніямъ въ ея пользу; первый прямо говоритъ: «Лукреція Борджіа была не виновна въ большей части того, въ чемъ она обвинялась», а второй выражается нѣсколько осторожнѣе: «Если трудно вѣрить, чтобъ Лукреція среди развратной обстановки своей семьи и тогдашняго Рима осталась нравственной, то несправедливо приписывать ей самые циничные ужасы». Галлебрандъ подтверждаетъ то же, замѣчая: «Противъ Лукреціи не представлено никакихъ безусловныхъ уликъ». Наконецъ, новѣйшій историкъ папства въ своей не оконченной **Geschichte der Paepste**, профессоръ Инспрукскаго уни-

---

[1]) Lucrece Borgia rehabilitée, Revue des Revues. 1 juillet.

верситета, Людвигъ Пасторъ, тщательно изучившій архивы Мантуи, Модены и Милана, приходитъ къ заключенію: «Эпоха, въ которую жила Лукреція, была дурная и безнравственная; то же можно сказать объ ея дворѣ и семействѣ, но она, хотя и заразилась общимъ развратомъ, далеко не заслуживала того позора, которымъ ее покрыли. Самыя тяжелыя обвиненія, взведенныя на нее, оказываются преувеличенными исторіями, переходящими за границы вѣроятнаго и возможнаго и происхожденіе которыхъ надо искать въ сатирическомъ настроеніи города, всегда бывшаго падкимъ къ злобной и недостойной клеветѣ». Этимъ не довольствуется однако авторъ статьи въ «Revue des Revues» и самъ пересматриваетъ судъ исторіи надъ знаменитой итальянкой, приходя къ тому выводу, что для эпохи, въ которую она жила, Лукреція была образцомъ добродѣтели. Уже не говоря о легкомысленномъ и самоувѣренномъ тонѣ автора, который берется разрѣшать спорный историческій вопросъ на трехъ страницахъ, доводы его отличаются страннымъ характеромъ. Прежде всего онъ указываетъ на то, что внѣшность Лукреціи ни мало не соотвѣтствуетъ приписываемымъ ей внутреннимъ качествамъ, и что, по словамъ современниковъ, она соединяла чарующую грацію съ спокойнымъ достоинствомъ и любезностью, а медаль, выбитая въ ея честь, за отсутствіемъ достовѣрныхъ, подлинныхъ портретовъ, подтверждаетъ, что въ ея лицѣ не было слѣдовъ того гнуснаго, чудовищнаго злодѣйства, въ которомъ ее обвиняютъ, напротивъ ея черты и выраженіе лица обнаруживаютъ въ ней далеко не страстную, но нѣжную, слабую, нерѣшительную натуру. Эти качества, по словамъ ея защитника, высказывались во всѣхъ ея поступкахъ съ самой юности; такъ она покорно по волѣ своей семьи сдѣлалась въ одиннадцать лѣтъ невѣстой сначала испанскаго дворянина, дона Жуана Центеллы, а потомъ другаго гидальго дона Гаспара, графа Авепы, когда эти оба брака не осуществились, то она также безпрекословно вышла замужъ за Джіовани Сфорцу, владѣтеля Пезаро. Ея брачная жизнь не была счастлива, и она, спустя четыре года, развелась и вышла замужъ за молодаго, красиваго Альфонца Бисогліа, а когда онъ вскорѣ умеръ, то она обвѣнчалась въ третій разъ съ наслѣдникомъ Феррарскаго герцогства. Въ 1505 году она сдѣлалась феррарской герцогиней и пользовалась любовью не только своего мужа, но и всего народа. Современники считали ее вѣрной, преданной женой и благодѣтельницей всѣхъ бѣдныхъ, для помощи которымъ она закладывала свои драгоцѣнности. Когда же она умерла въ родахъ въ 1519 г., то ее одинаково оплакивали мужъ и всѣ несчастные, ради которыхъ она отказывалась отъ роскоши. Вотъ все, что приводитъ въ пользу Лукреціи Борджіа ея защитникъ, и надо сознаться, что этого мало, и хотя онъ еще ссылается на диеирамбы Аріосто и недоказанность обвиненія ея въ связи съ Бембо, но, конечно, такимъ путемъ не доказать, что она была, какъ онъ увѣряетъ, нравственной женщиной и преданной женой. Нѣмецкіе ученые въ дѣлѣ обѣленія поступаютъ гораздо осторожнѣе и разумнѣе.

— **Посланница Людовика XIV.** Подъ фантастичнымъ названіемъ «Тысяча одна ночь посланницы Людовика XIV» [1]) Модъ-де-ла-Клавьеръ разска-

---

[1]) Les milles et une nuits d'une ambassadrice de Louis XIV, par M. de Maulde-la-Clavière. Paris. 1896.

зываетъ очень живо, но строго придерживаясь исторической правды, удивительныя приключенія на Востокѣ въ прошедшемъ столѣтіи ловкой парижанки Маріи Пети, превратившейся изъ содержательницы игорнаго дома въ представительницу Франціи при персидскомъ шахѣ. Эти приключенія казались ея современникамъ столь романтичными, что тогдашній министръ Поншартренъ передалъ подлинное дѣло о Маріи Пети, бывшей подъ судомъ, знаменитому Ле-Сажу, совѣтуя написать романъ, но авторъ «Жиль Блаза», прочитавъ всѣ документы, отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, лучше не обращать вниманія публики на жизнь подобной авантюристки, и министръ съ этимъ согласился, и романъ не былъ написанъ, а, спустя болѣе полтораста лѣтъ, современный французскій историкъ, найдя въ архивѣ то самое подлинное дѣло, которое читалъ Ле-Сажъ, основалъ на немъ книгу, могущую соперничать по удивительнымъ перипетіямъ съ любымъ романомъ Александра Дюма. Хотя онъ не довѣряетъ всему, что говоритъ его героиня въ мемуарахъ, написанныхъ съ цѣлью защиты передъ судомъ, но относится очень снисходительно къ ея болѣе, чѣмъ легкомысленнымъ поступкамъ, и дѣйствительно трудно произнести строгій приговоръ надъ этой смѣлой, энергичной авантюристкой, которая старалась служить политическимъ интересамъ своей родины въ отдаленныхъ странахъ среди многочисленныхъ опасностей въ такую эпоху, когда столько ея соотечественницъ, стоявшихъ гораздо выше ея на общественной лѣстницѣ, ознаменовали себя дома въ раззолоченныхъ будуарахъ гораздо большими скандалами. Исторія Маріи Пети собственно начинается 2-го декабря 1702 г., когда она выдала слѣдующую собственноручную записку Жану Баптисту Фабру, искателю приключеній и импровизированному дипломату: «Я нижеподписавшаяся обязуюсь слѣдовать за г. Фабромъ въ его путешествіяхъ въ Константинополь и въ другія мѣста, куда ему придется ѣхать, по службѣ короля, или по собственнымъ дѣламъ и окружать его попеченіями, не претендуя ни на какое вознагражденіе и не отказываясь ни въ какомъ случаѣ его сопровождать». Гдѣ они сошлись, и что побудило ихъ вступить въ подобное товарищество—остается загадкой; извѣстно только, что Марія Пети, дочь булочницы въ Муленѣ, двадцати семи лѣтъ отъ рода, содержала тогда игорный домъ въ Парижѣ, въ улицѣ Мазарини, а Жанъ Баптистъ Фабръ, марсельскій купецъ и нѣкогда французскій агентъ при турецкомъ главномъ штабѣ въ Венгріи, недавно вернулся изъ Константинополя, гдѣ онъ совершенно разорился, несмотря на покровительство французскаго посланника Де-Ферріоля, который впрочемъ болѣе заботился объ его женѣ, чѣмъ о немъ, и сдѣлалъ подземное сообщеніе между посольствомъ и домомъ, въ которомъ она жила. Оставивъ жену и дѣтей, онъ явился въ Парижъ, чтобъ проложить себѣ дорогу въ дипломатическую карьеру, но всѣ его интриги получить мѣсто консула въ Каирѣ или Смирнѣ не увѣнчались успѣхомъ, и онъ тогда думалъ устроить чрезвычайное французское посольство въ Персію, съ которой голландцы, португальцы и англичане уже поддерживали коммерческія отношенія. Франція, по его словамъ, не должна была отстать отъ другихъ націй, и Людовику XIV слѣдовало послать къ шаху посла, который заключилъ бы съ этой отдаленной страной политическій и коммерческій союзъ, продолжая тѣмъ дѣло, начатое при Ришелье іезуитами, а конечно, этимъ посломъ могъ быть только

Фабръ, для котораго востокъ не имѣлъ никакихъ тайнъ. Для осуществленія этого блестящаго проекта были необходимы деньги, и вотъ Марія Пети является банкиромъ Фабра. При ея помощи дѣло улаживается, и 2 марта 1705 года изъ Тулона вышелъ въ море военный корабль «Тулуза» для слѣдованія въ Азію съ г. Фабромъ и подарками отъ Людовика XIV персидскому шаху, состоявшими изъ 33 часовъ карманныхъ, 6 стѣнныхъ, двадцати ликерныхъ сервизовъ, одного дорогого ковра, 4 маленькихъ пушекъ, одного карабина, одного ружья, двухъ паръ пистолетовъ, персидскаго перевода «Исторіи Людовика XIV въ медаляхъ» и большого волшебнаго фонаря. Новаго посланника сопровождали докторъ, два купца, монахъ кармелитскаго ордена, іезуитъ, инженеръ-рисовальщикъ и неизвѣстный юноша, который въ морѣ переодѣлся женщиной и явился на палубу въ сопровожденіи своей горничной Манона. Это была Марія Пети, исполнявшая данное ею обязательство. Всю эту компанію съ ихъ багажемъ высадили въ Александріи, и они благополучно достигаютъ Алеппо, гдѣ сначала паша, европейскіе миссіонеры и консулы принимаютъ ихъ любезно, такъ какъ Фабръ выдавалъ себя за купца, которому поручено отправиться въ Индію, въ Суратъ, для реорганизаціи тамошней французской колоніи. Но вскорѣ, выдававшая себя за жену метръ д'отеля Фабра, посланница стала вести себя такъ скандально, пускаясь публично въ пляску подъ звуки барабана, что мусульмане и миссіонеры пришли въ ужасъ, и Фабръ понялъ, что пора уѣзжать, но онъ самъ не выдержалъ и проболтался о своей высокой миссіи, и турецкій паша воспротивился его отъѣзду. Онъ послалъ гонца въ Константинополь, но тамъ Ферріоль, которому не нравилось это посольство, сталъ тянуть отвѣтъ Порты, и Фабру пришлось жить мѣсяцы за мѣсяцами въ Алеппо, гдѣ скандалы усиливаются. Марія Пети ѣздитъ верхомъ, поетъ, танцуетъ, кокетничаетъ, заставляетъ турокъ пить вино, а христіанъ ѣсть мясо по пятницамъ и на жалобы миссіонеровъ отвѣчаетъ угрозой перейти въ мусульманскую вѣру. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, не предупредивъ никого, это странное посольство исчезаетъ; Фабръ со всей своей свитой отправляется на маленькомъ суднѣ въ дальнѣйшій путь. На островѣ Родосѣ они проводятъ двадцать пять дней, возбуждая снова негодованіе магометанъ и христіанъ своимъ буйнымъ, скандальнымъ поведеніемъ на базарахъ, потомъ они заходятъ на Самосъ, гдѣ остается вся свита и багажи, а вдвоемъ Фабръ и Марія Пети достигаютъ тайно Константинополя. Узнавъ, что тамъ находился посолъ персидскаго шаха при султанѣ, ханъ нахичеванскій, Фабръ прямо отправляется къ нему и, разсказавъ ему о своихъ неудачахъ, проситъ взять его съ собой въ Персію, куда тотъ долженъ былъ тотчасъ возвратиться. Ханъ согласился, а Марія Пети вознаградила его своими милостями. Такимъ образомъ Ферріоль узнаетъ объ ихъ проѣздѣ черезъ Константинополь, когда они были уже на дорогѣ въ Персію. До Эривани они доѣхали благополучно, но тамошній ханъ Абдельмассанъ, врагъ хана нахичеванскаго, задерживаетъ посольство и посылаетъ въ Испагань за приказаніями. На этотъ разъ Фабръ держитъ себя съ достоинствомъ и выдаетъ Марію Пети за «делегатку французскихъ принцессъ», а сама делегатка кружитъ голову и второму хану. Все идетъ хорошо, и они живутъ весело, но прилично, какъ вдругъ Фабръ схватываетъ на охотѣ горячку и умираетъ. Положеніе посланницы становится самымъ крити-

ческимъ, но она не теряетъ головы; становится во главѣ посольства и объявляетъ, что будетъ продолжать путь до Испагани, гдѣ она должна, по порученію французскихъ принцессъ, научить жену шаха французскимъ манерамъ. Дождавшись каравана съ подарками и свитой изъ Самоса и разрѣшенія изъ Испагани, она смѣло отправляется въ Нахичевань. Тамъ ждетъ ее влюбленный ханъ и окружаетъ всякаго рода любезностями. Но въ Нахичевани она встрѣчаетъ и первую преграду. Ферріоль, узнавъ, что Фабръ умеръ, назначаетъ на его мѣсто главой посольства въ Персію молодого, предпріимчиваго марсельца Мишеля и посылаетъ его въ погоню за Маріей Пети. Онъ присоединяется къ ея каравану въ Нахичевани, но видя, что съ очарованнымъ посланницей мѣстнымъ ханомъ ничего не подѣлаешь, отправляется впередъ и уговариваетъ въ Тавризѣ тамошняго хана, еще не видавшаго соблазнительной француженки, задержать ее, какъ самозванку. Но она минуетъ Тавризъ и является въ Испагань, а ея друзья ханы и іезуиты удерживаютъ въ пути Мишеля. Впрочемъ, достигнувъ своей цѣли, «делегатка французскихъ принцессъ» остается при дворѣ шаха только два дня и усталая, больная возвращается въ Эривань. По дорогѣ она встрѣчаетъ Мишеля, который на радостяхъ, что наконецъ избавился отъ такого опаснаго соперника, снабжаетъ ее деньгами для поѣздки въ Константинополь, куда она достигаетъ благополучно послѣ длиннаго ряда приключеній. Увидѣвъ ее, Ферріоль подобно ханамъ подпалъ подъ ея чары и даже пріютилъ ее въ посольскомъ домѣ. Но его прежнія жалобы на эту, по его словамъ, презрѣнную авантюристку и донесенія іезуитскихъ миссіонеровъ на востокѣ такъ возбудили противъ нея французское правительство, что ее арестуютъ въ Марселѣ и запираютъ въ убѣжище для падшихъ женщинъ въ наказаніе за «произведенные ею скандалы и дурную жизнь». Однако слава этой женщины, побывавшей въ странѣ «Тысячи и одной ночи», наполняетъ Марсель, и всѣ мѣстныя дамы посѣщаютъ ее и жадно слушаютъ ея чудесные разсказы о своихъ приключеніяхъ. Пользуясь такой популярностью, она беретъ смѣлость обратиться съ жалобой къ высшему правительству на недостойное съ ней обращеніе и требуетъ возврата суммъ, одолженныхъ ею Фабру, а слѣдовательно королю, такъ какъ онъ былъ представителемъ короля въ своемъ знаменитомъ предпріятіи. Но по несчастью тутъ подвернулся снова Мишель, посольство котораго не удалось, и чтобъ оправдать себя, онъ взвелъ на нее обвиненіе въ скандалахъ, наполнившихъ ужасомъ весь востокъ, въ принятіи мусульманской вѣры, въ убійствѣ нѣсколькихъ французовъ и въ растратѣ подарковъ, посланныхъ Людовикомъ XIV персидскому шаху. Бѣдную «делегатку французскихъ принцессъ» отдаютъ подъ судъ, но она не приходитъ въ отчаяніе, а посылаетъ подробную оправдательную записку, въ видѣ мемуаровъ, описывающихъ всѣ ея приключенія, министру Поншартрену, который прекращаетъ дѣло и выпускаетъ ее на свободу.

— **Изобрѣтатель литографіи.** Въ настоящемъ году минуло сто лѣтъ изобрѣтенію литографіи, и въ честь этого юбилея были устроены выставки въ Парижѣ и Нью-Іоркѣ, но имя ея создателя Алоиза Сенефельдера все-таки пользуется малой извѣстностью, благодаря двумъ причинамъ. Во-первыхъ, по словамъ Теккерея, «происхожденіе литографіи было скромно и не романтично», а,

во-вторыхъ, его быстро затмили слѣдовавшіе за нимъ литографы, которые довели это искусство до совершенства. Но все-таки этотъ Челлини литографскаго дѣла, какъ его называетъ авторы статьи въ іюльской книжкѣ «Cosmopolis», Д. и Е. Пеннель [1]), заслуживаетъ полнаго вниманія. Сынъ актера, Алоизъ Сенефельдеръ родился въ 1771 г. въ Прагѣ, гдѣ игралъ тогда его отецъ, воспитывался въ Мюнхенѣ, куда перебрался отецъ, получивъ ангажементъ на королевскій театръ, и провелъ три года въ Ингольштадтскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ, но не окончилъ курса, такъ какъ по смерти отца на его рукахъ осталась мать съ другими восемью дѣтьми. Для прокормленія себя и семьи, юноша поступилъ актеромъ въ странствующую труппу и началъ писать пьесы. Первая изъ нихъ «Die Mädchen Kenner», напечатанная на его счетъ, принесла ему барыша 100 флориновъ, но послѣдующія очень скучныя и тяжелыя произведенія не имѣли никакого успѣха. Но онъ не отчаивался и видя, что за неимѣніемъ средствъ для изданія дальнѣйшихъ пьесъ его драматическая карьера должна прекратиться, рѣшилъ самъ сдѣлаться своимъ издателемъ. Въ это время онъ жилъ въ Мюнхенѣ и предался изученію печатанія съ помощью мѣдныхъ досокъ, но это было очень дорого, и онъ придумалъ замѣнить мѣдь камнемъ. Первую мысль ему подало объ этомъ случайное обстоятельство: мать просила его однажды записать счетъ прачки, и, не имѣя бумаги, онъ написалъ его на приготовленномъ для его опытовъ гладкомъ камнѣ смѣсью воска, мыла и сажи, а когда потомъ онъ сталъ переписывать его на бумагу, то его вдругъ осѣнила идея пропитать камень крѣпкой водкой и съ помощью типографскихъ чернилъ получить оттиски съ камня, такъ же какъ дѣлали при гравированіи на деревѣ. Такъ разсказываетъ онъ самъ происхожденіе своего открытія, но его біографы придумали болѣе драматическія исторіи: по словамъ одного изъ нихъ, онъ уже съ отчаянія хотѣлъ броситься въ рѣку, какъ увидалъ у своихъ ногъ прекрасный гладкій камень, и въ голову ему пришла геніальная мысль примѣнить его къ гравированію; по увѣренію другого, онъ уронилъ въ ведро съ водой записку о полученіи жалованія за игру на театрѣ и положилъ ее просохнуть на камень, о который онъ точилъ бритву, а на слѣдующее утро на камнѣ отпечаталось все, что было написано въ запискѣ. Какъ бы то ни было, литографія была изобрѣтена, и слѣдовало только примѣнить на практикѣ столь полезное изобрѣтеніе, для чего были необходимы деньги. Съ цѣлью ихъ добыть, Сенефельдеръ согласился за 200 флориновъ поступить на военную службу въ качествѣ замѣстителя, но онъ провелъ только одну ночь въ казармахъ, и на другой день его забраковали, какъ уроженца Праги, а не баварца. Пришлось снова искать денегъ; наконецъ ему помогъ знакомый музыкантъ Глейснеръ, и они вдвоемъ напечатали первыя ноты литографскимъ путемъ, что принесло имъ чистаго барыша 70 флориновъ; кромѣ того, баварскій курфирстъ подарилъ Сенефельдеру 100 флориновъ за поднесенный оттискъ. Дѣло однако не сразу пошло въ ходъ, и два года изобрѣтатель долженъ былъ технически улучшать свое открытіе, пока наконецъ онъ довелъ его до совершенства. Тогда онъ получилъ привиллегію, завелъ въ Мюнхенѣ и Офенбахѣ литографіи, вошелъ въ товари-

---

[1]) The Cellini of lithography, by J. and E. Pennell. «Cosmopolis». July.

щество съ музыкальнымъ издателемъ Андрэ и сталъ наживать большія деньги. Затѣмъ онъ отправился въ Лондонъ и Парижъ, гдѣ получилъ привилегіи, но во время его отсутствія одинъ его ученикъ, Нидермейеръ, сталъ хлопотать въ Вѣнѣ о привилегіи на чужое изобрѣтеніе, а съ одной стороны братья Сенефельдера, а съ другой Андрэ старались отбить у него эту привилегію въ свою пользу. Сенефельдеръ по своемъ возвращеніи пришелъ въ ярость, разорвалъ контрактъ съ Андрэ и самъ отправился въ Вѣну, гдѣ завелъ процессъ со всѣми своими недобросовѣстными конкуррентами. Въ концѣ концовъ онъ выигралъ дѣло, но вернулся въ Мюнхенъ разореннымъ и безъ гроша, такъ что вынужденъ былъ продать свою австрійскую привилегію и выручилъ за покрытіемъ долговъ только 50 флориновъ. Пришлось снова искать компаніоновъ, и таковые нашлись въ лицѣ аббата Фоглера и барона Аретина, но въ финансовомъ отношеніи Сенефельдеръ выручалъ отъ этого товарищества очень мало, а работалъ безъ устали и сталъ впервые, по мысли барона Аретина, большого любителя изящныхъ искусствъ, примѣнять литографію къ воспроизведенію картинъ. Удачный снимокъ картины Дюрера привелъ въ восторгъ весь Мюнхенъ, и герцогъ Людвигъ Баварскій, посѣтивъ литографію Аретина-Сенефельдера, написалъ собственноручно: «Литографія—одно изъ величайшихъ изобрѣтеній XVIII вѣка». Еще болѣе былъ восхищенъ новымъ изобрѣтеніемъ извѣстный французскій генералъ Леженъ, который самъ нарисовалъ казака, и черезъ часъ получилъ сто вѣрнѣйшихъ «fac-simile» своего рисунка. Онъ показалъ эту литографію императору Наполеону, и французы стали стекаться въ мастерскую Сенефельдера для изученія новаго искусства. Но, не смотря на славу, дѣла Сенефельдера шли плохо; вездѣ заводили литографіи, всѣ литографы обогащались, а бѣдный изобрѣтатель терпѣлъ только неудачи за неудачами. Наконецъ въ 1809 году онъ былъ назначенъ директоромъ королевской литографіи въ Мюнхенѣ съ жалованіемъ 1,500 флориновъ, и съ тѣхъ поръ пересталъ нуждаться. Главными событіями послѣдующей его жизни были: два брака, одинъ вскорѣ послѣ другого, посѣщеніе Парижа, гдѣ онъ открылъ литографію, потомъ уступленную его ученику Кнехту, и изданіе его книги «Полный курсъ литографіи», въ которомъ онъ подробно разсказалъ исторію своего изобрѣтенія. Онъ умеръ тихо, забытый всѣми въ 1814 г., и тогда какъ во всемъ свѣтѣ процвѣтали громадныя литографіи, изобрѣтатель ихъ былъ одолженъ въ послѣдніе годы своей жизни казенному жалованію своимъ скуднымъ кускомъ хлѣба. Такова обычная судьба изобрѣтателей, и только спустя сто лѣтъ міръ вспомнилъ о Челлини литографіи, воздвигнулъ ему двѣ, три статуи, отпраздновалъ его юбилей и снова предалъ его забвенію.

— Былъ ли разстрѣлянъ маршалъ Ней? Въ Америкѣ поднятъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли произошла казнь маршала Нея, и въ возбужденной полемикѣ наиболѣе интересны съ одной стороны книжка Вестона [1]), доказывающаго, что Ней пережилъ свою казнь, имѣвшую характеръ комедіи, и потомъ долго существовалъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а съ другой —

---

[1]) The historical doubts about the execution of marshal Ney, by M. Weston. New-York. 1896.

неизданная записка г-жи Кампанъ, тетки жены Нея, и предисловіе къ ней Джорджа Клинтона Женэ [1]), ея племянника, опровергающія эту неосновательную легенду. Въ сущности въ ней нѣтъ ничего новаго, и уже давно разсказывали, что маршалъ Ней не былъ разстрѣлянъ, а розыгралъ комедію на площадкѣ обсерваторіи при содѣйствіи Веллингтона, а потомъ скрылся въ Америкѣ, гдѣ мирно жилъ много лѣтъ до самой своей смерти. Но эта сказка была всѣми забыта, какъ вдругъ американскій писатель Вестонъ воскресилъ ее и написалъ цѣлую книгу въ доказательство того, что «храбрый изъ храбрыхъ» дѣйствительно спасся въ Америку, много лѣтъ жилъ въ Сѣверной Каролинѣ, исполняя должность сельскаго учителя и недавно умеръ. Онъ отождествляетъ знаменитаго Наполеоновскаго маршала съ дѣйствительно жившимъ въ Америкѣ старымъ французскимъ кавалеристомъ по имени Пьеромъ Ней, который очень интересовался карьерой своего славнаго тезки и написалъ въ его честь пофранцузски и поанглійски нѣсколько стихотвореній, не выдерживающихъ никакой критики. Въ доказательство, что этотъ Ней былъ дѣйствительно знаменитымъ героемъ столькихъ Наполеоновскихъ битвъ, авторъ приводитъ только сходство почерковъ того и другого, а также собственное сознаніе американскаго Нея, который однажды въ пьяномъ видѣ заявилъ, что онъ герцогъ Ельхингенскій. Эти болѣе чѣмъ убогія доказательства побѣдоносно опровергаетъ Джорджъ Женэ, указывая на то, что приводимое для сравненія facsimile маршала очень подозрительно, и все-таки не походитъ на почеркъ его американскаго тезки, что подлинный Ней не могъ назвать себя герцогомъ Ельхингенскимъ, когда онъ уже давно былъ принцемъ Москвы, что наконецъ нельзя допустить и мысли о согласіи такого героя, презиравшаго опасности въ сотнѣ битвъ, на разыгрываніе комедіи, при чемъ онъ представился бы мертвымъ и дозволилъ бы отвезти себя тайкомъ въ чуждую ему страну. Кромѣ того, по совершенно вѣрному замѣчанію Женэ, Веллинтонъ безъ всякой комедіи могъ спасти жизнь Нею, еслибъ захотѣлъ. Не менѣе вѣски и послѣдніе три аргумента Женэ противъ американской легенды; въ то самое время, когда будто бы Ней жилъ въ Сѣверной Каролинѣ, дѣйствительно обиталъ въ Бордентаунѣ братъ Наполеона, Іосифъ, и, конечно онъ пріютилъ бы въ своемъ домѣ славнаго маршала, еслибъ тотъ находился въ Новомъ Свѣтѣ; послѣ паденія Бурбоновъ онъ могъ бы во всякое время вернуться во Францію и наконецъ, третій сынъ Нея, Евгеній гостилъ въ 1832 г. въ Соединенныхъ Штатахъ у своего родственника Женэ и никогда не слыхалъ о существованіи мнимаго герцога Ельхингенскаго. «Такимъ образомъ ясно, что все это однѣ нелѣпости,— оканчиваетъ свое предисловіе Джорджъ Женэ,—несомнѣнно Ней разстрѣлянъ и похороненъ на парижскомъ кладбищѣ Père-la-Chaise». Хотя обнародованная впервые въ «Century» записка г-жи Кампанъ, составленная для ея племянниковъ Женэ, и названа «Семейный разсказъ о казни Нея», но собственно о разстрѣляніи маршала въ ней почти не упоминается, а только къ запискѣ приложено описаніе кровавой сцены, разыгравшейся на площадкѣ обсерваторіи, изъ недавно вышедшей книги Генри Вельмингера «Маршалъ Ней». Но это не мѣшаетъ г-жѣ Кампанъ сооб-

---

[1]) A family word of Ney's execution, by M-me Campan. Century. July.

щить нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о Неѣ, который былъ женатъ на дочери ея сестры г-жи Огіэ, Эглэ, воспитывавшейся въ пансіонѣ г-жи Кампанъ вмѣстѣ съ Гортензіей Богарнэ. Эта послѣдняя устроила бракъ своей подруги, хотя молодая дѣвушка долго не рѣшалась соединить свою судьбу съ героемъ, постоянно подвергавшимъ свою жизнь опасности. Случайное обстоятельство ускорило развязку: однажды за обѣдомъ въ домѣ ея отца кто-то изъ гостей восхищался храбростью Нея, тогда еще генерала, и упомянулъ, что въ одномъ сраженіи подъ нимъ было убито семь лошадей. «Что вы, — воскликнула Эглэ, вспыхнувъ,—не семь, а тринадцать». Отецъ воспользовался этимъ отвѣтомъ и спросилъ послѣ обѣда у дочери, не означаютъ ли ея слова согласія; она не возражала, и въ тотъ же вечеръ была объявлена невѣстой. Ней обожалъ свою хорошенькую жену и при своемъ послѣдующемъ возвышеніи окружилъ ее блескомъ, почестями, богатствомъ. Однако они такъ много расходовали на представительство, и войны обходились маршалу такъ много, именно испанская кампанія и походъ въ Россію стоили ему 600.000 франковъ, что при паденіи Наполеона у него оставалось изъ всѣхъ пожалованныхъ ему помѣстій только одно имѣніе Курдро близъ Шатодена. О любви къ маршалу окрестныхъ жителей г-жа Кампанъ приводитъ трогательное доказательство: когда въ 1815 г. занимавшіе Курдро пруссаки вздумали продать съ аукціона все имущество маршала, то не нашлось въ Шатоденѣ, куда они свезли это имущество, ни одного покупателя, а по удаленіи враговъ, не имѣвшихъ возможности увезти вещи съ собой, все было возвращено въ замокъ; что касается до участія Нея въ событіяхъ ста дней, окончившихся для него такъ трагично, то, по словамъ г-жи Кампанъ, храбрый герой не былъ ловкимъ политикомъ и, перейдя на службу Бурбоновъ, хотѣлъ сначала ихъ защитить при возвращеніи Наполеона съ Эльбы, но видя, что вся армія и страна приняли сторону императора, онъ изъ любви къ отечеству и ненависти къ междоусобіямъ послѣдовалъ ихъ примѣру, но характеристично написалъ Наполеону: «Я скорѣе вашъ плѣнникъ, чѣмъ вашъ сторонникъ, если вы намѣрены попрежнему управлять страной, какъ тиранъ». Конечно эта откровенность не понравилась императору, и онъ, разорвавъ письмо, сказалъ: «Храбрый Ней рехнулся». Конечно, съ такими идеями герой стольких битвъ не могъ быть слугою бурбоновъ, и они вполнѣ логично отдѣлались отъ него, предавъ его смерти, хотя его казнь нарушала условія капитуляціи его арміи, въ которой было выговорена полная всѣмъ амнистія, и покрыла позоромъ реставрацію.

— За и противъ Байрона. По поводу недавно открытой въ Аѳинахъ статуи Байрона, появилось много статей въ иностранныхъ журналахъ и газетахъ, разсматривающихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія великаго поэта. Отмѣтимъ изъ нихъ, какъ наиболѣе интересныя: «Безуміе Леопарди, Тасса и Байрона», Ломброзо въ апрѣльской книжкѣ «Deutsche Revue» [1]; «Байронъ и Вордсвортъ» Брандля въ іюльскомъ номерѣ «Cosmopolis» [2]) и «Лордъ Байронъ» Валори

---

[1]) Die Verrückheit von Leopardi, Tasse und Byron, von Lombroso. Deut. Revue, April.

[2]) Byron und Wordsworth, von Alois Brandl. Cosmopolis. Juin.

въ «Nouvelle Revue» отъ іюня [1]). Что касается до безчисленныхъ газетныхъ замѣтокъ, то стоитъ упомянуть только о приведенномъ въ «Westminster Budget» отрывкѣ письма принцессы Уэльской въ 1810 г. о Байронѣ и о ссылкѣ «Daily News» на собственныя слова автора «Чайльдъ Гарольда» о Греціи. Вотъ какъ отзывается будущая королева Каролина о человѣкѣ, котораго такъ ненавидѣла англійская аристократія: «Лордъ Байронъ былъ вчера очень веселъ и пріятенъ; онъ сидѣлъ рядомъ со мной за ужиномъ, и мы прекрасно провели время; онъ совсѣмъ другой человѣкъ, когда находится въ обществѣ людей ему симпатичныхъ и сочувствующихъ ему. Я всегда говорю ему, что есть два лорда Байрона, и, приглашая его, я неизмѣнно прибавляю: я приглашаю пріятнаго лорда, но не другого, непріятнаго. Онъ добродушно принимаетъ мою шутку, и я горжусь, что могу считать себя въ числѣ любимицъ великаго барда». Новая статуя Байрона изображаетъ поэта, идущаго съ распростертыми руками на встрѣчу Греціи, протягивающей къ нему лавровой вѣнецъ, а потому, какъ нельзя болѣе кстати вспомнить его слова, сказанныя имъ Греціи за нѣсколько дней до смерти въ борьбѣ за ея освобожденіе: «Я не могу даже опредѣлить, до какой высоты можетъ подняться Греція; до сихъ поръ она была предметомъ гимновъ и элегій энтузіастовъ, но теперь она обратитъ на себя вниманіе политиковъ. Въ настоящее время мало различія во многихъ отношеніяхъ между греками и турками, и не могло быть иначе, но послѣдніе должны при естественнымъ теченіи событій терять свою власть, а первые столь же неизбѣжно должны возвыситься». Послѣ такого отзыва наслѣдницы англійскаго престола, гордившейся тѣмъ, что Байронъ удостоивалъ ее своимъ вниманіемъ, и въ виду его политическаго предвидѣнія, которое однако только на половину исполнилось, какъ-то странно читать статью Ломброзо, серьезно доказывающаго, что онъ былъ сумасшедшимъ. Придерживаясь своей теоріи, что литературная критика совершенно преобразилась бы, еслибъ разсматривала геніевъ съ точекъ зрѣнія антропологической и психіатрической, итальянскій ученый ссылается въ доказательство справедливости своего тезиса на три примѣра Леопарди, Тасса и Байрона. Относительно послѣдняго онъ увѣряетъ, что старательное изученіе его жизни приводитъ къ полному убѣжденію, что онъ былъ склоненъ по природѣ къ сумасшествію и преступленіямъ. Его предки обнаруживали патологическіе элементы: родители его дѣда по отцу отличались неуравновѣшенной увлекающейся натурой. Его отецъ былъ извѣстенъ гнѣвными вспышками и, говорятъ, наложилъ на себя руку. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что его дѣдъ, со стороны матери, кончилъ свою жизнь самоубійствомъ, а мать его была истерическимъ субъектомъ. Трудно было бы подобрать болѣе болѣзненнаго, болѣе психопатическаго наслѣдія. Физически Байронъ съ дѣтства представлялъ симптомы вырожденія, и то же замѣчается въ его нравственной жизни. Еще отрокомъ, почти ребенкомъ, онъ много разъ страстно влюблялся, и его дружескія изліянія въ школѣ имѣютъ страстный характеръ. Въ его дневникѣ онъ часто сознается въ своихъ безумныхъ порывахъ, находящихъ на него безъ всякой видимой причины, и въ томъ, что, выйдя изъ себя, онъ подобно матери рвалъ

[1]) Lord Byron, par le Beme Valory. Nouvelle Revue, 1 juin.

на себѣ одежду. Съ женою онъ велъ себя, какъ бѣшеный, а разведясь съ нею, онъ сталъ скитаться по свѣту, дошелъ до послѣдней степени разврата, но, поддаваясь своимъ страстямъ, однако не подчинялся всецѣло ни одной женщинѣ. Въ послѣдніе годы онъ предался пьянству, и алькоголизмъ объясняетъ многія непонятныя черты его жизни, но и ранѣе онъ никогда не обнаруживалъ настоящаго нравственнаго равновѣсія. Онъ былъ жертвой патологической наслѣдственности, и это роковое наслѣдіе, котораго не могъ переродить его геній, перешло къ его потомкамъ, такъ какъ его племянникъ Ноель Байронъ погибъ 26 лѣтъ. Вотъ мрачный образъ, рисуемый ученымъ криминалистомъ-антропологомъ, того, кто физически, по словамъ Стендаля, «сіялъ божественной красотой, силой и геніемъ», кто, по опредѣленію Гете, былъ «величайшей поэтической натурой новѣйшихъ временъ», и кто тридцати шести лѣтъ, въ зенитѣ славы, принесъ себя въ жертву освобожденія чуждаго ему народа отъ рабскаго ига. Совершенно иную идеальную картину какъ Байрона, такъ и его жизни рисуетъ Валори. Презрительно отзываясь о всѣхъ ученыхъ, подвергающихъ геній анатомическому сѣченію, онъ видитъ въ авторѣ «Манфреда» высшій идеалъ человѣка и писателя. Удивительная красота, которую воспѣли его собратія поэты, по словамъ Валори, увѣнчивала самаго задумчиваго, самаго патетическаго и самаго героичнаго изъ авторовъ; онъ былъ столь же, добръ, какъ прекрасенъ; его любезность, веселость и краснорѣчіе очаровывали всякаго, но надъ всѣми качествами господствовала любовь, которая била въ его сердцѣ такимъ ключомъ, какого не обнаруживаетъ ни одинъ извѣстный въ исторіи человѣкъ. Всѣ его поэтическія произведенія, даже столь преслѣдуемый «Донъ-Жуанъ», заключаютъ въ себѣ нравственныя, даже религіозныя идеи, и ни одно изъ нихъ по грубости и циничности не можетъ сравниться съ піесами Шекспира или съ «Фаустомъ», Гете. Относительно своей жены, сухой, надменной, ревнивой женщины, съ самыми узкими, рутинными свѣтскими понятіями, писавшей стихи и считавшей ихъ выше «несчастныхъ стишковъ» мужа, онъ обходился всегда благородно, хотя, быть можетъ, неровно, обнаруживая иногда вспышки своей увлекающейся, огненной натуры и на всѣ возбужденные ею скандалы, на попытки убѣдить докторовъ, что онъ сумасшедшій, онъ отвѣчалъ своимъ безсмертнымъ: «Прости, и если навсегда». Какъ мыслитель, Байронъ въ глазахъ Валори былъ величайшимъ спиритуалистомъ и даже вѣрующимъ человѣкомъ, что доказывается многими его стихотвореніями, которыя по божественному вдохновенію выше Боссюета, св. Августина и Давида. Какъ поэтъ, онъ первоклассный геній; на англійскомъ парнасѣ у него одинъ соперникъ Шекспиръ, его «Манфредъ» выше «Фауста», а о «Донъ-Жуанѣ» Гете сказалъ: «это безпредѣльно геніальное произведеніе, въ своей враждѣ къ людямъ доходящее до самой рѣзкой жестокости, въ своей любви къ нимъ спускающееся до самой нѣжной любви». Свою любовь къ человѣчеству онъ доказалъ своей геройской смертью: «никогда, по удачному замѣчанію Валори, ни одинъ поэтъ не кончилъ своей жизни такъ геройски, ни одинъ герой такъ поэтически». За что же Англія до сихъ поръ отворачивается отъ Байрона, за что до сихъ поръ клеймитъ его и его произведенія позоромъ? Валори увѣряетъ, что это постыдное лицемѣріе не объяснимо, но напрасно искать выясненія того, что болѣе чѣмъ ясно видно изъ словъ самого Байрона,

сказавшаго въ «Чайльдъ Гарольдѣ»: «Но я хочу и стихъ мой смѣетъ—нести потомству правды гласъ». Вотъ этой-то правды, художественной, литературной, соціальной и политической, апостоломъ которой былъ Байронъ, быть можетъ, болѣе всѣхъ писателей XIX столѣтія, не могутъ до сихъ поръ переварить лицемѣрные, рутинные, эгоистичные и корыстные высшіе классы его родины. Эту причину неблагодарности и преднамѣреннаго ослѣпленія Англіи къ одному изъ двухъ своихъ величайшихъ поэтическихъ геніевъ указываетъ очень рельефно нѣмецкій публицистъ Брандель. По его справедливому замѣчанію, ни одинъ человѣкъ Англіи такъ смѣло, какъ Байронъ, не сбросилъ маски съ ея церкви, правленія и высшихъ классовъ, которые его поэтому и ненавидятъ; кромѣ того, онъ въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ былъ апостоломъ свободы, согбенной подъ полицейскимъ ярмомъ священнаго союза, не узкимъ, національнымъ поэтомъ, а возвышеннымъ, общечеловѣческимъ проповѣдникомъ крестоваго похода впередъ.

— **Юбилей Роберта Бёрнса.** Какъ выгодно быть узкимъ, національнымъ поэтомъ, доказывается славой народнаго пѣвца Шотландіи Роберта Бёрнса, столѣтнюю годовщину смерти котораго только что праздновала его родина. Конечно, этотъ сынъ поселянина, пахавшій самъ землю, былъ истиннымъ поэтомъ, и доведя поэзію народныхъ пѣсенъ до апогея совершенства, онъ не только придалъ шотландской и англійской музѣ новые соки, но вызвалъ во всемірной литературѣ богатый расцвѣтъ народной поэзіи. Конечно, Карлайль правъ, говоря: онъ былъ рожденъ поэтомъ, и поэтическое творчество было небеснымъ элементомъ его существа; въ его поэзіи какъ бы живетъ свѣжесть и чистота зеленыхъ полей и горнаго воздуха, она напоминаетъ жизнь природы и здоровье ея дѣтей; въ его груди есть отзвукъ на каждую ноту человѣческаго чувства: конечно, муза Бёрнса была человѣчна, и онъ не только съ одинаковымъ сочувствіемъ смотрѣлъ на благороднаго араба, принца и нищаго, на всѣхъ, кто носитъ образъ человѣка, но въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, какъ, напримѣръ, въ «Честная ли бѣдность склонила его голову», выражалъ демократическое самосознаніе. Всего этого нельзя не признать, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безъ возможности поставить его наравнѣ съ Байрономъ, Шелли, Мильтономъ, Шекспиромъ, а его слава въ странахъ, говорящихъ англійскимъ языкомъ, едва ли не превышаетъ славы божественнаго Вильяма, а потому «Times», указывая въ передовой статьѣ на чрезмѣрность его культа, ясно обнаружившагося въ праздновании юбилея, вполнѣ правъ. Всего знаменательнѣе въ этомъ культѣ, что не только шотландцы, но и англичане превозносятъ Бёрнса до небесъ, забывая его кутежи, развратную жизнь, пьянство; при жизни высшее общество Эдинбурга носило его на рукахъ, а теперь, по справедливому пророческому замѣчанію самого поэта, «черезъ сто лѣтъ его уважаютъ болѣе, чѣмъ при жизни». Такое повидимому странное, непонятное явленіе объясняется очень просто: скромный поэтъ поселянинъ, не вѣдавшій міровой скорби, не знавшій даже, что существовалъ Гете, не опасенъ высшимъ классамъ, не клеймилъ ихъ чело раскаленнымъ желѣзомъ борьбы за правду и свободу, вотъ почему и они признали его достоинства и носятся съ нимъ. Если это и нимало не уменьшаетъ дѣйствительныхъ достоинствъ Бёрнса, то за то представляетъ рѣзкій, кра-

краснорѣчивый контрастъ съ отношеніемъ до настоящей минуты Англіи къ такому всесвѣтному генію, какъ Байронъ. Самый юбилей Бёрнса праздновался съ необыкновеннымъ торжествомъ въ Думфрисѣ, гдѣ онъ жилъ въ послѣдніе годы своей жизни, въ Глазго, устроившемъ выставку всего, что касается юбиляра, и въ Инвернесѣ, воздвигнувшемъ ему новую статую; естественно хвалебное краснорѣчіе лилось потокомъ, и наибольшее вниманіе обратили на себя двѣ рѣчи лорда Розбери и одна рѣчь теперешняго англійскаго поэта лавреата, Альфреда Атина. Вмѣстѣ съ тѣмъ, юбилей вызвалъ многочисленную Бёрнсіаду въ литературѣ и журналистикѣ, среди которой слѣдуетъ указать на народное изданіе сочиненій Бёрнса [1]), стоящее одинъ шиллингъ, на великолѣпное юбилейное изданіе его поэмъ [2]) и на вновь переработанное съ значительными добавленіями изданіе Вильямомъ Воллесомъ классической біографіи Бёрнса, написанной Робертомъ Чемберсомъ [3]), и на неизданныя письма Бёрнса, помѣщенныя въ «Atheneum» [4]). Что же касается до безчисленныхъ журнальныхъ и газетныхъ статей по поводу юбилея, то въ нихъ нѣтъ ничего новаго: съ одной стороны онѣ наполнены однообразными диеирамбами, а съ другой — повторяютъ на всѣ лады печальныя подробности жизни поэта-поселянина. Какъ всѣмъ извѣстно, онъ родился въ 1759 году въ деревнѣ близъ Айра и былъ сыномъ бѣднаго фермера; съ дѣтства онъ работалъ въ полѣ, а съ юности привыкъ топить горе и физически изнурявшій его трудъ въ крѣпкихъ напиткахъ. Учился онъ очень мало въ сельской школѣ, но жадно читалъ все, что ему попадалось, и за сохой сочинялъ стихи. Послѣ смерти отца, оставившаго на его рукахъ большую семью и въ виду несчастной любви къ будущей своей женѣ, отецъ которой отказалъ ему въ ея рукѣ, Бёрнсъ рѣшился уѣхать на Ямайку, гдѣ ему предложили мѣсто бухгалтера, но неожиданный успѣхъ перваго тома его стихотвореній сдѣлалъ переворотъ въ его жизни, а второй томъ, принеся ему 400 фунтовъ стерлинговъ, далъ ему возможность остаться на родинѣ, купить ферму и жениться на любимой дѣвушкѣ. Къ этому же времени относится его пребываніе въ Эдинбургѣ, гдѣ его носили на рукахъ литераторы и аристократы. Но счастье не долго улыбалось ему; въ земледѣліи ему не повезло, и хотя онъ получилъ мѣсто сборщика податей въ Думфри, но жилъ до своей смерти очень бѣдно, постоянно преслѣдуемый кредиторами и среди припадковъ delerium tremens отъ постояннаго пьянства. Онъ умеръ отъ послѣдствій подобной жизни 1796 года на тридцать седьмомъ году жизни.

— Смерть профессора Курціуса и мистриссъ Бичеръ-Стоу. Наука и литература понесли двѣ серьезныя потери; онѣ лишились въ одно время перваго изъ германскихъ эллинистовъ и автора «Хижины дяди Тома». Эрнстъ Курціусъ родился въ 1814 году и былъ извѣстенъ во всемъ свѣтѣ, какъ вели-

---

[1]) Robert Burns' Poetical Works. National Edition. London. 1896.

[2]) The poetry of Robert Burns. Editied by W. Henley and T. Henderton. London. 1896. I vol.

[3]) The Life and Works of Robert Burns. Edited by Robert Chambers. Revised by William Wallace. London. 1896. I и II vol.

[4]) Some letters of Burns. Atheneum. 25 july. 1896.

чайшій авторитетъ по греческимъ древностямъ. Изъ всѣхъ его научныхъ трудовъ теоретическихъ и практическихъ первое мѣсто занимаютъ его «Исторія Греціи» и раскопки Олимпа, но, кромѣ того, онъ издалъ подробное описаніе Пелопонеза и нѣсколько очерковъ по топографіи Аттики. Посѣтивъ впервые Аѳины пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, какъ ученикъ Брандта, и занявшись на мѣстѣ археологическими работами, онъ такъ пристрастился къ древней Греціи, что посвятилъ себя всецѣло ея изученію, какъ это сдѣлалъ относительно Рима Момзенъ. Но между нимъ и его знаменитымъ собратомъ по знанію древней исторіи было то рѣзкое различіе, что Момзенъ наиболѣе обращалъ вниманіе на политическую и юридическую стороны Рима, а Курціусъ спеціально изучалъ общественную и художественную стороны греческой жизни. Въ этихъ отношеніяхъ страдалъ знаменитый трудъ Грота, который такъ же, какъ Момзенъ, спеціально занимался политикой, а потому книга Курціуса служитъ необходимымъ дополненіемъ его исторіи, и нѣмецкій историкъ, кажущійся просто ребенкомъ, въ сравненіи съ англійскимъ по знанію политики, превосходитъ его по глубокой оцѣнкѣ историческаго значенія народныхъ легендъ, по сознанію художественнаго духа грековъ и по личному знакомству съ страной. Благодаря тому, что онъ былъ воспитателемъ будущаго императора Фридриха III, Курціусъ въ археологическихъ работахъ пользовался щедрой поддержкой не только своего воспитанника, но и правительства; поэтому онъ велъ раскопки въ Олимпіи на широкой ногѣ. Онѣ продолжались шесть лѣтъ отъ 1875 по 1881 годъ, стоили до 40,000 фунт. стерл., занимали триста рабочихъ на пространствѣ 650 футовъ въ длину, а 575 въ ширину, и дали въ результатѣ 130 статуй, 13,000 бронзовыхъ предметовъ, 400 надписей, 1,000 произведеній изъ terra cotta, знаменитый храмъ, постройки, посвященныя играмъ, и 40 общественныхъ зданій. Всѣ эти сокровища остались согласно заключенному заранѣе трактату въ Греціи, но Курціусъ украсилъ Берлинскій музей полной коллекціей ихъ снимковъ и находилъ лучшую награду за свои труды въ возможности читать студентамъ лекціи въ музеѣ, указывая на каждый упоминаемый остатокъ древности. Переходя къ мистриссъ Бичеръ-Стоу, мы прежде всего замѣтимъ, что въ послѣдніе годы она пережила свою славу, и всѣ почти забыли о существованіи той, слава которой звучала когда-то во всемъ свѣтѣ, и которая написала самый популярный, самый вліятельный романъ во всѣхъ литературахъ. Дочь пресвитеріанскаго пастора Бичера и жена профессора Стоу, она до сорока лѣтъ жила тихо, скромно, писала религіозные разсказы и дѣтскія книжки, но ничто въ ея жизни или литературныхъ произведеніяхъ не предсказывало ея послѣдующей извѣстности. Эту извѣстность дала ея одна книжка, написанная подъ впечатлѣніемъ тѣхъ ужасовъ, которые производились въ южныхъ штатахъ, относительно негровъ, и хотя она потомъ написала еще двадцать романовъ и различныхъ сочиненій, но такъ и осталась авторомъ одной книги. «Хижина дяди Тома» разошлась въ милліонахъ экземплярахъ, переведена на всѣ языки и возбудила такое волненіе во всемъ свѣтѣ, что ей прямо приписываютъ войну Сѣвера съ Югомъ и освобожденіе негровъ. Имя автора этого политическаго романа, не отличающагося боль-

шими литературными достоинствами, сдѣлалось дорогимъ сердцу всѣхъ, кому дороги свобода и прогрессъ, а когда она посѣтила Европу, то ее вездѣ принимали съ царственными почестями. Въ Америкѣ она жила такъ же тихо и скромно, какъ до своей популярности, и только иногда посѣщала большіе города, гдѣ читала лекціи все о своихъ милыхъ неграхъ. Преимущественно же она обитала въ небольшомъ помѣстьѣ, купленномъ ею въ Флоридѣ, и въ маленькомъ городкѣ Конектикутскаго штата, Гартфордѣ, гдѣ и умерла на восемьдесятъ-пятомъ году своей жизни.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

I.

Анекдотъ объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

ЧЕТЫРЕ ГОДА тому назадъ, я провелъ лѣто въ Ишлѣ. Однажды, вечеромъ, гуляя съ женою въ паркѣ, мы сѣли отдохнуть на скамейку, рядомъ съ весьма благообразнымъ старикомъ. Не желая, чтобы сосѣдъ насъ понялъ, мы начали говорить порусски, и очень удивились, когда старичекъ, любезно кланяясь, заговорилъ ломаннымъ русскимъ языкомъ:

— Извините, господа, вы, кажется, русскіе, я ужасно люблю Россію, русскихъ и пользуюсь случаемъ поговорить порусски. Я лейбъ-медикъ императора австрійскаго Ф. К. Канъ (кажется, такъ), сорокъ лѣтъ тому назадъ жилъ долго въ Петербургѣ, былъ докторомъ въ Обуховской больницѣ; я имѣлъ счастье нѣсколько разъ говорить съ великимъ императоромъ Николаемъ I и былъ имъ облагодѣтельствованъ. Я жилъ въ Петербургѣ на площади Большого театра. Однажды, вечеромъ, я преспокойно пилъ у себя чай въ семейномъ кругу, какъ вдругъ раздался звонокъ, и въ комнату вбѣжалъ жандармъ, съ приказаніемъ, чтобы я немедленно явился въ Большой театръ. Жандармъ не далъ мнѣ времени одѣться; у подъѣзда стояли дрожки полицеймейстера; меня повезли во весь духъ въ театръ, и провели на сцену. Оказалось, что одна балерина, фамиліи ея не помню, во время танца упала и сломала ногу. Императоръ Николай Павловичъ, бывши въ театрѣ, тотчасъ отправился на сцену и, такъ какъ дежурнаго доктора не оказалось, ужасно разсердился. Директоръ Гедеоновъ послалъ за мною, и когда я явился, императоръ набросился на меня, накричалъ, и когда я сдѣлалъ все нужное, то, по приказанію его величества, былъ посаженъ на двѣ недѣли на гауптвахту. Жена моя ѣздила всюду по начальству объяснять, что вышло недоразумѣніе, такъ какъ я не былъ тогда дежурнымъ и совсѣмъ не состою при театрѣ. Всѣ смѣялись надъ приключеніемъ, тѣмъ не менѣе я просидѣлъ двѣ недѣли на гауптвахтѣ.

Спустя нѣкоторое время, ночью, невзначай, пріѣхалъ въ Обуховскую больницу императоръ Николай Павловичъ. Встрѣтивъ меня въ мундирѣ, на своемъ мѣстѣ, подошелъ ко мнѣ, потрепалъ по плечу и смѣясь сказалъ:

— Здравствуй, нѣмецъ! Это ты напрасно сидѣлъ двѣ недѣли на гауптвахтѣ. Почему не оправдывался?

— Не смѣлъ, ваше императорское величество! — отвѣтилъ я.

Императоръ улыбнулся, ласково разспросилъ меня, сколько лѣтъ служу, сколько получаю жалованья, большое ли у меня семейство, и затѣмъ приказалъ единовременно выдать мнѣ годовое жалованье и удвоить таковое. А такъ какъ я скоро выслужилъ мой срокъ и по домашнимъ обстоятельствамъ долженъ былъ уѣхать въ Австрію, то получилъ и получаю до сихъ поръ полную пенсію. Да, Николай былъ великій императоръ! — воскликнулъ восторженно докторъ, — и мы часто его вспоминаемъ въ семействѣ.

Сообщено Г. С.

II.

Къ исторіи памятника надъ могилой В. А. Жуковскаго.

Въ бумагахъ покойнаго графа Д. Н. Блудова († 1864 г.) сохранился слѣдующій черновикъ любопытнаго письма, отправленнаго имъ, въ бытность главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, графу Виктору Никитичу Панину, тогдашнему (письмо помѣчено 27 мая 1854 г.) министру юстиціи:

«Его императорское высочество государь наслѣдникъ цесаревичъ изволилъ объявить мнѣ, что государемъ императоромъ разрѣшено открытіе подписки для сооруженія надгробнаго монумента покойному В. А. Жуковскому. Вслѣдствіе сего имѣю честь при семъ препроводить къ вашему сіятельству 60-ть экземпляровъ объявленія о сей подпискѣ, покорнѣйше прося васъ, милостивый государь, сдѣлать распоряженіе о разсылкѣ по ввѣренному вамъ вѣдомству.

«Какъ приношенія могутъ поступать изъ разныхъ мѣстъ и разными, даже самыми малыми суммами, то для избѣжанія излишней переписки г. министромъ финансовъ, по просьбѣ моей, сдѣлано распоряженіе о принятіи собираемыхъ на сей предметъ различными вѣдомствами суммъ въ уѣздныхъ казначействахъ для перевода по счетамъ въ главное казначейство. Пожертвованія, которыя будутъ поступать отъ жительствующихъ въ С.-Петербургѣ, должны быть для большаго удобства доставляемы непосредственно ко мнѣ. Между тѣмъ полагаю неизлишнимъ объяснить, что семейство и друзья покойнаго вовсе не имѣютъ намѣренія воздвигнуть надъ его могилою какого либо огромнаго или пышнаго монумента, и потому на сооруженіе онаго потребуется сумма не весьма значительная. Къ открытію на сіе подписки ихъ побудила единственно утѣшительная мысль, что сія подписка можетъ быть случаемъ для изъявленія общаго, и по смерти его, уваженія къ Жуковскому, какъ писателю и человѣку. Смѣю думать, что хорошо бы объяснить сіе всѣмъ господамъ начальствующимъ, коимъ будетъ доставлено объявленіе для предложенія подписки, дабы чрезъ то отвратить все, что могло бы быть похоже не только на принужденіе, но даже и на усиленное или настоятельное приглашеніе къ участію въ сооруженіи монумента поэту, который отличался между прочимъ и скромностью, и безкорыстіемъ».

Сообщено Н. В. Шаломытовымъ.

СМѢСЬ.

ТРЕХСОТЛѢТІЕ со дня рожденія царя Михаила Θеодоровича. 12-го іюля, по случаю исполнившагося трехсотлѣтія со дня рожденія царя Михаила Θеодоровича, перваго государя изъ дома Романовыхъ, во всѣхъ храмахъ Москвы были отслужены заупокойныя литургіи и панихиды. Особою торжественностію отличалось богослуженіе въ Знаменскомъ монастырѣ, на Варваркѣ, при которомъ находится домъ бояръ Романовыхъ, гдѣ 12-го іюля 1596 года родился царь Михаилъ Θеодоровичъ. Заупокойную литургію и торжественную панихиду совершалъ преосвященный Тихонъ, епископъ можайскій, въ сослуженіи съ архимандритами: настоятелемъ монастыря Митрофаномъ и Товіемъ, намѣстникомъ Чудова монастыря, и старшими іеромонахами. Пѣлъ хоръ Чудовскихъ пѣвчихъ. Послѣ панихиды преосвященнымъ Тихономъ было совершено благодарственное молебствіе о здравіи ихъ величествъ и всего царствующаго дома. Монастырскій храмъ былъ переполненъ молящимися. Въ Архангельскомъ придворномъ соборѣ въ Кремлѣ, гдѣ находится гробница царя Михаила Θеодоровича, заупокойная литургія и торжественная панихида совершены соборнѣ настоятелемъ собора протоіереемъ Амфитеатровымъ, при пѣніи хора пѣвчихъ и большомъ стеченіи молящихся. Гробница царя Михаила Θеодоровича, находящаяся съ южной стороны собора, была покрыта параднымъ покровомъ и убрана живыми цвѣтами и гирляндами изъ зелени. Въ Большомъ Успенскомъ соборѣ панихида

была отслужена предъ литургіей протопресвитеромъ собора Н. И. Свѣтовидовымъ, соборнѣ, при пѣніи синодальнаго хора. Въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ древней церкви, построенной въ XVII столѣтіи во имя св. Михаила Малеина, по случаю праздника, панихида по государѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ была отслужена послѣ ранней литургіи. Въ 12 часовъ дня, въ часовнѣ во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, что на Моисеевской площади, мѣстнымъ приходскимъ духовенствомъ была отслужена панихида по знаменитыхъ сподвижникахъ царя Михаила Θеодоровича — князѣ Димитріи Пожарскомъ, нижегородскомъ гражданинѣ Козьмѣ Мининѣ и Иванѣ Сусанинѣ, пожертвовавшемъ жизнію за спасеніе царя. Затѣмъ, въ 2 часа дня, была совершена торжественная панихида по въ Бозѣ почившемъ царѣ—родоначальникѣ благополучно царствующаго дома. Послѣ панихиды было отслужено благодарственное молебствіе о здравіи ихъ величествъ и всего царствующаго дома. Во время богослуженія, въ часовнѣ, убранной живыми цвѣтами, тропическими растеніями и усыпанной зеленью, была помѣщена копія съ большой иконы, имѣющей быть установленною въ мраморной кіотѣ съ лѣвой наружной стороны часовни и сооружаемой въ память настоящаго случая на доброхотныя пожертвованія. Подлинная икона будетъ размѣромъ 3¼ аршина въ вышину и 2 аршина 3 вершка ширины, съ изображеніями въ срединѣ св. Михаила Малеина, а по сторонамъ св. Николая Чудотворца и св. царицы Александры, во весь ростъ, а въ верхней части изображеніе иконы Θеодоровской Богоматери; по бокамъ иконы надъ изображеніями святыхъ высятся шапки Мономаха и императорская корона, а внизу значатся даты годовъ: 1596—1896. Икона пишется въ мастерской иконописца художника Θ. А. Соколова. По сложности работъ, подлинная икона будетъ установлена въ концѣ августа. Передъ ней будетъ находиться неугасаемая лампада въ бронзовомъ золоченомъ фонарѣ, изящной работы, увѣнчанномъ сверху короной, который 12-го іюля былъ укрѣпленъ на мѣстѣ.

100-лѣтіе со дня рожденія императора Николая I. Въ виду наступившаго 25-го іюня столѣтія со дня рожденія императора Николая I, его величество государь императоръ, желая почтить въ этотъ день память своего державнаго прадѣда, по возможности, столь же торжественно, какъ чествовалось 12-го декабря 1877 года столѣтіе со дня рожденія императора Александра I, высочайше повелѣть соизволилъ: 1) отслужить 25-го іюня въ Петропавловскомъ соборѣ, во всѣхъ приходскихъ храмахъ имперіи и въ церквахъ тѣхъ учрежденій, которыя были основаны въ царствованіе императора Николая I, а также во всѣхъ частяхъ войскъ и въ гражданскихъ учрежденіяхъ торжественныя богослуженія, а въ учрежденіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ, вызванныхъ къ жизни при въ Бозѣ почивающемъ государѣ, устроить, гдѣ это окажется по обстоятельствамъ каникулярнаго времени возможнымъ, соотвѣтствующія случаю празднества съ произнесеніемъ рѣчей и чтеніемъ очерковъ изъ жизни и царственной дѣятельности монарха, память котораго будетъ чествоваться. 2) Выбить по рисункамъ, которые имѣютъ быть представлены на высочайшее утвержденіе министромъ финансовъ: а) золотую медаль, въ память царствованія императора Николая I для поднесенія его величеству, государынямъ императрицамъ, наслѣднику цесаревичу и великому князю Михаилу Николаевичу и для

возложенія на гробницу въ Бозѣ почившаго императора Николая I; б) бронзовую такого же вида медаль для особъ императорской фамиліи и высшихъ чиновъ государственнаго управленія и в) серебряную и бронзовую мадали съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ профиля въ Бозѣ почившаго государя Николая Павловича, а на обратной—годовъ 1824—1855 и надписи вокругъ: «Въ память царя — вѣрой ему послужившимъ», для ношенія на груди, на двойной Владимірской и Александровской лентѣ, съ тѣмъ, чтобы право ношенія таковой медали—серебряной было предоставлено всѣмъ находившимся въ теченіе царствованія императора Николая I на дѣйствительной службѣ въ офицерскихъ и классныхъ чинахъ, а бронзовая—была пожалована всѣмъ состоявшимъ за то время на службѣ нижнимъ чинамъ. 3) Предоставить всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ войти съ представленіями въ установленномъ порядкѣ объ учрежденіи стипендій имени императора Николая I въ учебныхъ заведеніяхъ, больницахъ и богадѣльняхъ, открытыхъ въ царствованіе этого монарха, въ томъ числѣ, въ какомъ, по размѣрамъ помѣщенія, состоянію комплектовъ учащихся или призрѣваемыхъ и наличію потребныхъ для этого денежныхъ средствъ, окажется возможнымъ. Празднованіе столѣтія со дня рожденія императора Николая I началось въ Петербургѣ съ ранняго утра. Въ 3 часа 45 минутъ утра, въ тотъ часъ, въ который сто лѣтъ тому назадъ родился царь-рыцарь, командиръ и офицеры лейбъ-гвардіи саперпаго баталіона собрались на молитву у гроба почивающаго монарха. Затѣмъ съ ранняго утра въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ, въ различныхъ учебныхъ, правительственныхъ, общественныхъ и ученыхъ учрежденіяхъ служились панихиды. Особенною торжественностью отличались богослуженія въ Исаакіевскомъ каѳедральномъ и Петропавловскомъ соборахъ. Къ 10-ти часамъ утра Исаакіевскій соборъ былъ полонъ молящихся, вся паперть усѣяна народомъ, а сзади, у памятника императора Николая I, строились прибывавшія воинскія части тремя флангами, вокругъ памятника; кавалерійскія части были въ пѣшемъ строю. По полувзводу отъ каждой части было введено въ Исаакіевскій соборъ. Здѣсь уже находились высшіе военные чины. Заупокойная литургія началась въ 10 часовъ утра, а по окончаніи ея отслужена панихида. Литургію совершалъ преосвященный Назарій, епископъ нарвскій, въ сослуженіи мѣстнаго духовенства, а на панихиду вышелъ высокопреосвященный Палладій, митрополитъ с.-петербургскій. Въ это же время начался съѣздъ высшихъ сановниковъ въ Петропавловскій соборъ. Къ 11-ти часамъ утра начали прибывать августѣйшія особы. Въ исходѣ двѣнадцатаго часа изволили прибыть ихъ императорскія величества государь императоръ и государыня императрица Александра Ѳеодоровна. По совершеніи митрополитомъ Палладіемъ панихиды на гробницу императора Николая I была возложена выбитая въ честь юбилея золотая медаль. Въ исходѣ перваго часа ихъ императорскія величества, великіе князья и свита отбыли къ памятнику императора Николая I. По окончаніи богослуженія въ Исаакіевскомъ соборѣ, совершенъ былъ крестный ходъ на площадь къ памятнику императора Николая I, гдѣ находились войска. Съ прибытіемъ ихъ величествъ къ памятнику началось молебствіе, которое совершалъ высокопреосвященный Палладій. Послѣ провозглашенія многолѣтія раздались звуки оркестра, а со стѣны

Петропавловской крѣпости былъ произведенъ салютъ сто однимъ выстрѣломъ. Митрополитъ окропилъ войска и знамена святой водой. По окончаніи молебствія начался церемоніальный маршъ. Парадъ окончился въ 2 часа по полудни. Въ то же время на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги готовилось торжество. Празднуемый день совпалъ со днемъ пятидесятилѣтія существованія дороги. Въ 1 ч. 30 м. утра въ залѣ I класса собрались всѣ служащіе на станціи, и прибылъ министръ путей сообщенія кн. М. И. Хилковъ. Въ залѣ, подъ шатромъ былъ установленъ бюстъ императора Николая I, окруженный живыми растеніями; по сторонамъ бюста въ стѣну вдѣланы двѣ мраморныя доски. На одной изъ нихъ выгравированъ золотыми буквами высочайшій указъ о построеніи дороги, а на другой—слѣдующія даты: «Высочайшій указъ о построеніи Петербурго-Московской желѣзной дороги 1-го февраля 1842 года. Производство изысканій 1842—1843 годовъ; начались работы съ 1843 года; служебное движеніе началось въ 1845 году. Первый высочайшій проѣздъ отъ станціи Вышняго Волочка до Твери въ 1849 году. Открыта для общаго пользованія 1-го ноября 1851 года. Дорога наименована по высочайшему повелѣнію Николаевскою въ 1855 году». Бюстъ поставленъ гипсовый—временный, работы художника Медейскаго; впослѣдствіи онъ будетъ замѣненъ мраморнымъ, для котораго будетъ сдѣлана въ стѣнѣ ниша. Возлѣ бюста протопресвитеромъ военнаго и морскаго духовенства о. Желобовскимъ было совершено молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія государю императору, государынямъ императрицамъ и всему царствующему дому и вѣчная память императору Николаю I. Предъ молебствіемъ отецъ Желобовскій сказалъ слово, а послѣ молебствія начальникомъ дороги дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Михальцевымъ прочтенъ историческій очеркъ сооруженія дороги. Въ четыре же часа пополудни было совершено молебствіе въ главномъ инженерномъ управленіи въ той самой комнатѣ, въ которой занимался въ Бозѣ почивающій императоръ Николай I, въ бытность генералъ-инспекторомъ инженерной части. Комната эта небольшая, въ два окна. Вся мебель въ этой комнатѣ: шкапы, столъ и стулья сохранились тѣ же, что были и при императорѣ Николаѣ I. На стѣнѣ противъ письменнаго стола виситъ портретъ въ Бозѣ почивающаго государя въ конно-піонерномъ мундирѣ, а возлѣ стоитъ мраморный бюстъ великаго князя Михаила Павловича, бывшаго генералъ-инспекторомъ инженерной части послѣ своего августѣйшаго брата. 25-го же іюня былъ установленъ рядомъ съ бюстомъ дубовый кіотъ съ образомъ святителя Николая, Чудотворца Мирликійскаго. Образъ этотъ сооруженъ въ память исполнившагося столѣтія со дня рожденія въ Бозѣ почивающаго императора. Образъ, бюстъ великаго князя Михаила Павловича и портретъ императора Николая I были украшены живыми цвѣтами. Въ 4 часа началось молебствіе съ водосвятіемъ. Послѣ молебствія образъ былъ освященъ. По окончаніи молебствія всѣ присутствовавшіе перешли въ актовый залъ академіи и училища, гдѣ были разложены на столахъ различные документы, относящіеся ко времени управленія императора Николая I, въ бытность его великимъ княземъ, инженернымъ вѣдомствомъ; здѣсь были проекты, смѣты, доклады съ собственноручными резолюціями августѣйшаго генералъ-инспектора и собственноручно написанные его величе-

ствомъ приказы. Генералъ-лейтенантъ Кобелевъ прочиталъ собравшимся составленный къ сегодняшнему дню историческій обзоръ дѣятельности императора Николая I, какъ генералъ-инспектора инженерной части.

Открытіе памятниковъ Гоголю и Лермонтову въ Александровскомъ саду въ С.-Петербургѣ происходило 17-го іюня. На торжествѣ присутствовали: городской голова В. А. Ратьковъ-Рожновъ, члены городской управы, гласные, градоначальникъ генералъ-майоръ Н. В. Клейгельсъ и много публики. На площадкѣ возлѣ фонтана, между обоими памятниками, духовенствомъ Князе-Владимірской церкви было совершено молебствіе съ водосвятіемъ, а въ 4 ч. 30 м. памятники были окроплены св. водою и открыты. Оба памятника представляютъ собою бронзовые бюсты, установленные на высокіе финляндскаго гранита круглые пьедесталы. Гоголь изображенъ въ сюртукѣ, какъ его обыкновенно изображаютъ на портретахъ; Лермонтовъ въ сюртукѣ, при эполетахъ, съ переброшенной черезъ лѣвое плечо шинелью. На лицевой сторонѣ пьедестала перваго памятника выгравировано золотыми буквами: «Николаю Васильевичу Гоголю г. С.-Петербургъ. Род. 19 марта 1809 г.—21 февраля 1851 г.». На правой сторонѣ пьедестала: «Знаю, что суждено мнѣ чудною властью озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы». «Мертвыя души», гл. VII». На лѣвой сторонѣ: «Знаю, мое имя будетъ счастливѣе меня». «Изъ писемъ къ Жуковскому». На задней сторонѣ: «Сооруженъ въ 1896 г.». На лицевой сторонѣ памятника Лермонтову выгравировано: «Михаилу Юрьевичу Лермонтову г. С.-Петербургъ. Родился 2 октября 1814 г.—15 іюня 1841 г.». Съ правой стороны:

> Свершитъ блистательную тризну
> Потомокъ поздній надъ тобой
> И съ непритворною слезой
> Промолвитъ: онъ любилъ отчизну.
> (1841 г.).

Съ лѣвой стороны пьедестала:

> Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой
> И отзывъ мыслей благородныхъ
> Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
> Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
> (1839 г.).

На задней сторонѣ пьедестала: «Сооруженъ въ 1896 году».

Письмо К. П. Побѣдоносцева. По поводу юбилея К. П. Побѣдоносцева князь Мещерскій опубликовалъ въ «Гражданинѣ» нѣсколько свѣдѣній о роли, сыгранной этимъ выдающимся государственнымъ человѣкомъ въ первые дни царствованія императора Александра Александровича. Мы привели эти свѣдѣнія въ «Смѣси» предыдущей книжки «Историческаго Вѣстника» (стр. 255—256). Но вслѣдъ затѣмъ К. П. Побѣдоносцевъ обратился къ редактору «Гражданина» съ слѣдующимъ письмомъ, съ исторической достовѣрностью освѣщающимъ нѣкототорыя обстоятельства вступленія на престолъ императора Александра III. «Милостивый государь князь Владиміръ Петровичъ! По поводу пятидесятилѣтія моей службы, въ № 49 «Гражданина», въ «Дневникѣ» 15 іюня, помѣ-

щена статья, въ которой разсказывается приписываемое мнѣ участіе въ событіяхъ, послѣдовавшихъ послѣ 1 марта 1881 года. Не въ моемъ обычаѣ говорить о себѣ публично; но вотъ разсказъ обо мнѣ преданъ гласности, а какъ дѣло идетъ объ участіи моемъ въ историческихъ событіяхъ, то на сей разъ считаю долгомъ возстановить истину и исправить тѣ неточности фактическія, какія встрѣчаются въ упомянутомъ разсказѣ: 1) Совершенно невѣрно приписываемое мнѣ лично ниспроверженіе проекта, составленнаго графомъ Лорисъ-Меликовымъ. Оно послѣдовало въ засѣданіи совѣта министровъ, бывшемъ 8 марта 1881 года въ присутствіи государя императора. Въ засѣданіи высказано было мнѣніе мое въ опроверженіе сего проекта, мнѣніе, давно извѣстное и графу Лорисъ-Меликову; но оно высказано было не однимъ мною, но и нѣкоторыми другими членами совѣщанія. Съ этимъ мнѣніемъ государь императоръ изволилъ согласиться, что и высказалъ въ томъ же засѣданіи. 2) Совершенно невѣрно приписываемое покойному Каткову дѣятельное участіе въ семъ рѣшеніи и оказанное, будто бы, имъ на меня вліяніе. Съ Катковымъ во все это время я не видѣлся для какихъ либо переговоровъ и объясненій о предметѣ рѣшенія. Манифестъ 29 апрѣля поставляется въ разсказѣ вашемъ въ связь съ отклоненіемъ проектовъ Лорисъ-Меликова, но это былъ актъ совсѣмъ особый. Въ Бозѣ почившій государь императоръ неоднократно высказывалъ графу необходимость заявить всенародно твердую волю его величества сохранить неприкосновенными основныя начала управленія, на самодержавіи основанныя; но графъ Лорисъ-Меликовъ медлилъ, не взирая на напоминанія. Тогда его величеству угодно было поручить составленіе манифеста мнѣ, что и было мною исполнено. Вотъ, въ общихъ чертахъ,—не касаясь подробностей, — истина о моемъ участіи въ ходѣ событій, совершившихся въ мартѣ и апрѣлѣ 1881 года. Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. К. Побѣдоносцевъ. 20 іюня 1896 года».

Передача археологическаго института въ вѣдѣніе правительства. Совѣтъ археологическаго института въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ засѣданій постановилъ ходатайствовать передъ правительствомъ о принятіи института въ вѣдѣніе казны. Комиссія въ составѣ профессоровъ и преподавателей института, по иниціативѣ покойнаго директора Труворова, разработала проектъ перехода института въ казну, который теперь переданъ министру народнаго просвѣщенія. По проектируемому положенію при институтѣ 12 каѳедръ, въ томъ числѣ одна новая по классической западно-европейской археологіи. Число учащихся и вольнослушателей такъ же, какъ и теперь, неограничено, но вольнослушатели освобождаются отъ всякой платы, тогда какъ до сихъ поръ они вносили по 5 рублей въ семестръ за каждый избранный ими предметъ; вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ ходатайствуетъ объ увеличеніи ежегодный правительственной субсидіи съ 6.000 до 18.000 рублей.

Императорское московское археологическое общество. Приготовительныя работы по устройству рижскаго археологическаго съѣзда ведутся мѣстнымъ предварительнымъ комитетомъ. Выставка при съѣздѣ обѣщаетъ быть очень интересной; каталогъ со многими таблицами почти отпечатанъ. Для пріѣзжихъ членовъ будутъ заготовлены квартиры въ частныхъ домахъ,

частью въ гостиницахъ; эти послѣднія—по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Городъ и дворянство, чествуя пріѣзжихъ членовъ съѣзда, даютъ праздникъ въ одномъ изъ городскихъ садовъ и раутъ въ дворянскомъ собраніи. Предполагаются также поѣздки въ Дуббельнъ и Митаву и раскопки древняго могильника въ Трейденѣ. Засѣданія съѣзда и выставка состоятся въ зданіяхъ большой и малой гильдіи, расположенныхъ рядомъ. Тутъ же ресторанъ для чая и завтраковъ и помѣщеніе для вечернихъ собраній. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ помѣщенія съѣзда и выставки, въ одномъ изъ городскихъ садовъ, устроятся по условленной цѣнѣ ежедневные обѣды для членовъ съѣзда. 16-го августа по закрытіи съѣзда предполагается для желающихъ поѣздка въ Кенигсбергъ, которая потребуетъ недѣлю времени. Мѣстный предварительный комитетъ образовалъ уже теперь спеціальное бюро для завѣдыванія всѣми хозяйственными дѣлами, касающимися съѣзда. Предсѣдатель же московскаго предварительнаго комитета графиня Уварова пріѣдетъ въ Ригу 22-го іюля и остановится въ гостиницѣ «Римъ». Весьма желательно, чтобы депутаты, назначенные на съѣздъ разными учеными учрежденіями, прибыли, какъ сказано въ правилахъ съѣзда, за два дня до открытія съѣзда, то-есть 30-го іюля. Для дня открытія съѣзда, то-есть 1-го августа, предполагаетъ прибыть въ Ригу августѣйшій предсѣдатель съѣзда великій князь Сергѣй Александровичъ съ супругою. Ихъ императорскія высочества предполагаютъ остаться въ Ригѣ и окрестностяхъ около шести дней и принять участіе въ занятіяхъ съѣзда, празднествахъ, поѣздкахъ и раскопкахъ.

Археологическая находка. Археологическія развѣдки въ Херсонесѣ надняхъ ознаменовались важнымъ открытіемъ. Въ мѣстности некрополя завѣдующій раскопками г. Косцюшко открылъ гробницу, въ которой оказалась замѣчательно цѣнная вещь: большое золотое ожерелье, усѣянное драгоцѣнными камнями необыкновенной величины. Ожерелье удивительно сохранилось и представляетъ изящнѣйшую работу. Начинаясь съ двухъ сторонъ двумя золотыми цѣпями, оно продолжается девятью золотыми гнѣздами, въ которыхъ заключены большой величины драгоцѣнные камни, симметрично расположенные по обѣимъ сторонамъ (по однородности): аметисты, сапфиры, топазы, изумруды, альмантинъ, восточный гранатъ и стекло (въ тѣ времена считавшееся тоже драгоцѣннымъ—по своей рѣдкости). Внизу къ ожерелью придѣлана большая подвѣска, въ видѣ бабочки, изящной филигранной работы и тоже съ драгоцѣнными камнями; наконецъ, по сторонамъ привѣшаны золотыя кисти. Все ожерелье, въ коемъ находится 15 драгоцѣнныхъ камней, чрезвычайно красиво и составляетъ крупную цѣнность (какъ предполагаютъ, 10—15 тысячъ рублей), а въ археологическомъ отношеніи оно, вѣроятно, составляетъ цѣнность еще бо́льшую. Кромѣ ожерелья, въ той же гробницѣ найдено 3 золотыхъ кольца съ крупными драгоцѣнными камнями, 2 золотыхъ браслета тонкой оригинальной работы и около дюжины золотыхъ пластинокъ. Г. Косцюшко телеграфировалъ императорской археологической комиссіи о цѣнной находкѣ и сдѣлалъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ съ нея.

† **П. А. Потѣхинъ.** 7-го іюля въ своемъ маленькомъ имѣніи близъ станціи С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги «Серебрянка» скончался послѣ

продолжительной болѣзни извѣстный писатель, драматургъ Николай Антиповичъ Потѣхинъ. Смерть его не была неожиданностью. Лѣтъ около пятнадцати тому назадъ онъ занемогъ, и медленный недугъ сталъ подтачивать его силы, быстро угасавшія съ каждымъ годомъ. Покойный совершенно почти впалъ въ дѣтство и находился въ такомъ удрученномъ состояніи, что смерть явилась для него настоящимъ избавленіемъ. Н. А. родился въ декабрѣ 1834 г., въ городѣ Кинешмѣ, Костромской губерніи, и, окончивъ въ 1851 г. курсъ въ мѣстной гимназіи, поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета. Еще на гимназической скамьѣ пробовалъ онъ свои силы въ творчествѣ, а, будучи студентомъ, написалъ стихотвореніе патріотическаго содержанія подъ заглавіемъ «22 сентября 1856 года» (относится къ посѣщенію Московскаго университета императоромъ Александромъ II). Впрочемъ, и ранѣе въ томъ же журналѣ появилось два-три произведенія его безъ подписи имени. По окончаніи университетскаго курса Н. А. поступилъ на службу, служилъ чиновникомъ особыхъ порученій по акцизу, но недолго. Въ 1860-хъ годахъ онъ отдалъ нѣкоторую дань тогдашнему движенію, былъ посаженъ въ крѣпость за сношенія съ нашими лондонскими эмигрантами, но скоро выпущенъ на свободу, послѣ чего, оставивъ службу, всецѣло посвятилъ себя литературѣ. Онъ началъ очеркомъ «Шелководство Шемахинской губерніи и Царь-Абадская школа», напечатаннымъ въ «Вѣстникѣ Промышленности» 1858 г. и сталъ сотрудничать какъ въ «Русскомъ Словѣ» графа Г. А. Кушелева-Безбородко, гдѣ напечатано въ 1859 г. первое его значительное произведеніе—повѣсть изъ народнаго быта «Безталанный» и нравоописательные очерки «Родительская суббота (1863 г.), такъ и въ «Сѣверной Пчелѣ» П. С. Іова, гдѣ помѣщены его «Отрывки изъ путешествія по Волгѣ» и друг. Послѣ первыхъ литературныхъ дебютовъ Н. А. Потѣхина В. С. Курочкинъ пригласилъ его участвовать въ «Искрѣ», гдѣ и было напечатано нѣсколько сценъ его, очерковъ и разсказовъ, напримѣръ, «На Нижегородской ярмаркѣ», «Выборное начало», «Благотворители», «Весенняя любовь», «Фигуры откупной колоды», вошедшіе потомъ въ книгу «Наши безобразники» (Спб., 1864 г.), встрѣченную очень сочувственно въ печати. Помѣстивъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» большой разсказъ «Мошка», изъ еврейской жизни, и въ 1865 г. въ «Эпохѣ» Достоевскаго—очеркъ «Уѣздное дитя», Н. А. почти закончилъ свою беллетристическую дѣятельность. Первымъ драматическимъ произведеніемъ его (1860 г.) была комедія «Кто лучше?», шедшая на сценѣ подъ заглавіемъ «Дока на доку нашелъ», передѣланная изъ пьесы Ожье «Le gendre de Mr. Poirier». Затѣмъ слѣдовали «Быль молодцу не въ укоръ» (1861 г.), «Дядя Мартынъ носильщикъ» (1861 г.), драма, переведенная съ французской піесы «Les crochets du père Martin», «Доля-горе», драма изъ простонароднаго быта («Отечественныя Записки» 1863 г., кн., 6), «Врачъ-спеціалистъ», комедія («Эпоха», 1865 г., кн. 2). Затѣмъ послѣдовалъ нѣкоторый перерывъ въ его литературной дѣятельности. Н. А. игралъ на сценѣ, былъ режиссеромъ драматической труппы Н. Н. Дюкова въ Харьковѣ, игралъ въ Вильнѣ и т. д. Съ 1870-хъ годовъ, благодаря эффектнымъ пьесамъ, въ которыхъ выведено было много дѣйствительныхъ лицъ подъ довольно прозрачными псевдонимами, онъ обратилъ на себя болѣе жи-

вое вниманіе. Эти пьесы были напечатаны въ «Дѣлѣ» Благосвѣтлова: «Нищіе духомъ», «Злоба дня», «Мертвая петля», «Богатырь вѣка». Онѣ и донынѣ не сходятъ съ репертуара, имѣя большой успѣхъ въ провинціи. Въ 1873 г. онъ помѣстилъ въ «Дѣлѣ» разсказъ «Нѣмецкій хвостъ», а затѣмъ писалъ во время балканской кампаніи корреспонденціи съ театра войны, проведя эту кампанію въ Закавказьи. По заключеніи мира онъ былъ театральнымъ рецензентомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Комарова, помѣщая статьи подъ псевдонимомъ Рцы Слово Твердо, чѣмъ и закончилась его литературная дѣятельность. («Новое Время», № 7316; «Московскія Вѣдомости», № 187; «Русское Слово», № 185; «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 187; «Биржевыя Вѣдомости», № 189; «Русскія Вѣдомости», № 188).

† **М. А. Хитрово.** 30 іюня, въ 8 часовъ вечера, скончался находившійся въ отпуску въ Петербургѣ чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при императорѣ Японіи гофмейстеръ Михаилъ Александровичъ Хитрово. Покойный родился 1 февраля 1837 года въ Москвѣ и получилъ образованіе въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, откуда былъ выпущенъ въ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскій полкъ прапорщикомъ въ 1855 году. По окончаніи Крымской войны, во время которой онъ находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ прибрежье Петербургской и Выборгской губерній, М. А. въ 1857 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика и въ 1859 г. опредѣлился на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ VIII класса въ азіатскомъ департаментѣ; вскорѣ онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій, а въ 1860 году сперва управляющимъ консульствомъ въ Битоли, а затѣмъ и консуломъ. Вся дальнѣйшая затѣмъ служба покойнаго проходила на Востокѣ. 1864 года онъ былъ назначенъ младшимъ секретаремъ миссіи въ Константинополѣ, четыре года спустя, въ званіи камеръ-юнкера,— дипломатическимъ чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ при новороссійскомъ и бессарабскомъ генералъ-губернаторѣ. Въ 1871 году М. А. снова возвращается въ Константинополь, но уже на должность генеральнаго консула. Въ 1876 году, когда наши дипломатическіе представители, вслѣдствіе разрыва съ Турціей, оставили Константинополь, М. А. былъ назначенъ въ распоряженіе главнокомандующаго арміей великаго князя Николая Николаевича Старшаго для веденія дипломатической переписки. Два года спустя, онъ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Салоникахъ, съ откомандированіемъ къ дѣйствующей арміи для исполненія обязанностей директора дипломатической канцеляріи августѣйшаго главнокомандующаго. По окончаніи войны покойный въ 1880 г. исполнялъ обязанности комиссара въ международной комиссіи, а въ 1881 году былъ назначенъ дипломатическимъ агентомъ и генеральнымъ консуломъ въ Болгарію, откуда въ 1883 году, въ званіи камергера, былъ переведенъ сначала на такую же должность въ Египетъ, а въ 1886 году назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при его величествѣ королѣ румынскомъ. Здѣсь М. А. пробылъ три года и пожалованъ званіемъ гофмейстера, въ 1891 году переведенъ посланникомъ въ Португалію, а въ слѣдующемъ, 1892 году— въ Японію. М. А. Хитрово извѣстенъ также въ литературѣ. Имъ печатались

въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ стихотворенія, которыя вышли отдѣльнымъ сборникомъ сначала въ 1892 году, а потомъ вторымъ изданіемъ въ 1896 году. Эти стихотворенія преимущественно посвящены борьбѣ славянъ за независимость и героямъ освободительной войны. Нѣсколько стихотвореній посвящены покойному М. Д. Скобелеву, съ которымъ М. А. находился въ дружественныхъ отношеніяхъ. Стихотворенія эти печатались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ послѣднее время въ «Вѣстникѣ Европы». Кромѣ того, множество юмористическихъ стихотвореній покойнаго, посвященныхъ злобамъ дня петербургской жизни, ходитъ по рукамъ въ рукописномъ видѣ. («Московскія Вѣдомости», № 180; «Новое Время», № 7307; «Новости», №№ 180 и 183; «Русское Слово», № 177; «Биржевыя Вѣдомости», № 181; «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 179).

† **А. С. Фаминцынъ.** 24-го іюня скончался на дачѣ въ Лиговѣ композиторъ и музыкальный критикъ Александръ Сергѣевичъ Фаминцынъ. Покойный родился 24-го октября 1841 года въ Калугѣ. По окончаніи средняго образованія въ с.-петербургской 3-й гимназіи, онъ поступилъ въ с.-петербургскій университетъ на естественный факультетъ, который окончилъ со степенью кондидата въ 1862 году. Сильное влеченіе къ музыкѣ, однако, побудило его параллельно заняться серьезно практически и теоретически музыкой, а въ лицѣ извѣстныхъ въ то время въ Петербургѣ теоретиковъ-композиторовъ М. Я. Сантиса (опера его «Ермакъ» шла на сценѣ казенной русской оперы) и Ж. Фогта онъ нашелъ хорошихъ руководителей. По окончаніи курса въ университетѣ А. С. рѣшилъ окончательно посвятить себя музыкѣ и съ этой цѣлью, для усовершенствованія своего музыкально-теоре тическаго образованія, отправился въ томъ же 1862 году въ Лейпцигъ, гдѣ до 1864 года занимался теоріей у Гауптмана, Рихтера, Рибеля и Мошелеса, въ 1864—1865 годахъ продолжалъ занятія у придворнаго капельмейстера князя Гогенцоллернскаго въ Левенбергѣ М. Зейфрица. Музыкальная дѣятельность А. С. распадается на педагогическую, музыкально-административную, научно-публицистическую и переводную. Педагогическая и административная сосредоточиваются въ с.-петербургской консерваторіи, въ которую онъ былъ приглашенъ по возвращеніи изъ-за границы въ 1865 году на каѳедру исторіи музыки и эстетики. Каѳедру эту онъ занималъ до 1872 года. Съ 1870 года А. С. исправлялъ продолжительное время должность секретаря главной дирекціи императорскаго русскаго музыкальнаго общества. На композиторскомъ поприщѣ А. С. посчастливилось менѣе, хотя онъ пробовалъ свои силы въ разныхъ отрасляхъ композиторской дѣятельности. Такъ, имъ написана въ 1875 году опера «Сарданапалъ», шедшая на сценѣ императорской русской оперы и тотчасъ же снятая съ репертуара. Вторая его опера «Уріэль Акоста», написанная въ 1883 году, не была вовсе поставлена. Далѣе слѣдуетъ упомянуть о музыкальной картинѣ для оркестра «Шествіе Вакха», исполненной въ симфоническомъ собраніи императорскаго русскаго музыкальнаго общества, о камерныхъ произведеніяхъ (3 струнныхъ квартета, 1 струнный квинтетъ), о сочиненіяхъ для скрипки, фортепіано и романсахъ для пѣнія. Наконецъ его научно-публицистическая и переводная дѣятельность выразилась въ

переводѣ очень распространенныхъ прежде учебниковъ гармоніи, контрапункта и фуги Рихтера и руководства для правильнаго построенія модуляцій Ф. Дрэзеке (С.-Петербургъ, 1877 года), а также въ редактированіи переводовъ «Всеобщаго учебника музыки» Маркса (С.-Петербургъ, 1872 года) и «Элементарной теоріи музыки» Рихтера (С.-Петербургъ, 1870 и 1886 годовъ). Публицистическая дѣятельность А. С. не ограничилась критическими музыкальными замѣтками, напечатанными въ различныхъ русскихъ и нѣмецкихъ повременныхъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, «Голосъ», «Пчела», «Музыкальный листокъ», «Слово», «Nordische Presse», «St.-Petersburger Zeitung»; кромѣ того, въ теченіе 1869—1871 годовъ онъ издавалъ журналъ «Музыкальный сезонъ». Наибольшее значеніе имѣетъ научная дѣятельность покойнаго, къ которой онъ почти исключительно обратился въ послѣднее время. Оставленныя имъ изслѣдованія изобличаютъ въ авторѣ не только глубокаго знатока того, о чемъ онъ трактуетъ, но и отличнаго музыканта и многосторонне образованнаго, обладающаго большой эрудиціей, ученаго. Изслѣдованія эти составляютъ цѣнный вкладъ въ нашу не обильную музыкально-научную литературу. Въ печати имѣются слѣдующія его изслѣдованія: «Божества древнихъ славянъ» (I томъ, 1884 года), «Скоморохи на Руси» (1889), «Древняя индокитайская гамма въ Азіи и Европѣ» (1890), «Гусли—русскій народный музыкальный инструментъ» (1890), «Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа. Балалайка. Кобза. Торбанъ. Гитара» (1891), «Начатки теоріи музыки» (1895). Кромѣ того, имѣется его рецензія на книгу г. Шафранова «О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи» (1881), изданный имъ «Русскій дѣтскій пѣсенникъ», собраніе пѣсенъ великорусскихъ, малороссійскихъ и польскихъ для 1-го, 2-хъ и 3-хъ голосовъ и дополненіе къ нему (вмѣстѣ съ г. Дольдомъ) «Баянъ»—собраніе болѣе 150 пѣсенъ всѣхъ западно-европейскихъ народовъ для 1-го и 2-хъ голосовъ. Еще надо отмѣтить статью «Богиня весны и смерти въ пѣсняхъ и обрядахъ славянъ» («Вѣстникъ Европы», 1895 года, кн. 6 и 7). Въ послѣднее время А. С. былъ занятъ составленіемъ подробнаго біографическаго словаря русскихъ музыкальныхъ дѣятелей. («Новое Время», № 7302; «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 175; «Биржевыя Вѣдомости», № 177; «Новости», № 177; «Русское Слово», № 173).

† **А. С. Пестовъ.** 19 іюня въ церкви Воскресенія Славущаго, что въ Монетчикахъ, состоялись похороны скончавшагося 16 іюня редактора описей и изданій Московскаго архива министерства юстиціи, статскаго совѣтника Александра Степановича Пестова. Покойный происходилъ изъ дворянъ. Образованіе получилъ въ императорскомъ Московскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ на юридическомъ факультетѣ со званіемъ дѣйствительнаго студента въ 1864 году. Поступивъ на службу въ Московскій архивъ министерства юстиціи тотчасъ съ университетской скамьи 31 марта 1865 года, онъ оставался здѣсь до самой кончины, будучи приглашенъ на эту службу Н. В. Калачовымъ. Когда въ архивъ министерства юстиціи поступили дѣла, относящіяся къ царствованію Іоанна Антоновича, или такъ называемыя «съ извѣстнымъ титуломъ», то А. С. Пестову былъ порученъ ихъ разборъ и приведеніе въ систему для печати. Плодомъ его занятій надъ этими документами было изданіе въ свѣтъ двухъ

томовъ сборника, извѣстнаго подъ названіемъ «Внутренній бытъ русскаго государства съ 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. по документамъ, хранящимся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи», при чемъ большинство статей, помѣщенныхъ въ Сборникѣ, было написано покойнымъ, а остальныя были имъ редактированы. Изданіе это было сочувственно встрѣчено ученою критикою и по праву можетъ считаться самымъ виднымъ описаніемъ внутренней жизни Россіи въ указанную эпоху. Какъ одинъ изъ самыхъ опытныхъ архивистовъ, А. С. былъ рекомендованъ Н. В. Калачевымъ въ государственный совѣтъ, для систематическаго описанія архива этого учрежденія, не оставляя съ тѣмъ вмѣстѣ и службы при архивѣ министерства юстиціи. За труды въ государственномъ совѣтѣ покойный 19 февраля 1882 года былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени; по службѣ въ архивѣ послѣднею наградой былъ ему орденъ св. Владиміра 4-й степени. Покойный былъ почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго археологическаго института и членомъ-соревнователемъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. («Московскія Вѣдомости», № 167; «Русское Слово», № 166).

М. И. Кази. 24 іюня въ Нижнемъ Новгородѣ скончался внезапно завѣдующій машиннымъ и заводскимъ отдѣлами всероссійской выставки Михаилъ Ильичъ Кази. М. И. родился въ 1839 году, образованіе получилъ въ гардемаринскихъ классахъ въ Николаевѣ (впослѣдствіи закрытыхъ). Начавъ службу во флотѣ, онъ вскорѣ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитанъ-лейтенанта. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ русскомъ обществѣ пароходства и торговли въ качествѣ завѣдующаго дѣлами этого общества и въ севастопольскомъ городскомъ управленіи сперва въ качествѣ гласнаго, затѣмъ городского головы. Замѣчательная предпріимчивость и неутомимая энергія покойнаго нашли широкій просторъ для своего проявленія, когда М. И., въ 1876 году, былъ приглашенъ управлять Балтійскимъ судостроительнымъ и механическимъ заводомъ. Управляя этимъ заводомъ въ продолженіе 17-ти лѣтъ, покойный пріобрѣлъ репутацію опытнаго хозяина и администратора, хорошо знакомаго съ техникой судостроительнаго и механическаго дѣла. При немъ заводъ разросся, расширивъ и улучшивъ свои операціи, сталъ на ряду съ лучшими европейскими судостроительными заводами. Средства завода увеличились. Были приняты мѣры къ тому, чтобы возможно болѣе обезпечить заводъ хорошими рабочими. Ради этого покойный старался поставить рабочихъ въ лучшія условія и для ихъ дѣтей открылъ при заводѣ ремесленное училище съ механическою спеціальностью. При немъ построены заводомъ многія суда нашего флота, изъ которыхъ назовемъ: крейсеры «Мининъ», «Герцогъ Эдинбургскій», «Владиміръ Мономахъ», «Адмиралъ Нахимовъ», «Память Азова», яхту «Полярная Звѣзда» и др. При немъ была начата, между прочимъ, и постройка «Рюрика». Съ 1893 года покойный участвовалъ въ разработкѣ разныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ въ министерствѣ финансовъ. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ совѣта мануфактуръ и торговли, особаго по портовымъ дѣламъ присутствія и многихъ комиссій, занимавшихся обсужденіемъ способовъ развитія нашего торговаго судоходства. Въ 1894 году М. И. сопровождалъ министра финансовъ С. Ю. Витте въ его поѣздкѣ на сѣверъ. Покойный, въ качествѣ учредителя и

директора Архангельско-Мурманскаго пароходства, хорошо зналъ нужды Мурмана и вѣрилъ въ свѣтлую будущность этого края. Въ томъ же году, когда подготовлялось русско-германское торговое соглашеніе, онъ ѣздилъ по порученію министра финансовъ въ Берлинъ для ознакомленія съ положеніемъ вопроса въ германскомъ рейхстагѣ. При разрѣшеніи вопроса объ устройствѣ всероссійской выставки въ Нижнемъ Новгородѣ М. И. былъ назначенъ ея генеральнымъ комиссаромъ, но вскорѣ отказался отъ этого званія, ограничивъ свою дѣятельность на выставкѣ ролью завѣдующаго ея машиннымъ и заводскимъ отдѣлами. Покойный въ послѣднее время былъ предсѣдателемъ императорскаго техническаго общества, а раньше въ продолженіе многихъ лѣтъ предсѣдательствовалъ въ петербургскомъ отдѣленіи общества для содѣйствія русскому торговому мореходству. Онъ обстоятельно зналъ положеніе нашего торговаго мореходства. Принимая горячее участіе въ разсмотрѣніи разнаго рода докладовъ по улучшенію и развитію судоходства въ Россіи, покойный всегда ставилъ на первое мѣсто теоретическое и особенно практическое образованіе исполняющихъ разнообразныя должности на судахъ. Онъ требовалъ, ради развитія нашего торговаго флота, учрежденія судоходныхъ училищъ, коренного преобразованія дѣйствующихъ морскихъ классовъ, огражденія русскаго мореплаванія отъ иностранной конкуренціи и уменьшенія всякаго рода денежныхъ сборовъ, которымъ подвергается мореплаваніе въ настоящее время. Предсѣдательствуя въ секціи среднихъ и низшихъ техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній перваго съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, М. И. сдѣлалъ нѣсколько цѣнныхъ сообщеній, изъ которыхъ назовемъ: «Мѣры, могущія способствовать развитію русскаго торговаго флота» и «О выдачѣ дипломовъ на званія механиковъ, машинистовъ и кочегаровъ», напечатанныя въ «Трудахъ съѣзда» (1890 года). Избранный въ гласные с.-петербургской городской думы три года тому назадъ, покойный принималъ живое участіе въ разрѣшеніи разныхъ вопросовъ и, между прочимъ, предсѣдательствовалъ одно время въ комиссіи по постройкѣ Троицкаго моста. Будучи одаренъ практическимъ умомъ, обладая большою опытностью и рѣчью блестящаго оратора, всегда нервный и отзывчивый, покойный умѣлъ не только самъ скоро и производительно работать, но и возбуждать энергію къ работѣ въ другихъ. Какъ предсѣдатель разныхъ обществъ и комиссій, покойный былъ умѣлымъ руководителемъ преній; его предсѣдательское резюме было краткимъ, яснымъ и точнымъ, вполнѣ обхватывающимъ главную суть дѣла. Онъ никогда не гнался за наградами или отличіями, и въ частной жизни отличался скромностью. Въ обращеніи съ окружающими М. И. былъ со всѣми одинаковъ, умѣя разговаривать съ простымъ рабочимъ такъ же внимательно и интересно, какъ и съ высокопоставленными лицами. Кто зналъ покойнаго, тотъ уважалъ его и сохранитъ надолго память объ этомъ замѣчательномъ труженикѣ. («Новое Время», №№ 7301, 7303 и 7311; «Московскія Вѣдомости», № 174; «Русскія Вѣдомости», № 176; «Новости», № 174; «С.-Петербургскія Вѣдомости», №№ 173 и 180).

† **Г. П. Небольсинъ:** 16-го іюня скончался членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, почетный членъ совѣта торговли мануфактуръ и Московскаго универ-

ситета дѣйствительный тайный совѣтникъ Григорій Павловичъ Небольсинъ. Покойный родился 25-го октября 1811 года. Окончивъ курсъ наукъ въ пансіонѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ, онъ въ 1828 году поступилъ на службу въ министерство финансовъ по департаменту внѣшней торговли и состоялъ сначала секретаремъ при директорѣ, а потомъ чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ и съ 1829 года по 1859 годъ — редакторомъ «Коммерческой Газеты», издававшейся упомянутымъ департаментомъ. Въ 1853 году Г. П. былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта по департаменту государственной экономіи и членомъ комиссіи для разсмотрѣнія гильдейскаго положенія; а въ 1856 году — членомъ совѣта министра финансовъ; въ этомъ же году онъ былъ назначенъ членомъ комитета для изысканія средствъ по возрожденію въ Россіи купеческаго флота, и участвовалъ въ трудахъ комиссіи о монетной системѣ; въ 1859 году назначенъ членомъ комитета по вопросу о пониженіи пошлинъ на иностранный чугунъ и желѣзо, объ устройствѣ с.-петербургскаго порта и по пересмотру системы податей и пошлинъ. Въ 1861 году ему поручено составить проектъ новаго устава комиссіи погашенія долговъ; въ этомъ же году онъ былъ назначенъ членомъ ученаго комитета министерства финансовъ, а въ 1862 году членомъ мануфактурнаго совѣта. Вообще, въ теченіе этого времени Г. П. Небольсинъ принималъ самое дѣятельное участіе почти во всѣхъ особыхъ комиссіяхъ, учреждаемыхъ при министерствѣ финансовъ. Въ 1858 году онъ былъ назначенъ членомъ особой комиссіи по дѣламъ о торговлѣ съ Китаемъ и особой комиссіи для обсужденія предположеній объ измѣненіи въ Россіи монетной единицы; въ 1859 году ему было поручено, вмѣстѣ съ директоромъ департамента торговли и мануфактуръ, составить проектъ особыхъ правилъ объ акціонерныхъ компаніяхъ; въ томъ же году онъ былъ назначенъ членомъ: особой комиссіи для разсмотрѣнія причинъ упадка вексельнаго курса, особаго совѣщанія о мѣрахъ къ отвращенію банковаго кризиса и комиссіи для преобразованія государственнаго коммерческаго банка и составленія новаго устава государственнаго банка; въ 1860 году — членомъ комиссіи для пересмотра нѣкоторыхъ статей таможеннаго тарифа по европейской торговлѣ и особой комиссіи для разсмотрѣнія вопроса о кредитныхъ билетахъ, ихъ вліяніи на народное богатство и о способахъ ихъ уменьшенія; въ 1861 году — членомъ комиссіи, учрежденной при военномъ министерствѣ для обсужденія вопроса о системѣ заготовленія хлѣба для войскъ; въ 1862 году — членомъ особой комиссіи объ устройствѣ земскихъ банковъ и другихъ. Въ томъ же году назначенъ директоромъ особой канцеляріи министра финансовъ по кредитной части, членомъ мануфактурнаго совѣта и завѣдывающимъ дѣлами комитета финансовъ, а въ 1863 году товарищемъ министра финансовъ и сенаторомъ, а также членомъ финансоваго комитета и предсѣдателемъ коммерческаго и мануфактурнаго совѣтовъ и, кромѣ того, предсѣдателемъ особой комиссіи для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся нашей торговли съ Средней Азіей и на Кяхтѣ; въ этомъ же году онъ предсѣдательствовалъ въ комиссіи по пересмотру положенія о правѣ на торговлю и другіе промыслы. Въ должности товарища министра финансовъ покойный оставался до 1866 года, когда былъ назначенъ къ присутствованію въ 4 департаментѣ правительствующаго сената,

откуда 1-го января 1867 года перемѣщенъ въ первый департаментъ и назначенъ предсѣдателемъ особой высочайше учрежденной комиссіи по пересмотру таможеннаго тарифа; 1-го января 1868 года—членомъ государственнаго совѣта по департаменту государственной экономіи. Въ 1875 году, по высочайшему повелѣнію, назначенъ предсѣдателемъ комиссіи для разсмотрѣнія вопросовъ о снабженіи русскихъ желѣзныхъ дорогъ рельсами, подвижнымъ составомъ и прочими принадлежностями; въ 1882 году членомъ совѣщанія по вопросу о закавказскомъ транзитѣ. Кромѣ выдающейся дѣятельности на поприщѣ государственной службы, Г. П. Небольсинъ пріобрѣлъ извѣстность своими статистическими и научно-литературными трудами. Онъ принималъ участіе въ составленіи Плюшаровскаго «Энциклопедическаго лексикона», въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ помѣщалъ статьи по коммерческой исторіи и статистикѣ Россіи, за подписью «Г. Н—ъ», преимущественно въ «Библіотекѣ для Чтенія» и «Трудахъ вольнаго экономическаго общества», въ которомъ состоялъ секретаремъ въ теченіе многихъ лѣтъ и которое въ 1895 году избрало его въ почетные члены. Въ 1835 году онъ составилъ и издалъ «Статистическія записки о внѣшней торговлѣ Россіи», а въ 1847 году «Статистическій обзоръ внѣшней торговли Россіи» (въ 2-хъ частяхъ), за который удостоенъ русскимъ географическимъ обществомъ полной преміи имени Жуковскаго; въ 1851 году предпринялъ собираніе свѣдѣній о состояніи кустарной промышленности и изданіе хозяйственнаго статистическаго описанія Россіи; кромѣ того, вмѣстѣ съ г. Фишеромъ, изданіе «Библіотеки коммерческихъ знаній», оставшейся незаконченною. Послѣдній его печатный трудъ, подъ заглавіемъ «Матеріалы по пересмотру таможеннаго тарифа», изданъ канцеляріею государственнаго совѣта въ 1887 году въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и не поступалъ въ продажу. («Нов.», № 165; «Русск. Вѣд.», № 168; «Русск. Сл.», № 163).

† **Д. Д. Соколовъ.** 16-го іюня въ Гейдельбергѣ внезапно скончался бывшій директоръ института гражданскихъ инженеровъ императора Николая I, тайный совѣтникъ Доримедонтъ Доримедонтовичъ Соколовъ. Покойный родился въ 1831 году. Получивъ первоначальное образованіе въ Вердерской гимназіи въ Берлинѣ, Д. Д. поступилъ въ 1853 году въ строительное училище, при выпускѣ изъ котораго въ 1859 году удостоенъ званія архитекторскаго помощника, причемъ имя его, какъ лучшаго по успѣхамъ, записано на мраморной доскѣ. По окончаніи курса Д. Д. поступилъ на службу сверхштатнымъ техникомъ въ строительную контору министерства императорскаго двора. Въ 1860 году, по порученію строительной конторы, составилъ проектъ предохраненія прудовъ Павловскаго парка отъ загрязненія, съ детальной разработкой плановъ запрудъ и мостовъ; за этотъ проектъ Д. Д. былъ удостоенъ въ 1862 году званія инженеръ-архитектора. Осенью 1862 года началась педагогическая дѣятельность усопшаго: онъ былъ приглашенъ преподавателемъ рисованія въ частную гимназію доктора Видемана, гдѣ занимался до 1864 года. Одновременно онъ началъ преподавать геодезію и исторію архитектуры въ строительномъ училищѣ. Оба эти предмета онъ преподавалъ до 1867 года, когда ему было предложено занять должность преподавателя гражданской архитектуры; спустя три года, Д. Д. по конкурсу былъ избранъ профессоромъ по каѳедрѣ того

же предмета въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Въ 1873 году Д. Д. былъ назначенъ инспекторомъ классовъ строительнаго училища, а спустя четыре года—инспекторомъ, ординарнымъ профессоромъ и членомъ совѣта училища. Дѣятельность покойнаго занимаетъ видное мѣсто въ исторіи строительнаго училища, въ преобразованіи котораго онъ принималъ самое горячее участіе. Въ 1886 году, послѣ смерти Р. Б. Бернгарда, покойный Д. Д. былъ назначенъ на должность директора института гражданскихъ инженеровъ. Независимо отъ того, Д. Д. преподавалъ курсъ гражданской архитектуры въ Николаевской инженерной академіи (1870 — 1885 гг.) и въ с.-петербургскомъ технологическомъ институтѣ (1871 — 1887 гг.). Впослѣдствіи, однако, обширная дѣятельность его по институту гражданскихъ инженеровъ и участіе въ различныхъ спеціальныхъ комиссіяхъ заставили его отказаться отъ этихъ занятій. Съ 1883 года покойный состоялъ совѣщательнымъ членомъ учрежденной при военномъ совѣтѣ комиссіи по постройкѣ казармъ, съ 1886 года—членомъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ комиссіи по постройкѣ коммерческихъ портовъ, съ 1884 по 1891 годъ — членомъ совѣта министерства путей сообщенія, съ 1887 года — членомъ техническаго строительнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Д. Д. былъ въ числѣ первыхъ учредителей кассы гражданскихъ инженеровъ, дающей средства на посылку съ ученой цѣлью за границу лицъ, окончившихъ курсъ въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ. Императорское с.-петербургское общество архитекторовъ создалось при его непосредственномъ участіи; съ самаго основанія общества онъ состоялъ членомъ его, неоднократно выступалъ докладчикомъ въ его засѣданіяхъ и помѣстилъ цѣлый рядъ статей научно-техническаго характера въ органѣ общества «Зодчій». Среди его трудовъ обращаютъ на себя вниманіе «Описаніе перестройки зданія Михайловскаго театра»; «Расширеніе с.-петербургской главной телеграфной станціи»; «Отопленіе и вентиляція Андреевскаго собора въ С.-Петербургѣ»; «Баракъ общества архитекторовъ при Рождественской больницѣ въ С.-Петербургѣ»; «Городская Александровская больница»; нѣсколько литографированныхъ и печатныхъ изданій «Курса гражданской архитектуры» съ атласомъ чертежей и пр. Кромѣ того, покойный помѣщалъ статьи въ журналѣ «Зодчій», «Журналѣ министерства путей сообщенія» и другихъ спеціальныхъ изданіяхъ. Много лѣтъ Д. Д. состоялъ членомъ общества взаимнаго страхованія въ С.-Петербургѣ, участвуя въ разработкѣ техническихъ вопросовъ, касающихся взаимнаго страхованія, и гласнымъ с.-петербургской городской думы. Въ этомъ послѣднемъ званіи Д. Д. много работалъ въ составѣ различныхъ комиссій по вопросамъ техническо-строительнымъ и санитарнымъ. О практическо-строительной дѣятельности покойнаго свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ монументальныхъ сооруженій, выполненныхъ имъ или при его ближайшемъ участіи. Къ нимъ относятся: постройка зданія главной телеграфной станціи, составленіе проекта и постройка зданій Маріинскаго рынка. Вполнѣ самостоятельныя работы Д. Д.: деревянный баракъ с.-петербургскаго общества архитекторовъ при Рождественской больницѣ; всѣ постройки городской барачной больницы въ память С. П. Боткина на 300 заразныхъ больныхъ; расширеніе главной телеграфной станціи съ устройствомъ большого зала для аппаратовъ

и прочихъ помѣщеній; зданіе химической лабораторіи при институтѣ инженеровъ путей сообщенія и много другихъ. («Новости», № 166; «Русскія Вѣдомости», № 165; «Русское Слово», № 162; «Новое Время», № 7300).

† **Н. И. Бѣляевъ.** 9-го іюля на Ваганьковскомъ кладбищѣ опустили въ могилу прахъ скончавшагося отъ чахотки адвоката и поэта Николая Ивановича Бѣляева. Дѣятельность покойнаго, какъ опытнаго юриста, началась еще при старомъ судопроизводствѣ въ качествѣ присяжнаго стряпчаго и продолжалась безпрерывно до 1886 года при московской судебной палатѣ, а затѣмъ при харьковской. Состоя членомъ многихъ благотворительныхъ обществъ, какъ-то: человѣколюбиваго, общества попеченія о нуждающихся семействахъ воиновъ, потерявшихъ здоровье на службѣ, и другихъ, покойный отличался благотворительной дѣятельностью; кромѣ того, онъ былъ извѣстенъ по литературнымъ трудамъ и стихотвореніямъ, отличавшимся патріотическимъ настроеніемъ, какъ, напримѣръ: «Мольба Россіи», «На коронацію его императорскаго величества государя императора Александра III» и проч. («Московскія Вѣдомости», № 189).

† **С. Л. Зосимовичъ.** Во второй половинѣ іюня мѣсяца въ городѣ Поневѣжѣ скончался на 59-мъ году жизни видный дѣятель Западнаго края протоіерей Софроній Лукичъ Зосимовичъ, законоучитель учительской семинаріи и реальнаго училища. Будучи въ 60-хъ годахъ, въ самый разгаръ польскаго мятежа, священникомъ ковенскаго собора, онъ принялъ дѣятельное участіе въ поддержкѣ русскаго общества противъ мятежниковъ. Онъ произносилъ всегда живыя проповѣди и помѣщалъ въ мѣстной печати и въ большихъ журналахъ статьи по наиболѣе животрепещущимъ вопросамъ изъ западно-русской жизни, поддерживалъ сношенія и переписку со всѣми выдающимися дѣятелями западнаго края. По мысли о. Софронія возникло, вблизи Ковны, первое русское поселеніе — Александровская слобода. Онъ первый возвысилъ свой голосъ по вопросу объ устройствѣ мѣстнаго русскаго сельскаго населенія, состоявшаго изъ бѣдныхъ безземельныхъ бобылей и томившагося въ тяжелой зависимости отъ иноплеменной и иновѣрной народной массы. Статья о. Софронія «О гоненіяхъ на православныхъ въ Ковенской губерніи отъ польскихъ мятежниковъ въ 1863 году» представляетъ яркую картину русской жизни въ Западномъ краѣ въ началѣ 60-хъ годовъ. Перемѣстясь въ 1866 году въ городъ Тельши (на Жмудь), о. Софроній здѣсь нашелъ для себя много новаго и живого дѣла, какъ устройство русскихъ поселеній, заведеніе впервые ученическихъ квартиръ и ссудо-сберегательныхъ кассъ для русско-православныхъ поселянъ. Благодаря его заботамъ, была открыта учительская семинарія въ Поневѣжѣ, и въ теченіе четверти вѣка о. Зосимовичъ отдавалъ ей всѣ свои силы. («Новое Время», № 7303).

† **М. В. Миловскій.** 8-го іюня въ Шуѣ скончался, на 78 году отъ рожденія, протоіерей Михаилъ Васильевичъ Миловскій. Онъ происходилъ изъ древняго духовнаго рода, давшаго не мало полезныхъ дѣятелей и на другихъ поприщахъ. Между прочимъ изъ этого почтеннаго рода въ началѣ нынѣшняго столѣтія выдѣлилась вѣтвь тверскихъ дворянъ Новосильскихъ, представителемъ которой былъ знаменитый герой русско-турецкой войны 1828—

1829 годовъ, генералъ-адъютантъ и членъ государственнаго совѣта Ѳ. М. Новосильскій. По окончаніи курса во Владимірской семинаріи, М. В. былъ отправленъ на казенный счетъ въ Московскую духовную академію. По окончаніи въ 1842 году академическаго курса кандидатомъ, онъ былъ опредѣленъ на службу въ Тобольскую семинарію, гдѣ проходилъ должности преподавателя словесности, помощника инспектора и эконома. Изъ Тобольской семинаріи М. В. переведенъ былъ, въ 1846 году, въ семинарію Владимірскую, гдѣ преподавалъ священное писаніе и другіе предметы. Въ 1850 году М. В. былъ рукоположенъ во священника въ городъ Шую, къ храму Всемилостиваго Спаса. Кромѣ священнической службы, онъ проходилъ здѣсь разныя другія должности — былъ катихизаторомъ и благочиннымъ сельскихъ церквей. По его мысли въ Шуѣ была открыта, въ 1873 году, прогимназія, вскорѣ преобразованная въ гимназію. М. В., въ томъ же году возведенный въ санъ протоіерея, былъ первымъ законоучителемъ этого учебнаго заведенія. Въ 1893 году покойный уволился отъ всѣхъ должностей и вышелъ за штатъ. За свои заслуги покойный имѣлъ много знаковъ отличія. Послѣдними его наградами были палица и орденъ св. Владиміра 3-й степени. Изъ печатныхъ трудовъ покойнаго отмѣтимъ «Воспоминанія о Московской академіи», помѣщенныя въ «Русскомъ Архивѣ» за 1893 годъ, которыя обратили на себя общее вниманіе. («Московскія Вѣдомости», № 163).

† **Л. І. Грассъ.** 11 іюня въ Казани скоропостижно скончался предсѣдатель Казанской судебной палаты Людвигъ Іеронимовичъ Грассъ. Покойный родился въ 1841 году и получилъ высшее образованіе на юридическомъ факультетѣ Петербургскаго университета. По окончаніи курса съ званіемъ дѣйствительнаго студента въ 1862 году, онъ поступилъ на службу по министерству юстиціи и, въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ занимая различныя должности по судебному вѣдомству, въ послѣдне время состоялъ предсѣдателемъ Казанскаго окружнаго суда, а съ прошлаго года предсѣдателемъ Казанской судебной палаты. Покойному принадлежало много статей по вопросамъ права, напечатанныхъ въ юридическихъ журналахъ; отдѣльно же имъ изданы брошюра «Психопатическая конституція, какъ самостоятельный поводъ невмѣненія» и большой трудъ подъ заглавіемъ: «Страхованіе сельско-хозяйственныхъ посѣвовъ отъ неурожая» (Казань, 1891 г.). Послѣдняя работа преимущественно обратила на себя всеобщее вниманіе и даже за границей, особенно во Франціи, была встрѣчена съ большимъ интересомъ. Справедливость требуетъ, однако же, замѣтить, что, богатая статистическимъ матеріаломъ, работа покойнаго не выдерживаетъ научной критики съ точки зрѣнія теоріи страхованія. («Новости», № 161; «Московскія Вѣдомости», № 161; «Русскія Вѣдомости», № 163; «Русское Слово», № 162).

† **І. П. Печаткинъ.** 29 іюня въ Уфимской губерніи скончался Іоакимъ Петровичъ Печаткинъ, одинъ изъ владѣльцевъ извѣстной писчебумажной фабрики и видный русскій дѣятель въ Прибалтійскомъ краѣ въ шестидесятыхъ годахъ, когда рижское общество сплотилось для борьбы съ германизаціею края и создало многочисленныя благотворительныя и иныя учрежденія, сохраняющіяся въ большинствѣ и понынѣ. І. П. Печаткинъ получилъ высшее образованіе въ

Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ, а затѣмъ кончилъ курсъ въ горномъ училищѣ въ Фрейбургѣ. Вернувшись въ Россію, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ управлялъ на Уралѣ большимъ горнымъ заводомъ, а въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ торговою фирмою братьевъ Поповыхъ въ Ригѣ и въ это время явился однимъ изъ энергичнѣйшихъ ревнителей русскаго дѣла на окраинѣ. Онъ былъ однимъ изъ учредителей Петропавловскаго братства и его предсѣдателемъ, а также директоромъ правленія и предсѣдателемъ III рижскаго общества взаимнаго кредита и учредителемъ или членомъ многихъ русскихъ обществъ. По своимъ убѣжденіямъ I. П. Печаткинъ—славянофилъ и одинъ изъ учредителей С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества. Послѣдніе годы онъ завѣдывалъ дѣлами красносельской писчебумажной фабрики Печаткиныхъ. Онъ также поправилъ дѣла акціонернаго общества печатнаго дѣла, издающаго газету «Herold», состоя послѣдніе годы предсѣдателемъ этого общества. Во время самарскаго голода имъ собрано было въ Ригѣ 50 тысячъ рублей для самарцевъ. («Новое Время», № 7309; «Русское Слово», № 179).

† **А. Е. Земцовъ.** 3 іюля въ Лѣсномъ скончался отъ чахотки на 40-мъ году жизни одинъ изъ талантливыхъ русскихъ художниковъ-иллюстраторовъ Александръ Ефимовичъ Земцовъ. Покойный съ малыхъ лѣтъ сталъ проявлять особую любовь къ рисованію и усидчивымъ трудомъ пробилъ себѣ дорогу до академіи художествъ, въ которой въ 1883 году и окончилъ курсъ со званіемъ классного художника 2-й степени. Покойный работалъ преимущественно въ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Изъ большихъ его произведеній слѣдуетъ указать на картину «Смерть Ивана Сусанина», вызвавшую въ свое время сочувственные отзывы прессы. Оригиналъ этой картины былъ пріобрѣтенъ редакціей газеты «Сынъ Отечества», и копіи съ нея распространились по Россіи въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, а затѣмъ оригиналъ былъ поднесенъ на первой всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году государю императору Николаю II. Нынѣ картина эта находится въ кабинетѣ его величества («Русское Слово», № 180; «Новое Время», № 7318).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ напечатанномъ въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» разсказѣ А. В. Эвальда про Бѣлорусскій бунтъ затронута честь и доброе имя бывшаго совѣтника Гатчинскаго дворцоваго правленія подполковника Ольдерогге. Въ виду представленныхъ его сыновьями, полковникомъ Ѳ. В. Ольдерогге и докторомъ В. В. Ольдерогге, объясненій и доказательствъ ошибочности приведенныхъ въ названной статьѣ свѣдѣній, редакція считаетъ долгомъ заявить, что авторъ разсказа не сообщилъ ей никакихъ доказательствъ неблаговидныхъ поступковъ означеннаго лица; но что напротивъ подполков-

никъ Ольдерогге доблестно участвовалъ въ Отечественной войнѣ, всюду, гдѣ служилъ, оставлялъ лестную память по себѣ, какъ у начальниковъ, такъ и сослуживцевъ; что въ честности его не можетъ быть сомнѣнія, что̀ подтверждается документами, представленными его сыновьями; а также что подполковникъ Ольдерогге никогда не былъ отрѣшаемъ отъ должности, а при увольненіи, по своему прошенію, отъ службы былъ произведенъ въ чинъ полковника съ пенсіею и мундиромъ, заслуженнымъ имъ во 2-мъ саперномъ баталіонѣ.

тогда умереть; они кончали съ собою выстрѣлами изъ пистолетовъ, прокалывали себя штыками, бросались снова въ воду съ широко раскрытымъ ртомъ и закрытыми глазами.

Вдругъ русская батарея, подлѣ которой находился Верди, открыла огонь. Ядра свистѣли, бороздили это человѣческое поле, и вырываемыя ими жертвы съ глухимъ шумомъ валились въ рѣку...

Верди не могъ выдержать этого зрѣлища. Не размышляя, не давая себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходило, онъ полагалъ, что гибла вся французская армія. Онъ не чувствовалъ болѣе своихъ страданій и ощущалъ лишь позоръ, дотолѣ неизвѣстный французскому знамени. Мысль объ этомъ величайшемъ безчестіи все болѣе и болѣе овладѣвала его помутившимся умомъ, и онъ приближался къ тому крайнему напряженію печали, за предѣлами котораго человѣкъ впадаетъ въ безуміе; соскользнувъ съ лошади, онъ упалъ и бился о снѣгъ, ломая себѣ руки. Рѣдко на долю одного человѣка выпадаетъ несчастье ощущать на себѣ всю тяжесть общаго бѣдствія, бичующаго весь міръ; рѣдко все, что есть въ войнѣ жестокаго, неправаго, роковою, обрушивается на одну, единичную совѣсть.

Неожиданно возникла новая опасность, которая могла оказаться спасеніемъ: промерзлая земля зазвенѣла отъ паденія ядра, прилетѣвшаго неизвѣстно откуда — съ неба или съ земли. Удивленный, почти радостный, онъ выпрямился и увидѣлъ, что по ту сторону рѣки, на возвышенности, влѣво отъ лѣса, въ который врѣзывалось шоссе, выстроилась и открыла огонь французская батарея. Орудійная прислуга суетилась вокругъ своихъ пушекъ, на ея мохнатыхъ шапкахъ развѣвались красные султаны: это была гвардейская конная артиллерія. Значитъ, гвардія перешла, императоръ перешелъ, армія продолжала идти къ своимъ зимнимъ квартирамъ; всѣ тѣ, которые виднѣлись на другомъ берегу, были спасены...

— Дайте мнѣ оружіе! — кричалъ онъ, — не мѣшайте мнѣ убить себя! Убейте меня сами!.. Я достаточно страдалъ!..

Объясняя жестомъ свою просьбу о смерти, онъ раскрылъ свой долманъ, разстегнулъ рубашку и обнажилъ свою грудь, уставшую дышать. Но ни одинъ изъ казаковъ не оказалъ ему просимой милости; онъ звалъ, обращаясь къ тому берегу, туда, гдѣ еще была Франція, затѣмъ прошелъ нѣсколько шаговъ, куда глаза глядѣли, и вернулся, не отыскавъ выхода, закрытаго со всѣхъ сторонъ. Но тутъ смерть какъ бы услышала его зовъ; истекая кровью, онъ впалъ въ забытье, котораго не могли нарушить ни стрѣльба сосѣдней батареи, ни отдаленный шумъ битвы.

Когда онъ пришелъ въ себя, Студянка продолжала дымиться; сраженіе на правомъ берегу происходило такъ далеко, что его не было видно; вѣтеръ дулъ уже съ сѣвера, и ничего болѣе не было слышно.

— Гдѣ я? — спросилъ онъ, приподнявшись, и оправилъ свою одежду, только что обшаренную казаками.

Лицо казака, ранившаго его, съ любопытствомъ склонилось надъ нимъ; онъ не узналъ его. Боль въ рукѣ заставила его вспомнить о ранѣ и о случившихся событіяхъ. Снова онъ посмотрѣлъ туда, за рѣку, въ сторону Франціи. Тамъ, на полянѣ, уже не было артиллеристовъ, все было кончено: великая армія перешла черезъ Березину. Точно для того, чтобы отмѣтить конецъ этого рокового событія, пошелъ снѣгъ, густой, мягкій, беззвучный, застилавшій саваномъ всѣхъ умершихъ.

Верди понялъ теперь планъ императора: демонстрація въ Ухолодѣ, переходъ здѣсь, преднамѣренное принесеніе въ жертву дивизіи Партуно, роль охранителя, до конца выдержанная Викторомъ. И чѣмъ онъ яснѣе понималъ все это, тѣмъ сильнѣе страдалъ. На глазахъ его показались слезы, слезы солдата и человѣка съ сердцемъ. А казакъ, попрежнему склонившись надъ нимъ, смотрѣлъ на него съ нѣжнымъ сочувствіемъ и, улыбаясь его слезамъ, указывалъ ему пальцемъ на небо.

XI.

На слѣдующій день многочисленные отряды плѣнныхъ отправились изъ Борисова по всѣмъ направленіямъ. Въ одномъ изъ нихъ, состоявшемъ изъ ста человѣкъ, направляемыхъ въ Харьковъ, находился Верди съ казакомъ, который добровольно превратился въ его тѣлохранителя. Его звали Михайлой, и, хотя у него не было никакого чина, но товарищи уважали въ немъ его старость и повиновались ему.

Каждый день отрядъ, поѣвъ каши, покидалъ ночлегъ въ семь часовъ утра; вечеромъ, остановившись, ужинали; повсюду пристанищъ было довольно, хозяева были сострадательны, мирный сонъ продолжался до утра. Послѣ стольких страданій эта правильная жизнь, при всемъ ея уныломъ однообразіи, представлялась Верди не лишенною счастья. Его рана закрылась, и онъ считалъ ее зажившею. Такъ какъ у него отняли только деньги, бывшія въ карманахъ, то онъ съ удовольствіемъ ощупывалъ у себя за поясомъ кошелекъ, надолго обезпечивавшій ему пищу, питье и одежду. Онъ сильно скучалъ отъ невозможности говорить на своемъ родномъ языкѣ, но, въ концѣ концовъ, среди рядовъ поляковъ и пруссаковъ замѣтилъ гусара своего полка, котораго сначала не узналъ. Дѣйствительно, этотъ жалкій, сгорбившійся, обезображенный человѣкъ, этотъ инвалидъ, почернѣвшій отъ дыма бивуачныхъ огней, мало напоминалъ красиваго восемнадцатилѣтняго юношу-рекрута, поступившаго въ полкъ за два дня до перехода черезъ Нѣманъ. Его, покрытыя морщинами, сблизившіяся вѣки закрывали его голубые глаза;

одни лишь зубы, блестѣвшіе ослѣпительной бѣлизною среди рта, носившаго слѣды страданій, говорили объ его молодости и здоровьи. Пышный широкій плащъ изъ розовой шелковой матеріи, затканной серебромъ, который онъ выкроилъ изъ какого нибудь бальнаго платья, скрывалъ его разорванную форменную одежду. Онъ не переставалъ стонать и плакать.

— У меня былъ славный маленькій конь, поручикъ. Онъ везъ мои пожитки, хлѣбъ и двѣ бутылки рома...

При воспоминаніи объ этихъ двухъ бутылкахъ новые стоны прервали его рѣчь: онъ задыхался отъ горя.

— Ну, Малье, не убивайся... не думай о своемъ конѣ. У меня тоже отняли лошадь... Значить, тебя взяли передъ мостомъ, какъ и другихъ?

— Да, поручикъ.

— А почему ты не перешелъ черезъ рѣку?

— Я хотѣлъ перейти, но на берегу столько костровъ... Другіе тоже не переходили... я соблазнился и сталъ грѣть свои руки... они накормили меня...

— И ты забылъ о переходѣ?

— Да, поручикъ; я не знаю, какъ это случилось... Мнѣ было тепло, поручикъ, было тепло...

И онъ снова заплакалъ.

На ночлегѣ, въ первый вечеръ послѣ ихъ встрѣчи, какой-то ребенокъ подалъ Верди два печеныя яблока.

— Вотъ, возьми, Малье, подѣлимся, — предложилъ офицеръ.

Солдатъ осмотрѣлъ яблоко, понюхалъ, откусилъ отъ него кусокъ, а затѣмъ съ отвращеніемъ бросилъ его въ сторону.

— Это не такія яблоки, какъ у насъ, — проговорилъ онъ.

И съ этихъ поръ онъ постоянно сравнивалъ всѣ встрѣчавшіеся ему предметы съ тѣмъ, что видѣлъ у себя на родинѣ; онъ дошелъ до того, что находилъ снѣгъ слишкомъ бѣлымъ, слишкомъ холоднымъ и гораздо хуже, чѣмъ на Юрѣ. Онъ протянулъ еще трое сутокъ, но съ каждымъ часомъ мрачное отчаяніе все сильнѣе овладѣвало имъ; смотря вокругъ себя блуждающимъ взглядомъ, онъ, казалось, искалъ своего сознанія, разсѣявшагося вдали, по предметамъ, вызывавшимъ его безграничную печаль. Однако онъ еще нашелъ въ себѣ достаточно жизненной силы, чтобы спросить, не покажется ли скоро морской берегъ, почему эта страна такъ плоска, когда же, наконецъ, дойдутъ до моря...

Однажды, выступая изъ Могилева въ прекрасное морозное утро, когда отрядъ собрался на одну изъ тѣхъ утреннихъ перекличекъ, на которыхъ каждый разъ недоставало нѣсколькихъ новыхъ номеровъ, замѣтили Малье висящимъ подъ вывѣской какой-то лавки. Онъ вышелъ ночью и повѣсился.

«Главное, видите ли, хотѣть жить»... вспомнились Верди слова

Маржорэ, и, желая проникнуться этою мыслью, онъ сталъ напѣвать какую-то солдатскую пѣсню, но, тѣмъ не менѣе, не могъ удержаться, чтобы не сказать глазами «прости» этому мертвецу, бывшему его солдатомъ и слугою.

Какъ разъ въ это мгновеніе, зашатавшись отъ внезапной боли въ ранѣ, онъ почувствовалъ одно изъ тѣхъ головокруженій, которыя, со времени его несчастій, часто случались съ нимъ. Онъ остановился и, пропустивъ впередъ нѣсколько рядовъ, подождалъ, пока съ нимъ сравнялся Михайло.

— Это все ты виноватъ, старый дикарь... я страдаю,—сказалъ онъ и пошелъ съ нимъ рядомъ.

Казакъ понялъ его по жестамъ и, тронутый выраженіемъ упрека въ голосѣ раненаго, покорно поднесъ руку къ своей папахѣ. Она была украшена мѣднымъ крестомъ, а вокругъ нея развѣвались густыя сѣдоватыя кудри, среди которыхъ улыбалось странное лицо, мужественное и утомленное, покорное и внушавшее уваженіе, добродушное и жестокое.

Съ тѣхъ поръ, держась за древко пики, прислонившись къ тюку сѣна, постоянно перекинутому черезъ лошадь, Верди не отходилъ болѣе отъ Михайлы. Они прошли Стародубъ, Глуховъ... позднѣе онъ нашелъ эти названія на картѣ, прослѣдя по ней пройденный имъ горестный путь. Но тогда эти похожіе одинъ на другой города имѣли мало значенія для него: онъ добирался до нихъ въ концѣ дней, походившихъ одинъ на другой и казавшихся ему неизбѣжными промежутками, отдѣлявшими полные безмолвія дни отъ ночей, наполненныхъ страданіями. Невзрачные дома, безпорядочно разбросанные по обѣимъ сторонамъ улицъ, маленькія лавченки съ непонятными вывѣсками, колокольни въ формѣ грушъ, проносившіяся сани, закутанные люди, скобливщіе снѣгъ,— все это были тѣ же мирныя, гармоничныя картины, но онѣ уже не успокоивали его, какъ въ первое время странствія, а скорѣе оскорбляли его своей безмятежностью и какъ бы смѣялись надъ нимъ. Однако, нѣкоторыя изъ встрѣченныхъ имъ лицъ случайно запечатлѣвались въ его памяти. Однажды какая-то дѣвушка надоѣла ему своими заигрываніями и улыбками; она умѣла сказать пофранцузски: «я васъ люблю... вы красивы». Въ другомъ мѣстѣ толстый цвѣтущій монахъ полатыни увѣщевалъ его покаяться, предупреждая, что вскорѣ онъ предстанетъ предъ лицомъ Господа... Наконецъ, подошелъ какой-то работникъ, объявившій ему, что онъ французскій солдатъ. Послѣ Смоленска, видя, что армія идетъ такъ далеко, онъ дезертировалъ и поступилъ случайно къ какому-то помѣщику, а теперь вернется въ Парижъ, какъ только накопитъ денегъ на дорогу.

Михайло каждый вечеръ давалъ ему хлѣба и свиного сала, чѣмъ несомнѣнно спасъ ему жизнь, потому что у него самого не хватило бы необходимой энергіи, чтобы достать себѣ пищи. Однако, возста-

новить свои силы съ каждымъ днемъ становилось все болѣе необходимымъ для него по мѣрѣ того, какъ право сильнаго все болѣе и болѣе воцарялось среди этой группы людей, жалкихъ, впавшихъ, благодаря борьбѣ за существованіе, въ почти животное состояніе. Вдобавокъ ко всему, въ отрядѣ стали развиваться диссентерія и другія заразныя болѣзни, и оставшіеся здоровыми, видя въ своемъ здоровьѣ новое преимущество для себя, пользовались имъ съ особымъ безсердечіемъ. Однажды, ночью, дежурный казакъ, обходя спящихъ, увидѣлъ, какъ нѣмецкій унтеръ-офицеръ пытался задушить своего сосѣда по ночлегу. Его наказали кнутомъ и заковали въ цѣпи; потомъ онъ терпѣливо поплелся далѣе, привязанный къ хвосту лошади.

На одномъ изъ ночлеговъ Верди почувствовалъ себя особенно дурно. Онъ привсталъ, думая, что это облегчитъ его. Въ это мгновеніе въ избу вошелъ Михайло. Его взглядъ встрѣтился со взглядомъ Верди, и на его лицѣ тотчасъ же отразились состраданіе и раскаяніе. Онъ приблизился къ больному, обдавъ его запахомъ водки, взялъ его за руку, осмотрѣлъ рану и принялся покачивать головою, внимательно слѣдя за синеватыми жилками, проступавшими подъ кожею. Онъ перекрестился, глубоко вздохнулъ и вышелъ.

Черезъ минуту онъ вернулся, неся съ улыбкой полное ведро воды; онъ засучилъ рукава, досталъ изъ сѣдла полотенце и, не переставая говорить своему плѣннику медленнымъ, ласкающимъ тономъ, какимъ разсказываютъ маленькому ребенку сказку, принялся обмывать рану. Свѣжесть этого прикосновенія заставила Верди содрогнуться и прійти въ себя. Казакъ довершилъ всѣ свои заботы, угостивъ раненаго глоткомъ водки, затѣмъ, изъ вѣжливости, и самъ выпилъ.

На слѣдующій день пришлось сдѣлать большой переходъ. Теперь съ каждымъ шагомъ характеръ мѣстности мѣнялся. Изъ-подъ бѣлоснѣжнаго покрова зимы пробивались наружу многочисленныя деревни. Дорога, утративъ холодную прямолинейность, съ которою прорѣзывала степь, теперь огибала холмы, уходя вдаль извилистой лентой, обозначенной рядомъ столбовъ, возвышавшихся на каждой верстѣ.

— Когда же, наконецъ, я умру?...—думалъ Верди безъ малѣйшаго непріятнаго чувства, и это безстрастіе, само по себѣ, служило нагляднымъ доказательствомъ полнаго истощенія его силъ.

Въ первый разъ его лихорадка не уменьшилась утромъ; ослѣпленный блескомъ снѣга, утомленный звономъ въ ушахъ, онъ здоровою рукою поддерживалъ больную, оттягивавшую ему плечо. Во время полуденнаго привала онъ впалъ въ забытье. Казаки снова поставили его на ноги, напоивъ его водкою, и онъ шелъ въ теченіе двухъ часовъ, пьяный, стонущій отъ боли. Затѣмъ онъ снова упалъ и уже не могъ болѣе приподняться. Тогда Михайло пристроилъ его

у себя на лошади. Время отъ времени онъ ощупывалъ его, боясь, не замерзъ ли онъ, и, спуская его съ лошади, заставлялъ пройти пѣшкомъ нѣсколько шаговъ. Такимъ образомъ они миновали лѣсъ, а тамъ наступилъ вечеръ, и, такъ какъ по близости виднѣлись строенія, начальникъ отряда рѣшилъ остановиться, чтобы провести тамъ ночь.

Влѣво отъ дороги отдѣлялась аллея, которая вела къ зданію, напоминавшему нѣчто въ родѣ небольшого зàмка, въ два этажа, съ боковыми флигелями и террасою по серединѣ; другая аллея шла вправо, къ службамъ. Отрядъ остановился на перекресткѣ, а офицеръ отправился въ домъ съ просьбою о ночлегѣ. Онъ вернулся и сообщилъ, что это имѣніе называется Бѣлый Хуторъ и принадлежитъ помѣщику Гвоздеву. Баринъ отправился на охоту съ самаго утра, и придется подождать его, такъ какъ это человѣкъ крутого нрава, и въ его отсутствіе никто не рѣшается пустить въ домъ чужихъ.

Однако, въ концѣ аллеи показались двѣ женщины, закутанныя въ шубы. Одна изъ нихъ опережала другую, приближавшуюся, какъ казалось, нехотя. Скоро можно было разсмотрѣть ихъ костюмъ и лица и отличить госпожу отъ служанки, молодую дѣвушку отъ старушки-няни. Сзади нихъ слуги несли въ корзинахъ и горшкахъ хлѣбъ, соль, масло, молоко и чай.

— Ну, поднимайтесь, каины, проклятые! Добрые люди идутъ къ вамъ на помощь,— кричали казаки плѣннымъ.

Растолкавъ ихъ ногами и пиками, они заставили несчастныхъ встать и выстроиться. Одинъ лишь Верди остался лежать распростертымъ на землѣ. Михайло, стоя возлѣ него, не позволялъ обижать его.

— Посмотри-ка, Саша, какой этотъ блѣдный,— проговорила молодая дѣвушка, остановившись передъ нимъ и держа въ рукахъ стаканъ горячаго чая.— Онъ не хочетъ пить,— съ изумленіемъ прибавила она, когда Верди, поддерживаемый Михайлой, покачалъ головой.

— У него лихорадка, — объяснилъ Михайла, — предложите ему чего нибудь холоднаго, и онъ выпьетъ. Ему хочется лишь холоднаго, и когда я не нахожу для него воды, онъ ѣстъ снѣгъ. Онъ не старается выздоровѣть, онъ хочетъ смерти.

— Какая жалость! Такой молодой человѣкъ!... Это французъ, это видно по его лицу... Онъ офицеръ?

— Да, у него есть крестъ, какіе имъ даетъ ихъ императоръ. Онъ храбрый, я это знаю, потому что, по несчастью, я его ранилъ, забирая въ плѣнъ. Онъ во весь духъ скакалъ за нами, чтобы прорваться сквозь насъ, одинъ противъ всѣхъ. Тогда я попалъ пикой ему въ руку. Съ тѣхъ поръ я оберегаю и кормлю его. Только часъ тому назадъ я не далъ ему замерзнуть. Но, не смотря на это, его

болѣзнь усиливается; я боюсь, что Богъ за мои грѣхи пошлетъ ему смерть...

Молодая дѣвушка отошла въ сторону, чтобы вполголоса переговорить съ няней, которая съ ужасомъ подняла къ небу руки.

— Слушай, Саша: сдѣлаемъ, какъ намъ велитъ заповѣдь Господня. Попросимъ солдатъ, чтобы они дали намъ больного, а если они откажутъ, заплатимъ имъ...

— Подумайте, Вѣра Ивановна, что вы хотите сдѣлать! Купить этого человѣка! А что скажетъ баринъ?

— Конечно, онъ будетъ сердиться. Но отъ его гнѣва я не умру, а мое равнодушіе можетъ погубить это несчастное Божье созданіе. Посмотри-ка, вѣдь его жизнь держится на одномъ волоскѣ... Онъ такъ несчастенъ, что желаетъ смерти... Ну, выкупимъ его и заставимъ желать жизни. Подумай, Саша, о его матери и сестрѣ... Кто знаетъ, быть можетъ, онъ женатъ... подумай объ его маленькихъ дѣтяхъ, Саша. Разыщи офицера и скажи ему, что я заплачу, сколько онъ хочетъ. Скажи ему, что мы пригласимъ къ больному доктора и будемъ стеречь плѣнника, а когда война кончится, и онъ выздоровѣетъ, то мы отпустимъ его на свободу. Ступай, Саша... Я заплачу червонцами...

Старуха колебалась, вздыхала, наконецъ, перекрестившись, послушалась, пошла и вернулась съ отвѣтомъ.

— Ты говоришь — водки, Саша? А, грѣховодники! Но, ступай, они не помѣшаютъ мнѣ сдѣлать доброе дѣло. Дай имъ водки, если они хотятъ, но немного, чтобы они не напились.

Верди, понимая, что рѣчь идетъ о немъ, привсталъ на половину. Опершись на локоть, онъ наблюдалъ. Подъ вліяніемъ одного изъ тѣхъ наитій, которыя не покидаютъ человѣка въ минуту самой сильной опасности, онъ угадывалъ, что этотъ ребенокъ былъ для него послѣднею возможностью спасенія; онъ привсталъ еще болѣе, чтобы высвободить свою лѣвую руку, и послалъ ей нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ.

Она увидѣла это, поняла его и улыбнулась.

Офицеръ, командовавшій отрядомъ, потребовалъ отъ нея письменнаго удостовѣренія, что она добровольно приняла раненаго въ свой домъ и обязуется, по первому востребованію военныхъ властей, предоставить его. Няня, по приказанію барышни, отправилась впередъ готовить постель, распорядилась затопить печку въ пустой комнатѣ въ нижнемъ этажѣ. Затѣмъ двое слугъ въ сопровожденіи Михайлы отправились за больнымъ и въ креслѣ внесли его въ домъ.

XII.

Наступила ночь. Гвоздевъ возвращался въ саняхъ съ охоты, какъ вдругъ замѣченные имъ издали большіе костры, разложенные

близъ его деревни, встревожили его; увидѣвъ, что они зажжены казаками, готовившими себѣ ужинъ, онъ въ сильномъ раздраженіи подъѣхалъ къ первымъ избамъ.

— Мнѣ кажется, всѣ эти фараоны нарочно явились изъ ада, чтобы сжечь мою усадьбу,—ворчалъ онъ, грозя палкой своему старостѣ Голобородку.

— Вѣра Ивановна приказали намъ принять ихъ, дать имъ соломы. Онѣ сами изволили взять въ домъ французскаго офицера.

— Французъ у меня!... Подъѣзжай къ дому, Миша!...

Гвоздевъ, опираясь на палку, выскочилъ изъ саней и самъ грубо толкнулъ дверь, не ожидая, чтобы отворили ее. Сзади него слуги внесли двухъ убитыхъ медвѣдей.

— Какъ я рада, что ваша охота была такъ удачна! — проговорила Вѣра, быстро идя къ нему на встрѣчу, и поцѣловала ему руку.

— А я, я не радъ,—спокойно отвѣчалъ онъ, такъ какъ его гнѣвъ сразу утихъ при видѣ молодой дѣвушки: — да, я не радъ, что ты пріютила подъ нашимъ кровомъ проклятаго изъ проклятыхъ.

— Отецъ, это раненный офицеръ... Я боялась, что онъ умретъ у нашихъ дверей... Начальникъ отряда отказывался уступить мнѣ плѣнника; я должна была заплатить, чтобы получить его согласіе

— Заплатить, чтобы имѣть у себя врага?.. И моими деньгами?. Заплатить за эту собаку моими деньгами? Зачѣмъ ты сдѣлала это?

Онъ сжималъ ее за кисть руки и смотрѣлъ на нее сверкавшими отъ злобы глазами. Она поблѣднѣла, но не сдалась.

— Я вѣдь сказала вамъ, папа... Я купила его, чтобъ вернуть его къ жизни.

XIII.

Когда Верди проснулся, утренній свѣтъ уже проникалъ въ комнату черезъ высокія окна. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на богатую обстановку комнаты, а затѣмъ его глаза остановились на маленькомъ столикѣ у кровати. На немъ находились его деньги, письма, портретъ матери и три миніатюры, унаслѣдованныя отъ Маржерэ. Тамъ же стояло небольшое зеркало, и онъ взялъ его, чтобы посмотрѣть на себя. Его впалыя щеки и мертвенный цвѣтъ лица заставили его ужаснуться; онъ откинулъ назадъ сѣдоватые волосы, бѣлѣвшіе у него на вискахъ. При этомъ онъ улыбнулся и обнаружилъ блѣдныя десны и почернѣвшіе зубы.

— Выздоровѣю ли я?—воскликнулъ онъ, съ боязнью ощупывая свою руку со вновь наложенной повязкой. — Да, я выздоровѣю,— заключилъ онъ, — эти люди хорошо ухаживаютъ за мною.

Въ это время въ корридорѣ послышались легкіе шаги и веселый, проникающій въ душу голосъ, разговаривавшій съ кѣмъ-то.

— Гдѣ же я слышалъ этотъ голосъ?—думалъ Верди, роясь въ

воспоминаніяхъ, пока не остановился, наконецъ, на образѣ молодой дѣвушки, которая наканунѣ говорила о немъ съ Михайлой.

— Вѣра Ивановна... — проговорилъ онъ. — Русскій языкъ такъ красивъ, мелодиченъ въ устахъ женщинъ!

Онъ рѣшился наслаждаться всѣмъ, что окружало его. Въ дверь вошла со своимъ угрюмымъ видомъ няня Александра, помѣшала дрова въ печкѣ и прибрала комнату. Затѣмъ ручка замка снова повернулась, и изъ-за полуотворенной двери выглянула Вѣра; черезъ минуту она также вошла и поставила на столъ вазочку съ блѣднымъ гіацинтомъ. Онъ поклонился, поблагодарилъ ее и сказалъ комплиментъ пофранцузски; въ отвѣтъ она присѣла, промолвила нѣсколько словъ порусски, которыхъ онъ не понялъ, и выбѣжала изъ комнаты.

— Она не знаетъ пофранцузски, — подумалъ онъ.

И мысль объ одиночествѣ снова стала терзать его. Но не успѣла старуха, въ свою очередь, удалиться, какъ Вѣра снова явилась, идя нацыпочкахъ.

— Поговоримте теперь,—сказала она улыбаясь.

— Да, поговоримте, такъ какъ, къ счастью, вы знаете мой языкъ, Вѣра Ивановна.

— Вы назвали меня по имени,— замѣтила она, — а я не знаю, какъ звать васъ.

— Жакъ Верди.

— Скажите также, какъ звали вашего отца.

— Антуанъ Верди.

— Такъ вотъ, Яковъ Антоновичъ, вамъ не слѣдуетъ безпокоиться относительно вашей болѣзни. Сейчасъ пріѣдетъ Дунковъ; это—очень хорошій докторъ; онъ лѣчитъ насъ всѣхъ. Въ особенности онъ умѣетъ залѣчивать раны. Впрочемъ, что такое рана на рукѣ? Раны на тѣлѣ могутъ повредить внутренніе органы, а раны на рукѣ!?... Значитъ, вы поправитесь очень скоро. Это-то я и сказала вамъ сейчасъ порусски. Вотъ мои слова: «у меня на печкѣ есть еще одинъ гіацинтъ, который расцвѣтетъ скоро. Когда онъ раскроется, ваша рана будетъ уже закрыта».

— Благодарю за доброе пожеланіе,— отвѣчалъ онъ.—Но довольно обо мнѣ, лучше поговоримъ о моемъ отечествѣ...

— Франція—чудная страна,—произнесла Вѣра: — французы въ избыткѣ получили отъ Бога всѣ богатства природы и всѣ дары ума. Поэтому какъ мы любили здѣсь Францію до начала всѣхъ этихъ войнъ! Мой дѣдушка самъ училъ меня пофранцузски, говоря, что испоконъ вѣковъ это былъ языкъ науки и истины. Онъ объяснялъ мнѣ такъ же вашу исторію и все то хорошее, что ваши короли сдѣлали для вашего народа. Онъ только по наружности кажется такимъ суровымъ; онъ очень ученый человѣкъ, и хотя сильно привязанъ къ русскимъ обычаямъ, но знакомъ съ нравами всей Европы. У

него было много французскихъ книгъ, и онъ ими зачитывался даже по ночамъ. Но когда дошло до насъ извѣстіе о переходѣ вашихъ войскъ черезъ нашу границу, дѣдушка въ тотъ же день уничтожилъ всѣ ваши книги, да всѣ, за исключеніемъ моего маленькаго Евангелія. Увы! сколько еще времени продлятся всѣ эти ужасы!

Она замолчала и, казалось, всѣми силами сдерживала слезы, навертывавшіяся на ея рѣсницахъ. Верди безмолвно улыбался, упиваясь ея словами; даже ея неправильныя французскія фразы и странный выговоръ казались ему прелестными. И неудивительно. Ей было семнадцать лѣтъ; большого роста, статная, она отличалась высокимъ умнымъ лбомъ, большими выразительными глазами и правильнымъ оваломъ лица.

— Мы читали съ дѣдушкой,—продолжала она, видя, что онъ все молчитъ,—великихъ представителей вашей литературы, Корнеля и, въ особенности, Расина, и никакъ не могли рѣшить, кто изъ нихъ талантливѣе?.. Я говорила, что слѣдуетъ предпочитать Корнеля, потому что онъ воспѣлъ силу воли мужчинъ и постоянство женщинъ.

— Молодыя дѣвушки во Франціи не разсуждаютъ такъ умно,—промолвилъ Верди.

Она покраснѣла, но потомъ продолжала.

— Не будь войны, увѣряю васъ, эта страна напоминала бы Францію. Россія такъ красива лѣтомъ! Теперь она, точно мертвецъ, покрыта саваномъ, но на солнцѣ она оживетъ, воспрянетъ, одѣнется въ свой нарядъ изъ луговъ и нивъ. Вѣдь мы здѣсь въ Малороссіи... Если бы вы, заснувъ теперь, проснулись бы разгаръ нашего лѣта, вы могли бы подумать, что находитесь во Франціи... Впрочемъ, если бы не существовало войнъ, развѣ люди, гдѣ бы они ни находились, не чувствовали бы себя постоянно, какъ на родинѣ?..

— Раздѣленіе вселенной на различныя государства естественно поддерживаетъ войны,— возразилъ онъ.— Или вы думаете, что дерутся ради удовольствія? Нѣтъ, войны вызываются національными интересами, необходимостью...

— Я знаю, вы не ради удовольствія получили эту рану... Но для того, кто командуетъ вами, кто приноситъ васъ въ жертву своему проклятому честолюбію, скажите, найдется ли для него достаточно огня въ адѣ?

— Не думайте, что я стану осуждать императора. Онъ отвѣтитъ за всѣхъ насъ передъ исторіей. Что касается меня, то я—его слуга; мое дѣло—не разсуждать, а повиноваться и проливать свою кровь за честь нашего оружія.

Вѣра задумалась на мгновеніе, наклонивъ впередъ свою хорошенькую головку.

— Солдатъ, подобно монаху, произноситъ своего рода обѣтъ,—проговорила она наконецъ.

Верди ничего не отвѣтилъ. Его взглядъ случайно упалъ на ле-

жавшіе подлѣ него на столикѣ портреты семьи Маржерэ; онъ вспомнилъ объ его трупѣ, брошенномъ безъ погребенія на краю дороги, и лицо его отуманилось грустью.

— Этотъ красивый ребенокъ — вашъ сынъ? — спросила Вѣра, внимательно наблюдавшая за нимъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — я не женатъ.

— О, тѣмъ лучше, а то ваша жена была бы слишкомъ несчастна, находясь такъ далеко отъ васъ!

— Да, слишкомъ несчастна... Это самое я говорилъ человѣку, оставившему на землѣ вотъ эту семью.

И онъ принялся подробно разсказывать о своей встрѣчѣ съ Маржерэ, объ ихъ странствіяхъ въ хвостѣ войскъ 3-го корпуса, о сраженіяхъ на берегу Днѣпра, объ ихъ чудесномъ спасеніи, свиданіи съ императоромъ, о смерти Маржерэ. Вѣра слушала его съ нѣжнымъ сочувствіемъ, и даже иногда слезы показывались на ея глазахъ.

Неожиданно во дворѣ послышался звонъ бубенчиковъ.

— Это Душковъ! — проговорила Вѣра и, бросившись къ окну, увидѣла, какъ ея старый другъ выходилъ изъ саней.

Въ продолженіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ Душковъ лѣчилъ нѣсколько поколѣній Гвоздевыхъ, такъ что, въ концѣ концовъ, сдѣлался нераздѣльной частью ихъ семьи.

— Ну, слава Богу, вы здоровы, Вѣра Ивановна,— сказалъ онъ выбѣжавшей къ нему въ корридоръ молодой дѣвушкѣ.—Я говорилъ себѣ дорогою, только бы ваше здоровье не пострадало во время этихъ сильныхъ морозовъ...

Она пошла приготовить ему чаю, а Гвоздевъ самъ повелъ доктора къ больному. Опершись на свою трость и стоя въ ногахъ кровати, онъ присутствовалъ при осмотрѣ больного, но все время молчалъ, насупивъ брови.

— Какъ, Душковъ, онъ проболѣетъ нѣсколько недѣль?—повторялъ онъ съ неудовольствіемъ, когда они спускались по лѣстницѣ.— Я не хочу имѣть у себя этого человѣка такъ долго. Какъ только онъ будетъ въ состояніи встать съ постели, я отправлю его къ Голобородку... Да, къ Голобородку,—произнесъ онъ, возвышая голосъ при видѣ подходившей къ нимъ Вѣры.

Она схватила Душкова за руку и спросила:

— Что же, вы попрежнему все много читаете?

Но онъ замѣтилъ у нея на лицѣ какую-то скрытую печаль и, понявъ, въ чемъ дѣло, сказалъ:

— Что касается этой раны, то сегодня я ничего не могъ видѣть, благодаря опухоли. Быть можетъ, повреждена кость... Тогда придется отнять руку.

Она поднялась на верхъ, совершенно опечаленная, такъ какъ, говоря это, Душковъ дергалъ себя за бороду и теръ подбородокъ, что онъ дѣлалъ только въ серьезныхъ случаяхъ. Но, переступая

порогъ комнаты Верди, она сдѣлала усиліе надъ собою и сказала съ улыбкой:

— Душковъ уѣзжаетъ, даже не прописавъ лѣкарствъ. Онъ говоритъ, что нѣтъ никакой опасности, но что вы должны лежать очень спокойно.

Но, мучимая затаеннымъ безпокойствомъ, она поспѣшила вернуться въ свою комнату и, упавъ на колѣни передъ образомъ Спасителя, стала горячо молиться.

— Господи!—думала она:—неужели придется отнять ему руку!..

XIV.

На слѣдующее утро Верди, потягиваясь, ощутилъ подъ рукой что-то тяжелое, металлическое. Онъ повернулся и замѣтилъ повѣшенную на стѣнѣ старинную икону въ массивной серебряной ризѣ, украшенной рубинами и бирюзою.

— Это святой Яковъ,—подумалъ онъ про себя и догадался, что только Вѣра могла оказать ему подобное вниманіе; онъ прождалъ молодую дѣвушку до вечера, но она не явилась. Только одинъ разъ въ теченіе всей недѣли она вошла къ нему вмѣстѣ съ Гвоздевымъ: она при этомъ молча присѣла и черезъ нѣсколько минутъ удалилась съ дѣдушкой.

Все это время раненый оставался одинъ съ своими воспоминаніями. Онъ мысленно переживалъ всѣ событія своей жизни отъ Сенъ-Сирской школы до Бородина, останавливаясь преимущественно на своихъ военныхъ подвигахъ и на тѣхъ пяти случаяхъ, когда ему пришлось лично говорить съ императоромъ. Но эти краткіе блестящіе эпизоды омрачались долгими темными эпохами, и онъ невольно думалъ, что при бóльшемъ счастьи онъ могъ бы уже командовать гвардейскимъ эскадрономъ. Но счастье ему не улыбалось, и среди этихъ воспоминаній главное мѣсто занимали опасности, которымъ онъ подвергался на своей постоянной аванпостной службѣ. Но за то онъ радовался при мысли, что до конца остался храбрымъ офицеромъ, достойнымъ своихъ товарищей по оружію. Впрочемъ, что начальники или товарищи знали теперь о немъ? Безъ сомнѣнія, имъ уже объявлено объ его смерти; въ его формулярѣ, рядомъ съ перечисленіемъ его заслугъ, написано... «исчезъ... пересталъ слѣдовать за арміей съ такого-то дня».

— Въ общемъ я испортилъ свою карьеру,—думалъ онъ.—Маршалу только стоило сказать: «Верди здѣсь?»... и я откликнулся: «да, маршалъ»; онъ послалъ меня на вѣрную погибель среди снѣговъ, и я повиновался. Это было его право и мой долгъ. Но Маржерэ справедливо сказалъ, что война нелѣпа. Я поселюсь вмѣстѣ съ матерью въ Корбейлѣ, женюсь на хорошенькой дѣвушкѣ, съ такими красивыми глазами, какъ у Вѣры, куплю лодку для рыбной ловли, англій-

скую лошадь для поѣздокъ въ Парижъ и въ особенности я стану читать, читать... читать...

Затѣмъ, перенесшись мысленно назадъ, за эти десять лѣтъ, потерянныя для его счастья, онъ сталъ вспоминать о своемъ пребываніи въ Сенъ-Сирской школѣ, о тѣхъ женщинахъ, за которыми онъ ухаживалъ въ своей юности. Ему вспомнились прошлыя увлеченія... особенно ярко выступала въ его памяти любовь къ Эмиліи. Пытаясь объяснить себѣ все обаяніе, которое этотъ милый обликъ имѣлъ для него, и почему воспоминанія о другихъ женщинахъ блѣднѣли передъ ея образомъ, онъ почувствовалъ неожиданно, что эта самая искренняя любовь какъ бы снова просыпалась въ его сердцѣ.

— Я ужъ не люблю ли Вѣру?—спросилъ онъ тогда самого себя, заподозрѣвъ, что въ его сердцѣ происходитъ что-то странное.—Но, нѣтъ, слово «любовь» не примѣнимо къ ней. Ее можно только обожать. Это существо не земное, это ангелъ.

Между тѣмъ Верди становилось хуже, онъ не могъ двигать рукою, опухоль распространялась по шеѣ и доходила до уха. Его мучили сильныя боли, а лихорадка превращала его сонъ въ тяжелый кошмаръ.

Къ вечеру седьмого дня онъ впалъ въ тревожное забытье. Ему представилось, что гдѣ-то вдали, за горизонтомъ, гремитъ канонада густыя колонны, одна за другою, направлялись отъ Бородина къ Москвѣ, поднимая столбы пыли, казавшіеся издали облаками дыма. Затѣмъ залпы артиллеріи превратились въ бой барабановъ; армія входила въ городъ, въ которомъ царило мертвое безмолвіе: не было слышно ни одного крика, ни одного стона. Закрытые и опустѣвшіе дома не оказывали никакого сопротивленія, предоставляя себя грабежу. Ничто не могло побороть возбуждавшей тревогу тишины въ побѣжденномъ городѣ. Вдругъ раздались крики:

— Пожаръ! Пожаръ!

И голосъ императора говорилъ:

— Бертье, мы пропали, городъ горитъ.

Огонь свирѣпствовалъ съ необузданной яростью. Искры сыпались дождемъ, летавшій пепелъ напоминалъ собою снѣжные хлопья, дымъ клубами разносился по воздуху. Пробивая себѣ дорогу среди бушевавшаго пламени, Верди искалъ чего-то, чего онъ не находилъ, и отсутствіе чего было ему непріятно. На одной изъ площадей онъ увидѣлъ трехъ поджигателей, повѣшенныхъ на обуглившихся деревьяхъ. Нѣсколько далѣе гусары его взвода, разсѣвшись въ креслахъ на открытомъ воздухѣ, пировали среди раскрытыхъ или взломанныхъ сундуковъ съ матеріями, посудой; подъ какимъ-то навѣсомъ въ Китай-городѣ голландскіе солдаты, переодѣвшись въ русскіе костюмы, торговали накраденными вещами.

Однако, побѣги пламени, соединяясь наверху, надъ его головою, образовали надъ улицей блестящій готическій сводъ и отражались

красноватыми отблесками на раскаленной, какъ плита, мостовой. Мимо него проходили люди, везя на телѣжкахъ весь свой домашній скарбъ; они спасались изъ одной части города въ другую. Верди шелъ вмѣстѣ съ ними.

Наконецъ онъ попалъ во дворъ какого-то дворца и очень обрадовался, увидѣвъ тамъ Маржерэ.

— Чѣмъ вы озабочены?.. Что вы ищете?.. — спросилъ онъ съ своей доброй улыбкой.

— Чортъ возьми, я ищу лошади...

Какъ онъ самъ не догадался объ этомъ?.. На дворѣ большая собака, привязанная на цѣпи, къ стѣнѣ, вертѣлась на мѣстѣ, прыгала и рычала. Пламя приближалось и опоясывало небольшой дворъ. Вотъ оно коснулось Маржерэ, и едва онъ успѣлъ крикнуть: «да здравствуетъ императоръ!», какъ упалъ мертвымъ. Тогда появился маршалъ Ней и сталъ давать приказанія.

— Намъ нехорошо здѣсь,—говорилъ онъ,—надо пойти поискать воды въ Березинѣ...

Вся армія повиновалась, и вотъ гдѣ-то тамъ, за стѣною, послышались шумъ, производимый войсками, галопъ лошадей, несущихся въ атаку, затѣмъ взрывъ зарядныхъ ящиковъ, смѣшанный шумъ битвы, команда, стоны, голоса, повторявшіе:

— Березина высохла... Переходъ черезъ Березину во власти русскихъ... Березина замерзла...

Какое страшное несчастіе! Въ Березинѣ не оказалось воды, чтобы залить московскій пожаръ! Такимъ образомъ, смерть въ огнѣ являлась неизбѣжной; уже собака, съ обгорѣлою шерстью, забилась въ свою будку...

— Воды! — закричалъ Верди хриплымъ голосомъ и, привскочивъ на постели, раскрылъ свои обезумѣвшіе глаза. — Я умираю!.. Воды!..

XV.

— Да, вотъ вода, выпейте... — отвѣчалъ голосъ Вѣры, и, взявъ со столика стаканъ, она подала его больному.

При мерцающемъ свѣтѣ лампадки онъ замѣтилъ, что молодая дѣвушка улыбалась.

— Это вы, Вѣра? — пролепеталъ онъ: — Это вы!.. вы!.. Скажите, Вѣра, пожаръ прекратился?

— Да, — отвѣчала она серьезно. — Пожаръ совершенно прекратился. Развѣ вы не чувствуете, что все вокругъ васъ холодно?

— Это правда... воздухъ холоденъ... Ваша рука тоже холодна... Какое счастье, что это вы! Значитъ, мы болѣе уже не въ Москвѣ?

— Нѣтъ, мы въ Бѣломъ Хуторѣ. Война кончилась. Всѣ въ домѣ спятъ. Ночь кончается, и сейчасъ займется день...

Онъ жадно выпилъ поданное питье и, опираясь на ея руку, пока она вытирала ему лобъ, долго вглядывался въ нее испуганнымъ взглядомъ.

— Я понимаю, да... Это была лихорадка... Благодарю, Вѣра... О, не оставляйте меня умереть одного!..

Она зажала ему ротъ рукой, но онъ схватилъ эту руку своей здоровой и сталъ покрывать ее поцѣлуями.

— Вы возвратите мнѣ жизнь, да?—спрашивалъ онъ.

— Да,—отвѣтила она своимъ кроткимъ голосомъ и повернула къ образу свое лицо, освѣщенное мерцаніемъ лампадки.—Да, гіацинтъ зацвѣлъ, вы выздоровѣете.

— О, какъ вы прекрасны! — говорилъ онъ, точно молясь на нее.—Вѣра! мое божество! О, какъ я люблю васъ!

Но его рана снова дала почувствовать себя; глаза у него помутились, и онъ снова упалъ на подушки, въ припадкѣ бреда. Однако кошмаръ не поборолъ образа молодой дѣвушки, и онъ все повторялъ:

— Добрый ангелъ... добрый ангелъ...

Затаивъ эти два слова въ своемъ сердцѣ, Вѣра вернулась къ себѣ въ комнату. Вставъ передъ окномъ, она охватила свой лобъ рукою, еще горѣвшею отъ его поцѣлуевъ. Густой лѣсъ, составлявшій гордость Гвоздева, уходилъ въ даль, къ горизонту, гдѣ за кружевомъ, сотканнымъ изъ верхушекъ деревъ, занималась и рдѣла заря; надъ лѣсомъ разстилалось блѣдноватое небо, сплошь покрытое маленькими облачками, въ которыхъ отражались первые лучи солнца.

«Неужели я въ самомъ дѣлѣ заслужила это названіе «добраго ангела»?.. думала Вѣра и благодарила Бога, что онъ дозволилъ ей облегчить страданія раненаго.

Утромъ пріѣхалъ Душковъ, перевязалъ рану, прописалъ новыя лѣкарства и затѣмъ уѣхалъ, сказавъ, что все пойдетъ хорошо. Проводивъ его до конца аллеи, Гвоздевъ возвращался молча, опираясь на плечо Вѣры, какъ вдругъ молодая дѣвушка вздрогнула отъ посыпавшагося на нихъ инея съ вѣтки одного изъ деревьевъ.

— Ты дрожишь, Вѣра? Тебѣ нездоровится?..

— Нѣтъ... это ничего,—отвѣчала она, еще болѣе вздрагивая.

— Я доволенъ тѣмъ, что мнѣ сказалъ Душковъ. Французъ настолько поправился, что я велю перенести его къ Голобородку, а затѣмъ пусть себѣ отправляется на всѣ четыре стороны.

— Не говорите такъ! Богъ посылаетъ намъ гостей! Не дѣлайте этого!

Пораженный живостью ея отвѣта, онъ остановился и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Я хотѣла поговорить съ вами...—начала она.

Но, такъ какъ онъ продолжалъ въ упоръ смотрѣть на нее, ей стало страшно этихъ блестящихъ глазъ, и, прежде чѣмъ продолжать, она прильнула головою къ его груди.

— Все это утро я много думала о заповѣдяхъ Христа. Какъ грустно видѣть, что люди такъ мало слѣдуютъ имъ. Вѣдь весь міръ живетъ лишь войнами, насиліями и преступленіями.

На лицѣ Гвоздева мелькнула улыбка, какъ бы говорившая: «только то?»—и думая, что передъ нимъ все еще дѣвочка, а не женщина, онъ сказалъ кротко:

— Ты права, душечка. Мы переживаемъ тяжелые дни. Прежде мы, русскіе, сражались лишь съ врагами христіанской вѣры. Поэтому-то, когда Екатерина послала свою армію противъ турокъ, я добровольно пошелъ на войну: тогда мы шли подъ знаменемъ Христа. Теперь же мы сражаемся противъ народа, какъ и мы, получившаго откровеніе Божіе, и французы принудили насъ взяться за оружіе противъ другаго христіанскаго народа. Проклятіе всѣмъ французамъ, обагрившимъ насъ кровью!

— Не надо проклинать ихъ,—отвѣчала Вѣра,—развѣ они знаютъ, что дѣлаютъ? Они повинуются тому, кто ведетъ ихъ, и не ихъ вина, если онъ дѣйствуетъ по внушенію дьявола.

— Что ты говоришь! Развѣ не по ихъ винѣ сгорѣла Москва?

— Нѣтъ, нѣтъ! Они не хотѣли сжечь ее! Никто не знаетъ причины несчастья! Господь поразилъ насъ всѣхъ!

Она обняла его и повисла у него на шеѣ; онъ поцѣловалъ ея волосы, освободился отъ ея объятій и, предоставивъ ей одну изъ рукъ, которую она жала и ласкала, онъ медленно пошелъ дальше.

— Намъ слѣдуетъ искупить наши грѣхи,—продолжала она.—Мы проливали кровь и до этой войны. Людямъ Запада нечему было учить насъ. Русская исторія тоже имѣетъ свои кровавыя страницы...

— Не говори о мертвыхъ,—прервалъ ее Гвоздевъ, крестясь,—ихъ судитъ Богъ, но что касается нынѣшняго времени, то я знаю, что намъ остается сдѣлать. Парижъ — улей, и нужно разрушить этотъ улей, чтобы разогнать рой варваровъ. Если бы у меня были цѣлы обѣ ноги, будь увѣрена, я снова сѣлъ бы на коня и безъ угрызенія совѣсти сталъ бы безпощадно истреблять непріятеля, такъ какъ Спаситель сказалъ: кто поднялъ мечъ, тотъ отъ меча погибнетъ...

— Онъ сказалъ это,—возразила она, пытаясь проникнуть своимъ взглядомъ въ глубь неба,—но таковъ былъ законъ ветхаго завѣта, онъ же заповѣдалъ намъ измѣнить міръ. Вотъ именно обо всемъ этомъ, отецъ, я и думала сегодня утромъ... Да, на землѣ очень много зла... солдаты распространяютъ зло всюду, но они вынуждены къ этому, и мы должны не проклинать ихъ, а скорѣе сожалѣть о нихъ, такъ какъ ихъ долгъ—повиноваться, страдать и молчать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, развѣ для исправленія зла у насъ нѣтъ любви? Мнѣ кажется, что женщины должны выкупать своею любовью всѣ тѣ несправедливости, которыя причиняются дѣйствіями мужчинъ. Отецъ, я хочу объяснить вамъ, какъ эта мысль пришла мнѣ въ голову. Сегодня утромъ я услышала, что офицеръ стонетъ. Вы запретили мнѣ вхо-

дить къ нему въ комнату, однако я не выдержала и пошла къ нему. Простите меня: онъ такъ страдалъ... Я утолила его жажду, а онъ назвалъ меня: «добрый ангелъ». Да, онъ принялъ меня за своего ангела-хранителя. И вдругъ я поняла свое назначеніе: мнѣ стало ясно, что не напрасно вы приняли подъ свой кровъ умирающаго, и что недостаточно заплатили за него два золотыхъ, что теперь нужны иныя деньги...

Она снова взглянула на небо, снова поцѣловала руку старика и затѣмъ прибавила спокойно:

— Богу угодно, чтобы я стала женою этого человѣка.

— Что ты сказала? Что такое?—воскликнулъ старикъ, ударяя о землю палкою.—Онъ, проклятый, увѣрилъ тебя въ этомъ?

— Нѣтъ, я сама поняла это! Одинъ Богъ внушилъ мнѣ эту увѣренность.

— Да, да, тебя убѣдилъ въ этомъ французъ... О, эти бродяги издавна славились искусствомъ обольщать простаковъ-русскихъ, и Ростопчинъ прекрасно зналъ это, когда приказывалъ всѣмъ покинуть Москву. Негодяи околдовали бы нашихъ людей и сдѣлали бы ихъ соучастниками своихъ преступленій!

Онъ грубо сжалъ руку Вѣры и устремилъ на нее угрожающій взглядъ.

— Скажи, ты забыла ихъ преступленія? Близъ Красныхъ воротъ они стрѣляли въ икону Божіей Матери, они сняли съ нея вѣнецъ Пресвятой Дѣвственницы и, надѣвъ его на голову медвѣдю, водили звѣря на показъ по улицамъ; ставили своихъ лошадей въ соборъ, въ которомъ наши цари принимали помазаніе на царство, и, вырывъ прахъ нашихъ предковъ, покоившійся въ землѣ, попирали его ногами!

Слезы показались на его глазахъ, и воцарилось тяжелое молчаніе, которое прервала Вѣра, произнеся тѣмъ же спокойнымъ голосомъ:

— Христосъ сказалъ: «Отче, прости имъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ».

Затѣмъ она снова замолчала, и Гвоздевъ, видя по ея лицу, что любовь молодой дѣвушки была спокойной по внѣшнимъ проявленіямъ и пламенной по существу, вдругъ рѣзко перемѣнилъ тонъ.

— Впрочемъ,—проговорилъ онъ, переходя отъ слезъ къ смѣху,—этотъ французъ не любитъ тебя.

— Развѣ онъ сказалъ вамъ это?—съ ужасомъ спросила она.

— Я говорю то, что знаю,—отвѣчалъ онъ загадочно.—О, о! онъ назвалъ тебя ангеломъ! Это названіе французы даютъ очень многимъ женщинамъ!

— Правда?—продолжала она тѣмъ же испуганнымъ голосомъ.

— Да, правда, и, не говоря уже объ ихъ женщинахъ, француженкахъ, мы достаточно видимъ все то, что они дѣлаютъ съ нашими. А! ты хочешь быть его ангеломъ! Вѣрь мнѣ, онъ не того ожидаетъ

отъ тебя. Но ты даже не знаешь, бѣдненькая, какіе ангелы живутъ во Франціи.

— Не клевещите на француженокъ; у нихъ свои горести, у насъ—свои.

— Я говорю, что весь этотъ народъ, и мужчины, и женщины, проклятый!—продолжалъ онъ, не будучи въ силахъ сдерживать болѣе своихъ истинныхъ чувствъ.—Я говорю, что, хотя они и могутъ преуспѣвать въ военномъ дѣлѣ, въ кулинарномъ искусствѣ и литературѣ, но что они сами поставили себя внѣ христіанскаго закона. А что касается до брака или какого либо другого таинства...

Онъ остановился, чтобы перевести дыханіе, а затѣмъ заключилъ громовымъ голосомъ:

— Я, старый казакъ, старый служака матушки Екатерины, отказываюсь выдать свою внучку за французскаго офицера!

Невозмутимая по внѣшности, Вѣра продолжала поддерживать его, а между тѣмъ ужасное сомнѣніе терзало ей сердце и разрывало грудь.

— Ты была у этого человѣка и говорила съ нимъ на его языкѣ?—спросилъ ее Гвоздевъ, когда они вошли въ переднюю;—это значитъ, что ты дважды ослушалась меня и заслуживаешь...

Такъ какъ она не торопилась просить у него прощенія, онъ съ силою сжалъ ея руку. Она поблѣднѣла, но, не прибѣгая къ самозащитѣ, высказала одинъ изъ тѣхъ чисто женскихъ доводовъ, противъ которыхъ мужчины безсильны:

— Мое евангеліе на французскомъ языкѣ,—сказала она,—я буду молиться Богу по-французски.

XVI.

Прошло три мѣсяца, въ теченіе которыхъ Верди не видѣлъ Вѣры.

Онъ жилъ у Голобородка, но не въ общей избѣ, а въ отдѣльной коморкѣ, очищенной для него отъ инструментовъ и сѣмянъ, которые хранились въ ней прежде. За то онъ наполнялъ ее книгами, которыя бралъ у Душкова, такъ какъ, поправившись, сталъ много читать и занялся изученіемъ русскаго языка, плѣнявшаго его своими красотами. Кромѣ того, онъ отдался обдумыванію своихъ прежнихъ теорій «философіи войны», собираясь написать книгу, самое заглавіе которой «философія войны» приводило его въ восторгъ.

Выйдя однажды утромъ изъ избы, онъ былъ пораженъ блѣдностью неба, легкостью воздуха, въ которомъ чувствовались одновременно и солнечная теплота и влажность отъ близости воды. Весна была въ полномъ расцвѣтѣ. Изба, съ крыши которой лился растаявшій снѣгъ, съ шумомъ сбрасывала съ себя зимнее одѣяніе. Въ концѣ двора слышался стукъ: тамъ Голобородко пряталъ подъ навѣсъ сани.

Всѣ эти проявленія чуждой для него жизни наталкивали Верди на воспоминанія объ его родинѣ; отъ перемѣнъ въ его частной жизни онъ перешелъ къ болѣе важнымъ, общественнымъ явленіямъ. Когда и противъ кого двинетъ императоръ новыя набираемыя имъ арміи? Настроилъ ли онъ на свой ладъ всѣхъ своихъ союзниковъ, приготовилъ ли цѣлый арсеналъ плановъ, замысловъ? Кто знаетъ, быть можетъ, въ эту самую минуту онъ уже началъ двигать пѣшками по стратегической шахматной доскѣ?.. Не имѣя возможности разрѣшить всѣхъ своихъ сомнѣній, Верди попросту отдался впечатлѣніямъ, которыя навѣвало на него пробужденіе окружающей природы. Онъ всею грудью вдыхалъ въ себя ласкающій и опьяняющій плодотворный воздухъ, который земля, разрыхленная оттепелью, вбирала въ себя своими порами, и который, насытившись въ ея нѣдрахъ таинственнымъ благоухающимъ началомъ, выходилъ наружу ласкою весны, залогомъ грядущаго лѣта. Повсюду били ключемъ лучезарныя юныя силы природы; въ каждомъ человѣкѣ трепетала душа ребенка и радостное ощущеніе въ себѣ жизни, рѣшимость дѣйствовать и желаніе любить.

«Она сдержала слово... она возвратила мнѣ жизнь»... думалъ онъ, посылая рукою поцѣлуй по направленію къ бѣлому дому, выдѣлявшемуся вдали на фонѣ синѣющаго лѣса.

Вѣра не выходила изъ усадьбы. Она не соглашалась сопровождать своего дѣдушку ни на охоты, ни на карточные вечера у сосѣдей, продолжавшіеся далеко за полночь, ни въ его поѣздкахъ въ Харьковъ для различныхъ закупокъ. Она всецѣло посвящала себя домашнему хозяйству, но часто, среди ея хлопотъ, неожиданные припадки нездоровья заставляли ее впадать въ изнеможеніе. Часто видѣли, какъ она убѣгала изъ кладовой, буфетной, бѣльевой, и ее находили въ ея комнатѣ стоявшею на колѣнахъ и заливавшеюся слезами. На всѣ разспросы она отвѣчала одно, что любитъ ли ее Верди, или нѣтъ, а ея долгъ остается неизмѣненъ—посвятить себя страждущимъ, просвѣщать не познавшихъ самихъ себя, ухаживать за больными, отдавать себя на служеніе Богу...

— Смотри, Иванъ Веніаминовичъ!—замѣтилъ какъ-то Душковъ Гвоздеву:—здоровье ребенка надламывается отъ горя. Вѣдь дѣвочка можетъ вдругъ... умереть. Я уже замѣтилъ у нея лихорадочное состояніе...

Гвоздевъ, вмѣсто всякаго отвѣта, вышелъ куда-то. Вѣра, прильнувши лбомъ къ оконному стеклу, видѣла, какъ онъ шелъ, хромая, по аллеѣ, перешелъ дорогу, вошелъ въ деревню.

— Куда это онъ?—спрашивала она себя съ безпокойствомъ.

И она спустилась внизъ, чтобы разспросить прислугу, какъ вдругъ увидѣла поспѣшно вошедшую въ домъ жену Голобородка, очень глупую, но добрую старуху.

— А, Вѣра Ивановна,—воскликнула она, предварительно перекре-

стившись на образа.—Богъ знаетъ, что творится у насъ въ избѣ! Баринъ приказалъ намъ всѣмъ выйти, заперъ дверь на засовъ и теперь кричитъ тамъ, стучитъ о полъ... одинъ... съ офицеромъ...

— О чемъ же они говорятъ?..

— Господь ихъ вѣдаетъ!.. Они говорятъ пофранцузски... Быть можетъ, баринъ хочетъ спровадить его отсюда... вѣдь онъ не долюбливаетъ его. А вѣрьте мнѣ, Вѣра Ивановна, этотъ офицеръ очень добрый и очень ученый. У Петра Степановича захромалъ жеребенокъ, такъ французъ покопалъ что-то въ копытѣ, и теперь жеребенокъ бѣгаетъ, какъ вѣтеръ. Вотъ у моего племянника была такая злая кобыла, что всѣ боялись задавать ей кормъ, а теперь, благодаря французу, она стала такой смирной, точно овечка. А какой онъ смѣлый и сильный! Душковъ не даромъ говоритъ, что никогда не видѣлъ болѣе красиваго мужчину, и это правда, я тоже могу сказать это, такъ какъ каждый день перевязывала его рану; прежде всего, у него очень бѣлое тѣло...

— Ты говорила, что онъ очень ученый,—прервала ее Вѣра.

— Да, онъ уже понимаетъ понашему и говоритъ такъ забавно, точно ребенокъ. Онъ цѣлый день сидитъ за книгами, все занимается. Душковъ говоритъ, что французы скорѣе, чѣмъ другіе народы, научаются русскому языку.

— Это правда,—серьезно замѣтила Вѣра и, вдругъ охваченная сомнѣніемъ, заставившимъ ее выстрадать столько, спросила старуху:— Что, онъ говоритъ о возвращеніи къ себѣ на родину?

— Онъ ничего не говоритъ объ этомъ. Да и что ему дѣлать-то у себя на родинѣ? Вѣдь это не христіанская страна?

— Да... Что это ты говоришь такъ странно? Развѣ онъ позволилъ себѣ какое нибудь святотатство?

— Прости его, Господи!—продолжала крестьянка, понизивъ голосъ и крестясь:—вчера онъ принесъ съ охоты голубя и хотѣлъ зажарить его...

— Ну, когда онъ поживетъ среди насъ, то не станетъ дѣлать этого. Такъ ты думаешь, что онъ не скучаетъ по своей родинѣ?

— Днемъ онъ не скучаетъ, но по вечерамъ, Богъ вѣсть, что происходитъ въ его головѣ. Правда, что онъ не совсѣмъ оправился... Вотъ вчера, напримѣръ, онъ сидѣлъ на дворѣ, все смотрѣлъ на господскій домъ и обѣими руками посылалъ сюда воздушные поцѣлуи...

Вѣра вздрогнула: она снова вспомнила о томъ первомъ поцѣлуѣ, который Верди послалъ ей при ихъ встрѣчѣ.

— Обѣими руками?—повторила она весело.—Слава Богу! Значитъ, онъ совершенно выздоровѣлъ!

Въ это время вернулся Гвоздевъ. Замѣтивъ жену Голобородка, онъ нахмурилъ брови и строгимъ голосомъ обратился къ Вѣрѣ:

— Что тебѣ разсказываетъ здѣсь эта дура? — спросилъ онъ.— Вѣрно, вздоръ всякій мелетъ... Пусть-ка лучше убирается къ себѣ...

Оставшись наединѣ съ Вѣрой, онъ сказалъ ей, стараясь придать своему голосу нѣкоторую мягкость:

— Сейчасъ придетъ проститься съ тобою Верди... Онъ долженъ уѣхать.

Молодая дѣвушка поблѣднѣла, но ничего не отвѣтила и вышла изъ комнаты.

XVII.

Черезъ полчаса въ гостиную, въ которой находились Вѣра, Гвоздевъ и Душковъ, былъ введенъ Верди. Душковъ казался какимъ-то взволнованнымъ. Его маленькіе глазки безпрестанно перебѣгали съ Вѣры на Гвоздева и точно умоляли послѣдняго о чемъ-то. Но стоило Гвоздеву взглянуть на него, какъ онъ точно съеживался, уходилъ въ самого себя. Вѣра казалась совершенно спокойной, но въ глубинѣ души чувствовала себя оскорбленной: ее оскорблялъ отъѣздъ Верди. «Значитъ, онъ соскучился здѣсь,—думалось ей,—онъ не любилъ меня: всѣ эти воздушные поцѣлуи, нѣжныя слова оказывались съ его стороны недостойнымъ заигрываніемъ, оскорбительнымъ для меня, для моего чувства... Я идеализировала его, а онъ не что иное, какъ пошлый, бездушный фатъ»... Бѣдная, она не знала въ эти тяжелыя для нея минуты, что Гвоздеву удалось добиться отъ Верди малодушной уступки, обѣщанія лгать, которое онъ долженъ былъ сдержать теперь.

Войдя въ комнату, онъ направился прямо къ Вѣрѣ.

— Я долженъ поблагодарить васъ за то рѣдкое великодушіе, съ которымъ вы пріютили раненаго, — обратился онъ къ ней вѣжливымъ, почтительнымъ тономъ, отъ котораго вѣяло какимъ-то холодомъ, еще болѣе леденившимъ всѣ ея нѣжныя чувства,—вы спасли мнѣ жизнь, и, вѣрьте, я никогда не забуду этого.

Онъ низко поклонился ей.

— Я исполнила лишь то, что намъ предписываютъ заповѣди Христа,—отвѣтила Вѣра, сама удивляясь неискренности и книжности своихъ словъ.

Верди съ удивленіемъ взглянулъ на нее, но тотчасъ же обратился къ Душкову.

— Не знаю, докторъ, какъ и благодарить васъ за то участіе...

— Полноте, полноте, какіе пустяки!—воскликнулъ Душковъ и подошелъ къ Верди.—Вы такой славный... Позвольте, передъ разставаніемъ, обняться съ вами понашему, порусски...

Слова Душкова, очевидно, тронули Верди, и онъ сердечно обнялъ старика, готоваго расплакаться и мелькомъ поглядывавшаго на Вѣру.

Гвоздевъ началъ хмуриться. Онъ замѣтилъ, что Вѣра уже не такъ владѣетъ собою, какъ вначалѣ, и побоялся, что вся затѣянная имъ сцена, сплетенная изъ лжи и лицемѣрія, имѣвшая своею цѣлью убить въ Вѣрѣ всякое расположеніе къ Верди, можетъ при-

нять совершенно нежелательный для него оборотъ отъ малѣйшей вспышки искренняго чувства съ той или другой стороны. Поэтому онъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству, на которое особенно долго не соглашался Верди, убѣжденный, въ концѣ концовъ, словами Гвоздева, что при характерѣ и наклонностяхъ Вѣры онъ составитъ несчастье всей ея жизни.

— Ну, поручикъ,—обратился онъ къ Верди особенно громкимъ и отчетливымъ голосомъ,—а я желаю вамъ поскорѣе вернуться во Францію и обнять свою жену и дѣтокъ.

Душковъ и Вѣра точно оцѣпенѣли.

— Дѣдушка путаетъ,—подумала она и ждала, что вотъ сейчасъ Верди разъяснитъ все это несомнѣнное недоразумѣніе.

Какъ ни былъ Верди подготовленъ къ подобному пожеланію, какъ ни готовился отвѣчать на него завѣдомою ложью, онъ не сразу овладѣлъ собою.

— Благодарю васъ...—наконецъ, чуть слышно произнесъ онъ подавленнымъ голосомъ.

— «Такъ это правда... онъ обманывалъ меня»...—пронеслось въ мысляхъ Вѣры. Она хотѣла сказать что-то, крикнуть, но была не въ силахъ сдѣлать это и, какъ подкошенная, упала на коверъ.

Душковъ и Гвоздевъ бросились къ ней. Первымъ движеніемъ Верди было желаніе подойти къ Вѣрѣ, но Гвоздевъ жестомъ остановилъ его.

— Что вы сдѣлали? Зачѣмъ вы говорили это при ней? Вѣдь это можетъ убить ее!—лепеталъ растерявшійся докторъ.

Гвоздевъ низко наклонился надъ внучкой; его руки дрожали; лицо приняло жалкое, но доброе выраженіе.

— Вѣра, Вѣра, другъ мой,—говорилъ онъ.—Прости меня: онъ не женатъ... Я хотѣлъ разлучить васъ, думая, что такъ лучше для васъ обоихъ... Видно, Богъ судилъ иначе... Прости меня... будьте счастливы...

Вѣра широко раскрыла глаза, оглядывая всѣхъ и точно соображая что-то. Вдругъ въ нихъ блеснулъ лучъ неудержимой радости; она порывисто поднялась съ ковра.

— Такъ это все неправда... это былъ сонъ... теперь насъ ничто не разлучитъ... милый!—восторженно говорила она и протянула Верди обѣ руки.

Тотъ молча припалъ къ нимъ.

— Вотъ такъ лучше... такъ лучше...—повторялъ Душковъ, плача и смѣясь одновременно.

Гвоздевъ улыбался, глядя на молодыхъ людей, и точно не зналъ, что сказать, что сдѣлать.

— Эй, Мишка!—крикнулъ онъ наконецъ.—Вина сюда! Да самоваръ поскорѣе! Вѣдь тамъ, во Франціи, они не умѣютъ пить чай...

КОНЕЦЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ,** при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ,** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени".**

Программа „Историческаго Вѣстника": русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты** и **рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденный С.-Петербургскій Комитетъ по сбору пожертвованій на памятникъ Луи Пастёру въ Парижѣ, состоящій подъ почетнымъ предсѣдательствомъ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА Принца Александра Петровича Ольденбургскаго, доводитъ до свѣдѣнія всѣхъ лицъ, желающихъ оказать посильное содѣйствіе къ увѣковѣченію памяти одного изъ величайшихъ научныхъ геніевъ и благодѣтелей человѣчества, что пожертвованія на означенный выше предметъ принимаются какъ членами Комитета, такъ и въ Императорскомъ Институтѣ Экспериментальной Медицины (С.-Петербургъ, Аптекарскій островъ, Лопухинская ул., № 12). Въ составъ Комитета входятъ: г. Главный Военно-Медицинскій Инспекторъ А. А. Реммертъ (Садовая, 8—7), г. Городской Голова г. С.-Петербурга В. А. Ратьковъ-Рожновъ (Милліонная, 7), г. Главный Медицинскій Инспекторъ Флота В. С. Кудринъ (Гагаринская, 30), г. Инспекторъ по Медицинской части Вѣдомства учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ В. В. Сутугинъ (Фурштадтская, 37), г. Начальникъ Императорской Военно-Медицинской Академіи В. В. Пашутинъ (Выборгская стор., Нижегородская ул., 6), г. Директоръ Медицинскаго Департамента Л. Ф. Рагозинъ (Кузнечный пер., 14), г. Директоръ Императорскаго Института Экспериментальной Медицины С. М. Лукьяновъ (Аптекарскій остр., Лопухинская ул., № 12), г. Профессоръ Императорской Военно-Медицинской Академіи Н. А. Вельяминовъ (Знаменская, 43) и г. Дѣйствительный Членъ Императорскаго Института Экспериментальной Медицины С. Н. Виноградскій (Мытнинская наб., 9).

С.-Петербургскій Комитетъ, возникшій по ходатайству Парижскаго Центральнаго Комитета, которому принадлежитъ и мысль о постановкѣ памятника Луи Пастёру въ Парижѣ, твердо надѣется, что на призывъ его отзовутся не только отечественные естествоиспытатели и врачи, давно уже привыкшіе чтить имя Луи Пастёра, но и все русское общество, никогда не отказывающее въ своемъ сочувствіи тому, въ чемъ проявляется истинная мощь человѣческаго духа. Еще недавно, по случаю смерти Луи Пастёра, въ многочисленныхъ некрологахъ и статьяхъ были освѣжены въ памяти общества всѣ подробности научнаго подвига, совершеннаго Луи Пастёромъ. Перечислять всѣ эти подробности снова нѣтъ надобности; достаточно сказать, что его мыслью питалась не только теоретическая наука, но и житейская практика, и что ему обязаны своими крупнѣйшими успѣхами и біологія, и патологія, и промышленность. Многіе запутанные вопросы науки разрѣшены Луи Пастёромъ; многія тысячи жизней сохранены, благодаря ему; цѣлыя отрасли промышленности упрочились въ своемъ развитіи, благодаря ему же. Было бы утѣшительно думать, что въ уваженіи къ памяти славнаго дѣятеля, принадлежащаго тѣломъ Франціи, а духомъ всему человѣчеству, соединятся всѣ образованные русскіе люди, и что, принося посильную лепту въ честь его имени, мы вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпимся въ рѣшимости чтить науку и ея истинныхъ творцовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

СЕНТЯБРЬ, 1896

СИЛЬФИДА [1].

(Романъ въ трехъ частяхъ).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

МЕЖДУ тѣмъ панъ Шипицкій и баронъ объявили, что дѣла приведены въ порядокъ, и оказалось, что долговъ на имуществѣ нѣтъ никакихъ. Тѣмъ не менѣе въ домѣ на набережной Наташи и ея дѣтей не принимали, а все оставляли въ гостиницѣ. Имъ старались какъ можно больше угодить въ отношеніи матеріальнаго довольства. Шипицкій каждую недѣлю привозилъ Наташѣ деньги въ большомъ количествѣ и вручалъ ей. Но при этомъ онъ просилъ ее всякій разъ давать ему росписку въ полученіи для представленія въ опеку.

— Безъ этого никакъ нельзя!—говорилъ онъ:—и такъ уже злые языки, которымъ нужно обо что нибудь почесываться, болтаютъ всякій вздоръ, будто я наживаю. А я въ каждой полушкѣ отчетъ даю.

Управленіе гостиницы чуть не каждый день получало внушеніе о томъ, чтобы какъ можно лучше служили госпожѣ Бентышъ-Полянской. Наконецъ, послѣ сведенія счетовъ, имъ была отдана въ распоряженіе коляска и лошади изъ собственной конюшни.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXV, стр. 273.

— Но почему же мы теперь не можемъ переѣхать въ свой домъ?— спрашивала его Наташа.

— Скоро, скоро переѣдете... Мы производили ремонтъ... Домъ, знаете, старый, и давно его не чинили...

— Скажите, панъ Шипицкій, если по духовному завѣщанію мнѣ съ дѣтьми отдано все, и если дѣла оказались въ порядкѣ, для чего — ваша опека?

Этотъ вопросъ произвелъ на пана Шипицкаго удручающее впечатлѣніе; онъ отвѣтилъ: — А мы не знаемъ... Насъ назначили... Мы не отъ себя...

И какъ-то поспѣшно уѣхалъ.

Наташа узнала, что пріѣхалъ князь Облонскій, тотчасъ же собралась и, не дожидаясь ни минуты, поѣхала къ нему. Она уже убѣдилась, что на любезность со стороны опекуновъ разсчитывать нельзя.

Князь принялъ ее любезно, но разсѣянно. Его любезность относилась не къ ней, а ко всѣмъ, съ кѣмъ онъ говорилъ. Она была его правиломъ, иначе онъ не умѣлъ говорить.

— Князь, войдите въ положеніе моихъ дѣтей! — говорила ему Наташа: — онѣ наслѣдницы имущества своего отца и принуждены жить въ гостиницѣ, зависѣть отъ милости чужихъ людей, барона Катчера и Шипицкаго...

— Сударыня, я очень бы хотѣлъ быть вамъ полезнымъ,— чрезвычайно внимательно отвѣчалъ князь:—но у меня своихъ дѣлъ по горло.

— Но я обращаюсь къ вамъ, какъ къ опекуну!

— Но, сударыня, я рѣшительно не понимаю, почему именно я — опекунъ у васъ! Я даже не имѣлъ чести близко знать вашего покойнаго супруга: я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ у княгини, его тетушки, вотъ и все... Я не знаю, какъ это у насъ назначаютъ, не спросивши, можетъ ли человѣкъ добросовѣстно исполнить свои обязанности...

— Но что же мнѣ дѣлать? Что же мнѣ дѣлать? Это какой-то заколдованный кругъ!—воскликнула Наташа.

— Замѣтьте, сударыня, это вѣчная исторія, когда наслѣдують женщины и дѣти... Ахъ, сколько разъ просилъ я не назначать меня, и все назначаютъ. Я вамъ долженъ сказать, сударыня, что мнѣ не доставило бы удовольствія работать съ какимъ-то господиномъ Шипицкимъ и хотя бы барономъ Катчеромъ!...

— Значитъ, баронъ Катчеръ... испуганно начала, было, Наташа, но князь, какъ бы спохватившись, перебилъ ее:

— Я ничего не сказалъ, сударыня... я сказалъ только, что мнѣ не доставило бы удовольствія это общество... Совѣтую вамъ, сударыня,— сказалъ князь въ заключеніе:—совѣтую вамъ просить, чтобы вамъ

назначили другого опекуна, вмѣсто меня... Повѣрьте, я не только не обижусь, а даже буду вамъ благодаренъ.

Наташа вышла отъ князя, почти шатаясь. На нее напало отчаянье. Она какъ-то боялась ѣхать домой, потому что не могла сказать тамъ ничего утѣшительнаго. Просить о назначеніи новаго опекуна? Да къ чему же ей это, когда и эти оскорбляютъ ее? Она не знала, къ кому обратиться; въ Петербургѣ у нея не было ни души знакомой. О, если бы была жива княгиня, она не допустила бы этого...

И вотъ, какъ послѣдняя надежда, у нея мелькнула мысль — обратиться къ послѣднему прибѣжищу—къ Тугарину. Совѣстно ей было вытаскивать изъ Москвы больного старика, но вѣдь ей больше ничего не оставалось. Она какъ бы чувствовала, что это время, эти проволочки, нужны имъ лишь для того, чтобы успѣть побольше ограбить ея дѣтей. Иначе нельзя было объяснить образа дѣйствій опекуновъ.

Она велѣла кучеру ѣхать на телеграфъ и послала Тугарину депешу: «Если только можете, пріѣзжайте спасать насъ, иначе мы будемъ ограблены до нитки».

Нечего и говорить, что Тугаринъ не откликнулся бы на эту депешу только въ томъ случаѣ, если бы лежалъ въ гробу. Оступишины привезли его и поселились въ нижнемъ этажѣ отеля.

Тугаринъ явился къ Наташѣ.

— Ну, разсказывайте, какъ васъ грабятъ? Больше всѣхъ, конечно, нашъ милый панъ Шипицкій! а?

Наташа разсказала все, что съ нею было.

— Плуты!—воскликнулъ Тугаринъ:—явные плуты! Я ихъ подъ судъ отдамъ! Пусть-ка у меня попляшутъ! Никакихъ вамъ опекуновъ не надо! Вы не малолѣтняя. Дѣла въ порядкѣ, ну, значитъ, и пошли вонъ. Воруютъ, явно воруютъ, среди бѣла дня! Хорошо, что вы меня позвали, Наталья Александровна! Помните, я говорилъ вамъ, что могу тряхнуть старыми связями!.. Ну, вотъ... Есть одинъ сановникъ, которому довольно двинуть пальцемъ, чтобы они всѣ полетѣли... Мы съ нимъ вмѣстѣ когда-то на штурмъ крѣпости рядомъ ходили и добрыми товарищами были. Не хотѣлъ я его безпокоить своей персоной, а теперь для васъ и для вашихъ дѣтокъ сдѣлаю это! Ну-ка, молодцы мои,— обратился онъ къ Оступишинымъ:—ведите меня внизъ и помогите одѣться попараднѣй!...

На свою собственную бѣду въ это время появился панъ Шипицкій.

Вошелъ онъ въ комнату своей обычной свободной походкой, которую усвоилъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался опекуномъ. Но, увидавъ Тугарина, вдругъ какъ бы опѣшилъ и приросъ къ землѣ.

— Ага! панъ Шипицкій! пожалуйте, пожалуйте!—воскликнулъ генералъ съ явнымъ сарказмомъ въ голосѣ.—Что же это ты стоишь,

милый панъ? (онъ иногда переходилъ съ нимъ на ты) развѣ я судья, что ты меня боишься?

Панъ Шипицкій не двигался съ мѣста. Застигнутый врасплохъ и этимъ тономъ и этой рѣчью, онъ, повидимому, усиленно соображалъ, какъ ему быть, въ какомъ тонѣ вести себя и какія слова говорить.

Однако, голова его отказалась такъ быстро соображать, и онъ рѣшилъ, пока, обратить все въ шутку.

— Въ Петербургѣ становится веселѣй, когда генералъ дѣлаетъ намъ честь пріѣхать сюда!—сказалъ онъ, направляясь, наконецъ, къ Натальѣ Александровнѣ, чтобы поздороваться съ нею.

— Не всегда и не всѣмъ, панъ Шипицкій,— замѣтилъ на это Тугаринъ.— Инымъ отъ моего пріѣзда бываетъ и жутко... Напримѣръ, тебѣ вотъ сейчасъ, панъ Шипицкій...

— Мнѣ, генералъ? Почему же именно мнѣ?—невинно спросилъ панъ.

— А вѣдь я же знаю, что ты думаешь. Ты думаешь: нѣтъ, Тугаринъ не спроста пріѣхалъ. Ужъ не повернуть ли оглобли въ другую сторону, не разсыпаться ли мелкимъ бѣсомъ передъ Натальей Александровной? а?

— Генералъ ошибается... Мнѣ не для чего разсыпаться!.. Я дѣлаю свою обязанность... попробовалъ было Шипицкій удариться въ амбицію.

— Да, не только дѣлаешь, а и передѣлываешь! черезчуръ, значитъ, усердно ты ее дѣлаешь... А знаешь, что я тебѣ скажу, панъ Шипицкій? Только ты слушай меня, какъ слѣдуетъ. Тугаринъ любитъ пошутить, но не всегда! Иной разъ на него нападаетъ и большая серьезность.

— Я не могу понять, генералъ...

— Погоди! Поймешь!—рѣзко рубилъ ему Тугаринъ.— Слушай, панъ Шипицкій, подавай въ отставку отъ этого опекунства! Слышишь? Добрымъ словомъ тебя прошу!

Шипицкій пожалъ плечами, какъ бы не понимая, зачѣмъ съ нимъ такъ шутятъ.

— Зачѣмъ же я буду подавать въ отставку? — произнесъ онъ, но въ голосѣ его звучала какая-то жалостная нота.

— Зачѣмъ? А затѣмъ, что ежели сегодня ты подашь въ отставу, объяснивъ, что такъ какъ всѣ дѣла по имуществу покойнаго генерала Бентышъ-Полянскаго въ порядкѣ, то тебѣ больше нечего дѣлать, и опека болѣе не нужна, то тебѣ, можетъ быть, даже честь будетъ. А ежели не подашь, то завтра тебя прогонятъ.

— Меня не за что прогонять!

— Про-го-нятъ, говорю тебѣ!—вдругъ страшно вскипѣлъ Тугаринъ и даже всталъ, но тотчасъ же опять опустился въ кресло, потому что стоять ему было трудно.— И что меня бѣситъ, такъ это то, что

онъ знаетъ это, знаетъ, что его могутъ прогнать, если только за это приняться по справедливости, знаетъ, что онъ мошенникъ...

— Прошу васъ, генералъ, такъ не выражаться... промолвилъ панъ Шипицкій, блѣднѣя.

— А что тамъ! Стану я съ тобой чиниться!—крикнулъ на него Тугаринъ:—я бы не такъ тебѣ еще сказалъ, ежели бы здѣсь не присутствовала уважаемая мною особа Наталья Александровна, твоя госпожа, которой ты долженъ въ ножки кланяться и благодарить за милость, за то, что она тебя еще держитъ, мошенника, а не поднимать голову выше макушки!.. Ты меня этой тонкостью не обманешь! Я вѣдь знаю тебя! Ты хотя и управляешь дѣлами и командуешь людьми, а душа у тебя рабская. Чуть видишь, что можно поприжать, сейчасъ голову кверху, а чуть на тебя гроза надвигается, ты сейчасъ хвостомъ вилять начинаешь... Стой, послѣ будешь говорить вздоръ,— теперь я говорю. Ты откуда пришелъ? Развѣ я не знаю? Развѣ я не былъ при этомъ? Ты пришелъ ко мнѣ ободранный, жалкій, нищій, и просилъ покушать, и я далъ тебѣ покушать. Да больно ужъ мнѣ жалко тебя стало, и увидѣлъ я, что ты боекъ и способенъ, и я сказалъ о тебѣ моему другу Бентышъ-Полянскому, который для меня все готовъ былъ сдѣлать, и онъ взялъ тебя въ конторщики, далъ тебѣ пріютъ и жалованье и одѣлъ тебя; а потомъ довѣрилъ тебѣ управленіе Тверской усадьбой, а тамъ дальше и дальше, и ты сдѣлался большой птицей, управляющимъ всѣми дѣлами Бентышъ-Полянскаго. Но не приди ты именно ко мнѣ и не возьми тебя къ себѣ Бентышъ-Полянскій, ты, можетъ быть, теперь въ богадѣльнѣ сидѣлъ бы, или и того хуже—по твоимъ наклонностямъ—въ острогѣ. Слушай, слушай! Нечего глаза таращить! Я видѣлъ не такія штуки... Ну, и передъ покойнымъ Андреемъ Михайловичемъ ты на заднихъ лапкахъ ходилъ, потому что онъ умѣлъ указать тебѣ твое мѣсто... А теперь, какъ только ты почувствовалъ, что вожжи ослабѣли, ты сейчасъ занесъ ногу, чтобы верхомъ сѣсть. Ну, нѣтъ, этому не бывать. Знай свое мѣсто!.. говорю тебѣ: подавай въ отставку, а не то худо будетъ!

Лицо Шипицкаго сдѣлалось мрачнымъ, какъ ночь. Самолюбіе его, которому онъ такъ еще недавно далъ такую большую волю, было уязвлено страшно. Даже его обычная способность смиряться, когда вѣтеръ дулъ въ неблагопріятную сторону, измѣнила ему.

— Прошу васъ, генералъ, оставить это!.. Я не могу васъ слушать,— сказалъ онъ гробовымъ голосомъ и всталъ съ видимымъ намѣреніемъ уйти.

— Ага! обидѣлся! Изволили обидѣться, панъ Шипицкій... Хорошо, я буду разговаривать съ вами по всей формѣ французской вѣжливости. Только вы еще не уходите, панъ Шипицкій. Вамъ надо еще кое-что знать, именно: извѣстно вамъ, что хозяинъ имѣетъ право жить въ своемъ домѣ? А вы Наталью Александровну въ ея

домъ не впускаете. Почему? зачѣмъ? Почему вы платите за нее въ гостиницѣ баснословныя деньги, какихъ даже дуракъ не заплатитъ? А подумайте, еще все ли въ домѣ цѣло? Подумайте, подумайте вмѣстѣ съ вашимъ вислоухимъ барономъ... А какое вы имѣете право производить ремонтъ дома безъ согласія хозяйки? А все ли тамъ въ порядкѣ, въ Тускинѣ, гдѣ столько драгоцѣнныхъ вещей? а? Вотъ вы и поблѣднѣли, панъ Шипицкій... А сейчасъ еще больше поблѣднѣете. Вотъ только сойду внизъ и надѣну что слѣдуетъ и поѣду... Вы хотите знать—къ кому? Вы думаете, что какъ у вашего гнилого барона есть тамъ какая-то рука, такъ на васъ и управы нѣтъ? А знаете ли вы, панъ Шипицкій, что у меня тоже есть рука, да не рука, а ручища... Знаете ли вы, кто такой графъ Загорьевъ? Знаете, конечно. Ему стоитъ дунуть, и васъ въ Петербургѣ не будетъ. Такъ вотъ этотъ самый графъ — мой товарищъ по полку и хорошо ко мнѣ расположенъ и человѣкъ онъ справедливый... И вотъ къ нему-то я сейчасъ и поѣду и выставлю васъ съ княземъ и съ барономъ въ настоящемъ свѣтѣ...

— Но, генералъ... Если нужно... Если вы находите... подавленнымъ голосомъ проговорилъ Шипицкій.

— Ага! То ты подашь въ отставку!—докончилъ за него Тугаринъ.— На это я скажу: ни мнѣ, ни Натальѣ Александровнѣ этого не нужно. Это я тебѣ совѣтовалъ, потому что если не подашь, то тебя прогонятъ. А мы и безъ этого своего добьемся. А затѣмъ — это ужъ самое послѣднее, что я тебѣ совѣтую. Извинись за всѣ твои гадости передъ Натальей Александровной, извинись, потому что мнѣ все-таки жаль тебя, можетъ быть, именно потому, что я тебя вывелъ въ люди, и досадно будетъ, если это пропадетъ даромъ... А нѣтъ—на себя пеняй; ужъ я выпрошу у нея, чтобы она тебя прогнала, и тогда дѣлай, что хочешь...

Послѣ этихъ словъ произошла совершенно неожиданная сцена. У пана Шипицкаго задрожали колѣни, потомъ подогнулись, и онъ, обернувшись лицомъ къ Наташѣ, вдругъ опустился на колѣни. Слезы наполнили его глаза, и онъ проговорилъ голосомъ котенка, котораго забросили въ глубокій ровъ и три дня морили голодомъ.

— Если я что и сдѣлалъ вамъ худое, такъ простите...

Наташа вскочила.— Полноте, полноте... Ради Бога встаньте... Я ничего вамъ дурного не хочу дѣлать... Встаньте, пожалуйста!.. умоляющимъ голосомъ воскликнула она.

Шипицкій всталъ и вытеръ штаны на колѣняхъ. Онъ нерѣшительно постоялъ еще нѣсколько секундъ, потомъ обратился къ Тугарину, все еще жалобнымъ голосомъ.

— Куда мнѣ подать, генералъ?

— Ну, ужъ это ты, я думаю, лучше моего знаешь!—отвѣтилъ Тугаринъ.

— Такъ я подамъ... Прощайте!

И онъ, какъ-то съежившись, подавленный, пошелъ къ двери и вышелъ изъ комнаты.

— Ну,— сказалъ Тугаринъ,— теперь, друзья мои, ведите меня внизъ а затѣмъ везите къ графу. Мы сегодня это дѣло и прикончимъ!

Оступишины съ благоговѣніемъ посмотрѣли на него и помогли ему подняться.

— Не знаю,— сказала Наташа глубоко взволнованнымъ голосомъ:—какъ я сумѣю отблагодарить васъ, дорогой генералъ!..

— А, ну васъ!.. Нельзя же благодарить человѣка только за то, что онъ еще сохранилъ способность негодовать на подлость! А вѣдь тутъ только всего и есть!.. Пожелайте-ка мнѣ, голубушка, чтобы графа я нашелъ прежнимъ добрымъ товарищемъ, отзывчивымъ на доброе и готовымъ на великодушіе. А то вѣдь я хвастаюсь, хвастаюсь, а вдругъ явлюсь къ нему, а онъ скажетъ: что изъ того, что мы вмѣстѣ служили? служили, а теперь не служимъ, ходили на штурмъ а теперь не ходимъ! Уходи туда, откуда пришелъ!.. бываетъ вѣдь. Каменѣютъ они отъ почестей... Вѣдь 15 лѣтъ мы съ нимъ не видались.

— Я слышала, что графъ—добрый и внимательный человѣкъ... сказала Наташа.

— Дай Богъ! Но только вы не думайте, что если меня постигнутъ неудачи, то я отступлю! Я и дальше найду ходъ. Я и въ такое мѣсто проберусь, выше котораго нѣтъ. Моя деревянная нога всюду меня донесетъ!

Онъ пожалъ ей руку, и затѣмъ Оступишины помогли ему спуститься внизъ.

II.

Графъ жилъ на Сергіевской улицѣ въ небольшомъ двухэтажномъ домикѣ-особнякѣ. Это былъ для своего времени и круга — особенный человѣкъ. Въ высшей степени вліятельное положеніе, какое онъ занималъ, и большія собственныя средства давали ему возможность жить хорошо и съ блескомъ. Между тѣмъ уже съ улицы, гдѣ остановилась карета Тугарина, можно было видѣть, какъ проста и невзыскательна обстановка, которою окружилъ себя графъ. Этажи дома были невысоки, на небольшихъ окнахъ стариннаго типа висѣли простыя бѣлыя занавѣси, и стояли въ горшкахъ незатѣйливые комнатные цвѣты. У подъѣзда не было даже простого швейцара, какіе заводились тогда при домахъ богатыхъ коммерсантовъ, не имѣвшихъ своихъ людей, тогда какъ при домахъ дворянскихъ стояли цѣлыя толпы людей въ пестрыхъ ливреяхъ. Только у воротъ сидѣлъ на камнѣ мужиченко съ рыжей бородой, въ бѣломъ фартукѣ.

Тугаринъ, не выходя изъ кареты, просунулъ голову и спросилъ мужика:

— Это домъ графа Заторьева?

Мужиченко поднялся и, подойдя къ каретѣ, снялъ шапку.

— Этотъ самый будетъ!—отвѣтилъ онъ.

— А самъ графъ у себя?

— Они у себя сейчасъ. Да надо будетъ вамъ во второй этажъ подняться да въ колокольчикъ позвонить, ужъ тамъ кто нибудь выйдетъ.

— А графъ въ эти часы принимаетъ?

— Ихъ свѣтлость завсегда и для всѣхъ доступны!

— Это хорошій знакъ!—сказалъ Тугаринъ, обращаясь къ Оступшинымъ, которые сидѣли съ нимъ въ каретѣ.

Ему помогли сойти на землю. Одинъ изъ братьевъ повелъ его наверхъ, а другой остался въ каретѣ. Они позвонили, дверь отворилась, и лакей—старый, съ бритымъ лицомъ, не задавъ имъ никакого вопроса, просто всѣмъ своимъ видомъ и лицомъ пригласилъ ихъ войти.

Они вошли.

— Можно видѣть графа?—спросилъ Тугаринъ.

— Сейчасъ узнаю-съ,— мягко и чрезвычайно доброжелательно сказалъ лакей,— ежели не заняты какимъ спѣшнымъ дѣломъ, такъ примутъ...

— А ты, мой милый, скажи графу, что генералъ Тугаринъ желаетъ съ нимъ повидаться. Не забудь: Тугаринъ...

— Не забуду-съ!

И слуга ушелъ, но черезъ полъ-минуты поспѣшно вернулся, а за нимъ уже слышались чьи-то мягкіе шаги, и вотъ на порогѣ изъ залы въ переднюю появилась высокая статная фигура графа со спокойнымъ, умнымъ лицомъ, съ отлично сохранившимися, низко остриженными волосами, густо посеребренными сѣдиной. Онъ былъ въ короткой темнорыжей жакеткѣ и въ шелковой цвѣтной рубашкѣ съ пышными воротничками.

Онъ остановился и пристально вглядывался въ старика, приближавшагося къ нему на своей деревянной ногѣ. Онъ какъ бы старался рѣшить вопросъ: тотъ ли это, о которомъ сказала ему память. И сквозь сѣдины и морщины онъ разглядѣлъ стараго товарища, а разглядѣвши—открылъ объятія.

— Что сдѣлали съ тобою пятнадцать лѣтъ! Охъ-охъ-охъ, Тугаринъ. Время нашъ злѣйшій врагъ, не правда ли!—дружески говорилъ графъ, осторожно ведя Тугарина черезъ небольшую залу въ свой кабинетъ.

— Ну, садись и разсказывай, какой счастливый случай привелъ тебя ко мнѣ? Гдѣ обитаешь? Что подѣлываешь?

Тугаринъ сѣлъ и перевелъ духъ. Онъ еще не сказалъ ни слова, но необычное волненіе, овладѣвшее имъ, уже утомило его. Ничто такъ не волновало его, какъ трогательное, а развѣ это было не трогательно, что человѣкъ—возведенный на высоту, черезъ пятнадцать лѣтъ признаетъ въ немъ товарища и встрѣчаетъ его такъ, какъ будто всего только мѣсяцъ назадъ они ходили вмѣстѣ на редутъ. Онъ чуть не плакалъ отъ умиленія.

Но наконецъ онъ началъ говорить.

— Прежде всего, графъ, товарищеское тебѣ спасибо за то, что помнишь!

— Ну, какъ же мнѣ не помнить, Тугаринъ? Мы съ тобой въ одной палаткѣ спали и подъ одной шипелью, помнишь? И какъ тепло и весело было! Мы были тогда молоды. Послѣ того много я испыталъ и въ разныхъ обществахъ бывалъ—и многіе старались меня развеселить, да ужъ такъ весело никогда не было...

Графъ сѣлъ противъ гостя и задумчиво смотрѣлъ на него, мысленно пробѣгая старое.— Такъ сказывай же, что привело тебя? Буду очень, очень радъ, если у тебя есть нужда ко мнѣ, и если я буду въ силахъ тебѣ помочь!..

— О, да, графъ! Есть нужда, и ты сможешь помочь! Ничего не надо, какъ только справедливости!

— Только справедливости!? — съ тонкой усмѣшкой повторилъ графъ.— Только справедливости! Развѣ ты не знаешь, что у насъ она считается рѣдкостью, и ее труднѣе всего достать?..

— Не у тебя, графъ!

— Нѣтъ, нѣтъ... я стараюсь изо всѣхъ силъ раздавать ее всѣмъ, кто ко мнѣ приходитъ. Но не все вѣдь отъ меня зависитъ. А ужъ для тебя изъ земли вырою. Сказывай же!

— Это не для меня, графъ!

— А для кого же?

— Но все равно, что для меня! Слыхалъ ты о Бентышъ-Полянскомъ? Онъ былъ гораздо моложе насъ. Вышелъ въ отставку въ генеральскомъ чинѣ...

— Бентышъ-Полянскій? Ахъ, помню, помню! У него была романическая исторія. Изъ-за нея онъ и въ отставку вышелъ... Богачъ, милліонеръ, самодуръ, что хочешь. Этотъ самый?

— Этотъ самый!

— Но онъ умеръ, я слышалъ!

— Умеръ съ мѣсяцъ тому назадъ. Но осталась вдова съ двумя дѣтьми. Прекрасная женщина, которую онъ оторвалъ отъ ея любимаго дѣла, отъ сцены, и всю жизнь обижалъ... Но онъ по духовному завѣщанію оставилъ ей все. Это было по крайней мѣрѣ честно съ его стороны. Но вообрази: назначаютъ опекуновъ, которые держатъ ее въ гостиницѣ, не пускаютъ въ собственный домъ, не даютъ лошадей и вообще держатъ, какъ какую-то пансіонерку. И такъ какъ

люди это не особенно высокой добросовѣстности, то полагаю, что дѣлается это съ цѣлью расхищенія.

— А кто опекуны?

— Князь Облонскій, но онъ назначенъ противъ желанія и въ дѣла не вмѣшивается; баронъ Катчеръ и бывшій управляющій покойнаго — нѣкто Шипицкій.

— У барона Катчера репутація не высокая!.. — сказалъ графъ.

— А между тѣмъ его назначають опекуномъ! Ну, этого Шипицкаго я самъ сегодня пробралъ, довелъ до слезъ и заставилъ подать въ отставку. А баронъ орудуетъ, насколько мнѣ извѣстно, съ княземъ Шатуновымъ, который разсчитывалъ получить наслѣдство, но обжегся...

— Ну, довольно... Имена, не внушающія довѣрія. Итакъ, была назначена опека, конечно, для приведенія въ ясность положенія дѣлъ, дѣла оказались въ порядкѣ, а молодцамъ такъ понравилось опекать, что они продлили свои полномочія? Такъ я тебя понялъ?

— Совершенно такъ.

— Надѣюсь, что мнѣ не будетъ стоить большого труда возстановить справедливость... И больше у тебя нѣтъ ничего?

— Ничего. Только надо, чтобы хозяйка могла получить свое хозяйство. Не дурно бы этихъ людей за ихъ возмутительныя дѣйствія подъ судъ отдать...

— На это я тебѣ скажу вотъ что: надо стремиться лишь къ тому, чего можно достигнуть. Того, о чемъ ты говоришь, легко достигнуть, потому что это будетъ сдѣлано административнымъ порядкомъ. Прикажутъ уничтожить опеку, какъ потерявшую смыслъ, вотъ и все. Но у этого господина барона есть тайные ходы, и если его отдать подъ судъ, онъ будетъ вертѣться, какъ угорь, и непремѣнно вывернется. Ты знаешь, какъ совершенны наши суды, мой милый. Выйдетъ, что ты же будешь посрамленъ, не смотря на твою правоту.

— Какъ? И отчета у нихъ нельзя потребовать?

— Отчетъ они и такъ обязаны представить. Но попробуй провѣрить, тутъ и выдвинутся всевозможныя вліянія, разныя великосвѣтскія тетушки да кузины. Мнѣ, знаешь, легче и пріятнѣй сражаться съ цѣлымъ непріятельскимъ войскомъ, чѣмъ съ этой крикливой арміей... Однимъ словомъ этого не совѣтую дѣлать. Мы ихъ устранимъ какъ можно скорѣе, чтобы они немного успѣли награбить. И это все, что можно сдѣлать съ полнымъ успѣхомъ. И такъ, Тугаринъ, я тебѣ обѣщаю, что завтра твоя вдова получитъ всѣ свои права. А теперь мы оставимъ ее въ покоѣ. Я страшно радъ, что увидѣлъ тебя. Вотъ у меня куча дѣлъ первой важности, но я ихъ откладываю, а хочу съ тобой поболтать...

— Но у меня тамъ два славныхъ малыхъ — одинъ въ каретѣ, другой въ твоей пріемной. Это мои друзья, они помогаютъ мнѣ передвигаться... А главное вдова-то ждетъ съ замираніемъ...

— А мы этому всему поможемъ. Вотъ тебѣ бумага: напиши записочку вдовѣ, она и успокоится. И эти же самые твои друзья отвезутъ. А я тебя самъ доставлю домой въ своей каретѣ...

Тугаринъ не могъ отказать себѣ въ этомъ удовольствіи и написалъ Наташѣ нѣсколько словъ: «Благодарите Господа Бога и добраго графа. Завтра расточатся врази, и кончатся ваши муки. Все получите, и опека будетъ уничтожена. Пріѣду позже. Позволилъ себѣ поболтать со старымъ товарищемъ. Вамъ преданный Тугаринъ».

Онъ вложилъ письмо въ конвертъ, но не запечаталъ его, а на отдѣльномъ листочкѣ написалъ по адресу Оступишиныхъ: «Везите, друзья мои, это письмецо Натальѣ Александровнѣ. Изъ него и сами узнаете объ успѣхѣ. А меня доставитъ домой самъ графъ».

Графъ позвонилъ человѣка, и обѣ записки были переданы Оступишинымъ.

Скоро карета уѣхала.

Они перешли въ маленькую столовую, гдѣ уже ожидали ихъ бутылка хорошаго стараго вина и легкій завтракъ. Все въ домѣ графа, отъ обстановки до сервировки стола, было чрезвычайно просто, какъ въ старомъ помѣщичьемъ домѣ. Лакей ступалъ почтительно своими мягкими башмаками, но не вытягивался въ струнку и не смотрѣлъ болваномъ. Въ домѣ была тишина, и какимъ-то миромъ вѣяло отовсюду.

— Разсказывай: семьей обзавелся?—спрашивалъ графъ, наливая ему вино.

— Нѣтъ... не умѣлъ какъ-то...

— Вотъ и я то же самое. Все собирался, собирался, анъ глядишь — поздно. Такъ иной разъ намѣтишь себѣ ѣхать въ театръ, одѣнешься, да заѣдешь на минуту къ знакомымъ. А тутъ интересный разговоръ, разговорился, увлекся, заболтался,—глядь—двѣнадцатый часъ, въ театръ ѣхать поздно, застанешь развѣ водевиль... Махнешь рукой и останешься. Вотъ если бы мы съ тобой теперь вздумали жениться, вышелъ бы водевиль...

Далѣе пошли взаимные вопросы и разсказы про полковыхъ товарищей. Тугаринъ разсказалъ о Чистопольевѣ, о своей дуэли и о свиданіи послѣ нея.

Время въ бесѣдѣ прошло незамѣтно. Бутылка была осушена до дна.

— Ну, а теперь я тебя отвезу. Болталъ бы съ тобой день и всю ночь, да дѣло призываетъ,—сказалъ графъ.—Дома я могу распорядиться своимъ временемъ, какъ мнѣ угодно; а внѣ дома — я точный работникъ...

Графъ приказалъ заложить лошадей. Скоро они вышли и сѣли въ карету.

Дорогой разговоръ продолжался.

— Долго ли останешься здѣсь?—спросилъ графъ, когда они подъѣзжали къ отелю.

— Да больше мнѣ нечего здѣсь дѣлать. Меня вѣдь выписали ради спасенія отъ этихъ разбойниковъ,—отвѣтилъ Тугаринъ.

— Ну, все же хоть дня два побудь. И бывай у меня. Мы еще о многомъ не вспоминали. Еще остались огромные сундуки драгоцѣннаго хлама, въ которомъ пріятно будетъ порыться...

— Для этого можно остаться! — сказалъ Тугаринъ.

— Значитъ, быть по сему?

— Быть!

— Вотъ это потоварищески!—замѣтилъ графъ, пожимая его руку.

Когда карета остановилась, онъ вышелъ первый, помогъ Тугарину выбраться на мостовую и довелъ его до двери, передавъ тамъ слугѣ. Затѣмъ онъ простился и уѣхалъ, сказавъ, что ждетъ его завтра.

Было около четырехъ часовъ дня. Когда Тугаринъ вошелъ въ корридоръ гостиницы, то замѣтилъ какую-то высокую слегка сгорбленную фигуру, прохаживавшуюся взадъ и впередъ, задумчиво наклонивъ голову и заложивъ за спину руки, въ одной изъ которыхъ держалъ шляпу.

Присмотрѣвшись, онъ узналъ пана Шипицкаго.

— Э, да это панъ. Ужъ не ко мнѣ ли?—воскликнулъ Тугаринъ.

— Къ вамъ, генералъ...—отвѣтилъ Шипицкій.

— Такъ пойдемъ; будешь гостемъ.

И онъ пригласилъ его къ себѣ въ номеръ.

— Ну, что скажешь, панъ Шипицкій? Отмолилъ грѣхъ? Покаялся?

— Молить—не молилъ, а въ отставку подалъ...

— Отлично сдѣлалъ. А то вѣдь завтра все равно отставили бы. Вотъ ты и въ выигрышѣ. Ты самъ вышелъ, честью значитъ, а барона твоего отставятъ завтра же. Ты хоть поблагодарилъ бы меня!

— Я благодаренъ вамъ, генералъ! Я всегда былъ вамъ благодаренъ! — трогательнымъ голосомъ заявилъ Шипицкій.—А только...

— Ну?

— Я хотѣлъ спросить васъ... Управленіе дѣлами у меня не отнимутъ?

— Да что же ты меня спрашиваешь? Развѣ это мое имущество? Ты объ этомъ спроси у Натальи Александровны. Это будетъ ея воля!

— Генералъ! еще болѣе трогательно промолвилъ Шипицкій: — по вашей добротѣ, походатайствуйте за меня...

— Ого! Какъ бы не такъ. Я, пожалуй, походатайствую, чтобы тебѣ пятьдесятъ розогъ всыпали за твои добрыя дѣла. Жаль, что Евстратъ бѣдняга повѣсился, а то онъ, я думаю, съ особеннымъ удовольствіемъ отпустилъ бы ихъ тебѣ. Изъ-за тебя онъ навѣрно не повѣсился бы.

— Это хорошо, что генералъ шутитъ! Тогда, значитъ, онъ добръ...

— Да я всегда добръ, да вотъ ты — злымъ оказался... Совершенно, какъ злыя собаки, набросились вы съ этимъ губошлепомъ княземъ и барономъ на бѣдную женщину...

— Ахъ, генералъ, не поминайте... Повѣрите ли, это какое-то вредное наитіе на меня нашло... Даже совѣстно вспомнить!

— Положимъ, ты это врешь, и я тебѣ ни на полушку не вѣрю... А все же мнѣ тебя жаль. Ты могъ бы быть честнымъ человѣкомъ, если бы не былъ плутомъ. Буду ходатайствовать...

Панъ Шипицкій разсыпался въ благодарностяхъ.

III.

На другой день утромъ баронъ Катчеръ явился по обыкновенію къ одиннадцати часамъ утра въ домъ на набережной «производить ремонтъ».

Ремонтъ дѣйствительно производился, но совершенно не нужный, съ единственною цѣлью, чтобы въ отчетъ можно было вставить графу: «на ремонтъ дома на Англійской набережной», и проставить въ ней крупную цифру. То въ той, то въ другой комнатѣ торчала фигура, забрызганная бѣлой глиной, и что-то развозила щеткой по потолку. Печати со всего давнымъ давно были сняты, и все стояло въ величайшемъ безпорядкѣ. Картины были почему-то сняты со стѣнъ и лежали кучей на полу, фарфоръ весь былъ свалено въ уголъ. Драпировки свалены одна на другой въ кучу. Все напоминало о недавнемъ разгромѣ.

Баронъ Катчеръ явился и постучалъ въ квартиру пана Шипицкаго.

— А что,—спросилъ онъ таинственнымъ тономъ заговорщика:— приходилъ?

Панъ Шипицкій посмотрѣлъ на него взглядомъ человѣка, не понимающаго, о чемъ идетъ рѣчь.

— Что-съ? о чемъ вы говорите, баронъ?

— Вы не понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю!

Чуткій къ такого рода вещамъ, баронъ тотчасъ же почувствовалъ, что тутъ что-то не ладно. Панъ Шипицкій не могъ не понимать, о чемъ идетъ рѣчь. Онъ самъ еще три дня тому назадъ отыскалъ покупателя на маленькую, но чрезвычайно цѣнную коллекцію печатей, которая помѣщалась въ стеклянномъ шкафу, и которою гордился Андрей Михайловичъ. Панъ Шипицкій первый подалъ мысль, что эта коллекція наслѣдникамъ ни на что не нужна, что ее будто бы непремѣнно растаскаютъ дѣти, и потому надо сбыть ее съ рукъ. Онъ же изобрѣлъ и необходимость въ деньгахъ «на

дорого стоящее содержаніе наслѣдниковъ». Однимъ словомъ, обставляя все какъ нельзя лучше, онъ нашелъ человѣка, который согласился заплатить крупную сумму, а подписать ничтожную. И теперь онъ же дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ, о чемъ съ нимъ говорятъ.

— Да вы уже проснулись или еще спите?—спросилъ баронъ.

— О, давно уже проснулся, баронъ!

— Въ такомъ случаѣ пойдемте заниматься въ контору,—сказалъ баронъ, понявъ, что Шипицкій почему-то сегодня желаетъ стоять на формальной почвѣ честнаго опекуна.

Но панъ Шипицкій и на это предложеніе не откликнулся.

— Мнѣ тамъ нечего дѣлать, въ конторѣ, баронъ.

— А вчера было что дѣлать?—возразилъ тотъ.

— Вчера я состоялъ опекуномъ...

— А сегодня?

— А сегодня нѣтъ...

— Это что значитъ?

— А то, что я подалъ въ отставку...

— Вы? Вы сами подали въ отставку?

— Разумѣется, самъ!

— Но что за причина?

— А причина та, что опекать намъ некого, баронъ. Мы привели домъ въ порядокъ и должны представить отчетъ о нашихъ дѣйствіяхъ...

— Отчетъ?—съ изумленіемъ воскликнулъ баронъ.

— А то какъ же? непремѣнно отчетъ.

— Ну-съ? И что же дальше?

— А дальше, какъ дѣла покойнаго въ полномъ порядкѣ, и наслѣдница совершеннолѣтняя и находится въ здравомъ умѣ и твердой памяти, мы обязаны передать ей имущество и болѣе ничего...

— Съ которыхъ же поръ вы стали такъ думать?

— Со вчерашняго дня.

— Такъ вдругъ сообразили?

— Именно сообразилъ.

— Вы подали объ этомъ заявленіе?

— Непремѣнно.

— Почему же вы не посовѣтовались со мной?

— О чемъ же тутъ еще совѣтоваться? Вы, можетъ быть, не желали подавать въ отставку... Это дѣло ваше!

— Охъ, панъ Шипицкій, что-то вы не все мнѣ говорите!

— Нѣтъ, все!—кратко отвѣтилъ панъ и не продолжалъ болѣе этого разговора.

Баронъ тотчасъ же понялъ, что Шипицкій не могъ сдѣлать этого отъ себя. Еще не такъ давно его планы были совсѣмъ другого рода. Онъ именно находилъ, что совершенно не къ чему торо-

питься съ отчетомъ, что ремонтъ дома можно еще протянуть мѣсяца на два. Онъ раза четыре ѣздилъ въ Ставиново и возилъ туда съ собою какихъ-то людей, а тамъ сдѣлки только были еще намѣчены, но не завершены. Не можетъ быть, чтобы онъ самъ, ни съ того, ни съ сего, не достигнувъ вполнѣ своихъ цѣлей, рѣшилъ отъ всего отказаться.

Поэтому баронъ, не заходя въ контору, въ которой ему и дѣлать было нечего, тотчасъ поѣхалъ, «куда слѣдуетъ», разузнать, въ чемъ дѣло. У него не только была рука, но руки, и онъ былъ увѣренъ, что узнаетъ истину.

Но истина была такова, что баронъ тамъ же, на мѣстѣ, долженъ былъ поспѣшно послѣдовать вчерашнему примѣру пана Шипицкаго и выразить на бумагѣ желаніе перестать быть опекуномъ Бентышъ-Полянскихъ. Это ему дружески посовѣтовали, произнося при этомъ хорошо знакомое ему имя графа.

Когда онъ вернулся на Англійскую набережную, то нашелъ тамъ совершенныя новости. Панъ Шипицкій въ коротенькомъ рабочемъ пиджакѣ, съ трубочкой въ зубахъ, ходилъ по дому и, въ качествѣ уже не опекуна, а управляющаго госпожи Бентышъ-Полянской, командовалъ цѣлой арміей дворовыхъ людей, приводившихъ все въ порядокъ, разставлявшихъ мебель и разныя вещи въ обоихъ этажахъ, навѣшивавшихъ гардины, и пр.

— Вотъ,— сказалъ онъ, обращаясь къ барону,— бумага о прекращеніи опеки!—и показалъ ему бумагу, въ которой между прочимъ опекунамъ предлагалось представить отчетъ.—Надо отчетъ представить, баронъ? Какъ вы думаете? Объ этомъ надо потолковать? а?

Баронъ изъ этого заключилъ, что панъ Шипицкій остался такимъ же плутомъ, какъ и былъ, и сказалъ, что «надо потолковать».

— Но что же вы здѣсь дѣлаете?— спросилъ онъ Шипицкаго.

— Какъ что? Да вѣдь я управляющій всѣми дѣлами госпожи Бентышъ-Полянской. Слѣдовательно я долженъ блюсти ея интересы...

Баронъ внутренно разсмѣялся тому обстоятельству, что такому ловкому плуту довѣрялось управленіе такими большими дѣлами.

— Такъ угодно вамъ будетъ назначить время для составленія отчета, баронъ?— спросилъ Шипицкій.

— Да вы вѣдь лучше меня все знаете, вотъ и составьте!— отвѣтилъ баронъ.

— Довѣряете?

— Надѣюсь...

— Будетъ исполнено!

И онъ принялся громко и свирѣпо ругаться по поводу не такъ, какъ надо, поставленной шифоньерки.

Баронъ уѣхалъ, и этимъ опека кончилась.

Между тѣмъ въ домѣ, гдѣ Наташа со своей свитой занимали цѣлый этажъ, происходили сборы. Настроеніе у всѣхъ было радостное. Всѣ чувствовали, что кончились испытанія, и началась спокойная жизнь въ своемъ домѣ, по своей волѣ. Вѣдь сама Наташа была такъ снисходительна, что люди готовились какъ бы праздновать, а не жить.

Чрезвычайно довольны были «иностранки», которыя, привыкнувъ за много лѣтъ жить въ барскомъ домѣ и побарски, были шокированы столь продолжительнымъ пребываніемъ въ гостиницѣ. Кромѣ того, и ихъ существованіе въ домѣ становилось недостаточно надежнымъ. Пока не выяснилось все касавшееся наслѣдства, онѣ не могли знать, останутся ли онѣ у Бентышъ-Полянскихъ, или будутъ принуждены искать новыхъ мѣстъ и скитаться. А такихъ мѣстъ, какое было у нихъ, считалось немного. Они жили въ своихъ комнатахъ, какъ полныя хозяйки дома. Все было къ ихъ услугамъ. У каждой были отдѣльные слуги, которые состояли въ ихъ полномъ распоряженіи. Выплачивая имъ положенное когда-то жалованье, Наташа предоставляла имъ свою кассу, своихъ лошадей и все, чѣмъ пользовалась сама, чтобы они могли безъ издержекъ жить и получать удовольствіе по своему вкусу. Съ такимъ домомъ было бы тяжело разстаться. Кромѣ того, они сошлись съ этимъ домомъ, въ особенности миссъ Эмми, которая близко сошлась съ Наташей и обожала обѣихъ дѣвочекъ.

Поэтому извѣстіе, что сегодня переѣзжаютъ въ свой домъ на набережной, который онѣ уже знали, вызвалъ настоящій восторгъ, и сборы были веселые.

Наташа забыла обо всѣхъ недавнихъ мукахъ и обидахъ. Когда утромъ панъ Шипицкій явился къ ней «за приказаніями», она даже не подумала вспоминать о его поведеніи и сказать ему что нибудь суровое. Она только сказала.

— Пожалуйста, Викентій Генриховичъ, устройте такъ, чтобы мы могли сегодня переѣхать и обѣдать дома.

Изъ этого панъ Шипицкій заключилъ, что вопросъ о томъ, оставятъ его управляющимъ, или нѣтъ, даже не возникаетъ, и съ своей стороны благоразумно вопроса этого не возбуждалъ.

Онъ вернулся на набережную и произвелъ настоящій переполохъ среди людей. Поднялась страшная дѣятельность. Повара застучали ножами, снаряжались экипажи для перевозки хозяйской семьи изъ гостиницы въ домъ. Самый домъ надо было привести въ прежній видъ, — и все это совершилось по мановенію руки, по щучьему велѣнью. Въ то же время были посланы люди и въ гостиницу, чтобы укладывать и увязывать вещи. Однимъ словомъ панъ Шипицкій оказался вполнѣ на высотѣ своей прежней должности.

Наташа послала внизъ Тугарину записочку: «Надѣюсь, дорогой

генераль, что вы и ваши добрые друзья, господа Оступишины, обѣдаете сегодня съ нами на Англійской набережной».

Тугаринъ отвѣтилъ тѣмъ же посланнымъ: «По случаю такого торжества, при томъ рѣдко случающагося въ исторіи людей,—какъ передача самими ворами хозяину ключей отъ его дома,— измѣняю даже графу и обѣдаю съ вами и съ моими крестницами. Близнецы-молодцы благодарствуютъ и приглашеніе принимаютъ».

Но минутъ черезъ пять онъ самъ уже былъ наверху. Его окружили и приставали къ нему съ восхищеніями. Вѣдь онъ былъ творецъ этого веселаго настроенія, давно уже не испытаннаго этими людьми, которые какъ бы привыкли къ унынію.

Наконецъ прибыли кареты, всѣ усѣлись и поѣхали домой.

Никто въ первое время не подумалъ посмотрѣть, что осталось изъ сокровищъ Андрея Михайловича, и что исчезло безслѣдно. Не только дѣвочки, но и гувернантки превратились вдругъ въ дѣтей, бѣгали по комнатамъ, громко выражая радость по случаю освобожденія.

А панъ Шипицкій, какъ будто и не онъ былъ причиной недавняго унынія, принималъ самое дѣятельное участіе въ общей радости и имѣлъ такой видъ, точно переѣздъ хозяевъ ему доставляетъ бо́льшее удовольствіе, чѣмъ имъ самимъ.

— Ну, вотъ, наконецъ, все и совершилось,—говорилъ онъ, стараясь оказать какъ можно больше услугъ, даже такихъ, которыя вовсе не были нужны. Тугаринъ смотрѣлъ на него съ усмѣшкой, и ѣдкія слова сами собой просились у него сорваться съ языка, но онъ выдержалъ характеръ и не доставилъ себѣ этого удовольствія. Онъ не хотѣлъ портить общаго праздника.

Люди съ радостными лицами выходили изъ своихъ норъ и спѣшили показаться на глаза Натальѣ Александровнѣ и поцѣловать у нея ручку. До сихъ поръ они переживали мучительное состояніе неизвѣстности, кому достанутся. Въ первое время разнесся среди нихъ слухъ, что владѣть ими будетъ князь Шатуновъ. Потомъ заговорили о другихъ, о баронѣ Катчерѣ. Ни тотъ, ни другой не обѣщалъ имъ ничего хорошаго. Они обращались съ людьми презрительно и грубо. Когда же пронеслась молва, что они остаются у старой госпожи, лица у всѣхъ просіяли. Всѣ знали, какое у Наташи сердце, и сколько она выстрадала отъ Андрея Михайловича, стараясь заступаться за людей и смягчать ихъ горькую участь.

И когда они кланялись ей до земли и хватали ея руку для поцѣлуя и съ улыбающимися лицами говорили:—Ясное ты наше солнышко, Наталья Александровна! Пожаловала ты къ намъ на радость нашу!—то это не было рабское лицемѣріе, вынуждаемое страхомъ и боязнью за свою шкуру. Они несли къ ея ногамъ свои сердца, зная, что она и сама не обидитъ ихъ и никому другому не дастъ въ обиду.

Состоялся обѣдъ, во время котораго у пана Шипицкаго хватило мужества встать и провозгласить тостъ за здоровье хозяйки и за то, чтобы она никогда ни въ чемъ не встрѣчала обиды и огорченій.

Тутъ и Тугаринъ поднялся и сказалъ: «Пью за то, чтобы у Натальи Александровны служили честные и вѣрные люди!».

Панъ Шипицкій поддержалъ этотъ тостъ и сказалъ, что принимаетъ его на свой счетъ, и чрезвычайно радостно чокнулся съ нимъ.

IV.

Въ первые дни послѣ переселенія въ свой домъ на набережной всѣ вздохнули свободнѣй. У Наташи было чувство удовлетворенія за дѣтей, относительно которыхъ теперь никто не смѣлъ выразить сомнѣнія, что они дѣти Бентышъ-Полянскаго. Пріѣздъ въ Петербургъ Тугарина много способствовалъ этому. Онъ твердо заявилъ у князя, что покойный Андрей Михайловичъ былъ женатъ законнымъ бракомъ, что онъ самъ присутствовалъ на вѣнчаніи и держалъ вѣнецъ, и что двѣ дѣвочки, оставшіяся послѣ его смерти, его законныя дѣти.

Князь очень заинтересовался этой исторіей, которая и вообще въ Петербургѣ надѣлала шуму, и съ своей стороны сталъ разсказывать вездѣ, гдѣ только могъ—о правахъ Наташи и ея дѣвочекъ; это всюду повторяли, и такимъ образомъ жильцы дома на Англійской набережной были признаны свѣтомъ.

Больше всѣхъ были рады «иностранки», которыя въ продолженіе всего времени, когда жили въ гостиницѣ, ощущали испугъ и неувѣренность въ своемъ положеніи. Эти колебанія, когда они видѣли, что Шипицкій относился къ Натальѣ Александровнѣ то высокомѣрно, то приниженно, сбивали ихъ съ толку. Наконецъ, то тревожное состояніе, какое непрерывно переносила Наташа, отразилось и на нихъ. Наташа сама не знала, что ожидаетъ ее завтра. Они это видѣли, и ея чувство передавалось имъ.

Теперь они опять увидали себя въ огромномъ барскомъ домѣ, гдѣ все было къ ихъ услугамъ, и гдѣ съ перваго же дня началась милая московская жизнь. Въ домѣ не было хозяина, всѣ дѣлали, что хотѣли, но особенныхъ безпорядковъ не было. Все какъ-то улаживалось само собой.

Но въ то же время была и большая разница между московской жизнью и той, которая установилась теперь. Наталья Александровна вступила въ права матери и постоянно держала дѣвочекъ около себя. Въ домѣ окончательно возобновленъ русскій языкъ и вѣрнымъ женщинамъ—Ѳеклѣ Григорьевнѣ и Пашѣ, была отведена значительная роль. «Иностранки» сперва косились на это и даже обращались къ пану Шипицкому съ вопросами, какъ имъ быть.

— А такъ и будьте, какъ госпожа желаетъ!—отвѣтилъ на это Шипицкій.— Ужъ теперь генерала Бентышъ-Полянскаго нѣту, ну, слѣдовательно — ея власть во всемъ.

И «иностранки» подчинились, а подчинившись скоро почувствовали, что такъ жить даже недурно. У нихъ не было рѣшительно никакихъ обязанностей. Дѣвочки превосходно болтали на всѣхъ языкахъ, и воспитательная роль прежнихъ суровыхъ учительницъ теперь ограничивалась тѣмъ, что при встрѣчѣ съ дѣвочками каждая говорила съ ними на своемъ языкѣ.

Въ жизни дворни, какъ петербургской, такъ и московской, произошли чрезвычайно важныя событія. Въ Петербургѣ было оставлено нѣсколько необходимыхъ слугъ, а остальнымъ было разрѣшено отправиться въ Тускино, къ своимъ дворамъ. Во дворѣ была великая радость. Былъ только одинъ моментъ недоумѣнія и смущенія.

— А кого же оставлять?—спрашивали тѣ, которымъ особенно хотѣлось «вольнаго воздуха».

Обратились къ пану Шипицкому. Но панъ теперь былъ въ періодѣ покорности, доходившей до самоуничиженія. На всѣ вопросы у него былъ одинъ отвѣтъ:

— А не знаю. Какъ госпожа прикажетъ, такъ и будетъ! Госпожа—полная и единственная хозяйка.

Тогда обратились къ Ѳеклѣ Григорьевнѣ, которая служила непосредственнымъ докладчикомъ Натальи Александровны. Ѳекла Григорьевна доложила.

— Этого я никакъ не могу рѣшить!—отвѣтила Наташа.—Посовѣтуй, Ѳекла Григорьевна.

— А мой совѣтъ такой, барыня: надобно назначить, сколько и по какой части останется, и сказать имъ: вотъ, молъ, столько-то надо, и чтобъ они сами изъ себя выбрали. Есть и такіе, которымъ въ деревню идти не охота; прижились они тутъ, въ Питерѣ, и имъ любо петербургское житье. Такъ пущай тѣ и останутся.

Этотъ мудрый совѣтъ привелъ къ наилучшимъ результатамъ. Всѣ были довольны. Въ Петербургѣ остались только тѣ, кому это было пріятно.

Рѣчь зашла и о томъ, чтобы отпустить въ деревню и московскихъ слугъ. Тѣ находились въ состояніи тревожнаго ожиданія. Они не знали, кому достанутся. До нихъ еще не дошли вѣсти о петербургскихъ перемѣнахъ. Что баринъ умеръ, это они знали, но какой оборотъ приметъ дѣло, это никому не было извѣстно.

И вотъ Наталья Александровна снарядила въ Москву Ѳеклу Григорьевну.

Ѳекла Григорьевна явилась туда въ такомъ видѣ, что ее въ первую минуту даже не узнали. На ней былъ бѣлый чепецъ и на плечахъ шаль съ разводами. Слуги, видя такое отличіе, уже готовы были и передъ нею трепетать, но она успокоила ихъ.

— Привезла вамъ приказъ отъ матушки нашей барыни, Натальи Александровны, которая теперь одна надъ нами владычица. Забирайте пожитки и ступайте каждый къ своему мѣсту. А при домѣ остается полъ-десятка душъ, кому любо въ Москвѣ остаться!

Полъ-десятка душъ нашлось. Это были тѣ, что успѣли завязать болѣе глубокія связи съ Москвой. У иныхъ были тутъ зазнобы, другіе какимъ-то чудомъ даже женились, не смотря на всѣ строгости.

Поднялось на Дмитровкѣ страшное движеніе. Сборы были шумные, радостные, и черезъ недѣлю домъ опустѣлъ. Өекла Григорьевна пересмотрѣла сама лично каждую вещицу, сдала на руки оставшимся людямъ, строго наказала имъ, чтобы берегли хозяйское добро и уѣхала обратно въ Питеръ.

А въ это время въ Питерѣ происходили своего рода событія. Однажды къ Натальѣ Александровнѣ явился старый камердинеръ Андрея Михайловича и упалъ ей въ ноги.

— Что ты, Андрей Михайловичъ? Ты меня конфузишь... Встань! Что тебѣ?

— За великой милостью къ вамъ, Наталья Александровна! — молвилъ старикъ:—всѣхъ-то вы жалуете и всю жизнь жаловали вашимъ заступленіемъ, а за меня, конечно, вамъ и нельзя было заступиться, потому я слишкомъ близокъ къ барину покойному былъ...

— Развѣ тебя обижалъ Андрей Михайловичъ?

— Нѣтъ, чтобы обижать, этого не было... Одинъ разъ хотѣли въ пудовыхъ сапогахъ въ Невскую лавру на богомолье послать, да я имъ такое слово сказалъ, что они постыдились и оставили. А только все же обиженъ я... На всю мою жизнь обиженъ...

— Чѣмъ же ты обиженъ, Андрей Михайловичъ!

— А тѣмъ обиженъ я, что, какъ родились на свѣтъ покойный баринъ, и какъ нарекли ихъ Андреемъ, такъ сейчасъ и меня отъ сохи да отъ семьи взяли да къ нимъ приставили. Такое уже мое счастье было, что мнѣ Богъ далъ ихнее имя, и меня, тоже какъ и ихъ, звали Андреемъ Михайловичемъ. Такъ вотъ поэтому самому меня и привлекли. И такъ я уже безсмѣнно при нихъ и оставался всю мою жизнь. Какъ стали они въ городѣ жить, то и меня съ собой перевезли...

— А семья твоя?

— А семья, извѣстно, въ деревнѣ... Сами знаете, у насъ не дозволялось семейнымъ жить въ городѣ... Придетъ, бывало, раза два въ году жена и дѣтей приведетъ показать, вотъ она и вся моя отрада!..

— Такъ о чемъ же ты просишь?

— Отпустите меня въ деревню, чтобы, по крайности, тамъ я дожилъ свой вѣкъ... Моя камердинская должность уже кончилась. Для вашей милости я, по старости моей, уже не гожусь служить...

— Иди себѣ съ Богомъ!.. Можетъ быть, у тебя какая-нибудь нужда есть, такъ вотъ... Наталья Александровна отсчитала тысячу рублей и отдала ихъ старому камердинеру. Для старика это была огромная награда, и онъ опять бросился ей въ ноги и объявилъ, что и онъ, и дѣти его, и внуки будутъ за нее Бога молить.

Явилась, наконецъ, съ своей просьбой и Паша. Она уже была въ изрядномъ возростѣ: ей перевалило за тридцать. Но—здоровая, румяная, миловидная, она хорошо сохранилась. Она давно уже плѣнила сердце петербургскаго повара и теперь рѣшила уступить его мольбамъ.

— Только, барыня, ужъ вы сдѣлайте милость, никуда не отпускайте его!—сказала она:—хочу я до самаго конца моей жизни при васъ оставаться...

Наташа, разумѣется, пообѣщала ей это. Къ Пашѣ она была привязана, быть можетъ, больше, чѣмъ эта дѣвушка къ ней. Съ нею были у нея связаны важныя воспоминанія. Она сопровождала ее изъ театральной школы къ слѣпому дядѣ; она была невольной спутницей ея, когда прямо со сцены ее насильно повезли въ загородный домикъ и затѣмъ держали въ заперти; она была свидѣтельницей ея короткаго счастья, когда Бентышъ-Полянскій былъ нѣженъ съ нею и предупреждалъ каждое ея желаніе; она была посвящена въ тайну, когда тихонько, скрытая отъ людскихъ глазъ, она вѣнчалась съ своимъ мужемъ. Паша слилась со всею ея жизнью, какъ свидѣтельница счастья и горя.

Среди всѣхъ этихъ событій, доставлявшихъ радость людямъ, которые окружали Наташу, только одно существо какъ бы было забыто. Лиза, каждый день появлявшаяся здѣсь съ своимъ молчаливымъ горемъ, никому не жаловалась, ни у кого ничего не просила.

А горе у нея было великое. Сербичъ, ожидавшій, что покойный Андрей Михайловичъ отказалъ ему изрядную часть своего состоянія, убѣдившись въ своей ошибкѣ, счелъ возможнымъ болѣе не скрывать своихъ картъ.

— Если ты не заставишь сестру теперь же выдать намъ триста тысячъ, такъ я тебя и знать не хочу!—говорилъ онъ Лизѣ, и при этомъ въ глазахъ его былъ такой холодъ равнодушія, что Лиза уже не могла даже заблуждаться насчетъ того, какъ онъ на нее смотритъ и зачѣмъ женился на ней.

— Какъ я могу ее заставить?—слабо возражала она.—Да и зачѣмъ? Наташа такая добрая... Она никогда насъ не оставитъ...

— Такъ значитъ, чтобы мы зависѣли отъ ея милости, отъ ея каприза... Нѣтъ, покорнѣйше благодарю васъ! Она теперь добрая, а дальше неизвѣстно, что еще будетъ. Наталья Александровна еще молодая женщина... Покойникъ не очень-то баловалъ ее любовью... Того и гляди, подвернется какой нибудь молодецъ, да и выйдетъ она замужъ за него...

— Наташа? Никогда, никогда!

— А почему это—никогда? Что она святая, твоя Наташа? Хе! Всѣ женщины одинаковы. Имъ только подай красиваго парня, такъ онѣ все забудутъ... И я тебѣ говорю, Лизавета: куй желѣзо, пока горячо... А не то я самъ начну...

— Что? Что ты можешь начать?

— А то, что самъ поѣду къ ней и потребую...

— Ты этого не сдѣлаешь!

— Я-то? Отчего не сдѣлаю!? Такъ, прямо пойду и скажу: что, молъ, заграбастали черезчуръ ужъ большую кучу!.. Обрадовались, что хозяйкой васъ сдѣлали... Надо и другимъ что нибудь...

— Ты не смѣешь этого сказать! — съ сверкающими глазами крикнула Лиза.

— Что-о? Ты еще будешь кричать на меня? Смотри, Лизавета... Не пожалѣть бы тебѣ... А то у меня руки начнутъ чесаться...

Порывъ негодованія у Лизы очень скоро переходилъ въ безпомощныя слезы. Но она плакала только дома, въ присутствіи мужа и одна, а къ Наташѣ являлась блѣдная, съ подавленнымъ видомъ и старалась улыбаться.

А Сербичъ началъ уже безпокоиться. Его практическое око видѣло то, чего сама Наташа не замѣчала. Для него было ясно, что имущество покойнаго Бентышъ-Полянскаго не расхищаетъ только тотъ, кто не хочетъ. Была опасность, что наступитъ время, когда отъ «большой кучи», о которой онъ говорилъ Лизѣ, останется такъ мало, что нечего будетъ отдѣлить ему.

И онъ неотступно требовалъ отъ Лизы дѣйствій. Уже и руки у него начали чесаться. Онъ приходилъ домой нетрезвый и колотилъ свою жену. Лиза плакала, надрывалась, но терпѣла. На всѣ его требованія выпросить у Наташи большой кушъ отвѣчала:—Нѣтъ, никогда! Покойный Андрей Михайловичъ выдалъ за мной большое приданое! Большаго я не смѣю требовать отъ сестры.

— Большое приданое? Ха! Такъ оно можетъ сдѣлаться еще больше... По какой причинѣ, за какія такія заслуги сестра твоя будетъ пользоваться милліонами, а ты какими-то тамъ жалкими крохами?

— Я ничѣмъ не хочу пользоваться...

— Ну, да, я тебя граблю, конечно... Но все равно она-то пользуется!

— Значитъ, такая ея судьба, а моя другая...

— Судьба, судьба! Эта судьба такая же дура, какъ и ты! Такъ не желаешь поговорить съ сестрой?

— Никогда!

— Ну, ладно!.. Сама же пожалѣешь...

Послѣ этого разговора Лиза постоянно, съ минуты на минуту ждала чего-то ужаснаго. А Сербичъ оправдалъ свою угрозу.

Однажды онъ явился къ Наташѣ. Она приняла его, но ничего не ждала хорошаго. Въ самые трудные дни онъ ни разу не заглянулъ къ ней, и она видѣла, что у него была тогда какая-то странная близость съ Шипицкимъ. Чего же отъ него можно ждать?

— Я къ вамъ, Наталья Александровна, по большому дѣлу!..— сказалъ Сербичъ, и глаза его при этомъ избѣгали смотрѣть ей прямо въ лицо.

— Въ чемъ же это большое дѣло?—спросила Наташа.

— А въ томъ, Наталья Александровна, что, когда человѣкъ получаетъ ни съ того, ни съ сего огромное счастье, то надо, чтобы онъ и съ другими дѣлился.

— Я не понимаю!—промолвила Наташа, но уже тонъ, какимъ онъ говорилъ, заставилъ ее поблѣднѣть.

— Гм... Не понимаете?.. Такъ я объясню!.. Можно бы и намъ съ Лизой удѣлить часть наслѣдства... Почему все вамъ?

— Съ Лизой?.. Вы употребляете во зло имя Лизы... Лиза этого не хочетъ и хотѣть не можетъ...

— Э, все равно!.. Нельзя же забрать въ руки все одной и не выпускать...

Наташа встала.

— Я такъ не умѣю разговаривать, господинъ Сербичъ!.. Глубоко сожалѣю, что моя бѣдная сестра имѣетъ несчастье быть вашей женой, иначе я васъ не впустила бы въ домъ... Покойный Андрей Михайловичъ хорошо обезпечилъ васъ. Все остальное не мнѣ принадлежитъ, а дѣтямъ...

— Ахъ, это всегда на дѣтей сворачиваютъ!..

Лиза въ это время была здѣсь, за дверью и съ глубоко оскорбленнымъ сердцемъ слышала весь этотъ разговоръ. Она дала себѣ клятву, чего бы ей это ни стоило, какихъ мукъ и истязаній, никогда больше не быть женой Сербича. Она рѣшила или остаться съ Наташей, или запереться въ невѣдомый ему монастырь...

— Я больше не могу васъ слушать,—дрожащимъ голосомъ промолвила Наташа и сдѣлала движеніе уйти.

— А, не можете? Тѣмъ хуже! тѣмъ хуже... для Лизы...

— Нѣтъ, Лизѣ уже не можетъ быть хуже... Нашъ разговоръ конченъ...

И Наташа ушла. Но она сейчасъ же позвала Шипицкаго и просила его избавить ее отъ посѣщенія Сербича. Это было лишнее. Сербичъ топнулъ отъ злости ногой и поклялся выместить свою злобу на Лизѣ. Отъ мягкой и податливой Наташи онъ не ждалъ сопротивленія.

Но это ему не удалось. Лиза долго скрывалась отъ его исканій, а когда это сдѣлалось невозможнымъ, она ушла въ монастырь и сдѣлалась для него недоступной.

Тихо шла жизнь въ домѣ на Англійской набережной. Наташа

всю себя посвятила дѣтямъ, а дѣвочки росли и начинали уже привлекать общее вниманіе своей красотой. Таня уже появлялась въ театрахъ и въ собраніяхъ, но не Наташа вывозила ее въ свѣтъ, а миссъ Эмми, которая сдѣлалась ея неразлучнымъ другомъ. Наташа не чувствовала себя къ этому способной. Свѣтъ былъ для нея чужимъ мѣстомъ, холоднымъ, непріятнымъ. Она покидала домъ только для того, чтобы сходить въ церковь, и еще позволяла себѣ посѣщать балетъ. Только одинъ разъ она рѣшилась на нѣсколько дней покинуть домъ, когда получила отъ Оступишиныхъ экстренное извѣстіе, что старый генералъ Тугаринъ скончался. Она съѣздила въ Москву и была на похоронахъ. Тутъ она встрѣтила Верховскихъ. Даша бросилась ей на шею и, радостная, полная счастья, не хотѣла разстаться съ нею. Верховскаго скоро уже ждалъ полковничій чинъ. У нихъ было трое дѣтей, и въ Москвѣ не было болѣе счастливой парочки. Только здоровье Наташи было плохо. Жизнь, полная потрясеній и обидъ, не прошла даромъ. Въ груди ея что-то ныло, и она, глядя на своихъ красавицъ-дѣвочекъ, со страхомъ думала о смерти.

Панъ Шипицкій не покидалъ управленія ея дѣлами. Но у него уже было два собственныхъ дома, оба на Литейной. Съ Наташей онъ теперь былъ неизмѣнно почтителенъ.

И. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ РАФАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ЗОТОВА [1].

VIII.

Мордвиновъ.—Исканіе мѣста.—Казенныя палаты.—Проекты и литературныя занятія.—Будущій министръ и графъ Клейнмихель.—Чевкинъ и пути сообщенія.

ТАКЪ ОКОНЧИЛОСЬ мое театральное поприще, но съ этой минуты началась моя литературная дѣятельность; я получилъ 1200 рублей (асс.) пенсіи за 25 лѣтъ службы. За раны никогда ничего не получалъ и не просилъ. Только въ 1838 году вздумалъ я просить комитетъ о раненыхъ принять меня въ число покровительствуемыхъ имъ лицъ, но оказалось, что для этого требовалось больше ранъ, нежели я имѣлъ ихъ, и потому мнѣ было отказано. Тогда дѣлами этого комитета управлялъ Политковскій: слѣдственно все отъ него зависѣло. Но ему деньги нужны были для самого себя, и, какъ оказалось впослѣдствіи, нужно было не мало. Онъ обворовалъ комитетъ на нѣсколько милліоновъ.

Выйдя въ отставку, я прежде всего обратился для пріисканія мѣста къ начальнику III Отдѣленія, Мордвинову, съ которымъ мы вмѣстѣ были подъ Данцигомъ ротными начальниками, и надобно отдать ему справедливость: онъ чрезвычайно дѣятельно хлопоталъ обо мнѣ у Бенкендорфа, но государь отказалъ даже и его ходатайству.

Съ Бенкендорфомъ очень хорошо была знакома бывшая актриса, Нимфодора Семеновна Семенова, и она, принявъ во мнѣ участіе,

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXV, стр. 801.

представила меня даже въ одинъ вечеръ лично графу, и онъ сказалъ мнѣ достопамятную фразу, что «государю говорятъ только то, что онъ хочетъ знать».

Вскорѣ съ Гедеоновымъ случилась какая-то домашняя исторія у танцорки Андреяновой, гдѣ подгулявшая компанія дошла до драки. Объ этомъ узнала полиція, и слѣдственно графъ Бенкендорфъ.

— Слышалъ ты,—спросилъ его государь,—что разсказываютъ о Гедеоновѣ у Андреяновой?

— Слышалъ, ваше величество,—колеблясь отвѣчалъ Бенкендорфъ.

— Такъ знай же, что во всей этой исторіи нѣтъ ни одного слова правды. Можешь отъ меня и другимъ всѣмъ сказать это.

Вышесказанную фразу передавалъ самъ графъ Бенкендорфъ.

Къ сожалѣнію, Мордвиновъ вскорѣ послѣ того подвергся опалѣ. Великій князь Михаилъ Павловичъ привезъ однажды государю книгу «Сто русскихъ литераторовъ» и показалъ, что вмѣстѣ съ портретомъ Михайловскаго-Данилевскаго былъ портретъ Бестужева, замѣшаннаго въ дѣлѣ 14 декабря.

— Цензура пропустила эту книгу, и III-е Отдѣленіе не видало, что вмѣстѣ съ генераломъ помѣстили бунтовщика, — жаловался великій князь.

Мордвиновъ былъ уволенъ, и только впослѣдствіи помѣщенъ губернаторомъ въ Вятку, а черезъ нѣсколько времени потомъ сдѣланъ директоромъ департамента податей и сборовъ въ министерствѣ финансовъ.

Однако, онъ до отъѣзда въ Вятку передалъ меня съ рукъ на руки Леонтію Васильевичу Дубельту, который былъ сдѣланъ начальникомъ штаба жандармскаго корпуса и начальникомъ III Отдѣленія.

Трудно было бы исчислить всѣ тѣ письма, которыя этотъ добрый человѣкъ писалъ обо мнѣ вездѣ и ко всѣмъ. Во-первыхъ, мнѣ представилась возможность опредѣлиться въ Вятку вице-губернаторомъ, и бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ сдѣлалъ даже представленіе обо мнѣ, но получилъ отказъ, съ прибавленіемъ, чтобъ и впредь подобныхъ лицъ не представлять на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ.

Я сталъ искать другого мѣста. Оно нашлось въ государственной канцеляріи. Служившій тамъ въ должности статсъ-секретаря Д. Н. Масловъ представилъ меня на вакансію экспедитора. Тогдашній государственный секретарь, баронъ Корфъ, согласился на это и въ свою очередь получилъ отказъ.

Мнѣ все казалось, что я не заслуживалъ этого. Не говоря уже о прежней службѣ и ранахъ, я въ 1822 году былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры по указу 6 августа 1809 г., и въ указѣ этомъ было сказано, что «чиновники, выдержавшіе экзаменъ по всѣмъ предметамъ, имѣютъ право на всѣ государственныя мѣста», я же имѣлъ лучшій атестатъ, даже отъ самого Гедеонова, и получалъ при

отставкѣ пенсію за безпорочную службу. Поэтому я и рѣшился обратиться съ просьбою къ самому государю, говоря, что готовъ лучше идти въ солдаты и умереть на полѣ чести, а не съ голода—при многочисленномъ моемъ семействѣ.

11-го марта 1845 года министръ двора удостоилъ меня отвѣтомъ на эту всеподданнѣйшую просьбу. Онъ, по волѣ государя, сдѣлалъ мнѣ запросъ: гдѣ я избираю себѣ мѣсто для служенія?

Казалось бы, что послѣ всѣхъ моихъ неудачъ ничего не могло быть счастливѣе этого рѣшенія. При выборѣ же мѣста я предположилъ, что буду, сколько можно, скроменъ въ моихъ желаніяхъ.

Послѣ печальной моей исторіи я часто ходилъ къ князю Гагарину, и прежде всего побѣжалъ сообщить ему радостный для меня отзывъ князя Волконскаго и милостивую волю государя. А такъ какъ я въ это время считался сверхъ штата въ министерствѣ финансовъ, то Гагаринъ и взялся убѣдить Волконскаго, чтобъ тотъ написалъ министру финансовъ обо мнѣ отношеніе для принятія меня на первую вакансію предсѣдателя казенной палаты. Волконскій подписалъ просимое отношеніе, и тѣмъ все дѣло кончилось.

Я самъ явился къ Волконскому и благодарилъ его за милостивое представленіе моего письма государю, и онъ отозвался, что, еслибъ у него была теперь вакансія, то онъ съ удовольствіемъ принялъ бы меня. И тутъ все кончилось однѣми фразами.

О дѣйствительномъ принятіи меня куда нибудь на службу не было больше и помина.

Съ 1838 года началъ я самъ хлопотать, вновь поступить на службу. Знакомецъ мой, Сенявинъ, былъ назначенъ новгородскимъ гражданскимъ губернаторомъ и причислилъ меня къ себѣ сверхъ штата. Для этого я вмѣстѣ съ нимъ ѣздилъ въ Новгородъ и принятъ былъ отлично въ тамошнемъ кругу, какъ чиновникъ губернатора и какъ литераторъ. Онъ помѣстилъ меня у себя на квартирѣ и поручилъ мнѣ составить статистическое описаніе губерніи и даже историческій очеркъ этой древней республики, но объ ней не любили напоминать оффиціально, и только статистическая часть была напечатана въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

Во время этой поѣздки я имѣлъ случай прочесть въ губернскомъ правленіи всю переписку Павла I и Суворова,—и всѣ мѣры, которыя были приняты противъ Суворова, а также читалъ письмо Александра I по случаю убійства любовницы Аракчеева, составляющее одинъ изъ документовъ его царствованія.

При безпрестанной перепискѣ моей съ Леонтіемъ Васильевичемъ Дубельтомъ, онъ старался помѣстить меня вице-губернаторомъ на вакансію вмѣсто Бакунина (который назначенъ былъ губернаторомъ въ Тверь), но опредѣлили Пимена Николаевича Арапова, съ которымъ я тоже въ первой молодости былъ знакомъ. Самъ Сенявинъ предлагалъ мнѣ, правда, вступить къ нему членомъ губернскаго правленія, но мнѣ не хотѣлось похоронить себя въ

губерніи — и я отказался. Можетъ быть, я и дурно поступилъ, но съ моею пенсіею въ 1,200 рублей и съ ежегодными изданіями моихъ романовъ, которые всегда покупалъ Смирдинъ, я могъ еще существовать и въ Петербургѣ. Притомъ Сенявинъ вскорѣ переведенъ былъ въ Москву (куда и меня перевелъ), слѣдственно мѣсто члена губернскаго правленія не привело бы меня ни къ чему. Наконецъ, онъ былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и пріѣхалъ въ Петербургъ.

Тутъ я увидѣлъ всю огромную разницу между прежнимъ моимъ знакомцемъ и важнымъ государственнымъ человѣкомъ. На новомъ посту предложилъ онъ мнѣ только опредѣленіе меня членомъ статистическаго комитета и безъ жалованья.

По счастію, въ это же самое время опала, которой подвергся Мордвиновъ, прекратилась, и онъ поступилъ директоромъ департамента податей и сборовъ, зачисливъ и меня тоже сверхъ штата.

Я считался кандидатомъ на мѣсто предсѣдателя казенной палаты, но съ тѣхъ поръ, какъ, по письму князя Волконскаго и по волѣ государя, былъ въ числѣ кандидатовъ, было уже нѣсколько вакансій, однако всѣ онѣ шли мимо меня и доставались людямъ, имѣвшимъ больше моего средствъ къ пріобрѣтенію ихъ.

Я помню, между прочимъ, любопытный случай. Однажды, поутру, я сидѣлъ въ кабинетѣ Мордвинова и вмѣстѣ съ женою его (урожденною Херхеулидзе), когда ему доложили о пріѣздѣ одного изъ предсѣдателей казенныхъ палатъ.

— А!—сказалъ Мордвиновъ,—Канкринъ возложилъ на меня самое непріятное порученіе. Этому барину долженъ я объявить, чтобъ онъ за-добро-ума убирался, а иначе его прогонять. Выйдите, пожалуйста, въ другую комнату, я сейчасъ кончу это непріятное порученіе.

Мы вышли, но въ дверь, оставшуюся не запертою, слышали всю эту сцену. Чиновникъ увѣрялъ въ своемъ безкорыстіи, а Мордвиновъ передавалъ ему слова Канкрина. Разумѣется, кончилось тѣмъ, что предсѣдатель подалъ въ отставку, но такъ какъ онъ былъ поддерживаемъ самымъ сильнымъ въ то время лицомъ, графомъ Клейнмихелемъ, то и получилъ другую, такую же выгодную должность, а вмѣсто него назначенъ былъ другой, который черезъ годъ успѣлъ пріобрѣсти капиталъ до 200,000 и въ оправданіе свое сказалъ только, что «не могъ противиться искушенію». Онъ былъ уволенъ, но деньги остались при немъ.

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ училъ актрису Вальбрехтъ, вышедшую замужъ за Кирѣева, и когда я вышелъ изъ дирекціи, то узналъ, что этотъ человѣкъ опредѣленъ предсѣдателемъ казенной палаты. Будучи хорошо знакомъ съ нимъ, я поѣхалъ къ нему и разспросилъ его, какими путями онъ получилъ это мѣсто.

— Знаю,—сказалъ я,—что у тебя братья занимаютъ важныя должности по части финансовъ. Имъ ли ты обязанъ этимъ мѣстомъ?

— Совсѣмъ нѣтъ,—отвѣчалъ онъ:—они мнѣ нисколько не помогли въ этомъ, а дѣло было гораздо проще. Я заплатилъ кому слѣдуетъ 6,000 рублей — и назначенъ. Въ свою очередь, я верну на службѣ эти деньги, и всѣ мы будемъ довольны. Вотъ я слышалъ, и ты хочешь попасть на это мѣсто, и о тебѣ уже было писано къ Канкрину отъ князя Волконскаго. Что за странная дорога? Выбери другую. Заплати тоже, и ты будешь опредѣленъ.

— Любезный другъ,—отвѣчалъ я,—еслибъ у меня былъ капиталъ въ 6,000 рублей, то, при моихъ литературныхъ занятіяхъ, я жилъ бы припѣваючи, не ища мѣстъ, съ которыхъ вѣдь легко и прогнать можно.

Онъ уѣхалъ, нажился и умеръ, а я остался при своей бѣдности, которая съ тѣхъ поръ все болѣе усиливалась.

Объ увольненіи отъ двора самого князя Долгорукова не мое дѣло разсказывать. Почему онъ навлекъ на себя гнѣвъ самого государя, это разскажутъ его исторіографы. Онъ въ послѣднее время участвовалъ только въ построеніи церквей и, между прочимъ, въ Коломнѣ, на Козьемъ болотѣ.

Съ Майковымъ я долго потомъ былъ знакомъ, а черезъ него, по вседневному посѣщенію его государственнаго секретаря Марченко, имѣлъ даже случай опредѣлиться въ государственную канцелярію. Я тогда написалъ большую статью о финансахъ и о курсѣ ассигнацій, и Марченко вполнѣ одобрилъ ее. Къ сожалѣнію, онъ вскорѣ былъ пожалованъ въ слѣдующій чинъ (дѣйствительнаго тайнаго совѣтника) и въ члены государственнаго совѣта. Послѣ него вступилъ въ управленіе баронъ Корфъ, и хотя по рекомендаціи Маслова онъ въ свою очередь думалъ опредѣлить меня въ экспедиторы, но я уже разсказалъ, какъ и эта попытка не удалась. Любопытно, что еще титулярнымъ совѣтникомъ я имѣлъ возможность опредѣлиться къ А. Н. Оленину и занять два мѣста (экспедитора и помощника библіотекаря), на которыя уже былъ назначенъ, съ жалованьемъ по 2,700 рублей и съ обѣщаніемъ владимірскаго креста, и остался при театрѣ. Какъ бы тогда далеко опередилъ я всѣхъ своихъ сверстниковъ!

А сколько попытокъ дѣлалъ я по другимъ вѣдомствамъ! Бывшій министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ, вспомнивъ рекомендацію обо мнѣ князя Тюфякина (товарища своего дѣтства), передалъ мою просьбу объ опредѣленіи своему правителю дѣлъ, и она осталась безъ исполненія. Статсъ-секретарь царства Польскаго, Туркулъ, долго кормилъ меня обѣщаніями, пока я оставилъ всѣ надежды на опредѣленіе. Княгиня Гагарина рекомендовала меня графу Киселеву, который составлялъ тогда новое министерство, и онъ, принявъ меня очень ласково, объявилъ однако, что для новой администраціи нужны болѣе практическіе люди, а не театральные.

Наконецъ, всѣхъ болѣе заботилась обо мнѣ добрая княгиня у статсъ-секретаря по принятію прошеній князя Голицына—и мѣсто было уже обѣщано, но.... это проклятое «но» вездѣ мнѣ мѣшало, какъ будто я самъ кому нибудь мѣшалъ на свѣтѣ.

И вотъ, кончая свою біографію на 74-мъ году, я не надѣюсь болѣе уже ни на что, потому что едва ли на что-нибудь уже и способенъ теперь.

Я началъ писать разные проекты, и въ 1838 представилъ первый проектъ о построеніи желѣзной дороги изъ Петербурга въ Одессу. Сперва я подалъ его графу Бенкендорфу, но онъ отвѣчалъ, что это не по его части, и чтобъ я обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ. Тамъ продержали проектъ почти годъ и отвѣчали мнѣ, что я, во-первыхъ, не доказалъ необходимости подобныхъ дорогъ для Россіи, а, во-вторыхъ, не указалъ на денежныя средства къ построенію ихъ.

Я, съ своей стороны, не только выставилъ всю пользу этихъ дорогъ, но и намѣтилъ, по какимъ городамъ онѣ должны идти, напомнилъ, какъ строилось московское шоссе, т. е. руками солдатъ. Отъ этого всѣ были бы въ выигрышѣ: и сами солдаты, и Россія, тогда какъ потомъ, когда вздумали строить эту дорогу, она стоила слишкомъ дорого, а обогатила только строителей.

Второй проектъ касался обмеленія всѣхъ рѣкъ въ Россіи (но мое дѣло было говорить, что тоже угрожаетъ и другимъ государствамъ). Я выставилъ главную причину этого обмеленія у насъ, а именно истребленіе лѣсовъ. Не въ моей было власти заставить кого нибудь пощадить лѣса Россіи, но совѣтовать я могъ, и въ климатическомъ и въ гигіеническомъ отношеніяхъ, обсадить деревьями главные рѣчные пути, по которымъ ходятъ барки и бечевники. Это бы утвердило почву по всѣмъ рѣкамъ, размножило лѣса, задерживало разливы и поправило бы самый климатъ. Но вѣдомству путей сообщенія показалось смѣшно, что человѣкъ, не посвященный въ тайны администраціи, хочетъ разсуждать о геологическихъ причинахъ оскудѣнія воды на земномъ шарѣ. Разумѣется, проектъ остался безъ вниманія.

Въ «Сынѣ Отечества» напечатанъ былъ мой проектъ объ учрежденіи русскаго общества всемірной торговли. Много лѣтъ спустя, основалось что-то похожее, подъ названіемъ «русскаго общества пароходства и торговли»; но масштабъ былъ уже не тотъ, да и нынѣшній результатъ этого великаго дѣла едва ли примѣнимъ къ слову «русской и всемірной».

Третій проектъ состоялъ въ физіологической и философской статьѣ: «Смерть и сонъ». Для этого собралъ я всѣ данныя, существующія въ наукѣ, и старался доказать, что сонъ составляетъ какъ бы начало, или видоизмѣненіе смерти, и что мы напрасно считаемъ послѣднюю рѣшительнымъ окончаніемъ нашего существо-

ванія. При этомъ я представилъ сотни примѣровъ возвращенія къ жизни и изложилъ всѣ роды болѣзней, ведущихъ къ смерти, но не составляющихъ вѣрныхъ признаковъ, что мы дѣйствительно уже умерли.

Медицинская цензура долго не хотѣла пропустить этой статьи, но цензурныя правила наконецъ смягчились, и она могла быть напечатана въ «Иллюстраціи» 1858 года.

Наступила важная минута для русской исторіи, а именно: выкупъ крестьянъ, и я долгомъ счелъ представить Ростовцеву мое мнѣніе по этому предмету и получилъ за это письменную благодарность.

Онъ же оказалъ мнѣ большую помощь по моей книгѣ: «Тридцатилѣтіе царствованія императора Николая I». Она не только была пропущена цензурою, но государь удостоилъ принять посвященіе ея своему имени, а потомъ наградилъ меня суммою въ 1,500 рублей.

Передъ тѣмъ я представилъ государю стихотвореніе на коронацію его и былъ награжденъ бриліантовымъ перстнемъ.

За то служебныя дѣла шли плохо. Долго я надѣялся на поддержку Мордвинова, но его назначили въ сенатъ, а меня зачислили чиновникомъ V класса при департаментѣ податей и сборовъ (оставя, впрочемъ, и кандидатомъ на должность предсѣдателя палаты, которыхъ съ тѣхъ поръ прошло мимо меня 11).

Вдругъ, по случаю постройки Благовѣщенскаго моста (названнаго потомъ Николаевскимъ), вздумалъ я написать нѣсколько стиховъ, и главный начальникъ этого великаго предпріятія, Клейнмихель, пригласилъ меня къ себѣ на службу—членомъ общаго присутствія департамента ревизіи отчетовъ. Я съ благодарностью принялъ это мѣсто, хотя въ то же время новый директоръ департамента податей и сборовъ, давнишній мой знакомый, Дмитрій Николаевичъ Масловъ, представилъ меня къ ордену Владиміра 3-й степени, за временное исправленіе должности начальника отдѣленія въ этомъ департаментѣ. Этотъ орденъ получилъ я спустя пять лѣтъ потомъ.

Едва ли я хорошо сдѣлалъ, принявъ предложенное мѣсто у Клейнмихеля. Контрольная отчетность была мнѣ, конечно, хорошо знакома, потому что я и при театрѣ былъ начальникомъ отдѣленія счетоводства и письмоводства, но самый кругъ сослуживцевъ не соотвѣтствовалъ моимъ правиламъ и обычаямъ. Меня приняли, какъ новичка въ этомъ дѣлѣ, и Клейнмихель оставилъ меня при себѣ для иностранной переписки. Но и тутъ было такъ много у меня соперниковъ, что я не зналъ, какому святому свѣчку поставить.

Благороднѣйшій изъ сослуживцевъ моихъ, вице-директоръ Михайловъ (Василій Алексѣевичъ) имѣлъ мало поддержки потому, что не ладилъ съ директоромъ, а мнѣнія послѣдняго одерживали верхъ. Когда, по высочайшей волѣ, учреждена была комиссія для провѣрки дѣлъ и суммъ вѣдомства путей сообщенія, то я, назначенный членомъ ея, напрасно представилъ предсѣдателю этой комиссіи, гене-

ралъ-лейтенанту Кривопишину, мнѣніе о провѣркѣ суточнаго движенія вагоновъ съ подрядчикомъ Вайнейсомъ, которые стоили вѣдомству въ то время болѣе трехъ милліоновъ въ годъ. Послѣдствія доказали всю важность этого счетоводства; но тогда думали, что это родъ доноса на дѣйствія главнаго начальства, и боялись всего подобнаго.

Вскорѣ другой случай еще болѣе подтвердилъ всю ошибочность счетоводства и контроля этого вѣдомства. Бывшій потомъ министромъ путей сообщенія, Мельниковъ, былъ тогда строителемъ сѣверной половины московской желѣзной дороги (а генералъ Крафтъ южной части), и такъ какъ департаментъ ревизіи отчетовъ обязанъ былъ подготовлять государственному контролю самые чистые отчеты, то онъ очень затруднялся показаніями генерала Мельникова на счетъ выдаваемыхъ имъ авансовъ по работамъ. Часто приглашаемый графомъ Клейнмихелемъ по частнымъ у него письменнымъ дѣламъ, я счелъ обязанностью доложить ему о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ въ контролѣ, и онъ приказалъ строителя Мельникова призвать въ общее присутствіе и объяснить ему, что именно нужно для безучетнаго контроля. Приказаніе его было исполнено, и такъ какъ я былъ составителемъ этого доклада, то объясненія отвѣтчика и обращены были болѣе ко мнѣ.

— Вѣдь вы тоже служите у графа!—сказалъ мнѣ Мельниковъ.— Ну, развѣ вы бы не исполнили его приказанія, чтобъ такому-то подрядчику дать двѣсти тысячъ авансомъ, а другому — триста тысячъ?

— Непремѣнно исполнилъ бы,—отвѣтилъ я,—но вмѣстѣ съ исполненіемъ въ тотъ же день представилъ бы его сіятельству докладъ объ этомъ исполненіи. Онъ помѣтилъ бы его, и все было бы очищено въ контрольномъ отношеніи. Мы бы и не затруднялись тогда вопросами: на какомъ основаніи даны эти авансы?

— Самая лучшая отчетность состоитъ въ довѣріи къ правильности расхода и къ расходчику,—сказалъ будущій министръ.

— И это совершенная правда, — возразилъ я, но самъ графъ, пользуясь всею довѣренностію государя, обязанъ однако представлять ежегодно свой отчетъ въ государственный контроль, который, въ свою очередь, не приметъ отъ насъ ничего безъ доказательствъ, а все внесетъ въ учетъ.

Тѣмъ и кончился разговоръ. Но послѣдствія его были важныя. Графъ вынесъ именной указъ, чтобы, по «новости и неопытности дѣла», принять отчетъ о построеніи желѣзной дороги въ томъ видѣ, какъ онъ составленъ. Это прекращало всѣ учеты.

Въ послѣднее время долженъ былъ я сдѣлать еще одну попытку къ составленію ясной отчетности. Клейнмихель замѣтилъ, что управленіе желѣзной дороги много тратитъ дровъ (до 36.000 саженъ) на отопленіе локомотивовъ и зданій по дорогѣ. Онъ на первый годъ

утвердилъ представленную смѣту, но приказалъ на слѣдующій годъ составить норму всего требуемаго количества дровъ. Когда вступилъ въ управленіе генералъ Чевкинъ, то повторилъ приказаніе о составленіи этой нормы; но и при третьемъ министрѣ она все-таки не составлялась. Я лично подалъ противъ этого неисполненія протестъ, но совѣтъ министерства отвѣчалъ, что смѣта этого расхода ежегодно утверждается, вмѣстѣ съ другими, высочайшею волею, и слѣдственно не требуется составленія нормы. Подобный силогизмъ былъ однако очень страненъ. Всѣ смѣты государственныхъ расходовъ утверждаются, но по всѣмъ контроль требуетъ ясныхъ доказательствъ въ употребленіи суммъ, и отсутствіе нормы въ расходѣ 36.000 саженъ дровъ составляетъ явную ошибку.

Помню, какъ въ министерствѣ финансовъ произошелъ подобный же случай, но еще болѣе забавный.

Спиртъ и вино хранятся въ бочкахъ всякаго размѣра, и изъ нихъ усышка и утечка всегда даютъ примѣрно 10% убыли. Это очень важная сумма. Я придумалъ замѣнить деревянныя бочки стеклянными. Въ послѣднихъ не бываетъ ни усышки, ни утечки; матеріалъ для фабрикаціи стеклянныхъ бочекъ самый дешевый; даже, еслибъ нужно было для безопасности отъ удара обвертывать ихъ въ войлокъ, то и это дешевый матеріалъ; а между тѣмъ дубовый лѣсъ, изъ котораго выдѣлываются бочки, сохранится въ цѣлости. И что-жъ? по этому проекту объяснили мнѣ только, что усышка и утечка доставляютъ хлѣбъ сотнямъ лицъ, и что напрасно лишать ихъ этого барыша.

Такъ все у насъ дѣлается. «Leben und leben lassen», говорятъ нѣмцы, и мы слѣдуемъ этой поговоркѣ.

Я представилъ также проектъ объ охраненіи зданій отъ пожаровъ, но такъ какъ подобныхъ проектовъ уже много, то считаю лишнимъ распространяться о немъ.

Два мои главные проекта касались: 1) учрежденія въ Россіи «гражданской стражи» и 2) введенія въ ней системы «всеобщей военной службы», не долѣе трехъ лѣтъ. Это превратило бы Россію въ постоянный и всеобщій лагерь, который вмѣстѣ съ тѣмъ занимался бы всѣми вѣтвями промышленности, науками, художествами. Главное при этомъ было бы обязательное ученіе всѣхъ сословій, такъ, чтобы окончившіе курсъ въ университетахъ вступали въ военную службу въ офицерскомъ чинѣ, а съ гимназическимъ курсомъ имѣли бы право на унтеръ-офицерское званіе. Военное воспитаніе должно быть всеобщимъ, и оно на всю жизнь сохранитъ каждому духъ дисциплины и общественнаго порядка.

Затѣмъ слѣдовалъ проектъ «о нищенствѣ». Эта язва общества поддерживается у насъ, къ сожалѣнію, набожностью и лицемѣріемъ, тогда какъ о нищихъ должна заботиться община. Много у насъ умѣютъ дѣлать добра, а еще больше умѣютъ даромъ тратить его.

О цензурномъ уставѣ я тоже представлялъ проектъ, и онъ не только былъ принятъ и одобренъ княземъ Оболенскимъ, который тогда занимался составленіемъ новаго устава, но князь убѣдилъ меня напечатать мои предположенія. Къ сожалѣнію, все это дѣло попало вскорѣ же въ другія руки, и мнѣ не суждено было заняться на этомъ поприщѣ, не смотря на то, что бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ обѣщалъ Мельникову мое опредѣленіе. Еще одинъ проектъ мой прошелъ почти незамѣченнымъ. Когда французская императрица Евгенія собирала деньги на возобновленіе храма гроба Господня въ Іерусалимѣ, я написалъ къ ней, что было бы гораздо лучше и полезнѣе для всего христіанства купить Іерусалимъ у султана, и не на чей либо счетъ отдѣльно, а на счетъ всего христіанскаго міра вообще. Французскій посланникъ Талейранъ переслалъ ей мой проектъ, и отъ ея имени благодарилъ меня за мою мысль. Я повторилъ свое представленіе въ видѣ всеподданнѣйшей просьбы государю, но проектъ не былъ одобренъ. А мнѣ казалось, что предложеніе могло бы имѣть успѣхъ въ христіанскомъ мірѣ. Я вовсе не хотѣлъ, чтобы которая нибудь держава одна взялась за это, но чтобъ Іерусалимъ превратился въ «вольный христіанскій городъ», съ самымъ незначительнымъ гарнизономъ изо всѣхъ державъ и теократически-народнымъ управленіемъ.

Проектъ былъ напечатанъ въ «Семейномъ Листкѣ».

Въ день открытія памятника Николая I напечатано было большое стихотвореніе, въ которомъ исчислены всѣ его подвиги, и за это императоръ Александръ II наградилъ меня перстнемъ съ вензелевымъ своимъ именемъ.

При этомъ случаѣ генералъ-адъютантъ Чевкинъ объявилъ мнѣ признательность государя за мою всегдашнюю преданность къ престолу и отечеству.

Это, конечно, была лучшая рекомендація для моего формулярнаго списка, и я при новомъ начальникѣ получилъ орденъ Владиміра 3-й степени, а черезъ годъ и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Явясь благодарить Чевкина, я осмѣлился сказать ему, что, по городскимъ слухамъ, онъ получитъ вскорѣ другое назначеніе.

— Не вѣрь, братецъ, этимъ слухамъ,—отвѣчалъ онъ,—а если когда они и оправдаются, то мы съ тобою всегда найдемъ мѣсто.

Одна часть слуховъ однако исполнилась.

Онъ получилъ другое назначеніе, но безъ меня.

Любопытно, какъ составилось первое наше знакомство. Когда онъ вступилъ вмѣсто Клейнмихеля въ управленіе, распространился слухъ о построеніи варшавской желѣзной дороги, но не на русскіе капиталы, а на иностранные.

Общественное мнѣніе было противъ этого; всѣ хотѣли, чтобъ и эта дорога была русская. Я написалъ въ «Пчелѣ» статью противъ этого слуха, и былъ позванъ Чевкинымъ. Тогда еще ни одна статья

не могла быть пропущена цензурою безъ утвержденія подлежащаго вѣдомства. Онъ принялъ меня ласково и спросилъ, моя ли эта статья. На утвердительный отвѣтъ онъ объяснилъ, что и не думалъ никогда отдавать варшавской дороги въ чужія руки, а, напротивъ, желалъ бы, чтобъ она была вполнѣ русская.

— Ну, а если не достанетъ у насъ капитала,—прибавилъ онъ,—конечно, мы охотно возьмемъ и чужіе. Но главные источники будутъ русскіе. А потому я васъ прошу нѣсколько смягчить вашу статью и не упрекать меня за то, что будто я думаю отдать дорогу Френкелю и компаніи. Главная моя цѣль и состоитъ именно въ томъ, чтобы построить дорогу на русскія деньги.

Я при немъ же исправилъ свою статью. Разъ удалось мнѣ оказать ему услугу вовсе неожиданно.

Бывшій мой директоръ Гедеоновъ пріѣхалъ въ это время изъ Парижа, и когда я явился къ нему, какъ старый знакомый, съ просьбою похлопотать обо мнѣ у графа Адлерберга, о причисленіи мнѣ прежнихъ служебныхъ лѣтъ въ общую цифру, для полученія пенсіи, онъ между прочимъ разсказалъ мнѣ, что ѣхалъ все время съ саксонскимъ посланникомъ Зебахомъ (прославившимся первыми переговорами по заключенію мира 1856 г.), который пріѣхалъ сюда, чтобы жаловаться на генерала Чевкина за разныя притѣсненія, дѣлаемыя будто бы обществу варшавской желѣзной дороги.

Я счелъ долгомъ передать это извѣстіе Чевкину, и, конечно, не мое уже было дѣло, какое употребленіе онъ сдѣлаетъ изъ этого свѣдѣнія. Но, въ свою очередь, и онъ потомъ оказалъ мнѣ покровительство, при роковомъ оставленіи меня за штатомъ, со всѣмъ департаментомъ, когда я принужденъ былъ подать просьбу на высочайшее имя, чтобы за 54 года службы дать мнѣ полную пенсію, а Мельниковъ не рѣшился на это нарушеніе общихъ правилъ. Чевкинъ, при поступленіи моей просьбы въ комитетъ министровъ, былъ главнымъ моимъ защитникомъ, и если не успѣлъ выпросить мнѣ всего, то убавили только 400 рублей. Я и этому былъ радъ.

О послѣднемъ періодѣ моей службы я ничего не хочу говорить. Слишкомъ прискорбно упоминать о немъ. И лицо и дѣйствія тогдашняго директора департамента слишкомъ прискорбны, чтобы вспоминать объ нихъ. Каждый поступаетъ по своему убѣжденію и по своей совѣсти.

IX.

Русскіе финансы.—Проекты по театральной части.—Борьба съ цензурой.—Романы, научныя и газетныя статьи.—Разрывъ съ «Сѣверной Пчелой».—Работы въ «Русскомъ Инвалидѣ» и въ «Голосѣ».—Знакомство съ Аракчеевымъ.—Заключеніе.

Остается сказать нѣсколько словъ о моемъ проектѣ улучшенія русскихъ финансовъ: за эту важную струну я принимался не разъ. Прежде всего это было при министерствѣ Вронченка, когда установилась единица серебрянаго рубля. Но это такая безвозвратная вещь, которую и потомки наши едва ли исправятъ; а потому едва ли нужно и говорить, что я лично былъ другаго мнѣнія.

Императоръ Николай I негодовалъ тогда на курсъ, отъ котораго страдали самые бѣдные люди. Вдругъ вздумали измѣнить это и установили единицу въ серебряный рубль. Грустно вспоминать о послѣдствіяхъ этой мѣры.

Вторая попытка къ улучшенію финансовъ была уже въ наше время при другомъ министрѣ. И если онъ выразилъ мнѣ благодарность за присылку моихъ предположеній, то, отказавъ въ опредѣленіи при своемъ министерствѣ, далъ понять, что непрошенные совѣты всегда бываютъ лишними.

Главная мысль объ улучшеніяхъ всегда болѣе относилась у меня къ театру. Я началъ служить при немъ только полустолѣтіемъ позже Волкова и Дмитревскаго, и съ тѣхъ поръ все видѣлъ, все пережилъ.

Только очень недавно мы вступили на свою національную додорогу въ русской драмѣ и этимъ обязаны графу Алексѣю Толстому и его «Іоанну Грозному». Съ нимъ открывается цѣлый рядъ пьесъ, о которыхъ мы не могли и мечтать. Теперь мы можемъ сказать, что поприще драматургіи для насъ открыто, и что мы, съ порваго періода нашей народной жизни, опередимъ другихъ въ исторической драмѣ.

Періодъ нашей національности въ драматургіи начался съ Островскаго, но безъ «Іоанна Грознаго» мы бы не далеко ушли и съ Островскимъ. Пойдемъ ли мы дальше, или опять все затормозятъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, это другой вопросъ, на который не беремся отвѣчать. Но улучшеніе русской сцены составляетъ предметъ первой важности въ нашей народной жизни. Екатерина II прежде другихъ поняла, что театръ долженъ быть школою нравовъ и нравственности, а не пустою забавою празднолюбцевъ. Намъ нужно направленіе истиннаго, а не хвастливаго патріотизма.

Намъ безпрестанно предлагали учрежденіе отдѣльныхъ театровъ. Но и дирекція лучше всѣхъ антрепренеровъ могла бы вести нашу литературу къ прекрасной и благородной цѣли. Личность директора

тутъ ровно ничего не значитъ; это случайный вопросъ, на которомъ не зачѣмъ останавливаться. Антрепренерство можетъ сдѣлать больше вреда, нежели принести существенной пользы.

Правда, у насъ все основано на чиновничествѣ, но, кажется, пора намъ отказаться отъ системы опричничества. Да и «ближніе бояре» древнихъ лѣтъ не дали намъ ничего хорошаго.

Я много писалъ объ этомъ предметѣ. Не разъ подавалъ я и проекты преобразованія русскаго театра, но, разумѣется, частное, отдѣльное мнѣніе не могло быть уважено и осуществлено. Вопросъ о преобразованіи все еще въ зародышѣ. И, однако, система одного директора гораздо лучше нѣсколькихъ: могу увѣрить въ этомъ по печальной опытности. Можетъ быть, мы дождемся и этого одного, со всѣми качествами, какія требуются для развитія этой части. По крайней мѣрѣ я лично желаю этого искренно, хотя, вѣроятно, и не доживу до этого преобразованія.

Остается мнѣ описать свои занятія въ послѣдній періодъ жизни. Они уже мало касались театра. Я написалъ сто семнадцать пьесъ русскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ. Многія изъ нихъ были играны. Въ 1856 году, когда мы думали, что можно уже писать обо всемъ, написалъ я комедію въ стихахъ: «Пріѣздъ генералъ-губернатора». Эта пьеса въ родѣ древней «Ябеды» Капниста, дозволенной при Павлѣ I,—и я осмѣлился представить ее тогдашнему главноуправляющему III Отдѣленіемъ для поднесенія государю. Увы! онъ отвѣчалъ мнѣ, что «при всей своей благонамѣренности пьеса эта не можетъ быть играна». И съ тѣхъ поръ я ее передѣлывалъ нѣсколько разъ подъ другими названіями, изъ генералъ-губернатора сдѣлалъ вице-губернатора,—и этого оказалось мало. Тогда губернскіе чиновники должны были превратиться въ частную компанію, а начальникъ ихъ—въ простого директора акціонерной компаніи. И въ послѣднее время хотя книжная цензура и одобрила ее, она напечатана въ «Воскресномъ Досугѣ», подъ названіемъ: «Компанейщики», но театральная, помня, что пьеса была уже однажды запрещена, объявила, что «считаемъ представленіе неудобнымъ». Съ подобнымъ рѣшеніемъ ничего не подѣлаешь.

Впрочемъ, даже при директорствѣ Гедеонова, нѣсколько моихъ піесъ было принято и играно. И въ заключеніе могу только похвалиться, что, написавъ сто семнадцать піесъ, я не имѣлъ свободнаго входа въ театръ, и только во время директорства Гедеонова пользовался этимъ правомъ по его распоряженію.

Въ послѣднемъ періодѣ моей литературной дѣятельности назову статью «О воспитаніи», за которую я получилъ благодарность отъ тогдашняго министра просвѣщенія А. В. Головнина. Она напечатана въ «Семейномъ Листкѣ».

Потомъ принялся я за свой любимый предметъ, астрономію, которой первые очерки составилъ въ своемъ романѣ «Цынъ-Кіу-Тонгъ».

Вотъ что я въ послѣдніе годы написалъ по этой части: «Геогонія и космогонія» (все это напечатано въ «Иллюстрированной Газетѣ»), «Сонъ въ лѣтнюю ночь въ Павловскѣ», «Фантастическій обзоръ всего мірозданія», «Путешествіе на Венеру», «Путешествіе на Марсъ», «Пребываніе на нѣкоторыхъ звѣздахъ», «Солнце и его міровая система» и «Міровѣдѣніе». Это послѣднее сочиненіе было представлено его высочеству генералъ-адмиралу, но ученый морской комитетъ нашелъ, что это популярная, а не спеціальная книга, и потому до морского вѣдомства не касается.

Я не упомянулъ о моихъ газетныхъ сотрудничествахъ. Первое я получилъ по ходатайству Л. В. Дубельта у Греча и Булгарина. Они мнѣ дали 4,000 рублей ассигнаціями за то, что я писалъ театральныя статьи и всякую другую мелочь. Конечно, я помнилъ свое масонское знакомство съ Гречемъ, хотя онъ и предалъ меня, пославъ князю Шаховскому мои стихи противъ него, съ другой стороны, я не довѣрялъ Булгарину, потому что былъ не его партіи; но мнѣ выбирать было не изъ чего, и я пріютился у этихъ людей, у которыхъ добросовѣстно работалъ четырнадцать лѣтъ, и долженъ имъ отдать справедливость: они были ко мнѣ всегда внимательны. Взявъ потомъ и политическій отдѣлъ (который весь состоялъ изъ переводовъ), я довелъ свое жалованье до 1,200 рублей серебромъ и никогда не ссорился съ ними.

Четырнадцатилѣтній періодъ безъ ссоры очень важная вещь для газетныхъ редакцій, но все-таки кончилось тѣмъ, что мы поссорились.

Одно анонимное общество предложило мнѣ принять на себя редакцію предпринимаемой газеты «Россія», съ тѣмъ, чтобы я составилъ планъ и дѣйствовалъ передъ правительствомъ отъ своего имени; я согласился и подалъ этотъ планъ въ III Отдѣленіе.

Сынъ Булгарина служилъ въ III Отдѣленіи и передалъ это извѣстіе Гречу, съ прибавкою, что проектъ мой почти принятъ. Этого было довольно, чтобъ возбудить страшный гнѣвъ Греча. Онъ разразился ругательствами за мою неблагодарность и упрекалъ за то, что я подорву «Пчелу».

Письмо кончалось, разумѣется, тѣмъ, что я съ той минуты уволенъ отъ сотрудничества.

Что мнѣ было дѣлать? Я отвѣчалъ объясненіемъ всего дѣла и отвѣта, который получилъ отъ III Отдѣленія, и затѣмъ разстался съ Гречемъ навсегда.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пріѣхалъ ко мнѣ полковникъ Лебедевъ и пригласилъ въ сотрудники къ себѣ по редакціи «Русскаго Инвалида», разумѣется, съ меньшимъ жалованьемъ, потому что «Инвалидъ» не помѣщалъ театральныхъ статей. Я съ благодарностью принялъ предложеніе и слишкомъ три года занимался переводами и передовыми статьями. Послѣднія найдены были очень рѣзкими,

за что меня пригласилъ къ себѣ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ (тогда былъ И. М. Толстой, впослѣдствіи графъ и министръ почтъ и телеграфовъ) и приказалъ учтивѣе говорить о туркахъ; я сослался на то, что въ моей исторіи Николая I объ нихъ говорится еще рѣзче; но и это не помогло.

Я считаю періодъ моего сотрудничества съ г. Лебедевымъ самымъ пріятнымъ для меня. Къ сожалѣнію, онъ былъ непродолжителенъ. Оказались какія-то невѣрности въ счетоводствѣ, и изданіе этой газеты перешло въ другія руки. Я попробовалъ усердно работать у г. Писаревскаго, но оказалось вскорѣ, что въ этой редакціи я лишній. Тогда А. А. Краевскій пріютилъ меня переводчикомъ въ новооткрывшуюся газету «Голосъ».

И тутъ проработалъ я три года, но плата за трудъ производилась только построчная, а вѣрнаго и опредѣленнаго я ничего не имѣлъ. Сперва я пріобрѣталъ 120 рублей въ мѣсяцъ, потомъ заработокъ простирался только до 30-ти. Для домашней жизни эта неопредѣленность была слишкомъ тяжела: я сообщилъ редактору, что если ему на будущее время нуженъ постоянный усердный работникъ, то я всегда готовъ трудиться—и мы разстались: мѣсто свято, конечно, не осталось пусто.

Я сохранялъ постоянное сотрудничество въ газетахъ моего сына. У него напечаталъ я всѣ свои астрономическія статьи и составлялъ ежегодные обзоры театральныхъ новостей, занимаясь компиляціями и переводами текущихъ статей. По временамъ печатались тамъ же и нѣкоторыя повѣсти мои.

Не знаю, окончу ли я главный начатый мною трудъ. Извѣстно, что въ 1819 году Аракчеевъ опредѣлилъ значительную премію тому, кто напишетъ лучшую исторію императора Александра I. Но дальнѣйшія условія довольно неопредѣленны, а между тѣмъ они очень важны. Будетъ ли это только офиціальная исторія, или намъ разрѣшать, наконецъ, говорить правду, хотя бы только въ исторіи?

Заканчивая свою біографію, я могу только увѣрить читателей, что вездѣ и во всемъ говорилъ правду. Отживая свой вѣкъ, я не вижу надобности никого обманывать. Всего же менѣе желаю какого либо возмездія тѣмъ, кто дѣлалъ мнѣ зло. Можетъ быть, они имѣли полное на это право. Въ общемъ расчетѣ человѣческихъ дѣлъ никто, кажется, не разсчитываетъ дѣлать зло: оно больше совершается вспышками, а поддерживается упрямствомъ; а такъ какъ все земное превратится въ землю, то смѣшно и думать объ исправленіи себя или другихъ. Изъ моихъ современниковъ такъ мало осталось въ живыхъ, что можно только улыбнуться, взглянувъ на результатъ человѣческой жизни.

Говоря о будущей исторіи, заказанной Аракчеевымъ, я долженъ разсказать анекдотъ о моемъ знакомствѣ съ этимъ всесильнымъ человѣкомъ. Я тогда былъ правителемъ дѣлъ театральнаго комитета

при Милорадовичѣ и вдругъ получилъ отъ Аракчеева повѣстку явиться къ нему. Я догадался о причинѣ подобнаго вызова. Она была слѣдующая: у меня было въ Псковской губерніи имѣніе въ 8 душъ, которое мнѣ, конечно, ровно ничего не приносило, а потому я подалъ государю просьбу взять этихъ крестьянъ въ казну, прибавя, что мнѣ за это ничего не надо. По крайней мѣрѣ, казенные крестьяне будутъ ограждены отъ сосѣдей. Хотя просьба и принадлежала, по моему мнѣнію, къ министерству финансовъ, но она попала къ Аракчееву, который и потребовалъ меня къ себѣ. По рукѣ чиновника, писавшаго приказаніе явиться, я узналъ, что это писалъ знакомецъ мой и данцигскій сослуживецъ, Мордвиновъ, служившій тогда при Аракчеевѣ. Явясь въ канцелярію, я, разумѣется, прежде всего обратился къ Мордвинову узнать: зачѣмъ я потребованъ? Онъ мнѣ разсказалъ, и я спросилъ потомъ: какъ говорить съ графомъ?

— Разумѣется, говори правду,—отвѣчалъ онъ,—но больше всего старайся избѣгать разсужденій и философскихъ фразъ.

Разговоръ мой съ Аракчеевымъ былъ напечатанъ въ «Русскомъ Инвалидѣ».

Меня ввели въ кабинетъ графа, и онъ сперва оглядѣлъ меня съ головы до ногъ.

— Что за глупое письмо написалъ ты къ государю?—сказалъ онъ мнѣ.

— Какое умѣлъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ я, кланяясь.

— Но съ какою цѣлью? Слѣдуя новой философіи, освобождаешь крестьянъ?

— Философія не мое дѣло, а писалъ я просто потому, что ничего съ нихъ не получаю, и ихъ только обираютъ и обижаютъ сосѣди. Когда они сдѣлаются казенными, будетъ кому защищать ихъ.

— Ты за это долженъ былъ назначить какую нибудь цѣну. Ты не имѣешь права дѣлать государю подарки.

— Я объ этомъ не смѣлъ и думать. Но такъ какъ я ничего не беру съ нихъ, то едва ли и государь возьметъ что нибудь.

— По медали я вижу, что ты былъ въ военной службѣ. Гдѣ ты столько нахваталъ знаковъ отличія?

— Я исполнилъ долгъ вѣрноподданнаго и служилъ въ петербургскомъ ополченіи. Въ сраженіи подъ Полоцкомъ получилъ 10 ранъ и за нихъ награжденъ орденомъ Анны 4-й степени. Въ гражданской службѣ получилъ 3-й степени Анны и Владиміра 4-й степени черезъ капитулъ, за успѣхи въ литературѣ.

— А гдѣ служишь?

— Занимаю мѣсто правителя канцеляріи театральнаго комитета при графѣ Милорадовичѣ.

— А знаетъ ли онъ, что ты подавалъ государю просьбу?

— Я донесъ объ этомъ только ближайшему начальнику, Аполлону Александровичу Майкову.

— Ну, такъ теперь донеси графу Михаилу Андреевичу, что я тебя призывалъ къ себѣ, и очень буду радъ, если твоя просьба будетъ имѣть успѣхъ; но ты мнѣ сегодня пришли другую просьбу и выставь въ ней, сколько ты хочешь за свое имѣніе. Скажи графу, что я доложу государю.

Я поклонился и вышелъ.

Моя аудіенція и знакомство съ первымъ вельможею были окончены; но мнѣ предстояло гораздо труднѣйшее дѣло, а именно, донести объ этомъ графу Милорадовичу. Я отправился сперва къ Майкову и донесъ ему о моемъ свиданіи съ Аракчеевымъ. Какъ ни ласковъ онъ былъ со мною, но тоже задумался.

— Поѣдемъ вмѣстѣ къ графу,—сказалъ онъ мнѣ, и мы отправились.

По счастію, онъ былъ дома и игралъ въ шахматы съ Петрушевскимъ (штатфизикъ и всегдашній шахматный партнеръ Милорадовича). Онъ велѣлъ насъ позвать и продолжалъ свою партію. Шахматная игра его была очень замѣчательна. Онъ безпрестанно мѣнялся фигурами и никогда не задумывался надъ ходомъ.

Майковъ далъ ему доиграть начатую игру, потомъ разсказалъ мое дѣло и свиданіе съ Аракчеевымъ.

— Ахъ, какъ это все не кстати! — сказалъ Милорадовичъ. — Я только что въ совѣтѣ имѣлъ маленькую сцену съ Аракчеевымъ. Этотъ человѣкъ думаетъ, что у него весь свѣтъ подъ командою. Да вѣдь и вы, Зотовъ, вздумали утруждать Аракчеева... такимъ дѣломъ, которое не стоитъ и выѣденнаго яйца.

— Я, ваше сіятельство, думалъ, что моя просьба пойдетъ къ министру финансовъ, и не воображалъ, чтобы она попала къ Аракчееву, а главное, не могъ думать, чтобы она могла обезпокоить и васъ.

— Да я бы ни слова не сказалъ противъ нея. Но при моихъ отношеніяхъ къ Аракчееву... это очень досадно. Вы опять къ нему?

— Никакъ нѣтъ. Онъ велѣлъ только прислать новую просьбу съ обозначеніемъ цифры той суммы, какую я хочу получить за свое имѣніе.

— А все-таки вы должны лично явиться. Ну, не приметъ, все равно; а я ужъ по неволѣ поблагодарю его за ласковое обращеніе съ вами.

Тѣмъ и кончился нашъ разговоръ.

Вскорѣ всѣ главные персонажи сошли со сцены. Александръ скончался въ Таганрогѣ, Милорадовичъ погибъ 14-го декабря, а Аракчеевъ пересталъ управлять государствомъ. Кому же какое дѣло было до моихъ восьми душъ? Изъ любопытства я зашелъ однажды въ департаментъ податей и сборовъ, въ которомъ служилъ потомъ, и узналъ, что министръ финансовъ отказался купить моихъ крестьянъ, потому что по близости не было другихъ казенныхъ поселеній.

Тогда я отпустилъ ихъ просто на волю.

X.

Театръ и публика. — Сценическая правда. — Знакомство въ дѣтствѣ съ французскими и нѣмецкими спектаклями. — Спектакли въ гимназіи.

Періодъ моихъ театральныхъ воспоминаній очень продолжителенъ и обнимаетъ почти всю исторію русскаго театра съ начала нынѣшняго столѣтія, когда наша драматическая литература и сценическое искусство не имѣли еще самостоятельности, а жили переводами и подражаніями. Далеко ли мы ушли въ этомъ отношеніи въ теченіе полвѣка, увидимъ въ концѣ записокъ, а теперь соберемъ пока всѣ матеріалы, могущіе служить пособіемъ будущему составителю исторіи русскаго театра, когда это составленіе будетъ возможно, т. е. когда лицепріятіе и другія стѣснительныя обстоятельства не будутъ уже препятствовать говорить правду.

Слово **правда**, конечно, бываетъ всегда относительное, потому что мнѣнія людей никогда нельзя подвести подъ общій уровень. Эти мнѣнія всегда зависятъ отъ вкуса и степени просвѣщенія каждаго. Зритель райка, который щелкаетъ орѣхи во время представленія, иначе смотритъ на театръ, піесы и игру актеровъ, нежели скромный посѣтитель мѣстъ за креслами, платящій свой послѣдній рубль за удовольствіе побывать въ театрѣ; а этотъ любитель никогда не согласенъ въ мнѣніяхъ съ богатымъ, недоучившимся юношею, который, развалясь въ двухрублевыхъ креслахъ, съ пренебреженіемъ смотритъ на прочую публику, смѣло лорнируетъ актрисъ и зрительницъ въ бенуарахъ и 1-мъ ярусѣ, громко кричитъ, сильно хлопаетъ, вызываетъ во время самаго дѣйствія, зѣваетъ при патетическихъ мѣстахъ, въ восторгѣ отъ двусмысленностей и отъ телеграфическихъ жестовъ. Всѣ эти разряды зрителей, съ тысячами подраздѣленій, имѣютъ каждый свое мнѣніе, которое почитаютъ неоспоримою правдою; и каждый правъ, потому что судитъ по силѣ своего разумѣнія. Очень немногіе безпристрастные и образованные зрители ходятъ въ театръ только по любви къ искусству и слѣдятъ за каждымъ успѣхомъ, за каждымъ проявленіемъ литературнаго или артистическаго генія.

Но это самое разнообразіе мнѣній, это всегдашнее столкновеніе сужденій, составляютъ самые драгоцѣнные матеріалы для исторіи театра. Внимательный наблюдатель найдетъ иногда больше **комедій** въ залѣ, нежели на сценѣ. Сужденія и вспышки зрителей часто гораздо занимательнѣе и поучительнѣе, нежели условная болтовня актеровъ, которая иногда дурно выполняется и даже худо заучивается. Безтолковость аплодисментовъ, вызововъ, криковъ, лучше всего обнаруживаетъ степень просвѣщенія зрителей, или по крайней мѣрѣ собравшагося въ тотъ день большинства. Потому-то

дурно поступають авторы и актеры, которые ищуть всеобщаго одобренія, а еще хуже, если довольны хлопаньемъ большинства; послѣднее нерѣдко состоитъ изъ необразованныхъ или полуобразованныхъ зрителей.

Слѣдственно, составитель театральныхъ воспоминаній не долженъ имѣть несбыточной самонадѣянности и надежды, чтобъ понравиться всѣмъ. Наши мнѣнія, нашъ способъ воззрѣнія совершенно личные. Не будемъ оспаривать и противниковъ, потому что у каждаго свои причины и основанія, чтобъ думать и судить иначе. Ручаемся только за одно, а именно: за вѣрность фактовъ и за добросовѣстность личныхъ сужденій; больше этого нельзя требовать ни отъ одного историка.

Изъ роднаго моего города Пскова прибылъ я въ Петербургъ по восьмому году. Отецъ мой привезъ меня къ г. Козлянинову (съ однимъ членомъ этого семейства сошелся я потомъ въ кампаніи 1813 года), котораго домъ находился на углу Бассейной и Офицерской, и я очутился въ кругу нѣсколькихъ дѣтей почти моего возроста. Я тогда зналъ нѣсколько понѣмецки, но о французскомъ языкѣ не имѣлъ никакого понятія. Тутъ же я услышалъ, что дѣти говорятъ пофранцузски. Это было очень оскорбительно для моего ребяческаго самолюбія, и когда принесли поутру театральныя афиши (вотъ мое первое знакомство съ театромъ), то прочія дѣти бросились читать ихъ, указывая мнѣ на французскія названія піесъ и говоря, что мы въ тотъ день поѣдемъ въ театръ смотрѣть les voitures versées, что въ переводѣ значило Опрокинутыя повозки. Слова: театръ, опера, французы,—были для меня совершенно чужды. Я однакожъ тотчасъ же затвердилъ ихъ, а самъ передъ прочими товарищами хвасталъ, что часто во Псковѣ видѣлъ нѣмецкій театръ и что хорошо умѣю понѣмецки. Въ доказательство прочиталъ я имъ на афишѣ все, что было на этомъ языкѣ напечатано, и это нѣсколько подняло меня въ ихъ мнѣніи, которое было очень неблагосклонно сначала, когда узнали, что я ни слова не умѣю пофранцузски.

Увѣряя ихъ въ моемъ знаніи нѣмецкаго языка, я много прихвастывалъ, видя, что мои товарищи столько же не знаютъ понѣмецки, сколько я пофранцузски, но въ знакомствѣ моемъ съ нѣмецкимъ театромъ въ Псковѣ я говорилъ сущую правду. Тамъ цѣлую зиму играла какая-то труппа, и отецъ мой, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ тогдашняго губернатора, графа Ламсдорфа, занималъ его ложу, когда самъ графъ не бывалъ въ театрѣ, а чаще всего онъ съ нимъ вмѣстѣ тамъ бывалъ. Гдѣ, въ какой улицѣ, въ какомъ домѣ былъ устроенъ этотъ театръ, я ужъ теперь не помню,—знаю только, что это было въ какомъ-то зданіи, въ ко-

торомъ были двѣ длинныя залы, одна подлѣ другой. Въ одной уставлены были ряды стульевъ, и въ глубинѣ возвышалась сцена. Ложъ не было, кромѣ ложи для губернатора, которая поставлена была на четырехъ столбахъ въ заднемъ углу залы, а входъ въ нее былъ изъ другой, боковой залы, гдѣ одѣвались актеры и актрисы, и гдѣ хранились декораціи, гардеробъ и проч.

Сюда-то однажды привелъ меня отецъ въ бытность самого губернатора, который, приласкавъ меня, сказалъ, что я всякій день могу ходить въ его ложу. Послѣ этого всѣ присутствующіе занялись спектаклемъ, а я публикою. Посмотрѣвъ нѣсколько минутъ на сцену, мнѣ стало скучно глядѣть на людей, говорящихъ на непонятномъ мнѣ языкѣ, и я сталъ разсматривать, нѣтъ ли гдѣ знакомыхъ мнѣ дѣтей.

Когда кончился спектакль и я воротился домой, то мать, отецъ и домашніе разспрашивали меня о томъ, что я видѣлъ, и я разсказалъ имъ обо всѣхъ, кто были въ театрѣ, но о піесѣ, о сценѣ, объ актерахъ не могъ ни слова сказать: я ихъ просто не видалъ. Въ наказаніе ли за это, или чтобъ пріучить меня къ нѣмецкому языку, отецъ мой приказалъ, чтобъ я продолжалъ ходить въ губернаторскую ложу. Я принужденъ былъ это исполнять, но, придя туда и видя себя однимъ, очень комфортабельно ложился на диванъ и засыпалъ на все время представленія. Сторожъ будилъ меня при окончаніи, а я дома сочинялъ небывалую басню о видѣнной будто бы мною піесѣ. Только однажды, помню, что одно происшествіе на сценѣ сильно поразило меня. Не знаю, какую давали піесу, но одно дѣйствующее лицо провалилось подъ полъ, и оттуда показалось пламя. Я испугался и хотѣлъ уйти, но видя, что вся публика очень довольна, успокоился и, воротясь домой, разсказалъ объ этихъ чудесахъ. Надо мною смѣялись... но съ тѣхъ поръ я пересталъ ходить въ театръ, а вздумалъ для забавы домашнихъ играть дома нѣмецкія піесы.

Для этого я взлѣзалъ на лежанку (это была моя сцена) и, взявъ въ руки нѣмецкіе діалоги, съ жестами и криками читалъ: wie befinden sie sich?—Gott sei dank, и т. п.

Вскорѣ весь этотъ эпизодъ моего младенчества изгладился изъ моей памяти, и когда я въ домѣ Козляинова увидѣлъ театральныя афиши и узналъ, что мы должны были въ тотъ день ѣхать слушать оперу les voitures versées, то дѣйствительно это было мое первое знакомство съ театромъ.

И оно было очень поверхностно. Не только я, ни слова не понимавшій пофранцузски, и еще менѣе въ музыкѣ Далейрака, но и мои товарищи не слушали ни актеровъ, ни пѣнія, а смотрѣли на публику, сообщая другъ другу свои замѣчанія о зрителяхъ. (Впослѣдствіи я замѣтилъ, что и всѣ дѣти точно также поступаютъ. Ихъ могутъ занять сраженія, превращенія, танцы, но музыка и

разговоры на сценѣ для нихъ очень скучны, и тѣ родители дурно дѣлаютъ, которые съ малолѣтства пріучаютъ дѣтей къ театру).

Такимъ образомъ первое мое посѣщеніе петербургскаго театра не произвело на меня никакого впечатлѣнія. Вскорѣ въ судьбѣ моей произошла перемѣна, и меня приняла къ себѣ на воспитаніе Ѳ. Н. Елагина (домъ ея былъ угольный, на Сергіевской улицѣ, противъ Таврическаго сада). Эта олицетворенная доброта была мнѣ истинною матерью въ эпоху моего дѣтства.

Гувернеръ Краузе, кромѣ знанія общихъ, положительныхъ наукъ, былъ еще отличный музыкантъ, такъ что, преподавая намъ уроки, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сформировалъ у Елагиной и оркестръ домашнихъ музыкантовъ, который всегда игралъ за обѣдомъ подлѣ столовой. Здѣсь, разумѣется, мы часто ходили въ театръ, но изъ всего, что я помню, произвели на меня впечатлѣніе только два спектакля, а именно: Русалка, и трагедія Княжнина Дидона. Въ первой изумленъ я былъ превращеніями и машинами, а во второй новымъ и совершенно чуждымъ для меня языкомъ поэзіи. Изъ «Русалки» заимствовалъ я для своихъ дѣтскихъ игръ всѣ превращенія и успѣвалъ очень искусно сдергивать на шелчинкахъ костюмы моихъ куколъ. Изъ «Дидоны» же часто я декламировалъ стихи и кричалъ еще громче Шушерина.

Во французскій театръ возили насъ гораздо чаще, чтобъ пріучить насъ къ этому языку; но ни одна пьеса не произвела на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія, которое бы сохранилось въ моей памяти. Въ это же самое время существовала и итальянская опера Казасси, но мы никогда туда не ѣздили. Только по одному домашнему празднику у Елагиной помню я объ итальянскихъ пѣвцахъ и пѣвицахъ. Однажды весь домъ, и безъ того уже блиставшій всегда великолѣпіемъ, изукрасился весь самымъ праздничнымъ и торжественнымъ образомъ. Даже уроки наши должны мы были кончить до завтрака (въ 11 часовъ), чтобъ потомъ заняться нашимъ туалетомъ. Болѣе всего заботились о нарядности моего товарища по ученью, младшаго сына Елагиной. Мать объявила ему, что въ тотъ день пріѣдетъ къ ней обѣдать министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Чарторыжскій, для объявленія о пожалованіи ему чина переводчика иностранной коллегіи. Льву Львовичу было тогда 15 лѣтъ,— и мы, узнавъ о причинѣ праздника и о пожалованіи нашего товарища, почему-то вздумали, какъ дѣти, смѣяться надъ нимъ, что онъ чиновникъ и титулярный совѣтникъ (переводчикъ былъ тогда въ 9-мъ классѣ). Но, видно, и самъ пожалованный худо понималъ важность своего новаго сана. Онъ обидѣлся нашими насмѣшками и заплакалъ. Чтобъ успокоить его, мы должны были обѣщать ему, что никогда не будемъ называть его титулярнымъ совѣтникомъ.

Послѣ великолѣпнѣйшаго обѣда былъ въ тотъ день концертъ для министра, и я впервые слышалъ итальянское пѣніе и пѣв-

цовъ. Вѣрно, мои музыкальные органы были еще очень не развиты, потому что Маджорлотти не произвела на меня никакого впечатлѣнія, и уже долго спустя, когда я по слухамъ узналъ объ артистической ея славѣ, вспомнилъ я, что уже слышалъ ее въ дѣтствѣ.

Здѣсь кончается періодъ дѣтскихъ моихъ театральныхъ воспоминаній. Они совершенно ничтожны,—и я вовсе не намѣренъ увѣрять, чтобъ преждевременно имѣлъ какую либо склонность къ драматургіи, музыкѣ и сценическому искусству. Все въ человѣкѣ развивается случайно, по мѣрѣ обстоятельствъ и окружающихъ предметовъ. Рѣдко сбывается всякое предназначеніе, дѣлаемое въ молодыхъ лѣтахъ. Сколько могу помнить, отецъ мой не имѣлъ никакихъ особенныхъ плановъ на мое будущее поприще. Онъ мнѣ только говорилъ: «учись и будь порядочнымъ человѣкомъ». Много треволненій прошелъ я, но исполнилъ его волю.

Жизнь моя у Елагиной продолжалась съ чѣмъ-то три года. По стеченію несчастныхъ обстоятельствъ Ѳ. И. Елагина должна была навсегда уѣхать въ деревню. Отецъ велѣлъ меня взять отъ Краузе и отдать въ гимназію.

Въ третьемъ классѣ гимназіи начинается мое настоящее знакомство съ театромъ, то-есть съ драматическою литературою. Умнѣйшій и добрѣйшій гувернеръ Гуммель исходатайствовалъ ученикамъ у директора дозволеніе играть между собою классическія трагедіи на русскомъ и французскомъ языкахъ. Это была великая для насъ эпоха. Забыты были всѣ дѣтскія игры и шалости, и всѣ съ жаромъ принялись за это полезное и благородное препровожденіе времени. Самъ Гуммель былъ нашимъ раздавателемъ ролей, и я удостоился получить Эдипа въ Аѳинахъ Озерова, а потомъ и Дмитрія Донского.

Не могу судить теперь, каково мы играли, но намъ казалось, что превосходно. Добрый Гуммель нѣсколько разъ возилъ насъ въ театръ, чтобы мы видѣли и настоящихъ артистовъ, и сколько помню, я съ рабскимъ подражаніемъ копировалъ Шушерина и Яковлева въ упомянутыхъ двухъ роляхъ.

Часто бывали мы и во французскомъ театрѣ, но изъ піесъ, видѣнныхъ мною тогда, помню только драму L'abbé de l'Epée и Мольеровы комедіи: Тартюфъ и Мизантропъ. Не знаю—почему, но русскій театръ мнѣ тогда гораздо больше понравился, нежели французскій.

Видя страсть мою къ театру, добрый мой опекунъ (почему я П. А. Кожевникова звалъ опекуномъ, не знаю; опеки имѣть было не надъ чѣмъ: у меня ничего не было) посылалъ меня по праздникамъ въ спектакли, снабжая деньгами. Сперва было помѣщалъ онъ меня въ партеръ по 1 рублю асс., но потомъ мнѣ гораздо лучше понравилось въ 50-тикопеечныхъ мѣстахъ, гдѣ ростъ мой не мѣшалъ мнѣ видѣть всей сцены. Тогда-то явилась въ С.-Петербургъ знаменитая Жоржъ, и какъ мои сценическія понятія ни были огра-

ничены, но игра ея привела меня въ восторгъ. До тѣхъ поръ восхищался я на русскомъ театрѣ А. Д. Каратыгиной (матерью бывшаго потомъ знаменитаго нашего трагика), и мнѣ казалось, что выше драмы «Графъ Вильтронъ» и игры Яковлева и Каратыгина нѣтъ уже ничего на свѣтѣ; но появленіе Жоржъ измѣнило всѣ мои идеи. Первый дебютъ ея въ «Федрѣ» былъ блистателенъ, но не совсѣмъ еще убѣдилъ меня въ ея превосходствѣ. За то въ Ифигеніи (роль Клитемнестры) она была неподражаема. Ея монологъ:

> Vous ne dementez point une race funeste,
> Oui, vous êtes du sang d'Atrée et de Thieste,—

привелъ всю публику въ неизобразимый восторгъ. Всѣ прочіе актеры исчезли передъ нею. Дегликьи-Агамемнонъ, Менвіель-Ахиллъ, г-жа Вольней-Эрифила, бывшіе до тѣхъ поръ любимцами публики, теперь были забыты, и одна Жоржъ сдѣлалась кумиромъ нашей столицы.

Возникла тогда и на русской сценѣ молодая актриса, которой приверженцы увѣряли, что она сравнятся со временемъ съ Жоржъ; но никто этому не вѣрилъ. Она отличалась только красотою, пѣвучестью голоса, греческими формами и благородствомъ игры,—это была Катерина Семеновна Семенова, которая потомъ не только сравнялась съ Жоржъ, но и превзошла ее.

Между тѣмъ наши ученическіе спектакли въ гимназіи продолжались, и мнѣ, какъ одному изъ главныхъ актеровъ, вздумалось написать собственную свою піесу. У моего опекуна была отличная библіотека, и онъ предоставилъ мнѣ ее безпрепятственно. Случайно попала мнѣ вновь вышедшая тогда на русскомъ языкѣ книга: Оссіанъ, сынъ Фингаловъ,—и я приведенъ былъ въ восторгъ этою сѣверною поэзіею. Вскорѣ потомъ увидалъ я на русской сценѣ трагедію Фингалъ Озерова, взятую изъ этой же книги, и дѣтское мое самолюбіе внушило мнѣ, что и я могу написать трагедію. Вздумано—сдѣлано, и я вскорѣ явился къ нашему доброму Гуммелю съ 5-ти-актною піесою въ стихахъ: Кушуллинъ.

Увы! Несмотря на все снисхожденіе, Гуммель сказалъ, что эту трагедію нельзя играть, но чтобъ я продолжалъ свои попытки, показывая ему прежде планъ своихъ піесъ. Эта неудача охладила меня. Я считалъ ее несправедливостію. Планы піесъ! я и не понималъ этого слова. Къ чему, думалъ я, планы, когда подъ руками книга, изъ которой дѣлаешь піесу? Вмѣсто трагедіи рѣшился я перекладывать въ стихи всего Оссіана и показывалъ свои произведенія моему учителю русской словесности, который былъ ими доволенъ. Добрый человѣкъ! На немъ лежитъ грѣхъ, что я пристрастился къ поэзіи и драматургіи, тогда какъ первоначально имѣлъ вовсе другія учебныя склонности.

Я выше разсказывалъ, какъ первою моею попыткою въ изуче-

нія математики было затверженіе наизусть полукниги геометріи Фуса. Когда мнѣ потомъ растолковали, въ чемъ дѣло, я пристрастился къ этой наукѣ и вскорѣ сдѣлался въ ней первымъ ученикомъ нашего класса, сохранивъ это почетное мѣсто и при переходѣ въ 4-й. Здѣсь способности мои еще болѣе развились съ увеличеніемъ круга учебнаго курса, и я сдѣлался преподавателемъ всѣхъ отсталыхъ моихъ товарищей. Это было очень лестно для дѣтскаго моего самолюбія, и я помню, что часто удивлялъ своего учителя смѣтливостію, вымыслами и быстротою рѣшеній. Всѣ товарищи предсказывали, что изъ меня выйдетъ прекрасный математикъ. Я, можетъ быть, тоже воображалъ; но судьба рѣшила, чтобъ я остановился на той точкѣ, до которой достигнулъ, и дальше не шелъ.

Зато я съ жаромъ принялся за поэзію и къ публичному экзамену представилъ множество стихотвореній въ лирическомъ родѣ. Несмотря на свое отступничество отъ математики, принужденъ я былъ протвердить все пройденное въ 4-мъ классѣ, чтобы быть переведеннымъ въ 5-й. Учитель былъ такъ добръ, что сохранилъ мнѣ всѣ прежніе баллы и не вызывалъ къ доскѣ на экзаменъ. Но инспекторъ и директоръ (баронъ Дольстъ) въ разговорѣ съ попечителемъ (Н. Н. Новосильцовымъ) разсказалъ ему о моихъ математическихъ способностяхъ и о моемъ дѣтскомъ гнѣвѣ, и тотъ вдругъ потребовалъ меня къ доскѣ, гдѣ самъ и задалъ мнѣ задачу. Съ нѣкоторымъ изумленіемъ посмотрѣлъ я на него, видя, что она слишкомъ незначаща и легка, а именно: Пиѳагорова теорема. Пренебрегая геометрическимъ рѣшеніемъ, я тотчасъ же сдѣлалъ алгебраическое (тогда только начинали преподавать примѣненіе алгебры къ геометріи), и попечитель удостоилъ спросить: почему я не сдѣлалъ обыкновеннаго рѣшенія? Я смѣло отвѣчалъ, что геометрическое слишкомъ извѣстно. Другихъ вопросовъ онъ мнѣ не дѣлалъ, но инспекторъ послѣ экзамена сказалъ мнѣ, что онъ велѣлъ продолжать мнѣ учиться математикѣ, тѣмъ болѣе, что въ 5-мъ классѣ былъ другой учитель.

Но жребій былъ брошенъ; я, конечно, учился, но уже наравнѣ съ другими. Коническія сѣченія, дифференціальныя и интегральныя исчисленія не нашли во мнѣ уже прежняго страстнаго любителя, и я помню, что былъ уже девятымъ по математикѣ. Впрочемъ, въ этомъ классѣ многое для меня измѣнилось. Мои сочиненія и стихи подвергались уже строгой критикѣ; спектакли прекратились, потому что Гуммель вышелъ изъ гимназіи и поступилъ въ государственную службу. Онъ, можетъ быть, много выигралъ, но мы очень много потеряли, и я помню, что весь этотъ годъ болѣе прозябалъ, нежели жилъ. **Р. М. Зотовъ.**

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ [1].

XI.

«Умственный мужикъ».

I.

А ПОСМОТРЮ Я—вы начинаете тово... скучать?—промолвилъ старикъ капитанъ, у котораго, на его маленькой мызѣ, я гостилъ въ то лѣто.

— Нѣтъ, ничего, Григорій Петровичъ,—возразилъ я, не желая обидѣть добродушнаго и хлѣбосольнаго хозяина.

— Какое тамъ «ничего», видать, видать...

Капитанъ раскрылъ старинную табакерку, досталъ двумя пальцами щепотку табату, аппетитно втянулъ его въ носъ и, пряча табакерку въ карманъ халата, произнесъ снова:

— Какое тамъ «ничего»... видать. Да оно и точно,—добавилъ онъ, вынимая осторожно изъ другого кармана красный носовой платокъ:—какъ тутъ не заскучать! Вы привыкли къ чтенію, разговорамъ, къ людямъ... А здѣсь что: какіе разговоры? Гдѣ люди? Мы съ Вѣрой Ивановной вамъ не подъ масть, стары... да я и по хозяйству все, она тоже. О. Петръ заглянетъ, да онъ тоже—ученостью не похвастается.

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», 1896 г., т. LXIV, май, стр. 455.

— Григорій Петровичъ, да что вы это!—перебилъ я старика:— мнѣ совсѣмъ не скучно. Какое чтеніе? Я радъ отдохнуть, здѣсь такъ хорошо!

— Хорошо-то хорошо,—согласился капитанъ,—да безъ книги скучновато, кто привыкъ. Есть у меня книжка: сочиненіе Булгарина: «Иванъ Выжигинъ», читали?

— Читалъ.

— Прекрасное сочиненіе! А другого нѣтъ. Выписывалъ газету, да пересталъ: на станцію ѣздить нарочно далеко, а такъ что же: вдругъ пачку цѣлую привезутъ и разобраться не можешь. Вотъ война была, дѣло другое — интересно. Тогда и мужички выписывали черезъ Пахома Елизаровича. Ба, да что же это я!—воскликнулъ вдругъ капитанъ, ударяя себя рукой по колѣнкѣ:—вотъ что значитъ старость, совсѣмъ никуда не гожусь. Цѣлую недѣлю живете у насъ, а я и словомъ не заикнулся о Пахомѣ Елизаровичѣ!

— Кто онъ такой?

— Мужичекъ изъ Бурцева, сельцо тутъ недалеко, знаете? Какъ-то мы говорили о немъ. У Пахома Елизаровича лавочка, такъ небольшая... Онъ за барышемъ и не гонится. Ему только бы прокормиться, да не сидѣть безъ дѣла. Когда-то онъ перевозъ въ городѣ держалъ, да теперь сталъ старъ, гдѣ ужъ ему.

— Онъ одинокій?

— Овдовѣлъ; дочь была, да тоже померла, а сынъ на пароходахъ матросомъ служитъ.

— Значитъ онъ землепашествомъ не занимается?

— Сдаетъ. Торгуетъ помаленьку, этимъ и живетъ.

— Почему вы о немъ заговорили?

— Познакомить васъ надо.

— Чѣмъ же онъ интересенъ?

— Всѣмъ! Его у насъ «умственнымъ мужикомъ» зовутъ.

— Любитель чтенія?

— Большой. Книжки любитъ и сочинителей уважаетъ. Портреты у него висятъ въ рамкахъ. Выписываетъ газету. Какъ только въ городъ поѣдетъ, книгъ накупитъ. И разсуждаетъ резонно... Дѣйствительно, умственный мужикъ.

— Вы съ нимъ хорошо знакомы?

— Захожу, когда ѣзжу въ Бурцево; и онъ у меня раза два былъ. Вѣра Ивановна его любитъ. Онъ вѣдь у насъ просвѣтитель: книги дастъ, кто попроситъ.

— Безплатно?

— Не могу утверждать, кажется, что-то беретъ. Да вотъ съѣздите въ Бурцево, познакомьтесь.

Меня заинтересовала личность «умственнаго мужика», и я рѣшился познакомиться съ нимъ. Капитанъ хотѣлъ ѣхать тоже со мною, но его задержали хозяйственныя дѣла, и я одинъ отправился въ село.

II.

Нельзя сказать, что бурцевцы—народъ зажиточный. Избы старенькія, покосившіяся; хорошихъ, новыхъ построекъ немного. Церковь деревянная; домъ священника, хотя и двухъэтажный, но не казистый. Домикъ Пахома Елизаровича одно-этажный, съ пристройкой, въ которой помѣщается лавка. Надъ калиткой прибита дощечка съ надписью: «Сей домъ принадлежитъ крестьянину Пахому Елизарову». Внизу надписи изображено ведро. Надъ лавкой вывѣски никакой нѣтъ, а только на одной двери нарисована голова сахару, а на другой какое-то подобіе вазы съ фруктами и сапогъ.

Я засталъ Пахома на крылечкѣ лавки. Онъ читалъ книгу, держа ее обѣими руками и, очевидно, съ трудомъ разбиралъ печать. Онъ такъ углубился въ чтеніе, что не замѣтилъ, какъ я подошелъ къ нему, и невольно вздрогнулъ, когда я назвалъ его по имени.

— Здравствуйте,— промолвилъ онъ и прибавилъ, загибая листочекъ въ книжкѣ:—что вамъ угодно-съ?

— Поклонъ вамъ привезъ отъ Григорія Петровича. Онъ и самъ хотѣлъ пріѣхать, да его задержали дѣла.

— Отъ Григорія Петровича? Это отъ отца-капитана?

— Да, я у него гощу на мызѣ.

— А—а, слышалъ я, что гость у него изъ Питера.

Голосъ Пахома сдѣлался мягче и какъ бы душевнѣе.

— Милости просимъ, присядьте, я вотъ табуреточку вынесу.

Въ эту минуту пришелъ покупатель. Пахомъ медленно поднялся съ крыльца и направился въ лавку. Я послѣдовалъ за нимъ, и пока онъ отпускалъ товаръ, я внимательно оглядѣлъ его. Это былъ высокій, крѣпкій старикъ, лѣтъ шестидесяти пяти, сухощавый, но плотный, изъ тѣхъ, которыхъ зовутъ закаленными. Черты благообразнаго лица, покрытаго потемнѣвшей кожей,—крупны и рѣзки; взглядъ сѣрыхъ проницательныхъ глазъ—строгій; сдвинутыя надъ переносьемъ брови образовали морщины. Темно-русые волосы, въ которыхъ уже начала пробиваться сѣдина, острижены порусски. Такого же цвѣта борода—клиномъ. Пахомъ производилъ впечатлѣніе солиднаго и умнаго человѣка.

— Такъ вотъ какъ, значитъ, гостите у капитана нашего, отдыхаете,— произнесъ Пахомъ, проводивъ покупателя и обращаясь ко мнѣ.—Доброе дѣло, на мызѣ отлично: кругомъ лѣса, рѣчка... привольно, воздухъ чистый, легкій... Вы прямо изъ Питера изволили пріѣхать на мызу?

— Нѣтъ, я уже побывалъ на югѣ. Теперь не надолго—въ Петербургъ—и опять странствовать до осени.

— Чего лучше! Лѣтомъ и погулять, если должность позволяетъ. Вы чѣмъ занимаетесь?

— Работаю въ газетахъ и журналахъ.

— Сочиняете? Самое чистое, можно сказать, занятіе: темныхъ людей наставляете. Вотъ я сейчасъ передъ вами о двухъ пріятеляхъ читалъ,—чудная исторія. Были, знаете, два друга, вмѣстѣ росли, учились; только одному повезло, а другому въ жизни вышла незадача. Какъ разбогатѣлъ одинъ, такъ и перемѣна съ нимъ произошла: сталъ бѣднаго пріятеля гнушаться, совсѣмъ его забылъ, будто и не были они прежде друзьями. Шло время. Вдругъ у богача-то несчастіе за несчастіемъ, и сдѣлался онъ опять нищимъ. Богачи-дружки отхлынули отъ него, знать не хотятъ. Жена съ другимъ убѣжала, бросила его больного. Умирай одинъ, какъ собака на улицѣ, да бѣдный другъ пріютилъ его. Вотъ какая исторія — поучительная, если все обдумать, да размыслить... Назидательная исторія. Стало, кто писалъ, тотъ добро посѣялъ промежъ людей.

— Вы очень любите книги, Пахомъ Елизаровичъ?

— Люблю-съ. Какъ васъ звать по имени и отчеству?

Я сказалъ.

— Люблю-съ, Александръ Васильевичъ,—повторилъ старикъ:— да и что мнѣ дѣлать? Я одинокъ, сынъ только на зиму пріѣзжаетъ, и то не на всю, въ городѣ онъ зимой больше, въ извозчикахъ, а лѣтомъ матроситъ. Жена у меня померши... хозяйства крестьянскаго не веду... вотъ торгую помаленьку, да почитываю.

— Вы выписываете газету, сказывалъ мнѣ капитанъ?

— Да, «Свѣтъ» г. Комарова. Раньше «Петербургскій Листокъ» получалъ, да вотъ, какъ умеръ Ивановъ-Классикъ, я и пересталъ.

— Развѣ вы его знали?

— Гдѣ же мнѣ знать, помилуйте! А только я очень любилъ его: отлично писалъ. Пороки наши и грѣхи такъ описывалъ, что не въ бровь, а въ глазъ прямо. Богачей жадныхъ, всѣхъ тѣхъ, кто довѣрія не оправдываетъ. Помню еще, отличные стихи были у него: описывалось Рождество въ селѣ. Вотъ вѣдь: нашъ братъ, мужичекъ, изъ крестьянъ тоже, а какимъ былъ отъ Бога талантомъ награжденъ.

— И человѣкъ онъ былъ добрый и славный,—сказалъ я.

— А вы его знали?

— Очень хорошо.

— Ахъ, вотъ какъ!

Пахомъ произнесъ это такимъ тономъ, какъ бы хотѣлъ выразить: вѣдь вотъ вы какой счастливый, даже Классика знали! Мнѣ захотѣлось сдѣлать пріятное старику, любившему такъ сильно поэтовъ.

— Хотите, я вамъ подарю портретъ Классика?—предложилъ я.

— Да неужели? Вотъ-то порадуете меня! Съ вами онъ?

— Нѣтъ, но я пришлю вамъ изъ Петербурга.

— Очень благодаренъ буду. У меня есть портреты Пушкина, Державина, Кольцова и Карамзина, всѣ въ рамочкахъ. А вотъ теперь и Алексѣй Өедоровичъ будутъ. Только вы не забудьте ужъ, я ждать стану.

— Непремѣнно! У меня даже есть лишній сборникъ его стихотвореній, я и его вамъ пришлю.

Старикъ весь просіялъ и протянулъ мнѣ обѣ руки.

— Да какъ мнѣ тогда и благодарить васъ, — проговорилъ онъ растроганно и совсѣмъ расположился ко мнѣ.

— Никакой благодарности не надо, — отвѣтилъ я. — А вы вотъ лучше мнѣ скажите: почему вы именно на «Петербургскомъ Листкѣ» сначала остановились и его стали выписывать?

— Дѣло было вотъ какимъ манеромъ, — заговорилъ Пахомъ: — объясню ужъ я вамъ все, какъ было.

— Пожалуйста.

— Извольте, извольте. Очень мнѣ пріятно, что вы покойнаго Алексѣя Өедоровича знали, да и сами-то по тому же дѣлу состоите. Выписывалъ я допрежъ «Губернскія», еще когда перевозъ держалъ, сначала въ городѣ, а потомъ въ селѣ Ямскомъ. Оно, собственно, я не самъ выписалъ, а становой навязалъ. Книжки-то я и раньше куплялъ, а чтобы газету получать—не приходилось. А тутъ навязали «Губернскія». Началась война съ турками. Въ «Губернскихъ» описывалось все, что на войнѣ происходило, да очень ужъ кратко. А тутъ какъ-то Өедька рыбакъ и говоритъ мнѣ: ты бы, говоритъ, другія какія вѣдомости выписалъ, гдѣ о войнѣ больше пишутъ. Мы тебѣ за прочитку стали бы платить по копейкѣ съ газетины. Что-жъ, думаю, коли такъ, отчего и не выписать! Согласны, ребята? И тотъ, и другой, и прочіе говорятъ, что согласны. Ко мнѣ сынъ изъ города пришелъ, — онъ со мной же перевозилъ въ Ямскомъ, да случилось въ городъ по дѣламъ ходить.... Вернулся онъ изъ города и газету съ собой принесъ—«Петербургскій Листокъ». Почиталъ я, далъ другимъ, всѣмъ люба и по сердцу: и о войнѣ много и вообще интересно: исторійки, стишки забавные... и пользительно, и посмѣешься. Всѣ и пристали: выписывай эту газетину. Эту, такъ эту. Послалъ я деньги. Выслали безъ задержки. И сталъ я отдавать «Листокъ» въ прочитку. Сперва-то самъ прочитаю, а опосля другимъ. Назадъ я получалъ чуть живу, а то и совсѣмъ не получалъ. Ну, да сама себя оправдывала. Такъ время и шло. Тутъ война прикончилась, вышло замиреніе, а затѣмъ и миръ заключили. Охота-то къ газетѣ у многихъ и пропала, потому прежняго интереса не стало.

— Развѣ весь интересъ въ войнѣ?—спросилъ я.—А «стишки», «исторійки», говорили вы?

— И это интересно. Которые потомъ и брали, даже по копейкѣ,

какъ раньше платили. Ну, а другіе не стали брать: намъ, говорятъ, «исторійки» что... Вотъ было любопытно узнать, какъ о войнѣ пишутъ.

— Вѣроятно, стало жалко денегъ?

— И это, пожалуй, да лишнихъ и немного... Дѣло-то непривычное. А которые читали, особливо если даромъ.

— Вы и безплатно давали?

— Да что же! Мнѣ-то газета полюбилась, привыкъ ужъ, сталъ для себя получать. Прочитаю все, попросятъ, и давалъ. Ино и скажу: вотъ вы — на винище не жаль, а тутъ и жаль! Покорю, а и дамъ. Пущай, все же пользительно. На моихъ глазахъ все было: съ войны-то лѣтъ пятнадцать, даже больше прошло, а перемѣну видать. Какъ кто изъ школы, али въ городу пожилъ, ну, и у меня-то пріобыкъ къ газетѣ и требуетъ. И книжку хочетъ почитать временемъ и купитъ. Я и книжки даю въ читку: кому такъ, а кому и за плату.

— По скольку же берете?

— Ну, развѣ положеніе? Кто какъ: семитку, гривну... Я не вынуждаю. Вѣдь какъ это сложилось-то опять, я вотъ тоже объясню вамъ. Купилъ я себѣ книжку въ городѣ: про двѣнадцатый годъ и Наполеона. Увидалъ ее у меня Θедоръ: онъ любопытный и охочъ до книжки. Увидѣлъ и присталъ: дай, да дай! А я ему и говорю: всѣ вы любите читать, а на книжку-то и алтына жаль. Книга-то треплется: ты почитаешь, да другой,—глядишь—книги-то и не стало! Лоскутья одни! А Θедоръ мнѣ на это: я платить буду по гривнѣ за книгу. Ну, я ему и далъ, потомъ еще кой-кто бралъ. Ребятамъ я давалъ такъ, да и кто побѣднѣе, тоже такъ. Поѣхалъ я въ городъ—еще книжку купилъ, про Александра Невскаго. А тамъ по публикаціи выписалъ изъ Москвы. И началось... Какая позанятнѣе, и требуютъ больше, охотниковъ набирается, особливо изъ молодежи. Вотъ вѣдь тоже горе: другой кончитъ училище, почитать-то хочется, а книжки въ деревнѣ взять негдѣ. Въ городѣ-то у насъ лавка книжная есть, да либо дорогія тамъ, либо неподходящія. Жди офени, а когда онъ придетъ—деньги не случатся. Чего бы способнѣе: пусть бы книжки въ церквахъ продавались, либо при школѣ, да при волости. Вотъ слыхать, управа хочетъ складъ открыть. Доброе дѣло. Только если все на чистыя—опять не рука.

— А вы сами отчего не торгуете книгами?

— Кое-какія есть и у меня. Буквари, молитвенники, книжки для ребятокъ... Неспособно.

— Неспособно?

— Капиталовъ-то у меня мало. Распустишь въ долгъ и сбирай! Гдѣ мнѣ, ужъ не тѣ года. Вотъ для ребятокъ держу, подарю иному: что радости! А заводить настоящую торговлю—гдѣ! Вотъ куплю себѣ какую книжку, отдаю въ читку. И газеты читаютъ. Ономнясь

услыхали о томъ, что на Волгѣ что-то съ пароходомъ случилось, сейчасъ ко мнѣ: читай намъ! Ну, и прочиталъ.

— Вы еще хорошо видите?

— Безъ очковъ-то плохо, а какъ на грѣхъ вчерась разбилъ, вотъ ужъ и трудно мнѣ безъ нихъ. Когда еще въ городъ соберусь!

— Все-таки значитъ теперь охота къ чтенію сильнѣй, чѣмъ раньше?—спросилъ я.

— И сравнять нельзя. Учатся вѣдь, ну, и прилежать къ книжкѣ. Только вотъ примѣчательно: священнаго меньше стали любить. Прежде что—давай житіе, а нонѣ исторійку, да позанятнѣе. Прежней прилежности къ вѣрѣ не стало.

— Отчего же по-вашему это?

— Какъ вамъ сказать. Такъ думаю: прежде обучались болѣе на священныхъ книгахъ, ну, и любили ихъ... А теперь въ школѣ свѣтскія все.

— Это же давно?

— Я и говорю. Какъ мы-то маленькіе были: кромѣ житій, я и книжки у отца не видалъ. Онъ тоже былъ охотникъ до чтенія. Но только все божественное читалъ, ну, а теперь пошло не то: дашь кому иной разъ житіе, неохотно и беретъ. Нѣтъ ли, говоритъ, занятной, про царей, либо какой исторійки?

— Вы какого мнѣнія? Худо это?

— И худо, и не худо,—промолвилъ старикъ.

— Какъ же это?

— А такъ вотъ... Худого нѣтъ, что народъ любопытнѣй становится, и хочетъ знать, и какъ другіе народы живутъ, и все такое прочее. Ну, опять же и отъ вѣры отпадать не слѣдъ.

— Ужъ и отпадать!

— А какъ же? Вонъ Савелій: кончилъ онъ школу, знаетъ и то и другое. Про Минина и Пожарскаго такъ разсказалъ мнѣ, что лучше всякой книжки. А какъ заговорили о вѣрѣ, да я и спрашиваю его: знаешь ли ты житіе своего ангела? Онъ и говоритъ: «мнѣ это неинтересно, молюсь я ему, и все тутъ». Развѣ это путныя рѣчи?

— Кто же виноватъ? Школа по вашему? — задалъ я вопросъ Пахому.

Онъ помолчалъ и какъ-то грустно и нѣсколько тише промолвилъ:

— Тутъ длинная пѣсня. И школа, можетъ, потому, напримѣръ, хоть учителя въ Ямской взять: къ церкви не радѣетъ. Да только и батюшка, о. Петръ, не безъ грѣха.

— Въ какомъ отношеніи?

— Поучать лѣнивъ, да и забота не объ этомъ у него, больше о мірскомъ, насчетъ руги да дохода. Безъ примѣру, что и наставленіе! А тутъ ни того ни другого. Въ Ямской-то такой же о. Иванъ,

только покорыстнѣе еще... у него дьячокъ такъ валяетъ, что не разбери Господи! Стоишь и ни одного слова не понимаешь. А о. Ивану хоть бы что... Онъ знай земли себѣ подкупаетъ, да деньги въ банкъ возитъ. Скупъ!

— Вѣдь и о. Петръ не изъ щедрыхъ?

— Не упуститъ копеечки. Какъ я получалъ «Листокъ», такъ онъ и газеты своей не выписывалъ, а у меня бралъ. Теперь получаетъ «Сынъ Отечества», и то потому, что дочь пріѣхала, епархіальное кончила. Однако, что же я? Болтаю, а ничѣмъ васъ не угощу! Дозвольте чайкомъ попотчевать? Я лавочку прикрою, работница наставитъ самоварчикъ... зайдите въ мою хатку.

Я поблагодарилъ и принялъ предложеніе. Пахомъ досталъ съ полки большой замокъ, надѣлъ картузъ и, пропустивъ меня, медленно вышелъ изъ лавки.

— А если покупатели придутъ, Пахомъ Елизаровичъ?

— Объ эту пору ихъ мало. А если кто и придетъ, такъ недалече, дамъ ключъ, работница и отпуститъ, она ужъ знаетъ дѣло.

Мы только что спустились съ крыльца, какъ къ лавкѣ подошелъ парень лѣтъ девятнадцати.

— Тебѣ что, Васюкъ?—спросилъ Пахомъ.

— Насчетъ «Вѣдомостей», Пахомъ Елизаровичъ,—отвѣтилъ парень, подавая старику нѣсколько номеровъ «Свѣта».

— Что понравилась исторія?—съ улыбкой спросилъ Пахомъ.

— Занятная. Какъ теперь только онъ выкрутится?

— А вотъ, узнаешь. Иди за нами, я тебѣ еще дамъ пачку. Не запачкалъ эти-то?

— Ни пятнышка, какъ можно.

— То-то. Ономнясь Гаврило на цыгарку уголъ оторвалъ, такъ я ему напрямки и сказалъ: больше и не проси, не дамъ!

— Гаврило что-о, — промолвилъ парень, махнувъ рукою: — онъ развѣ съ понятіемъ? Ему что «Вѣдомость», что просто бумага—все равно.

— Зачѣмъ же просилъ?

— Отъ насъ наслышался, ну, и разохотился. Да почиталъ, и не понравилось. Ему бы пѣсни—вотъ это такъ.

— Пѣсни,—промолвилъ Пахомъ:—что жъ, и пѣсни бываютъ хорошія, а онъ все неладныя любитъ... Пустой онъ человѣкъ!

III.

Мы вошли во дворъ.

— Однако и дворъ у васъ,—сказалъ я.

— А что?

Пахомъ обернулся ко мнѣ.

— Очень чистый, такихъ крестьянскихъ дворовъ я и не видалъ.

— Соблюдаю. И Марья у меня чистоплотна. Работника я не держу, а ходитъ ко мнѣ тутъ одинъ и помогаетъ Марьѣ. У меня лошадь была, тогда держалъ и работника. Пала. Вотъ собираюсь купить, опять найму работника.

— Возьми Алексѣя, Пахомъ Елизаровичъ,—сказалъ парень, который шелъ за нами,—онъ любитъ скотину.

— Это вѣрно,—согласился Пахомъ,—да ужъ большой онъ бабникъ.

Въ комнатахъ Пахома Елизаровича было чисто и хорошо. Мебель простая, но не скамьи, а стулья—нѣкоторые съ кожаными сидѣньями. Вся обстановка сбивалась на городскую. Пройдя кухню и слѣдующую комнату, которая представляла изъ себя парадную, потому что въ ней стояла лучшая мебель, мы очутились въ спальнѣ и кабинетѣ хозяина. Здѣсь, у окна, стоялъ большой столъ, на которомъ видное мѣсто занималъ письменный приборъ изъ корельской березы, лежали книги. На стѣнахъ, въ черныхъ рамкахъ, висѣли портреты писателей, а подъ иконами, на столикѣ, лежала Библія, и безъ рамки стоялъ портретъ о. Іоанна Кронштадтскаго. Я забылъ сказать, что въ парадной комнатѣ стѣны были также увѣшаны портретами въ рамкахъ и безъ рамокъ. На самомъ видномъ мѣстѣ портреты Александра II и Александра III, а затѣмъ Скобелева, Черняева, митрополита Филарета и разныхъ лицъ,—не могу теперь назвать кого именно. Изъ картинъ помню «Коронованіе Александра III». Въ углу спальни, у печки, рядомъ съ кроватью помѣщался шкафъ съ книгами, на верху котораго лежали грудами газеты.

Пригласивъ меня садиться и распорядившись насчетъ самовара, Пахомъ сталъ подбирать номера газеты для парня, остановившагося въ дверяхъ «парадной комнаты».

— На, вотъ,—сказалъ Пахомъ, подавая Василію пачку «Свѣта», и добавилъ:—ты одни низы (фельетоны), поди, читаешь? Напрасно! И помимо исторій есть интересное и полезное...

— Я все вообще прочитываю, Пахомъ Елизаровичъ,—отвѣтилъ парень:—тутъ про старшину писали, отлично: какъ ему ловко учетъ сдѣлали.

— Все и читай. Да думай, шевели мозгами, а то не стоитъ и читать. Ну, ступай.

Василій ушелъ.

— Парень-то не глупый,—произнесъ Пахомъ, когда Василій захлопнулъ дверь въ кухню.—Въ школѣ былъ, не кончилъ, отецъ взялъ, ну, а книжки любитъ и рѣчистъ, все со мной споритъ.

— Насчетъ чего?

— Насчетъ курева. Я не курю самъ и людей браню, а онъ курильщикъ. Я ему говорю—вредно, отъ ѣды отбиваетъ, да и деньгамъ пустой переводъ. Онъ свое: съ сигаркой работать веселѣй; вотъ съ нимъ и говори! А такъ парень умный, покамѣстъ не пьетъ даже; это нонѣ рѣдкость.

Онъ вдругъ перемѣнилъ разговоръ:

— Вотъ и моя хата, какъ она вамъ—понравилась ли?

— У васъ преотлично здѣсь, совсѣмъ на городской манеръ.

Старикъ усмѣхнулся.

— Всѣ такъ говорятъ. Не я строилъ: былъ это раньше домъ писаря. Онъ изъ мѣщанъ, служилъ въ Ямской волости. Прогнали, а онъ нажился. Вотъ и выстроилъ домикъ-то, торговлю открылъ. Да вскорѣ померъ, я съ перевозомъ порѣшилъ, вдова стала домикъ продавать, я и купилъ. Вотъ оно какъ... А что, Марья, самоваръ-то скоро?—крикнулъ Пахомъ.

— Сичасъ,—отозвалась баба изъ кухни.

— Это все ваши книги?—спросилъ я, указывая на шкафъ въ углу.

— Да, книжки.

— Можно посмотрѣть?

— Сдѣлайте милость, только любопытнаго немного... Какія книги!..

Книги были по преимуществу народныя, недорогія. Впрочемъ стояли тутъ и томики Пушкина Суворинскаго изданія, стихотворенія Кольцова, томъ Некрасова и «Записки охотника» Тургенева.

— Вы сами это купили?—спросилъ я у хозяина, указывая на Тургенева.

— Нѣтъ, баринъ мнѣ подарилъ. Богъ знаетъ, кто онъ такой. Зашелъ въ лавку, купилъ папиросъ, а потомъ и говоритъ: нельзя ли чайку напиться? Я его къ себѣ пригласилъ. Разговорились... Прощаясь, онъ мнѣ и молвилъ: «За ваше гостепріимство я вамъ книжку хорошую пришлю». И прислалъ вотъ эти записки самыя и сочиненія Некрасова.

— Такъ и не узнали, кто онъ?

— Богъ его знаетъ. Ѣздилъ, говорятъ, къ генеральшѣ Одинцовой, имѣніе тутъ въ сорока верстахъ... А кто онъ такой, не знаю. Видать, что образованный, и такой ласковый, обходительный. Все мнѣ совѣтовалъ вмѣсто «Петербургскаго Листка» выписать «Недѣлю». Да ужъ привыкъ я къ «Листку», и стихи-то Алексѣя Ѳедоровича больно мнѣ нравились. Спрашивалъ я потомъ насчетъ «Недѣли» у нашего учителя, въ Ямскомъ-то, такъ одобряетъ, только, говоритъ, для мужиковъ едва ли доступно. Оно, пожалуй, и такъ, вотъ хотя бы «Свѣтъ» взять: и въ немъ не все поймешь. Мудрено пишутъ какъ-то, и слова мудреныя. Темны мы, обучались-то мало. Вотъ кто хорошо пишетъ и понятно—графъ Толстой. Есть у меня его книжки: «Много ли человѣку земли надо» и «Свѣчка». Чудесныя книжки.

— Очень нравится?

— Поучительно. Къ примѣру: «Много ли земли надо?». А онъ-то старался: все хотѣлъ захватить больше. Ну, а что взялъ? Три аршина всего и понадобилось ему. Все-то мы такъ: заримся, а тѣмъ же и кончается, какъ у моего тезки Пахома: помретъ человѣкъ—

три ему аршина земли за глаза! Возьмемъ нашего старшину: всѣхъ обижалъ, мужиковъ сколько разорилъ, по міру сиротъ пущалъ... сколько слезъ за него пролилось. А чѣмъ кончилось? Сидѣлъ онъ въ трактирѣ, сдѣлалось ему дурно, и отдалъ Богу душу. На что урывалъ у всѣхъ? Жена спилась, сынъ въ дракѣ до полу-смерти избилъ пріятеля и въ острогъ угодилъ. По вѣтру разсыпалось все не добромъ нажитое, а проклятій-то, проклятій сколько! Поди, въ могилѣ лежать спокойно не даютъ.

— Скажите, пожалуйста, а другимъ разсказы Толстого нравятся?— спросилъ я.

— Не всѣмъ.

Баба внесла самоваръ въ «парадную комнату». Мы перешли въ нее.

— Не всѣмъ,—повторилъ Пахомъ, заваривая чай,—кто пообстоятельнѣе да вникаетъ въ книжку, тому нравится. А кто гоняется за забавнымъ, тому и скучно. Вотъ насчетъ «Свѣчки» къ примѣру... Вы читали?

— Читалъ.

— Вотъ изволите видѣть, исторія что ни на есть душевная. А молодымъ не по сердцу.

— Почему?

— Да не хотятъ терпѣть. Яшка—ямщикъ. Живалъ онъ и въ городѣ и грамоту знаетъ. Вотъ онъ и говоритъ: это, говоритъ, хорошо все сносить, да терпѣть, а когда-жѣ конецъ и терпѣнію? Сегодня терпи, завтра терпи, а когда же не терпи? Вотъ какія рѣчи-то. Я ему отвѣчаю: и надо терпѣть, такъ и Богъ велѣлъ. А онъ свое твердитъ: нѣтъ, говоритъ, коли кто тебя по уху, такъ ты ему сдачи: въ другой рядъ не посмѣетъ.

— Такъ онъ и говоритъ?

— Да. И не онъ одинъ только. А если въ разсужденіе взять, то не по его и выйдетъ.

— Повашему надо терпѣть?

— Отместкой, Александръ Васильевичъ, ничего не возьмешь: тебя ударятъ, ты сдачи... пошла рукопашная. Недавно, такъ изъ-за калача, въ харчевнѣ, мужика убили. Это я къ примѣру, да и вообще то же самое, обидѣлъ тебя человѣкъ—ты ему зло сдѣлаешь въ отместку; это еще болѣе его обозлитъ. А смирись, предоставь все Господу рѣшить,—этимъ скорѣе проймешь. Вотъ и у Толстого приказчикъ: какъ передавалъ староста ему брань мужиковъ, онъ только больше злился да отомстить сбирался. А какъ услыхалъ про смирнаго Петра да про свѣчу, такъ и завздыхалъ: «побѣдилъ, говоритъ, меня». Вотъ оно! А Господь и покаралъ приказчика. Ему, Господу судъ принадлежитъ, и намъ упреждать Его волю не годится.

Пахомъ вздохнулъ и пододвинулъ мнѣ стаканъ.

— Кушайте, вотъ и сливочки, не городскія: густыя, безъ подмѣси.

Мнѣ хотѣлось вызвать старика на дальнѣйшія разсужденія, и я промолвилъ, наливая въ чай сливокъ:

— Значитъ, Пахомъ Елизаровичъ, ваши читатели вникаютъ въ книжки, оспариваютъ авторовъ и не во всемъ съ ними соглашаются?

— Которые есть и такіе, а то и просто забавы ради читаютъ. Конечно, хорошо, когда разсуждаютъ-то, безъ этого что и въ чтеніи. Помоему книга та и лучше, которая дѣйствуетъ да проникаетъ человѣка. Книга не забава. Для забавы есть трактиръ, карты. Книга—великое дѣло... Читай и лучше дѣлайся,— вотъ оно что.

— Отъ уголовныхъ исторій, какія печатаются, выражаясь повашему, «въ низахъ» газетъ,— пользы немного; онѣ еще больше другого на худое наведутъ.

— Пожалуй, и правда ваша. Я этихъ исторій и не люблю. Вотъ о Скобелевѣ, о Суворовѣ писали — интересно и наставительно. Это истинные слуги царя и Россіи. А то другія исторійки и гроша мѣднаго не стоятъ. Цыганки пьяныя да мазурики... Прямо распутство.

— Зачѣмъ же вы такія даете читать?

— Да какъ же, не вырывать ихъ? Я-то думаю: пущай читаютъ, все же лучше, чѣмъ винище лопаютъ, по крайности грамоты не забываютъ. Коли есть царь въ головѣ да совѣсть, такъ и не потянетъ на распутство, увидишь, что худо, что хорошо. Не вы это впервой мнѣ замѣчаніе дѣлаете. Отецъ Петръ тоже говорилъ. Онъ меня надняхъ какъ-то библіотекаремъ назвалъ. Ты, говоритъ, библіотекарь, это что дѣлаешь-то: Өедькинъ Карпуха глупости городитъ, а все черезъ тебя, изъ газетъ набрался. Да какой же я библіотекарь, говорю я: даю, что самъ читаю, вы, говорю, владыка, что же изъ церкви не даете книгъ? «Гдѣ, отвѣчаетъ, я возьму?» Ну, вотъ, то-то и есть, а какъ же мнѣ, если они просятъ? О. Петръ мнѣ опять на это: «ты, говоритъ, пустилъ все: прежде и не читали, ты ихъ разохотилъ». Вотъ я и виноватъ сталъ. А причемъ я? Знаете, Александръ Васильевичъ, о. Петръ о Толстомъ и слышать не хочетъ, еретикомъ называетъ его: раскольникъ, говоритъ онъ, антихристъ! Ну, посудите сами: развѣ это возможно? Развѣ въ такой книжкѣ, какъ «Свѣча», либо въ другой есть что худое? Не желай многого, не плати за зло зломъ... Да что же тутъ раскольничьяго? Я и говорю: о. Петръ, да вы прочтите. Замахалъ руками: «и читать, говоритъ, не хочу, а вотъ смотрю, смотрю, да и у тебя отберу такія книжки: не развращай народъ». Какъ вы на этотъ счетъ разсудите?

— О. Петръ не исключеніе. Я знаю многихъ священниковъ, которые, не читая этихъ книжекъ, запрещаютъ ихъ давать другимъ. Я разъ привезъ въ пріютъ двѣ книжки Толстого: «Чѣмъ люди живы», «Богъ правду видитъ», и священникъ не позволилъ мнѣ ихъ раздать дѣвушкамъ.

— Вотъ видите. А вѣдь со всѣмъ напрасно,— сказалъ Пахомъ:— такія книжки мужика добру учатъ. На пользу это, особливо теперь. Что грѣха таить... Надо правду сказать: народъ испортился, и школъ больше и книжки вотъ читаютъ, а народъ сталъ слабже, на слово положиться нельзя. Бога не боятся совсѣмъ, грѣха и знать не хотятъ. Намедни говорю я тутъ одному Ильѣ: «ты что же это говядину-то жрешь въ среду? а онъ мнѣ на это: почему мнѣ и не ѣсть? чѣмъ среда передъ другими днями провинилась, что въ нее и мяса не полагается?»—Да среда-то постный, или не постный день?—спрашиваю я.—«Какіе постные дни. Солдаты мясо ѣдятъ, не то, что въ среду и пятницу, а и въ постъ». — То казенная служба, говорю. Засмѣялся онъ и говоритъ: стало быть, грѣхъ не для всѣхъ грѣхъ? Солдату можно, а мужику—нѣтъ? Ужели Богъ такое раздѣленіе положилъ? Коли, говоритъ, на царской службѣ дозволяется мясо ѣсть, стало быть, не грѣхъ. Да и господа ѣдятъ, а вѣдь они ученые и все понимать должны. Къ примѣру нашъ земскій: весь великій постъ скоромное ѣлъ. Гдѣ же грѣхъ?» Ну, что съ нимъ подѣлаешь? Вѣдь резонно разсуждаетъ. А кто виной всему? Вотъ тутъ-то и надо хорошую книжку, чтобы она добру учила.

— Одной книжки мало, Пахомъ Елизаровичъ.

— Все лучше, чѣмъ ничего. Я такъ всегда думалъ: не доброе дѣло дѣлаютъ умные господа, когда они народъ такъ смущаютъ. Глядя на нихъ, и наши послабленіе себѣ допускаютъ. Вотъ хоть тотъ же земскій: на пьяницъ лютымъ звѣремъ накидывается, а самъ пьетъ, да еще какъ: недавно въ пьяномъ видѣ чуть кучера не застрѣлилъ. Ну, и насчетъ женскаго пола охочъ... Все это соблазнъ для народа. Гдѣ бы учить мужика, а онъ смущаетъ. Грѣхъ да и только!

— И прежде также было. Баре пьянствовали, развратничали, а крѣпостныхъ за пьянство сѣкли.

— Да, то тогда: крѣпостной человѣкъ или вольный — сравнитека! Теперь онъ не такъ разсуждаетъ. Что ни что, а мужикъ сталъ мозговитѣе. Въ прежнія времена онъ и не пикнетъ бывало, а нонѣ послушайте-ка, что говорятъ. Если бы старые-то люди встали, диву дались бы, услыхавъ такія рѣчи.

— Какъ же это повашему—не ладно?

— А есть поговорка: палка о двухъ концахъ. Такъ и тутъ, то же самое: нѣтъ худа безъ добра, да и добра безъ худа. Другой рѣчистъ и на слова боекъ, а на дѣло его и нѣтъ. Примѣните ко всему — подойдетъ. Умъ-то хорошо, да совѣсть ума дороже.

— Развѣ умный значитъ и безсовѣстный?

— Зачѣмъ! Но только ума-то одного мало. Нашъ земскій—человѣкъ умный, образованіе въ Москвѣ получилъ, а по жизни и не видать, что въ прокъ ему наука пошла. Ученія-то набрался, а совѣсти-то не больше, чѣмъ у нашего кабатчика... Что и проку тогда въ ученіи!

— Позвольте, Пахомъ Елизаровичъ, такъ ли я васъ понялъ: прежде люди были нравственнѣе, лучше, хотя и темнѣе?

— Пожалуй, и такъ.

— Да какъ же это: вѣдь темный человѣкъ много и понять не можетъ, не всегда добро отъ зла отличитъ. Другой думаетъ: поставилъ свѣчу — Богу угодилъ, а тамъ и обирай въ лавкѣ. Не ѣшь мяса въ постъ—и христіанинъ. Неужели это хорошо?

— Ничего тутъ нѣтъ хорошаго,—отвѣтилъ Пахомъ, откусывая передними зубами кусокъ сахару и осторожно стряхивая крошки въ чашку,— совсѣмъ это нехорошо, да зачѣмъ же такъ? Кто совѣсть имѣетъ, тотъ ближняго не оберетъ. Не всѣ же темные люди—плуты. Мой отецъ только поцерковному и читалъ, гражданской печати и не зналъ совсѣмъ, ни въ какой школѣ не былъ, а не хваля отца, говоря правду—дай Богъ, чтобы такъ-то другой честно всю жизнь прожилъ. Никого плакать не заставилъ, развѣ его за кѣмъ пропало, а онъ чужимъ на эстолько не поживился. Вы вотъ сказали: добро отъ зла отличить не сумѣетъ. А заповѣди на что, евангеліе и писаніе св. отцовъ? Тамъ все указано... Господь прямо сказалъ: «что меня зовете Господи, а что велю, того не дѣлаете». Вотъ вамъ и законъ: стало быть, одной свѣчей не отдѣлаешься, и постомъ не оправдаешься. Дѣлай, что велѣно, а Господь велѣлъ: любить Бога, ближняго,—вотъ въ этомъ весь законъ. Тутъ и безъ науки можно угодить Богу. Для жизни наука и ученіе нужны, а совѣсть всего нужнѣй. Это хорошо, что мужикъ мозговитѣе становится, а худо, что совѣсть въ народѣ пропадать стала. Я такъ полагаю, а впрочемъ не мнѣ судить, я самъ человѣкъ темный.

Я хотѣлъ замѣтить старику, что онъ разсуждаетъ умно, но въ эту минуту въ кухню вошелъ о. Петръ, и раздался его зычный голосъ.

— Ты это что же, библіотекарь, лавку-то прикрылъ? И чайничаешь въ непоказанную пору.

— Гость у меня, батюшка.

О. Петръ увидѣлъ меня и проговорилъ:

— А-а, вотъ пара-то: сочинитель и библіотекарь. О чемъ бесѣдуете?

Онъ подошелъ къ намъ, поздоровался и, оправляя длинные, но рѣдкіе сѣдоватые волосы, опустился на диванъ возлѣ хозяина.

— Чайку выкушаете?—спросилъ Пахомъ.

— Чашечку, пожалуй. Шелъ я къ тебѣ, думалъ табачку нюхательнаго взять, гляжу—лавка заперта. Что за оказія, не заболѣлъ ли, думаю... А у него гость. Ну, о чемъ же бесѣдуете?

И не дождавшись отвѣта, о. Петръ продолжалъ, обращаясь уже ко мнѣ лично:

— Это у насъ дипломатъ. Они съ Ѳедосеемъ, изъ Загуляевки, всю Европу подѣлили. Одинъ говоритъ: Турцію пошабашить надо,

а другой жалѣетъ султана и довольствуется тѣмъ, что русскаго князя назначаетъ въ Болгарію. Спорятъ и никакъ не уладятъ дѣла.

О. Петръ залился раскатистымъ смѣхомъ.

— Все шутите, батюшка, — промолвилъ Пахомъ, наливая священнику чаю.

— Чего шучу?—отозвался о. Петръ.—Вѣрно! Давно ли ты говорилъ: зачѣмъ Стамбулова въ Сибирь не сошлютъ? Развѣ не правда?

— Конечно, не правда. Я вамъ говорилъ не про Сибирь, а про то, что зачѣмъ ему дозволяютъ народъ мучить, зачѣмъ не отстранятъ отъ дѣлъ.

— Сказалъ тоже: кто его отстранитъ? Станового нашего что ли послать? Или земскаго начальника? Онъ крутъ, пожалуй, справится, хе-хе-хе!

— Зачѣмъ его, повыше есть! Кто освободилъ болгаръ, тотъ и власть имѣетъ.

— А если прочіе не дозволятъ?

— Кто смѣетъ! Не они, а мы кровь-то свою проливали, да дѣтей сиротили... Наша и власть.

— Разсудилъ!

О. Петръ хлебнулъ чаю и прибавилъ:

— Настоящій дипломатъ!

О. Петру было уже за шестьдесятъ, но по виду ему никто не далъ бы больше пятидесяти. Онъ прекрасно сохранился и выглядѣлъ еще крѣпкимъ, бодрымъ. Сѣдина чуть-чуть пробивалась въ волосахъ, но голосъ зычный, походка твердая. Хорошая закваска дана была въ дѣтствѣ, а затѣмъ человѣкъ провелъ всю жизнь безъ жгучихъ заботъ и тѣхъ думъ, которыя старятъ людей и разбиваютъ раньше времени ихъ физическія силы, разстроиваютъ нервы.

— И жарко же,—произнесъ о. Петръ, вытирая платкомъ широкое скуластое лицо и крутой лобъ.

— Благодать Господня, владыко!

— Сѣно убирать хорошо... А что ты меня «владыко» зовешь? У меня имя есть.

— Владыко—еще уважительнѣе.

— Мудрствуешь все, Пахомъ. Начитался Толстого... А знаешь ты, что я тебѣ скажу: не давай ты Толстого ребятамъ... Запрещено.

— Да что же вы худого въ немъ находите, батюшка?

— Ты вотъ еще разсуждай! Начальство не одобряетъ, и все тутъ. Онъ сектантъ...

— О. Петръ,—произнесъ я:—если онъ и сектантъ, какъ вы говорите, такъ не въ этихъ книжкахъ.

— Я ужъ тутъ не знаю, въ какихъ, а только воспрещено. И чего ты просвѣщать задумалъ, Пахомъ! Ну, самъ читай, чего другимъ-то давать? Они твои книжки да газеты читаютъ, а въ церковь на бесѣду не ходятъ.

— Какъ же не ходятъ, батюшка, всегда народъ бываетъ.

— Много ли? А все оттого, что твоихъ глупыхъ книгъ начитались... И что это земскій молчитъ! Хе-хе-хе! Я бы тебя давно въ Болгарію, къ Стамбулову отправилъ... И живо бы тамъ съ тобой распорядились.

— Богъ съ вами, о. Петръ, обижаете вы меня, — сказалъ укоризненно Пахомъ.

— Ну, ну, не гнѣвись, — промолвилъ о. Петръ: — я вѣдь такъ, шутя. Ты худого ничего мнѣ не сдѣлалъ, а только...

Онъ подмигнулъ мнѣ и прибавилъ:

— Умствованія много. Это газеты сумятицу производятъ, а тутъ еще и Толстой.

О. Петръ вдругъ неожиданно закончилъ:

— Охота тебѣ, Пахомъ, возиться со всѣмъ этимъ... Человѣкъ ты резонный... думаешь, они тебѣ спасибо скажутъ? Какъ же! Помнишь, какъ на пожарѣ-то ты началъ ихъ понукать—тебя же облаяли. Вотъ тебѣ и благодарность!

— Мнѣ развѣ это нужно, о. Петръ?—возразилъ Пахомъ.—Да за что меня и благодарить? Я для себя выписываю... Кто проситъ, даю и не даромъ, многіе платятъ, какая же тутъ благодарность?

— Мнѣ тебя не убѣдить,—сказалъ о. Петръ.—Спасибо за чай... Отпусти-ка ты мнѣ табачку, пусть Марья сходитъ въ лавку.

Но я объявилъ, что сейчасъ уѣзжаю на мызу. Пахомъ отправился самъ въ лавку. Прощаясь со мной, онъ просилъ меня заглядывать къ нему, если буду опять въ Бурцевѣ, и «очень кланяться» отцу капитану и его супругѣ.

О. Петръ наказалъ мнѣ передать Григорію Петровичу, что надняхъ заѣдетъ къ нему попробовать новаго пивца, полученнаго изъ Петербурга.

IV.

Я пріѣхалъ въ Бурцево съ капитанскимъ работникомъ Авениромъ, которому было поручено кстати купить кое-что изъ колоніальныхъ товаровъ. Авениръ сказалъ мнѣ, что послѣ закупокъ отправится попить чайку на постоялый дворъ, къ какой-то Акулинѣ Ѳедоровнѣ. Я отыскалъ постоялый дворъ, но когда спросилъ о работникѣ, Акулина промолвила, смѣясь:

— Здѣсь-то онъ здѣсь, только что называется безъ заднихъ ногъ: наклюкался и его не разбудить.

— Какъ же мнѣ теперь?

— А если однимъ ѣхать? Лошадку вамъ запрягутъ.

— Но какъ же онъ?

— Вы поѣзжайте съ Богомъ... Авениръ проспится и придетъ... Не даль какая!

Ничего въ телѣжкѣ не оказалось. Я уѣхалъ на мызу одинъ и безъ закупокъ.

Капитанъ встрѣтился мнѣ у воротъ мызы. Онъ удивился, увидѣвъ меня одного.

— Гдѣ же Авениръ?

— Пьянъ совсѣмъ...

— И ѣхать не въ силахъ?

— Не могли добудиться...

— Ахъ, каналья!.. А покупки?

— Въ телѣжкѣ ничего нѣтъ... Спрашивалъ Акулину: ничего не знаетъ.

— Не угодно ли? — говорилъ Вѣрѣ Ивановнѣ: пусть лучше Александръ Васильевичъ купитъ... Такъ, нѣтъ: зачѣмъ утруждать!.. Авениръ справитъ все... Ну, вотъ!.. Каналья, еще книжки о вредѣ пьянства читаетъ да акаонсты поетъ... Спасенная душа!

Капитанъ разсердился, и когда мы пришли въ комнаты, началъ пенять женѣ.

— Потомъ, отецъ, потомъ: обѣдъ поданъ, поѣшь сперва,—спокойно остановила капитанша мужа.

За обѣдомъ, особенно послѣ второй рюмки рябиновой и вкусныхъ щей, Григорій Петровичъ смягчился и уже добродушно поругивалъ Авенира:

— Придетъ, каналья и, въ ногахъ будетъ валяться: простите! Слѣдовало бы прогнать, да гдѣ настоящіе люди? Одинъ другого лучше... Хотя этотъ не воръ... Бѣда съ народомъ!.. Эхъ!.. Ну, а что нашъ просвѣтитель?..—вдругъ вопросомъ закончилъ капитанъ свои разсужденія.

— Ничего... Кланяется вамъ...

— Были у него въ комнатахъ?

— Былъ... Чай пили... О. Петръ зашелъ.

— Ну, и что же? Спорили, поди?

— Немножко. Меня удивилъ о. Петръ... Зашла рѣчь насчетъ Толстого... Напалъ на Пахома и какъ бы... земскимъ пригрозилъ... Неужели онъ способенъ на это?

— Никогда!—произнесъ капитанъ, махнувъ рукою.—Онъ попъ простой, грубый... прямо неучъ... но чтобы... ни-ни!..

— Однако, онъ...

— Такъ, брешетъ... Шутки у него дурацкія... Онъ Пахома любитъ...

Вмѣшалась капитанша.

— О. Петръ, дѣйствительно, грубоватъ, и иногда такое скажетъ, что удивляться только приходится... Но онъ не доносчикъ. Толстого онъ терпѣть не можетъ... просто боится его... Изъ-за графа досталось учителю, чуть съ мѣста не слетѣлъ... Вотъ нашъ попъ и боится... Знаешь, что, отецъ,—обратилась она къ мужу:—надо будетъ выписать эти книжки Толстого...

— Зачѣмъ выписывать? Я у Пахома возьму...

— Ты все обѣщаешь... Да и, навѣрное, онѣ у него замусолены... грязныя... Развѣ онѣ дорогія?

— Совсѣмъ дешевыя!..

— Такъ что же ты... полно тебѣ скупиться... купи!

— Пожалуй... потомъ... А какъ вамъ Пахомъ понравился?—спросилъ меня капитанъ.

— Онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе... Кажется, очень... честный человѣкъ.

— Вполнѣ,—сказала Вѣра Ивановна... И добрый: сколько бѣднымъ въ долгъ отпускаетъ...

— Полно, мать... не хвали очень!—замѣтилъ капитанъ:—свое не потеряетъ.

— Да кто жъ его святымъ дѣлаетъ, отецъ? Торговецъ... конечно... Но не кулакъ, въ родѣ Горушкина.

— То—жуликъ!

— А Пахомъ — хорошій человѣкъ,—повторила капитанша.—Съ нимъ и говорить пріятно. Онъ куда умнѣе о. Петра... хотя тотъ и семинарію кончилъ... Чтеніе любитъ...

— Вотъ Авениръ тоже читаетъ,—возразилъ капитанъ:—да что проку? Читаетъ противъ пьянства, а самъ пьяница!

— Это слабость, Григорій Петровичъ,—возразила жена,—а я насчетъ ума... разсужденія... Другой и понимаетъ, да слабъ волей... А что ты говоришь: какъ можно, чтобы книги да не приносили пользы!

— Слышите, слышите!—воскликнулъ капитанъ:—она у меня нигилистка!.. Вотъ скажу, погоди, о. Петру!

— Что ты за глупости говоришь,—обидчиво произнесла жена:—какая я нигилистка? Книги я и сама люблю... да только вотъ некогда читать... хозяйство... А ты сообрази: развѣ Пахомъ не прекрасно обращался съ женой?

— Ничего...

— Какъ, ничего? Пальцемъ не тронулъ... А характеръ у него... крутенекъ... Сдерживается онъ... Самъ мнѣ признавался: какъ почитаешь и стыдно за себя сдѣлается... И сыну внушаетъ то же... Конечно, о. Петръ могъ бы наставлять... напримѣръ, съ женами обращаться лучше... Да развѣ онъ думаетъ объ этомъ?..

Она помолчала и произнесла снова:

— Совсѣмъ книга, пожалуй, и не исправитъ, если у человѣка воли нѣтъ. А все же сознаніе пробудитъ, стыдъ вызоветъ... и это—хорошо!..

Капитанъ ничего не сказалъ, только подмигнулъ мнѣ. Я былъ удивленъ словами капитанши, которая за все время моего пребыванія на мызѣ ни разу не разсуждала такъ.

V.

Дней черезъ пять капитанъ поѣхалъ въ городъ, по вызову суда, въ качествѣ свидѣтеля. Старикъ ворчалъ, что у него отнимаютъ время, но не ѣхать было нельзя. Вмѣстѣ съ нимъ отправился и я.

Въ городѣ, въ гостиницѣ, мы встрѣтили земскаго начальника. Капитанъ познакомилъ меня съ нимъ.

— Отъ трудовъ отдыхаетъ... прошу, вотъ, подольше пожить... да не хочетъ...

— Вы скоро собираетесь уѣхать?—спросилъ земскій начальникъ, котораго звали Павломъ Ивановичемъ.

— Надняхъ...

— Въ Петербургъ?

— Не надолго. А потомъ еще пошляюсь кое-гдѣ...

— Матеріалы собираетъ,—объяснилъ капитанъ:—у Пахома былъ.

— Это у бурцевскаго... книжника?—промолвилъ земскій начальникъ съ усмѣшкой.

— Да, у него...

Павелъ Ивановичъ пожалъ плечами.

— Вы его... не долюбливаете?—спросилъ Григорій Петровичъ.

— Я... вообще не люблю, когда люди не за свое дѣло берутся... и становятся на «цыпочки», по выраженію моего шурина... Мужикъ торгашъ... и лѣзетъ въ какіе-то Меѳодіи... что это такое?

— Какъ, въ Меѳодіи?

Я сдѣлалъ видъ, что не понимаю словъ земскаго начальника.

— Просвѣщаетъ мужичье... газетами... книгами... какія имъ книги?.. надо работать, а не газеты читать!.. Пьяницы... жулики... пороть ихъ!.. И такъ всѣ разсуждать стали много... а тутъ еще эти книги... Сладу съ ними и безъ книгъ нѣтъ... Я... если бы отъ меня все зависѣло, я... запретилъ бы!..

— Читать?—съ удивленіемъ воскликнулъ я.

— Если хотите—да: читать!—отвѣтилъ Павелъ Ивановичъ рѣзко, въ упоръ глядя на меня.—Для мужика нужно одно чтеніе: Четьи-Минеи... Я, если угодно вамъ знать, стою за церковно-приходскую школу... вы... конечно, другихъ взглядовъ?

— Ничего не имѣю противъ этой школы,—сказалъ я... Помоему вопросъ не въ этомъ...

— А въ чемъ-съ?

— Въ томъ знаніи, свѣтѣ, которымъ школа освѣщаетъ «всякаго грядущаго въ нее»... Я вполнѣ согласенъ съ Полонскимъ: «Какой бы ни былъ свѣтъ, лишь только былъ бы свѣтъ»!.. А разъ свѣтъ, такъ и книга не можетъ быть признана лишней.

Павелъ Ивановичъ пожалъ плечами и, помолчавъ секунду, обратился къ капитану:

— Вы въ судъ? Пора!

— Да, да!..—воскликнулъ Григорій Петровичъ и заторопился.

Земскій начальникъ простился съ нами (со мною онъ очень холодно раскланялся) и вышелъ изъ зала.

— Каковъ?—спросилъ капитанъ, кивнувъ головою по направленію къ двери.

— Дай Богъ такихъ поменьше! Мнѣ разсказывалъ про него Пахомъ...

— Дрянной человѣчишка, — согласился капитанъ. — За одно хвалю...

— За что?

— Строгъ!

Я не могъ удержаться отъ улыбки. Въ то же время я съ грустью подумалъ: «Строгій Павелъ Ивановичъ, грубый, необразованный о. Петръ, земской учитель съ ложными взглядами на развитіе народа... Откуда же свѣтъ? Неужели только изъ мелочной лавочки Пахома?»

Скоро я уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда послалъ Пахому стихи «Классика», его портретъ, нѣсколько книгъ дѣтямъ и сочиненія Толстого—Вѣрѣ Ивановнѣ.

Хотѣлось мнѣ еще разъ заѣхать къ «библіотекарю», но такъ и не пришлось. Не одного такого «умственнаго» мужика встрѣчалъ я среди народа, но Пахомъ мнѣ показался симпатичнѣе многихъ.

Александръ Кругловъ.

ГОЛОВИНЪ И ТАТАРИНОВА.

(По новому источнику).

Евгеній Александровичъ Головинъ извѣстенъ своею административною дѣятельностью, въ царствованіе императора Николая Павловича, на трехъ нашихъ окраинахъ. Онъ подвизался: въ царствѣ Польскомъ, какъ главный директоръ правительственной комиссіи (министръ) внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; на Кавказѣ, какъ командиръ отдѣльнаго корпуса и главноуправляющій Грузіею; въ Балтійскомъ краѣ, какъ генералъ-губернаторъ этого края. Головинъ окончилъ свое школьное образованіе (въ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ) еще при Екатеринѣ II и поступилъ на службу (подпрапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ), черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи на престолъ императора Павла I; по свидѣтельству людей, близко его знавшихъ, въ его лицѣ сочеталась многосторонняя образованность офицера екатерининскаго времени съ фронтовою выправкою и педантизмомъ въ соблюденіи военныхъ артикуловъ павловскаго офицера. Годъ смерти Павла Петровича засталъ его штабсъ-капитаномъ Фанагорійскаго гренадерскаго полка, съ которымъ онъ дѣлилъ всѣ его боевые подвиги и походы съ Аустерлицкой битвы до 1814 г. включительно. Уже будучи командиромъ того же полка, въ 1811 году, онъ познакомился съ Екатериною Филипповною Татариновою, женою капитана Астраханскаго гренадерскаго полка, которымъ командовалъ тогда ея родной братъ И. Ф. Буксгевденъ. Оба полка: Фанагорійскій и Астра-

ханскій, составляли одну бригаду, и Головинъ находился въ большой пріязни съ Буксгевденомъ. Но судьба вскорѣ и навѣки разлучила друзей: Буксгевденъ былъ убитъ въ Бородинскомъ сраженіи. Тогда же получилъ тяжелую контузію и мужъ Екатерины Филипповны. Послѣ отечественной войны Головинъ совсѣмъ потерялъ изъ виду Татариновыхъ. «По прибытіи уже моемъ въ С.-Петербургъ съ лейбъ-гвардіи Егерскимъ полкомъ [1]),—пишетъ онъ,—я услышалъ о г-жѣ Татариновой вновь; но толки, на ея счетъ до меня доходившіе, были такъ странны и даже такъ смѣшны, что не поселяли во мнѣ никакого желанія возобновить съ нею знакомство».

Татаринова переѣхала на жительство въ Петербургъ въ 1815 году и поселилась у своей матери, въ Михайловскомъ замкѣ, что нынѣ Инженерный. Здѣсь она вскорѣ обратила на себя вниманіе всего столичнаго общества тѣмъ, что вокругъ нея собиралась нищая братія. Всюду отыскивала она лицъ, нуждавшихся въ помощи, помогала кому деньгами, кому совѣтами или ходатайствомъ; особую же заботливость обращала на дѣтей, какъ бы находя въ этомъ добромъ дѣлѣ утѣшеніе въ потерѣ своего нѣжнолюбимаго ребенка-сына. По свидѣтельству Ю. В. Толстого, нерѣдко приходившіе къ Татариновой или къ матери ея гости заставали ее прислуживающею за своимъ столомъ нищимъ и по примѣру ея прислуживали имъ [2]). Но, насыщая голодныхъ пищею матеріальною, она сама искала пищи духовной. Лютеранство, въ которомъ она родилась и воспитывалась, ея не удовлетворяло. Въ своемъ исканіи истины она бесѣдовала со многими сектантами, пользовавшимися въ то время полною терпимостію со стороны правительства, посѣщала хлыстовскіе и скопческіе корабли (собранія), присутствовала на ихъ радѣніяхъ, слушала ихъ пророковъ и пророчицъ. Наконецъ, Татаринова рѣшилась оставить лютеранство и 8-го ноября 1817 года, въ день архангела Михаила, присоединилась къ православію. Она увѣряла потомъ, что во время самаго обряда присоединенія почувствовала въ себѣ даръ пророчества. Въ эпоху развитія піэтизма, когда во всѣхъ слояхъ нашего общества чувствовалось то вліяніе, котораго полнымъ выраженіемъ была г-жа Крюднеръ, расположеніе къ духовной экзальтаціи могло казаться только желательнымъ, и Татаринову стали уговаривать, чтобы она «не таила дѣла Божія». На открытыя ею бесѣды собирался избранный кружокъ, находившій, такъ сказать, поощреніе въ благосклонныхъ отзывахъ о новой пророчицѣ самого государя. Разсказываютъ, будто онъ писалъ оберъ-гофмейстеру Р. А. Кошелеву, что сердце его «пламенѣетъ любовію къ Спасителю всегда, когда только читаетъ въ письмахъ Кошелева объ обществѣ г-жи

---

[1]) Головинъ назначенъ командиромъ этого полка въ августѣ 1821 года, когда гвардейская пѣхота была сосредоточена вокругъ Вильны, въ ожиданіи несостоявшагося похода въ въ Италію. Гвардейскія войска выступили обратно въ Петербургъ осенью 1822 года.

[2]) О духовномъ союзѣ Е. Ф. Татариновой, «Девятнадцатый Вѣкъ», кн. I, стр. 221—222.

Татариновой въ Михайловскомъ замкѣ». Но неопровержимое доказательство, по словамъ Ю. В. Толстого, благосклонности государя къ этому обществу можно видѣть въ письмѣ, собственноручно написанномъ имъ къ тайному совѣтнику Милорадовичу, по случаю заявленнаго симъ послѣднимъ неудовольствія своему сыну, офицеру Семеновскаго полка, за присоединеніе къ союзу Татариновой. Въ письмѣ этомъ [1]), между прочимъ, сказано: «Я старался проникнуть его связи и по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ нашелъ, что тутъ ничего такого нѣтъ, что бы отводило отъ религіи; напротивъ, онъ сдѣлался еще болѣе привязаннымъ къ церкви и исправнымъ въ своей должности, посему заключаю, что связи его не могутъ быть вредны».

На союзъ поступали доносы, о немъ ходили въ публикѣ самые предосудительные толки. Тѣмъ не менѣе онъ держался еще 12 лѣтъ по кончинѣ императора Александра Павловича и рушился, хотя и не исчезъ безслѣдно, лишь послѣ крутыхъ мѣръ, принятыхъ противъ него правительствомъ въ 1837 году. Къ этому-то времени и относится признаніе Головина, одного изъ самыхъ видныхъ и преданныхъ членовъ союза, разъясняющее его сущность и отношенія къ церкви и государству.

Предлагаемый нами архивный документъ не принадлежитъ къ числу вынужденныхъ признаній, всегда болѣе или менѣе осторожныхъ и умышленно затемняющихъ истину. Въ свое время онъ былъ «тайною», но тайною личною, и потому собственно, что заключалъ въ себѣ признаніе Головина въ одной его слабости, съ которою онъ совладалъ впослѣдствіи и освободился отъ ея нравственнаго гнета, только благодаря Е. Ф. Татариновой. Тѣмъ не менѣе документъ этотъ былъ извѣстенъ въ кругу его интимныхъ друзей. Имъ пользовались и для печати. Такъ, напримѣръ, онъ очевидно былъ въ рукахъ Ю. В. Толстого, автора статей: «Очеркъ жизни и службы Е. А. Головина» [2]) и «О духовномъ союзѣ Е. Ф. Татариновой» [3]); на него ссылается, называя «меморіей», статскій совѣтникъ Іоанновъ, въ статьѣ: «Дополнительныя свѣдѣнія о Татариновой и о членахъ ея духовнаго союза» [4]). Тотъ же Іоанновъ объясняетъ и самый поводъ къ составленію «меморіи». По его словамъ, фельдмаршалъ-намѣстникъ (царства Польскаго), въ маѣ 1837 года, возвратясь изъ С.-Петербурга, объявилъ Головину: «Евгеній Александровичъ! Связь ваша (съ Татариновой) разрушена; Елизавета Павловна (жена Головина, урожденная Фонвизинъ) ѣдетъ къ вамъ; дайте мнѣ знать о пріѣздѣ ея и изложите для меня на бумагѣ, въ чемъ союзъ вашъ заключался; я о немъ ничего существеннаго не знаю». Голо-

---

[1]) Напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» за 1864 г., стр. 628. Писано оно 20-го августа 1818 г., въ С.-Петербургѣ.

[2]) «Девятнадцатый Вѣкъ», кн. I, М., 1872, стр. 8—10, 21—22.

[3]) Тамъ же, стр. 220—284.

[4]) «Русскій Архивъ», 1872 г., № 12, ст. 2,347—2,805.

винъ изложилъ съ полною искренностію все, что до него относилось лично, и такъ озаглавилъ свою записку:

«Свѣдѣнія о знакомствѣ Г. Л. Г. съ г-жею Тат. и связи съ нею, затѣмъ послѣдовавшей».

«Представляющій собственноручное изложеніе это осмѣливается поручить его благоуваженію Его Св., какъ величайшую свою тайну».

Е. А. Головинъ въ теченіе всей своей жизни питалъ искреннее и глубокое уваженіе къ фельдмаршалу. Высоко ставилъ онъ Паскевича, и какъ полководца, «говоря о его планѣ войны 1831 г. съ чувствомъ благоговѣйнаго почтенія и почти съ озлобленіемъ отвергая малѣйшее подозрѣніе въ томъ, что усмиреніе польскихъ мятежниковъ было слѣдствіемъ удачныхъ случайностей, а не геніальныхъ предначертаній» [1]). Есть основаніе думать поэтому, что въ своемъ признаніи, предназначенномъ исключительно для Паскевича, Головинъ говорилъ, какъ на духу, одну только сущую правду. Ему не только можно, но и должно вѣрить. Его свидѣтельство о Татариновой и ея «сектѣ» получаетъ поэтому значеніе для исторіи нашихъ религіозныхъ союзовъ внѣ церкви болѣе важное, чѣмъ извѣстное доселѣ слѣдственное производство Липранди, основанное на доносахъ прислуги и наблюденіяхъ агентовъ самаго низкаго разбора [2]), и чѣмъ свѣдѣнія, сообщенныя П. И. Мельниковымъ, извлеченныя изъ дышащихъ фанатическою злобою записокъ юрьевскаго архимандрита Фотія [3]).

I.

Головинъ отвергаетъ обвиненіе въ сектантствѣ Татариновой и ея сообщества.

«Во-первыхъ, я долженъ сказать утвердительно, что это не есть секта въ смыслѣ религіозномъ, ибо секта предполагаетъ отсѣченіе послѣдователей ея отъ церкви, или отъ того вѣроисповѣданія, къ которому они принадлежали. Здѣсь никогда ничто подобное не имѣло мѣста, ибо всѣ тѣ, кои находились въ кругу знакомства съ г-жею Татариновой, не только не охладѣли къ церкви, но еще болѣе съ нею сблизились, особливо же въ отношеніи къ отличительнымъ дог-

---

[1]) Отзывъ Ю. В. Толстого о безцензурномъ изданіи: «Извлеченіе изъ журнала генералъ-лейтенанта Головина въ теченіе кампаніи противъ польскихъ мятежниковъ 1881 года». Это извлеченіе напечатано въ очень маломъ числѣ экземпляровъ, въ Ригѣ, въ 1847 году, въ бытность Головина остзейскимъ генералъ-губернаторомъ. Къ нему, особою статьею, приложены критическія замѣчанія на сочиненіе: «Histoire militaire de la seconde èpoque de la campagne de l'année 1881 en Pologne, par N. Okouneff, général d'état-major».

[2]) О сектѣ Татариновой И. П. Липранди, «Чтенія въ общ. истор. и древн. росс.», 1868 г. № 4-й, стр. 20—51, и отдѣльная брошюра подъ тѣмъ же заглавіемъ, М., 1869.

[3]) «Русскій Архивъ», 1878 г., ст. 1444—1451. Записки эти продиктованы Фотіемъ графинѣ А. А. Орловой-Чесменской въ 1835 году, слѣдовательно всего за два года до признанія Головина.

матамъ нашего вѣроисповѣданія, какъ-то: почитаніе Божіей Матери, признаніе ея и святыхъ заступленія, уваженіе и любовь къ иконамъ, предпочтеніе обрядовъ нашихъ въ богослуженіи всѣмъ другимъ и пр. Лучшимъ этого доказательствомъ служитъ то, что сама г-жа Татаринова, по внутреннему убѣжденію, перешла отъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, въ которомъ родилась, къ нашему».

И далѣе:

«Связь, соединявшая малое число особъ, въ знакомствѣ съ г-жею Татариновой находившихся, если и имѣла видъ таинственности, чужда была однакожъ тѣхъ признаковъ, по коимъ бы можно было принять ее за секту, а именно: 1) Она не связывала никого какимъ либо обѣтомъ. 2) Не искала распространять какого новаго ученія и умножать число свое прозелитами. 3) Не только не охлаждала обязанностей, наружною церковію налагаемыхъ, но даже усиливала ихъ, возвышая религіозное чувство живыми ощущеніями духовныхъ его дѣйствій; съ русскою же церковію сближала болѣе, нежели съ какимъ другимъ изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, соединяя въ ней простаго мужика съ человѣкомъ самымъ образованнымъ и просвѣщеннымъ свѣтскою наукою. 4) Къ властямъ правительственнымъ, особливо къ лицу государеву вселяла уваженіе и покорность, не пустымъ многоглаголаніемъ и фразами, а чувствомъ истиннаго смиренія, при видѣ немощей человѣческой природы, съ которыми бороться призываетъ насъ законъ Христовъ».

Никакого особаго ученія, а тѣмъ паче «зловреднаго для государства», какъ полагалъ Липранди, мнимая секта Татариновой никогда не исповѣдывала. Сама Татаринова, по свидѣтельству Головина, «о политикѣ никогда не говорила, да и говорить не умѣла» [1]). Въ маломъ кругу знакомства ея искали обузданія страстей и власти надъ собственными немощами, не входя въ сужденія о дѣлахъ міра сего. Слѣдуетъ отнести къ области вымысла и заявленіе Фотія, что «жаба» эта «учила всѣхъ своихъ, для нѣкоего мнимаго воздержанія, воздерживать, умерщлять плоть и скоплять». Такому вздору [2]) и въ эпоху могущества Фотія никто не вѣрилъ, но происходившія на собраніяхъ у нея радѣнія, что сближало ихъ съ хлыстовскими «кораблями», подавало поводъ къ разнымъ предосудительнымъ толкамъ и насмѣшкамъ надъ кружкомъ Татариновой.

«Отъ 1817 по 1821 годъ,—говоритъ Головинъ,—число особъ, вкушавшихъ бесѣды г-жи Татариновой, было весьма значительно. Она жила тогда въ Михайловскомъ, что нынѣ Инженерный замокъ, и пользовалась покровительствомъ покойнаго государя Александра Павловича; въ особенности же покровительствовалъ ей князь

---

[1]) Она получила образованіе въ Смольномъ институтѣ; владѣла въ совершенствѣ языками русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ. Слабая здоровьемъ и кроткая, Татаринова была принята начальницею, графинею Адлербергъ, въ ея семейство.

[2]) Хотя у насъ и былъ скопецъ-камергеръ Елнискій.

Александръ Николаевичъ Голицынъ. Въ то время бывали у нихъ почти открыто собранія въ одной изъ залъ замка, гдѣ собравшіеся, при пѣніи духовныхъ пѣсенъ, составленныхъ въ самомъ простонародномъ слогѣ и весьма похожихъ на пѣсни, скопцами употребляемыя, радѣли подъ кадансъ музыкальный, то-есть, отдавались сильному тѣлесному движенію, большею частію кружась на мѣстѣ въ правую сторону. Въ этой залѣ и понынѣ [1]) осталось еще на потолкѣ изображеніе Св. Духа въ видѣ голубя».

Фотій тоже говоритъ объ этой залѣ, но говоритъ неправду, что она находилась «близъ дворцовой церкви и даже почти надъ мѣстомъ церковнымъ или близъ бывшемъ»: Татаринова имѣла квартиру въ части дворца, выходящей на Фонтанку, а церковь помѣщалась въ противоположной сторонѣ зданія. Вигель видѣлъ радѣніе изъ окна, будучи однажды въ гостяхъ у дѣвицъ Лабатъ де-Вивансъ, которыя также жили въ Инженерномъ замкѣ. «Окна ихъ выходили на Фонтанку, рядомъ съ округленнымъ выступомъ, внутрь котораго внизъ можно было смотрѣть изъ нихъ. Тамъ находилась зала, отведенная сектѣ для ея духовныхъ упражненій». Услышавъ доносившееся оттуда странное пѣніе, Вигель полюбопытствовалъ взглянуть, и «могъ только разсмотрѣть фигуры, какъ бы въ саваны наряженныя, съ остроконечными бѣлыми колпаками, которыя, съ неимовѣрною быстротою кружась, молніеобразно появлялись и исчезали» [2]). Это было днемъ; изъ записной книжки живописца академика Боровиковскаго [3]) также видно, что радѣнія обыкновенно происходили отъ 2 до 5 часовъ дня, а потому Фотія еще разъ можно уличить въ умышленномъ искаженіи фактовъ, когда онъ свидѣтельствуетъ, что у Татариновой сборища для «дѣйства» происходили «по ночамъ», что самъ онъ былъ въ Михайловскомъ замкѣ «во времи нощи, самъ своими очами видѣлъ бѣснованіе, круженіе, лжеславленіе и прорицаніе».

Вотъ что разсказываетъ Головинъ о пѣсняхъ, «неподобныхъ и любодѣйныхъ бѣсовскихъ пѣсняхъ», по отзыву Фотія:

«При посѣщеніяхъ моихъ услышалъ я также пѣніе, которое было двоякаго рода: одно, составленное въ стихахъ обыкновенной поэзіи, а другое въ словахъ совершенно простонародныхъ и въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ составлены простонародныя пѣсни, съ которыми и голосъ ихъ имѣетъ большое сходство [4]). Эти простаго слога пѣсни всѣ почти писаны Ѳедоровымъ, о коемъ упомянуто выше [5]), среди

---

1) Въ 1887 году.

2) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, М., 1864 г., часть шестая, IV, стр. 88.

3) «Девятнадцатый Вѣкъ», кн. перв., стр. 218—219.

4) Вигель слышалъ напѣвъ на голосъ: За долами, за горами. L. c., стр. 89.

5) А именно, что онъ былъ прежде музыкантомъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ, по милости государя Александра Павловича, получилъ чинъ 14-го класса. Звали его Никитою Ивановичемъ, благодаря чему и «секта» Татариновой получила названіе Татарино-Никитовской.

духовныхъ посѣщеній, безо всякаго приготовленія, въ слезахъ и сильномъ сердечномъ сокрушеніи. Впрочемъ, самъ онъ, будучи происхожденія низкаго и не получивъ никакого образованія, ничего бы написать не могъ, ибо, мало зная грамотѣ, съ большою даже нуждою ставилъ буквы. Это не мѣшало однако-жъ пѣснямъ его, въ простыхъ и часто низкихъ выраженіяхъ, заключать въ себѣ высокій духовный смыслъ [1]). Онѣ весьма близки къ пѣснямъ, употребляемымъ скопцами, съ коими хотя г-жа Татаринова, такъ какъ и Ѳедоровъ, и были сначала знакомы, но съ ересью ихъ ничего общаго не имѣли. Пѣніе этихъ простыхъ пѣсенъ, особливо голосъ ихъ, казались мнѣ сперва очень странными и даже отвратительными по близкому, какъ я сказалъ уже, сходству ихъ съ простонародными, что, казалось мнѣ, не отвѣчало важности предмета духовнаго».

Головинъ, упомянувъ о радѣніяхъ, происходившихъ въ Инженерномъ замкѣ, до его знакомства съ Татариновою, продолжаетъ:

«Здѣсь время сказать пространнѣе о такъ называемомъ радѣніи, упражненіи отличительномъ, которое, подавъ поводъ къ соблазнамъ и заключеніямъ самымъ страннымъ на счетъ особъ, въ знакомствѣ и связи съ г-жею Татариновой состоявшихъ, болѣе всего наложило на нихъ печать уничиженія и подвергнуло ихъ нареканію.

«Конечно, ничего не можетъ быть страннѣе и для разума человѣческаго недоступнѣе, какъ понятіе, что можно хвалить Бога и, такъ сказать, служить ему пляскою. Одна мысль объ этомъ достаточна на то, чтобъ возмутить благоговѣніе набожнаго человѣка и

---

[1]) По свѣдѣніямъ (у Липранди), относящимся къ 1817 году, слѣдовательно ко времени наблюденій Фотія (въ 1819 г.), по вопреки имъ, всѣ присутствовавшіе на собраніяхъ у Татариновой, ставъ на колѣни, пѣли на распѣвъ слѣдующіе стихи:

Дай намъ, Господи,
Къ намъ Іисуса Христа!
Дай намъ Сына Твоего!
Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!
Изъ Твоея полноты
Дай, Создатель, теплоты;
Наряди къ намъ пророка,
Чтобы силы подкрѣпить;
Засуди судомъ небеснымъ,
И не дай врагу мѣшать;
Ниспосли живое слово
Здѣсь просящимъ всѣмъ сердцемъ;
Ты, Христосъ, Ты нашъ Спаситель!
Иного Бога нѣтъ у насъ;
Твоею силой укрѣпимся,
За Тобой во слѣдъ идемъ.
Прими слезы Твоей твари,
И поставь всѣхъ на пути!

Ниже приводятся начальные стихи другихъ пѣсенъ, сообщенные П. В. Кукольникомъ. Удивительно, однако, что Кукольникъ не помнилъ начало пѣсни, которая, судя по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, была первенствующею, «основною» и какъ бы для всѣхъ обязательною.

чтобъ отвергнуть ее съ омерзѣніемъ. Но пусть въ спокойномъ духѣ разберутъ нижеслѣдующіе вопросы:

«1. Откуда первоначально произошли танцы? и

«2. Въ чемъ состояло дѣйствіе Духа Святаго, при сошествіи Его на апостоловъ, когда присутствовавшіе тутъ свидѣтели сочли ихъ пьяными?

«Отъ глубокой древности извѣстно, что пляски входили въ обряды богослуженія; слѣды этого находятся даже между дикими, которые сохранили въ плясках обряды своихъ жертвоприношеній. Въ 1-й кн. Царствъ Св. Писанія, гл. 10, ст. 5, упоминается о ликѣ пророковъ, кои прорицали среди звуковъ мусикійскихъ орудій. Царь Давидъ, посѣщенный Духомъ Св., плясалъ предъ ковчегомъ завѣта, не смотря на то, что подвергнулся посмѣянію (Цар. кн. 2, гл. 6, ст. 20—23). У магометанъ дервиши, нѣкогда въ большемъ уваженіи святости находившіеся, донынѣ еще сохранили круженіе свое; а извѣстно, что законъ магометанскій составленъ изъ ученія и обрядовъ еврейскихъ и христіанскихъ, перемѣшанныхъ и искаженныхъ. Въ Конверсаціонсъ-Лексиконѣ, подъ статьею **Танцы**, нашелъ я между прочимъ указаніе на книгу нѣкоего автора, именемъ Брёмель (Brömel), подъ заглавіемъ: **О христіанскихъ плясках и торжественныхъ танцахъ первыхъ христіанъ**[1]). Книги этой, при всемъ стараніи, я не могъ отыскать ни у кого изъ книгопродавцевъ въ цѣлой Европѣ; не менѣе того однакожъ ссылка Конверсаціонсъ-Лексикона на творенія автора, такъ уваженнаго по глубокой учености своей, заслуживаетъ вниманія.

«Въ позднѣйшія времена, квакеры[2]), извѣстные также подъ названіемъ трясущихся (trembleurs), при всей странности своей, заслуживали однакожъ уваженіе между самыми просвѣщеннѣйшими націями. Нынѣ въ Англіи, въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, во Франціи, Германіи и даже здѣсь, въ царствѣ Польскомъ, между нѣмецкими колонистами, есть многія общины, между коими въ собраніяхъ ихъ, болѣе или менѣе тайныхъ, смотря по степени терпимости правительствъ, открываются духовныя дѣйствія въ сильныхъ тѣлесныхъ движеніяхъ. Теперь еще видимъ мы на евреяхъ, при молитвенныхъ собраніяхъ ихъ, остатки какого-то качанія всѣмъ тѣломъ. Наконецъ, что же такое поклоны, въ одной только нашей церкви сохранившіеся?

«Изъ всего этого заключить слѣдуетъ, что танцы и пляски, входившіе въ обряды божественные и впослѣдствіи перешедшіе къ намъ, вмѣстѣ съ языческими обычаями, какъ увеселеніе, распаляющее похоти плотскія, нѣкогда были не что иное, какъ вспомогатель-

---

[1]) Von der Christlichen Tänzen. **Brömel**. Von den Festtänzen der ersten Christen.— Выноски Головина.

[2]) Quackers значитъ **дрыгуны**. Основатель «общества друзей» Джоржъ Фоксъ, «когда находилъ на него Духъ Божій», дрожалъ и падалъ въ судорогахъ на землю:

ное средство къ смягченію и умерщвленію тѣла, дабы въ кадансированныхъ движеніямъ подчинить его дѣйствіямъ духовнымъ. Или лучше сказать, кадансированное дѣйствіе духовнаго начала облегчаетъ движеніе тѣла, которое по законамъ матеріальнаго тяготѣнія влечетъ къ землѣ и къ недвижимости. Изнуреніе плоти, чтобы дать свободу духу, было всегда однимъ изъ условій, ученіемъ церкви предлагаемыхъ. На этотъ конецъ установлены ночныя бдѣнія противу излишества сна, посты противъ излишества въ пищи, ибо и то и другое утучняетъ тѣло. Въ среднихъ вѣкахъ, набожными людьми, даже между особами высокаго сана, для умерщвленія плоти употреблялось бичеваніе (discipline); у насъ въ Россіи то же самое являлось, какъ мнѣ кажется, въ грубѣйшемъ видѣ подъ названіемъ раскольничьей секты хлыстовщины. Нынѣ это является въ другихъ формахъ, ибо если, по ученію христіанскому, прежде настояла надобность въ укрощеніи тѣла и его похотей, то она настоитъ и теперь. Но что, какъ прежде, такъ и теперь, такія условія, недоступныя для разума, чувствомъ только могли быть пріемлемы и иногда давали мѣсто фанатизму, объ этомъ много уже говорено и много писано прежде меня. Понятно также, почему въ нашемъ вѣкѣ разумъ еще съ большимъ остервенѣніемъ возстаетъ противъ обычаевъ, имѣющихъ цѣлью порабощеніе страстей и природныхъ наклонностей, когда принять въ разсужденіе, что ученіе матеріализма сдѣлалось всеобщимъ, когда оно, свергнувъ всякое иго принужденія, дало просторъ всѣмъ плачевнымъ побужденіямъ сердца человѣческаго, и необузданное стремленіе къ чувственнымъ наслажденіямъ обуяло, такъ сказать, всѣми сословіями, имѣющими средства любостраствовать временными благами. Равномѣрно не надобно удивляться, что дѣйствія духовныя, о которыхъ упомянуто выше, въ наши времена, открываются преимущественно между низшимъ классомъ людей, ибо высшія сословія, классъ вельможный, окованный прелестію европейскаго просвѣщенія, то-есть утонченнаго служенія міру и его похотямъ, ищущій паче всего славы мірской, не имѣетъ времени предаваться душеспасительнымъ размышленіямъ, а еще менѣе расположенъ жертвовать для сего временными наслажденіями. Наконецъ, при самомъ началѣ христіанства, среди величія и пышности Римской державы, на комъ явились первые знаки дѣйствій Духа Божія? Не на малозначащихъ ли людяхъ въ народѣ презрѣнномъ и порабощенномъ, минуя старѣйшинъ его, первосвященниковъ и учителей?»

Возводя «радѣніе» въ исторически обоснованное начало и правило христіанскаго благочестія, Головинъ «радѣлъ» и самъ. «Подчиняясь вышеобъясненному средству, подъ названіемъ радѣнія,—говоритъ онъ,—я отлагалъ и попиралъ ногами всю мудрость мірскую, съ ея приличіями, дѣлаясь какъ бы глупцемъ и юродивымъ ради Бога. Между тѣмъ, средство это, низлагая гордость естественнаго

разума, тѣлесно приносило мнѣ большую пользу: оно укрѣпляло мое здоровье, ибо этотъ родъ движенія (exercice) производитъ такую транспирацію, какой и самые земные поклоны не производили: послѣ этого всякій разъ я чувствовалъ себя необыкновенно легкимъ и свѣжимъ. Впрочемъ сладости внутренней, каковую ощущали другіе при этомъ трудѣ, я никогда не ощущалъ, и для меня это всегда было однимъ только трудомъ; дѣти мои [1]) вкушали иногда внутреннее наслажденіе. Я былъ однако же свидѣтелемъ, какъ В. М. Поповъ [2]), слушая отъ г-жи Татариновой слово пророческое, сталъ вертѣться невольнымъ образомъ, самъ испугавшись даже такого страннаго и сильнаго надъ собою духовнаго влеченія».

Какъ средству гигіеническому, генералъ Головинъ отдавалъ верченію на одномъ мѣстѣ преимущество передъ земными поклонами, хотя въ этомъ религіозномъ упражненіи онъ достигъ почти невѣроятнаго совершенства. Послушаемъ его самого:

«Мнѣ хотѣлось имѣть распятіе, написанное академикомъ Боровиковскимъ [3]), который знакомъ былъ съ г-жею Татариновою. Образъ этотъ, и донынѣ у меня хранящійся, былъ написанъ и вставленъ въ весьма тяжелую, рѣзную, вызолоченную раму. Я пожелалъ, чтобы К. Ф. Татаринова меня имъ благословила, что она и исполнила, въ присутствіи другихъ. Я принялъ образъ, стоя на колѣняхъ, въ то время, какъ двое, поддерживая его, поставили мнѣ на голову. По принятіи его съ такимъ обрядомъ, когда я, простившись съ г-жею Татариновою, пошелъ изъ горницы, чтобы ѣхать домой, она сказала тутъ же, что вслѣдъ за мною пошла большая сила, отъ нея какъ бы отдѣлившаяся. Тутъ никто не понялъ, что бы это значило, только черезъ нѣсколько дней у меня открылось необыкновенное расположеніе къ молитвѣ, на которой я стоялъ сначала по часу, потомъ по два, по три и даже по пяти сряду, передъ вновь пріобрѣтеннымъ мною образомъ распятія. Это бывало обыкновенно ночью. Однажды стоя такимъ образомъ на молитвѣ, на колѣняхъ, почувствовалъ я, что какая-то сила невольнымъ образомъ заставляла меня кланяться до земли. Это случилось впрочемъ только одинъ разъ; но съ тѣхъ

---

[1]) Сынъ и дочь. Въ 1837 году сынъ Головина былъ юнкеромъ инженернаго училища; звали его Сергѣемъ Евгеніевичемъ; имя дочери—Екатерина Евгеніевна. Послѣдняя вышла замужъ за дѣйствительнаго статскаго совѣтника Якова Владиміровича Ханыкова.

[2]) Тайный совѣтникъ Василій Михайловичъ Поповъ, членъ совѣта главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ, передъ тѣмъ директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія. Послѣ разгрома сообщества Татариновой, въ 1887 году, онъ отправленъ въ казанскій Зилантовъ монастырь, гдѣ и умеръ 28-го апрѣля 1842 года.

[3]) Живописецъ-академикъ Владиміръ Лукичъ Боровиковскій написалъ для Татариновой и членовъ ея кружка, кромѣ упомянутаго распятія, еще 8 высокохудожественныхъ и цѣнныхъ образовъ. По словамъ Липранди, изъ описи, находящейся во 2-мъ томѣ дѣла о Татариновой, хранившагося въ III Отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, видно, что «оригинальныя живописныя изображенія, принадлежавшія вдовѣ статскаго совѣтника Татариновой, урожденной Буксгевденъ, находятся въ соборѣ Александроневской лавры». Для молельни Татариновой написали еще по одному образу художникъ Залѣскій и академикъ Олешкевичъ.

поръ открылась во мнѣ собственная воля класть земные поклоны, сначала стоя на колѣняхъ, что довольно легко, а потомъ стоя на ногахъ, какъ это принято нашею церковію, во время великопостной службы. Послѣдній родъ поклоновъ очень тяжелъ и, какъ извѣстно, по правиламъ церковнымъ, налагается въ эпитимію, какъ умерщвленіе плоти въ очищеніе отъ грѣховъ. Такихъ поклоновъ клалъ я, начавъ отъ нѣсколькихъ десятковъ, потомъ до сотенъ, наконецъ клалъ цѣлыя тысячи. Одинъ разъ случилось мнѣ такимъ образомъ класть земные поклоны сряду пять часовъ, и я счетомъ положилъ ихъ ровно пять тысячъ, на что надобно было имѣть силу, можно сказать, сверхъестественную [1]). Это впрочемъ происходило со мною только однимъ.

«При такомъ наимовѣрномъ трудѣ я, сверхъ того, не переставалъ принимать слабительное, котораго пріемы, по совѣту внутренняго голоса г-жи Татариновой, я наконецъ утроилъ. Передавая мнѣ эти внушенія (на счетъ слабительнаго), она сама пугалась при видѣ трудностей и даже опасности, которыя по простому разсудку представлялись при исполненіи. Между тѣмъ сильное потрясеніе всего тѣла, земными поклонами производимое, отъ котораго потъ лился изъ меня ручьями, при ежедневныхъ пріемахъ слабительнаго, дѣйствовавшаго почти регулярно до 15-ти разъ, когда въ то же время суточная пища моя состояла изъ небольшаго ломтя бѣлаго хлѣба съ чашкою самаго жидкаго чаю; такъ строгій постъ, который я налагалъ на себя по собственному побужденію, сопровождался еще, по внутреннему голосу г-жи Татариновой, частыми кровопусканіями изъ руки; все это вмѣстѣ какъ бы обновило всю мою тѣлесную натуру. Я потерялъ всю прежнюю тучность тѣла, особливо въ брюхѣ, которое подвелось и сдѣлалось плоскимъ. Замѣчательно, что по мѣрѣ того, какъ я худѣлъ и становился, можно сказать, кожа и кости, тѣлесныя силы мои не только не упадали, но ощутительно возростали; и когда всѣ видавшіе меня, даже самъ нынѣ [2]) царствующій государь, который тогда, будучи великимъ княземъ, удостоивалъ меня милостиваго своего участія и посѣщалъ меня во время моей болѣзни, когда, говорю я, всѣ полагали, что я въ чахоткѣ, я пріобрѣталъ тогда крѣпость первой молодости. Лѣчившій меня докторъ Руби [3]) нерѣдко приходилъ въ изумленіе, видя на мнѣ дѣйствія столь чудесныя и приписывая ихъ своимъ лѣкарствамъ, ибо все другое отъ него было скрыто».

---

[1]) Іоанновъ, въ вышеприведенной статьѣ своей, говоритъ, будто бы «преосвященный архіепископъ варшавскій Антоній, впослѣдствіи митрополитъ с.-петербургскій (по справкѣ въ уставахъ св. отецъ), удостовѣрилъ его (Головина), что о земныхъ поклонахъ болѣе 800 примѣровъ нѣтъ». По словамъ Іоаннова же, и это удостовѣреніе Е. А. Головинъ изложилъ въ своей «меморіи». Однако, въ нашемъ подлинникѣ этого нѣтъ, откуда можно заключить, что въ копіи съ него, или черновой, что вѣроятнѣе, были нѣкоторыя подробности, исключенныя Головинымъ при перепискѣ набѣло.

[2]) Т.-е. въ 1887 году.

[3]) По другимъ —Груби, извѣстный окулистъ, или офтальмологъ.

Головину угрожалъ апоплексическій ударъ. Самъ онъ разсказываетъ про свою болѣзнь, что первые ея признаки показались въ концѣ 1823 года, 1-е октября, т.-е. въ самый день Покрова Богородицы. Сначала она ограничивалась легкимъ воспаленіемъ и болью въ лѣвомъ глазу. «Но скоро показалось, что это былъ только наружный признакъ болѣзни, которой главная причина заключалась въ сильномъ развитіи желчи. Взволнованная и разгоряченная дѣйствіемъ ея кровь устремилась къ головѣ и грозила ежеминутно ударомъ. Между тѣмъ на больномъ глазу сдѣлалась рожа и боль отъ того, становившаяся несносною особенно въ ту минуту, какъ я хотѣлъ засыпать, лишала меня совершенно сна и причиняла жесточайшія страданія.

«Меня лѣчилъ штабъ-лѣкарь л.-гв. Егерскаго полка [1]) Коссовичъ. По личной своей ко мнѣ привязанности, онъ не щадилъ ни заботливости, ни трудовъ, и не совсѣмъ безъ пользы. Первые порывы болѣзни были ослаблены рѣшительными средствами, а именно: кровопусканіемъ и сильными слабительными. Самое трудное было привести въ равновѣсіе силы естественныя и ослабить разгоряченное ихъ дѣйствіе не токмо на голову, но и на весь организмъ тѣлесный, ибо пища, которую впрочемъ я употреблялъ съ умѣренностію, не варилась, а перегорала въ моей внутренности. Хотя ближайшимъ врачемъ моимъ и былъ сначала упомянутый полковой мой штабъ-лѣкарь Коссовичъ, но были приглашены на совѣщаніе и другіе медики.

«Не взирая на пособія врачебныя, болѣзнь болѣе и болѣе усиливалась, такъ что на четырнадцатый день послѣ перваго ея на мнѣ появленія, именно 14-го октября, я рѣшился исповѣдаться и пріобщиться св. Таинъ. Тутъ въ первый разъ открылось во мнѣ внутреннее духовное дѣйствіе въ величайшемъ сокрушеніи сердечномъ, излившемся при исповѣди потокомъ слезъ, такъ что духовникъ мой, бывшій протоіерей л.-гв. Измайловскаго полка, Раевскій пришелъ въ изумленіе.

«Послѣ исполненія этого долга христіанскаго, душевно я сталъ нѣсколько покойнѣе, но ходъ болѣзни моей не обращался къ лучшему, воспаленіе и боль въ лѣвомъ глазу не прекращались, и я рѣшился поручить себя извѣстному тогда въ Петербургѣ, окулисту Руби. Этотъ глазной врачъ нашелъ состояніе глаза моего крайне опаснымъ и потому прибѣгнулъ къ насильнѣйшимъ средствамъ. Онъ началъ обильнымъ кровопусканіемъ изъ обѣихъ рукъ до обморока и приставленіемъ вслѣдъ за тѣмъ къ виску больнаго глаза такого числа піявокъ, какое только помѣститься могло; сверхъ того; прописалъ пріемы сильнаго слабительнаго. Этимъ только успѣлъ онъ ослабить неестественное направленіе жизненныхъ силъ и стремленіе крови къ головѣ. При изнеможеніи, въ которое я приведенъ

---

[1]) Которымъ тогда Головинъ командовалъ, съ 10-го августа, 1821 года.

былъ столь крутыми средствами, употребленными почти въ одно и то же время, имѣлъ я родъ истерическаго припадка, сопровождавшагося какимъ-то сладостнымъ чувствомъ внутренняго блаженства, съ обильнѣйшими слезами и сильнымъ волненіемъ въ груди».

Атлетическій организмъ Головина вынесъ эту удивительную систему лѣченія, кажется, довольно распространенную въ то время и безпощадно примѣняемую къ людямъ полнокровнымъ, сильнаго сложенія, и Головинъ былъ доведенъ до крайняго изнеможенія, до обмороковъ и, наконецъ, до истеріи. Съ этого-то времени и сталъ онъ входить въ заочныя сношенія съ Татариновою чрезъ посредство своего штабъ-лѣкаря Коссовича, который уже былъ знакомъ съ нею.

II.

Татаринова пересылала чрезъ Коссовича Головину немногія слова, состоявшія «въ самыхъ краткихъ выраженіяхъ или доброжелательства, или утѣшенія, всегда отъ имени Божія и Христа Спасителя».

«Слова эти,—говоритъ Головинъ,—всякій разъ производили во мнѣ глубочайшее потрясеніе и вмѣстѣ вливали какой-то цѣлительный бальзамъ въ растерзанное горестію сердце мое, заставляли забывать болѣзнь тѣлесную и по цѣлымъ часамъ исторгали источники слезъ сладкихъ и успокоительныхъ. Все это не была мечта, а ощущенія истинныя и живыя, въ коихъ воображеніе никакой не имѣло части». Всего менѣе Головинъ расположенъ былъ относить подобныя ощущенія къ болѣзненному состоянію своихъ нервовъ и помнилъ только, что еще до собственной болѣзни онъ видѣлъ такое же дѣйствіе сообщеній Татариновой на другого больного, капитана его полка Гагина [1]). Однажды, навѣстивъ Гагина, который передъ тѣмъ познакомился съ Татариновою, онъ замѣтилъ въ немъ «что-то необыкновенное: слова его растворены были какимъ-то сладкимъ убѣжденіемъ, которое оставило (въ Головинѣ) глубокое впечатлѣніе». До тѣхъ же поръ онъ зналъ Гагина «за человѣка довольно начитаннаго; но впрочемъ на ряду съ другими молодыми людьми «двадцатыхъ годовъ», особливо у насъ въ Россіи, запутаннаго въ понятіяхъ своихъ, безъ системы и руководства».

Подъ такими впечатлѣніями въ Головинѣ естественно зародилось желаніе свидѣться съ Татариновой, что̀ онъ и привелъ въ исполненіе, какъ только позволило состояніе его здоровья. 24-го ноября 1823 года, въ самый день именинъ Екатерины Филипповны, онъ поѣхалъ къ ней въ Инженерный замокъ, тогда еще Михайловскій, вмѣстѣ съ лѣкаремъ своимъ, Коссовичемъ.

«Первая встрѣча съ нею,—пишетъ Головинъ,—никакого особаго впечатлѣнія на меня не произвела: я увидѣлъ въ ней женщину

---

[1]) У другихъ онъ именуется, конечно, неправильно, Іашвымъ.

весьма обыкновенную, уже немолодую [1]). Въ самомъ пріемѣ ея, мнѣ сдѣланномъ, казалось было нѣчто какъ бы притворное, а слова, которыя она обращала ко мнѣ, повторяя то только, что, какъ она говорила, произносилось у нея въ сердцѣ, выдумкою; все это казалось мнѣ почти комедіею и было для меня болѣе соблазномъ, чѣмъ назиданіемъ. Свиданія послѣдующія не болѣе произвели во мнѣ дѣйствія, какъ и первое; но впечатлѣнія заочныя продолжались по-прежнему и служили мнѣ какимъ-то залогомъ, безъ котораго дальнѣйшія сношенія мои съ г-жею Татариновой и самое знакомство съ нею не были бы продолжительны.

«Среди этихъ посѣщеній, которыя сначала бывали не болѣе одного раза въ недѣлю, при частыхъ разговорахъ моихъ съ Коссовичемъ, который все еще продолжалъ пользовать меня подъ руководствомъ Руби, въ первый разъ услышалъ я о возможности обладать способностью говорить не по размышленію, какъ это бываетъ въ порядкѣ естественномъ, гдѣ мысль предшествуетъ слову, а по вдохновенію, въ которомъ голова нимало не участвуетъ, и при которомъ языкъ произноситъ слова машинально, какъ орудіе совершенно страдательное. Способность эта называется даромъ пророчества, или пророческимъ словомъ, и извѣстна по Св. Писанію Ветхаго и Новаго Завѣта. Между первыми христіанами она была весьма обыкновенна, какъ о томъ свидѣтельствуютъ Дѣянія апостольскія и посланія. Подъ словомъ прореканія не надобно разумѣть способность возвѣщать будущее, хотя и это не исключается, а токмо вліяніе Духа посредствомъ звуковъ слова, или писанія. Оно является большею частію въ пѣніи, но иногда и въ простомъ глаголѣ на подобіе речитатива, только всегда почти стихами правильной мѣры и въ риѳмахъ. Таковое словоизліяніе можетъ продолжаться безостановочно нѣсколько часовъ сряду, съ равною силою и даже съ тѣлеснымъ изнеможеніемъ прорекающаго, въ такомъ изобиліи рѣчи и часто съ такою быстротою, на кои никакой памяти и никакой способности естественной недостанетъ. Смыслъ рѣчи обнимаетъ всѣ предметы въ границахъ строгаго цѣломудрія и важности, обращается къ душѣ человѣческой, проникаетъ въ сокровеннѣйшія ея помышленія, иногда открываетъ ихъ въ строгихъ обличеніяхъ [2]), большею же частію въ выраженіяхъ, исполненныхъ любви и состраданія, вливаетъ въ сердце слушающаго покой и утѣшеніе. По крайней мѣрѣ таково всегда дѣйствіе слова пророческаго на меня, и таковымъ видѣлъ я его на другихъ.

«Здѣсь не мѣсто объяснять свойство пророческаго дара: это

---

[1]) Е. Ф. Татаринова родилась 29-го августа 1788 года, слѣдовательно ей было тогда 40 лѣтъ.

[2]) Такимъ обличеніямъ часто подвергались «мерзости сердца» художника Боровиковскаго, котораго Никита Ивановичъ, пророчествуя, обозвалъ однажды «тетерею». «Записн. книжка», «Девятнадцатый Вѣкъ», кн. первая.

потребовало бы многаго писанія. Ученыя историческія изысканія могли бы, можетъ быть, открыть тутъ первое происхожденіе поэзіи, которую древніе называли языкомъ боговъ, то-есть языкомъ, которымъ божество говоритъ черезъ человѣка».

Собственно о прорицаніяхъ Татариновой Головинъ разсказываетъ:

«Слово пророческое обращено было ко мнѣ въ первый разъ въ самый день Рождества Христова 1823 года, слѣдственно ровно черезъ мѣсяцъ послѣ перваго моего свиданія съ г-жею Татариновой. Оно явилось отъ нея вдругъ и продолжалось, сколько припомнить могу, около часу. Мнѣ сказано было тутъ столько утѣшительнаго, что я отъ умиленія сердечнаго отъ начала до конца заливался слезами. Я слушалъ его, какъ это бывало всегда, стоя на колѣняхъ и даже иногда падая ницъ. Мнѣ возвѣщалось тутъ помилованіе, отпущеніе мнѣ грѣховъ и жизнь вѣчная, съ такою властію, которая никакому сомнѣнію не давала мѣста. Образъ выраженія весьма похожъ былъ на тотъ, который находимъ мы въ книгахъ пророческихъ Ветхаго Завѣта, то-есть: Я, Господь Вседержитель, говорю или сдѣлаю то-то. Слогъ рѣчи иногда былъ совсѣмъ простонародный, а иногда высокій и краснорѣчивый, но по большей части иносказательный и для разума непонятный, что однако жъ не мѣшало ему дѣйствовать съ большею силою на сердечное неудобоизъяснимое чувство. Съ тѣхъ поръ слушалъ я слово отъ г-жи Татариновой всякій разъ, когда бывалъ у нея и всегда съ одинаковою жаждою».

Возвращаясь въ другомъ мѣстѣ своей «меморіи» къ «слову пророческому», Головинъ говоритъ:

«Вообще объяснять духовныя дѣйствія тѣмъ, кто ихъ не ощущалъ, столько же трудно, сколько трудно было бы изъяснять свойство горькаго и сладкаго тому, кто никогда не вкушалъ ни того, ни другаго, ибо ни то, ни другое одною различною способностію постигнуто быть не можетъ. Французская исторія новѣйшихъ временъ представляетъ въ семъ отношеніи примѣръ замѣчательный въ знаменитой женѣ г-жѣ Делямоттъ Гіонъ (Delamotte Guion). Исторія жизни ея, самою же ею писанная, такъ какъ и многочисленныя ея творенія, извѣстны ученому свѣту и служатъ для него камнемъ преткновенія, исключая малаго числа особъ, постигшихъ высокій зовъ ея: таковъ былъ Фенелонъ, признавшій ее, вмѣстѣ съ другими, своею духовною матерью. Вольтеръ по обыкновенію своему насмѣхается надъ обоими въ сочиненіи своемъ «Вѣкъ Людовика XIV» («Le siècle de Louis XIV»). Между тѣмъ г-жа Гіонъ не избѣгла участи всѣхъ посланниковъ духовнаго царства, о которомъ ежедневно именующіеся христіанами просятъ въ молитвѣ: «Отче нашъ»; но которому мало вѣрятъ, а еще менѣе объ немъ заботятся. Г-жа Гіонъ явилась сначала въ сношеніяхъ съ особами самаго высшаго круга, при дворѣ Людовика XIV, вкусившими ея бесѣду; но потомъ

преслѣдуемая, вмѣстѣ съ духовнымъ сыномъ своимъ Фенелономъ, знаменитымъ прелатомъ Боссюэтомъ, по 10-ти-лѣтнемъ заключеніи въ замкѣ С-тъ Венсеннь и въ Бастиліи, кончила жизнь въ изгнаніи. Кажется, этого только ожидали посланники бездны, ватага философская, дабы во время послѣдовавшаго послѣ смерти Людовика XIV регентства овладѣть дворомъ и высшими сословіями во Франціи. Извѣстно, какъ ватага эта предала избраннѣйшую часть рода человѣческаго тѣмъ адскимъ терзаніямъ, отъ которыхъ Европа колеблется нынѣ на краю развергнувшейся пропасти; состояніе, которому вся мудрость человѣческая, ни все могущество мірское не будутъ въ силахъ положить предѣла. Въ словѣ пророческомъ, которое я въ продолженіе такъ долгаго времени слышать удостоился, нерѣдко возвѣщались грозные суды на землю. Такъ, напримѣръ, одинъ разъ сказано было: **Я всѣхъ царей на колѣни поставлю и молиться ихъ заставлю.** Другой разъ сказано: **Что еще дѣлать, какъ же быть; Россію надо кровію обмыть.** Нерѣдко однако жъ вслѣдъ затѣмъ изливалась теплая вдохновенная молитва за государя, о сохраненіи и помилованіи его. Между многими предреченіями о будущемъ, осталось у меня въ памяти одно бывшее въ въ 1825 году, 14 августа, то-есть наканунѣ праздника Успенія Божіей Матери, которымъ весьма ясно возвѣщено было о кончинѣ покойнаго государя Александра Павловича, этими словами: **Царя въ сыру землю положу.** Весьма явственно также предсказано было возмущеніе въ Польшѣ, еще въ началѣ 1830 года. Впрочемъ предсказаніями о будущемъ г-жа Татаринова никогда заниматься не совѣтывала, предоставляя Богу исполненіе судебъ Его».

Головинъ не говоритъ, что самъ онъ пророчествовалъ; но въ этомъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія «записная книжка» Боровиковскаго. Въ ней, подъ 24 февраля 1824 г., читаемъ:

«Воскресенье. Увидѣлся со всѣми, въ свободѣ. Продолжалъ пѣть и то и се. Мартынъ Степановичъ [1]) сказалъ, что Петръ Филипповичъ [2]) пророкъ. Я обращался къ молитвѣ объ немъ; но съ нимъ ни слова, и чувствовалъ отъ него отдаленіе. Равнодушно увидѣлись съ Екатериной Филипповной, и я не смѣлъ подойти, и она какъ (бы) не хотѣла. Продолжали пѣть; и **открылось пророчество Евгенія Александровича** (Головина) и потомъ общее «Плачу и рыдаю». Сказали, что я могу пѣть. Такъ и принужденъ пѣть. Возлѣ Екатерины Филипповны ничего не вижу. Сначала кое-какъ, а потомъ робѣть, и больше, и кое-какъ допѣлъ; а никто не помогъ. Ека-

---

[1]) Статскій совѣтн. М. С. Урбановичъ-Пилецкій, секретарь Человѣколюбиваго общества, извѣстный обличитель знаменитаго скопца Кондратія Селиванова. Послѣ разгрома сообщества Татариновой, въ 1887 году онъ былъ сосланъ въ Спасо-Евфиміевъ монастырь — тотъ самый, гдѣ умеръ въ заточеніи обличенный имъ Селивановъ.

[2]) П. Ф. Буксгевденъ, родной братъ Татариновой, отставной инженеръ-капитанъ. Онъ былъ высланъ, подъ надзоръ полиціи, въ Бѣлозерскъ.

терина Филипповна сказала: «на последнее мѣсто садился бы». Такъ и сѣлъ, и робѣлъ, и еще пѣлъ: «Іисусе мой, прелюбезный сердцу, сладость» [1]). И потомъ началъ Петръ Филипповичъ (въ) первый разъ пророчествовать, всѣмъ и мнѣ, и «царско сердце обовью», и все любовь и милосердіе. И потомъ Екатерина Филипповна еще, и мнѣ премилосердное, прорекла; при прощаньи показала любовь: «крылыш(ки) скоро привью, буду летать». (Продолжалъ) на верху, и память въ моей робости; во мнѣ все напоминалось, и я въ тупости находился. И со всѣми простился» [2]).

Пророчествовали, кажется, всѣ, за исключеніемъ развѣ Боровиковскаго, на котораго постоянно находила робость, и никто не сомнѣвался въ томъ, что во истину пророчествуетъ, что его умъ и воля бездѣйствуютъ, когда уста глаголятъ. Будучи уже въ Кашинскомъ монастырѣ, послѣ шестилѣтняго заточенія въ немъ, Татаринова съ твердостію отвѣчала на увѣщанія преосвященнаго, что «оскорбитъ Духа Святаго, если плоды, какіе она видѣла отъ своихъ религіозныхъ занятій, признаетъ заблужденіемъ» [3]). Оставшійся же въ сторонѣ отъ административныхъ преслѣдованій Головинъ, занимая въ то время высокій постъ главнаго директора внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ, признавался фельдмаршалу-намѣстнику:

«Я не только не имѣю причины жалѣть о связи моей съ г-жею Татариновой, слишкомъ 13 лѣтъ продолжавшейся, ее можно называть чѣмъ угодно; но долженъ по совѣсти свидѣтельствовать, что г-жа Татаринова была для меня, какъ я повторялъ неоднократно, благодѣтельнѣйшимъ орудіемъ божескаго промысла. Убѣжденіе мое въ этомъ отношеніи таково, что я остался бы непоколебимъ даже тогда, когда бы сама она отреклась ото всего и стала бы утверждать, что держала меня въ заблужденіи. Я и тогда не пересталъ бы вѣрить, что она получала на мою долю вдохновеніе божественной благодати отъ Того, Кто сказалъ: излію Духа Моего на всякую плоть, и прорекутъ дщери ваши и проч. Если съ одной стороны знакомство мое съ г-жою Татариновой было для меня не безъ скорби тѣмъ, что заставляло жертвовать многими выгодами мірского моего быту, держало меня въ разлукѣ съ моимъ семействомъ [4]), паче же всего тѣмъ,

---

[1]) Н. В. Кукольникъ сохранялъ въ памяти слѣдующіе начальные стихи пѣсенъ участниковъ радѣній: 1) Благослови, нашъ государь! 2) Веселятся небеса! 3) Намъ грустнешенько съ міромъ лютымъ жить. 4) Обновляйся, обновляйся, новый градъ Іерусалимъ! 5) Упованіе, отецъ. —«Русск. Архивъ», 1874, ст. 602.

[2]) Къ Боровиковскому относились высокомѣрно, вѣроятно, за его слабость къ рому. Не разъ онъ чувствовалъ свое одиночество, но къ Татариновой, за ея «снисхожденіе» къ его «великой бѣдности» духовной, питалъ благоговѣйную преданность. «И мнѣ казалось,— пишетъ онъ,—что она-то знаетъ, потому что Богъ ею владѣетъ». «Девятнадцатый Вѣкъ», кн. I., стр. 219.

[3]) Приведенное у Липранди секретное отношеніе гр. Протасова къ Бенкендорфу, отъ 4 авг. 1848 г., № 5550.

[4]) Семейство Головина такъ сблизилось съ Татариновою, что не послѣдовало за нимъ въ Варшаву, а осталось въ Петербургѣ и проживало въ сосѣдней съ ея помѣщеніемъ дачѣ у Московской заставы.

что налагало на меня печать какого-то сектаторства и тѣмъ самымъ не могло не навлекать на меня неблагорасположенія государя [1]), съ другой стороны надѣляло меня силою нравственною, укрѣпивъ на войну съ чудовищемъ собственнаго самолюбія, пріучило не дорожить выше мѣры благами преходящими и съ спокойною совѣстію проходить мірское мое поприще. Жена моя и дѣти также ничего отъ связи этой не потеряли, и воспоминаніе послѣднихъ, смѣю надѣяться, не подлежитъ упрекамъ ни въ какомъ отношеніи, если не считать развѣ большимъ недостаткомъ того, что дочь моя до 15-ти-лѣтняго возроста не училась танцовать».

Татаринова и члены ея союза постоянно ссылались на XIV главу перваго посланія къ коринѳянамъ апостола Павла, на слова его: Держитеся любве, ревнуйте же духовнымъ: паче же да пророчествуете. Глаголяй бо языки не человѣкомъ глаголетъ, но Богу; никто же бо слышитъ, духомъ же глаголетъ тайны. Пророчествуяй же, человѣкомъ глаголетъ созиданіе и утѣшеніе и утвержденіе. Глаголяй бо языки себѣ зиждетъ: а пророчествуяй, церковь зиждетъ. Ихъ пламенныя молитвы въ глубокомъ сердечномъ сокрушеніи, строжайшіе посты и изнуреніе плоти, сверхъ того, радѣніями стремились къ одной цѣли—къ тому, чтобы низвести на себя Духа Святаго и пріобрѣсти даръ пророчества. Впрочемъ Кукольникъ свидѣтельствуетъ, что въ собраніяхъ Татариновой первоначально происходили только назидательныя бесѣды, пѣлись духовныя пѣсни, читались душеспасительныя книги и бывали случаи гласной исповѣди; но тѣ лица, кои оставили общество лжеискупителя (Селиванова) и присоединились къ Екатеринѣ Филипповнѣ, начали тосковать по радѣніи и убѣдительно стали упрашивать ее дозволить имъ иногда порадѣть. Долго она противилась ихъ желанію; но наконецъ, по неотступнымъ ихъ просьбамъ дала свое согласіе. Въ скоромъ времени радѣніе такъ утвердилось въ ея обществѣ, что многіе изъ новыхъ посѣтителей, кои никогда прежде его не видали, приняли въ немъ ревностное участіе, и оно не прекращалось уже до конца существованія общества. Это-то радѣніе и было для незнающихъ дѣла главнѣйшимъ предлогомъ къ насмѣшкамъ и осужденіямъ.

Головинъ много страдалъ нравственно отъ этихъ насмѣшекъ. Въ то время, когда онъ познакомился съ Татариновою, число лицъ, посѣщавшихъ ее, было уже весьма ограничено, «знакомство съ нею носило на себѣ печать какого-то позора... публика имъ гнушалась, а таинственность, подъ которою оно какъ бы укрывалось отъ глазъ правительства, не могла не дать мѣста подозрѣнію и заключеніямъ страннымъ и невыгоднымъ». «Все это,—продолжаетъ Головинъ,—въ тѣхъ отношеніяхъ по службѣ, въ которыхъ я нахо-

[1]) Николая Павловича, на что, какъ увидимъ, была еще особая причина.

дился, налагало на меня бремя, столь ужасное, что безъ сильнаго непостижимаго влеченія я никакъ бы его не поднялъ. Участвуя въ бесѣдахъ (пророчествуя?) у г-жи Тат., я всегда находился въ страхѣ, какъ бы дѣлалъ что непозволенное; меня тревожила самая уборка нѣкоторыхъ комнатъ, имѣвшихъ видъ моленныхъ по примѣру сектъ раскольничьихъ. Но я подчинялся всему и сносилъ все, находя во глубинѣ сердца моего убѣжденіе, что, не взирая на странность наружныхъ формъ, тутъ скрывается тайна Божія, съ своими столько благими для меня плодами».

III.

Болѣзнь Головина длилась ровно годъ. 1-го октября 1824 года онъ вновь явился на службу и вступилъ въ командованіе своимъ полкомъ.

«Вскорѣ послѣ того,—продолжаетъ онъ,—послѣдовало новое назначеніе гвардейскаго начальства: оба великіе князья получили дивизіи, а командиромъ л.-г. Егерскаго полка назначенъ полковникъ Гартонгъ. При этой перемѣнѣ я предназначался къ полученію армейской пѣхотной дивизіи.

«Не желая оставить Петербурга, по совѣту г-жи Тат., безъ котораго ничего не предпринималъ и въ которомъ до конца я не переставалъ слышать отголосокъ воли Божіей, я попросилъ аудіенціи у покойнаго государя Александра Павловича. Бывъ къ нему допущенъ, я имѣлъ счастіе объяснить ему, со всею откровенностію, все относившееся собственно къ связи моей съ г-жею Тат. Его Величество, благосклонно выслушавъ меня, благоволилъ словами своими оживить бодрость мою, упадавшую отъ поношенія, котораго я сдѣлался предметомъ за связь эту, и когда я ради самой этой связи осмѣлился просить, какъ милости, оставленія меня на службѣ въ Петербургѣ, то тутъ же рѣшено было дать мнѣ 4-ю гвардейскую бригаду [1]).

«Не взирая, однако же, на столь милостивое снисхожденіе къ моей просьбѣ, я не переставалъ терпѣть уничиженіе отъ высшихъ и равныхъ мнѣ. Враги мои пользовались случаемъ, дабы очернить меня; даже самые доброжелатели мои отъ меня отступились, полагая, что я принадлежу къ сектѣ смѣшной и презрѣнія достойной. Въ одномъ изъ посѣщеній, котораго удостоилъ меня во время моей болѣзни великій князь Николай Павловичъ, на вопросъ его: знакомъ ли я съ Татариновой?—я не имѣлъ довольно духа, чтобы сознаться въ этомъ, и отвѣчалъ отрицательно. Хотя же вслѣдъ за тѣмъ, укоряемый совѣстью, я и написалъ письмо, въ которомъ

[1]) Состояла изъ полковъ: гвардейскаго Егерскаго (которымъ передъ тѣмъ командовалъ Головинъ) и Финляндскаго.

сознавался въ связи моей, но первое запирательство мое должно уже было оставить неблагопріятное противъ меня впечатлѣніе. Собственноручное письмо по этому случаю нынѣ царствующаго государя, въ отвѣтъ на мое, понынѣ у меня хранится. Къ этому присоединились еще другія неблагопріятныя мнѣ обстоятельства, независимо отъ знакомства моего съ г-жею Татариновой, а именно: продажа пороха и потомъ убійство капитана Батурина [1]). Все это вмѣстѣ дѣлало положеніе мое крайне тягостнымъ. Великій князь не скрывалъ холодности своей ко мнѣ и нерѣдко даже прямо давалъ мнѣ чувствовать свое неблагорасположеніе [2]); общее мнѣніе [3]) тяготѣло на мнѣ со всѣми своими нелѣпыми толками. Тогда покрывала меня токмо рука покойнаго государя.

«Въ такомъ положеніи не легки были для меня узы, привязывавшія меня къ Петербургу; но я все это переносилъ безропотно, считая, что рука Божія черезъ уничиженіе смиряетъ гордость мою, и въ слушаніи пророческаго слова находилъ себѣ отраду и утѣшеніе. Это продолжалось до самой кончины государя Александра Павловича.

«При восшествіи на престолъ нынѣ царствующаго государя (Николая Павловича), сопровождавшемся извѣстными событіями 14-го декабря, я имѣлъ случай явить на самомъ дѣлѣ истинныя мои чувства [4]) и, по засвидѣтельствованію генерала Бенкендорфа, пріобрѣлъ паки милость государеву, ознаменовавшуюся наименованіемъ меня, вмѣстѣ съ другими моими товарищами, генералъ-адъютантомъ.

«Съ этой эпохи служба моя въ гвардіи сдѣлалась опять мнѣ благопріятною, и не смотря на продолжавшуюся связь мою съ г-жею Татариновой, связь, которая государю была извѣстна, и о которой я не разъ даже имѣлъ счастіе говорить съ нимъ, государь былъ ко мнѣ милостивъ, равно какъ и великій князь Михаилъ Павловичъ, что и заграждало уста враждѣ и клеветѣ».

Въ это время прошло уже почти два года съ тѣхъ поръ, какъ Татаринова съѣхала съ своей прежней квартиры въ Михайловскомъ

---

[1]) Головинъ не объясняетъ этихъ обстоятельствъ потому, что они были хорошо извѣстны фельдмаршалу, такъ какъ, до перемѣнъ въ личномъ составѣ гвардейскаго начальства, фельдмаршалъ командовалъ 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею.

[2]) Принявъ дивизію отъ Паскевича, слѣдовательно, будучи прямымъ начальникомъ Головина по строевой службѣ.

[3]) Въ то время выраженіе: общественное мнѣніе, не употреблялось не только въ литературѣ, но и въ частныхъ письмахъ (смотри, напримѣръ, письмо Булгарина къ Грибоѣдову въ нашей статьѣ, помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1894 года).

[4]) Оба полка бригады Головина были своевременно приведены къ присягѣ имъ самимъ. Однако поручикъ Финляндскаго полка баронъ Розенъ остановилъ на Исаакіевскомъ мосту свой, шедшій изъ караула въ Галерной гавани (а потому не принимавшій новой присяги) стрѣлковый взводъ, и едва не склонилъ его къ участію въ бунтѣ; не было бы и этой попытки, если бы полковой командиръ, генералъ Воропановъ, вопреки приказанію Головина, не выступилъ изъ казармъ, не дождавшись возвращенія смѣненнаго караула. Объясненіе Юрія Толстого въ «Очеркѣ жизни и службы Е. А. Головина». «Девятнадцатый Вѣкъ», книга первая, 1872 годъ, страница 10.

замкѣ, отданномъ подъ помѣщеніе инженернаго училища. У Головина читаемъ:

«Съ 1824 года г-жа Татаринова жила за Московскою заставою, въ домѣ, нѣкогда принадлежавшемъ содержателю пансіона Коленсу. Домъ этотъ купленъ былъ съ огромнымъ и весьма выгоднымъ мѣстомъ своимъ на имя ш(табъ) л(ѣкаря) Коссовича за 34 тысячи, съ отстройкою же стоилъ 50 тысячъ рублей, въ которое число большею частью поступила сумма за проданное женино имѣніе въ Рязанской губерніи. Пожертвованіе это, впрочемъ, съ нашей стороны не было такъ велико, ибо мы получали по 8% изъ пенсіона, который г-жа Татаринова, послѣ выхода изъ Михайловскаго замка, получала отъ щедротъ покойнаго государя Александра Павловича, на наемъ дома и на содержаніе себя [1]). Съ того же времени въ домѣ или на дачахъ за Московскою заставою происходили у Татариновой и молитвенныя сборища, очень немноголюдныя, такъ какъ, по свидѣтельству Головина, «число вкусившихъ бесѣды ея было тогда весьма ограничено и даже до послѣдняго времени (до 1837 года) не простиралось болѣе пятнадцати человѣкъ, считая тутъ и дѣтей». Обо всемъ этомъ хорошо зналъ императоръ Николай Павловичъ отъ того же Головина, съ которымъ «не разъ» бесѣдовалъ о продолжавшейся послѣ 14-го декабря «связи» своего генералъ-адъютанта съ Татариновою. Странно поэтому читать у Липранди, что «въ 1837 году», то-есть 12 лѣтъ позже, «находившійся въ услуженіи у тайнаго совѣтника Попова, крѣпостной человѣкъ, Петръ Александровъ, обнаружилъ, что близъ Московской заставы на дачахъ, принадлежащихъ титулярному совѣтнику Ѳедорову и медику Коссовичу, учреждена статскою совѣтницею Татариновою религіозная секта, къ которой принадлежатъ нѣкоторыя, поименованныя имъ лица». Крѣпостному человѣку Петру Александрову [2]) нечего было обнаруживать; но тогдашнія власти (III Отдѣленіе и синодальный оберъ-прокуроръ) нашли, повидимому, удобнѣе прекратить существо-

---

[1]) Едва ли слѣдуетъ объяснять пожалованную Татариновой пенсію (которой она была лишена въ 1837 году) особымъ расположеніемъ императора Александра Павловича къ ея личности или къ ея религіозной практикѣ, а не вниманіемъ государя къ заслугамъ ея матери и мужа. Мать Екатерины Филипповны, Екатерина Ѳедоровна, урожденная баронесса Мальтицъ, была опредѣлена императоромъ Павломъ Петровичемъ главною дамою къ великой княжнѣ Александрѣ Александровнѣ, скончавшейся отъ труднаго прорѣзыванія зубовъ. По кончинѣ великой княжны императоръ Александръ Павловичъ оставилъ за г-жею фонъ-Буксгевденъ занимаемое ею въ Михайловскомъ замкѣ помѣщеніе, съ полнымъ содержаніемъ и пенсіей. Екатерина Филипповна занимала то же помѣщеніе, проживая сначала у матери. Мужъ Екатерины Филипповны, умершій статскимъ совѣтникомъ въ должности директора гимназіи въ Рязани, служилъ прежде въ гренадерахъ, получилъ въ Бородинскомъ сраженіи сильную контузію въ голову и сотрясеніе мозга, отъ чего страдалъ въ теченіе всей своей послѣдующей жизни. По духовному завѣщанію онъ оставилъ Екатеринѣ Филипповнѣ маленькій домишко въ Рязани. Кромѣ пенсіи, у Татариновой не было другихъ средствъ къ жизни.

[2]) Покушался на доносы и камердинеръ Головина, тоже крѣпостной человѣкъ Иванъ Васильевъ, съ которымъ успѣли сойтись подосланные агенты. Тогда всѣ члены союза Татариновой («сектаторы») положили между собою стараться отдалить отъ себя «крѣпостную прислугу». Липранди, l. c., стр. 22—28.

ваніе внѣцерковнаго братства Татариновой по поводу какихъ-то новыхъ данныхъ.

По окончаніи турецкой войны, въ концѣ 1829 года, послѣдовалъ высочайшій приказъ о назначеніи Головина оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ. Его біографъ говоритъ кратко, что Татаринова запретила ему ѣхать въ Оренбургъ и принудила его требовать отставки, какъ это де несомнѣнно оказывается изъ оставшихся послѣ Головина бумагъ. Но послушаемъ его самого.

«Назначеніе это, не взирая на важность поста, въ самую первую минуту показалось мнѣ какъ бы ссылкою, или по крайней мѣрѣ средствомъ, дабы удалить меня изъ Петербурга, а тѣмъ самымъ разлучить съ г-жею Татариновой. Какъ ни тягостна была мысль для меня, но, получивъ первое извѣстіе о новомъ моемъ назначеніи, я не располагалъ отъ него отказываться. Продолжая однако путь мой (изъ Варны) въ Петербургъ, я положилъ твердо поступить такъ, какъ мнѣ указано будетъ волею Божіею, которая по вѣрѣ моей являлась мнѣ, какъ я уже сказалъ, или въ словѣ пророческомъ, или во внутреннемъ гласѣ, открывавшемся для меня у г-жи Татариновой. Этому велѣнію рѣшался я слѣдовать вопреки всѣхъ убѣжденій собственнаго разума, и хотя бы послѣдствія долженствовали ниспровергнуть все зданіе мірскаго моего быта.

«Въ такомъ расположеніи тотчасъ по прибытіи моемъ въ Петербургъ я обратился къ вождю, которому ввѣрилъ весь мой жребій, и получилъ въ отвѣтъ, что я отъ принятія мѣста въ Оренбургѣ долженъ отказаться [1]). Какъ ни горько было для меня рѣшеніе это, но я ему повиновался. Не могу изъяснить, что происходило во мнѣ, когда на аудіенціи у государя, несказанно милостиво принять меня благоволившаго, я долженъ былъ самъ добровольно разрушить всѣ мои надежды по службѣ и тутъ же лично подвергнуться его гнѣву. На все это однако же пошелъ я, не щадя себя, въ полномъ увѣреніи, что исполняю волю Божію, требующую отъ меня безусловной покорности.

«Послѣдствія этой аудіенціи, не взирая на гнѣвъ государя, не были однако же для меня такъ тяжки, какъ я ожидать могъ: мнѣ объявлено было чрезъ графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, что государь императоръ на увольненіе меня отъ мѣста оренбургскаго военнаго губернатора благоизволилъ согласиться, и что, сверхъ того, позволяетъ мнѣ на цѣлый годъ быть свободнымъ отъ службы, съ полученіемъ полнаго содержанія, по генералъ-адъютантскому окладу. Такимъ образомъ мнѣ, повидимому, ничего же-

---

[1]) Татаринова довольно наивно вопрошаетъ духа въ такихъ случаяхъ. Въ оффиціальномъ протоколѣ 8-го мая 1837 года (смотри ниже) читаемъ: «По ея собственнымъ словамъ..., передъ началомъ какого либо намѣренія, посредствомъ письма на имя Христа Спасителя, вопрошаетъ его: должно ли исполнить предначертанное, или отказаться отъ своего намѣренія? Письмо это она кладетъ вечеромъ къ подножію образа Спасителя, а утромъ всегда уже въ невольныхъ пѣсняхъ возглашаетъ полученный ею отвѣтъ».

лать болѣе не оставалось; но на принятіе этихъ выгодъ я пожелалъ опять испросить воли Божіей, и мнѣ было сказано, чтобъ я непремѣнно просился въ отставку. Тутъ-то, не помышляя о послѣдствіяхъ, или, лучше сказать, предугадывая ихъ, я счелъ себя обреченнымъ на это новое и великое пожертвованіе собственною моею волею и всѣми наружными выгодами волѣ Царя Небеснаго, и написалъ письмо къ графу А. Х. Бенкендорфу, которое показано было государю, и по которому я получилъ отставку съ полнымъ по штату пенсіономъ, но вмѣстѣ съ запрещеніемъ жить въ обѣихъ столицахъ. Рѣшенію этому я подвергнулся безропотно и избралъ для пребыванія съ семействомъ моимъ городъ Нарву, какъ пунктъ, ближайшій къ Петербургу. Здѣсь я долженъ сказать въ засвидѣтельствованіе истинѣ, что противу столь открытаго съ моей стороны, повидимому, упрямства поступлено было со мною со всевозможнымъ снисхожденіемъ».

Въ Нарвѣ Головинъ прожилъ десять мѣсяцевъ почти въ полномъ уединеніи [1]), занимаясь самъ обученіемъ своихъ дѣтей. Онъ имѣлъ, конечно, основаніе думать, что служебное поприще уже закрыто для него навсегда, и вполнѣ съ этимъ мирился, скорбя лишь о томъ, что «лишенъ былъ единственнаго остававшагося ему утѣшенія—пророческаго слова»; но та же Татаринова вывела его снова на путь государственной дѣятельности.

«Между тѣмъ,—пишетъ онъ,—вспыхнулъ бунтъ въ Польшѣ, и открылась кампанія 1831 года. Большая часть гвардіи проходила чрезъ Нарву, и тутъ имѣлъ я случай удостовѣриться, что прежніе мои товарищи по службѣ меня еще не забыли. Во мнѣ родилось желаніе воспользоваться этимъ положеніемъ дѣлъ и проситься опять въ службу. Желаніе это почти предупреждено было письмомъ отъ г-жи Татариновой, которымъ она совѣтовала мнѣ, также по внушенію внутреннему, проситься въ службу и писать прямо государю [2]). Я не замедлилъ исполнить это, написавъ просительное письмо чрезъ его высочество великаго князя Михаила Павловича, въ надеждѣ на милостивое его за меня ходатайство [3]).

«Высочайшее соизволеніе на принятіе меня въ службу послѣдовало немедленно; я назначенъ былъ начальникомъ формировавшейся вновь, изъ резервныхъ баталіоновъ бывшаго литовскаго корпуса, 26-й пѣхотной дивизіи (но безъ возстановленія въ званіи генералъ-адъютанта, которое Головинымъ было утрачено навсегда) и долженъ

---

[1]) За все это время его посѣтили только Коссовичъ и Буксгевденъ, каждый по одному разу; сношенія его съ Татариновою поддерживались исключительно перепиской по почтѣ и были довольно рѣдки.

[2]) Объ этомъ обстоятельствѣ вовсе не упоминаетъ біографъ Головина, Юрій Толстой.

[3]) По отзыву императора Николая Павловича, въ одномъ изъ писемъ къ фельдмаршалу Паскевичу, Головинъ былъ «мастеръ писать». Образцомъ этого мастерства служитъ и приводимый нами документъ.

былъ отправиться къ дѣйствовавшей противъ польскихъ мятежниковъ арміи, чего и желалъ.

«Прибывъ изъ Нарвы въ С.-Петербургъ, при представленіи государю, я долженъ былъ публично, въ экзерциргаузѣ, понести гнѣвный пріемъ; но эта немилость, мнѣ изъявленная, смягчена была представленіемъ, котораго я удостоенъ былъ нѣсколько дней спустя у государыни императрицы и котораго сладостное впечатлѣніе останется навсегда у меня въ памяти».

Послѣ разгрома убѣжища у Московской заставы и разсѣянія его обитателей, главному директору, предсѣдательствующему въ правительственной комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, не подобало сноситься съ опальными членами союза Татариновой. По всей вѣроятности, такая монаршая воля была сообщена Головину фельдмаршаломъ-намѣстникомъ, въ чемъ едва ли оставляютъ сомнѣніе слѣдующія заключительныя слова его искренняго признанія:

«Что касается до настоящаго положенія вещей, то я покоряюсь ему безропотно, признавая власть высшую также за орудіе Божескаго Промысла, и со всею искренностію прерываю сношеніе мое съ особами, подпавшими тѣмъ мѣрамъ, кои правительствомъ признаны за необходимыя. Сердца царей въ руцѣ Божіей; и если дѣло это отъ Бога, то оно не разорится».

Отъ Головина едва ли ожидали нравственнаго воздѣйствія на опальныхъ для обращенія ихъ на «путь истины»; тѣмъ не менѣе, вслѣдъ за приведенными словами и наводящей на размышленіе послѣдней фразы, онъ дѣлаетъ такую недвусмысленную оговорку:

«Наконецъ въ образѣ жизни моей послѣдуя правиламъ, можетъ быть, нѣсколько различествующимъ отъ общепринятыхъ обычаевъ, я не считаю себя лучше другихъ, зная изъ опыта, какъ тяжко бороться съ природными немощами нашими, и не мѣшаюсь въ чужія дѣла болѣе того, сколько этого требуютъ мои обязанности, предоставляя каждому видѣть и дѣйствовать по-своему».

По свидѣтельству Липранди, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій преслѣдовалъ тѣ ереси и секты, которыя основаны на пророчествѣ; другихъ же раскольниковъ онъ не трогалъ. Пророковъ не любили и опасались, вѣроятно, по тѣмъ же соображеніямъ, что изложены Липранди въ запискѣ подъ заглавіемъ: «объ элементахъ, подготовляющихъ политическіе перевороты въ государствахъ», и въ слѣдующихъ словахъ:

«Доколѣ это зловредное для государства ученіе (хлыстовщина во всѣхъ ея видахъ) ограничивалось простонародіемъ, оно было только противно православной церкви, нравственности отъ безбрачной жизни, не воспрещающей беззаконному совокупленію, истребляя происходящій отъ онаго плодъ [1]); оно не могло еще внушать тѣхъ опасе-

---

[1]) Въ чемъ неповинны ни Головинъ, ни другіе члены союза Татариновой, вопреки увѣреніямъ Фотія и ходившимъ въ обществѣ нелѣпымъ толкамъ.

ній, пока не перешло въ область высшихъ круговъ, слѣдовательно, людей болѣе образованныхъ, которые, усвоивъ современныя утопіи, могутъ взволновать невѣжественную толпу, наэлектризованную изувѣрствомъ. Пророкъ, одаренный умомъ, пропитанный нынѣшнимъ духомъ времени, легко можетъ произвести безпорядокъ, въ особенности нынѣ» и т. д.

Липранди самъ не видѣлъ и въ свое время ничего не слыхалъ о такихъ пророкахъ у насъ. Его опасенія не оправдались. Тѣ утописты наши, которые ходили въ народъ и успѣвали иногда волновать «невѣжественную толпу», не вѣрили въ Духа Святаго и издѣвались надъ всякими пророчествами, а современные намъ пророки изъ «людей образованныхъ» проповѣдуютъ «непротивленіе злу», духовное скопчество и вегетаріанство [1]).

Тѣмъ не менѣе, административное неудобство пророковъ ясно обнаружилось еще въ царствованіе императора Николая Павловича: «пророческое слово» Татариновой дважды противодѣйствовало распоряженіямъ и видамъ высшаго правительства; оно внушило генералъ-адъютанту Головину такое «упрямство», которое не могли сломить ни царская ласка, ни царскій гнѣвъ.

А. Мальшинскій.

---

[1]) Изъ протокола, составленнаго ночью 8 мая 1887 года оберъ-полицеймейстеромъ Кокошкинымъ, начальникомъ штаба корпуса жандармовъ Дубельтомъ и синодальнымъ оберъ-прокуроромъ флигель-адъютантомъ графомъ Протасовымъ, на дачахъ Коссовича у Московской заставы, видно, что и проживавшіе тамъ члены союза Татариновой никогда не употребляли мясной пищи.

ИЗЪ ЭПОХИ ПРИСОЕДИНЕНІЯ ПРІАМУРСКАГО КРАЯ [1].

II.

ВОЗВРАТИВШИСЬ въ Хабаровку, я засталъ на берегу лодку съ китайскою военною командою, въ которой оказался бывшій губернаторъ Айгуна Жераминго (насколько припоминаю его фамилію). Черезъ переводчика я узналъ, что послѣ Айгунскаго договора князя И-шана лишили сначала нѣкоторыхъ чиновъ и правъ; но впослѣдствіи, какъ дальній родственникъ богдыхана, онъ былъ помилованъ; губернаторъ же Айгуна Жераминго, обвиненный своимъ замѣстителемъ, былъ отданъ подъ судъ и закованъ въ колодку. Бывшій губернаторъ, подкупивъ стражу и судебныя власти, подъ конвоемъ и закованный отправился въ Хабаровку и здѣсь сталъ ждать прибытія Муравьева, разсчитывая, что послѣдній сжалится надъ нимъ, возвратитъ Амуръ Китаю и тѣмъ спасетъ его. Жалкое зрѣлище представлялъ этотъ 70-тилѣтній дряхлый старикъ съ тяжелой въ квадратный аршинъ колодкой на шеѣ, котораго я раньше видѣлъ окруженнымъ почетомъ и роскошью. Въ одно изъ моихъ посѣщеній, когда въ лодкѣ не было часоваго, я предложилъ Жераминго бѣжать къ намъ, обѣщая, что графъ окажетъ ему полное содѣйствіе и не оставитъ его на произволъ судьбы. Несчастный старикъ не принялъ моего предложенія и со слезами объяснилъ, что въ Пекинѣ находятся въ качествѣ заложниковъ его сынъ и дочь, которыхъ казнили бы, если бы онъ бѣжалъ; при этомъ онъ просилъ меня передать письмо Муравьеву, самъ же онъ не могъ долѣе ждать пріѣзда графа, такъ

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXV, стр. 418.

какъ средства для уплаты стражникамъ и властямъ, разрѣшившимъ ему незаконную отлучку, истощились. Я взялъ письмо и съ понятною жалостью простился съ плачущимъ старикомъ, обѣщая разсказать графу о его горькомъ положеніи. Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, что письмо бывшаго губернатора содержало въ себѣ разныя китайскія ругательства и проклятія по адресу Н. Н. Муравьева, будто бы, погубившаго его; графъ, не смотря на это, оказалъ ему денежную помощь. Впослѣдствіи, какъ мнѣ приходилось слышать, старикъ не былъ казненъ, но остался разжалованнымъ и лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія.

Возвращаясь съ верховьевъ Уссури, я надѣялся застать въ Хабаровкѣ баржи съ хлѣбомъ для уссурійскихъ переселенцевъ; но, увы, онѣ еще не прибыли, а между тѣмъ осень приближалась. Мѣстный линейный баталіонъ дѣлился съ переселенцами наличными скудными запасами, хотя и самъ тревожился въ ожиданіи своего хлѣбнаго транспорта. Подобные случаи были весьма часты въ первые годы лихорадочной колонизаторской дѣятельности Н. Н. Муравьева по рѣкамъ Амуру и Уссури. Средства, которыми онъ располагалъ, были крайне скудны, пароходовъ въ то время не было, хлѣбъ и другіе продовольственные припасы сплавлялись на неуклюжихъ, имѣющихъ подобіе ящиковъ баржахъ, построенныхъ спѣшно, неумѣлыми руками солдатъ линейныхъ баталіоновъ; фарватеръ рѣкъ былъ почти совсѣмъ не изслѣдованъ, такъ что во время движенія баржи руководились указаніями плывущей впереди лодочки. Всѣ эти обстоятельства пагубно вліяли на правильность движенія продовольственныхъ транспортовъ, ставя имъ на пути всевозможныя препятствія. Неуклюжія баржи, мало послушныя рулю, быстрымъ теченіемъ рѣки нерѣдко сносились на мель или разбивались о скалы; приходилось не мало времени тратить на разгрузку, чтобы снять судно съ мели; много хлѣба или совсѣмъ пропадало, или портилось отъ подмочки. Только привычка переселенцевъ къ занятіямъ охотой и звѣроловствомъ и изобиліе рыбы въ рѣкахъ Амурѣ и Уссури давали имъ возможность извернуться въ трудные годы.

Муравьевъ, конечно, отлично понималъ, что такая поспѣшность можетъ повлечь за собою грустныя послѣдствія для переселенцевъ. Когда я однажды позволилъ высказаться Муравьеву въ этомъ смыслѣ, упомянувъ, что веденіе «на авось» столь важнаго дѣла, какъ переселенческое, можетъ привести къ непоправимымъ ошибкамъ, графъ, судорожно схвативъ меня за руку, сказалъ: «знайте, что наше дѣло — занять край возможно скорѣе, мы не должны терять ни минуты времени; если мы не выполнимъ нашей задачи сегодня, то завтра намъ могутъ совсѣмъ не позволить; наши ошибки послѣ исправятъ». Графъ былъ изъ числа дѣятелей, такъ сказать, лихорадочныхъ; увлекшись идеей, онъ стремился немедленно осуществить свой планъ, не щадя силъ ни своихъ, ни окружающихъ лицъ,

отъ которыхъ требовалъ быстроты и точности, вознаграждая и цѣня исполнителя нерѣдко выше его заслугъ. И дѣйствительно, Муравьеву необходимо было торопиться: амурское дѣло было взято имъ, такъ сказать, съ боя, неожиданно для всѣхъ, на каждомъ шагу онъ встрѣчалъ нерѣшительность, препятствія и интриги, борьба съ которыми утомляла его болѣе, чѣмъ личная трудовая жизнь. Ожиданія и расчеты Н. Н. Муравьева, что впослѣдствіи переселенческое дѣло на Амурѣ и Уссури упорядочится, не сбылись: съ уходомъ его не стало живой лихорадочной дѣятельности, дѣла пошли обыкновеннымъ черепашьимъ шагомъ, на переселенческій вопросъ обращалось мало вниманія; много зажиточныхъ крестьянъ впослѣдствіи устремлялось въ южную часть Уссурійскаго края, достигало по теченію рѣки до Хабаровки, но тамъ они въ тщетномъ ожиданіи помощи и указаній проѣдали свои запасы и нерѣдко возвращались на родину нищими. Въ интересахъ переселенческаго дѣла мой братъ, бывшій начальникомъ штаба генералъ-губернатора, въ первые годы послѣ ухода Муравьева, составилъ проектъ по вопросу о пароходствѣ по Уссури. По проекту требовалось 100,000 рублей, но и этихъ скудныхъ денегъ пожалѣли; только много времени спустя положеніе дѣлъ на восточной окраинѣ заставило правительство обратить серьезное вниманіе на Уссурійскій край.

Не смотря на многочисленныя заботы по устройству вновь присоединенной территоріи и на свою лихорадочную дѣятельность, Муравьевъ стремился осуществить широкія задачи, весьма важныя для будущаго развитія Амурскаго и Уссурійскаго края. Въ 1858 году онъ старался привлечь къ торговой дѣятельности на Амурѣ богатое сибирское купечество, которое, по его настояніямъ и просьбѣ, основало «Амурскую компанію» съ трехмилліоннымъ оборотнымъ капиталомъ. Къ сожалѣнію, руководительство въ этомъ дѣлѣ попало въ руки лицъ неумѣлыхъ, которыя повели предпріятіе на лавочный, такъ сказать, аршинный ладъ, не задаваясь цѣлями болѣе широкой предпріимчивой дѣятельности. Въ компанейскихъ лавкахъ, открытыхъ на Амурѣ, приказчики получали только по 10 рублей въ мѣсяцъ, но при этомъ имъ разрѣшено было имѣть отдѣльныя отъ компаніи торговыя помѣщенія съ продажею въ свою пользу. Вслѣдствіе этого, всѣ продукты переходили изъ компанейскаго магазина въ лавку приказчика, гдѣ и продавались по недоступнымъ цѣнамъ. Эксплоатируя разными способами казаковъ, приказчики завели тайную торговлю виномъ, крайне неблагопріятно отразившуюся на благосостояніи переселенцевъ. По поводу этого мнѣ пришлось донести начальнику края касательно приведенныхъ мною въ 1859 году въ Хабаровку уссурійскихъ переселенцевъ: имъ были выданы мною на руки значительныя суммы, назначенныя имъ въ пособіе правительствомъ, но черезъ двѣ недѣли всѣ деньги перешли въ карманы приказчиковъ-торговцевъ. Неумѣлое веденіе дѣла и халатное къ нему

отношеніе со стороны завѣдующихъ влекли за собою постоянныя неудачи, которыя преслѣдовали и погубили компанію при самомъ ея рожденіи. Въ первый же годъ существованія Амурской компаніи было отправлено изъ Гамбурга 4 корабля съ товаромъ для Амура, но ни одинъ изъ нихъ не прибылъ по назначенію; въ бытность мою зимою 1859 года въ Николаевскѣ тамъ продавался съ аукціоннаго торга подмоченный товаръ Амурской компаніи съ судна, разбитаго въ гавани де-Кастри.

Возвращаюсь къ своей служебной дѣятельности. Поѣздка къ верховьямъ Уссури заняла почти мѣсяцъ, такъ что я только 27-го сентября выѣхалъ изъ Хабаровки и, воспользовавшись идущимъ изъ Николаевска американскимъ пароходомъ «Казакевичъ», 8-го октября прибылъ благополучно въ Благовѣщенскъ. Здѣсь ожидали возвращенія графа Амурскаго изъ поѣздки его въ Японію. Зима быстро надвигалась, поэтому всѣ опасались, что наступившіе морозы задержатъ пароходъ «Лена», на которомъ плылъ Муравьевъ. Такъ и произошло: 15-го было получено извѣстіе, что пароходъ затерло льдами въ 200 верстахъ отъ Благовѣщенска. Вслѣдствіе этого графъ поѣхалъ отъ мѣста остановки парохода верхомъ, такъ какъ иного способа передвиженія не было, и съ большимъ трудомъ и лишеніями только 25-го октября прибылъ въ Благовѣщенскъ.

Въ Благовѣщенскѣ рѣшено было выжидать, пока не установится санный путь по рѣкѣ. Я въ особенности съ нетерпѣніемъ ожидалъ отъѣзда, такъ какъ надѣялся получить зимою четырехмѣсячный отпускъ, обѣщанный мнѣ графомъ, а вмѣстѣ съ отпускомъ и командировку въ С.-Петербургъ въ качествѣ курьера съ разными донесеніями и болѣе важною перепискою. Въ радужной надеждѣ на скорый выѣздъ прихожу я 10-го ноября на обычный обѣдъ къ Николаю Николаевичу и застаю всѣхъ въ сборѣ; графъ въ это время съ свойственнымъ ему оживленіемъ разсказывалъ о своей поѣздкѣ въ Японію и о посѣщенномъ имъ на обратномъ пути природномъ портѣ на югѣ Уссурійскаго края, очень картинно передавая свои впечатлѣнія. «Вѣроятно, очень красивая мѣстность»,— замѣтилъ я, обращаясь къ присутствующимъ, когда Муравьевъ вышелъ въ другую комнату. «Ну, этой красотою вы вдоволь полюбуетесь»,— отвѣтилъ мнѣ секретарь Муравьева г. Спѣшневъ. Я такъ сжился съ мыслью о предстоящей поѣздкѣ въ Петербургъ, что какъ-то невольно воскликнулъ: «съ меня будетъ довольно,— и такъ ужъ загоняли, пора отдохнуть!» Инстинктивно обернувшись и замѣтивъ въ дверяхъ Муравьева, который не могъ не слышать моихъ послѣднихъ словъ, я сконфузился и замолчалъ. Николай Николаевичъ, позвавъ меня въ другую комнату, сказалъ: «Каково ваше мнѣніе относительно поѣздки на востокъ; мнѣ, право, совѣстно, что я васъ загонялъ, какъ вы справедливо замѣтили сейчасъ, командировками; но въ настоящее время мнѣ крайне необходимо

имѣть тамъ надежнаго человѣка». На мои слова, что я пріѣхалъ сюда служить, а потому всегда готовъ, по мѣрѣ силъ, исполнять его приказанія и отдаю себя въ полное его распоряженіе, графъ съ обычною деликатностью продолжалъ: «Нѣтъ, я вовсе не желаю приказывать, а прошу васъ принять важное порученіе; мною получены свѣдѣнія о политическихъ событіяхъ въ Китаѣ, а именно, о столкновеніи его съ Англіей и Франціей. Необходимо, какъ можно скорѣе, занять южныя гавани въ Уссурійскомъ краѣ, вблизи нашей границы съ Кореей, а нашей военной эскадрѣ крейсировать въ Японскомъ и Китайскомъ моряхъ на всякій случай. Съ занятіемъ гаваней Владивостока и Новгородской, нужно будетъ устроить въ нихъ казармы для военныхъ постовъ, для чего потребуется присутствіе и помощь моего чиновника, а тѣмъ болѣе инженера». Тронутый деликатностью Муравьева, его дружескимъ, неоффиціальнымъ отношеніемъ ко мнѣ, я только спросилъ, могу ли я разсчитывать послѣ этой командировки на отпускъ въ С.-Петербургъ, причемъ я повторилъ, что моя просьба не должна приниматься въ расчетъ въ служебныхъ распоряженіяхъ графа. Послѣдній, обнявъ меня, сказалъ, что сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы начальникъ крейсерской эскадры контръ-адмиралъ Казакевичъ, по исполненіи мною порученія, выслалъ меня морскимъ путемъ въ С.-Петербургъ, съ донесеніемъ къ великому князю Константину Николаевичу. Такимъ образомъ, вмѣсто запада, мнѣ пришлось двинуться на востокъ, гдѣ предстоялъ тяжелый путь сначала до Хабаровки, а оттуда черезъ Маріинскъ въ Николаевскъ, къ устью Амура.

17-го ноября, получивъ инструкціи на имя контръ-адмирала Казакевича, военнаго губернатора Приморской области, а также личныя указанія графа Муравьева-Амурскаго, я выѣхалъ изъ Благовѣщенска, напутствуемый сердечными пожеланіями Николая Николаевича. Первую часть до Хабаровки, около 900 верстъ, я совершилъ на лошадяхъ въ 9 сутокъ, безпрерывно двигаясь день и ночь. Переѣздъ былъ очень труденъ; дорогъ не было; я придерживался береговъ Амура, встрѣчая на пути станицы. Разъ ночью я едва не утонулъ; непрочный еще ледъ, не выдержавъ тяжести нашихъ саней и лошадей, провалился, и только присутствіе духа провожавшаго меня до Хабаровки казачьяго урядника спасло меня и лошадей съ ямщикомъ, которые уже были подъ водой. Къ счастью, станица была недалеко, и мы могли согрѣться и просушиться. Въ Хабаровкѣ мнѣ пришлось провести нѣсколько дней, чтобы закончить нѣкоторыя служебныя дѣла, отправить курьера съ донесеніями къ графу Муравьеву, поэтому только 1-го декабря могъ отправиться въ Николаевскъ по направленію къ Маріинску.

Путь отъ Хабаровска до Маріинска пролегалъ по совершенно безлюдной мѣстности; на протяженіи 600 верстъ въ то время не было никакихъ поселеній, изрѣдка только попадались шалаши ко-

чующихъ гиляковъ и гольдовъ, да въ верстахъ въ 100 другъ отъ друга были устроены зимовья, въ которыхъ находились запасы сухарей и сушеной говядины, подъ охраною 2—3 казаковъ. Путешествіе я совершалъ на собакахъ, находясь все время на полномъ попеченіи дикаго гиляка, попавшагося на пути и указывавшаго дорогу. Необозримыя снѣжныя пространства, полное одиночество, скучная однообразная ѣзда, которой, казалось, не предвидѣлось конца, зимняя непогода при сильныхъ морозахъ—все это навѣвало тоскливое чувство какой-то безпомощности и постоянной тревоги, особенно ночью; невольно вспоминались слышанные мною разсказы про тигровъ, водившихся въ этихъ мѣстахъ, объ ихъ дерзкихъ нападеніяхъ на людей и собакъ. Нерѣдко гилякъ сбивался съ пути; нерѣдко приходилось ночевать въ снѣгахъ во время сильныхъ мятелей. Особенно одна ночь осталась мнѣ памятною на всю жизнь. Собаки сильно устали и не могли дальше двигаться; мы остановились на опушкѣ большаго лѣса, вдали отъ рѣки. Гилякъ мимикой пояснилъ мнѣ, что здѣсь водятся тигры, что необходимо развести огонь, чтобы согрѣться и охранить себя отъ нападенія звѣрей. Имѣя подъ рукой сухой валежникъ, мы вскорѣ зажгли огромный костеръ, при которомъ просидѣли всю ночь, съ одной стороны гилякъ, я же, признаюсь, изъ опасенія его близкаго сосѣдства, въ противоположномъ концѣ. Страшная вьюга и морозъ свирѣпствовали всю ночь; я боролся съ одолѣвающимъ меня сномъ, чтобы не замерзнуть или не погибнуть отъ руки гиляка, случайно попавшагося мнѣ на пути. Утромъ, когда прояснилось и мятель успокоилась, гилякъ увидѣлъ знакомыя ему скалы на берегу, направилъ путь, и мы благополучно выѣхали на Амуръ.

При такихъ условіяхъ и въ одиночествѣ я провелъ 16 сутокъ, пока не встрѣтилъ въ 350 верстахъ отъ Николаевска контръ-адмирала Казакевича, который, съ трудомъ выпросивъ себѣ отпускъ, отправлялся въ Россію. Понятно, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ долженъ былъ Казакевичъ повернуть обратно въ Николаевскъ, получивъ отъ меня приказъ Муравьева подготовить, съ открытіемъ навигаціи, морскую эскадру для крейсированія, а также приступить къ снаряженію экспедиціи, которая сопровождала бы меня съ военною командою для занятія гаваней Владивостока и Новгородской и для устройства военныхъ постовъ. Три дня ѣхали мы вмѣстѣ на собакахъ, которыхъ было больше 200. При остановкахъ для отдыха, особенно ночью, почуявъ звѣря, онѣ поднимали ужасный вой, представлявшій такой своеобразный концертъ, какого мнѣ никогда не приходилось слышать. Въ тѣхъ мѣстностяхъ собаки играютъ весьма важную роль въ хозяйствѣ гиляковъ; онѣ возятъ тяжести, оказываютъ помощь на охотѣ и оберегаютъ отъ нападенія тигровъ; негодныхъ къ работѣ собакъ гиляки употребляютъ въ пищу. Совмѣстное путешествіе съ П. В. Казакевичемъ осталось у

него въ памяти по одному пустому случаю; при одной остановкѣ я добылъ свои путевые припасы и, наловчившись во время своихъ странствованій по пустыннымъ мѣстамъ въ кулинарномъ искусствѣ, приготовилъ для Петра Васильевича супъ изъ курицы, который съ голоду показался ему такимъ вкуснымъ, что почтенный адмиралъ незадолго до своей смерти, при послѣднемъ моемъ свиданіи съ нимъ, говорилъ, что этимъ супомъ я на всю жизнь оставилъ память по себѣ: какъ только подавали его любимый куриный супъ, воспоминанія невольно обращались ко мнѣ, и онъ находилъ, что такого вкуснаго супа, какой былъ изготовленъ мною, ему никогда впослѣдствіи не приходилось ѣсть.

Доѣхавъ вмѣстѣ съ Казакевичемъ до Маріинска, я, по его желанію, отправился впередъ, чтобы увѣдомить въ Николаевскѣ о его пріѣздѣ, при чемъ Казакевичъ пригласилъ меня остановиться въ его домѣ.

27-го декабря я прибылъ въ Николаевскъ съ радостнымъ чувствомъ, что до открытія навигаціи проживу въ городѣ, въ прекрасномъ обществѣ моряковъ, зимовавшихъ въ Николаевскѣ. Въ то время городъ былъ еще въ дѣвственномъ состояніи, имѣлъ одну улицу, тянувшуюся вдоль недавно вырубленнаго лѣса; въ немъ находились довольно помѣстительный губернаторскій домъ, церковь, военное собраніе, дома для разныхъ правительственныхъ учрежденій и для квартиръ служащихъ и до 10 домовъ американскихъ купцовъ, которые привезли постройки въ разобранномъ видѣ и затѣмъ весьма быстро сложили. Дома американцевъ были прекрасной работы, достаточно теплые, со всѣми удобствами и съ магазинами въ нижнемъ этажѣ. Благодаря общительности и простотѣ П. В. Казакевича, общественная жизнь въ Николаевскѣ была пріятна; жилось какъ-то посемейному, не такъ, какъ обыкновенно живется въ провинціальныхъ городахъ; нерѣдко устроивались музыкальные вечера, благодаря участію хорошаго музыканта г. Овандера, бывшаго прежде секретаремъ консула въ Хакодаде. Вслѣдствіе какой-то жалобы на него, онъ былъ устраненъ отъ службы и долженъ былъ выѣхать въ Николаевскъ, гдѣ ожидалъ открытія навигаціи для слѣдованія въ Россію. Служебныя неудачи, видимо, повліяли на г. Овандера: онъ сталъ задумчивъ, молчаливъ, и только музыка оживляла его. Впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть его въ Шанхаѣ въ больницѣ, въ состояніи бурнаго помѣшательства, а затѣмъ въ Петербургѣ, на улицѣ, очень измѣнившимся: изъ стройнаго красиваго молодаго человѣка онъ въ 2 — 3 года обратился въ сѣдаго сгорбленнаго старика.

Тяжелое путешествіе изъ Благовѣщенска въ Николаевскъ очень неблагопріятно отразилось на моемъ здоровьѣ. Не смотря на всѣ удобства жизни въ домѣ Казакевича, я началъ физически слабѣть во мнѣ развилось чувство необъяснимой тоски и меланхолія, а затѣмъ ностальгія. Я былъ вполнѣ убѣжденъ, что кончаю свое жиз-

ненное поприще и, вѣроятно, погибъ бы, если бы судьба не послала мнѣ молодаго доктора Шперка (впослѣдствіи директора экспериментальнаго института въ С.-Петербургѣ), который по окончаніи Харьковскаго университета получилъ назначеніе въ Камчатку, куда онъ и долженъ былъ отправиться изъ Николаевска съ открытіемъ навигаціи. Съ г. Шперкомъ я имѣлъ случай познакомиться еще въ Благовѣщенскѣ; теперь, узнавъ о моей болѣзни, добрѣйшій Э. Ѳ. Шперкъ почти не отходилъ отъ меня, старался поддержать во мнѣ бодрость духа, заставлялъ пользоваться въ Николаевскѣ всѣми развлеченіями и обществомъ, вообще всѣми силами старался развлечь меня, а затѣмъ передалъ меня на попеченіе двухъ флотскихъ врачей Гомолицкаго и Синкевича, прибывшихъ въ Николаевскъ незадолго до его отъѣзда. Благодаря добротѣ и сердечности этихъ лицъ, нравственное состояніе мое, а также здоровье улучшились, такъ что къ концу зимы я могъ заниматься служебными дѣлами.

Съ послѣднимъ зимнимъ путемъ прибылъ курьеръ, который привезъ мнѣ письма отъ родныхъ, приказъ о производствѣ меня въ войсковые старшины, а также распоряженіе графа Муравьева-Амурскаго, чтобы, по исполненіи возложенныхъ на меня порученій, послѣ устройства военныхъ постовъ въ портахъ Посьета, Мея и нынѣшняго Владивостока и въ гавани Новгородской и по окончаніи крейсерства нашей эскадры въ Японскихъ моряхъ, донесенія адмирала Казакевича къ великому князю Константину были отправлены со мною морскимъ путемъ черезъ Шанхай.

Въ маѣ началось снаряженіе къ плаванію; я занялся нагрузкой заготовленныхъ зимою строительныхъ матеріаловъ, предназначенныхъ для постройки казармъ, пріемкой разныхъ инструментовъ, 4 горныхъ американскихъ орудій (десантныхъ) съ большимъ запасомъ боевыхъ снарядовъ. Команда состояла изъ 100 человѣкъ подъ начальствомъ двухъ ротныхъ командировъ, причемъ впослѣдствіи предназначенные къ занятію посты предполагалось усилить присылкою другой сотни солдатъ. Для моего порученія были снаряжены, по приказанію адмирала Казакевича, транспортное судно «Манджуръ» подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Шернера и корветъ «Гриденъ». Не смотря на усиленныя работы по снаряженію нашей экспедиціи, мы только 2 іюня 1860 года снялись съ якоря, простившись съ адмираломъ Казакевичемъ, посѣтившимъ «Манджуръ» передъ самымъ его отплытіемъ.

Вечеромъ того же дня мы остановились на ночь у мыса Чныряхъ, гдѣ строились батареи для защиты прохода въ Амуръ. Здѣсь я встрѣтился съ моими однокашниками по академіи, инженерами Обручевымъ и Бѣльцовымъ, подъ руководствомъ которыхъ производились эти работы, и въ симпатичномъ обществѣ дорогихъ сотоварищей очень пріятно провелъ время, только за полночь возвратившись на пароходъ.

У мыса Лазарева при входѣ въ Татарскій проливъ намъ пришлось простоять двое сутокъ, по случаю наступившаго тумана; къ тому же въ этомъ мѣстѣ попадаются мели, которыя требуютъ большой осмотрительности. Миновавъ благополучно мелководныя мѣста и встрѣтивъ въ проливѣ попутный вѣтеръ, мы черезъ нѣсколько часовъ достигли залива де-Кастри, гдѣ простояли на якорѣ двое сутокъ. Де-Кастри поражаетъ дикостью и угрюмостью окружающей природы, которую мало оживляло нѣсколько ютившихся на берегу построекъ. Невольно проникаешься чувствомъ сожалѣнія къ обитателямъ этой убогой и неблагопріятной, по климатическимъ условіямъ, мѣстности съ дикою растительностью, съ неблагодарною почвой и съ постоянными туманами. 10 іюня мы оставили непривѣтливый заливъ де-Кастри и направились въ портъ Дуэ на Сахалинѣ, чтобы запастись каменнымъ углемъ. Добыча послѣдняго на Сахалинѣ была еще въ зародышѣ, но уже и въ то время военныя суда запасались имъ въ портѣ Дуэ, хотя нагрузка его была сопряжена съ значительными затрудненіями: портъ Дуэ почти не имѣетъ гавани, малѣйшее волненіе препятствуетъ нагрузкѣ, заставляя судно сниматься съ якоря и уходить на время въ открытое море.

Въ портѣ Дуэ я вторично встрѣтился съ бывшимъ ссыльно-каторжнымъ Лахтинымъ, который бѣжалъ съ каторги, былъ пойманъ и, по моему ходатайству, не возвращенъ въ рудники, а сосланъ на Сахалинъ, гдѣ и поселился въ качествѣ колониста. Лахтинъ выразилъ мнѣ самую искреннюю признательность за оказанное заступничество, которое совершенно измѣнило его судьбу. По его просьбѣ, я осмотрѣлъ его хозяйство; онъ успѣлъ выстроить себѣ небольшой домъ, развести садъ и огородъ; все это производило пріятное впечатлѣніе, обнаруживало въ бывшемъ каторжникѣ задатки старательнаго работника и хорошаго человѣка съ сильно развитымъ чувствомъ благодарности. Простившись съ Лахтинымъ и пожелавъ ему благополучія въ жизни, я отправился къ временному сахалинскому начальнику, прапорщику Корельскому. Не смотря на свои юные годы (Корельскому было не больше 20 лѣтъ), онъ оказался весьма дѣльнымъ хозяиномъ; его нарядный, прекрасно выстроенный домъ, расположенный въ красивой долинѣ и окруженный зеленью, огородомъ и садомъ, представлялъ очаровательный сельскій видъ. Вообще климатъ во многихъ мѣстахъ Сахалина—умѣреннѣе по сравненію, напримѣръ, съ Николаевскомъ и благопріятенъ для сельскаго хозяйства.

Нагрузивъ до 12 тысячъ пудовъ угля, мы 12 іюня вечеромъ отошли отъ порта Дуэ; вѣтеръ сталъ усиливаться, переходя въ штормъ; на нашемъ суднѣ дѣятельно приготовлялись встрѣтить его, мои линейные солдатики усердно помогали въ чемъ могли, но къ утру вѣтеръ стихъ и наступилъ густой туманъ. Мы были далеко отъ берега, а потому шли полнымъ ходомъ, держа курсъ на портъ

св. Ольги и подавая постоянно сигналы изъ опасенія встрѣчи съ другимъ судномъ. На морѣ было постоянное волненіе, и я, какъ новичекъ, сильно страдалъ отъ морской болѣзни, да къ тому же, не видя долго берега, сталъ ощущать тоску, которая была послѣдствіемъ перенесенной мною въ теченіе зимы постальгіи.

Съ радостнымъ чувствомъ вышелъ я на берегъ, когда на пятыя сутки мы прибыли въ портъ св. Ольги, гдѣ насъ встрѣтилъ начальникъ порта лейтенантъ Маневскій. Живя на берегу съ небольшою командою, Маневскій сильно скучалъ, поэтому весьма понятно, какъ онъ обрадовался нашему приходу и свиданію съ своими товарищами-моряками; разныя новости, служебныя и частныя, газеты, которыя мы имѣли съ собою,—все это такъ дорого при отшельнической жизни. Портъ св. Ольги расположенъ въ живописной мѣстности съ богатою растительностью и прекраснымъ климатомъ, имѣетъ довольно удобную гавань, защищенную горами отъ вѣтровъ; одно только является непріятной стороной мѣстной жизни—это сосѣдство тигровъ, водящихся въ окружающихъ горахъ и нападающихъ даже на жилыя мѣста. Маневскій послалъ какъ-то двухъ солдатъ съ служебными бумагами на берегъ Уссури, къ которому путь пролегалъ черезъ горы; тигръ, видимо, подстерегалъ ихъ и, когда одинъ изъ матросовъ отдѣлился въ сторону, бросился на него. Уцѣлѣвшій матросъ возвратился обратно въ портъ, откуда была отправлена вооруженная команда, которая, идя по кровавымъ слѣдамъ, нашла только голову погибшаго матроса Николаева. Незадолго до нашего прибытія тигры напали на домъ одного китайца, жившаго близъ гавани, и растерзали его и двоихъ дѣтей. Наслушавшись не мало разсказовъ о дерзкихъ нападеніяхъ тигровъ, помню, съ какимъ страхомъ возвращались мы вечеромъ на свой пароходъ, постоянно оглядываясь по сторонамъ. Сильная буря, свирѣпствовавшая въ теченіе нѣсколькихъ дней, задержала насъ въ портѣ св. Ольги до 19 іюня.

На слѣдующій день, направляясь въ портъ Посьета (Новгородская гавань), мы были застигнуты туманомъ, и капитанъ «Манджура», опасаясь, что засвѣтло не дойдетъ до этой гавани, рѣшилъ сначала зайти въ портъ Мея (Владивостокъ), гдѣ тоже приказано было устроить военный пикетъ. Въ тотъ же день 20 іюня мы прибыли въ портъ Мея, и я вышелъ на берегъ вмѣстѣ съ капитаномъ Черкавскимъ, начальникомъ нашей сухопутной команды, для выбора мѣста для разгрузки строительныхъ матеріаловъ. Отлогій берегъ, заросшій высокою травою, постепенно поднимался въ гору, которая была усѣяна деревьями: липой, кленомъ, черной березой, дубомъ, пробковымъ деревомъ и другими породами; богатая растительность, прекрасный климатъ и удобная гавань дѣлали эту мѣстность очень привлекательною; но и здѣсь сосѣдство тигровъ должно было отправлять спокойствіе первыхъ обитателей. Напуганные разсказами о тиграхъ, мы взяли съ собою 12 унтеръ-офицеровъ, во-

оруженныхъ револьверами; выйдя на берегъ, наша команда разбрелась въ разныя стороны, и мы въ высокой травѣ не могли видѣть другъ друга; вдругъ слышу ужасный крикъ одного изъ солдатъ, затѣмъ трескъ тростника, направлявшійся въ мою сторону; я еще не успѣлъ сообразить, что предпринять, какъ увидѣлъ передъ собою желтую шерсть звѣря, который, какъ мнѣ показалось, готовился сдѣлать прыжокъ; признаюсь, со страха я присѣлъ на землю, такъ какъ я былъ убѣжденъ, что это—тигръ; но животное, сильно напугавшее не только меня, но и мою команду, оказалось дикой козой, которую мы вспугнули своимъ появленіемъ. Выбравъ мѣсто, мы свезли на берегъ двѣ пушки съ боевыми снарядами, а также доски и бревна, заготовленныя для постройки казармы на 100 человѣкъ. Такъ какъ я рѣшилъ сначала устроить военный постъ въ Новгородской гавани, а затѣмъ уже возвратиться сюда, то мы, оставивъ здѣсь 30 человѣкъ подъ командою начальника пикета, на другой день вышли изъ Владивостока, направляясь въ заливъ Посьета, куда и прибыли въ тотъ же день вечеромъ.

Въ гавани Новгородской мы застали лейтенанта Назимова, съ которымъ я раньше встрѣчался на Амурѣ. По распоряженію начальника эскадры, крейсировавшей въ китайскихъ моряхъ, онъ былъ командированъ сюда съ командою матросовъ въ 20 человѣкъ для добычи каменнаго угля и уже болѣе двухъ мѣсяцевъ занимался этимъ. До поздней ночи провели мы очень пріятно время, дѣлясь впечатлѣніями и новостями изъ Японіи и Николаевска.

Цѣлый день провелъ я съ капитаномъ Черкавскимъ въ поискахъ удобнаго мѣста для устройства военнаго поста; мы остановили свой выборъ на возвышенной мѣстности на берегу залива, съ почвой, благопріятной для разведенія огородовъ. Такъ какъ въ гавани не оказалось источника прѣсной воды, то одновременно съ работами по выгрузкѣ артиллеріи, боевыхъ снарядовъ, лѣсныхъ матеріаловъ и багажа военной команды приступили къ рытью колодцевъ. На вершинѣ выдающейся скалы былъ поднятъ громадный флагъ, возлѣ него установлены большая чугунная пушка и другія орудія, и поставленъ часовой для наблюденія за появленіемъ манджуровъ и корейцевъ; граница Кореи и военные пикеты корейскіе были расположены недалеко отъ насъ. Съ прибытіемъ нашимъ, вдали иногда показывались, не приближаясь, впрочемъ, къ намъ, толпы нашихъ сосѣдей въ нѣсколько сотъ человѣкъ; за озеромъ, позади нашего поста, слышны были пушечные выстрѣлы; какъ послѣ оказалось, корейцы пугали насъ.

Работы наши быстро подвигались впередъ; въ теченіе 7-ми дней былъ устроенъ лагерь, возведены помѣщеніе для цейхгауза и 7 временныхъ бараковъ изъ досокъ, вырыты 2 колодца, разведенъ огородъ, который былъ засѣянъ картофелемъ, устроенъ пороховой складъ въ скалѣ и пр. Во время работъ начали появляться корейцы

и манджуры сначала по нѣсколько человѣкъ, а затѣмъ толпами, причемъ держались на почтительномъ разстояніи, только присматриваясь къ нашимъ работамъ. Однажды явилась какая-то депутація съ письмомъ отъ ихъ начальника; за неимѣніемъ переводчика, пришлось объясняться жестами и знаками, при помощи которыхъ манджуры показали, что это ихъ земля, и что мы не имѣемъ права строить на ней домовъ; въ свою очередь я далъ имъ понять, что эта территорія принадлежитъ русскимъ, которые будутъ постоянно жить въ этой мѣстности и возведутъ здѣсь много зданій. На томъ и закончились наши переговоры, и манджуры отнесли обратно письмо къ ихъ начальнику. Мало-по-малу, освоившись съ нами, любопытные сосѣди стали приходить къ намъ, причемъ добродушно выражали свое удивленіе по поводу быстраго производства работъ; они приносили устрицы цѣлыми корзинами, мы же взамѣнъ дарили имъ пустыя бутылки и бездѣлушки, отъ которыхъ они были въ восторгѣ; какъ-то разъ они просили позволенія посмотрѣть на наши пушки. Я зарядилъ гранатой одно изъ легкихъ горныхъ орудій и выстрѣлилъ въ бухту; этотъ выстрѣлъ, сопровождавшійся разрывомъ гранаты и паденіемъ ея въ воду, произвелъ на манджуровъ впечатлѣніе. Особенно ихъ поразило, что я одинъ перевозилъ, устанавливалъ и быстро заряжалъ орудіе, между тѣмъ какъ, по ихъ объясненіямъ, на ту же процедуру у нихъ требуется нѣсколько человѣкъ и много времени. Немного спустя, посѣщенія нашихъ сосѣдей прекратились; какъ мы узнали впослѣдствіи, имъ было запрещено ходить къ намъ. Однажды я поручилъ солдатамъ отправиться на другой берегъ озера, чтобы нарѣзать лозы, но ихъ на берегъ не допустили; не зная, гдѣ опредѣлена граница владѣній, я больше не посылалъ туда.

Осматривая окружающую мѣстность, я вездѣ видѣлъ слѣды каменнаго угля и антрацита отличнаго качества, хотя угольный слой, какъ я замѣтилъ въ шахтѣ, гдѣ работалъ лейтенантъ Назимовъ, былъ не особенно толстый и лежалъ ниже горизонта воды въ бухтѣ. Не смотря на присутствіе угля въ этихъ мѣстахъ, наша эскадра, крейсируя въ японскихъ водахъ, запасалась имъ большею частью въ Хакодаде по весьма дорогой цѣнѣ. Я взялъ нѣсколько образцовъ антрацита, чтобы представить ихъ великому князю Константину Николаевичу, при докладѣ объ устройствѣ военныхъ постовъ въ гаваняхъ Посьета (Новгородской) и Мея (Владивостокъ).

Безпокоясь о судьбѣ построекъ въ портѣ Мея, я 30-го іюня собрался туда, но сильная буря и туманъ задержали насъ, и только 2-го іюля транспортъ «Манджуръ» могъ отплыть изъ залива Посьета. Выйдя въ открытое море, мы увидѣли идущій намъ на встрѣчу военный пароходъ «Америка» подъ флагомъ контръ-адмирала Казакевича. Вскорѣ намъ подали сигналъ «идти за пароходомъ», и мы, вмѣсто слѣдованія въ портъ Мея, отъ котораго были уже недалеко,

возвратились обратно въ заливъ Посьета. Прибывъ въ гавань, адмиралъ Казакевичъ вмѣстѣ со мною отправился осматривать мѣстность, выбранную для военнаго поста. Въ виду отсутствія воды и лѣса, Казакевичъ, признавъ неудобнымъ устроить здѣсь портъ, рѣшилъ таковой устроить въ заливѣ Мей (нынѣ Владивостокъ), въ заливѣ же Посьета установить только военный пограничный постъ для разработки каменнаго угля и охраны шахтъ. Кромѣ того, адмиралъ нашелъ нужнымъ перемѣстить временно устроенный постъ изъ бухты Новгородской въ бухту Экспедиція. Такъ какъ онѣ находились близко одна отъ другой, то при помощи матросовъ въ одинъ день были перенесены лагерь и постройки во вновь выбранное Казакевичемъ мѣсто. Въ заливѣ Посьета мы стояли на якорѣ до прибытія корвета «Гридень», которому поручено было охранять военный постъ, вооруженной 5-ю пушками.

13-го іюля мы отправились въ портъ Мея на пароходѣ «Америка», куда я перебрался, по приглашенію адмирала. Съ нами ѣхалъ писатель Максимовъ, командированный великимъ княземъ Константиномъ для описанія Амура. Максимовъ, прибывъ въ Николаевскъ до отплытія «Америки», съ радостью принялъ предложеніе Казакевича сопутствовать ему въ плаваніи и въ поѣздкѣ въ Хакодаде. Въ портѣ Мея мы стояли только три дня: работы быстро подвигались и подходили къ концу; дѣльный ротный командиръ, подобно капитану Черкавскому, умѣло и хозяйственно устроился на новыхъ мѣстахъ. Вообще надо замѣтить, что линейные баталіоны вынесли на своихъ плечахъ всѣ первоначальныя работы по постройкѣ церквей, городовъ, станицъ, по организаціи всѣхъ сплавовъ и пр., сослуживъ великую службу при занятіи Амурскаго и Уссурійскаго края. Всѣ невзгоды, которымъ подвергались эти первые піонеры нашей восточной окраины, переносились имъ безропотно; нерѣдко не только солдатъ, но и офицеры жили въ землянкахъ при самыхъ ужасныхъ жизненныхъ условіяхъ. Многіе изъ нихъ умирали отъ непосильныхъ трудовъ, лишеній и климатическихъ условій. Такъ погибъ и идеальный офицеръ и человѣкъ, капитанъ Черкавскій; онъ всегда былъ впереди своихъ солдатъ, нерѣдко работая наравнѣ съ ними физически; но сильный организмъ его не вынесъ тяжелыхъ трудовъ: работая въ болотѣ около Маріинска на Амурѣ, онъ получилъ воспаленіе сердца, перешедшее въ хроническое страданіе, отъ котораго онъ скончался черезъ 3 мѣсяца послѣ послѣдняго моего свиданія съ нимъ. Мы, штабные, были бѣлоручки сравнительно съ этими героями; на насъ сыпались награды, а тѣ получали награды не земныя, а загробныя, находя въ могилѣ, вдали отъ родины, успокоеніе отъ трудовъ и лишеній. Вѣчная имъ память и царство небесное!

17-го іюля мы оставили портъ Мея и направились въ Хакодаде; все время на морѣ было сильное волненіе, стихшее только при входѣ

нашемъ въ Сангарскій проливъ, раздѣляющій острова Іезо и Нипонъ. Въ проливѣ намъ попадалось на встрѣчу множество джонокъ, а недалеко отъ Хакодаде на нашъ пароходъ прибылъ лоцманъ съ предложеніемъ провести судно въ гавань, за что обыкновенно платилось 2 доллара. Хотя въ услугахъ лоцмановъ не нуждались, въ виду прекраснаго входа въ гавань, но отъ нихъ не отказывалось ни одно иностранное судно.

Вечеромъ 19-го іюля мы бросили якорь въ гавани Хакодаде. Японія интересовала меня своею древнею культурою и своеобразною жизнью, которой въ то время еще не коснулись нынѣшнія реформы; только нѣкоторые портовые города въ то время, и то съ недавнихъ поръ, были открыты для европейцевъ. При содѣйствіи генеральнаго консула г. Гашкевича, который оказывалъ мнѣ самое любезное гостепріимство и вниманіе во время пребыванія моего въ Хакодаде, я познакомился съ обычаями и нравами японцевъ. Въ этомъ отношеніи мнѣ былъ очень полезенъ также и японскій купецъ Рюгони, который былъ нѣсколько знакомъ съ русскимъ языкомъ, и котораго я посѣщалъ почти ежедневно. Онъ у меня учился русскому языку, очень старательно запоминая незнакомыя слова и записывая ихъ въ книжку, я же въ свою очередь пользовался знакомствомъ его съ городомъ, общественными учрежденіями и наиболѣе интересовавшими меня сторонами японской жизни. Меня, какъ европейца, поражали: привѣтливость японцевъ, чистота, отсутствіе роскоши, но вмѣстѣ съ тѣмъ изящество въ ихъ домашней жизни и обстановкѣ; вѣжливость и уваженіе къ женщинамъ—одна изъ симпатичнѣйшихъ сторонъ характера этого народа. Оживленіе на улицахъ, полное отсутствіе нищихъ и пьяныхъ—все это представляло иную картину сравнительно съ нашей уличной жизнью.

Въ Хакодаде я пробылъ 14 дней, такъ какъ, за отсутствіемъ въ то время правильныхъ пароходныхъ рейсовъ, мнѣ пришлось ждать случая попасть на какой либо пароходъ, идущій въ Шанхай. Къ моему счастью, въ портѣ грузилось англійское парусное судно для отплытія въ Шанхай. При содѣйствіи г. Гашкевича, я познакомился съ владѣльцемъ и капитаномъ этого судна, шотландцемъ Макдональдомъ, который согласился за 100 долларовъ доставить меня въ Шанхай. Мнѣ предстояло тяжелое и неудобное путешествіе: судно Макдональда было парусное, небольшое, съ экипажемъ въ 20 человѣкъ, состоявшимъ изъ сброда различныхъ національностей, преимущественно азіатскихъ; плаваніе на этомъ суднѣ было къ тому же опасно, въ виду свирѣпствовавшихъ въ Японскомъ и Китайскомъ моряхъ постоянныхъ бурь, а также частыхъ нападеній пиратовъ на купеческія суда. Но иного выбора не было, и я, простившись съ истинно любимымъ мною Петромъ Васильевичемъ Казакевичемъ, который выдалъ мнѣ паспортъ, конвертъ, адресованный на имя великаго князя Константина Николаевича, и снабдилъ деньгами

на предстоящее путешествіе,—оставилъ пароходъ «Америка» и перебрался на «Медину», такъ какъ первая оставила Хакодаде нѣсколькими днями раньше второй.

Съ сердечною благодарностью вспоминаю нашего консула Гашкевича и состоящихъ при немъ доктора Альбрехта и лейтенанта Назимова, а также французскаго консула Мерме-де-Кашонъ (священникъ). Послѣдній подъ прикрытіемъ своихъ консульскихъ обязанностей, пользуясь безопасностью, какъ представитель Франціи, подготовлялъ почву также и для католической миссіонерской дѣятельности. Будучи человѣкомъ высоко образованнымъ и докторомъ медицины, прекрасно владѣя японскимъ языкомъ, онъ успѣлъ вскорѣ расположить къ себѣ хакодадскихъ сановниковъ и жителей. Многіе лѣчились у него, болѣе богатые люди посылали своихъ дѣтей къ де-Кашону для изученія французскаго языка; въ домѣ его мнѣ приходилось видѣть до 30 мальчиковъ—дѣтей хакодадскихъ сановниковъ. Миссіонеръ устроилъ у себя небольшую домовую церковь, въ которой открыто совершалъ богослуженіе, и которую изъ любопытства посѣщали японцы.

Получивъ на всякій случай рекомендательныя письма въ Шанхай и Гонконгъ, я 2-го августа отправился въ путь. Подробное описаніе моего путешествія не входитъ въ программу этихъ записокъ, а потому я вкратцѣ упомяну о дальнѣйшемъ моемъ плаваніи. Переѣздъ изъ Хакодаде въ Шанхай былъ крайне тяжелый и тревожный. Въ теченіе 8-хъ дней въ Японскомъ и Китайскомъ моряхъ свирѣпствовалъ сильнѣйшій штормъ, который въ разныя стороны бросалъ небольшую «Медину» по высокимъ волнамъ; реи и паруса были убраны, за исключеніемъ узкаго и низко поставленнаго штормоваго паруса. Все время я сидѣлъ на палубѣ, крѣпко привязанный къ мачтѣ и покрытый парусомъ; на дѣлѣ я могъ убѣдиться, какое значеніе при такихъ обстоятельствахъ имѣетъ хорошій морской капитанъ. Величественная фигура Макдональда ни на минуту не оставляла компаса и руля; ни малѣйшаго безпокойства не отражалось на его лицѣ; движенія его отличались поразительнымъ спокойствіемъ и увѣренностью, что придавало бодрость не только мнѣ, но и экипажу. Меня удивляло, какъ могъ Макдональдъ физически вынести напряженную и продолжительную работу, отдыхая тутъ же на палубѣ не болѣе 2-хъ часовъ въ сутки и замѣняя себя на этотъ короткій срокъ штурманомъ. Послѣ шторма неожиданно наступилъ штиль: недавно взволнованное и бурливое море представляло теперь изъ себя сплошную зеркальную поверхность, на которой не замѣтно было ни малѣйшей зыби. Этотъ рѣзкій переходъ, совершившійся въ короткій промежутокъ времени, очень поразилъ меня и, помню, произвелъ на меня болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ буря: тамъ были шумъ, жизнь и борьба, здѣсь царила смерть и полнѣйшая тишина; чувствомъ какой-то безпомощности отражалась на

мнѣ невозможность для паруснаго судна двигаться впередъ. Цѣлый день простояли мы неподвижно; къ вечеру только подулъ небольшой вѣтерокъ, который мы радостно привѣтствовали.

Въ Шанхаѣ, куда мы прибыли 19-го августа, я засталъ особое оживленіе: городъ былъ окруженъ полчищами тайпинговъ и переполненъ французскими и англійскими войсками. Незадолго до моего пріѣзда тайпинги ворвались въ китайскую часть города и начали тамъ рѣзню, но стоявшіе у Шанхая для защиты своихъ факторій французскій и англійскій корветы стали бомбардировать городъ и вытѣснили оттуда мятежниковъ. Я нашелъ почти весь городъ въ полномъ разрушеніи; много зданій было сожжено гранатами, въ томъ числѣ богатая китайская пагода, подъ развалинами которой погибло множество тайпинговъ; уцѣлѣли только католическій костелъ и монастырь съ госпиталемъ, пріютами, школами и другими учрежденіями миссіонеровъ. Тайпинги разсѣялись по окрестностямъ, мѣстные же жители бѣжали въ городъ подъ охрану европейцевъ. Рѣка Оссунгъ, или Воссунгъ, была покрыта множествомъ плотовъ и баржъ, переполненныхъ, равно какъ и берега, бѣглецами. Все это населеніе находилось въ невыразимомъ смятеніи, жило подъ открытымъ небомъ и не знало, чѣмъ прокормить себя. Мнѣ приходилось видѣть картины, трудно поддающіяся описанію: люди безъ одежды, больные, покрытые ужасными ранами и нерѣдко умирающіе голодною смертью, попадались на каждомъ шагу; отовсюду доносились стоны, крики и тщетныя мольбы о помощи. Помочь этимъ несчастнымъ не было никакой возможности, такъ какъ всѣ продовольственные запасы погибли въ пламени, да къ тому же власти и жители были въ постоянной тревогѣ, ожидая новаго нападенія тайпинговъ. Предводитель послѣднихъ прислалъ прокламаціи, угрожая стереть съ лица земли городъ и жестоко отомстить за вѣроломство европейцамъ, которыхъ онъ почему-то считалъ своими союзниками, по всей вѣроятности, въ виду столкновенія Англіи и Франціи съ Китаемъ. Улицы европейскихъ кварталовъ, примыкающихъ къ Шанхаю, покрывались баррикадами, укрѣплялась небольшая жалкая китайская крѣпость, и спѣшно подвозились войска, пушки и боевые снаряды изъ Печелійскаго залива, гдѣ сосредоточенъ былъ англо-французскій флотъ; при мнѣ начали прибывать англійскіе сипаи, французскіе африканскіе баталіоны чернокожихъ, такъ что за недѣлю моего пребыванія въ Шанхаѣ было подвезено нѣсколько тысячъ человѣкъ, благодаря чему нападеніе тайпинговъ впослѣдствіи было отбито съ большимъ для нихъ урономъ.

Въ Шанхаѣ я нашелъ себѣ попутчиковъ въ лицѣ капитана 2-го ранга Чихачева (нынѣ морского министра) и капитанъ-лейтенанта Селиванова, которые возвращались въ С.-Петербургъ изъ командировки на востокъ. Эта счастливая неожиданность и предстоящее путешествіе въ обществѣ славныхъ моряковъ чрезвычайно меня обрадовали.

Изъ Шанхая я выѣхалъ 24-го августа на почтовомъ пароходѣ «Емен», который, сдѣлавъ небольшія остановки въ Гонконгѣ, Сингапурѣ и возлѣ острова Пенангъ, 17-го сентября прибылъ въ городъ Поэнтъ-де-Галь на островѣ Цейлонѣ. Здѣсь я пересѣлъ на пароходъ «Кандія», идущій изъ Калькутты въ Суэцъ. 28-го сентября я прибылъ въ Аденъ, откуда предстоялъ 6-ти-дневный тяжелый путь по Красному морю: стояли сильные жары, невыносимые для жителей странъ съ умѣреннымъ климатомъ; съ путешественниками нерѣдко случались солнечные удары. Несчастный случай задержалъ насъ въ этомъ злополучномъ морѣ болѣе двухъ недѣль; мы уже прошли половину пути, какъ вдругъ ночью лопнула муфта, соединяющая валъ съ винтомъ, который перестаетъ поэтому дѣйствовать; пассажиры, встревоженные тѣмъ, что шумъ машины затихъ, въ смятеніи выскочили изъ своихъ каютъ. Оказалось, что поломку исправить невозможно своими средствами: капитанъ распорядился поставить паруса, но судно, приспособленное къ движенію силою пара, плохо подвигалось впередъ, лавируя въ узкомъ морѣ отъ берега къ берегу, за отсутствіемъ попутнаго вѣтра. Опасаясь пропустить ночью встрѣчу съ однимъ изъ пароходовъ, совершавшихъ еженедѣльные рейсы изъ Суэца на востокъ и обратно, капитанъ приказалъ стрѣлять изъ пушки. Къ счастью, погода была спокойная, случись же буря, насъ могло бы выбросить на подводные камни, которыми былъ усѣянъ берегъ. Пассажировъ успокаивали и развлекали, какъ могли; наконецъ, пароходное начальство рѣшило послать шлюпку на берегъ. Вызваны были охотники, и пять матросовъ съ однимъ офицеромъ отправились въ этотъ рискованный путь на небольшой лодкѣ; черезъ двое сутокъ они благополучно добрались до города Джеды, откуда къ намъ на помощь выслали небольшой турецкій пароходъ. На немъ сначала предполагалось отправить почту въ Суэцъ и вытребовать оттуда болѣе значительный по размѣрамъ пароходъ, который бы могъ взять на буксиръ «Кандію». Но когда турецкій пароходъ прибылъ къ намъ, то многіе пассажиры пожелали пересѣсть на него, чтобы скорѣе выйти изъ затруднительнаго положенія. Пересадка съ одного парохода на другой при довольно сильномъ морскомъ волненіи была сопряжена съ нѣкоторою опасностью, въ особенности же пассажиры рисковали подвергнуться солнечному удару, выходя изъ-подъ охраняющихъ ихъ брезентовъ. Во время этой пересадки я едва не погибъ; мой сакъ-вояжъ, въ которомъ находились всѣ бумаги, въ суматохѣ затерялся; отправившись обратно на «Кандію» для розысковъ, я подъѣхалъ къ спущенной съ реи висячей лѣстницѣ, конецъ которой можно было достать, воспользовавшись только удобнымъ моментомъ—наивысшимъ положеніемъ лодки на волнѣ. Схватившись руками за конецъ лѣстницы, я повисъ на ней всею тяжестью своего тѣла, при чемъ меня начало раскачивать, какъ маятникъ, такъ что

я едва не оборвался. Но присутствіе духа не оставило меня; съ большимъ трудомъ удалось мнѣ подняться на одну перекладину и упереться колѣнями на нижнюю. Напряженіе было такъ сильно, что я чувствовалъ себя близкимъ къ обмороку; къ счастію, сверху на «Кандіи» замѣтили мое затруднительное положеніе, былъ открытъ боковой люкъ, выдвинута доска, и матросы втащили меня на палубу. Болѣе получаса пролежалъ я въ безсознательномъ состояніи, когда же пришелъ въ себя, то замѣтилъ, что голова моя покоится на сакъ-вояжѣ, который былъ безъ меня вынесенъ лакеемъ изъ каюты и брошенъ на палубу. Любезный капитанъ «Кандіи» откомандировалъ особую лодку, чтобы отвезти меня на турецкій пароходъ.

Изъ Суэца, куда пароходъ прибылъ 13 октября, я отправился по желѣзной дорогѣ черезъ Каиръ въ Александрію, а оттуда на роскошномъ пароходѣ общества Лойдъ въ Тріестъ. Здѣсь окончилось мое морское путешествіе; оставалось проѣхать черезъ Вѣну въ Варшаву по желѣзной дорогѣ, затѣмъ до города Острова на почтовыхъ и наконецъ оттуда въ Петербургъ по вновь выстроенной желѣзной дорогѣ.

Пріѣхавъ въ С.-Петербургъ 30-го октября, я въ тотъ же день явился въ Мраморный дворецъ къ великому князю Константину Николаевичу для передачи его высочеству привезенныхъ мною бумагъ и былъ удостоенъ личнаго пріема. Великій князь, выйдя въ биліардную, въ которой я находился, милостиво сталъ разспрашивать весьма подробно объ Уссурійскомъ краѣ, а въ особенности о приморскихъ бухтахъ, причемъ такъ былъ заинтересованъ моимъ докладомъ, что принесъ изъ своего кабинета большую карту и, разложивъ ее на биліардѣ, просилъ повторить нѣкоторыя сообщенія и указать мѣста на картѣ. Докладъ мой продолжался $^3/_4$ часа, при этомъ я передалъ его высочеству образцы прекраснаго антрацита, взятые мною изъ бухты «Экспедиція» въ заливѣ Посьета. Великій князь, пожавъ мнѣ руку, милостиво распростился со мною, поблагодаривъ за ознакомленіе его съ послѣдними событіями и положеніемъ дѣлъ на крайнемъ востокѣ.

Представляясь начальнику главнаго штаба генералъ-адъютанту Герштенцвейгу, я узналъ отъ него, что атаманъ забайкальскаго войска М. С. Карсаковъ находится въ С.-Петербургѣ, конечно, я поспѣшилъ явиться къ М. С. Карсакову, который весьма любезно пригласилъ меня переѣхать къ нему на квартиру.

Интересно было мое представленіе военному министру, генералъ-адъютанту Сухозанету. Я былъ принятъ на частной квартирѣ его въ 8 часовъ вечера и, войдя въ кабинетъ, былъ приглашенъ министромъ сѣсть къ столу, за которымъ находились самъ Сухозанетъ и бывшій въ то время у него съ докладомъ начальникъ штаба Герштенцвейгъ. Министръ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «ну, что,

японцы воюютъ?»... Я не ожидалъ подобнаго вопроса, а потому сконфузился и промолчалъ; когда же онъ вторично повторилъ этотъ вопросъ, я отвѣтилъ, что, слава Богу, войны никакой нѣтъ, столкновеніе же Англіи и Франціи съ Китаемъ насъ не касается. Видимо, Сухозанетъ получилъ какія-то свѣдѣнія о намѣреніи японцевъ не допустить занятія нами Анивской гавани на южной оконечности острова Сахалина. Подобное намѣреніе, дѣйствительно, входило первоначально въ расчеты графа Муравьева-Амурскаго и въ программу даннаго мнѣ послѣдняго порученія; но передъ самымъ отплытіемъ нашей экспедиціи изъ Николаевска былъ полученъ изъ Иркутска приказъ графа, отмѣняющій занятіе Анивы. Этимъ я объяснилъ себѣ вопросъ министра. Аудіенція моя была непродолжительна; подтвердивъ полученное мною раньше отъ начальника штаба Гернгенцвейга сообщеніе объ ожидаемомъ пріѣздѣ Н. Н. Муравьева въ С.-Петербургъ, Сухозанетъ любезно простился со мною.

Отъ М. С. Карсакова я также узналъ, что съ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ ѣдетъ и мой братъ, и что графъ, считая свою миссію поконченною и чувствуя себя утомленнымъ физически и нравственно, имѣетъ неизмѣнное намѣреніе отказаться отъ дальнѣйшаго служенія въ Сибири.

И дѣйствительно, графъ Муравьевъ-Амурскій былъ сильно утомленъ постоянными препятствіями, борьбой и интригами, которыя онъ встрѣчалъ при осуществленіи своихъ служебныхъ плановъ и проектовъ. Только поддержка со стороны великаго князя Константина Николаевича и милостивое довѣріе государя императора давали ему возможность, и то съ большимъ трудомъ, добиваться необходимыхъ разрѣшеній отъ центральныхъ столичныхъ учрежденій. Неоднократно приходилось мнѣ видѣть, какъ вліяли на нервнаго и раздражительнаго Н. Н. Муравьева получаемыя имъ изъ С.-Петербурга бумаги, какъ иногда тяжело было этому энтузіасту, всѣ свои силы и всю душу вложившему въ дѣло, чувствовать себя связаннымъ на каждомъ шагу и встрѣчать постоянныя затрудненія, вслѣдствіе недостатка средствъ. Все амурское дѣло велось, такъ сказать, на мѣдныя деньги; Муравьевъ не имѣлъ возможности завести для себя даже сноснаго рѣчнаго парохода, не говоря уже о буксирныхъ пароходахъ для отправки баржъ съ хлѣбомъ и имуществомъ переселенцевъ. Онъ очень дорожилъ своимъ временемъ, а между тѣмъ сколько дней терялось напрасно на плаваніе на неуклюжемъ и глубокосидящемъ пароходикѣ, который вслѣдствіе того часто попадалъ на мель; нерѣдко ему приходилось, какъ и намъ, идти бечевой, если нельзя было снять пароходъ съ мели. Онъ говорилъ, что, самъ совершивъ такого рода плаваніе, повѣрилъ нашимъ разсказамъ объ испытаніяхъ, которыя приходится переносить при движеніи бечевой. Только послѣ заключенія Айгунскаго договора, графу Муравьеву-Амурскому начали отпускать средства для цѣлей развитія

края, но средства крайне скудныя для осуществленія тѣхъ широкихъ задачъ, которыя имѣлъ въ виду графъ.

Любимѣйшею мечтою и желаніемъ Н. Н. Муравьева было положить прочное основаніе переселенческому дѣлу посредствомъ привлеченія на Амуръ частныхъ переселенцевъ изъ Россіи, создать сильный флотъ въ южныхъ портахъ Приморской области, развить промышленность и торговлю съ Китаемъ, пользуясь природными богатствами края—лѣсными, рыбными,— залежами каменнаго угля, которымъ видимо покрыты берега области и острова Сахалина. Къ сожалѣнію, условія среды и мѣстной жизни нерѣдко ставили Муравьеву на пути препятствія, чему, между прочимъ, служитъ примѣромъ организованная, по настоянію графа, Амурская компанія, которая, какъ я упомянулъ выше, внесла въ зарождающуюся жизнь края болѣе вредныхъ сторонъ, чѣмъ полезныхъ. Приказчики компаніи, вслѣдствіе неумѣлой постановки дѣла, эксплоатировали нашихъ переселенцевъ и туземцевъ и, развивъ тайную торговлю крѣпкими напитками, спаивали населеніе, денежныя средства котораго переходили мало-по-малу въ карманы этихъ кулаковъ-міроѣдовъ. Особенно тяжело было для Муравьева, когда его благородныя и горячія стремленія въ интересахъ края встрѣчали равнодушіе и нерѣдко враждебное отношеніе со стороны центральныхъ учрежденій столицы. Подобными результатами сопровождался поднятый Муравьевымъ вопросъ о переселеніи на Амуръ менонитовъ, колонистовъ южныхъ русскихъ губерній, а также чеховъ, иммигрировавшихъ въ Америку. Помню, съ какою радостью принялъ графъ въ 1858 году въ Благовѣщенскѣ уполномоченныхъ менонитовъ, обратившихся къ нему съ просьбой о разрѣшеніи поселиться въ этомъ краѣ; имъ было предоставлено выбрать мѣсто и обѣщано полное содѣйствіе при переселеніи. Уполномоченные заявили, что въ матеріальномъ отношеніи менониты вполнѣ обезпечены, но желаютъ селиться въ одномъ мѣстѣ и просятъ только объ отводѣ нужнаго количества земли и объ оставленіи за ними тѣхъ привиллегій, которыми они до сихъ поръ пользовались. Менонитскіе депутаты ознакомились съ краемъ и выбрали для поселенія площадь земли по рѣкѣ Зеѣ протяженіемъ около 40 верстъ, съ обязательствомъ уплачивать казнѣ извѣстный налогъ. Что же касается переселенія изъ Америки чеховъ, то въ этихъ видахъ Муравьевъ командировалъ туда чиновника особыхъ порученій А. И. Малиновскаго (нынѣ члена московской судебной палаты), который даже изучилъ чешскій языкъ но, увы, Петербургъ затормозилъ это дѣло, значительное же число менонитовъ, которые дали бы краю трудолюбивыхъ и старательныхъ земледѣльцевъ и полезныхъ работниковъ, переселилось въ Америку, увозя свои большіе капиталы, а чехи остались въ Америкѣ.

Въ первые годы послѣ Айгунскаго договора частные переселенцы изъ крестьянъ устремились въ Пріамурскій и Пріуссурійскій

край, благополучно достигали устья Уссури, но, по отсутствію пароходства, не могли добраться до верховьевъ этой рѣки, теряли лѣтнее время въ ожиданіи помощи, которая не могла быть оказана, за неимѣніемъ средствъ, и нерѣдко возвращались на родину нищими. Вообще надо замѣтить, что Муравьевъ со свойственною ему энергіей и лихорадочной торопливостью велъ переселенческое дѣло, стремясь, какъ можно скорѣе, укрѣпить русское владычество на Амурѣ. Неоднократно приходилось мнѣ слышать изъ устъ Муравьева, что это онъ считаетъ своею миссіей, что если не выполнитъ ея сегодня, то завтра ему могутъ не позволить. И дѣйствительно въ своей дѣятельности Н. Н. Муравьевъ уподоблялся орлу со связанными крыльями; духъ его стремился къ широкимъ замысламъ и высокимъ идеаламъ; онъ могъ бы смѣло, по своимъ лѣтамъ, по силѣ здоровья, проработать еще 10 лѣтъ и блестящимъ образомъ завершить свое дѣло; но, выбившись изъ силъ, онъ принужденъ былъ преждевременно оставить Амурскій край, и это обстоятельство неблагопріятно отразилось на дальнѣйшей судьбѣ нашей прекрасной восточной окраины. Замѣстители графа Муравьева-Амурскаго не обладали его геніемъ и энергіей и не чувствовали къ краю той любви, какою былъ преисполненъ графъ; послѣ него дѣла пошли черепашьимь шагомъ; можно считать потерянными не одинъ десятокъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ наши сосѣди успѣли свои дѣла на Амурѣ привести въ порядокъ; только въ послѣдніе годы обращено особое вниманіе на этотъ край, который, быть можетъ, сыграетъ видную роль въ политической жизни Россіи.

12-го ноября графъ Муравьевъ-Амурскій пріѣхалъ въ С.-Петербургъ; на Николаевскомъ вокзалѣ отъ имени государя императора его привѣтствовалъ высланный для встрѣчи дежурный генералъ-адъютантъ, который передалъ Муравьеву о желаніи государя, чтобы графъ прямо съ вокзала въ дорожномъ своемъ костюмѣ явился во дворецъ. По волѣ графа, я переѣхалъ къ нему на квартиру на Большой Морской въ качествѣ дежурнаго чиновника и здѣсь былъ свидѣтелемъ многочисленныхъ визитовъ высшихъ сановниковъ. Вскорѣ выяснилось, что графъ окончательно отказался отъ управленія Восточно-Сибирскимъ краемъ, и что государь императоръ согласился на его просьбу назначить генералъ-губернаторомъ М. С. Карсакова. Послѣдній любезно предложилъ мнѣ должность начальника казачьяго отдѣленія въ главномъ управленіи Восточной Сибирью, но служба въ Сибири безъ Муравьева не манила меня, и я остался причисленнымъ къ военному министерству, а затѣмъ въ началѣ 1862 года принялъ участіе въ акцизной реформѣ, получивъ назначеніе на должность управляющаго акцизными сборами въ Курской губерніи.

Мой старшій братъ поступилъ на службу къ графу Муравьеву-Амурскому прямо съ академической скамьи, былъ ближайшимъ его сотрудникомъ, проникся его идеями и, не смотря на свои почти

юные годы, занялъ высокій постъ начальника штаба. Его способности и талантливость были оцѣнены Николаемъ Николаевичемъ, который дарилъ моего брата теплымъ, дружескимъ чувствомъ. Понятна горесть моего брата, когда онъ, исполняя желаніе Муравьева, долженъ былъ безъ него продолжать службу въ Сибири. Но когда не стало этого согрѣвающаго дружескаго чувства, когда пришлось переживать тяжелыя передряги и остаться безъ поддержки тѣхъ, которые должны были его поддерживать, здоровье брата надорвалось, и онъ умеръ въ молодомъ возростѣ, на 40 году своей жизни.

Съ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ я видѣлся въ 1864 году въ С.-Петербургѣ, затѣмъ въ 1869 году навѣстилъ его въ Парижѣ, и наконецъ послѣдняя наша встрѣча произошла въ С.-Петербургѣ въ началѣ 70-хъ годовъ.

До конца дней своихъ я сохраню память объ этомъ прекрасномъ, добрѣйшемъ и сострадательномъ человѣкѣ, въ рѣдкихъ душевныхъ качествахъ котораго я имѣлъ случай не разъ убѣдиться. Графъ Муравьевъ-Амурскій былъ рыцарь въ полномъ значеніи этого слова, человѣкъ идеи, къ осуществленію которой онъ стремился съ непоколебимой настойчивостью. Дай Богъ Россіи побольше такихъ слугъ! Вѣчная ему память!

Б. К. Кукель.

ЗНАКОМСТВО СЪ И. С. ТУРГЕНЕВЫМЪ.

(Изъ воспоминаній).

Мы ТОЛЬКО что пережили страшную катастрофу 1-го марта, наложившую гнетущее впечатлѣніе, мѣшавшую привычной дѣятельности. Я, занимавшаяся тогда ревностно дѣтской литературой, тоже чувствовала полнѣйшій разладъ собственной скромной дѣятельности, требовавшей благопріятнаго толчка, который помогъ бы войти въ прежнюю колею. Этимъ толчкомъ и было мое знакомство съ И. С. Тургеневымъ, за которое я ухватилась, какъ утопающій хватается за соломинку, на этотъ разъ поборовъ свою робость и рѣшившись идти на проломъ, лишь бы достичь своей цѣли.

Я узнала, что онъ остановился въ меблированныхъ комнатахъ, на углу Невскаго и Малой Морской, въ домѣ № 11, и въ одинъ сѣренькій, далеко не веселый день, хотя то и было 3-го мая, смѣло отправилась къ нему.

— Дома г. Тургеневъ?—спросила я швейцара, не давая себѣ времени къ отступленію.

— Только что изволили вернуться,—отвѣтилъ онъ и проводилъ меня въ третій этажъ, къ двери № 2.

Я смѣло, хотя и съ сильно бившимся сердцемъ, дернула ручку звонка. Дверь почти тотчасъ же отворилась, и предо мной предсталъ самъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Можно войти? — спросила я, нерѣшительно остановившись на порогѣ.

— Сдѣлайте одолженіе! — проговорилъ онъ, любезно давая мнѣ дорогу и затѣмъ помогая мнѣ снять пальто.

Изъ крошечной полутемной прихожей мы вошли въ небольшую гостиную, въ три окна, съ балкономъ.

— Извините, что я обезпокоила васъ, Иванъ Сергѣевичъ,— начала я, усаживаясь на предложенное имъ кресло.

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить? — спросилъ онъ все съ той же любезностью, садясь въ кресло противъ меня.

Я назвала себя.

— Чѣмъ могу вамъ быть полезенъ?

— Ничѣмъ, Иванъ Сергѣевичъ, кромѣ позволенія посмотрѣть на васъ и этимъ освѣжиться и подкрѣпиться! — отвѣчала я съ искреннимъ чувствомъ.— Въ тяжелое время, что мы теперь переживаемъ, это освѣженіе такъ необходимо; и я рѣшилась для этого обезпокоить васъ, чтобы набраться новыхъ силъ, что мнѣ очень необходимо при моей дѣятельности въ дѣтской литературѣ...

Онъ оживился при моихъ словахъ и, улыбаясь дѣтски-стыдливой улыбкой, проговорилъ, сконфуженно опустивъ глаза:

— Мнѣ очень пріятно это слышать... Такое вниманіе... А вы, вѣроятно, пишете въ журналахъ?

Я назвала тѣ дѣтскіе журналы, въ которыхъ тогда участвовала. Упомянувъ объ «Игрушечкѣ», въ которой начала писать съ самаго ея основанія, я прибавила: «которую издаетъ ваша знакомая Татьяна Петровна Пассекъ»...

— Ахъ, какъ же, какъ же! И я вамъ очень благодаренъ, что вы мнѣ о ней напомнили; я имѣю къ ней одно порученіе. Вы, вѣроятно, знаете ея адресъ и потрудитесь мнѣ его сказать. А какъ теперь идутъ дѣтскіе журналы? — продолжалъ онъ: — прежде вѣдь ими очень мало интересовались! Которые изъ нихъ больше любятъ?

Отвѣтя на его первые вопросы и высказавъ мой взглядъ на этотъ предметъ и мое мнѣніе о нашихъ дѣтскихъ журналахъ, я сказала, что болѣе всего любятъ «Дѣтское Чтеніе».

— Да, это хорошій журналъ, — подтвердилъ онъ: — мнѣ его высылаютъ.

Воспользовавшись этимъ замѣчаніемъ, я, тоже работавшая въ этомъ журналѣ, выходившемъ подъ редакціей Виктора Петровича Острогорскаго, напомнила ему про его обѣщаніе написать что нибудь для этого журнала.

— Да, я давно уже обѣщалъ г-ну Острогорскому,— проговорилъ онъ: — да все боюсь, что не сумѣю написать. Вѣдь это такъ трудно писать для дѣтей!

— Вамъ-то, Иванъ Сергѣевичъ, — замѣтила я: — съ вашей мяг-

костью, чистотой и художественной правдой, ужъ совсѣмъ не должно быть трудно!

— Ахъ, нѣтъ; боюсь, боюсь! — повторилъ онъ, схватившись за голову, будто со страхомъ отмахиваясь. — Хотя я, когда-то давно, когда жилъ въ деревнѣ съ семействомъ однихъ знакомыхъ, гдѣ были дѣти, разсказывалъ имъ цѣлую серію маленькихъ разсказовъ, въ видѣ сказокъ; и имъ это очень нравилось. Но вообще такъ трудно писать для дѣтей, чтобы было и просто, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы они не замѣчали того, что они дѣти, что они другого не поймутъ. Вотъ я обѣщалъ Толстому написать что нибудь для «Дѣтскаго Отдыха», да и то не знаю, когда соберусь. Развѣ разскажу одинъ случай, поразившій меня въ дѣтствѣ, когда охотникъ подстрѣлилъ птицу, и она, лежа у меня на рукѣ, смотрѣла на меня такимъ взглядомъ, будто спрашивала: «За что же это?» — Да и вообще вѣдь я совсѣмъ разучился писать. Ужъ сколько лѣтъ не бралъ пера въ руки.

— Ну, по той маленькой вещи, которую вы помѣстили недавно въ «Порядкѣ» [1], — замѣтила я, — не видно, чтобы вы разучились писать!

— Да вѣдь это у меня давно были небольшіе наброски, которые я теперь только обработалъ. Вотъ, можетъ быть, въ деревнѣ что нибудь напишу. Къ тому же близъ меня будетъ жить Левъ Толстой; мы будемъ съ нимъ часто видѣться; онъ тоже хочетъ писать; ну, мы и будемъ другъ друга подталкивать. Я вѣдь здѣсь пробуду до 15-го, а потомъ поѣду въ деревню, на лоно матери-природы. Склонюсь къ ней ухомъ, не услышу ли чего? Только жаль, что никогда ничего не слышно, кромѣ невнятнаго шопота!..

— Въ деревнѣ,— продолжалъ онъ,— я хочу прожить мѣсяца три. Теперь я тамъ устроилъ домъ; а то онъ у меня поразвалился немного. Прежде я тамъ по годамъ живалъ, а потомъ только на короткое время пріѣзжалъ; ну, онъ и позапустился: кое-гдѣ и продувало, и протекало. А теперь все это устроилось: можно жить. У меня тамъ большой садъ. Къ тому же это близко отъ города Мценска; оттуда можно всю провизію доставать,— голодать не буду.

Я спросила, не свой ли садъ онъ такъ прелестно описалъ въ повѣсти «Три встрѣчи».

— Нѣтъ,— отвѣтилъ онъ, — это въ другомъ имѣніи, принадлежавшемъ моей матери; а свой я слегка описалъ, кажется, въ «Нови».

Заговоривъ о моемъ предполагаемомъ рисункѣ, съ его портретомъ, окруженномъ сценками изъ его сочиненій, я просила его подать свой совѣтъ на счетъ выбора этихъ сценокъ.

— Знаете,— замѣтилъ онъ,— такой выборъ для меня собственно

[1] «Изъ воспоминаній своихъ и чужихъ».

довольно труденъ, такъ какъ, хотя, повидимому, мнѣ дороги всѣ мои произведенія, какъ мои дѣти, но, когда случается мнѣ ихъ просматривать всѣ, при новомъ изданіи, то прежде всего является недовольство. Все кажется, что многое недостаточно сшито бѣлыми нитками; многое не досказано, такъ что интереснѣе слышать мнѣніе посторонняго читателя.

Когда я высказала ему, что именно хочу помѣстить, онъ, выслушавъ меня очень внимательно, замѣтилъ:

— Я нахожу, что вашъ выборъ очень хорошъ!

Послѣ того, коснувшись Рудина, я передала ему, что этотъ романъ особенно любимъ въ Норвегіи, гдѣ всѣ его сочиненія переведены на норвежскій языкъ, разсказавъ при томъ, какъ мы были гостепріимно приняты во время нашего путешествія по Норвегіи въ домѣ одного помѣщика, гдѣ было собрано большое общество интеллигентныхъ людей, которые очень интересовались и русской литературой, и музыкой; причемъ, познакомивъ насъ сначала съ музыкой норвежской, двое изъ пѣвцевъ въ честь насъ спѣли одинъ изъ дуэтовъ Рубинштейна.

Иванъ Сергѣевичъ, повидимому, очень довольный своею популярностью въ Норвегіи, прибавилъ:

— Я зналъ, что мои сочиненія переведены на нѣкоторые языки, но не зналъ, что они передены на норвежскій.

Нашъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ мальчика лѣтъ 14—15, остановившагося въ дверяхъ, съ низкопочтительнымъ поклономъ и радостно осклабленной физіономіей.

— А, это вы! — проговорилъ Иванъ Сергѣевичъ, вглядѣвшись въ мальчика: — это вы мнѣ стихи приносили?

Затѣмъ онъ всталъ и, доставъ съ этажерки маленькій портфель, сѣлъ на диванъ, усадивъ мальчика подлѣ, на кресло. Вынувъ изъ портфеля исписанные листки, онъ сталъ говорить мальчику о поэзіи такъ просто, понятно. Говорилъ, что для того, чтобы писать стихи, мало только умѣть складывать риѳмы, но нужно образовать свой умъ и развить вкусъ; что поэзія, это нѣжный цвѣтокъ, съ которымъ нужно умѣть обращаться; и чѣмъ лучше уходъ за такимъ цвѣткомъ, тѣмъ онъ становится красивѣе и пышнѣе; что главное нужно учиться и читать, много читать нашихъ великихъ поэтовъ. Спросилъ, чьи есть у него изъ сочиненій.

Мальчикъ отвѣтилъ, что купилъ дешевое изданіе сочиненій Лермонтова и Некрасова.

— А Пушкинъ есть у васъ? Вѣдь Пушкина нужно чуть не всего знать наизусть?

Когда тотъ отвѣтилъ, что Пушкина у него нѣтъ, Иванъ Сергѣевичъ сказалъ: — Такъ позвольте мнѣ его поднести вамъ въ подарокъ. Вы зайдите сюда, такъ, дня черезъ два; теперь его у меня нѣтъ; а тогда я вамъ приготовлю и дамъ.

Сталъ разспрашивать, гдѣ онъ учился. Потомъ, найдя между стихами мальчика свою фотографію, спросилъ его:

— Это вы хотите, чтобы я вамъ подписалъ? — и, подписавъ ее, прибавилъ: — а стихи вы мнѣ оставьте на память. Можетъ быть, вы будете со временемъ великимъ поэтомъ, — добавилъ онъ, добродушно улыбаясь, — и вотъ я тогда и напомню вамъ о нихъ!

По уходѣ мальчика, онъ заговорилъ объ его стихахъ:

— Стихи его совсѣмъ дѣтскіе; но, видно, способный онъ такой; учиться ему сильно хочется; и лицо у него такое умное, смѣтливое. Думаю, не изъ нашихъ ли онъ, изъ орловскихъ [1]).

Перейдя затѣмъ къ литературѣ вообще, онъ коснулся крайнихъ славянофиловъ.

— Что это за поворотъ назадъ, ко всему прежнему, до-Петровскому?! Хоть бы они подумали о томъ, что тогда нужно будетъ возвратить къ прежнему и нашъ прекрасный, богатый языкъ! А знаете, потому самому, какъ образовался за послѣднее время этотъ языкъ, тотъ языкъ, который до временъ Петра былъ такъ тяжелъ, что на немъ трудно было излагать свои мысли, который едва складывался въ форменныя, сухія донесенія, и который съ Пушкина развился такъ богато, сложился такъ поэтично, — потому самому я вѣрю, что у народа, выработавшаго такой языкъ, должно быть прекрасное будущее!..

Онъ говорилъ съ увлеченіемъ, своимъ мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ, съ маленькимъ пришепетованіемъ, похожимъ на дѣтское воркованье. Рѣчь его лилась плавно; всѣ выраженія были такъ красиво округлены, и вмѣстѣ съ тѣмъ поражала необыкновенная простота его обращенія, соединенная съ какимъ-то величавымъ спокойствіемъ, такъ что вы и благоговѣли и чувствовали себя подлѣ чего-то близкаго, родного. Вы были подъ обаяніемъ этого человѣка, царившаго надъ вами, но не подавлявшаго васъ своимъ величіемъ, а какъ бы озарявшаго имъ, какъ озарялъ васъ, проникая въ сердце, глубокій, безконечно добрый, вдумчивый взглядъ его прекрасныхъ глазъ, которыми онъ смотрѣлъ прямо въ ваши глаза, и въ то время, когда самъ говорилъ, и когда внимательно слушалъ васъ.

Видъ онъ имѣлъ тогда здоровый и бодрый. Лицо было полно, со свѣжимъ румянцемъ; чисто русское лицо, обрамленное снѣжно-бѣлыми волосами, одна прядь которыхъ упрямо падала на его умный, высокій лобъ; съ такими же бѣлыми усами и бородой, окружавшими добрыя румяныя губы, и притомъ, огромнаго роста и широкоплечій, онъ казался истинно русскимъ богатыремъ.

И невольно, глядя на него, хотѣлось взять его руку и сказать:

---

[1]) Мальчикъ хотя оказался и не изъ орловскихъ, но былъ очень способенъ. Служа въ одной конторѣ, онъ все свободное время посвящалъ ученью. Знакомство съ Тургеневымъ удвоило это рвеніе, и имя Тургенева стало его талисманомъ. Поступивъ въ учительскую семинарію онъ отлично кончилъ тамъ ученіе и вышелъ на учительское поприще.

Спасибо за тѣ минуты высокаго наслажденія, которое испытывали мы, читая тѣ художественныя страницы, что переносили насъ подъ мягкую сѣнь задумчивыхъ лѣсовъ, подъ сводъ небесъ, то румянившихся багрянцемъ заката, то мигавшихъ миріадами звѣздъ; уносили насъ къ тѣмъ людямъ, что радовались и страдали, памятными намъ радостями и страданіями, что познакомили насъ съ русской женщиной, умѣющей беззавѣтно любить и неустанно трудиться!

С. Лаврентьева.

ПЕТРОЗАВОДСКАЯ СТАРИНА.

Дикъ и угрюмъ Обонежскій край. Проѣзжая по нему, вы нигдѣ не встрѣтите ландшафта съ тѣми яркими и веселыми красками, которыя придаютъ такую прелесть ландшафту южнорусскому — наоборотъ, все тутъ темно и мрачно. А между тѣмъ Обонежье имѣетъ свою особую, суровую красоту. Ѣдете вы, напримѣръ, по узкой, извилистой, усѣянной булыжникомъ дорогѣ. Вотъ она начинаетъ довольно круто спускаться, такъ что возница слѣзаетъ съ облучка и ведетъ лошадь подъ уздцы. Передъ вами разверзается ущелье, изъ котораго тянетъ пронизывающей, застоявшейся сыростью; съ обѣихъ сторонъ дороги высятся почти отвѣсныя черныя скалы, съ голыми боками, изрѣдка гдѣ поросшими мохомъ или украшенными чахлой искривившейся сосенкой. За то на вершинѣ скалы раскинулся густой, черный хвойный лѣсъ, упирающійся, какъ кажется изъ глубины ущелья, въ самое небо, которое узкой полоской тянется высоко надъ головой путника. Или вдругъ дорога даетъ крутой поворотъ, и передъ вашимъ изумленнымъ взоромъ раскидывается громадное озеро, зеркальная поверхность котораго испещрена массой островковъ, а берега стѣснены опять таки тѣми же мрачными величавыми утесами и осѣнены чернымъ боромъ. И невольно залюбуешься на эту суровую красоту. А вотъ горная рѣчка неудержимо мчится по глубокому оврагу. Ея русло переполнено массою камней и камешковъ, которые то выдаются надъ водой, то прячутся подъ ней, и мѣшаютъ рѣчкѣ течь спокойно въ озеро; и она сердится, подпрыгиваетъ

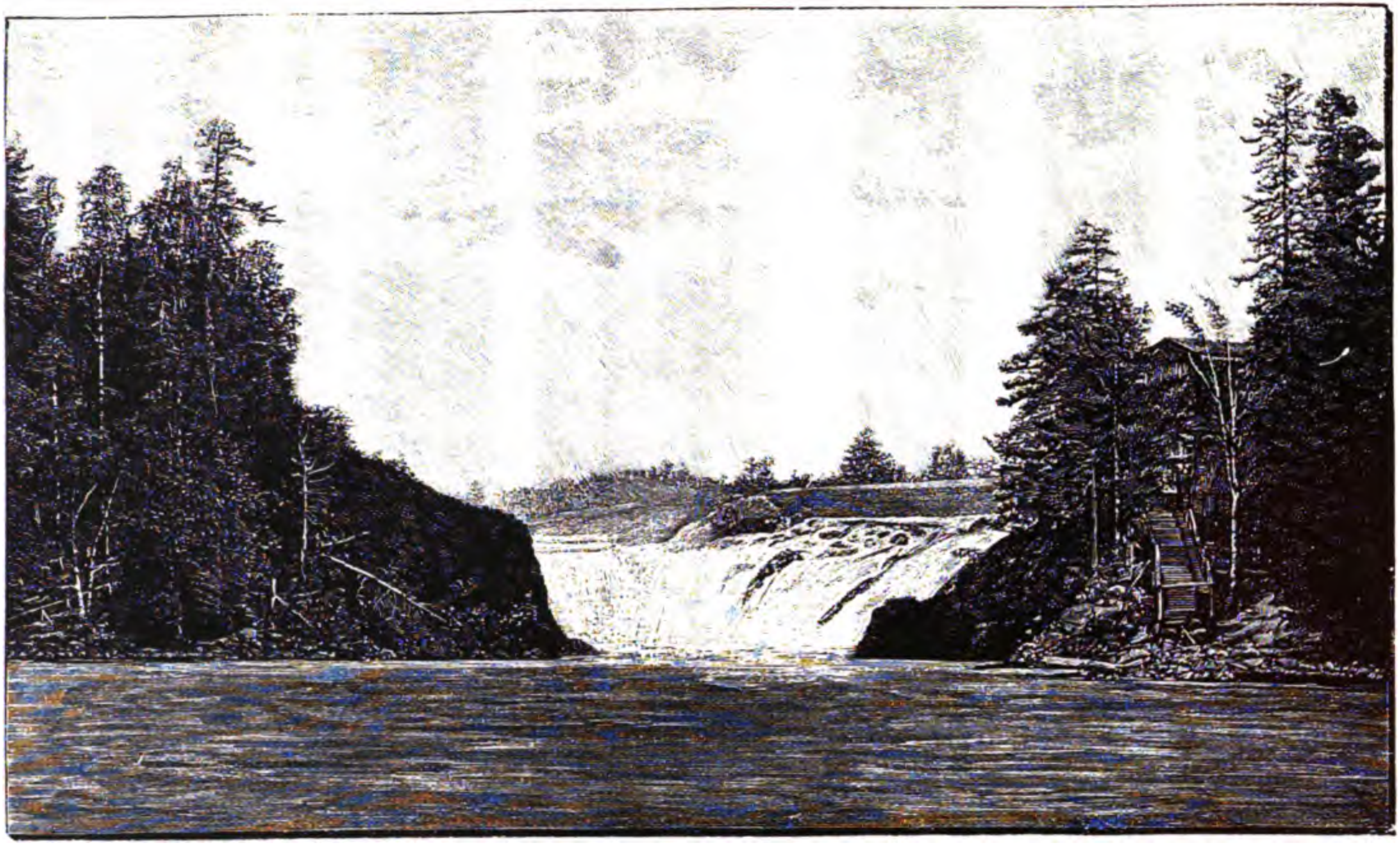
на каждомъ камешкѣ, шумитъ, бурлитъ и брыжжетъ пѣной. А водопады! Кто не слышалъ про Кивачъ, которому нѣтъ равнаго во всей Европѣ? Еще версты за четыре отъ этого гиганта по лѣсу идетъ смутный гулъ, который все увеличивается по мѣрѣ того, какъ вы приближаетесь къ водопаду, и наконецъ переходитъ въ такой оглушительный ревъ, что трудно разобрать человѣческое слово, даже если кричать изо всей мочи въ самое ухо. Еще нѣсколько саженъ выше Кивача рѣка Суна течетъ ровно и плавно, но вотъ ее стискиваютъ съ обѣихъ сторонъ гранитные утесы, а нѣсколько саженъ ниже зубчатая гранитная стѣна становится поперекъ рѣки и преграждаетъ теченіе. Отчаяннымъ натискомъ прорывается Суна между зубцами и съ высоты 8 саженъ, почти отвѣсно низвергается въ бездну, превращаясь въ клубы пѣны и разбиваясь на миріады брызгъ, которыя туманнымъ столбомъ возносятся надъ водой и окропляютъ вершины вѣковыхъ прибрежныхъ сосенъ. Попробуйте спустить въ водопадъ, какъ говорятъ олончане, «падунъ», бревно: его моментально скроетъ отъ вашихъ глазъ бурная бездна, а черезъ нѣсколько мгновеній внизъ по рѣкѣ бѣшенымъ теченіемъ понесетъ однѣ только жалкія щепки.

Красивъ Обонежскій край, но среди его скалъ и озеръ мало найдется пахатной земли. Въ урожайные года у рѣдкаго крестьянина хватаетъ своего хлѣба дальше Рождества, а при плохомъ урожаѣ и еще раньше начинаетъ мужикъ покупать привозный хлѣбъ. А если денегъ нѣтъ, то прибѣгаютъ къ хлѣбу изъ сосновой коры, который приготовляется слѣдующимъ образомъ. Весною, послѣ перваго грома, сдираютъ съ сосенъ кору, отдѣляютъ отъ верхнихъ толстыхъ слоевъ коры нижнюю,бѣловатую оболочку, которую сушатъ и потомъ кладутъ на горячіе уголья, чтобы выгорѣлъ смолистый вкусъ; когда кора приметъ отъ жара красный цвѣтъ, толкутъ ее въ ступахъ, или мелютъ на ручныхъ жерновахъ, или на мельницѣ. Если есть еще ржаная мука, то къ сосновой прибавляютъ немного ея, и изъ этой смѣси пекутъ хлѣбъ; а если нѣтъ, то толченую кору прямо всыпаютъ въ молоко и питаются этой молочно-сосновой кашей въ сыромъ видѣ. Само собой разумѣется, что такое питаніе сопровождается грустными послѣдствіями: человѣкъ начинаетъ пухнуть, и только свыкшіяся съ сосновой корой и особо крѣпкія натуры избѣгаютъ преждевременной смерти. При такомъ положеніи вещей участь олончанъ надо было бы признать крайне горькой, если бы значительнымъ подспорьемъ въ крестьянскомъ быту этого края не являлись разные промыслы: охота, рыболовство, промыслы лѣсной, кустарный и горный. Я хочу подробнѣе остановиться на послѣднемъ, и именно на добываніи рудъ, которымъ олончане занимались съ давнихъ временъ, такъ что даже нѣтъ возможности указать начало этого промысла въ Обонежьѣ. Весьма вѣроятно, что обработка желѣза въ этихъ краяхъ стоитъ въ связи съ мѣстнымъ кореннымъ населені-

омъ финскаго племени, которое еще въ незапамятныя времена славилось своими металлическими издѣліями: финскіе мечи и ножи издревле пользовались доброй репутаціей на всемъ Сѣверѣ. Какъ бы то ни было, но уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича горный промыселъ въ Олонецкомъ краѣ существовалъ; при этомъ царѣ Олонецкіе рудники были сданы на откупъ датчанину Розенбушу, который, однако, не выполнилъ принятыхъ на себя обязательствъ, а потому рудники были обратно отобраны въ казну. Въ 1698 году Петръ Великій былъ въ Саксоніи и, осматривая горные заводы въ Фрейбергѣ, Аннабергѣ и другихъ мѣстахъ, просилъ короля снабдить его искусными горными инженерами. Въ числѣ охотниковъ, изъявившихъ желаніе ѣхать въ Россію, былъ Иванъ-Фридрихъ Блюэръ, носившій званіе пробирнаго мастера. Въ 1701 г. онъ былъ отправленъ въ Олонецкія горы къ сѣверу отъ Ладожскаго озера, открылъ тамъ мѣдныя руды и завелъ 3 мѣдноплавильныхъ завода въ окрестностяхъ нынѣшняго г. Повѣнца. Вскорѣ послѣ этого при впаденіи рѣки Лососинки въ Онежское озеро былъ выстроенъ чугунно-литейный и пушечный заводъ, названный Петровскимъ. Это было въ въ 1703 г.—въ одинъ годъ съ основаніемъ Петербурга. О постройкѣ Петровскаго завода при Лососинкѣ есть слѣдующее мѣстное преданіе. Благодаря пустынности Обонежья, здѣсь искали убѣжища многіе бѣглые рекруты изъ олончанъ, для отысканія которыхъ сюда посылались офицеры съ командами. Одинъ изъ нихъ, капитанъ гвардіи, отыскивая бѣглецовъ, пріѣхалъ на мѣсто нынѣшняго Петрозаводска, гдѣ стояла тогда одна бѣдная мельница на р. Лососинкѣ и нѣсколько шалашей на берегу залива, въ которыхъ становали рыболовы. Капитанъ, разговаривая съ рыболовами, узналъ отъ нихъ о богатыхъ запасахъ рудъ, изъ которыхъ крестьяне на своихъ кузницахъ приготовляли желѣзо. Тогда онъ собралъ нѣсколько пробъ рудъ и представилъ ихъ Петру Великому. Петръ послалъ для развѣдокъ нѣсколько мастеровъ, а потомъ повелѣлъ открыть заводъ[1]).

Около того же времени Петръ самъ посѣтилъ Олонецкій край. Въ 1702 г. ему надо было изъ Архангельска пробраться на Неву съ цѣлью военныхъ дѣйствій противъ шведовъ. Для этого путешествія онъ избралъ кратчайшій путь черезъ Повѣнецъ, хотя при такомъ маршрутѣ приходилось пробираться черезъ горы, топи, рѣки

[1]) Это преданіе сохранено г. Валандинымъ. Дѣдъ Валандина былъ однимъ изъ первыхъ петрозаводскихъ поселенцевъ; у него, а потомъ у его сына, собирались по воскреснымъ вечерамъ петрозаводскіе старожилы и вели бесѣды о прошломъ своего города. Валандинъ-внукъ съ дѣтства сталъ собирать эти разсказы и, прибавивъ къ нимъ кое-какія свѣдѣнія изъ офиціальныхъ документовъ, составилъ въ первой четверти нынѣшняго вѣка «Петрозаводскія сѣверныя вечернія бесѣды», которыя были напечатаны уже послѣ его смерти въ «Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1866 и 1867 годы. Главное свойство «Бесѣдъ» — стремленіе къ цвѣтистости, порождающее страшную растянутость, и вмѣстѣ съ тѣмъ крайняя скудость содержанія. Однако кое-что въ нихъ любопытно, какъ увидимъ ниже. Тимоѳей Валандинъ служилъ въ Петрозаводскѣ горнозаводскимъ шихтмейстеромъ.



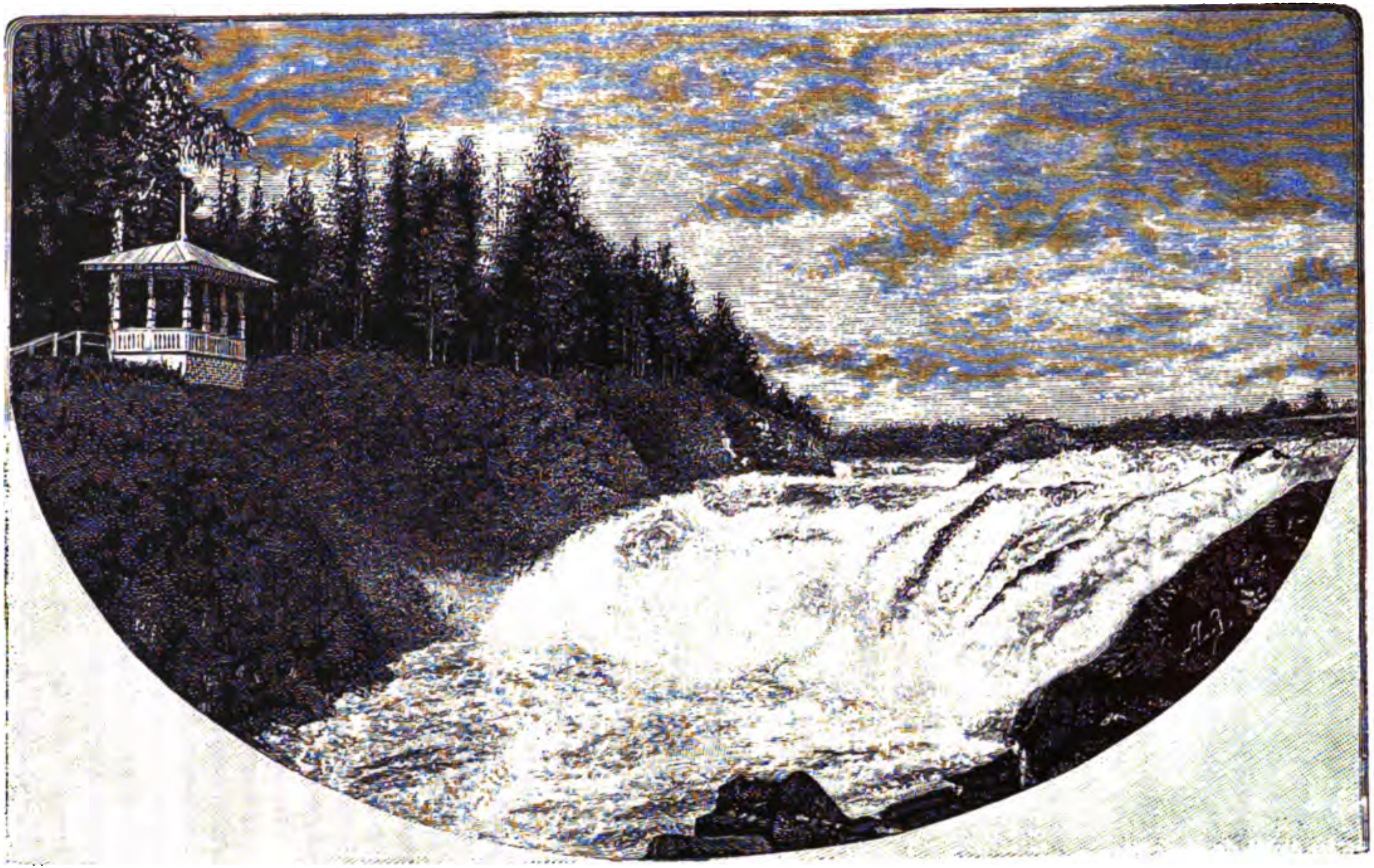
Первый видъ водопада Кивача.

и дебри, словомъ, черезъ мѣста, гдѣ, пожалуй, и нога человѣческая никогда не ступала. Однако Петръ съ 4,000 войска и двумя яхтами двинулся въ путь, прорубилъ широкія просѣки, настлалъ мосты черезъ рѣки и болота, и черезъ 10 дней былъ уже въ Повѣнцѣ; яхты также вслѣдъ за нимъ были перетащены по сухому пути. Еще въ нынѣшнемъ вѣкѣ видны были слѣды этой дороги. Вотъ какъ описываетъ ихъ нѣкто Родинъ, посѣтившій Повѣнецкій уѣздъ около 1833 г.: «тамъ, гдѣ за 130 лѣтъ передъ симъ была проложена дорога для перехода царя съ войскомъ, шириною до 3 саженъ, нынѣ ростетъ лѣсъ, ничѣмъ отъ прочаго не отличающійся. Признакомъ дороги по сухимъ мѣстамъ только могутъ быть по обѣимъ сторонамъ лежащіе каменья, сдвинутые съ мѣстъ своихъ для очистки дороги, а по болотнымъ мѣстамъ оставшіяся мостовины. Нынѣ по сухимъ мѣстамъ сей дороги пѣшеходами, которые только въ необходимыхъ случаяхъ переходятъ изъ деревни въ другую, изрыта тропинка, которая мѣстами вовсе теряется». Тотъ же Родинъ сообщаетъ нѣсколько народныхъ преданій о путешествіи Петра по этой дорогѣ. Въ деревню Вохмосальму царь прибылъ наканунѣ Ильина дня, когда былъ храмовой праздникъ въ сосѣднемъ погостѣ Выгозерскомъ. «Старшины Выгозерской волости явились къ царю съ просьбою отъ имени Ильи Пророка, говоря: «Государь! Илья Пророкъ завтра велѣлъ звать тебя къ себѣ». Петръ не отказался. Но утро праздника было чрезвычайно дождливое. Когда же настало время начинать обѣдню, старшины вторично отправились изъ погоста въ Вохмосальму, и на повторенную ихъ просьбу Петръ отвѣчалъ: «Вѣрно, Илья Пророкъ не хочетъ, чтобъ я у него былъ, послалъ дождь,—снесите-жъ ему отъ меня гостинецъ», далъ старшинамъ червонцевъ и сказалъ: «молитесь и просите милости Пророка». Сей день государь по причинѣ дурной погоды провелъ въ деревнѣ Вохмосальмѣ и за какія-то оказанныя услуги хозяиномъ того дома, въ которомъ изволилъ остановиться, наградилъ его кафтаномъ, вышитымъ золотомъ. Крестьяне пожилыхъ лѣтъ той деревни не могли мнѣ дать ясное понятіе о томъ кафтанѣ, ибо отъ времени давно уже нѣтъ сего кафтана» [1].

Въ Повѣнцѣ Петръ былъ 28 августа. Яхты были спущены въ озеро, и царь направился къ истоку Свири. Преданіе сообщаетъ, что выѣхалъ онъ при благопріятной погодѣ, но у острова, отстоящаго на версту отъ города, былъ встрѣченъ противнымъ вѣтромъ. Тутъ онъ вспомнилъ, что, выѣзжая изъ Повѣнца, забылъ помолиться въ городскомъ Петропавловскомъ соборѣ.—«Вѣрно, повѣнецкій Петръ сильнѣе московскаго»,—сказалъ царь и вернулся отслужить молебенъ въ соборѣ. Вѣтеръ тотчасъ же послѣ молебна перемѣнился, и Петръ благополучно поплылъ по Онегу, а островъ, отъ котораго

---

[1]) Записка Родина помѣщена въ приложеніи къ книжкѣ архіепископа Игнатія: «Воспоминаніе о пришествіяхъ великаго государя Петра Перваго въ Олонецъ». Спб. 1849 г. Изданіе 2-е.



Второй видъ водопада Кивача.

царь вернулся, до сихъ поръ сохраняетъ названіе Поворотнаго, или Воротнаго [1]). 3 сентября Петръ былъ уже на серединѣ Свири и близъ деревни Мокриговицы, гдѣ нынѣ Лодейное Поле, заложилъ корабельную верфь. Затѣмъ онъ поспѣшилъ далѣе, на Неву, но въ устьѣ Свири принужденъ былъ потерять 10 сутокъ: на Ладожскомъ озерѣ свирѣпствовала одна изъ тѣхъ бурь, которыя настолько страшны, что и въ настоящее время не только парусныя суда, но и большіе озерные пароходы морского типа не рискуютъ выходить въ озеро, когда оно разбушуется. Эта досадная задержка, какъ говорятъ, и навела Петра на мысль устроить каналъ для обхода Ладожскаго озера. Однако на этотъ разъ ему пришлось покориться разъяренной стихіи и сухимъ путемъ объѣхать Ладожское озеро, чтобы не пропустить удобнаго времени для осады Орѣшка, который, какъ извѣстно, тогда же и былъ взятъ имъ.

Въ 1703 году Петръ опять посѣтилъ Олонецкій край и прожилъ около 2 мѣсяцевъ на Лодейнопольской верфи, гдѣ заложилъ 6 фрегатовъ и 9 шнявъ; въ сентябрѣ онъ вернулся въ Петербургъ на первомъ построенномъ въ Лодейномъ Полѣ фрегатѣ «Штандартъ». Черезъ годъ Петръ снова былъ на верфи, докончилъ отдѣлку прежде заложенныхъ кораблей и на этой новой флотиліи вернулся въ Петербургъ, гдѣ построилъ адмиралтейскую верфь. Верфь Лодейнопольская просуществовала еще около столѣтія, и память о ней до сихъ поръ сохраняется въ гербѣ города, который изображаетъ оснащенный корабль съ императорскимъ штандартомъ на голубомъ полѣ. Возлѣ верфи Петръ построилъ себѣ дворецъ и воздвигъ церковь во имя апостола Петра. Всѣ постройки были обнесены землянымъ валомъ. Въ настоящее время отъ дворца никакихъ слѣдовъ не осталось; а на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ, возвышается чугунный обелискъ съ бюстомъ Петра. На пьедесталѣ надпись: «На томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ дворецъ Петра I, да знаменуетъ слѣды великаго сей скромный, простымъ усердіемъ воздвигнутый памятникъ». Этотъ обелискъ поставленъ въ 1832 г. на средства проживавшаго въ Лодейномъ Полѣ петербургскаго купца Сафронова, уроженца Петрозаводскаго уѣзда. Рядомъ съ обелискомъ стоитъ новый каменный соборъ, построенный около того же времени, то-есть въ 30-хъ годахъ, жителями Лодейнаго Поля вмѣсто прежняго деревяннаго.

Одновременно съ постройкой кораблей въ Лодейномъ Полѣ бергпробиреръ Блюэръ и комендантъ Чоглоковъ, подъ главнымъ руководствомъ Меншикова, съ великою поспѣшностью строили пушечный заводъ на Лососинкѣ. Въ теченіе 1703 года они успѣли покончить постройку плотинъ (заводъ работалъ при помощи водя-

[1]) «Олонецкія Губернскія Вѣдомости», 1878 г., № 48, стр. 568. (Статья: «Императоръ Петръ Великій и дѣятельность его на Олонцѣ»).

ныхъ двигателей), доменныхъ печей, фабричныхъ и жилыхъ строеній; тогда же воздвинуты были, по планамъ самого Петра, церковь и дворецъ, окруженный садомъ «съ перспективами» и прудомъ для рыбы. Всѣ постройки обнесены были валомъ и, на случай нападенія шведовъ, защищены шестью батареями. Въ январѣ 1704 года начались въ мастерской работы, которыя шли непрерывно и днемъ и ночью. На Петровскомъ заводѣ приготовлялись пушки, снаряды, холодное оружіе, якоря, разныя принадлежности аммуниціи и т. п., и притомъ все это изготовлялось въ громадныхъ количествахъ, такъ какъ издѣліями Петровскаго завода снабжались весь флотъ и вся армія. Бывали транспорты по 4.000 подводъ. Начальникомъ заводовъ, а также и Лодейнопольской верфи, до 1713 года былъ Чоглоковъ, а въ 1713 году его смѣнилъ В. И. Генинъ, человѣкъ большихъ познаній и практической сноровки, сумѣвшій довести подвѣдомственные ему заводы до блестящаго положенія. Въ 1722 году Генинъ посланъ былъ на сибирскіе заводы, и съ тѣхъ поръ горное дѣло въ Олонецкомъ краѣ стало клониться къ упадку. Этому, конечно, способствовало еще и то обстоятельство, что съ окончаніемъ великой сѣверной войны спросъ на боевые припасы долженъ былъ сильно пасть. Но, во всякомъ случаѣ, во время героической борьбы Петра со шведами петрозаводскія пушки сослужили Россіи хорошую службу, и, кромѣ того, олончане могутъ гордиться тѣмъ, что первые русскіе военные корабли на Балтійскомъ морѣ были построены олонецкими мастерами, вооружены олонецкими орудіями и стрѣляли олонецкими снарядами. Самъ Петръ неоднократно посѣщалъ новые заводы, наблюдалъ за успѣшнымъ производствомъ работъ и даже нерѣдко самъ, съ молотомъ въ рукахъ, наряду съ рабочими, выковывалъ желѣзо и тесалъ топоромъ огромные брусья при устройствѣ заводской плотины. Желѣзныя полосы, выкованныя Петромъ на Петровскомъ заводѣ, хранятся доселѣ въ Эрмитажѣ. Во время своихъ посѣщеній завода на Лососинкѣ Петръ жилъ во дворцѣ рядомъ съ заводомъ. Описаніе этого дворца сохранено намъ Баландинымъ. Постройка была деревянная, двухъэтажная, длиною въ 15 саженъ, шириною въ 8. Окна были слюдяныя, съ жестяными переплетами. Часть печей были чугунныя, украшенныя короною и вензелемъ Петра, другія—изъ кирпича. Сколько было комнатъ во дворцѣ, Баландинъ уже не помнилъ, но помнилъ, что покои были убраны шпалерами, красивой мебелью, картинами и зеркалами, а «особливо кабинетъ украшеніемъ былъ между прочими покоями превосходенъ». Кругомъ дворца расположены были дома для свиты, службы, разбитъ садъ изъ ильмовъ, черемухи, рябины, липы, дуба, насажены кусты малины и смородины. Въ послѣдующія времена садъ этотъ былъ въ забросѣ; малина и смородина исчезли изъ него безслѣдно, бури выломали много деревьевъ, скотъ попортилъ всѣ газоны, а люди растаскали заборъ. Еще въ началѣ нынѣшняго сто-

лѣтія этотъ садъ представлялъ грустный пустырь [1]), но затѣмъ его снова засадили, подчистили, и теперь онъ, отлично разросшись, составляетъ украшеніе города и любимое мѣсто прогулокъ горожанъ лѣтомъ. Прудъ, выкопанный въ саду при Петрѣ, сохранился, но онъ весь засоренъ и заплѣснѣлъ, хотя на обоихъ концахъ его стоятъ столбы съ надписью: «Просятъ пруда не сорить и не портить». На лужайкѣ надъ прудомъ высится деревянный колъ, а на немъ дощечка съ надписью: «Здѣсь стоялъ дворецъ Петра Великаго»—это все, что осталось отъ дворца. Баландинъ разсказываетъ грустную исторію объ уничтоженіи этого зданія. Вмѣстѣ съ упадкомъ Олонецкихъ заводовъ послѣ смерти Петра Великаго, ослабѣлъ присмотръ за его дворцомъ на Лососинкѣ. Дворецъ мало-по-малу сталъ разрушаться, и къ серединѣ XVIII вѣка всѣ окна въ немъ были переломаны, переплеты либо растащены, либо исковерканы, полы нижняго этажа были также унесены, отъ внутренняго убранства осталось одно лишь воспоминаніе. Окончательно дворецъ былъ уничтоженъ лѣтъ 100 тому назадъ, когда въ Петрозаводскѣ строился новый Александровскій заводъ. Горный начальникъ Ярцовъ приказалъ разобрать дворецъ и изъ бревенъ построилъ себѣ домъ. Но и этотъ домъ скоро постигла мерзость запустѣнія, такъ какъ для горныхъ начальниковъ выстроенъ былъ другой, каменный, а старый опять раскатили, и бревна, по распоряженію городской думы, предназначили на постройку лазарета. Возвели фундаментъ; «но поднесь на ономъ въ построеніи лазарета не имѣется», а бревна, лежа въ кучахъ на землѣ, отчасти сгнили, отчасти растащены. Баландинъ видѣлъ еще остатки дворцовыхъ службъ и валовъ, возведенныхъ при Петрѣ, но при немъ же мѣсто, на которомъ они находились, отдано было «купцу Гордею въ огородъ, и подъ овощною запашкою означенныя мѣстоположенія видъ скрыли въ грядахъ» [2]).

Недалеко отъ дворца былъ построенъ, какъ мы уже говорили, деревянный соборъ во имя апостоловъ Петра и Павла. Онъ имѣетъ форму креста и увѣнчанъ высокимъ шпицемъ, на верхушкѣ котораго при Петрѣ зажигался огонь, служившій маякомъ для плававшихъ по Онежскому озеру. Соборъ этотъ сохранился и понынѣ. Теперь въ немъ служатъ разъ въ годъ—29-го іюня.

Такимъ образомъ Петрозаводскъ, который могъ бы имѣть много памятниковъ дѣятельности его основателя, благодаря небрежному и даже варварскому отношенію къ останкамъ старины, лишился большинства ихъ. Какъ бы для того, чтобы искупить эту свою вину, петрозаводчане въ 1873 году на главной площади города, противъ губернаторскаго дома воздвили памятникъ Петру I-му. Но и этотъ монументъ появился въ Петрозаводскѣ, только благодаря тому, что казна пожертвовала на него 15,000 рублей.

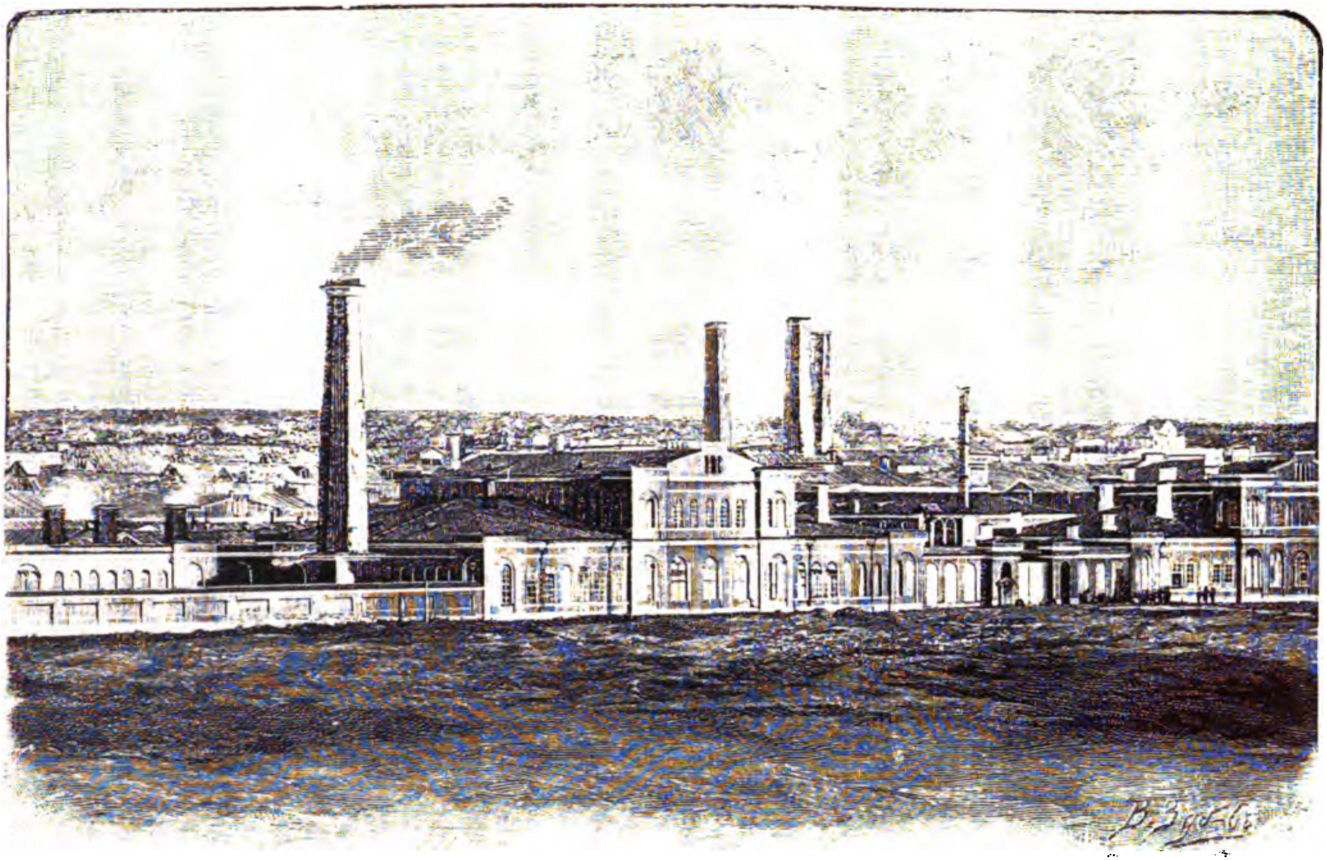
---

[1]) «Петрозаводскія сѣверныя вечернія бесѣды», вечеръ 25. («Олонецкія Губернскія Вѣдомости», 1866 г., № 40).

[2]) Ibidem.

Марціальныя воды близъ Петрозаводска.

Бывалъ Петръ и въ южныхъ уѣздахъ Олонецкой губерніи, именно въ Вытегорскомъ. Сюда привела его мысль о соединеніи водныхъ путемъ новой столицы съ внутренней Россіей. Съ этой цѣлью онъ послалъ въ Олонецкій край извѣстнаго гидравлика, англичанина Перри, и русскаго Кормчина, поручивъ имъ произвести изысканія касательно соединенія бассейна Волги съ водами Балтійскаго моря. Около 1710 года изслѣдователи представили свои предположенія царю, который въ слѣдующемъ году, прибывъ въ окрестности Маткозера, въ Вытегорскомъ уѣздѣ, въ продолженіе 10 дней лично обозрѣвалъ найденную Перри линію соединенія. Къ этому времени и относится проектъ Маріинской системы, осуществленный только въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Но народныя преданія свидѣтельствуютъ, что уже значительно раньше 1710 года Петръ задумывался надъ соединеніемъ Волжскаго и Балтійскаго бассейновъ. Такъ, въ 1693 или 1694 годахъ царь, по дорогѣ въ Архангельскъ, осматривалъ теченіе рѣки Вытегры въ видахъ соединенія ея съ Волжскими водами. Въ это время въ Вытегорскомъ погостѣ, въ деревнѣ Креновой, жилъ очень богатый крестьянинъ Плотниковъ, у котораго былъ только одинъ сынъ, парень умный и грамотный, но дерзкій. Когда на погостъ пріѣхалъ денщикъ Петра для заготовки царю лошадей, сынъ Плотникова читалъ народу царскій указъ въ шапкѣ и рукавицахъ. Денщикъ замѣтилъ ему, что этимъ онъ оказываетъ неуваженіе особѣ государя. Плотниковъ отвѣчалъ грубо и дерзко. Денщикъ донесъ обо всемъ Петру еще въ преувеличенномъ видѣ. Царь, бывшій не въ духѣ, далъ приказаніе тотчасъ казнить виновнаго. Отецъ Плотникова, услыхавъ такой строгій приговоръ, палъ въ ноги царю и умолялъ о помилованіи, предлагая пожертвовать всѣ свои богатства на пользу отечеству, лишь бы пощаженъ былъ сынъ его. Петръ остался непоколебимъ. Убитый горемъ отецъ, послѣ казни сына, не зналъ, кому оставить все свое богатство. Поэтому еще до отъѣзда Петра онъ задумалъ на могилѣ казненнаго построить церковь и обратился съ просьбою къ царю. На этотъ разъ царь милостиво отнесся къ Плотникову и не только разрѣшилъ постройку церкви, но и самъ составилъ планъ ея и прислалъ голландца-архитектора, который окончилъ постройку къ 1708 году. Въ 1711 году Петръ служилъ молебенъ въ этой церкви. Другое преданіе о пребываніи Петра въ Вытегорскомъ краѣ связано съ часовней, построенной на четвертой верстѣ отъ города Вытегры въ 1879 году по иниціативѣ олонецкаго губернатора Григорьева. Возлѣ часовни и донынѣ сохранились сосны, подъ которыми отдыхалъ императоръ во время одной изъ своихъ поѣздокъ по здѣшнимъ мѣстамъ. Тутъ онъ бесѣдовалъ съ народомъ и разспрашивалъ о водяномъ пути и плаваніи судовъ по Бѣлому озеру, по рѣкамъ Ковжѣ и Вытегрѣ и размышлялъ о проведеніи искусственныхъ водныхъ путей. Здѣсь же, дополняетъ преданіе, когда Петръ саснулъ, снявъ камзолъ и поло-



Александровскій пушечно-снарядный заводъ въ Петрозаводскѣ.

живъ его рядомъ съ собой, вытегорцы умудрились украсть царскую одежду. Проснувшись въ хорошемъ расположеніи духа и узнавъ о пропажѣ, Петръ воскликнулъ: «Вытегоры—воры!». И до сихъ поръ эти слова живутъ въ устахъ олончанъ, которые дразнятъ вытегоровъ, приговаривая: «Вытегоры—камзольники воры, у царя кафтанъ украли» [1]).

Въ 1713 г. Петръ поручилъ доктору Шуберту отыскать въ Россіи минеральныя воды, но розыски Шуберта оказались тщетными. За то въ слѣдующемъ, 1714 г., совершенно случайно былъ открытъ въ 50-ти верстахъ отъ Петрозаводска цѣлебный источникъ. Одинъ молотовой рабочій петровскихъ заводовъ, Рябоевъ, «былъ посланъ за урядомъ въ зимнее время надъ рудяными возаками—и до того скорбѣлъ многіе годы сердечною болѣзнью; а изъ которыхъ мѣстъ съ онаго болота крестьяне руду возили, Рябоевъ за оною болѣзнью чуть живъ волочился и, пришедъ къ колодезю, сталъ пить воду, и началъ Богу молиться, чтобы Богъ съ оной воды далъ исцѣленіе; и изъ онаго колодезя ради своей болѣзни по три дня воды пилъ, и послѣ трехъ дней стало легче; и отъ того сталъ здравъ и понынѣ ничѣмъ не болѣзнуетъ». Свѣдѣнія объ этомъ открытіи дошли до коменданта заводовъ, полковника де-Геннина, который тотчасъ же послалъ донесеніе въ Петербургъ. Петръ послалъ освидѣтельствовать воды своего доктора Блументроста, который нашелъ воды «чрезвычайно хорошими». Въ виду этого возлѣ источника былъ построенъ дворецъ, и въ самомъ началѣ 1718 г. Петръ съ супругою и царицей Парасковьей Ѳедоровной посѣтилъ воды, которыя стали извѣстны подъ именемъ марціальныхъ. Находя марціальныя воды полезными для своего здоровья, Петръ и впослѣдствіи неоднократно посѣщалъ ихъ съ семьей и дворомъ, такъ что вскорѣ у источника возникъ цѣлый рядъ построекъ. Такъ, тутъ были возведены три дворца, изъ которыхъ одинъ былъ въ 21 комнату, не считая квартиръ докторскихъ и лѣкарскихъ, кухонъ, пирожныхъ, поварскихъ, мыленъ и т. д. Другой, предназначавшійся для царицы Парасковьи Ѳедоровны, состоялъ изъ 4-хъ покоевъ, наконецъ третій служилъ лѣтнимъ жилищемъ императрицѣ Екатеринѣ I. Кромѣ того, были устроены прекрасныя помѣщенія для больныхъ разныхъ званій. Въ 1721 г. была воздвигнута деревянная церковь, въ которую Петръ пожертвовалъ шесть большихъ подсвѣчниковъ, выточенныхъ имъ самимъ, и рѣзной аналой также собственной работы. Надъ источникомъ была устроена бесѣдка, въ которой была вдѣлана чугунная доска съ надписью: «Сей источьникъ іcцѣлительной маръціальной воды сысъканъ дъля пользы его царскаго величества Петра перъваго пмъператора всеа россиіскаго и дъля пъротчей всенародноі

[1]) Оба послѣднія преданія занесены въ «Каталогъ предметовъ Олонецкаго естественно историческаго и историко-этнографическаго музея».

пользы тыщанісмъ іскусътвомъ его величества всенижайшаго раба артилеріи полъковъника и команъданъта алонецъкаго госъподина Георгъьгіа Вильгельма Генънина рожденіе его въ Насосіегенъ і помянутый источникъ объявленъ впрошломъ 1716 году». Въ настоящее время отъ дворцовъ не осталось и слѣда, кромѣ дворца Парасковьи Өедоровны, нижній срубъ котораго сохранился, но заросъ лѣсомъ. Помѣщенія для больныхъ также исчезли безслѣдно; уничтожена и церковь, но въ олонецкомъ музеѣ въ Петрозаводскѣ сохраняются бывшія въ ней вещи, сработанныя Петромъ. На мѣстѣ старой церкви впослѣдствіи была воздвигнута другая, существующая и теперь. Причина такого запустѣнія марціальныхъ водъ, на которыя Петръ возлагалъ большія надежды, заключается въ томъ, что воды оказались далеко не такъ полезны, какъ это думали. Еще при самомъ открытіи источника Петръ издалъ «регулы», какъ пользоваться имъ. Но многіе больные, пріѣзжавшіе на воды, облегченія не получали никакого. Сначала это приписывали несоблюденію діэты и «регулъ», но потомъ выяснилось, что и при всѣхъ предосторожностяхъ пользованіе марціальными водами можетъ дать плохіе результаты: въ 1846 г., по распоряженію медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, экстраординарный академикъ Фрицше подвергъ марціальныя воды химическому анализу, и оказалось, что онѣ имѣютъ нѣкоторую степень цѣлебности и могутъ быть употребляемы съ пользою подъ руководствомъ опытнаго врача, преимущественно, въ разслабленіяхъ отъ разныхъ причинъ, но лишь при безусловно здоровомъ состояніи пищеварительныхъ органовъ; въ противномъ случаѣ эти воды обременяютъ желудокъ и скорѣе приносятъ вредъ, чѣмъ пользу.

Такъ какъ Петръ часто посѣщалъ Олонецкій край и много сдѣлалъ для его оживленія, то не мудрено, что олончане помнятъ его лучше, чѣмъ другихъ государей, и много разсказываютъ про него. При Павлѣ I, когда снова было приступлено къ работамъ по устройству Маріинской системы, нашлись еще въ Вытегрѣ старожилы, которые помнили Петра. «Батюшка-государь,—разсказывалъ одинъ 115-тилѣтній старикъ графу Сиверсу,—былъ выше всѣхъ людей цѣлою головою, и часто встряхивалъ кудрявыми волосами, особенно, когда былъ въ раздумьѣ; не гнушался нашего житья-бытья, кушивалъ нашу хлѣбъ-соль». Олончане, поражаясь новыми порядками, заведенными Петромъ, и успѣхами, повсюду его сопровождавшими, рѣшили, что онъ обладаетъ какою-то особою мудростью. «Царь Петръ,— говорили они,—зналъ планиду Господню. Не мудрено, что ему все удавалось! Передъ тѣмъ, какъ заводить порядки на Олонцѣ, онъ долго смотрѣлъ на небо, а послѣ взялъ за макушку молодую сосну, въ толщину оглобли, въ ростъ человѣка, вырвалъ ее изъ земли съ корнемъ и посадилъ ее опять въ землю торчмя головою вверхъ кор-

немъ: коли сосна примется, дѣло удастся! Поглядѣли люди: корни стали маковкою, и дѣло пошло, какъ по маслу!» [1]).

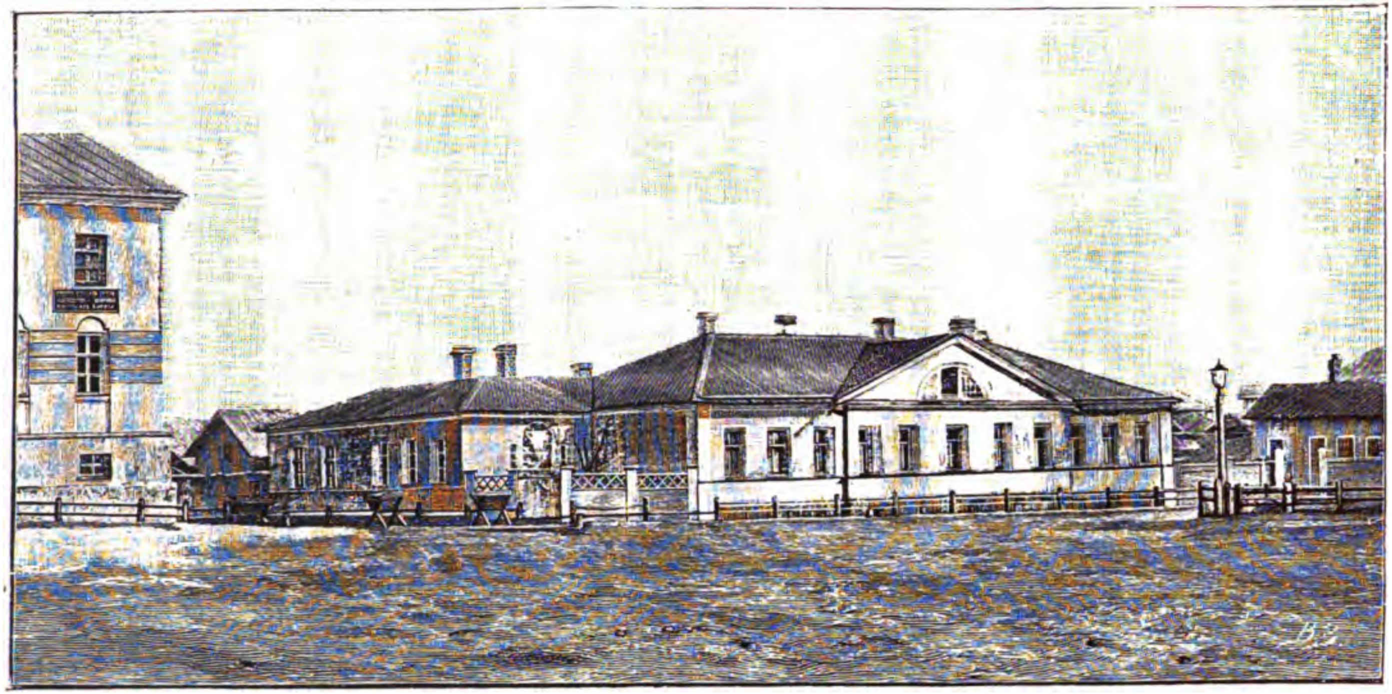
Та же увѣренность въ сверхъестественную силу Петра высказывается и въ былинѣ о встрѣчѣ царя со шведами на Ладогѣ. Хотя это преданіе записано въ прозаической формѣ, но весь складъ его носитъ явный былинный отпечатокъ, и мѣстами даже чувствуется утраченный стихотворный размѣръ. Такъ какъ эта былина мало извѣстна, то я приведу ее здѣсь цѣликомъ [2]).

«Досюль,—еще насъ на свѣтѣ не было, да и дѣды дѣдовъ нашихъ не были да на свѣтѣ не жили, а и народа-то на земли была малость-мальская,—цари въ ту пору дѣлили межъ собою свои владѣнія. Въ ты-то поры давнія наше мѣсто не завѣдомо было ни царемъ, ни бояриномъ, ни лихимъ человѣкомъ удалымъ; а въ лѣсу звиря разводилося: что ни кустъ—лисица съ куницею, что ни пень—медвѣдь съ волчищемъ; а и рыбы наплодилось—хоть рукой имай, аль карцомъ (простой ковшъ) черпай. Полюбилось то наше мѣсто привольное царю Свейскому. А и Петръ, русской царь, запримѣтилъ, что ручьи у насъ глубокіе, рѣки—долгія, широкія, а морямъ и нѣтъ конца, да и жить у воды сопособнія; снарядился самъ на поиски на своей лодкѣ крашеной, серобромъ порасклденой, золотымъ рулемъ приправленой, съ боярами да вельможами. А свейскій-то царь заспесивился, не поѣхалъ самъ, а послалъ за себя начальниковъ въ полонъ забрать ему воду съ рыбою, и лѣса со звиремъ всякіимъ, чтобъ владѣть ему по вѣки. Ѣдетъ-катитъ Петръ царь на поиски по морю Ладожскому на лодкѣ съ боярами да съ вельможами, а и самъ сидитъ на кормѣ, золотымъ рулемъ поворачиваетъ, а стрѣчу ему какъ разъ и есть супостатъ въ лодкахъ писаныхъ съ шелковою покрышкой алою.

«Не ясенъ соколъ налетѣлъ на лебедь бѣлую, не лебедь смутилъ воду синюю: то летятъ-воду рябятъ лодки свейскія на цареву лодку крѣпкую, съ шумомъ, свистомъ порываючись; въ мелкой черень искрошить хотятъ цареву лодку дубовую. Не стерпѣлъ тутъ русской царь, понасупился, очи ясныя поразсвѣтились, и румянецъ сталъ во всю щеку; а и крикнетъ онъ баръ-вельможамъ своимъ: «поубавить что-ль спеси у свейскаго царя? силой ли сгубить ихъ, аль пустить съ бѣлымъ валомъ пучинистымъ?». Промолвили тутъ бояра: «а и что, царь, брать грѣха на душу, хоть и некрещеную, да человѣческую; а пусть они умрутъ отъ витра сивера да валовъ разсыпчатыхъ». Лишь промолвили бояра, какъ тутотка взялъ царь отвязалъ отъ ремня золотой рожокъ, протрубилъ во всѣ стороны

[1]) Сообщено въ статьѣ А. Иванова: «Очеркъ Олонецкой губерніи въ историческомъ, топографическомъ и промышленномъ отношеніяхъ» въ «Памятной книжкѣ Олонецкой губерніи на 1867 годъ».

[2]) Записана изъ устъ народа П. Минорскимъ и напечатана въ «Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», 1872 г., № 86, стр. 890.



Домъ, въ которомъ жилъ Державинъ въ Петрозаводскѣ.

громкимъ голосомъ... разносился голосъ по морямъ далекіимъ, по водамъ темнымъ. Становилась вдругъ темень Божія, собиралися вѣтры въ тучу густую, расходилися воды ярыя—валъ вала подталкиваетъ, гребни вѣтры имъ подтягиваютъ. Налетѣлъ вѣтеръ, посрывалъ покровы алые, побросалъ платье по морю, а тутъ нагнала ихъ вода ярая—валъ живой горой идетъ, тянется, бѣлымъ гребнемъ отливается. Подошелъ тутъ первый валъ, приподнялъ стоймя лодки свейскія, а второй валъ понакренилъ ихъ, а и третій—ужъ какъ тутъ и былъ—захлеснулъ на вѣкъ начальниковъ. Разступилась вода надвое, ушли камнемъ въ топь глубокую души грѣшныя, некрещеныя.

«Съ той поры давней на Ладожскомъ на кажинный годъ на томъ мѣстѣ тонетъ человѣкъ—душа крещеная: собираютъ то силу утопшіе на войну съ Петромъ царемъ».

По смерти Петра Великаго горнозаводская промышленность въ Олонецкомъ краѣ пришла въ упадокъ. Еще въ 1724 году оружейная фабрика, бывшая при Петровскомъ заводѣ на Лососинкѣ, переведена была въ Сестрорѣцкъ, а въ 1727 г. этотъ заводъ и окончательно прекратилъ работы. Вслѣдъ за тѣмъ мало-по-малу закрылись и остальные заводы, а вмѣсто нихъ отъ времени до времени появлялись частные заводы съ небольшимъ производствомъ и недолговѣчные. Въ половинѣ минувшаго столѣтія петрозаводскіе старожилы видѣли еще остатки Петровскихъ заводовъ, но въ настоящее время отъ нихъ не осталось никакого слѣда. Въ 1766 г. государственная адмиралтействъ-коллегія предполагала возобновить Петровскій заводъ, но предположеніе такъ и осталось предположеніемъ. Въ 1769 г. генералъ-поручикъ Демидовъ предложилъ построить при р. Ижмѣ чугуноплавильный заводъ для снабженія флота орудіями, но возмущеніе, поднятое крестьянами, остановило дѣло. Только 17 мая 1773 г. начата была оберъ-бергмейстеромъ Ярцевымъ постройка пушечно-литейнаго завода въ 600 саженяхъ выше бывшаго Петровскаго завода на Лососинкѣ, почти въ центрѣ нынѣшняго Петрозаводска. По высочайшему повелѣнію отъ 7 іюля 1774 г. заводъ названъ Александровскимъ, и первая пушка отлита 3 іюля 1774 г. Съ тѣхъ поръ заводъ не прекращаетъ своей дѣятельности и понынѣ, давая заработокъ и средства къ жизни значительному мастеровому классу, составляющему значительную часть населенія Петрозаводска. За періодъ времени съ 1794 г. по 1873 г. на Александровскомъ заводѣ приготовлено было 11.650,000 пудовъ чугуну и 5.330,000 пудовъ орудій и снарядовъ. Еще при Петрѣ I возлѣ завода на Лососинкѣ возникла рабочая слободка дворовъ въ 30, но послѣ закрытія завода она исчезла и возобновилась опять только въ 1773 г., получивъ названіе Петровской слободы. Въ 1777 г. она была переименована въ городъ Петрозаводскъ, а въ 1782 г. сюда были переве-

дены изъ Олонца областныя присутственныя мѣста. Наконецъ, въ 1784 г. открыто было Олонецкое намѣстничество, которое вмѣстѣ съ Архангельскимъ соединено было подъ главнымъ управленіемъ генералъ-губернатора Тимоѳея Ив. Тутолмина; управителемъ же Олонецкаго намѣстничества назначенъ былъ знаменитый поэтъ Г. Р. Державинъ. Это послѣднее назначеніе было многимъ непріятно. Такъ, тогдашній генералъ-прокуроръ Вяземскій во всеуслышаніе объявилъ: «что развѣ по его носу полѣзутъ черви, нежели Державинъ просидитъ долго губернаторомъ». Не по нраву былъ поэтъ и Тутолмину, который, будучи одержимъ маніей реформъ, задумалъ вводить у себя въ генералъ-губернаторствѣ разные новые порядки, но встрѣтилъ при этомъ упорную оппозицію со стороны Державина, считавшаго всѣ такія нововведенія самоуправствомъ и превышеніемъ власти. Раздраженный Тутолминъ началъ придираться къ Державину, обвинилъ его въ нерачительномъ отношеніи къ службѣ и поѣхалъ въ Петербургъ съ доносомъ на него. Тогда Державинъ, знавшій, что за доносъ Тутолмина съ удовольствіемъ ухватятся всѣ его петербургскіе враги, и дѣло можетъ кончиться плохо, прибѣгъ къ слѣдующей мѣрѣ. Такъ какъ за отъѣздомъ Тутолмина онъ заступалъ его мѣсто, онъ отправился немедленно по разнымъ учрежденіямъ, подвѣдомственнымъ непосредственно генералъ-губернатору, и открылъ, что въ нихъ не только дѣлопроизводство запутано, но что нѣкоторыя изъ нихъ даже собираютъ налоги, изобрѣтенные Тутолминымъ, а правительствомъ не указанные. Все это онъ занесъ въ особый протоколъ, заставилъ всѣхъ чиновниковъ обревизованныхъ учрежденій подписаться подъ нимъ, а затѣмъ самый протоколъ съ подписями отправилъ съ курьеромъ къ императрицѣ. Такимъ образомъ не только всѣ происки Тутолмина были парализованы, но и самому несчастному генералъ-губернатору пришлось на колѣняхъ просить у государыни помилованія. Понятно, что Тутолминъ вернулся изъ Петербурга страшно обозленный на Державина и только ждалъ удобнаго случая, какъ бы насолить докучливому губернатору. Случай не замедлилъ отыскаться. Онъ узналъ, что во время его поѣздки въ Петербургъ въ петрозаводскомъ верхнемъ земскомъ судѣ случилось слѣдующее происшествіе. Засѣдатель этого суда Молчинъ шелъ однажды утромъ на службу и возлѣ губернаторскаго дома увидѣлъ ручного медвѣженка, принадлежавшаго одному изъ знакомыхъ Державина. Пользуясь отсутствіемъ предсѣдателя суда, двоюроднаго брата Тутолмина, Молчинъ привелъ медвѣженка съ собой въ судъ и, отворивъ двери въ комнату присутствія, заявилъ громогласно своимъ сослуживцамъ: «Вотъ вамъ, братцы, новый засѣдатель Михайло Ивановичъ Медвѣдевъ». Всѣ посмѣялись надъ шуткой и выгнали медвѣженка вонъ. Но Тутолминъ ухватился за это пустячное происшествіе и раздулъ его донельзя. По его словамъ, все это было устроено въ насмѣшку надъ предсѣдателемъ

суда, который плохо зналъ грамоту; медвѣженка привели по приказанію самого Державина; мало того, глупаго звѣря усадили на предсѣдательское мѣсто, секретарь подносилъ ему для скрѣпы листъ бѣлой бумаги, къ которому и прикладывали лапу медвѣженка, вымазанную въ чернилахъ и т. п. Въ виду такихъ безчинствъ въ присутственномъ мѣстѣ Тутолминъ возбудилъ дѣло противъ Державина, какъ главнаго зачинщика всей исторіи. Это дѣло было уже въ сенатѣ, когда Державину удалось все потушить, да и то не безъ вмѣшательства самой Екатерины. Вскорѣ послѣ этого Державинъ посланъ былъ осмотрѣть Олонецкую губернію и открыть новый уѣздный городъ Кемь. Такое порученіе поэтъ считалъ тоже «злоумышленіемъ» противъ него со стороны Тутолмина. «Это было почти невозможное дѣло, пишетъ онъ въ своихъ «Запискахъ» [1]), потому что въ Олонецкой губерніи, по чрезвычайно обширнымъ болотамъ и тундрамъ, лѣтнимъ временемъ проѣзду нѣтъ, а ѣздятъ только зимою, и то гусемъ. Въ Кемь же можно попасть изъ города Сумъ на судахъ, когда молебщики въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ ѣздятъ для моленья въ Соловецкій монастырь, а въ августѣ (когда онъ именно и былъ посланъ) и прочіе осенніе мѣсяцы, когда бури, никто не ѣздитъ». Однако Державинъ поѣхалъ. Болѣе 1,500 верстъ объѣздилъ онъ то верхомъ на крестьянскихъ лошадяхъ, по горамъ и топямъ, то въ челночкахъ по озерамъ и рѣкамъ, гдѣ не только суда, но и порядочныя лодки проѣзжать не могутъ. Пріѣхалъ онъ наконецъ въ Кемь. Хотя Тутолминъ увѣрялъ его, что тутъ все готово для открытія уѣзда, однако въ Кеми не оказалось «не токмо присутственныхъ мѣстъ, ни штатной команды, но ниже одного подьячаго. Увидѣлъ, что нельзя открывать города, когда никого нѣтъ». Однако исполнить распоряженіе правительства и открыть городъ надо. Державинъ велѣлъ позвать хоть священника, но и того на лицо не оказалось. Только черезъ 2 дня отыскали его гдѣ-то на островѣ, на сѣнокосѣ. Отслуживши обѣдню и молебенъ съ водосвятіемъ, обошли селеніе крестнымъ ходомъ, окропили святой водой и, согласно высочайшей волѣ, назвали деревушку городомъ Кемью. Вотъ какъ въ доброе старое время города дѣлались.

Въ концѣ 1785 года Державинъ былъ переведенъ губернаторомъ въ Тамбовъ. Безъ сожалѣнія покинулъ онъ Петрозаводскъ, въ которомъ не видалъ ничего, кромѣ непріятностей. Да и не только Державинъ былъ недоволенъ Петрозаводскомъ—не нравился онъ и остальнымъ лицамъ, пріѣзжавшимъ туда на службу, такъ какъ порядочнаго общества тамъ не было, а лица, власть имѣющія, своими поступками «ничего другого, кромѣ отвращенія къ Петрозаводску, не производили», какъ пишетъ Державину въ Тамбовъ одинъ изъ его корреспондентовъ. Для характеристики тогдашнихъ олонецкихъ

[1]) Записки эти помѣщены въ VI т. «Собранія сочиненій Державина» (академическое изданіе).

нравовъ приведемъ слѣдующій разсказъ про жену директора экономіи Ушакова: «Въ самую заутреню праздника (Пасхи), послѣ торжественныхъ выстрѣловъ, Ушакова въ церкви прибила куличемъ и зажгла свѣчею штабъ-лѣкаршу, и, вышедъ изъ церкви, ругала подлымъ образомъ и, по улицѣ ѣхавъ, также ругала во всю мочь; причина же вины бѣдной и хворой штабъ-лѣкарши та, что стала нѣсколько впереди ея... Штабъ-лѣкарь такъ огорченъ, что хочетъ идти въ отставку» [1]).

Единственное свѣтлое впечатлѣніе, которое Державинъ увозилъ изъ Петрозаводска, было воспоминаніе о Кивачѣ, который поэтъ посѣтилъ 21-го іюля 1785 г. Картина этого чуднаго явленія природы глубоко запечатлѣлась въ душѣ Державина и впослѣдствіи была имъ описана въ «Водопадѣ».

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Шумитъ—и средь густого бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты, волны тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.

Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ...
О водопадъ! Въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ.

На главной улицѣ Петрозаводска, Маріинской, до сихъ поръ сохранился небольшой, одноэтажный каменный домъ, въ которомъ жилъ Державинъ. Въ прошлую зиму къ фасаду этого дома прибита черная доска, на которой золотыми буквами написано: «Домъ, въ которомъ жилъ въ 1784 году правитель Олонецкаго намѣстничества поэтъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ». Олончане, очевидно, плохо знаютъ прошлое своего края, если полагаютъ, что дата на этой надписи вѣрна: Державинъ пріѣхалъ въ Петрозаводскъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1784 г. и уѣхалъ оттуда въ октябрѣ 1785 г.

Несмотря на огромное пространство и уже значительное населеніе края (до 206,000 душъ), существованіе Олонецкой губерніи самостоятельнымъ намѣстничествомъ продолжалось недолго. Въ 1797 году, по повелѣнію Павла I, губернія была упразднена, а территорія ея была подѣлена между Архангельской и Новгородской гу-

---

[1]) «Сочиненія Державина», 2-ое изд., т. V, стр. 489—490.

берніями. Только послѣ воцаренія Александра I Олонецкая губернія была вновь открыта и съ тѣхъ поръ остается до нашего времени въ тѣхъ же предѣлахъ. Губернскимъ городомъ былъ сдѣланъ попрежнему Петрозаводскъ. Такой выборъ центра для губерніи нельзя назвать удачнымъ. Будучи средоточіемъ горнозаводскихъ промысловъ, Петрозаводскъ не имѣетъ данныхъ, необходимыхъ для административнаго центра: заброшенный въ сѣверной части губерніи, среди корельскихъ поселковъ, лежащій въ сторонѣ отъ большихъ трактовъ и вдали отъ южной, болѣе населенной и оживленной части губерніи, Петрозаводскъ значительно уступаетъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ хотя бы Вытегрѣ. Этимъ объясняется и то, что Петрозаводскъ до сихъ поръ имѣетъ едва 11,000 населенія, да и то въ большей части бѣднаго, живущаго или заработками съ Александровскаго сталелитейнаго завода, или грошовыми жалованьями въ разныхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Для людей первой категоріи почти недосягаемый идеалъ — чтобы хватило на годъ картофеля и хлѣба, а для мелкихъ чиновниковъ—окладъ въ 500 рублей жалованья въ годъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ Петрозаводскъ является городомъ мало культурнымъ, тѣмъ болѣе, что высшая интеллигенція, т. е. опять таки тѣ же служащіе, только обезпеченные гораздо большими окладами, эта интеллигенція съ одной стороны представляетъ пришлый и преходящій элементъ, а съ другой—держится совершенно особнякомъ отъ коренныхъ жителей. Такой составъ петрозаводскаго населенія и удаленность города отъ оживленныхъ частей губерніи весьма грустно отзывается на составѣ и количествѣ учениковъ Олонецкой гимназіи, единственной на весь край, а, слѣдовательно, и на всемъ ходѣ народнаго образованія въ губерніи.

С. Адріановъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВА.

(По поводу пятидесятилѣтняго юбилея).

I.

ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ явленіе для насъ, индивидуалистически воспитанныхъ и развитыхъ умовъ, представляетъ умъ, вооруженный отборнѣйшими средствами современной науки, обогащенный огромнымъ опытомъ всесторонней государственной дѣятельности, обладающій обширною властью,—и пренебрегающій тѣмъ индивидуализмомъ, который для насъ кажется главнымъ счастьемъ, величайшей отрадой жизни. Человѣкъ, который не только не старается, не только даже не хочетъ быть самимъ собой, а напротивъ, какъ будто вовсе не нуждается въ этомъ и болѣе всего стремится слиться съ окружающей его жизнью, усвоить себѣ и осуществить выработанные ею идеалы, цѣнимые имъ выше всякаго индивидуально-творческаго произвола, сберечь и укрѣпить всѣ связывающія его съ дѣйствительностью нити, подчиниться всѣмъ унаслѣдованнымъ формамъ и всецѣло жертвовать произволомъ личнаго умозрѣнія вѣковымъ преданіямъ и началамъ,—такой человѣкъ является для насъ величайшею загадкой. Намъ кажется страннымъ, когда онъ обращается съ народной исторической мудростью, не какъ своевольный и самостоятельный наслѣдникъ, а какъ щепетильный душеприказчикъ чужаго богатства, не пренебрегающій ни одной копейкой и ни одной копейки не тратящій на себя самого. Сберечь, привести въ ясность

и порядокъ, совершенно усвоить себѣ эту древнюю мудрость, такъ чтобы въ каждый мигъ быть въ состояніи дать въ ней полный и точный отчетъ, и сдѣлать это безъ всякаго принужденія, изъ чистой любви,—какъ дико это кажется современнымъ умамъ, склоннымъ пренебрегать сокровищами исторіи и ублажать свое самолюбіе сотканной своими мозгами паутиною въ какомъ нибудь темномъ и затхломъ углу. Мы допускаемъ возможность безличности въ умахъ неразвитыхъ, тупыхъ, неповоротливыхъ, неспособныхъ подняться надъ воспринимаемыми изъ окружающей жизни впечатлѣніями; но намъ какъ-то не вѣрится въ ея возможность для тонкихъ и глубокихъ умовъ. Нашимъ западнымъ воспитаньемъ мы дѣйствительно отучены отъ своей жизни, отъ своего народа; намъ представляется страннымъ явленіемъ, чуть не лицемѣріемъ, чѣмъ-то во всякомъ случаѣ напускнымъ, искусственнымъ, чистая и безхитростная любовь къ родной жизни такъ, какъ она сложилась, безъ всякихъ требованій къ ней, безъ всякихъ личныхъ поправокъ и измѣненій къ ея установившемуся строю. Чистая и цѣльная любовь къ своей родинѣ казалась «странной», «непобѣдимой разсудкомъ» геніальному юношѣ, увлеченному западными идеалами. Любовь къ своему казалась ему противорѣчащей разуму, и только, какъ съ неразрѣшимою загадкою, считался онъ съ нею. Онъ говорилъ о своей любви къ «отчизнѣ», какъ о какой-то душевной слабости, съ которой онъ не можетъ совладать, которой не можетъ побѣдить его разсудокъ. Онъ ощущалъ въ себѣ любовь къ родному только вопреки сознанію и убѣжденію. И—странное дѣло!—мы въ этомъ-то и видѣли его подкупающую искренность, мы только такую неубѣжденную любовь, проростающую сквозь сознаніе, какъ трава сквозь щели каменныхъ плитъ, и понимали. Мы вымостили себѣ душу западнымъ знаніемъ, какъ каменною броней, и удивлялись, что не вовсе подъ нею замерла жизнь сердца и чувства. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше распространялось равнодушіе къ родному, разсудочное презрѣніе къ своему прошлому, надменно озирающее «древней старины завѣтныя преданья». Въ нашихъ умахъ установилось, какъ аксіома, пренебреженіе ко множеству явленій роднаго быта и насмѣшка надъ еще большимъ ихъ множествомъ. Любить этотъ хламъ, дорожить имъ, а тѣмъ болѣе признаваться въ такихъ чувствахъ казалось намъ чѣмъ-то позорнымъ, недостойнымъ образованнаго человѣка, тѣмъ болѣе искать смысла и значенія въ этихъ оставленныхъ за послѣдніе вѣка формахъ. И надо замѣтить, что именно формы-то мы и презирали всего глубже, изъ нихъ-то упорнѣе всего и старались вырваться; а говорить о любви къ формамъ намъ казалось смѣшнымъ и страннымъ.

Между тѣмъ, именно такая любовь, такая вѣрность окружающей жизни составляютъ самую характерную особенность всей литературной дѣятельности К. П. Побѣдоносцева. Говоря словами Гоголя, онъ «озиралъ всю громадно несущуюся жизнь» съ глубокимъ благо-

говѣніемъ къ величавому потоку ея исторіи. Онъ всецѣло былъ выраженіемъ этой жизни, ни въ чемъ отъ нея не отдѣлялся, ни въ чемъ не старался ее дополнить или исправить; все его стремленіе было направлено къ тому, чтобы всецѣло охватить умомъ эту историческую громаду, вникнуть въ ея глубокій внутренній строй, изучить его

Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ.

внѣшнія проявленія. Руководящимъ основаніемъ этого стремленія могла быть и дѣйствительно была только несокрушимая, спокойная вѣра, напоминающая желѣзную вѣру древнихъ римлянъ въ величіе Рима и обычаи предковъ. Къ нему вполнѣ примѣнимы тѣ слова, которыми онъ характеризуетъ гражданскую роль И. С. Аксакова: именно, онъ всю свою жизнь стоялъ и дѣйствовалъ **на костяхъ**

цѣлыхъ поколѣній, принимая отъ нихъ годами накопленную силу [1]). Твердо нужно вѣрить въ родной народъ, чтобы его истинно любить; а сколько любви къ нему нужно имѣть для того, чтобы дорожить каждою мелочью родной исторіи, чтобы не бояться напрасно затратить время на изученіе каждаго документа. Только въ римлянахъ и китайцахъ можно встрѣтить подобное трудолюбіе, которое предпринимаетъ не спѣша, казалось бы, невыполнимыя работы и спокойно заканчиваетъ ихъ для того, чтобы отдаться новымъ, повидимому, столь же кропотливымъ и неблагодарнымъ замысламъ. «Изучать надобно самые памятники законодательства,—говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ приступающимъ къ изученію русскаго гражданскаго права. Для сего мы имѣемъ превосходный матеріалъ въ «Первомъ полномъ собраніи законовъ», и за него-то надобно взяться всякому, кто захочетъ заниматься русскимъ правомъ серьезно. Къ полному собранію законовъ прибѣгаютъ обыкновенно лишь на случай справокъ, и тогда пріискиваютъ въ немъ нужные указы, большею частію при помощи изданнаго при ономъ алфавитнаго указателя. Но этотъ способъ изученія неполный, отрывочный и весьма ненадежный по крайней ненадежности алфавитнаго указателя. Въ полномъ собраніи законовъ необходимо самому пробивать себѣ дорогу, и потому я серьезно совѣтую всякому истинно жаждущему знанія приняться за чтеніе полнаго собранія, начиная съ перваго тома. При чтеніи необходимо составлять для себя краткія отмѣтки и выписки, которыя впослѣдствіи останутся для читателя на всю жизнь надежнѣйшимъ и полнѣйшимъ указателемъ на случай нужды. Многимъ можетъ показаться страннымъ такой совѣтъ; но смѣю увѣрить всякаго, что такое чтеніе, въ началѣ, правда, требующее нѣкоторыхъ усилій вскорѣ окажется интереснымъ, а для иныхъ и увлекательнымъ чтеніемъ. Съ каждымъ томомъ читатель станетъ входить въ силу и живѣе почувствуетъ въ себѣ драгоцѣннѣйшій плодъ внимательнаго труда—здоровое и дѣльное знаніе, то самое знаніе, которое необходимо для русскаго юриста и которымъ русскіе юристы, къ сожалѣнію, такъ часто пренебрегаютъ, питаясь изъ источниковъ иноземныхъ: незамѣтно воспринимаютъ они въ себя понятія, возникшія посреди исторіи чужаго народа, усвоиваютъ начала и формы, на чужой почвѣ образовавшіяся и связанныя съ экономіей такого быта, который далеко отстоитъ отъ нашего: естественно, что отсюда родится ложное понятіе о потребностяхъ нашего юридическаго быта и о средствахъ къ ихъ удовлетворенію, пренебреженіе или равнодушіе къ своему, чего не знаютъ, и преувеличенное мнѣніе о пользѣ и достоинствѣ многаго такого, что хорошо и полезно тамъ, гдѣ изъ своего быта выросло, но криво и лживо оказывается тамъ, гдѣ нѣтъ соотвѣтствующей почвы и соотвѣтствующихъ условій историческихъ

---

[1]) Вѣчная Память, стр. 68.

и экономическихъ. Такое знаніе невозможно признать здоровымъ и истиннымъ, какъ отрѣшенное отъ жизни, слѣдовательно—отъ истины. Напротивъ, тѣмъ и дорого изученіе нашего полнаго собранія законовъ для русскаго юриста, что здѣсь каждое явленіе юридическое, каждое положеніе представляется въ связи со всею обстановкою быта, со всѣми данными историческими, и въ совокупности съ ними объясняется» [1]).

Выписанное мѣсто—одно изъ самыхъ важныхъ для пониманія разбираемаго писателя. Въ немъ высказывается на частныхъ примѣрахъ цѣлое міровоззрѣніе. Въ немъ выражено требованіе точнаго и твердаго знанія, знанія положительнаго и нагляднаго, чуждаго смѣлыхъ обобщеній и умозаключеній. Въ немъ выражено отвращеніе ко всякой предвзятости, ко всякой теоретичности, ко всякому предрѣшенію частностей общими взглядами. Въ немъ заявлено твердое требованіе дисциплины мысли на положительномъ опытѣ, изощренія сужденія къ пониманію частностей не отвлеченной логической эквилибристикой, а непрерывнымъ изученіемъ формальныхъ данныхъ. Въ немъ слышится благоговѣніе къ народу и жизни народной, то благоговѣніе, которое не требуетъ смиренія, не принуждаетъ къ нему, а неразрывно съ нимъ. «Кто поистинѣ любитъ науку и прежде всего стремится войти въ силу вѣдѣнія и мысли, тому не слѣдъ увлекаться нетерпѣніемъ—стать поскорѣе въ ряды видныхъ дѣятелей. Пусть онъ сначала, и долго, пробуетъ себя на скромныхъ задачахъ: чѣмъ скромнѣе задача, тѣмъ трудъ будетъ сосредоточеннѣе; чѣмъ уже онъ выберетъ для себя поле, тѣмъ глубже онъ его разработаетъ» [2]). Не эта ли же самая мысль, но въ праздничномъ нарядѣ поэтическаго одушевленія, подымается у автора къ еще болѣе высокимъ формамъ жизни, чѣмъ научныя знанія, когда онъ говоритъ: «Входишь—церковь полна, и яркій свѣтъ льется во тьму изъ оконъ. Входятъ, крестятся, и вскорѣ—точно колосья въ снопѣ—сплотилась въ одно вся толпа народная. Православному человѣку отрадно—исчезать со своимъ *я* въ этой массѣ молящагося народа, которая сливается въ эти минуты въ единую празднующую предъ Богомъ душу, и волна народной вѣры и молитвы поднимаетъ высоко и молитву и вѣру у каждаго, кто, не мудрствуя лукаво, принесетъ съ собою въ церковь простоту вѣрующаго чувства» [3]). А вотъ она же, ставшая твердымъ и вѣскимъ словомъ умудреннаго полувѣковымъ опытомъ государственнаго дѣятеля: «Скучно поднимать нить на томъ мѣстѣ, на которомъ покинулъ ее предшественникъ, скучно заниматься мелкою работой организаціи и улучшенія текущихъ дѣлъ и существующихъ учрежденій. И всякому хочется

[1]) Указатели и приложенія къ курсу гражданскаго права, стр. 87—88.
[2]) Ibidem, стр. 90—91.
[3]) Праздники Господни, стр. 51—58.

передѣлать все свое дѣло заново, поставить его на новомъ основаніи, очистить себѣ ровное поле, tabula rasa, и на этомъ полѣ творить, ибо каждый предполагаетъ въ себѣ творческую силу. Но не время ли этимъ преобразователямъ подумать о томъ, что они стремятся иногда слишкомъ легкомысленно налагать смѣлую руку на существующее, разрушать старыя зданія и строить на мѣсто ихъ новыя, слишкомъ беззаботно и самоувѣренно спѣшать осуждать утвердившіеся порядки и разрушать преданія и обычаи, созданные народнымъ духомъ и исторіей; что они, строя громаду новыхъ законовъ, которые прошли мимо жизни и съ которыми жизнь не можетъ справиться, насилуютъ въ сущности тѣ самыя условія дѣйствительной жизни, которыя отрицаетъ рѣшительно масса отъявленныхъ враговъ цивилизаціи. Между тѣмъ стоитъ только пройтись по улицамъ большаго или малаго города, по большой или малой деревнѣ, чтобъ увидѣть разомъ и на каждомъ шагу, въ какой безднѣ улучшеній мы нуждаемся, и какая повсюду лежитъ безобразная масса покинутыхъ дѣлъ, пренебреженныхъ учрежденій, разсыпанныхъ храминъ. Вотъ жатва, на которую требуются дѣлатели, куда надобно направить личныя силы мысли, любви и негодованія, гдѣ потребны не законодательные пріемы преобразованія, отвлекающіе только силу, а пріемы правителя и хозяина,—собирающіе силу къ одному мѣсту для воздѣлыванія и улучшенія. Не расширяй судьбы своей, было вѣщаніе древняго оракула: не стремись брать на себя больше, чѣмъ на тебя положено. Какое мудрое слово! Вся мудрость жизни—въ сосредоточеніи мысли и силы, все зло—въ ея разсѣяніи. Дѣлать — значитъ не теряться въ множествѣ общихъ мыслей и стремленій, но выбрать себѣ дѣло и мѣсто въ мѣру свою, и на немъ копать, и садить, и воздѣлывать, къ нему собирать потоки своей жизненной силы, въ немъ восходить отъ работы къ знанію, отъ знанія къ совершенію и отъ силы въ силу» [1]). И вотъ наконецъ та же мысль, то же воззрѣніе, выразившееся въ величественномъ и широкомъ созерцаніи историка, ищущаго связи между событіями народной жизни и личностью отдѣльнаго человѣка: «Человѣкъ есть сынъ земли своей, отпрыскъ своего народа: кость отъ костей, плоть отъ плоти своихъ предковъ, сыновъ того же народа, и его психическая природа есть ихъ природа, съ ея отличительными качествами и недостатками, съ ея безсознательными стремленіями, ищущими сознательнаго исхода. У всякаго народа, какъ и у отдѣльнаго человѣка, есть своя исторія, своя сѣть событій и дѣйствій, въ которыхъ стремится воплотить себя душа народная. Въ исторической наукѣ пытливый умъ, критически изслѣдуя факты, дѣйствія и характеры, желаетъ опредѣлить точную достовѣрность ихъ и уловить взаимную ихъ связь и внутреннее значеніе въ судьбахъ обществен-

---

[1]) Московскій Сборникъ, стр. 117, 119—120, 122—128.

ной и государственной жизни народа. Съ глубокимъ интересомъ, съ наслажденіемъ, съ удивленіемъ читаемъ мы страницы этой книги, восхищаясь остротой критическаго ума, искусствомъ художника; по старинному выраженію, исторія — учительница народовъ, граждань и правителей. Въ иномъ, болѣе глубокомъ, смыслѣ, исторія земли и народа образуетъ человѣка, сына земли своей, если у него душа чуткая. Чуткая душа вноситъ въ исторію свое живое чувство, и тогда всякій фактъ, всякій характеръ въ исторіи отвѣчаетъ на то, чему душа вѣритъ, что умъ въ состояніи обнять, такъ что своя духовная жизнь становится для человѣка текстомъ, а лѣтопись исторіи комментаріемъ къ нему. Въ этомъ свѣтѣ событія открываютъ ему свое таинственное значеніе, и мертвая лѣтопись оживляется поэзіей духовной жизни цѣлаго народа. Иное, въ чемъ наука, анализируя факты и свидѣтельства о нихъ, видитъ одну легенду, сложившуюся въ народномъ представленіи,—то самое получаетъ смыслъ явленія, оправдавшаго себя въ жизни и въ исторіи, становится истиной для духа. Чего бы ни достигъ разлагающій анализъ ученаго историка въ изслѣдованіи сказаній о Владимірѣ, о Димитріи, о Сергіи, объ Александрѣ Невскомъ, — для чуткой души это явленіе, этотъ образъ становится созвѣздіемъ, проливающимъ на нее лучи свои, совершающимъ надъ нею свое теченіе въ тверди небесной» [1]).

Выписанныя мѣста даютъ уже цѣлую характеристику, убѣдительный и цѣльный строй широкихъ и твердыхъ воззрѣній, желѣзный образъ истиннаго боярина въ томъ смыслѣ, который придала этому слову русская исторія въ лучшихъ ея преданіяхъ. Въ умственномъ складѣ разбираемаго писателя мы встрѣчаемъ безподобный образъ прямолинейнаго, твердаго, цѣльнаго, уравновѣшеннаго и неспѣшно величаваго русскаго мужества, трудолюбиваго, вѣрнаго родной старинѣ, полагающагося не на слова, а на опытъ, и на незыблемомъ подножіи миновавшихъ столѣтій спокойно пренебрегающаго шумихой, суетой и тревогами неустойчивой современности. Становясь дѣятелями, такіе люди не спѣшатъ, не колеблются и не отступаютъ. Въ тишинѣ мирной государственной жизни они незамѣтны и неслышны; нужны важныя событія, трудныя времена, чтобы обнаружить ихъ во весь ихъ ростъ. Такъ невидныя во время затишья подводныя скалы незыблемо выступаютъ изъ хаоса безпорядочно возмущающихся и пресмыкающихся волнъ, сосредочивая около себя всю ярость водъ и бури, и вновь скрываются подъ поверхностью моря, когда буря минуетъ. Объ ихъ острые выступы разбиваются враждебныя армады, къ ихъ подножіямъ бросаютъ якоря суда и флоты окрестныхъ водъ. Какъ ни безцвѣтна, второстепенна и не-

---

[1]) Вѣчная Память, стр. 105—107.

замѣтна по первому взгляду ихъ роль, однако же такіе люди собираютъ около себя исторію, какъ у поэта бурю окликъ лѣса-богатыря:

Вороти вокругъ,
Держи около!

Эти люди—дѣйствительно вершины родной земли, и такихъ людей, умѣющихъ сохранить то, что имъ довѣрено, выбиралъ себѣ въ диктаторы римскій народъ въ эпохи смутъ и бѣдствій, поручая какому нибудь оторванному отъ сельскаго плуга Цинциннату «позаботиться, чтобы государство не потерпѣло въ чемъ либо ущерба». Таковъ былъ древній Катонъ, первый прозаикъ и первый ораторъ Рима, желѣзный блюститель завѣтовъ и доблестей старины, несговорчивый противникъ легкомысленныхъ поклонниковъ эллинскихъ новшествъ, ветеранъ пуническихъ войнъ и умѣлый сельскій хозяинъ, историкъ и политикъ, центръ сената и гроза вольномыслія, ненавистный всему «прогрессивному» Риму и неизмѣнно выбираемый народомъ на всѣ должности, на какія бы ни выступилъ кандидатомъ, наиболѣе ненавидимый дѣятель и самый безупречный изъ гражданъ своей эпохи. Такими людьми стоялъ Римъ, еще не помышляющій о всемірномъ могуществѣ, но уже непобѣдимый военными силами всего міра. Не ими онъ росъ, но ими онъ жилъ, но ими держался, какъ костями живой организмъ. Отъ такихъ прибрежныхъ скалъ и разливалось когда-то всемірное римское море.

II.

Разнообразную авторскую дѣятельность разбираемаго писателя трудно описать въ немногихъ словахъ; но самая постановка предмета нашей статьи, суживая задачу къ обозрѣнію только литературной его дѣятельности, а, стало быть, и къ оцѣнкѣ только литературнаго ея значенія, нѣсколько облегчаетъ трудность дѣла. Первою литературною особенностью каждаго писателя является его слогъ. И нельзя отрицать замѣчательнаго своеобразія слога К. П. Побѣдоносцева. Онъ обладаетъ удивительнымъ искусствомъ писать какими-то несомнѣнными словами, съ какою-то механическою точностью выражающими свое содержаніе. Даже въ минуты одушевленія въ его рѣчи слышна металлическая, звонкая точность; его слова не отстаютъ отъ мыслей, не обгоняютъ ихъ; ни намековъ, ни поэтической недосказанности въ нихъ нѣтъ. Какъ стилистъ, онъ, можно сказать, чеканитъ свои мысли. И это не элегантная, нарядная чеканка изысканныхъ и пышныхъ французскихъ стилистовъ, нерѣдко по ближайшемъ разсмотрѣніи оказывающаяся просто издѣліями изъ дутаго металла; это добросовѣстная, нѣсколько тяжеловѣсная и угловатая обработка полноцѣнныхъ, вѣскихъ мыслей. Приведемъ для примѣра немногословную, образцовую въ отношеніи слога, характе-

ристику императора Александра III: «Страшно было вступленіе его на царство. Онъ возсѣлъ на престолъ отцовъ своихъ, орошенный слезами, поникнувъ главою, посреди ужаса народнаго, посреди шипящей злобы и крамолы. Но тихій свѣтъ, горѣвшій въ душѣ его, со смиреньемъ, съ покорностью волѣ Промысла и долгу, разсѣялъ скопившіеся туманы, и онъ воспрянулъ оживить надежды народа. Когда являлся онъ народу, рѣдко слышалась рѣчь его, но взоры были краснорѣчивѣе рѣчей, ибо привлекали къ себѣ душу народную; въ нихъ сказывалась сама тихая, и глубокая, и ласковая народная душа, и въ голосѣ его звучали сладостныя и ободряющія сочувствія. Не видѣли его господственнаго величія въ дѣлахъ побѣды и военной славы, но видѣли и чувствовали, какъ отзывается въ душѣ его всякое горе человѣческое и всякая нужда, и какъ болитъ она и отвращается отъ крови, вражды, лжи и насилія. Таковъ самъ собою выросъ образъ его предъ народомъ, предъ всею Европой и предъ цѣлымъ свѣтомъ, привлекая къ нему сердца и безмолвно проповѣдуя всюду благословеніе мира и правды»[1]). Или вотъ другой отрывокъ, не менѣе удачно выражающій немногими словами и образами цѣлую живую, яркую картину: «Съ ранняго утра въ чистый понедѣльникъ уже ощущается тихое вѣяніе великаго поста. Какая тишина въ Московскихъ улицахъ и переулкахъ, и въ свѣжемъ чистомъ весеннемъ воздухѣ, какою гармоніей звучатъ серебристые переборы колоколовъ, отовсюду зовущихъ къ заутрени!»[2]). Или вотъ наконецъ состоящая изъ шести словъ несравненная характеристика «Исповѣди» блаженнаго Августина: «чудная исторія души, лучистыми слезами писанная»[3]).

Таковъ въ общемъ слогъ К. П. Побѣдоносцева; но не въ одномъ этомъ его особенности. Манера его письма всецѣло заимствована имъ у нашихъ духовныхъ писателей и можетъ быть признана манерой церковной стилистики по преимуществу. Эта стилистика страдаетъ, какъ извѣстно, однообразіемъ сравненій и уподобленій, допуская реторическое творчество лишь въ предѣлѣ немногочисленныхъ, традиціонныхъ образовъ, украшеній и фигуръ. Слова обыденной разговорной рѣчи она замѣняетъ ихъ синонимами, носящими книжный характеръ, и такимъ образомъ живость и мѣткость рѣчи замѣняетъ отвлеченной кристаллической точностью. Она допускаетъ большія грамматическія неправильности, изобилуетъ латинизмами и грецизмами, не говоря уже о насильственномъ укладываніи гибкой и подвижной русской рѣчи въ искусственные, угловатые церковнославянскіе обороты. Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ церковная стилистика носитъ на себѣ неизгладимый отпечатокъ художественнаго благородства. Она вышла изъ школы писателей древняго міра,

---

[1]) Вѣчная память, стр. 101—102.
[2]) Праздники Господни, стр. 9.
[3]) Побѣда, побѣдившая міръ, стр. 26.

этихъ болѣе чѣмъ служителей, а скорѣе жрецовъ слова, ревностныхъ блюстителей его чистоты, красоты, разнообразія и силы. Она внушаетъ своимъ адептамъ «изящную законченность выраженій и ихъ искусную расстановку, сдержанную смѣлость образовъ, вдохновенное искусство композиціи» [1]). Она требуетъ отъ писателя дѣйствительнаго творчества, о чемъ бы онъ ни писалъ; она не допускаетъ готовыхъ словъ съ готовыми мыслями, но требуетъ для всякой мысли создавать ея врожденное выраженіе. Потому она учитъ сообщать интересъ предметамъ ихъ описаніемъ, значеніе мыслямъ ихъ выраженіемъ. Оттого, напримѣръ до настоящаго времени сохранили интересъ, свѣжесть и прелесть новизны превосходныя «Письма о путешествіи наслѣдника цесаревича» [2]), съ точки зрѣнія выполненія и слога дѣйствительно напоминающія классическихъ авторовъ. Самыя, повидимому, незначительныя подробности и эпизоды знаменательнаго путешествія пріобрѣтаютъ какую-то особенную яркость, выпуклость и значеніе отъ того сжатаго, точнаго и оживленнаго слога, которымъ описаны. Усердіе историка, ученаго и политика примѣнено здѣсь образцовымъ стилистомъ къ небольшому біографическому эпизоду, и результатомъ этого усердія является совершенно неожиданная прелесть для читателей простыхъ, но разнообразныхъ, «не мудрствуя лукаво», но обдуманнымъ лѣтописнымъ тономъ описанныхъ событій.

Другого рода законченности слогъ разбираемаго автора достигаетъ въ его переводахъ и компиляціяхъ. Такъ, напримѣръ, въ своемъ переводѣ «О подражаніи Христу» Ѳомы Кемпійскаго [3]) онъ далъ замѣчательный образецъ чрезвычайно оригинальной прозы, удивительно удачно совмѣщающей въ себѣ латинскіе, церковно-славянскіе и современно-русскіе элементы. «Блаженъ, кого истина сама собою учитъ, не проходящими образами и звуками, но такъ, какъ сама есть. Свое мнѣніе и свое чувство часто насъ обманываетъ и немного видитъ. Что пользы высоко умствовать о скрытыхъ и темныхъ предметахъ, о чемъ и не спросятъ насъ на судѣ, зачѣмъ не знали. Великое безуміе, что, оставивъ полезное и нужное, все стараніе прилагаемъ къ любопытному и предосудительному. Очи имѣемъ и не видимъ» [4]). Въ томъ же стилѣ и съ такимъ же успѣхомъ выполненъ и недавній переводъ 9-й книги изъ исповѣди блаженнаго Августина [5]). Съ другой стороны прекраснымъ и правильнымъ

---

[1]) Patin, Etudes sur la poésie latine, Paris 1888, т. 1, стр. 72.

[2]) Письма о путешествіи государя наслѣдника цесаревича по Россіи отъ Петербурга до Крыма. Москва, 1864. Кр. 8°, стр. X+568. Этой книги давно уже нѣтъ болѣе въ продажѣ.

[3]) Ѳомы Кемпійскаго о подражаніи Христу четыре книги. Новый переводъ съ латинскаго К. П. Побѣдоносцева. Шестое изданіе съ примѣчаніями и размышленіями изъ духовныхъ писателей. Спб. 1896, 8°, стр. XII+859.

[4]) Подражаніе Христу, стр. 5.

[5]) Побѣда, побѣдившая міръ. Изданіе К. П. Побѣдоносцева, четвертое. Москва, 1895. Стр. 96, мал. 8°. Стр. 57—96.

современнымъ языкомъ, отлично передающимъ наивный, обстоятельный и складный тонъ подлинника, переведены «Приключенія Вратислава» [1]). Здѣсь переводчикъ очень счастливо схватилъ своеобразное славянское изящество подлинника, его безхитростную простонародную художественность. Менѣе обращаетъ на себя вниманіе переводъ небольшой нравоучительной брошюрки Тирша, давно распроданной и не переизданной [2]). На границѣ между переводами и компиляціями стоитъ уже названная статья «Побѣда, побѣдившая міръ», имѣвшая огромный успѣхъ и въ одинъ годъ выдержавшая четыре изданія. Наконецъ, чисто компилятивною работою представляется возбудившая много толковъ и препирательствъ, не попавшихъ въ печать и потому непозволительно преувеличенныхъ, «Исторія православной церкви» [3]). Во всякомъ случаѣ относительно этого краткаго учебника можно сказать то же, что относительно всѣхъ компиляцій, составители которыхъ стоятъ неизмѣримо выше авторовъ, ими компилируемыхъ: это въ сущности заново написанная вещь, компилятивное происхожденіе которой сказывается только въ чрезвычайной объективности и общедоступной простотѣ изложенія. Составитель выбираетъ простѣйшія, общедоступнѣйшія мысли въ блѣдномъ изложеніи простыхъ и незамѣтныхъ писателей, въ самой простотѣ авторовъ которыхъ, ему недоступной съ вершинъ его дарованій и образованія, онъ видитъ залогъ соразмѣрности этихъ мыслей пониманію простѣйшихъ читателей, и, такъ сказать, сверху даетъ надлежащее выраженіе этимъ робкимъ мыслямъ невысокаго подъема. Въ результатѣ вмѣсто блѣднаго лепета получается точная, опредѣленная, сомкнутая рѣчь, и дѣтскія мысли получаютъ выраженіе, которое подымаетъ ихъ до уровня высшаго знанія, опыта и мудрости. Идеалъ общедоступности оказывается достигнутымъ именно тѣмъ, что сильный и глубокій умъ подчиняется привычкамъ, требованіямъ и слабости умовъ обыкновенныхъ, но зато своимъ изложеніемъ сообщаетъ высшее возможное совершенство, широту, законченность и прозрачность узкимъ, тѣснымъ и смутнымъ понятіямъ обыденнаго человѣка. Только что сказанное даетъ поводъ отмѣтить третью особенность слога разбираемаго автора: его величайшую простоту и общепонятность. Простѣйшему человѣку открыть словомъ путь и дать крылья выраженіемъ къ самымъ отвлеченнымъ, тонкимъ и сложнымъ понятіямъ—вотъ, повидимому, его постоянное намѣреніе. Мысль автора все время хочетъ быть близкой къ окружающей жизни, не залетая въ сферу немногихъ, а непрерывно сближаясь съ областью слабаго большинства.

---

[1]) Приключенія чешскаго дворянина Вратислава въ Константинополѣ и въ тяжкой неволѣ у турокъ съ австрійскимъ посольствомъ 1591 г. Переводъ съ чешскаго К. П. Побѣдоносцева. Спб. 1877 Стр. XX+252, 16°.

[2]) Христіанскія начала семейной жизни. Москва, 1861. Стр. 195, 8°.

[3]) Исторія православной церкви до начала раздѣленія церквей. 8-е изданіе К. П. Побѣдоносцева, Спб., 1895. 8°, стр. XXIV+222+II.

III.

Отъ особенностей К. П. Побѣдоносцева, какъ писателя, переходимъ къ предметамъ его литературной дѣятельности. Эти предметы распредѣляются въ довольно неравной степени между наукой и художественнымъ творчествомъ. Упомянутыя въ предшествующей главѣ «Письма о путешествіи наслѣдника цесаревича» были работою случайной, «Приключенія Вратислава» были переведены въ эпоху противотурецкаго возбужденія и балканской кампаніи, наконецъ остальные переводы и компиляціи также не связаны неразрывнымъ единствомъ съ прочими произведеніями автора. Онѣ могли бы быть, могли бы не быть,— его характеристика осталась бы та же, только его дарованія проявились бы менѣе разнообразно, да русская литература не досчиталась бы нѣсколькихъ интересныхъ и замѣчательныхъ книгъ. Точно то же можно сказать и о сборникѣ «Сѣверные цвѣты» [1]: это хорошенькій томикъ миніатюрнаго формата, заключающій небольшую христоматію стихотвореній и отрывковъ изъ крупныхъ произведеній Пушкина въ стихахъ. Выборъ тѣхъ или другихъ пьесъ интересно характеризуетъ вкусы и симпатіи составителя сборника; но больше сказать о немъ нечего.

Научныя произведенія разбираемаго автора касаются догмы и исторіи русскаго права. Главнѣйшее изъ нихъ—знаменитый курсъ гражданскаго права [2]. Менѣе извѣстны, но не менѣе почтенны въ научномъ отношеніи историческія статьи [3] автора. Наконецъ къ этому же отдѣлу относится и небольшая журнальная статья о Ле-Пле, вышедшая такъ же и отдѣльной брошюрой [4]. Эти работы составили эпоху въ исторіи нашей юридической науки, и пространный обзоръ и оцѣнка ихъ представили бы изъ себя слишкомъ обширный трудъ для настоящей статьи, къ тому же трудъ, не отвѣчающій принятой нами узкой постановкѣ ея предмета. Потому въ дальнѣйшемъ будетъ лишь немногими чертами обрисованъ общій духъ и направленіе этихъ работъ, поскольку онѣ могутъ дополнить предпринятую литературную характеристику.

Вѣрность старинѣ и вѣрность дѣйствительности, преданность и любовь родной жизни всегда берутъ свое начало въ семьѣ и проявляются прежде всего и прочнѣе всего въ строгомъ соблюденіи и

---

[1]) Сѣверные Цвѣты. Выборъ изъ стихотвореній А. С. Пушкина. Спб. 1888 г., 144 стр., 16°.

[2]) Курсъ гражданскаго права. 8°, Спб. 1896. 1-я часть, вотчинныя права, стр. VII + XIV+745. 2-я часть, права семейственныя, наслѣдственныя и завѣщательныя, стр. IX+676. 3-я часть, договоры и обязательства, стр. X+620. Указатели и приложенія. Стр. 119.

[3]) 1) Историческія изслѣдованія и статьи К. Побѣдоносцева. Спб. 1876, 8°, стр. IV+ 852, — 2) Историко-юридическіе акты переходной эпохи XVII и XVIII вѣковъ, Москва, 1887, 8°, стр. 287.—3) Въ непосредственной связи съ названными работами стоитъ изданныя въ 1896 г. не для продажи Выписки изъ Полнаго собранія законовъ, 11 тетрадей folio.

[4]) Ле-Пле, К. П. Побѣдоносцева, Москва, 1898, 8°, стр. 28.

охраненіи семейнаго начала. Историческія преданія не могутъ стать живымъ предметомъ благоговѣнія для человѣка, который не вынесъ изъ родной семьи прочныхъ, крѣпкихъ и дорогихъ ему традицій. Родовыя воспоминанія заводятъ насъ въ глубь исторіи и дѣлаютъ ее для насъ, чѣмъ они глубже и достовѣрнѣе, своимъ, семейнымъ дѣломъ, кровнымъ достояніемъ. Семья же роднитъ человѣка и съ окружающей жизнью, пріучая дорожить ея связями и условіями, примиряя съ тяжелыми сторонами быта. Родовой протестъ противъ общества или государства невозможенъ; наоборотъ, гражданскія доблести почти всегда, за самыми рѣдкими и случайными исключеніями, выработываются въ цѣломъ рядѣ поколѣній, постепенно укрѣпляясь. Порціи, Корнеліи, Клавдіи, Юніи, Юліи древняго Рима могутъ служить тому блестящими примѣрами. Государство крѣпко только семьей,— это старая истина, до того старая, что люди не любятъ съ нею считаться и очень легко ее забываютъ.

Вполнѣ естественно поэтому, что типичный и цѣльный представитель коренныхъ особенностей русской жизни высоко ставилъ и цѣнилъ замѣчательнаго поборника семейныхъ и родовыхъ началъ въ современной Франціи—Пьера Вильома Фридерика Ле-Пле. «Всякій, кто, желая быть юристомъ, говоритъ авторъ, ищетъ проникнуть далѣе буквы и формы, въ самый духъ учрежденій, дабы узнать правду жизни и по правдѣ дѣйствовать,—долженъ читать сочиненія Ле-Пле» [1]. «Человѣчество современемъ поставитъ высоко чистый его обликъ и провозгласитъ его имя, какъ имя праведнаго. Одинъ изъ членовъ французской академіи сказалъ въ порывѣ своей скорби, что съ этою потерей (смертью Ле-Пле) уменьшилась сила человѣческаго разума. Добродѣтели Ле-Пле, его терпѣніе, мужество, стойкость, доброта и благородство придали ему нравственную высоту, еще болѣе выясняющую его заслуги, какъ мыслителя и неутомимаго дѣятеля, который, не касаясь злобы дня, забываемой назавтра, выдвинулъ на первый планъ принципы и законы, назначенные до конца вѣковъ дѣйствовать на развитіе человѣческихъ обществъ» [2]. Такимъ образомъ сочувствіе дѣятельности и идеямъ Ле-Пле тѣсно вяжется съ общимъ характеромъ воззрѣній разбираемаго писателя и даже является въ нѣкоторомъ родѣ ихъ объединяющимъ разъясненіемъ. Въ семьѣ—основа государства, въ ней источникъ любви и вѣрности старинѣ, въ ней школа преданности началамъ родной жизни и благоговѣнія къ ея строю. Воспоминанія родоваго труда на благо и пользу отечества внушаютъ энергію и вѣру въ этотъ трудъ, навѣваютъ спокойствіе за судьбы будущаго. Въ нихъ же почерпается и спокойное, исторически-безстрастное отношеніе къ тѣнямъ и язвамъ старины, чувство истиннаго историка, описываю-

---

[1]) Указатели и приложенія, стр. 110.

[2]) Ле-Пле, стр. 24.

щаго ихъ, какъ выздоровѣвшій человѣкъ подробности миновавшей болѣзни. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти воспоминанія и традиціи невольно выдвигаютъ на первый планъ бытовые элементы исторіи, характеры и нравы, отражающіе эпоху эпизоды, а не широкія историко-философскія обобщенія. Такой взглядъ превращаетъ исторію въ художественную лѣтопись роднаго быта. Народъ, какъ сказочный богатырь, мчится навстрѣчу своимъ историческимъ судьбамъ, а изъ оставшихся слѣдовъ, изъ копыти этого стремленія, струится чистый ключъ—источникъ новыхъ силъ и новой бодрости.

> И въ ночи къ ключу студеному
> Ходитъ звѣрь медвѣдь воды испить,
> Понабраться силы богатырскія.

А у источника этого ключа, какъ въ родныхъ былинахъ, стоитъ часовня во имя Спасителя, собирающая къ себѣ неутомимыхъ богомольцевъ. Такъ силы воли и силы духа даетъ людямъ исторія; но только семья дѣйствительно пріобщаетъ къ ней отдѣльное лицо.

Именно такимъ духомъ, такимъ отношеніемъ къ прошлому проникнуты безстрастныя, твердыя, безъ ужимокъ и пафоса заднимъ числомъ встрѣчающія добро и зло исторіи, изслѣдованія К. П. Побѣдоносцева. И много истинной патріотической гордости слышится въ этомъ безпристрастномъ и правдивымъ созерцаніи своего темнаго прошлаго. Въ немъ—источникъ любви къ настоящему, залогъ дѣйствительной, прочной вѣрности свѣту родной старины, толчокъ къ бодрому дальнѣйшему труду. Кто вѣритъ въ свой народъ, тому нѣтъ въ прошломъ ничего страшнаго, нѣтъ несмываемыхъ, смертныхъ грѣховъ, и есть много поученія и радости въ сравненіи съ нимъ современнаго настоящаго въ его лучшихъ сторонахъ и явленіяхъ.

Вотъ по возможности сжатая характеристика содержанія «Историческихъ изслѣдованій и статей». Историкъ права въ нихъ является вмѣстѣ съ тѣмъ историкомъ быта и учителемъ устойчивой вѣры въ будущее, «какъ посравнить, да посмотрѣть—вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій!» Сообразно съ этимъ и книга распадается на двѣ части: «Историческіе очерки крѣпостнаго права въ Россіи» и «Анекдоты изъ XVIII столѣтія». Отличнымъ дополненіемъ къ ней служатъ упомянутыя «Выписки изъ полнаго собранія законовъ», не малый интересъ представляющія и сами по себѣ, несмотря на ихъ значеніе сыраго научнаго матеріала.

Всѣмъ извѣстно значеніе и характеръ курса гражданскаго права К. П. Побѣдоносцева. Теоретическая сторона курса не встрѣтила похвалъ и одобреній отъ представителей нашей юридической науки; но практическій характеръ книги сдѣлалъ ее однимъ изъ трехъ устоевъ, которыми держится наша цивилистика: это — 10-й томъ свода законовъ, «Исторія Россійскаго законодательства» Неволина

и «Курсъ» К. П. Побѣдоносцева. Отдѣльныя части его весьма неравны достоинствомъ; но трудно рѣшить, можно ли ставить въ вину автору, а не состоянію законодательства, слабыя стороны книги. Все, что можно было извлечь юристу-практику изъ умноженія 10-го тома на всѣ остальные 15 томовъ свода законовъ, извлечено, весь цивилистическій матеріалъ нашего положительнаго законодательства собранъ и приведенъ въ порядокъ въ этомъ курсѣ. Почти безусловное отсутствіе критики дѣйствующаго права сливается здѣсь съ безусловно исчерпывающимъ его изученіемъ; за то въ цѣломъ курсъ даетъ не теоретическій идеалъ 10-го тома и не теоретическій идеалъ будущаго русскаго гражданскаго уложенія, а полный систематическій обзоръ наличнаго законодательства. Теоретическая сторона книги не то, что слаба, а скорѣе не нужна въ ней и включена въ ея составъ, повидимому, прямо вопреки научнымъ влеченіямъ автора, по соображеніямъ учебнаго свойства, какъ краткіе юридическіе начатки, не имѣющіе почти никакой цѣны для практики. Блистательнымъ и поучительнѣйшимъ доказательствомъ этого можетъ служить для каждаго юриста хотя бы отношеніе автора къ вопросу о теоріи владѣнія [1]). Теоретическое внутреннее единство дѣйствующаго законодательства не имѣетъ въ себѣ ничего самостоятельно цѣннаго для К. П. Побѣдоносцева; система для него играетъ роль только удобнаго плана изложенія, условной схемы свода указныхъ разногласій. Словомъ, теорія и система цѣнны въ его глазахъ, лишь по скольку онѣ органически выростаютъ изъ «лѣса законовъ», а не какъ творческое организаціонное и преобразовательное начало законодательства. Извѣстно, что сводъ законовъ является своего рода историческимъ музеемъ указной дѣятельности русскаго правительства, а не стройнымъ и цѣльнымъ уложеніемъ, будучи болѣе близокъ по своему характеру къ геологическимъ наслоеніямъ и формаціямъ, чѣмъ къ архитектурнымъ произведеніямъ. И вотъ незамѣнимымъ путеводителемъ по этому музею-лабиринту является разбираемый курсъ. Авторъ его остается вѣрнымъ себѣ самому и крѣпче всего держится за дѣйствительность, не отклоняясь отъ нея ни въ область чистаго умозрѣнія и идеала, ни въ область зыбкихъ обобщеній и теоретической критики. 10-й томъ безъ «Курса» К. П. Побѣдоносцева — непроходимая дебрь; курсъ К. П. Побѣдоносцева помимо 10-го тома — архивный межевой планъ. Оттого всѣ недостатки нашего законодательства выразились научными слабостями курса, и за то наиболѣе темные, запутанные и сложные его отдѣлы получили въ немъ наиболѣе строгую и точную обработку.

---

[1]) Курсъ, т. I, стр. 150 и слл., Указатели и приложенія, стр. 96—97.

IV.

Остается сказать о художественномъ творчествѣ К. П. Побѣдоносцева. Быть можетъ, со стороны иныхъ встрѣтитъ возраженія самая возможность воспользоваться этимъ выраженіемъ для характеристики тѣхъ произведеній, о которыхъ пойдетъ рѣчь; но, тѣмъ не менѣе, можно твердо настаивать на томъ, что оно—единственное подходящее. Художественными произведеніями разбираемаго писателями мы считаемъ примѣчанія къ «Подражанію Христу» [1]) и три книги, изданныя за послѣдніе годы: «Праздники Господни» [2]), «Вѣчная Память» [3]) и «Московскій Сборникъ» [4]). О послѣдней изъ названныхъ книгъ мнѣ еще недавно довелось говорить довольно подробно [5]), и потому я не буду повторять уже сказаннаго мною, тѣмъ болѣе, что очень многое изъ замѣчаній на «Московскій Сборникъ» всецѣло приложимо и ко всѣмъ художественнымъ произведеніямъ разбираемаго писателя. Такова между прочимъ характеристика «Московскаго Сборника», какъ «антологіи государственной лирики». Всѣ послѣдне-названныя произведенія нашего автора можно считать изборниками лирической прозы, составленными дѣйствительно «художникомъ церковной рѣчи» [6]). Разумѣется, спорное положеніе надо доказать; хотя это нѣсколько и отклоняетъ насъ отъ непосредственнаго предмета статьи, но вовсе обойти этотъ вопросъ нельзя. Постараемся разсмотрѣть его съ возможной краткостью, отсылая интересующихся подробностями къ тому, что было нами разъяснено въ другомъ мѣстѣ на эту тему [7]).

Всякое произведеніе мысли и слова съ точки зрѣнія субъективной является результатомъ нѣкотораго творческаго процесса, сочиненіемъ, будетъ ли то «Евгеній Онѣгинъ» или объявленіе въ газетахъ съ предложеніемъ переписки. Наша рѣчь, всѣ наши сужденія, всѣ разговоры являются непрерывнымъ творчествомъ, то-есть нѣкоторымъ положительнымъ проявленіемъ нашего духа въ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ формахъ. Отъ этого широкаго понятія должно отличать его разновидность, творчество въ объективномъ смыслѣ,

---

[1]) По тону, изложенію и отсутствію подписи, могутъ быть приписаны К. П. Побѣдоносцеву изъ примѣчаній къ 1-й книгѣ главы I—IV, VI—XIX, XXII, XXIII, изъ примѣчаній ко 2-й книгѣ глава I, къ 3-й книгѣ главы II, IV, XXI, XXIV, XLII, XLIII, XLVII, LII. хотя, конечно, мы руководимся въ этомъ отношеніи только личной догадкой, за вѣрность которой не можемъ поручиться.

[2]) Праздники Господни, второе изданіе, съ дополненіями, С.-Петербургъ, 1894 года, мал. 8°, стр. 174.

[3]) Вѣчная Память. Воспоминанія о почившихъ. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Москва, 1896 года, мал. 8°, стр. 114.

[4]) Московскій Сборникъ. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Москва, 1896 года, 8°, стр. 304

[5]) «Новое Время», 12-го іюня 1896 года, фельетонъ «Московскій Сборникъ».

[6]) Это выраженіе см. Праздники Господни, стр. 44.

[7]) Поэзія и философія, «Новое Время», 8-го іюня, 1896 года.

то-есть стремленіе проявить въ возможно болѣе совершенныхъ внѣшнихъ формахъ возможно болѣе совершенные замыслы. Критерій совершенства замысловъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и критеріемъ видовъ творчества. Измѣряя совершенство замысла красотой мы предаемся творчеству художественному; измѣряя его истиной — творчеству научному, въ частности философскому. Выполненіе не можетъ намъ дать такого критерія потому, что всякое выполненіе уже есть художественное творчество. Красота же свойственна формамъ бытія, а истина его содержанію. Совершеннымъ формамъ бытія со времени Платона присвоено названіе идеала, а такъ какъ жизнь есть стремленіе къ совершенству, и совершеннымъ формамъ свойственна сила притягательнаго воздѣйствія на все живое; то въ понятіе идеала мы невольно влагаемъ нѣкоторое тяготѣніе къ дѣйствительному осуществленію. На основаніи изложеннаго, подъ художественнымъ творчествомъ слѣдуетъ подразумѣвать духовную дѣятельность, направленную къ прекрасному выраженію идеаловъ бытія. Напротивъ, творчество научное есть духовная дѣятельность, направленная къ адекватному выраженію истины, то-есть сущности бытія съ объективной точки зрѣнія. Сообразно сказанному можно допустить, что исходная точка творчества художественнаго есть стремленіе къ достовѣрно извѣстному (независимо отъ критерія этой достовѣрности, то-есть положительнаго знанія или вѣры) идеалу, иначе говоря—недовольство, а исходная точка творчества научнаго — стремленіе къ неизвѣстной сущности достовѣрныхъ формъ, иначе говоря — сомнѣніе. Въ одномъ случаѣ духъ человѣческій стремится къ неизвѣстнымъ формамъ, во второмъ — къ неизвѣстной сущности. Въ связи съ этимъ понятно, отчего всякое выполненіе есть творчество художественное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, отчего ораторское искусство причисляется къ области художественнаго творчества.

Съ этой точки зрѣнія по полному праву заслуживаютъ названія художественныхъ произведеній статьи, входящія въ составъ перечисленныхъ выше сборниковъ. Въ нихъ художественно не только выполненіе, не только рѣчь, но и замыселъ, концепція автора. Его мысль не рвется къ неизвѣстное, какъ тревожная сила изъ тѣсноты знанія; она упорно прилѣпляется къ старому, давно извѣстному, она проникаетъ въ вѣковыя формы, изнутри освѣщая ихъ новымъ, неожиданнымъ смысломъ. Старому, извѣстному, даетъ авторъ новыя, прозрачныя формы. Въ области мысли онъ обладаетъ тайною рентгеновскихъ лучей, проникающихъ твердыя тѣла, открывающихъ глазу незримое хотя бы только очертаніями его тѣней. Конечно, его мысли касаются вопросовъ политики, права, исторіи, богословія, нравственности; ихъ логическій ходъ ясенъ, точенъ и твердъ; ни скачковъ, ни рѣзкихъ оборотовъ мысли не допускаетъ его легко и послѣдовательно развивающееся изложеніе; и тѣмъ не менѣе это не научное творчество, не искусство публициста, а истинная, глубокая

поэзія. «Нѣкогда царь и пророкъ,—говоритъ онъ,—испытавшій горесть и обольщеніе всѣхъ радостей земныхъ, посреди глубокой печали, молился Богу такою молитвою: Правдою Твоею изведеши отъ печали душу мою. Надобно, чтобы позналъ человѣкъ свое сердце во всей его неправдѣ, и въ своей неправдѣ увидѣлъ бы правду Божію. Вотъ къ чему ведетъ его печаль: ея нестерпимое жало понуждаетъ человѣка вникнуть въ себя, распознать пути свои и смирить свое сердце предъ Богомъ: печаль, яже по Бозѣ» [1]). Въ этихъ словахъ нельзя не узнать только что выясненной нами исходной точки художественнаго творчества—«стремленія къ достовѣрно извѣстному (по вѣрѣ) идеалу, иначе говоря—недовольства», и, стало быть, въ произведеніяхъ проникнутаго имъ автора—поэзіи. Это, правда, не поэзія чувства, не самоуслажденіе страстей въ стремительномъ, яркомъ и пышномъ выраженіи, не гордое величіе героизма, а тихая поэзія мысли, согласующейся съ самыми чистыми и кроткими движеніями души, поэзія сознательнаго чувства и проникновеннаго размышленія. Тихіе огоньки глубокихъ сердечныхъ движеній, какъ церковныя свѣчи передъ величавыми ликами иконъ, озаряютъ въ ней строгіе образы суровыхъ жизненныхъ воззрѣній. Авторъ ищетъ и находитъ въ душѣ своей сладость долга, отраду самоуничиженія, нѣгу воздержанія. Его обдуманныя, искусственно построенныя, книжныя рѣчи точно вводятъ въ храмъ Божій мысли даже невѣрующаго человѣка, раскрывая передъ ними плѣнительныя тайны душевной жизни, протекающей подъ тѣми сводами и за тѣми для всѣхъ открытыми вратами, мимо которыхъ спѣшно и небрежно проходитъ суета его дѣловыхъ заботъ. И зато эти же простыя, прямыя, крѣпкія рѣчи становятся грознымъ логическимъ оружіемъ противъ лукавыхъ ухищреній изломанной, изолгавшейся современной мысли. Какъ рогатину противъ медвѣдя, ставитъ авторъ свою стройную мысль противъ любаго боеваго термина, въѣдающагося разрушительной язвой въ колеблющіеся умы современныхъ людей, и укрѣпляетъ эту рогатину въ любомъ пунктѣ нашего тысячелѣтняго прошлаго. Противъ каждой разнуздывающей фразы западныхъ ученій выдвигаетъ онъ всю нашу исторію и всю свою логику, самъ оставаясь въ сторонѣ, безстрастный и неколебимый.

Въ частности мало можно прибавить о каждомъ изъ названныхъ сочиненій въ отдѣльности. Нельзя только не замѣтить, что наиболѣе слабое изъ нихъ въ цѣломъ, не взирая на несравненныя частности, — сборникъ «Вѣчная память». Характеристика людей — задача, совершенно не соотвѣтствующая особенностямъ литературныхъ дарованій автора. Онъ не умѣетъ чувствовать и схватывать индивидуальностей людскихъ, тѣхъ частностей и особенностей, которыя создаютъ человѣка. Въ отдѣльныхъ людяхъ онъ чув-

---

[1]) О подражаніи Христу, стр. 290—291.

ствуетъ и понимаетъ, точно какую нибудь математическую величину, ихъ гражданскую силу, ихъ политическое значеніе. Онъ прекрасно взвѣшиваетъ историческій смыслъ человѣка, отвѣчаетъ на восросъ: что онъ сдѣлалъ; но чѣмъ онъ былъ—этого передать онъ не можетъ [1]). Оттого крайне блѣдны, какъ-то манерны и витіеваты некрологи великихъ княгинь Елены Павловны и Екатерины Михаиловны, Н. П. Шульцъ и баронессы Ѳ. О. Раденъ. Нѣсколько ярче, живѣе некрологи Н. В. Калачова и Н. И. Ильминскаго; а дѣйствительно хороши и вполнѣ достойны своего автора замѣтка объ Аксаковыхъ и двѣ статьи на смерть императора Александра III. Вездѣ, конечно, даже въ самыхъ блѣдныхъ очеркахъ, можно узнать автора; но тѣмъ болѣе становится ясно, что онъ взялся не за свое дѣло.

Напротивъ, высоко стоятъ и ярко выдѣляются въ нашей литературѣ «Московскій Сборникъ», «Праздники Господни» и примѣчанія къ «Подражанію Христу». Мною было уже указано въ другомъ мѣстѣ, что въ нихъ ожило своеобразное творчество московскаго періода нашей литературы, вновь зазеленѣла, какъ жезлъ Аароновъ, повидимому, совершенно омертвѣлая вѣтвь родной старины. Пространная характеристика каждаго изъ этихъ сочиненій завела бы слишкомъ далеко, и потому придется ограничиться самымъ существеннымъ. «Московскій Сборникъ» въ области мысли то же, что извѣстное «Собраніе насѣкомыхъ» Пушкина. Всѣ тѣ летучія фразы, всѣ хлесткія сужденія, всѣ склеенные изъ фразъ характеры, подвижные и поворотливые, какъ перекати-поле, вся мошкара и шушера вертлявыхъ послѣдователей поденныхъ модъ и воззрѣній, которая облѣпляетъ, жалитъ и окружаетъ жужжащимъ роемъ труженика, ведущаго свой неспѣшный плугъ по вѣковой нивѣ, уловлена въ немъ быстрой и широкой мыслью, расправлена неумолимой логикой и засушена въ назиданіе потомству. Вотъ что тебя встрѣтитъ, что къ тебѣ привяжется, что будетъ язвить и жалить тебя, сновать, жужжать, развлекать и безпокоить тебя, говоритъ авторъ своему единомышленнику. И не думай, что эти крылатыя, блестящія, звонкія фразы безвредны и безсильны:

...Куда ни взглянешь,
Ихъ повсюду тучи;
Солнце затмеваютъ,
Смѣлы и могучи! [2])

Съ ними необходимо считаться. Ихъ уколы отвлекаютъ руки отъ работы, ихъ жужжанье и стрекотанье разсѣиваетъ мысль по мелочамъ, ихъ множество дѣлается просто страшнымъ порою; своими

[1]) Вѣчная Память, стр. 114.
[2]) П. А. Кусковъ, «Наша жизнь», стр. 52.

преслѣдованіями въ неразработанныхъ дебряхъ они на смерть заѣдаютъ людей, загоняя ихъ въ непролазныя трущобы. Въ ихъ суетѣ безумѣютъ непривычные люди и безразсудно мечутся, ничего не видя, не слыша и не понимая. А между тѣмъ, смотри, какъ ничтожно и безвредно это «жизнь отравляющее» племя, какъ таетъ ихъ мнимая сила въ ѣдкомъ дыму логики. И тѣ страшныя тучи, передъ которыми ты самъ себѣ казался такимъ безпомощнымъ, такъ безповоротно обреченнымъ бѣжать предъ ихъ множествомъ, куда бы ни погналъ тебя его стихійный произволъ,—эти тучи состоятъ изъ такихъ ничтожныхъ, мелкихъ и безсильныхъ заблужденій! Игрушками и блестками любуются умы толпы, передъ комариными уколами они трепещутъ. Дыма роднаго очага достаточно для борьбы съ этимъ летучимъ племенемъ, а трудъ, расчищающій дебри, осушающій болота и взращающій хлѣбъ и каменные города на прежнихъ безплодныхъ тундрахъ, и вовсе изгоняетъ ихъ изъ своей области. А между тѣмъ, какою ложью, какимъ страхомъ предъ множествомъ, какими презрѣнными бѣгствами и постыдными отреченіями наполняютъ они нашу жизнь! Сколько людей, въ угоду летучимъ поденнымъ фразамъ, измѣняло лучшимъ завѣтамъ и преданіямъ старины, отрекалось отъ истины, сдавалось передъ ложью! Трудно людямъ толпы считаться съ толпою. Имъ не на что опереться, нечѣмъ оборониться; у нихъ ни щита, ни оружія; а одинъ въ полѣ не воинъ. И вотъ этимъ людямъ, безсильнымъ передъ площаднымъ отрицаніемъ, бѣгущимъ съ толпою и безмолвно теряющимся въ ея ропотѣ, даетъ «Московскій Сборникъ» и опору, и защиту, и оружіе. «Московскій Сборникъ» открываетъ самой простой и скромной толпѣ народной арсеналы высшаго просвѣщенія на борьбу съ западомъ. Онъ взываетъ къ народному уму, дастъ ему оружіе и указываетъ врага. Эта книга—революціонный манифестъ въ области культуры; это уже не одинокая критика Страхова, шедшаго въ храмы западничающей толпы для низверженія ея идоловъ; она предлагаетъ не судить, а обороняться и гнать обратно мутныя волны господствующихъ у насъ западныхъ ученій. Русскій умъ вооружается въ ней по всей западной границѣ. Вполнѣ естественно, что вооруженные умы не скликаются въ ней въ организованные полки, къ знаменамъ и властямъ. Напротивъ: эта книга даетъ каждому оружіе и шлетъ его домой. У каждой сельской церкви могутъ собираться партизанскіе отряды.

Всего опредѣленнѣе выражены идеалы и симпатіи автора въ двухъ послѣднихъ, еще не разобранныхъ нами, сочиненіяхъ — «Праздники Господни» и примѣчанія къ «Подражанію Христу». «Книга эта, говоритъ авторъ о твореніи Ѳомы Кемпійскаго, исполнена священной поэзіи, каждая страница въ ней дышитъ, если можно такъ выразиться, лирическимъ восторгомъ вѣрующей души; всюду въ ней слышится торжественная пѣснь о Богѣ, о вѣчности и о

судьбѣ человѣка» [1]). Эти слова можно примѣнить и къ характеристикѣ примѣчаній самого переводчика и къ его «Праздникамъ Господнимъ». Это—лирическія разсужденія, проникнутыя глубокой религіозной поэзіей. «Всякую душу, говоритъ авторъ, какъ бы ни была она погружена—и въ молву людскую, и въ безмолвіе одиночества—праздникъ призываетъ пѣть пѣснь Вседержителю Богу» [2]). Такими праздниками мысли, одушевленными изліяніями многолѣтнихъ размышленій и впечатлѣній, и являются отдѣльныя главы названныхъ сочиненій. Твердыя, глубокія мысли торжественно облачаются въ нихъ въ величавыя одѣянія словъ и, озаряемыя согласными чувствами народными, пріобрѣтаютъ какую-то неожиданную, необычайную силу и красоту. Глубокій художникъ открываетъ ими читателю—по крайней мѣрѣ многимъ читателямъ—цѣлую область возвышенныхъ, чистыхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ впечатлѣній, каждому когда-то привычныхъ и знакомыхъ, но давно погасшихъ и забывшихся. Мірской, свѣтской мысли открывается въ нихъ смыслъ и прелесть церковной жизни. «Воды наши питаются изъ тысячи мелкихъ источниковъ: едва примѣтными жилками сочатся начальные ключи сквозь мягкую почву, и каждый день новыя жилки просачиваются: счастливъ, кто съ раннихъ поръ привыкъ заботливо осматривать ключи свои и укрѣплять рыхлую свою почву! Стоитъ на время забыть объ нихъ—и соберутся повсюду сонныя воды, и ключи подъ ними закроются» [3]). Однако же, «кому случалось испытать на себѣ дивную силу воспоминаній, тотъ знаетъ по опыту, какъ часто вдругъ, неожиданно, среди равнодушія и усталости, среди шума и суеты, одно невзначай услышанное слово, одинъ напѣвъ или звукъ будилъ уснувшую душу и мгновенно отворялъ ей двери въ обширный міръ прожитаго минувшаго. Мгновенно воскресала въ душѣ живая картина изъ минувшей жизни со всею ея обстановкою, возникали изъ глубины прошедшаго милые образы, давно оставшіеся позади насъ, и душѣ слышалось такъ явственно, такъ понятно и усладительно цѣлая гармонія того момента, котораго коснулось воспоминаніе. Никакими словами невозможно выразить впечатлѣніе, производимое въ душѣ такимъ воспоминаніемъ: какая-то торжественная поэма слагается въ ней изъ остатковъ минувшаго, за минуту передъ тѣмъ бывшихъ отрывочными представленіями. Тутъ всѣ они оживляются и сходятся въ стройное цѣлое. Все, что было слишкомъ рѣзко и угловато въ дѣйствительности, пропадаетъ, уступая мѣсто мягкимъ тонамъ и краскамъ. Такія минуты принадлежатъ къ лучшимъ минутамъ въ жизни [4]). Истинно

---

[1]) О подражаніи Христу, стр. III.
[2]) Праздники Господни, стр. 5.
[3]) О подражаніи Христу, стр. 200.
[4]) Праздники Господни, стр. 16—17.

блаженны люди, вѣдущіе воскликновеніе въ праздникахъ церковныхъ» [1]). Призваніемъ къ такимъ минутамъ и являются разбираемыя произведенія, достойно увѣнчивающія литературную дѣятельность К. П. Побѣдоносцева, въ которой, говоря словами поэта, дѣйствительно ожила

Святая Русь—и величава,
И православна, какъ была.

Б. В. Никольскій.

---

[1]) Праздники Господни, стр. 11.

ЛАТЫШСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ РИГѢ.

ПЕРВАГО августа этого года, одновременно съ открытіемъ въ Ригѣ засѣданій Х-го археологическаго съѣзда, тамъ открылась для осмотра публики и латышская этнографическая выставка, устроенная научнымъ комитетомъ мѣстнаго латышскаго общества. Выставка эта представляетъ собою выдающійся интересъ въ культурно-историческомъ отношеніи, какъ первая въ такомъ родѣ выставка въ Балтійскомъ краѣ, наглядно представляющая собою полную картину внутренней жизни первенствующей на балтійскомъ поморьѣ народности, латышей, и дающая вмѣстѣ съ тѣмъ возможность видѣть ихъ внутренній, нравственно-экономическій ростъ за послѣднее столѣтіе.

Исторія возникновенія латышской этнографической выставки ведетъ свое начало за много лѣтъ назадъ. Научный комитетъ латышскаго общества въ Ригѣ уже лѣтъ десять, какъ сталъ понемногу собирать различные матеріалы для основанія латышскаго этнографическаго музея. Комитетомъ было пріобрѣтено съ этой цѣлью много интересныхъ для задуманнаго дѣла предметовъ отъ любителей этнографіи и сочувствующихъ комитету лицъ (въ числѣ которыхъ были многіе мѣстные крестьяне), которые, желая, насколько возможно, содѣйствовать предпріятію, снаряжали на свои собственныя средства научныя экспедиціи въ разныя мѣстности Балтійскаго края, населенныя латышами. Дѣло подвигалось, однако, впередъ довольно медленно и шло бы такъ, вѣроятно, и дальше, если бы комитету не пришла на помощь одна счастливая случайность.

Въ 1893 г. императорское московское археологическое общество пригласило научный комитетъ рижскаго латышскаго общества прислать своихъ делегатовъ на первое засѣданіе (въ январѣ 1894 г.) подготовительнаго комитета намѣченнаго въ Ригѣ и нынѣ открытаго X-го археологическаго съѣзда. Это дало научному комитету рижскаго латышскаго общества мысль устроить изъ уже собранныхъ и собираемыхъ для проектируемаго музея предметовъ латышскую этнографическую выставку во время имѣющаго состояться въ Ригѣ археологическаго съѣзда. Командированный въ виду вышеупомянутаго предложенія комитетомъ въ Москву присяжный повѣренный А. Веберъ заявилъ поэтому московскому археологическому обществу о рѣшеніи рижскаго латышскаго общества устроить особую этнографическую выставку одновременно съ работами съѣзда. Чтобы выставка эта вышла наиболѣе удачною, необходимо было значительно пополнить уже собранныя коллекціи этнографическихъ матеріаловъ. Для этого научный комитетъ, въ 1894 и 1895 годахъ, снарядилъ около десяти экспедицій въ разныя мѣстности края, населенныя латышами, и ассигновалъ на это свыше 2.000 рублей. Экспедиціи побывали вдоль всего побережья, въ сѣверной и западной Лифляндіи, посѣтили Куронское побережье, отъ Андерна до Дондангена; нижнюю Курляндію, отъ Либавы до Полангена, Альшвангенъ, деревни близъ Гольдингена и окрестности Виндавы, южную, восточную и польскую части Лифляндіи, Иллукстскій уѣздъ въ верхней Курляндіи, куронскія поселенія въ Пруссіи и куроно-литовскую границу.

Члены этихъ экспедицій не только собрали богатыя коллекціи древнихъ національныхъ костюмовъ и другихъ этнографическихъ матеріаловъ, но и сумѣли возбудить среди мѣстнаго крестьянскаго населенія живой интересъ къ готовившейся выставкѣ, такъ что и по возвращеніи экспедицій въ Ригу въ научный комитетъ латышскаго общества безпрерывно доставлялись разные для выставки предметы.

Въ виду этого матеріаловъ для выставки накопилось такъ много, что комитетъ пришелъ къ заключенію о необходимости устройства выставки въ особо для этого отведенномъ зданіи, такъ какъ предназначенное ранѣе подъ выставку помѣщеніе въ рижскомъ латышскомъ обществѣ оказывалось уже недостаточнымъ. Поэтому научный комитетъ, въ октябрѣ 1895 г., постановилъ составить отдѣльную комиссію по изысканію мѣста для выставки и сооруженію соотвѣтствующихъ для нея зданій, изъ девяти лицъ съ присяжнымъ повѣреннымъ Ф. Гросвальдомъ во главѣ. Почетнымъ предсѣдателемъ комиссіи былъ избранъ рижскій городской голова Л. Керковіусъ.

Еще около рождественскихъ праздниковъ 1894 г. научный комитетъ, желая ознакомиться съ классификаціей этнографическихъ матеріаловъ, командировалъ завѣдывающаго музеемъ латышскаго общества, С. Новицкаго, въ Петербургъ и Москву, для подробнаго

ознакомленія со столичными музеями. Далѣе, съ цѣлью подробнаго изученія вопроса о наилучшемъ устройствѣ предстоящей этнографической выставки, выставочная комиссія послала своего письмоводителя, М. Скрузита, въ Прагу для всесторонняго ознакомленія съ грандіозной чешской этнографической выставкой, поручивъ ему представить комиссіи докладъ о томъ, какъ наилучшимъ образомъ устроить этнографическую выставку въ Ригѣ. Затѣмъ, въ декабрѣ 1895 г. и въ январѣ текущаго года, научный комитетъ напечаталъ въ мѣстныхъ латышскихъ газетахъ два циркуляра и разослалъ ихъ, въ видѣ писемъ, мѣстнымъ священникамъ, волостнымъ старшинамъ, народнымъ учителямъ, нѣкоторымъ землевладѣльцамъ и т. п. Лифляндіи и Курляндіи, въ которыхъ намѣчалъ предварительную программу выставки и указывалъ, какимъ способомъ любители этнографіи могутъ содѣйствовать комитету и присылка какихъ именно предметовъ для выставки особенно желательна. Кромѣ вышеприведенныхъ двухъ циркуляровъ, были опубликованы и еще нѣкоторые другіе подобные же циркуляры, которые были разосланы разнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

Воззванія эти имѣли успѣхъ. Не считая тѣхъ, которые по собственному почину присылали комитету различные предметы для выставки, въ разныхъ мѣстахъ Лифляндіи и Курляндіи вызвалось до 60 лицъ собирать подходящіе для выставки матеріалы и доставлять ихъ комитету. Это обстоятельство въ высшей степени содѣйствовало быстрому увеличенію коллекцій для выставки.

Еще болѣе оживили дѣятельность комитета и содѣйствовали успѣху выставки лица и учрежденія, взявшіяся самостоятельно устроить для выставки цѣлые отдѣлы (сельскохозяйственный, пчеловодства, судоходства и пр.).

Планы выставочныхъ зданій изготовилъ архитекторъ К. Пекшенъ. Внутреннее устройство ихъ было поручено М. Скрузиту, а распредѣленіе экспонатовъ въ главномъ выставочномъ корпусѣ— завѣдывающему музеемъ С. Новицкому.

Кромѣ названныхъ главныхъ дѣятелей по устройству выставки, не мало также содѣйствовали ея успѣху и многіе другіе, не только собирая и доставляя комитету экспонаты, но и жертвуя на это дѣло деньгами. Нельзя не упомянуть при этомъ, что недостатокъ вообще въ денежныхъ средствахъ доставлялъ выставочному комитету не мало заботъ, такъ какъ расходы по снаряженію вышеупомянутыхъ научныхъ экспедицій и по устройству выставки достигаютъ 20.000 рублей.

Рижское латышское общество на общемъ собраніи, въ декабрѣ 1895 года, единогласно постановило ассигновать на устройство этнографической выставки 10,000 рублей. Научный комитетъ, съ своей стороны, на случай дефицита отъ выставки, разослалъ листы съ приглашеніемъ гарантовъ, желающихъ покрыть возможный дефицитъ.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, записалось до 200 человѣкъ, на сумму около 4.000 рублей. Большинство гарантовъ—члены рижскаго латышскаго общества и латыши, проживающіе въ Петербургѣ. Весьма щедрыми оказались также и нѣкоторыя волости, какъ, напримѣръ, Дондангенская и Жукстская, которыя, не смотря на тяжелое теперь время для сельскаго хозяйства, гарантировали сравнительно значительныя суммы.

Всего этого, однако же, оказалось, по расчету, недостаточнымъ для покрытія ожидаемыхъ расходовъ по выставкѣ, въ виду чего выставочная комиссія обратилась съ ходатайствомъ о матеріальной поддержкѣ, какъ въ рижскую городскую управу, такъ и къ лифляндскому дворянству. Оба ходатайства были уважены. Городская управа, съ согласія думы, предоставила въ безплатное пользованіе площадь для выставки, ассигнововавъ, сверхъ того, 2,000 рублей субсидіи, а лифляндское дворянство, съ своей стороны, назначило выставочной комиссіи субсидію въ 1,000 рублей.

Обратимся теперь къ бѣглому обзору выставки въ ея главнѣйшихъ чертахъ.

Скажемъ, однако, предварительно нѣсколько словъ о расположеніи выставки — о выставочныхъ зданіяхъ и ея мѣстонахожденіи.

Выставка занимаетъ довольно обширную площадь въ лучшей части города, между городскимъ каналомъ и Николаевской и Царскосадовой улицами. Изящныя картины, клумбы, полянки и извилистыя, гладко утрамбованныя, бѣгущія въ разныя стороны дорожки оживляютъ мѣсто выставки, дѣлая изъ него пріятный для прогулки скверъ.

Главный павильонъ, находящійся вблизи входа, на Николаевской улицѣ, заключаетъ въ себѣ важнѣйшій матеріалъ выставки. За нимъ слѣдуютъ модели въ натуральную величину прежнихъ избъ лифляндскаго и курляндскаго крестьянина и современнаго дома усадьбовладѣльца послѣдняго времени. Въ особомъ баракѣ помѣщаются отдѣлы: пчеловодства, сельскаго хозяйства, мореходства и рыболовства.

Сбоку, ближе къ городскому каналу, виднѣется зданіе ресторана, а посреди выставочной площади возвышается эстрада для музыкантовъ.

Пройдемся по отдѣламъ.

Въ первомъ отдѣлѣ, посвященномъ характеристикѣ страны (носящемъ въ каталогѣ общее названіе «Территорія», Land), кромѣ всевозможныхъ картъ, рисунковъ и фотографій, имѣющихъ отношеніе къ мѣстамъ Балтійскаго края, населеннымъ латышами, сосредоточены мѣстные камни и породы почвъ. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на мѣстный янтарь, который находятъ маленькими кусочками на берегу моря, какъ въ Лифляндіи, такъ и въ Курляндіи. Наиболѣе крупные куски его встрѣчаются въ Полангенѣ.

Мѣстные прибрежные жители сами обработываютъ янтарь, дѣлая изъ него брошки, серьги, бусы и т. п. Въ Либавѣ и въ Поланѣгенѣ для обработки янтаря устроены особыя фабрики-мастерскія.

Въ этомъ же отдѣлѣ можно видѣть и экземпляры мѣстныхъ жемчужинъ, найденныхъ въ рѣкѣ Пененъ, Венденскаго уѣзда. Жемчугъ находятъ также и въ рѣкѣ Аа и ея притокахъ (Палуѣ, Перленбахѣ, Шварцбахѣ и другихъ). Въ прошломъ столѣтіи ловля жемчуга считалась довольно выгоднымъ ремесломъ въ Балтійскомъ краѣ. Въ послѣднее же время жемчужныхъ раковинъ въ краѣ стало значительно меньше.

Второй, историческій отдѣлъ («Исторія, право и судопроизводство»), не смотря на то, что древняя исторія латышей до настоящаго времени еще очень мало изслѣдована, довольно обширенъ и интересенъ. Здѣсь мы находимъ нѣсколько историческихъ сочиненій, картъ и плановъ, старинные документы и проч. Изъ картъ слѣдуетъ, по ихъ интересу, отмѣтить «карту Прибалтійскаго края XIII столѣтія» М. Силина и подробный атласъ прежней латышской территоріи д-ра Биллениптейна, а также карту Балтійскаго края пастора Адольфа Грота 1739 года, поднесенную послѣднему герцогу курляндскому Петру Бирону. Въ числѣ старинныхъ документовъ здѣсь обращаютъ на себя вниманіе рукописи и документы эпохи курляндскихъ герцоговъ (1615—1779 годовъ), приказы Наполеона I курляндцамъ 1812 года, приказы и разъяснительные циркуляры лифляндскихъ и курляндскихъ губернаторовъ, отъ 1805—1845 годовъ, и проч.

Особый историческій интересъ представляютъ въ этомъ отдѣлѣ подлинные документы о привиллегіяхъ такъ называемыхъ курляндскихъ «свободныхъ крестьянъ» шести поселковъ Гольдингенскаго уѣзда (Конини, Драгуны, Калеи, Земели, Весалги и Плоики), носящихъ издревле въ народѣ названіе «курляндскихъ» или «куронскихъ королей» [1]). Эти «свободные крестьяне» не только сохраняли личную свободу въ эпоху крѣпостной зависимости въ Прибалтійскомъ краѣ, но и пользовались безвозмездно землею на вѣчныя времена. Эти широкія привиллегіи эпохи Ордена были подтверждены курляндскими герцогами и отчасти уважены и русскимъ правительствомъ. Такъ, земля этихъ крестьянъ и по сіе время остается еще свободной отъ налоговъ.

Отдѣлъ антропологіи и статистики (III отдѣлъ) на выставкѣ до-

---

[1]) Объясненіе страннаго названія «курляндскихъ королей» до сихъ поръ не установлено. Возможно, что оно должно означать взглядъ прибалтійскаго крестьянина на своего брата «свободнаго» поселенца, живущаго, «какъ король». Можетъ быть, оно произошло отъ названія одного изъ поселковъ, населенныхъ «свободными крестьянами», а именно «Конини», что на старо-латышскомъ нарѣчіи (Konin, Korung, König) означаетъ король. Предполагается также, что среди «курляндскихъ королей» живутъ потомки вождей исчезнувшихъ съ исторической сцены куровъ или куроновъ, и что «королями» называли изстари этихъ потомковъ. Какое изъ этихъ трехъ объясненій вѣрнѣе — трудно сказать.

вольно скуденъ. Небольшая коллекція рисунковъ, фотографій и портретовъ представляютъ намъ характерные типы латышскаго племени Балтійскаго края и другихъ мѣстъ. Здѣсь помѣщены также, при декоративной обстановкѣ, двѣ характерныя группы фигуръ-манекеновъ въ человѣческій ростъ (подобныя же фигуры въ національныхъ костюмахъ разставлены во всѣхъ отдѣлахъ выставки), изображающія поселянъ за уборкой ржи и выдергиваніемъ льна. Первая группа состоитъ изъ 6, вторая изъ 5 фигуръ.

Всѣ фигуры-манекены на рижской латышской выставкѣ сдѣланы на игрушечной фабрикѣ Фиреке и Лейтке, въ Ригѣ, и въ общемъ исполнены недурно, хотя лица нѣкоторыхъ изъ нихъ заставляютъ желать лучшаго.

Для любителей статистики значительный интересъ въ описываемомъ отдѣленіи представляютъ разныя діаграммы о числѣ рожденій, смертей, браковъ, среди латышей края за цѣлый рядъ годовъ, о количественномъ соотношеніи мужского и женскаго населенія, о количествѣ слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, душевно-больныхъ и пр.

Въ отдѣлѣ языковѣдѣнія («Sprache») собраны словари, грамматики, разныя сочиненія по филологіи, труды научнаго комитета рижскаго латышскаго общества, труды литературнаго комитета митавскаго латышскаго общества, сочиненія латышскихъ филологовъ (А. Биленштейна, Вельма, Мюленбаха и другихъ) и портреты нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Народная словесность (отдѣлъ V) представлена на выставкѣ весьма разнообразно. На выставкѣ имѣется много сборниковъ народныхъ латышскихъ пѣсенъ, которыя, кстати сказать, въ большинствѣ случаевъ не отличаются длиннотою, почти всѣ лирическаго содержанія и написаны размѣромъ трохея или дактиля. Изъ означенныхъ сборниковъ укажемъ на сборники латышскаго литературнаго общества и научныхъ комитетовъ рижскаго латышскаго и митавскаго обществъ. Здѣсь находятся также сборники народныхъ сказокъ (А. Лерхисъ-Пушкайтиса, И. Креслина, митавскаго научнаго комитета и проч.), сборники пословицъ, поговорокъ и загадокъ, сочиненія о латышскихъ повѣріяхъ и миѳологіи (Трейланда, Лаутенбаха; интересна книжка разныхъ употребляемыхъ въ народѣ заговоровъ), а также матеріалы для изученія своеобразной народной медицины и народныхъ обрядовъ.

Произведенія латышской литературы сосредоточены въ VI отдѣлѣ выставки. Начало латышской литературы относится къ XVI вѣку. Первоначальными дѣятелями на этомъ поприщѣ были нѣмецкіе пасторы, благодаря которымъ въ эпоху герцога курляндскаго Готтарда Кетлера была издана для народа и отпечатана въ Кенигсбергѣ книжка духовнаго содержанія, носившая греческое названіе «Энхейридіонъ». До конца прошлаго столѣтія латышская народность вполнѣ довольствовалась книгами религіозно-нравственнаго, назидательнаго содер-

жанія и пѣсенниками, но со времени латышскаго писателя Г. Стендера въ латышской литературѣ замѣчается поворотъ къ лучшему. Названный даровитый писатель ознакомилъ своихъ сородичей съ книгами свѣтскаго и научнаго содержанія, а также и стихотвореніями въ талантливыхъ произведеніяхъ своего плодовитаго пера. Позднѣйшихъ писателей можно считать послѣдователями Г. Стендера. Съ 1860 г. въ латышской литературѣ замѣчается опять новое направленіе: она начинаетъ освобождаться отъ господствовавшаго въ ней до сего времени нѣмецкаго вліянія и становится болѣе или менѣе національной. Латышская литература замѣтно развивается, при чемъ нѣмецкій элементъ въ ней почти отсутствуетъ. Изъ современныхъ беллетристовъ укажемъ на Хр. Барона, Ю. Нойкена и Звайгзнита, Я. Ансита, Н. Нурина и многихъ другихъ. Изъ поэтовъ особенно выдѣляется Юрій Алунанъ. Что касается періодической печати, то у латышей въ настоящее время такихъ изданій 12, изъ которыхъ «Балтійскій Вѣстникъ» (Baltias Westnesis) выходитъ въ 10,000 экземплярахъ.

Слѣдующій отдѣлъ посвященъ школьной литературѣ (учебники, педагогическія сочиненія, діаграммы народныхъ школъ и частныхъ училищъ и портреты выдающихся педагоговъ).

Будучи отъ природы народомъ, по преимуществу способнымъ къ пѣнію, латыши издавна обладали цѣлой массой пѣвческихъ кружковъ, и хоровое пѣніе у нихъ всегда процвѣтало. На послѣднемъ латышскомъ праздникѣ, въ Митавѣ, лѣтомъ прошлаго 1895 года, участвовало до 5,000 человѣкъ пѣвцовъ. Лучшимъ латышскимъ композиторомъ считается въ настоящее время А. Юрьянъ, учитель пѣнія въ Харьковѣ, и И. Витоль. На выставкѣ есть особый музыкальный отдѣлъ, въ которомъ собраны музыкальныя сочиненія и разные инструменты стараго и новаго времени, какъ струнные, такъ и духовые.

Драматическая литература, оригинальная и переводная, составляетъ XI отдѣлъ выставки. Первыя драматическія представленія у латышей начались сравнительно недавно, а именно съ основанія рижскаго латышскаго общества, т. е. съ 1868 года. Въ настоящее время они идутъ довольно правильно на домашней сценѣ общества, при чемъ съ 1886 г. это послѣднее получаетъ отъ города ежегодную субсидію въ размѣрѣ 5,000 рублей на развитіе театральнаго дѣла.

Богатыя и разнообразныя коллекціи мужской и женской одежды поражаютъ обиліемъ. Вы видите здѣсь всевозможныя принадлежности старинной и теперешней латышской одежды, постепенно вытѣсняемой въ послѣднее время костюмомъ современнаго типа, при чемъ особое вниманіе останавливаютъ на себѣ своеобразные головные уборы дѣвушекъ, нѣчто въ родѣ нашихъ кокошниковъ (waynagi) всевозможныхъ формъ (украшенные бисеромъ, жемчугомъ и др.), женскія головныя повязки (apsitnis), обручи (loki), различные чепчики,

цилиндрическія кички, платки и покрывала. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что прежнія употребляемыя латышскими поселянами лыковыя лапти чисто великорусскаго типа вытѣснены теперь кожаными подошвами на ремняхъ (pastalas), напоминающими римскія сандаліи.

Цѣлая большая витрина отведена подъ женскія національныя украшенія—брошки (saktas), большія (willaines) для зашпиливанія платковъ и маленькія для застегиванія воротника рубахи, кольца, булавки, серебряныя пуговицы съ узорами (beukkahiknopes) и проч. Здѣсь же выставлены національныя ткани и женскія рукодѣлія.

Мы обошли такимъ образомъ главный павильонъ выставки. Намъ остается прибавить, что въ немъ помѣщается также маленькій этнографическій отдѣлъ, спеціально эстонскій, какъ народности, живущей въ краѣ бокъ-о-бокъ съ латышами.

Въ этомъ отдѣлѣ—рисунки эстонскихъ типовъ и коллекція національныхъ костюмовъ.

Выйдя изъ главнаго фасада въ садъ, чрезъ только что упомянутый отдѣлъ, вы увидите слѣва двѣ избы-модели курляндскаго и лифляндскаго крестьянина, ихъ неприхотливыя жилища прежняго времени.

Старинная изба курляндскаго крестьянина—тѣсное, низкое, полутемное зданіе, покрытое лубками, положенными на еловой корѣ, не пропускающей дождя. Изба состоитъ изъ трехъ отдѣленій — передней, посрединѣ, и зимней и лѣтней хаты. Передняя безъ крыши, а въ лѣтней избѣ нѣтъ печки. Въ ней вы увидите нынѣ уже неупотребляемую ручную мельницу и котелъ, висящій надъ ямой — очагъ для варки пищи. Большую часть зимней избы занимаетъ печь. Въ ней помѣщено нѣсколько фигуръ, изображающихъ поселянъ за ихъ домашними занятіями въ обстановкѣ повседневной, будничной жизни (ткачиха, пожилая женщина съ ребенкомъ на рукахъ, вяжущая чулокъ, молодая женщина за тамбурной работой и др.).

Лифляндская изба нѣсколько отличается отъ курляндской. Она крыта соломой. Рига, овинъ и жилье находятся въ ней подъ одной крышей. По бокамъ риги навѣсы, гдѣ хранятся необходимыя принадлежности землепашества и ѣзды. Пристройка почти совсѣмъ темная, вдоль лѣвой стѣны риги, служила лѣтомъ и осенью, пока идетъ молотьба, помѣщеніемъ для дворохозяина. Вдоль другой стѣны риги такая же пристройка для батраковъ. Зимой обыкновенно жили въ самой ригѣ, вслѣдствіе чего въ ней, кромѣ большого окошка, служившаго для передачи высушенныхъ сноповъ въ овинъ, еще два маленькихъ, задвижныхъ окошка, изъ которыхъ одно выходитъ на дворъ, другое въ конурку батраковъ. Налѣво отъ входной двери — большая печь съ лежанкой. Въ глубинѣ, подъ потолкомъ, рядъ бревенъ, въ видѣ палатей, для сушки зернового хлѣба и льна. Стѣна объ стѣну съ ригой — овинъ, но при этомъ входъ въ него совершенно

особый, такъ что къ нему можно подъѣхать съ возомъ. Въ овинѣ— фигуры молотильщиковъ съ цѣпами.

Какъ разъ противъ вышеописанныхъ тѣсныхъ и темныхъ избъ прежней эпохи возведенъ красивый и помѣстительный домикъ латышскаго усадьбовладѣльца современнаго типа, уже одною своею наружностью ясно говорящій объ экономическомъ ростѣ латышскаго крестьянина послѣдняго времени.

Чтобы не вводить русскихъ читателей, не знакомыхъ съ порядками крестьянской жизни Балтійскаго края, въ заблужденіе относительно значенія слова «усадьбовладѣлецъ», означающаго во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ понятіе помѣщика, мы должны сказать два слова о своеобразныхъ особенностяхъ жизни остзейскихъ крестьянъ. На балтійскомъ поморьѣ вовсе не существуетъ деревень въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаются онѣ у насъ внутри Россіи, то-есть группы невдалекѣ стоящихъ другъ отъ друга избъ съ кускомъ смежной земли, сообща обрабатываемой крестьянами одного и того же села. Въ Балтійскомъ краѣ каждый крестьянинъ живетъ особо, занимаясь полевыми работами на своемъ участкѣ, простирающемся на извѣстное количество десятинъ и составляющемъ его «усадьбу». Поэтому въ остзейскихъ губерніяхъ усадьбовладѣльцами называются не помѣщики, а просто богатые крестьяне-собственники. Есть также и крестьяне-арендаторы. Каждый такой собственникъ усадьбы (Gesinde) имѣетъ своихъ батраковъ изъ крестьянъ побѣднѣе, скотъ, кое-какія сельскохозяйственныя принадлежности. Усадьбы отстоятъ одна отъ другой на довольно значительное разстояніе, составляя въ общемъ волость и силою вещей разъединяя поселянъ, что вполнѣ понятно при жизни каждаго изъ нихъ особнякомъ, въ отдаленномъ отъ сосѣдей домѣ, работающаго со своими батраками на своемъ особомъ участкѣ. Такой порядокъ вещей, конечно, былъ заведенъ нѣмцами-завоевателями страны не безъ тонкаго и практическаго умысла ослабить при помощи его крестьянскую среду, уничтожая въ ней мало-по-малу всякую солидарность, иниціативу и общность интересовъ, и дѣлая ее совершенно неспособной къ энергическому и дружному протесту противъ безконечно царившихъ въ краѣ при нѣмецкомъ режимѣ изувѣрствъ землевладѣльческаго дворянства въ отношеніи сельскаго населенія.

Современный домъ балтійскаго крестьянина представляется просто палатами въ сравненіи съ только что описаннымъ жильемъ его тяжелаго прошлаго. Чрезъ маленькую стеклянную веранду-сѣни вы входите въ переднюю, также свѣтлую, откуда налѣво идутъ комнаты хозяина усадьбы (общая комната, спальная, столовая), направо помѣщеніе для батраковъ. Изъ столовой дверь ведетъ въ кухню; въ верхнемъ этажѣ—комнаты взрослыхъ дѣтей хозяина.

Въ одной изъ комнатъ для батраковъ описываемаго дома (представляющаго, конечно, собою общій типъ теперешняго жилья зажи-

точнаго усадьбовладѣльца) живописно разставлена многочисленная группа фигуръ, въ человѣческій ростъ, въ праздничныхъ костюмахъ, изображающая старинный свадебный обрядъ у латышей—раздачу «молодухою» подарковъ (weltischana). Въ послѣдній день свадебнаго торжества (свадьба у латышей длится трое и болѣе сутокъ) новобрачная раздаетъ подарки родственникамъ мужа и «жертвуетъ» кое-что духамъ домашняго очага (родъ русскаго «домоваго»): бросаетъ разныя вещи въ хлѣвъ, въ баню, въ печь и т. д. Эти вещи обыкновенно бываютъ чулки, носки, варежки, подвязки и т. п. и собираются потомъ, въ свою пользу, дѣтьми и стариками.

Въ комнатахъ дома расположены ручныя модели современныхъ и прежнихъ латышскихъ построекъ разныхъ мѣстностей, деревянная домашняя посуда, прялки, наиболѣе употребительные съѣстные припасы и разныя принадлежности домашняго обихода.

Домъ меблированъ простой мебелью современнаго образца.

О развитіи у латышей кустарной промышленности можно судить по разнымъ предметамъ этнографической выставки (лапти-сандаліи, о которыхъ говорилось ранѣе, сапоги, рукодѣльныя работы и т. д.). Что касается выдѣлываемыхъ самими крестьянами изъ дерева земледѣльческихъ и сельскохозяйственныхъ орудій, то коллекція ихъ очень богата на выставкѣ и составляетъ особый отдѣлъ (XIV), на которомъ мы не можемъ въ бѣгломъ очеркѣ остановиться подробно.

Послѣдніе четыре отдѣла выставки—пчеловодства, сельскаго хозяйства, рыболовства и мореходства (XV, XVI, XVII и XVIII), помѣщаются, какъ уже сказано, въ особомъ баракѣ, вблизи современнаго крестьянскаго дома, и представляютъ не мало интереснаго.

Пчеловодство было долгое время въ загонѣ въ Прибалтійскомъ краѣ и стало оживляться лишь съ самаго послѣдняго времени, а именно съ 1890 года, когда въ Лифляндской и Курляндской губерніи образовалось до 11 обществъ пчеловодства, устроивающихъ курсы пчеловодства, которые имѣютъ большой успѣхъ. На выставкѣ собраны всевозможные сорта мѣстныхъ ульевъ.

Сельское хозяйство составляетъ главный источникъ прибалтійскаго крестьянина. Имъ занимаются $^3/_4$ всего латышскаго населенія края. Обработка земли производится въ Лифляндіи по пятипольной системѣ (паръ, подъ озимь, ячмень, овесъ и ленъ), а въ Курляндіи—по 9—12 польной, съ полями для клевера. Больше всего сѣется въ краѣ ржи и пшеницы, затѣмъ идетъ ячмень, овесъ, ленъ, конопля, горохъ, гречиха и разныхъ сортовъ клеверъ, а изъ травъ тимоѳеевка. Садоводство у латышей развито очень мало (фруктовые сады, разведенные недавно нѣсколькими помѣщиками близъ Митавы, исключеніе), а на скотоводство обращено вниманіе лишь съ 1885 года, когда цѣны на хлѣбъ такъ пали, что мѣстные помѣщики принуждены были искать другихъ источниковъ дохода, кромѣ землелѣ-

лія. На выставкѣ во множествѣ собраны разнаго вида плуги, бороны, орудія для косьбы, полевые катки, экспонаты зерноваго хлѣба и льна и пр.

Отдѣлъ рыболовства также очень богатъ, въ виду распространенія этого промысла на балтійскомъ побережьѣ. Здѣсь можно ознакомиться съ многочисленными орудіями морского и рѣчнаго рыболовства.

Отдѣлъ мореходства, конечно, столь же богатъ и разнообразенъ, какъ и предыдущій. Здѣсь вы найдете множество плановъ всевозможнаго расположенія парусовъ на лодкахъ, шхунахъ, габель-шхунахъ и корабляхъ, поперечные разрѣзы шхунъ и кораблей и ихъ изображенія и планы, морскія карты, модели кораблей и судовъ, старинные якори и пр.

Нашъ обзоръ выставки былъ бы не полонъ, если бы мы не сказали въ заключеніе нѣсколько словъ о произведеніяхъ кисти современныхъ латышскихъ художниковъ. Къ сожалѣнью, произведенія эти на выставкѣ, въ общемъ, довольно слабы и немногочисленны и не отличаются ни изяществомъ работы, ни выразительностью или оригинальностью сюжета. Нѣкоторыя изъ картинъ («Nocturno», «Тѣни Семигаліи») обнаруживаютъ попытку подражанія пресловутымъ «эмпрессіонистамъ» французской школы, что врядъ ли похвально въ художественномъ отношеніи. Лучшія изъ картинъ, по техникѣ и содержанію: «Послѣ обѣдни»,—г. Розенталя, «Берегъ моря»,—г. Пурвита и «Вечеръ»—г. Бирнбаума.

Подводя общіе итоги, нельзя не признать латышскую этнографическую выставку въ Ригѣ, какъ первый опытъ, вполнѣ удавшеюся, весьма любопытной, во многомъ поучительной и сравнительно довольно богатой экспонатами. Вмѣстѣ съ этимъ справедливость требуетъ отмѣтить замѣтное у устроителей выставки стремленіе, насколько возможно, украсить дѣйствительность, представляя ее на выставкѣ въ нѣсколько радужномъ цвѣтѣ, что особенно рѣзко сказалось на описанномъ нами выше «современномъ домѣ» латышскаго усадьбовладѣльца. Не смотря на увѣренія каталога и близкихъ къ выставкѣ лицъ, что подобные дома заурядное явленіе балтійскаго поморья, нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ подобныхъ домахъ живутъ лишь самые зажиточные землевладѣльцы, приближающіеся уже къ типу фермеровъ, а не простые, обыкновенные собственники земельныхъ участковъ, для которыхъ пресловутый «современный домъ» латышскаго крестьянина-усадьбовладѣльца, фигурирующій на этнографической выставкѣ въ Ригѣ, является лишь «pium desiderium», достижимымъ немногимъ счастливцамъ.

С. Уманецъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I НА СОЛЕВАРЕННОМЪ ЗАВОДѢ ВЪ 1823 Г.

ВЪ ОДНОЙ верстѣ отъ г. Старой Руссы, при Царицынскомъ источникѣ, слишкомъ сто лѣтъ дѣйствуетъ казенный соляной заводъ, который до 1877 г. выпаривалъ поваренную соль, а въ настоящее время пришелъ въ крайнюю ветхость и продуктируетъ лишь одинъ разсолъ, пригодный для цѣлебныхъ ваннъ на старорусскихъ водахъ. Мѣстные жители, страдая желудочными болѣзнями, сѣтовали на этотъ заводъ и причину своихъ частыхъ недуговъ находили именно въ томъ, что соляные источники попадали въ р. Порусью и заражали въ ней воду, которую они употребляютъ для пищи и питья.

Рушане болѣли много лѣтъ, но правъ и суда на свое благоденствіе не искали, полагая, что всѣ ихъ домогательства останутся тщетными. Наконецъ, «болѣзная напасть», должно быть, привела ихъ къ рѣшительнымъ минутамъ, потому что они подали просьбу прямо императору Александру I, въ которой жаловались на то, что заводъ спускомъ разсола портитъ городскую воду и причиняетъ населенію разныя болѣзни, изъ коихъ самою распространенною является страданіе глистами, причемъ просили уничтожить солеваренный заводъ и тѣмъ предоставить имъ всегдашнее здравіе.

Гдѣ и когда старорусскіе горожане подавали государю указанную жалобу, къ сожалѣнію, свѣдѣній не имѣется, но о ней стало извѣстно лишь при посѣщеніи Александромъ I Старой Руссы въ 1823 году.

Императоръ прибылъ въ Руссу проѣздомъ изъ новгородскихъ военныхъ поселеній 9-го іюля, въ 7 часовъ вечера, въ сопровожденіи графа А. А. Аракчеева и начальника штаба поселенныхъ войскъ

Клейнмихеля. При въѣздѣ государя встрѣтили городничій Мартьяновъ и городской голова Бычатинъ. Затѣмъ его величество изволилъ прослѣдовать въ открытой коляскѣ въ соборъ, гдѣ его ожидали духовенство, дворянство и чиновники. Приложившись къ кресту, государь вошелъ въ соборъ и прослушалъ молебенъ, совершенный архимандритомъ Діонисіемъ. Когда императоръ прикладывался къ иконамъ, было провозглашено всему августѣйшему дому многолѣтіе, а послѣ архимандритъ обратился къ высокому посѣтителю съ привѣтственной рѣчью, причемъ поднесъ образъ Преображенія Господня и большую просфору. Изъ собора государь отправился въ приготовленную у купца Ивана Макарова квартиру; во время слѣдованія народъ бѣжалъ за коляскою, бросалъ вверхъ шапки и кричалъ «ура!». На квартирѣ его величество неоднократно выходилъ на балконъ къ народу, который несмолкаемо потрясалъ воздухъ оваціями. Вечеромъ по всему городу была зажжена блестящая иллюминація, въ особенности на Красномъ берегу, противъ квартиры августѣйшаго посѣтителя.

На другой день у графа А. А. Аракчеева собрались дворяне, чиновники, купцы и были отведены имъ для представленія къ его величеству. Въ числѣ представлявшихся находились: городничій Д. Я. Мартьяновъ, управляющій солевареннымъ заводомъ, бергъгауптманъ А. П. Вереиловъ, совѣтникъ солянаго правленія Л. О. Савижъ, уѣздный судья Д. А. Голохвастовъ, земскій исправникъ П. П. Кармоцкій, засѣдатель Веревкинъ, стряпчій Ф. И. Малеховъ, почтмейстеръ Ботовскій, предводитель дворянства А. Е. Бровцынъ, дворяне: Голохвастовъ, Даринъ, Федцовъ, Бороздинъ, Анисчеевъ Рудометовъ, городской голова Бычатинъ, купцы Сумровъ, Сѣверинъ, Зелиновъ, Протопоповъ, Калашниковъ и др. Здѣсь государь принялъ отъ купечества хлѣбъ-соль и фрукты.

Разговаривая со всѣми милостиво, Александръ I обратился, между прочимъ, къ управляющему солевареннымъ заводомъ Вереилову:

— Вы поступили на мѣсто г. Канкрина?

— Такъ точно, ваше императорское величество, — отвѣчалъ управляющій.

— Вотъ мнѣ говорятъ, что разсолъ, протекая въ рѣку, портитъ здѣсь въ городѣ воду, отчего зарождаются глисты.

— На сію болѣзнь жалуются нѣкоторые жители, обитающіе выше завода, гдѣ нѣтъ разсола, поэтому едва ли разсолъ служитъ причиною болѣзни.

— Положимъ такъ, но все же непріятно пить воду, съ разсоломъ смѣшанную,—строгимъ тономъ замѣтилъ государь.

— Это совершенно справедливо, ваше величество.

— Какъ же сему помочь?

— Иначе нельзя, какъ отвести соляные источники ниже города въ рѣку.

— Ежели есть тому возможность, то чего сіе будетъ стоить?

— Примѣрно полагаю, что нужно на отводъ не менѣе 15.000 руб.

Далѣе Александръ I, какъ бы относясь ко всѣмъ, говорилъ:

— Жители Руссы подали мнѣ жалобу о вредномъ дѣйствіи завода на ихъ здоровье и просятъ солеваренное производство уничтожить въ предупрежденіе дальнѣйшихъ болѣзней. Я полагаю, что заводъ есть казенное заведеніе, отъ котораго казна имѣетъ свои выгоды, поэтому для просьбы жителей нельзя его, какъ не ими устроенное, уничтожить, а слѣдуетъ отвести на счетъ города разсолъ въ рѣку ниже населенности.

Сказавъ это, государь приказалъ графу Аракчееву тотчасъ записать всѣ соображенія, высказанныя Вереиловымъ по поводу оздоровленія Руссы.

Вскорѣ всѣ представлявшіеся были отпущены, а самъ Александръ I съ графомъ отправился на заводъ и прибылъ туда въ 8 часовъ утра; тамъ его встрѣтили чиновники солянаго правленія во главѣ съ Вереиловымъ. Прежде всего государь прошелъ въ варницу № 1 и съ интересомъ смотрѣлъ на вареніе соли, причемъ подробно спрашивалъ управляющаго заводомъ объ операціяхъ надъ солью, начиная съ провода соленой воды на заводъ и оканчивая извлеченіемъ соли изъ цыреновъ. Оставивъ варницу, государь отправился по насыпной дорогѣ до градира № 3, вошелъ на него по среднимъ ходнямъ и прослѣдовалъ весь градиръ, затѣмъ такимъ же образомъ прошелъ градиры № 4 и 5 и вышелъ на лѣстницу послѣдняго, по которой 10-го іюля 1783 года также восходила для обозрѣнія градированія разсола Екатерина II. Когда государю доложили, что ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ на этой лѣстницѣ была его бабка, онъ удивился и съ радостью воскликнулъ: «какой чудный случай!». По лѣстницѣ царь спустился въ машинное помѣщеніе и осматривалъ дѣйствіе колесъ, затѣмъ былъ на плотинѣ и спрашивалъ управляющаго:

— А что ежели бы на рѣкѣ Полисти не было плотины, то можно ли бы было имѣть по сей рѣкѣ водяную коммуникацію?

Вереиловъ отвѣчалъ:

— Рѣка Полисть мала сама по себѣ и лѣтомъ въ вершинахъ высыхаетъ, а впадающія въ нее рѣки еще и того болѣе. Ежели Полисть въ городѣ Старой Руссѣ судоходна, то и сіе происходитъ отъ задержанной заводскою плотиною воды, пускаемой на дѣйствіе колесъ.

Послѣ этихъ словъ государь направился къ выходу; онъ былъ, видимо, доволенъ состояніемъ завода, весело говорилъ съ графомъ Аракчеевымъ и въ дверяхъ снова обратился къ Вереилову съ вопросами.

— А сколько варится соли?

— До 200 т. пудовъ въ годъ.

— Я думаю, что вывариваетея такое небольшое количество не по недостатку разсола?

— Такъ точно, ваше величество,—не по недостатку. Вывариваетcя незначительное количество по устройству завода, сдѣланному для сего только количества; отчасти же и по затрудненію доставать по сходнымъ цѣнамъ дрова.

— Вы имѣете свои лѣса, какую пользу они вамъ приносятъ?— спросилъ графъ Аракчеевъ.

— Польза отъ нихъ та, что удерживается подрядами возвышеніе цѣнъ на дрова.

— Въ какомъ нынѣ состояніи эти лѣса?

— Лѣса, бывъ приняты въ вѣдѣніе завода, очутились не въ томъ выгодномъ положеніи, какъ предполагалось; въ завѣдываніи завода они болѣе вырублены и нынѣ, кромѣ дровяного лѣса, другаго рода деревъ мало имѣется; къ тому же во внутреннія отдаленныя отъ рѣкъ мѣста рубильщики идутъ заготовлять дрова весьма неохотно, а нѣкоторые даже не соглашаются ни на какую плату.

Затѣмъ слѣдовали три вопроса Александра I.

— Не введенъ ли способъ варить соль каменнымъ углемъ?

— Нѣтъ-съ еще.

— Для солеваренія нанимаются люди отъ помѣщиковъ или другіе?

— Прежде нѣсколько лѣтъ были помѣщичьи, а нынѣ экономическіе казенные; нанимаются по добровольнымъ условіямъ съ заводомъ.

— Почемъ обходится соль?

— Въ 1 руб. 15 коп. пудъ.

Государь выразилъ удивленіе такому незначительному расходу, а графъ спросилъ:

— Неужели въ цѣну 1 р. 15 коп. входятъ всѣ расходы, при солевареніи употребляемые?

— Всѣ, кромѣ идущихъ на строенія, но и для сихъ полагается на капиталъ, въ строеніяхъ заключающійся, по 8 процентовъ.

Оставивъ заводъ, Александръ I отправился въ тюрьму, гдѣ осматривалъ камеры и арестантовъ, поставленныхъ въ ряды на дворѣ. При обходѣ заключенныхъ, нѣкоторые были спрошены государемъ о содѣянныхъ ими преступленіяхъ, за кои они содержатся. Изъ острога высокій посѣтитель поѣхалъ въ военный госпиталь и тамъ былъ принятъ корпуснымъ докторомъ Даллеромъ, главнымъ лѣкаремъ Богородскимъ, медиками Синицынымъ, Турбинымъ и смотрителемъ Моллеромъ.

Въ больницѣ государь обошелъ всѣ палаты, останавливался у больныхъ и спрашивалъ о родѣ болѣзней; послѣднимъ осмотромъ его была кухня, гдѣ онъ попробовалъ щи изъ щавеля, кисель, говядину, бѣлый и черный хлѣбъ, пиво, квасъ.

Отсюда государь направился по тракту въ Новгородъ и былъ провожаемъ бѣжавшимъ сзади народомъ съ криками «ура». На чертѣ города Александръ I остановился и нѣсколько минутъ гово-

рилъ съ собравшимися мѣстными властями, дворянствомъ, купечествомъ, потомъ, при пожеланіи счастливаго пути, уѣхалъ изъ Старой Руссы.

Проводивъ царя, рушане были въ великомъ восторгѣ и болѣе отъ того, что жалобу ихъ государь принялъ близко къ сердцу, заѣхалъ нарочно въ Руссу, чтобъ побывать на заводѣ, вмѣшался, такъ сказать, лично въ это дѣло.

Что жители Руссы пили солоноватую воду вслѣдствіе дѣятельности солевареннаго завода—это фактъ. Изъ соленаго озера, лежащаго въ $2^1/_2$ верстахъ отъ завода, разсолъ попадалъ въ рѣку Порусью двумя путями: во-первыхъ, тотъ разсолъ, который накопляется въ озерѣ сверхъ установленной нормы, истекаетъ чрезъ особое трубное отверстіе прямо въ рѣку, и, во-вторыхъ, разсолъ доставляется на заводъ посредствомъ 13-ти проводныхъ трубъ, а послѣднія работаютъ во время дѣйствія завода съ 15-го марта по 15-е ноября, въ остальное же время, для предохраненія отъ мороза, вынимаются изъ трубъ шпунты, и разсолъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ течетъ въ Порусью.

Но вредна ли была подобная вода для здоровья? Рушане, какъ извѣстно, говорили утвердительно, а тогдашній министръ финансовъ Канкринъ, увѣдомленный графомъ Аракчеевымъ о посѣщеніи Александромъ I завода и о жалобѣ горожанъ, не согласился съ этимъ и возбудилъ вопросъ о вредѣ заводскаго разсола.

Между учрежденіями и должностными лицами завязалась горячая переписка. Болѣе всѣхъ возставалъ противъ рушанъ управляющій заводомъ Вереиловъ и отписывался отъ министерскихъ запросовъ на всевозможные лады. Сначала онъ писалъ, что въ разсолѣ, который жители употребляютъ вмѣстѣ съ прѣсною водою Порусьи, главнѣйшія составныя части суть: гипсъ, угле и солено-кислая известь, глауберова соль, углекислое желѣзо и сѣра. Въ такихъ веществахъ родиться и жить никакія животныя не могутъ, напротивъ, при врачеваніи отъ глистъ, разсолъ полезенъ, такъ какъ содержитъ глауберову соль, а она удаляетъ изъ желудка густыя, клейкія и слизистыя мокроты, среди которыхъ глисты находятъ себѣ особенно пріятное убѣжище. Потомъ говорилъ, что воду изъ Порусьи беретъ незначительная часть города, а большинство обывателей пользуется водою изъ Полисти, которая вытекаетъ изъ болотнаго озера Полиста, находящагося въ Холмскомъ уѣздѣ. Вода эта красная, съ непріятнымъ запахомъ отъ гніющихъ растеній и торфа, поэтому ничего нѣтъ мудренаго, что такая вода можетъ порождать и развивать не только глисты, но и болѣе серьезныя болѣзни. Утверждалъ также, что на каналѣ, по которому течетъ излишній разсолъ изъ озера, устроена мукомольная мельница. Разсолъ скопляется около мельничной плотины и, оставаясь въ неподвижномъ состояніи, гніетъ, а затѣмъ, во время дѣйствія мель-

ницы, изливается въ рѣку Порусью, заражая въ ней воду. Указывалъ на то, что городъ расположенъ на низкой, болотистой, мокрой почвѣ, которая можетъ быть вѣрною причиною болѣзней въ народѣ, и въ концѣ концовъ обвинялъ самихъ же рушанъ, говоря, что они ведутъ дурной образъ жизни и не соблюдаютъ чистоты, каковая должна быть обязательною при рѣкахъ. Всѣмъ толкамъ, разсужденіямъ и объясненіямъ Канкринъ давалъ мало вѣроятія, такъ какъ онъ самъ былъ управляющимъ завода и ему болѣе, чѣмъ кому либо, были извѣстны и положеніе города, и направленіе рѣкъ, и солеваренный заводъ съ его озеромъ, трубами, каналами и проч. Чтобы истинно судить о вредности старорусской воды для обывательскихъ желудковъ, несомнѣнно надлежало подвергнуть ее химическому изслѣдованію; только такимъ путемъ возможно было убѣдиться, вреденъ ли для человѣческаго организма разсолъ въ водѣ, или вредны иныя какія либо вещества. Такъ и сдѣлали. Министръ приказалъ г. Вереилову взять воды изъ Порусьи въ трехъ мѣстахъ: выше солянаго завода, при истокахъ разсола въ рѣку и ниже города; затѣмъ воду эту помѣстить въ три сосуда, приложить пять печатей служебныхъ лицъ, въ присутствіи которыхъ была вода почерпнута, и отослать въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ. Исполняя такое приказаніе, воду влили въ три боченка, запечатали и обозначили буквами: съ перваго мѣста—С, со втораго—З и съ третьяго—Р, то-есть первыми буквами словъ «солянаго завода разсолъ». Но при отправкѣ боченковъ по принадлежности случился курьезъ. Боченки съ водою взялъ на глазахъ чиновъ старорусскій мѣщанинъ Ѳедоровъ и повезъ ихъ къ чиновнику Элефанту для передачи въ департаментъ. Пріѣхавъ къ послѣднему, Ѳедоровъ заявилъ, что онъ доставлялъ три боченка, но дорогою одинъ у него кто-то укралъ. По справкѣ оказалось, что недостаетъ боченка съ буквою Р, съ тою водою, которая была взята ниже Руссы. Произошелъ большой переполохъ, началось строгое разслѣдованіе, приняли всѣ мѣры къ розысканію боченка, но его нигдѣ не нашли. Этому случаю придали особенное значеніе; стали по городу циркулировать слухи, что тотъ боченокъ, въ которомъ хранились всѣ доказательства о зараженіи разсоломъ рѣка Порусьи, сокрытъ умышленно, и что кража его является маскировкой. Находились, впрочемъ, и такіе люди, которые истолковывали случай съ боченкомъ въ смѣшную сторону, они говорили, что въ пути кто нибудь заподозрѣлъ въ боченкахъ водку, соблазнился и скатилъ одинъ изъ нихъ.

Такимъ образомъ, департаментъ изслѣдовалъ воду только въ двухъ боченкахъ и прислалъ результаты изслѣдованія въ старорусское соляное правленіе, но о вредности воды не промолвилъ ни слова. Что касается боченка съ водою, взятою ниже города, то доставленіемъ его почему-то медлили и отослали, взамѣнъ похищеннаго, по счету четвертый, сравнительно поздно. Такъ, первые два боченка

были изготовлены и препровождены къ чиновнику Элефанту въ теченіе десяти дней, а четвертый, замѣняющій третій, подъ страхомъ отвѣтственности, разумѣется, слѣдовало бы выслать сейчасъ же, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ отправленъ слишкомъ чрезъ мѣсяцъ. Далѣе, не смотря на то, что новый боченокъ былъ припечатанъ, имѣлъ букву Р и еще надпись «вода изъ Порусьи, взятая ниже впаденія въ оную соляныхъ ключей», но чьи лежали печати, и при какой комиссіи вливалась вода,—этого ничего не удостовѣрено. О судьбѣ четвертаго боченка мы имѣемъ свѣдѣнія лишь тѣ, что его не украли, прибылъ онъ къ Элефанту благополучно, а какъ съ нимъ поступили, подвергалась ли въ немъ вода изслѣдованію—покрыто мракомъ неизвѣстности. Во всякомъ случаѣ, исчезновеніе боченка съ буквою Р крайне загадочно, и есть основанія, хотя слабыя, предполагать, что онъ кому-то мѣшалъ, кого-то могъ скомпрометировать. Многіе ожидали, что украденный боченокъ и несвоевременно представленный взамѣнъ его новый надѣлаютъ не мало непріятностей старорусскимъ властямъ; однако кончилось все благополучно, безъ печальныхъ послѣдствій, по крайней мѣрѣ мы не видимъ таковыхъ въ нашихъ документахъ.

Вѣроятно, счастливый исходъ исторіи съ боченками получился вслѣдствіе вышедшаго тогда именнаго высочайшаго указа объ устройствѣ особаго канала для отвода разсола въ рѣку Полисть, которымъ всякія изслѣдованія старорусскихъ водъ, возраженія, объясненія были отодвинуты на задній планъ, а занялись усиленной перепиской насчетъ отводнаго канала. Въ силу указа министръ Канкринъ предложилъ г. Верейлову обойти городъ линіями и, согласно промѣровъ, нанести его на планъ, съ показаніемъ завода, соленаго озера, разсолопроводныхъ трубъ, Порусьи, Полисти и проектируемаго канала, а также составить смѣту о томъ, сколько будетъ стоить отводное сооруженіе. И все это требовалось сдѣлать поспѣшно и представить высшему начальству немедленно. Прежде всего взялись за проектъ канала и проложили отъ соленаго озера двѣ линіи: по первой, каналъ шелъ прямо по садамъ и огородамъ горожанъ и соединялся съ заливомъ Полисти, а по второй, тянулся чрезъ прѣсное озерко по заплывшему ручью тоже до залива. То протяженіе, по которому лежали проектируемые каналы, обозначили вѣшками. Потомъ приступили къ съемкѣ на планъ, города и пока возились съ этимъ дѣломъ, вѣшки куда-то исчезли. Дѣлать было нечего, поставили новые знаки и попросили наблюсти за ними городничаго, который отрядилъ полицейскихъ служителей и линіи были взяты подъ охрану. Со смѣтой хлопотъ было гораздо меньше. Длину, ширину и глубину канала уже измѣрили, почву изслѣдовали, поэтому опредѣлить количество земли, которую придется вырыть при канализаціи, не составляло большого труда. Вычисляли недолго и назначили для каждаго канала вынуть 700 кубическихъ саженей. Соляное же пра-

вленіе вызвало на соревнованіе землекоповъ, предъявило имъ грунтъ земли, объяснило, гдѣ надо углубить заплывшій каналъ и гдѣ слѣдуетъ вновь выкопать землю и сколько именно саженъ, но ни срока, ни времени для работъ не назначило, такъ какъ стѣснялось, придутся ли по вкусу министерскимъ властямъ выработанныя данныя, и, въ утвердительномъ случаѣ, Богъ вѣдаетъ, когда прикажутъ приступить на дѣлѣ къ прорытію отводнаго канала. Слѣдовательно, начало работъ было гадательное; такъ и заключили условіе съ подрядчикомъ Ѳедоровымъ, съ тѣмъ Ѳедоровымъ, который возилъ въ Петербургъ боченки съ водою. По условію казна обязывалась уплачивать ему лѣтомъ 8 р., а зимою 16, за каждую вырытую сажень земли, съ такою укладкою ея, чтобы берега канала были ровны и высоки—словомъ, смѣта на производство лѣтнихъ работъ предполагалась въ 6.000 р., а зимнихъ—въ 12.000 р. Оставалось только составить планъ по записаннымъ измѣреніямъ города, завода, озера и каналовъ. Подобное исполненіе, какъ и съ боченками, не обошлось безъ приключеній, но менѣе серьезнаго характера. Изготовленіе плана соляное правленіе поручило маркшейдеру Куну и притомъ строго-на-строго приказало, что таковой онъ долженъ начертить въ теченіе трехъ недѣль, дабы отослать его съ прочими документами высшему начальству своевременно. Назначенный день (15-е сентября) приближался, а планъ подвигался очень медленно; поэтому Кунъ получилъ отъ солянаго правленія росписаніе занятій, которымъ онъ обязывался приходить въ правленіе утромъ не позже 7 часовъ и выходить на обѣдъ не ранѣе 3 часовъ, затѣмъ являться въ 6 часовъ вечера и работать со свѣчами, не исключая и праздниковъ. Такіе часы труда Кунъ долженъ былъ нести до тѣхъ поръ, пока не окончатся чертежныя работы. Просиживалъ ли маркшейдеръ указанное время за работою—неизвѣстно, но, надо полагать, онъ не слишкомъ-то боялся строгостей начальства, потому что минулъ срокъ, а планъ не былъ готовъ; стали приходить подтвержденія отъ министра, наступилъ октябрь мѣсяцъ, а плана все нѣтъ. Это положительно взбѣсило управляющаго заводомъ Вереилова, который къ окончанію плана принялъ крутыя и рѣшительныя мѣры. Въ силу этихъ мѣръ, Куна заперли и никуда не выпускали изъ правленія впредь до готовности чертежей, отчего обѣдъ, ужинъ и прочее ему приносили изъ дому, какъ штрафованному. Для наблюденія же приставили дежурнаго чиновника и приказали ему ежедневно рапортовать о томъ, не выходитъ ли куда нибудь чертежникъ, и прилежно ли занимается онъ своимъ дѣломъ.

Наконецъ, планъ былъ приготовленъ, и всѣ данныя отправлены въ Петербургъ 15-го октября. Замедленіе при отсылкѣ плана Вереиловъ объяснилъ министру неопытностью чертежника, да иного объясненія онъ болѣе и не могъ дать, но на самомъ дѣлѣ, судя по принятымъ мѣрамъ, планъ затянулся, вѣроятно, вслѣдствіе недуга

маркшейдера, того недуга, которымъ прежнее чиновничество страдало явно и безцеремонно, и который, главнымъ образомъ, изгонялся тогда тѣмъ, что у недужнаго снимали сапоги и замыкали ихъ на ключъ, дабы онъ не могъ во время занятій бѣгать въ питейное заведеніе; хотя, къ слову сказать, находились и хитрецы, которые сшивали изъ картона обувь, намазывали ее чернилами и все-таки удирали на выпивку.

На представленные проектъ, смѣту и планъ изъ министерства послѣдовали возраженія, заключающіяся въ томъ, что, при сооруженіи того или другаго канала по предполагаемымъ линіямъ, будетъ, во-первыхъ, бездѣйствовать городская мукомольная мельница, и городъ потребуетъ отъ казны вознагражденія, во-вторыхъ, при удаленіи изъ рассолопроводныхъ трубъ шпунтовъ, можетъ уточь весь разсолъ, и, въ-третьихъ, когда соединится прѣсное озеро съ соленымъ, то первое выльется во второе. Положимъ, Веренловъ не надѣялся, что всѣ данныя пройдутъ безъ сучка и задоринки, но, тѣмъ не менѣе, находилъ возраженія неосновательными, горячился, возмущался и рѣзко опровергнулъ ихъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ также по пунктамъ, приписавъ въ концѣ, что, если ему позволитъ служба, то онъ немедленно пріѣдетъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ министромъ. Долго ли въ такомъ духѣ продолжалась переписка, и сколько на нее чиновники потратили бумаги—мы не знаемъ, но, кажется, на слѣдующій годъ зимою были отпущены требуемыя суммы на прорытіе отводнаго канала отъ солянаго завода къ р. Полисти по прямой линіи, а лѣтомъ начались уже земляныя работы.

А. Г. Слезкинскій.

НЕУДАЧНЫЙ ПОБѢГЪ ВЪ „НОВУЮ МОСКВУ“ [1].

ВЪ КОНЦѢ прошедшаго столѣтія село Уда, Саранскаго уѣзда, и лежащая близъ этого села деревня Павловка состояли во владѣніи помѣщика Петра Степановича Нестерова.

Петръ Степановичъ былъ не изъ тѣхъ помѣщиковъ, которые радѣли о благосостояніи своихъ крестьянъ; напротивъ, любимою его поговоркою было: «стриги крестьянина, какъ овцу». Староста Нестерова, крестьянинъ села Уды, Демьянъ Трофимовъ, прекрасно усвоилъ это: онъ «стригъ» крестьянъ и въ пользу барина, и въ свою пользу. При такихъ условіяхъ, крѣпостнымъ Нестерова жилось очень плохо, и они считались въ уѣздѣ народомъ бѣднымъ, разореннымъ.

Обыкновенно крѣпостные Нестерова искали выхода изъ своего тяжкаго положенія въ побѣгахъ и чутко прислушивались къ разговорамъ о томъ, что есть въ Россіи счастливые уголки, гдѣ бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ принимаютъ, и гдѣ таковымъ крестьянамъ живется хорошо. Между прочимъ, крестьянинъ деревни Павловки, крѣпостной человѣкъ Нестерова, Иванъ Савельевъ, будучи въ маѣ 1793 г. въ Саранскѣ, услышалъ отъ кого-то, будто въ названномъ городѣ, на торгу, «былъ публикованъ указъ, что на рѣкѣ Кумѣ селится Новая Москва», и что туда, якобы, велѣно принимать бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ и отводить имъ «задаромъ» полевыя и луговыя земли.

---

[1]) Заимствовано изъ документовъ Пензенскаго статистическаго комитета.

Услышанная новость по сердцу пришлась Ивану. У него не разъ уже витала въ головѣ мысль бѣжать безъ оглядки изъ своей родной деревни, отъ своего «немилостивнаго» господина; теперь же при слухѣ о Новой Москвѣ мысль о побѣгѣ еще крѣпче засѣла въ головѣ Савельева. «Вотъ счастье-то,—разсуждалъ Иванъ:—и бѣглыхъ крестьянъ въ этой Новой Москвѣ принимаютъ да задаромъ отводятъ пашни и сѣнные покосы! Безпремѣнно надо бѣжать въ эту Новую Москву!».

Но, обсудивъ болѣе зрѣло этотъ вопросъ, Савельевъ нашелъ, что бѣжать прямо на рѣку Куму рискованно. Ивану «вѣдомо было», что къ казакамъ, на тихій Донъ, бѣжало немало помѣщичьихъ крестьянъ, и нѣкоторые изъ бѣглецовъ устроивались тамъ хорошо, но такихъ примѣровъ у него, Ивана, еще не было на виду, чтобы кто нибудь бѣжалъ на рѣку Куму. Принявъ это въ соображеніе, Савельевъ выработалъ такой планъ: сперва бѣжать «въ казачьи жилища», на рѣку Донъ, а, будучи на Дону, провѣдывать, хорошо ли жить въ Новой Москвѣ. Буде окажется, что хорошо, то перейти туда; въ противномъ же случаѣ остаться навсегда на Дону.

Новостью, услышанною въ Саранскѣ, и своимъ планомъ о бѣгствѣ Иванъ подѣлился прежде всего съ своей женой и матерью-старухой. Первая съ полнымъ сочувствіемъ отнеслась къ затѣваемому ея мужемъ побѣгу, потому что ей не менѣе, чѣмъ Ивану, опостылѣла родина. «Какое тутъ житье! Лучше въ омутъ броситься, чѣмъ тутъ мучиться!»—говорила она. Но не такъ податлива была мать Ивана. Она говорила сыну: «какъ Богъ ни велѣлъ, живи тутъ, гдѣ споконъ-вѣку мы жили». Однако, Савельевъ былъ не промахъ: онъ такъ много наговорилъ старухѣ о прелестяхъ жизни на Дону (а въ Новой Москвѣ, по его словамъ, могло быть еще лучше), что она, не взирая на свою привязанность къ родинѣ, сдалась. Такимъ образомъ, на семейномъ совѣтѣ вопросъ о бѣгствѣ рѣшенъ былъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Движимое имущество Ивана Савельева было неважное: изъ скотины—одна лошадь, хлѣба—до «нови», одежи—почти что на себѣ. По расчетамъ Ивана, все можно было увезти на одной лошади. Значитъ, съ этой стороны задержки не могло быть.

Такъ какъ Савельеву казалось «смѣлѣе» бѣжать съ другими людьми, то онъ о строящейся Новой Москвѣ повѣдалъ нѣкоторымъ изъ крестьянъ деревни Павловки и села Уды, причемъ отъ болѣе надежныхъ людей не утаилъ и своего намѣренія бѣжать — въ надеждѣ, не примкнетъ ли кто къ нему, Савельеву. Въ Павловкѣ и Удѣ живо нашлось до 15 крестьянъ, пожелавшихъ послѣдовать примѣру Ивана. Между Савельевымъ и примкнувшими къ нему крестьянами начались переговоры о томъ, когда пуститься въ бѣгство и гдѣ назначить сборный пунктъ. Рѣшеніе послѣдовало такое: не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, бѣжать въ ночь 28-го на 29-е

мая, наканунѣ воскресенья; а бѣжать «изъ своего жительства» порознь, потомъ всѣмъ собраться вмѣстѣ въ верстѣ отъ Павловки, въ лѣсныхъ дачахъ Нестерова. Назначенное время тѣмъ болѣе признано было благопріятнымъ для побѣга, что въ то время самого помѣщика въ вотчинѣ не имѣлось...

Но нѣтъ, видно, тайны, которая бы не открылась. Среди крестьянъ, ведшихъ переговоры о бѣгствѣ, нашелся предатель: это былъ крестьянинъ Уды, Романъ Антоновъ, который вечеромъ 28-го мая явился въ барскій домъ, къ служителю и любимцу помѣщика, Леонтію Ларіонову, и повѣдалъ ему, что крестьяне деревни Павловки (о себѣ и своихъ односельцахъ Антоновъ благоразумно умолчалъ) сговорились бѣжать въ Новую Москву, а «коноводитъ тѣмъ дѣломъ и сбиваетъ павловскихъ крестьянъ Савельевъ». Такой же доносъ отъ Антонова сдѣланъ былъ и старостѣ Демьяну Трофимову.

Зашевелилось вотчинное начальство. Староста, нимало не медля, собралъ болѣе 20 крестьянъ села Уды и отправилъ ихъ верхомъ на лошадяхъ въ Павловку, съ наказомъ удержать крестьянъ этой деревни отъ побѣга, схватить ихъ и доставить въ село Уду, на барскій дворъ.

Между тѣмъ, ни Савельевъ, ни прочіе павловскіе крестьяне, сговорившіеся бѣжать, не вѣдали, что нашелся измѣнникъ, который выдалъ ихъ вотчинному начальству; они дѣятельно готовились къ побѣгу и ждали только, когда станетъ темнѣе... Вотъ, наконецъ, и стемнѣло. Савельевъ, нашелъ, что пора впрягать лошадь и пуститься въ бѣгство. Но когда Иванъ вышелъ изъ избы, съ намѣреніемъ впрягать лошадь, до его слуха издали донесся топотъ многихъ конскихъ копытъ. Въ головѣ Савельева тутъ же мелькнула мысль: «ужъ староста не провѣдалъ ли про наше дѣло и не ѣдетъ ли въ Павловку съ удинскими крестьянами?.. А, кажись, не отъ кого провѣдать»,— успокоивалъ себя Савельевъ. Между тѣмъ, топотъ конскихъ копытъ слышался все явственнѣе, изъ чего Иванъ заключилъ, что «невѣдомые люди» приближаются къ Павловкѣ и если не въ нее ѣдутъ, то все-таки проѣздомъ не минуютъ деревни. «Осторожности ради» Савельевъ рѣшилъ не впрягать лошади, пока «невѣдомые люди» не проѣдутъ мимо деревни... Но мимо они не проѣхали, а подъѣхали прямо ко двору Савельева и, оставивши здѣсь лошадей, «всѣмъ многолюдствомъ» вошли на дворъ. Это были посланные старостой удинскіе крестьяне, во главѣ съ Александромъ Артемьевымъ. Они схватили Савельева, затѣмъ переловили и большую часть его «соучастниковъ» и всѣхъ ихъ подъ конвоемъ повели въ Уду, на барскій дворъ.

На барскомъ дворѣ павловцевъ ожидалъ допросъ. Савельевъ, видя, что онъ выданъ съ головою, не счелъ нужнымъ «таиться» предъ старостой и служителемъ Ларіоновымъ, а «повинился» во всемъ и все разсказалъ чистосердечно, каковому примѣру послѣдо-

вали и прочіе павловскіе крестьяне. Хотя, по пословицѣ, «повинную голову и мечь не сѣчетъ», но Савельевъ мало выигралъ чрезъ принесеніе повинной: его все-таки отвели на барскую кузницу, гдѣ и надѣли на его шею желѣзный ошейникъ съ цѣпью, «а ошейникъ тотъ наглухо заклепали». Послѣ того Иванъ снова приведенъ былъ на барскій дворъ и отъ служителя Ларіонова, въ присутствіи павловскихъ крестьянъ, «посмѣятельства ради, былъ допрашиванъ: видалъ ли де Новую Москву? Каково де житье въ той Новой Москвѣ?»

Натѣшившись вдоволь надъ Иваномъ Савельевымъ, Ларіоновъ сталъ «устрашивать» прочихъ павловскихъ крестьянъ, говоря: «и вы ждите себѣ того же, ежели впредь замыслите бѣжать». Тѣмъ ужъ было не до бѣгства: они увѣряли, что не только сами не станутъ помышлять о побѣгѣ, но и другу и недругу не посовѣтуютъ. Ларіоновъ внялъ ихъ словамъ и отпустилъ ихъ по домамъ, а Савельева отдалъ подъ караулъ крестьянину села Уды Антонову.

Изъ всѣхъ крѣпостныхъ г. Нестерова, замышлявшихъ побѣгъ, на этотъ разъ удалось бѣжать только одному, именно крестьянину Уды, Савелію Петрову, но и тотъ недолго пребывалъ въ бѣгахъ. По показанію Петрова, данному имъ впослѣдствіи въ саранскомъ нижнемъ земскомъ судѣ, онъ, Петровъ, послѣ побѣга «изъ своего жительства» направилъ стопы свои въ село Большую Танѣевку, къ родному своему дядѣ Корнелію Карташову, съ тѣмъ, чтобы отъ него бѣжать, согласно плану Ивана Савельева, сначала на Донъ, къ казакамъ, а потомъ въ Новую Москву. У дяди Петровъ прожилъ два дня. Въ это время Карташовъ успѣлъ отговорить своего племянника отъ бѣгства, а посовѣтовалъ ему воротиться назадъ и «повиниться» предъ старостой, что Петровъ и исполнилъ... Но возвратимся къ Савельеву.

Прошло болѣе двухъ недѣль съ того злополучнаго дня, когда на шею Савельева возложенъ былъ «наглухо заклепанный» ошейникъ съ цѣпью; а его, Савельева, все еще не расклепали, изъ-подъ караула не освобождали и въ Павловку не отпускали. Когда Антоновъ, подъ карауломъ котораго состоялъ Иванъ, ѣздилъ на работу въ поле, то бралъ съ собою и своего узника.

Однажды,—это было 15-го іюня,—Антонову съ Савельевымъ пришлось работать въ полѣ, около лѣса. Савельевъ воспользовался близостью лѣса и бѣжалъ. Для поимки его собраны были люди, работавшіе въ то время въ полѣ, но бѣглеца и слѣдъ простылъ.

Въ скоромъ времени послѣ этого крѣпостные помѣщика Жмакина, возвратясь съ полевыхъ работъ, донесли своему господину, что видѣли выходившаго изъ лѣсу «какого-то удивительнаго человѣка» съ желѣзною цѣпью на шеѣ. Этотъ «удивительный человѣкъ», по разсказамъ крестьянъ, показался было изъ лѣсу и пошелъ полемъ, но затѣмъ снова скрылся въ лѣсу. По предположенію жмакинскихъ крѣпостныхъ, это былъ либо «утеклецъ» изъ тюрьмы,

либо еще какой нибудь «лихой человѣкъ». Выслушавъ это донесеніе, Жмакинъ далъ крестьянамъ такой наказъ: буде они увидятъ еще того человѣка, то изловили бы его, связали и отвезли въ Саранскъ къ засѣдателю.

На другой день «удивительный человѣкъ» снова показался изъ лѣсу, подошелъ къ жмакинскимъ крестьянамъ, работавшимъ въ полѣ, и попросилъ у нихъ хлѣба. На этотъ разъ крестьяне обстоятельнѣе разсмотрѣли вышедшаго изъ лѣсу человѣка: оказалось, что у него на шеѣ былъ наглухо заклепанный ошейникъ, на которомъ висѣла цѣпь. Крестьяне дали этому человѣку хлѣба, а затѣмъ, согласно полученному отъ помѣщика приказанію, взяли «того человѣка» и во всѣхъ его доспѣхахъ, то-есть съ ошейникомъ на шеѣ и цѣпью, отвезли къ засѣдателю саранскаго нижняго суда Морозову. Нужно ли прибавлять, что представленный засѣдателю человѣкъ былъ Иванъ Савельевъ?

Засѣдатель, учинивъ допросъ Ивану Савельеву, приказалъ его, Ивана, расклепать и содержать при полиціи, а чрезъ нѣсколько дней представилъ его, для допроса, въ нижній земскій судъ. Къ этому времени въ тотъ же судъ вызваны были староста помѣщика Нестерова и нѣсколько человѣкъ удинскихъ крестьянъ.

Въ судѣ Савельевъ разсказалъ все «по правдѣ», причемъ свой побѣгъ съ поля объяснилъ тѣмъ, что «тяжело» было пребывать «многіе дни» въ наглухо заклепанномъ ошейникѣ съ длинною цѣпью. Но староста Трофимовъ увѣрялъ, что Ивану не могло быть тяжело, потому что цѣпь на немъ была «совсѣмъ нетяжелая (на судъ она не была представлена), самой средней работы, а надѣта она была на Ивана для острастки крестьянамъ, чтобы имъ неповадно было чинить побѣги». Показаніе старосты насчетъ нетяжеловѣсности цѣпи подтвердилъ и крестьянинъ Антоновъ. Онъ говорилъ: «а цѣпь та у него (Савельева) была небольшая, не болѣе вѣсомъ фунтовъ 10, длиною аршина въ полтора, заклепанная желѣзомъ».

По учиненіи допроса, нижній земскій судъ вынесъ такое рѣшеніе: отдать бѣглаго крестьянина помѣщика Нестерова, Ивана Савельева, на руки старостѣ Трофимову, «съ привнушеніемъ таковымъ, чтобы онъ, Савельевъ, впредь не отваживался чинить побѣговъ изъ своего жительства, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія».

Можно себѣ представить, какъ расправился съ своимъ бѣглымъ слугой Нестеровъ, по своемъ возвращеніи въ имѣніе.

Такъ печально кончилась для Савельева его попытка поискать счастія въ чужихъ краяхъ!

М. И. Сацердотовъ.

ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ РОССІЯ.

«Отъ качества труда рабочихъ и постановки его въ наиболѣе благопріятныя условія зависитъ процвѣтаніе нашей юной, но прочно созидающейся фабрично-заводской промышленности».

(Предисловіе къ «Наказу чинамъ фабричной инспекціи» министра финансовъ Витте).

I.

ТЕКУЩИМЪ лѣтомъ мнѣ пришлось прожить два мѣсяца въ Москвѣ, изучая бѣлокаменную въ ея торгово-промышленномъ отношеніи. Эта работа позволила мнѣ ознакомиться съ обширною литературой по фабричному вопросу и стать непосредственно, лицомъ къ лицу, съ насущнѣйшими вопросами русской промышленной жизни. Пестрой и яркой панорамой развернулась предо мною въ живыхъ образахъ, группахъ и учрежденіяхъ любопытная и невѣдомая мнѣ дотолѣ сторона отечественной дѣйствительности, о которой я и намѣренъ побесѣдовать на сегодняшній разъ съ читателями «Историческаго Вѣстника».

Оригинальный городъ, широко раскинувшійся концентрическими кругами, городъ съ глубокимъ историческимъ прошлымъ, мѣсто

встрѣчи азіатской и европейской Россіи, кладущихъ на него съ своей стороны своеобразный отпечатокъ,—короче, бѣлокаменная Москва послѣ двухмѣсячнаго ея изученія явилась для меня въ совершенно новомъ освѣщеніи. Столица четырехъ Іоанновъ, городъ стрѣлецкихъ бунтовъ и оппозиціи великому преобразователю, Грибоѣдовская «дистанція огромнаго размѣра» съ ея златоглавыми «сорокъ сороками», безвозвратно отошла въ моихъ глазахъ въ даль минувшаго, сдѣлалась достояніемъ легенды, археологіи и исторіи литературы. Гулко и торжественно несется въ голубую высь малиновый звонъ московскихъ монастырскихъ колоколовъ, напоминая тысячамъ благочестивыхъ обывателей о духовной сторонѣ древне-русской жизни; но еще громче раздается по нѣсколько разъ въ день сиплый и протяжный звукъ фабричныхъ свистковъ, созывающихъ десятую часть милліоннаго столичнаго населенія на спѣшный и тяжкій трудъ во имя борьбы за существованіе и неизбѣжно связанной съ нимъ конкурренціи. «Златоглавая Москва» постепенно отступаетъ передъ гордо и неприступно высящимися красными заводскими и фабричными трубами; смиренные иноки Симонова и Данилова монастыря теряются среди многочисленныхъ и шумныхъ кадръ дѣятелей фабрично-заводскаго производства. Исконная столица Россіи, ея «сердце», непреложно доказываетъ, что наше отечество вступило въ новую фазу исторической жизни, что патріархально-земледѣльческому періоду наступилъ уже конецъ, и что на первый планъ энергично и настойчиво выступаютъ новые могучіе факторы, которымъ суждено «связать, по словамъ Д. И. Менделѣева, свободными, но практическими и крѣпкими узами крестьянина съ образованностью», т. е. хоть нѣсколько уравнять культуру Россіи съ культурой западно-европейской.

Настоятельная потребность въ этомъ уравненіи болѣе чѣмъ ясна, и безъ нея намъ никогда не выйти изъ того бѣдственнаго экономическаго положенія, въ которомъ обрѣтаемся въ послѣднія три десятилѣтія. Помимо другихъ обстоятельствъ исключительно финансоваго характера, этому бѣдственному положенію въ значительной степени содѣйствуетъ крѣпко сложившееся убѣжденіе, что Россія—страна исключительно земледѣльческая и, какъ таковая, обязана сосредоточить свои силы и заботы на сельскохозяйственномъ производствѣ. И дѣйствительно, въ гордомъ ослѣпленіи своимъ сельскохозяйственнымъ значеніемъ по обязанностямъ «житницы Европы» у насъ съ земледѣльцемъ и сельскимъ хозяиномъ возились на всѣ лады: возились съ ними платонически въ литературѣ и фактически въ правительственныхъ сферахъ. Тщетно единичные голоса предостерегали русское общество отъ такого нарушенія гармоническаго развитія производительныхъ силъ нашего отечества; голоса эти терялись среди многочисленныхъ другихъ, распѣвавшихъ сельскохозяйственныя аріи и мотивы. Въ сущности, за массою фразъ и

благихъ пожеланій, для земледѣльческой культуры въ собственномъ смыслѣ этого слова дѣлалось микроскопически мало, и прогрессъ нашъ въ этой области шелъ черепашьимъ шагомъ. И вотъ случилось нѣчто совершенно неожиданное: прославленная «житница Европы» съ ея первобытными способами производства и сбыта полевыхъ продуктовъ оказалась у сосѣдей въ значительной степени за штатомъ, и неблагодарная Европа съ большою для себя выгодою обратила ласковые взоры къ новому свѣту—Америкѣ и Австраліи. Земельное истощеніе, хищническая распашка нови, стихійныя причины въ формѣ разныхъ зловредныхъ полевыхъ насѣкомыхъ и повальныхъ неурожаевъ довершили ударъ: наши сельскіе хозяева, крупные и мелкіе, а съ ними вмѣстѣ наша хлѣбная экспортная торговля потеряли многіе исконные рынки, и Россія оказалась заваленною избыткомъ хлѣба, цѣны на который упали донельзя, и который никому и некуда стало продавать. Получилась въ концѣ концовъ удивительная путаница и несообразность: есть урожай—земледѣльцамъ и землевладѣльцамъ плохо, нѣтъ урожая—опять плохо; однимъ словомъ—куда ни кинь, все клинъ. Констатируя фактъ сокращенія нашей хлѣбной экспортной торговли и указывая на сильную конкурренцію для Россіи въ этой области со стороны Америки, г. Гессенъ въ своемъ докладѣ торгово-промышленному съѣзду въ Нижнемъ Новгородѣ «Элеваторы и ихъ роль въ сельскомъ хозяйствѣ и хлѣбной торговлѣ въ Россіи» пытается нѣсколько ободрить гг. сельскихъ хозяевъ и говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «возвращаясь къ современному положенію нашего сельскаго хозяйства и къ вопросу о сбытѣ хлѣба на международномъ рынкѣ, мы позволимъ себѣ высказать, что хотя они дѣйствительно представляются тяжелыми, однако не слѣдуетъ теперь предаваться унынію, также какъ раньше не слѣдовало предаваться увлеченію», а въ другомъ мѣстѣ: «не слѣдуетъ отчаиваться за будущность нашего хлѣбопроизводства и сбыта зерновыхъ продуктовъ на иностранныхъ рынкахъ. Такое отчаяніе можетъ принести только вредъ. Взамѣнъ этого намъ нужно аппелировать къ собственнымъ силамъ и энергіи. Съ другой стороны также будетъ неосторожно предаваться увлеченіямъ и думать, что мы будемъ, какъ и въ старое время, единственной житницей Западной Европы. Нѣтъ, конкуренція будетъ и тѣмъ болѣе, что, какъ свидѣтельствуютъ послѣднія указанія англійскаго Economist'а, Аргентина съ 1894 г. уже занимаетъ третье мѣсто по снабженію Западной Европы пшеницею, и что послѣднія ея запашки, какъ говорятъ, еще болѣе увеличились. Поэтому наше сельское хозяйство должно помнить, что побѣдителемъ на международномъ рынкѣ будетъ тотъ, кто будетъ доставлять и дешево, и хорошо, для чего всѣ шансы на нашей сторонѣ и въ нашихъ рукахъ». Оставляя въ сторонѣ оптимистическія разсужденія докладчика о «шансахъ» и о роли, которую на пользу этихъ шансовъ сыграютъ наши элеваторы, отмѣ-

тимъ, что рядомъ съ мнѣніемъ г. Гессена существуетъ и другое, не менѣе компетентное, гдѣ высказывается мысль о безотлагательной необходимости для Россіи сократить площадь своихъ хлѣбныхъ посѣвовъ.

Вопроса о сокращеніи нашей экспортной торговли хлѣбомъ неоднократно касался еще въ началѣ 1880-хъ годовъ нашъ знаменитый ученый, Димитрій Ивановичъ Менделѣевъ. Въ брошюрѣ «Объ условіяхъ развитія заводскаго дѣла въ Россіи» онъ высказалъ немало предупрежденій по отношенію нашей сельской промышленности, а также съ большой дальновидностью указалъ тотъ путь развитія нашихъ производительныхъ силъ, на который еще не совсѣмъ твердой ногой мы вступили только въ текущемъ десятилѣтіи. Я полагаю, что читатели не будутъ въ претензіи, если я нѣсколько подробнѣе ознакомлю ихъ съ ходомъ мысли нашего представителя науки, и тѣмъ болѣе, что нѣкоторые выводы его какъ нельзя лучше послужатъ иллюстраціей къ главной темѣ моего настоящаго очерка.

II.

«По моему мнѣнію, говоритъ проф. Менделѣевъ, обширное развитіе заводской и фабричной дѣятельности въ Россіи есть не только единственное вѣрное средство для дальнѣйшаго развитія нашего благосостоянія, но есть и единственный путь соглашенія интересовъ массы народа съ интересами образованныхъ классовъ, потому что на заводѣ рядомъ будутъ трудиться и простолюдинъ, и баринъ, и на заводѣ станетъ народу очевидна реальная польза образованія, которое теперь можетъ казаться прихотью и надобностью чиновника и помѣщика. Черезъ всю прошлую нашу исторію проходитъ очевидное стремленіе къ опредѣленію географическихъ границъ Россіи. Нынѣ, когда онѣ соприкоснулись уже во всѣхъ сторонахъ съ тѣснымъ населеніемъ другихъ народовъ, когда опредѣлилась такимъ образомъ территорія страны, когда этотъ періодъ закончился освобожденіемъ крестьянъ, и замѣною лагернаго порядка болѣе прочнымъ, гражданскимъ и земскимъ,—стало просто невозможно посвящать всѣ силы страны исключительно одной сельской промышленности. Когда можно было съ истощенной земли переходить на другую, свѣжую, вновь ставшею народною собственностью, когда страдный трудъ въ немногіе лѣтніе мѣсяцы былъ достаточенъ для снисканія насущнаго хлѣба милліонамъ народа, когда провозглашена была Россія житницей Европы и считалась исключительно страною земледѣльческою, — тогда могъ господствовать какой угодно порядокъ, идей и общественныхъ отношеній. Это смѣнилось... Если счесть всю нашу способную къ культурѣ землю и представить ее обработываемою русскимъ народомъ тѣми способами, которые у него господствуютъ, — производительность

Россіи относительно земледѣлія увеличится весьма немного, а богатство, конечно, не возростетъ, потому что богатство опредѣляется количествомъ труда, потраченнаго на производительную дѣятельность, а на земледѣльческій трудъ въ Россіи можно отдать только немногіе мѣсяцы года. Что же, спрашивается, дѣлать массѣ народа въ остальное время?» Въ другомъ мѣстѣ профессоръ утверждаетъ: «Если нашъ вывозъ въ настоящее время состоитъ почти исключительно изъ сырья, то уже это одно прямо показываетъ, что у насъ сырье въ избыткѣ; только на нашу бѣду наше вывозное сырье состоитъ почти исключительно изъ лѣса, хлѣба и другихъ продуктовъ почвы. Точно русскій мужикъ, переставшій работать на помѣщика, сталъ рабомъ Западной Европы и находится отъ нея въ крѣпостной зависимости, доставляя ей хлѣбныя условія жизни. Тѣ, которые плачутся на уменьшеніе у насъ вывоза хлѣба, должны были бы въ сущности хлопотать и плакать лишь о томъ, что на мѣсто хлѣба не вывозится какой либо другой выработанный продуктъ. Пускай этотъ хлѣбъ останется въ видѣ избытка, для запаса и прокорма массы людей, которые плохо питаются, если у нихъ достанетъ денегъ на то, чтобы купить этотъ хлѣбъ при помощи полученія заработковъ на заводахъ. Пускай тѣ земли, на которыхъ ведутъ истощающую культуру пшеницы, будетъ выгоднѣе занять другими посѣвами, нужными для заводовъ и фабрикъ — страна будетъ въ выгодѣ. Исторія нашей свеклосахарной промышленности въ этомъ отношеніи достаточно ясна и проста... То же самое будетъ со множествомъ другихъ промышленностей, если на нихъ, какъ на свеклосахарную, будетъ обращено надлежащее вниманіе и если вмѣсто новыхъ способовъ стѣсненія заводской дѣятельности будутъ хорошо обсуждены и неуклонно практиковаться мѣры для развитія внутренней заводской дѣятельности. Такимъ образомъ первый сырой матеріалъ для развитія заводской дѣятельности доставитъ Россіи направленіе сельско-хозяйственныхъ работъ въ сторону доставленія продуктовъ, нужныхъ для заводской дѣятельности. Это будетъ выгодно какъ для всей страны вообще, такъ въ частности для землевладѣльцевъ, и даже для самой государственной казны, какъ выгодна стала для всѣхъ ихъ развившаяся свеклосахарная промышленность. Притомъ, по крайней мѣрѣ со временемъ, развитіе заводовъ, обработывающихъ сырье, уничтожитъ столь погубный для Россіи вывозъ изъ нея хлѣбнаго сырья, который замѣнится вывозомъ продуктовъ заводскихъ. Это уничтожитъ быстрое истощеніе земель, составляющее результатъ односторонней пшеничной разработки нашего чернозема. Но, кромѣ продуктовъ культуры и скотоводства, переработка которыхъ, можно сказать, будетъ сосредоточена около мѣстъ развитія культуры, какъ и наша свеклосахарная промышленность сосредоточивалась въ районѣ разведенія свекловицы, для развитія заводской дѣятельности Россія представляетъ массу сырого матеріала; естественнымъ образомъ находящагося или на поверхности

земли или внутри ея». Брошюру свою почтенный ученый заканчиваетъ слѣдующими положеніями: «само по себѣ развитіе заводской дѣятельности доставитъ новый заработокъ массѣ крестьянства, т. е. массѣ земледѣльцевъ, а, съ развитіемъ въ ихъ средѣ хоть нѣкоторой образованности, чисто заводская дѣятельность можетъ взойти въ согласованіе съ сельско-хозяйственною дѣятельностью, сосредоточиться въ одномъ и томъ же селѣ и даже подчиняться артельному или общинному началу, которыми заправляется наша сельско-хозяйственная и многіе другіе практическіе роды крестьянской дѣятельности. Это тѣмъ возможнѣе, что многіе роды заводской дѣятельности могутъ съ выгодою производиться зимою, такъ что однѣ и тѣ же силы будутъ лѣтомъ въ дѣлѣ полевомъ приготовлять хлѣбъ и матеріалъ для зимней заводской дѣятельности, а зимою могутъ становиться заводчиками. Но, не будучи утопистомъ, я не увлекаюсь подобными возможностями, а, какъ реалистъ, говорю: общіе интересы въ заводскомъ дѣлѣ мирятся съ личными, и дѣла этого рода, удовлетворяя нуждамъ образованности, отвѣчаютъ въ то же время и народнымъ потребностямъ, почему и должны стоять на видномъ мѣстѣ въ числѣ важнѣйшихъ государственныхъ надобностей, тѣмъ болѣе, что только съ развитіемъ производствъ—фабричныхъ и заводскихъ, создается тотъ прочный средній классъ, безъ развитія котораго невозможно сильное, образованное государство».

Полезныя указанія профессора Менделѣева были высказаны въ 1882 году, то-есть въ то именно время, когда правительство наше дѣйствительно сознало, что оставлять долѣе въ пренебреженіи фабричную и заводскую промышленность невозможно и гибельно для страны, и что пора отнестись къ этой сторонѣ русской жизни болѣе внимательно. Освободивъ крестьянъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ отъ помѣщичьей крѣпостной зависимости, оно только черезъ двадцать лѣтъ приступило къ освобожденію ихъ отъ западно-европейскаго рабства — съ одной стороны и домашняго фабричнаго рабства — съ другой. Какъ только выдвинулись энергично на свѣтъ Божій всероссійскіе промышленные вопросы, то въ тѣсной и неразрывной связи съ ними выступили и многочисленные фабричные вопросы въ ихъ экономической и соціальной постановкѣ. Ревизіи и болѣе тщательное изученіе фабричнаго дѣла привели къ убѣжденію, что здѣсь воистину—«темное царство», гдѣ во всей силѣ властвуетъ освященное патріархальнымъ дореформеннымъ періодомъ русской жизни своеобразное крѣпостное право, подъ гнетомъ котораго изнываетъ почти цѣлый милліонъ русскаго народа. Отсюда уже было недалеко прійти къ логическому заключенію, впервые такъ прекрасно формулированному нынѣшнимъ министромъ финансовъ С. Ю. Витте: «отъ качества труда рабочихъ и постановки его въ наиболѣе благопріятныя условія зависитъ процвѣтаніе нашей юной, но прочно созидающейся фабрично-заводской промышленно-

сти». Такимъ образомъ, съ начала 1880-хъ годовъ и вплоть до нашихъ дней мы наблюдаемъ, во-первыхъ, появленіе ряда правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ развитію у насъ фабрично-заводской промышленности, и, во-вторыхъ,—ряда же законоположеній, имѣющихъ цѣлью урегулировать отношенія между собственниками и рабочими, а также облегчить тяжелыя бытовыя условія существованія послѣднихъ.

Русская литература, отличающаяся всегда чрезвычайной отзывчивостью на всѣ явленія отечественной жизни, не преминула прійти на помощь законодательству, и мы обогатились серіей трудовъ, посвященныхъ фабричному вопросу въ широкомъ смыслѣ этого слова. Наиболѣе потрудились на этомъ поприщѣ г.г. Д. Менделѣевъ, И. Янжулъ, В. Святловскій, Е. Дементьевъ, А. Прессъ, В. Яроцкій, который взялъ даже фабричный вопросъ (о страхованіи рабочихъ и объ отвѣтственности предпринимателей) предметомъ магистерской и докторской диссертацій. Всѣ названныя лица внесли много свѣта въ фабричное темное царство, и если нашей заводско-фабричной промышленности суждено будетъ стать на самостоятельныя и твердыя ноги въ той постановкѣ, какъ ее указываетъ нынѣшній министръ финансовъ, то, безъ сомнѣнія, этому она будетъ въ значительной степени обязана перечисленнымъ выше представителямъ науки и литературы. Но еще болѣе названныхъ лицъ, по свойству своего властнаго и авторитетнаго положенія, двинули къ благополучному разрѣшенію заводско-фабричные вопросы слѣдующіе государственные дѣятели: покойный министръ финансовъ Н. Х. Бунге, его товарищъ Ѳ. Г. Тернеръ, нынѣшній энергичный руководитель русскихъ финансовъ С. Ю. Витте и его даровитый сотрудникъ, директоръ департамента мануфактуръ и торговли В. И. Ковалевскій.

III.

Переходя отъ общихъ разсужденій къ частнымъ, остановимся здѣсь на трехъ главнѣйшихъ категоріяхъ вопросовъ, рисующихъ намъ, такъ сказать, физіономію, фабрично-заводской Россіи: 1) на обзорѣ состоянія фабрично-заводской промышленности за послѣднее время, 2) на правительственныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ ея процвѣтанію (таможенный тарифъ), и 3) на промышленномъ законодательствѣ, обнимающемъ собою бытъ фабричныхъ рабочихъ. Каждая изъ этихъ категорій вопросовъ имѣетъ свою обширную литературу и болѣе или менѣе подробно разработана въ разныхъ оффиціальныхъ и частныхъ трудахъ.

Чтобы получить понятіе о состояніи нашей фабрично-заводской производительности, лучше всего обратиться къ двумъ недавно вышедшимъ изданіямъ департамента мануфактуръ и торговли: 1) «Фабрично-

заводская промышленность и торговля Россіи» (2-е исправленное и дополненное изданіе 1896 г.), обширному труду, составленному подъ редакціею Д. И. Менделѣева по случаю всемірной Колумбовой выставки въ Чикаго и нынѣ повторенному съ надлежащими пополненіями подъ руководствомъ В. И. Ковалевскаго и его помощника Н. П. Лонгового, 2) «Производительныя силы Россіи», сборнику обозрѣній различныхъ видовъ отечественной производительности, приноровленныхъ къ классификаціи всероссійской промышленной и художественной выставки въ Нижнемъ Новгородѣ, изданному тѣмъ же департаментомъ подъ общею редакціею В. И. Ковалевскаго. Однородныя же свѣдѣнія (въ сыромъ, цыфровомъ видѣ) почерпаются и изъ «Матеріаловъ для торгово-промышленной статистики», ежегодно издаваемыхъ министерствомъ финансовъ [1]), пригодныхъ, впрочемъ, для пользованія лишь лицамъ, спеціально къ тому подготовленнымъ; отчасти же состояніе нашей фабрично-заводской промышленности обрисовывается и въ изданіи А. С. Суворина «Вся Россія» (1896 и 1897 гг.), а также изъ «Матеріаловъ по пересмотру тарифовъ», собранныхъ департаментомъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ.

Какъ читатель можетъ убѣдиться самъ лично, свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу почерпаются главнѣйшимъ образомъ изъ источника оффиціальнаго—«Производительныхъ силъ» и «Фабрично-заводской промышленности и торговли Россіи», работъ, приноровленныхъ спеціально къ праздничнымъ моментамъ жизни — двумъ выставкамъ, когда лица руководящія заинтересованы показать товаръ лицомъ, выставить его съ казовой стороны. Это обстоятельство нѣсколько какъ будто подрываетъ довѣріе къ выводамъ, заключеніямъ и освѣщенію, но вѣдь противъ оффиціальныхъ цифръ идти невозможно, и главнымъ образомъ потому, что иныхъ не имѣется въ наличности, почему и приходится въ настоящемъ случаѣ идти на буксирѣ тѣхъ группировокъ цифръ, которыя въ такомъ изобиліи представлены обоими обширными изданіями, складывая отвѣтственность за достовѣрность на редакторовъ, коимъ поручены были министерствомъ тѣ или иные отдѣлы. Сопоставляя, кромѣ того, оба названныхъ труда, нельзя не отмѣтить, что въ интересахъ занимающей меня темы приходится дать предпочтеніе изданію «Фабрично-заводская промышленность» передъ «Производительными силами» и не только потому, что первый трудъ ближе и непосредственно касается темы (фабрикъ и заводовъ), но и по той причинѣ, что картина культурнаго роста нашего отечества представлена въ немъ рельефнѣе и даетъ большее понятіе объ экономической и финансовой политикѣ русскаго правительства. Изданіе же «Производительныя силы», хотя и составлено чрезвычайно детально (20 главъ и два отдѣльныхъ изслѣдованія, при чемъ каждая глава содержитъ въ себѣ отъ 2

[1]) Послѣднія данныя имѣются лишь за 1892 годъ.

до 25 подотдѣловъ), тѣмъ не менѣе рисуетъ намъ успѣхи Россіи только за время царствованія Александра III и приноровлено спеціально къ выставочнымъ цѣлямъ: чтобъ читатель (онъ же и посѣтитель выставки) могъ быстро, безъ напряженнаго вниманія, ознакомиться по книгѣ съ тѣмъ, что сдѣлано выдающагося по той или другой отросли нашей промышленности за послѣднія 14 лѣтъ. Впрочемъ слѣдуетъ отмѣтить, что главный редакторъ труда В. И. Ковалевскій и не пытается придать книгѣ «Производительныя силы» значенія рѣшающаго голоса въ оцѣнкѣ и истолкованіи этихъ силъ, почему въ предисловіи къ книгѣ и считаетъ нужнымъ дать слѣдующее предостереженіе читателямъ: «Главная работа по оцѣнкѣ производительныхъ силъ Россіи — впереди. Одна изъ главнѣйшихъ задачъ выставки—представить возможно правдивую картину современнаго состоянія различныхъ видовъ народной производительности въ обширномъ значеніи слова. Выставка несомнѣнно существенно поможетъ уясненію какъ количественной, такъ и качественной сторонъ приложенія труда въ Россіи въ его разнообразныхъ проявленіяхъ. Къ выставкѣ были собраны обильные статистическіе матеріалы, которые могутъ появиться въ свѣтъ или въ теченіе ея, или даже послѣ, такъ какъ требуютъ провѣрки и разработки».

Обращаясь непосредственно къ уясненію себѣ результатовъ нашей фабрично-заводской производительности, мы видимъ съ перваго же взгляда, что она возросла въ періодъ 1878—1892 гг. съ 893 до 1,828 [1]) милліоновъ рублей, при чемъ заграничный ввозъ за время 1880—1892 гг. упалъ съ 604 до 404 милліоновъ рублей. Отсюда вытекаетъ тотъ непосредственный выводъ, что очевидный ростъ внутренняго производства совершается на счетъ иностраннаго ввоза, сократившагося, благодаря покровительственной таможенной политикѣ, о коей будетъ рѣчь ниже. «При современномъ ходѣ дѣлъ, говоритъ профессоръ Менделѣевъ во введеніи къ книгѣ «Фабрично-заводская промышленность», внутренняя заводско-фабричная промышленность ежегодно увеличивается примѣрно на 40 милліоновъ рублей, хотя общія потребности въ заводско-фабричныхъ продуктахъ ростутъ и медленнѣе. Товаровъ этого рода Россія потребляетъ ежегодно около $2^1/_2$ милліардовъ рублей, или считая въ Россіи около 125 милліоновъ жителей, на каждаго около 20 рублей въ годъ», что составляетъ, сравнительно съ таковымъ же потребленіемъ въ Западной Европѣ и Америкѣ, очень незначительную величину, объясняемую малой покупной способностью народа и слабымъ ростомъ сельско-хозяйственной культуры. Въ видахъ пріисканія народу новыхъ видовъ заработковъ, правительство обратилось къ системѣ протекціонизма, которая должна была способствовать усиленному развитію добычи минеральныхъ

---

[1]) Въ этихъ цифрахъ показаны промышленности: безакцизная, акцизная, горныхъ промысловъ и металлургическихъ заводовъ.

богатствъ страны и переработки въ потребные товары имѣющихся внутри страны сырыхъ продуктовъ. Рѣзкій поворотъ къ этой системѣ наблюдается въ началѣ 1880 года, но достигаетъ онъ яснаго выраженія съ введенія въ 1891 году тарифа, покровительствующаго добычѣ всякихъ видовъ ископаемыхъ и возникновенію новыхъ видовъ обработывающей промышленности, особенно же химической, мануфактурной, металлической, винодѣлія и всякихъ заводскихъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Новый тарифъ [1]) имѣлъ своимъ ближайшимъ результатомъ ростъ хлопчато-бумажнаго производства, химическаго, водвореніе содоваго производства и бѣлильной извести. Успѣхи мануфактурной промышленности выразились въ возростаніи вывоза хлопчато-бумажныхъ издѣлій, усиленіи шелководства, водвореніи въ Россіи шелкокрутиленъ, возростаніи производства вигоневыхъ и имъ подобныхъ тканей, содержащихъ шерсть и хлопокъ. Металлургическая дѣятельность обнаруживаетъ сильный ростъ желѣзнаго производства, уже прекратившаго ввозъ въ Россію рельсовъ изъ-за границы, но и повышенное производство всякаго рода машинъ, развитіе добычи ртути, мѣди, свинца и цинка. «Эти виды фабрично-заводской дѣятельности Россіи, по утвержденію Д. И. Менделѣева, переживаютъ нынѣ еще лишь начальную эпоху зарожденія, а потому встрѣчаютъ еще много препятствій разнаго рода, такъ что на многіе виды русской заводско-фабричной промышленности должно смотрѣть нынѣ, какъ на зерно, своевременно посѣянное въ благопріятную для роста русскую экономическую почву, требующую льющагося нынѣ на нее благодатнаго дождя правительственныхъ мѣръ, необходимыхъ для быстраго роста, примѣръ котораго видѣнъ въ быстротѣ развитія кавказской нефтяной промышленности».

Судьба этой промышленности настолько поучительна, что на ней стоитъ остановиться нѣсколько дольше. Добыча нефти производится почти исключительно на Кавказѣ, сосредоточиваясь преимущественно на Апшеронскомъ полуостровѣ; начиная съ 1880 года по 1894 годъ она возросла съ 21,5 милл. пудовъ до 318,6 милл. Въ настоящее время найденъ новый источникъ добычи нефти—въ Грозномъ, обѣщающій въ будущемъ сильное ея возростаніе и достигающій уже нынѣ цифры 20 милл. въ годъ. Получивъ возможность доставлять странѣ дешевый и высокаго качества керосинъ, наша нефтяная промышленность оказала особыя услуги фабрично-заводскому дѣлу, доставивъ ему выгодное отопленіе при помощи нефтяныхъ остатковъ, которые въ настоящее время и вытѣсняютъ всѣ остальные роды топлива, включая сюда каменный уголь, торфъ. При посѣщеніи московскихъ фабрикъ, я несомнѣнно убѣдился, что

---

[1]) Лицъ, интересующихся цифровыми иллюстраціями, отсылаю къ подлинникамъ, откуда почерпнуты настоящія свѣдѣнія: «Производительнымъ силамъ» и «Фабрично-заводской промышленности».

большая часть ихъ (изъ числа крупныхъ, конечно) перешли уже на нефтяное отопленіе, а другія ждутъ не дождутся возможности этого перехода въ зависимости отъ пониженія настоящей ея стоимости, упрощенія способовъ доставки нефти на фабрики и ея наливки въ резервуары. Но не только внутрь страны движется въ настоящее время бакинская нефть,—она, несмотря на сильную конкурренцію Америки, проникаетъ и въ Западную Европу, достигнувъ въ 1893 году (до кризиса, постигшаго нашихъ заводчиковъ) 55,4 милл. и нынѣ (1895 г.) поставляя туда 42,3 милл. пуд. (см. ст. «Обработка нефти» проф. К. И. Лисенко въ «Производительныхъ силахъ»).

IV.

Вышесказанное по поводу заводско-фабричной промышленности несомнѣнно показываетъ ея ростъ за послѣднее время, каковой ростъ лицами, близко въ томъ освѣдомленными, ставится въ непосредственную связь съ дѣйствіемъ покровительственнаго тарифа 1891 года. Составитель «Обзора системы русскаго таможеннаго тарифа» въ изданіи «Фабрично-заводская промышленность», В. И. Тимирязевъ, дѣлитъ (съ 1822 года) исторію русскаго таможеннаго тарифа на три періода: 1) періодъ 1822—1849 года, характеризующійся неизмѣннымъ удержаніемъ строго покровительственныхъ началъ, съ постепенною лишь замѣною совершеннаго запрещенія ввоза многихъ иностранныхъ товаровъ высоко-пошлиннымъ ихъ обложеніемъ; 2) періодъ 1850—1876 года, во время котораго сдѣланъ былъ переходъ къ системѣ умѣренно-охранительной, завершенный изданіемъ тарифа 1868 года, и 3) періодъ съ 1877 года и по настоящее время, въ теченіе котораго цѣлымъ рядомъ мѣръ были мало-по-малу упрочены начала серьезнаго покровительства отечественнымъ производительнымъ силамъ, получившія окончательное по всѣмъ отраслямъ производства осуществленіе въ нынѣ дѣйствующемъ тарифѣ 1891 года. Оставляя за недостаткомъ времени и мѣста исторію двухъ первыхъ періодовъ въ сторонѣ, отмѣчу лишь, что время съ 1877 по 1891 годъ можетъ быть разсматриваемо, какъ возвращеніе нашей таможенной политики на путь строго-охранительный съ замѣтнымъ въ зависимости отъ этого развитіемъ фабрично-заводской промышленности. Такъ, разсматривая фактъ различныхъ производствъ, мы замѣчаемъ слѣдующее ихъ процентное увеличеніе за указанный періодъ времени: бумаго-прядильное и ткацкое—на 140%, красильное, набивное и отдѣлочное—на 160%, писчебумажное и обойное—на 138%, химическихъ и красильныхъ веществъ—на 222%, стеклянное и зеркальное—на 120%, шерсто-прядильное и ткацкое—на 90%. Наименьшее возростаніе наблюдается въ производствѣ кожевенномъ (36%) и машино-строительномъ (21%).

Въ 1891 году приступлено было къ общему пересмотру таможеннаго тарифа. «Къ этому побуждали многія соображенія,—свидѣтельствуетъ г. Тимирязевъ. Во-первыхъ, представлялось необходимымъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ въ развитіи таможеннаго у насъ покровительства поощреніемъ добычи и разработки нужныхъ для промышленности сырыхъ матеріаловъ черезъ наложеніе пошлинъ на привозимое изъ-за границы сырье. Богатство Россіи естественными сырыми произведеніями всѣхъ трехъ царствъ природы указывало на своевременность такого поощренія, послѣ того какъ въ обработывающей промышленности достигнуты были уже существенные успѣхи. Засимъ, нужно было устранить естественную при огульномъ, въ нѣсколько пріемовъ, повышеніи тарифа неравномѣрность покровительства различнымъ отраслямъ внутренней производительности, а также оказать возможно полное поощреніе кореннымъ отраслямъ отечественной промышленности, могущимъ доставлять заработокъ населенію обширныхъ районовъ имперіи. Наконецъ, измѣнившіяся условія производства товаровъ и появленіе на рынкѣ новыхъ продуктовъ требовали измѣненія самой редакціи тарифныхъ статей». Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ 11-го іюля 1891 года государственнаго совѣта, новый таможенный тарифъ былъ введенъ въ дѣйствіе съ 1-го іюля того же года. Отличительною чертою новаго тарифа явилось предоставленіе возможно равномѣрнаго покровительства всѣмъ нуждающимся въ немъ отраслямъ нашей промышленности и притомъ во всѣхъ стадіяхъ производства. Болѣе или менѣе существенныя повышенія ставокъ имѣли мѣсто лишь для немногихъ производствъ, которыя оказывались недостаточно еще огражденными отъ иностранной конкурренціи. Въ цѣляхъ фискальныхъ не было допущено повышеній; напротивъ того, по очень многимъ статьямъ тарифа, для коихъ ставки были признаны или слишкомъ высокими по отношенію къ цѣнности и потому не оправдывающими своего поощрительнаго значенія, или вслѣдствіе развитія даннаго производства могущими быть къ выгодѣ потребителей уменьшенными,—онѣ понижены».

Въ интересномъ очеркѣ «Обзоръ измѣненій русскаго таможеннаго тарифа въ 1891—1895 гг.»[1]) П. О. Морозовъ даетъ обстоятельную картину нашихъ торговыхъ соглашеній съ западными сосѣдями, изъ коей мы убѣждаемся, что существовавшія до тѣхъ поръ неблагопріятныя тарифныя условія для нашей внѣшней торговли были болѣе или менѣе удачно устранены, и въ основаніе таможенной политики поставленъ незыблемый принципъ—внѣ всякаго воздѣйствія на установленіе и измѣненіе иностранныхъ таможенныхъ тарифовъ добиваться лишь того, чтобы нашъ ввозъ въ ту или другую страну пользовался равными правами съ ввозомъ изъ прочихъ странъ. «На основаніи старыхъ и новыхъ договоровъ,—говоритъ г. Морозовъ,—

---

[1]) «Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи».

Россія въ настоящее время пользуется правомъ наибольшаго благопріятствованія во всѣхъ европейскихъ государствахъ, за исключеніемъ Румыніи, съ которою мы не имѣемъ торговаго договора, такъ какъ страна эта до сихъ поръ держится системы единаго и для всѣхъ равнаго автономнаго тарифа; изъ государствъ азіатскихъ право наиболѣе благопріятствуемой націи предоставлено намъ въ Турціи, Персіи, Китаѣ, Японіи и Кореѣ; изъ африканскихъ—въ Занзибарѣ и государствѣ Конго; наконецъ, то же право распространяется на насъ и во всѣхъ государствахъ Сѣверной и Южной Америки. Такъ какъ и съ нашей стороны это право предоставлено, на основаніи взаимства, всѣмъ названнымъ государствамъ, то ставки нашего общаго тарифа по европейской торговлѣ на практикѣ остаются безъ примѣненія, и со всѣхъ товаровъ, независимо отъ страны ихъ происхожденія, таможенныя пошлины взимаются на основаніи тарифа конвенціоннаго».

Перечисленными тарифными и таможенными мѣрами не исчерпываются, однако, средства, примѣненныя въ послѣднее время нашимъ правительствомъ къ поддержанію и развитію фабрично-заводской промышленности. Въ этихъ видахъ увеличены промышленные кредиты, и расширена операція учета государственнымъ банкомъ торговыхъ векселей, а также обращено особенное вниманіе на развитіе техническаго, профессіональнаго и коммерческаго образованія. Въ области техническаго образованія, какъ свидѣтельствуетъ г. Евгеній Гаршинъ («Производительныя силы Россіи»), затраты нашей страны за 15 лѣтъ увеличились на 99%, т. е. почти вдвое, число учебныхъ заведеній этого рода увеличилось въ 2½ раза (на 155%) и число въ нихъ учащихся возросло вдвое (на 105%), что, однако, еще далеко не соотвѣтствуетъ потребности въ этихъ заведеніяхъ. Что же касается коммерческаго образованія, то таковое признано правительствомъ чрезвычайно недостаточнымъ, и въ настоящее время (текущій годъ) высочайше утверждено положеніе о коммерческомъ образованіи въ имперіи, представленное министерствомъ финансовъ, коимъ проектирована система коммерческихъ учебныхъ заведеній среднихъ и высшихъ. Такимъ образомъ, правительство, оберегая русскую промышленность отъ опасной для ея роста конкурренціи со стороны болѣе могущественныхъ орудіями производства западныхъ сосѣдей, облегчая кредитомъ развитіе ея торговыхъ операцій, вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ въ эту область начала прогресса учрежденіемъ сѣти спеціальныхъ школъ, съ программами, основанными на началахъ опытнаго знанія. Это громко заявленное сознаніе необходимости для Россіи людей опытнаго знанія—явленіе чрезвычайно утѣшительное, и въ немъ кроется ростъ и будущій успѣхъ развитія нашей заводско-фабричной промышленности. Какими бы покровительственными тарифами мы ни ограждали этой промышленности, сколько бы ссудъ и денежныхъ казенныхъ суммъ въ нее ни

вложили, она въ качественномъ отношеніи мало будетъ прогрессировать, пока у насъ не создастся собственный образованный торгово-промышленный классъ населенія, изъ коего будутъ выходить, какъ собственники промышленныхъ заведеній, такъ и управляющіе фабриками и заводами и главные мастера.

Отсутствіе на заводахъ образованныхъ спеціалистовъ, управляющихъ и мастеровыхъ изъ русскихъ—вотъ зло русской производительности,—говорилъ мнѣ въ Москвѣ извѣстный инженеръ В. А. Бари. Японія только потому такъ и шагнула впередъ, что сумѣла обзавестись въ короткое время собственными просвѣщенными руководителями рабочаго труда, благодаря чему избавилась отъ необходимости пользоваться иноземными фабрикатами. Этого она достигла простымъ способомъ — командируя многочисленными группами мальчиковъ, заводскихъ учениковъ, для пополненія своего образованія въ Америку. Изучивъ здѣсь въ тонкости дѣло заводской и фабричной техники, эти малыши, коихъ я видѣлъ достаточно въ Новомъ Свѣтѣ, вернулись на родину просвѣщенными руководителями этой техники и сумѣли двинуть ее настолько впередъ, что она по своему качеству и дешевизнѣ далеко оставила позади американскіе привозные товары, доселѣ наводнявшіе страну. Россіи надлежитъ взять примѣръ съ своего младшаго восточнаго сосѣда, и только тогда ей не будетъ страшна никакая конкурренція. Свои управляющіе заводами, свои мастера поднимутъ до себя и простого чернорабочаго, при чемъ сумѣютъ понять психологію этого рабочаго, приноровиться къ его потребностямъ и быту. Всѣ же эти иностранные менторы народа, въ душѣ презирая его, никогда не смогутъ сдѣлать что нибудь истинно полезное ни для него, ни для промышленности вообще.

Привожу нарочно это мнѣніе почтеннаго заводчика и инженера В. А. Бари, котораго въ качествѣ американскаго подданнаго никто не заподозритъ въ квасномъ русскомъ патріотизмѣ. Дѣлаю это тѣмъ охотнѣе, что читателю настоящей статьи еще придется встрѣтиться съ оригинальной фигурой этого московскаго заводско-фабричнаго новатора.

Отмѣчу кстати, что и профессоръ Менделѣевъ въ цитированной выше брошюрѣ громко поднималъ свой голосъ на пользу развитія въ Россіи техническаго и вообще опытнаго знанія, видя въ немъ единомъ залогъ нашихъ будущихъ успѣховъ въ области русской промышленности и торговли.

Обращаясь къ вопросу, какую же роль въ общественномъ хозяйствѣ Россіи сыграли перечисленныя выше мѣропріятія правительства, считаю долгомъ для полноты истины отмѣтить мнѣніе выдающагося спеціалиста, профессора А. А. Исаева, высказанное имъ въ недавно появившемся его трудѣ «Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства», о коемъ уже однажды я говорилъ на стра-

ницахъ «Историческаго Вѣстника». «Оцѣнивая народно-хозяйственную политику Россіи за послѣднее 30-лѣтіе,—говоритъ г. Исаевъ,—всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что эта политика была направлена на укрѣпленіе и развитіе крупной частнокапиталистической промышленности, при чемъ однѣ мѣры прямо принимались для достиженія этой цѣли, другія вели къ ней косвенно, хотя и принимались изъ различныхъ побужденій. Всѣ льготы, всѣ ссуды, которыя давались крупнымъ частнымъ предпріятіямъ, всѣ заказы, которые государство, въ лицѣ различныхъ вѣдомствъ, распредѣляло между частными фабриками и заводами, служили толчкомъ для расширенія этихъ предпріятій. Таможенный тарифъ долженъ быть признанъ цѣлой системой мѣръ, направленныхъ къ укрѣпленію крупнаго производства, хотя всегда и вездѣ возвышеніе таможенныхъ налоговъ объясняется желаніемъ государства вообще охранить туземную промышленность отъ соперничества иностранной. Какъ всегда и вездѣ, русскій таможенный тарифъ имѣлъ на промышленность то вліяніе, что способствовалъ росту крупныхъ промышленныхъ предпріятій и уже потому давилъ на мелкое производство». «Государственный банкъ, — продолжаетъ далѣе профессоръ — отъ времени своего основанія былъ устроенъ такимъ образомъ, что служилъ преимущественно крупному производству, оказывалъ гораздо меньшія услуги среднему и ровно ничего не сдѣлалъ для мелкаго... О выдачѣ ссудъ крестьянамъ, ремесленникамъ и кустарямъ, какъ предусмотрѣно въ уставѣ государственнаго банка 1894 года, пока слышно очень мало. То же слѣдуетъ сказать и о финансовой политикѣ. Промысловый налогъ ложится на мелкихъ промышленниковъ и торговцевъ въ 2, 3, 5, 10 разъ относительно бо̀льшимъ бременемъ, нежели на крупныхъ, и уже этимъ облегчаетъ концентрированіе предпріятій изъ большихъ въ исполинскіе».

Убѣжденіе въ томъ, что форсированные таможенные налоги на нѣкоторые предметы заграничнаго ввоза играютъ на руку не столько развитію отечественнаго производства этихъ издѣлій, сколько споспѣшествуютъ благосостоянію гг. фабрикантовъ, громко сказалось на торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Нижнемъ Новгородѣ. Подавляющимъ большинствомъ голосовъ вотировало общее собраніе съѣзда ходатайствовать передъ министерствомъ финансовъ о пониженіи и даже о сложеніи пошлинъ на сельско-хозяйственныя машины въ интересахъ массы землевладѣльцевъ и земледѣлія вообще.

Дѣйствительно, изъ XI отдѣла «Производительныхъ силъ Россіи», посвященнаго кустарной промышленности, мы убѣждаемся, что заботы правительства о содѣйствіи нашихъ кустарямъ ограничиваются весьма незначительными подачками. Такъ, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ начало проявлять свою дѣятельность по развитію и улучшенію кустарной промышленоcти лишь съ 1888 г.; при этомъ на воспособленіе упомянутой весьма

важной отрасли народнаго хозяйства было отпущено первоначально 35—60 тысячъ рублей (1888—1894 гг.), а за симъ—80 тыс. рублей (1895—1896 гг.). Всѣ правительственныя мѣропріятія по упомянутому предмету, — говоритъ выставочное изданіе, — могутъ быть раздѣлены на двѣ главныхъ категоріи: а) мѣропріятія общаго характера, относящіяся до кустарной промышленности вообще, и б) мѣропріятія частныя, направленныя къ улучшенію отдѣльныхъ кустарныхъ промысловъ. Къ первымъ относятся: 1) поощреніе дѣятельности мѣстныхъ учрежденій по развитію и улучшенію кустарной промышленности; 2) ознакомленіе публики съ кустарными издѣліями посредствомъ выставокъ и музеевъ; 3) содѣйствіе правильному сбыту кустарныхъ издѣлій посредствомъ выполненія заказовъ для казны; 4) распространеніе среди кустарей полезныхъ свѣдѣній путемъ печати (изданіе руководствъ, наставленій и т. п.). Въ ряду частныхъ мѣропріятій наиболѣе существенными являются устройство, при помощи министерства, школъ и мастерскихъ для обученія кустарей улучшеннымъ пріемамъ того или другого кустарнаго производства. Такихъ школъ по различнымъ родамъ производствъ въ разныхъ губерніяхъ открыто въ настоящее время болѣе шестнадцати.

Отъ изображенія нашей заводско-фабричной промышленности въ тѣсномъ смыслѣ слова и мѣръ правительства къ ея поддержанію и процвѣтанію перейдемъ къ живымъ производящимъ силамъ Россіи и окинемъ взоромъ условія существованія полуторамилліоннаго населенія нашего отечества.

V.

Когда употребляютъ выраженіе «фабричный вопросъ», то здѣсь обыкновенно разумѣютъ «рабочій вопросъ», которые и являются поэтому понятіями однозначащими. До второй половины восьмидесятыхъ годовъ, да отчасти и нынѣ, у насъ было принято говорить объ этомъ предметѣ съ опаскою, и только съ момента заявленія нынѣшняго министра финансовъ С. Ю. Витте себя рѣшительнымъ сторонникомъ энергичнаго улучшенія быта рабочихъ вопросъ этотъ какъ бы вступаетъ въ новую литературную фазу, и о немъ дозволяется говорить уже болѣе открыто и чистосердечно. Поставленныя эпиграфомъ къ настоящей статьѣ слова талантливаго государственнаго сановника: «отъ качества труда рабочихъ и постановки его въ наиболѣе благопріятныя условія зависитъ процвѣтаніе нашей юной, но прочно созидающейся фабрично-заводской промышленности»,— слова эти, говорю я, какъ нельзя лучше характеризуютъ настроеніе правительства въ пользу улучшенія быта рабочихъ, почему и приводимая мною ниже литература этого предмета должна быть раз-

сматриваема, какъ постепенное развитіе русскаго самосознанія въ этой области, получившее въ конечномъ результатѣ свое увѣнчаніе въ словахъ г. министра.

Настоящая разработка вопроса о бытѣ фабричныхъ рабочихъ, о рабочемъ времени и существующихъ анормальныхъ отношеніяхъ между предпринимателями и наемною рабочею силою начались собственно говоря, лишь съ учрежденія у насъ института фабричной инспектуры (1882 г.). Первый выступилъ съ своими въ высшей степени знаменательными печатными «Отчетами» фабричный инспекторъ Московскаго округа, профессоръ (нынѣ академикъ) Иванъ Ивановичъ Янжулъ (отчетъ за 1882 г. и 1885 г.); за нимъ послѣдовалъ д-ръ В. В. Святловскій съ рядомъ талантливыхъ статей по фабричному вопросу, напечатанныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, а также съ отдѣльнымъ трудомъ: «Фабричный рабочій. Изслѣдованіе здоровья русскаго фабричнаго рабочаго. Санитарное положеніе фабричнаго рабочаго въ Привислянскомъ краѣ и въ Малороссіи» (1889 г.). Въ текущемъ десятилѣтіи появилась превосходная работа Е. М. Дементьева: «Фабрика. Что она даетъ населенію и что она у него беретъ» (1893 г.), представляющая собою сводъ данныхъ по изслѣдованіямъ (1884—1885 гг.) трехъ промышленныхъ уѣздовъ Московской губерніи, по порученію тамошняго губернскаго земства. На слѣдующій (1894 годъ) вышла небольшая брошюра д-ра Ѳ. Домбровскаго: «Бытъ фабричныхъ рабочихъ по даннымъ первой Всероссійской гигіенической выставки, устроенной Русскимъ обществомъ охраненія народнаго здравія въ С.-Петербургѣ». Наконецъ, въ 1893 г. въ неоднократно мною цитированномъ изданіи департамента торговли и мануфактуръ «Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи» (2-е изданіе въ настоящемъ году) содержатся двѣ главы, имѣющія предметомъ такъ называемый фабричный вопросъ. Одна—подъ заглавіемъ «Заработная плата и продолжительность рабочаго времени на русскихъ фабрикахъ и заводахъ»—составлена бывшимъ петербургскимъ главнымъ фабричнымъ инспекторомъ Я. Михайловскимъ, другая—«Промышленное законодательство въ Россіи»—чиновникомъ министерства И. А. Давидовымъ. Ежемѣсячная и повседневная пресса въ предѣлахъ возможности откликалась тоже на этотъ жгучій вопросъ, и статьи за послѣднее время въ «Новомъ Времени» г. Погожева (іюль 1896 г.), Мижуева въ «Новомъ Словѣ» (іюнь с. г.) и современная лѣтопись «Русскаго Вѣстника» (августъ с. г.), гдѣ идетъ рѣчь о бывшихъ въ Петербургѣ рабочихъ стачкахъ на фабрикахъ, немало помогаютъ намъ уяснить себѣ, въ чемъ заключается суть фабричнаго вопроса, гдѣ кроются его язвы, и каковы наилучшія средства врачеванія этихъ язвъ. Пользуясь главнымъ образомъ перечисленными печатными трудами, дополненными личными наблюденіями надъ бытомъ московскихъ фабричныхъ рабочихъ, постараюсь ознакомить читателей съ условіями труда на фабрикахъ, съ

тѣмъ, что уже сдѣлано нашимъ правительствомъ для нормировки труда и рабочаго времени, а также съ тѣми желаніями, которыя высказываются нашей печатью на пользу благополучнаго и справедливаго рѣшенія этого обострившагося въ послѣднее время вопроса, столь шумно заявившаго себя настоящимъ лѣтомъ въ Петербургѣ.

...«Было время, когда въ Россіи фабричный рабочій получалъ вознагражденіе за свой трудъ не въ томъ размѣрѣ, какой ему приходился по договору, вслѣдствіе разнаго рода злоупотребленій со стороны предпринимателей,—говоритъ въ главѣ «О заработной платѣ» г. Михайловскій.—Такъ, напримѣръ, заработокъ выдавался въ сроки неопредѣленные; часто рабочіе по цѣлымъ мѣсяцамъ ждали полученія платы, а до тѣхъ поръ принуждены были, для поддержанія своего существованія, или занимать деньги у постороннихъ, иногда за большіе проценты, впадать такимъ образомъ въ долги, или забирать необходимые предметы потребленія въ кредитъ, что также имъ обходилось не дешево. Произволъ въ наложеніи штрафовъ на рабочихъ за прогулъ, нарушеніе порядка за неисправную работу, а также въ опредѣленіи размѣровъ штрафа, доходилъ, благодаря отсутствію въ законѣ на то надлежащихъ указаній, до крайнихъ предѣловъ, до того, что рабочій иногда не получалъ и одной трети изъ договоренной платы. Такія полезныя по существу своему и даже благодѣтельныя для рабочихъ учрежденія, какъ фабричныя лавки, въ рукахъ хозяина обращались иногда въ орудіе эксплуатаціи, служа очень выгодною статьею дохода. Удаленіе съ фабрики рабочихъ безъ уважительныхъ причинъ было явленіемъ зауряднымъ; точно также нерѣдко были случаи, когда заработная плата фабрикантомъ самовольно понижалась до истеченія срока найма, вопреки договору, прямо или косвенно, путемъ, напримѣръ сокращенія числа рабочихъ дней или часовъ».

Такая обрисовка дѣла, имѣвшая мѣсто до изданія закона 1886 г. «о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ и о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности» заслуживаетъ серьезнаго вниманія и тѣмъ болѣе, что она исходитъ отъ лица оффиціальнаго и напечатана въ оффиціальномъ выставочномъ изданіи, гдѣ, какъ я уже говорилъ выше, разныя стороны жизни Россіи по большей части представлены съ казовой стороны. Болѣе обстоятельно и откровенно говорятъ на ту же тему другіе изслѣдователи фабричнаго быта. И. Янжулъ въ своемъ «Отчетѣ» за 1882—1883 гг. дѣлаетъ слѣдующіе неутѣшительные выводы относительно осмотрѣнныхъ имъ московскихъ фабрикъ: ....«6) Взаимныя права и обязанности хозяевъ и рабочихъ крайне неопредѣленны, что ведетъ за собою произволъ и значительное неудобство для обѣихъ сторонъ. 7) Расплата съ рабочими на большинствѣ фабрикъ не регулярна, совершается въ неопредѣленные точно сроки, что влечетъ за собою для рабочихъ

сильную зависимость отъ хозяевъ и неудовлетворительное экономическое положеніе... 8) Средняя выработка рабочихъ —низкая, гораздо ниже..., иностранной, и еще болѣе умаляется, благодаря: а) многочисленнымъ и произвольнымъ штрафамъ и вычетамъ; б) высокимъ цѣнамъ харчей въ фабричныхъ лавкахъ, при фактической невозможности со стороны рабочихъ, вслѣдствіе неправильной съ ними расплаты, закупать припасы на сторонѣ; в) ростовщичеству старость и г) невоздержанности самихъ рабочихъ. 9) Жилыя рабочія помѣщенія на большинствѣ фабрикъ неудовлетворительны, и первыя, какъ общія правила, вездѣ слишкомъ переполнены. Нечистоплотность и отсутствіе необходимой вентиляціи воздуха составляютъ обыденныя явленія на большинствѣ нашихъ фабрикъ. 10) Недостаточное огражденіе механизмовъ, огнеопасность многихъ фабричныхъ построекъ, отсутствіе правильнаго удаленія отбросовъ и вообще недостаточность мѣръ къ устраненію вредныхъ условій производства — все это влечетъ за собою сильную болѣзненность рабочихъ и частые случаи несчастій на фабрикахъ, сколько нибудь точной регистраціи которыхъ почти нигдѣ не существуетъ. 11) Медицинская помощь на большинствѣ фабрикъ фиктивна, требованія объ обязательномъ содержаніи на фабрикахъ больницъ исполняются большею частъ внѣшнимъ образомъ. 12) Бань, пріютовъ, библіотекъ, сберегательныхъ кассъ и другихъ подобныхъ учрежденій при московскихъ фабрикахъ слишкомъ мало».

Гг. Дементьевъ и Святловскій вывели изъ своихъ осмотровъ фабричныхъ заведеній въ Московской губерніи, Малороссіи и Привислянскомъ краѣ не болѣе утѣшительные выводы. Названными авторами сгруппирована масса фактовъ и статистическихъ данныхъ, служащихъ яркими иллюстраціями ко всему сказанному гг. Михайловскимъ и Янжуломъ. Хотя авторъ «Заработной платы» и пытался увѣрить насъ, что съ вступленіемъ въ силу закона 1886 года «о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ» дѣло коренным образомъ измѣнилось, позволяю себѣ, однако, усомниться, чтобы это было дѣйствительно такъ на дѣлѣ. Трудно представить себѣ, чтобъ сотнею лѣтъ сложившійся порядокъ безвозвратно отошелъ въ вѣчность въ одно десятилѣтіе; по крайней мѣрѣ мои личныя наблюденія въ Москвѣ и все слышанное мною по этому предмету отъ вполнѣ компетентныхъ лицъ не подтверждаютъ розовыхъ заключеній автора-оптимиста. Многое, конечно, подъ воздѣйствіемъ закона и энергичнаго напора фабричныхъ инспекторовъ измѣнилось, но многое еще живетъ доселѣ, какъ крѣпкое наслѣдіе старины, коему придетъ конецъ только въ пучинѣ грядущаго времени. Вотъ почему, я полагаю, не лишне будетъ привести здѣсь кое-что изъ богатой коллекціи иллюстрацій, собранной г.г. Дементьевымъ и Святловскимъ.

VI.

Заработная плата на фабрикахъ дѣлится на двѣ категоріи: одна болѣе высокая—безъ харчей, и болѣе низкая—съ харчами. Средній мѣсячный заработокъ взрослаго рабочаго на своихъ харчахъ достигаетъ суммы—13 руб. 50 коп., женщины—10 руб. 47 коп. и малолѣтнихъ—5 руб. 35 коп.; съ хозяйскими харчами: 6 руб. 98 коп., 4 руб., 2 руб. 43 коп. Разница, получаемая отъ сопоставленія этихъ чиселъ, должна бы была составить стоимость продовольствія рабочаго; вмѣстѣ съ тѣмъ, по вычисленію спеціалистовъ, харчеваніе рабочихъ, при мало-мальски сносномъ хозяйствѣ, обходится отъ 3 руб. до 6 руб. 69 коп. Полученная разница составляетъ чистый доходъ владѣльца фабрики и завода. Обращаясь къ той же заработной платѣ, мы видимъ, что она бываетъ довольно разнообразная—окладное жалованье (годовое и сезонное), поденная плата и сдѣльная плата со штуки, съ пуда и проч. вырабатываемыхъ предметовъ. Сравнивая эти платы съ таковыми же въ Англіи и Америкѣ, мы непреложно убѣждаемся, что у насъ онѣ стоятъ много ниже, нежели въ названныхъ странахъ (на 124 и 379 процентовъ), при значительно большемъ количествѣ потраченныхъ рабочихъ часовъ.

Штрафная система, подобно харчевымъ операціямъ, составляла для заводчиковъ и фабрикантовъ прежде тоже не малую статью доходовъ. Штрафы на промышленныхъ заведеніяхъ существуютъ самые разнообразные: за нетрезвое поведеніе (штрафъ 25 коп.—3 руб.), кулачный бой (до 1 рубля), картежная игра (до 5 р.), кража табаку и папиросъ (2 рубля съ отнятіемъ уворованнаго), приводъ постороннихъ лицъ (3 руб.), неосторожное обращеніе съ огнемъ (1 руб.—5 руб.) и множество другихъ. Приведя образецъ умѣренной штрафной системы въ Привислянскомъ краѣ, докторъ Святловскій говоритъ: «Какъ ни ничтоженъ процентъ штрафныхъ денегъ, но, если допустить, что штрафныя деньги... поступаютъ въ карманъ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, то и тогда, для всего Варшавскаго округа съ его 125—150 тысячъ фабричныхъ рабочихъ, это составитъ отъ 95—125 тысячъ. А, принимая вообще среднюю норму заработной мѣсячной платы въ 15 руб. (что выше дѣйствительности), на эту сумму владѣльцы заводовъ въ теченіе мѣсяца могутъ содержать отъ 6,000—8,000 даровыхъ рабочихъ». Великую язву фабричной жизни составляли лавки при фабрикахъ, гдѣ продукты ходкаго потребленія продавались по повышенной по сравненію съ базарной цѣнѣ. Г. Святловскій приводитъ любопытную вѣдомость цѣнъ продуктовъ въ одной изъ лавокъ Харьковской губерніи, что даетъ ему возможность сдѣлать слѣдующее заключеніе:

«...Означенная лавка, говоритъ онъ, взимаэтъ со своихъ покупателей среднимъ числомъ отъ 30—100% выше рыночной цѣны. Съ 1-го сентября 1884 года по 1-е сентября 1885 года оборотъ лавки былъ 12,240 руб. 94 коп., всего за это время выработано срочными и поденными рабочими фабрики 11,090 рублей 3 коп., изъ коихъ, по признанію бухгалтера фабрики, взято рабочими товаромъ по ордерамъ конторы (на заслуженное жалованье или въ кредитъ) на 2,101 руб. 78 коп., то-есть почти на 20% жалованья выдано товаромъ». На одномъ изъ сахарорафинадныхъ заводовъ кочегаръ заявилъ г. Святловскому, что, работая нѣсколько лѣтъ на заводѣ, онъ ни разу не видѣлъ въ своихъ рукахъ жалованья. «Фабричная лавка Ф. Осипова на хуторѣ Софіевкѣ не только продаетъ провизію,—повѣствуетъ тотъ же авторъ,—но отпускаетъ родителямъ работающихъ на фабрикѣ малолѣтокъ и подростковъ въ счетъ ихъ заработка различные сельско-хозяйственные продукты: сѣно, солому и пр. Одинъ изъ спичечныхъ фабрикантовъ сознался, что лавка даетъ ему возможность вознаграждать себя за потерю задатковъ, остающихся за рабочими». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имперіи доходъ съ лавокъ являлся на столько значительнымъ, что покрывалъ съ лихвою убытки фабрики, такъ что не лавка состояла при фабрикѣ, а наоборотъ—фабрика при лавкѣ, привлекая для послѣднихъ извѣстное число постоянныхъ потребителей. Закономъ 1886 года произволу въ штрафныхъ деньгахъ и операціямъ лавокъ положенъ конечный предѣлъ.

Г. Михайловскій даетъ утѣшительное описаніе жилыхъ помѣщеній рабочихъ при фабрикахъ; совсѣмъ иную картину рисуютъ остальные изслѣдователи. Г. Святловскій, сдѣлавъ описаніе ряда фабрикъ съ точки зрѣнія ихъ жилыхъ помѣщеній, констатируетъ, что въ большинствѣ изъ нихъ количество воздуха, приходящееся на человѣка, ниже 1 куб. саж., чѣмъ нарушается основное правило гигіены, по коему указанное количество воздуха является тѣмъ минимумомъ, «ниже котораго не могутъ идти компромиссы науки съ практикой, даже въ крайнихъ случаяхъ». Отмѣтивъ неблагопріятное помѣщеніе рабочихъ на фабрикѣ, а также на занимаемыхъ ими частныхъ квартирахъ, почтенный изслѣдователь констатируетъ также крайне неудовлетворительное, губительное въ санитарномъ отношеніи, состояніе ретирадовъ и носильнаго платья, а также отсутствіе бань, этого лучшаго діэтическаго и гигіеническаго средства для поддержанія чистоты и опрятности тѣла. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ Привислянскомъ краѣ бытовыя условія жизни рабочихъ нѣсколько лучше, чѣмъ, напримѣръ, въ Московскомъ раіонѣ, относительно котораго г. Дементьевъ пришелъ къ совершенно безотраднымъ выводамъ.

Разсмотрѣвъ чрезвычайно детально фабричный вопросъ въ самомъ широкомъ его смыслѣ по слѣдующимъ главнымъ и ос-

новнымъ пунктамъ: со стороны связи фабричныхъ рабочихъ съ земледѣліемъ, количества (напряженность) работы на фабрикахъ, заработной платы фабричныхъ рабочихъ, вліянія фабрикъ на физическія качества населенія, накопивъ массу воистину потрясающихъ по своему значенію статистическихъ данныхъ, нарисовавъ рядъ драматическихъ въ соціальномъ и экономическомъ отношеніи картинъ, талантливый писатель приходитъ къ слѣдующему печальному заключенію: «Куда же уходятъ послѣ 40 лѣтъ рабочіе съ менѣе здоровыхъ занятій и въ особенности рабочіе, обрабатывающіе волокнистыя вещества? На кладбище. Но лишь немногіе изъ нихъ умираютъ на фабрикахъ. Нашъ рабочій идетъ умирать «на родину». Сплошь и рядомъ онъ знаетъ свою деревню лишь по наслышкѣ отъ отца, да изъ своего паспорта, но достаточно, если онъ знаетъ о существованіи тамъ какого нибудь родственника,—онъ идетъ «на родину». Найдутся статистики, которые докажутъ намъ на основаніи безусловно вѣрныхъ цифръ ошибочность нашего взгляда на фабрику и укажутъ на болѣе высокую смертность въ деревнѣ и на меньшую въ болѣе «культурныхъ центрахъ»—на фабрикахъ. Но земскіе врачи, знающіе населеніе своихъ участковъ и ведущіе по собственной инидіативѣ посемейные списки заболѣваемости и смертности, и пока только они одни знаютъ истинную причину этой высокой смертности: городъ и фабрику. Они знаютъ, что на другой же день по пріѣздѣ «на родину» вернувшійся съ фабрики рабочій будетъ сидѣть въ ихъ амбулаторіи со всѣми признаками различныхъ неизлѣчимыхъ легочныхъ страданій и по прошествіи очень короткаго времени будетъ отмѣченъ въ ихъ спискахъ: «умеръ отъ чахотки». Результатъ, по мнѣнію изслѣдователя, современныхъ условій существованія фабричныхъ рабочихъ идетъ къ прогрессирующему вымиранію «слабѣйшихъ» и прогрессивному ухудшенію физическихъ качествъ населенія, то-есть къ вырожденію расы.

Пессимистическій взглядъ автора на бытъ фабричныхъ рабочихъ побуждаетъ его произнести и грозную филиппику противъ фабрики вообще... «Не сокративъ продолжительности труда ни на іоту, фабрика увеличила его тягость тою невозможною обстановкой, въ какую она поставила рабочаго, какъ ставила всегда и вездѣ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, въ дѣло не вмѣшалась государственная власть..., утверждаетъ г. Дементьевъ. Промѣнявъ убогую, покривившуюся, но *свою* избенку па монументальную фабрику, бросивъ свою на половину не обезпечивавшую его (но далеко не всегда по недостатку) землю, бросивъ домашнее производство въ видѣ ли кустарнаго или въ видѣ поставки товара «на фабрику» (контору), бросивъ потому, что у него вырвала изъ рукъ эту работу настоящая, машинная фабрика, съ которою онъ боролся до послѣдняго предѣла пониженія своей заработки, бросивъ все и придя съ семьей на ту же фабрику продавать свой трудъ,—

что получилъ рабочій? Физическую и нравственную гибель... Превращая день въ ночь, истощая до крайности силы рабочихъ только за одно обезпеченіе отъ голода, фабрика разрушила лишнюю для нея семью и стерла у рабочаго весь тотъ и безъ того ограниченный кругъ нравственныхъ понятій и традицій, которыми живетъ наша деревня. Потерявъ прежнія, можетъ быть, и невѣжественныя, можетъ быть, и отсталыя отъ вѣка узы нравственности и обычая, что получилъ фабричный рабочій взамѣнъ? Но если вся его жизнь проходитъ въ работѣ, въ снѣ и кабакѣ,—гдѣ, когда и у кого могъ бы онъ получить что либо? При всѣхъ тѣхъ условіяхъ работы и жизни нашихъ фабричныхъ рабочихъ, какъ они были описаны нами, существованіе семьи немыслимо, нравственное же и умственное одичаніе рабочаго сдѣлало ее даже лишнею, ни къ чему не нужною обузой и упростило отношенія половъ... до простоты отношеній ихъ на скотномъ дворѣ». Окончательное мнѣніе автора то, что вмѣшательство государственной власти въ постановку вопроса о бытѣ рабочихъ на фабрикѣ является существенно необходимымъ. Перейдемъ и мы теперь къ разсмотрѣнію того, въ какихъ формахъ вылилось у насъ въ Россіи это вмѣшательство, но прежде чѣмъ сдѣлать сводку постановленій законодательной власти по этому предмету, позволю себѣ остановить вниманіе читателей и на свѣтлыхъ, хотя бы и единичныхъ явленіяхъ фабричной жизни, которыя мнѣ лично приходилось наблюдать, а также которыя уже отмѣчены литературой.

VII.

На бумажной фабрикѣ въ Добруджѣ Могилевской губ. директоръ фабрики г. Стульчинскій въ интересахъ рабочихъ уменьшилъ рабочій день, сокративъ его съ 12 час. въ сутки до восьми часовъ, т. е. двѣ двѣнадцати-часовыхъ смѣны рабочихъ были замѣнены тремя восьми-часовыми (см. ст. г. Мижуева въ «Новомъ Словѣ», № 9); равнымъ образомъ были сдѣланы значительныя прогрессивныя реформы на Лигатской фабр. въ г. Ригѣ, на Варшавской фабр. «Сочевка» и въ особенности на Раменской бумагопрядильной и ткацкой фабрикѣ товарищества «П. Малютина сыновья», въ Бронницкомъ уѣздѣ, въ 42 верстахъ отъ Москвы. Обо всѣхъ перечисленныхъ фабрикахъ имѣются обширныя свѣдѣнія въ брошюрѣ д-ра Домбровскаго «Бытъ фабричныхъ рабочихъ по даннымъ 1-й Всероссійской гигіенической выставки». Особеннаго вниманія заслуживаетъ организація Раменской фабрики, гдѣ устроены отличный родильный пріютъ, ясли, школа, народная читальня; введены усовершенствованные способы освѣщенія, отопленія, вентиляціи, очистки нечистотъ и т. д., на отсутствіе чего въ большинствѣ фабрикъ жаловались и г. Дементьевъ, и г. Янжулъ, и г. Святловскій.

И мнѣ удалось побывать на одномъ заводѣ, гдѣ введенъ совершенно новый строй рабочей жизни. Заводъ этотъ (котельный)— инженера А. В. Бари, бесѣду съ которымъ я привелъ выше. Я не стану по недостатку мѣста описывать оригинальной постройки этого завода съ его крышей въ видѣ опрокинутой воронки широкаго діаметра, еще не оцѣненной нашими инженерами, не стану описывать и, такъ сказать, лагернаго, подвижного способа работъ во всевозможныхъ углахъ Россіи фирмы почтеннаго инженера. Остановлюсь лишь на рабочемъ режимѣ, установленномъ энергичнымъ хозяиномъ. Рабочій день на заводѣ г. Бари измѣряется всего лишь десяти-часовой работой, причемъ это сокращеніе рабочаго времени не имѣетъ никакого вліянія на размѣръ заработной платы: она выше платы на остальныхъ фабрикахъ на 10%. Система штрафнаго наказанія совершенно здѣсь изгнана, а увольненія рабочихъ практикуются только въ исключительныхъ случаяхъ. Рабочіе получаютъ въ день отъ завода совершенно безплатно по 6 кусковъ сахару на человѣка и чай 2 раза въ день, безъ всякаго ограниченія порціи, а также обѣдъ, состоящій изъ двухъ блюдъ: 1) супа съ мясомъ (порція $^1/_2$ ф.) и 2) каши съ саломъ, при чемъ хлѣба можно потреблять въ волю.

Я явился на заводъ экспромтомъ съ однимъ изъ своихъ товарищей по работѣ изслѣдованія торгово-промышленной Москвы и регистраціи фабрикъ и засталъ рабочихъ за обѣдомъ. Представьте себѣ длинный деревянный баракъ (къ сожалѣнію, нѣсколько темноватый), гдѣ за столами, раздѣленные на десятки, съ своими десятскими во главѣ, сидятъ тихо, чинно цѣлыхъ 700 человѣкъ. Ложки быстро мелькаютъ въ воздухѣ, и проголодавшіеся на тяжеломъ трудѣ рабочіе въ волю насыщаются вкуснымъ, здоровымъ и безплатнымъ обѣдомъ. Не думайте, чтобъ ихъ порціи супа (при мнѣ была картофельная мясная похлебка и каша) были на нѣмецкій манеръ аккуратно развѣшаны и опредѣлены. Нѣтъ — хочетъ десятокъ еще ѣсть, десятскій беретъ опорожненную миску, идетъ къ буфетной стойкѣ, и фельдшеръ, наблюдающій за кухнею, наливаетъ новую: кушайте, молъ, братцы, на здоровье, набирайтесь силъ—онѣ нужны заводу.

— Не думайте, говорилъ мнѣ при свиданіи А. В. Бари, чтобъ мною руководили какія нибудь филантропическія затѣи. Я кормлю рабочихъ за свой счетъ потому, что мнѣ это выгодно. Ихъ ѣда (9—10 коп. на человѣка въ день) меня не разоритъ, а напротивъ даетъ прибыль на количествѣ и качествѣ работъ. Я экономизирую здоровье, время, расположеніе духа рабочихъ и тѣмъ выиграю только въ барышахъ. Подумайте только: русскій рабочій, существовавшій доселѣ впроголодь и кормившійся разной мерзостью, вдругъ получаетъ вволю хлѣба, мясной супъ, кашу и излюбленный имъ чай,—подумайте только, каковъ отсюда долженъ быть подъемъ его духа, его самочувствіе, и вы поймете, почему онъ работаетъ у

меня самымъ добросовѣстнымъ образомъ, и почему случаи увольненія съ моего завода рѣдки. Здѣсь не возникнетъ вопроса о стачкахъ, и я рѣшительно не знаю, какъ отбояриться отъ предложенія рабочихъ рукъ. Большинство моихъ рабочихъ живутъ у меня годами, а есть и такіе, которые всецѣло принадлежатъ заводу уже десять—двѣнадцать лѣтъ и которые успѣли, благодаря существованію сберегательной кассы, скопить себѣ тысячный капитальчикъ.

Дѣйствительно, подъѣзжая къ заводу, вы уже издалека видите большой аншлагъ, оповѣщающій о существованіи сберегательной кассы государственнаго банка при заводѣ г. Бари. Еженедѣльно, по субботамъ, сюда пріѣзжаетъ чиновникъ ко времени расчета и принимаетъ отъ рабочихъ сбереженія, пока тѣ еще не перешагнули порога конторы и не успѣли насладиться прелестью сосѣднихъ кабаковъ.

Пріемный покой при заводѣ представляетъ собою образецъ порядка и чистоты, но что важнѣе всего — заболѣвшіе рабочіе сохраняютъ свою заработную плату въ теченіе первой недѣли въ полномъ размѣрѣ, а потомъ въ половинномъ. Этотъ остроумный и гуманный порядокъ повелъ къ тому, что количество больныхъ на заводѣ значительно сократилось: рабочему нечего перемогаться, и онъ прямо идетъ къ доктору. Два-три дня полнаго отдыха на хорошей пищѣ быстро возстанавливаютъ желѣзное здоровье русскаго мужика, и онъ спѣшитъ изъ скучной больничной комнаты снова къ своему молоту и станку. Семьи умершихъ также не остаются на міру: заводъ принимаетъ на себя заботу о нихъ, и вдовы, въ видѣ пожизненной пенсіи, получаютъ половину годичнаго заработка покойныхъ мужей. Нечего и говорить, что европейски образованный инженеръ, г. Бари, сумѣлъ устроить на заводѣ усовершенствованныя ретирады, дезинфицируемыя паромъ, отличную вентиляцію и прекрасное освѣщеніе всѣхъ отдѣленій завода. Въ текущемъ году г. Бари имѣетъ въ виду устроить для рабочихъ квасоварню и бе з платную баню.

Два часа, проведенные мною здѣсь, на заводѣ, на живописномъ берегу Москвы рѣки, остаются лучшимъ воспоминаніемъ моей московской поѣздки: я видѣлъ уголокъ, гдѣ русскому чернорабочему живется сытно и хорошо, гдѣ около него имѣются интеллигентные люди, которые цѣнятъ его, и какъ силу нравственную, и какъ великолѣпное живое орудіе производства. Если бы примѣръ г. Бари, основанный на практическомъ и умномъ расчетѣ, нашелъ себѣ побольше подражаній,—я увѣренъ, г. Дементьеву не довелось бы приходить въ отчаяніе и предавать вообще фабрику проклятію. Но пока, увы! такіе, какъ г. Бари, болѣе чѣмъ малочисленны, и на остальныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ приходится дѣйствовать не примѣромъ, а карою закона и сильнымъ контролемъ правительственныхъ чиновниковъ.

VIII.

Хаотическое состояніе фабричнаго дѣла, основаннаго на несправедливой эксплоатаціи рабочихъ, побудило правительство вмѣшаться въ отношенія между фабрикантами и рабочими и стать на стражѣ интересовъ послѣднихъ. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было изданіе 1-го іюня 1882 г. закона о работѣ и образованіи малолѣтнихъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ, и одновременно учрежденіе особой инспекціи для надзора за этими правилами.

Законъ о работѣ малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ на заводахъ и фабрикахъ сводится къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ (см. ст. «Промышленное законодательство въ Россіи» И. А. Давидова въ изданіи «Фабрично-заводская промышленность» и тамъ же уже знакомая статья г. Михайловскаго): малолѣтніе въ возрастѣ 12—15 лѣтъ отъ роду не могутъ быть занимаемы работою болѣе 8 часовъ въ сутки, не включая времени, потребнаго на завтракъ, обѣдъ, ужинъ, посѣщеніе школы и на отдыхъ. При этомъ работа не должна продолжаться долѣе 4 часовъ сряду. Дѣти же, не достигшія 12 лѣтъ, къ работамъ совсѣмъ не допускаются; малолѣтніе, имѣющіе менѣе 15 лѣтъ, не могутъ быть занимаемы работою между 9 часами вечера и 5 часами утра, а также въ воскресенье и высокоторжественные дни. Малолѣтнихъ воспрещается допускать къ такимъ производствомъ или входящимъ въ составъ иныхъ отдѣльнымъ работамъ, которыя по своимъ свойствамъ вредны для здоровья или изнурительны. Владѣльцамъ фабрикъ, заводовъ и мануфактуръ предоставляется открывать при заведеніяхъ школы для первоначальнаго обученія малолѣтнихъ рабочихъ; при этомъ фабриканты обязаны предоставлять малолѣтнимъ возможность посѣщать эти школы, или находящіяся вблизи народныя училища, не менѣе 3-хъ часовъ ежедневно или 18-ти часовъ въ недѣлю. Подростки въ возрастѣ 15—17 лѣтъ и всѣ вообще лица женскаго пола не могутъ быть занимаемы работою между 9 часами вечера и 5 часами утра въ промышленныхъ заведеніяхъ, учрежденныхъ для производствъ: хлопчатобумажнаго, полотнянаго, шерстянаго, льнопрядильнаго, льнотрепальнаго и смѣшанныхъ тканей.

Настоящій законъ допускаетъ, однако, и исключенія, благодаря которымъ онъ въ версіи 1886 г. сдѣлалъ значительный шагъ въ сторону регресса. Дѣло въ томъ, что въ 1884 году былъ возбужденъ вопросъ по почину фабрикантовъ Петербургской губерніи о необходимости уничтожить путемъ законодательнымъ ночныя работы для рабочихъ всѣхъ категорій и во всѣхъ производствахъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя по свойству своему не допускаютъ перерыва въ работѣ. Это гуманное ходатайство не было,

однако, удовлетворено правительствомъ «въ виду сильныхъ протестовъ со стороны предпринимателей другихъ частей Россіи, —такъ сообщаетъ г. Михайловскій, — и ограничились только воспрещеніемъ ночныхъ работъ нѣкоторымъ категоріямъ рабочихъ и въ извѣстныхъ производствахъ». При этомъ, въ виду ходатайства фабрикантовъ центральной Россіи, рабочій день увеличенъ для малолѣтнихъ и женщинъ на 2 часа въ сравненіи съ тѣмъ, что было установлено закономъ 1882 года, и настолько же сокращена ночь, которую признано считать съ 10 часовъ вечера до 4 часовъ утра. Работы взрослыхъ мужчинъ ни законодательство 1882 года, ни законодательство 1886 года совершенно не коснулось, вслѣдствіе чего, согласно установившемуся обычаю, взрослые фабричные рабочіе продолжаютъ и понынѣ работать во всякое время дня и ночи, точно такъ же, какъ и во всѣ дни года; въ этомъ отношеніи никакого ограниченія, кромѣ ихъ сомнительной доброй воли, для нихъ не существуетъ. Это послѣднее обстоятельство и послужило толчкомъ къ петербургскимъ забастовкамъ нынѣшняго лѣта, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Закономъ же 1-го іюня 1886 года была учреждена особая инспекція, вѣдущая фабричныя дѣла, на которую первоначально былъ возложенъ надзоръ за исполненіемъ правительственнаго распоряженія о работѣ малолѣтнихъ, и которая законами 1886 года и 14-го марта 1894 года была окончательно организована съ значительнымъ расширеніемъ ея правъ и обязанностей. Въ настоящее время надзоръ за соблюденіемъ на фабрикахъ и заводахъ должнаго благоустройства и порядка принадлежитъ мѣстному губернскому начальству и осуществляется при содѣйствіи губернскихъ по фабричнымъ дѣламъ присутствій, чиновъ фабричной инспекціи и полиціи. На губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія, состоящія подъ предсѣдательствомъ губернатора, возлагаются: 1) изданіе обязательныхъ постановленій о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работъ и при помѣщеніи ихъ въ фабричныхъ зданіяхъ, а также въ отношеніи врачебной помощи рабочимъ; 2) рѣшеніе дѣлъ о нѣкоторыхъ формальныхъ нарушеніяхъ, учиненныхъ завѣдующими фабриками или заводами въ первый и второй разъ; 3) разсмотрѣніе жалобъ на распоряженія чиновъ инспекціи по нѣкоторымъ предметамъ и отмѣна въ подлежащихъ случаяхъ означенныхъ распоряженій; 4) составленіе дополнительныхъ правилъ, касающихся отношеній къ фабричному или заводскому управленію подручныхъ рабочихъ, а равно рабочихъ, работающихъ артелью или на отрядъ; 5) разрѣшеніе въ подлежащихъ случаяхъ сомнѣній, встрѣчаемыхъ чинами инспекціи при исполненіи ими своихъ обязанностей.

Обращаясь къ разсмотрѣнію обязанностей чиновъ фабричной инспекціи, не трудно убѣдиться, что таковыя въ современной ихъ

постановкѣ почти невыполнимы[1]). Изъ моего личнаго знакомства съ дѣятельностью фабричной инспекціи въ Москвѣ я вынесъ такое убѣжденіе, что ни одинъ правительственный органъ, кромѣ развѣ наружной полиціи, не обремененъ такою массою отвѣтственной работы, какъ эти радѣтели рабочихъ. Фабричный инспекторъ въ своемъ участкѣ долженъ быть спеціалистомъ чуть ли не по всѣмъ сторонамъ жизни: отъ него требуется спеціальность доктора, юриста, техника, полицейскаго чиновника; онъ не знаетъ покоя ни днемъ, ни ночью и прямо изъ своего пріемнаго кабинета, гдѣ пришлось выслушать массу жалобъ, разобрать рядъ недоразумѣній, онъ долженъ, чуть ли не крадучись, попасть на фабрику, чтобъ застать все здѣсь совершенно врасплохъ. Съ опасностью для жизни онъ лѣзетъ въ резервуаръ, содержащій паровой котелъ, осматриваетъ его и, выйдя весь пропитанный сажей и грязью, тутъ же садится по всѣмъ правиламъ судейской практики составлять протоколъ о встрѣченныхъ дефектахъ и упущеніяхъ. Сфера обязанностей фабричнаго инспектора по законамъ 1882 и 1886 г.г. была болѣе ограничена. Нынѣ же (съ 1894 года), когда г. министру финансовъ благоугодно было призвать на эту дѣятельность почти исключительно техниковъ, на ихъ долю выпало совмѣстить въ своихъ лицахъ расширенныя обязанности прежнихъ фабричныхъ инспекторовъ съ повышенными обязанностями былыхъ губернскихъ механиковъ. «Призывая на должность фабричныхъ инспекторовъ лицъ съ техническимъ образованіемъ, — говоритъ С. Ю. Витте въ «Наказѣ» чинамъ фабричной инспекціи,—къ тому же практически знакомыхъ съ обстановкою и условіями производствъ, я вправѣ ожидать, что имъ удастся осуществить не только проведеніе закона въ жизнь, но проведеніе его разумно, послѣдовательно, безъ нарушенія справедливыхъ интересовъ самой промышленности. Фабричная инспекція въ теперешнемъ ея составѣ можетъ принести пользу нашей промышленности и въ другомъ отношеніи: во многихъ мѣстностяхъ техника производствъ нуждается въ существенныхъ улучшеніяхъ, и фабричные инспектора своими техническими совѣтами могутъ явиться проводниками этихъ улучшеній».

Мнѣ же лично сдается, что фабричной инспекціи, какъ она нынѣ поставлена, именно не удастся сдѣлать что либо существенное для улучшенія нашей промышленности. Весьма вѣроятно, благодаря энергіи ея чиновъ, сборы съ паровыхъ котловъ будутъ поступать въ казну исправнѣе, самые эти паровые котлы будутъ содержаться въ большемъ порядкѣ, многія злоупотребленія въ вопросѣ о работѣ малолѣтнихъ и женщинъ будутъ устранены, какъ равно будутъ по полюбовному соглашенію улаживаться денежные расчеты между фа-

---

[1]) См. объ этихъ обязанностяхъ подробно въ «Наказѣ чинамъ фабричной инспекціи», а также въ упомянутыхъ главахъ «Фабрично-заводской промышленности».

брикантами и рабочими, но затѣмъ фабричной инспекціи не остается рѣшительно времени, при наличности 24 часовъ въ сутки, для какой нибудь личной иниціативы или новаторства въ дѣлѣ развитія фабричной техники. Ко всѣмъ бѣдамъ сюда присоединяется еще и обычная въ Россіи египетская казнь: инспекцію не по ея винѣ заѣдаетъ бумагописаніе, канцеляризмъ и всякаго рода отчетность, въ которую сплошь и рядомъ невозможно втиснуть разныя части быстро-вращающагося аппарата современной жизни. Не смотря, однако, на эти неблагопріятныя обстоятельства, не смотря на рутинность русской жизни, на противодѣйствіе со стороны владѣльцевъ фабрикъ [1]) и заводовъ, а также на недостаточно энергичное содѣйствіе со стороны полиціи, не смотря на все это, фабричной инспекціи, тѣмъ не менѣе, благодаря ея въ большинствѣ случаевъ прекрасному составу, удалось уже достигнуть въ заводско-фабричномъ дѣлѣ, со стороны его соціальной постановки, чрезвычайно многаго. Уже одно то, что тѣлесныя наказанія малолѣтнихъ и даже взрослыхъ, столь часто прежде практиковавшіяся въ промышленныхъ заведеніяхъ, переходятъ мало-по-малу подъ воздѣйствіемъ гг. фабричныхъ инспекторовъ въ область исторіи и преданій,—уже одно это для культуры русской жизни чего нибудь да стоитъ!

Отъ разсмотрѣнія гуманныхъ и прогрессивныхъ мѣропріятій правительства на пользу фабрично-заводскаго дѣла вполнѣ послѣдовательно перейти къ тѣмъ сторонамъ этого дѣла, куда еще не проникло просвѣщенное воздѣйствіе нашей законодательной власти. Здѣсь на первомъ мѣстѣ выдвигаются два наиболѣе существенныхъ вопроса—о нормировкѣ рабочаго дня и объ обязательномъ страхованіи рабочихъ.

IX.

Вопросъ «о нормировкѣ рабочаго дня въ Россіи» не представляетъ собою въ настоящее время чего нибудь неразрѣшимаго; онъ уже достаточно разработанъ нашей литературой и наукой, по немъ собрано множество статистическихъ свѣдѣній, и онъ же на нѣкоторыхъ фабрикахъ, о чемъ я имѣлъ случай говорить, болѣе или менѣе удачно уже разрѣшенъ. Можно надѣяться, что недалеко то время, когда онъ сдѣлается предметомъ правительственнаго всесторонняго обсужденія и получитъ свою законодательную формулировку.

Извѣстный ученый И. М. Сѣченовъ въ своемъ докладѣ обществу любителей естествознанія (1893 г.) «Физіологическіе критеріи для установки длины рабочаго дня» [2]) переноситъ весь вопросъ о нормировкѣ рабочаго дня въ область физіологіи и говоритъ по этому

[1]) См. «Отчетъ за 1885 г. фабричнаго инспектора Московскаго округа» проф. И. И. Янжула.

[2]) «Программы чтенія для самообразованія», Спб., 1895.

предмету, что вопросъ этотъ сводится на рѣшеніе, «въ какомъ наибольшемъ отношеніи могутъ стоять другъ къ другу по продолжительности время работы и время отдыха въ теченіе дня, безъ того, чтобы утомленіе отъ работы даннаго дня переходило на работу слѣдующаго». По мнѣнію почтеннаго ученаго, время дополнительнаго отдыха къ непрерывной работѣ въ 8—9 часовъ должно быть перенесено на время 8-ми-часоваго сна, то-есть, основываясь на чисто-физіологическихъ научныхъ данныхъ, г. Сѣченовъ является сторонникомъ 8-ми-часоваго рабочаго дня.

Въ любопытной статьѣ «О вліяніи сокращенія рабочаго дня на производительность труда» («Новое Слово», 1896 г., № 9) г. Мижуевъ изъ сопоставленія данныхъ о жизни русскаго фабричнаго и главнымъ образомъ англійскаго рабочаго приходитъ къ выводу, что въ отношеніи продолжительности рабочаго дня первый поставленъ въ гораздо худшія условія, нежели его англійскій собратъ, благодаря чему и производительность русскаго рабочаго не можетъ сравняться съ производительностью послѣдняго. Г. Мижуевъ—сторонникъ 8-ми-часоваго рабочаго дня и желаетъ воздѣйствія на фабрикантовъ въ этомъ направленіи со стороны законодательной власти. «Фабричная промышленность можетъ процвѣтать лишь при высокой производительности труда, высокая производительность труда немыслима при длинномъ рабочемъ днѣ. Это, конечно, труизмъ, который, однако, постоянно забывается, по крайней мѣрѣ, у насъ. Не говоря уже о томъ, что слишкомъ продолжительный рабочій день исключаетъ всякую возможность для рабочихъ воспользоваться какими бы то ни было повторительными или дополнительными классами, объ организаціи которыхъ начинаютъ говорить у насъ, въ интересахъ поднятія общихъ и техническихъ знаній въ народѣ, онъ исключаетъ въ рабочихъ всякую охоту и убиваетъ всякую способность къ усвоенію какихъ бы то ни было знаній вообще».

Г. Погожевъ въ статьяхъ, посвященныхъ нормировкѣ рабочаго дня (Новое Время, 1896 г., №№ 7,309, 7,311), собралъ чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о взглядѣ на этотъ предметъ разныхъ обществъ и учрежденій. Такъ мы узнаемъ, что VI съѣздъ русскихъ врачей въ память Пирогова, происходившій въ апрѣлѣ текущаго года, постановилъ ходатайствовать передъ правительствомъ въ интересахъ жизни и здоровья рабочихъ о сокращеніи рабочаго времени въ наиболѣе вредныхъ и опасныхъ производствахъ. Затѣмъ еще въ началѣ 1894 года Лодзинское отдѣленіе общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ постановило также ходатайствовать передъ министерствомъ финансовъ о законодательномъ ограниченіи рабочаго времени предѣлами отъ 9-ти до 12-ти часовъ въ сутки примѣнительно къ условіямъ различныхъ отраслей промышленности, съ обязательнымъ перерывомъ, по край-

ней мѣрѣ, на одинъ часъ для обѣда. Московское общество содѣйствія развитію и улучшенію мануфактурной промышленности проектируетъ установить двѣнадцати-часовой рабочій день, то-есть узаконить то, что уже существуетъ и безъ того на значительномъ числѣ русскихъ фабрикъ. Самъ г. Погожевъ держится того мнѣнія, что «въ практическомъ отношеніи можно теперь удовлетвориться даже законодательной нормировкой рабочаго дня въ 11—12 часовъ, какъ предлагаютъ московскіе, лодзинскіе, владимірскіе и другіе фабриканты. Остальное довершитъ дальнѣйшій торгово-промышленный опытъ, до сихъ поръ являющійся самымъ надежнымъ союзникомъ законодательныхъ реформъ по улучшенію фабричнаго быта».

Я уже имѣлъ случай упомянуть о дѣйствіяхъ г. Стульчинскаго на бумажной фабрикѣ въ Добруджѣ, сократившаго день дневныхъ рабочихъ до 9-ти часовъ эффективной работы, рабочій же день тѣхъ, кто работалъ посмѣнно днемъ и ночью—до 8-ми часовъ. Что же далъ новый порядокъ вещей? «Въ результатѣ оказалось,—писалъ г. Стульчинскій по этому предмету Обществу для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ («Новое Слово», № 9),—что не только рабочіе не предавались больше прежняго пьянству, но напротивъ единственный мѣстный кабачекъ исчезъ, и вмѣсто него имѣется теперь чайная, гдѣ отпускаютъ лишь небольшія количества пива или водки. Теперь почти никогда не слышно, чтобы въ понедѣльникъ рабочій, вмѣсто того, чтобы идти на фабрику, шелъ опохмеляться». Кромѣ того, фабричная молодежь обратилась къ чтенію, образовала музыкальный оркестръ и хоръ. «Все это было невозможно при прежнемъ 12-ти-часовомъ рабочемъ днѣ,—утверждаетъ почтенный директоръ фабрики,—такъ какъ для совершенно уставшаго рабочаго возможно только одно удовольствіе: водка, которая быстро возстановляетъ упавшую жизненную энергію. Должны ли ждать,—такъ заключаетъ свой отчетъ г. Стульчинскій,—того времени, когда и у насъ, въ Россіи, рабочіе черезъ посредство стачекъ и иными подобными способами станутъ добиваться лучшихъ условій существованія? Не разумнѣе ли было бы по собственной инпціативѣ удѣлить имъ хотя незначительную долю тѣхъ преимуществъ, которыми мы (фабриканты) пользуемся, благодаря покровительственному тарифу и дешевому труду рабочихъ?»

Слова г. Стульчинскаго оказались пророческими: стачки вспыхнули съ текущаго лѣта въ Петербургѣ и именно изъ-за нормировки рабочаго времени. Какъ сообщаетъ «Русскій Вѣстникъ» (1896 г., № VIII) со словъ «Правительственнаго Вѣстника», забастовки на петербургскихъ фабрикахъ продолжались съ 24 мая по 17 іюня, охватили собою 19 фабрикъ, и въ нихъ участвовало до 14,712 человѣкъ. Дѣйствія рабочихъ на всѣхъ фабрикахъ были одинаковы. Они начинались сравнительно небольшою группою изъ подручныхъ, впослѣдствіи—мюльщиковъ; остальная масса, составлявшая значитель-

ное меньшинство, примыкала къ нимъ послѣ нѣкотораго колебанія; забастовщики вели себя чинно, не подавая повода къ обвиненію въ нарушеніи порядка или въ попыткѣ возбужденія такого же движенія на другихъ заводахъ и фабрикахъ, на которыхъ въ это время работы не прерывались. Главныя требованія забастовщиковъ сводились къ ограниченію рабочаго дня 12 часами, отъ 7 часовъ утра до 7 часовъ вечера, съ перерывомъ на 1½ часа для обѣденнаго отдыха; чтобы въ точности было опредѣлено начало работъ согласно правиламъ внутренняго распорядка, и чтобы прекращена была чистка машинъ во время обѣденнаго перерыва; кромѣ того, рабочіе жаловались на грубое обращеніе нѣкоторыхъ мастеровъ, на взятки и вымогательства подмастерьевъ. «Мирное, хотя и незаконное уклоненіе рабочихъ отъ обязанностей, принятыхъ ими на себя относительно фабрикантовъ, разорительное для обѣихъ сторонъ», побудило правительство энергично вмѣшаться въ могущее разростись движеніе, разъяснить рабочимъ незаконность ихъ поведенія, устранить наиболѣе упорствующихъ и возстановить въ сравнительно короткое время мирное теченіе жизни на охваченныхъ пламенемъ забастовокъ фабрикахъ и заводахъ. Сообщая о петербургскихъ фабричныхъ событіяхъ, вполнѣ консервативный «Русскій Вѣстникъ», который трудно заподозрѣть въ пристрастіи къ новшествамъ, дѣлаетъ отсюда слѣдующій выводъ: «Что касается собственно «рабочаго вопроса», то здѣсь правительство въ состояніи, безъ особеннаго труда, урегулировать отношенія рабочихъ и фабрикантовъ, устранить поводы къ взаимнымъ неудовольствіямъ между ними и вообще создать положеніе, выгодное для обѣихъ сторонъ... У насъ есть полная возможность предотвратить образованіе условій, которыя на Западѣ стали уже неизмѣнными, какъ бы естественными. Выгода нашего положенія заключается еще и въ томъ, что наша правительственная власть обладаетъ всѣмъ необходимымъ авторитетомъ для вразумленія обѣихъ сторонъ. Вѣдь нельзя допустить, чтобы правительство не обратило вниманія на такую, напримѣръ, аномалію, какъ четырнадцатичасовой рабочій день или безплатное пользованіе временемъ рабочаго до и послѣ работъ (для пусканія въ ходъ механизмовъ, уборки и тому подобное). А, обращая вниманіе на всѣ эти несовершенства, мы не только отдалимъ призраки грознаго «вопроса», но и въ конецъ уничтожимъ возможность его появленія».

Намъ остается сказать въ заключеніе объ обязательномъ страхованіи рабочихъ. Дѣло это тоже будущаго и пока въ этомъ направленіи ничего еще у насъ не сдѣлано. Въ литературѣ по вопросу о страхованіи особенно много поработалъ профессоръ здѣшняго университета В. Г. Яроцкій, книга котораго «Страхованіе рабочихъ» доставила ему даже ученую степень доктора политической экономіи. Компетентный представитель науки выступилъ на Нижегородскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ съ чрезвычайно-содержательнымъ

рефератомъ объ «отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими», имѣющимъ ближайшее отношеніе и къ вопросу объ обязательномъ страхованіи. Заключительные выводы его богатаго содержаніемъ доклада сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: «въ видахъ вспомоществованія рабочему классу безъ причиненія неумѣреннаго обремененія владѣльцамъ промышленныхъ предпріятій, подлежало бы: во-первыхъ, ввести общее государственное вспомоществованіе рабочимъ, получившимъ при работахъ на промышленныхъ заведеніяхъ увѣчье или иное, происходящее отъ свойства работы, поврежденіе въ здоровьѣ, уничтожающія или сокращающія трудоспособность потерпѣвшихъ, а въ случаѣ причиненія имъ, при производствѣ работъ, смерти—ихъ семействамъ; во-вторыхъ, съ таковой цѣлью установить сборъ со всѣхъ промышленныхъ заведеній, по числу рабочихъ или суммы производимой заработной платы (или же по тому и другому одновременно), съ раздѣленіемъ такого сбора, сообразно степени опасности, представляемой различными производствами, на нѣсколько категорій; въ-третьихъ, уплату сбора возложить на обязанность владѣльцевъ предпріятій, безъ всякаго участія въ томъ со стороны рабочихъ, и, въ-четвертыхъ, размѣръ постоянныхъ вспомоществованій поставить въ зависимость, съ одной стороны, отъ полученнаго потерпѣвшимъ годоваго заработка, съ ограниченіемъ максимальнаго размѣра для сего послѣдняго извѣстной суммой (несравненно низшей противъ предполагаемаго) и съ введеніемъ прогрессивнаго уменьшенія, въ процентномъ отношеніи, размѣра вспомоществованій при возвышеніи, въ предѣлахъ помянутаго максимальнаго размѣра, годовой заработной платы, а съ другой стороны—отъ общей суммы имѣющихся на выдачу такихъ пособій средствъ».

Г. Яроцкій въ своемъ докладѣ разбираетъ также существующій и имѣющій быть современемъ разрѣшеннымъ въ законодательномъ порядкѣ проектъ министерства финансовъ объ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій за увѣчья и смерть рабочихъ, гдѣ категорически признана обязательность для владѣльцевъ вознагражденія рабочихъ и ихъ семей въ указанныхъ случаяхъ. Я не стану отчасти по недостатку мѣста, отчасти по несвоевременности, останавливаться на этомъ проектѣ: какъ слышно, со времени его опубликованія («Новое Время», 1893 года, № 6130) въ его редакціи, а по нѣкоторымъ пунктамъ и по существу, уже успѣли быть произведены нѣкоторыя измѣненія, такъ что говорить о проектѣ до его опубликованія въ новой версіи затруднительно. Отмѣчу лишь, что г. Яроцкій, повидимому, освѣдомленный въ настроеніи министерства по этому предмету, и общественный дѣятель, на мнѣнія котораго можно положиться, удостовѣряетъ, что законопроектъ министерства заслуживаетъ сочувствія и поддержки.

Такимъ образомъ мы видимъ, что и печать разныхъ оттѣнковъ,

и единичныя лица, и отдѣльныя общественныя группы, и, наконецъ, сама правительственная власть — всѣ, безъ исключенія, признаютъ, что назрѣло уже время окончательно упорядочить фабричное законодательство въ тѣхъ его частяхъ, на которыя указано въ настоящей главѣ. Наше отечество, по свойству своей законодательной власти, стоитъ въ этомъ отношеніи въ чрезвычайно благопріятныхъ условіяхъ. Можно надѣяться, что оно чутко отнесется къ раздающимся по фабричному вопросу общественнымъ голосамъ и со свойственной ему энергіей успѣшно разрѣшитъ его.

Б. Глинскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Д. И. Иловайскій. Мелкія сочиненія, статьи и письма. Выпускъ второй. Москва. 1896.

ПИСАТЬ о г. Иловайскомъ чрезвычайно опасно: онъ не признаетъ критическаго разбора своихъ трудовъ и оцѣнки своихъ мнѣній—онъ требуетъ только и только славословія и похвалъ. Горе тому, кто позволитъ себѣ въ чемъ либо съ нимъ не согласиться! Московскій ученый направляетъ къ груди дерзновеннаго остріе своей литературной шпаги и повергаетъ бездыханный трупъ противника во прахъ, о каковомъ подвигѣ немедленно и спѣшитъ оповѣстить публику. И сколько такихъ славныхъ подвиговъ удалось ему совершить за послѣднее время—загляните только въ книгу подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, и вы убѣдитесь, что она представляетъ собою сплошной синодикъ убіенныхъ остроуміемъ, талантливостью, высокими познаніями г. Иловайскаго. Вотъ они столь знакомые намъ нѣкогда покойники, вотъ они воздвигнутые его мужественной рукой могильные холмы, на коихъ значатся имена: гг. Стасюлевичъ, Пыпинъ, Слонимскій, Лавровъ, Гольцевъ, профессоръ Платоновъ, профессоръ Чупровъ, Шубинскій, Суворинъ, Мерцаловъ, Безобразовъ и т. д., и т. д. Длинная вереница могильныхъ крестовъ уходитъ въ даль, свидѣтельствуя намъ о славномъ и непобѣдимомъ имени Димитрія Ивановича Иловайскаго. Что въ сравненіи съ нимъ покойный Катковъ! Публицистъ Страст-

ного бульвара сражался противъ русской (и преимущественно петербургской) прессы, окруженный сонмомъ витязей изъ «Московскихъ Вѣдомостей», а Димитрій Ивановичъ въ единственномъ числѣ всѣхъ зоветъ на смертный бой! Даже редакція «Русскаго Вѣстника» и та ему не можетъ угодить. Онъ смотритъ на нее презрительно, съ высоты своего ученаго и публицистическаго величія и напоминаетъ ей укоризненно о нѣкогда славныхъ годинахъ катковской редакціи. Впрочемъ, и Катковъ его не всегда удовлетворяетъ, и авторъ многочисленныхъ и въ высшей степени оригинальныхъ учебниковъ подчасъ, при упоминаніи покойнаго издателя «Московскихъ Вѣдомостей», грозно хмуритъ свои брови. Ну, а про другія изданія нечего и говорить: всѣ они ненаучны, всѣ они антинаціональны! Перелистайте только внимательно журналы и газеты—«Вѣстникъ Европы», «Новое Время», «Русскую Мысль», «Историческій Вѣстникъ», «Русскія Вѣдомости», «Новости», «Сѣверный Вѣстникъ», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (ухъ! усталъ даже перечислять!), и вы несомнѣнно проникнетесь сознаніемъ, что всѣ реченныя изданія вредны и гроша мѣднаго не стоятъ. Но пусть читатель утѣшится: существуютъ «Московскія Вѣдомости», гдѣ печатаются отъ времени до времени высокопоучительныя статьи и разсужденія г. Иловайскаго —читайте эти «Вѣдомости» и проникайтесь сознаніемъ величія автора упомянутыхъ статей. Не думайте, чтобы онъ только разсуждалъ здѣсь по предмету своей спеціальности—русской исторіи. Нѣтъ, г. Иловайскій блестяще и вполнѣ убѣдительно развиваетъ свои мысли по всевозможнымъ вопросамъ. Экономистъ, философъ, политикъ, критикъ, государственный мужъ—онъ все въ себѣ вмѣщаетъ и другого подобнаго ему нѣтъ въ современной русской жизни! Пока, правда, современники не оцѣниваютъ его заслугъ передъ отечествомъ, какъ это по большей части бываетъ съ великими людьми, но настанетъ, конечно, время, когда въ Москвѣ на какой нибудь Болотной площади ему будетъ воздвигнутъ памятникъ въ родѣ памятника Минину и Пожарскому, а городской муниципалитетъ переименуетъ хотя бы Спасо-Болвановскій переулокъ въ «улицу Иловайскаго» на манеръ петербургской «улицы Глинки». Смѣю надѣяться, что Бѣлокаменная догадается это сдѣлать; недаромъ же почтенный публицистъ съ грустью заявляетъ въ предисловіи къ настоящему выпуску своихъ сочиненій: «До какой бы степени ни обострились отношенія ко мнѣ противниковъ строго-національнаго направленія во всѣхъ общественныхъ сферахъ, и какъ бы ни были они многочисленны при моей, въ данный моментъ почти одиночной, борьбѣ съ ними посредствомъ печатнаго слова, я твердо уповаю, что въ концѣ концовъ историческая правда восторжествуетъ, хотя бы лично мнѣ и не пришлось дожить до этого торжества». И я также глубоко убѣжденъ, что «историческая правда восторжествуетъ»—будетъ воздвигнутъ и памятникъ на Болотной площади, состоится и переименованіе Спасо-Болвановскаго переулка!

Долженъ ли я послѣ всего сказаннаго касаться разсужденій г. Иловайскаго по существу? Нѣтъ, я не смѣю этого дѣлать, не смѣю осквернять святыни: съ каждой строки льетъ на меня свѣтъ строго-національнаго направленія, и я подавленъ борьбою г. Иловайскаго съ современниками по всѣмъ вопросамъ жизни. Это эпическая борьба, и она дождется своего Гомера. Я же

ограничусь только указаніемъ нѣкоторыхъ, такъ сказать, авто-біографическихъ чертъ, о коихъ намъ повѣдалъ знаменитый историкъ и несравненный публицистъ. Во-первыхъ, мы узнаемъ съ его словъ, что евреи вообще его «уважаютъ, какъ историка»; во-вторыхъ, что никто больше его не имѣетъ права въ настоящее время писать въ защиту русскаго народа; въ-третьихъ, что при посѣщеніи имъ города Рязани, гдѣ въ мѣстной гимназіи г. Иловайскій кончилъ курсъ, онъ не былъ встрѣченъ никакими знаками почестей; въ-четвертыхъ, что въ этой гимназіи (о ужасная гимназія!) совсѣмъ не введены его учебники; въ-пятыхъ, что онъ, г. Иловайскій, не можетъ похвалиться, чтобы его экономическія ручательства обратили на себя какое либо вниманіе современниковъ (вотъ горе-то!) и имѣли бы какой либо практическій результатъ; въ-шестыхъ, что его старые рязанскіе пріятели и знакомые вмѣсто того, чтобы внимать его мудрымъ словамъ и наслаждаться съ нимъ бесѣдою, заставляютъ его слушать игру на фортепіано ихъ 12-ти лѣтнихъ дочерей; въ-седьмыхъ... но довольно! Приведеннаго изъ сочиненій г. Иловайскаго, кажется, достаточно, чтобъ судить о степени неблагодарности современниковъ. Какая драма, достойная творчества Шекспира, раскрывается передъ нами: великій мужъ пріѣзжаетъ послѣ многолѣтняго отсутствія въ родной городъ, чтобъ повѣдать мѣстнымъ гражданамъ свои великія мысли о грядущихъ судьбахъ Россіи, и... никакой встрѣчи, ни одного спича, ни одного народнаго праздника: только 12-ти-лѣтняя дѣвочка однимъ пальчикомъ нескладно проиграла чижика... О черная неблагодарность! о родъ людской, достойный слезъ и смѣха!

В. Глинскій.

А. А. Исаевъ. Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства. (Вліяніе экономическихъ фактовъ на общественную жизнь.—Народники.—Общественное хозяйство современной Россіи.—Будущность русскаго общественнаго хозяйства). Спб. 1896.

Наша экономическая публицистка за послѣдніе годы занимается гаданіями и предсказаніями о томъ, что предстоитъ въ ближайшемъ и болѣе отдаленномъ будущемъ «народному хозяйству обширнаго нашего отечества». Въ различныхъ журналахъ послѣдователи Кифы Мокіевича, памятуя разсужденія о томъ, что было бы, если бы слонъ родился не нагишомъ, какъ звѣрь, а въ яйцѣ, какъ птица, и какой невѣроятной толщины должно бы было быть это яйцо, оживленно полемизируютъ, пройдетъ ли Россія, или нѣтъ, «фазисъ капитализма», появится ли въ ней «четвертое сословіе» для осуществленія чаяній соціализма, или нѣтъ, и каковы-то будутъ силы и роль этого капитализма и этого четвертаго сословія. Одни изъ этихъ мудрецовъ утверждаютъ, что какъ Россія ни велика, а попасть ей въ скорлупу капитализма и выйти оттуда уже соціалистической державой; другіе, напротивъ, говорятъ, что если бы Россія и попала въ скорлупу, то это лишь замедлило бы ея экономическія метаморфозы, и потому, согласно предположенію Кифы Мокіевича, заблаговременно направляютъ противъ воображаемой скорлупы тяжелую артиллерію общины, артели и пр. Несмотря на всю невинность этой занимательной полемики, нѣкоторые профес-

сора сочли ее достойной своего просвѣщеннаго вниманія и посвятили свои досуги публицистическимъ произведеніямъ на тему о гаданіяхъ и предсказаніяхъ. Такова между прочимъ и книга профессора Исаева. Почтенный ученый, оставляя на время роль преподавателя, въ которой онъ такъ рѣзко выдѣляется своимъ мастерствомъ изложенія и разъясненія основныхъ началъ и теорій своего предмета, выступаетъ какъ бы посредникомъ между нашими доморощенными мудрецами, принимая въ отношеніи обѣихъ сторонъ положеніе скептическаго наблюдателя. Новоявленнымъ россійскимъ представителямъ такъ называемаго экономическаго матеріализма, полагающимъ, что имъ достовѣрно извѣстны всѣ фазисы хозяйственной жизни государствъ, и потому прозрѣвающимъ, подобно Улиссу у Тирезія, всю будущность Россіи, проф. Исаевъ указываетъ на малое правдоподобіе ихъ посылокъ и опирающихся на эти посылки предсказаній, а къ ихъ противникамъ, такъ называемымъ народникамъ, обращается съ доказательствами недостаточности артелей и общины для отвращенія отъ Россіи предрекаемаго экономическими матеріалистами господства капитализма, котораго, впрочемъ, и самъ склоненъ ожидать, хотя въ меньшихъ сравнительно съ предвѣщаемыми размѣрахъ. Разсматривая этотъ грядущій «фазисъ капитализма», какъ нѣкоторую инфекціонную государственную болѣзнь, проф. Исаевъ полагаетъ, что перенести эту болѣзнь Россія сможетъ легко и даже съ пользою для себя только при «широкомъ развитіи и укрѣпленіи общечеловѣческихъ правъ». Конечно, это гораздо громче и заманчивѣе, чѣмъ какой-нибудь экономическій матеріализмъ, предсказывающій «будетъ, что будетъ» и «чему быть, того не миновать», или народники, «вѣрующіе», что артельное и общественное начало кореннымъ образомъ отличаютъ русскую хозяйственную жизнь отъ западно-европейской. Кромѣ того, скептическое отношеніе къ предсказаніямъ всякаго рода всегда и солиднѣй, и выгоднѣе, чѣмъ вѣра и благоговѣніе, такъ какъ сбывшееся предсказаніе, хотя и обезоружитъ сомнѣніе, но не дискредитируетъ его заднимъ числомъ, а не сбывшееся—только подкрѣпитъ и увѣнчаетъ. Въ общемъ, конечно, проф. Исаеву едва ли стоило «на бушующее море» полемизирующихъ экономистовъ «лить примирительный елей» своего либеральнаго скептицизма; но съ другой стороны для интересующихся этой бурей въ стаканѣ воды его книга можетъ быть весьма любопытна и поучительна, тѣмъ болѣе, что она написана со всѣми достоинствами проф. Исаева: ясно, точно, очень опредѣленно и послѣдовательно.

В. Никольскій.

М. И. Демковъ. Исторія русской педагогіи. Часть I. Древне-русская педагогія (X—XVII вв.). Изданіе журнала «Гимназія». Ревель. 1896.

Задача, которую поставилъ себѣ авторъ настоящаго изслѣдованія, настолько же интересна, насколько трудна и обширна: это—«свести воедино разбросанные факты изъ исторіи нашего воспитанія и образованія». Семь лѣтъ (какъ заявляется въ предисловіи) посвятилъ авторъ на разработку этого вопроса, и

все-таки далеко не справился съ трудностями своей темы. Г. Демковъ «свелъ воедино» лишь самую небольшую часть «разбросанныхъ фактовъ изъ исторіи нашего воспитанія и образованія», и при томъ далъ сводъ чисто механическій, нанизывая факты лишь по хронологической связи и подолгу пережевывая не идущія къ дѣлу мелочи и подробности. Вниманіе читателя утомляется, а яркой картины, живаго представленія о предметѣ изслѣдованія—нѣтъ. Совершенно вѣрно говоритъ авторъ, что «извѣстія о воспитаніи отдѣльныхъ лицъ составляютъ немаловажный источникъ» по избранному имъ предмету, и «что этимъ путемъ мы, между прочимъ, можемъ составить себѣ понятіе о первоначальномъ воспитаніи въ семьѣ», но такія сухія, блѣдныя, совершенно безцвѣтныя біографіи, какія даетъ авторъ (напр., преп. Сергія Радонежскаго, Максима Грека, Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго), не сообщаютъ намъ живаго понятія о методахъ воспитанія въ древней Руси. Не менѣе вѣрно и то, что «мысли о воспитаніи разбросаны безъ системы въ общелитературныхъ сочиненіяхъ»; насколько удачно примѣняетъ авторъ къ дѣлу это правило, можно усмотрѣть изъ анализа произведеній Іоанникія Голятовскаго (191—194), Лазаря Барановича (195—196) и отчасти Симеона Полоцкаго (266—268). Вся глава XXII (о Епифаніи Славинецкомъ) имѣетъ лишь отдаленное отношеніе въ темѣ автора (стр. 248—257). Вообще, видно, что авторъ не могъ совладать или не сумѣлъ быть хозяиномъ матеріала, надъ которымъ ему пришлось работать, а всецѣло подавленъ имъ. Попались подъ руку факты о числѣ школъ, о количествѣ учащихся—авторъ говоритъ объ этомъ (стр. 1—8, 138—145, 212—213). Попались данныя о педагогическихъ взглядахъ того или другого лица, объ интересномъ учебникѣ давняго времени, авторъ анализируетъ ихъ, не лѣнясь выписываетъ по двѣ-три стр. сряду (93 — 100, 104 — 108, 126—135, 228—246). Наконецъ, попадется что нибудь совсѣмъ постороннее, къ дѣлу не идущее или мало идущее—авторъ и этому радъ, и это охотно заноситъ на страницы своего изслѣдованія. Не видно ни плана, ни системы.

Обратимся къ разсужденіямъ автора, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ дѣлу. Самостоятельныхъ выводовъ, впрочемъ, немного. Г. Демковъ въ большинствѣ случаевъ призываетъ на помощь какое нибудь авторитетное имя и, позаимствовавшись выпиской изъ чужаго труда, изъявляетъ или свое согласіе, или колебаніе, или сомнѣніе. Дѣло обходится не безъ противорѣчій: такъ, говоря о результатахъ затворничества женщинъ, авторъ въ одномъ случаѣ (стр. 63), ссылаясь на Забѣлина, дѣлаетъ выводъ, что «затворничество женщинъ, принесшее не мало зла и горя русской жизни, имѣло и свои хорошія стороны, сослужило нѣкоторую службу, не допустивъ женщинъ до полнаго отчужденія отъ просвѣщенія», потому де, что запертая въ терему женщина должна была отъ нечего дѣлать наполнить свой досугъ чтеніемъ книгъ. На страницѣ же 310—311, цитируя Котошихина и приведя его мнѣніе о вредномъ вліяніи того же обычая («Московскаго государства женскій полъ грамотѣ неученый... понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ»), авторъ добавляетъ: «женщина, запертая въ теремъ, не принимала участія въ общественной жизни, была необразована и мало могла содѣйствовать правильному воспитанію и

образованію». Нѣкоторые выводы стоятъ въ удивительномъ разногласіи съ цѣлью доказательствъ, приводимыхъ въ подтвержденіе ихъ. Напримѣръ, всѣмъ извѣстно, съ какими подробностями смакуется въ древнерусскихъ сборникахъ система тѣлесныхъ наказаній. «Казни сына твоего, и покоитъ на старость твою» (стр. 95); «не ослабляй біл младенца» (стр. 105); «любяй же сына учащай ему раны» (стр. 121); «казни сына своего измлада» (стр. 133), — вотъ что въ одинъ голосъ говорятъ древнерусскіе сборники, цитируемые авторомъ, и отсюда онъ, ничтоже сумняся, дѣлаетъ выводъ: «они (то-есть сборники) были проводниками христіанскихъ идей о любви, милосердіи, послушаніи» (стр. 136). Своеобразное, во всякомъ случаѣ, милосердіе! Другіе выводы и тезисы автора голословны и весьма спорны. Въ разсужденіяхъ, напримѣръ, о вліяніи церквей, монастырей и духовенства на образованіе, у автора больше благочестиваго чувства, чѣмъ убѣдительности. Говоря о вліяніи храма, авторъ замѣчаетъ: «въ храмахъ они (наши предки) получали уроки вѣры и нравственности въ чтеніи, пѣніи и живомъ словѣ пастырей на понятномъ языкѣ» (стр. 19—20). Это — фраза, не больше, потому что «живое слово пастырей» подлежитъ большому сомнѣнію. Тутъ же о вліяніи духовенства авторъ говоритъ: «съ какимъ уваженіемъ относились къ пастырямъ духовнымъ, можно видѣть изъ лѣтописей и изъ отдѣльныхъ наставленій, разбросанныхъ въ древнерусскихъ сборникахъ» (стр. 21—22). Скорѣе — наоборотъ, потому что при наличности уваженія не было бы никакой надобности такъ часто и такъ упорно повторять о необходимости почитать пастырей, да еще подъ угрозою проклятія (стр. 23). К. Х.

Научно-образовательная библіотека. Токвиль. Старый порядокъ и революція. Переводъ подъ редакціей профессора Московскаго университета П. Г. Виноградова. Москва. 1896.

Трудно указать во всемірной исторіи другое событіе, которое возбуждало бы такой интересъ въ русской публикѣ, какъ французская революція 1789 года. Почти всѣ сколько нибудь замѣчательныя въ иностранной литературѣ сочиненія, посвященныя этому событію, переведены на русскій языкъ, и нѣкоторыя выдержали по два и болѣе изданій. Многія изъ нихъ обладаютъ неоспоримыми достоинствами и вполнѣ оправдываютъ обнаруживаемый къ нимъ интересъ. Но мы смѣло можемъ сказать, что ни одно не можетъ быть поставлено на одну доску съ небольшой книжкой Токвиля «L'ancien régime et la revolution», впервые (во французскомъ оригиналѣ) появившейся въ 1856 году. Настоящій переводъ ея на русскій языкъ по числу уже третій, и это нисколько не удивительно, потому что книга Токвиля достойна того, чтобы занимать мѣсто на полкахъ каждой библіотеки, и прочесть ее почти обязательно для всякаго интеллигентнаго человѣка.

Какъ самъ Токвиль говоритъ въ своемъ предисловіи, его книга не есть исторія революціи; она представляетъ изъ себя лишь введеніе къ этой исторіи, такъ какъ занимается главнымъ образомъ разсмотрѣніемъ стараго порядка — предшественника революціи. И все-таки тотъ, кто не читалъ Токвиля, никогда,

несмотря на знакомство съ наиболѣе капитальными сочиненіями, посвященными исторіи французской революціи, не имѣетъ права сказать, что онъ вполнѣ ознакомленъ съ этой исторіей. Онъ будетъ знать факты, имена, дни и мѣсяцы, но не будетъ въ состояніи вполнѣ ясно представить себѣ ту послѣдовательную цѣпь причинъ и слѣдствій, которая привела старую королевскую Францію къ страшному перевороту, кажущемуся на первый взглядъ чѣмъ-то необъяснимымъ и случайнымъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ представляетъ самый естественный и необходимый выводъ изъ всего предшествовавшаго хода французской исторіи. Что это было именно такъ, что революція не была нисколько неожиданностью, и доказываетъ намъ Токвиль въ своей книгѣ.

Краткими, но ясными чертами характеризуетъ онъ предъ нами особенности стараго порядка, указываетъ на то, что большинство явленій, родоначальницей которыхъ обыкновенно признаютъ революцію, таилось въ зародышѣ въ самой королевской Франціи, такъ что заслуга революціи состоитъ лишь въ томъ, что она послужила къ болѣе ускоренному и болѣе полному ихъ развитію; такъ, напримѣръ, всепоглощающая централизація, полное принесеніе отдѣльной личности въ жертву государству, какъ цѣлому, такъ называемая правительственная опека, были вполнѣ подготовлены старой французской исторіей. Революція только отбросила въ сторону развалины прежней организаціи, давъ такимъ образомъ возможность безпрепятственно войти въ жизнь новымъ началамъ, уже со временъ Ришелье силившимся занять свое мѣсто во французской государственной машинѣ и французскомъ обществѣ. Однимъ изъ такихъ началъ было гражданское равенство, обыкновенно признаваемое главнѣйшимъ завоеваніемъ революціи; еще очень задолго до послѣдней, люди самыхъ различныхъ общественныхъ классовъ стали во Франціи поразительно схожи между собой: «Парижъ, мало-по-малу сдѣлавшійся единственнымъ наставникомъ Франціи, сообщалъ всѣмъ умамъ одинаковую выправку и форму» (стр. 97). Между тѣмъ среди этой однообразной толпы все еще существовало огромное количество маленькихъ перегородокъ въ видѣ различія правъ, раздѣлявшихъ ее на множество частей, и внутри каждой подобной ячейки заключалось какъ бы особое общество, занятое только своими собственными интересами и не участвовавшее въ жизни цѣлаго. Революція мгновенно опрокинула всѣ эти перегородки, не встрѣтивъ себѣ въ этомъ почти никакого противодѣйствія со стороны ослабленнаго раздѣленіемъ на множество отдѣльныхъ группъ общества,—и французы, столь схожіе между собой по духу и столь различные по правамъ, безъ всякаго затрудненія слились въ одну компактную и однородную массу—французскій народъ.

Завоеваніями революціи также признаютъ обыкновенно независимость судебной власти отъ административной и свободу совѣсти и труда. Какъ та, такъ и другая, по мнѣнію Токвиля, не только были вполнѣ подготовлены старой Франціей, но отличались при ней даже бо́льшимъ развитіемъ, нежели впослѣдствіи, въ дореволюціонный періодъ. Въ старой Франціи «судебный магистратъ былъ несмѣняемъ и не стремился къ повышенію—два обстоятельства, одинаково необходимыя для его независимости» (стр. 134). Что же касается до свободы при старомъ порядкѣ, то ея «въ немъ царило гораздо больше, чѣмъ въ наши

дни; но то была очень своеобразная, неправильная и перемежающаяся свобода, всегда ограниченная предѣлами классовъ, всегда связанная съ идеей изъятій и привиллегій, дозволявшихъ почти столько же презирать законъ, какъ и произволъ, и почти никогда не распространявшая на всѣхъ гражданъ хотя бы самыхъ естественныхъ и необходимыхъ гарантій» (стр. 138). Революція, исполненная народомъ, плохо подготовленнымъ къ самостоятельной дѣятельности, необходимо должна была все разрушить,—и она разрушила также устои этой своеобразной свободы. Между тѣмъ новаго вида свободы политической и общественной она не была въ состояніи дать; страсть къ свободѣ, правда, нѣсколько разъ загоралась въ сердцахъ французовъ, но скоро гасла, потомъ воскресала и гасла вновь, вертясь такимъ образомъ въ какомъ-то заколдованномъ кругу,, поверхностная и мимолетная.

Это-то послѣднее мнѣніе Токвиля, что главной идеей революціи было достиженіе не свободы, а только одного равенства, мнѣніе одностороннее и безусловно ошибочное, признается важнѣйшимъ недостаткомъ его книги; объясняется этотъ недостатокъ тѣмъ, что Токвиль, положивъ бездну труда на изученіе стараго порядка, не успѣлъ съ такимъ же тщаніемъ разобраться въ исторіи самой революціи; эта исторія доказала бы ему, конечно, произвольность нѣкоторыхъ его выводовъ. Другимъ недостаткомъ книги Токвиля приходится признать отсутствіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безпристрастія съ его стороны и любовь къ отступленіямъ—особенно тамъ, гдѣ онъ недоволенъ современнымъ ему порядкомъ вещей по сравненію съ прежнимъ. Нельзя, однако, слишкомъ строго судить его за это, такъ какъ онъ былъ французъ и писалъ о Франціи—предметѣ, для него слишкомъ дорогомъ и близкомъ. «И едва ли позволительно,—говоритъ онъ самъ на стр. 13-ой:—французу ничего не чувствовать, когда онъ говоритъ о своей странѣ и думаетъ о своемъ времени». Вообще говоря, оба указанные недостатка настолько незначительны по сравненію съ огромными и многочисленными достоинствами книги, что мы смѣло еще разъ посовѣтуемъ познакомиться съ ней всякому русскому, желающему имѣть ясное и точное понятіе о причинахъ французской революціи.

Достоинствамъ содержанія соотвѣтствуетъ въ высшей степени правильный и легкій языкъ перевода, чѣмъ послѣдній значительно выигрываетъ по сравненію съ обоими предшествовавшими переводами того же труда. Несмотря на самые тщательные розыски, во всей книгѣ мы замѣтили только одинъ недочетъ,—это передачу слова «généralité» словомъ «губернія», странно звучащимъ для русскаго уха въ приложеніи къ Франціи. Лучше было бы сказать «область» или «округъ». **К. Лосскій.**

Е. И. Утинъ. Изъ литературы и жизни. Журнальныя статьи, этюды, замѣтки. Съ портретомъ автора. 2 т. Спб. 1896.

Покойный Е. И. Утинъ, какъ это было въ свое время отмѣчено въ некрологѣ «Историческаго Вѣстника», не принадлежалъ къ литературнымъ звѣздамъ первой величины, но представлялъ собою прекрасный образецъ даровитаго «хорового писателя». Выйдя цѣликомъ изъ эпохи шестидесятыхъ го-

довъ, онъ бодрой и твердой поступью шелъ въ рядахъ шестидесятниковъ, не оступаясь на своемъ пути и не сбиваясь ни на какіе компромиссы. По счастливымъ условіямъ жизни, онъ рано получилъ возможность стать непосредственно, лицомъ къ лицу, съ западно-европейской культурой, изучить ея исторію и ея представителей. Вернувшись на родину, Утинъ, благодаря несомнѣнному литературному дарованію и влеченію, не похоронилъ своихъ знаній и наблюденій въ нѣдрахъ частной жизни, но сумѣлъ вынести ихъ въ обширную аудиторію русскихъ читателей. Его статьи, появлявшіяся въ «Вѣстникѣ Европы» о Франціи, о Болгаріи, о Вильгельмѣ I и Бисмаркѣ и др., обнаруживали въ немъ тонкое пониманіе условій западно-европейской жизни и заслужили ему репутацію хорошаго политическаго пера. Но не только какъ историческій изслѣдователь вопросовъ политическихъ знакомилъ читателей съ собою публицистъ «Вѣстника Европы», — онъ являлся передъ ними въ роли критика, для котораго вопросы литературы были также близки и родственны, какъ и вопросы сложной политики. Статьи этой категоріи о братьяхъ Гонкурахъ, о Людвигѣ Бёрне, о Гл. Успенскомъ, о Щедринѣ, рисуютъ намъ автора прекрасно изучившимъ трактуемый предметъ и подходящимъ къ каждому разбираемому писателю съ точки зрѣнія его общественнаго значенія. Не эстетическіе, не этическіе, не отвлеченно-философскіе пріемы критики занимаютъ его умъ: его прежде всего интересуетъ отношеніе писателя къ окружающей средѣ, его положеніе въ этой средѣ и отзывчивость къ вопросамъ жизни. «Пробѣгите мысленно исторію литературы, и не только русскую, но европейскую, переберите писателей, оставшихся въ памяти потомства, и что вы увидите?» — спрашиваетъ Утинъ въ очеркѣ о сатирѣ Щедрина и тутъ же отвѣчаетъ: «Сохранились имена только тѣхъ талантовъ, которые двигали общество своими произведеніями по пути прогресса, которые пробуждали добрыя чувства, которые боролись за торжество справедливыхъ началъ надъ несправедливыми, свѣта надъ тьмою, свободы надъ безправіемъ, любви надъ ненавистью. Надъ тѣми же, которые своими произведеніями и выраженными въ нихъ идеями потворствовали низкимъ инстинктамъ современнаго имъ общества, отстаивали общественные предразсудки, становились служителями гнета,—надъ тѣми исторія поставила черный крестъ». Въ этихъ словахъ чрезвычайно рельефно обрисовался критикъ-публицистъ изъ плеяды людей 1860-хъ годовъ, ставившихъ выше и прежде всего успѣхи человѣческаго прогресса. Кромѣ этой отличительной черты, покойный писатель выдавался еще, какъ крайній и убѣжденный западникъ, считавшій долгомъ при каждомъ удобномъ случаѣ громко отстаивать свою принадлежность къ западническому лагерю. «Быть западникомъ»,—говоритъ онъ въ очеркѣ объ Успенскомъ,—«это значитъ быть сторонникомъ той совокупности идей, понятій, воззрѣній, которыя выработаны вѣковою западною цивилизаціею, быть солидарнымъ съ тѣмъ безостановочнымъ развитіемъ, которое совершается въ Западной Европѣ въ сферѣ политической, соціальной, религіозной, нравственной жизни европейскихъ народовъ, купившихъ право на такое развитіе цѣною величайшихъ усилій науки и искусства, величайшихъ переворотовъ и жертвъ». Обращаясь непосредственно къ Россіи, онъ продолжаетъ нѣсколькими строками ниже:

«Мы вовсе не думаемъ... сказать, чтобы у русскаго народа, какъ у всякаго другого народа, не было своихъ особенностей, своего характера, своей физіономіи, своего историческаго пути, но каковы бы ни были чисто національныя черты, онѣ нимало не исключаютъ примѣненія къ нашей жизни явленій общеисторическихъ и тѣхъ просвѣтительныхъ идей, которыя составляютъ наслѣдственное достояніе образованнаго человѣчества». Какъ чистый западникъ, покойный Утинъ былъ горячимъ поборникомъ такъ называемаго правового порядка, и всякое покушеніе на права и свободу людей вызывало въ немъ чувство остраго негодованія. Побуждаемый этимъ чувствомъ, онъ и выступилъ въ печати ярымъ оппонентомъ профессора Сергіевскаго и его извѣстной докторской диссертаціи «Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка»; въ небольшой статьѣ, подъ заглавіемъ «Ходъ назадъ», посвященной этой диссертаціи, публицистъ «Вѣстника Европы» бросаетъ слѣдующія слова, какъ нельзя лучше обрисовывающія его правовыя симпатіи. «До сихъ поръ мы полагали, что авторитетъ государственной власти крѣпнетъ по мѣрѣ того, какъ крѣпнутъ тѣ нравственныя начала, которыми она руководится во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, и которыя она старается укоренить въ самомъ обществѣ; мы думали, что такой авторитетъ усиливается по мѣрѣ того, какъ обезоруживается беззаконіе, и государственная жизнь обставляется большими и большими гарантіями, обезпечивающими права какъ частныхъ лицъ, такъ и всего общества». Несомнѣнно даровитый, съ большими познаніями, Утинъ старательно отдѣлывалъ свои очерки и статьи, которые, благодаря такому отношенію автора къ своему труду, всегда представляли собою для читателей пріятное и полезное чтеніе. Нынѣ собранныя воедино, эти статьи не потеряли своего значенія и послужатъ на долгое еще время хорошимъ подспорьемъ всякому, работающему на поприщѣ исторической публицистики и въ области западно-европейской новѣйшей политической исторіи. **В. Г.**

В. Бѣликовъ. Дѣятельность московскаго митрополита Филарета по отношенію къ расколу. Казань. 1896.

Объемистая (564 стр.) диссертація г. Бѣликова является не болѣе какъ превосходнымъ справочнымъ пособіемъ къ разбросаннымъ по разнымъ изданіямъ мнѣніямъ и сужденіямъ митрополита Филарета о расколѣ. Г. Бѣликовъ добросовѣстно изучилъ извѣстное «Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета», просмотрѣлъ изданныя отдѣльно «Письма митрополита Филарета къ высочайшимъ особамъ и разнымъ другимъ лицамъ», не оставилъ безъ вниманія напечатанныхъ въ послѣднее время въ духовныхъ журналахъ писемъ и резолюцій московскаго святителя, выбралъ изъ этого громаднаго матеріала все относящееся къ расколу и разсортировалъ по рубрикамъ: составилась почтенной величины книга. Чтобы не затруднять себя пересказомъ мнѣній митрополита Филарета, а читателя—справками по подлиннику, г. Бѣликовъ приводитъ сужденія приснопамятнаго владыки въ дословныхъ выпискахъ; и этихъ послѣднихъ гораздо больше, чѣмъ вступительныхъ и заключительныхъ замѣчаній са-

мого автора. Что касается этихъ замѣчаній, то они отнюдь не содержатъ оцѣнки мнѣній митрополита Филарета, отъ каковой авторъ совершенно уклонился; это— простыя указанія, что по такому-то вопросу мнѣніе митрополита Филарета было такое-то, а по такому-то частному случаю онъ писалъ или донесъ то-то. Облегчая себя по возможности, г. Бѣликовъ не счелъ нужнымъ вложить самостоятельный трудъ даже въ составленіе вступительнаго очерка «общій взглядъ митрополита Филарета на расколъ» (стр. 10—30), ограничившись переложеніемъ брошюры г. А. Зыкова «Дѣятельность митрополита Филарета въ борьбѣ съ расколомъ», о чемъ и оговаривается въ примѣчаніи. Отдавая должное добросовѣстности автора, мы удивляемся только вотъ чему: зачѣмъ г. Бѣликовъ вводитъ въ заблужденіе читателя, давая своей книгѣ заглавіе, совершенно не соотвѣтствующее ея содержанію? И это тѣмъ болѣе непонятно, что мысль объ этомъ несоотвѣтствіи, такъ сказать, предносилась и взору автора, потому что въ предисловіи онъ самъ замѣчаетъ: «цѣль нашего изслѣдованія не столько отмѣтить участіе московскаго святителя въ церковно-государственной противораскольнической дѣятельности, сколько систематизировать его мнѣнія по вопросамъ, касающимся раскола» (стр. 9).

Въ предѣлахъ этой послѣдней значительно суженной задачи, трудъ г. Бѣликова выполненъ безукоризненно, систематизація мнѣній сдѣлана умѣло. Раздѣливъ книгу на три части, г. Бѣликовъ въ первой сгруппировалъ мнѣнія митрополита Филарета о духовныхъ мѣрахъ противъ раскола, во второй собралъ мнѣнія о мѣрахъ гражданскаго и полицейскаго характера, а въ третьей—сужденія по разнымъ вопросамъ единовѣрія. Несмотря на это дѣленіе, долженствующее сообщать матеріалу стройность и порядокъ, книга читается съ трудомъ и напряженіемъ, какъ и всякій сборникъ голыхъ выписокъ. Приходится лишь пожалѣть, что авторъ пренебрегъ тѣми пріемами изслѣдованія, которыя могли бы сообщить его книгѣ научную цѣнность и интересъ.

Не представляя никакого интереса въ смыслѣ «вклада въ науку», диссертація г. Бѣликова можетъ, однако, дать не мало поучительныхъ свѣдѣній лицамъ, интересующимся судьбами нашего раскола и особенно призваннымъ къ борьбѣ съ нимъ. Какъ извѣстно, митрополитъ Филаретъ былъ стойкимъ защитникомъ мысли о цѣлесообразности гражданскаго давленія на расколъ. Московскій іерархъ подробно опредѣлилъ, почему и въ какихъ случаяхъ вмѣшательство гражданской администраціи въ дѣла раскола и законно, и желательно, и даже канонически правильно; въ вопросѣ объ общественныхъ, личныхъ и семейственныхъ правахъ раскольниковъ митрополитъ Филаретъ всегда рѣзко возвышалъ голосъ за ограниченіе правъ и весьма удручался, когда его взгляды не находили сочувствія въ высшихъ слояхъ администраціи. Мало того, въ особой запискѣ «о послѣдствіяхъ стѣсненія сектъ и снисхожденія къ нимъ» (стр. 170—178) митрополитъ Филаретъ подвергнулъ вопросъ о русскомъ сектантствѣ нарочитому разсмотрѣнію, привелъ историческія аналогіи и въ заключеніе высказалъ взглядъ, что неизмѣннымъ и систематическимъ правительственнымъ давленіемъ расколъ можно сгладить и даже искоренить.

И вотъ, несмотря на такое убѣжденіе, не смотря на дѣятельность свою въ такомъ духѣ, митрополитъ Филаретъ подъ конецъ своей жизни въ одномъ изъ

своихъ частныхъ писемъ выразилъ слѣдующую истину, которая въ его устахъ звучитъ горечью насмѣшки: «Надобно сказать правду, что и мы недовольно тщательно изучали и употребляли искусство духовно-нравственнаго врачеванія раскольниковъ, охотнѣе опираясь на помощь власти. Надобно возвращаться ближе къ первымъ вѣкамъ христіанства и изощрять оружіе, которое тогда побѣждало міръ—вѣру нашу. Вѣра, ревность по вѣрѣ, самопожертвованіе для служенія Богу и спасенія ближнихъ—сіи должны быть наши средства, наши силы противъ неправославія, невѣрія и нравственнаго растлѣнія». Этимъ «прекраснымъ наставленіемъ приснопамятнаго святителя» г. Бѣликовъ и заканчиваетъ свое сочиненіе, имъ же мы закончимъ и нашу краткую о немъ замѣтку.

К. Х.

召Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ Смутное время. Сочиненіе Ивана Забѣлина. Третье изданіе съ дополненіями. М. 1896.

Широкая ученость, ясность и талантливость изложенія, присущія г. Забѣлину, а также тотъ несомнѣнный интересъ, который возбуждаетъ къ себѣ смутный періодъ русской исторіи, являются главными причинами того обстоятельства, что книга, заглавіе которой мы привели выше, посвященная разработкѣ спеціальныхъ историческихъ вопросовъ, выдерживаетъ третье изданіе въ сравнительно короткій періодъ времени. Это новое изданіе не заключаетъ въ себѣ какихъ либо существенныхъ измѣненій сравнительно съ прежними, хотя г. За бѣлинымъ и внесены въ него нѣкоторыя дополненія. Въ концѣ книги помѣщена прекрасная статья о ростовско-борисоглѣбскомъ затворникѣ Иринархѣ, напечатанная г. Забѣлинымъ первоначально въ журналѣ «Древняя и Новая Россія».

В. Б.

Труды перваго съѣзда русскихъ дѣятелей по печатному дѣлу въ С.-Петербургѣ. Спб. 1896.

Говоря въ прошедшемъ году о первомъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по печатному дѣлу, мы назвали этотъ съѣздъ «неудачнымъ» и усомнились, чтобы изъ благихъ пожеланій участниковъ съѣзда вышло что нибудь практическое. Нашъ пессимизмъ не встрѣтилъ сочувствія, и намъ неоднократно пришлось слышать мнѣніе, что «цыплятъ по осени считаютъ». Но вотъ наступила и эта осень, а именно прошло со времени съѣзда болѣе года и... вопросы, поднятые на съѣздѣ, остались мирно почивающими подъ зеленымъ сукномъ Техническаго общества и иныхъ замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ учрежденій. Всевозможныя проектированныя общества не основались, равнымъ образомъ не образовались прекрасно задуманныя кассы для рабочихъ на случай старости и болѣзни; ничего не сдѣлано для типографскихъ учениковъ; не воздвигнуто общежитій; о праздничномъ отдыхѣ для рабочихъ и помину нѣтъ, а объ упрощеніи цензурныхъ обрядностей даже шепотомъ никто не разговариваетъ. Въ томъ же духѣ можно сказать и по всѣмъ вопросамъ, дебатированнымъ на

съѣздѣ и нынѣ собраннымъ въ одинъ томъ подъ вышеобозначеннымъ заглавіемъ. Такимъ образомъ, черезъ годъ послѣ съѣзда мы имѣемъ всего лишь печатный монументъ съѣзда — его «труды». Какъ будто и немного?.. А впрочемъ подождемъ еще годикъ — авось къ тому времени и совсѣмъ память о съѣздѣ исчезнетъ, и придется сызнова начать хлопоты и о кассѣ, и объ отдыхѣ, и о цензурѣ, и пр., и пр., т. е. повторить басенку про бѣлаго бычка, столь знакомую въ практикѣ русской жизни. По крайней мѣрѣ, выходитъ утѣшительно: все, молъ, обстоитъ дома тихо и спокойно, и никакія новшества намъ не грозятъ. Н. Н.

Письма А. Н. Шемякина къ О. М. Водянскому (1859—1875). Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1896.

А. Н. Шемякинъ, котораго письма къ Водянскому были напечатаны А. А. Титовымъ въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей» за прошлый годъ, принадлежитъ къ числу скромныхъ, но чрезвычайно полезныхъ дѣятелей по разработкѣ нашей старины. Окончивъ курсъ въ 1836 г. въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ, онъ рѣшилъ посвятить себя педагогическому труду и въ теченіе 35 лѣтъ преподавалъ русскій языкъ, географію и исторію сперва въ Романо-Борисоглѣбскомъ уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ гимназіяхъ Ярославской и Владимірской. Судьба провинціальныхъ учителей въ большинствѣ случаевъ бываетъ очень печальна: они погрязаютъ въ окружающей ихъ общественной тинѣ и забываютъ умственные интересы. Не таковъ былъ Шемякинъ: внѣ чисто-педагогической сферы, въ которой онъ былъ весьма выдающимся дѣятелемъ, онъ не забывалъ работы научной и въ изслѣдованіи русской исторіи сумѣлъ отмежевать себѣ такой уголокъ, въ которомъ принесъ очень большую пользу нашей наукѣ. Онъ занялся извѣстіями иностранныхъ путешественниковъ о Россіи и, пользуясь нравственной поддержкой Водянскаго, перевелъ цѣлый рядъ иностранныхъ сочиненій по нашей исторіи. Имъ переведены сочиненія Стрингольма, Марко Поло, Петрея, Фоккеродта, Плейера, Главинича и многія др. Всѣ эти труды помѣщались Шемякинымъ въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей», и такимъ образомъ имя Шемякина имѣетъ очень важное значеніе въ исторіи трудовъ этого общества. Письма, изданныя г. Титовымъ, рисуютъ намъ Шемякина чрезвычайно симпатичными чертами: мы видимъ въ нихъ человѣка, относящагося къ своей литературной дѣятельности необыкновенно добросовѣстно и вмѣстѣ съ тѣмъ не засохшаго въ своемъ ученомъ кабинетѣ, интересующагося и тѣмъ, что дѣлается въ обществѣ. Эта послѣдняя черта придаетъ письмамъ болѣе широкое значеніе: они важны не только для характеристики одной личности автора, но по нимъ мы можемъ узнать кое-что и о провинціальномъ обществѣ 1860-хъ и 1870-хъ годовъ.

А. В—инъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

НОВЫЕ ТРУДЫ ПО ЕГИПТОЛОГІИ. Въ августовской книжкѣ Century Magazine [1]) профессоръ Флиндерсъ Петри помѣстилъ описаніе, съ изящными иллюстраціями, своей замѣчательной находки, въ февралѣ нынѣшняго года, древней надписи фараона Меремптаха, о чемъ уже говорилось въ нашемъ журналѣ. Собственно новаго въ этой статьѣ только характеристика самого фараона и разсказъ о находкѣ его статуи, такъ какъ до сихъ поръ дѣло шло только о камнѣ съ надписью о побѣдахъ фараона. Эти замѣчательныя раскопки нынѣшняго года въ подлинникахъ и снимкахъ выставлены въ настоящее время въ Лондонѣ и составляютъ послѣднее слово въ археологіи Египта. Благодаря имъ, профессоръ Петри, сорока-трехъ-лѣтній ученый, сдѣлался первымъ египтологомъ дня, чего онъ добился пятнадцати-лѣтними усидчивыми работами въ Египтѣ, преимущественно въ Гизѣ и Ѳивахъ. Хотя, по условію съ египетскимъ правительствомъ, онъ долженъ былъ передать въ музей въ Гизѣ всѣ найденные имъ саркофаги фараоновъ съ крупными предметами въ нихъ и половину мелкихъ вещей, но устроенная имъ выставка все-таки чрезвычайно богата диковинами, которыя не только интересны для египтологовъ, но и для изслѣдователей библейской и общечеловѣческой исторіи. «Если намъ когда нибудь суждено понять всѣ историческія тайны въ Библіи и внѣ ея, замѣчаетъ онъ, то орудіемъ для этого долженъ служить заступъ, а матеріаломъ курганъ». Самая статуя Меремптаха, который называется въ Библіи фараономъ съ жестким сердцемъ, чрезвычайно характеристична. Она такъ искусно вытесана въ камнѣ, что лице кажется живымъ и выражаетъ твердость, непреклонность и силу, не лишенную меланхоліи. Судя по характеристикѣ профессора Петри, этотъ фараонъ отличался всѣми достоинствами и недостатками своей расы. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ выказывались гордость, упорство и энергія. Принципомъ

[1]) Pharaoh of The Hard Heart, by prof. Flinders Petrie. Century Magazine. August.

ого было—моя родина, права ли она или нѣтъ. И дѣйствительно онъ мужественно отстаивалъ свою страну отъ нападенія враговъ, а если нерѣдко обнаруживалъ жестокость, то такова была эпоха, въ которой онъ жилъ. Самое дурное его качество заключалось въ томъ, что онъ не обращалъ никакого вниманія на то, что дѣлалось до него, и для своихъ собственныхъ построекъ ломалъ и низвергалъ возведенные его предками храмы. «Хотя, замѣчаетъ Петри, его вообще нельзя сравнить съ Трояномъ, Велизаріемъ и Альфредомъ, но онъ можетъ вполнѣ занять мѣсто среди такихъ государей, какъ Веспасіанъ, Георгъ II или Викторъ-Эммануилъ». Рядомъ со статьей Петри слѣдуетъ поставить вышедшій надняхъ второй томъ великолѣпнаго изданія о древнемъ Египтѣ—Тайлора [1]). Этотъ томъ, какъ и первый, снабженъ прекрасными рисунками и представляетъ описаніе гробницы Себехкнехта, египетскаго принца, жившаго въ эпоху гиксовъ, за 4,000 лѣтъ тому назадъ. Это роскошное изданіе служитъ результатомъ продолжительныхъ работъ по Эль-Кебскимъ раскопкамъ и знакомитъ съ ежедневной жизнью древнихъ египтянъ, какъ въ длинномъ рядѣ чрезвычайно любопытныхъ картинъ, такъ и въ соотвѣтствующемъ, но краткомъ текстѣ.

Къ эпохѣ птоломеевъ относятся два недавно появившихся сочиненія, также на англійскомъ языкѣ: профессора Магаффи—«Имперія Птоломеевъ» [2]), и Бернарда Гренфеля—«Александрійскій эротическій отрывокъ и другіе папирусы, преимущественно Птоломеевской эпохи» [3]). Авторъ первой изъ этихъ книгъ въ своемъ предисловіи указываетъ прежде всего на недостаточность матеріала для составленія исторіи Египта подъ македонской династіей, такъ какъ цари, быстро смѣнявшіеся одинъ за другимъ, отъ Птоломея I до покоренія страны Римомъ, представляли длинный рядъ болѣе или менѣе неспособныхъ правителей, проводившихъ большую часть своихъ царствованій въ междоусобныхъ войнахъ. Чтобы скрасить однообразную и малоинтересную сторону своего предмета, почтенный ученый наполняетъ страницы своего труда любопытными свѣдѣніями о новѣйшихъ открытіяхъ по внутренней исторіи Египта не только временъ Птоломеевъ, но и болѣе раннихъ эпохъ. Эти картины правительственнаго строя, общественной жизни и религіозныхъ вѣрованій египтянъ составляютъ самую интересную часть книги Магаффи, которая, однако, и относительно политическихъ событій иногда высказываетъ новые оригинальные взгляды. Такъ онъ опровергаетъ фактическими данными легенды о сожженіи александрійской библіотеки во время занятія этого города Цезаремъ и объясняетъ своеобразнымъ психологическимъ образомъ поведеніе Клеопатры во время битвы при Акціумѣ, ссылаясь на авторитетъ Декарта, который, оказывается, высказалъ подобный же взглядъ. Между новыми теоріями, проводимыми профессоромъ Магаффи и бросающими яркій свѣтъ на темныя стороны исторіи Птоломеевъ, особенно замѣчателенъ указанный имъ впервые законъ престолонаслѣдія въ этой династіи. Собственно въ книгѣ этотъ предметъ недостаточно развитъ; и въ статьѣ,

---

[1]) Ancient Egypt: The Tomb af Sebeknekht, by F. Tylor. London. 1896. II vol.

[2]) The Empire of The Ptolemies, by F. Mahaffy. London. 1896.

[3]) An Alexandrian Erotic Fragment and other Papyri chiefly Ptolemaic. Edited by Bernard Grenfell. Oxford. 1896.

помѣщенной профессоромъ въ Athenaeum отъ 1 августа, онъ распространяется о немъ подробнѣе и обѣщаетъ во второмъ изданіи основательно его разработать. Дѣло въ томъ, что, благодаря новѣйшимъ матеріаламъ, Магаффи пришелъ къ убѣжденію, что первый Птоломей, назначивъ своимъ наслѣдникомъ того изъ сыновей, который родился послѣ его вступленія на престолъ, установилъ принципъ, котораго держались всѣ его преемники, и потому большинство изъ нихъ женились вслѣдъ за воцареніемъ, а въ случаѣ женитьбы ранѣе разводились и вступали въ новый бракъ уже царями. Этотъ своеобразный порядокъ престолонаслѣдія, по словамъ Магаффи, былъ одной изъ главныхъ причинъ постоянныхъ семейныхъ междоусобій среди Птоломеевъ и можетъ служить руководящей нитью для разъясненія многаго, что до сихъ поръ оставалось непонятнымъ въ ихъ исторіи. Что касается до книги Гренфеля, то она представляетъ плодъ двухлѣтнихъ трудовъ въ Египтѣ и заключается въ переводѣ четырехъ библейскихъ и шестидесяти двухъ разнообразныхъ текстовъ недавно найденныхъ папирусовъ, относящихся до эпохи Птоломеевъ. Самый интересный изъ этихъ текстовъ, по которому и названа самая книга, является очень любопытнымъ литературнымъ произведеніемъ, драматической идилліей въ прозѣ, по образцу Өеокрита. Большая часть остальныхъ папирусовъ касается займовъ, закладовъ и продажъ, совершенныхъ частными людьми въ Египтѣ, во II вѣкѣ послѣ Рождества Христова: естественно, что, какъ матеріалъ для знакомства съ внутренней жизнью египтянъ того времени, эти историческіе матеріалы имѣютъ большое значеніе.

— Св. Екатерина Сіенская. Французскій историкъ Эмиль Гебгартъ, преимущественно занимающійся изученіемъ Италіи средневѣковой и въ эпоху возрожденія, собралъ въ послѣдней своей книгѣ нѣсколько очерковъ, названныхъ имъ опытами исторической психологіи и въ которыхъ онъ подъ общимъ заглавіемъ «Монахи и Папы»[1]) представляетъ характеристики Рауля Глоубера, ученаго мистика X вѣка, св. Екатерины Сіенской, семьи Борджіа и т. д. Быть можетъ, самый блестящій изъ этихъ этюдовъ тотъ, который посвященъ итальянской сопернице Іоанны Д'Аркъ, такъ какъ всущности тѣмъ, чѣмъ была орлеанская дѣвственница для Франціи,--явилась для Италіи, пятьдесятъ лѣтъ раньше, скромная сіенская монахиня. Дѣйствительно, совершенный св. Екатериной подвигъ имѣлъ такое же національное значеніе для Италіи, какъ побѣды Іоанны для Франціи; если послѣдняя короновала въ Реймсѣ юнаго короля и изгнала враговъ своей родины, то первая вернула въ Римъ папъ изъ Авиньона и положила конецъ терзавшимъ ея отечество религіознымъ смутамъ. Гебгартъ очень рельефно рисуетъ странный образъ этой замѣчательной, мистически настроенной женщины XIV вѣка. Съ дѣтства она видѣла различныя видѣнія и слышала таинственные голоса, которые призывали ее къ спасенію отчизны, раздираемой политическими и междоусобными распрями. Пятнадцати лѣтъ она обратилась къ сестрамъ мантелатской обители, умоляя принять ее въ свою среду и хотя монахини сначала испугались ея преждевременнаго религіознаго экстаза, но въ концѣ концовъ согласились на ея просьбу. «Богъ избралъ меня и

[1]) Moines et papes. Essais de psychologie historique, par Emile Gebhart. Paris. 1896.

послалъ на землю, говорила молодая дѣвушка съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ, чтобы положить конецъ великому скандалу». Она немедленно приступила къ исполненію своей задачи примиренія и спасенія своихъ соотечественниковъ, погибавшихъ въ братоубійственной войнѣ. Одна въ кровожадной Италіи XIV вѣка она подняла знамя любви и милосердія. Первый опытъ этой новой проповѣди былъ сдѣланъ въ родномъ ея городѣ Сіенѣ, и не только народныя толпы, всегда подчиняющіяся вдохновеннымъ голосамъ, но и правители города стали мало-по-малу обнаруживать человѣческія чувства, внимая рѣчамъ мистической проповѣдницы, которая всегда окружала себя дѣтьми, державшими масличныя вѣтки. Но наибольшее вниманіе Екатерина обратила на «великую мученицу тогдашняго времени» — католическую церковь. Преемникъ Урбана V, Григорій XI, былъ только что тогда избранъ авиньонскимъ конклавомъ (1370) и, человѣкъ слабый, нерѣшительный, онъ не прочь былъ бы вернуться въ Римъ, но его родственники и сторонники удерживали его въ Авиньонѣ, а съ другой стороны итальянскія междоусобія пугали его. Въ воздухѣ уже носились зародыши реформаціи, и вѣрующіе католики видѣли въ возвращеніи папы въ Римъ единственное орудіе спасенія для церкви, шатавшейся въ своей основѣ. Скромная сіенская монахиня взялась быть выразительницей этого желанія преимущественно людей простыхъ, смиренныхъ. Она писала новому папѣ письмо за письмомъ, умоляя его, въ самыхъ пламенныхъ и наивныхъ выраженіяхъ, вернуться въ Римъ и водворить миръ во всей странѣ, во имя распятаго Христа. «Истинное сокровище церкви, — писала она между прочимъ, — кровь Христа, пролитая за спасеніе человѣческихъ душъ, и лучше для церкви потерять земное золото, чѣмъ золото душевное. Орудіе доброты, любви и мира лучше орудія войны, и да будетъ оно вашимъ единственнымъ орудіемъ». Видя, что ея письма не имѣютъ достаточнаго вліянія на папу, она отправилась сама въ Авиньонъ, гдѣ Григорій XI принялъ ее, сидя на папскомъ престолѣ и окруженный высшими представителями католической церкви. Скромная дочь народа стала говорить съ намѣстникомъ Христа на своемъ грубомъ тосканскомъ нарѣчіи, и ея слова, простыя, но искреннія, переводилъ привезенный ею монахъ Раймондъ. Ловкіе, хитрые богословы старались всячески сбить, смутить ее, но она упорно стояла на своемъ, что итальянскій народъ требуетъ возвращенія папы. Въ концѣ концовъ она восторжествовала, и Григорій XI перебрался въ Римъ въ январѣ 1377 года. Но два года послѣ одержанной ею побѣды Екатерина Сіенская умерла, истощенная постоянными постами, истязаніями и мистическими экстазами.

— Новѣйшія изслѣдованія о Данте и Петраркѣ. Въ Венеціи второй годъ издается особый дантовскій журналъ: Giornale Dantesco [1]), въ которомъ поклонники великаго итальянскаго поэта во всѣхъ націяхъ помѣщаютъ свои труды по объясненію темныхъ сторонъ въ жизни и сочиненіяхъ творца Божественной комедіи. Но, судя по второму годичному тому этого спеціальнаго періодическаго изданія, врядъ ли изслѣдованія, подобныя тѣмъ, которыя въ немъ напечатаны, дадутъ что либо новое для изученія Данте. Такъ синьоръ

---

[1]) Giornale Dantesco. Diretto da G. Passerini. Anno II. Venezia. 1896.

дель-Норе посвящаетъ восемнадцать страницъ на выясненіе того, какіе звуки доносились изъ бездны до великаго поэта, когда онъ перебирался черезъ Ахеронъ въ преисподней міра, а докторъ Промптъ безконечно разсуждаетъ о томъ, направо или налѣво вела дорога, избранная Данте для посѣщенія ада, и столь же пространно объясняетъ, что любимая цифра Данте—61, такъ какъ на эту цифру дѣлится общее число страницъ его сочиненія и т. д. Конечно, есть въ дантовскомъ журналѣ и нѣкоторыя интересныя статьи, какъ, напримѣръ, этюдъ синьора Капеллы, доказывающій, что Данте зналъ Платона, но большинство сотрудниковъ этого журнала теряются въ пространныхъ и никому не интересныхъ разглагольствованіяхъ о мелочныхъ предметахъ. Поэтому гораздо интереснѣе для здравыхъ и трезвыхъ почитателей Данта двѣ недавно вышедшія брошюры Зингарелли о Данте въ Римѣ [1]) и Антоніо Любина о времени появленія на свѣтъ Vita Nuova [2]). Совершенно иначе изучаетъ Петрарку французскій историкъ Жюссеранъ: онъ не останавливается на мелочахъ, а рисуетъ широкой художественной кистью одинъ эпизодъ за другимъ изъ жизни своего героя. Недавно, въ блестящемъ этюдѣ, онъ разсказалъ о свиданіи Петрарки съ Чесеромъ въ его излюбленномъ жилищѣ Аркѣ, близъ Падуи, а теперь въ первой іюльской книжкѣ Revue de Paris [3]) разсказываетъ о жизни великаго итальянскаго поэта въ этой самой Аркѣ, которую авторъ лично посѣтилъ, чтобы поклониться праху Петрарки и собрать на мѣстѣ матеріалы для своей статьи. Въ настоящее время Арка маленькое селеніе у подошвы горъ, вдали отъ большой дороги, съ полуразрушенной церковной колокольней и большимъ, великолѣпнымъ мраморнымъ саркофагомъ на маленькой площади. Подъ этимъ саркофагомъ покоится прахъ знаменитаго пѣвца Лауры, а въ небольшомъ, вполнѣ сосохранившемся, домикѣ въ концѣ селенія онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни. Въ этомъ домикѣ два этажа, и въ верхнемъ, куда ведетъ наружная лѣстница, помѣщается девять комнатъ, въ которыхъ обиталъ поэтъ, и изъ оконъ которыхъ въ хорошую погоду видны отдаленныя венеціанскія лагуны. Во всѣхъ комнатахъ деревянные потолки, каменные полы, а въ окнахъ желѣзные переплеты. На стѣнахъ, фрески изображающія сцены изъ сочиненій Петрарки, при чемъ нѣсколько разъ повторяется встрѣча его съ Лаурой. Самый любопытный предметъ въ этомъ жилищѣ—чучело любимой кошки Петрарки, подъ стекляннымъ колпакомъ, надъ которымъ красуется надпись латинскими стихами, которые произноситъ какъ бы сама кошка: «флорентинскій поэтъ питалъ двѣ страсти: одну наибольшую ко мнѣ, а другую къ Лаурѣ. Не смѣйтесь, если Лаура привлекала его своею божественной красотой, то я заслуживала его любовь своею преданностью; она возбуждала его геній и вдохновляла его музу, а, благодаря мнѣ, крысы не уничтожили его сочиненій. Живая, я прогоняла мышей изъ этой священной обители и охраняла творенія своего великаго господина, а теперь, даже мертвая, я навожу страхъ на своихъ враговъ, и мое бездыханное тѣло все-таки служитъ доказательствомъ моей классической пре-

---

[1]) Dante e Roma. Gaggio di N. Zingarelli. Roma. 1896.

[2]) Dante e gli Astronomi Italiani; Dante e la Donna Gentile. Di Antonio Lubin. Triest. 1896.

[3]) Au tombeau de Pétrarque, par J. Jusserand. Revue de Paris. 1 juillet.

данности». Изобразивъ въ художественныхъ краскахъ теперешнее положеніе гробницы и жилища Петраки, Жюссеранъ переходитъ къ столь же артистическому описанію той жизни, которую велъ великій поэтъ въ своей уединенной Аркѣ. Ему уже было шестьдесятъ шесть лѣтъ, когда онъ поселился въ этомъ скромномъ убѣжищѣ, и въ то время онъ уже нисколько не походилъ на возлюбленнаго Лауры въ прекрасные дни его воклюзской идилліи; онъ физически опустился, волоса его посѣдѣли, глаза померкли, и онъ всецѣло предавался изученію своихъ любимыхъ классиковъ. Цѣлые ночи при свѣтѣ маленькой лампы онъ читалъ Тита Ливія, Гомера, дѣлая на поляхъ многочисленныя замѣтки, а днемъ онъ сочинялъ длинныя посланія къ своимъ античнымъ друзьямъ: Цицерону, Сенекѣ и Сократу. Но главнымъ его трудомъ въ эту эпоху было созданіе поэмы на латинскомъ языкѣ «Африка», въ которой онъ воспѣвалъ подвиги Сципіона Африканскаго. Онъ умеръ, не окончивъ этого капитальнѣйшаго своего произведенія, по его собственнымъ словамъ, но когда свѣтъ наконецъ познакомился съ этой прославленной заранѣе поэмой, то предпочелъ ей тѣ «юношескіе пустячки», которыми пренебрегалъ самъ авторъ, но которые до сихъ поръ составляютъ всю его славу. Пѣвца Сципіона Африканскаго теперь никто и не вѣдаетъ, а пѣвецъ Лауры будетъ жить вѣчно.

— Шекспиріана. Хотя трудно сказать что нибудь новое о Шекспирѣ, но постоянно появляются въ Англіи и внѣ ея книги за книгами, трактующія о божественномъ Вилліамѣ. Такъ въ послѣднее время богатая шекспировская литература увеличилась очень цѣннымъ вкладомъ и нѣсколькими болѣе или менѣе интересными трудами. Первая изъ этихъ книгъ носитъ заглавіе «Шекспиръ и его предшественники» [1]) и написана Фредрикомъ Воасамъ, который сумѣлъ, несмотря на массу предшествовавшихъ ему коментаторовъ Шекспира, составить обстоятельный историческій разборъ всѣхъ сочиненій Шекспира, въ томъ числѣ и сонетовъ, въ хронологическомъ порядкѣ, на столько интересный и если не новый, то столь живой и всесторонній, что трудно указать на лучшій трудъ въ этомъ отношеніи въ англійской литературѣ. Хотя, при разборѣ всякаго произведенія Шекспира, онъ ссылается на его предшественниковъ и, кромѣ того, посвящаетъ имъ общей характеристикѣ нѣсколько отдѣльныхъ главъ, но онѣ играютъ въ его трудѣ второстепенную роль, а все его вниманіе сосредоточено на творцѣ Гамлета и на его безсмертныхъ произведеніяхъ, которыя онъ разсматриваетъ самымъ основательнымъ образомъ и во всѣхъ отношеніяхъ. Въ числѣ спеціальныхъ трудовъ по изученію Шекспира слѣдуетъ указать на «Шекспиръ и музыка» — Эдуарда Нейлора [2]) и на «Игра словами у Шекспира» доктора Леопольда Вюрта [3]), которыя одинаково заслуживаютъ вниманія. Въ первомъ не только указывается на все то, что Шекспиръ говоритъ о музыкѣ, но представленъ очеркъ англійской музыки во времена Шекспира и подробное описаніе всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ, которые упоминаются или играютъ роль въ его драмахъ. Ученый нѣмецкій коментаторъ съ своей стороны обстоятельно разсматриваетъ всѣ остроты, шутки и каламбуры, вообще всѣ

---

[1]) Shakspeare and his Predecessors, by Frederick Boas. London. 1896.
[2]) Schakspeare and Music, by Edward Naylor. London. 1896.
[3]) Das Wortspiel des Shakspeare, von Leopold Wurth. Leipzig. 1896.

проявленія игры словъ, которыя замѣчаются у Шекспира. Мало того, онъ указываетъ на то, какъ относились къ подобной игрѣ словъ предшественники и современники великаго драматурга. Однимъ словомъ, онъ съ чисто нѣмецкой кропотливостью, но въ литературной формѣ, вполнѣ исчерпываетъ поставленную себѣ задачу, и послѣ него уже нечего дѣлать другимъ шекспировскимъ коментаторамъ въ этой отросли изученія ихъ любимаго автора. Совершенно иного рода трудомъ представляется книга Джона Уэтмана [1]), подъ заглавіемъ «Нѣжный Шекспиръ», въ которой авторъ силится, но совершенно безуспѣшно, доказать, что творецъ Макбета былъ католикомъ, что его дѣдъ былъ знатный варвикширскій скваеръ, а бабка—двоюрдная сестра графини Саутгамтонъ, и что Анна Гатавей была въ-сущности Анной Уэтлей, вышедшей замужъ за Шекспира. Но все это только одни фантастическія предположенія, которыя ничѣмъ фактическимъ не подтверждаетъ, а приведенные имъ аргументы только доказываютъ, что ему плохо извѣстна громадная Шекспировская литература, одинъ каталогъ которой занимаетъ шесть громадныхъ томовъ.

— Опытъ совмѣстнаго воспитанія обоихъ половъ въ XVI вѣкѣ. Жанъ Лепельтье разсказываетъ въ Revue Bleue отъ 25 іюля [2]) исторію такъ называемаго маленькаго двора въ Сенъ-Жерменѣ, гдѣ воспитывался въ концѣ XVI вѣка, при королѣ Генрихѣ II, его маленькій наслѣдникъ съ братьями, сестрами и цѣлой ватагой дѣтей обоего пола и знатнаго происхожденія. Вся эта молодежь воспитывалась вмѣстѣ: какъ мальчики, такъ и дѣвочки учились по одной программѣ и принимали участіе въ однѣхъ играхъ, въ однихъ гимнастическихъ упражненіяхъ. Этотъ странный для того времени опытъ совмѣстнаго воспитанія обоего пола, да еще при дворѣ, былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ Екатеринѣ Медичи, которая вмѣстѣ съ ея золовкой Маргаритой руководила этимъ маленькимъ дворомъ и близко наблюдала за всѣмъ, что дѣлалось въ школѣ, носившей это имя. Дѣвочки и мальчики одинаково читали и писали полатыни, разсуждали о философскихъ предметахъ, читали Плутарха и Тита Ливія, изучали французскую и итальянскую литературу, учились географіи, астрономіи и математикѣ, рисовали, играли на лютнѣ, ѣздили верхомъ, охотились съ соколами, танцовали и т. д.; кромѣ того, дѣвочекъ обучали женскимъ работамъ и домоводству, а мальчиковъ фехтованію и стрѣльбѣ. Конечно, въ планъ воспитанія, составленный папой, не могла не входить религія, а потому всѣ ученики и ученицы каждое утро ходили въ церковь къ обѣднѣ, а по праздникамъ принимали участіе въ церковномъ пѣніи. Дѣти, воспитывавшіеся вмѣстѣ съ принцами и принцессами крови въ этомъ маленькомъ дворѣ, назывались почетными дѣтьми, и общее ихъ число доходило до пятидесяти. При этой оригинальной школѣ состояло болѣе трехсотъ наставниковъ, учителей, капелановъ, гувернеровъ, гувернантокъ и слугъ, такъ что всего расходовалось на содержаніе ея до 68.000 ливровъ въ годъ, т. е. около 700.000 франковъ. Такъ какъ въ тѣ времена были въ модѣ ранніе браки, то маленькій дворъ съ его школой не могъ долго существовать, и Екатерина Медичи быстро поженила своихъ пи-

---

[1]) The Gentle Shakspeare, by John Yeatman, London. 1896.

[2]) Un essai de coéducation des sexes au XVI siècle, par Jean Le Pelletier. Revue Bleue, 26 juillet.

томицъ. Ея старшая дочь Елизавета вышла замужъ тринадцати лѣтъ за мрачнаго испанскаго короля Филиппа II, а вторая, Клавдія Валуа, обвѣнчалась двѣнадцати лѣтъ съ четырнадцатилѣтнимъ герцогомъ лотарингскимъ, воспитанникомъ той же школы; третья—знаменитая Маргарита, была помолвлена съ будущимъ Генрихомъ IV пяти лѣтъ. Но жемчужиной маленькаго двора въ Сенъ-Жерменѣ была Марія Стюартъ, обрученная десяти лѣтъ съ дофиномъ и удивлявшая всѣхъ своими познаніями въ латинскомъ и греческомъ языкахъ, такъ что произносила публично рѣчи на латинскомъ языкѣ, изъ которыхъ одна имѣла предметомъ необходимость для женщины обученія литературѣ и свободнымъ искусствамъ. Изъ сыновей Екатерины дофинъ не отличался ни умственными, ни физическими достоинствами, второй, герцогъ Орлеанскій, напротивъ, по свидѣтельству современниковъ, подавалъ самыя большія надежды во всѣхъ отношеніяхъ. Третій—герцогъ Анжуйскій, будущій Генрихъ III, любимецъ матери, представлялъ еще ребенкомъ всѣ черты двухъ вырождавшихся расъ: Валуа и Медичи. Что касается почетныхъ дѣтей, воспитывавшихся съ этими принцессами и принцами, то между ними слѣдуетъ указать на принца Мантуанскаго, на будущихъ герцоговъ Невера и Д'Юзеса, на сыновей конетабля Монморанси и на Филиппа Строцца, который впослѣдствіи описалъ любопытную внутреннюю жизнь этой своеобразной королевской школы. Учителями въ ней были самые почтенные ученые, между прочимъ знаменитый эллинистъ Пьеръ Данесъ и Жакъ Аміо,—переводчикъ Плутарха. Кромѣ многочисленнаго учительскаго персонала, были еще три особыхъ наставника изъ знатнаго рода, которые обязаны были постоянно заботиться объ умственныхъ и физическихъ развлеченіяхъ маленькаго двора. Хотя Лепельтье въ концѣ своего разсказа и старается доказать послѣдующей судьбой царственныхъ учениковъ Сенъ-Жерменской школы, въ особенности Маріи Стюартъ, Карла IX и Генриха III, всю несостоятельность системы воспитанія дѣтей обоего пола, но изъ рисуемой имъ же картины этого воспитанія въ Сенъ-Жерменѣ рѣшительно нельзя вывести ни одного мотива, которымъ можно было бы приписать злополучную судьбу Маріи Стюартъ и ея совоспитанниковъ-зятьевъ тому, что они воспитывались вмѣстѣ. Совершенно другими причинами, а не общимъ воспитаніемъ объясняются безнравственныя качества указанныхъ представителей и представительницы вырождавшихся королевскихъ расъ.

— Старая Чехія. По какой-то странной случайности вышли въ Англіи въ одно и то же время двѣ книги, посвященныя исторія чешской націи съ древнихъ временъ до потери ею своей независимости въ 1620 году, тогда какъ до сихъ поръ на англійскомъ языкѣ не существовало ни одного подобнаго труда. Одно изъ этихъ сочиненій, подъ заглавіемъ «Богемія, историческій очеркъ»[1]), написано графомъ Францемъ Лютцовъ, бывшимъ чешскимъ депутатомъ въ австрійскомъ парламентѣ и замѣчательнымъ лингвистомъ, такъ какъ онъ пишетъ поанглійски также хорошо, какъ понѣмецки и почешски; а другое принадлежитъ перу Эдмонда Мориса[2]), автора исторіи революціи 1848 г. въ Италіи

[1]) Bohemia. An Historicol sketch. By Fransis Count Lutzow. London. 1896.

[2]) Bohemia. From the Earliest Times to the Fall of National Independence in 1620 By Edmund Mourice. London. 1896.

Австро-Венгріи и Германіи, и называется: «Богемія съ первыхъ ея временъ до 1620 года». Хотя оба автора оканчиваютъ свой историческій разсказъ на одной эпохѣ, именно погибели чешской независимости, но Лютцовъ прибавляетъ къ нему очеркъ старинной чешской литературы, а Морисъ—краткій перечень послѣдующихъ событій чешской исторіи до нашего времени. Конечно, болѣе основательнымъ и серьезнымъ представляется трудъ Лютцова, который основанъ на всѣхъ лучшихъ чешскихъ историкахъ, на извѣстныхъ трудахъ Палацкаго, Томека, Калучека, Билека и т. д. Но та и другая книга одинаково знакомятъ читателя съ общимъ абрисомъ исторіи мужественнаго славянскаго племени, шедшаго одно время во главѣ реформаціи и потомъ стойко охранившаго свою національность, несмотря на окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ нѣмецкихъ сосѣдей. Первобытная чешская исторія разсказана обоими авторами довольно кратко, и наибольшее ихъ вниманіе обращено на самыя интересныя эпохи этой исторіи, именно на религіозное движеніе Гусса и мужественную борьбу Яна Жижка. Хотя видимой причиной кровавой борьбы, опустошившей Чехію во имя религіи, мира и любви, былъ догматическій споръ о таинствѣ эвхаристіи, но, по справедливому замѣчанію Лютцова, въ сущности борьба имѣла этическую основу, и сторонники Гусса и Жижки проливали кровь и жертвовали своей жизнью не ради догматическихъ тонкостей, а выведенные изъ терпѣнія позорными злоупотребленіями католической церкви. Кромѣ того, какъ это ясно доказываетъ крайняя группа чешскихъ реформаторовъ того времени, извѣстныхъ подъ названіемъ таборитовъ, подъ религіознымъ движеніемъ чеховъ скрывалась и соціальная струя.

— Парижская община во время революціи. Извѣстный французскій радикальный журналистъ Сигизмундъ Лакруа издаетъ на счетъ парижскаго муниципальнаго совѣта акты парижской коммуны во время революціи [1]), и надняхъ вышелъ третій томъ этого почтеннаго труда. До сихъ поръ Лакруа только перепечаталъ съ примѣчаніями и добавленіями сборникъ протоколовъ общихъ засѣданій членовъ парижской общины отъ 25 іюля 1789 года до 8 октября 1790 г., которые были изданы въ 1791 году и составляютъ библіографическую рѣдкость, но дальнѣйшіе протоколы никогда не были напечатаны и хранились въ рукописяхъ парижской ратуши, гдѣ сгорѣли въ 1871 году. Такимъ образомъ Лакруа приходится относительно протоколовъ засѣданія послѣ 8 октября 1790 года возстановлять несуществующій текстъ по другимъ имѣющимся матеріаламъ, что представляетъ большія затрудненія, но, благодаря своимъ неусыпнымъ трудамъ и замѣчательному историческому чутью, Лакруа выходитъ побѣдителемъ изъ этой тяжелой работы. Какъ добросовѣстно относится онъ къ своему труду, доказываетъ примѣръ письма Бальи, которое было приложено къ протоколу перваго засѣданія парижской общины 25 іюля 1789 года, но пропало и не было извѣстно въ подлинникѣ ни одному историку революціи; самъ Лакруа, несмотря на всѣ свои розыски, не могъ найти этого важнаго документа, въ которомъ Бальи доказывалъ опасность тогдашняго анар-

[1]) Actes de la commune de Paris pendant la revolution, publiés et annotés par Sigismond Lacroix, Paris, 1896, vol. III.

хическаго положенія Парижа и развивалъ планъ муниципальной организаціи Парижа, а потому въ началѣ перваго тома своего труда онъ возстановилъ письмо Бальи по свидѣтельству современниковъ, но впослѣдствіи ему удалось найти столь давно пропавшій документъ, и онъ его напечаталъ въ концѣ перваго тома, въ видѣ добавленія къ рѣчи Бальи отъ 30 августа, въ которой онъ ссылался на свое письмо. Второй томъ изданія Лакруа начинается съ исторіи второго парижскаго муниципалитета, засѣдавшаго отъ 18 сентября 1789 года до 8 октября 1790 г., а третій томъ оканчивается засѣданіемъ 4 февраля 1790 г. Чѣмъ далѣе идетъ эта исторія, тѣмъ она становится интереснѣе, такъ какъ по мѣрѣ уменьшенія политической энергіи въ законодательномъ собраніи парижская демократія все сильнѣе и сильнѣе поднимала свой голосъ. Она не отреклась отъ власти въ пользу своихъ представителей и въ критическіе моменты дѣйствуетъ сама. Такъ въ декабрѣ 1789 г. въ законодательномъ собраніи обсуждался важный вопросъ объ избирательномъ цензѣ, и правая сторона предлагала, чтобы избирателями были тѣ, которые платятъ 60 ливровъ прямыхъ налоговъ, противъ чего пламенно возставали Мирабо, Робеспьеръ, Петьонъ и Грегуа. Парижъ очень возмутился этой попыткой ввести избирательный цензъ, и, собравшись въ своихъ кварталахъ, парижане, оставивъ въ сторонѣ общину, прямо направились въ національное собраніе и подали адресъ отъ парижской общины въ ея секціяхъ. Это чисто народное движеніе, одинаково любопытное по своей формѣ и по существу, впервые выставлено, въ настоящемъ его свѣтѣ, въ трудѣ Лакруа. Этотъ эпизодъ, доселѣ мало извѣстный, ясно доказываетъ, что Лакруа былъ совершенно правъ, говоря въ предисловіи перваго тома своего труда, что Парижъ во время революціи не желалъ, чтобы имъ управляли ни центральная община, ни даже федерація мѣстныхъ кварталовъ, а стремился къ одному—къ управленію народа народомъ.

— Военный шпіонъ Наполеона. Поль Миллеръ напечаталъ въ Нанси любопытную монографію Карла Шульмейстера, любимаго тайнаго агента, или попросту военнаго шпіона наполеоновскихъ временъ [1]). Въ сущности это былъ недюжинный шпіонъ и пользовался такой репутаціей не только во Франціи, но и въ Германіи, что его обыкновенно называли великій или главный шпіонъ. Хотя въ Германіи существуетъ нѣсколько его біографій, но Миллеръ впервые собралъ всѣ данныя о немъ въ оффиціальныхъ архивахъ. Благодаря его труду, можно теперь разобраться въ безконечныхъ легендахъ, сложенныхъ о немъ. Главное его достоинство, подававшее поводъ къ сотавленію большинства этихъ легендъ, составляло необыкновенное искусство переодѣваться. Обыкновенно онъ являлся во французскую или непріятельскую армію въ качествѣ торговца табакомъ, ювелирнымъ товаромъ и т. д., но въ важныхъ случаяхъ онъ надѣвалъ мундиръ австрійской или какой либо другой чужестранной арміи и такъ ловко игралъ свою роль, что однажды присутствовалъ на военномъ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ императора Франца, въ мундирѣ австрійскаго генерала, а въ другой разъ выдалъ себя за германскаго принца одному нѣмецкому отряду

---

[1]) L'Espionnage militaire sous Napoleon I. Charles Schulmeister, par Paul Müller. Nancy. 1896.

и произвелъ ему инспекторскій смотръ, по всѣмъ правиламъ искусства. Конечно, чтобы дѣйствовать такъ смѣло и ловко, онъ долженъ былъ имѣть съ одной стороны значительныя денежныя средства, а съ другой замѣчательныя военныя знанія. Самый его дебютъ на службѣ Наполеона сразу доказалъ его умѣнье быстро перемѣнять физіономію. Явившись къ императору въ 1806 году въ Страсбургѣ, гдѣ онъ прежде занимался контрабандой, Шульмейстеръ предложилъ ему свои услуги въ качествѣ шпіона.—А какія у васъ рекомендаціи? спросилъ Наполеонъ.—Никакихъ, я самъ себя рекомендую.—Въ такомъ случаѣ я не могу васъ принять, отвѣчалъ императоръ и вышелъ изъ комнаты; но черезъ минуту вернулся и, увидавъ передъ собой какую-то новую фигуру, спросилъ:—Что вамъ нужно и кто вы такой?—Я Шульмейстеръ,—отвѣчалъ будущій шпіонъ, который въ одно мгновеніе совершенно преобразился. Конечно, при видѣ такого искусства Наполеонъ тотчасъ же воспользовался услугами такого ловкаго человѣка, и съ тѣхъ поръ Шульмейстеръ состоялъ на его службѣ. Хотя Миллеръ не ручается за достовѣрность этого анекдота и полагаетъ, что Наполеону рекомендовалъ Шульмейстера Савари, но онъ не высказываетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ необыкновенномъ умѣньѣ Шульмейстера перемѣнять физіономію, въ доказательство приводитъ свидѣтельство одного старика, который видалъ его въ 1830 году и при которомъ онъ не разъ мгновенно преображался въ совершенно новаго человѣка, только измѣнивъ лицо нѣсколькими гримасами и перемѣнивъ пальцами свою прическу. Благодаря этой способности, онъ однажды освободился изъ осажденной крѣпости, притворившись мертвымъ, такъ что его вынесли въ гробу, а въ другой разъ, именно въ битвѣ подъ Ваграмомъ, онъ спасся отъ преслѣдованія враговъ, превратившись въ одинъ моментъ изъ французскаго офицера въ брадобрея. Но онъ оказывалъ услуги французской арміи и болѣе серьезныя. Такъ онъ пробрался въ Ульмъ къ фельдцейхмейстеру Маку, розыгрывая роль двойного шпіона, и такъ вкрался въ его довѣренность, что старикъ смотрѣлъ на все только его глазами, слѣдовалъ его совѣту, по его указанію попался въ ловушку, разставленную Наполеономъ, и въ концѣ концовъ далъ ему свободный пропускъ въ Штуттгартъ, чтобы убѣдиться въ отступленіи французовъ. Преданный суду, послѣ капитуляціи Ульма, Макъ сознался въ роковомъ вліяніи на него Шульмейстера, но наивно настаивалъ на томъ, что послѣдній никогда не состоялъ главнымъ шпіономъ австрійской арміи, а эту должность занималъ капитанъ Вендъ, котораго ему рекомендовалъ эрцъ-герцогъ Фердинандъ и военный министръ. Но дѣло въ томъ, что, какъ доказываетъ напечатанное Миллеромъ оффиціальное донесеніе Шульмейстера Наполеону, этотъ капитанъ Вендъ былъ подкупленъ Шульмейстеромъ. Естественно, что за такія услуги Наполеонъ щедро награждалъ своего излюбленнаго шпіона и, при каждомъ новомъ его подвигѣ, осыпалъ его золотомъ. Но, повидимому, Шульмейстеръ этимъ не довольствовался, и когда однажды Наполеонъ, прійдя въ восторгъ отъ какой-то ловкой штуки своего тайнаго агента, сказалъ ему: Шульмейстеръ, ты стоишъ цѣлой арміи. Проси, чего хочешь, отказа не будетъ,—то онъ промолвилъ сквозь зубы:—дайте мнѣ Почетнаго Легіона. — Ну, нѣтъ!—отвѣчалъ Наполеонъ, насупивъ брови: — денегъ сколько хочешь, но креста никогда. Онъ предназначенъ для моихъ храбрецовъ.

По мнѣнію Миллера, хотя Наполеонъ и былъ правъ принципіально, но онъ совершенно неудачно противопоставилъ доблесть своихъ храбрецовъ ловкости этого шпіона, такъ какъ онъ не разъ выказывалъ и на полѣ брани чисто военную удаль; такъ, напримѣръ, послѣ капитуляціи Любека прусскій генералъ фонъ-Уэдомъ съ отрядомъ въ 700 гусаръ и двумя орудіями скрылся изъ города и направился на Висмаръ, на защиту котораго Савари послалъ Шульмейстера, тогда называвшагося капитаномъ Шарлемъ, съ 40 солдатами. Шпіонъ мгновенно преобразился въ героя, заперъ городскія ворота и прогналъ осадившаго его непріятеля, который былъ въ пятнадцать разъ многочисленнѣе. Даже нѣмецкіе военные писатели прославляютъ этотъ подвигъ Шульмейстера, и, по ихъ словамъ, онъ, во главѣ не сорока, а тринадцати солдатъ, занялъ Висмаръ и взялъ въ плѣнъ нѣсколько сотенъ пруссаковъ.

— Первая любовь Вальтеръ-Скотта. Всѣмъ поклонникамъ знаменитаго автора Веверлея извѣстно, что его романъ Redgauntlet имѣетъ автобіографическій характеръ, и что въ дѣйствующихъ лицахъ этого произведенія онъ вывелъ себя, своего отца и друга Вильяма Клерка, а въ «Зеленой Дамѣ» — предметъ своей первой любви. Въ своей только что вышедшей книжкѣ Адамъ Скоттъ, подъ заглавіемъ «Исторія первой любви Вальтеръ Скотта» [1]), не довольствуется приведеніемъ отрывковъ изъ «Redgauntlet», а отыскиваетъ во всѣхъ его сочиненіяхъ въ прозѣ и стихахъ, а также въ разсказахъ современниковъ, все, что только прямо или косвенно касается этого эпизода изъ жизни великаго романиста. Дѣйствительно о «Зеленой Дамѣ» говорится не только въ «Redgauntlet», но въ двухъ другихъ романа: «Peveril of the Peak» и «Rokeby», а также въ поэмѣ «The Lady of the Lake». Что касается до исторической личности, послужившей образцомъ «Зеленой Дамѣ», то она была миссъ Стюартъ, и Вальтеръ-Скоттъ увидалъ ее впервые въ Грейфраерской церкви, когда ему было 18 лѣтъ. Потомъ они не разъ видались въ обществѣ, и около пяти лѣтъ продолжалось ухаживаніе молодого человѣка, но онъ тогда былъ никому невѣдомымъ адвокатомъ и получалъ отъ 24 до 57 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. На такія скудныя средства нельзя было жениться, и миссъ Стюартъ наконецъ вышла замужъ за мистера, впослѣдствіи сэра, Вильяма Форбеса. Два года сходилъ съ ума Вальтеръ Скоттъ отъ своей погибшей любви и никогда ея не забылъ, что доказывается тѣмъ, что онъ идеализировалъ ее въ Матильдѣ (Rokeby) и миссъ Вернонъ (Rob Roy), уже не говоря о «Зеленой Дамѣ». Леди Форбесъ умерла въ 1810 году, и, повидимому, она никогда не видалась съ Вальтеръ-Скоттомъ послѣ того, какъ они сказали другъ другу послѣднее прости; но съ Форбесомъ, который былъ товарищемъ дѣтства Вальтеръ-Скотта, знаменитый романистъ сохранилъ до своей смерти самыя тѣсныя дружескія отношенія. Въ 1827 году онъ случайно посѣтилъ съ какими-то пріятелями церковь св. Андрея въ Эдинбургѣ, гдѣ онъ не былъ съ тѣхъ поръ, какъ тридцать четыре года передъ тѣмъ зашелъ туда съ миссъ Стюартъ, и теперь, вернувшись домой, записалъ въ свой дневникъ: «мои пріятели пошли на колокольню, а я, страдая ревматизмомъ, сѣлъ на одну гробницу и сталъ вспоминать о томъ, какъ я былъ здѣсь въ послѣдній разъ:

[1]) The Story of sir Walter Scott's First Love. By Adam Scott. London. 1896.

сколько перемѣнъ произошло во мнѣ въ это долгое время, однѣ къ лучшему, другія къ худшему. Я хорошо помню, какое имя я вырѣзалъ тогда руническими буквами на воротахъ кладбища, и невольно спросилъ себя теперь: почему это имя все еще смущаетъ мое сердце. Но въ эту минуту пріятели подошли ко мнѣ, и глупыя мысли, вошедшія въ мою голову, разсѣялись».

— Послѣдніе труды по исторіи философіи. Голландскій ученый К. Мейнсма долго работалъ надъ біографіей Спинозы и наконецъ издалъ обширную книгу, вполнѣ исчерпывающую заданную имъ себѣ задачу[1]). Онъ старательно изучилъ всѣ архивы синагогъ, церквей, муниципалитетовъ, даже просмотрѣлъ счетныя книги типографій и книжныхъ магазиновъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ жилъ Спиноза, а также не опустилъ ни одной голландской книги или брошюры научнаго, философскаго или политическаго содержанія, относящейся къ второй половинѣ XVII столѣтія. Такимъ образомъ можно смѣло сказать, что онъ собралъ всѣ имѣющіеся матеріалы о жизни Спинозы, но эта жизнь такъ упорно скрывалась самимъ Спинозой отъ его современниковъ, даже отъ друзей, благодаря постояннымъ преслѣдованіемъ, которымъ онъ подвергался; голландскіе архивы, хроники и газеты молчатъ о немъ, даже выдающіяся лица, входившія съ нимъ въ столкновеніе: Де-Виттъ, Гюгенсъ, Гюдде, Лейбницъ, почти не упоминаютъ о немъ. Поэтому неудивительно, что новый его біографъ, несмотря на всѣ свои усилія, не нашелъ ничего новаго, и послѣ его основательнаго труда все-таки жизнь Спинозы осталась во многихъ отношеніяхъ таинственной и невѣдомой. Но зато Мейнсма обличилъ всѣ ошибки и неточности прежнихъ біографовъ его героя: Колеруса, Мукаво, Готлиба Штолле и Монникаера, а главное рельефно возстановилъ ту среду, въ которой вращался Спиноза. Онъ знакомитъ насъ со всѣми, кто окружалъ философа съ его дѣтства, проводеннаго въ еврейской общинѣ, до послѣднихъ лѣтъ жизни, протекшихъ среди кружка ученыхъ и свободныхъ мыслителей: передъ читателями возстаютъ, какъ живыя, фигуры друзей Спинозы, его учителей, учениковъ и корреспондентовъ, въ особенности раввина Мортейра, издателя Ріеверуса, бывшаго iезуита Ванъ-Денъ-Ендера. На этомъ доселѣ невѣдомомъ фонѣ естественно выдвигается въ новомъ свѣтѣ и личность Спинозы. Теперь впервые выясняется, что авторъ «Этики» не былъ одинокимъ мыслителемъ, искавшимъ истину въ уединеніи и не имѣющимъ ничего общаго съ своимъ временемъ, какимъ онъ обыкновенно представляется, а принадлежалъ напротивъ къ цѣлой группѣ свободныхъ мыслителей, которые уже напечатали очень смѣлые трактаты до выхода въ свѣтъ его богословско-политическаго трактата. Такимъ образомъ философія Спинозы является послѣднимъ словомъ великаго теченія свободной мысли, замѣчаемаго въ продолженіе двухъ вѣковъ до него въ Голландіи. Еще въ 1512 г. въ Гагѣ былъ сожженъ Германъ фанъ-Рисвикъ за утвержденіе, что міръ всегда существовалъ, и за отрицанье будущей жизни, но высказанные имъ принципы сохранялись въ передовыхъ умахъ XVI столѣтія и даже проникли въ синагоги съ Уріэль Да-Костой, личность котораго, такъ долго затемняемая поэтическими легендами, вполнѣ выяснена Мейнсмой. Этотъ португальскій еврей, принадле-

[1]) K. O. Meinsma: Spinoza en zijn Kring. Amsterdam. 1896.

жавшій къ семьѣ, давно признавшей католичество, жилъ въ Опорто, но, усомнившись въ достовѣрности Новаго Завѣта, перебрался въ Амстердамъ и, не отрекшись прямо отъ католицизма, присоединился къ тамошнимъ евреямъ, которые однако отшатнулись отъ него и стали его всячески преслѣдовать за открыто проповѣдуюмую имъ теорію о несуществованіи будущей жизни. Въ концѣ концевъ онъ не выдержалъ и сознался въ своей ереси, за что былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію въ синагогѣ, а, вернувшись домой, онъ застрѣлился. Борухѣ Спинозѣ было восемь лѣтъ, когда случилось это роковое событіе, и, быть можетъ, онъ присутствовалъ при его наказаніи, но во всякомъ случаѣ онъ слышалъ разсказы объ этомъ въ семьѣ и въ еврейской школѣ «Древа Жизни», которую онъ посѣщалъ, и гдѣ учителями были трое изъ палачей Да-Коста. Очень возможно, что примѣръ этого несчастнаго развилъ въ юномъ Спинозѣ скрытность и сдержанность, которыя составляли впослѣдствіи отличительную черту его характера, а также посѣяли въ его умѣ первыя сѣмена сомнѣнія. Но еще большее вліяніе на него имѣли Амстердамскіе свободные мыслители, которые приняли его съ распростертыми объятіями, когда его окончательно изгналъ изъ синагоги равинъ Мортейра; въ числѣ ихъ первое мѣсто занимали Риверезъ, его будущій издатель менонитъ Ганъ Бельтунеръ, ученый Адамъ Борель, извѣстный докторъ, Галенъ Гаанъ, анабаптистъ Даніель Бронъ и Францъ фанъ-денъ Энденъ, который былъ настоящимъ учителемъ Спинозы. Онъ научилъ его латинскому языку, познакомилъ его съ сочиненіями Декарта и, быть можетъ, внушилъ ему первую идею о пантеизмѣ. Этотъ замѣчательнѣйшій въ то время голландскій свободный мыслитель былъ сначала студентъ Луненскаго университета и іезуитъ, а потомъ атеистъ, докторъ, поэтъ, учитель, кончилъ жизнь заговорщикомъ и былъ повѣшенъ въ Парижѣ за намѣренье открыть голландскому флоту французскій портъ Кильбёфъ.

Разсмотрѣвъ въ первомъ томѣ своего труда «Духъ новой философіи» системы Декарта и Спинозы, Робертъ Шельвинъ посвящаетъ только что вышедшій второй томъ [1]) дальнѣйшимъ философамъ: Лейбницу, Якоби, Канту, Фихте, Шеллингу, Гегелю, Фейербаху, Максу Штюрмеру, Бруно Бауеру и Шопенгауеру, а въ концѣ концовъ развиваетъ свою собственную философскую теорію о сознательной наукѣ, развивающейся на основномъ фонѣ естественной безсознательной жизни. Итальянскій ученый П. Скіачіа изучаетъ въ своемъ новомъ сочиненіи [2]) англійскихъ психологовъ отъ Гоббеса до Спенсера съ цѣлью выясненія теоріи о человѣческой воли и также въ видѣ заключенія выясняетъ свою собственную систему, которая кажется довольно смутной съ сравненіи съ его яснымъ, опредѣленнымъ изложеніемъ чужихъ взглядовъ. Рядомъ съ этими новѣйшими явленіями въ области теоріи философіи слѣдуетъ еще указать на послѣдній трудъ Альфреда Фульэ о позитивизмѣ [3]). Задавшись цѣлью подвергнуть строгой критикѣ систему Канта, авторъ въ сущности доказываетъ только, что Кантъ былъ царемъ человѣческой мысли въ XIX вѣкѣ, и что его громадное

---

[1]) Robet Schellwien: Der Geist der neueren philosophie. II theil. Leipzig. 1896.
[2]) P. Sciascia: la dottrina della volonta nella psicologia inglese. Palermo. 1896.
[3]) Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde, par Alfred Fouillée. Paris. 1896.

вліяніе на современные умы, нѣсколько ослабленное, благодаря его неудачнымъ ученикамъ, все еще продолжается и даже растетъ.

— Эдмонъ де-Гонкуръ и разсказъ Альфонса Додэ объ его смерти. Кончина Гонкура произвела громадное впечатлѣніе на весь Парижъ, возбудила безконечные толки и произвела на свѣтъ цѣлую литературу. Конечно, всего этого нельзя объяснить только литературнымъ значеніемъ отца современной реалистической школы французскаго романа, и значительную часть шума, поднятаго особенно въ Парижской прессѣ, надо приписать созданной завѣщаніемъ покойнаго новой академіи, соперницѣ стараго учрежденія Ришелье, а также личному участію въ посмертномъ прославленіи даровитаго художника-романиста такихъ выдающихся литературныхъ силъ, какъ его ближайшіе друзья: Зола, Додэ и Рони. Первый произнесъ трогательную, теплую рѣчь на похоронахъ Гонкура, а послѣдніе два помѣстили въ августовскихъ книжкахъ «Revue de Paris» патетическій разсказъ объ его смерти [1]) и блестящую его характеристику [2]). Изъ другихъ статей по поводу смерти автора «Жермини Ласертэ», слѣдуетъ указать на воспоминанія о немъ Р. Маркса, собраніе отрывковъ изъ его сочиненій, и сводъ мнѣній о немъ лучшихъ современныхъ критиковъ—въ Revue Encyclopedique [3]) отъ 8-го августа, на письмо Жюля Кларти о Гонкуровской академіи въ англійскомъ «Atheneum» отъ 8-го августа [4]) и на очеркъ литературнаго значенія Гонкура во второй августовской книжкѣ «Revue des Deux Mondes» [5]), гдѣ критикъ этого академическаго журнала лѣзетъ изъ кожи, чтобъ унизить соперника своей покровительницы, называя его между прочимъ литературнымъ маньякомъ, краснымъ каблукомъ натурализма и новымъ Мариво въ дурные его дни. Конечно, это неприличное и злобно пристрастное словоизверженіе нимало не служитъ диссонансомъ въ общемъ хорѣ, признающемъ громадныя литературныя заслуги Эдмона Гонкура и его брата Жюля, но какъ въ граматикѣ исключенье подтверждаетъ правило, такъ и тутъ рѣдкій, протестующій голосъ сторонника старой академіи лишь вплетаетъ новый листокъ въ лавровый вѣнецъ, положенный всей французской литературой на могилу творца новой академіи. Дѣйствительно, какъ романисты-историки XVIII столѣтія и художественные критики, братья Гонкуры занимаютъ видное мѣсто во французской литературѣ XIX ст., а какъ блестящіе утонченные стилисты, они едва ли имѣютъ кого либо себѣ равнаго во всѣхъ литературахъ. Что касается до той доли работы и успѣха, которая выпадаетъ на каждаго члена этой литературной фирмы, то отдѣльная дѣятельность Эдмона послѣ смерти брата ясно разрѣшила повидимому трудный вопросъ: въ общихъ наиболѣе славныхъ произведеніяхъ грація, живость, иронія, юморъ принадлежатъ Жюлю, а сила творчества, глубина анализа, соціальный, философскій, человѣчный

---

[1]) Ultima, par Alphonse Daudet. Revue de Paris. 15 août.

[2]) Edmond de Goncourt, par J. Rasny. Revue de Paris, août.

[3]) Souvenir sur Edmond de Goncourt, par Rubis Marx.—Extraits de l'oeuvre des Goncourt.—L'Academie et le grenier des Goncourt.—Opinions sur les Goncourt.—Revue Encyclopedique, 8 août.

[4]) Notes from Paris, by J. Claretie.—Athenеum, 8 august.

[5]) Revue literaire: M. Edmond de Goncourt, par René Daumic. — Revue des Deux Mondes. 15 août.

элементъ — Эдмону. Изъ вмѣстѣ написанныхъ ими произведеній первое мѣсто занимаетъ: романъ «Жермини Ласертё», «Малитта Соломонъ», «Petit Manoeur» и «Г-жа Дервзэ», которыя создали современный реалистическій романъ во Франціи; историческіе труды: «Французское общество въ XVIII столѣтіи», «Марія-Антуанета», «Фаворитки Людовика XV», «Женщина въ XVIII вѣкѣ» и художественно-критическія сочиненія: «Искусство въ XVIII стол.», «Ватто», «Актрисы XVIII вѣка». Одинъ Эдмонъ послѣ смерти брата произвелъ на свѣтъ: «Братья Земгано», «Элиза», «Шери», «Фаціна», «Гакусэ», «Ліонскій живописецъ» и многотомный дневникъ, служащій самой вѣрной и до мелочей подробной, но не всегда безпристрастной лѣтописью Парижской жизни нашихъ дней. Наконецъ, Гонкуры подарили французской сценѣ нѣсколько художественно реальныхъ пьесъ, преимущественно взятыхъ изъ ихъ романовъ. Это соединеніе художника и реалиста составляетъ отличительную черту какъ обоихъ братьевъ, такъ и Эдмона по преимуществу. Что касается до его жизни, то она не представляетъ никакихъ интересныхъ эпизодовъ или драматическихъ перипетій, а вся была посвящена литературѣ и искусству, котораго онъ былъ пламеннымъ любителемъ. Аристократическаго происхожденія, Эдмонъ Гюо де-Гонкуръ родился въ 1822 г. въ Нанси, воспитывался съ братомъ Жюлемъ и Дюмасыномъ въ пансіонѣ Губо, служилъ нѣсколько времени въ министерствѣ финансовъ, съ 1853 г. сдѣлался литераторомъ и собирателемъ художественныхъ рѣдкостей, а 11 іюля настоящаго года умеръ на дачѣ въ Шампрозэ близъ Парижа у своего друга Альфонса Додэ, который описалъ его смерть такъ просто, такъ задушевно, такъ художественно, такъ поэтично, что невольно приходитъ на мысль, какой удивительный литературный некрополь составило бы собраніе подобныхъ разсказовъ, еслибъ смерть каждаго знаменитаго литератора была описана подобнымъ образомъ. Придавъ своимъ удивительнымъ страницамъ форму дневника и заглавье: «Ultima», авторъ «Набаба» рисуетъ картину послѣднихъ шести дней жизни творца «Братьевъ Земгано», которые онъ провелъ у него въ скромномъ, потонувшемъ въ зелени домикѣ на берегу Сены. Читатель видитъ и живописную обстановку, и гостепріимную семью хозяевъ, и симпатичную фигуру гостя, слышитъ ихъ разговоры, присутствуетъ при ихъ прогулкахъ. Для насъ особенно интересны отзывы обоихъ реальныхъ романистовъ о своемъ бывшемъ другѣ Тургеневѣ. Упоминая о недавнемъ посѣщеніи Шампрозэ знаменитымъ критикомъ Брандесомъ, Додэ сказалъ: «Вы знаете, Брандесъ считаетъ чистымъ вымысломъ дурные отзывы о насъ двоихъ, приписываемые Тургеневу». — «Нѣтъ, малецъ (такъ Гонкуръ всегда называлъ Додэ, который моложе его и въ свою очередь называлъ Гонкура — большакомъ), онъ насъ не любилъ, я всегда былъ въ этомъ увѣренъ, не смотря на его славянскія ласки». — «Я думаю, что онъ сердился на меня за то, что я не ходилъ на пятницы при Віардо», замѣтилъ Додэ, и Гонкуръ прибавилъ: «Антипатія Тургенева происходила отъ того, что онъ не понималъ ироніи, какъ вашей, такъ и моего брата. Вы приводили его втупикъ. Въ этомъ отношеніи всѣ иностранцы одинаковы. Французская иронія ихъ пугаетъ; они думаютъ, что надъ ними смѣются». Въ первые дни Гонкуръ былъ здоровъ, веселъ, молодецъ, не смотря на свои семьдесятъ четыре года, но потомъ у него сдѣлался припадокъ его обычной болѣзни

печени, онъ слегъ въ постель; выписали изъ Парижа доктора Барвіо, и тотъ объявилъ, что у больного воспаленье въ легкихъ, очень опасное въ его лѣта. Еще день, и Додэ записываетъ подъ 16 іюлемъ въ свой очаровательный дневникъ: «На колокольнѣ бьетъ двѣнадцать часовъ ночи. Въ домѣ всѣ спятъ, кромѣ меня и доктора. Подобно Макбету, я уже давно убилъ сонъ и беру каждый вечеръ порцію хлорала. Но въ эту ночь я подождалъ принимать лѣкарство не отъ дурныхъ предчувствій, а отъ того, что шаги доктора на верху меня тревожатъ. Я слѣжу за его шагами; я вижу мысленно, какъ онъ подходитъ къ кровати и нагибается къ больному, а потомъ возвращается къ дивану, ложится и снова вскакиваетъ... Что тамъ дѣлается?... Ничего... Нѣтъ, что-то не доброе... Кто-то спускался по лѣстницѣ. О, какъ страшны эти осторожные шаги... Въ дверь стучатъ, и тихо слышится голосъ: «Докторъ проситъ барыню на верхъ... пусть придетъ и баринъ. Господину Гонкуру очень плохо». Какая-то непостижимая нервная сила быстро подняла меня. Въ одну минуту я одѣлся и взбѣжалъ по лѣстницѣ, по которой въ обыкновенное время я почти не могу взойти. Комната его была открыта, и въ корридорѣ уже слышалось тяжелое, ужасное дыханье, которое я слыхивалъ, увы, въ подобныя же роковыя ночи... Неужели это онъ такъ дышалъ?... Да онъ... У него былъ предсмертный колоколецъ; лицо его было неподвижное, багровое, опухшее, а сѣдые волосы раскинулись по подушкѣ, словно пряди мокраго бѣлаго шолка... Меня обнялъ страхъ и отчаянье. Черезъ минуту я сталъ спрашивать у доктора, что случилось. Ничего. Ночь началась недурно, но неожиданно пульсъ усилился, жаръ увеличился, и лицо еще болѣе покраснѣло. Прежде ему давали пить, но теперь ничего не проходитъ. Это конецъ... Докторъ, чтобъ насъ успокоить, пробуетъ сдѣлать уколъ эѳиромъ. Нѣтъ, всѣ средства уже недѣйствительны и кажутся святотатствомъ; агонія началась. Вокругъ насъ въ его комнатѣ, гдѣ обыкновенно такъ чисто, такъ прибрано, уже замѣчается безпорядокъ смерти. Докторъ говоритъ громко, ящики въ комодѣ отворены, на столѣ стклянки, чашки и листы бумаги, исписанные его прекраснымъ почеркомъ... И попрежнему слышится дыханье, тяжелое, отрывистое, все болѣе и болѣе отдаленное, по мѣрѣ того, какъ эта свѣтлая душа углубляется въ нѣдра вѣчной ночи... Моя жена молится и плачетъ, стоя на колѣняхъ у кровати; я не знаю молитвъ и, взявъ его руку, мокрую, горячую, говорю тихо, у самаго его рта, такъ что мои слезы сливаются съ его предсмертнымъ потомъ: «Гонкуръ, другъ мой, это я... Я подлѣ васъ, близко, близко...». Я не знаю, слышалъ ли онъ мой голосъ; но временамъ мнѣ казалось, что слышитъ, такъ какъ вдругъ прерывалось его тяжелое дыханье, и онъ какъ будто прислушивался къ тому, что я говорилъ ему о братѣ Жюлѣ, котораго онъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ. Неожиданно, почти грубо, онъ выхватилъ свою постепенно холодѣвшую руку изъ моихъ рукъ. Повидимому, агонія сопровождается подобными лихорадочными движеніями. Для меня это было порывомъ друга, который торопится уѣхать и поспѣшно отдѣлывается отъ излишнихъ проводовъ. О бѣдный Гонкуръ, товарищъ честный и преданный!... Сколько времени оставались мы у его смертнаго одра? Который былъ часъ, когда мы сошли внизъ, пораженные печалью? Я не могу этого сказать. Я знаю только, что свѣчи были зажжены въ его комнатѣ, а его

окоченѣлыя руки моя жена обвила четками. Слабый свѣтъ уже пробивался сквозь окна; я, какъ трусъ, накинулся на хлоралъ и, засыпая, слышалъ, что Люсьенъ рыдалъ въ своей комнатѣ. Спустя два часа, меня разбудило пѣнье птицы, весело привѣтствовавшей невинными руладами восходъ солнца. Съ минуту я лежалъ, ничего не думая, ничего не понимая; сознанье о случившемся вернулось ко мнѣ только тогда, когда я услышалъ, что моя жена приказывала садовнику голосомъ, полнымъ слезъ: «срѣзать большія пальмовыя вѣтви и побольше розъ, всѣ розы въ саду».

Завѣщанье Гонкура еще не напечатано, но извѣстно, что онъ поручилъ душеприказчикамъ Додэ и Генику продать всѣ его драгоцѣнныя художественныя коллекціи, стоящія около милліона, и учредить знаменитую Гонкуровскую академію, планъ которой онъ еще составилъ съ братомъ Жюлемъ. Цѣль этой академіи—создать соперницу академіи Ришелье; принимать въ свою среду молодыя силы, отверженныя во дворцѣ Мазарини, давать имъ содержаніе по 6,000 франковъ въ годъ и назначать ежегодную премію въ 5,000 франковъ за лучшее литературное произведеніе. Изъ этого новаго цикла безсмертныхъ, число которыхъ ограничено десятью, исключены политическіе дѣятели, аристократы, поэты, чиновники, члены старой академіи. Первоначально Гонкуръ назначилъ членами своей академіи: Теодора-де-Банвиля, Барбэ д'Оревильи, Леона Кладеля, Гюстава Флобера, Поля Сенъ-Виктора, Тургенева, Валеса, Луи Вельо, Эмиля Зола и Альфонса Додэ, но изъ нихъ только двое остались въ живыхъ, да и то Зола потерялъ право быть Гонкуровскимъ академикомъ, являясь вѣчнымъ кандидатомъ въ оффиціальные безсмертные. По завѣщанію поэтому назначены восемь академиковъ: Альфонсъ Додэ, Луи Гнемансъ, Октавъ Мирбо, оба Рони, Леонъ Геникъ, Поль Маргулетъ и Гюставъ Жофруа; остальныхъ двухъ предоставлено выбрать уже этимъ Гонкуровскимъ безсмертнымъ.

СМѢСЬ.

ОТКРЫТІЕ памятника императору Александру III. 5 августа, въ Красносельскомъ лагерѣ, въ мѣстѣ расположенія офицерской стрѣлковой школы, происходило въ присутствіи великаго князя Владиміра Александровича открытіе памятника-бюста императора Александра III, воздвигнутаго по инпціативѣ начальника стрѣлковой школы генералъ-маіора Гапонова на томъ мѣстѣ, гдѣ съ 1 іюня по 7 августа 1864 года жилъ въ шатровой палаткѣ въ Бозѣ почивающій императоръ, командуя въ то время стрѣлковою ротой учебнаго баталіона. Памятникъ изображаетъ императора въ парадномъ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ. Бюстъ, обращенный лицомъ къ авангардному лагерю, сдѣланъ изъ бронзы по модели академика скульптуры Попова, установленъ на квадратной колоннѣ бѣлаго мрамора, которая въ свою очередь укрѣплена на сѣро-синемъ гранитномъ полированномъ цоколѣ, имѣющемъ основаніемъ квадратную чеканную глыбу финляндскаго гранита. На цоколѣ бронзовый иниціалъ имени въ Бозѣ почивающаго императора, подъ императорскою короной, окруженный лавровымъ вѣнкомъ. Вокругъ памятника на девяти чугунныхъ выкрашенныхъ подъ гранитъ колоннахъ висятъ массивныя свободно опущенныя корабельныя цѣпи. Нѣсколько лѣвѣе памятника была поставлена красиво декорированная палатка, въ которой жилъ 32 года тому назадъ великій князь Владиміръ Александровичъ, будучи въ то время субалтернъ-офицеромъ въ стрѣлковой ротѣ учебнаго баталіона. Въ палаткѣ поставлена желѣзная садовая мебель и такой же круг-

лый желѣзный столъ со слѣдующею надписью: «Мѣсто ставки его императорскаго высочества великаго князя Владиміра Александровича въ 1864 году». Надпись сдѣлана кругомъ и увѣнчана короной. Съ 11 час. утра у памятника, который былъ декорированъ цвѣтами и тропическою зеленью, построились двумя фасами полуроты: стрѣлковой школы, Красноярскаго полка и учебно-стрѣлковой морской команды, имѣя на правомъ флангѣ оркестръ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка. Третьимъ фасомъ выстроился перемѣнный составъ офицеровъ школы. Здѣсь собрался кадръ школы съ начальникомъ ея генералъ-маіоромъ Гапоновымъ во главѣ. Въ началѣ двѣнадцатаго часа прибылъ августѣйшій главнокомандующій, принявъ рапортъ, прослѣдовалъ къ памятнику, гдѣ ожидали протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства и нѣсколько полковыхъ священниковъ. Началось молебствіе съ провозглашеніемъ вѣчной памяти императору Александру III. По окончаніи молебствія покрывало, окутывавшее бюстъ, упало, и памятникъ былъ окропленъ св. водой. Торжество закончилось церемоніальнымъ маршемъ присутствовавшихъ при открытіи памятника войсковыхъ частей.

Раскопка кургана. Недавно секретаремъ Псковскаго археологическаго общества Ф. А. Упаковымъ производилась раскопка кургана-могильника близъ погоста Камна, въ 7 верстахъ отъ Пскова. Давно уже въ народѣ говорили, что курганъ этотъ скрываетъ подъ собою богатый старинный кладъ. Курганъ представлялъ собою искусственную насыпь около сажени высоты и около 30 саженъ въ основаніи. Въ первый день работъ, по прорытіи насыпи крестообразно, лишь къ вечеру найдено было нѣсколько относящихся къ древности предметовъ, именно: точильный камень пепельнаго цвѣта, около 2 вершковъ длины съ отверстіемъ для подвѣшиванія къ поясу, каменныя не особенно чисто отшлифованныя бусы, обломки горшковъ изъ бурой глины съ украшеніями и безъ нихъ и куриная кость, отверстіе въ которой свидѣтельствуетъ, что она служила предметомъ украшенія. На второй день стали во множествѣ (свыше 30) попадаться отдѣльные очаги съ сохранившимся у каждаго сосновымъ углемъ, рыбьею чешуею, человѣческими костями и—у одного скелетомъ зайца. На третій день открытъ былъ человѣческій скелетъ въ 2 аршина 5 вершковъ длины, съ лицомъ, обращеннымъ на западъ. Возлѣ него—остатки угля, чешуи, человѣческихъ костей, черепковъ и т. п. Скелетъ лежалъ въ нарочно сдѣланномъ изъ плиты помѣщеніи съ каменнымъ возглавіемъ. Ниже скелета нашли пластъ извести, образовавшейся изъ ряда нарочно положенной плиты, которая и составляла основаніе насыпи; на извести—груду сосноваго угля. Дальше уже шла природная почва. Всѣ найденные предметы, числомъ до 60-ти, приведены въ порядокъ, пронумерованы и переданы на храненіе въ музей общества. Полагаютъ, что образованіе кургана относится къ тому времени, когда было еще въ обычаѣ трупосожженіе, и что самый курганъ представляетъ могилу родоначальника (главный очагъ), возлѣ которой были постепенно сожигаемы его позднѣйшіе или менѣе знаменитые родичи (мелкіе очаги). Нахожденіе здѣсь же рыбныхъ и заячьихъ костей и предметовъ домашней утвари объясняютъ сохранившимся слѣдами совершенія надъ умершими у жившихъ здѣсь когда-то кривичей, какъ и всѣхъ вообще славянъ, тризны.

Пожаръ въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ. 11 августа, въ 6 часовъ 30 минутъ утра, произошелъ пожаръ въ Румянцовскомъ музеѣ. Огонь показался въ читальной залѣ, гдѣ загорѣлись шкафы съ книгами, а затѣмъ пламя начало переходить на стѣны этой залы. Благодаря скорому прибытію пожарныхъ командъ пяти частей, распространеніе огня было удержано, а черезъ нѣсколько времени и пожаръ совсѣмъ прекращенъ. Пожаромъ истреблено шесть шкафовъ съ книгами и попорчено водой и дымомъ около 20 шкафовъ. Между прочимъ попорченъ шкафъ съ книгами Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія съ 1840 по 1896 годъ. Точное же количество сгорѣвшихъ и попорченныхъ книгъ пока еще не выяснено. Причиной пожара, какъ полагаютъ, было неосторожное обращеніе съ огнемъ служителей музея, производившихъ наканунѣ вечеромъ уборку.

Отчетъ Нижегородской городской общественной библіотеки за 1895 г. Средства библіотеки къ 1 января 1895 г. составляли 2,086 р. 48 к.; въ отчетномъ году поступило: пособій—2,700 р., процентовъ—95 р. 17 к., абонементной платы и пр. 1,827 р. 80 к., а всего 4,622 р. 97 к. Залоговъ къ 1 января 1895 г. оставалось 2,273 р., вновь поступило въ отчетномъ году 209 р., а всего 4,364 р. Всего въ активѣ было 11,073 р. 45 к. Израсходовано же и возвращено залоговъ всего на 5,792 р. 38 к. Къ 1 января 1896 г. состояло собственныхъ средствъ библіотеки на 2,843 р. 57 к. и залоговъ на 2,437 р. 50 к., а всего 5,281 р. 17 к. Къ 1 января 1895 г. въ библіотекѣ числилось 29,649 томовъ (? названій). Въ отчетномъ году пріобрѣтено покупкою 588 названій въ 1,197 томахъ на номинальную стоимость 1,650 р. 48 к., а пожертвовано 162 названія въ 198 томахъ на номинальную стоимость 245 р. 10 к. Къ 1 января 1896 г. инвентарь библіотеки заключалъ 31,044 предмета, въ томъ числѣ книгъ, брошюръ, литографированныхъ изданій 11,619 названій въ 16,532 томахъ, періодическихъ изданій въ 14,191 томахъ, картъ, атласовъ, плановъ 52 экз., фотографій и проч. 64 экз. Кромѣ того, библіотека имѣетъ гипсовые бюсты Пушкина и Тургенева и портретъ Лобачевскаго. Стоимость книгъ по номинальной цѣнѣ, считая и переплеты, 54,761 р. 4 к., прочей движимости—2163 р. 52 к. Библіотека застрахована въ 52,500 р. Въ отчетномъ году библіотека была открыта 337 дней; посѣтителей читальни зарегистровано 21,201 мужчина, 180 женщинъ, 323 дѣтей, всего 21,704 лица, изъ которыхъ 15,721 довольствовались чтеніемъ газетъ и только 5,985 требовали для чтенія книги и журналы. Абонементовъ къ 1 января 1895 г. оставалось 575, въ отчетномъ году поступило платныхъ 2,916, безплатныхъ 36, всего 2,952; изъ нихъ къ 1 января 1896 г. осталось 611. Въ общемъ платныхъ и безплатныхъ посѣтителей въ теченіе года было 54,828, а книгъ было выдано 56,868.

Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки за 1895 г. свидѣтельствуетъ о непрекращающемся ростѣ этого учрежденія. Такъ, на содержаніе библіотеки городскимъ общественнымъ управленіемъ было въ этомъ году ассигновано 10,020 р., болѣе, чѣмъ въ предъидущемъ, на 323 р. Обогатилась библіотека книгами 5,076 названій въ 7,541 томѣ на сумму до 9,644 р. 19 к., изъ числа которыхъ пожертвовано 4,306 названій въ 5,717 томахъ на сумму до 7,000 р., куплено—746 названій въ 1,797 томахъ на сумму 2,620 р. 99 к. и обмѣнено

на дублеты 24 названія въ 27 томахъ на 23 р. 20 к., такъ что къ 1 января 1896 г. инвентарь библіотеки включалъ 46,188 названій въ 87,915 томахъ. Кромѣ книгъ, библіотека имѣетъ 13 славяно-русскихъ рукописей, 177 гравюръ (нѣсколько очень рѣдкихъ), 233 автографа и нѣсколько портретовъ. Сверхъ того, при городской публичной библіотекѣ находится въ распоряженіи ея правленія и для пользованія ея посѣтителей библіотека Одесскаго славянскаго благотворительнаго общества изъ 2,545 названій въ 3,647 томахъ и небольшой коллекціи рукописей и старопечатныхъ книгъ—54 экз. Изъ поступленій въ библіотеку слѣдуетъ особенно отмѣтить пріобрѣтеніе библіотеки проф. Надлера въ 444 названія за 1,000 р., ассигнованныхъ ей на это городскимъ общественнымъ управленіемъ, и пожертвованіе Одесскаго отдѣльнаго цензора по внутренней цензурѣ О. I. Ламкерта, передавшаго въ библіотеку съ разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати всѣ накопившіяся за послѣдніе годы въ архивѣ его книги—2,924 названія въ 2,927 томахъ. Послѣднее поступленіе тѣмъ болѣе цѣнно, что пополнило собраніе мѣстныхъ изданій, которыя, къ сожалѣнію, не всегда охотно доставляются въ библіотеку мѣстными типографіями. Билетовъ на право занятія въ библіотекѣ въ отчетномъ году выдано 4,637, мужчинамъ 3,954, женщинамъ 683, больше противъ прошлаго года на 384. Означенныя лица посѣтили библіотеку 51,511 разъ; требованій въ отчетномъ году удовлетворено 76,988; отказано было по разнымъ причинамъ въ 5,882 требованіяхъ. Нельзя не отмѣтить въ частности сообщенія отчета, что по отдѣлу русской и всеобщей словесности посѣтители въ большемъ количествѣ требуютъ сочиненій легкаго содержанія и фельетоннаго характера, но что въ виду этого обычнаго въ публичныхъ библіотекахъ явленія администрація одесской библіотеки, строго слѣдуя своему принципу—содѣйствовать развитію литературныхъ вкусовъ и способствовать просвѣщенію посѣтителей, настойчиво отказывала въ выдачѣ подобнаго рода сочиненій и многимъ, особенно юнымъ посѣтителямъ, рекомендовала сочиненія Гоголя, Тургенева и др. Кромѣ того, въ отчетномъ году составленъ инвентарь библіотеки, имущество которой застраховано въ 137,000 р.

† **Ю. Н. Говоруха-Отрокъ (Ю. Николаевъ).** 27 іюля, на дачѣ въ Разумовскимъ (подъ Москвою), скончался даровитый литературный и театральный критикъ Юрій Николаевичъ Говоруха-Отрокъ, извѣстный болѣе по своему псевдониму Ю. Николаевъ, подъ которымъ онъ постоянно участвовалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Эта смерть является новой тяжелой утратой нашей литературы, потерявшей въ покойномъ критика, отличавшагося здравымъ и тонкимъ художественнымъ вкусомъ, независимостью и прямотою сужденій и сравнитеьно съ его собратьями по роду литературной дѣятельности широкимъ и основательнымъ образованіемъ. Въ качествѣ критика покойный былъ, можно сказать, Страховымъ въ миніатюрѣ. Онъ воспиталъ свой вкусъ на его произведеніяхъ и въ своей критикѣ по большей части примѣнялъ его принципы и точку зрѣнія къ оцѣнкѣ ежедневныхъ явленій текущей литературы. Но были, конечно, и области, въ которыхъ онъ являлся не ученикомъ, а самостоятельнымъ цѣнителемъ: такъ, напримѣръ, онъ далъ нѣсколько драгоцѣнныхъ разъясненій къ характеристикѣ Гамлета Шекспира, въ особенности тонко, глубоко и самостоятельно растолковавъ значеніе духа въ этой пьесѣ.

Срочная журнальная работа, совершенно надрывавшая его слабые нервы, много мѣшала ему развернуть въ полной силѣ свое дарованіе. Оттого цѣнность работъ покойнаго весьма неравномѣрна, и наряду съ прекрасными и вѣрными мыслями въ нихъ встрѣчаются блѣдныя, недоговоренныя или наоборотъ чрезмѣрно растянутыя мѣста. Уроженецъ юга, покойный получилъ образованіе въ Харьковскомъ университетѣ и, какъ большинство провинціальной молодежи, особенно въ его время, т.-е. въ началѣ семидесятыхъ годовъ, подпалъ подъ вліяніе сперва либеральной прессы, а потомъ и нигилистической пропаганды. Замѣшанный въ одномъ политическомъ дѣлѣ, онъ попалъ въ крѣпость, гдѣ, между прочимъ, впервые ознакомился изъ крѣпостной библіотеки съ представителями истинной, художественной критики, въ частности съ ея выдающимся представителемъ Григорьевымъ, а также и Страховымъ. Къ этому же времени слѣдуетъ отнести начало вліянія на него Достоевскаго, сыгравшее важную роль въ его духовной эмансипаціи изъ-подъ власти дикихъ и невѣжественныхъ ученій, которымъ онъ подчинялся. Отбывъ заключеніе, онъ поступилъ было на службу по судебному вѣдомству; но тяжелый, нетерпимый и раздражительный характеръ помѣшалъ ему удержаться на ней. Характерно, впрочемъ, что причиной его неудачи было разногласіе его во имя консервативныхъ началъ со своимъ собственнымъ вѣдомствомъ. Тогда покойный обратился къ литературѣ. Съ начала восьмидесятыхъ годовъ, подъ псевдонимами и безъ подписи, началъ онъ принимать участіе въ провинціальной прессѣ; затѣмъ постепенно перешелъ въ органы столичной печати, а съ конца восьмидесятыхъ годовъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и на ихъ страницахъ открылъ свою разнообразную дѣятельность, въ формѣ передовыхъ статей, критическихъ очерковъ, этюдовъ и замѣтокъ, посвященныхъ «вопросамъ дня», «текущимъ новостямъ», явленіямъ въ сферѣ науки, литературы и искусствъ, въ области общественной и государственной жизни. Напримѣръ, было время, когда онъ еженедѣльно, по понедѣльникамъ, печаталъ свои живыя «Замѣтки», подписываясь *Vox;* затѣмъ былъ другой періодъ времени—конецъ царствованія государя Александра III, когда Ю. Н. задумалъ «Маленькіе этюды о большихъ вопросахъ», за подписью «Скромный Лѣтописецъ» («Московскія Вѣдомости» 1894 г., №№ 278, 283, 337 и слѣд.). Но особенно онъ сталъ извѣстенъ подъ своимъ псевдонимомъ Ю. Николаевъ, когда съ 1890 года, почти непрерывно, сталъ вести по четвергамъ «Литературныя Замѣтки», а съ августа 1892 года по воскресеньямъ (кромѣ великаго поста и лѣтняго времени) «Театральную хронику». Почти всѣ эти статьи остались «на листахъ» Московскихъ Вѣдомостей за періодъ 1890 — 1896 годовъ, и лишь немногія изъ нихъ вышли отдѣльными книжками, какъ, напримѣръ: «Послѣднія произведенія гр. Л. Н. Толстаго» (М. 1890 г., 38 стр.) и критическій этюдъ «Тургеневъ» (М., 1894 г., 263 стр.). При такой непрерывной работѣ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», Ю. Н. съ 1890 года почти совсѣмъ не участвовалъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Намъ извѣстны только его немногіе очерки въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за подписью Ю. Н. Елагинъ, критическій этюдъ «В. Г. Короленко» («Русское Обозрѣніе», 1893 г., кн. 1, 2, 4; отдѣльно: М., 1893 г.), статья «Ренанъ, какъ беллетристъ» (Русское Обозрѣніе, 1893 г.;

кн. 6), да небольшой отзывъ о сочиненіяхъ одного изъ молодыхъ писателей, написанный въ 1894 году по порученію Императорской Академіи Наукъ и удостоенный ею золотой Пушкинской медали. Годъ тому назадъ, покойный задумалъ большой трудъ о Гоголѣ. Онъ усердно собиралъ матеріалы, внимательно пересматривалъ всю библіографію объ этомъ писателѣ, слѣдилъ за каждою статьею объ авторѣ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», а въ то же время тщательно изучалъ его произведенія по изданію професора Тихонравова и въ бесѣдѣ почему-то называлъ такую работу «послѣднимъ своимъ долгомъ» («Московскія Вѣдомости», №№ 205, 206, 207, 208 и нѣкоторые слѣдующіе; «Русское Слово», №№ 202, 203, 204 и нѣкоторые слѣдующіе; «Новое Время», № 7335). Приведемъ наиболѣе замѣчательные отзывы о покойномъ нашей повременной печати. Кн. Мещерскій въ «Гражданинѣ» (№ 61) пишетъ по поводу кончины покойнаго: «Говоруха-Отрокъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ изъ Савла превратился въ Павла, и отъ самыхъ либеральныхъ увлеченій перешелъ послѣ внутренней борьбы къ твердому и убѣжденному консерватизму, но перешелъ безъ шума, безъ рекламы, безъ практическихъ пріемовъ. Его обращеніе совершилось совсѣмъ безкорыстно и совсѣмъ искренно. Обратившись путемъ борьбы съ размышленіями надъ жизнью, онъ не только глубоко увѣровалъ своимъ новымъ, просвѣтившимъ его убѣжденіямъ, но горячо вдохновленный своимъ обращеніемъ, создалъ изъ него торжествующую и всемогущую силу для своего разума. И душу, и разумъ, и перо свое онъ отдалъ на фанатичное служеніе своимъ свѣтлымъ убѣжденіямъ въ печати: любимою работою его стала критика, въ ней онъ могъ отражать и свое тонкое чутье художника, и свои пріобрѣтенныя борьбою и душевными страданіями убѣжденія, и какъ критикъ, онъ помоему не имѣлъ себѣ равнаго въ русской печати. Но какъ же, скажетъ читатель, никто объ немъ не говорилъ и не писалъ? Да, никто не писалъ, и никто не говорилъ, потому: 1) что онъ перешелъ отъ либеральныхъ увлеченій къ твердымъ консервативнымъ убѣжденіямъ,—этого не любитъ наша по принципу безпринципная печать, и 2) что при нынѣшнихъ условіяхъ и при нынѣшнемъ уровнѣ нашей печати замалчиваніе и игнорированіе крупнаго таланта съ сильнымъ консервативнымъ направленіемъ есть духовная современная потребность. И такъ дали умереть одному изъ талантливѣйшихъ критиковъ въ нашей литературѣ, не только не поднявши его съ гордостью за Россію надъ другими, но даже не замѣтивъ его таланта... Жалкое время, жалкое племя!»—«Московскія Вѣдомости» такъ характеризуютъ своего скончавшагося сотрудника (№№ 205 и 007): «Замѣчательно начитанный, отличный знатокъ русской литературы и искусства, одаренный способностію вѣрно и правильно оцѣнивать предметъ, подлежавшій его суду, покойный твердо и неуклонно шелъ тѣмъ путемъ, который начерталъ себѣ съ самаго начала. Онъ вѣрилъ и училъ, что литература и искусство заключаютъ въ себѣ самихъ столько возвышеннаго и святаго, что никакая тенденція, вносимая въ нихъ, подъ вліяніемъ теченія времени, не въ состояніи унизить ихъ, но что для этого литература должна покоиться на тѣхъ началахъ христіанства, которыя легли въ основаніе нынѣшняго общественнаго и государственнаго устройства. Обладая сильнымъ и живымъ умомъ и чисто философскимъ складомъ мышленія, богато одаренный творческою фанта-

зіей и чувствовавшій съ самаго ранняго возроста любовь и влеченіе къ литературѣ, почившій занялъ бы, конечно, видное мѣсто въ любой ея отросли. Такъ первое время, когда молодыя силы его еще не знали своего настоящаго призванія, онъ выступалъ и на поприщѣ публицистики, писалъ повѣсти и прочее. Но умственная зрѣлость и опытъ опредѣлили, наконецъ, его дорогу: даръ глубокаго и проникновеннаго анализа, тонкій и вѣрный вкусъ къ изящному и прекрасному въ области слова, наконецъ, глубоко продуманная и прочувствованная основа въ видѣ стройнаго христіански-философскаго міросозерцанія привлекли его окончательно къ критикѣ. И, какъ ни непродолжительна была его дѣятельность, она поставила имя его въ первомъ ряду современныхъ писателей въ этой области и, конечно, оставитъ свой слѣдъ въ отечественной литературѣ. Несомнѣнно, что дорогой талантливый почившій товарищъ нашъ далеко не сказалъ своего послѣдняго слова. Отвлекаемый текущею журнальною работой и личными дѣлами, онъ сравнительно ничтожную часть своего времени посвящалъ на болѣе обширныя работы». — Далѣе, г. І. Ясинскій въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (№ 210) говоритъ: «Первая повѣсть его прошла черезъ мои руки и была напечатана въ «Словѣ» подъ псевдонимомъ Юрко. Двѣ другія его повѣсти тоже должны были пойти въ «Словѣ», но, за выходомъ моимъ изъ редакціи этого журнала, появились въ «Вѣстникѣ Европы». Еще маленькая вещица его была напечатана въ «Полярной Звѣздѣ» гр. Саліаса. Кажется, это—весь беллетристическій багажъ Говорухи-Отрока. Въ этихъ повѣстяхъ была искренность, но искренность какой-то изломанной души. Молодое сердце писателя страдало отъ несовпаденія дѣйствительности и мечтаній. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ было много молодыхъ людей такихъ, какъ тогдашній Говоруха-Отрокъ. Покончивъ съ беллетристикой, Говоруха-Отрокъ сталъ публицистомъ и долго писалъ въ «Южномъ Краѣ» подъ псевдонимомъ Никто. Наконецъ, онъ сдѣлался критикомъ и сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей». Онъ уже не былъ ни радикаломъ, ни либераломъ; въ немъ, однако осталась прежняя изломанность и, того спокойствія, которое рисуется воображенію при словѣ консерваторъ, въ немъ не было совсѣмъ. Этотъ консерваторъ производилъ впечатлѣніе анархиста, — такъ онъ былъ рѣзокъ, нетерпимъ, подчасъ свирѣпъ въ своихъ приговорахъ. И въ то же время что-то нѣжное и прекрасное таилось на днѣ его души. Это очень подкупало и располагало къ нему. Слѣдуетъ отмѣтить, что изъ всѣхъ либеральныхъ почитателей таланта г. Короленко никто такъ не увлекался имъ, какъ консервативный Говоруха-Отрокъ. Онъ написалъ о г. Короленко цѣлую книгу. Не знаю, распространена ли эта книга. А она заслуживаетъ вниманія—не только въ литературномъ отношеніи, но и въ этическомъ, какъ образчикъ безпристрастія, достойный подраженія». Затѣмъ г. Ясинскій говоритъ, что личность писателя нерѣдко вызываетъ во враждебномъ ему лагерѣ «узкія и тенденціозныя оцѣнки. Можетъ быть, это и хорошо съ боевой точки зрѣнія. Но есть высшая точка зрѣнія. Есть справедливость. Съ этой точки зрѣнія покойный Говоруха-Отрокъ долженъ быть помянутъ добрымъ словомъ». Перепечатывая эту замѣтку, редакція газеты «Волгарь» добавляетъ отъ себя: «На современномъ публицистическомъ безлюдьи нашей литературы Говоруха-Отрокъ выдѣлялся своею начитанностью, образованіемъ и представлялъ замѣтную ве-

личину». Наконецъ «Южный Край» слѣдующимъ образомъ отзывается на его кончину: «Въ лицѣ Юрія Николаевича сошелъ въ могилу даровитѣйшій критикъ нашего времени, всецѣло проникнутый лучшими литературными преданіями и неуклонно отстаивавшій ихъ со своимъ обычномъ изяществомъ и блескомъ изложенія, всегда отличавшагося тонкимъ пониманіемъ дѣла, стройностью и философскою законченностью міросозерцанія и мастерскою оцѣнкой разбираемыхъ произведеній. Его литературная дѣятельность отличалась разносторонностью и широкою популярностью. Онъ былъ не только талантливымъ, но и выдающимся публицистомъ».

† **К. В. Тхоржевскій.** 13-го іюля скончался въ кумысо-лѣчебномъ заведеніи на станціи Тургенево Самаро-Златоустовской желѣзной дороги Корнелій Владиславовичъ Тхоржевскій, сотрудникъ многихъ газетъ (въ томъ числѣ и «Гражданина» князя Мещерскаго), не лишенный дарованія беллетристъ, разсказы котораго, по преимуществу изъ военнаго быта, пользовались успѣхомъ. Покойный, уроженецъ Саратова (изъ дворянъ), скончался отъ чахотки въ цвѣтѣ лѣтъ—на 38-мъ году жизни, въ чинѣ полковника пограничной стражи. При объявленіи войны въ 1877 г. покойный съ гимназической скамьи поступилъ въ кавказскую дѣйствующую армію, блистательно отличился при штурмѣ Карса и былъ посланъ съ донесеніемъ о взятіи этой крѣпости къ августѣйшему главнокомандующему великому князю Михаилу Николаевичу. За Карсъ К. В. Тхоржевскій награжденъ былъ Георгіемъ 4-й степени. Затѣмъ онъ служилъ въ Саратовѣ, Казани и на о. Эзелѣ, перейдя потомъ въ пограничную стражу. Имя его останется въ нашей охотничьей литературѣ. Имъ изданы иллюстрированныя «Записки о рыбной ловлѣ», а въ соучастіи съ г. Телепневымъ издавалась спеціальная охотничья газета «Приволжскій вѣстникъ охоты». Два или три года имъ редактировалась «Русь» князя Мещерскаго. («Гражданинъ», № 57; «Новое Время», № 7324).

† **Н. А. Лебедевъ.** Въ первыхъ числахъ августа въ Петербургѣ скончался 83 лѣтъ отъ роду одинъ изъ журнальныхъ дѣятелей. Николай Аѳанасьевичъ Лебедевъ, редактировавшій и издававшій газету «Производитель и промышленникъ», издатель многихъ отдѣльныхъ брошюръ и книгъ и сотрудникъ различныхъ журналовъ и газетъ. Н. А. воспитаніе получилъ сначала въ военно-учительскомъ институтѣ 1-го округа военныхъ поселеній, а потомъ, состоя уже на службѣ въ V отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, дополнилъ свое образованіе и, по выдержаніи въ 1859 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ испытанія, удостоенъ званія учителя русскаго языка. Первое произведеніе покойнаго—эскизъ «Петербургскія свахи», было напечатано въ «Иллюстраціи», издававшейся Н. В. Кукольникомъ. Затѣмъ имъ напечатаны въ газетахъ и журналахъ статьи: «Городъ Самара», «О биркахъ и времени ихъ употребленія въ Россіи», «Практическій человѣкъ» (очеркъ), «Фитюлинъ» (очеркъ), «Ворожея» (легенда), напечатанн. въ «Литературной газетѣ», издаваемой В. Р. Зотовымъ, «Слѣдователь»—въ «Иллюстраціи», изданіи его же, «Графъ П. Д. Киселевъ, какъ докладывающій по дѣламъ бывшаго V отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи», «Генералъ-адъютантъ графъ П. Д. Киселевъ, какъ министръ государственныхъ имуществъ» и др.

Изъ отдѣльныхъ брошюръ, изданныхъ Н. А. въ разное время, извѣстны: «Разсказы для государственныхъ крестьянъ» (1854 г.), «Лейбъ-гв. Финляндскій полкъ подъ с. Госсою въ 1813 г.», «Макарій, митрополитъ московскій» (очеркъ), 1882, и много другихъ («Новое Время», № 7345).

† **П. А. Трифоновъ.** Въ первыхъ числахъ августа скончался въ Царскомъ Селѣ, послѣ продолжительной болѣзни, Порфирій Алексѣевичъ Трифоновъ. Покойный родился въ 1844 году въ Петербургѣ, воспитывался въ Артиллерійскомъ училищѣ и затѣмъ поступилъ въ Артиллерійскую академію, но въ шестидесятыхъ годахъ оставилъ военную службу и сталъ заниматься литературнымъ трудомъ. Покойный сотрудничалъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» въ періодъ редакціи В. Ѳ. Корша, въ «Заграничномъ Вѣстникѣ», «Молвѣ», «Порядкѣ» и другихъ, гдѣ велъ критическій музыкальный отдѣлъ. Во время послѣдней войны съ Турціей онъ былъ на театрѣ войны, какъ корреспондентъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», а въ послѣднія 15 — 20 лѣтъ служилъ въ министерствѣ путей сообщенія, былъ сотрудникомъ «Вѣстника Европы», гдѣ помѣщалъ біографіи съ критическимъ разборомъ сочиненій выдающихся музыкальныхъ композиторовъ, русскихъ и иностранныхъ. Такимъ образомъ были написаны имъ біографіи Вагнера, Листа, Берліоза, Шумана, Шопена, и русскихъ: Глинки, Даргомыжскаго, Мусоргскаго, Бородина, Римскаго-Корсакова, и остались неоконченными «Очерки исторіи русской музыки» и статья о Кюи. («Новое Время», № 7339; «Русскія Вѣдомости», № 217; «Русское Слово» № 209).

† **В. С. Узловскій.** 18 іюля скончался докторъ Викентій Степановичъ Узловскій. Покойный былъ членомъ-корреспондентомъ Вольно-Экономическаго и Минералогическаго обществъ; въ 60-хъ годахъ принималъ дѣятельное участіе въ «Сѣверной Почтѣ», а послѣ въ «Петербургскомъ Листкѣ» И. А. Арсеньева, а также въ составленіи и редактированіи исторіи Вольно-Экономическаго общества. Перу покойнаго принадлежитъ сочиненіе «Небо и Звѣзды», выдержавшее нѣсколько изданій, а также переводъ «Работницы» Ж. Симона. Погребенъ В. С. Узловскій на Выборгскомъ римско-католическомъ кладбищѣ. («Новое Время», № 7329; «Русское Слово», № 201).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Портретъ Суворова.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ Рязани квартировалъ Фанагорійскій гренадерскій генералиссимуса князя Суворова полкъ. Фанагорійцы были любимымъ полкомъ знаменитаго полководца и участвовали во всѣхъ его главнѣйшихъ походахъ и битвахъ.

Какъ бывшій офицеръ Суворовскаго полка, я посѣщалъ иногда его офицерское собраніе и тамъ, въ библіотекѣ, увидѣлъ портретъ нашего шефа, совершенно не сходный съ портретами, прежде мною видѣнными. Благодаря лю-

безному разрѣшенію бывшаго тогда командиромъ полка, полковника Вишневскаго, фотографъ нашей архивной комиссіи, г. Либовичъ, снялъ для меня копію съ этого портрета, который и воспроизводится въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Портретъ поясной, писанъ въ Италіи, въ 1799 г., и отъ времени (почти 100 лѣтъ) почернѣлъ. На лицѣ виденъ загаръ итальянскаго солнца, такъ что лицо представляется бурого цвѣта съ красноватымъ отливомъ. Выраженіе этого некрасиваго лица нѣсколько натянутое, въ немъ просвѣчиваетъ какъ будто досада, неудовольствіе, утомленіе... Преобладающая черта— приподнятыя брови и нѣсколько опущеныя вѣки [1]). На лбу традиціонный локонъ сѣдыхъ волосъ.

Время написанія портрета можно опредѣлить довольно точно по портрету императора Павла, осыпанному бриліантами, украшающему грудь Суворова. Портретъ этотъ пожалованъ ему за побѣду при Треббіи, одержанную 7, 8 и 9 іюля 1799 г., а въ началѣ сентября Суворовъ уже выступилъ изъ Италіи въ швейцарскій походъ. Портретъ былъ розысканъ въ Италіи, въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, дочерью Суворова, и по усердной просьбѣ одного изъ бывшихъ командировъ Фанагорійскаго полка, полковника Попова, переданъ ею въ полкъ, о чемъ въ полковомъ архивѣ есть переписка.

А. Мансуровъ.

---

[1]) Извѣстный военный писатель, Д. В. Давыдовъ, въ статьѣ своей «Встрѣча съ великимъ Суворовымъ» (въ 1798 г.), такъ описываетъ наружность Суворова: «на немъ не было ни ленты, ни крестовъ: это мнѣ очень памятно, какъ и черты сухощаваго лица его, покрытаго морщинами, достойными наблюденія Лафатера, какъ и поднятыя брови и нѣсколько опущенныя вѣки. Вотъ отчего мнѣ не нравится ни одинъ изъ его бюстовъ, ни одинъ изъ его портретовъ, кромѣ портрета, писаннаго въ Вѣнѣ, во время проѣзда его въ Италію, съ котораго вѣрнѣйшая копія находится у меня, да бюста Гишара, изваяннаго по слѣпку съ лица послѣ его смерти, Портретъ, искусно выгровированный Уткинымъ, непохожъ; онъ безъ оригинальнаго выраженія его физіономіи и безжизненъ».

ЗА СВОБОДУ

(FOR LIBERTY).

РОМАНЪ ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ ПЕРЕДЪ ВОЙНОЙ СѢВЕРА СЪ ЮГОМЪ

АРТУРА ПАТЕРСОНА

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1896

I.

Два пророка.

БЫЛЪ МАРТЪ, то дождливый, то снѣжный, то грязный, то пыльный, то душный отъ палящаго солнца, то холодный отъ ледяного вѣтра. Въ это время года даже люди, живущіе въ уютныхъ домахъ и не подвергающіеся разъяренной борьбѣ стихій, жалуются на кашель и ревматизмъ, а доктора имѣютъ работы сверхъ головы; что же касается до тѣхъ, которые должны выносить на себѣ всѣ непріятности непогоды, то они страдаютъ, по меньшей мѣрѣ, хронической простудой и нервымъ разстройствомъ, которыя тяжело отзываются на ихъ семействахъ.

Нашъ разсказъ касается Америки 1856 года, и тогда человѣкъ, проѣхавшій въ мартѣ мѣсяцѣ изъ Сентъ-Луи до Канзасской границы, на разстояніи двухсотъ пятидесяти миль, и сохранившій здоровое пищевареніе и веселый, добродушный видъ, могъ считаться чудомъ. Въ тѣ дни существовало только два пути сообщенія: на пароходѣ по рѣкѣ Миссури, одномъ изъ самыхъ бурныхъ потоковъ въ свѣтѣ, и въ дилижансахъ, почти лишенныхъ рессоръ, снабженныхъ твердыми кожаными подушками и дѣлавшими по семи миль въ часъ. Однако, весной 1856 года, о которой идетъ рѣчь, и въ предыдущемъ мѣсяцѣ пароходы, дилижансы были переполнены пассажирами, которые торопились на западъ, чтобы занять участки дѣвственной земли Канзаса. Большинство переселенцевъ принадлежало къ классу фермеровъ, спѣшившихъ туда изъ сѣверныхъ штатовъ, отъ Мичигана до Массачузета, отъ Огіо до Вермонта. Земля предлагалась пра-

вительствомъ по самой дешевой цѣнѣ; климатъ былъ сухой и здоровый, почва самая плодородная въ странѣ—чего же еще болѣе желать? Кромѣ того, побудительной причиной къ переселенію для благородно настроенныхъ и религіозныхъ американскихъ гражданъ, преимущественно изъ новой Англіи, служилъ слухъ, сначала передаваемый шепотомъ, а потомъ громко повторяемый печатью, что если сѣверяне не составятъ большинства въ новой территоріи, то она сдѣлается рабовладѣльческимъ штатомъ, собственностью хлопчатныхъ плантаторовъ юга. Поэтому лѣтомъ и осенью 1855 года, а также весной 1856 г., до марта мѣсяца, съ котораго начинается нашъ разсказъ, сѣверные фермеры, поселяне и рабочіе непрерывнымъ потокомъ занимали Канзасъ; города, селенія и отдѣльные хутора возникали, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ за годъ передъ тѣмъ простирались необитаемыя равнины и дремучіе лѣса, едва ли когда видѣвшіе человѣческое существо.

Новое населеніе было мирное и употребляло огнестрѣльное оружіе только противъ зайцевъ, кроликовъ и дикихъ утокъ. Оно состояло изъ цѣлыхъ семействъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые всѣ были готовы работать безъ устали, чтобы извлечь изъ богатой почвы быстрый плодъ своего труда, а своими голосами, въ качествѣ равноправныхъ гражданъ просвѣщенной республики, обезпечить новой территоріи законодательное собраніе, которое имѣло бы цѣлью создать свободный штатъ для свободныхъ людей. Вотъ чего хотѣли первые сѣверные переселенцы. Не смотря на это, южная печать впослѣдствіи утверждала, что во всемъ Канзасѣ былъ только одинъ человѣкъ, который явился туда съ идеей уничтоженія рабства и возникновенія такого крестоваго похода противъ южныхъ рабовладѣльцевъ, о которомъ не мечталъ и самъ Гаррисонъ. Этого человѣка звали Джонъ Браунъ, и онъ былъ пламеннымъ аболиціонистомъ уже болѣе пятидесяти лѣтъ.

Остальные поселенцы нимало не заботились о рабствѣ внѣ предѣловъ своей территоріи, и когда лѣтомъ 1855 года произошли первые выборы мѣстнаго законодательнаго собранія, и сторонники рабства изъ Миссури явились вооруженные къ выборнымъ ящикамъ, прогнали мѣстныхъ жителей и гурьбой подали голоса за противниковъ «свободнаго штата», то спокойное сѣверное населеніе разинуло ротъ отъ удивленія и долго не знало, что ему предпринять. Вѣсти объ этомъ достигли до восточныхъ городовъ, и сѣверныя газеты, начиная съ нью-іоркской «Tribune», редакторомъ которой былъ Горасъ Грилей, забили въ набатъ и стали горячо протестовать съ энергичными угрозами противъ пограничныхъ миссурійскихъ разбойниковъ. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Самозванное законодательное собраніе Канзаса издало самые строгіе законы въ обезпеченіе рабовладѣльческихъ интересовъ, а въ Вашингтонѣ, гдѣ тогда царили южные демократы, все это охотно утверждалось. По-

тому зимою 1855 года и въ особенности въ слѣдующую весну мыслящіе люди на сѣверѣ обращали съ безпокойствомъ свои взгляды на Канзасъ, лихорадочно читали газеты и пламенно обсуждали о томъ, что представитъ міру второй актъ этой патетической драмы.

Двадцать перваго марта, вечеромъ, старый дилижансъ съ востока тяжело, шумно катился по городу Сантону, находившемуся въ двадцати миляхъ отъ Миссурійской границы. Въ немъ былъ только одинъ пассажиръ, и праздные зѣваки, собравшіеся вокругъ Шапетской гостиницы для обозрѣнія вновь прибывшихъ путешественниковъ, должны были удовольствоваться подробнымъ изслѣдованіемъ этого единственнаго прибавленія къ населенію города. Они произвели это вполнѣ основательно, а, съ своей стороны, пассажиръ, самъ таская свои многочисленные мѣшки и сундуки, такъ какъ ни одинъ праздношатающійся зѣвака на западѣ не возьметъ на себя роли носильщика изъ-за денегъ или любезности,—глядя на нихъ, думалъ, что онъ никогда въ жизни не видѣлъ такихъ безсмысленныхъ идіотовъ. Когда чужестранецъ снесъ послѣдній свой багажъ и самъ исчезъ въ нѣдрахъ гостиницы, самовольно образовавшійся комитетъ общественнаго надзора лѣниво перешелъ въ буфетъ. Тѣ изъ нихъ, которые имѣли деньги, распорядились на счетъ выпивки, и, подкрѣпивъ свои силы, старшій, наиболѣе праздный изъ членовъ комитета, съ краснымъ носомъ, налившимися глазами и одутловатымъ лицомъ, произнесъ, подергивая плечами и покашливая:

— Ну, братцы, что вы скажете о немъ?

— Его зовутъ Робертъ Гольдено, и онъ проклятый бостонецъ,— отвѣтилъ юноша, отличавшійся тѣмъ, что на немъ было два револьвера, поярковая шляпа съ широкими полями, большія шпоры на сапогахъ и кожаные рейтузы.

Онъ пилъ водку и говорилъ громкимъ, грубымъ голосомъ:

— Бостонецъ!—повторилъ красный сатирическимъ тономъ:—я такъ и думалъ, что какой нибудь дуракъ это скажетъ.

— А я знаю, что говорю,—продолжалъ юноша, дико сверкая глазами:—стоитъ только умѣть читать, чтобы убѣдиться въ этомъ. Вы, вѣроятно, не грамотны, что спорите?

— По надписямъ на чемоданахъ ничего не узнаешь. Если ты, Билли Балинджеръ, желаешь познакомиться съ человѣкомъ, то изучай его лицо. Читать буквы умѣютъ и дѣти, а надо быть опытнымъ умникомъ, чтобы умѣть читать характеръ. Что это за человѣкъ? Можетъ быть, вы правы, онъ и бостонецъ по сѣрымъ глубокимъ глазамъ, горбатому носу, длинному подбородку, по сжатымъ губамъ и невзрачной, неповоротливой фигурѣ. Но, вотъ и все. Замѣтили вы его руки?.. Такихъ не бываетъ у пасторовъ, учителей, писакъ и другой бостонской сволочи. Его руки видывали виды и работали на своемъ вѣку. То же можно сказать и объ его ногахъ. Къ тому же онъ смѣялся какой-то шуткѣ возницы, а бостонецъ никогда не

смѣется. Что это за человѣкъ—ни я, ни кто изъ насъ не знаемъ, исключая развѣ Исаака Шапета. Впрочемъ я и знать не хочу, но помните мое слово, Билли Балинджеръ, и вся ваша миссурійская шайка, что сегодня съ востока прибыла такая собака, которая не станетъ писать статьи въ газетахъ, проповѣдывать, что Канзасъ—свободный штатъ, подобно Аллену Эльмору, и давать стречка при первомъ вашемъ появленіи. Это человѣкъ настоящій, и онъ пріѣхалъ сюда, чтобы поселиться надолго.

Эти слова буфетнаго оракула произвели сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ, и никто изъ нихъ, даже Балинджеръ, не осмѣливались оспоривать авторитета Джерсми Джилькса, когда онъ находился въ пророческомъ настроеніи. Вся компанія наполнила стаканы, и разговоръ принялъ другой оборотъ.

Между тѣмъ, въ другой части гостиницы предметъ общаго любопытства спокойно ужиналъ, раздѣляя свое вниманіе между бифштексомъ, картофелемъ, яйцами и кофе съ одной стороны и трактирщикомъ Исаакомъ Шапетомъ—съ другой. Этотъ джентельменъ сидѣлъ на качалкѣ, положивъ ноги на спинку сосѣдняго стула, и лѣниво читалъ рекомендательное письмо мистера Гольдено. Они оба молчали, такъ какъ по этикету западной Америки нельзя было разговаривать съ путешественникомъ, прежде чѣмъ онъ не утолитъ свой голодъ. Но мистеръ Гольдено съ обычнымъ любопытствомъ человѣка, прибывшаго въ новую мѣстность, обращалъ такое же вниманіе на личность Шапета, какъ и на пищу.

Письмо, которое дѣйствительно или только повидимому читалъ Исаакъ Шапетъ, было отъ одного бостонскаго гражданина, который годъ передъ тѣмъ посѣтилъ Канзасъ и теперь убѣдилъ Гольдено переселиться туда. Этотъ другъ говорилъ ему о Шапетѣ въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ и не только рекомендовалъ содержимую имъ гостиницу, какъ первую въ городѣ, но и совѣтовалъ спрашивать мнѣніе Шапета, прежде чѣмъ предпринимать какой нибудь серьезный шагъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное Шапетомъ на Гольдено, вполнѣ подтверждало лестное о немъ мнѣніе бостонскаго пріятеля. На взглядъ онъ былъ сорокалѣтній блондинъ, съ большимъ, добродушнымъ лицомъ, съ широкими плечами и небольшой коренастой фигурой, дышавшей спокойнымъ цвѣтущимъ видомъ. На немъ не было ни малѣйшихъ золотыхъ украшеній, къ которымъ въ то время американцы его положенія въ свѣтѣ были очень падки. Онъ не носилъ даже золотой булавки, а часовая цѣпочка была простая, стальная. Но за то его одежда такъ же, какъ вся внутренность дома, отличалась самой безупречной чистотой. Очевидно Канзасъ вполнѣ соотвѣтствовалъ не только его карману, но и натурѣ. Онъ, казалось, былъ доволенъ самимъ собой, своимъ положеніемъ и всѣмъ окружающимъ. Трудно было придумать лучшую рекламу для новой тер-

риторіи, чѣмъ этотъ цвѣтущій трактирщикъ. Однако не успѣлъ кончить своего ужина Робертъ Гольдено, какъ онъ уже пришелъ къ заключенію, что это было первое впечатлѣніе, и что въ мистерѣ Шапетѣ скрывалось нѣчто гораздо большее, чѣмъ добродушный характеръ и дѣловая ловкость. Чѣмъ дольше онъ смотрѣлъ на маленькую фигурку Шапета, тѣмъ онъ больше сознавалъ, что въ немъ таилась скрытая сила, быть можетъ, злая, но, вѣроятнѣе, добрая, которой бостонскій пріятель и не подозрѣвалъ.

Шапетъ также не сводилъ глазъ съ своего гостя, а когда они встрѣчались со взоромъ Роберта, то послѣдній ощущалъ нервную дрожь словно отъ электрическаго тока. Онъ ясно сознавалъ, что трактирщикъ изучаетъ его такъ же пристально, какъ письмо, которое все время не выпускалъ изъ рукъ.

Когда наконецъ аппетитъ чужестранца былъ утоленъ, мистеръ Шапетъ позвонилъ, и въ комнату вошла женщина маленькаго роста и столь похожая на трактирщика, что не могло быть сомнѣнія въ ихъ близкомъ родствѣ. Она быстро убрала со стола, и трактирщикъ, положивъ на столъ сигары, заявилъ, что онъ готовъ представить какія угодно справки о Сантонѣ, если это интересовало мистера Гольдено.

Робертъ выслушалъ съ любопытствомъ все, что имѣлъ сообщить ему мистеръ Шапетъ о новой мѣстности, въ которой онъ надолго хотѣлъ поселиться, а потомъ самъ разсказалъ до мельчайшихъ подробностей о своей прошедшей жизни, теперешнихъ его обстоятельствахъ и планахъ будущаго.

Пока онъ говорилъ, глаза Шапета блестѣли, и его лицо принимало полужалостливое, полусаркастическое выраженіе. Наконецъ Робертъ умолкъ, внезапно сознавъ, что, начавъ разговоръ съ разспросовъ Шапета, онъ кончилъ его своей собственной исповѣдью. Ему стало какъ-то стыдно, и онъ вопросительно взглянулъ на своего собесѣдника, но теперь сжатыя губы послѣдняго выражали только самое почтительное, серьезное вниманіе.

— Большое счастье для такой новой территоріи, какъ нашъ Канзасъ,—произнесъ Шапетъ послѣ минутнаго молчанія:—что молодые люди, окончившіе свое воспитаніе въ благороднѣйшемъ изъ нашихъ университетовъ и имѣющіе значительныя средства, считаютъ своимъ долгомъ поселиться среди насъ. Повторяю, большое счастіе для Канзаса имѣть своими гражданами юношей, подобныхъ вамъ, но, признаюсь, онъ къ этому не привыкъ.

— Это значитъ, что здѣсь не нужны саможертвующіе патріоты,—замѣтилъ со смѣхомъ Гольдено.

— Вы, сэръ, слишкомъ поспѣшны на заключеніе,—отвѣчалъ Шапетъ протестующимъ тономъ:—вы неправильно объяснили мои слова. Я хотѣлъ только сказать, что Канзасъ не привыкъ къ такимъ личностямъ, какъ вы. А, скажите, вы намѣрены обзавестись землей?

— Да, при первой возможности. Какъ я вамъ говорилъ, я цѣлый годъ работалъ на фермѣ и не только могу рубить лѣсъ, но и пахать землю. Въ настоящее время все мое самолюбіе заключается въ томъ, чтобы сдѣлаться гражданиномъ вашей территоріи. Конечно, я могъ бы спокойно жить на оставшіяся отъ отца деньги, но мнѣ противна такая жизнь, я хочу работать, и у меня есть еще другое желаніе, о которомъ, вѣроятно, писалъ нашъ общій другъ—въ этомъ желаніи заключается одинъ изъ главныхъ поводовъ моего переселенія сюда. Я хочу во что бы то ни стало помочь утвержденію въ Канзасѣ свободнаго штата, и болѣе того—уничтоженія рабства во всемъ союзѣ. Быть можетъ, осуществленію этого желанія мѣшаютъ болѣе серьезныя преграды, чѣмъ мы думаемъ на востокѣ, но все-таки мы должны все преодолѣть, иначе мы опозоримъ себя въ глазахъ всего свѣта.

Пока Робертъ говорилъ, въ лицѣ Шапета произошла неожиданная перемѣна: его обычный добродушный видъ исчезъ, брови насупились, и глаза приняли угрожающій видъ.

— Можетъ быть, мы расходимся съ вами въ мнѣніяхъ по этому предмету?—прибавилъ Робертъ, такъ какъ трактирщикъ упорно молчалъ.

— Можетъ быть. Но выслушайте меня, мой новый другъ: я считаю себя человѣкомъ твердымъ и рѣшительнымъ, но не высказалъ бы только что сказаннаго вами, даже если бы мнѣ заплатили за это десятки тысячъ долларовъ; развѣ я былъ бы вполнѣ увѣренъ въ душѣ своего собесѣдника и даже тогда я произнесъ бы подобныя слова только на ухо.

Робертъ покраснѣлъ до корней волосъ.

— Я думалъ, что большинство въ Сантонѣ сторонники свободныхъ штатовъ. Вѣдь на востокѣ всѣ называютъ Канзасъ свободнымъ штатомъ.

— Да, я объ этомъ слышалъ.

— Такъ отъ чего же глупо или неосторожно высказывать здѣсь принципы, долженствующіе лежать въ основѣ свободнаго штата?

Шапетъ закачалъ головой и поднялъ палецъ угрожающимъ образомъ.

— Молодой человѣкъ,—сказалъ онъ:—я не отличаюсь краснорѣчіемъ и ни съ кѣмъ никогда не спорилъ, такъ что и съ вами не войду въ борьбу аргументами. Сантонъ—славный городокъ и, можетъ быть, современемъ станетъ большимъ, вліятельнымъ городомъ. Въ немъ есть люди, искренно стоящіе за то, чтобы Канзасъ сдѣлался свободнымъ штатомъ; есть и такіе, которые только на словахъ выдаютъ себя за сторонниковъ свободныхъ штатовъ. Но большинство—открытые противники этого принципа. У насъ нѣтъ ни одного аболиціониста. Вы, конечно, привезли съ собою огнестрѣльное оружіе?

— Что? Револьверъ? Конечно, нѣтъ.

— Жаль. А вы стрѣляли когда нибудь?

— Да, въ школѣ: у насъ бывали состязанія на пистолетахъ, и я въ прошломъ году взялъ первый призъ.

— А изъ какого пистолета вы стрѣляли?

— Изъ обыкновеннаго, Кольта.

Шапетъ кивнулъ головой и устремилъ глаза на огонь. Его лицо снова прояснилось, и добродушная улыбка, по обыкновенію, заиграла на его губахъ. Онъ поправилъ дрова въ каминѣ и спокойно произнесъ:

— Времена теперь тяжелыя, другъ Гольдено. Завтра вы, конечно, пойдете осматривать городъ и можете свободно идти куда хотите, а если кто нибудь обнаружитъ излишнее любопытство относительно васъ, то вы только скажите, что живете у меня, и васъ оставятъ въ покоѣ. Да, вотъ еще что. Если вамъ придетъ въ голову мысль, что вамъ не мѣшало бы имѣть при себѣ револьверъ Кольта, или даже винтовку Шарпа, то обратитесь ко мнѣ. У меня есть пріятель оружейникъ, и у него попадаются очень хорошія и дешевыя вещи.

Съ этими словами Шапетъ протянулъ руку. Лицо его сіяло пламеннымъ сочувствіемъ, а когда Робертъ прикоснулся до его руки, то почувствовалъ такое крѣпкое пожатіе, что едва не вскрикнулъ. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить, трактирщикъ вышелъ уже изъ комнаты, а на порогѣ показалась миссъ Шапетъ, съ зажженной свѣчкой въ рукахъ, чтобы проводить гостя въ его спальню.

II.

Первая кровь.

Робертъ Гольдено прекрасно выспался и, хорошо позавтракавъ на слѣдующее утро, находился въ очень хорошемъ расположеніи духа. Все ему казалось очень симпатичнымъ въ его новомъ мѣстопребываніи.

Выходя на улицу, онъ встрѣтилъ Исаака Шапета.

— Готовы взяться за дѣло?

— Да.

— У васъ славная палка,—сказалъ трактирщикъ и, взявъ изъ рукъ Гольдено тяжелую дубовую палку въ четыре фута длины и два дюйма въ діаметрѣ, критически осмотрѣлъ ее.

— Настоящій фермерскій посохъ,—промолвилъ Шапетъ про себя:—онъ тяжелѣе сабли, а самъ молодецъ въ шесть футовъ, и руки его желѣзныя. Куда отправляетесь, другъ?—прибавилъ онъ громко.

— Можете вы мнѣ дать адресъ человѣка, который бы продавалъ землю?

— Алленъ Эльморъ, правительственный земельный агентъ, —

вотъ кого вамъ нужно. Онъ въ разстояніи одной мили отсюда къ западу, и его жилище называется Бѣлымъ Домомъ. Это большой деревянный домъ, окрашенный въ бѣлый цвѣтъ и окруженный садомъ. Скажите ему, что я прислалъ васъ, и что вамъ нужно купить участокъ земли. Онъ приметъ васъ любезно и будетъ болтать съ вами цѣлый день. Я увѣренъ, что онъ вамъ понравится, а если не онъ, то во всякомъ случаѣ его семья придется вамъ по сердцу: въ новой же мѣстности надо всегда начинать съ того, чтобы обзавестись друзьями.

— Это значитъ,—думалъ Робертъ, выходя изъ гостиницы:—что Алленъ Эльморъ мнѣ вовсе не понравится. Странная манера говорить у Исаака Шапета: никогда онъ ничего не выскажетъ прямо.

Очутившись на улицѣ, Гольдено не послѣдовалъ тотчасъ совѣту трактирщика, а пошолъ прежде осматривать городъ. Въ то время Сантонъ имѣлъ около тысячи жителей. Дома были деревянные, основательные, хотя и грубаго вида. По сторонамъ трехъ широкихъ главныхъ улицъ тянулись деревянные тротуары, охранявшіе пѣшеходовъ зимой отъ снѣга, а лѣтомъ отъ грязи. Въ полумилѣ отъ города протекала большая рѣка, а вокругъ виднѣлись богатые лѣса и плодородныя земли. Вообще въ Сантонѣ не было недостатка въ природныхъ удобствахъ и производительныхъ силахъ. Робертъ читалъ объ этомъ въ газетахъ и представлялъ себѣ этотъ городокъ маленькимъ Эльдарадо энергіи и независимости, трудолюбивымъ ульемъ, въ которомъ свободные люди сѣвера боролись съ трудностями пограничной жизни, какъ новые отцы пилигримы. Но двухчасоваго личнаго знакомства съ городомъ было достаточно, чтобы измѣнить его взглядъ. Онъ не ожидалъ встрѣтить такой бѣдности и невзрачной обстановки, которыя кололи ему глаза на каждомъ шагу въ самой лучшей улицѣ Сантона. Вокругъ домовъ лежали груды мусора, а на мостовой росла трава. Мѣстами виднѣлись попытки развести маленькіе огороды, но, очевидно, эти работы относились къ прошедшему году и не возобновлялись нынѣшней весной.

Вокругъ тавернъ, которыхъ было нѣсколько, и на углахъ улицъ стояли группы праздныхъ зѣвакъ съ испитыми лицами и озабоченнымъ, безпокойнымъ выраженіемъ грубыхъ, невзрачныхъ чертъ. Даже люди, работавшіе въ кузницѣ и въ мастерскихъ, поражали своимъ удрученнымъ видомъ, словно надъ всѣми тяготѣло что-то печальное. На улицахъ не видно было ни одной женщины, и только кое-когда изъ окошка выглядывало женское лицо, смотрѣвшее съ любопытствомъ на чужестранца. Что касается до дѣтей, то ихъ попадалось очень мало, а если Робертъ и наталкивался на ихъ группу, занятую игрой, то они, при видѣ его, тотчасъ разбѣгались. Большинство ихъ были босыя и въ лохмотьяхъ. Даже и тѣ мальчуганы, которые возвращались изъ школы и были приличнѣе одѣты, отличались такимъ же запуганнымъ видомъ, какъ и всѣ остальные.

— Городъ точно въ осадномъ положеніи,—думалъ Робертъ.

Въ эту минуту мимо него прошли три человѣка, рѣзко отличавшіеся, по своей внѣшности, отъ всѣхъ обывателей, которыхъ онъ видѣлъ до сихъ поръ. Вообще онъ никогда не видалъ подобныхъ личностей, а потому съ удивленіемъ сталъ пристально смотрѣть на нихъ. Это имъ не понравилось, и одинъ грубо спросилъ, что ему надо. Робертъ молча прошолъ далѣе, но ему стало теперь ясно, почему все населеніе находилось въ мрачномъ настроеніи. Это были тѣ пограничные разбойники, о которыхъ онъ читалъ въ газетахъ. Вооруженные до зубовъ, въ высокихъ сапогахъ, широкихъ шароварахъ и сѣрыхъ фланелевыхъ рубашкахъ, они такъ нахально шли посреди улицы, что, казалось, говорили — весь міръ нашъ. Вотъ эти-то молодцы и нахлынули на Сантонъ во время выборовъ и съ тѣхъ поръ держали городъ въ своихъ рукахъ.

Хотя только былъ полдень, но Робертъ достаточно насмотрѣлся на городъ и рѣшилъ посѣтить Бѣлый Домъ для знакомства съ Алленомъ Эльморомъ.

Съ наслажденіемъ очутился онъ за городомъ, гдѣ во всѣ стороны тянулась открытая равнина съ разсѣянными мѣстами фермами. Онъ перешолъ черезъ мостъ и пошолъ вдоль берега шумнаго потока, среди зеленыхъ луговъ, окаймленныхъ деревьями. Далѣе тянулись поля, и Робертъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что люди, шедшіе за сохой, по бороздамъ, отличались обычными загорѣлыми лицами поселянъ и составляли пріятный контрастъ съ болѣзненными, озабоченными гражданами Сантона. Земля, которую они переворачивали, была сочная, черная, и молодой человѣкъ снова ожилъ. Ему стало казаться, что въ этой мѣстности можно жить припѣваючи, и онъ весело, съ надеждой въ сердцѣ, продолжалъ свой путь.

Почва постепенно поднималась, и дорога становилась все пустыннѣе, такъ что Робертъ началъ подозрѣвать, что Бѣлый Домъ находился гораздо дальше, чѣмъ его увѣрилъ Шапетъ. Неожиданно онъ услыхалъ грозные громкіе голоса и увидѣлъ, что шедшаго впереди его одинокаго путника остановили два молодца, направлявшіеся въ противоположную сторону. Робертъ ускорилъ свои шаги, но на его приближеніе не обратили никакого вниманія, такъ какъ онъ не былъ вооруженъ. Человѣкъ, котораго остановили и который, очевидно, подвергался опасности, былъ, по внѣшнему виду, докторомъ или судьей, такъ какъ онъ былъ одѣтъ въ безукоризненную черную одежду, молодцы же, напавшіе на него, принадлежали къ шайкѣ миссурійцевъ.

— Стой!—произнесъ одинъ изъ нихъ, выхватывая изъ-за пояса пистолетъ:—и смотри, говори правду. Ты худшій изъ всѣхъ аболиціонистовъ: ты, Алленъ Эльморъ, хитрая, прехитрая собака. А я съ моимъ другомъ порѣшили покончить съ тобой, если ты не поклянешься, что перестанешь водить за носъ честныхъ людей.

— Ты ошибаешься, Патъ,—отвѣчалъ съ улыбкой господинъ въ черной одеждѣ:—аболиціонисты меня ненавидятъ болѣе твоего.

— Полно врать! А кто заманилъ въ Сантонъ губернатора Шанона и, напоивъ, заставилъ его подписать бумагу объ изгнаніи всѣхъ насъ въ Миссури? Вѣдь ты это надѣлалъ, старая лиса! Вотъ теперь мы съ тобой и разочтемся!

Онъ засмѣялся грубымъ смѣхомъ пьянаго человѣка.

— Мнѣ не время съ тобою спорить, Патъ,—отвѣчалъ Эльморъ съ искусственнымъ смѣхомъ: — а то я доказалъ бы тебѣ, что дѣло имѣло совершенно иной характеръ. Ну, дайте мнѣ дорогу,—прибавилъ онъ, вынимая изъ кармана серебряную монету: — вотъ вамъ на счастье. Мнѣ надо торопиться.

Онъ сдѣлалъ два шага впередъ, смотря съ безпокойствомъ на раскраснѣвшееся лицо ирландскаго миссурійца.

Патъ Логлинъ снова захохоталъ, но добродушнѣе прежняго, спряталъ пистолетъ и, взявъ долларъ, положилъ его въ карманъ. По всей вѣроятности, Эльморъ спокойно удалился бы, если бы, вынимая деньги, онъ не обнаружилъ золотые часы съ многочисленными брелоками. Эти предметы приглянулись товарищу Логлина, который былъ совершенно трезвъ, и онъ, схвативши одной рукой за часы, ударилъ другой въ лицо Эльмора такъ сильно, что тотъ повалился. Патъ громко засмѣялся, но черезъ минуту вскрикнулъ отъ удивленія, такъ какъ его товарищъ не успѣлъ положить въ свой карманъ награбленныя вещи и грохнулся на землю отъ удара, нанесеннаго ему сзади подбѣжавшимъ Робертомъ Гольдено. Патъ Логлинъ тотчасъ выстрѣлилъ, но его рука такъ дрожала отъ пьянства, что онъ далъ промахъ. Въ то же мгновеніе Робертъ однимъ ударомъ палки выбилъ револьверъ изъ его рукъ, а отъ другого у негодяя посыпались искры изъ глазъ. Прошло еще нѣсколько секундъ, и оба миссурійца обратились въ бѣгство, оставивъ Роберта побѣдителемъ на мѣстѣ боя.

Подобравъ револьверъ, онъ послѣдовалъ за бѣжавшими врагами, но они неслись такъ быстро по направленію къ городу, что онъ вскорѣ прекратилъ погоню и вернулся къ мистеру Эльмору. Бѣдный джентльменъ стоялъ на дорогѣ, весь запыленный и съ большимъ шрамомъ на щекѣ; но когда подошелъ къ нему Робертъ, онъ холодно и спокойно поклонился ему, словно ничего не случилось.

— Позвольте мнѣ поблагодарить васъ, сэръ, — произнесъ онъ сухимъ оффиціальнымъ тономъ:—я надѣюсь, что вы не пострадали? Мой домъ рядомъ,—прибавилъ онъ, смотря пристально на молодого человѣка:—не хотите ли отдохнуть и чѣмъ нибудь подкрѣпиться?

Отъ этихъ словъ несло такимъ холодомъ, что если бы Робертъ не зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, то, по всей вѣроятности, отказался бы отъ столь нелюбезнаго предложенія. Но теперь онъ въ двухъ словахъ объяснилъ цѣль своего посѣщенія и прибавилъ, что его

послалъ къ Эльмору Исаакъ Шапетъ. Въ одно мгновеніе Эльморъ измѣнилъ свой тонъ и сталъ чрезвычайно любезно приглашать Роберта позавтракать у него. Они быстро пошли къ виднѣвшемуся невдалекѣ бѣлому дому и черезъ нѣсколько минутъ достигли его. На пути Эльморъ безъ умолка говорилъ о Бостонѣ, о Филадельфіи, его родномъ городѣ, о плодородіи Канзаса и о выгодныхъ условіяхъ покупки тамъ недвижимой собственности. Но ни словомъ не упомянулъ о только что происшедшемъ событіи. Ясно было, что онъ или хотѣлъ забыть о немъ, или считалъ нестоящимъ вниманія. Однако, приближаясь къ дому, онъ отвернулся отъ своего собесѣдника и старался стереть слѣды удара на щекѣ.

Бѣлый домъ представлялъ пріятный контрастъ съ жилищами въ Сантонѣ. Онъ былъ деревянный, одноэтажный, съ черепичной остроконечной крышей и большимъ, окружающимъ со всѣхъ сторонъ, садомъ. Общее впечатлѣніе всего дома было такое мирное и счастливое, что Робертъ невольно заглядѣлся.

— Вы, должно быть, потратили много труда на устройство своего сада?—сказалъ Робертъ, чрезвычайно любившій садоводство:— я ничего не видѣлъ подобнаго съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ Бостонъ.

— Это не моя работа,— отвѣчалъ Эльморъ, указывая рукой на цвѣточныя куртины и прекрасно обработанныя огородныя гряды:— я не отличу рѣпы отъ картофеля, пока они не на тарелкѣ. Моя племянница, Руөь Виндсфордъ, живущая теперь у меня, занимается этимъ дѣломъ. Да вотъ она и сама.

Робертъ также мало ожидалъ встрѣтить въ Канзасѣ молодую миссъ, какъ крокодила, а потому нервно вздрогнулъ, но черезъ минуту пришелъ въ восторгъ отъ явившагося передъ нимъ плѣнительнаго образа.

Руөь Виндсфордъ была высокаго роста и, быть можетъ, слишкомъ тонка, но держала себя такъ граціозно, что этотъ недостатокъ стушевывался; ея большіе черные глаза, свѣтлый цвѣтъ лица и длинные золотистые волоса заставляли и не двадцатитрехлѣтняго юношу признавать ее прелестной красавицей. Напротивъ, Робертъ не произвелъ никакого впечатлѣнія на молодую дѣвушку, и, слегка поклонившись ему, она пристально посмотрѣла на дядю.

— У васъ кровь на лицѣ,—сказала она:—что случилось?

— Ничего, пустяки. Я сдѣлаю холодную примочку, и все пройдетъ. Просто меня толкнули,—вотъ и все.

Болѣе Эльморъ ничего не сказалъ своей семьѣ о случившемся и ни словомъ не упомянулъ о помощи, оказанной ему Робертомъ.

Во время завтрака разговоръ поддерживался исключительно Эльморомъ и его племянницей. Робертъ, никогда не отличавшійся разговорчивостью, чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Онъ пришелъ къ тому заключенію, что Исаакъ Шапетъ внушалъ къ себѣ

уваженіе, хотя и не совершенно понималъ его таинственнаго характера, а Алленъ Эльморъ ему положительно не нравился. Несмотря на то, что политическіе вопросы не были затронуты, Робертъ сознавалъ, что между ихъ мнѣніями существовала непроходимая бездна. Поэтому не было видимой причины оставаться ему послѣ завтрака, такъ какъ онъ рѣшился на время отложить дальнѣйшій разговоръ о своемъ желаніи купить землю. Однако, онъ продолжалъ сидѣть и спокойно слушать разглагольствованія Эльмора противъ лицъ, являвшихся въ Канзасъ съ предвзятыми идеями на счетъ рабства и аболиціонистовъ, которыхъ онъ называлъ безумцами, такъ какъ, несмотря на всю принципіальную ненавистность рабства для сѣверянина, приходилось съ нимъ мириться, такъ какъ на югѣ оно было не только уважаемымъ, но просто священнымъ учрежденіемъ. Тайная причина такого страннаго поведенія Роберта заключалась въ томъ, что онъ случайно слышалъ, какъ миссъ Виндсфордъ сказала теткѣ о своемъ намѣреніи заняться въ срединѣ дня садовыми работами. При этихъ словахъ онъ почувствовалъ непреодолимое желаніе посмотрѣть, какъ молодая дѣвушка работала въ саду. Поэтому онъ молча слушалъ Эльмора, а когда наконецъ всталъ и простился съ нимъ, то направился въ садъ, гдѣ вскорѣ нашелъ энергичную фигуру молодой дѣвушки въ большой соломенной шляпкѣ и длинныхъ перчаткахъ.

Съ своей стороны Руѳь, пристально смотрѣвшая на Роберта во все время завтрака и разговора съ дядей, пришла къ тому заключенію, что она никогда не видала такого серьезнаго, суроваго молодого человѣка и даже не читала въ книгахъ ни о чемъ подобномъ. Она сравнивала его съ кромвелевскими пуританами и сомнѣвалась, могъ ли онъ когда нибудь шутить или смѣяться. Поэтому она очень удивилась, когда онъ подошелъ къ ней въ саду и спросилъ съ веселой улыбкой, можетъ ли онъ посмотрѣть на ея работу. Она провела его по всѣмъ дорожкамъ, и онъ вступилъ въ серьезныя разсужденія о различіи почвы, способовъ посадки цвѣтовъ и прививки кустовъ. Затѣмъ она, въ свою очередь, разсказала о томъ, что дѣлала въ прошедшемъ году для улучшенія своего сада, а онъ предложилъ ей свои услуги для постройки теплицы.

Возвращаясь домой вечеромъ, Робертъ въ глубинѣ своего сердца обсуждалъ все, что случилось въ этотъ день, и съ недоумѣніемъ замѣчалъ, что всѣ политическія соображенія о будущности Канзаса и о борьбѣ съ миссурійцами стушевались въ его головѣ передъ образомъ Руѳи. Первый разъ въ жизни онъ вошелъ въ дружескія отношенія съ молодой дѣвушкой. Однако онъ нисколько не сантиментальничалъ и увѣрялъ себя, что тутъ не было и тѣни любви, а что онъ просто встрѣтилъ сродную себѣ душу, благодаря чему Канзасъ, при всей непривлекательности его населенія, сталъ казаться ему самой прекрасной мѣстностью въ свѣтѣ, и онъ рѣшилъ остаться тамъ на всю свою жизнь.

III.

Сантонскіе обыватели.

Возвратясь въ гостиницу, Робертъ увидалъ Исаака Шапета на порогѣ; онъ курилъ, и, по брошенному имъ взгляду на своего новаго жильца, можно было заключить, что онъ ожидалъ его съ безпокойствомъ. Молодой человѣкъ подозрѣвалъ, что трактирщику было уже извѣстно о случившемся въ то утро; но онъ ни однимъ словомъ не намекнулъ на это, и когда, послѣ ужина, онъ пригласилъ Роберта въ свою комнату, то не забросалъ его вопросами, а предоставилъ самому разсказать свою исторію, когда захочетъ. Впрочемъ ему не пришлось долго ждать, и Робертъ подробно описалъ ему какъ схватку съ миссурійцами, такъ и посѣщеніе Бѣлаго Дома. Шапетъ слушалъ его молча, съ пассивнымъ вниманіемъ.

Молодого человѣка удивило это холодное равнодушіе въ отношеніи того, что онъ считалъ серьезнымъ фактомъ, и онъ наконецъ рѣзко спросилъ, что думаетъ мистеръ Шапетъ обо всемъ этомъ.

— Я думаю,— отвѣчалъ онъ: — что вамъ слѣдуетъ въ вашихъ странствованіяхъ брать съ собою не только револьверъ, но и винтовку.

— А я предпочитаю палку и надѣюсь болѣе на нее и свои ноги, чѣмъ на оружіе. По моему мнѣнію, миссурійцы болѣе опасны на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ.

— Конечно, палка въ вашихъ рукахъ сильное орудіе, но для того, чтобы заварить кашу, а не расхлебать ее.

— Что это значитъ?

— А то, что если вы завтра пойдете гулять по Сантону съ одной палкой въ рукахъ, то вашимъ друзьямъ и моей гостиницѣ не видать васъ болѣе въ живыхъ.

— Развѣ дѣла обстоятъ такъ плохо?

— Сами судите. Патъ Логлинъ спрашивалъ меня утромъ, что выйдетъ, если онъ пожалуется на васъ въ судъ. Люди смотрятъ на одно и то же дѣло съ разныхъ точекъ зрѣнія.

— Развѣ вы ихъ видѣли обоихъ?

— Они постоянные мои посѣтители,— отвѣчалъ Исаакъ съ улыбкой.

— Однако, у васъ широкое знакомство,— замѣтилъ Робертъ, закусивъ губу и нахмуривъ брови.

— Еще бы: я вѣдь этимъ живу. Можетъ быть, у меня и есть враги, у каждаго они есть, но я ихъ не знаю. У меня также есть убѣжденія, но они неизвѣстны даже моей сестрѣ, которая знаетъ меня насквозь. Нѣкоторые называютъ такое поведеніе не хоро-

шимъ словомъ, но я полагаю, что иначе нельзя быть дѣловымъ человѣкомъ.

Все это было сказано такимъ искреннимъ тономъ, что лицо Роберта просіяло, и онъ съ улыбкой произнесъ:

— Я увѣренъ, что вы хорошій, хотя дѣловой человѣкъ, и я лучше желалъ бы быть вашимъ другомъ, чѣмъ врагомъ.

Трактирщикъ пристально посмотрѣлъ на Роберта, и тотъ невольно вздрогнулъ.

— Во всякомъ случаѣ я могу узнать по первому взгляду человѣка, — прибавилъ Шапетъ: — и всякій, кто обращается ко мнѣ, можетъ положиться на меня, какъ на каменную гору.

— Я въ этомъ увѣренъ, — отвѣтилъ Робертъ. — А желали бы вы узнать мое мнѣніе о вашемъ городѣ?

— Еще бы.

— Я чувствую себя, какъ человѣкъ, неожиданно попавшій въ мѣстность, наполненную змѣями; онъ не смѣетъ ни сѣсть, ни протянуть руки изъ боязни, чтобы его не ужалили ядовитые гады.

— Вы вѣрно опредѣлили теперешнее положеніе Канзаса, — замѣтилъ со смѣхомъ трактирщикъ.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Не вмѣшиваться въ чужія дѣла и идти своею дорогою.

— Но вѣдь не могу же я хладнокровно смотрѣть, какъ передъ моими глазами двое разбойниковъ грабятъ бѣдняка.

— Но какую пользу вы принесли своимъ вмѣшательствомъ? Алленъ Эльморъ даже васъ не поблагодарилъ, а Патъ и Билли Балинджеръ, которымъ вы задали знатную трепку, никогда вамъ этого не простятъ. Можетъ быть, имъ и не удастся васъ убить, если вы будете ходить вооруженнымъ. Но попробуйте купить себѣ землю и выстроить домъ — онъ сгоритъ у васъ чрезъ двадцать четыре часа, и сколько вы ни стройте новыхъ, всѣ также погорятъ. Эти люди шутить не любятъ!

Робертъ нервно разсмѣялся.

— Это не утѣшительно, мистеръ Шапетъ. Что же мнѣ дѣлать?

— Я видалъ свѣтъ, молодой человѣкъ, и знаю хорошо Канзасъ, а потому убѣжденъ, что вы здѣсь похоронили себя. Но вы мнѣ ничего не говорите объ Эльморѣ и его семьѣ. Какъ обстоятъ ваши дѣла съ нимъ?

— Спросите мистера Эльмора, что онъ думаетъ обо мнѣ, — отвѣчалъ Робертъ съ гримасой: — онъ говорилъ, а я слушалъ. Вотъ и все.

— Значитъ, — произнесъ Шапетъ, зѣвая: — Бѣлый Домъ не скоро васъ увидитъ.

— Ну, не говорите этого, — отвѣчалъ Робертъ съ улыбкой: — его семья и онъ самъ очень интересные субъекты. Я не удивлюсь, если онъ со временемъ будетъ относиться ко мнѣ дружелюбно. Да, кстати, можно здѣсь купить стекло для устройства теплицы? Я обѣ-

щалъ миссъ Виндсфордъ, племянницѣ Эльмора, устроить теплицу и сдержу свое слово, хотя бы даже мнѣ пришлось для этого выписать стекло изъ Сентъ-Луи.

Шапетъ бросилъ сигару, которую онъ курилъ, въ огонь, словно она его обожгла.

— Хорошо,—сказалъ онъ:—я наведу справки и увѣдомлю васъ о результатѣ. А теперь—доброй ночи.

Разставшись съ своимъ постояльцемъ, трактирщикъ заперъ гостиницу и, вернувшись въ свою комнату, сѣлъ у камина, гдѣ догорали уголья.

— Такого человѣка поискать днемъ съ фонаремъ,—говорилъ онъ самъ себѣ:—у него все есть: и здоровье, и сила, и деньги. Мы должны переманить его на свою сторону и тѣломъ и душой. Какъ глупо, что я послалъ его къ Эльмору. Впрочемъ, это не бѣда. Хотя дѣвченка, повидимому, плѣнила его и будетъ всю ночь ему сниться, но дурного изъ этого ничего не выйдетъ, такъ какъ у нея есть женихъ, капитанъ съ юга. Эльморъ поощряетъ его ухаживанія, и Роберту тамъ дѣлать нечего. Намъ еще лучше, если онъ придетъ въ отчаяніе отъ любви, тогда онъ пойдетъ на все, а намъ надо такихъ людей.

На слѣдующее утро Робертъ объявилъ Шапету, что желаетъ купить револьверъ, и черезъ нѣсколько минутъ у него за поясомъ торчалъ «Кольтъ», съ которымъ онъ могъ легко защищаться отъ шести враговъ. Когда была окончена эта покупка, Шапетъ сообщилъ ему интересныя новости. Въ этотъ день долженъ былъ произойти въ залѣ городской школы митингъ избирателей, сторонниковъ свободныхъ штатовъ. Исаакъ предложилъ Роберту присутствовать на этомъ собраніи.

— Это вамъ дастъ лучшее понятіе о канзасской политикѣ,—сказалъ онъ:—чѣмъ цѣлый ворохъ газетъ.

Дѣйствительно, Сантонъ находился въ этотъ день въ большомъ волненіи. Главныя улицы кишѣли миссурійцами, и Робертъ ожидалъ встрѣтить на каждомъ шагу своихъ недавнихъ противниковъ. Но теперь не одни миссурійцы наполняли городъ, а въ немъ виднѣлись толпы окрестныхъ фермеровъ, которые хотя были на видъ неловкими, застѣнчивыми, но, судя по ихъ рѣшительнымъ взглядамъ, они готовы были дать отпоръ всякому, кто рѣшился бы помѣшать имъ въ пользованіи своимъ правомъ. Миссурійцы съ своей стороны не обнаруживали особой воинственности, несмотря на значительность своего числа, и Робертъ, проходя среди нихъ вмѣстѣ съ Шапетомъ, не подвергся ни малѣйшей непріятности. Конечно, причиной этого было отчасти присутствіе популярнаго трактирщика, съ которымъ всѣ дружески здоровались: и фермеры, и горожане, и миссурійцы. У него, повидимому, не было ни одного врага. Но, не смотря на сыпавшіяся на него любезныя привѣтствія, онъ не останавливался

и не разговаривалъ ни съ кѣмъ, а продолжалъ идти рука въ руку съ Робертомъ.

Неожиданно они увидали передъ собою Пата Логлина, стоявшаго въ многочисленной группѣ друзей. Сердце Роберта забилось сильнѣе, но Исаакъ Шапетъ только улыбнулся и умѣрилъ свои шаги.

— Какъ твое здоровье, Патъ?—спросилъ онъ:—хорошая погода для выборовъ.

Логлинъ обернулся и обнаружилъ завязанное лицо съ явными слѣдами вчерашняго побоища. Онъ пристально посмотрѣлъ на Роберта, который отвѣчалъ ему тѣмъ же, и потомъ довольно учтиво отвѣчалъ Шапету:

— Здравствуй, Исаакъ, хочешь выпить, молодецъ?

— Нѣтъ, оставимъ это до окончанія выборовъ,—возразилъ Шапетъ съ улыбкой:—можетъ быть, тогда ты угостишь меня не одной, а двумя бутылками.

Друзья Логлина засмѣялись, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что въ день выборовъ ирландецъ зашибалъ деньгу.

Школьный домъ, къ которому подошли Шапетъ и его товарищъ, находился въ центрѣ большого пустого пространства. Сантонцы предполагали, при дальнѣйшемъ развитіи своего города, выстроить здѣсь ратушу, но покуда дѣло ограничивалось длиннымъ деревяннымъ домомъ, который служилъ и для школы и для общественныхъ собраній. Въ немъ помѣщалось до двухсотъ человѣкъ. Въ настоящее время все свободное пространство внутри дома было занято стульями и скамейками; только въ одномъ концѣ выдавалось грубо сколоченное возвышеніе для предсѣдателя и ораторовъ. Въ дверяхъ стояло два человѣка, которые сразу обратили на себя вниманіе Роберта. Они были бѣдно одѣты, но поражали своимъ достойнымъ и рѣшительнымъ видомъ. Они держали въ рукахъ длинныя винтовки и, очевидно, стояли на часахъ. Робертъ подумалъ, что ихъ глаза свѣтились тѣмъ энергичнымъ духомъ, котораго не доставало обывателямъ Сантона.

Они были высокаго роста и хорошо сложены; одинъ, старшій, съ густой каштановой бородой, казался среднихъ лѣтъ, хотя ему не было болѣе тридцати. Другой, на десять лѣтъ моложе, былъ чисто выбритъ и возбуждалъ къ себѣ невольное сочувствіе большими голубыми глазами и открытымъ честнымъ лицемъ. Хотя черты лица ихъ были различны, но было что-то между ними общее, и всякій безъ ошибки сказалъ бы, что они братья.

— Кто они?—спросилъ шепотомъ Робертъ у Шапета.

Исаакъ какъ бы не разслышалъ его вопроса и, подойдя къ старшему изъ импровизованныхъ часовыхъ, сказалъ:

— Молодецъ, Язонъ, всегда на своемъ мѣстѣ! А гдѣ старикъ?

— Дома. Боленъ. Онъ до безумія рвался сюда, но, дѣлать нечего, пришлось остаться. Онъ даже не могъ встать съ постели.

— Плохо!

— Очень плохо. Баллотировка будетъ горяча, и намъ необходимо одержать верхъ.

Шапетъ пожалъ плечами и, обращаясь къ Роберту, сказалъ:

— Вы, друзья, должны познакомиться другъ съ другомъ. Язонъ! это Робертъ Гольдено изъ Бостона, аболиціонистъ. Другъ Гольдено! это Язонъ и Оливеръ, сыновья Джона Брауна изъ Осаватоми, человѣка, о которомъ надняхъ узнаетъ весь свѣтъ.

Послѣднія слова Шапетъ произнесъ вполголоса, и Робертъ едва ихъ расслышалъ, такъ какъ оба молодые человѣка, узнавъ, что онъ аболиціонистъ, дружески пожали ему руку и въ одинъ голосъ сказали:

— Да благословитъ васъ Богъ!

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить на ихъ привѣтствіе, Шапетъ толкнулъ его въ дверь, и они очутились въ толпѣ, числомъ двѣсти человѣкъ. Хотя много голосовъ приглашало Шапета на возвышеніе, но онъ пробрался вмѣстѣ съ Робертомъ и помѣстился за эстрадой.

Молодой человѣкъ сталъ съ любопытствомъ смотрѣть вокругъ себя, и хотя онъ не привыкъ къ политическимъ собраніямъ, но съ перваго взгляда понялъ, что передъ нимъ были люди, искренно настроенные, и что дѣло шло о чемъ-то болѣе серьезномъ, чѣмъ о простыхъ выборахъ. Въ толпѣ не слышны были разговоры, и всѣ глаза были устремлены на эстраду. Когда предсѣдатель занялъ отведенное ему мѣсто, то наступило общее молчаніе. Робертъ съ изумленіемъ узналъ въ немъ Аллена Эльмора.

Онъ былъ хорошій ораторъ и говорилъ плавно, хотя холодно, никогда не останавливался, и его рѣчь была ясная, убѣдительная.

Онъ началъ съ того, что сослался на послѣдніе выборы и указалъ на то, что на нихъ были забракованы лица, отстаивающія теоріи свободныхъ штатовъ, затѣмъ онъ краснорѣчиво описалъ торжество рабовладѣльческой партіи, и тогда со всѣхъ сторонъ послышались громкіе протесты. Наконецъ онъ перешолъ къ вопросу о томъ, что слѣдовало теперь дѣлать, и въ залѣ наступила мертвая тишина.

— Друзья, этотъ вопросъ очень щекотливъ. Нѣкоторые говорятъ, что настало время отвѣчать силой на силу и провести на выборахъ нашего кандидата остріемъ меча; но я утверждаю, что это безуміе и нѣчто еще хуже безумія. Наши враги многочисленнѣе насъ, и правительство приметъ ихъ сторону, поэтому мы должны въ настоящее время подчиниться обстоятельствамъ и терпѣливо ждать. Скажу болѣе—если насъ ударятъ по одной щекѣ, мы должны подставить другую, а не отвѣчать ударомъ на ударъ. Только въ такомъ случаѣ мы можемъ доказать всей странѣ, что свирѣпствующая здѣсь распря возбуждена не нами; только тогда, въ случаѣ открытаго на-

силія противъ насъ, правительство двинетъ войска для нашей защиты. Лишь этимъ путемъ мы отстоимъ наши жилища и семьи отъ всякой опасности, а Канзасу обезпечимъ мирное процвѣтаніе.

Онъ сѣлъ на свое мѣсто. Никто ему не рукоплескалъ. Нѣсколько голосовъ слабо протестовало, а громадное большинство хранило молчаніе.

Послѣ него всталъ второй ораторъ. Это былъ содержатель одной изъ тавернъ въ Сантонѣ и, по общему мнѣнію, самый богатый человѣкъ во всемъ городѣ.

— Другъ Эльморъ совершенно правъ, — произнесъ онъ.—Кто навлекаетъ несчастія на Канзасъ?.. Аболиціонисты!.. Они выводятъ изъ себя южанъ, и я не могу за это осуждать послѣднихъ. Если бы аболиціонисты думали больше о своихъ семьяхъ и меньше о неграхъ, то намъ всѣмъ жилось бы лучше, миссурійцы перестали бы дѣлать набѣги на нашу территорію, и мы всѣ сдѣлались бы богаче. Подавайте голоса за друга Эльмора, братцы, и мирное спокойствіе обезпечено Канзасу.

Онъ замолкъ, и снова въ залѣ водворилось молчаніе. Робертъ, скрестивъ руки на груди и прикусивъ губу, нетерпѣливо топалъ правой ногой. Исаакъ Шапетъ не сводилъ съ него глазъ.

Черезъ минуту поднялся третій ораторъ, говорившій грубымъ мѣстнымъ нарѣчіемъ. Это былъ коренастый человѣкъ, съ круглымъ лицомъ, голубыми глазами и выдающимися скулами. Первыя его слова раздавались медленно, глухо, но потомъ онъ разгорячился и обнаружилъ естественное краснорѣчіе. Въ сущности его рѣчь была только разсказомъ о томъ, что онъ самъ лично испыталъ. Онъ былъ маленькимъ фермеромъ и за годъ передъ тѣмъ поселился на участкѣ за три мили отъ Сантона. Вскорѣ послѣ этого произошли выборы, и онъ подалъ голосъ за сторонника свободныхъ штатовъ. Спустя недѣлю, миссурійцы, сильно напугавъ его жену, похитили на его фермѣ двухъ теленковъ и значительное число цыплятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ его предупредили, что если онъ будетъ присутствовать на митингахъ противъ рабства, то съ нимъ поступятъ еще хуже. Онъ обратился за покровительствомъ къ властямъ, но тѣ не оказали ему помощи. Что было дѣлать ему и сотнѣ людей, которые находились еще въ худшемъ положеніи? До настоящей минуты онъ не былъ аболиціонистомъ, но если дѣла будутъ идти въ томъ же духѣ, то не извѣстно, чѣмъ еще судьба его сдѣлаетъ.

Эта рѣчь была встрѣчена громкими криками одобренія—первый признакъ, что митингъ былъ одушевленнымъ существомъ. Волненіе еще не улеглось, какъ быстро вскочилъ на ноги худощавый, высокаго роста человѣкъ, въ разорванной одеждѣ, дырявыхъ сапогахъ и съ такимъ громовымъ голосомъ, что его было бы слышно въ залѣ втрое больше, чѣмъ настоящая.

— Граждане Канзаса!—воскликнулъ онъ:—вы люди или бараны?

Фермеръ Гобъ только что говорилъ о грабежахъ. Это пустяки въ сравненіи съ пролитіемъ крови. Вильямъ До и маіоръ Гайтъ убиты среди бѣлаго дня, и почему? Потому только, что они протестовали противъ разбойниковъ, захватившихъ избирательные ящики и лишившихъ насъ избирательныхъ правъ. Теперь снова настали выборы. Что намъ дѣлать?.. Намъ предстоитъ одно изъ двухъ: или отомстить за Гайта и До, отстоять свои права и выгнать отсюда кровожадныхъ миссурійцевъ, или спокойно смотрѣть, какъ будутъ грабить наши фермы и убивать нашихъ товарищей. Выбирайте тотъ или другой путь, граждане Канзаса, но помните, что если вы теперь струсите, то ваша кровь падетъ на ваши головы!

Ораторъ умолкъ и тяжело перевелъ дыханіе, а вся зала огласилась дружными криками одобренія. Очевидно собраніе одушевлялось. Робертъ былъ такъ взволнованъ, что не могъ усидѣть на мѣстѣ и самъ хотѣлъ говорить. Но онъ не успѣлъ вскочить и открыть ротъ, какъ его схватилъ за руку Шапетъ.

— Погоди, молодецъ, дай мнѣ прежде сказать два слова.

Появленіе популярнаго трактирщика на эстрадѣ было привѣтствовано общими рукоплесканіями. Онъ спокойно пожалъ руку предсѣдателя и началъ обычнымъ разговорнымъ тономъ:

— Друзья, вы всѣ согласитесь со мною, что пріятно слушать искреннія рѣчи честныхъ людей. Но бываютъ случаи, когда не слѣдуетъ терять словъ на пустые фейерверки. Поэтому я предложу съ разрѣшенія предсѣдателя тотчасъ рѣшить, что намъ дѣлать сегодня. Насъ сто, или, быть можетъ, полтораста человѣкъ, а миссурійцевъ двѣсти. Я случайно знаю многихъ изъ нихъ и убѣжденъ, что они только ждутъ случая выступить въ открытый бой. Они думаютъ, хотя это, конечно, ложь, что болѣе половины приверженцевъ свободныхъ штатовъ въ Сантонѣ предпочитаютъ болтовню борьбѣ, и что тѣ даже, которые держатся противоположнаго мнѣнія, не вооружены. Есть еще человѣкъ четыреста, раздѣляющихъ наши убѣжденія, но они не подняли и пальца, когда были убиты Гайтъ и До. Предыдущій ораторъ вполнѣ правъ, говоря, что намъ предстоятъ выборы между двумя путями. Мы можемъ или идти къ избирательнымъ ящикамъ съ крикомъ: вонъ изъ нашего города всѣхъ иностранцевъ! или молча устраниться. Я ничего не предлагаю, а прошу только предсѣдателя поставить на баллотировку этотъ вопросъ. Пусть встанутъ тѣ, которые хотятъ повести дѣло круто и прогнать изъ Канзаса миссурійцевъ.

Эльморъ всталъ съ улыбкой и поставилъ на очередь предложенный вопросъ. Быстро вскочили съ своихъ мѣстъ Робертъ Гольдено, фермеръ Гобъ и два сына Джона Брауна, но болѣе никто.

Мертвое молчаніе царило въ залѣ. Предсѣдатель снова поднялся и произнесъ:

— Кто стоитъ за миръ, пусть подыметъ правую руку.

Цѣлый лѣсъ рукъ немедленно поднялся, и Эльморъ, не говоря ни слова, сошолъ съ предсѣдательскаго кресла. Митингъ кончился, и всѣ стали выходить.

Увлекаемый толпой, Робертъ разлучился съ Шапетомъ и раньше его вышелъ изъ дверей. Вокругъ него всѣ говорили о предстоящихъ выборахъ. Нѣкоторые стояли за уклоненіе отъ баллотировки, но большинство высказывалось въ пользу безмолвной подачи голосовъ. Въ общемъ говорѣ Робертъ ясно различилъ два голоса, говорившіе между собою позади его.

— Ты слышалъ, что говорилъ фермеръ Гобъ? Надо его не забыть.

— Еще бы, онъ за это дорого поплатится.

— Но надо подождать, пока явятся ребята изъ Алабамы, тогда мы задимъ встрепку проклятымъ аболиціонистамъ.

— А что дѣлаютъ Брауны?

— Они готовятся къ борьбѣ, и мы слѣдимъ за ними и днемъ и ночью.

— Они единственные смѣльчаки, готовые идти въ бой?

— Нѣтъ, такихъ молодцовъ много, но мы все-таки легко справимся съ ними. Но, тише, насъ могутъ подслушать.

Голоса замерли, и Робертъ уже не слышалъ ничего болѣе, а черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ на улицу.

IV.

Перчатка брошена.

Робертъ удалился съ митинга въ очень мрачномъ настроеніи. Его сердце было переполнено негодованіемъ на трусость обывателей Сантона и опасеніями за ихъ безопасность въ виду подслушаннаго имъ разговора двухъ лицъ, очевидно бывшихъ шпіонами со стороны миссурійцевъ. Бѣдный фермеръ Гобъ! Бѣдные Брауны! Неужели нельзя было защитить людей, которые виновны были лишь въ томъ, что открыто выражали мнѣнія, господствовавшія въ ихъ штатахъ? Во всякомъ случаѣ ихъ надо было предупредить. Но какая была польза въ этомъ предупрежденіи? Что можетъ сдѣлать горсть людей противъ сотенъ враговъ?.. По всей вѣроятности, и ему самому грозила опасность, такъ какъ его аргументы были не слова, а удары. Но онъ ничего не боялся и смѣло сталъ посматривать по сторонамъ, какъ бы желая, чтобы поскорѣе наступила борьба.

Оглядываясь, онъ замѣтилъ, что вышелъ изъ города, и направилъ свои шаги по дорогѣ, которая вела въ Бѣлый Домъ. Онъ улыбнулся и продолжалъ свой путь. Благодаря случайности, Руѳь Виндсфордъ работала въ саду въ ту самую минуту, какъ молодой человѣкъ подошолъ къ забору. Если бы онъ ея не увидалъ, то Ро-

бертъ прошелъ бы далѣе и вернулся бы въ Сантонъ другой дорогой, а теперь онъ остановился. Она подняла глаза съ гряды, которую полола, и привѣтствовала его съ веселой улыбкой. Онъ былъ вынужденъ войти въ садъ и, однажды очутившись тамъ, естественно не думалъ объ уходѣ.

Спустя часъ, мистрисъ Эльморъ, вернувшись изъ города, застала молодого человѣка за работой. Снявъ сюртукъ, онъ энергично копалъ землю, а Руоь стояла подлѣ него и разговаривала такъ свободно, какъ будто была съ нимъ знакома цѣлую жизнь. Ея тетка, женщина большого роста, съ строгимъ квакерскимъ выраженіемъ лица, очень сухо поздоровалась съ Робертомъ, который поспѣшилъ надѣть сюртукъ. Но, по знаку племянницы, она, хотя и неохотно, пригласила молодого человѣка къ завтраку.

— Да, да, завтракайте у насъ, мистеръ Гольдено, дядя хотѣлъ поговорить съ вами о дѣлахъ.

— Но онъ возвратится не раньше вечера,— возразила мистрисъ Эльморъ рѣзкимъ тономъ:—вѣдь сегодня выборы.

— Тѣмъ лучше, мистеръ Гольдено успѣетъ до его возвращенія научить меня многому, чего я не знаю въ садоводствѣ. Вы на это согласны, мистеръ Гольдено, хотя, предупреждаю васъ, я несносная ученица?

Робертъ молча наклонился.

Но мистрисъ Эльморъ не поддавалась.

— Мистеръ Гольдено очень любезенъ,—промолвила она:—но слѣдуетъ сказать, что сегодня обѣщалъ вернуться капитанъ Гаулетъ, а такъ какъ онъ будетъ ночевать у насъ, то Эльмору придется отложить до другого дня дѣловой разговоръ съ мистеромъ Гольдено.

— Капитанъ Гаулетъ пріѣдетъ сегодня!—воскликнула Руоь, вспыхнувъ:—тѣмъ лучше: мистеру Гольдено необходимо съ нимъ познакомиться. Это нашъ большой пріятель; онъ офицеръ и командуетъ отрядомъ солдатъ, расположенныхъ въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда. Онъ будетъ въ состояніи отвѣтить на всѣ ваши вопросы о Виргиніи, такъ какъ онъ пріѣхалъ оттуда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, а я не бывала на своей родинѣ съ дѣтства.

Мистрисъ Эльморъ не могла болѣе возражать, и такимъ образомъ Робертъ во второй разъ завтракалъ въ Бѣломъ Домѣ.

Все время до вечера молодые люди провели въ саду. Изъ приличія мистрисъ Эльморъ сидѣла въ верандѣ и молча вязала, что нимало не мѣшало дружескому разговору Роберта съ Руоью, такъ какъ они находились на значительномъ разстояніи. Впрочемъ Робертъ самъ говорилъ мало и работалъ неустанно лопатой, и Руоь почти одна говорила безъ умолку. Ея простая, почти дѣтская, болтовня о себѣ и своей семейной жизни казалась ему увлекательнѣе всякаго краснорѣчія.

При его натурѣ молодые люди долго не вѣдаютъ любви и отно-

сятся холодно ко всѣмъ женщинамъ, до той минуты пока не наткнутся на ту, которой суждено овладѣть ихъ сердцемъ на всю жизнь. Люди хладнокровнаго темперамента смѣются надъ ними, а грубые скептики презираютъ ихъ, но они не обращаютъ на это вниманія и, однажды полюбивъ, сохраняютъ свою любовь всю жизнь и руководятъ ею всѣ свои поступки, все равно успѣшна она, или нѣтъ.

Наконецъ солнце склонилось къ западу, и въ воздухѣ уже чувствовалась вечерняя прохлада.

— Мистеръ Гольдено,—сказала Руоь:—право, довольно работать. Если вы не бросите сейчасъ лопаты, то я отниму ее у васъ и запру. Нельзя же быть такой эгоисткой, какъ я; я упросила васъ остаться здѣсь до вечера, чтобы научиться кое-чему въ садоводствѣ, а дѣло кончилось тѣмъ, что вы цѣлый день проработали, какъ каторжникъ. Сдѣлайте одолженіе, надѣньте свой сюртукъ и отдохните до возвращенія дяди Эльмора, котораго я вижу вдали на дорогѣ. Потомъ ужинъ и хорошая сигара вознаградятъ васъ за тяжелую работу. Я, право, не знаю, какъ благодарить васъ за вашу любезность.

Робертъ поднялъ голову и засмѣялся. Кровь такъ кипѣла въ его жилахъ, что онъ готовъ былъ копать землю всю ночь.

— Развѣ я кажусь очень усталымъ, миссъ Виндсфордъ.

— У васъ лицо все красное.

— Можетъ быть, но я нисколько не желаю отдыхать.

— И однако вы все-таки отдохнете. Смотрите, тетя зоветъ насъ знаками.

Робертъ насупилъ брови и молча послѣдовалъ за Руоью.

— Идите къ тетѣ, я сейчасъ васъ догоню,—промолвила молодая дѣвушка, остановившись въ калиткѣ.

Онъ повиновался и черезъ минуту уже сидѣлъ съ мистрисъ Эльморъ на верандѣ.

— Вы очень много работали, мистеръ Гольдено,— сказала хозяйка холоднымъ тономъ.

— Да, но это принесло мнѣ большое удовольствіе, благодарю васъ.

— Вы очень много работали,—повторила мистрисъ Эльморъ,—и все ни къ чему.

— Какъ ни къ чему?—спросилъ Робертъ съ удивленіемъ.

— Очень просто. Руоь врядъ ли будетъ болѣе заниматься въ этомъ саду. Вы слышали, что я говорила о капитанѣ Гаулетѣ. Вонъ онъ идетъ вмѣстѣ съ моимъ мужемъ. Онъ большой другъ Руои и нимало не интересуется садоводствомъ. А вы долго намѣрены остаться въ Канзасѣ?

— Да,—рѣзко отвѣчалъ Робертъ.

Наступило молчаніе, и они оба устремили глаза на подходившихъ къ дому мужчинъ.

Руѳь встрѣтила дядю у калитки, и Робертъ нервно считалъ секунды, въ продолженіе которыхъ сопровождавшій Эльмора молодой человѣкъ держалъ ея руку въ своихъ рукахъ. Они очевидно были женихъ и невѣста.

Эльморъ потрепалъ по плечу свою племянницу и, ускоривъ шаги, очень любезно поздоровался съ Робертомъ. Лицо его сіяло, и онъ весело подмигнулъ женѣ, указывая рукой на шедшую позади него парочку.

Капитанъ Гаулетъ былъ широкоплечій, коренастый человѣкъ лѣтъ тридцати. Въ сравненіи съ Робертомъ Гольдено онъ казался очень маленькимъ, хотя въ сущности былъ средняго роста, но его военная выправка, мундиръ, большіе усы, загорѣлый цвѣтъ лица, свѣтлые глаза и правильныя черты представляли выгодный для него контрастъ съ худощавой, костлявой фигурой уроженца Новой Англіи, въ поношенной и плохо сшитой одеждѣ. Кромѣ того, капитанъ превосходилъ Роберта и во многихъ другихъ отношеніяхъ, отличаясь приличными манерами и вполнѣ свободнымъ обращеніемъ. Онъ, улыбаясь, поздравилъ Руѳь съ необыкновенными успѣхами въ садоводствѣ и посовѣтывалъ увеличить садъ еще на полъ-акра, если она могла пользоваться такими прекрасными уроками въ этомъ дѣлѣ. При этомъ онъ прямо не намекнулъ на Роберта и какъ бы только шутилъ съ Руѳью. Затѣмъ онъ перемѣнилъ разговоръ и во все продолженіе ужина говорилъ почти исключительно одинъ, приводя между прочимъ отрывки изъ недавно полученнаго имъ письма отъ знакомаго виргинскаго плантатора, который въ смѣшномъ видѣ описывалъ жизнь негровъ.

Напротивъ Робертъ упорно молчалъ и не принималъ участія въ разговорѣ. Въ немъ наступила реакція послѣ счастливо проведеннаго дня, и онъ чувствовалъ себя въ какомъ-то нервномъ раздраженіи. Хотя онъ и увѣрялъ себя, что было глупо ревновать капитана, который ему очень не понравился съ перваго взгляда и, повидимому, также смотрѣлъ на него недружелюбно, но онъ не могъ побороть своего волненія и, несмотря на всѣ усилія Руѳи вовлечь его въ общій разговоръ, не раскрывалъ рта.

Послѣ ужина всѣ перешли на веранду, и мужчины закурили сигары. Небо было покрыто тучами, и вдали слышались перекаты грома. Мало-по-малу гроза приблизилась, и крупныя капли дождя прогнали маленькое общество въ гостиную, гдѣ уже горѣла лампа.

Капитанъ Гаулетъ теперь стушевался, и Руѳь ловко заставила Роберта разговориться, разспрашивая его о Бостонѣ и школьныхъ годахъ въ Гарвардскомъ университетѣ. Онъ такъ увлекся своими разсказами, что совершенно забылъ о присутствіи капитана Гаулета; но неожиданно онъ услыхалъ, какъ послѣдній спросилъ вполголоса у Эльмора:

— А вы мнѣ ничего не сказали о вашемъ утреннемъ митингѣ

сторонниковъ свободныхъ штатовъ? Они, кажется, называютъ себя канзасскими избирателями? Мнѣ говорили, что это свора скалящихъ зубы собакъ. Но, извините, вы вѣдь предсѣдательствовали, разскажите же, какъ все обошлось.

Алленъ Эльморъ засмѣялся, и отъ его смѣха морозъ пробѣжалъ по спинѣ Роберта.

— Нечего и разсказывать: все обошлось, какъ я ожидалъ, и какъ вы предсказывали.

— Неужели? Это просто удивительно!—воскликнулъ Гаулетъ и впервые посмотрѣлъ на Роберта,—вы помните, миссъ Виндсфордъ, мое пророчество. Я предсказывалъ, что первую рѣчь произнесетъ мистеръ Эльморъ и, конечно, прекрасно, хотя, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ метать бисеръ передъ свиньями. Потомъ свиньи—прошу меня извинить за это грубое слово—должны были помоему пуститься въ безконечное словоизверженіе. На голову миссурійцевъ они, конечно, изливали цѣлые потоки угрозъ, и наконецъ одинъ изъ нихъ, полубосой и въ лохмотьяхъ, сдѣлалъ пламенный призывъ къ оружію противъ моего друга Пата Логлина. Ну, не такъ ли все это произошло? Наконецъ, какой нибудь логичный человѣкъ предложилъ тотчасъ приступить къ избіенію всѣхъ миссурійцевъ, и тогда вся сцена измѣнилась: свиньи поджали хвосты и разошлись. Вѣдь я правъ, такъ все произошло? И всегда такъ будетъ.

— Я съ вами не согласенъ,—произнесъ Робертъ такимъ рѣшительнымъ тономъ, что Руѳь вздрогнула, а мистрисъ Эльморъ, едва ли не впервые, спутала петли своего вязанья.

— А вы присутствовали на митингѣ? — спросилъ Гаулетъ съ улыбкой.

— Отъ начала до конца.

— Что же, васъ позабавило это зрѣлище?

— Нимало. Я считаю этотъ митингъ очень серьезнымъ дѣломъ и прошу у васъ, мистеръ Эльморъ, извиненія, если я выскажу откровенно свое мнѣніе.

— Сдѣлайте одолженіе, говорите все, что у васъ на умѣ, — отвѣчалъ хозяинъ:—мнѣ очень интересно узнать ваше мнѣніе, такъ какъ вы намѣрены сдѣлаться гражданиномъ Канзаса и, по всей вѣроятности, чрезвычайно смѣлымъ.

При этомъ онъ подмигнулъ капитану, чего не замѣтилъ Робертъ, который былъ сильно возбужденъ дерзкой рѣчью капитана и очевиднымъ сочувствіемъ къ нему Эльмора.

— Прежде всего,—началъ онъ медленно и рѣшительно:—я долженъ согласиться съ капитаномъ Гаулетомъ, что большинство на этомъ митингѣ вело себя недостойно, и менѣе полудюжины людей выразили твердое убѣжденіе.

Капитанъ кивнулъ головой и, обращаясь къ Эльмору, промолвилъ вполголоса:

— Мистера Гольдено надо поздравить, что онъ понялъ настоящій характеръ нашего населенія, хотя гоститъ здѣсь только два дня.

— Но на митингѣ было четыре человѣка, до которыхъ не могутъ касаться саркастическія замѣчанія капитана Гаулета,—продолжалъ Робертъ, не обращая вниманія на слова офицера,—и въ числѣ ихъ былъ я. Но слѣдующій митингъ канзасскихъ гражданъ, будетъ ли онъ въ Сантонѣ или другой мѣстности, окончится совершенно иначе. Вопросъ о свободныхъ штатахъ не можетъ быть рѣшенъ людьми, которые ставятъ личное спокойствіе выше своихъ правъ. Въ результатѣ сегодняшняго митинга получится, вѣроятно, грабежъ, а, быть можетъ, и убійство мирныхъ гражданъ. Вчера я помѣшалъ двумъ миссурійцамъ совершить днемъ насиліе надъ однимъ изъ здѣшнихъ гражданъ. А почему это мыслимо? Потому что сторонники свободныхъ штатовъ не искренніе люди. Защитники рабства знаютъ, чего хотятъ, и не останавливаются передъ средствами. Если бы мы были также рѣшительны, то насъ не могли бы остановить никакія преграды. Бѣда въ томъ, что мы трусы.

— Это очень интересно,—отвѣчалъ капитанъ со смѣхомъ:—но я желалъ бы знать, чего именно хотятъ мистеръ Гольдено и тѣ три молодца, которые составляли на митингѣ ту благородную четверку, которая, по его словамъ, знала, что хотѣла.

— Извольте, я вамъ скажу: мы хотимъ, и рано или поздно добьемся, уничтоженія рабства во всей республикѣ.

Капитанъ Гаулетъ побагровѣлъ отъ гнѣва и бросилъ на Роберта такой гнѣвный взглядъ, словно хотѣлъ разорвать его на части.

— Довольно!—воскликнулъ онъ:—уничтоженіе рабства! Да поймите, что весь югъ возсталъ бы, какъ одинъ человѣкъ, если бы до него достигъ слухъ о такихъ преступныхъ намѣреніяхъ. Мы много должны переносить отъ васъ, сѣверянъ, но этого, видитъ Богъ, мы никогда не допустимъ!..

Робертъ добился своего и вывелъ изъ терпѣнія капитана.

— Я никогда не бываю грубъ ни съ кѣмъ,—сказалъ Эльморъ:—а тѣмъ болѣе не желаю оскорблять своего гостя; но считаю своею обязанностью предупредить мистера Гольдено, что, по законамъ территоріи, говоря это, онъ поступилъ не только дурно, но и совершилъ преступленіе, наказуемое по этимъ законамъ, и я не могу допускать въ моемъ домѣ подобныхъ выраженій.

— Я очень сожалѣю объ этомъ, мистеръ Эльморъ, — сказалъ Робертъ, вставая:—но я аболиціонистъ и всегда останусь имъ. Мнѣ остается только поблагодарить васъ за гостепріимство и проститься съ вами.

Затѣмъ онъ подошелъ къ мистрисъ Эльморъ и молча наклонился. Она протянула ему руку и сказала сочувственнымъ тономъ:

— Я очень рада, что познакомилась съ вами, мистеръ Гольдено.

Напротивъ, молодая дѣвушка такъ поблѣднѣла и такъ непріяз-

ненно смотрѣла на него, что онъ прошолъ мимо ея, лишь слегка наклонивъ голову.

Эльморъ учтиво проводилъ его до наружныхъ дверей, гдѣ Робертъ пожелалъ ему спокойной ночи и медленно пошелъ по садовой дорожкѣ.

Давно собиравшаяся гроза уже разразилась, и не успѣлъ юноша достигнуть калитки, какъ сверкнула молнія, и при свѣтѣ ея онъ увидѣлъ въ одномъ изъ оконъ Бѣлаго Дома смущенное лицо Руси, смотрѣвшее ему вслѣдъ. Черезъ секунду все стемнѣло, и Робертъ подъ проливнымъ дождемъ направился въ Сантонъ.

V.

Въ тавернѣ.

Было такъ темно, и дорога такая грязная, что молодой человѣкъ спотыкался на каждомъ шагу, сомнѣваясь, достигнетъ ли онъ когда нибудь гостиницы Шапета. Но, несмотря на всѣ затрудненія, онъ все-таки, спустя часъ, былъ дома, хотя совершенно мокрый и чувствуя, словно его безмилосердно избили.

На порогѣ гостиницы стоялъ трактирщикъ, очевидно ждавшій его, и ему стало такъ противно это вѣчное наблюденіе за нимъ, что онъ прошелъ мимо его, не говоря ни слова.

— Васъ знатно промочило,—замѣтилъ Шапетъ.

— Да, скверная погода.

Робертъ уже поднялся по лѣстницѣ на верхъ, какъ трактирщикъ крикнулъ ему вслѣдъ:

— Зайдите ко мнѣ и выпейте грогу.

— Нѣтъ, я пойду прямо въ свою комнату. Спокойной ночи.

Однако, не успѣлъ онъ раздѣться и лечь въ постель, какъ дверь отворилась, и Шапетъ вошелъ съ подносомъ, поставилъ его на столъ подлѣ кровати и молча удалился.

На подносѣ находился напитокъ, извѣстный въ западныхъ американскихъ штатахъ подъ названіемъ эгъ-нога и составлявшійся изъ горячей воды, водки, сырого яйца, корицы и гвоздики.

Эта назойливая любезность не понравилась Роберту, но, когда трактирщикъ удалился, онъ выпилъ принесенный напитокъ, послѣ чего его непріязненныя чувства къ Исааку смягчились. Затѣмъ онъ крѣпко заснулъ и спалъ, пока не разбудилъ его свѣтъ, пробивавшійся въ окна.

Было шесть часовъ, и онъ рѣшилъ на свободѣ обдумать все, случившееся съ нимъ наканунѣ, прежде чѣмъ Шапетъ забросаетъ его безконечными вопросами. Поэтому онъ поспѣшно одѣлся и вы-

шелъ изъ дома, такъ что когда Исаакъ вышелъ изъ своей комнаты, то уже давно простылъ его слѣдъ.

Узнавъ объ этомъ отъ своей сестры, трактирщикъ вышелъ изъ себя.

— Зачѣмъ ты отпустила его одного, Дебора?—воскликнулъ онъ:— надо было задержать его до моего прихода.

— Какъ могла я помѣшать ему выйти изъ дома!—отвѣчала она, смотря съ удивленіемъ на Шапета:—онъ не мальчикъ и знаетъ, что дѣлаетъ, а я ему не мать и не тетка. Къ тому же я не думала, что ты примешь его отсутствіе такъ къ сердцу.

— Онъ дуракъ,—продолжалъ Исаакъ, ходя взадъ и впередъ по кухнѣ въ необычайномъ для него волненіи:—и легко увлекается, не обращая никакого вниманія на всѣ предупрежденія объ опасности. А онъ намъ нуженъ, очень нуженъ именно теперь. Что ты надѣлала, Дебора, отпустивъ его! Вѣдь я нимало не удивлюсь, если завтра утромъ мы найдемъ его мертвымъ гдѣ нибудь на дорогѣ.

— Боже избави, Исаакъ,—промолвила сестра со слезами на глазахъ:—бѣдный юноша, что онъ надѣлалъ! Я всю свою жизнь не прощу себѣ, если съ нимъ случится бѣда.

— Полно, Дебора, не плачь впередъ, можетъ быть, все обойдется благополучно,—замѣтилъ Шапетъ.

Съ этими словами онъ спокойно направился въ свою комнату, разсуждая самъ съ собою:

— Однако, жаль потерять такое прекрасное орудіе, и то благодаря одной только глупости. Конечно, люди и получше его жертвовали своею жизнью святому дѣлу, и много еще погибнетъ такихъ людей, прежде чѣмъ наступитъ минута нашего торжества. Но все-таки было бы лучше извлечь изъ него пользу до его преждевременной кончины. Какъ бы то ни было, теперь горю не поможешь.

И Шапетъ принялся завтракать съ обычнымъ аппетитомъ и добродушіемъ.

Между тѣмъ Робертъ предпринялъ длинную прогулку. Онъ захватилъ съ собою, по совѣту трактирщика, револьверъ и свою большую палку, но не успѣлъ выйти изъ Сантона и очутиться на большой дорогѣ, извивавшейся по направленію къ востоку, какъ совершенно забылъ о миссурійцахъ и всецѣло погрузился въ обсужденіе вчерашнихъ событій. Онъ не скрывалъ отъ себя, что влюбился въ Руѳь, и, напротивъ, съ какой-то горькой радостью сознавалъ свои чувства къ молодой дѣвушкѣ, которая, очевидно, питала нѣжныя чувства къ капитану Гаулету. Онъ припоминалъ всѣ взгляды и слова, которыми мѣнялись въ его присутствіи молодые люди. Сердце его переполнялось мрачной ревностью. Какъ бы то ни было, надо было на что нибудь рѣшиться. Его положеніе въ Сантонѣ, послѣ открытаго признанія въ аболиціонизмѣ, сдѣлалось очень опаснымъ. Онъ вспомнилъ, что, по законамъ Канзаса, каждый, заявлявшій себя на

словахъ или на письмѣ сторонникомъ уничтоженія рабства, подвергался двухмѣсячному тюремному заключенію.

Легко было смѣяться въ Бостонѣ надъ такими нечестивыми узаконеніями, но въ Канзасѣ дѣло было совсѣмъ иное.

Эльморъ совершенно справедливо сказалъ, что Робертъ, высказавъ свои аболиціонистскія убѣжденія, совершилъ преступленіе, наказуемое мѣстными законами. Конечно, онъ нимало не сожалѣлъ своихъ словъ, а при воспоминаніи о дерзкихъ рѣчахъ капитана Гаулета онъ даже пожалѣлъ, что не выразился рѣзче. Онъ даже почувствовалъ зудъ въ рукахъ, и если бы въ эту минуту на сцену появился капитанъ, то дѣло не обошлось бы безъ рукопашной.

Однако, когда Робертъ нѣсколько успокоился и хладнокровно сталъ разсуждать о своемъ теперешнемъ положеніи, то пришелъ къ убѣжденію, что ему было уже немыслимо вести въ Канзасѣ мирную жизнь фермера. На него всѣ показывали бы пальцами. Эльморъ былъ вліятельнымъ чиновникомъ, а Гаулетъ стоялъ во главѣ военной силы, главное назначеніе которой заключалось въ поддержкѣ законовъ. Если первый могъ сохранить въ тайнѣ случившееся за оказанную ему молодомъ человѣкомъ услугу, то послѣдняго ничто не могло задержать отъ выдачи Роберта, на что онъ, повидимому, былъ вполнѣ способенъ. Что же было дѣлать?

Пока Робертъ Гольдено былъ занятъ этими мыслями, онъ прошелъ нѣсколько миль и очутился въ пустынной мѣстности, гдѣ были раскинуты, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, маленькія фермы. Усталость и голодъ заставили его вернуться въ Сантонъ, а по дорогѣ туда онъ пришелъ къ убѣжденію, что его переселеніе въ Канзасъ завершилось полнымъ фіаско, а слѣдовательно чѣмъ скорѣе онъ вернется въ восточные штаты, тѣмъ будетъ лучше.

Но теперь вопросъ заключался не въ этомъ, а въ отдыхѣ и пищѣ. Инстинктивно ему не хотѣлось явиться домой и увидѣть Шапста раньше ночи, а потому онъ сталъ пріискивать какую нибудь таверну, гдѣ онъ могъ достигнуть своей цѣли. Наконецъ его вниманіе остановилось на небольшомъ деревянномъ домѣ, выкрашенномъ въ зеленую и бѣлую краску, съ тремя зеркальными окнами и черной вывѣской, на которой было написано голубыми буквами: «Отель Пиггота». Въ сущности это была не гостиница, а таверна, и Робертъ, пройдя мимо буфета, у котораго выпивало только два человѣка, такъ какъ время было раннее, усѣлся за одинъ изъ маленькихъ столиковъ, стоявшихъ въ разныхъ мѣтахъ комнаты.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ его, повидимому, никто не замѣчалъ, и Робертъ на свободѣ осматривалъ все помѣщеніе. Оно было далеко не привлекательно, и все въ немъ — столы и стулья, загаженное мухами зеркало въ золоченой рамѣ, стѣны и потолокъ, было покрыто пылью и грязью. Если бы онъ былъ менѣе голоденъ

и болѣе освоился съ обычаями западныхъ штатовъ, то замѣтилъ бы и кое-что другое. Отъ его вниманія не ускользнуло бы то обстоятельство, что при его появленіи хозяинъ таверны и одинъ изъ посѣтителей, стоявшихъ у буфета, переглянулись между собой и стали о чемъ-то шептаться. Кромѣ того, онъ не упустилъ бы изъ вида, что на столахъ не было слѣда никакой ѣды, а напротивъ, на нихъ стояли небольшіе ящики, означавшіе, для привычнаго взгляда, присутствіе картъ. Для Роберта всѣ эти симптомы не означали ничего, и онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, что попалъ въ одинъ изъ самыхъ трущобныхъ игорныхъ домовъ Сантона.

Находясь въ какомъ-то полусознательномъ положеніи отъ усталости и голода, Робертъ не обратилъ даже вниманія на то, что человѣкъ, говорившій съ хозяиномъ таверны, быстро удалился, бросивъ на него подозрительный взглядъ, и когда хозяинъ, подойдя къ нему, извинился, что заставилъ его ждать, то онъ просто попросилъ чего нибудь поѣсть. Оказалось, что, благодаря выборамъ наканунѣ, всѣ запасы истощились, и на кухнѣ остались только ветчина и бобы, которые черезъ нѣсколько минутъ и появились передъ проголодавшимся юношей. Онъ жадно принялся за ѣду, но это не мѣшало ему, утоляя свой аппетитъ, размышлять о своей будущности.

Онъ рѣшилъ вернуться домой, посѣтить Бостонъ и переговорить со старыми друзьями обо всемъ случившемся. Жизнь и свобода были слишкомъ драгоцѣнными предметами для того, чтобы подвергать ихъ опасности, ради людей, умѣющихъ только говорить, но не дѣйствовать и предпочитающихъ подчиниться грубому насилію разбойниковъ смѣлой борьбѣ за свободу. Его собственная рѣшимость не отличалась геройствомъ, но была вполнѣ разумна. Однако, убѣждая себя въ этомъ, Робертъ ясно видѣлъ передъ собою прекрасное чарующее лицо. Онъ слышалъ ея прелестный голосъ, и ему мерещился испуганный, презрительный взглядъ, которымъ она отвѣчала на его признаніе въ аболиціонизмѣ.

Уже стемнѣло, и хозяинъ таверны зажегъ лампу, висѣвшую надъ столомъ, за которымъ сидѣлъ Робертъ. Онъ всталъ, вынулъ изъ кармана кошелекъ и подошелъ къ буфету. Не успѣлъ онъ подойти къ нему, какъ стоявшая тамъ группа людей обернулась, и около дюжины револьверовъ было направлено въ его грудь.

— Попался!—произнесъ одинъ изъ нихъ:—Робертъ Гольдено, аболиціонистъ, подымай къ верху руки!

Говорившій былъ Патъ Логлинъ, и Робертъ повиновался, видя, что всякое сопротивленіе было не мыслимо.

Грубый ирландецъ сорвалъ съ него поясъ, за которымъ торчали револьверъ и ножъ, а потомъ, махая также отнятою у молодого человѣка палкой, сталъ осыпать его отборною бранью. Но Робертъ не потерялъ головы и, положивъ на выручку билетъ въ пять долларовъ, громко сказалъ:

— Зачѣмъ намъ ссориться, ребята, лучше выпьемъ. Заказывай всякій, что хочешь, а я заплачу.

Эти слова имѣли магическое дѣйствіе на миссурійцевъ, и они одинъ за другимъ двинулись къ стойкѣ.

— Хорошо сказано!—воскликнулъ Логлинъ, ударяя Роберта по плечу:—самые дурные люди иногда говорятъ дѣло въ хорошемъ обществѣ. Давай водки, Джозефъ! Ну, рябята, пожелаемъ этому молодцу всякаго счастья на томъ свѣтѣ.

Громкія одобренія привѣтствовали эти слова, и, пользуясь тѣмъ, что всѣ его противники окружили буфетъ, открывъ ему свободный доступъ къ двери, онъ бросился туда. Но замокъ оказался запертымъ, и наступила отчаянная борьба. Патъ Логлинъ нанесъ Роберту нѣсколько ударовъ палкой по головѣ, а тотъ, падая на полъ, увлекъ съ собою двухъ или трехъ миссурійцевъ. Но многочисленные враги вскорѣ его совершенно поборoли, связали ему руки и ноги и прислонили къ стойкѣ, подвергая всякаго рода оскорбленіямъ.

— Довольно потѣшаться, ребята! — наконецъ воскликнулъ Логлинъ и, отогнавъ товарищей отъ несчастной жертвы, онъ принялъ позу судьи и торжественно произнесъ:

— Аболиціонистъ Робертъ Гольдено, готовься къ смерти. Дай мнѣ, Билли Балинджеръ, его револьверъ, то-есть теперь мой. Посмотри, заряженъ ли онъ? Хорошо... Ну, теперь слушай, проклятый аболиціонистъ, если я теперь тебя убью, то не потому, что ты нанесъ мнѣ и моимъ двумъ товарищамъ тяжелый ударъ, а за то, что ты аболиціонистъ. Мнѣ объ этомъ сказалъ самъ капитанъ Гаулетъ. Онъ мнѣ прямо сказалъ: Патъ, эта молодая сѣверная крыса—аболиціонистъ, и надо его стереть съ лица земли.—Я тогда спросилъ, стереть ли тебя съ лица земли Канзаса или всего свѣта; а онъ отвѣчалъ — всего свѣта. Вотъ твой приговоръ, аболиціонистъ, а я только его исполняю. Ну, готовься. Я сосчитаю три.

Всѣ присутствующіе отскочили отъ импровизованнаго пьянаго палача, а Робертъ, стиснувъ зубы, смѣло смотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— Разъ! два! три!..

Раздался выстрѣлъ, зазвенѣли стекла, и когда разсѣялся дымъ, то оказалось, что Логлинъ промахнулся, и пуля попала въ зеркало, висѣвшее за стойкой.

— Не попалъ, ребята,—произнесъ онъ съ дикимъ хохотомъ:—я сдѣлалъ это нарочно. Пусть побольше помучится. Теперь промаха не будетъ. Разъ! два!.. Что это за шумъ?

Дѣйствительно послышался сильный стукъ въ дверь.

— Ничего,—отвѣчалъ Балинджеръ съ нетерпѣніемъ: — мы никого не пустимъ, пока ты не покончишь съ аболиціонистомъ, а если ты трусишь, то я самъ его застрѣлю.

— Я трушу! Ахъ, ты мальчишка!— воскликнулъ, побагровѣвъ,

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ А. В. Суворова.—2) За свободу. Романъ изъ американской жизни передъ войной Сѣвера съ Югомъ. Артура Петерсона. Гл. I—V. Переводъ съ англійскаго.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени"**.

Программа **„Историческаго Вѣстника"**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

This book is a preservation photocopy.
It was produced on Hammermill Laser Print natural white,
a 60 # book weight acid-free archival paper
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts

1995